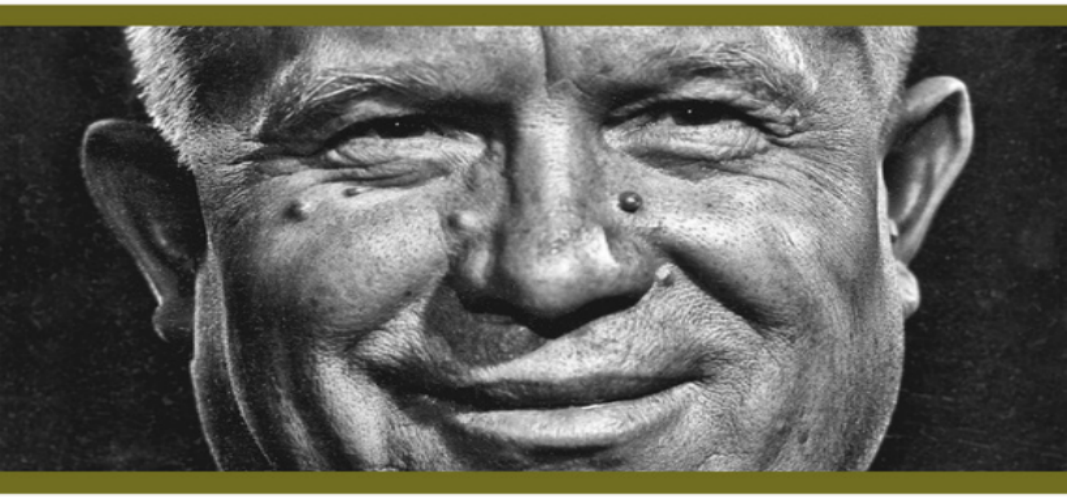

Сергей Хрущев

никита хрущев
РОЖДЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

ТРИЛОГИЯ ОБ ОТЦЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главной темой этой книги являются события, связанные с созданием ракетно-ядерного потенциала нашей страны и противостоянием США и Советского Союза, кульминацией которого стал Карибский кризис 1962 года. Рассекреченные в последнее время как в США, так и в России документы, рассказы Никиты Сергеевича и других очевидцев, а также личные впечатления автора, участвовавшего в работе над созданием ракет, детально воспроизводят историю достижения стратегического паритета, отодвинувшего угрозу возникновения третьей мировой войны.

- Сергей Никитич Хрущев
  - Предисловие
  - Предисловие к американскому изданию
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

Сергей Никитич Хрущев
НИКИТА ХРУЩЕВ
Рождение сверхдержавы

Предисловие

Период 1953–1964 годов — критический в истории нашей страны, период поворота от подготовки третьей мировой войны к мирному сосуществованию, период резкого, почти в два раза, сокращения вооруженных сил СССР и вместе с тем время, когда США официально, устами своего президента Джона Кеннеди, признали взаимное равенство в военной мощи, в способности уничтожить друг друга. Именно в те годы Советский Союз превратился в сверхдержаву и одновременно существенно сократил свои военные расходы. Возможно ли такое? Оказывается, да. Требовалось только отказаться от стандартного подхода военных профессионалов к понятию безопасности, подхода, основанного на балансе во всем. Баланса, при котором каждому танку и самолету вероятного и даже невероятного противника необходимо противопоставить наш танк или самолет плюс еще добавочку. На такое у нашей страны просто недоставало ни сил, ни ресурсов. «Вы нас разорите, без штанов оставите», — убеждал отец своих оппонентов из Генерального штаба и Министерства обороны.

В те годы отец совершил резкий поворот в военной доктрине, поворот к несимметричному обеспечению безопасности, основанному на преимущественном развитии только тех вооружений, которые сделали бы для противостоящей стороны нападение на нас бессмысленным. Бессмысленным потому, что за гипотетическую победу пришлось бы заплатить цену, неприемлемую для цивилизованного государства.

Новая стратегия позволила отказаться от трат на развитие таких дорогостоящих видов вооруженных сил, как надводный флот и дальняя авиация, на очереди стояли танки и еще большее сокращение личного состава — вдесятеро по сравнению со сталинскими временами.

Высвободившиеся ресурсы направлялись на производство продовольствия и строительство жилых домов, повышение жизненного уровня народа. В то время, время жесткого противостояния, все приходилось производить самим. Торговля с внешним миром только налаживалась, нам не продавали ни зерна, ни мяса, ни оборудования.

Книга не претендует на освещение всех событий, происходивших в те годы. Я пишу лишь о тех фрагментах жизни страны, которым мне пришлось стать свидетелем. Я старался не делать заключений, судить собственного отца — не сыновье дело. Однако я очень надеюсь, что написанное мною позволит

восстановить связь времен, ведь выход из нынешнего непростого положения страна тоже должна искать в несимметричной стратегии. Распыление сил ведет лишь к новым несчастьям.

Первую редакцию книги опубликовали в Издательстве АПН в 1994 году, к столетию со дня рождения отца, название оказалось не очень удачным: «Никита Хрущев. Кризисы и ракеты». У одних оно ассоциировалось с популяризацией ракетных технологий, у других — с единственным запомнившимся кризисом, Карибским. При повторном издании я переработал книгу и переименовал ее в «Рождение сверхдержавы». Вышла она в свет в издательстве «Время» в 2000 году, а в 2003-м то же издательство осуществило третье, дополненное издание. В нем мне удалось на основе последних данных «закрыть» нашумевшую историю с ботинком в ООН в октябре 1960 года. Теперь в ней нет белых пятен. Я также нашел логическое объяснение встрече знаменитого советского разведчика Александра Феклисова с американским журналистом Джоном Скэйли, который якобы в разгар Карибского кризиса в октябре 1962 года спасли мир от ядерной катастрофы. Все оказалось не так, как принято считать, но, на мой взгляд, даже увлекательнее и значительнее.

В 2003 году академик Фурсенко опубликовал записи, которые делал на заседаниях Президиума ЦК заведующий Общим отделом Владимир Никифорович Малин. Они позволили в этом издании где-то подтвердить воспоминания, а где-то их подправить. Уточнились и некоторые другие факты. Во всех случаях, когда новое знание изменяло написанное мною ранее, я объясняю, чем и почему новый текст отличается от предыдущей редакции.

В заключение хочу поблагодарить всех тех, кто помог мне при написании и опубликовании этой книги, в первую очередь жену Валентину Николаевну, сына Никиту Сергеевича, сотрудников моего родного НПО «Машиностроение», особенно ныне покойного Марка Бендетовича Гуревича, взявшего на себя труд рецензирования рукописи, полковника Сергея Евгеньевича Соколовского, уточнившего многие из фактов. Отдельно хотелось бы поблагодарить Аллу Михайловну Гладкову и весь коллектив издательства «Время», выпустивший в свет эту книгу.

Большое спасибо и всем тем, кого я не упомянул, но без кого завершение этой работы было бы невозможным.

Сергей Хрущев

Предисловие к американскому изданию

Еще до того, как гласность приподняла завесу над советскими тайнами, а распад СССР открыл информационные шлюзы, о Никите Хрущеве и так было известно достаточно много, куда больше, чем о любом другом советском руководителе. На многое пролил свет сам Хрущев. Он произносил нескончаемые речи (одни его выступления по вопросам сельского хозяйства составляют восемь томов) и давал несчетное количество интервью; он скорее отклонялся от заготовленных текстов, нежели следовал им; зачастую бывал несдержан. А когда в 1964 году его отстранили от власти, Хрущев заговорил не стесняясь. Он не только надиктовал тысячи страниц мемуаров, но и сумел сделать так, что часть из них была опубликована на Западе еще при его жизни или сразу после его смерти, последовавшей в 1971 году. Другая часть мемуаров появилась два десятилетия спустя: в сокращенном изложении на английском языке как 3-й том книги «Хрущев вспоминает» (Khushchev Remembers) и полный русский текст, под редакцией его сына Сергея Хрущева, напечатанный в московском научном журнале «Вопросы истории».

За последние годы еще больше информации о Хрущеве было предано гласности. На излете советского периода появились мемуары бывших государственных деятелей и прочих представителей власти. Начиная с 1991 года был открыт доступ в партийные и государственные архивы (хотя архивы политические, военные и президентский, содержащие наиболее острую информацию о советском руководстве, по-прежнему оставались под замком). Доселе засекреченные материалы позволили приступить к изучению советской истории вширь и вглубь, что не представлялось возможным на протяжении десятилетий. Но поток новой информации повлек за собой и определенные трудности (как отыскать крупицы истины в архивной пыли? Как опознать искаженные факты, приведенные для сведения старых счетов?), оставляя основные вопросы биографии Хрущева без ответа: каким образом он не только уцелел при Сталине, но и занял его пост? Что побудило его осуждать бывшего «хозяина»? Как человек с минимальным образованием сумел управлять огромной трансконтинентальной империей в ядерный век? Почему попытка Хрущева ослабить напряженность между Востоком и Западом привела к двум тяжелейшим кризисам времен «холодной войны» — в Берлине и на Кубе? В поисках

ответов на эти противоречивые вопросы не обойтись одними архивными материалами и воспоминаниями соратников. Здесь необходимо непосредственное свидетельство членов семьи, тех, кто знал Хрущева лучше всего, и в особенности мнение его единственного, оставшегося в живых, сына Сергея, человека, которому Хрущев многое доверял.

Сергей Хрущев родился в 1935 году, его отец был в то время секретарем Московского горкома партии. Начало воспоминаний Сергея приходится на годы Второй мировой войны. Взрослея, он все больше интересуется советской политикой, особенно ее военными аспектами. Хотя в доме Хрущева, как и в других семьях кремлевских руководителей, подобные темы были из числа запрещенных, сам Хрущев довольно много рассказывал близким. Сергей не присутствовал на кремлевских заседаниях, но во время долгих вечерних прогулок отец порой разговаривал с сыном о событиях дня. Сергей также сопровождал отца во многих зарубежных поездках: в Великобританию в 1956 г., в ГДР в 1958 г., в США в 1959 г., во Францию, Индию, Бирму, Индонезию и Афганистан в 1960 г. и в 1964 г. — в Египет. Став в 1958 г. инженером по системам управления и работая под началом ведущего советского конструктора ракет Владимира Челомея, Сергей бывал на многих встречах, где его отец вел деловые разговоры с ведущими деятелями советской обороны.

Сначала Сергей написал книгу (по-русски она называлась «Пенсионер союзного значения», а по-английски «Хрущев о Хрущеве»), где рассказал о последних годах жизни отца: его долгом закате и внезапном отстранении от власти, одиночестве вынужденного пенсионерства, титанических усилиях по подготовке мемуаров, о его смерти и борьбе близких за установку достойного надгробья. Здесь, в новой книге, сын Хрущева сообщает гораздо больше. Нельзя сказать, что перед нами подробная биография, но без этой книги написать таковую было бы куда труднее. Сергей рассказывает о довоенной и послевоенной Украине и о возвращении отца в Москву в конце 1949 года; начиная с 1953 года он касается важнейших событий внутренней жизни страны (смерть Сталина, падение Берии, разоблачающий Сталина доклад Хрущева, неудавшаяся попытка свержения Хрущева в 1957 году, отставка маршала Жукова, новая программа Коммунистической партии 1961 года, Новочеркасский бунт в 1962 году), говорит о поворотных моментах внешней политики (Женевское совещание 1955 года, польские и венгерские события 1956 года, Суэцкий кризис 1956 года, Берлинский кризис 1958–1961 годов, визит Хрущева в Америку 1959 года, инцидент с самолетом У-2 1960 года, Карибский

кризис 1962 года, договор о частичном запрещении ядерного вооружения 1963 года).

Но главная тема книги — это усилия Хрущева по превращению Советского Союза в жизнеспособную сверхдержаву. После смерти Сталина СССР оставался изолированной страной во враждебном окружении, с военной машиной, которую он не в состоянии был содержать. Хрущев — не единственный послесталинский лидер, стремившийся ослабить международную напряженность во время «холодной войны» и сократить оборонные расходы, но уникален его подход к решению этих вопросов. Как показывает Сергей, его отец был истинным приверженцем коммунизма и свято верил в великую миссию своей страны догнать и перегнать Запад. Но он отнюдь не был приверженцем войны, слишком много повидав ее на своем веку. Понимал он и то, что Советский Союз не может состязаться с Соединенными Штатами в расходах на оборону, не нарушая обещания сделать лучше жизнь советских людей. Хрущев пошел на сильное сокращение неядерного вооружения, включая бомбардировщики, надводные корабли и артиллерию, а также личного состава армии, одновременно избегая заниматься разработкой тактического ядерного оружия, опасаясь, что это снизит порог страха перед атомной угрозой и может привести к ядерной войне.

Какого рода военной сверхдержавой мог стать СССР при подобных ограничениях? Хрущев решил опираться главным образом на стратегическое ядерное оружие и средства его доставки или, в силу того что надежные советские межконтинентальные ракеты в основном не были готовы для дислокации, хотя бы делать видимость, что Советский Союз располагает большим количеством ракет, чем есть на самом деле. Хрущев был уверен, что может играть на нервах противников, угрожая им ядерным ударом, не имея намерения таковой осуществлять. Испробовав эту тактику во время Суэцкого кризиса и убедившись в ее действенности, он вновь прибегнул к ней во время берлинских событий и попытался повторить на Кубе. Но блеф и угрозы Хрущева не столько устрашили, сколько встревожили противников, заставили мобилизоваться и оказать сопротивление, тем самым вынудив Хрущева отступить. Это настолько отдалило от него армию, что военные, даже не пытаясь спасти Хрущева, как они поступили во время неудавшегося переворота 1957 года, остались в стороне и с радостью приветствовали его снятие с должности в 1964 году.

Сергей не просто дает общую панораму событий, он подробно описывает все этапы хрущевской внешней и военной политики,

прослеживая их год за годом, неделя за неделей и даже, в случае Карибского кризиса, час за часом. Что так ускорило развитие имевшейся у Советов военной техники и когда она появилась? Никакая другая информация не была столь засекречена во время «холодной войны». Теперь она перед вами. Насколько Хрущев на самом деле разбирался в военных делах, как он использовал свои знания, чтобы управлять военно-промышленным комплексом, и как последний пытался управлять им самим? Благодаря Сергею мы вместе с его отцом присутствуем в КБ, проектирующих ракеты, и наблюдаем за испытанием нового оружия на полигонах. Мы становимся свидетелями того, как конструкторы ракет и военные стратеги неустанно поддерживают Хрущева, а потом приходят в ужас от его постоянной критики устаревших видов обычного вооружения, пропаганды огромных возможностей ядерного оружия, от его идей, которые он высказывал в последние два года пребывания у власти, о замене огромной, основанной на призыве армии на профессиональные войска, формирующиеся по милиционному принципу.

Несмотря на то что Сергей Хрущев искренне восхищается отцом, он не делает из него иконы. Хрущев был соучастником сталинских деяний, его раздирали противоречия: что сделать со сталинским наследием и как реагировать на разведывательный полет американского У-2. Он оказался совершенно неспособен продумать политику в Берлине и на Кубе. Его взрывной характер и безрассудство часто шли ему во вред. Но в отличие от прочих сталинских помощников он все-таки сохранял человечность, по-своему заботился о благосостоянии народа и имел смелость идти на риск тогда, когда считал это правильным.

Некоторые идеи Хрущева, например сокращение обычного вооружения и опора на минимальное количество ядерного оружия, оставили у его преемников впечатление «безрассудного прожектерства» — такой ярлык они навешивали на Хрущева, стараясь его дискредитировать. Но, как отмечает Сергей, подход его отца к решению некоторых вопросов предвосхитил линию, принятую Советским Союзом и Соединенными Штатами двадцать пять лет спустя. Во времена Леонида Брежнева взятый Хрущевым курс был полностью пересмотрен и началось повсеместное размещение обычного и ядерного вооружения. Но к концу 1980-х годов обе сверхдержавы пришли к тому, что лучше иметь минимальное количество ядерных средств устрашения и одновременно сокращать обычные виды вооружения. Примерно того же пытался добиться Хрущев — безусловно, без той твердости и открытости, которые позволили Горбачеву подойти к далеко идущим соглашениям с американскими партнерами еще

до окончания «холодной войны». То, что Хрущев не сумел пойти дальше, несколько умаляет его и без того неоднозначную роль в политике. Но то, что он предвидел более разумный тип международных отношений, является одним из его главных достижений.

Уильям Таубман,
профессор политических наук,
Амхерст Колледж (США)

Пролог

Воскресным предвечерьем 28 октября 1962 года стояла обычная осенняя погода — тепло лета безвозвратно ушло, а зима еще только подступала.

Тротуары Москвы пенились водоворотом прохожих, торопившихся по своим делам. Машин на улицах было немного, двигались они бесшумно. Сигналить в городе недавно запретили. Поэтому всеобщее внимание привлекла «Чайка», нетерпеливо гудевшая на красный свет светофора. Это был далеко не первый перекресток. «Чайка» добрые полчаса носилась по московским улицам, казалось беспорядочно тычась в узкие просветы переулков. Нужный никак не находился, водитель нервничал, а басовитый рык правительственного гудка стал походить на отчаянный крик.

Нервничать было из-за чего. В машине сидел ответственный товарищ, низенький кряжистый человек с большой головой. Редкие рыжеватые волосы едва прикрывали обширную лысину. Толстые короткие пальцы нервно теребили красный пакет, запечатанный пятью сургучными печатями. На пакете явственно виднелись большие черные буквы: Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза. Более ничего, никакого адреса.

Сидящему в «Чайке» человеку беспрекословно подчинялись все газеты, журналы, радио и телевидение. В пакете лежали отпечатанные на машинке листки с ответом Председателя Совета министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева на письмо президента Соединенных Штатов Америки Джона Фицджералда Кеннеди.

Мир подошел к грани катастрофы, каждую минуту могло произойти непоправимое. Поэтому решили на этот раз не отправлять послание по обычным каналам, которыми следует переписка глав государств и правительств, а немедленно передать его по Московскому радио. Шаг необычный в международной практике, но эффективный: уже через несколько минут на столе у адресата будет лежать наш ответ. Общеизвестно, что службы радиоперехвата в США работают оперативно.

Речь шла об установке на Кубе советских баллистических ракет средней дальности с ядерными зарядами. Только такая отчаянная мера, по мнению советского руководства, могла удержать Америку от повторения прошлогодней апрельской авантюры с высадкой десанта на пляжах Плайя Хирон.

Ни Хрущев, ни его коллеги по Президиуму ЦК не могли

предсказать реакцию в США на этот шаг. Ведь установка ракет производилась по взаимному согласию между двумя союзными государствами — Кубой и Советским Союзом — и, казалось, никому не угрожала. Трудно вообразить маленькую Кубу, даже с несколькими десятками ракет, посаженных в пальмовых рощах, представляющей опасность для своего могучего соседа.

Однако мышление американцев основывалось на других принципах. Соглашение между СССР и Республикой Куба рассматривалось как недопустимое вторжение в Западное полушарие. США этого не могли стерпеть, поднялась буря. Морской карантин, угроза воздушной атаки, непрестанные полеты самолетов-разведчиков над островом и, наконец, объявление о повышенной боевой готовности вооруженных сил подвели мир к грани войны.

Смертельность ядерного столкновения хорошо понимали по обе стороны океана. Войну считали недопустимой и Председатель Совета министров СССР, и президент США. Однако мало не хотеть войны, надо было найти те единственно верные шаги, которые не дали бы ей разгореться. Оба руководителя отдавали себе отчет в том, что если позволить ситуации выйти из-под контроля, то столкновение неизбежно.

Шел постоянный обмен посланиями. Предлагались и отвергались один вариант за другим. Советские предложения оказывались неприемлемыми для американцев, американские — для нас. Напряженность возрастала. В США все настойчивее требовали наказать строптивых кубинцев, хирургическим воздушным ударом уничтожить ракетные базы. Президент не соглашался с горячими головами, понимая, что подобные действия неизбежно вызовут ответный удар. О том, что может произойти затем, не хотелось и думать…

Когда страсти, казалось, накалились до предела, брат президента министр юстиции США Роберт Кеннеди встретился с советским послом Анатолием Добрыниным. Беседа носила неофициальный характер. Кеннеди выглядел смертельно уставшим, покрасневшие белки глаз свидетельствовали о ночах, проведенных без сна.

Кеннеди охарактеризовал положение как крайне опасное. Сказал, что президент с трудом сдерживает натиск военных, требующих высадки десанта на Кубу. Он считал, что ситуация в любую минуту может выйти из-под контроля. Поэтому он и обратился от имени президента с просьбой о незамедлительном положительном ответе Кремля на послание американского руководителя.

«В противном случае нам не удастся удержать военных», —

примерно так звучали заключительные слова брата президента.

Однако этим дело не ограничилось. Информация в Кремль шла не только через МИД. КГБ и военная разведка докладывали, что интервенция на Кубу подготовлена, войска выведены на исходные позиции и в ближайшее время последует сигнал к атаке. Доклады один за другим ложились на стол отцу.

Почти одновременно пришла шифровка из Гаваны. Фидель Кастро предупреждал: по данным кубинской разведки, вторжение начнется через несколько часов.

Получив тревожную информацию от послов и письмо президента США Джона Кеннеди, в котором вывод наших ракет с Кубы увязывался с гарантиями США ее неприкосновенности, члены Президиума ЦК, секретари ЦК и ближайшие помощники Хрущева собрались на подмосковной даче в Ново-Огареве.

От их решения зависели сейчас судьбы миллионов людей, жизнь человечества. Что возобладает? Амбиции или разум? Не вызывало сомнений: вывод ракет будет трактоваться как уступка под давлением американцев, и даже как поражение. Победил разум.

Предложение отец сформулировал кратко: если президент США даст слово не вторгаться на Кубу, значит, цель, ради которой были направлены туда ракеты, достигнута и их можно увезти домой. Нельзя играть судьбой народов.

Коллеги поддержали отца, и он тут же начал диктовать письмо президенту. Наконец последняя правка, окончательная читка, текст готов. Все «за». Можно отправлять.

Конечно, надо бы столь серьезные решения обсудить с Фиделем, но время, время… Пока бумаги пропутешествуют на Кубу и обратно, может статься так, что и не с кем будет разговаривать. Время, время…

Хрущев предложил не отправлять письмо президенту почтой, а передать его по радио. Никто не возражал. Присутствовавший в зале заседаний пассажир «Чайки» взялся сам отвезти его в Московский радиоцентр. Так будет надежнее.

Однако ни он, ни его шофер из кремлевского гаража не представляли точно, где же находится это Московское радио. Знали, что на Шаболовке, но где? Вот и блуждали они теперь по переулкам, постанывая сигналами. А время шло…

Наконец отыскали. У подъезда нервно переминались с ноги на ногу местные начальники. Им сообщили по телефону, что «сам» везет важное сообщение. Заранее вызвали Левитана, в стране давно привыкли к тому, что он передавал важные сообщения.

Не дожидаясь, пока «Чайка» окончательно остановится,

посланец резво выпрыгнул из машины. Несмотря на заметное брюшко, он двигался шустро.

— Куда? — бросил он в ответ на приветствие и, отворив дверь, почти бегом направился к лифту.

Встречавшие замешкались у дверей, отстали и только успели вдогонку выкрикнуть номер этажа. Дом был старый, и в лестничном колодце лифт, заключенный в проволочную клетку, двигался на виду у всех. Дверь лифта с грохотом затворилась. Неспешно, поскрипывая, кабина поползла вверх. То ли нетерпеливый пассажир пошевелил дверь, то ли по какой другой причине, но добраться до нужного этажа ему не удалось. Кабина застряла между этажами.

Никакие ухищрения не действовали, сдвинуться ни вверх, ни вниз не удавалось, дверь не открывалась. Возбужденные хозяева не знали, что предпринять, суетились на лестничной площадке, гость метался в кабине. Послали за механиком. Но было воскресенье, его еще надо найти. А время шло…

Посланец, казалось, нашел выход из положения. Он попытался просунуть пакет в щель двери лифта. Пакет не пролезал — мешали сургучные печати. Торопясь, он разорвал пакет, вынул драгоценный документ и по страничкам стал передавать его на волю. Через несколько минут заработал лифт.

Когда высокий гость входил в дикторскую, Левитан, откашливаясь, пробовал голос. Его интонации суровы и непреклонны, именно по ним мы, еще не разобрав слов, безошибочно определяли, что передают ноту протеста советского правительства или важное сообщение ТАСС.

В нынешней ситуации они резанули слух гостя, и тот попросил:

— Юрий Борисович, пожалуйста, помягче. Ведь речь идет не о войне — о мире.

Левитан согласно кивнул.

И вот после привычно торжественного: «Говорит Москва» — в эфир полетели слова, разрешающие кризис, Карибский, как говорят у нас, или Кубинский, как принято называть у них. Разум восторжествовал. На сей раз времени хватило.

Так закончился самый опасный из серии кризисов, нараставших один за другим в течение последних лет. Закончился, к счастью, миром.

Он вызвал много разговоров, толков, домыслов. В приведенном выше рассказе я опирался на свидетельства очевидцев, перерастающие в легенды. Сейчас трудно отделить одно от другого: одни придумывают невероятные подробности, подтверждающие их сопричастность к большой политике, другим

по истечении десятилетий просто отказывает память.

Не столь важно, если кое-что и приукрашено, мы можем сказать одно: благодаря государственной мудрости, проявленной обеими сторонами, нам удалось уцелеть. А ведь мог кто-то ошибиться, или просто не хватило бы времени.

Застревал ли лифт в здании Московского радио, или это плод фантазии? Кто знает?… Эту историю рассказал маститый советский журналист Мэлор Стуруа на Московской встрече представителей Соединенных Штатов Америки, Республики Куба и Советского Союза, собравшихся в январе 1989 года для обсуждения вопросов, волновавших нас в 1962 году. Там припоминали и более невероятные случаи.

Ученые Гарвардского и Браунского университетов в Соединенных Штатах Америки и Академии наук в нашей стране не один год занимаются изучением причин, ходом развития и разрешения Карибского кризиса. Работа оказалась непростой: мало отделить правду от выдумки, мало понять, почему возник кризис, надо найти лекарство от этой болезни, грозящей смертью всем.

Кризисы начались задолго до того, как отец пришел в большую политику, и не закончились с его уходом в отставку. Это процесс, характерный для нашей эпохи и не зависящий от воли отдельного индивидуума. Однако на эпоху Хрущева пришелся его пик. Поэтому события тех лет представляют особый интерес. Поняв, что происходило тогда, мы сможем сделать выводы, важные и для сегодняшнего дня. Ведь тот, кто владеет прошлым, владеет будущим.

На те годы пришлась и так называемая ракетная гонка. Из жертвы, окруженной авиационными базами «вероятного противника», наша страна постепенно превращалась в партнера, с которым нельзя не считаться.

Мне пришлось наблюдать моего отца в разных ситуациях. Конечно я не знаю всего, но мне хочется поделиться тем, что я видел и слышал сам.

Если в международных делах я был свидетелем лишь некоторых, пусть крайне интересных эпизодов, то в становлении производства наших ударных ракет я принимал прямое участие. Десять лет мне довелось проработать в одном из конструкторских бюро. В отличие от политических решений, происходившее там представало передо мной в двух ракурсах: сверху — как бы глазами отца и снизу — собственным взором.

Глава первая
Старт

До 1953 года отец не имел прямого отношения ни к внешнеполитическим, ни к оборонным делам. Сменив в 1944 году генеральскую шинель на более привычный штатский костюм, он, вернувшись в Киев, занялся восстановлением шахт и заводов. Его значительно больше волновало состояние посевов сахарной свеклы, чем проблемы создания новых танков и самолетов. Постоянные неурядицы во время уборки урожая значили для него много больше столкновений вокруг Берлина. Мои слова, конечно, нельзя понимать буквально. Не только как член Политбюро ЦК, но и как просто политически развитый человек он не мог не интересоваться событиями, происходившими в мире. Но эти проблемы не входили в круг его непосредственных обязанностей, за них отвечали другие: Берия — за атомные дела, самолеты и ракеты, Маленков — за радиолокацию. В задачу отца входило обеспечить страну хлебом, углем, сталью.

Да и отдаление от центра играло свою роль. В столице, под боком у Сталина, члены высшего руководства практически не принадлежали себе. Здесь отец, сохраняя относительную свободу, сам «сидел на хозяйстве». Конечно, «органы» следили за каждым его шагом, но с их украинским шефом Иваном Александровичем Серовым и его преемниками у отца установились хорошие, я бы сказал, доверительные отношения. Подлостей с их стороны ожидать не приходилось.

Киевский период нашей жизни, особенно довоенный, мне, естественно, запомнился слабо. Так, детское ощущение солнца, тепла, света…

Отца, неожиданно для него самого, «перебросили» из Московского партийного комитета в Украинский ЦК. Он сменил Станислава Косиора. Тогда такие резкие повороты считались в порядке вещей. Ехали мы в Киев из Москвы поездом. До войны он шел около суток. Весь день помощник отца Павел Никитич Тапочка рассказывал мне сказку, страшноватую и бесконечную. Так и осталось у меня от этого переезда ощущение сладкого замирания и любопытного ожидания, что же произойдет дальше.

Дело было в самом начале 1938 года, может зимой или ранней весной. В тот год страшные сказки никак не могли соперничать с жизнью.

В Киеве нас поселили в аккуратном особнячке на улице Карла Либкнехта, бывшей Левашовской, напротив нового здания

Верховного Совета Украинской республики.

Отца дома мы видели не часто. На работу он уходил с утра и засиживался там допоздна. Да и вообще, бытоописание не задача моей книги.

Вот только… Одноэтажный дом, где мы жили, окнами выходил на улицу, прямо на тротуар, под любопытные взгляды прохожих. Предыдущий хозяин замазал их до половины белой краской. Кто тут жил до нас, я тогда не знал, да вряд ли в три-четыре года это могло меня заинтересовать. Тем не менее мне запомнилось перешептывание прислуги по углам.

— Вот какой человек был! Прятался от людского взгляда. Окна велел замазать, чтоб никто не видел, какие он творит дела.

Какие могли тут твориться дела? На меня сразу накатывалась жуткая сказка Гапочки, выплывали какие-то морды, подземелья, запертые наглухо двери.

А жил до нас в этом доме Станислав Викентьевич Косиор, в те годы уже «враг народа».

Не знаю, поменялась ли после него обстановка в доме, своей мебели мы не привезли. Видимо, нет, такой привычки тогда не было, да и жильцы чувствовали себя постояльцами, не надолго задерживающимися в казенном жилье.

Мне запомнился большой рояль в столовой. Как-то, раскапризничавшись за обедом, я бросил на пол корку хлеба. Что тут началось!!! В нашем воспитании физические наказания отсутствовали. Думаю, что это была не столько линия поведения, сколько черта характера родителей. В тот момент все забылось. Я получил от матери грандиозную оплеуху. Не столько было больно, сколько обидно. Отец сволок меня со стула и запихнул под стол:

— Подними.

Поднимать я не стал. Всхлипывая, я сидел под столом, потом, улучив момент, перебрался под рояль. Физических мер воздействия ко мне больше не применяли, из моего убежища «не выковыривали». Мама присела на корточки и, заглядывая в дальний угол, где я укрылся, с грустным укором говорила о том, сколько труда затратили крестьяне на то, чтобы вырастить и убрать хлеб, а я бросил его на пол.

Мне стало стыдно, я горько заплакал. С тех пор я никогда ничего не оставляю на тарелке. И у матери, и у отца отношение к хлебу всю жизнь сохранялось особым, крестьянским. Оба выросли в бедных семьях, знали, как он тяжело достается.

В 1939 году отец, впервые после Гражданской войны, надел военную форму. Красная Армия готовилась вступить в Западную Украину, оккупировать отходящую к Советскому Союзу согласно

договору Риббентропа — Молотова восточную часть Польши. Для украинцев этот поход не был завоевательным, восстанавливалась справедливость: Украина воссоединялась со своими западными землями, веками находившимися под иноземной оккупацией.

Запомнился момент прощания, но не столько с отцом, сколько с командовавшим Киевским военным округом маршалом Семеном Тимошенко. Он поднял меня на руки, обдал крепким запахом одеколона и табака, оцарапал привинченными к гимнастерке многочисленными орденами, подбросил в воздух и осторожно поставил на землю. Отец не любил сантиментов, поцелуев, он погладил меня по голове и спросил: «Что привезти тебе?» Я не знал, что ответить, пробормотал: «Карандаш» — и уткнулся лицом в его брючину. Он выполнил мою просьбу, привез огромный, почти в мой рост, ярко-желтый карандаш с отпечатанным на его боку адресом какого-то польского магазина. Видно, он поручил это дело охране, и они «реквизировали» карандаш с ближайшей витрины. Писать им было практически невозможно, я его берег как память, таскал за собой всю мою жизнь. Он сохранился и по сей день, только изрядно укоротился.

Кроме карандаша, отец привез с войны целую гроздь новых родственников: бабушку и дедушку, дядю, двоюродных брата и сестру. После Первой мировой войны вся мамина семья осталась на территории, отошедшей к Польше.

Но об этом по порядку. Уже после смерти отца я долго уговаривал маму написать о ее жизни. Мне хотелось сохранить все доступные свидетельства о прошлом, бесценные не только для нашей семьи, но вообще для истории. Я продолжал жить воспоминаниями отца, работа над которыми была прервана конфискацией рукописей КГБ и ЦК КПСС, и не сомневался, что мамины воспоминания дополнят отцовские диктовки, расскажут об эпохе несколько по-иному. Мама отмалчивалась, не притрагивалась к магнитофону, который я притащил к ней на дачу, где она коротала в одиночестве недели от выходного до выходного, когда к ней наведывались дети и внуки. Но, оказалось, она все же вняла моим советам и начала делать кое-какие записи, но не на пленку, а от руки, в школьной тетрадке. Обнаружились они только в 1984 году после маминой смерти, когда мы с сестрой Радой разбирали, делили и паковали ее вещи. Требовалось срочно освободить предоставленную ей Советом министров после смерти отца половину дощатого дачного домика в подмосковном поселке Жуковка. Теперь туда торопился въехать новый постоялец.

Тетрадку забрала Рада, как оказалось, она тоже уговаривала маму заняться воспоминаниями, и тоже безответно. Через год

Рада передала мне мамины воспоминания вместе с целой корзиной писем.

Мама поддерживала переписку со многими людьми, считала своим долгом отвечать всем, знакомым и незнакомым.

Возьму на себя смелость привести мамины записки целиком. Писала она лаконично, строго, сухо. Именно так ей представлялось важное в ее жизни. Она не терпела сюсюканья, продолжала руководствоваться идеалами и принципами революционерки, целиком отдавшей себя борьбе за счастье людей, что, впрочем, не мешало ей заботиться о семье, с радушной улыбкой принимать гостей, хлопотать вокруг подрастающих внуков.

Вот что написала мама.

Моим, детям и внукам

Нина Петровна Кухарчук (Хрущева)

Родилась я 14 апреля 1900 года в селе Василев Потуржинской гмины (волости) Томашевского уезда Холмскои губернии в бывшем Царстве Польском. У меня был брат Иван на три года моложе меня. Население Холмскои губернии было украинское, в селе говорили по-украински, администрация же в селе, гмине и выше была русская. В школах обучали детей на русском языке, хотя в семьях по-русски не говорили. Из истории известно, что царское правительство проводило русификацию населения Царства Польского. Вспоминаю, что в первом классе начальной сельской школы, где я училась, учитель бил линейкой по ладоням учеников за провинности, в том числе за плохое понимание объяснений учителя по-русски (дети не знали русского языка). Это называлось «получить лапу».

У мамы было два женатых брата: Павел с женой и их трое детей, и Антон с женой и трое детей. Из них всех в живых остался Василий Антонович Бондарчук, живет в г. Луцке. Дядьку Антона и его дочь замучили бендеровцы в 1946 году, один его сын Петро пропал в Польше, убили бандиты, сын Иван умер от туберкулеза после войны. Сыновья Павла уехали в Канаду на заработки и там пропали. Дочь его Нина сейчас живет в колхозе Волынской области.

Отец — Петр Васильевич Кухарчук происходил из более бедной, чем моя мать, семьи. Семья состояла из родителей, четырех братьев и трех сестер. У них был неделимый надел 2,5 морга (3/4 га) земли, старая хата, маленький сад. Лошадей у них не было.

Мой отец был старшим в семье. Когда умерла бабушка Домна, его мать, отец получил в наследство землю и должен был выплатить сестрам и братьям по сто рублей (очень большая сумма тогда). Думаю, что война 1914 года помешала завершить эту выплату. Дедов своих Григория и Василия я не помню, они умерли до моего рождения.

Село наше Василев было бедное, большинство жителей ходило на заработки к помещику, который

платил за световой день по 10 копеек женщинам на свекле и мужчинам на косьбе по 20–30 копеек. Помню немногое из той жизни: я должна была заготовлять крапиву и большим ножом нарезать ее для свиньи, которую выкармливали к Пасхе или Рождеству. Нож часто попадал не на крапиву, а на палец, у меня долго держался шрам на указательном пальце левой руки.

Еще помню сад, маленький, заросший травой, крапивой. Там росли большие сливовые деревья, одна черешня и маленькие молодые груши. Я сломала маленькую грушу. Дядька Антон спросил, зачем я это сделала, а я ответила: «Не жалей, у тебя вон сколько их осталось».

Мы с мамой Екатериной Григорьевной жили в ее семье, отец отбывал в это время военную службу в Бессарабии, а потом, в 1904 году, воевал с Японией. Хата у бабушки Ксении была просторнее. Обедали все из одной миски не за столом, а за широкой скамьей. Малыхдетей матери брали на руки, а мне и другим детям постарше места не хватало, еду надо было доставать из миски через плечи взрослых. Если проливали, получали ложкой по лбу. Почему-то дядя Антон постоянно высмеивал меня, обещал, что я выйду замуж в многодетную семью, дети будут сморкатые и мне придется есть с ними из одной миски и добывать еду через их головы и т. п.

В 1912 году отец положил на подводу мешок картошки, кусок кабана, посадил меня и отвез в город Люблин, где его брат Кондратий Васильевич работал кондуктором на товарных поездах. Дядя Кондратий устроил меня учиться в Люблинскую гимназию (4-классная школа), три года до того я уже проучилась в сельской школе. Учитель в школе внушил моему отцу, что я способная, надо отвезти меня учиться в город.

В Люблине я училась один год. На следующий год дядька поступил вахтером в Холмское казначейство и меня перевел в такую же школу в городе Холме.

Первая мировая война застала меня на каникулах в селе Василеве, ученицей второго класса Холмской прогимназии.

Осенью 1914 года к нам в село проскочили австрийские войска, стали безобразить: грабить, уводить девушек… Мама уложила меня за печкой, не велела выходить, а солдатам говорила, что у меня тиф. Те,

испугавшись, уходили. Вскоре австрийцев отогнали русские войска, и нам велели всем эвакуироваться, куда и как — неизвестно. Мы с торбочками пошли из дома, лошадей у нас не было, взяли с собой то, что могли нести. Шли туда, куда все люди шли… Помню, мама долго несла примус — предмет ее хозяйской гордости, а керосина не было, пришлось бросить и примус. Долго мы шли впереди наступающих австрийских войск и на какой-то станции набрели на отца, который служил в частях «ратников». Это были вспомогательные войска. По возрасту отец уже не годился для строевой службы.

Отец доложил своему командиру о встрече с семьей, и тот разрешил нам остаться при части. Мама стала работать кухаркой у командования части, а мы с братом передвигались на подводе отца, кое в чем ему помогали. Мне было 14 лет, брату Ване — 11.

Во время затишья на фронте командир позвал отца, дал ему письмо к холмскому епископу Евлогию и велел отвезти меня в Киев. Там епископ Евлогий возглавлял какую-то организацию помощи беженцам. Он устроил меня учиться на казенный счет в холмское Мариинское женское училище, эвакуированное из Холма в Одессу. Это было семиклассное училище для девочек с пансионом, там я училась четыре года и закончила его в 1919 году. Родители мои эти годы провели в эвакуации в Саратовской губернии.

Несколько слов о епископе Евлогий и об училище. Холмский епископ Евлогий был важным оплотом самодержавия в Польше и ярым проводником русификаторской политики. Он готовил русификаторские кадры из детей местного населения, из западно-украинских сел. Если бы не его вмешательство, никогда бы я не смогла попасть на учебу на казенный счет в это училище, туда не принимали детей крестьян. Учились там дочери попов и чиновников по особому подбору. Я попала туда в силу особых обстоятельств военного времени, описанных выше.

После войны, в 1918 году, мои родители с братом возвращались домой из Саратовской губернии через Одессу. Отец зашел ко мне в общежитие, где жили ученицы, осмотрел все, ему приглянулся большой коридор и он сказал: «Здесь можно разместиться на житье». Но администрация разрешила только переночевать, и то с трудом. Потом родители с братом

уехали домой, в Польшу, а я осталась в Одессе доучиваться.

По окончании училища я работала некоторое время в канцелярии училища, выписывала аттестаты, разные бумаги переписывала — машинки пишущей не было.

В начале 1920 года в подполье я вступила в партию большевиков и стала работать по поручениям партии в городе и в селах Одесской губернии. В июне 1920 года шла мобилизация коммунистов, и я попала на польский фронт. Меня взяли сначала агитатором при военной части, как знающую украинский язык и местные условия, и я ездила по селам, рассказывала о Советской власти. Со мною ездил красноармеец, тоже агитатор. Когда сформировался ЦК Компартии Западной Украины, меня взяли заведовать отделом по работе среди женщин. Мы дошли до города Тернополя, когда, как известно, осенью 1920 года нам пришлось уйти из Польши. Тогда же завершилась моя служба в армии. Вместе с секретарем ЦК КПЗУ тов. Краснокутским и другими я приехала в Москву и получила командировку на учебу в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова на восьмимесячные курсы, созданные недавно Центральным Комитетом партии большевиков.

Летом 1921 года получила направление в Донбасс, в город Бахмут (теперь Артемовск), в губернскую партийную школу преподавать историю революционного движения и политической экономии. До приезда будущих курсантов меня использовал губком партии на работе секретаря губернской комиссии по чистке рядов партии. Там же и я прошла свою вторую чистку, первая у меня была на фронте, в Тернополе.[1]

Как известно, после X съезда партии была отменена продразверстка и открылись рынки, на которых появились разные товары — были бы деньги. Я с двумя преподавательницами тоже ходила на рынок за хлебом, и заразились мы втроем сыпным тифом. Одна из нас (Абугова) умерла, а мы двое долго болели сыпняком, потом прибавились еще возвратные тифы, но молодость преодолела болезни, выздоровели. В больницу не брали, лечили в школе. Подкармливала больных Серафима Ильинична Гопнер, работавшая тогда завагитпропом Донецкого губкома партии. Она доставала нам шахтерские пайки через ЦПКП (Центральное правление каменноугольной промышленности), руководил этим

учреждением Пятаков, будущий троцкист. Летом 1922 года Серафима Ильинична устроила меня на работу на губернские курсы учителей, организованные в Таганроге, на берегу Азовского моря. Там я выздоровела после тифа.

Осенью 1922 года получила направление в Юзовку (теперь Донецк) — преподавателем политической экономии в окружную партийную школу. Там я встретилась с Никитой Сергеевичем Хрущевым, который учился на рабочем факультете в Юзовке.

В 1924 году мы с ним поженились и дальше работали вместе на Петровском руднике Юзовского округа. Район наш назывался Петрово-Марьинский, он объединял шахты Петровского рудника и сельскохозяйственные угодья Марьинки и прилегающих сел. Райисполком Совета рабочих и крестьянских депутатов находился в селе Марьинка, а районный комитет партии — на Петровке. Секретарь райкома жил на Петровке, а председатель райисполкома — в Марьинке.

Еще раньше я училась один год на курсах переподготовки преподавателей совпартшкол при Академии коммунистического воспитания им. Крупской, а затем, в конце 1923 года, меня послали пропагандистом райкома партии на рудник Рутченкова. Здесь жили родители и дети Н. С. (от первой, умершей жены), его сестра с семьей, здесь он работал заместителем управляющего рудоуправлением, отсюда пошел учиться в Юзовку на рабфак.

Отец первый раз женился в 1914 году на Евфросинье Ивановне Писаревой, происходившей из рабочей семьи. Познакомились они тремя годами раньше. Ее отец приобщал юного Никиту к слесарному труду.

Евфросинья Ивановна родила двоих детей: в 1916 году дочь Юлию и годом позже сына Леонида. В 1918 году отец, спасаясь от немцев, покинул Донбасский рудник и перевез семью из Успенки в родную деревню Калиновка Курской губернии, на территорию России.

Условиями сепаратного Брестского мира предусматривалась оккупация Украины немецкой армией. Из Калиновки отец ушел на фронт, началась Гражданская война. Вскоре случилось несчастье, в начале 1919 года Евфросинья Ивановна тяжело заболела,

как отец рассказывал, тифом. Во время Гражданской войны от тифа умерли миллионы. Отец получил разрешение навестить больную жену, благо он сражался неподалеку, на Южном фронте. Но не успел: Евфросинья умерла.

Хоронили ее на деревенском кладбище. Молодой коммунист — отец вступил в Коммунистическую партию в 1918 году — столкнулся с неожиданной проблемой. Российская революция по примеру Великой французской революции напрочь отвергала религию, провозгласила ее опиумом для народа, а тут требовалось гроб с телом жены нести через ворота мимо церкви, расположенной у входа на кладбище. Отец решил миновать церковь, пронести гроб на кладбище не через ворота, а, передав его из рук в руки, через ограду. Тем самым, как ему казалось, он не оскорблял чувств верующих родственников, но и не поступался атеистическими коммунистическими принципами. Так же неожиданно для окружающих, порой шокирующе, но всегда нестандартно он будет поступать и в будущем. Тогда односельчане дружно осудили отца. Да и в наше время, вспоминая о происходившем, неодобрительно покачивают головами.

Сразу после похорон отец вернулся на фронт, а детей, Юлию двух с половиной лет и восьмимесячного Леонида, оставил на попечение своих родителей. После окончания Гражданской войны отец вернулся в Донбасс, вскоре к нему перебрались родители с его детьми.

Я вела занятия с шахтерами по политической грамоте, читала лекции в клубе на политические темы, выполняла разные поручения райкома по текущей работе, — продолжает мама. — Поселилась в доме для приезжих (что-то вроде гостиницы рудоуправления) напротив клуба — перейти дорогу. Но после дождя перейти эту дорогу было очень трудно, сапоги оставались в грязи, ноги «выходили» из сапог. Надо было подвязывать сапоги особым способом. Меня пугали перед поездкой на Рутченковку грязью, а сапог у меня не было, пришлось найти частника, который сшил сапоги. Когда я читала лекции в клубе, то приходило много женщин. Оказалось, что их интересовала я, как жена их приятеля Никиты Хрущева, какую-такую он нашел не на руднике, а на стороне…

Когда Н. С. кончил рабфак, то его послали секретарем Петрово-Марьинского райкома партии, а меня перевели с Рутченковки на Петровку, тоже пропагандистом райкома партии. Интересная деталь: пропагандистов оплачивали тогда из центральных фондов, а секретарей райкомов — из местных. Одно время я получала больше, чем Н. С.

Тогда существовала еще безработица, среди шахтеров-коммунистов тоже. После занятий в политшколе на шахте мои слушатели провожали меня домой и, случалось, упрекали, что я работаю и муж мой работает, а мой собеседник ходит без работы, а дома большая семья… Но постепенно жизнь налаживалась, безработные на шахте исчезали…

В январе 1924 года умер Ленин. Н. С. ездил в Москву на похороны в составе донецкой делегации. По призыву ЦК много рабочих вступало в партию. Это был ленинский призыв. Работы пропагандистам прибавилось, надо было обучать малограмотных рабочих основам политической грамоты, это было трудно. Приехали новые пропагандисты из Москвы, мобилизованные ЦК из состава окончивших разные вузы студентов.

В конце 1926 года Н. С. перешел на работу в окружной комитет партии, где стал заведовать организационным отделом, а я поехала в Москву повышать квалификацию — в Коммунистическую академию им. Крупской. Здесь я училась на отделении политической экономии до конца 1927 года. По окончании курсов меня направили в Киевскую межокружную партийную школу преподавателем политической экономии. Читать надо было на украинском языке, так как слушателями были подпольщики из Западной Украины. Это — 1927–1929 гг.

За год моей учебы в Москве Н. С. успел поработать в Харькове в ЦК КП(б)У и к осени 1927 года уже работал в Киевском окружкоме заворготделом. Секретарем был т. Н. Демченко, впоследствии невинно репрессированный. Поэтому меня и направили в Киев, хотя очень настаивал товарищ из отдела распределения кадров ЦК, чтобы я поехала в Тюмень…

В Киеве в 1929 году родилась Рада. В том же году Н. С. уехал в Москву в Промышленную академию, а летом 1930 года мы приехали к нему и поселились в общежитии Академии на Покровке, № 40. У нас было две

комнаты в разных концах коридора. В одной спали мы с маленькой Радой, в другой Юля, Леня и Матреша — няня, найденная Н. С. к нашему приезду.

Меня направили работать на Электрозавод в партийный комитет: сначала организовала и заведовала совпартшколой, через год выбрали меня в партком, и стала я руководить отделом агитации и пропаганды партийного комитета завода.

Парторганизацию на заводе составляли около 3 000 коммунистов, завод работал в три смены, у меня работы было очень много, выходила из дома в 8 часов, а возвращалась позже 10 часов вечера. А тут еще несчастье: Радочка заболела скарлатиной, положили в больницу рядом с заводом. По вечерам я бегала смотреть через окно, что делает дитя, и видела: дали ей миску с кашей, большую ложку, а няня ушла к подругам поболтать. Рада была маленькая, немного больше года; вижу, ребенок стал ногами в миску с кашей и плачет, а няня не идет, и ничем помочь нельзя… Забрали ребенка под расписку досрочно, еле выходили.

На Электрозаводе работала я до середины 1935 года, то есть до рождения Сережи. Выполнила первую пятилетку в два с половиной года, получила почетную грамоту от заводских организаций. Проходила на заводе очередную, третью в моей партийной жизни чистку партии. Познакомилась с большим кругом актива, с литераторами, старыми большевиками и политкаторжанами, приходившими на завод по поручению своих организаций, с подшефными колхозниками. Те годы считаю наиболее активными годами своей политической и вообще общественной жизни.

В 1935 году после декретного отпуска райком партии направил меня ответственным секретарем в общественную организацию ВСНИТО (Всесоюзный совет научных инженерно-технических обществ), где я работала до рождения Лены в 1937 году.

Н. С. не дали окончить Промышленную академию, взяли его на партийную работу — сначала секретарем Бауманского, а затем Краснопресненского райкомов партии. Тогда шла жестокая борьба партии с правыми. Н. С. был делегатом XV съезда партии от Донецкой организации в 1927 году, а в 1930 году — делегатом от Московской парторганизации на XVI партсъезде. К1932

году Н. С. работал уже секретарем Московского горкома, а затем и обкома партии. В 1934 году он был делегатом XVII съезда ВКП(б) и был избран членом ЦК партии. В 1935 году Л. М. Каганович, бывший до того 1-м секретарем МГК, уходит на транспорт наркомом, а Н. С. Хрущева избирают 1-м секретарем Московской городской партийной организации. Тут он работает до отъезда на Украину в начале 1938 года, куда его направили на должность секретаря. Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины».

Дальше мама приводит хронологию жизни отца.

1894 г. 17/IV — родился в селе Калиновка Курской губернии. 1909 г. — приехал в Юзовку (Донбасс), где его отец работал в шахтах на Пастуховке и Рутченково.

1909–1912 гг. — на заводе Боссе — ученик металлиста. 1912–1918 гг. — слесарь на шахтах в Пастуховке и Рутченкове. 1915 г. — стал читать «Правду».

1917 г. — на митинге познакомился с Л. М. Кагановичем.

1918 г. — вступил в РКП(б) 1919–1921 г. — Красная Армия.

1922 г. — зам. управляющего рудником Рутченкова.

1923 г. — рабфак в Юзовке, секретарь партбюро.

1925 г. — секретарь Петрово-Марьинского р-на, делегат IX-го съезда КП(б)У, делегат с совещательным голосом на XIV съезде ВКП(б).

1927 г. — делегатXVсъезда ВКП(б), Зав. орг. Сталинского горкома КП(б)У.

1928 г. — ЦККП(б)У — орготдел. Зав. Орг. Киевского окружкома КП(б)У.

1929–1939 гг. — студент и секретарь партийной организации Промышленной академии в Москве, XVI съезд партии, делегат.

1931 г. — секретарь Баумского РК в Москве (6 месяцев).

1931 г. — секретарь Краснопресненского РК (6 месяцев).

1932 г. — 2-й секретарь МГК.

1933 г. — секретарь М К.

1934 г. — XVII съезд ВКП(б), член ЦК.

1935 г. — 1-й секретарь МГК (Каганович ушел в

Народный Комиссариат по транспорту).

1938 г. — 1-й секретарь ЦК КП(б)У.

Март, 1939 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

1941–1943 гг. — чл. Военсовета разных фронтов (Сталинград, Курская дуга).

1944 г. — 1-й секр. ЦК КП(б)У, Председатель Сов. Министров УССР

1946 г. — Преде. Сов. Мин. УССР.

1948 г. — 1-й секр. ЦК КП(б)У.

Декабрь, 1949 г. — секр. МГК, секр. ЦК КПСС

1952 г. — XIX п/съезд. Доклад об уставе партии.

1953 г. — 1-й секр. ЦК КПСС.

1954 г. — Визит в Пекин с Булганиным. Целина. 1955 г. — Югославия, Женева, Афганистан, Индия.

1956 г. — XX съезд КПСС. Секретный доклад о культе личности. Апрель, 1956 г. — Лондон.

1957 г. — Децентрализация пром-ти, ликвид. оппоз. гр. Маленков, Молотов, Каганович, Шепилов, отставка Жукова.

Октябрь — 1-й спутник Земли.

1957 г. — Совещ. Ком. партий (Мао Цзэдун).

1958 г. — Председ. Сов. Мин. СССР Сентябрь, 1959 г. — США — Эйзенхауэр. 1960 г. — Франция.

Апрель, 1961 г. — Гагарин в космосе, Вена — встреча с Кеннеди.

1962 г. — Кубинский кризис (ракеты).

1963 г. — Договор о запрещении испытаний атомного оружия на земле, в воздухе, на воде.

1964 г. — Египет.

В Москве Н. С. много сил положил на строительство первой очереди метро, набережных Москвы-реки, создание хлебопекарной промышленности (приспосабливали старые круглые помещения. Так требовалось по технологии). Надо было организовать городское хозяйство, бани, туалеты на улицах, электроэнергию для предприятий Москвы и, особенно, области… Надстраивали малоэтажные здания, чтобы увеличить жилплощадь, и многое другое…

В этот период, когда у нас уже была квартира в Доме правительства на Каменном мосту (4 комнаты), к нам переехали родители Н. С. Тогда продукты распределяли по карточкам, мой распределитель находился недалеко от завода, а распределитель Н. С. — в теперешнем

Комсомольском переулке. Отец Н. С, Сергей Никанорович, ездил в эти распределители за картошкой и за другими продуктами и носил их «на горбу» (на спине), другой возможности не было. Однажды с таким грузом он спрыгнул с трамвая на ходу, да еще в обратную отхода сторону, хорошо, что не убился насмерть. Он же носил Радочку в ясли на 11-й этаж нашего дома, когда лифт не работал… Рада очень любила дедушку.

Бабушка Ксения Ивановна больше сидела в своей комнате или брала табуретку и садилась на улице возле подъезда. Возле нее обязательно собирались люди, которым она что-то рассказывала. Н. С. не одобрял ее «сиденье», но мать его не слушала.

Бабушка Ксения Ивановна никак не могла, да и не хотела привыкать к городской жизни, менять свои привычки. В деревне, сидя на завалинке, часами судачила с соседками, продолжала это и в Москве. Но Москва не Калиновка, а в тридцатые годы разговоры по душам могли стоить жизни. Вот отец и беспокоился.

Ранней весной 1938 года мы уехали в Киев, и мне пришлось оставить работу. Все, что я делала с этого времени, — работала как общественница по поручениям райкома партии. В киевский период я преподавала историю партии в районной партийной школе (при Молотовском райкоме г. Киева), выступала с лекциями, училась на вечерних курсах английского языка, растила детей. Дети маленькие (трое) часто болели.

В 1938 году в Киеве я встала на партучет по соседству в Институте травматологии и ортопедии Ленинского района, и там познакомилась с проф. Анной Ефремовной Фруминой, которая с весны 1941 года лечила Сережу от коксита и довела лечение до конца. Сережу положили в гипсовую кроватку (свободной оставалась одна нога, руки и верхняя часть груди), в которой он провел два с лишним года. Только в 1943 году начали ставить его на костыли, потом ходил в «туторе» (корсете), специальном приспособлении для ходьбы.

Любопытное отступление. Не помню даты, к сожалению. В. М. Молотову построили дачу[2] по специальному проекту с большими комнатами для приема иностранных гостей, и в какой-то день было объявлено, что правительство устраивает прием для

наркомов и партийных руководителей Москвы на этой даче. Работники приглашались вместе с женами, так и я попала на прием. Пригласили женщин в гостиную. Там я уселась у двери и слушала разговоры московских гостей. Все собравшиеся женщины работали, говорили о разных делах, о детях…

Позвали в столовую, где были накрыты столы буквой П. Усадили по ранее намеченному порядку. Я оказалась рядом с Валерией Алексеевной Голубцовой-Маленковой, напротив — жена Станислава Косиора, которого только что перевели на работу в Совет Народных Комиссаров СССР. Уже было известно, что на его место секретарем ЦК Украины поедет Н. С. Хрущев. За ужином я стала спрашивать жену Косиора, что из кухонной посуды взять с собой. Она очень удивилась моим вопросам и ответила, что в доме, где мы будем жить, все есть, ничего не надо брать. И действительно, там оказалась в штате повариха и при ней столько и такой посуды, какой я никогда даже не видела. Так же и в столовой… Там мы начали жить на государственном снабжении: мебель, посуда, постели — казенные, продукты привозили с базы, расплачиваться надо было один раз в месяц по счетам.

Вернусь к приему, где для меня все было очень любопытно. Когда гости сели, из двери буфетной комнаты вышел И. В. Сталин и за ним члены Политбюро ЦК и сели за поперечный стол. Конечно, их долго приветствовали аплодисментами. Не помню точно, но, кажется, сам Сталин сказал, что недавно образовано много новых наркоматов, назначены новые руководители, поэтому в Политбюро решили, что будет полезно собрать всех в такой дружеской обстановке, познакомиться ближе, поговорить…

Потом говорили многие, называли свои учреждения, рассказывали, как представляют себе свою работу. Дали слово женщинам. Валерия Алексеевна Голубцова-Маленкова говорила о своей научной работе, за что была осуждена женщинами. В противовес ей молодая жена наркома высшего образования Кафтанова сказала, что будет делать все, чтобы ее мужу лучше работалось на новом ответственном посту, чем вызвала всеобщее одобрение.

За этим ужином я узнала, что у т. Косиора два сына. Жена Косиора произвела на меня очень приятное впечатление; я впоследствии часто вспоминала ее, когда

через годы узнала, что она была сослана безвинно в лагерь и расстреляна, а резолюцию о расстреле написал единолично В. М. Молотов. Мне об этом рассказал Н. С. при следующих обстоятельствах. Полина Семеновна Молотова встретила меня во дворедома наул. Грановского и попросила передать Н. С. просьбу принять ее в ЦК по поводу восстановления в партии В. М. Молотова, исключенного несколько лет тому назад… Н. С. принял Полину Семеновну и показал ей документ с резолюцией Молотова о расстреле жен Косиора, Постышева и других ответственных работников Украины, затем спросил, можно ли, по ее мнению, говорить о восстановлении его в партии или надо привлекать к суду. Это Н. С. рассказал мне, отвечая на вопрос, приходила ли к нему Полина Семеновна и чем разговор закончился.

В1935 — 1936 гг. предприятия работали на непрерывной неделе: пять дней работали, шестой — выходной, по скользящей шкале. Очень для меня неудобный был режим — никогда не имела выходных вместе с Н. С, он работал с постоянным выходным. Цель непрерывной рабочей недели была хорошая — чтобы оборудование было загружено полностью, чтобы производительность труда росла, чтобы люди меньше уставали. Но не оправдал себя такой порядок, перешли потом на шестидневную рабочую неделю с выходным днем в воскресенье.

Помню, в те годы секретарем МГК по пропаганде работала Евгения Коган, бывшая жена Куйбышева, помню ее дочку Галю Куйбышеву. Помню, как я огорчалась, когда т. Коган устраивала походы своих товарищей в театры, это бывало часто, а я не могла пойти вместе с ними, потому что по воскресеньям работала на заводе. И все другие культурные мероприятия, в которых участвовал Н. С., мне были недоступны из-за «непрерывки».

Секретарем парткома на Электрозаводе работал т. Юров, очень энергичный товарищ. Тогда называли друг друга по фамилии, не особенно интересовались семейными делами. Юров не знал и не интересовался, за кем я замужем. Однажды он позвонил поздно вечером нам на квартиру, я подняла трубку, он отрывисто спросил, кто у телефона, я ответила: «Кухарчук» — автоматически. «А ты что там делаешь, я звоню на

квартиру т. Хрущева?» Очень он был поражен тем, что я, оказывается, жена Хрущева. А вопрос у него был срочный: наши подшефные луга были под угрозой вытаптывания военной конницей, и необходимо было вмешательство МГК до утра следующего дня. На следующий день он меня допрашивал, как это я сумела скрыть свои семейные отношения с секретарем МГК. Я ответила, что не скрывала, а информировать товарищей на заводе без вопросов с их стороны не считала нужным. Кстати, с помощью МГК удалось защитить подшефные Электрозаводу луга от военной конницы… Тов. Юров впоследствии был невинно репрессирован и погиб.

Работали мы в партийном комитете Электрозавода много. Как я уже упоминала, уходила я из дома в 8 часов утра и возвращалась не раньше 10 вечера. Ездила на трамвае от Дома правительства до Электрозаводской улицы, дорога отнимала не менее часа.

По дороге на работу и с работы читала литературные новинки, запомнилась мне «Как закалялась сталь», прочитанная впервые в трамвае. Завод работал в три смены, и партийная, профсоюзная и комсомольская организации (комитеты) должны были обслуживать все три смены: проводили собрания, политзанятия и пр.

В 50-е годы я еще поддерживала связь с работниками завода через Варю Сыркову, ходила к ней в гости, виделась там с товарищами по работе, а после ее смерти, а потом и смерти т. Цветкова (бывшего директора лампового завода) живая связь оборвалась, только по телефону передавали приветы через Тамару Тамарину, работницу Электролампового завода с 1916 года.

Как мои родители познакомились с Никитой Сергеевичем.

В 1939 году немцы заняли Польшу и приближались к моим родным местам — селу Василеву. Как известно, наши войска в это время двинулись на запад и заняли районы Западной Украины, город Львов и Западную Белоруссию. Н. С. позвонил мне в Киев и сказал, что мое село Василев и окружающий район отойдут к немцам и если я хочу, то могу приехать с оказией во Львов, а оттуда меня отвезут в Василев, чтобы я смогла забрать своих родителей. Еще Н. С. добавил, что организует мою поездку т. Бурмистенко, секретарь ЦК КП(б)У. Тов.

Бурмистенко сообщил мне, что по командировке ЦК едут две женщины для работы во Львове и я поеду с ними. Одна молодая комсомолка ехала для работы с молодежью, а вторая, партийный работник, должна была работать среди женщин Львова. Нам велели надеть военную форму и дали револьверы. Было сказано, что мы переодеваемся для удобства, чтобы военные патрули меньше останавливали нас по дороге. Ехали более-менее спокойно. За рулем ЗИС-101 сидел Ваня Подосинов, отличный шофер из гаража ЦК. Но на дороге, недалеко от Львова, чуть было не попали под встречный грузовик: шофер грузовика не спал три ночи и заснул за рулем. Ваня Подосинов, чтобы избежать столкновения, свернул резко вправо и ударился в телеграфный столб. Пострадала только комсомолка — ударилась переносицей о стекло. Довез до Львова нас на своей машине проезжавший мимо командир (проверил документы), девушку отправил сразу в госпиталь на перевязку, а мы вдвоем остались в квартире командования. Командовал войсками Тимошенко Семен Константинович, тогдашний командующий Киевским военным округом, Н. С. находился в войсках как член Военного Совета. Когда Н. С. и Тимошенко вернулись домой и увидели нас в военном и с револьверами, они сперва расхохотались, потом Н. С. очень рассердился, велел немедленно переодеться в платья. И продолжал бурно возмущаться: «О чем вы думаете? Собираетесь агитировать местное население за Советскую власть, а сами приходите с револьверами? Кто вам поверит? Им десятилетиями внушали, что мы насильники, а вы с вашими револьверами подтверждаете эту клевету…»

Переоделась я и поехала в Василев за своими родителями. Сопровождал меня Божко Василий Митрофанович, один из бойцов охраны Н. С. Доехали спокойно, нашли хату моих родителей. Отец и мать были дома. Сбежалось много народа посмотреть на меня и узнать новости. Никто не хотел верить, что село отойдет немцам, не знали этого еще и младшие командиры в частях. Но мне разрешил т. Тимошенко сказать, почему я приехала за родителями. Ночью во двор отца поставили танк. Всю ночь в хате тол пились военные, грелись, мама их кормила, с ними сидел и В. М. Божко. Под утро приехали представители организованной местной власти (уже советской), чтобы меня арестовать как шпионку и

провокатора. Еле уговорили их Божко и танкисты, что они ошибаются. Утром родители мои и брат с семьей погрузили в полуторку свое имущество и себя, и мы двинулись на Львов. С нами доехал до первой военной комендатуры представитель местной власти. Он хотел что-то узнать поточнее, но в комендатуре не было еще никаких сведений о территории, которая по договору отойдет к немцам.

Привезла я своих родичей во Львов, во дворец воеводы, где квартировал Н. С. Стали они ходить по комнатам, удивляться всему. Например, отец спустил воду в уборной, удивленно покачал головой, затем покрутил водопроводный кран и кричит матери: «Подойди, посмотри, вода льется из трубы». Все прибежали, смотрели, ахали, только брат Иван Петрович сказал, что он видел водопровод, когда отбывал военную службу.

Когда вошли в комнату т. Тимошенко и Н. С., отец, указывая на Тимошенко, спросил: «Это наш зять?» Но я не заметила, чтобы он разочаровался, узнав, что зять его — Н. С.

В Киеве мы встретили начало войны в июне 1941 года.

На этом мамины регулярные записи обрываются, то ли она не захотела описывать позднейшие события, то ли просто времени не хватило. Сейчас на этот вопрос ответа не сыскать. Однако сохранились отдельные фрагменты, я их разбросал по разным страницам этой главы. Позже я нашел еще одну тетрадь с мамиными записями, дневником (очень нерегулярным), начатым после смерти отца в 1971 году и прерванном в 1982 году, за два года до маминой смерти. У нее тогда начали дрожать руки, и больше, без крайней нужды, мама не писала. Дневник мамы не ложится на канву этой книги.

Как упоминала мама в своих записках, весной 1941 года пришла беда. Я заболел туберкулезом. Хворь называлась кокситом, гнездилась она в ноге.

В то время туберкулез не был редкостью. Болели им в семье отца. Умерли от туберкулеза мамины родители, ее брат. Тяжело болела моя старшая сестра Юля. «После окончания школы, когда Юля училась на втором курсе географического факультета, ей пришлось прервать занятия из-за заболевания тяжелой формой туберкулеза. После операции на легком ей наложили пневмоторакс, с ним она уехала в 1941 году в Алма-Ату, в

Казахстан», — написала мама в одном из фрагментов, посвященных детям.

Мне запретили не только ходить, но и сидеть, вообще двигаться. Я лежал на спине на досках, накрепко прибинтованный к гипсовой форме, повторяющей всю нижнюю часть моего тела.

Лечить туберкулез толком не умели, лекарств просто не существовало. Родители обегали всех врачей, прогнозы давались неутешительные, а советы: покой, свежий воздух, питание. Временная неподвижность наложила отпечаток на всю мою жизнь. В самый интенсивный период формирования сознания я был исключен из детского общества. Кому нужен товарищ, накрепко привязанный к постели. Со мной проводили время только взрослые, в первую очередь мать. Немногочисленных товарищей, уделявших мне крохи своего детского внимания, я с благодарностью запомнил на всю жизнь.

В неподвижности я встретил войну. Потом эвакуация: из Киева в Москву, из Москвы в Куйбышев. Там семьи членов правительства разместили в корпусах бывшего санатория Приволжского военного округа. Мы жили в одном доме с семьей Маленкова. Когда немцы подошли к Сталинграду, Маленковы двинулись дальше, в Свердловск. Мама же от переезда отказалась. Отступать дальше у нее просто недоставало сил, да и отец своими письмами с фронта, из Сталинграда, вселял уверенность, он считал, что немцы выдыхаются, за Волгу им не прорваться.

Семья у мамы под крылом собралась обширная. Кроме меня, висевшего на шее неподвижным грузом, еще сестры: Рада, почти взрослая, школьница, и совсем маленькая четырехлетка Лена, мамины родители, племянники и племянницы, всего 15 человек.

Мой брат Леонид служил в бомбардировочной авиации. В начале войны летать на бомбардировщиках считалось сродни самоубийству, истребительная авиация прикрытия практически отсутствовала, немцы расстреливали тихоходные неповоротливые самолеты в упор. По отзывам сослуживцев, Леонид воевал хорошо, за чужие спины не прятался, фамилией отца не прикрывался. Вот что пишет в представлении к награждению его начальник: «Командир экипажа Леонид Никитич Хрущев… имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. Мужественный, бесстрашный летчик. В воздушном бою 6 июля 1941 года храбро дрался с истребителями противника вплоть до отражения атаки.

Из боя Хрущев вышел с изрешеченной машиной. Инициативный…

…Неоднократно шел в бой, подменяя неподготовленные

экипажи. Ходатайствую о награждении тов. Хрущева орденом Красного Знамени. 16 июля 1941 г. Командир 46-й авиадивизии полковник Писарский».

Леониду оставалось летать еще десять дней.

«26 июля остатки трех эскадрилий 134-го бомбардировочного полка, — написано в боевом донесении, — шли бомбить аэродром в районе станции Изоча… артиллерию в районе Хикало. При возвращении незащищенные бомбардировщики были атакованы восемью немецкими истребителями «Мессершмитт-109». Потери составили: четыре машины из шести».

Самолет Леонида еле дотянул до линии фронта и сел с убранными шасси на запасном аэродроме. Одного из членов экипажа убили еще в воздухе, а Леонид сломал ногу при посадке самолета. Экипаж подбитого самолета выручили красноармейцы. В полевом госпитале у Леонида хотели отрезать ногу, но он, угрожая пистолетом, не дал. Нога очень плохо заживала. Леонид лечился более года в тыловом госпитале в Куйбышеве. Там я его видел последний раз, бледного, улыбающегося, с новеньким орденом на груди.

Когда нога срослась, Леонид стал рваться обратно на фронт, теперь уже в истребители. Использовав все доступные ему средства, брат добился желаемого.

Однако повоевать ему пришлось немного. Леонид совершил только шесть боевых вылетов. Во время седьмого, 11 марта 1943 года, его сбили в окрестностях деревни Жиздра Калужской области, что неподалеку от Смоленска. Типичная судьба плохо облетанных молодых пилотов, не освоивших как следует хитрую механику воздушного боя. Произошло все над территорией, занятой немцами, внизу простирались болота, соседи по строю в пылу боя и не заметили его исчезновения, только что был Леонид — и нет его.

Командующий фронтом прислал отцу соболезнования, предлагал послать в предполагаемый район падения самолета поисковую группу, но отец, поблагодарив за участие, попросил зря не рисковать другими жизнями. Делу не поможешь и сына не вернешь. Так Леонид Хрущев попал в списки пропавших без вести.

В 1995 году в российских газетах появилось сообщение, что в смоленских болотах учитель местной школы отыскал останки советского истребителя. В пилотской кабине нашли скелет летчика в истлевшей лейтенантской форме и меховом шлеме. По свидетельству однополчан, именно такой шлемофон носил Леонид, один во всем полку, и очень им гордился. Сам самолет,

их тогда делали из фанеры, сгнил, но на моторе и пулемете сохранились номера, остается сверить их с формуляром в военном архиве. Если формуляр сохранился, одним пропавшим без вести станет меньше.

Вскоре после гибели Леонида в Куйбышеве арестовали его вдову Любовь Илларионовну. Обвинение против нее выдвигалось стандартное — работа на иностранную разведку, благо дипломатический корпус тоже эвакуировался на Волгу. Чьей она числилась шпионкой, я сейчас уже не помню, то ли английской, то ли французской. Вышла она на свободу только в 50-х годах, хлебнув полной мерой лиха в карагандинских лагерях.

На руках у матери осталась их годовалая Юля, она воспитывалась вместе с нами и очень не любила свой отличный от остальных детей статус внучки. Мама первой заметила нарождающуюся проблему, и Юля перешла в дочки.

Мамины племянники Нина и Вася в Куйбышеве вместе с Радой ходили в школу, а к концу войны, когда Васе пошел семнадцатый год, он определился в артиллеристы. Недолгие курсы — его послали на передовую. Погиб Василий Иванович Кухарчук перед победой, в 1945 году, во время наступления на Вену.

Только самая старшая моя сестра пережила войну вдали от нас. Вместе с мужем Виктором Петровичем Гонтарем, директором музыкального коллектива «Думка», они эвакуировались в Алма-Ату, в Казахстан. На фронт Виктор Петрович не попал, не стал рисковать ценной профессией администратора и накрепко забаррикадировался в тылу. С отцом он вновь встретился только в освобожденном Киеве.

Не довелось повоевать и моему будущему родственнику Алексею Ивановичу Аджубею. Октябрь 1941 года семнадцатилетним юношей он встретил в Москве. Многие из его товарищей по школе попали в ополчение. Ему же судьба уготовила иную участь — молодого Алешу в те грозные дни призвали на службу в ансамбль песни и пляски всемогущего НКВД. Трудно сказать, чем он приглянулся, человек не без талантов, да и мать его, Нина Матвеевна, обшивала семью самого Берии.

…На территории санатория под Куйбышевом, кроме Маленковых, жили Серовы, Поскребышевы, Литвиновы и другие не менее привилегированные семьи. Я запомнил только тех, кто проявлял какой-то интерес ко мне, прикованному к носилкам.

Вспоминается Павлик Литвинов, он вечно хотел есть и, подкапывая осенью картофельные кусты, лакомился клубнями, когда печенными на костре, а когда и сырыми. Ни до ни после

мне не приходилось видеть, чтобы картошку ели сырой.

Неподалеку от нашего дома в ложбине, спускающейся к Волге, в 1941 году велась большая стройка. Ночи напролет светили прожекторы. Что там делали, мы не знали, только перешептывались: работают заключенные. Тайна открылась после пожара в январе 1943 года, оставившего нашу семью без крова. Двухэтажный деревянный дом занялся в одночасье. Еле успели выскочить кто в чем был. Меня вынесли на носилках. Приехали пожарные, но на тридцатиградусном морозе шланги смерзлись, вода не подавалась, и они безучастно наблюдали, как рушится крыша, валятся перекрытия. Не прошло и часа, а от дома остались одни головешки. Начальники из НКВД, в чьем ведении находился бывший санаторий, не знали, куда нас приткнуть.

Несколько часов мы болтались под дверью комендатуры, пока велись напряженные переговоры с Москвой. Наконец решение состоялось. Нас повели по аккуратно расчищенной асфальтированной дороге вниз под гору, туда, где совсем недавно сверкали огни запретной зоны. Еще несколько минут — и мы вошли в добротный двухэтажный каменный дом с колоннами перед входом.

В случае потери Москвы сюда собирался переехать Сталин. Дом окружали асфальтированные дорожки, со скамеек на крутом берегу открывался вид на Волгу. Под домом на много метров в землю закопался бункер с множеством комнат, переходов, служб. Из дома в него спускались на лифте. Летом 1943 года, когда стало окончательно ясно, что «объект» хозяину не понадобится, нас даже сводили в подземелье на экскурсию. Лифт уже не работал, кое-где под ногами хлюпала вода, комнаты стояли пустыми, мебель вывезли.

Здесь, в Куйбышеве, я заново учился ходить. Потом бегать на костылях. Сменив гипс на корсет, я радовался обретенной подвижности. Мне казалось, что на костылях я бегаю быстрее здоровых. Непередаваемое счастье — снова вступить в мир движений.

Из Куйбышева мы двинулись в обратный путь в 1943 году, сначала в Москву, а оттуда, наконец, домой в Киев.

Все эти годы отца я не видел. Мама несколько раз летала к нему на фронт, а я бережно хранил его сталинградские подарки: трофейную коробку немецких орденов, гильзу от снаряда и эсэсовские кортики.

Последнее мое соприкосновение с войной произошло 17 апреля 1944 года в Киеве. Праздновали пятидесятилетие отца, немцы в тот день отчаянно бомбили Дарницу, а мы, дети, собирали после налета осколки зенитных снарядов.

Началась мирная жизнь. Обрушился неурожай 1946 года. В ответ на просьбу отца снизить поставки хлеба Сталин прислал в Киев Кагановича. Он стал Первым секретарем ЦК. Из амбаров вымели все зерно, и на Украине начался голод, людоедство. Не могу без содроганий читать воспоминания отца о том периоде.

Сделав свое дело, Каганович возвратился в Москву.

Беда не приходит одна.

«Весной 1947 года Н. С. очень сильно простудился на Ирпенской пойме под Киевом, где он хотел организовать выращивание на торфяниках овощей для столичных жителей, и заболел воспалением легких. Боялись за его жизнь. Лежал дома, дежурили доктор и сестра, консультировали два профессора (Зеленин и еще кто-то) из Москвы», — вспоминает мама.

Думали, отца не выходить: новомодный пенициллин, кислородные подушки — ничего не приносило облегчения. Выходя из спальни отца, профессора Вовси и Губергриц (мне почему-то запомнились именно эти фамилии), тогдашние светила, только сокрушенно покачивали головами.

Я запомнил неподвижное серое лицо отца на подушках, хриплый свист дыхания и неузнающий взгляд. К счастью, организм выдюжил, отец выздоровел.

Долечиваться его послали на море. Но не на Черное, к которому отец привык, а на Балтику. Южное солнце, я до сих пор не понимаю почему, врачи сочли противопоказанным. Свой первый послевоенный отпуск отец, сопровождаемый целым выводком детей, провел в поселке Майори, вблизи Риги. Море оказалось непривычно мелким, неприветливым, до дрожи холодным. Но мы, дети, не обращая внимания на температуру, стремились залезть в воду при первой возможности, даже когда наблюдавшие за нашими «подвигами» родители и старшая сестра Юля сидели на берегу в пальто. Отец быстро окреп. С открытием утиной охоты он пропадал на окрестных озерах. В середине августа решил слетать в только что переименованный в Калининград Кенигсберг. Взял и нас с Радой. Город лежал в руинах, центр выгорел абсолютно. Разместились мы в одном из генеральских особняков на окраине.

Отец поинтересовался у хозяина дома, «не балуют» ли немцы.

— Что вы, Никита Сергеевич, все спокойно, — поспешно возразил генерал, потом, подумав, добавил: — У меня на втором этаже на террасе пулемет стоит. Проснешься ночью, дашь очередь и снова в постель.

Так я и не понял, зачем ему пулемет, если все спокойно.

В Калининграде мы провели пару дней, отец очень

интересовался изготовлением тканей из бурого угля. Он пришел в восторг от достижений немецких химиков, забрал с собой целую коллекцию образцов, чтобы показать украинским ученым, внедрить эти технологии у себя. Посетили мы и гигантский карьер, где добывали янтарь. На меня он произвел неизгладимое впечатление, особенно кусочки застывшей смолы с комаром и мушкой внутри, отец же остался равнодушен. По прилете в Ригу отец засобирался домой. В Киев мы вернулись ранней осенью, к началу учебного года. Постепенно восстанавливалась нормальная жизнь. У отца она была занята работой, но не состояла из одной работы.

Он находил время заниматься и детьми, съездить с нами в лес или на Днепр. Отец любил компании. По выходным дням по поводу или без оного у нас на даче обычно собирались секретари ЦК и зампреды Совмина. Не обходил он вниманием и военных. Командующим Киевским военным округом тогда был старый фронтовой знакомый отца генерал-полковник Андрей Антонович Гречко, балагур и весельчак.

Во время таких встреч серьезные разговоры перемежались шутками, сопровождались летом купанием в Днепре, а осенью походами в окрестные колхозы — полюбоваться, как говорил отец, на урожай. Все завершалось шумным совместным обедом.

Но всем развлечениям отец предпочитал охоту.

Сейчас мы вдоволь наслышаны о правительственных забавах. В те годы подобное не могло даже прийти в голову. Тогда все обставлялось очень просто: собравшиеся сослуживцы отца, я более других запомнил Ивана Семеновича Сенина, Демьяна Сергеевича Коротченко, Никифора Тимофеевича Кальченко, Александра Евдокимовича Корнейчука и уже упоминавшегося генерала Гречко,[3] растянувшись цепью, брели, перекликаясь, по осенней стерне в надежде спугнуть зайца. Когда старшие уставали, мы, дети, вперемешку с охраной с гиканьем гнали тех же зайцев и лис на наших отцов, стоявших на линии стрельбы. Добыча, как правило, оказывалась невелика, зато удовольствие…

Такие встречи сближали людей, превращали их из товарищей по работе просто в товарищей, а подчас друзей. В то непростое время это значило немало. За все послевоенные годы из окружения отца бесследно не исчез никто. Врагов народа среди них не искали.

В Москву мы возвратились в самом начале 1950 года, отпраздновали Новый год дома в Киеве и тронулись. Мама подгадала, чтобы дети не пропустили ни дня в школе. За дисциплиной она следила строго.

Отец переехал на пару недель раньше, Сталин вызвал его в

декабре на торжественное празднование своего 70-летия. С трудом отец вырвался в Киев на пару дней сдать дела преемнику Леониду Георгиевичу Мельникову.

Видно, Сталин обеспокоился не на шутку. Только что завершилось так называемое «ленинградское дело» погибли набиравшие силу молодые члены Политбюро Вознесенский и Кузнецов. По всей вероятности, Сталин на сей раз на самом деле поверил в существование заговора. Когда же ему вслед за ленинградским представили материалы о существовании такого же московского центра во главе с руководителем столичной организации Поповым, он забеспокоился. Этим я объясняю срочный вызов отца. В первые же дни Сталин вручил ему кипу документов, обвиняющих в антисоветской деятельности не только Попова и его ближайшее окружение, но и всех секретарей райкомов и председателей райисполкомов, не миновало внимание и руководителей предприятий. Отец ужаснулся. На Украине с подобными делами он, слава богу, после войны не сталкивался, местные бдильщики знали, что в ЦК КП(б)У с подобными доносами лучше не соваться.

И в Москве отец решил не отступаться от своих правил. Он знал: не проявишь рвения — есть шанс, что дело зачахнет само по себе. Конечно, если тут не замешаны интересы самого Сталина. Тогда жертвам не поможет никто и ничто. В данном случае опыт отца, прошедшего, как он выражался, «мясорубку 1937 года», подсказывал, что автором интриги является не вождь и можно попытаться отвести руку палача.

Когда Сталин, так и не дождавшись доклада отца, через несколько недель поинтересовался результатами расследования, тот постарался убедить его, что донос липовый, все сведения высосаны из не очень чистого пальца. Сталин не стал настаивать, и дело заглохло. Своего предшественника Попова отец убрал подальше. Его назначили директором завода, там он в глазах Сталина не представлял угрозы, а следовательно, и его жизнь находилась в безопасности. Попов расценивал изгнание иначе и до конца своих дней остался в стане недоброжелателей отца.

С переездом в Москву наш уклад жизни претерпел заметные изменения. Не стало гостей, об охоте отец не заикался. Здесь друзья и дружба таили в себе опасность. Никто не знал, как доложат Самому, что он подумает. Невинная встреча старых приятелей могла обернуться трагедией.

Непривычным и неожиданным такой поворот событий стал не только для нас, для семьи. От московских порядков за время своей украинской вольницы поотвык и отец.

Вспоминается такое происшествие. Летом 1950 года отец

решил навестить своего старого друга Николая Александровича Булганина. Дружили они еще с 30-х годов, когда отец работал секретарем Московского комитета партии, а Булганина назначили председателем Моссовета. «Отцы города» — так называл их Сталин.

После 1930 года, когда отец покинул столицу, пути их разошлись. Теперь они жили на одной лестничной площадке, на пятом этаже дома № 3 по улице Грановского. Этажом ниже жил Маленков. Встречались не по службе изредка: то вместе приедут после позднего обеда у Сталина, иногда Булганин заглядывал на пару минут к нам, порой мы к нему.

Слово «навестить», возможно, и не очень годится, точнее, отец напросился к Булганину в гости на дачу. Поехали всей семьей. Встречи старых товарищей не получилось. Вроде и хозяева старались проявить радушие, и стол полной чашей, а разговор то и дело обрывался, застывая томительной паузой.

Одно дело — встречи в Киеве, вдали от Кремля. Здесь, в Москве, мир оказался устроен по-другому. Зачем это Хрущев вдруг поехал на дачу к Булганину и они вдали от любопытных глаз и чутких ушей долго гуляли вдвоем в лесу? Не дожидаясь вечера, мы отправились восвояси…

Возможно, фиаско нашего визита произошло совсем не по политическим причинам. Дело в том, что во время войны, пребывая в качестве члена Военного совета на Западном фронте, Булганин завел себе новую семью. В высшем партийном эшелоне разводы не поощрялись, на них смотрели строже, чем в католической церкви. Поэтому не только оформить, но и обнародовать свои отношения Николай Александрович не решился. Вот и принимал он нас на даче старой семьей. Какое тут радушие… Отец в то время не знал о семейных метаморфозах своего друга.

Так ли, иначе, но больше отец к Булганину не ездил и к себе на дачу не приглашал. Тем не менее совсем отрешиться от своих привычек отец не смог. Он не представлял себе жизни без общения. Наиболее часто в те последние сталинские годы он встречался с Маленковым. К нему мы несколько раз заезжали на дачу, собирали вместе грибы, обедали. Но чаще встречались в городе. Отец взял себе в привычку время от времени вытаскивать Георгия Максимилиановича пройтись после работы по вечерней Москве. Тот не сопротивлялся, и мы отправлялись гурьбой — впереди Сами, а за ними мама с женой Маленкова Валерией Алексеевной, а следом Рада с мужем Алешей Аджубеем, дети Маленкова и я.

Вокруг сновала охрана, отцовская, привыкшая к таким

прогулкам еще по Киеву, и местная, видевшая в каждом встречном потенциального террориста. Но к нам они не приближались, прохожих не беспокоили, знали — отец подобного поведения терпеть не мог.

Ни отца, ни Маленкова почти не узнавали. Гуляли мы обычно осенними вечерами (летом ночевать ездили на дачу), в темноте лица различимы плохо. Думаю, что их и не очень-то помнили по портретам. Во всяком случае, прогулки проходили без помех.

Чаще гуляли по улице Калинина (Воздвиженке), Моховой, заворачивали на Горького (Тверскую), а оттуда домой. Если уходили в Александровский сад, а дальше — на Красную площадь и по набережной вокруг Кремля, то поход затягивался. На улице разговор редко заходил о серьезных вопросах, а уж Сталина не поминали никогда.

Больше судачили о детях, болтали о доме. Во время этих прогулок Валерия Алексеевна сагитировала меня поступать учиться в Энергетический институт. Там она долгое время работала директором и оставила о себе добрую память. В те годы в институте образовался новомодный факультет электровакуумной техники и специального приборостроения.

В Москве в жизни отца появилось еще одно нововведение — бронированный ЗИС-110, последнее достижение автозавода имени Сталина. Еще до войны для членов Политбюро закупили в Соединенных Штатах бронированные «паккарды». Полагалась такая машина и отцу. Однако он в покушения не верил и к тому же любил простор, свежий воздух. Запирать себя в душную, тесную коробку он решительно отказался. Предпочитал открытую машину с надвигающимся на случай дождя брезентовым верхом. На ней отец и колесил вдоль полей украинских, волоча за собой тучу пыли. От нее он защищался специальным холщовым пыльником, плотно застегивающимся по самое горло.

В Москве царили иные законы. Сначала все шло, как и раньше, от настойчивых предложений охраны пересесть в бронированную машину отец отмахивался. Но однажды во двор дачи въехал ЗИС, чем-то неуловимо отличавшийся от привычного. Такой и не совсем такой. Я, как всегда встречавший отца, взялся за ручку дверцы. Она повернулась, но дверь не поддавалась. Я приналег, образовалась небольшая щелка, постепенно дверца приоткрылась. Тяжела и толста она оказалась неимоверно. Одни стекла толщиной сантиметров десять.

Из машины, покряхтывая, вылез недовольный отец. Как-то презрительно глянув на машину, бросил:

— Теперь на этой буду ездить. Заставили.

Кто заставил, он не договорил. Может, начальник

правительственной охраны Власик пожаловался Сталину, и последовал однозначный приказ. Или отец сам счел неблагоразумным выделяться среди других облаченных в броню руководителей. Не могу сказать. Проездил он в этом броневике до марта 1953 года, а тогда уже бросил его навсегда.

Интересно, что его примеру последовал только Микоян. Остальные же члены коллективного руководства, особенно Ворошилов и Молотов, цепко держались за бронированные чудовища. Что, им за каждым кустом виделась жертва, жаждавшая отмщения? Или просто становилось не по себе, если между ними и окружающим миром не стояла непробиваемая стена?

Еще одной новостью, вошедшей в нашу жизнь, стали звонки от Самого. На самом деле, лично Сталин не звонил никогда. Звонили из секретариата. Но одна возможность подобного звонка заставляла, заслышав требовательное дребезжание «вертушки», вскакивать в нервном напряжении.

Особенно неприятно отец себя чувствовал в выходные. Вставала дилемма: садиться за семейный обед или нет. Ведь пообедаешь дома, там, если вызовут, будет не по себе. О сталинских обедах говорено много, и я воздержусь от повторений. Иногда звонок раздавался, и отец поспешно уезжал. Порой Бог миловал.

Последний раз отец ждал звонка в начале марта 1953 года, в воскресенье, первого числа. Накануне, вернее, в то утро он вернулся домой на дачу часов в пять, как обычно, когда он ужинал у Сталина. Отец не сомневался, Сталин не выдержит одиночества выходного дня, затребует к себе. Обедать отец не стал, пошел пройтись, наказав, если позвонят оттуда, его немедленно позвать. Такое распоряжение он сделал для проформы, все прекрасно знали, что надо делать в этом случае. Звонка отец так и не дождался. Стало смеркаться. Он перекусил в одиночестве и засел за бумаги. Уже совсем вечером позвонил Маленков, сказал, что со Сталиным что-то случилось. Не мешкая, отец уехал.

Мы, конечно, не знали, кто звонил, что сказал. Да и не интересовало это никого. Каждый занимался своими делами.

Некоторое удивление вызвало скорое возвращение отца, он отсутствовал часа полтора-два. Однако вопросов никто не задавал, он молча поднялся в спальню и вновь углубился в свои бумаги.

Как он уехал вторично, я уже не слышал, наверное, лег спать. На этот раз отец не возвращался очень долго, до самого утра. Мы все еще ничего не знали. Только на следующий день он рассказал,

что Сталин болен, состояние очень тяжелое, и они с Булганиным будут по ночам дежурить у постели больного на ближней даче. Сообщение о болезни Сталина появилось в газетах только 4 марта. До этого казалось, теплится еще какая-то, пусть призрачная надежда. На мои вопросы отец ничего вразумительного не отвечал, отделывался короткими фразами: «Лечат, делают все возможное…»

Подобная публикация в газетах могла означать только одно: больше надежд не осталось. Ведь все, что касалось Сталина, держалось за семью замками. Отец подтвердил худшие опасения, сказал: «Всякое может случиться, надо подготовить народ». Помню, он еще произнес: «А то получается: жил-жил и нет его. Здесь очень много можно напридумывать. Да и когда Ленин заболел, регулярно публиковались медицинские бюллетени».

Я окончательно понял: все. Особенно меня поразило упоминание о ленинских бюллетенях, ведь они завершились некрологом.

Я попытался расспросить отца о подробностях, но он не стал распространяться, да и что он мог мне, мальчишке, рассказать?

Чем был для меня Сталин? Как и многие, я в прошедшие годы не раз задумывался над этим. С течением времени отношение изменилось диаметрально, и сейчас важно не подменить вчерашний день сегодняшним. В семье о Сталине разговоров почти никогда не вели. Считалось, объяснять нечего. О критике не было и речи. Но напряжение отца ощущалось постоянно. Он старался не подавать вида, но порой оно прорывалось в мелочах.

Вспоминаю такой эпизод. К концу жизни Сталина джазовую музыку стали отождествлять с контрреволюционной деятельностью. За нее, возможно, еще не сажали, но все к этому изготовились. Как-то в воскресный летний день на даче я поставил пластинку с «Пароходом» Леонида Утесова. Тогда это было «крайне левое» произведение. Отец, сидя за столом, просматривал газеты. Сначала он никак не реагировал, потом поднял глаза и кратко то ли попросил, то ли приказал:

— Сними.

Я остановил проигрыватель. Отец немного помолчал, а потом добавил:

— Лучше ее разбить.

Я не ответил, пластинку мне было очень жалко, он не настаивал, а только попросил:

— Больше ее не заводи.

Что он знал и о чем догадывался? Чего он боялся?

В те годы для меня товарищ Сталин оставался вождем всех времен и народов. Несуразицы в «Экономических проблемах…» и

«Вопросах языкознания», которые никак не укладывались в моей голове, я объяснял своей неспособностью воспринять гениальные мысли. Усомниться в них… Такое мне просто не приходило в голову.

Вечером 5 марта 1953 года отец возвратился домой раньше чем обычно, где-то около полуночи, все эти дни он приходил лишь под утро. «А как же дежурство?» — пронеслось у меня в голове.

Пока отец снимал пиджак, умывался, мы молча ожидали, собравшись в столовой. Он вошел, устало сел на диван и вытянул ноги. Помолчал, потом произнес:

— Сталин умер. Сегодня. Завтра объявят. Он прикрыл глаза.

Я вышел в соседнюю комнату, комок подкатился к горлу, а в голове сверлила мысль: что же теперь будет?

Я искренне переживал, но мое второе «я» как бы со стороны оценивало происходящее, и я внутренне ужаснулся, что глубина моих чувств недостаточна, не соответствует трагизму момента. Однако большего не получилось, я вернулся в столовую.

Отец продолжал сидеть на диване, полуприкрыв глаза. Остальные застыли на стульях вокруг стола. Я никого не замечал, смотрел только на отца.

Помявшись, спросил:

— Где прощание?

— В Колонном зале. Завтра объявят, — как мне показалось равнодушно и как-то отчужденно ответил отец. Затем он добавил после паузы: — Очень устал за эти дни. Пойду посплю.

Отец тяжело поднялся и медленно направился в спальню.

Я был растерян и возмущен: «Как можно в такую минуту идти спать? И ни слова не сказать о нем. Как будто ничего не случилось!» Поведение отца поразило меня.

…Минуло несколько дней. Сталина поместили в Мавзолей, на котором за эти морозные дни сменили надпись: вместо одинокого «Ленин» теперь появилась пара: «Ленин. Сталин». Один под другим.

7 марта опубликовали постановление пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, в котором страну уведомляли, кто чем будет руководить в ее будущей жизни.

Совет министров брал на себя Г. М. Маленков, новое Министерство внутренних дел, вобравшее в себя и МВД и МГБ, — Л. П. Берия, вопросы обороны сосредоточивались в руках Н. А. Булганина. Сообщалось и о других назначениях. Количество министерств резко сократилось.

Об отце промелькнула неопределенная фраза-рекомендация:

«Хрущеву Н. С. сосредоточить свое внимание на деятельности в ЦК КПСС. В связи с чем освободить его от обязанностей секретаря Московского комитета».

Секретарем ЦК отец стал сразу по возвращении в Москву, одновременно с избранием его в Московский комитет. Так повелось давно, что глава Московской партийной организации, самой престижной и важной, обязательно входил в Секретариат ЦК. Теперь внешне вроде бы ничего не изменилось, однако по существу эта короткая фраза значила очень много. В то время не существовало поста Первого секретаря. Сталин упразднил его, как он говорил, в целях большей внутрипартийной демократии; пусть все секретари ЦК, в том числе и товарищ Сталин, находятся в равном положении.

И еще одна заноза в памяти — мемориальный номер журнала «Советский Союз». Он был переполнен фотографиями Сталина с подписями на разных языках народов мира. Сигнальный экземпляр с очередной почтой из ЦК пришел отцу на квартиру в незапечатанном конверте и поэтому попал мне в руки первому. Содержание журнала соответствовало моему настроению в те дни, и я сразу понес показать его отцу. Он перелистал фотографии, снова вернулся к обложке с красочным портретом Сталина, как бы взвесил журнал в руке и молча отложил. Я ждал реакции. Отец молчал. Не выдержав, я произнес какие-то слова восхищения в адрес публикации. Отец на мои слова, казалось, не обратил внимания, и я умолк. Наконец он прервал паузу и, обращаясь скорее к себе, произнес, что выпускать журнал в таком виде не следует.

Моему удивлению не было границ, и я, конечно, полюбопытствовал:

— Почему?!

Он еще немного подумал, видимо, подбирал нужные слова, но ничего вразумительного так и не сказал, ограничился общим замечанием, что многое предстоит еще осмыслить, а такой журнал, разошедшийся по всему свету, не сыграет положительной роли. Честно говоря, я ничего не понял, удивился, но вопросов больше не задавал.

События в ту весну развивались чрезвычайно быстро. Наступил апрель, принесший с собой такое, о чем зимой и помыслить не представлялось возможным: все газеты опубликовали заявление советского правительства с предложениями о прекращении затянувшейся корейской войны. Вскоре начались переговоры о перемирии и обмене пленными. Страну потрясло сообщение о прекращении «дела врачей», а ведь только 13 января мы прочитали в «Правде» о разоблачении их

преступлений и о советской патриотке докторе Тимашук.

Вместо тщательно пережеванных комментариев 25 апреля в газетах опубликовали полный текст выступления президента США Дуайта Эйзенхауэра перед американскими редакторами. По тем временам шаг беспрецедентный. А в мае и того больше — «Правда» поместила без купюр выступление в палате общин главного «поджигателя войны» сэра Уинстона Черчилля. Такое могло заставить Сталина перевернуться в гробу.

Да, мир менялся, новое руководство перекладывало руль, вырабатывало свою собственную линию поведения.

Энергичный Хрущев исподволь начинал играть все более значительную роль.

Резко подняло его акции устранение с политической арены Берии. Я не хочу тут пересказывать всю эту историю. Напомню только, что он стал инициатором этой непростой акции и довел ее до конца. Помню, как 26 июня, в день решительного заседания Президиума ЦК, отец все утро просидел на лавочке в дачном саду один на один с Анастасом Ивановичем Микояном. Приближаться к себе он запретил, и я увивался вокруг начальников охраны отца и гостя, прогуливающихся поодаль по дорожкам сада.

Все в тот день выглядело необычно. Ежедневно отец уезжал на работу к девяти, а гости если приезжали, то вечером, и в разговорах с ними принимали участие (в качестве слушателей) все члены семьи: и взрослые, и не очень взрослые. Эта же утренняя беседа затянулась. Наконец они поднялись и пошли к дому. Лица у обоих сосредоточенные, — запомнились своей необычностью, — я привык к прощальной улыбке отца и приветливому взгляду Анастаса Ивановича. Миновав дом, оба направились к стоящей на площадке машине. Отец с усилием открыл тяжелую бронированную дверь ЗИСа, пропустил вперед гостя и залез сам. Бронированный автомобиль тоже вызывал недоумение. Последние месяцы отец им не пользовался. Я стоял рядом. Отец наконец заметил меня, улыбнулся и помахал на прощание рукой. Охранник с тихим клацаньем захлопнул дверь и быстро занял место впереди. Машина тронулась.

Мы ничего не подозревали. Только вечером, когда усталый отец возвратился на дачу, он сообщил:

— Сегодня арестовали Берию. Он оказался врагом народа и иностранным шпионом.

Стереотипы живучи.

Ошеломленные, мы не смогли выдавить ни слова. Даже я не задал ни одного вопроса. Об обстоятельствах дела мы узнали значительно позднее. Пока все хранилось в тайне. Лишь 3 июля на второй странице «Правды» появилась большая редакционная

статья «Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — могучее идейное оружие нашей партии». Для тренированного глаза она служила сигналом: в руководстве произошло что-то неординарное. И только 10 июля опубликовали сообщение о состоявшемся на днях (а когда именно — секрет) пленуме ЦК, который постановил за «преступные антипартийные и антигосударственные действия Л. П. Берия… вывести из состава ЦК и исключить его из партии как врага Коммунистической партии и Советского государства».

В июньские дни, за десять дней до ареста Берии, новому руководству пришлось столкнуться с первым серьезным кризисом. 17 июня в Германской Демократической Республике, в Берлине, начались волнения. Они быстро распространились и на другие районы страны. В Москве на эти события отреагировали мгновенно, на заседании Президиума ЦК было решено ввести в города советские войска, в первую очередь танки. В случае необходимости разрешалось применять оружие.

Ответственность за наведение порядка в Германии возложили на Берию, наделив его чрезвычайными полномочиями. В этом выборе просматривается мрачный юмор истории. Берия после смерти Сталина выступал против поддержки образованной в 1949 году ГДР, предлагал уступить ее Западу. Здесь он столкнулся с Молотовым, энергично поддержанным отцом. Они считали позицию Берии в корне неверной: социалистическая Восточная Германия будет служить привлекательной витриной, демонстрирующей преимущества «социалистического образа жизни», своим примером увлечет пролетариат Западной Европы, и не только Европы.

Сейчас Берии вменили железной рукой навести порядок в оккупационной зоне. И он навел. Обстановка быстро стабилизировалась, на всех мало-мальски заметных перекрестках мятежных городов стояли танки, расчехленные орудия не позволяли сомневаться в серьезности намерений их экипажей. В ряде мест раздались выстрелы, имелись убитые и раненые, оккупационная армия не шутила, требуя от поверженного врага безоговорочной капитуляции.

Восстание в ГДР и подготовка к аресту Берии столкнулись во времени. Командировка Берии в Берлин стала настоящим подарком судьбы для заговорщиков. В своих воспоминаниях отец не раз останавливается на опасениях, что предпринимаемые ими усилия могли выйти наружу. Ведь все они, члены Президиума ЦК, являлись заложниками Берии, без службы охраны МВД никто из них и шага ступить не мог.

В отсутствие Берии дела пошли живее. К его возвращению в Москву все было оговорено.[4] Сомневался один Микоян. Именно утром 26 июня отец предпринял последнюю попытку склонить его на свою сторону. Но безуспешно. Анастас Иванович на арест Берии согласия не дал, он продолжал колебаться.

Обстановка в Германии быстро стабилизировалась, но восстание послужило серьезным предупреждением. Отец воспринял происшедшее очень остро: почему рабочие идут против своей же рабочей власти? Основной причиной столкновения ему виделась неопределенность, непоследовательность нашей политики в отношении Германии, и в первую очередь в экономическом аспекте. К тому времени наши союзники отказались от своей доли выплат, предусмотренных документами, определившими статус потерпевшего поражение германского рейха. Хозяйство в западных зонах начало быстро восстанавливаться.

В ответ на мои расспросы отец охотно объяснил мне, что, по его мнению, произошло в ГДР. Как мне помнится, он выделял следующие аспекты: во-первых, неправильно продолжать взимать с немцев репарации после того, как образовалось рабочее государство — Германская Демократическая Республика. Мы теперь друзья, а не враги, и тем не менее заставляем их выплачивать большие суммы, тогда как Западная Германия не несет подобного экономического бремени. В результате восточные немцы живут хуже западных, и это, естественно, вызывает раздражение, недовольство. Да и политически мы себя ставим в невыгодное положение — тащим все, что можем утащить.

Ошибочным он считал демонтаж многих заводов. Вывезли мы устаревшее оборудование, которое нам не помогло в восстановлении разрушенного народного хозяйства, а изрядно навредило в установлении добрых отношений с Германией. По его словам, мы вывозили все подчистую, как фашисты из нашей страны.

Особенно беспокоила отца неопределенность нашей позиции в отношении будущего Германии. Тогда не возникало сомнений в необходимости скорейшего подписания мирного договора и объединения Германии, но на каких условиях? Уже существовали два германских государства с разными укладами — капиталистическим и социалистическим. Отец считал, что мы обязаны однозначно поддержать ГДР, заявить о недопустимости ее ассимиляции со стороны ФРГ. Неопределенность порождала неуверенность, недовольство, а тут еще перебои со снабжением, несвоевременный пересмотр норм выработки на предприятиях.

Не последнюю роль, считал отец, сыграли и западные спецслужбы.

Меня его объяснения удовлетворили, все как бы стало на свои места. Я позволю себе не комментировать взгляды отца с позиций сегодняшнего дня, а постараюсь донести их до читателя, насколько это возможно, в неискаженном виде.

Нелишне еще раз напомнить, что мы говорим о 1953 годе. Война еще не ушла в историю. Решительное вмешательство оккупационных войск и быстрое наведение порядка вызвали удовлетворение в Москве. Как отнеслись к карательной акции немцы? Мне запомнились рассказы отца о том, что, как только обстановка стабилизировалась, местное население проявляло даже симпатию по отношению к солдатам. Завязывались разговоры. Так ему докладывали из Берлина. Вскоре высказывавшиеся отцом мысли нашли свое выражение в конкретных действиях. Уже в августе наша страна подписала с ГДР протокол о прекращении с 1 января 1954 года взимания репараций с Восточной Германии.

Бурные события лета 1953 года не изменили отцовских привычек.

Жизнь в московской квартире на пятом этаже с окнами, выходящими в каменный колодец двора, угнетала отца. При первой возможности он стремился удрать на дачу. Зимой это удавалось не всегда, а вернее, туннели заледенелых дорожек между высокими сугробами привлекали меньше. С весны же он все чаще уезжал ночевать за город и с наступлением тепла перебирался туда совсем. И в Киеве, и в Москве летом мы постоянно жили на даче, здесь, вдали от шума и смрада улиц, отцу удавалось восстановить силы.

Отца тянуло на дачу не просто желание отдохнуть, он истово любил природу. Весной его приводили в трепет цветущие вишневые сады. Отец мог часами любоваться густо усыпанными бело-розовыми цветами ветками яблонь. Сирень, каштаны, розы, белая акация — трудно перечислить все его любимые кустарники и деревья. Пора цветения — его любимое время года. Крестьянской натуре так созвучно весеннее возрождение природы. И напротив, осеннее умирание приводило отца в уныние. Даже красочное разноцветье опадающих в солнечный осенний день листьев не возвращало ему хорошего настроения.

Любил отец и животных. В Киеве у нас жили две собаки: трофейные курцхаары. Их подарили ему возвращавшиеся из Германии на родину приятели-генералы. Мама животных не очень жаловала. Они вносили разлад, нарушали незыблемость установленного ею порядка; но внешне свою неприязнь она

старалась не проявлять, терпела. В ней боролись два начала: с одной стороны, общение с животными благотворно влияет на формирование характера детей, с другой — от них можно набраться всякой заразы.

Кроме собак, у нас жили кролики, утки, гуси, цесарки — хозяйство моей бабушки Екатерины Григорьевны, маминой мамы. Она не мыслила себя без работы и весь день прибирала, кормила, поила своих питомцев.

Зная склонность отца к животным, ему постоянно тащили потерявшихся в лесу детенышей. По дому носились белки, очень любившие закапывать орехи в косы моих сестер. Они неведомым образом заранее узнавали о приходе отца и, едва он открывал дверь, обшаривали карманы его костюма в поисках гостинца. Отец блаженно улыбался. Конечно, от белок в доме порядка не прибавлялось, то прогрызут дыру в скатерти, то разобьют что-нибудь.

Другим киевским приемышем отца стал лисенок. Охранники нашли его на даче. Постепенно он превратился в большого рыжего лиса. Характером он был нелюдим, весь день прятался в саду, где отрыл себе надежные убежища. Кормить себя он снисходительно позволял нам, но признавал только отца. Когда отец возвращался с работы и шел на свою вечернюю прогулку, лис следовал за ним по пятам. Стоило отцу подняться в дом, он мгновенно исчезал. Лис оказался не без греха. Он охотился на бабушкиных питомцев, и по ночам то и дело обитателей дома будил истошный птичий гомон. Утром находили следы преступления — кучу перьев под кустом. Бабушка грозила страшными карами, но разбойнику все сходило с лап, он прикрывался широкой спиной отца.

Предоставленная отцу после переезда из Киева государственная дача располагалась в бывшем дворце московского генерал-губернатора, дяди последнего царя, Великого князя Сергея Александровича. До войны там размещался однодневный дом отдыха Московского комитета партии. Отдыхали секретари МК, секретари райкомов, работники Моссовета. Две комнаты в свитском флигеле до 1938 года занимал и отец.

После войны, а может и раньше, обстоятельства изменились, во дворце поселился секретарь МК и ЦК Александр Сергеевич Щербаков. В свитских помещениях разместилась охрана. После смерти Щербакова дача отошла его преемнику Попову, а теперь тут предстояло жить нам. Огромный двухэтажный дом, по моде конца прошлого века построенный в псевдоготическом стиле с переплетами окон в виде крестов. К дому в полную высоту здания

примыкал застекленный зимний сад.

Напротив входной двери во дворе в густой траве скрывался вход в бункер-бомбоубежище — обязательная принадлежность всех дач членов Президиума ЦК в те годы. В последующий период их уже не строили. От дома по лужайке дорожка круто спускалась к Москве-реке.

Отец и в Москве попытался завести белок, но они не прижились, при первой возможности убежали в лес. Правда, они снисходили до того, чтобы взять из рук орех или сухарик. За что и поплатились, вскоре их перебили мальчишки из соседней деревни Усово.

Самым крупным обитателем в «зоопарке» отца стал самец косули. Нрава он был кроткого, щипал травку, иногда прогуливался с хозяином, вольностей себе не позволял, от людей держался на расстоянии. Только по весне, когда тоска по подруге пересиливала остальные эмоции, он становился крайне раздражительным. Тут зевать не приходилось, особенно женщинам. Он не пропускал ни одной юбки. Ухаживание проходило своеобразно: сначала он долго и незаметно приглядывался к намеченной жертве, а затем, улучив момент, разгонялся и поддавал лбом пониже спины. У одних это вызывало смех, у других возмущение. Особенно, у дородных матрон, приезжавших к отцу в гости со своими мужьями. Как бы то ни было, такой способ выражения чувств заставлял держать форму, не расслабляться. Наступало лето, и пора тревог кончалась, двуногие теряли свою привлекательность.

Недолго у нас на даче погостил белый медвежонок. Один из штурманов полярной авиации Петр Георгиевич Петухов привез его из очередного северного рейса совсем крошечным, размером с собаку. В квартире ужиться с медведем ему не удалось. И в качестве щедрого дара от старого знакомого зверь перекочевал к заместителю начальника охраны отца Леониду Трофимовичу Литовченко. Тот, зная страсть отца к живности, притащил его на дачу. Нашим восторгам не было границ. Правда, радовались не все. Леонид Трофимович отнесся к гостю с подозрением и обходил его на почтительном расстоянии — все-таки зверюга. Остальные тискали, трепали и гладили щурившегося от удовольствия малыша. Однако вскоре начались трудности. У медвежонка оказались длинные, пусть не очень острые когти и серьезный характер. Он требовал к себе внимания. Больше всего ему нравилось сосать палец или пуговицу. Поначалу это возбуждало любопытство, но быстро надоедало, а звереныш не мог понять, почему у него отбирают любимую игрушку, а может быть, маму. Он бежал следом, хныкал, норовил встать на задние

лапы, обхватив передними своего новоявленного друга. Тут оставалось рассчитывать только на собственную ловкость. Один из дежурных секретарей отца из ЦК, заслышав о диковинке, приехал на дачу полюбопытствовать. Пылкая привязанность стоила зазевавшемуся гостю разодранного в клочья пиджака.

Возникла и иная проблема. Медвежонку полюбилось греться на солнышке, он заваливался на теплом асфальте и блаженствовал. В эти моменты его лучше было не беспокоить. Он облюбовал себе место у ворот и принимал солнечные ванны с утра, как раз когда отец отправлялся на работу. Медвежонка манили, тащили за лапы, он отбивался, потом начинал носиться за нами, детьми, включаясь в игру. Тут-то водитель отца и выбирал подходящий момент, чтобы вырваться из плена. По правде говоря, эти задержки не вызывали у отца никакого раздражения.

Но зверь есть зверь. Медведь вырос, пришлось его отдать в зоопарк.

Международные дела после смерти Сталина достались его преемникам в чрезвычайно тяжелом состоянии. Вот типичный пример взаимоотношений двух держав в те годы. 27 июля 1953 года американский пилот Ральф С. Барр на истребителе Ф-86 сбил над Китаем наш пассажирский самолет Ил-12, следовавший из Порт-Артура в Советский Союз. Пятнадцать пассажиров и шесть летчиков погибли. Пилот, конечно, видел, что это гражданский самолет, но рядом в Корее бушевала война…

Мы не остались в долгу. 30 июля вблизи Владивостока в районе мыса Гамова сбили американский Б-50. Око за око, зуб за зуб.

Шла «холодная», а кое-где уже и «горячая» война. Новому руководству приходилось брать в свои руки руль, не сбавляя скорости. Если некоторые члены Президиума ЦК и раньше касались международных отношений, другие по долгу службы занимались проблемами обороны и новыми видами вооружений, то отец, вернувшись в Москву, был далек от всего этого. Теперь, не отрываясь от жилищного строительства, борьбы за сборный железобетон, столь любимого им квадратно-гнездового способа посадки картошки, он осваивал новую область. И не просто осваивал, жизнь требовала принятия немедленных решений. Причем каждая ошибка могла обойтись очень дорого. Обстановка в те годы была напряженная. Вернее даже назвать ее кризисной. Казалось, вооруженное столкновение может начаться в любой момент.

В одну из первых после переезда в Москву поездок на дачу мое внимание привлекли развернутые вдоль дороги зенитные

батареи. На Рублевском шоссе, там, где сейчас расположена станция метро «Молодежная». Как и всякого мальчишку, пушки меня притягивали, интересовали больше, чем сеялки, смотреть которые отец водил нас на соседние поля.

Я показал на пушки отцу, он промолчал. Впоследствии я узнал, что батареи стояли с разложенными у орудий боевыми снарядами. Ожидалось, что воздушный рейд на Москву может произойти со дня на день. Предположение выглядело весьма правдоподобно: мы окружены американскими военными базами, их бомбардировщики с атомными бомбами способны достигнуть почти любой точки нашей страны. Сами же Соединенные Штаты оставались неуязвимыми. Мало того, что у нас практически отсутствовали атомные заряды, даже теоретически ни один наш самолет не мог решить подобную задачу. Теперь вся ответственность за безопасность страны легла на плечи нового руководства. Отец еще не стал лидером, но находился среди тех, от чьего решения зависело будущее. Сорок первый год не должен повториться. Воспоминания о трагедии разгрома были свежи в его памяти. Еще долгие годы свои решения в вопросах обороны он, прошедший войну от первого дня до 1944 года, будет примерять по 41-му.

Обеспечение безопасности страны отец считал наиглавнейшим делом. Таким же, как задачу накормить страну, одеть и обуть людей, построить жилье. Требовалось создать современное вооружение. Такое, чтобы противнику и в голову не пришло сунуться, ведь политика в те годы проводилась только с позиции силы. Но недавняя война научила отца и другому — ненависти ко всякой войне. Он искренне стремился избежать столкновения. На всю жизнь остались перед его глазами трупы людей, запомнился смрадный запах разложения на полях недавних боев, и руины, руины, руины. Его крестьянский, прагматический склад мышления не допускал повторения кошмара. А ведь наша политическая доктрина в те годы предписывала неизбежность окончательной схватки между социализмом и цепляющимся за жизнь, загнивающим, умирающим капитализмом и империализмом. Отец пока не замахивался на теорию, но реальные действия, направленные на недопущение войны, начиная с тех дней стали для него основой во внешней политике.

Общеизвестно, что Сталин после войны использовал все возможности для усиления нашей военной мощи. Первейшей задачей стало создание атомной бомбы. Но не менее важной оказалась проблема ее доставки. Мы не имели стратегических бомбардировщиков. В прошедшие годы все внимание нашей

авиационной промышленности было сосредоточено на фронтовой авиации. Дело не в том, что не существовало проектов. До войны имелись прекрасные разработки Туполева, Бартини, Петлякова. В серию они не шли. Сталин разлюбил большие самолеты. А его слово было решающим. Он считал, что их производство требует слишком много денег. Эту точку зрения поддерживали и большинство фронтовых командующих. Что греха таить, все они, включая Жукова, выросли, получили звания и ордена на фронтовых операциях. Стратегическая авиация требовала более масштабного мышления. В войну наши войска выдавливали фашистов с оккупированной территории шаг за шагом. Каждый видел результаты боевых вылетов штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. Редкие рейды наших немногочисленных дальних бомбардировщиков носили скорее пропагандистский характер. Мы не столько бомбили, сколько демонстрировали над Берлином.

Челночные массированные рейды американских «летающих крепостей», конечно, производили впечатление на советских военачальников. На Полтавский аэродром, где они базировались, ездили, как в зоопарк, поглазеть на заморские диковины. Цокали языками, восхищались техникой, обогреваемой кабиной и даже туалетом на борту, но, отойдя в сторонку, злословили — нам подобный комфорт ни к чему.

Отец в Полтаву так и не собрался, не до того было. Но весной 44-го кто-то из генералов прислал ему в Киев надувную резиновую лодку. Ими на случай беды оснащались бомбардировщики. Посылку сопровождала записка: посмотрите-де до чего там додумались, на пузырях плавают. У нас о подобном чуде тогда и не мечтали.

Любивший всяческие технические новинки отец решил немедленно испытать подарок. Лодку надули и спустили в расположенный поблизости от дома, где после освобождения Киева поселился отец, прудик. Выглядела она хлипко, не верилось, что способна выдержать на себе полдесятка пассажиров, как говорилось в описании. Опробовал лодку отец вместе со своими коллегами по украинскому Совмину. Нужно сказать, что залезали они в нее с опаской, но вскоре успокоились, американская инструкция не обманула. Неуклюжая посудина не просела даже после того, как в нее залез самый толстый из «испытателей», заместитель отца, отвечавший за сельское хозяйство, слоноподобный Старченко, замечательный ученый и прекрасный человек. У меня сохранилась фотография: на веслах сидит отец, а на бортах разместились Гречуха, Старченко, их вполне подходившие по весу жены с букетами сирени в руках.

Отец пришел в восторг, хотел наладить выпуск надувных лодок на Украине, но нашей промышленности такое тогда оказалось не по зубам. Да и вообще, восхищение американскими достижениями быстро выходило из моды.

Все громче звучали в газетах и по радио нотки нашего превосходства. Ведь война все дальше уходила на Запад. На все лады повторялось: «Русский солдат и без этих штучек побеждает немцев». Поворота в мозгах не произошло. Стратегический эффект от массированных бомбардировок экономических центров Германии и Японии очень долго недооценивали.

Не последнюю роль тут сыграла и борьба с космополитизмом. Люди моего поколения помнят, до каких курьезов доходили попытки доказать, что все изобретено в России: и пароход, и самолет, и радио. Без исключения — всё! Военную область не обошли вниманием. Годами в наши головы вдалбливали незначительность роли союзников в достижении победы. Извращенная логика требовала доказательств неэффективности стратегических бомбардировок, и такие доказательства находились. Парадокс состоит в том, что в подобные выдумки первыми начинают верить их авторы.

Однако, как бы там ни было, для атомной бомбы требовался мощный дальний бомбардировщик. Задание на его разработку выдали ОКБ Андрея Николаевича Туполева. До войны именно он создал крупнейшие советские самолеты ТБ-1 иТБ-3. На АНТ-25 совершили легендарный перелет в Америку через Северный полюс. Сохранились эти традиции и в последующие годы — создатель Пе-8 Петляков большую часть жизни провел в ОКБ Туполева.

Работы начались, но оказалось, что у Сталина вызревало иное решение. Ему давно приглянулась американская «летающая крепость». И проблемы космополитизма, нашего приоритета его не беспокоили. Очень хотелось заиметь такой самолет, но как его получить?

Еще в 1943 году советская разведка добыла полный комплект бортовой документации стратегического бомбардировщика союзников Б-29. Ее перевели на русский язык, внимательно изучили, но она позволяла управлять самолетом, а не производить его. О чертежах и иных производственных документах оставалось только мечтать.

И тут нам, что называется, повезло. На одном из аэродромов на Дальнем Востоке приземлилась заблудившаяся американская «сверхкрепость» Б-29. Янки любят давать своим самолетам имена. Надпись на фюзеляже нашего гостя представляла его как «Бродягу». На сей раз он забрел явно не туда. Правда,

союзнические отношения еще не были окончательно забыты, в инциденте не усматривалось ничего зловещего. Казалось бы, надо накормить экипаж, заправить самолет и пожелать им счастливого пути. Запросили Москву. Там немедленно доложили Сталину. Вскоре пришел ответ: команду задержать, самолет опечатать. Начались переговоры о возвращении людей и самолета. Дело завершилось так: экипаж вернули, о самолете же советские представители и слушать не хотели. Американцы махнули рукой, не воевать же из-за бомбардировщика. Но в ухудшение отношений между двумя странами этот инцидент внес свой вклад.

В 1944 году к «Бродяге» присоединились еще два Б-29 — «Генерал Арнольд», названный так в честь командующего американскими ВВС, и «Дэйн Хау» (что это означает в переводе с китайского, я не знаю). Они, как и «Бродяга», после бомбежки Японии приземлились на советской территории.

Вскоре из Москвы последовал секретный приказ доставить самолеты в столицу. Тут пригодились добытые в свое время инструкции. В спешном порядке по ним подготовили советский экипаж во главе с подполковником Рэйделем. Он перегнал «Бродягу» в Москву на Измайловский аэродром. За ним последовали «Дэйн Хау» и «Генерал Арнольд». Сейчас на месте Измайловского аэродрома бесконечной чередой выстроились Парковые улицы.

Министру авиационной промышленности поступило от Сталина личное распоряжение сделать точную копию. Сроки назывались крайне сжатые. Посмотреть на заокеанскую экзотическую игрушку зачастили «экскурсанты». Не раз приезжали корифеи Туполев и Ильюшин. Порознь. Андрей Николаевич не жаловал Сергея Владимировича, в свое время они оказались по разные стороны колючей проволоки. Туполев считал, что Ильюшин относится к тем, кто сажал. Так ли это — не мне судить, но отношения между двумя знаменитостями сохранялись далеко не лучшие.

Специалисты облазили все закоулки заокеанского гиганта, разобрали и заново собрали многочисленные приборы. Выводы их звучали неутешительно, особенно в области автоматики. Самолет был напичкан дистанционными следящими системами ведения огня, массой датчиков. О принципе работы некоторых из них оставалось только догадываться. На наших самолетах о подобной роскоши и не мечтали, мы только-только освоили производство электрических автопилотов и очень гордились своим достижением. А тут… Было от чего приуныть. И что доложить Сталину?

Решили выпустить Туполева, у него работа над новым бомбардировщиком наиболее продвинулась. Самолет получался, в нем использовались последние достижения аэродинамики, моторостроения, все то, что мы имели. А без того, чего не имели, старались обойтись, выкручивались за счет русской смекалки. Предложения авиаконструктора легли на стол Сталина. Аргументы приводились весомые: пока самолет изучат, сделают чертежи, подготовят производство, он неизбежно устареет. Ведь Б-29 эксплуатируется с середины войны. Пройдут годы, и в результате мы получим музейный экспонат. Куда целесообразнее сосредоточиться на проекте нового бомбардировщика, отвечающего требованиям современной воздушной войны. Казалось, с Туполевым невозможно не согласиться, но Сталин рассудил иначе. Последовала раздраженная команда:

— Повторить, не изменяя ни детали.

Сталин стремился избежать даже малейшего риска. И атомная бомба, и ее носитель должны быть точно такими, как их испытали американцы. Это служило гарантией успеха. Атомщики тоже предлагали свой вариант заряда, более мощный и эффективный, но и они получили строгий приказ ни на йоту не отклоняться от добытых разведкой американских чертежей. И уж затем, когда новое оружие будет в руках, придет время заняться его улучшением. Пояснять свой приказ Сталин не считал нужным.

Подготовили обширное постановление правительства. От Политбюро за успех мероприятия отвечал лично Берия. Самолет получил наименование Ту-4.

«Генерала Арнольда» перетащили на Центральный аэродром, разобрали, все детали тщательно упаковали и под охраной развезли по разным уголкам нашей страны. Началась кропотливая работа, ведь сложную техническую систему нельзя скопировать бездумно, механически. Такая копия наверняка не заработает. Требовалось до тонкостей понять принципы, заложенные в основу разработки, а это нелегко. Подчас легче сделать новый прибор, чем понять, как устроена чужая хитроумная игрушка. Нередко для расшифровки загадки требуется более высокая квалификация, чем у самого автора.

«Дэйн Хау» оставили в неприкосновенности как эталон. По нему сверяли каждую деталь: подходит ли, становится ли на место? «Бродягу» передали в ВВС — учить будущих пилотов будущего Ту-4.

Для того чтобы выполнить указание и сделать точную копию, пришлось, без преувеличения, создать новую авиационную промышленность. Американский самолет можно было воспроизвести только по американской технологии. Тут не

удавалось выйти из положения за счет, к примеру, использования водопроводных труб для каркаса крыльев, как это сделал Яковлев на своих истребителях в годы войны.

Ту-4 открыл новую страницу в советском самолетостроении. Учредили новые исследовательские институты и конструкторские бюро: по элементам автоматики, новым технологиям и материалам. Пока же специалисты возились с американскими загадками, строили новые заводы, оснащенные на самом, по тем временам, современном уровне. Так что одновременно с Ту-4 родилось советское авиационное приборостроение. На большинстве современных советских самолетов стоят приборы, датчики, электрические машины, ведущие свою родословную от Б-29. Так что сталинское решение можно трактовать и во благо. Если, конечно, не задумываться, во что оно обошлось. Однако, когда Ту-4 появился в войсках, все убедились в правоте Туполева: для современной войны бомбардировщик не годился.

Наша авиация получила носители атомных бомб, как две капли воды похожие на уничтожившие Хиросиму и Нагасаки, но главную задачу так и не решили, территория США оставалась неуязвимой, тогда как на картах американских ВВС нашу страну покрывали окружности, демонстрирующие возможности авиационных баз, рассыпанных по Европе и Азии.

По тем временам отношение отца к секретности, заполонившей всю нашу жизнь, можно назвать весьма либеральным. Даже более того. Конечно, в отношении донесений разведки, докладов послов и других аналогичных документов порядок выдерживался строго, и в них не мог заглянуть никто. То есть что значит не мог? Отец приносил домой толстую коричневую кожаную папку, туго набитую бумагами. Единственным замком служил кожаный язычок, застегивающийся на кнопку. Клал он папку на маленький столик в столовой и только на ночь уносил с собой в спальню. И то не из соображений сохранности, а потому что намеревался кое-что проглядеть на сон грядущий. Никому из домашних и в голову не приходило прикоснуться к папке, только если отец просил принести ее к нему в сад, где он располагался для чтения.

Покров таинственности вокруг самолетов, ракет, танков отец считал в значительной степени надуманным. Конечно, секретность необходима, но засекречивать внешний вид самолетов или кораблей, которые могут увидеть в движении многие… То же и с фамилиями конструкторов. Но заведенный порядок он менять не стал, то ли не решился, то ли руки не дошли. Это стало приметой нынешнего времени. В те годы даже

индекс, обозначающий тип ракеты, считался секретным. Хотя не обходилось и без курьезов. Порой в академических журналах появлялись статьи, описывающие поведение тонкостенной цилиндрической оболочки, частично заполненной жидкостью. Так наукообразно именовали ракету. Для цензуры камуфляж оказывался достаточным. Приводившиеся в публикации формулы для специалистов значили гораздо больше, чем совершенно секретные описания. Наука не способна развиваться без перекрестного опыления.

В один из дней первой половины августа 1953 года отец приехал на дачу сияющий. Время было не позднее, заходящее солнце стояло довольно высоко. Пока собирали к ужину, мы с отцом вышли на лужайку перед домом — излюбленное место его летнего вечернего отдыха.

Отец поделился распиравшей его тайной: сегодня осуществлен взрыв водородной бомбы. Испытания прошли успешно. Отец просто не мог сдержаться, наконец-то нам удалось обставить Соединенные Штаты! Они, правда, еще в прошлом, 1952 году провели свой эксперимент, но у американцев, как доложили отцу, получилось громоздкое, тяжелое устройство, которое не поднимет ни один самолет. Испытывать его пришлось на земле, на гигантских вышках. Нашим же физикам удалось найти принципиально новое решение, и теперь мы обладали оружием невиданной разрушительной силы.

Отец ни тогда, ни впоследствии не помышлял о применении ядерного оружия. Когда он впервые, еще при жизни Сталина, посмотрел фильм о взрыве атомной бомбы, то пришел домой подавленный и долго не находил себе места. Он гордился достижениями наших ученых, возросшей силой нашей армии, но пустить их в дело не входило в его планы. Конечно, если на нас нападут, сложится безвыходная ситуация…

Сообщив сенсационную новость, отец немного помолчал и заговорил о том, какие у нас прекрасные ученые и конструкторы (он всегда произносил эти два слова вместе, чтобы не дай бог не обидеть кого-нибудь), какие таланты! По его словам, при разработке водородной бомбы отличился совсем молодой человек, ему чуть больше тридцати лет, по фамилии Сахаров. Имя и отчество отец не запомнил. Именно ему в голову пришло оригинальное решение, позволившее обойти американцев. Он произвел основные расчеты водородной бомбы.

— Какая умница! — восхищался отец.[5]

В чем состояло изобретение Сахарова, отец не рассказывал, наверное, из-за секретности, а возможно, и сам не знал.

Не помню, встречался ли отец с Андреем Дмитриевичем или

ему его представили заочно, но он увлекся молодым ученым. Характеру отца была свойственна такая эмоциональность в отношении людей творческих, из науки. Уверовав в них, он стоял за них до конца, восторги его не знали границ, хотя это не исключало и споров, и даже порой столкновений. Не всегда его выбор бывал удачен. В число его фаворитов наряду с бесспорными именами, такими, как академики Лаврентьев, Курчатов, Королев, Туполев и многие другие, входил и Лысенко.

Восхищенную тираду о Сахарове отец закончил словами о том, что такой человек заслуживает высших наград.

— Конечно, мы ему присвоим звание Героя Социалистического Труда, но он достоин большего, по значимости полученных результатов он превосходит многих, — проговорил он.

Восторженное отношение к Андрею Дмитриевичу Сахарову отец сохранил до самой своей смерти. Не поколебали его ни их размолвки, ни серьезные расхождения во взглядах.

Доставить груз (так стыдливо именовали ядерный заряд) на Североамериканский континент специалисты предлагали одним из трех способов: самолетом, с помощью крылатой ракеты (ее тогда у нас называли самолетом-снарядом) и баллистической ракетой.

Страна вступила в 1950-е годы. Главной стратегической задачей десятилетия в области обороны было обеспечение поражения «вероятного противника». Такое наименование сохранится за США на долгие годы.

Какой путь окажется наиболее эффективным, не знал никто. Решили объявить конкурс. Коллективу-победителю сулили щедрые премии, ордена. Наибольшие награды в виде построенных за государственный счет дач и автомобилей, званий Героя Социалистического Труда, внеконкурсного избрания в Академию наук, Сталинских и просто огромных денежных премий обещались генеральным и главным конструкторам. По логике Сталина, против такого не способен устоять никто, и ученые сделают невозможное. Никогда впоследствии ни в одном постановлении я не встречал ничего даже отдаленно похожего.

Работа началась не на пустом месте. За бомбардировщик взялись коллективы Андрея Николаевича Туполева и Владимира Михайловича Мясищева. После испытания водородной бомбы курировавший в правительстве ядерные дела заместитель председателя Совета министров Вячеслав Малышев предложил ориентироваться на трехмегатонный заряд. Его предполагалось устанавливать в первую очередь на межконтинентальные ракеты. По предварительным прикидкам Андрея Дмитриевича Сахарова,

вес заряда не должен был превышать пять с половиной тонн. Огромная разрушительная сила заряда компенсировала все возможные ошибки приведения ракеты к цели. Предложения по межконтинентальным крылатым ракетам подготовили Семен Алексеевич Лавочкин и тот же неугомонный Мясищев.

В конце 1953 года Малышев посетил конструкторское бюро (ОКБ-1) Сергея Павловича Королева. Особый интерес вызвали прикидки Михаила Тихонравова по новой дальней баллистической ракете. Они показались ему многообещающими. 20 мая 1954 года вышло постановление правительства о разработке межконтинентальной баллистической ракеты. Возглавить работу поручили Королеву.

В 1944 году его освободили из заключения. Королев сидел давно, его арестовали сразу после процесса Тухачевского. Работы по ракетной технике, которые маршал всемерно поддерживал и продвигал как базу для создания нового грозного оружия, немедленно свернули. За энтузиастами ракетоплавания надолго захлопнулись тюремные двери.

Чудом оставшись в живых в магаданских лагерях, Королев войну провел в «шарашке», занимался ракетными ускорителями. Ими оборудовали бомбардировщики Пе-2 и истребители Лавочкина. Вернее, собирались оборудовать. По замыслу авторов, за счет ракет самолет мог резко увеличить скорость в момент атаки. Работа двигалась со скрипом, никак не удавалось добиться устойчивых результатов. По аэродрому Королев перемещался в сопровождении двух конвоиров, их в просторечии окрестили «свечками».

Теперь пришла долгожданная свобода. Наступающие советские войска захватили остатки баллистических ракет, которыми Гитлер пытался устрашить англичан. Срочно понадобились специалисты, способные разобраться в устройстве новинки. В те годы в зависимости от желаний Самого обвинения так же легко снимались, как и навешивались.

В чине подполковника Сергея Павловича с группой специалистов по двигателям, системам управления, стартовому оборудованию отправили в послевоенную Германию изучать попавшие в наши руки ФАУ-2. Вскоре во вновь созданном ОКБ приступили к проектированию отечественного двойника.[6]

Энергия у Королева всегда била через край, а тут еще обнаружился недюжинный организаторский талант, умение сплачивать, подчинять своей воле людей, целые коллективы.

Первый Новый год без Сталина встретили молодежным балом в Кремле. Это стало не просто большим событием, а

знамением времени. В самую закрытую часть Москвы, куда без специального пропуска, поручительств и тщательных проверок еще недавно не мог попасть никто, свободно шли сотни москвичей.

За несколько месяцев до смерти Сталина я попытался организовать экскурсию по Кремлю для своих сокурсников по Энергетическому институту. Какие это вызвало хлопоты! Для начала мне пришлось испрашивать разрешение у отца. Без его одобрения со мной никто и говорить не собирался, охрана Кремля просто не представляла себе такой возможности.

Разговор с отцом оказался самым простым делом. Он ответил, что не видит никаких препятствий. Тут же вызвал начальника охраны Ивана Михайловича Столярова и распорядился нам помочь.

После краткого «Слушаюсь» дело завертелось. Мы составляли списки, заполняли анкеты. Отпечатанные на машинке сведения о будущих экскурсантах я передал Столярову. Дальше они ушли в инстанции. Молчание длилось довольно долго, я уже стал нервничать. Наконец пришло разрешение, допустили всех, никого не вычеркнули. Сколько было радости.

Бог с ней, с экскурсией. В Кремле жили некоторые члены Президиума ЦК, те, кто поселился там еще в 1920-е годы: Микоян, Ворошилов и Молотов. В 1930-х годах более молодые руководители получали квартиры на улице Грановского. «Старики» продолжали жить в Кремле.

После переезда в Москву я подружился с сыном Микояна Серго. Дачи Хрущева и Микояна располагались неподалеку, когда-то Серго учился в школе в одном классе с моей старшей сестрой Радой. Он рассказывал, какие сложности ему приходится преодолевать, чтобы просто пригласить гостей. Требовалось заранее заказать пропуск, сообщить подробную информацию о посетителе: кто он, кто его родители, где живет, что делает. Не помню, что еще. Только после этого гость, получив в кремлевской комендатуре в Кутафьей башне расписанный водяными знаками листок, мог посетить своего приятеля и выпить с ним чашку чая.

Сам я никогда у Микоянов на квартире не бывал, встречались мы только на даче. Там все обстояло проще, никаких пропусков. Охрана знала меня в лицо и пускала беспрепятственно.

Участников молодежного бала, наверное, тоже проверяли, пригласительные билеты давали не кому попало. Бал оказался только первым шагом отца. Вскоре Кремль открыли для свободного посещения. Такой, казалось бы, естественный шаг не у всех вызвал одобрение. Особенно переживал Ворошилов.

Отец с юмором рассказывал об их разговоре после того, как

он на Президиуме ЦК поставил вопрос о возвращении к старым порядкам, когда Кремль был доступен всем желающим. На заседании Климент Ефремович не выступал, промолчал и проголосовал за. Когда же начали расходиться, он подошел к отцу и стал сетовать, что теперь и погулять не выйдешь. Отец не мог скрыть своего удивления и с улыбкой спросил Ворошилова, не боится ли он людей?

— Гуляй сколько хочешь, что они тебя, укусят? — пошутил отец.

Собеседник не поддержал его и отошел обиженный. За прошедшие годы затворничества он действительно стал бояться людей. А то, что отец гуляет по улицам, ездит в колхозы и на заводы, вызывало постоянное неодобрительное перешептывание коллег за его спиной. Этим он как бы выделялся из общей шеренги.

Когда Кремль открыли, его обитатели постепенно выехали оттуда: Ворошилов и Молотов — на Грановского (Романов переулок), Микоян — на Ленинские (Воробьевы) горы.

Исподволь возвращались к своему прежнему назначению и другие объекты.

Много разговоров в Москве вызвало возвращение ГУМа в здание торговых рядов на Красной площади. Приукрасились задернутые многие годы серыми пыльными занавесками витрины, зашумела круговерть людей. Закрыли магазин давно, в связи с особыми соображениями НКВД: ГУМ находится напротив Мавзолея, на его трибуне по праздникам собираются вожди. Вдруг террорист спрячется в бесконечных переходах или торговых залах. У известного ведомства крутой характер сочетался с солдатской прямолинейностью: в бывших торговых залах разместились важные кремлевские конторы. С целью профилактики у дверей поставили часовых. Они проверяли пропуска у заполнивших многочисленные помещения многократно проверенных и абсолютно доверенных чиновников.

Сейчас трудно себе представить это здание безжизненным, так же как и сверкающий огнями ресторан «Прага». Его возвращение к жизни тоже произошло в те годы. Чем же не угодил ресторан? Под его окнами по Арбату пролегал путь Сталина из Кремля: из Боровицких ворот, по улице Фрунзе, мимо сидящего на бульваре Гоголя и дальше по Дорогомиловке в Волынское, на ближнюю дачу. Ближняя, потому что существовала еще и дальняя дача в Семеновском, неподалеку от Бородино. Там несколько лет спустя отец устраивал встречи с творческой интеллигенцией. В чьей-то ретивой голове родилось предположение, что с открытого балкона ресторана террорист-

посетитель может бросить что-нибудь в проезжавшую машину вождя. Ресторан на всякий случай закрыли.

Не повезло и соседствующему с «Прагой» памятнику Гоголю. Десятилетия он не привлекал внимания Сталина — сидит себе и сидит. А вот незадолго до конца что-то вызвало раздражение: то ли почему он сидит, то ли чему грустно улыбается? Гоголя спешно заменили — сидячего на стоячего.

Среди других забот новых властей оказалась и судьба небоскреба Дворца Советов. По замыслу Сталина он должен был стать величайшим зданием мира, превзойти нью-йоркские небоскребы, оставить далеко позади архитектурные амбиции Гитлера по превращению Берлина в центр грядущего мироздания. Дворец запроектировали столь высоким, что венчающей его скульптуре Ленина большую часть года суждено было скрываться в облаках.

Строительство начали в середине 1930-х годов на Кропоткинской набережной, поблизости от Кремля на месте взорванного незадолго до этого храма Христа Спасителя — памятника победы над Наполеоном. Заложили циклопический фундамент, начали варить металлический каркас, но тут грянула война. Летом 1941 года Гитлер напал на Советский Союз. Работы прекратились, металлический остов здания разобрали, сталь требовалась для производства танков.

После победы стройка возобновилась, но дела продвигались неспешно. К моменту смерти Сталина восстановили лишь каркас первых пяти-шести этажей.

Отец резко возражал против строительства высотных зданий. Они обходились много дороже пяти-шестиэтажек, а с землей под строительство в Москве проблем не было. Не Нью-Йорк. Коллеги по Президиуму ЦК поддержали отца. Решили впредь небоскребы в Москве не строить, сооружение Дворца Советов прекратить.

Рабочие во второй раз занялись разборкой каркаса невезучего дворца. На его месте решили устроить открытый плавательный бассейн. Самый большой в мире. Почему бассейн? Отец объяснил мне, что на таком мощном фундаменте жалко возводить обычное здание. А бассейн и людям доставит удовольствие, и место сбережет. А там потомки решат, как распорядиться «наследством». Бассейн так бассейн. Решение тогда прошло незамеченным. Ворчали лишь в соседних музеях, испарения подогреваемой зимой воды нарушали баланс влажности в их запасниках.

Со временем бассейн стал частицей московской жизни, почти каждый столичный житель хоть раз окунулся в его воду.

Прошли годы. Потомки решили по-своему. На старом

фундаменте в виде бетонной копии восстановили облик порушенного храма Христа Спасителя. Копия не оригинал, но это дело вкуса.

«Вот только надолго ли?» — задаются вопросом москвичи. Давняя легенда гласит, что на этом месте в болотистом кремлевском предместье когда-то стояла деревянная часовенка. В ней жил монах-схимник. Его покой нарушил царь Иван IV, за пролитую им кровь прозванный Грозным. Царь решил снести часовню и возвести на ее месте монастырь. Рассказывают, что отшельник проклял и царских гонцов, и само это место, и предрек: что бы тут ни построили, долго не продержится. Построенный монастырь снесли по повелению царя Николая I. Возвели на его месте храм Христа Спасителя. Затем его взорвали. Стали строить Дворец Советов. Бросили. Соорудили плавательный бассейн. Наконец вернулись к сооружению старого-нового храма. И все на этом же, проклятом месте.

На 25 января 1954 года было назначено открытие в Берлине совещания министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и Советского Союза.

Спорных вопросов накопилось немало. Не существовало ни одной проблемы, где бы точки зрения Запада и нашей страны сходились. Но вопросом вопросов стала судьба Германии.

Отец заметно нервничал. Домой он стал приходить поздно, вечером подолгу говорил по телефону. Это выглядело необычно, он из дома звонил редко, ему — еще реже. Дверь в кабинет он не закрывал. Чаще разговоры велись, как я понял, с Молотовым. По телефону продолжались дневные обсуждения нашей позиции в отношении Германии и Австрии.

Как-то раз после очередного телефонного разговора, когда отец вышел из кабинета, я стал его расспрашивать. Он понял, что я слышал разговор, но не рассердился и начал терпеливо пояснять, что состояние войны не может продолжаться вечно, когда-то надо заключать мирный договор. Мы должны наладить хорошие отношения с нашими соседями, только дружба, равноправие и взаимное уважение позволят надолго сохранить мир. В Австрии существует правительство, с ним предстоит подписать договор, войска же должны вернуться домой. Оккупационная армия никогда и нигде не являлась символом дружбы.

Я расстроился. Мы победили в войне, взяли Вену, а теперь должны уходить. Отец растолковывал мне азы международных отношений, но до меня его слова доходили с трудом. Ведь все эти годы газеты, радио твердили о другом. Призывали к победе, а не к отступлению. А тут, ничего не добившись, мы заключили

перемирие в Корее и теперь собираемся уйти из Австрии.

— А что будет с Германией? — продолжал я.

Отец задумался. Мне показалось, что он не расслышал меня, и я повторил:

— Что будет с Германией?

— В Германии ситуация иная, — после длинной паузы начал отец. — Там существуют два государства. Восточные немцы выбрали социализм, и мы просто обязаны их поддержать в строительстве нового общества. Это наш долг коммунистов. Американцы хотят уничтожить ГДР, присоединить ее к Западной Германии. Мы на это не пойдем.

Отец еще долго говорил о серьезных противоречиях, о том, что мы всегда стояли за объединение Германии, но в нынешних условиях этот вопрос должны решать только сами немцы, правительства ГДР и ФРГ. Видимо, он решил выговориться, еще раз вслушаться в свои аргументы.

Конечно на совещании ни до чего договориться не удалось. В те годы собеседники не только не склонялись к диалогу, но вообще с трудом понимали друг друга. Каждая из сторон заученно излагала свою позицию. Многие наши предложения и не предназначались для обсуждения, а были направлены, как говорил отец, на разоблачение агрессивной сущности политики империализма. Американцы поступали аналогично. Германский же вопрос оказался наиболее сложным. Наши предложения на тот период отражали статус-кво, но оказались абсолютно неприемлемыми для Запада. Конрад Аденауэр не желал даже помыслить о диалоге с Вальтером Ульбрихтом, само упоминание о ГДР выводило его из себя.

Отец решил действовать самостоятельно. Миру предстояло убедиться, что он настроен решительно. ГДР должна обрести статус не ниже, чем у немецкого государства на западе. 20 марта 1954 года советское правительство сделало решительный шаг: Москва заявила о снятии оккупационного статуса в Восточной Германии и установлении дипломатических отношений с ГДР. Правда, там присутствовала стыдливая фраза о том, что принятые соглашения действуют до принятия решения об объединении Германии. Отец пояснил мне свои намерения кратко: западным странам следует трезво оценивать серьезность наших планов в ГДР, а наши друзья в Германии должны ощущать нашу твердость, понимать, что мы их не бросим. Он особенно подчеркивал, что поддержка ГДР — это не уловка в дипломатической игре, она естественно вытекает из нашей принципиальной интернациональной позиции.

— Все, кто борется с империализмом за свою свободу, могут

целиком рассчитывать на наше понимание и помощь, — закончил отец словами, которые я потом слышал от него не раз.

В том же 1954 году я впервые приобщился к людям, которые создавали современную военную технику. Как и многие представители моего поколения, я приходил в восхищение от стремительного пролета на парадах самолетов, на отдыхе любовался серыми громадами проходящих вблизи крымских берегов крейсеров и поджарыми силуэтами эсминцев.

Отцу очень хотелось, чтобы из меня получился хороший инженер. Всеми доступными средствами он старался приохотить меня к производству, где «руки и ум человека дивные дивы творят». Он любил повторять эти строки из стихотворения Некрасова.

Еще со школы в Киеве отец постоянно таскал меня с собой по различным заводам. Не изменил отец своим привычкам и в Москве. Я побывал с ним и на автозаводе, и на подшипниковом, видел, как делают станки на «Красном пролетарии», но чаще всего мы ездили по предприятиям, изготовлявшим панели для домов. Строительство жилья в те годы стало главной заботой отца.

Однажды вечером отец сказал, что на следующий день собирается посетить авиационное конструкторское бюро Владимира Михайловича Мясищева, и бросил:

— Если хочешь, я могу тебя взять с собой. Еще бы я не хотел!..

Визит к Мясищеву намечался на вторую половину дня. Сразу по окончании занятий я подъехал к зданию ЦК. У подъезда, которым пользовались только члены Президиума ЦК, стоял ЗИС отца.

— Никита Сергеевич спрашивал о тебе, — сообщил мне начальник охраны, — сейчас я доложу о твоем появлении и поедем.

Дорога заняла не более получаса. Конструкторское бюро располагалось в Москве, правда почти на окраине, в Филях. Тогда местонахождение предприятия хранилось в строжайшей тайне, и называлось оно Завод № 23. Теперь о нем широко известно. Завод имени М. В. Хруничева — один из основных поставщиков нашего космического арсенала.

Миновав пост охраны, мы гурьбой вошли в ангар. Посредине стоял огромный самолет, поражавший своей необычностью. Колеса шасси располагались не привычно по бокам, а по-велосипедному выступали из фюзеляжа одно за другим, четыре реактивных двигателя тесно прижались к фюзеляжу, стреловидные крылья свисали к земле, опираясь на нее

маленькими колесиками. В самолете сочетались мощь и стремительность. Отцу демонстрировали новейший стратегический бомбардировщик ЗМ (М-4).

На меня он произвел неизгладимое впечатление. Отец реагировал сдержанно, но и его это чудо современной техники не оставило равнодушным. Мясищев давал пояснения: высота, дальность, бомбовая нагрузка, вооружение. Группа, медленно продвигаясь, обходила самолет по кругу.

Отец внимательно слушал пояснения Генерального конструктора, вопросов пока не задавал. Он считал неприличным, не разобравшись в принципе, интересоваться различными тонкостями или привлекшими случайно внимание мелочами: «Что это? Зачем то?» Он только одобрительно кивал головой. Наконец рассказ окончился. Отец поблагодарил Владимира Михайловича, поздравил всех с великолепной машиной.

Мы перешли в здание конструкторского бюро и, поднявшись на третий этаж, разместились, не помню точно, или в кабинете Генерального, или в небольшом конференц-зале. По стенам лепились плакаты — различные модификации только что увиденного нами бомбардировщика, схемы его боевого применения, новый сверхзвуковой тяжелый бомбардировщик, сверхдальняя крылатая ракета «Буран». И еще множество иных, свидетельствовавших о неистощимой фантазии Генерального конструктора.

Приступили к главному разговору. Первым, как хозяин, выступал Мясищев, ему вторили генералы в летной форме, смежники, поставщики. Взаимных жалоб, упреков, обращений к высокому начальству с просьбой разрешить их спор, как порой случается, не возникало. Все шло гладко.

Однако здесь в кабинете отец вел себя совершенно иначе, чем в ангаре. У него в запасе оказался не один заковыристый вопрос. Особо он насторожился, когда Владимир Михайлович подошел к разделу об использовании своего самолета в качестве межконтинентального бомбардировщика, носителя ядерного оружия.

Для справки: в те годы мы не подозревали о возможности такой операции, как дозаправка самолета в воздухе. Не знаю, как в Соединенных Штатах, но даже годы спустя подобную идею наши авиаторы рассматривали как акробатический трюк, который был под силу лишь избранным.

ЗМ (М-4) предстояло выполнять поставленную задачу на том керосине, которым его заправят дома. Несмотря на все ухищрения, горючего на обратный путь не хватало даже теоретически. Тогда конструкторы совместно с авиационными стратегами придумали оригинальную схему. На висящей в углу зала карте обозначался маршрут мясищевского бомбардировщика с территории Советского Союза к жизненно важным центрам потенциального противника. Кружки, отмечавшие на карте Нью-Йорк и Вашингтон, накрывались аккуратненькими грибовидными шапочками. Сделав свое дело, красненький самолетик поворачивал не домой, а в направлении соседней Мексики. Там от него отделялись белые колпачки парашютиков.

Предложенная схема означала, что найден выход из положения: после выполнения задания экипаж интернируется в нейтральной Мексике. Почему Мексика подразумевалась нейтральной, разумеется, не сообщалось. Трудно сказать, на что рассчитывали авторы, то ли на отсутствие здравого смысла у слушателей, то ли просто на то, что другого выхода все равно не отыскать.

Отец внимательно дослушал доклад Мясищева. Прослушал содоклад ВВС. Только тут он ехидно улыбнулся и спросил, удалось ли согласовать предлагаемую схему боевого применения с правительством Мексики? «Или у вас теща там живет?» — невесело пошутил он.

И Мясищев, и генералы понуро молчали. Потом стали невнятно ссылаться на особую ситуацию в случае войны, традиционный нейтралитет Мексики. Отец не выдержал: «О каком нейтралитете может идти речь под боком у гиганта, на которого бросают атомные бомбы, а потом бегут от него прятаться к соседу?» Разговор начал принимать крутой оборот.

Следующий вопрос оказался не легче: «Какова вероятность преодоления противовоздушной обороны США?» Отец заговорил о наших ракетах ПВО, созданных в ОКБ С. А. Лавочкина, о том, что они такой самолет до Москвы бы не допустили.

— Вы думаете, у американцев нет ничего подобного? — повернулся он к Мясищеву.

Повисла пауза. Отцу и не требовался ответ. Он вспомнил о недавнем прошлом, о том, как в ответ на предложение Сталина построить подобный самолет у Туполева хватило смелости и честности сказать, что задача для современной авиационной техники неразрешима: самолет, способный долететь до США, преодолеть ПВО, выполнить поставленную задачу и вернуться, сделать невозможно. Туполев взялся за бомбардировщик, предназначенный для боевых действий в Европе.

— И он сделал его. Ту-16 отличная машина, — закончил отец.

Других выступающих не нашлось. И военные, и штатские сидели понуро. Отец решил разрядить обстановку. Он сказал, что конструкторы не зря старались, машина получилась хорошая, нужная, не следует только приписывать ей того, что она сделать не в состоянии.

— Задачу достижения США придется решать другими средствами, — подвел он итог. И тут же, обращаясь к Мясищеву, спросил: — А чем вы нас порадуете в будущем?

Владимир Михайлович рассказал о совершенно новом самолете. В нем все было необычно и непривычно: сверхтонкое крыло, вместо алюминия нержавеющая сталь. На скоростях свыше трех скоростей звука привычный дюраль плавится, как воск. Слушатели сидели как завороженные, вглядываясь в красочный плакат, на котором был изображен самолет со сказочным треугольным крылом и четырьмя реактивными двигателями на пилонах под ним.

Выслушав доклад, отец удовлетворенно кивнул. Ему доставляло наслаждение узнавать о проектах машин, о которых еще вчера не приходилось и мечтать. Он искренне гордился своей близостью к их создателям. Однако это не мешало ему оставаться требовательным, умеющим считать деньги заказчиком.

Он задал тот же вопрос о дальности. Мясищев просто ответил, что межконтинентального перелета самолет совершить не способен, но в Европе для него нет недостижимых рубежей.

Отец согласно кивнул. Совещание одобрило предложения о разработке нового бомбардировщика, получившего индекс М-50.

Обсуждение тем временем перекинулось на новый проект — самолет-снаряд «Буран». Он, без сомнения, достигал любой цели на территории вероятного противника, но как ему удастся выполнить поставленную задачу? Отец снова сомневался. На вопрос, как мыслится преодоление территориальной системы ПВО — ракет и истребителей-перехватчиков, вразумительного ответа он не получил.

Тем не менее проектирование «Бурана» санкционировали. В те годы он казался «синицей в руке». Однако просуществовал проект недолго, с первыми полетами межконтинентальных баллистических ракет надобность в нем отпала. «Буран» даже не начали строить.

Совещание подошло к концу. Отец распрощался с присутствующими, пожелал успехов Владимиру Михайловичу. Он получил необходимую ему информацию. К сожалению, неутешительную. Здесь ожидать быстрого эффективного решения задачи не приходилось. Оставались Королев и Лавочкин.

Усиление нашей военной мощи было не единственным и не главным фактором в становлении новых отношений с Западом. Основные надежды в налаживании международных отношений отец возлагал на расширение контактов: пока еще не начался диалог, но уже происходило знакомство. Много шума в Москве наделали апрельской порой гастроли парижского театра «Комеди Франсез». В те годы всеобщей политизации они рассматривались как крупная дипломатическая акция. На заключительном спектакле «Мещанин во дворянстве» присутствовали все члены Президиума ЦК.

Через два дня, 17 апреля 1954 года, отцу исполнилось шестьдесят лет. В газетах напечатали соответствующие случаю поздравления, указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. Пришли немногочисленные приветствия из-за рубежа.

Вечером на одной из государственных дач устроили прием в честь юбиляра. Звучало много тостов, пожеланий успехов и долгих лет жизни. Потом, расположившись на просторной застекленной террасе (на улице вечером приморaживало), долго пели задушевные русские и украинские песни. На этом торжества закончились.

26 апреля в Женеве открылось совещание министров иностранных дел. На сей раз обсуждали положение, сложившееся на Корейском полуострове и в Индокитае. Недавно подписанное перемирие остановило кровопролитие в Корее, но вопрос объединения страны так и остался нерешенным.

В Индокитае обстановка складывалась просто трагично. Вьетнамцы истекали кровью в борьбе против французов, но и колониальный экспедиционный корпус держался из последних сил. Обе стороны жаждали мира, и, что парадоксально, и те и другие были готовы к поражению и капитуляции. Первыми не выдержали французы. После разгрома под Дьенбьенфу они сдались. В результате совместных усилий всех стран — участниц переговоров нашли компромисс: образовали независимые государства Камбоджу и Лаос, а Вьетнам разрезали пополам по 17-й параллели. Тогда принятые решения вызвали ликование во всем мире, хотя до самого мира еще предстояло шагать и шагать.

Совещание закончилось только в июле, а пока 1 мая над Красной площадью в сопровождении истребителей МиГ пролетели мой знакомый гигант 3М, а за ним, разбившись на тройки, длинная шеренга ТУ-16. Страна демонстрировала нарастающую военную силу.

Накануне 9-й годовщины победы над фашизмом, 8 мая, все

газеты опубликовали сенсационное сообщение ТАСС. Я не могу удержаться от того, чтобы не привести выдержки. В нем говорилось: «В печати опубликованы сообщения о выступлении английского премьер-министра господина У. Черчилля на ежегодном собрании организации консервативной партии «Примрозлиг», в котором премьер-министр призывает к улучшению отношений Англии с Советским Союзом и к установлению связей, исполненных благожелательности. Как стало известно ТАСС, это выступление премьер-министра Англии в руководящих кругах Советского Союза…»

На этом я остановлюсь, но и все дальнейшие слова в адрес недавнего «поджигателя войны» были исполнены благожелательности.

Менялся жизненный настрой в Советском Союзе. Сегодня эти шаги кажутся робкими, порой совсем незначительными, но это сегодня.

В те дни даже сообщение в газетах о переходе к совместному обучению в школе мальчиков и девочек воспринималось как немыслимый по своей смелости шаг. Отменялось сталинское постановление! А ведь «И. В. Сталин — выдающийся теоретик марксизма-ленинизма» — такую статью через несколько месяцев, к дню рождения бывшего вождя, опубликует академик М. Митин в газете «Правда».

Тем не менее в сообщении о суде и расстреле начальника следственной части по особо важным делам МВД М. Д. Рюмина уже говорилось, что он пытками заставлял подследственных оговаривать себя, занимался фальсификацией следственных дел. Тогда для того, чтобы решиться на сообщение о пытках в нашей стране, требовалось немалое мужество.

В июле в «Правде» появились слова: «Мирное сосуществование капитализма и социализма вполне возможно». Так назвал опубликованный 27 числа подвал его автор В. Кортунов. Свои мысли он обосновывал обильным цитированием Сталина. Ни В. Кортунов, ни редакция газеты сами никогда не решились бы на подобное заявление, ведь в нем покушались на одну из основополагающих догм, утверждающую неизбежность столкновения двух систем, гибель отжившего строя, замену его новым, прогрессивным.

Именно тогда отец, и не он один, стал задумываться — так ли неизбежна война между двумя лагерями? Не противоречит ли этот тезис всему происходящему в мире? Не ошибочен ли он? Или проще: не устарел ли? Против неизбежности войны восставала сама сущность отца, человека, который исповедовал идею созидания, а не разрушения. Решение покуситься на

классиков давалось нелегко. Сначала робко, а затем все явственней формировалась и другая крамольная мысль: для перехода от капитализма к социализму совсем не обязательно вооруженное восстание. В цивилизованных странах смена власти может произойти в результате голосования в парламенте. Я не знаю, как конкретно реагировали коллеги отца, но ему пришлось выдержать не одно сражение.

Сегодня многое кажется очевидным, ясным даже ребенку. Нас волнуют совсем другие проблемы. Мы живем в ином мире. Но чтобы просто остаться жить в этом мире, потребовалось пройти долгий и нелегкий путь. Тогда, в 1954 году, крамольным мыслям еще предстояло оформиться, и прозвучат они в полную силу только через полтора года.

Почти одновременно со статьей о мирном сосуществовании газеты опубликовали ноту советского правительства правительствам Франции, Великобритании и США о коллективной безопасности в Европе.

В воскресные дни отец выходил из ворот Огарева погулять, и, как правило, не один, а с детьми. Мама участвовала в прогулках не всегда. Она быстро уставала, и порой для нее они оказывались слишком продолжительными. Через косогор добирались до красного кирпичного забора микояновской дачи, знаменитого Зубалова. Поместье раньше принадлежало богатому бакинцу. Он обнес его высоченным каменным забором и дал ему свое имя. После революции в части строений разместилась семья Сталина, остальное отошло Микояну. Сталинская половина давно пустовала.

Отец громко стучал в зеленые железные ворота. Из небольшой квадратной форточки выглядывал охранник и, тут же распахнув тяжелую калитку, со словами «Сейчас доложу» исчезал в телефонной будке.

Вскоре появлялся хозяин, и мы вместе отправлялись на прогулку.

Более тесным общение у отца сохранялось все-таки с Маленковым. Их отношения не назовешь дружбой, вернее это был союз, но союз, уходящий корнями в многолетие взаимоотношений этих двух столь разных людей. Конечно, не забылась отрицательная реакция Маленкова, когда отец в день смерти Сталина начал поиск единомышленников для борьбы против Берии. В те часы Маленков держал сторону Берии. Однако он охотно принял предложение об организации заговора против своего бывшего союзника четырьмя месяцами позже. В этом деле ему, как председателю Совета министров, отводилась заметная

роль.

Контактировали и семьи. Я уже рассказывал о наших совместных прогулках по Москве. Мама еще с довоенных времен знала жену Георгия Максимилиановича Валерию Алексеевну. Ценила ее за ум и твердый характер. Злые языки поговаривали, что хотя Маленков и руководит Советом министров, но им самим руководит его жена. Это походило на истину. Рада с Алексеем Ивановичем давно дружили с дочерью Георгия Максимилиановича Волей и ее мужем, архитекторами. Я же общался с младшими сыновьями Андреем и Егором. После 1957 года наши пути резко разошлись и я больше с ними не встречался. Знаю только, что они оба стали докторами биологических наук, говорят, хорошими учеными.

Во время совместных с Маленковыми прогулок отец часто вспоминал Киев, сад на Осиевской улице, где он жил после войны, свежий воздух, напитанный запахом сирени, так контрастирующий с бензиновым смрадом улиц большого города.

Во время одной из прогулок Маленков предложил отцу посмотреть проекты двухэтажных особняков. Он имел в виду построить их на Ленинских горах, в отдалении от центра города, и переместить туда резиденции членов Президиума ЦК. Там больше простора, свежее воздух, да и из Кремля пришла пора выселяться последним его постояльцам. В проектировании этого поселка, впоследствии получившего среди столичных острословов кличку «колхоз "Путь к коммунизму"», принимали участие старшие дети Маленкова.

Отец не возражал. Машина завертелась. До окончания строительства, которое рассчитывали года на два, Георгий Максимилианович подыскал себе и отцу пару особняков в центре города. Отцу предназначался двухэтажный дом за высокой каменной стеной в Еропкинском переулке, № 3, рядом с Институтом иностранных языков. Там сейчас расположено посольство Королевства Таиланд. Маленков присмотрел себе аналогичный дом в Померанцевском переулке, № 6. Сейчас он принадлежит представительству Республики Гвинея. Подбирали дома так, чтобы их дворы соединялись между собой, и, миновав калитку, соседи могли общаться без помех. У обоих были свежи воспоминания, связанные с подготовкой ареста Берии. Тогда все панически боялись, что их встречи привлекут внимание и информация дойдет до Лаврентия Павловича.

Сразу после ареста Берии выпустили специальное постановление, выводящее личную охрану членов Президиума ЦК из подчинения вновь организованного Комитета государственной безопасности. Отныне для них существовали только указания

охраняемых. Правда, решение в основном осталось на бумаге, реальную власть и влияние на этих людей аппарат КГБ сохранил полностью.

Маленков сделал следующий шаг. Он решил и дачу построить себе в непосредственной близости от дачи отца. На всякий случай — всегда можно зайти посоветоваться.

Отец и тут не сопротивлялся. Бывшее генерал-губернаторское поместье окружал обширный парк. Весь дальний угол зарос густым орешником. С трудом туда пробирались охотники до грибов и возвращались с ног до головы облепленные паутиной.

Дело затягивать не стали. Разделили территорию забором, и стройка началась. Однако пожить на новой даче Маленкову не пришлось. Он только успел переехать, как в бурном июне 1957 года изменилась не только его судьба, но в значительной степени и судьба страны. С тех пор дача пустовала. Ее предназначили для переговоров с представительными иностранными делегациями, правительственных приемов. Назвали ее Ново-Огарево. По аналогии с дачей отца. После революции бывшую резиденцию московского генерал-губернатора, перешедшую в ведение Московского комитета, почему-то переименовали в Огарево. Нередко в Ново-Огареве собирались эксперты ЦК и правительства для подготовки очередных важных документов. Место оказалось очень подходящим — вдали от городских забот, и отец в любой момент мог зайти поинтересоваться, как идут дела.

А пока инициативный и энергичный отец постепенно теснил чувствующего себя не очень уютно на столь высоком посту Маленкова. Все больше центр тяжести в решении вопросов не только партийных, но и хозяйственных переносился в ЦК. Мне запомнилось: в сталинские времена и первые месяцы после его смерти постановления по хозяйственным вопросам проходили только Совет министров. Центральный комитет оставался как бы в стороне. Сталина не волновало, какая «шапка» на постановлении, хоть та, хоть эта, все проходило через его руки. Если он, конечно, хотел. Теперь ситуация изменилась. Сразу после ареста Берии и сентябрьского (1953 года) пленума ЦК документы стали выходить за двумя подписями: Хрущева и Маленкова. Постановления Центрального комитета и Совета министров СССР — таким стало наименование важнейших решений, принимаемых в стране. На сентябрьском пленуме именно Маленков предложил перед названием должности отца — секретарь ЦК — поставить слово «Первый». Оно многое меняло в расстановке сил.

Перемены стали заметны и в личном общении между ними. Раньше разговоры, обсуждения происходили на равных, сейчас

отец больше говорил, я бы даже употребил слово «поучал», а Маленков кивал головой, соглашался, поддакивал. Мне такая перемена не нравилась, вызывала ощущение дискомфорта. Мама тоже морщилась, когда отец переходил на менторский тон.

Маленков, казалось, воспринимал происходившие перемены как должное. Внешне он никак не проявлял своего неудовольствия. Не исключено, что его устраивала возможность перевалить часть бремени на чужие плечи. Чего нельзя сказать о его жене Валерии Алексеевне. Ее сильному, волевому характеру происходившие перемены были явно неприятны. Но вскоре и Георгий Максимилианович изменился, в ответ на шутку отца он продолжал улыбаться, но в глазах появилась плохо скрываемая неприязнь. Дать отпор, однако, он не осмеливался.

Отец тоже менялся. Он все больше сетовал на безынициативность Председателя Совета министров, его приверженность к бумагам. Прояви Маленков инициативу, такой оборот понравился бы отцу еще меньше. Он хотел видеть на этом посту исполнительного помощника, а не самостоятельного партнера. Безжалостная логика борьбы за власть (мы почему-то стыдливо обходим эти слова применительно к своим близким) в существовавшем тогда типе общества неизбежно приводит к замене партнера на сотрудника. Так оно надежнее. Правда, не всегда надолго.

Дни Маленкова как главы государства к осени 1954 года уже были сочтены. Его даже не включили в состав делегации, направлявшейся в Китайскую Народную Республику на празднование ее пятилетнего юбилея. А предстоящей встрече с Мао придавалось исключительное значение.

Отец считал, что Маленков недопустимо легко соглашается с собеседниками, подчиняется их воле и тем самым становится опасен в переговорах с иностранными лидерами, даже дружественными.

Место Маленкова в делегации занял Булганин. Объяснения, что кому-то надо оставаться «на хозяйстве», никого не обманывали. Маленков выглядел мрачным. Кризису еще предстояло созреть, но первые симптомы явственно обозначились.

Октябрь принес дурные вести. В воздухе запахло порохом. 6 октября, накануне национального праздника ГДР, канцлер ФРГ Конрад Аденауэр произнес речь, в которой изложил свой план вооружения Западной Германии. Выступление прозвучало как явная угроза не только ГДР, но и всем противникам по минувшей войне на Востоке. Это не были общие рассуждения неосторожного

политика. В скором будущем проект предстояло санкционировать нашим бывшим союзникам.

Отец находился в отъезде. Еще 29 сентября он в сопровождении Булганина, Микояна и других членов обширной и представительной правительственной делегации отправился в Пекин.

О взаимоотношениях с Германией — объединенной и разъединенной — отец говорил не раз. Я запомнил его слова: «Единственно, кто может решиться на новую войну в Европе — это западные немцы». Эти опасения разделяли и коллеги по Президиуму ЦК. Заявление Аденауэра вызвало в Москве озабоченность, требовалась немедленная реакция. Но, пока готовились ноты и демарши, 29 октября в Париже подписали соглашения о ремилитаризации Западной Германии, правда в ограниченных масштабах. Наше правительство считало необходимым принять адекватные защитные меры не только в отношении ГДР. Реакцию на подписание парижских соглашений я бы, пусть с некоторыми оговорками, охарактеризовал как «испуг».

Отец, принимая участие в праздничных китайских церемониях, не забывал и о делах. За прошедшие годы в отношениях со странами народной демократии, как именовались наши союзники, накопилось много негативного. Одной из серьезнейших ошибок предшествовавшего периода отец считал бесцеремонное вмешательство во внутренние дела союзных стран. Сюда он относил и создание смешанных обществ, и наличие военных баз на чужих территориях, и присутствие советских войск в других странах. Он считал, что дружба и сотрудничество возможны только на основе невмешательства и равноправия. Очень скоро эти его слова подвергнутся серьезной проверке.

Пока же в Пекине отец расправился со смешанными советско-китайскими обществами. Советская сторона отказывалась от своей доли в пользу хозяев. Военно-морскую базу в Порт-Артуре также передавали ее законному владельцу — КНР.

Казалось бы, больше ни причин, ни поводов для конфликтов и трений не оставалось. Как наивно, прямолинейно мыслил тогда отец. Ему казалось, что социалистическая солидарность застрахует нас от любых неприятностей.

Когда визит в Китай подошел к концу, отец решил воспользоваться удобным случаем и познакомиться с Дальним Востоком, посетить Тихоокеанский флот. В те годы перелет из Москвы во Владивосток на маленьком двухмоторном Ил-14 вырастал пусть не в очень серьезную, но экспедицию.

Осмотр флотского хозяйства начали с Порт-Артура. Пока он

еще числился советской военно-морской базой. Отца сопровождал прибывший из Москвы главнокомандующий Военно-морским флотом адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов.

Все шло размеренно, в соответствии с планом: посещение штаба, визит на корабли, показательные стрельбы артиллерии береговой обороны.

Отец поблагодарил моряков за выучку, но при осмотре бухты с господствующих высот заметил, что в условиях применения атомного, а тем более водородного оружия закрытая бухта превратится в ловушку для кораблей. Узкие проходы, сколь тщательно их не охраняй, не смогут послужить преградой для авиации. Тут он напомнил трагическую историю разгрома японцами американского флота в Перл-Харбор.

— А у японцев не было атомной бомбы. Им понадобились десятки и сотни самолетов. Теперь достаточно одного, — закончил отец свою тираду.

Хозяева стали возражать, приводить, на их взгляд, неотразимые доводы. Главный из них: командование принимает все меры защиты от атомного оружия. Отец не стал обострять спор: базу, так или иначе, предстояло передавать китайцам.

До этого момента делами флота отец интересовался мало. Теперь же, когда ответственность легла на его плечи, он по-хозяйски примеривался, как флот сможет противостоять атомным зарядам и ракетам.

Следующая встреча с военными моряками предстояла на главной базе Тихоокеанского флота во Владивостоке. 17 октября отец отбыл на крейсере «Калинин» на показательные учения. День выдался напряженный. Прошли корабельные стрельбы, эсминцы перехватили «вражескую» подводную лодку, из-за дымовой завесы торпедные катера провели лихую атаку крейсера. Правда, торпеды прошли мимо. Показали еще много интересного и поучительного. Наконец маневры закончились, пришло время подводить итоги.

Поблагодарив команду, отец прошел в адмиральский салон, за его спиной толпились военачальники. Когда все расселись, последовал разнос. Я остановлюсь только на основных моментах. Он считал, что продемонстрированные приемы боя не соответствуют новым условиям, возникшим с появлением ракетно-ядерного оружия. Сегодня адмиралы на учениях приходят в восторг, наблюдая за хорошо отрепетированным спектаклем, и не отдают себе отчета в том, что, случись столкновение с реальным противником, произойдет катастрофа, не останется и следа ни от людей, ни от кораблей.

Подверг отец критике и скученность флота на главной базе в

бухте Золотой Рог. Аргументы он приводил те же, что и в Порт-Артуре. Выводы же звучали еще резче. Он посоветовал, а точнее, приказал рассредоточить корабли по различным портам Охотского моря, Сахалина и Камчатки. Он ссылался на собственный опыт. В Киевском военном округе они перед войной рассредоточили самолеты по полевым аэродромам и почти не имели потерь на земле, а соседей в Белоруссии, оставивших авиацию на основных базах, разгромили в пух и прах.

Последний тезис особых возражений не вызвал, и вскоре корабли разбрелись по отдаленным портам. Это вызвало серьезные проблемы со снабжением, ведь практически все склады остались на главной базе. Роптали моряки: из шумного Владивостока, столицы Приморья, пришлось перебираться в глушь, в бесквартирье.

Заявление же отца о неготовности флота к современной войне привело в ярость адмирала Кузнецова. Он воспринял это как пощечину, стал резко возражать. Смелости ему было не занимать, свою точку зрения он привык отстаивать до конца, не пасовал ни перед кем. В свое время после одного из разговоров со Сталиным его даже понизили в звании, но и после этого он не стал осторожнее. У отца накопился немалый опыт общения с военными, он не сомневался в своей правоте, и ссылка на его некомпетентность в морских делах только подстегнула его. Согласившись, что военно-морскому искусству он не обучен, отец тут же возразил: если и неспециалист видит несуразность происходящего, то как окончившие академии адмиралы не замечают очевидных вещей?

Каждая из сторон осталась при своем мнении. Кузнецов расстроился: демонстрация мощи и выучки Военно-морского флота высшему руководству задумывалась как стратегическая операция. В Президиуме ЦК предстояло обсуждение кораблестроительной программы. В нее адмирал вложил всю свою душу. В результате ее реализации наша страна выходила со своими крейсерами и первенцем-авианосцем на океанские просторы. Кузнецов знал, что отец старается зажать каждую копейку и для получения миллиардов потребуются весьма серьезные аргументы.

Хочу вспомнить немного предысторию. Генералиссимусу Сталину очень хотелось превратить Советский Союз в великую военно-морскую державу, владычицу морей. Возможно, ему не давали спокойно спать лавры Петра I. Строительство крупных кораблей началось еще до войны, но в 1941 году программу свернули: николаевские верфи достались немцам, ленинградские оказались в блокаде. Война убедительно показала: для такой

континентальной державы, как наша, в оборонительной войне Военно-морской флот выполняет вспомогательную функцию. В течение всех четырех лет войны в крупных морских сражениях наши моряки не участвовали ни разу.

Тем не менее сразу после войны, несмотря на разруху, возобновились работы по достройке законсервированных крейсеров. Сталин не жалел средств: закладывали новые тяжелые крейсеры, стали поговаривать об авианосце. И это тогда, когда наши бывшие союзники действовали совершенно иначе. Накопив немалый опыт войны на море, особенно в Тихом океане, и американцы, и англичане разуверились в значимости крупных артиллерийских кораблей. Они решили впредь подобные корабли не закладывать, а большую часть уже построенных поставить на консервацию.

У нас же на черноморских, балтийских, северных и дальневосточных верфях работа кипела днем и ночью. Один за другим спускались на воду и выстраивались у достроечной стенки новые, но, к сожалению, еще до рождения устаревшие бронированные коробки. На них монтировали двенадцати— и шестнадцатидюймовые пушки главного калибра, зенитные автоматы, торпедные аппараты, дальномеры.

К середине 1950-х годов первый этап сталинской программы близился к завершению.

Новому руководству моряки представляли предложения, реализация которых обеспечивала выход нашего флота на океанские просторы. Дело казалось решенным. По всей стране легендарный адмирал Ушаков предрекал с экрана славную судьбу флоту Российскому. Фильм сделали по личному заказу Сталина. О возможности пересмотра предначертаний вождя военные и не помышляли.

Рассмотрение новой программы на Президиуме ЦК началось как обычно. Все документы разослали предварительно, с ними, при желании, могли ознакомиться участники заседания. В подробных справках приводилась конкретная информация: что, когда и где предполагается построить, насколько возрастет боевая мощь флота, во что все это удовольствие обойдется. Вопрос заранее утрясли со всеми заинтересованными ведомствами, под документом стояли все нужные подписи, оставалось только утвердить.

В те годы на заседание Президиума ЦК, по традиции проводившееся в четверг после обеда, выносилось семьдесят-восемьдесят вопросов. От крупных, как на сей раз, до мелких, связанных с различными назначениями и перемещениями

чиновников. Естественно, не то что обсудить, даже задать вопрос порой не удавалось. Рассылаемые материалы читали тоже далеко не все, чаще полагались на авторитет и знания экспертов.

Хотя на заседании Президиума ЦК вопросу уделялись считанные минуты, готовился он всегда тщательно и, я бы сказал, скрупулезно. Сначала над ним корпел автор проекта, оттачивая формулировки, многократно пересчитывая балансы, подгоняя в пухлых приложениях сроки выполнения этапов работ многочисленными участниками. Ведь тут расписывалось все до мелочей. Упустишь — пеняй на себя, наломаешься, пока уговоришь (если уговоришь) упущенное при подготовке документа ведомство. Ведь все перегружены, у всех работы выше головы, никто не может и не хочет принимать дополнительные задания.

Потом наступала пора согласований. Каждый участник работ норовил срезать объем, растянуть сроки, но вписать премии, строительство жилья. «Сено-солому», как это называлось на чиновничьем жаргоне.

Тут шла битва не на жизнь, а на смерть. Сначала до изнеможения спорили директора предприятий; затем нерешенные вопросы уходили в министерства. Там согласование продвигалось со ступеньки на ступеньку, пока проект постановления не попадал в кабинет министра.

Все, о чем не договорились, уходило в Совет министров. За кремлевские стены, в святая святых — Военно-промышленную комиссию. Ее председателя Дмитрия Федоровича Устинова боялись больше, чем Председателя Совета министров. Не только боялись, но и уважали за напор, настойчивость в достижении поставленных целей. Именно здесь, в тиши кремлевских кабинетов, и разворачивались главные сражения, теперь уламывали министров. Они люди опытные, тертые — с ними труднее всего.

Вспоминается любимый прием Устинова, к нему он прибегал в критической ситуации — запирал собравшихся начальников разных рангов в своем кабинете со словами: «Отсюда не уйдете, пока не завизируете».

Эффект, как правило, получался положительный. Ведь каждый владел своей отраслью, отлично знал, что можно выполнить легко, что потребует напряженной работы, а что невыполнимо. Последнее встречалось крайне редко. Составлявшие проект документа отлично знали возможности своих смежников. Обычно министр торговался по-базарному в надежде хоть что-нибудь скостить, а убедившись в непробиваемости позиции оппонента, брался за ручку с золотым

пером — визировал.

Дальше следовали визы отдела ЦК. Там тоже не обходилось без бурных дебатов — теперь жаловались на Совмин. Обычно безрезультатно. Последняя виза курирующего секретаря ЦК, и отпечатанный на специальной машинке, на специальной бумаге документ попадает в святая святых — Общий отдел, канцелярию, ведавшую делопроизводством Президиума ЦК. После назначения даты рассмотрения проект постановления и сопроводительная записка рассылались участникам заседания — членам и кандидатам в члены Президиума ЦК.

Пункты самого постановления мало что говорили неосведомленному читателю, а члены Президиума не могли даже теоретически одинаково глубоко разбираться во всех аспектах жизни страны. Поэтому очень важным этапом становилось квалифицированное составление сопровождающей записки. Из нее, и только из нее можно было понять, о чем идет речь, какую цель преследует документ, что будет достигнуто, откуда возьмутся необходимые ресурсы.

Составляли записку инициаторы постановления — им и карты в руки, кто лучше них владеет вопросом. Если записка недостаточно полно отвечала на все вопросы, то в процессе заседания могло возникнуть недоумение, вспыхнуть спор, чреватый, как минимум, затяжкой в принятии решения. Грамотно подготовленные вопросы пролетали, как говорится, со свистом. Тем не менее люди опытные старались пристроить свою проблему ближе к концу, когда участники заседания подустанут и у них пропадет охота задавать вопросы.

Когда сегодня историки шарят по архивам, они обычно охотятся за постановлениями. Получив желаемое, ученые испытывают разочарование, не могут понять, о чем идет речь. Дело в том, что они охотятся не за тем, им нужна записка, а не решение. Мой совет: изучайте вопрос в той же последовательности, что и члены Президиума ЦК, начинайте с записок.

Уже в самом начале обсуждения кораблестроительной программы привычный распорядок первым нарушил отец, не так давно сменивший Маленкова в председательствующем кресле во время заседания Президиума ЦК. Он попросил главнокомандующего поподробнее доложить, какие корабли предполагается построить, в какую сумму обойдется каждый проект, а главное, как изменится обороноспособность страны, что мы получим в результате.

Кузнецов материалом владел отменно, видно было, что он сам выстрадал каждый пункт, а не зачитывает текст,

заготовленный подчиненными.

Вкратце дело сводилось к следующему. Успешно выполнив через десять лет предложенную программу, мы получим современный военно-морской флот, способный действовать в любой точке Мирового океана. Авианосцы, линкоры, крейсеры и эсминцы, транспорты и танкеры снабжения — ничего не забыли. Правда, и стоило это удовольствие изрядно, сто десять — сто тридцать миллиардов рублей.

Отец выразил сомнение: по карману ли нам подобная затея? Он вспомнил о своем посещении кораблей на Тихом океане и задал больной вопрос: «Не устарели ли все эти крейсеры в ядерный век? Не окажутся ли средства выброшенными на ветер?»

Кузнецов яростно отбивался. Главнокомандующий давал генеральное сражение. В океанском флоте сосредоточилась его мечта флотоводца, стремящегося держать свой флаг если не выше, то хотя бы не ниже соперников.

Отец продолжал гнуть свое. Океанский простор оставлял его равнодушным. Его заботила безопасность собственных берегов, а еще больше — где бы отыскать средства для восстановления разваленного сельского хозяйства, строительства жилья. Сколько домов можно построить вместо одного крейсера!

Спор не утихал более часа.

Подобного на заседании Президиума ЦК давно не случалось. Здесь царствовал иной порядок: «старшие» спрашивают, изрекают истины, а «младшие» принимают их к исполнению. В тот день произошло не просто первое столкновение отца с военными, с которыми до той поры он жил в полном согласии. Впервые господствовавшую в сталинские времена доктрину наступательной войны отец попытался свернуть на оборонительные позиции. Кузнецов же не мог понять, не представлял, что такое возможно. Они говорили на разных языках.

Наконец обе стороны исчерпали аргументы, но согласия так и не достигли. О том, что его невозможно достигнуть, ни отец, ни Кузнецов еще не подозревали, надеялись на логику. Напрасно.

Отец предложил перенести рассмотрение вопроса на следующее заседание, с тем чтобы участники могли еще раз взвесить все за и против. Члены Президиума с облегчением согласились. Кузнецов же просто выходил из себя.

Как вспоминал отец, после окончания заседания Кузнецов поджидал его в коридоре. Адмирал воспринял перенос обсуждения как личное оскорбление и решил объясниться с главным обидчиком.

Отец направлялся к выходу, главнокомандующий пошел

рядом.

— Как долго я буду терпеть такое отношение к моему флоту? — почти выкрикнул он.

Отец удивленно посмотрел на него, однако не поддался искушению ответить тем же, он попытался сгладить обстановку, сказав, что члены Президиума ЦК должны получше разобраться, на что им предлагают израсходовать такую прорву денег. Но Кузнецова, что называется, понесло. Отец прервал его, все еще пытаясь урезонить адмирала, уговорить: «Товарищ Кузнецов, ведь мы же не отказались от вашей программы, мы только отложили ее обсуждение. Президиум ЦК не может бездумно штемпелевать предлагаемые ему решения. Успокойтесь. Поговорим подробно на следующей неделе, поймем друг друга и решим».

Кузнецов не реагировал, он не мог остановиться. Очнулся он уже у подъезда. Отец протянул ему руку для прощания. Охранник открыл дверь ЗИСа, отец сел на переднее сиденье, машина тронулась, адмирал остался один.

Разговор в коридоре произвел на отца тягостное впечатление, но никак не повлиял на принятие решения. За неделю отец дозрел, вкладывать такие средства в казавшееся ему сомнительным мероприятие он просто не мог позволить.

В следующий четверг спор разгорелся с новой силой. На сей раз, в связи с важностью обсуждаемой проблемы, в повестке дня оставили один вопрос.

Кузнецов твердо стоял на своем: стране необходим мощный надводный флот, без него невозможно гарантировать победу в будущей войне. Он не возражал — затраты велики, следует подтянуть животы.

Тогда отец, как ему показалось, нашел выход. Он спросил Кузнецова: «А если сегодня вы получите все, что запрашиваете на десятилетие, — все эти крейсеры и авианосцы, — сможет ли тогда наш флот соперничать с американским, противостоять ему в океане?»

Кузнецов ненадолго задумался, казалось, он колеблется. Наконец, глядя в глаза отцу, он твердо ответил: «Нет».

Собственно, в этот момент битва завершилась. Все последующие слова не имели значения. Обсуждались частности, мелочи, кто-то что-то спрашивал, Кузнецов отвечал. Но главный стержень исчез, и, когда пришло время решать, Президиум ЦК проголосовал против.

Распаленный спором Кузнецов не принял поражения. Кто знает, на что он рассчитывал? Скорее всего, «нет» просто не укладывалось в его сознании. Присутствовавшие на заседании хозяева и приглашенные потянулись к выходу. Адмирал стоял

молча, казалось, он не понимал, что все… кончилось. Когда он немного успокоился, за столом оставался один отец, он подписывал бумаги. Кузнецов подтянулся, глаза его сверкнули, и он гневно бросил отцу: «Вы еще за это ответите! История вам не простит!!!» Затем он повернулся и, чеканя шаг, исчез за дверью. Отец с недоумением поглядел ему вслед.

Происшедшие события укрепили отца в мысли, что на флоте не все ладно. Запросил материалы о строящихся на верфях боевых кораблях. Поинтересовался, во что обходится эксплуатация флота. Особенно его поразил расход горючего: за один выход в море Черноморский флот расходовал годовую норму мазута, выделяемого Украине. Отец схватился за голову: если ввести в строй заложенные и закладываемые по принятой еще при Сталине программе крейсеры и эсминцы, то затраты не просто увеличатся, умножатся.

Но что делать? У отца не шла из головы «Комета» — недавно спроектированная в конструкторском бюро Артема Ивановича Микояна запускаемая с самолета противокорабельная самонаводящаяся крылатая ракета.

Именно подобному вооружению суждено изменить лик современного, вернее, будущего флота. Если установить ракеты на подводных лодках и катерах, то исчезнет различие между большим кораблем и малым. Автоматическая система самонаведения позволит крылатой ракете на огромных расстояниях и без промаха поражать цель. Отца удивляло, почему Кузнецов, адмиралы не понимают столь очевидных вещей. Конечно, если планировать десанты за океаном, то без надводного флота не обойтись. Но о подобных безумных затеях не мечтал даже Сталин.

Получалось, что установленные на берегу ракетные установки в сочетании с ракетными катерами сделают нас неприступными с моря. Глубже, на морских и океанских коммуникациях начнут диктовать свою волю ракетные подводные лодки. Они же, выбрав удобную позицию, поразят любой самый мощный, самый грозный линкор. И снова исчезнут, растворятся в глубине. К тому же подводные лодки оказывались дешевле в несколько раз.

Чем дальше, тем больше отец утверждался в своей правоте — флоту из надводного необходимо стать подводным. Когда же исполнится мечта Анатолия Петровича Александрова и вместо дизелей и электромоторов на подводных лодках появятся атомные двигатели, с ними не сможет конкурировать никто. Тогда и в противоборстве в океане неизвестно кто окажется сильнее: американцы с их авианосцами или наши подводные

ракетоносцы. Готовясь к заседанию Президиума ЦК, отец принимал Анатолия Петровича, который пришел вдвоем с Курчатовым. В результате беседы отец поверил, что атомный двигатель произведет революцию в методах ведения войны на море.

Человек дела, проникнувшись идеей, отец тут же взялся за ее осуществление. Среди моряков у него нашлись сторонники. Они взялись за теорию. Кузнецов их зачислил в предатели. Так зарождалась концепция нового Российского флота — подводного. Его еще предстояло построить. Впереди отца ожидали не только удачи, но и горькие разочарования.

Однако отец не спешил принимать окончательное решение, перепроверял себя еще раз. Так прошло около года. Благоприятный случай представился в начале следующей осени, в сентябре, когда пришло время отпуска. Отец собрался в Крым. Одновременно туда направлялся и Маленков.

На сей раз отец предложил заранее запланировать поездку в Севастополь. Он хотел послушать командование Черноморским флотом. Его интересовало, как им представляется современная война на море. Хотелось ему посмотреть и корабли, сравнить с теми, что он увидел на Тихом океане.

Поначалу намеревались собраться в узком составе: командующий флотом, его заместители, но потом отец передумал, на разговор пригласили командиров соединений, начальников управлений, и не только Черноморья. Официальной темой разговора определили «Действие Черноморского флота в случае возникновения войны». Кому выпала честь докладывать, уже давно стерлось из памяти.

В назначенный день народу собралось изрядно. Стены зала пестрели диаграммами, графиками, картами Черного и Средиземного морей, прорезанными красными стрелами, усеянными черными горошинами силуэтов наших и чужих боевых кораблей.

Доклад начался со «штурма» Дарданелл, на сей раз удачного. Флот бомбардировал форты из орудий главного калибра, высаживал десанты. Крейсеры и эсминцы лихо отбивали атаки кораблей противника. Их становилось все меньше, сопротивление обороняющихся слабело. Наконец, сломив противника, черноморцы ворвались в Средиземноморье и устремились к Северной Африке.

Отец поначалу слушал не прерывая. Он только помрачнел и начал посапывать, как готовящийся к атаке носорог. Происходящее в зале ему очень напоминало маневры крейсера «Калинин» на Тихом океане прошлой осенью. Та же

артиллерийская пальба, торпедные катера, дымовые завесы, только там все происходило в море, а здесь баталия разворачивалась на бумаге. О ракетах и других новинках не прозвучало ни слова.

Все имеет свой предел. Когда докладчик приступил к успешной высадке десанта на побережье Африки, отец не выдержал и вмешался. Он ехидно поинтересовался, как флот собирается защищаться от самонаводящихся ракет, к примеру таких, как наша «Комета». В зале воцарилась тишина. Докладчик теребил в руках указку, как не выучивший урок школьник. Наконец он решился и громко отрапортовал: «Не могу знать». Отец искренне удивился:

— Вы что, о «Комете» не знаете? — переспросил он.

— Никак нет, — последовал ответ.

Сидевший рядом с отцом командующий флотом прошептал ему на ухо, что в соответствии с существующим положением о секретности информацию о специальных видах вооружений до строевых частей и кораблей не доводят.

— Во избежание утечки, — добавил он.

— Что? — взорвался отец. — А как же они будут воевать?

Он перевел взгляд на Жукова, Малиновского, адмиралов, сидящих в президиуме. Ответа не последовало. Жуков только усмехнулся, он не любил этих флотских пижонов.

— Он нам голову морочит, до Африки дошел… — продолжал горячиться отец. — А самого его давно утопили. И следа не осталось. Как можно готовиться к войне, если командиры и не подозревают об оружии, с которым им придется столкнуться?

И этот вопрос повис в воздухе.

Я не хочу пересказывать все неприятные перипетии того дня. Совещание скомкалось, даже красочные карты на стенах, казалось, поблекли.

Доклад прервали, объявили перерыв. Отец предложил собраться через несколько дней. За это время пусть присутствующие ознакомятся с современным вооружением, благо оно располагается тут же, под боком, а потом уже можно поспорить о методах ведения современной войны.

Сам отец только укрепился в мысли, что деньги на надводный флот расходуются впустую, в случае беды на него рассчитывать не придется.

Вновь собрались в октябре. О Северной Африке никто больше не заикался. Разговор пошел жесткий. Тон задал отец. Он выступил со своей идеей ухода флота под воду, на спасительную глубину. В том же духе выступил и военный министр маршал Георгий Жуков. В зале они нашли немало сторонников, в

основном среди тех, у кого погоны золотились не так ярко.

Сторонники надводного флота отбивались, но их аргументы звучали неубедительно. Не вызывало сомнения, что они потерпели полное поражение.

С совещания отец вышел еще более уверовавший в свою правоту. Он настроился на решительные действия.

В Ялту из Севастополя отец решил возвращаться не на машине, попросил моряков прокатить его на подводной лодке. Ему хотелось поближе увидеть, что же это такое, как говорится, пощупать своими руками. Походом отец остался доволен, но больше на подводных лодках не плавал, при его солидной комплекции он с трудом разворачивался в тесноте соединяющих отсеки подводного корабля цилиндрических люков.

Теперь внимание отца сосредоточилось на верфях, где «гнали» программу.

Первым делом отец потребовал сократить количество закладываемых надводных кораблей. Список урезали в несколько приемов. Кузнецов дрался за каждый эсминец, не говоря уже о крейсерах. Отец проявил твердость. В результате — дошли практически до нуля. Высвободились весьма ощутимые средства, сумма с девятью нулями.

Аппетит приходит во время еды. После длительных баталий решилась судьба строящихся крейсеров. Их приговорили к отправке в металлолом. Даже большинство из тех, в которые осталось «забить последний гвоздь». Новый флот в них не нуждался.

Морякам выпало тяжелое испытание. И противники, и сторонники концепции ударного подводного флота одинаково не могли без содрогания смотреть, как уничтожаются красавцы-крейсеры.

Слух о том, что на морских заводах режут новые боевые корабли, распространился быстро. Дошел он и до меня. Я побежал к отцу с вопросом. Его рассказ я привел выше. У меня не нашлось возражений, но и согласиться с ним я не смог. И сейчас, через годы, мне до слез жалко эти крейсеры.

Отец, возможно, переживал больше остальных. Все его естество рачительного хозяина протестовало против уничтожения плодов рук человеческих. Он попытался приспособить крейсеры и эсминцы к делу. В эти годы у нас катастрофически не хватало судов, любых: пассажирских, грузовых, рыболовных. А тут пустить под нож таких красавцев.

Пришедшую первой в голову отца идею переделать крейсеры в пассажирские лайнеры специалисты отвергли с порога — в тесных переплетениях отсеков корабля, спроектированного для

уничтожения людей, не удастся разместить даже самых неприхотливых пассажиров. Об эксплуатационных расходах лучше вообще не задумываться.

Отец не отступался. В те годы гремела на всю страну китобойная флотилия «Слава». О приносимых ею доходах рассказывали легенды. Отец загорелся идеей переделать крейсер в корабль-матку, а эсминцы переквалифицировать в китобойцев. Казалось, чего проще, надо только заменить стомиллиметровые носовые орудия на гарпунные пушки. Дальше больше. Отцу очень пришлось по душе и остальные корабли переквалифицировать в рыболовов.

Министерству рыбного хозяйства спустили указание: подработать предложения. Через неделю министр попросился на прием к отцу. Он взмолился: не нужны нам эти корабли, прогорим! Он не говорил о затратах на переоборудование, подразумевалось, что они пойдут из общего котла, но и стоимость эксплуатации, и особенно бешеный расход высококачественного мазута грозили отрасли разорением.

Пришлось отцу отказаться от своей затеи. Он понял, что выпускать в море эти корабли нельзя, останешься без штанов. Но и пускать их на слом ему очень не хотелось.

Уже без особой надежды на успех он предложил поставить металлические коробки на вечный якорь, использовать их под базы отдыха или, на худой конец, под общежития. И тут охотников не нашлось.

Корабли приговорили на слом.

Яростные возражения адмирала Кузнецова только распаляли его противников. Поделать он больше ничего не мог, его аргументы потеряли былой вес.

С уже готовых крейсеров снимали пушки, механизмы, все, что еще может пригодиться, остальное отправляли в утиль. Годами ободранным остовам предстояло ржаветь на задворках морских заводов в очереди на тот свет.

Некоторым крейсерам повезло, их решили использовать в качестве мишеней. Не один год по ним молотил главный калибр их собратьев, которым посчастливилось остаться на плаву. На них сыпались градом бомбы. Борта пропарывали крылатые ракеты. Так продолжалось до тех пор, пока от особо удачного попадания один из гигантов не затонул. Только тогда хватились, что использовать эту груду драгоценного металла как мишень слишком накладно.

Так завершилась судьба последних монстров. Пришло время и им отправляться на переплавку.

Время показало, что отец правильно угадал будущее. Старый

флот отжил свое, предстояло родиться новому. Сэкономленные деньги превратились в дома, дороги, фермы.

Судьба главнокомандующего Военно-морским флотом сложилась нелегко. Потеряв былое влияние, он обнаружил, что вчерашние сторонники быстро обосновались во враждебном лагере. На Кузнецова отцу со всех сторон посыпались доносы, цитировались его крепкие словечки, сказанные в адрес нового руководства. Отец угрюмо молчал, в душе у него копилось раздражение.

Немалую роль в судьбе Кузнецова сыграл Жуков. Они с отцом оказались по одну сторону баррикады. Жуков не любил флот и не скрывал своего отрицательного к нему отношения. Как-то во время посещения одного из кораблей он, заметив какое-то упущение, в раздражении мрачно пообещал:

— Скоро на всех вас сапоги надену.

Моряки надолго запомнили его слова. Большего оскорбления флотского самолюбия трудно придумать. А тут еще столкнулись два характера. У главнокомандующего Военно-морским флотом он был не легче, чем у военного министра.

Несомненно, инициатива освобождения адмирала Кузнецова от должности принадлежала отцу. Он этого никогда не скрывал. Но о разжаловании в те дни речи не велось. По словам очевидцев, здесь пальма первенства осталась за Жуковым. Поводом к вынесению приговора послужило произошедшее в октябре того же 1955 года несчастье. В Севастопольской бухте, на главной базе Черноморского флота на стоянке взорвался и затонул линкор «Новороссийск». Погибло 608 человек. Еще недавно линкор носил имя «Джулио Чезаре» и достался нам при разделе после войны итальянского флота. Причину катастрофы установить не удалось, грешили на оставшуюся с войны немецкую донную мину, кое-кто поговаривал о мести легендарных итальянских подводных диверсантов графа Боргезе. Но, как бы то ни случилось, ответил за все главнокомандующий. Его освободили от должности, и Жуков предложил понизить Кузнецова в звании до контр-адмирала. Отец согласился. Без сомнения, подобный поступок не делает чести ни тому, ни другому. Но что было, то было. О содеянном нам остается только сожалеть. Слава богу, сейчас справедливость восстановлена, и на надгробье Кузнецову на Новодевичьем кладбище выбито звание «адмирал флота Советского Союза». Жаль, что поздно.

Освобождение Кузнецова от должности было неизбежным. И гибель «Новороссийска» тут ни при чем. Хотя в цивилизованном мире после такой катастрофы главнокомандующий сам подает в отставку, Кузнецов об отставке не просил, его туда отправили. Не

могут общую политику проводить сторонники противоположных точек зрения.

Концепция ударного подводного флота одержала победу. Адмирала Кузнецова на посту главнокомандующего сменил адмирал Сергей Георгиевич Горшков, в те годы горячий сторонник подводного флота.

Последний раз мысль о желательности иметь надводную ударную группировку промелькнула у отца в 1960 году во время конфликта в Конго. Советский Союз всеми силами стремился помочь молодой республике, премьер-министру Лумумбе, однако до Конго от Советского Союза так далеко… Американцы же, поддерживавшие оппозиционную группировку, недвусмысленно демонстрировали свой флаг. К берегам Африки подошла внушительная эскадра. Отец не исключал возможности высадки десанта. Помешать мы ничем не могли, помочь нашим друзьям тоже.

Горшков предложил послать туда крейсер с парой эсминцев, но выяснилось, что им не хватит топлива, а возможность организовать снабжение на таком удалении от баз выглядела сомнительной. От попахивающей авантюрой идеи быстро отказались.

Отец нервничал. Обстановка в те годы сильно отличалась от нынешней. Соперничество двух стран только разгоралось. Победа в Конго одних, поражение других трактовались как выигрыш или проигрыш Советского Союза или Соединенных Штатов, социализма или империализма. Отец внимательно следил за событиями, болезненно реагировал на каждую неудачу.

И здесь он не мог остаться безучастным. Его беспокойная натура жаждала действий. Он вызвал (я присутствовал при разговоре) адмирала Горшкова и председателя Комитета по судостроению Бориса Евстафьевича Бутому и задал им вопрос: «Во что обойдется и сколько потребуется времени для строительства эскадры быстрого реагирования? Такой, которая способна в любом районе своей силой и флагом Советского Союза поддержать наших друзей».

На предварительные выкладки понадобилось около недели. В полученном отцом заключении специалистов говорилось, что строительство боевых и вспомогательных кораблей займет около пяти лет, а обойдется эскадра примерно в пять миллиардов рублей.

В ответ отец только пробурчал:

— Дороговато. Таким деньгам найдем применение получше.

Больше он к этому вопросу не возвращался.

Основной внешнеполитической проблемой осени 1954 года стала реальность создания западногерманской армии, ее включение в вооруженные силы НАТО. Готовящиеся решения серьезно изменяли соотношение сил в Европе. Отец предпринимал лихорадочные, но безрезультатные попытки если не остановить, то хотя бы сдержать развитие процесса.

13 ноября в соседние страны направляется нота с предложением до ратификации Парижских соглашений собраться на общеевропейское совещание по обеспечению взаимной безопасности. Призыв остался без ответа. О подобной возможности в те годы никто и не думал. Безопасность определялась лишь количеством и качеством противостоящих дивизий. Отец и сам не верил в реальность достижения взаимоприемлемых соглашений. Время пока не пришло. Его призыв носил скорее пропагандистский характер.

И все-таки 29 ноября с большой помпой в печати в Москве открывается общеевропейское совещание по безопасности в Европе, но… в составе только наших союзников, стран народной демократии. Собравшиеся рьяно убеждают друг друга в опасности ремилитаризации Западной Германии, на заседаниях царит завидное единство. Через четыре дня принимается единогласное решение, направленное против вооружения Германии. А через два месяца Бонн ратифицирует Парижские соглашения, они станут реальностью.

Наступала очередь Советского Союза, он не мог больше оставаться безучастным. Так шаг за шагом вызревал феномен, который потом получил название Берлинского кризиса. По внутреннему содержанию он принципиально отличался от блокады Берлина в конце 1940-х годов. Тогда Сталин проверял союзников на прочность, сейчас речь шла о защите интересов стран, избравших путь строительства социализма, и в первую очередь о том, как обеспечить национальную безопасность ГДР, добиться признания западными немцами европейских реалий, установленных после Второй мировой войны. Задачка получалась не из легких.[7]

После окончания Второй мировой войны в мире сохранилось только два центра геостратегической гравитации — СССР и США. Остальные вчера еще великие державы — Германия, Япония, Великобритания, Франция — утратили свои позиции: одни потерпели поражение в войне, другие на ней надорвались. Теперь Америка и Советский Союз притирались друг к другу, учились жить вместе в становившемся все более тесным мире. Советский Союз претендовал на равенство, равенство во всем, Соединенные Штаты, как мы знаем, не желали и не желают признавать кого-

либо равным себе. В таком случае претенденту остается либо смириться, покорно склонить голову, либо бросить вызов. Таков закон природы, неважно, где происходит эта вековечная драма жизни, в школьном классе юнец с только начинающими пробиваться усами теснит признанного вожака, возмужавший молодой олень бросает вызов старому самцу или лидер нарождающейся сверхдержавы заявляет о своих претензиях. Все они, начиная с демонстрации своих достоинств, нередко доводят ситуацию до кипения, пока один из соперников не даст слабину. Квинтэссенция холодной войны именно в таком соперничестве, она соткана из череды кризисов, от Суэцкого до Карибского. Осенью 1962 года под давлением извне США не признали де-факто равенство Советского Союза, и отношения сразу перешли в новую фазу — фазу соперничества на равных.

Добиваясь признания, претендент неизбежно рискует, он не желает кровопролития, но стороны не всегда способны просчитать все до конца, и тогда может случиться непоправимое. В лесу, сцепившись рогами, погибают красавцы-лоси, а в политике… В том и состоит искусство политика, чтобы не переступить грань…

Когда говорят о конкретном кризисе, неважно каком — Берлинском, Карибском, Суэцком, — то внимание фиксируется на его трагической стадии, когда начинают рваться снаряды и падать бомбы или, по крайней мере, возникает реальная угроза. Тогда откладываются в сторону еще вчера неотложные дела и начинаются лихорадочные поиски выхода. Слава богу, если мы успеваем спохватиться вовремя и есть еще время затушить пожар.

На самом деле кризисы, как болезни, возникают задолго до появления лихорадки. Они зреют медленно. Часто проходят годы, пока проступают результаты правильных или неправильных решений.

В годы первых послесталинских перемен прослеживаются симптомы не одной предстоящей болезни. К сожалению, их пока нелегко распознать. Попробуем оглядеться хотя бы задним числом. Вот одна из болевых точек. Прочитав сообщение о начавшемся процессе вытеснения американцами французов из Вьетнама, мы безошибочно ощутим зарождение трагедии, разразившейся в конце 1960-х годов.

А вот два других сообщения. Информация от 5 июля 1953 года о речи, произнесенной премьер-министром венгерского правительства Имре Надем по случаю назначения нового кабинета. Всего через два года последует решение пленума ЦК Венгерской партии трудящихся об отзыве Имре Надя со всех постов, в том числе председателя Совета министров, исключении

его из Политбюро и ЦК за взгляды, расходящиеся с линией Центрального комитета.

До трагедии венгерского кризиса еще много месяцев. Сколько предстоит упустить возможностей, совершить ошибок!

Часто именно эти периоды, предшествующие взрыву, представляют наибольший интерес. Сегодня мы имеем возможность определить адекватность оценки ситуации в те годы реальным обстоятельствам, разобраться, что же легло в основу принимавшихся решений, и, наконец, попытаться понять мотивы действий тех, кто в те далекие годы принимал решения.

А пока события все ускоряли свой бег. В одних регионах напряженность возрастала, зато в других наступала пора согласия.

Вот хроника событий тех дней.

СССР весь напрягся в борьбе за непреклонную поддержку ГДР, тут ни отступлений, ни компромиссов. По отношению к своим западным партнерам правительство сохраняет сдержанность. 26 января 1955 года публикуется указ Президиума Верховного Совета «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией». Запад столь же непреклонен в своих намерениях. Поэтому в связи с решением о ремилитаризации Западной Германии мы 10 апреля аннулируем договоры о союзе и взаимной помощи, заключенные между Советским Союзом, с одной стороны, и Великобританией и Францией — с другой. Договоры старые, все их содержание ориентировалось на закончившуюся войну. Сейчас они просто бумага. Но мы ее демонстративно рвем. Несколькими днями раньше объявляем о возвращении ГДР сокровищ Дрезденской галереи. Их захватили как трофеи, теперь в новых условиях решили торжественно возвратить. Этот жест как бы утверждал: из врагов мы превращаемся в друзей. Конфронтация достигала кульминации подписанием 14 мая Варшавского пакта, оформившего противостояние двух вооруженных коалиций в Европе.

А15 апреля гостеприимно встреченный в Москве федеральный канцлер Юлиус Рааб подписывает документы о статусе нейтральной Австрии. Обе стороны довольны достигнутым результатом. И много лет спустя, возвращаясь к событиям тех дней, отец всегда находил для них самые теплые слова.

Уже недалек XX съезд КПСС, но, кажется, Сталин незыблем. То и дело в редакционных статьях «Правды» появляются знакомые цитаты. 2 мая в Праге открывается грандиозный, давящий на город памятник Сталину.

Но одновременно представительнейшая советская делегация собирается в Югославию. В ее составе, кроме отца и Булганина, сменившего 9 февраля 1955 года Маленкова на посту Председателя Совета министров, Микоян, Шепилов, Громыко и огромная свита советников. Нет в ней Молотова, хотя по положению он должен бы ехать. После событий 1947 года о включении его в состав делегации, направлявшейся с миром к Тито, невозможно было и подумать.

Отец решил не просто наладить отношения между двумя странами, но и извиниться. Далеко не все в Москве поддерживали инициативу отца, многим встреча с Тито представлялась чуть ли не предательством. Другие считали, что следует пойти на восстановление отношений, простить отступника, пригласив его в Москву.

Отец считал, что именно мы, Советский Союз, должны сделать первый шаг, поехать первыми в Белград и тем самым продемонстрировать свою искренность. По его мнению, Тито не сможет не оценить дружеского жеста. А уж потом не грех и пригласить соседа в гости.

При встрече в Белграде произошла очень характерная для тех лет заминка. Как говорил отец, мозги у него еще не перестроились: выгораживая Сталина, подставляли «козла отпущения». В речи на аэродроме он взял неверную ноту.

«Мы искренне сожалеем о том, что произошло, — сказал отец в своем выступлении и продолжил: — Решительно отметаем все наслоения того периода. Со своей стороны, к этим наслоениям мы с несомненностью относим провокаторскую роль, которую сыграли в отношениях между Югославией и СССР ныне разоблаченные враги народа — Берия, Абакумов и другие. Мы обстоятельно изучили материалы, на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководителей Югославии. Факты показывают, что эти материалы были сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды нашей партии», — и далее в том же духе.

Теплая встреча чуть не сорвалась в самом начале, но нашелся Тито. Наклонившись к отцу, он доверительно произнес по-русски, что в Югославии практически все знают русский язык и перевод не нужен. Отец сначала завозражал, но быстро смекнул в чем дело.

Он любил потом вспоминать об этом эпизоде. Приводил его как пример пагубности лжи. Больше таких накладок у него не происходило.

Думаю, что происшествие на белградском аэродроме в какой-

то степени повлияло на ход мыслей отца и в драматические часы перед «секретным» докладом на XX съезде партии.

Пока же в суете повседневных забот отец готовился к своему первому международному экзамену. На июль назначили встречу глав государств и правительств четырех держав. Впервые после Потсдама.

Формирование советской делегации вызвало определенные трудности. Отец не скрывал своего желания отправиться в Женеву. В те дни все его помыслы крутились вокруг предстоящего совещания. Он постоянно заводил разговоры на тему встречи.

Причин тут можно назвать несколько. Основная — проблема разделения власти. Борьбы за власть, если вам угодно. После отставки Маленкова отец стал центральной фигурой в Президиуме ЦК. И Булганин, и новый министр обороны, легендарный Жуков, и даже упрямый Молотов, по крайней мере внешне, признали его лидерство. Упустить первую на его веку, как общесоюзного государственного деятеля, встречу руководителей великих держав отец просто не мог себе позволить.

Рачительный хозяин беспокоился и по другому поводу: как бы там без него чего не напутали, не наобещали лишнего. Хотя Маленкова, легко поддающегося постороннему влиянию, сменили на более стойкого, как считал отец, Булганина, но и за ним нужен глаз да глаз. Отец опасался, что он может проглядеть, не проявить бдительности, опрометчиво кивнуть, согласиться, не разобравшись в политической, классовой сущности вопроса. Правда, министр иностранных дел Молотов, чье участие в переговорах не подвергалось сомнению, прославился более чем стойкостью, его неуступчивость стала притчей во языцех во всем западном мире. Но Молотов Молотовым, а свой глаз не помешает.

Чисто человеческое любопытство играло не последнюю роль. Отец никогда еще не посещал Западную Европу, и вообще, его опыт зарубежных вояжей ограничивался парой поездок в страны народной демократии и визитом в дружественный Китай. Поездку инкогнито, под именем генерала Петренко, по оккупированным районам Германии и Австрии сразу после войны с целью отбора оборудования для поставки на Украину в счет репараций трудно считать визитом.

При формировании делегации отец играл ключевую роль, так что включить себя не представляло труда. У других членов Президиума ЦК его кандидатура не вызывала ни малейших сомнений. Так в чем же дело? Камнем преткновения стало отсутствие у него соответствующего случаю государственного

статуса. Это потом все в мире упростилось и руководители западных стран при встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС перестали интересоваться его остальными титулами, достаточно того, что собеседник обладал реальной властью.

Тогда все обстояло иначе. Нельзя сказать, что с коммунистами просто не общались, война разрушила стереотипы 1930-х годов, но форму соблюдали четко: Председатель Совета министров, хотя он и член Президиума ЦК, — одно, а просто Первый секретарь ЦК — совсем другое. Могли, как считал отец, и не отнестись к нему с должным вниманием. К проявлению формальных, протокольных знаков уважения он относился с болезненной мнительностью. Ему все казалось, что западные руководители только и ищут повод, чтобы унизить представителей социалистического государства. И он к тому имел определенные основания.

Так что вопрос, включать ему себя в состав делегации или нет, разросся в серьезную проблему. Выручил Молотов, он нашел выход: отец носит титул члена Президиума Верховного Совета, вот он и примет участие в переговорах как представитель высшей законодательной власти нашей страны. Отец ухватился за спасительную идею, нельзя сказать, что она его привела в восторг, но выбирать не приходилось.

Дома он нам сообщил: товарищи решили — его присутствие в делегации необходимо, и рассказал, как придумали обойти формальные препятствия. Отец заметно повеселел, хотя на фоне Председателя Совета министров, министра иностранных дел, министра обороны его титул представлялся не самым респектабельным. В разговорах он не впрямую, а так, вскользь, все возвращался к больной теме, обкатывал ее с разных сторон, примеривался.

Булганин ранее тоже не часто выбирался за рубеж. Сразу возникала масса проблем, связанных с протоколом: во что одеваться, как здороваться, какими вилками пользоваться и многое другое. Отец не стеснялся задавать вопросы, главным экспертом по этикету стал Молотов.

Представители Министерства иностранных дел заикнулись даже о фраках. Я представил себе отца во фраке и не смог сдержать улыбки, уж больно они не сочетались. Отец, видимо, думал о том же. Он стал рассказывать о поездке Микояна в 30-е годы в Америку, вспомнил, как потешались тогда над его фраком.

— И ты наденешь фрак? — замогильным голосом перебила его мама. Отец замолк, потом, видимо, решившись, жестко произнес:

— Нет, примут и таких. Нечего подлаживаться. Хотят

разговаривать с рабочими, пусть привыкают.

Проблема фраков отпала. Несмотря на все старания, выглядели наши отцы неуклюже, понадобились годы, чтобы освоиться.

Перед встречей руководителей четырех держав в Москве началось непривычное братание с Западом. Конечно, по нашим меркам тех лет. Подобного не видели с войны. 4 июля все более или менее значительные руководители Советского Союза впервые за последнее десятилетие пошли на прием, устроенный послом США по случаю национального праздника. То же повторилось через десять дней во французском посольстве на торжествах по случаю Дня взятия Бастилии.

Через три дня советская делегация отбыла в Женеву. Мелкие неприятности, точнее, уколы самолюбию отца, начались с аэродрома. До самой смерти он не избавился от чувства унижения, испытанного им в момент приземления скромного двухмоторного Ил-14. По сравнению с самолетами, на которых прибыли Дуайт Эйзенхауэр, Антони Иден и Эдгар Фор, он выглядел просто замухрышкой.

Следующий шаг — и снова оплошность. Гостей, вернее, главу правительства, как и полагается по этикету, приветствовал почетный караул швейцарских гвардейцев. Когда Булганину предложили пройти вперед, «спина шефа швейцарского протокола, здоровенный такой дядька», — пишет в своих воспоминаниях отец, выросла перед его носом, закрывая какую-либо возможность продвинуться вперед.

Отец не раз и не два вспоминал об этом эпизоде, подшучивая над протоколистом: зря-де он старался, подозревал его в намерении нарушить общепринятые правила. И в своих мемуарах, и в устных рассказах отец всегда твердо придерживался этой версии. Я не могу утверждать обратного. Неблагодарное занятие строить домыслы. Тем не менее позволю себе отметить, что при том раскладе, который тогда существовал, по моему мнению, при малейшем намеке со стороны хозяев отец двинулся бы бок о бок с Булганиным. Не из-за непонимания правил поведения, а именно из-за того, что он их отлично понимал и считал не лишним продемонстрировать реальное распределение власти. Так что шеф протокола старался не напрасно.

Я не стану комментировать ход переговоров, все, что можно сказать о них, рассказано. Отмечу только, что отец расценивал их не как приглашение к диалогу, а как попытку Запада прощупать новое советское руководство, проверить его на прочность. В свою очередь, отец почти панически боялся проявить слабость, но одновременно считал необходимым продемонстрировать

дружелюбие.

На официальных заседаниях ему выступать не полагалось, он об этом и не жалел — протокольное выступление по бумажке не отвечало его характеру. Он брал свое на дружеских вечерних посиделках то с одной, то с другой делегацией. Тут отец, а не глава делегации, быстро оказывался в центре внимания. Булганин, казалось, смирился. Отец все больше оттеснял его на вторые роли, и Николай Александрович порой даже подыгрывал ему. Внутренне же в Булганине копилась обида, зрело глухое недовольство. Отец, казалось, ничего не замечал или не хотел замечать.

Впечатления от женевских встреч у отца остались хорошие. Сдержанный Антони Иден, пригласивший их с Булганиным посетить с государственным визитом Великобританию, подтвердил в глазах отца свою положительную репутацию. Отец не забыл, или ему представили соответствующую справку, что в момент Мюнхенского сговора в 1938 году тогда еще совсем молодой дипломат Антони Иден подал в знак протеста в отставку. Отец считал оба эти шага, разделенные почти двадцатилетием, добрым знаком. Надеялся найти основы для взаимопонимания с учетом, естественно, классовых различий.

К премьер-министру Франции Эдгару Фору, Эдгару Ивановичу, как он предложил называть себя, отец проникся искренней симпатией. Он пронес ее через всю жизнь, неизменно принимал экс-премьера, когда тот посещал нашу страну, разговоры у них всегда носили доверительный характер. Даже просто наткнувшись на упоминание о Форе в газете, отец тут же отзывался: «О, Эдгар Иванович!..»

По-своему вызвал его расположение и Дуайт Эйзенхауэр. Отец с гордостью вспоминал о своей мимолетной встрече с ним на параде Победы в Москве в июне 1945 года. Вряд ли тогда американский генерал запомнил украинского премьера. Теперь они встречались на равных.

Особое значение отец почему-то придавал встрече двух героев прошедшей войны Эйзенхауэра и Жукова. Ему казалось, что воспоминания о победе, военное братство что ли, создадут особую атмосферу если не доверия, то доверительности. Ни на какие конкретные результаты, естественно, он не рассчитывал. Но… слово за слово, встреча за встречей, смотришь, и растает лед. Отец руководствовался и этими соображениями, включая Жукова в состав делегации.

С сожалением отец отмечал, что из его плана ничего не получилось. Эйзенхауэр принял Жукова, они, по его словам, поболтали о том о сем. Президент подарил Жукову спиннинг, и

встреча без каких-либо последствий для отношений между нашими странами закончилась.

Зато настоящим героем в глазах отца стал Джон Фостер Даллес. Этого человека отец не любил, он навсегда остался в его глазах заклятым врагом, антикоммунистом. Однако возникшее при беседах уважение к уму противника заставляло отца раз за разом повторять, что он спокойнее себя чувствовал, когда государственным секретарем был Даллес, чем при его более либеральных преемниках. Даллес вел политику на грани войны, но зато хорошо представлял, где эта грань находится, и никогда не помышлял ее переступить.

Чего больше всего отец боялся в Женеве? Не дай бог, чтобы в мире предположили, что он способен склониться перед империалистами, уступить американцам.

Чего же больше всего хотел отец? Найти точки соприкосновения, общее понимание, позволяющее избежать войны.

Вот это противоречие — не уступить, но договориться — не раз заводило переговоры в тупик, заставляло расходиться, снова искать компромисс. И так все последующие десять лет. К счастью, в отце всегда побеждало здравое начало: худой мир лучше доброй ссоры. А еще лучше добрый мир.

И в Женеве победило стремление попытаться понять друг друга, сделать шаг навстречу друг другу. Там родился дух Женевы. К сожалению, ненадолго.

Переговоры давались отцу нелегко, и дело не только в необходимости найти выход из, казалось бы, безвыходной ситуации, не только в том, что требовалось примирить непримиримые позиции, но и в том, что все делалось впервые, на ощупь.

Вопросом вопросов стала германская проблема. Времени на выжидание не оставалось, любая ошибка грозила непредсказуемыми осложнениями.

Об объединении двух Германий не приходилось и думать, оно противоречило принятым ЦК решениям о построении социализма в ГДР. Тем не менее обе стороны говорили, настаивали, боролись за единую Германию. На словах…

Каждая сторона преследовала свои цели: они — усиление ФРГ, мы — укрепление ГДР. Обе Германии пристально следили за малейшим изменением интонации в переговорах. Конрад Аденауэр более всего опасался, как бы его союзники не произнесли запретное слово «ГДР». Вальтер Ульбрихт не мог допустить, чтобы в торге между двумя лагерями Восточной Германией воспользовались как разменной монетой.

Договориться, естественно, не удалось. Заключительный документ переписывали раз за разом, стремясь совместить несовместимое. Порой казалось, разрыв неизбежен, но здравомыслие брало верх, и наконец формулировки нашлись. Но какие они получились!.. Обкорнанные, двусмысленные… Свободные выборы… Объединение двух частей Германии… Каждый понимал, казалось бы, однозначно толкуемые слова по-своему.

После подписания Женевского меморандума отец решил, не откладывая, еще до возвращения домой внести ясность. Ульбрихт в Берлине нервничал. Более всего из-за возможности проведения общегерманских выборов. Поражение его не вызывало сомнений. Население Западной Германии почти втрое превышало население ГДР.

Прямо из Женевы советская делегация отправилась в Берлин. Встреча потрясла отца, и это при его скептическом отношении к организованным эффектам. Он знал им цену. Толпы людей на улицах не произвели на него особого впечатления, такое нетрудно устроить. Он, знавший о войне не понаслышке, рассчитывал на хмурый прием. Улыбки, приветливые лица — вот что тронуло сердце отца.

Подписав с правительством ГДР документы, подтверждающие нашу решимость поддерживать ее в движении на пути к социализму, делегация вернулась в Москву.

Домой отец приехал довольный собой. Он восторженно рассказывал о встречах, заражал слушателей своим оптимизмом. Казалось, мир повернулся к миру. Не забыл он и о подарках. Денег, по его распоряжению, членам делегации выделили копейки, из расчета не опозориться, если случай заведет в кафе или придется воспользоваться услугами такси.

Отец, конечно, в магазины не ходил, но в один из первых дней послал начальника охраны разузнать — почем швейцарские часы. Еще с Донбасса часы, а особенно швейцарские, казались ему верхом роскоши. О своем «Павле Буре», приобретенном до революции, отец вспоминал не иначе как с благоговением.

«Разведчик» вернулся, его рассказ просто потряс отца — часы стоили сущие копейки. Он тут же распорядился купить всем домашним, но подешевле. Каждый получил шикарные золоченые наручные часы с автоматическим подзаводом. Последний крик моды. Чтобы они не остановились в неподходящий момент, приходилось постоянно размахивать рукой. Но чего не сделаешь ради прогресса.

Отец оказался не одинок. Вся советская делегация

набросилась на часы. Нашлись на любой вкус. Охранники щеголяли обновками, с циферблата которых улыбался Сталин, стрелки торчали откуда-то из усов.

Себе отец выбрал маленький ножичек: годился он и гриб срезать, и яблоко почистить. Так он и проходил с ним до самой смерти. В суете последних переездов ножик где-то затерялся. Жаль.

Мир начинал дышать свободнее. Еще вчера немыслимое вдруг становилось реальностью.

Забрезжили признаки контактов с Западной Германией. Еще в июне, готовясь к Женеве, Москва и Бонн обменялись нотами по вопросу установления дипломатических и торговых отношений между двумя странами.

И вот 8 сентября в Москву прибыл канцлер Конрад Аденауэр. Его визит у многих ассоциировался с приездом Риббентропа в августе 1939 года. Поначалу переговоры шли трудно, ни взаимных симпатий, ни доверия не ощущалось — давил груз прошедшей войны. Постепенно дело сдвинулось с мертвой точки, отец повеселел. Договорились об установлении дипломатических отношений.

И тут снова все застопорилось. Аденауэр заговорил об объединении Германии, вернее — о присоединении ГДР. В Москве об этом не хотели слышать. Канцлер здраво рассудил, что советское народное хозяйство нуждается в кредитах, и предложил безвозмездную ссуду в миллиард марок. Огромная сумма! Но желаемого эффекта не получилось, отец воспринял жест западных немцев как оскорбление. За миллиард хотят откупить свободу народа, вступившего на путь социализма! Он категорически отказался обсуждать подобную идею.

Зато советская сторона пошла навстречу гостям в другом, не менее больном вопросе. Мы согласились отпустить домой всех немцев, захваченных во время войны, не только пленных, но и осужденных судом за преступления. Помиловали 8 877 человек, а 749 передали правительству ФРГ для дальнейшего отбывания срока в немецких тюрьмах. Из-за тяжести совершенных ими преступлений простить их не хватило сил.

Дополнительные осложнения в и без того нелегкие переговоры вносил посол США Чарльз Болен. Он ревниво следил за каждым шагом канцлера. Вот как вспоминает об этом отец:

«Мы продолжили наши беседы и стали работать над документом, который можно было бы подписать. По какому-то вопросу собеседники оказывали особенно упорное сопротивление. Мы удивлялись, и тогда они нам подбросили

информацию, что на Аденауэра оказывает давление посол США в СССР Чарльз Болен.

Аденауэр в конце переговоров похвастался, что, несмотря на давление, которое оказывал на него Болен, он все-таки довел переговоры до успешного завершения, так что мы в конце концов согласовали текст. Немцы передали нам свое пожелание поторопиться с подписанием, пока текст в последней редакции не увидел Болен. Мы согласились с их подходом. Если он был приемлем для нас, а для Болена неприемлем, то тут мы, конечно, были на стороне Аденауэра. Так этот документ и был подписан. Потом меня информировали, что Болен сильно возмущался позицией Аденауэра, но документ уже был подписан».[8]

С Аденауэром расставались с некоторым облегчением. Отца успокоили беседы с высоким гостем, его заверения, что выступления в печати о реванше, возвращении восточных земель — одно, а реальная политика — совсем другое. Западногерманское правительство трезво оценивает ситуацию, сложившуюся в Европе, изменение границ считает нереальным и свою политику строит в расчете на мир, а не на войну.

Повеселевший отец посмеивался над возрастом канцлера, которому было уже почти восемьдесят, но восхищался ясностью его ума. Аденауэр уверил его в искренности своих слов, и отец, оставив канцлера в числе своих политических противников и ярых антикоммунистов, отнес его вместе с Джоном Даллесом к разряду политиков, с которыми можно иметь дело.

Глава вторая
Ускорение

В новый 1956 год отец вступил уверенным в своих силах, готовым к решительным действиям политиком. Для осуществления задуманных и провозглашенных с высоких трибун планов переустройства нашей жизни: обеспечения достатка в продуктах питания, одежде, обуви, жилье — словом, во всем том, без чего не может жить человек, и без чего советский народ обходился многие годы, требовались деньги, много денег, а еще спокойствие, уверенность в завтрашнем дне.

Одним из основных источников получения ресурсов отцу представлялось сокращение более чем пятимиллионных вооруженных сил.

Если быть точным, ко времени смерти Сталина в Вооруженных силах служило 5 394 038 военнослужащих.[9]

Прошлогоднее уменьшение численности армии на 640 тысяч человек,[10] изменение структуры Военно-морского флота показали реализуемость задуманного.

На самом деле сокращения начались не в 1955 году, а раньше, но оформлялись они совершенно секретными решениями, и сообщения о них в печати не публиковались. Всего на 1 января 1956 года, согласно справке, предоставленной отцу Министерством обороны, армию покинули 1 116 216 человек.[11]

И тем не менее снижения обороноспособности страны не произошло, а в дополнение к экономии средств в народное хозяйство вернулось более миллиона молодых рабочих рук. Последнее отцу представлялось важнее, чем деньги, и он решил сделать следующий шаг. По указанию отца начались предварительные расчеты возможности дополнительного сокращения армии более чем на миллион человек.

Отец возлагал серьезные надежды на переговоры с Западом. Встреча в Женеве, казалось, не имела практических результатов, но так только казалось. Она породила дух Женевы. Армия, конечно, продолжала оказывать на события в нашей стране немалое влияние, но отец сделал выбор между «победить» и «договориться». Тем более что, несмотря на оптимизм военных, он все больше приходил к выводу: победитель в ядерной войне не многим будет отличаться от побежденного. Встреча в Женеве показала, что диалог не только возможен, но и продуктивен. Отец стремился его продолжить.

Я уже упоминал, что Антони Иден пригласил советских

руководителей посетить Великобританию, а французский премьер намеревался приехать в Москву. На празднике Воздушного флота впервые за много лет в Москве ожидались представители военно-воздушных сил многих стран: от Соединенных Штатов Америки до Китая. Еще год назад подобная вольность просто не пришла бы в голову. Сейчас же в ответ на озабоченность военных отец только посмеивался:

— Чем больше они увидят, тем сильнее задумаются: стоит ли начинать войну. Пусть знают, что и мы не лыком шиты.

Все поведение отца свидетельствовало о происходящем повороте к миру. Война сходила с повестки дня, кто кого — предстояло решить не на поле сражений, а в цехах заводов и на крестьянских нивах. Подобный образ мыслей в те годы отдавал крамолой, ведь официальный марксизм продолжал утверждать, что победа нового строя невозможна без революций, без кровавого столкновения представителей двух непримиримых идеологий. Но если так, то следовало не уменьшать, а увеличивать армию, вкладывать в нее еще больше средств в ожидании решительного момента. Люди могут и потерпеть во имя светлого будущего. Именно такую концепцию и исповедовали «правоверные» марксисты.

Прагматичный ум отца не желал мириться с подобными доводами. Он задавал себе конкретные вопросы. Когда произойдет это столкновение? Кто его начнет? Мы? Восстанет ли пролетариат западных стран против своих угнетателей? И вообще, что и кто останется после ядерной войны? Пока практика не подтверждала теорию. Живут там все лучше и лучше. Пальмиро Тольятти вообще настаивает, что смена общественного строя в развитых странах произойдет мирным путем, голосованием в парламенте, а не на баррикадах. Его утверждения казались отцу сомнительными — не отдаст буржуазия власть без борьбы, — но сама мысль о возможности бескровного перехода от капитализма к социализму пришлась ему по душе.

Обращения отца к теоретикам не вносили ясности. И Суслов, и Поспелов отвечали невразумительно, отделывались многословными цитатами из классиков. На время отец успокаивался, но не надолго. Перспектива неизбежной войны казалась ему кощунственной. В голове у него не укладывалось, что невозможно отыскать иного выхода. До этого он никогда не замахивался на теорию. Теперь пришлось. Постепенно у отца созревало убеждение — теоретики ошибаются, их догмы устарели, требуют пересмотра, увязки с реальной жизнью. Осторожные высказывания о «избежности» войны вызвали бурю протестов. Не только профессионалам-марксистам, но и мне,

только приобщающемуся к «лучшим традициям» общественных наук, сама идея примирения со злейшим врагом — империализмом казалась кощунственной, предательской. Отец не сдавался, настаивал, разъяснял.

В конце концов отец победил. Помощники нашли в трудах основоположников необходимые цитаты и включили еще вчера неприемлемые тезисы в отчетный доклад XX съезда КПСС, намечавшегося на февраль.

О том, как отец задумал свой знаменитый доклад, он сам лучше кого бы то ни было рассказывает в своих воспоминаниях. Все что мне известно об этом событии, я подробно изложил в «Реформаторе» — первой книге «Трилогии об отце», и не считаю нужным повторяться. Не могу удержаться лишь от замечания, что эти проблемы родились не спонтанно, отец задумался над ними сразу же после смерти Сталина. Еще летом 1953 года, едва новый Генеральный прокурор СССР Руденко занял свой пост, отец озадачил его непростым по тем дням вопросом: можно ли верить результатам открытых процессов 1930-х годов? Главное, что не укладывалось у него в голове: действительно ли виновен Бухарин, к которому отец испытывал особенно теплые чувства. Руденко ответил отрицательно. Тогда отец замахнулся шире. В конце 1955 года он поручил специальной комиссии во главе с секретарем ЦК П. Н. Поспеловым порыться в архивах, выяснить, откуда в 1930-е годы вдруг выискалось такое количество «врагов народа». К началу 1956 года отец получил записку с описанием сталинских преступлений. Это сейчас для прочитавших «Архипелаг Гулаг» первые разоблачения звучат лепетом. Тогда же казалось, обрушились стены, заколебались основы. Отец разослал документ членам Президиума ЦК. У одних он вызвал страх разоблачения, у других ужас перед масштабом беззаконий. И те и другие были едины: хранить эту информацию под семью замками. Отец колебался. Рассказать обо всем? Замахнуться на Сталина? Такой поступок требовал недюжинной смелости. Промолчать? Но мы строим рай на земле, а какой же это рай за колючей проволокой? Попытаться выбраться из трясины беззакония и лжи, опираясь на новую ложь? Отец понимал — подобный шаг обречен на неудачу, сокрытие правды о чудовищности сталинского режима смерти подобно. Политической — безусловно. Чтобы удержаться у власти, придется или творить такие же беззакония, запутываясь во все новых преступлениях, или ждать, когда во всем разберутся другие. Возможность первого варианта отец не мог себе даже представить. Второй не отвечал его деятельной натуре, он привык, не ожидая ударов судьбы, упреждать их. И тем

не менее отец никак не мог решиться. Дни шли за днями.

Конечно, далеко не все, доставшееся из прошлого, отец подвергал сомнению. Он верил, не мог не верить, в скорую победу социализма во всех странах — народы не смогут не оценить его преимуществ. Он свято чтил классовую солидарность, считал долгом интернациональную помощь народам, освобождающимся от колониализма. Здесь, по мнению отца, наша страна не имела права оставаться в стороне. Так он думал в 1953 году, не изменились его взгляды ни в 1956-м, ни в 1962-м. Не поколебленный, убежденный в своей правоте, он ушел от власти в 1964-м. Таким же умер в 1971-м.

14 февраля 1956 года открылся XX съезд КПСС. Отчетный доклад, следуя традиции, касался в основном хозяйственных дел. Я перечитал его недавно, мне он показался бледным, а тогда утверждали, что там поставлено много острых вопросов. Наверное, по тем временам так оно и было.

Исключение составлял раздел, касавшийся так называемых теоретических вопросов. Я рассказал о желании отца разрубить гордиев узел наших отношений с Западом, с капиталистическими странами. Куда мы идем — к войне, вооруженному столкновению или намереваемся отыскать пути к установлению мира? Отец выбрал мир. Съезд подтверждал, что мы более не считаем войну неизбежным способом разрешения противоречий между двумя системами — социализмом и капитализмом. Более того, заговор, революция, вооруженное восстание как способ смены загнивающего капиталистического строя процветающим социалистическим тоже переставали считаться единственно правомерными. Выборы в буржуазные парламенты, голосование, которые начисто отвергали в недавнем прошлом и приравнивали к предательству, более не предавали анафеме. Теперь люди имели право сами выбирать свою судьбу.

Высший форум партии своим авторитетом санкционировал новый подход к отношениям между двумя мирами, превратив крамолу в «новое слово в развитии теории марксизма». После этого и мирное сосуществование, и сокращение вооруженных сил, и переговоры на Западе и Востоке из области тактических уловок в борьбе с империализмом переходили в основополагающую стратегическую линию нашей политики.

Теперь поворот от войны к миру становился не только желательным, но и осязаемым. Человеческие чувства отца более не вступали в противоречие с коммунистической идеологией. Правда, пришлось подправить идеологию. Сейчас все это звучит несколько наивно. Но в 1956 году слова отца отозвались

многоголосым эхом, одни вздохнули с облегчением, другие шептались по углам о поднимающем голову ревизионизме. Возведение в закон на XX съезде тезисов о мирном сосуществовании двух систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху и о формах перехода различных стран к социализму, на мой взгляд, имело не меньшее значение, чем разоблачение преступлений Сталина.

Так отец будет поступать и впредь, в столкновении человека с догмой он всегда выбирал человека. Если ему удавалось… Некоторые табу и отцу оказались не по зубам.

Доклад занял целый день. Домой отец вернулся смертельно усталый, но чрезвычайно довольный. Он просто сиял. Зачитать отчет съезду, ничего более почетного просто невозможно себе вообразить.

Утром заседания продолжались, началось обсуждение. Прения на съезде пошли по давно заведенному порядку, ораторы повторяли и иллюстрировали примерами основные положения отчетного доклада. Только Микоян часть своего выступления посвятил сомнениям в обоснованности некоторых сталинских репрессий, но это громыхнуло отдаленным громом и затихло. Делегаты Анастаса Ивановича не поддержали. Ничто не предвещало приближающегося взрыва. Всего несколько дней отделяло нас от второго, так называемого секретного доклада отца. Как и остальные жители нашей страны, всей Земли, члены нашей семьи не подозревали, что вот-вот рухнет один из самых страшных и кровавых мифов нашего времени.

Я слабо запомнил те дни. Своими мыслями отец со мной не делился. Не подозревали о его намерении и остальные домашние. Внешне он ничем не выдавал себя, по утрам, как обычно, мельком проглядывал газеты с многочисленными причесанными под одну гребенку речами и отправлялся на очередное заседание в Кремль.

В этом весь отец. Такой открытый, непосредственный, даже многоречивый в делах, касавшихся строительства и сельского хозяйства, он становился неразговорчивым, неприступным, когда дело касалось ключевых вопросов. Как и в случае с Берией, мы узнали о происходившем после, а не до.

Второй доклад отца оброс за эти десятилетия бородой слухов, таинственных псевдоподробностей. Например, почему-то считается, что дело происходило ночью… Никакой таинственности не было, делегаты собрались как обычно, утром, вот только многочисленным гостям съезда в тот день предложили отдельную программу, они разъехались по московским предприятиям выступать на специально организованных митингах.

Наверное, наиболее авторитетным свидетелем драматических событий тех дней является сам отец. Вот как он описывает происходившее.

«Начался съезд. Я сделал доклад… Но я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: "Вот съезд кончится. Будет принята резолюция. Все это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч расстрелянных людей, две трети состава Центрального комитета, избранного на XVII партийном съезде. Редко, редко кто удержался, а так весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко кому повезло, и он остался жив. Что же дальше?"

Записка комиссии Поспелова сверлила мне мозг. Наконец я собрался с силами и во время одного из перерывов, когда в комнате Президиума съезда были только члены Президиума ЦК, поставил вопрос:

— Товарищи, а как же быть с запиской товарища Поспелова? Как быть с расстрелами, арестами? Кончится съезд, и мы разъедемся, не сказав своего слова. Ведь мы уже знаем, что люди, подвергшиеся репрессиям, были невиновны, они не были никакими врагами народа. Это честные люди, преданные партии, преданные революции, преданные ленинскому делу строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Люди будут возвращаться из ссылки, мы же держать их теперь не будем. Надо подумать, как их возвращать?…

…Как только я закончил говорить, тут сразу на меня все набросились. Особенно Ворошилов:

— Что ты? Как это можно? Разве можно все рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, на авторитете нашей страны? Это же в секрете не удержишь! И нам тогда предъявят претензии. Что мы можем сказать о нашей роли?

Очень горячо стал возражать и Каганович, с таких же позиций. Это была не позиция глубоко партийного и философского анализа, а шкурная, личная. Это было желание уйти от ответственности. Если сделано преступление, то замять его, прикрыть.

Я говорю:

— Это невозможно, даже если рассуждать с ваших позиций. Скрыть ничего невозможно. Люди будут выходить из тюрем, приезжать в города к родным. Они расскажут своим родственникам, знакомым, друзьям, товарищам все как было. Достоянием всей страны, всей партии станет то, что те, кто остался в живых, были невинно репрессированы. Люди отсидели 10–15 лет, а кто и больше, совершенно ни за что. Все обвинения были выдумкой. Это — невозможно.

Потом, товарищи, я еще прошу подумать — мы проводим первый съезд после смерти Сталина. Я считаю, на этом съезде мы должны чистосердечно рассказать делегатам всю правду о жизни и деятельности нашей партии, Центрального комитета за отчетный период. Мы отчитываемся сейчас за период после смерти Сталина, но мы, как члены Центрального комитета, должны рассказать и о сталинском периоде. Мы же были в руководстве вместе со Сталиным, и как же мы можем ничего не сказать делегатам съезда? Съезд закончится. Делегаты разъедутся. Вернутся бывшие заключенные и начнут их информировать по-своему. Тогда делегаты съезда, вся партия скажут: позвольте, как же это так? Был XX съезд — и там нам ничего не сказали. Вы что, не знали о том, что рассказывают люди, вернувшиеся из ссылок, из тюрем? Вы должны были знать!

Мы ничего не сможем ответить! Сказать, что мы ничего не знали — это будет ложью, есть записка товарища Поспелова, и мы теперь уже знаем обо всем. Знаем, что репрессии были ничем не обоснованы, что это был произвол Сталина.

Ответом была опять очень бурная реакция. Ворошилов и Каганович повторяли в один голос:

— Нас притянут к ответу. Партия за это имеет право притянуть нас к ответу. Мы были в составе руководства, и если мы не знали, так это наша беда, но мы ответственны за все.

Я сказал:

— Если рассматривать нашу партию как партию, основанную на демократическом централизме, то мы, как руководители, не имели права не знать. Я, да и другие находились в таком положении, что не знали многого, потому что был установлен такой режим, когда ты должен был знать только то, что тебе поручено, а остального тебе не говорят, и сам не суй носа. Мы и не совали носа. Но не все были в таком положении. Некоторые знали, а некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь ответственность разная.

Я готов, как член Центрального комитета с XVII съезда и член Политбюро с XVIII съезда, нести свою долю ответственности перед партией, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех, кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался этот произвол.

Со мной опять не соглашались, возражали:

— Ты понимаешь, что будет?

Особенно крикливо реагировали Ворошилов и Молотов. Ворошилов доказывал, что нельзя, не надо этого делать.

— Кто нас спрашивает? Кто нас спрашивает? — повторял он. Я говорю:

— Преступление-то было. Надо нам самим сказать, что оно было. Когда тебя будут спрашивать, то тебя уже судить будут. Я не хочу этого, не хочу брать на себя такую ответственность.

Но согласия никакого не было. Я увидел, что добиться решения от членов Президиума Центрального комитета не удается. В президиуме съезда мы эти вопросы не ставили, пока не договорились внутри Президиума Центрального комитета.

Тут я выдвинул такое предложение:

— Идет съезд партии, во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов Центрального комитета и членов Президиума ЦК, уже не действует. Отчетный доклад сделан, каждый член Президиума и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада.

Я не сказал, что выступлю с таким докладом, но те, которые возражали, поняли, что я могу выступить и изложить свое мнение по арестам и расстрелам.

Я сейчас не помню, кто меня поддержал персонально. Я думаю, что это были Булганин, Первухин и Сабуров. Я сейчас не уверен, но думаю, что, возможно, и Маленков поддержал меня. Сейчас я не могу точно сказать, ведь в 30-е годы он был секретарем ЦК по кадрам и его роль в этих вопросах была довольно активной. Он, собственно, помогал Сталину выдвигать кадры, а потом уничтожать их. Я не говорю, что он проявлял инициативу в репрессиях. Вряд ли. Но в тех краях и областях, куда Сталин посылал Маленкова для наведения порядка, десятки и сотни людей были репрессированы и многие из них казнены. Вот до какого положения мы докатились!..»

Только спустя годы отец рассказал, в каких мучительных раздумьях он провел ночь. После своего ультиматума он уехал домой и сразу ушел в спальню. Поделиться взрывоопасной информацией с кем-нибудь, даже с женой, он не мог. Да и зачем? Предупредить? Какой в этом смысл? Он понимал: пути отступления отрезаны, остается одно — двигаться вперед. Отец считал, что загнанные в угол вчерашние преступники могут пойти на все, даже на его арест. Телефон молчал. Сам он тоже решил никому не звонить, не хотел проявлять слабость. Ночь закончилась без происшествий. Как всегда, в начале девятого отец вышел к завтраку. Как всегда… только мама забеспокоилась, не заболел ли. Выглядел он уставшим, под глазами мешки. Отец успокоил: все в порядке. Кончится съезд — отоспится.

Как всегда, к девяти он отправился на работу. Без опозданий.

Он уже почти не сомневался, что победил. Почти…

Снова высшие руководители встретились перед заседанием в комнате отдыха.

Оппоненты выглядели не лучше, видно, и они провели ночь без сна. О чем они думали? Что прикидывали? Этого мы не узнаем. Ясно одно — объединиться они не смогли, не посмели. Слишком велик был страх друг перед другом.

Еще с порога отец снова бросился и бой.

Он пишет:

«Я сказал:

— Даже у людей, которые совершили преступление, раз в жизни бывает такой момент, когда они могут сознаться, и это принесет им если не оправдание, так снисхождение. Если даже с этих позиций рассматривать решение вопроса о докладе на съезде о злоупотреблениях, совершенных Сталиным, то это можно сделать только на XX съезде. На XXI съезде уже поздно будет, если мы вообще сможем дожить до этого времени и с нас не спросят ответа…»

Оппозиция капитулировала, вернее, отступила до поры до времени: «…кто-то проявил инициативу: раз вопрос стоит так, видимо, доклад придется сделать… Тогда возник вопрос, кто должен делать доклад? Я предложил, чтобы доклад сделал товарищ Поспелов. Я аргументировал свое предложение тем, что он изучал эти вопросы, он председатель Комиссии, он составлял записку, которой мы все пользуемся… Другие, я сейчас не помню, кто персонально, стали возражать и предложили, чтобы доклад сделал я…

— Если сейчас не ты выступишь, а сделает доклад Поспелов, тоже один из секретарей ЦК, то возникнет вопрос: почему Хрущев в своем отчетном докладе ничего не сказал, а Поспелов выступил в прениях по такому важному вопросу. Не мог же Хрущев не знать или не считаться с важностью этого вопроса. Следовательно, возможно, что по этому вопросу есть разногласия в руководстве, и Поспелов выступил с собственным мнением.

Этот аргумент заслуживал внимания, и я согласился…

… Съезд выслушал мой доклад молча. Как говорится, слышен был полет мухи. Все было настолько неожиданно, и нужно было понять, как люди были поражены зверствами, совершенными над членами партии, заслуженными старыми большевиками, молодежью… Это была трагедия для партии…

…В моем докладе на XX съезде ничего не было сказано об открытых процессах, на которых присутствовали представители братских коммунистических партий. Тогда судили Рыкова, Бухарина и других вождей народа…

…В вопросе об открытых процессах тоже сказалась двойственность нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца. Не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они жертвы произвола.

Но на открытых процессах присутствовали руководители братских партий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров, мы не хотели дискредитировать их и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова и других на неопределенный срок.

Но, видимо, правильнее было бы договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь…»

Из истории известно, что последовательность событий была несколько иной. Само решение о «секретном» докладе на базе записки Поспелова Пленум ЦК принял накануне съезда. В записке приводились убийственные, даже по нынешним временам, цифры. Только за 1937–1938 годы арестовали 1 548 366 человек, из них расстреляли 681 692 человека, были арестованы по два-три состава руководителей республик, краев и областей, из 1 966 делегатов XVII съезда ВКП(б) арестовано 1 108 человек, расстреляно 848.

9 февраля Поспелов доложил записку Президиуму ЦК. Тогда-то, видимо, и разгорелся спор, о котором вспоминает отец.

Отцу удалось настоять на своем, и 13 февраля, за день до открытия съезда, Президиум постановляет: «Внести на пленум ЦК КПСС предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности и утвердить докладчиком Н. С. Хрущева». Состоявшийся в тот же день пленум без изменений проштамповал это решение.

К 18 февраля первую версию доклада подготовили секретари ЦК Петр Николаевич Поспелов и Аверкий Борисович Аристов. Доклад ограничивался довоенными годами, и речь в нем в основном шла об уничтожении лидеров партии.

Отца такой паллиатив не удовлетворил, и уже на следующий день, 19 февраля, он диктует стенографистке свой собственный текст. Секретарь ЦК КПСС Дмитрий Шепилов, в то время один из доверенных сторонников отца, помогал ему править расшифровку. Так Шепилов, по крайней мере, пишет в своих воспоминаниях.

Рукопись не успели даже перепечатать, отец забрал ее с собой на заседание съезда в Кремль всю исчерканную разноцветными карандашами.

С трибуны отец сказал значительно больше написанного.

В приведенных выше воспоминаниях отца сплавились

воедино два события: его переживания перед вынесением на пленум вопроса о самом факте произнесения доклада по записке Поспелова и столкновения с его оппонентами по Президиуму ЦК накануне доклада, видимо, в связи с несанкционированным расширением границ доклада. О последнем, за исключением воспоминаний отца, непосредственные свидетельства отсутствуют. Но такое предположение мне представляется наиболее правдоподобным.

Хронологию событий удалось восстановить по записям, сделанным на заседаниях Президиума ЦК заведующим Общим отделом ЦК Владимиром Малиным.[12]

Не вызывает сомнения, что именно «секретный» доклад сплотил антихрущевское ядро. Новый кризис стал неминуем, требовалось только время, чтобы оппозиция оформилась, а потом оставалось выбрать подходящий момент.

«Секретный» доклад ненадолго удержался в секрете. Такое не скрыть. Я вообще очень сомневаюсь, что отец хотел сохранить тайну. Наоборот! Его собственные слова свидетельствовали об обратном, он хотел донести свой доклад до людей. Иначе все затраченные усилия оказывались бессмысленными. Секретность заседаний служила лишь формальной уступкой с его стороны.

Буквально через несколько дней доклад начал жить своей жизнью. Сначала отец настоял на решении зачитать его членам партии на закрытых собраниях. В типографии газеты «Правда» текст размножили в тысячах экземпляров, снабдили грифом «Не для печати» и разослали по парторганизациям.

Коммунистическая партия в тот год насчитывала около семи миллионов членов.

Москва переполнилась слухами. Я полез к отцу с вопросами, а он удовлетворил мое любопытство сверх ожидания — просто протянул тоненькую книжицу со словами:

— На, читай. Только верни мне обратно.

От прочитанного я пришел в ужас. Конечно, я уже кое-что знал. Мое «образование» началось с обвинительного заключения по делу Берии, которое попало мне в руки в конце 1953 года. Тот промозглый осенний вечер запомнился мне в деталях. Отец вернулся домой с разбухшей папкой. В столовой вынул из нее многостраничный том в стандартном «государственном» серо-голубом, цвета парадных шинелей КГБ, бумажном переплете и, оставив остальные бумаги на привычном месте, на обеденном столе, направился с загадочной книгой в кабинет.

Я пошел за ним. Соскучившись, вечерами я старался не упустить ни минуты, ходил за отцом как привязанный. На сей раз меня к тому же разбирало любопытство, такие объемистые

документы отец домой не приносил. Вечерами он занимался лишь текущей почтой.

Оставив том на письменном столе, он ушел в спальню переодеться. О том, чтобы заглянуть в привлекшую мое внимание книгу, не могло быть и речи. Я лишь издалека разглядывал обложку, стараясь разобрать набранное некрупными буквами заглавие. Подойти к столу означало нарушить тот же внутренний запрет. Единственное, что мне удалось разобрать, это слова, набранные буквами покрупнее: «Обвинительное заключение…», а дальше — слившиеся строки на сером фоне.

Такого, с вытянутой шеей, сосредоточенно вглядывающегося в едва различимые буквы, и застал меня отец. Что привлекло мое внимание — объяснять было не нужно. Отец подошел к столу, постоял недолго, как бы примериваясь, а потом сунул том мне в руки. Это было подготовленное прокуратурой для предстоящего суда над Берией и его ближайшими помощниками обвинительное заключение.

До суда оставалось несколько дней (я тогда об этом и не подозревал), и по сложившейся, как я теперь понимаю, еще в 30-е годы практике Генеральный прокурор направил результаты дознания на высочайшее утверждение. Конечно, серо-голубой «кирпич» получил не только отец, его разослали всем членам Президиума ЦК — коллективному руководству страной и партией.

— Хочешь прочесть? — с оттенком сомнения спросил отец, казалось, он еще не уверовал, стоит ли оставлять в моих руках столь важный документ.

— Конечно, — заторопился я, испугавшись, что его отнимут.

Меня захлестнуло любопытство, жажда узнать, что же такого ужасного совершил этот человек, чьи портреты еще в мае украшали фасады московских домов.

— Хорошо, — отец наконец решился, — только имей в виду, я тебе доверяю государственную тайну, держи язык за зубами.

Я закивал головой. Свое слово я сдержал, впечатлениями о прочитанном я не смел поделиться ни с кем, за исключением, конечно, отца.

Читал я, замирая от ужаса, всю ночь. Чего только не было в этом документе: и связь с британской разведкой, и сотрудничество с контрреволюцией, и насилие над женщинами, и моральное разложение, выразившееся в строительстве на чужое имя собственных домов.

Последнее обстоятельство особенно возмущало отца, считавшего проявление частнособственнических инстинктов самой страшной крамолой. Собственный дом у коммуниста — в

его глазах не существовало позорнее проступка.

Ничего из прочитанного не вызвало у меня сомнения. Берия предстал эдаким кровавым разбойником, способным на все.

Возвращая утром книгу отцу, я наивно спросил его, как и какие секретные сведения Берия передавал англичанам? Отец замялся и ничего вразумительного не ответил. Я не стал настаивать, решив про себя, что попытался выведать тайну, не предназначенную для моих ушей. Усомниться в прочитанном в те годы я просто не мог.

Другой вопрос волновал меня еще больше — какое наказание ждет соучастников всех этих преступлений? Они обязаны понести наказание. Мучился я своими сомнениями долго, все не выдавалось удобного момента заговорить с отцом на эту страшную тему. Когда я все это выложил отцу — дело было уже после суда над Берией, — он надолго замолчал. Я уж подумал, что отец решил не отвечать. Но нет.

— Понимаешь, — как-то натужно заговорил он, — главных сообщников Берии мы наказали, одних расстреляли, другие сидят в тюрьме. Но в этой мясорубке смешались миллионы. Миллионы жертв и миллионы палачей — следователей, доносчиков, конвоиров. Если сейчас начать наказывать всех, кто приложил к этому руку, произойдет не меньшее кровопролитие. Аможет, и большее…

Отец на полуслове замолчал. Я был поражен таким ответом — оставить палачей без возмездия! Я принялся было возражать, но отец не намеревался спорить со мной.

— Не надо об этом, — как-то обреченно произнес он, — я устал, давай помолчим.

Впоследствии к этой теме я больше не возвращался. С годами я все больше прихожу к заключению, что отец был прав.

«Секретный» доклад недолго оставался доступным одним лишь членам партии, отец явно стремился довести его до сведения всех имеющих уши. Вскоре его стали читать на комсомольских собраниях, это еще восемнадцать миллионов слушателей. Если добавить к ним родных, близких и просто знакомых, то можно считать — с докладом ознакомилась вся страна.

Увезли его домой и гости съезда, представители братских партий.

Едва наступила весна, как доклад начал гулять по миру. Сначала на Запад ушло его переложенное журналистами на свой лад содержание. Доложили отцу, он распорядился мер не принимать, да и не к кому. Разве поймаешь вылетевшее на свободу слово.

Вскоре в руках американцев оказался полный текст доклада. Учинили расследование. Как стало известно, заветная красная книжечка попала в руки израильской разведки, а оттуда перекочевала за океан, в США.

ЦРУ, ведомство Аллена Даллеса, постаралось довести текст доклада до всех желавших и не желавших с ним ознакомиться. В данном случае Аллен Даллес служил невольным проводником интересов отца. Теперь о преступлениях Сталина узнали все.

Продолжая разбираться в запутанном военном хозяйстве, сразу после съезда, 27 февраля 1956 года, отец посетил фирму Королева. Он уже не считал себя дилетантом в ракетном деле. О всех проблемах ему подробно докладывал Д. Ф. Устинов, дядя Дима, как прозвали его ракетчики. Но одно дело доклады, а совсем иное — увидеть своими глазами.

Отцу очень хотелось пощупать своими руками, примериться к новинке, поговорить с людьми. Из оброненной фразы, интонации, выражения лица он извлекал порой больше информации, чем из длинного, тщательно отредактированного документа.

Поездка несколько раз откладывалась, в последний момент обязательно что-то мешало. Наконец назначили окончательную дату. К Королеву отец ехал не один, собралась представительная компания не компания, комиссия не комиссия… Одним словом, познакомиться с новым делом — ракетами собрались еще Молотов, Булганин, Каганович, Кириченко (он стал членом Президиума ЦК в июле 1955 года и возглавил партийную организацию Украины, на чьей территории, в Днепропетровске, базировался соперник Королева — Михаил Янгель), и, кажется, Первухин.

Когда отец предложил мне сопровождать его, я не раздумывал ни минуты. Увидеть настоящие баллистические ракеты!.. Прихватил он и Алексея Ивановича Аджубея. За четыре года после окончания университета тот изрядно преуспел на ниве журналистики и начал пользоваться определенным авторитетом у отца.

Место назначения находилось неподалеку от Москвы. В то время название подмосковного городка Калининград (до этого Подлипки, а ныне Королев) произносилось вполголоса. Сам факт нахождения там главной ракетной фирмы страны считался огромным секретом. Даже после того, как появились статьи в американских журналах с точным указанием адреса.

Добрались быстро. Глухой забор с заколоченными кирпичными заводскими корпусами за ним свидетельствовал: мы у цели. Машины сворачивают направо в предусмотрительно

распахнутые массивные металлические ворота и, попетляв между зданиями, останавливаются у какого-то цеха. У дверей, приткнувшихся к многометровым воротам, отца встречает крепко сбитый невысокий человек — главный конструктор Королев. Отец с ним уже знаком. Чуть поодаль роится свита, неизбежная при подобных посещениях: министры, военные и местные — руководство конструкторского бюро и завода.

Королев пожимает руки гостям и хозяйским жестом предлагает пройти в цех. Отсюда начинается знакомство с пока еще недолгой историей советских ракет, здесь же нам предстоит заглянуть в будущее.

Цех поразил своими размерами. Он оказался даже большим, чем ангар у Мясищева, но выглядел пустовато. Невольно взгляд искал самолет. Ничего подобного. Только какие-то длинные то ли баки, то ли трубы: стоящие, лежащие. Такой перед нами предстала одна из наиболее тщательно охраняемых военных тайн. Следуя за хозяином, группа потянулась в центр зала, где на ложементах лежали, поблескивая медью сопел двигателей, выкрашенные в защитный зеленый цвет ракеты. Привычные ныне формы тогда вызывали удивление и даже протест: разве это способно летать?

Королев остановился у своего первенца — Р-1. Ракета один к одному повторяла немецкую ФАУ-2, детище фон Брауна. Дальность полета скромная — 270 км, точность тоже оставляла желать лучшего. Сергей Павлович не пытался присвоить себе приоритет, как часто бывает в подобных случаях. Он пояснил: в нашей промышленности опыта создания подобных летательных аппаратов не существовало, следовало от чего-то оттолкнуться.

За Р-1 следовала первая собственная разработка — ракета Р-2. По форме она повторяла предшественницу, только размером побольше, помассивнее. Это и понятно, ракета пролетала около 600 км.

— Это наша история, с них начинали, — закончил первую часть своего рассказа Королев.

— А вот наше настоящее, Р-5, — он показал указкой на следующий экспонат.

На подставке лежал огромный карандаш, только на тонко заточенном носике отсутствовал грифель, а сзади торчали какая-то миска да маленькие треугольные перышки рулей. Эта конструкция выглядела уж совсем нелетучей. У предыдущих хоть сохранялись обтекаемые формы, прослеживалась некоторая изысканность в форме стабилизаторов.

Видимо, подобные ощущения возникли не у одного меня, удивление отразилось и на лице у отца. Однако он молчал,

внимательно разглядывая диковину. Королев пояснил: большая часть полета этой ракеты, рассчитанной на дальность до 1 200 км, в отличие от предыдущих проходит вне атмосферы.

— Обтекаемая форма в этом случае не очень важна, мощности двигателей с избытком хватает, чтобы при разгоне преодолеть сопротивление воздуха. Выгода же несомненная, цилиндр — очень технологичная форма, — закончил он.

Отцу рациональный подход пришелся по душе, и он позволил себе вопрос:

— А нельзя ли корпус ракеты варить, как сваривают из стального листа трубы большого диаметра?

Хозяин улыбнулся и ответил, что в принципе такое возможно, но это дело будущего.

Отец долго не отходил от ракеты. В первую очередь его интересовало, кого из наших потенциальных противников мы с ее помощью сможем держать под ударом. Королев подошел к карте Европы, висевшей тут же на специальной подставке. Выглядела она очень знакомой, по такой мы учились в школе. Только на этой теснились дуги пересекающихся на синем фоне Атлантического океана окружностей. Тонкие, прочерченные черной тушью радиусы стягивались к западным рубежам, границе Восточной Германии. И еще в правом верхнем углу чернела каллиграфическая надпись: «Совершенно секретно. Особой важности» и чуть ниже — «Экз. №». Какой был номер, я, конечно, не запомнил, но не более, чем третий. Информация предназначалась для самого узкого круга.

Королев пояснил: выдвинув старты Р-5 на передовые рубежи, можно поразить Великобританию, недостижимой останется только Испания. Отец удовлетворенно хмыкнул. Еще раз глянул на карту, как бы примериваясь, и протянул:

— Отлично, совсем недавно о подобном мы и мечтать не могли, но аппетит приходит во время еды. Товарищ Королев, а нельзя ли дальность полета еще немного увеличить?

Королев отрицательно качнул головой: «Это уже будет другая ракета».

— Дело не в Испании, — продолжал отец. — Не хотелось бы такое оружие выносить пусть на дружественные, но чужие территории. Особенно ядерные заряды. К тому же очень уж близко до границ.

Отец обвел взглядом присутствующих, никто не возразил. Все прекрасно помнили, во что в недавнем прошлом обошлось нам легкомысленное выдвижение к границам складов и баз снабжения. Все они достались немцам в первые дни и даже часы войны.

— Надо подумать об этом, — отец обернулся к Устинову.

Тот ответил, что такую разработку ведут во вновь образованном конструкторском бюро Михаила Кузьмича Янгеля. Его ракета с дальностью полета в две тысячи километров сможет решить туже задачу уже с территории Советского Союза. Пока же без Р-5 не обойтись.

Отец, конечно, знал, чем занимается Янгель. Он перевел взгляд на Королева, ему хотелось услышать его мнение. Королев же не захотел влезать в чужую епархию, промолчал. Отец не настаивал, он оценил деликатность главного конструктора. Затем, повернувшись к Королеву спросил о мощности ядерного заряда на его ракете. Сергей Павлович замялся, медлил с ответом. Он несколько растерянно обвел взглядом присутствующих и задержался на Устинове в немом вопросе.

В те годы об атомных зарядах вслух не говорили, секретней и запретней темы не существовало. А тут в ангаре столько народу…

Отец, заметив колебание главного конструктора, подбодрил его: «Не сомневайтесь, ответственность я беру на себя».

Устинов едва заметно кивнул головой. И тем не менее Королев мешкал. Наконец он вплотную приблизился к отцу и вполголоса произнес несколько слов. До нас, стоявших в отдалении, его слова не донеслись.

Отец удовлетворенно кивнул, чуть помедлил, что-то прикидывая про себя, и неожиданно громко повторил величину эквивалента атомного заряда.[13] По нынешним меркам она выглядит умеренной, но тогда и двадцать килотонн поражали.

Все замерли. Отец улыбался, наслаждаясь эффектом, произведенным его словами. Выдержав паузу, он пояснил:

— Внушительный заряд. Очень отрезвляюще подействует на горячие головы, мечтающие о войне. Его величину и в НАТО не вредно сообщить.

— По решению правительства, — продолжал докладывать Королев, — 2 февраля произведено испытание ракеты совместно со специальной боевой частью (слово «ядерная» исключили из официального лексикона особой инструкцией. — *С. Х.)*.

Запустили ракету Р-5М (так назвали ядерную модификацию «пятерки») со специальной площадки полигона Капустин Яр под Сталинградом, где все оборудовали для измерения параметров ядерного взрыва. Испытания прошли не очень удачно, перед стартом отключился обогрев головной части, на морозе атомный заряд застудился, и, хотя автоматика подрыва сработала исправно, получился так называемый тлеющий подрыв, взрыв не добрал и половины расчетной мощности. Но это не обескуражило отца. В начале пути встречается всякое. Игорь Курчатов,

докладывая о происшедшем, сказал, что главное проверено — ядерная боеголовка, доставленная к цели ракетой, сработает.

Отец поздравил Королева с огромным достижением, сказал, что благодаря ракетчикам страна почувствовала себя гораздо увереннее. Испытания Р-5 с атомным зарядом оказали заметное влияние на поведение отца в переговорах с нашими бывшими союзниками. В первую очередь, с Францией и Великобританией. Советский Союз становился реальным обладателем оружия исключительной силы. Пусть пока США оставались недостижимыми, но в Европе Р-5 не знала преград. Не важно, что счет ракет пока шел на единицы. Воевать отец не собирался, а для того чтобы пригрозить, хватало самого факта наличия нового оружия.

Отец вернулся к карте, он просто впился в нее взглядом.

— А сколько зарядов потребуется, чтобы вывести из строя Англию? Вы не подсчитывали? — обратился он к Королеву. Великобритания тогда считалась главным и самым мощным союзником США, а следовательно, нашим врагом номер два.

Сергей Павлович не успел ответить.

— Пять, — отозвался Устинов и, помедлив, добавил: — А для Франции чуть побольше — семь или девять, в зависимости от выбора целей.

— Всего пять? — с некоторым недоверием повторил отец.

— Достаточно пяти, чтобы подавить оборону, нарушить связь и транспорт, не говоря уже об уничтожении крупных городов, — тон Устинова не допускал и тени сомнения.

— Страшно себе представить, — не то ужаснулся, не то восхитился отец. — Во время войны мы не могли и помыслить о подобном…

Он осекся. В ангаре повисла тишина. Королев переминался с ноги на ногу, не решаясь возобновить свой доклад.

— Да, ужасная сила, — как бы очнулся отец. — Прошлая война была кровавой, а с такими зарядами она становится просто невозможной. Пять зарядов — и нет целой страны. Ужасно.

Отец снова замолчал. На сей раз всего на несколько секунд.

— Ну, что вы нам еще приготовили? — обратился он к Королеву. Сергей Павлович повел процессию к соседнему стенду.

— Если на первых двух ракетах только учились, формировали отрасль, то теперь наступает новый ответственный этап организации серийного производства, массового внедрения нового вооружения в армию, — продолжал он.

Не все тут ладилось, переход от пушек к ракетам давался нелегко. Отец время от времени вмешивался в доклад. Задавал вопросы, а то, вытащив из толпы того или иного министра,

начинал решать животрепещущую проблему. Тут же вступал Устинов, чувствовалось, что он осведомлен обо всем, без запинки давал краткие четкие ответы. Указания записывал в маленький блокнотик.

Отец остался доволен. И конструктор, и министр не только знали, чего они хотят, но и ясно представляли пути достижения цели.

К таким людям отец проникался особой симпатией, становился как бы их соучастником. Так произошло и на этот раз. Теперь Королев мог звонить отцу напрямую, в обход многочисленных бюрократических рогаток. Уже одна эта возможность, даже неосуществленная, позволяла разрешать проблемы, раньше, казалось, непреодолимые. Ну а в крайнем случае он снимал трубку и набирал четырехзначный номер телефона отца.

У двери в следующее помещение стоял еще один пост охраны, мы входили в святая святых. Новый зал-ангар впечатлял еще больше. Площадью он уступал предыдущему, но зато вытянулся вверх многометровой стеклянной башней-аквариумом. Только, в отличие от аквариума, окна покрывал густой слой белой краски — защита от любопытного взора.

Увиденная конструкция поразила нас своими размерами. Ярко освещенный колодец цеха заполняла одна единственная ракета. Ее размеры, контур невольно ассоциировались со Спасской башней Кремля, то же сочетание устремленности к небу с земной кряжистостью фундамента. Там в полный рост стояла 270-тонная «семерка», Р-7. (К началу летных испытаний ее вес подрастет и достигнет 283 тонн.)

Столпившись у входа, все в молчании разглядывали это чудо техники. Королев наслаждался произведенным эффектом и не спешил начать пояснения. Наконец оцепенение прошло, и основная группа, задрав головы, двинулась вокруг ракеты. Королев то тыкал указкой куда-то вверх к самому потолку, то опускался почти на корточки. И говорил, говорил, говорил.

В своем рассказе Сергей Павлович особо остановился на боковушках, облекавших стройную фигуру центрального блока широкой расклешенной юбкой.

— Только такая полутораступенчатая схема позволила найти инженерное решение поставленной задачи, ведь термоядерная боевая часть, устанавливаемая на ракете, чрезвычайно громоздка, — подытожил Королев и замолчал, видимо ожидая вопросов. Молчали и слушатели. Отец потом признался, что он просто онемел, подавленный величием сотворенного руками человека.

Единственный вопрос задал Молотов. Он спросил:

— Почему центральный блок после пояса, куда упираются боковушки, становится тоньше, чем вверху?

Королев оживился, стал объяснять, что это вызвано конструктивными соображениями, иначе боковушки плохо прилегали и ракета получалась слишком растопыренной.

Молотов удовлетворенно закивал головой.

Этот далеко не существенный вопрос мне запомнился не сам по себе, а из-за отца. Почему-то он вызвал у него озлобленное раздражение. Там, в ангаре, отец промолчал, а дома дал волю своим чувствам.

Суть его претензий сводилась к одному: зачем Молотову нужно позориться, задавая такие обывательские, по выражению отца, вопросы.

— Ведь ясно, что ни черта он в этом деле не понимает. Какая ему разница, где ракета толще, где тоньше. Специалисты сами знают, какой им диаметр выбирать, — кипятился отец.

Я недоумевал. Вопрос Вячеслава Михайловича для моих ушей не прозвучал диссонансом. Действительно, можно и не спрашивать, но почему бы не спросить? Отец же продолжал возмущаться:

— Руководителям нашего ранга незачем лезть в специальные вопросы. Каждый пусть занимается своим делом. Что, он рассчитывает поправить инженеров?

От него, засыпавшего инженеров и ученых вопросами об особенностях полюбившейся ему той или иной машины, слышать такие аргументы было непривычно.

Без сомнения, истинная причина раздражения отца таилась в ином. К началу 1956 года недолгая дружба с Молотовым, скрепленная в 1953 году совместной борьбой против Берии, после устранения общего врага затрещала по всем швам. Не сошлись они в вопросе освоения целины. Занозой в душе Молотова засел визит отца с извинениями к Тито. Росла взаимная неприязнь. И если сдержанный Молотов хранил ее в себе, то эмоциональному отцу приходилось значительно труднее. Вот он и разрядился…

Продолжая рассказ об особенностях новой ракеты, Королев приблизился к висящим счетверенным гроздьям двигателей. По одной на каждую боковушку и еще одна на центральном блоке. Медные сопла сверкали червонными зеркалами отполированных поверхностей.

Королев обеспокоенно завертел головой, он кого-то выискивал в толпе. Я невольно проследил за его взглядом и увидел невысокого субтильного человека. Как и Королев, он резко отличался от окружающих, но если первый смахивал на

бульдозер, то этого человека хотелось сравнить с элегантным лимузином. Тонкие черты лица, тщательно причесанные гладкие черные волосы и какой-то совсем не московский костюм: без единой складки темно-серый пиджак, острая стрелка брюк, белоснежная рубашка. Казалось, его место в престижном посольстве, а не здесь, в закопченных цехах. Рядом с кряжистым Королевым он выглядел хлипковато.

— Конструктор наших двигателей Валентин Петрович Глушко, мы с ним трудимся вместе уже почти двадцать лет, — представил его Королев, передавая указку.

Глушко начал издалека, с основных физических принципов, обусловливающих появление реактивной тяги. Как будто перед ним стояли первокурсники соседнего Лесотехнического института, где недавно учредили ракетный факультет, а не высшие руководители страны.

Глушко перешел к рассказу о своем двигателе. Указка помогала проследить извилистый путь окислителя и горючего к месту их встречи в камере сгорания. Тут Сергей Павлович не выдержал, перебил его и стал нахваливать двигатели, ну прямо как купец свой товар на ярмарке. Особое внимание он обращал на систему охлаждения сопла.

— Такого мир еще не знал, — восклицал он. Глушко, чуть отойдя в сторону, скромно улыбался.

Осмотр окончен. Обсуждение началось тут же в цехе у ракеты.

Достаточной для поражения целей на американской территории в то время считалась дальность в 8 000 км. Королев не сомневался, что справится с этой проблемой.

Отец, слушая Сергея Павловича, просто сиял. Редко мне приходилось его видеть в таком состоянии. Особенно его поразило сообщение о скорости ракеты — около 25 тысяч километров в час. До того времени все привыкли иметь дело с самолетами и здесь, столкнувшись с принципиально новым типом летательного аппарата, примерялись по старым меркам.

Отец полюбопытствовал, за сколько времени ракета долетит от Москвы до Киева. За последние полтора десятилетия этот маршрут он изучил досконально. Старинный «Дуглас» преодолевал расстояние за три часа. Королев ответил, что потребуются считанные минуты. Отец удовлетворенно крякнул и подтолкнул в бок стоявшего рядом Кириченко. Цифра впечатляла, гипнотизировала. Проблема преодоления системы ПВО просто переставала существовать. Вся ПВО со своими ракетами, радарами и самолетами-перехватчиками оказывалась внизу, Р-7 через нее как бы перепрыгивала.

В заключение отец спросил о сроках начала испытаний и тут же, как бы извиняясь, добавил:

— Мы вас не подгоняем. Все должно быть тщательно отработано и проверено, но сами знаете, как нужна ракета.

Королев кивнул. Он торопился изо всех сил. Испытания намечались на весну следующего года. Раньше никак не успевали. И сама ракета требовала еще немало труда, и полигон следовало подготовить.

Передвинувшись к следующему плакату, Сергей Павлович объяснил, что при пусках на такую дальность невозможно воспользоваться существующим обжитым полигоном в низовьях Волги в Капустином Яру.

Три выносных станции системы радиоуправления ракетой (РУП), чтобы обеспечить приемлемую точность попадания, требовалось расположить в особом порядке — две симметрично по обе стороны от места старта на расстоянии в 150–200 км, а третью унести назад на 300–500 км. Как ни крути, то один, то другой РУП ложился или на каспийскую морскую гладь, или того хуже — на Иран.

Пришлось заложить новый полигон в Приаралье, у станции Тюра-Там. Работы шли полным ходом, но дел еще оставалось невпроворот. Отец следил за строительством и не стал углубляться в подробности. Он предался воспоминаниям, как сразу после войны выбирали место для первого ракетного полигона. Многие из присутствующих наверняка помнили эту историю, они-то и выбирали тогда площадку, но все внимательно слушали. Такова привилегия начальства…

Как я уже упоминал, ракетные дела в свое время курировал Берия. А он не любил, когда ему перечили. Едва успели отгреметь пушки, как на Украину нагрянула комиссия, наделенная чрезвычайными полномочиями. Требовалось срочно подобрать место под первый в стране ракетный полигон.

Обосноваться решили с комфортом. Поначалу замахнулись на огромный кусок Черноземья в районе Мариуполя. Приступили к изысканиям, чертили карты. Отец ничего не знал. В те годы не рекомендовалось совать нос в дела соседа, особенно столь могущественного. Да и его самого тогда пшеница, сахарная свекла, подсолнечник интересовали куда больше, чем ракеты. Тревожную новость принес секретарь обкома: военные колесят по самым плодородным полям, что-то замеряют, по слухам, грозят всех выселить и построить то ли завод, то ли полигон, то ли еще что-то особо секретное.

Отец вызвал председателя комиссии к себе, пока он на Украине Председатель Совета министров и Первый секретарь ЦК

КП(б)У Разговор не получился, тот руководствовался предписаниями Москвы, и никакие ссылки на плодороднейшие земли, богатые села не действовали. В те годы по мановению руки, да что руки — пальца переселяли целые народы, а тут два-три десятка деревень… Да и не в Сибирь их ссылают, разместятся поблизости.

Как и американцы во Флориде, комиссия наметила разместить площадки поближе к морю, штаб и другие службы предполагалось построить на самом побережье, у песчаных азовских пляжей. Правда, стремясь ближе к открытой воде, американцы не столько думали о комфорте, сколько об экономике. Отработавшие свое ракетные ступени, падая в океан, никому не угрожали, разве что случайному кораблю. Так что даже не возникало разговора о создании зон отчуждения по трассе полета, скупке земель и других хлопотах. А все это влетало в копеечку.

У нас же все наоборот. Оно и понятно, не в Турцию же стрелять. Трасса испытаний протянулась через донские степи к Сталинграду. Предстояло массовое переселение.

Отец просто взбеленился и, как только закрылась дверь его кабинета за несговорчивым председателем, схватил трубку ВЧ и попросил его соединить с Берией. Отношения между ними сохранялись хорошие, многие их даже считали друзьями. Но тут ничего не помогло, Берия считал, что отец суется не в свое дело, и наотрез отказался пойти навстречу.

Оставалась последняя возможность — Сталин. Тут требовалось особое искусство. Мало подобрать аргументы, нужно еще выбрать момент… Поспешишь — людей насмешишь, а запоздаешь — Берия доложит первым. Тогда лучше вообще не соваться.

Отец не раз вступал в спор со Сталиным, порой добивался своего. Но кто знает, чем могло кончиться очередное проявление самостоятельности. На сей раз отцу повезло. Ему удалось убедить Сталина, что густонаселенные районы Украины не лучшее место для таких дел. Главным аргументом послужила не необходимость переселения тысяч людей, а требование сохранения секретности. Ведь ракеты полетят над десятками сел, всех не выселишь. Сталин согласился, Берия получил указание подыскать полигону место подальше от людских глаз. Выбор пал на Капустин Яр.

…Визит подходил к концу. Всё осмотрели, всё обговорили, Отец вопросительно взглянул на Сергея Павловича: дескать — всё? Или еще есть чем порадовать?

Королев как-то засуетился:

— Никита Сергеевич, мы хотели познакомить вас с

применением нашей ракеты для исследования высоких слоев атмосферы и заатмосферных экспериментов.

— Ну что, посмотрим? Это интересно, — отозвался отец. Прошли в соседнее помещение.

На плакатах, а вернее, огромных фотографиях, развешанных на стенах, изображалась уже знакомая нам Р-2, но с двумя обтекаемыми наростами по бокам.

Королев пояснил: в боковых нашлепках разместилась аппаратура для анализа атмосферы. На соседнем плакате изображались все этапы полета. Королев продолжал: полученные результаты уникальны, до войны эти исследования пытались проводить с помощью аэростатов. Не один смельчак поплатился жизнью. И только ракеты позволили решить задачу. Они и дешевле, и надежнее, а уж о достижении подобных высот аэростатики и мечтать не могли.

Рассказ о проекте не привлек особого внимания слушателей. Высокие гости подустали. Отец отозвался скорее из вежливости: «Если ученые считают такие исследования важными, проводите. Мы вам тут советовать не можем».

— Я хотел бы познакомить вас с еще одним проектом. Он становится осуществимым только с рождением Р-7, — заторопился Королев, заметив, что посетители настраиваются уходить. — Я писал в свое время докладную записку в ЦК. Есть положительное решение.

Сергей Павлович подвел всех к стенду, скромно расположившемуся в углу около двери. На подставке стоял макет какого-то аппарата. Выглядел он, мягко говоря, непривычно. Летательному аппарату надлежало иметь гладкую поверхность, обтекаемые формы, зализанные углы. А тут во все стороны торчали какие-то прутья, обшивка пучилась выступами.

Королев начал издалека, с Циолковского. Напомнил о его мечте вырваться за пределы Земли.

— И вот теперь ее можно осуществить, — несколько патетически воскликнул Сергей Павлович, но осекся, и уже деловым тоном пояснил, что если разогнать летательный аппарат до определенной скорости, то он не вернется на Землю, а превратится в маленькую планету, наподобие Луны, вращающуюся вокруг Земли.

— Мы провели у себя в конструкторском бюро расчеты, — продолжал Королев, — необходимо увеличить скорость Р-7 еще на пару тысяч километров в час, а это в наших силах, придется только уменьшить вес полезного груза. В результате можно вывести на орбиту спутник Земли.

Королев сделал паузу, слушатели молчали: мало ли что

придет в голову этим ученым? — Спутник, так спутник.

Недавний рассказ о межконтинентальной ракете произвел гораздо большее впечатление. Да и решаемая с ее помощью задача казалась несравненно важнее. А тут…

Королев, не дождавшись реакции, стал говорить, что проект запуска искусственного спутника Земли усиленно разрабатывается в Америке. Он указал на соседний плакат. На нем тоненькая, похожая на карандаш ракета, повторяя все эволюции «семерки», выводила на орбиту крохотный шарик, смахивающий на теннисный мяч.

Королев убеждал, что мы можем опередить американцев, запустить свой аппарат не только раньше их, но и весом во много раз больше. При этом, говорил он, затраты потребуются мизерные, основные расходы уходят на создание носителя, а у нас ракета уже есть.

— Будет, — поправился он.

Возможность утереть нос американцам понравилась отцу. Оживившись, он стал расспрашивать Королева, насколько серьезным переделкам придется подвергнуть ракету? Не повлияет ли погоня за престижем на решение основной задачи создания столь необходимого для страны оружия?

Королев снова обернулся к плакату: «Американцы пошли по неверному пути, они проектируют специальную ракету, тратят миллионы. Мы же только снимем термоядерный заряд и на его место поставим спутник. Вот и все».

Королев обращался к отцу, внимательно разглядывавшему макет спутника. Казалось, он все еще колебался. Немало на своем жизненном пути ему пришлось повстречать изобретателей, суливших, вот так задарма, златые горы. Стоило только согласиться, как возникали «непредвиденные осложнения», затраты возрастали во сто крат.

Но здесь он не ощущал подвоха, все выглядело солидно. Вот только как бы ученые не увлеклись, не позабыли о главном. Но лишать людей мечты тоже негоже.

Примерно так вспоминал отец о своей реакции на рассказ Королева.

Тогда же он только сказал: «Если главная задача не пострадает, действуйте».

Работа над спутником пошла по «зеленой улице».

О том, какой эффект в мире произведет советский спутник, отец и представить себе не мог. Не предвидел его и Королев, мечтавший об этом моменте всю жизнь.

Визит закончился. Все расселись по машинам в прежнем порядке.

Отец пришел в восторг от того, что он увидел у Королева. Наконец-то проклятая проблема, казалось, находила решение. Противостояние американцам, с чувством полнейшей безнаказанности окружившим нашу страну своими базами, становилось не только в принципе возможным, но осуществимым в ближайшем будущем. Пусть сегодня им кажется, что они могут позволить себе делать что ни заблагорассудится: засылать шары с разведывательной аппаратурой, самолеты, устраивать маневры в опасной близости от наших границ. Долго мы этого не потерпим. Мы заставим относиться к себе с уважением, а тогда и разговоры о разоружении пойдут на другой, куда более серьезной основе. Переговоры равного с равным значительно эффективнее, чем сильного со слабым.

Встреча с Королевым решительно повлияла на мышление отца. За своей спиной он теперь ощущал все возрастающую мощь, на многие годы ракеты стали его излюбленным аргументом в политических спорах.

После этого посещения отец просто влюбился в Королева, он готов был говорить о нем без конца. Жаль, что слушателей, допущенных до столь секретных в те годы рассказов, даже у него оказывалось немного. Вообще-то Королеву повезло, как и нам повезло с Королевым. Сложно, конечно, говорить «повезло» о человеке, арестованном в расцвете жизни, прошедшем магаданские лагеря и чудом оставшемся в живых. А может быть, так и надо говорить. Ведь он не добавил своего имени к тем миллионам, а может, десяткам миллионов наших соотечественников, которым суждено было, вместо того чтобы прославить себя и свою страну, сгнить в безвестных рвах, заменивших им могилы.

Нам повезло в первую очередь в том, что у истоков нового дела объединились два таланта: инженер Королев и администратор Устинов. Повезло в том, что они сразу нашли поддержку у военных, у заказчиков. Неделина, Вознюка и других генералов не потребовалось убеждать, они с первых шагов стали энтузиастами нового оружия. Повезло, потому что работа сразу началась командой единомышленников.

Так, опираясь друг на друга, они все вместе шли от одного успеха к другому: Валентин Петрович Глушко со своими двигателями, Николай Алексеевич Пилюгин с системой управления, Виктор Иванович Кузнецов с гироскопами, Михаил Сергеевич Рязанский с радиотехникой, Владимир Петрович Бармин с циклопическими стартами.

Повезло Королеву и в том, что ему удалось создать сплоченный коллектив своего собственного конструкторского

бюро, счастливо объединивший прошедших огонь и воду ГИРДовских корифеев с рвущейся к новому делу молодежью. И те и другие оказались плодовиты.

И еще одна удача сопутствовала Королеву. С 1950 года его коллега по довоенным делам Михаил Клавдиевич Тихонравов занялся исследованием ракетных пакетов. К Королеву его деятельность не имела непосредственного отношения. Работал он совсем в другой организации. Михаил Клавдиевич стремился осуществить мечту своей жизни, запустить искусственный спутник Земли. Ракеты, способной на такое, в те годы не существовало, и он решил попытаться, соединив в пакет несколько Р-5, добиться нового качества. Тогда-то и пересеклись их пути с Королевым.

Сергей Павлович сразу оценил перспективность идеи Тихонравова и предложил объединить усилия. Имея за спиной мощное королёвское конструкторское бюро, не было смысла возиться со старыми ракетами. Как ни крутись, а собрать их в единое целое неимоверно трудно. Легче оказалось, на основе расчетов будущего академика Охоцимского, построить специальную полутораступенчатую ракету.

Проблем на их пути встретилось немало, и только сочетание технического предвидения Тихонравова с инженерной хваткой и организаторским талантом Королева позволило решить задачу доставки термоядерного заряда на территорию США. Для Тихонравова это был не конец пути, а лишь очередная ступень. Теперь запуск спутника становился реальностью. Это его, Тихонравова, проект представил Сергей Павлович высоким гостям.

В конструкторском бюро Королева создали специальный проектный отдел, призванный разрабатывать искусственные спутники Земли, межпланетные автоматические станции и пилотируемые корабли. Начальником нового отдела стал Тихонравов. Теперь судьба их связала на всю жизнь.

В глазах отца Королев уже выиграл конкурс. Но до финиша еще следовало дойти. Предстояло не только преодолеть превратности испытаний, но и решить проблемы, с которыми еще не приходилось сталкиваться. Массовая постановка ракет на боевое дежурство требовала разрешения не столько технических, сколько экономических и военных проблем. Это и организация серийного производства, и строительство в выбранных Генеральным штабом районах десятков и сотен боевых позиций. Все эти задачи еще предстояло решить. Пока же у Королева, казалось, не оставалось конкурентов.

Правда, последнее не совсем точно. Все больше авиационные

конструкторские бюро разворачивались в сторону беспилотных летательных аппаратов. Первым оценил новое направление Семен Алексеевич Лавочкин. К ракетным двигателям он начал приглядываться еще во время войны. Тогда его внимание к этим грохочущим и далеко не безопасным игрушкам нередко вызывало усмешки у практичных коллег.

Лавочкин много внимания уделял проблеме резкого разгона истребителя в момент атаки. Для этого он подвешивал под свой Ла-7 ракетные двигатели Глушко и Королева, пытался оснастить самолет прямоточным реактивным мотором. Над ним работал молодой конструктор Бондарюк. И то и другое выглядело в те времена даже не экзотично, а скорее фантастично.

Дела шли тяжело, новые двигатели то взрывались, то отказывались запускаться. Войну закончили без них. Но конструкторское бюро Лавочкина накопило бесценный опыт, и, когда встал вопрос, кому поручить освоение новых непривычных летательных аппаратов — зенитных ракет, — практически без колебаний выбор пал на него. Там, на бывшей мебельной фабрике, построенной в свое время для оснащения Дворца Советов, под скромным индексом «25» проектировалась первая противосамолетная система.

Курировал разработку 25-й все тот же Берия. В дополнение к обычным военпредам, следящим за соблюдением интересов вооруженных сил, к каждому подразделению в конструкторских бюро приставили еще особых контролеров с Лубянки. Их функции не оговаривались никакими служебными инструкциями, что создавало атмосферу зловещей неопределенности.

25-я ракета начала поступать в войска с 1952 года. Именно из них возвели почти непреодолимый для самолетов частокол вокруг Москвы. Так называемое Московское кольцо.

Отец, а особенно Маленков, курировавший в Политбюро вопросы радиолокации, а потому имевший непосредственное отношение к строительству этого, по тем временам сверхсекретного объекта, очень им гордились. Начали строить подобное кольцо и вокруг Ленинграда, но, не достроив, бросили. Появились ракеты, сбрасываемые с самолетов и способные преодолевать самую изощренную противовоздушную оборону. Не за горами маячили и межконтинентальные балдиетические ракеты. Еще вчера казавшаяся непреодолимой преграда на глазах утрачивала свое значение.

Но в начале 1950-х 25-я ракета представлялась не просто высочайшим достижением авиационной техники, но чем-то почти фантастическим. Отец с восхищением рассказывал, как она сама, по командам с земли, находит и поражает цель. Хитроумные

творения рук человеческих всегда вызывали у него восторг и, я бы сказал, преклонение перед способным на такое разумом.

Георгий Максимилианович как-то предложил отцу при очередном посещении объекта захватить с собой меня и своих сыновей Андрея и Егора. Я с мольбой посмотрел на отца, но он категорически отказал, счел наше появление в расположении секретнейшего военного объекта неэтичным. Как обычно, Маленков спорить не стал.

25-я ракета служила верой и правдой многие годы. Вспоминая войну, отец не раз с восхищением говорил о происшедших с тех пор изменениях. Еще бы, зенитным пушкам требовалось выстрелить сотни, если не тысячи снарядов, чтобы поразить самолет противника. А теперь по уставу полагается пустить две ракеты, и то вторую на всякий случай, для подстраховки.

25-е уже давно перестали нести боевую службу, а их еще долгие годы продолжали по праздникам провозить через Красную площадь, демонстрируя не только грозную силу, но и изящество форм.

Миновали десятилетия, кольцо продолжало функционировать. Неоднократно реконструированное, перестроенное и модернизированное, сфотографированное американскими спутниками и досконально изученное американскими разведчиками, оно продержалось до конца XX века. Скорее как памятник, чем реальное оборонительное сооружение. Во второй половине 1950-х годов его предполагалось оснастить беспилотными перехватчиками, способными сбивать самолеты противника на расстоянии в несколько сотен километров. Тогда такая, ныне почти позабытая, идея владела умами инженеров и военных во многих странах мира. Американцам удалось построить свою машину, она получила название «Боумарк».

Одновременно с американцами начали работу и в Советском Союзе. Конструкторское бюро Лавочкина единственное к тому времени имело опыт создания как пилотируемых, так и беспилотных перехватчиков. Новое задание поручили ему. Во главе работ встал Михаил Михайлович Пашинин, правая рука генерального конструктора. Поначалу все шло гладко, вовремя сделали чертежи, в опытном цехе стали собирать необычный летательный аппарат — некую помесь самолета и ракеты.

Когда же начались испытания, дело не заладилось. Ракета с красивым и многозначительным названием «Даль» летать не захотела. Если ее удавалось заставить преодолеть заданную

дистанцию, то она отказывалась наводиться на цель. Первые месяцы неудачи с «Далью» не очень беспокоили начальство — с кем не бывает. Среди конструкторов даже бытует примета: если с ракетой в первом полете ничего не случилось, жди беды. Такой взгляд имеет естественное объяснение — без огрехов конструкции не бывает, так уж лучше, если они проявятся в начале пути.

Не ожидая окончания испытаний, приступили к переоборудованию Московского кольца, начали подготовительные работы под Ленинградом. Стремились сэкономить время, не ожидали осечки. А она произошла. За месяцами тянулись годы, а воз все не удавалось сдвинуть с места. Начальство занервничало. Председатель Госкомитета по авиационной технике П. В. Дементьев собирал коллегию за коллегией, принимались грозные решения: ускорить, обеспечить, принять меры. Ракета залетала, но попадать в цель упорно не желала.

Вмешалась Военно-промышленная комиссия, крутой в своих решениях Устинов вызвал Лавочкина к себе в Кремль и «убедительно просил» генерального вылететь немедленно на полигон, самому разобраться на месте. Дело было в 1960 году.

Семен Алексеевич попытался отложить поездку. Он пожаловался, что у него разболелось сердце, а на полигоне собраны самые квалифицированные специалисты. Устинов не любил возражений и не привык повторять свои приказания дважды: больное сердце нынче не редкость.

Лавочкин вернулся в КБ удрученным.

— Совсем плохо себя чувствую. Не следует мне лететь, да вот только Устинов не поймет, — пожаловался он собравшимся в ожидании новостей ближайшим сотрудникам.

Семен Алексеевич, в высшей степени интеллигентный человек, не столько боялся разноса грозного начальника, сколько стеснялся обидеть Дмитрия Федоровича. Собрался и полетел. Там, в раскаленной степи, вдали от квалифицированной медицинской помощи, случился приступ стенокардии, и… Мы с болью прочитали в газете некролог о безвременно скончавшемся конструкторе знаменитых в войну истребителей марки Ла.

По печальному стечению обстоятельств через несколько лет у преемника Лавочкина — Георгия Николаевича Бабакина, главного конструктора межпланетных автоматических станций, после крупного разговора на коллегии с заместителем министра Тюлиным по поводу очередной неудачи в лунной программе в 1971 году тоже схватит сердце и… не отпустит.

Без Лавочкина дела пошли совсем плохо. Конструкторское

бюро осталось без хозяина, без защитника. Теперь каждый норовил бросить в него камень. Вокруг рыскали энергичные коллеги, одни приглядывались, что бы урвать из тематики, как бы перехватить выгодный заказ, другие примеривались к отлично оснащенным лабораториям, опытным цехам. Но наброситься и разодрать лакомую добычу было страшновато, ведь за конструкторским бюро числились обязательства, которые никто не желал взваливать на себя.

Начали раздаваться голоса, что «Даль», не родившись, устарела. Действительно, короткий век дальних беспилотных перехватчиков подходил к концу: самолеты прижимались почти вплотную к земле, все большее значение придавалось баллистическим ракетам. Ни с теми, ни с другими «Даль» бороться не умела.

Вслед за «Далью» похоронили и Ленинградское кольцо ПВО. Отец посчитал многомиллиардные затраты на него неоправданными. После прекращения работ по «Дали» неиспользованные на испытаниях ракеты регулярно участвовали в праздничных парадах. Отец решил: чем пускать их под пресс, пусть послужат отечеству, демонстрируют нашу мощь Западу. С легкой руки отца подобная практика привилась, и впоследствии все «неудачники» проходили своим последним парадом по Красной площади.

Но я забежал далеко вперед. А тогда, в 1956 году, Лавочкин считался единственным серьезным конкурентом Королева.

Р-7 Семен Алексеевич противопоставил крылатую ракету с высочайшими по тем временам параметрами — скоростью более трех тысяч километров в час на высоте около двадцати километров. Назвал он ее «Бурей».

Чтобы добиться результата, пришлось идти на смелые решения. Корпус сделали не из привычного дюраля, а из незнакомого титана. Другие материалы не выдерживали огромных температур. Более того, для уменьшения сопротивления его отполировали до зеркального блеска, такого еще не знала авиация.

Свой полет «Буря» начинала на высоте 18–19 километров. По мере выгорания горючего самолет-снаряд забирался все выше и завершал путешествие на более чем двадцатикилометровой высоте. За счет этого Лавочкин надеялся перепрыгнуть через американскую ПВО. Уж кто-кто, а он знал, как тяжело зенитной ракете маневрировать, догонять, наводиться там, где от разряженного воздуха и оттолкнуться как следует не удается.

Свой курс «Буря» прокладывала по звездам, на таких

огромных высотах они видны и днем, и ночью. Система управления воплощала самые смелые мечты тех дней. Достаточно сказать, что, преодолев над территорией нашей страны с запада на восток расстояние почти в восемь тысяч километров, она позволяла себе отклониться не более чем на километр.

Делали ее два, в те годы совсем молодых, человека — Лисович и Толстоусов. Первый разработал прибор, постоянно следящий за звездами, а это, поверьте мне, нелегко — через объектив телескопа, установленного на стремительно несущейся над вращающейся Землей ракете, они представляются мурашами, норовящими расползтись в разные стороны.

Толстоусов построил первую в нашей стране гироскопическую инерциальную систему, помогающую оптическим приборам ловить звезды.

К сожалению, мне не довелось увидеть это чудо техники вблизи. То ли отец к Лавочкину не ездил вообще, а скорее всего, просто в тот раз решил меня с собой не брать. Увидел я «Бурю» спустя несколько лет, когда начал работать и собственные заботы забросили меня в Капустин Яр. В нескольких километрах от нашего хозяйства на соседнем полигоне Владомировка располагались авиаторы. Их ближайшая к нам площадка принадлежала фирме Лавочкина.

Шла осень, наверное, 1958 года. Испытатели, к которым теперь с некоторой долей самоуверенности я причислял и себя, уже которой месяц маялись «на точке» в бескрайней степи. Ангар, пусковая установка и несколько избушек — вот и вся цивилизация. А поодаль, через несколько километров, еще один островок, чуть побольше и поблагоустроеннее нашего. Наша обитель не пользовалась особым расположением у сухопутного начальства полигона. Мы работали «на дядю», на Военно-морской флот.

В безлюдье всякое движение в степи — событие, любое происшествие — развлечение. Поэтому работы, начавшиеся где-то на юге, привлекали всеобщее внимание. Такого не видали даже старожилы. Периодически степь оживала и вдали поднималось циклопическое сооружение. Как его описать? Основу составляла круглая башня или, вернее, труба. Это корпус крылатой ракеты, а точнее — огромного прямоточного двигателя конструкции Бондарюка. Цилиндр массивного корпуса в полете поддерживали изящные, сравнительно небольшие треугольные крылышки. Они выглядели как-то не по росту, казались хлипковатыми. В те годы мы еще не привыкли к таким большим скоростям. Все пространство под крыльями заполняли массивные цилиндры

жидкостных ракетных ускорителей, разгонявших связку до скорости, на которой прямоточка могла работать.

В «Буре» воплотилась давняя мечта обоих конструкторов — Лавочкина и Бондарюка. Они создали невиданный до того летательный аппарат. То, что не удалось осуществить в 1940-е годы, стало реальностью в 1950-е. Запускали «Бурю» обычно ночью. Огромное вертикально стоящее сооружение, поблескивающее в свете мощных прожекторов, то и дело скрывалось в белых облаках испаряющегося кислорода. Потом яркая вспышка, секунды ожидания: пошла, не пошла? В полной тишине мы следили, как махина отделяется от земли и в считанные секунды превращается в светлое пятнышко. Только тогда до нас доносился могучий рев ускорителей.

Как водится на испытаниях, удачи сменялись авариями. Тогда наступал перерыв, иногда длительный. Требовалось разобраться, найти и исправить ошибку. Порой ожидать очередного «представления» приходилось полгода. Но вот снова на знакомой площадке начиналось шевеление, мы с нетерпением ждали спектакля.

К началу 1960-х годов «Буря» залетала устойчиво, одна за другой ракеты уходили за горизонт, и через некоторое время с далекой Камчатки приходила «квитанция»: цель поражена, отклонение в норме и дальше ряд цифр.

Сегодняшние транслируемые по телевидению на весь мир старты «Шаттла» и не менее эффектный запуск «Бурана» напомнили мне ставшие историей давнишние испытания «Бури» — та же параллельная компоновка самолета и огромных баков ускорителей. Конечно, история не повторяется, летательные аппараты иные и выполняют они совсем другие задачи. Но вспыхивает пламя двигателя, разгоняющее очередной космический челнок, и оживает в памяти далекая площадка в Капустином Яру, молодость, сбывшиеся и не сбывшиеся надежды, ставшие явью и не реализованные проекты.

Несмотря на совершенство форм, концентрацию последних достижений авиационной науки и талант Лавочкина, «Буря» была обречена. Не лучшая участь постигла и ее двойника в Соединенных Штатах — крылатую ракету «Навахо». Победила баллистическая ракета, наступал иной век, век грубой силы. К чему заботиться о тщательном выдерживании форм, зализывании выступов, притирке люков и обтекателей, если многотонная тяга ракетных двигателей в считанные секунды выдирала летательный аппарат из стратосферы, а в безвоздушном пространстве царят другие законы.

После съезда следующим крупным политическим шагом отца стал визит в Великобританию. Через три года после смерти Сталина заграничная поездка оставалась неординарным событием. Особенно такая: впервые после революции государственный визит в «колыбель империализма».

Отец нервничал, особенно он боялся, что в МИДе недоглядят и советской делегации не окажут приличествующих рангу почестей. От империалистов он ожидал любого подвоха.

С другой стороны, его волновало, как делегацию встретит трудовой народ. Когда-то, в 1920-е годы, рабочие Британских островов встали на защиту молодой Республики Советов. С тех пор немало воды утекло, многое изменилось. А тут еще доклад…

Боясь ошибиться, отец решил устроить проверку. В политическом мире потеплело, и английские энергетики пригласили встретиться своих советских коллег. Министром энергетики незадолго до этого стал Маленков. Мотивировали назначение особой ключевой ролью отрасли, а по сути — просто пристраивали отставного Председателя Совета министров. Маленков оставался членом Президиума ЦК. Окажут достойный прием Маленкову — всё в порядке, освищут — и им с Булганиным туда соваться нечего, только позориться.

Внешне дружеские отношения у отца с Маленковым сохранились. Он, как и прежде, навещал отца на даче, порой они отправлялись на прогулку в сопровождении семейств. Обсуждали какие-то вопросы, казалось, ничего не изменилось и Георгий Максимилианович полностью удовлетворен новым положением. Конечно, только внешне.

По возвращении из Лондона переполненный впечатлениями Маленков на следующий же день поспешил к отцу. Они встретились на даче. Гость рассказывал взахлеб. Сначала о главном: англичане — руководство и простые люди настроены весьма дружелюбно, правительственную делегацию ждет теплый прием. Затем Георгий Максимилианович стал делиться своими впечатлениями от посещения электростанций. Они произвели на него сильнейшее впечатление.

Трудно сказать, чему в те годы отдавалось предпочтение: переговорам или осмотру, конечно, не музеев, а заводов, ферм — всего того, где имелась возможность поучиться, что делается в мире.

Хозяева посмеивались, но охотно включали в программу визита любезные сердцу гостя объекты. Они не понимали, что означает вырваться из изоляции, как раскрываются глаза на заморские диковинки. А дома собираются совещания, пишутся отчеты, принимаются решения о немедленном внедрении их

достижений в нашу промышленность. В нашу жизнь. Отец особенно увлекался новинками. Неожиданным для него оказалось сообщение Маленкова о том, что в Великобритании вовсю развивают атомную энергетику и от экспериментов перешли к строительству первых промышленных станций. Оказывается, мы со своей почти игрушечной, в пять тысяч киловатт, единственной ядерной турбиной начинали резко отставать. Отец удивился. Сам он строительство атомных электростанций считал делом проблематичным, по крайней мере не сегодняшнего дня.

Еще год или полтора тому назад, когда газеты зашумели об эксперименте в Обнинске, он затребовал у энергетиков справку, во что обходится киловатт, выработанный разными типами станций. Оказалось, что атомная электроэнергия самая дорогая, и снижения ее стоимости специалисты в обозримом будущем не обещали. Вот отец и упустил эту ветвь энергетики из серьезного рассмотрения. Не то чтобы совсем упустил, в конце 1955 — начале 1956 года энергетикам разрешили начать строительство промышленной атомной станции под Ленинградом, но не столько для выработки электроэнергии, сколько в учебных целях, чтобы отработать технологию на будущее. А тут такая неожиданность. Отец повторно запросил специалистов, те подтвердили свои выводы, а интерес англичан к новому виду топлива объяснили дороговизной привозной нефти. Отец успокоился, но эксперимент с АЭС все же решили расширить.

Подготовка визита продолжалась. Отец вникал даже в мелочи.

Казалось бы, элементарный вопрос, как добраться до Лондона, стал предметом специальных обсуждений. По возвращении из Женевы отец собрал авиационных конструкторов: Туполева, Ильюшина, Антонова. Он хотел разобраться, почему мы летаем на маленьких самолетах, якобы экономя на всем, а капиталисты строят четырехмоторные гиганты? Трудно предположить, что они поступают себе в убыток. К совещанию представили справку, из которой следовало: стоимость перевозки каждого из двух десятков пассажиров на маленьком Иле куда выше, чем на четырехмоторном «Констелейшене». Не говоря уже о появившихся за рубежом новейших турбовинтовых самолетах.

Конструкторы пришли на совещание не с пустыми руками. Ильюшин предлагал в фантастически короткий срок сделать четырехмоторный турбовинтовой лайнер. У него сохранились немалые заделы от Ил-18, загубленного Сталиным. Отец помнил эту печальную историю. Сразу после войны Сергей Владимирович разработал в своем конструкторском бюро новый самолет. Он смотрелся не хуже американских: четыре мощных мотора

поднимали более полусотни пассажиров. В те годы на все требовалось одобрение вождя. Ни один кинофильм, ни один автомобиль не могли получить путевку в жизнь, минуя кабинет Сталина. Не говоря уж о самолете. На сей раз Сам оказался не в духе и раздраженно бросил: «Ишь размахнулись, не велики баре, вам и двухмоторного хватит». Возразить никто не решился, Ил-18 в серию не запустили, а опытные экземпляры пошли на слом. Теперь Ильюшин предложил за своим новым самолетом сохранить старое название.

Антонов стремился не отставать. Раньше он пассажирскими самолетами не занимался, но считал, что запущенный в серию десантный Ан-8 можно без особых затрат повторить и в пассажирском варианте.

Отец поинтересовался количеством двигателей.

— Два, — ответил Олег Константинович.

Отец засомневался, будет ли такой самолет достаточно безопасен, сможет ли сесть при отказе одного мотора?

— Не мне вам советовать, но поработайте над четырехмоторным, — заключил он.

Антонов не стал возражать. Раньше руководствовались сталинскими словами о том, что четыре мотора чрезмерная роскошь, сейчас установки менялись.

Предложения и Антонова, и Ильюшина впечатляли, но героем дня стал Туполев. Он собирался на базе своего бомбардировщика Ту-16 сделать реактивный пассажирский самолет. В наши дни почти невозможно себе представить, насколько фантастично звучали тогда его слова. Почти как если бы сейчас кто-то предложил пересесть на пассажирскую ракету.

Но Андрей Николаевич все тщательно продумал.

— Надо только расширить фюзеляж, а остальное — двигатели, крылья, шасси, оборудование — сохранится. На этом можно сэкономить и время и деньги. — Андрей Николаевич с хитринкой посмотрел на отца и продолжил: — Правда, двигателей всего два, но мы и здесь проявили сообразительность, прижали их, как только возможно, близко к фюзеляжу. И что получилось? Даже на одном моторе самолет сможет добраться до аэродрома и сесть.

Отцу идея пришлась по душе, но он усомнился, будет ли турбореактивный самолет достаточно экономичным — ведь реактивные двигатели расходуют прорву керосина.

— Зато он летит быстрее и людей возьмет больше, а мы считаем расход топлива на одного человека и на один километр, — отпарировал Туполев. — Да и капиталисты начинают строить такие самолеты. Впереди пока

Великобритания, там уже испытывали новый лайнер «Комета». Остальные страны чуть поотстали. Правда, в «Комете» обнаружились дефекты, произошло несколько аварий. Так что мы можем вырваться вперед.

Отец всегда стремился продемонстрировать миру преимущества нашей системы, поэтому последний аргумент оказался для него весьма весомым. Предложение приняли.

К началу 1956 года новый самолет был почти готов. Он продемонстрировал работоспособность и надежность. Правда, предстояла обширная программа полетов.

Отцу не терпелось поразить англичан. Ведь они слыли самой изобретательной нацией в Европе. И вот теперь появилась возможность продемонстрировать, чего достигла бывшая лапотная Россия. Отец даже подумывал, не полететь ли в Лондон на Ту-104. Когда он заикнулся об этом, служба безопасности пришла в ужас. Серов доказывал отцу, что он не имеет права рисковать своей жизнью. Отец заколебался и решил посоветоваться с Туполевым. Он пригласил его на дачу, хотел поговорить в неофициальной обстановке.

Туполева предупредили: он ни в коем случае не должен соглашаться на полет. Андрей Николаевич оказался в сложном положении: с одной стороны, к чему портить отношения с всесильными органами, с другой — еще больше, чем отцу, ему хотелось похвастаться в Лондоне своим новым детищем.

К главной теме приступили не сразу, сначала погуляли по заснеженным дорожкам, пообедали. Затем отец повел гостя в кабинет. Спросив разрешения, я последовал за ними.

Отец без обиняков спросил, что думает Туполев о его идее. Конструктор колебался.

— Конечно, самолет еще не налетал необходимых сотен часов и тысяч километров, но его прототип Ту-16 исправно служит не первый год, а это лучшая аттестация, — начал Андрей Николаевич.

Отец встрепенулся, хотел было задать вопрос, но Туполев продолжил, он наконец принял решение.

— Как генеральный конструктор, я не могу взять на себя ответственность, правительственной делегации пока лететь на новом самолете нельзя, — голос Андрея Николаевича посуровел, глядел он хмуро.

Отец в ответ улыбался.

— А сами бы вы полетели? — подковырнул он.

— Сам бы полетел, а вам нельзя, — без улыбки ответил Туполев. — Авиация — не шутка, всякое может случиться, мне потом отвечать.

— Значит нельзя? — переспросил отец.

— Нельзя, — снова повторил Туполев.

— Если вы так считаете, придется согласиться. А жаль, — протянул отец. Туполев молчал.

Отец зашел с другой стороны. Делегация доберется до Лондона на чем-нибудь еще, а самолет пусть летит туда сам по себе. Туполев оживился, предложение ему понравилось. Он заверил отца, что, насколько вообще можно что-нибудь предсказывать, он ручается, неприятностей не произойдет.

Так и порешили. Ту-104 предстояло совершить в Лондон несколько полетов во время пребывания там высоких гостей, а добираться до Великобритании решили на военном корабле, английские моряки не смогут не оценить наших достижений в этой области. Не так давно произвел фурор в Портсмуте прибывший на церемонию коронации крейсер «Свердлов». Теперь для государственного визита решили воспользоваться еще более совершенным кораблем, крейсером «Орджоникидзе». Он только недавно вступил в строй, избежав участи своих собратьев, отправленных на металлолом. В его конструкции воплотились последние достижения кораблестроительной науки. За счет новой формы обводов корпуса и винтов он развивал скорость, недоступную его собратьям. Едва родившись, крейсер сразу привлек к себе внимание и специалистов, и разведок.

Ту-104 произвел огромное впечатление не только на англичан, но и на весь мир. Особое внимание обращали на мощность двигателей. Фотографии, статьи, описания не сходили со страниц газет, не говоря уже о профессиональных изданиях. Англичане признали, что наш самолет — это огромный шаг вперед, и не просто шаг вперед, а рывок, в результате которого советские авиастроители обошли своих западных коллег.

В течение всего визита Ту-104 регулярно доставлял делегации свежую почту из Москвы. Заходящий на посадку гигант неизменно собирал зрителей. Он пролетал неподалеку от королевского дворца, и даже королева не преминула во время официального приема рассказать Булганину и отцу, что, заслышав необычный рокот в небе, она каждый раз выходит на балкон полюбоваться на русское чудо. Отец торжествовал, он взял реванш за Женеву.

Однако не все шло гладко. Накануне визита неожиданно возникли осложнения. Для согласования вопросов с британской службой безопасности в Лондон отправился председатель КГБ генерал Серов. К слову, полетел он туда на Ту-104.

Никто не ожидал неприятностей. К тому же Серов уже

побывал в прошлом году с отцом в Женеве, где им никто не заинтересовался. Оказалось, что Великобритания не Швейцария. Да и слухи о секретном докладе отца на XX съезде изрядно подогрели атмосферу.

Серова уже на аэродроме встретили пикетчики с плакатами, недвусмысленно указывающими на дверь. В Лондоне ему припомнили и депортацию народов Северного Кавказа, и многое другое. Англичане явно не желали принимать его в своем доме. Отец забеспокоился, с подобной реакцией ему еще не приходилось сталкиваться. Последовала команда возвращаться. С грехом пополам Серов утряс дела и срочно отбыл восвояси.

То, что ситуацию не спрогнозировали в 1956 году, имеет объяснения. Слишком мы мало знали о внешнем мире, мерили все на свой аршин. Но ведь все повторилось и более десятилетия спустя, в конце 60-х годов, когда пересевшего в кресло профсоюзного руководителя бывшего шефа КГБ Шелепина из-за шумных протестов срочно отзывали из того же Лондона.

Серов доложил отцу обо всем без утайки. Показал газеты с аршинными заголовками и фотографиями демонстрантов. Отец повертел в руках газеты, отложил их в сторону.

— Придется вам не ехать, — подвел он итог, — думаю, что с безопасностью англичане и сами неплохо справятся. Опыт у них богатый. Если же что и замыслят, вы все равно помешать не сможете.

Больше Серов за границу не выезжал.

Подошло время формирования делегации. Состав официальных лиц определили легко: Булганин, отец, Громыко, еще кто-то из начальства, советники. Но отцу хотелось блеснуть. Так ему пришла в голову мысль включить в состав делегации академика Игоря Васильевича Курчатова.

Почему именно его? С одной стороны, Маленков рассказал об увлечении англичан атомной энергетикой, а мы себя в этом деле считали пионерами. С другой — во время их недавней встречи Курчатов зажег отца своей идеей термоядерного синтеза, неограниченного источника энергии. Курчатов считал, что мы не только приблизились к практическому получению энергии, но и существенно обогнали Запад.

Отец пришел в восторг: не так давно мы объявили о пуске первой в мире атомной электростанции, первые сделали водородную бомбу, теперь очередь за термоядерной электростанцией.

Курчатов объяснил, что до электростанции еще далеко, пока есть лишь обнадеживающие результаты. Отец подробно

расспросил Игоря Васильевича, можно ли ими воспользоваться для производства оружия. Тот однозначно ответил: «Нет». Отец удивился: зачем их держать в секрете?

Хочу отметить, что отец преследовал не только пропагандистские цели. Он считал: пришло время наладить сотрудничество ученых в разных областях, в том числе и в области термоядерной энергетики. И не только ученых. Если мы не собираемся воевать, то следует дружить с соседями. И мы должны протянуть руку первыми.

Немедленно посыпались возражения. Серов в разговоре с отцом посетовал: «Как бы чего не вышло. Курчатов возглавляет программу создания ядерного оружия». Подобным людям путь за рубеж заказан.

Отец обезоружил оппонента простым вопросом:

— Вы ему не доверяете?

После XX съезда, не имея весомых аргументов, ответить утвердительно на такой вопрос стало непросто. Курчатова внесли в список.

Англичане на наше предложение отреагировали положительно, хотя не без колебаний. Запланировали для Курчатова лекцию в ядерном центре Великобритании в Харуэлле. Советскую же сторону продолжали мучить сомнения. Ведь придется сделать ответный дружеский жест, пригласить ученых Великобритании к себе, открыть ворота объектов, опутанных колючей проволокой. Было от чего прийти в ужас. Отца стращали: они нам ничего не покажут, а сами выведают всё.

К возникшей проблеме отец отнесся серьезно, ведь речь шла о безопасности страны. Он вызвал Курчатова и долго с ним советовался. Тот заверил: никакой опасности нет.

— Конечно, в Харуэлле секретов нам не покажут, но это и не требуется ни нам, ни английским ученым. И без разглашения военных тайн есть о чем поговорить. Не секреты интересны, а ход мыслей, постановка проблем, — говорил Игорь Васильевич.

Страхи по поводу посещения англичанами наших секретных объектов Курчатов просто высмеял.

— Конечно, там все секретное, даже сортиры. Ничего не поделаешь. По делу же мы знаем, куда и каким путем вести гостей. Все произойдет на основе взаимности: мы им покажем не больше, чем они нам.

На том и порешили.

Триумф Ту-104 побудил отца включить в делегацию Андрея Николаевича Туполева. Вместе с Курчатовым им предстояло послужить как бы визитной карточкой новой советской России. И тут возникли осложнения. Против кандидатуры Туполева никто

не возразил, но в справке, представленной отцу, подчеркивалось, что Туполев за рубеж всегда ездил только с женой и на сей раз вряд ли согласится ехать один. Отец не видел препятствий: с женой так с женой. Решение отца вызвало целую бурю. Возможно, «буря» звучит слишком сильно, но разговоры пошли: «Туполев едет с женой!..» По нашим деформированным нравам, поездка в заграничную командировку с женой не поощрялась.

Жена Андрея Николаевича Юлия Николаевна принять приглашение не смогла. Она плохо себя чувствовала. Как и предсказывали, один Туполев ехать отказался, ссылаясь на преклонный возраст и нездоровье. Отец предложил ему взять в поездку дочь Юлию Андреевну.

Естественно, решение о включении в состав делегации Юлии Андреевны не могло не обсуждаться на Президиуме ЦК. Уж не знаю, происходило это на официальном заседании или в перерыве, когда они, как говорил отец, занимались зубоскальством. Именно тогда Микоян, слывший в их кругу знатоком протокола, «подбросил» (это выражение отца) еще одну идею: негоже и главе делегации путешествовать в одиночку, в мире такое почитается за дурной тон.

Булганин попал в затруднительное положение. В силу семейных неурядиц брать с собой жену ему вовсе не хотелось. Повисла мучительная пауза.

Анастас Иванович разрядил ее, сказав, что этикет не исключает возможности участия в поездке и других членов семьи. Особенно, если жена по каким-то соображениям не может сопровождать мужа. Заметив, что и этот вариант Булганину не по душе, тут же предложил, обращаясь к отцу:

— Может быть, тебе взять с собой сына или дочь?

Отец остановил свой выбор на мне.

Когда вечером отец рассказал обо всем дома, я почувствовал себя на седьмом небе. Все домашние мне завидовали. Никому из них, за исключением Аджубея, съездившего по заданию «Комсомолки», кажется, в Финляндию, еще не доводилось покидать страну. Мама неодобрительно покачала головой, но промолчала.

Неожиданно снова, как и перед Женевой, встал вопрос о фраках. Теперь отец отверг предложение с порога, не помогла даже ссылка на планирующийся визит к королеве. Запросили хозяев. Англичане ответили, что фрак общепринят, но если он стесняет гостей, то они могут явиться в любой приличной одежде, предпочтительно темного цвета.

Отцу срочно сшили черный пиджак, служивший потом ему верой и правдой не один год и при зарубежных визитах, и при

посещении приемов в Москве.

В последний момент, почти накануне отъезда, свалилась еще одна проблема. Посольство Великобритании запросило у МИДа согласие направить на крейсере вместе с делегацией своего военно-морского атташе. Так принято при государственных визитах. Наш протокол подтвердил правомочность просьбы. Военные пришли в ужас. На крейсере английский шпион! Доложили отцу. Он распорядился: международные нормы не нарушать, но принять меры, чтобы гость в секретные места носа не совал.

Наконец настал день отъезда, 14 апреля 1956 года. Делегация поездом направилась в Калининград. Булганин и отец расположились в специальных салон-вагонах, так еще с Гражданской войны привыкли передвигаться высшие советские руководители. Там они и жили, и работали. Еще два вагона заняли другие члены делегации и многочисленные сопровождающие лица. Атташе, в сопровождении команды морских контрразведчиков, разместился там же.

В Калининград поезд прибыл на следующий день под вечер. По-весеннему светило заходящее солнце, истосковавшийся по теплу воздух разнеженно застыл. Ни ветерка, ни дуновения. На вокзале делегацию встречала целая толпа: местное начальство, штатское, сухопутное и морское, и еще какие-то люди, видимо заблаговременно прибывшие из Москвы, сопровождавшие делегацию лица. До отхода крейсера оставалась пара часов, секретарь обкома и командующий Балтийским флотом предложили проехаться по городу, осмотреть окрестности.

ЗИС колесил по узеньким улицам, отец расположился впереди, Булганин на заднем сиденье, рядом с ним примостился я, сидевший на откидном креслице генерал давал пояснения. Они, в основном, касались минувших боев. Отец молчал, он погрузился в свои мысли. Все это — штурм, атаки его давно перестали интересовать, ушли, как он надеялся, в безвозвратное прошлое.

Покрутившись по городу, миновали шлагбаум, въехали на территорию военно-морской базы. Нас встречал адмирал, уже знакомый нам старший морской начальник, здешний хозяин. ЗИС на минуту приостановился, и вот уже на приставном сиденьи к генералу присоединился адмирал.

Территория базы оказалась огромной. Покрашенные темно-серой морской краской бесконечные здания складов и пакгаузов сменялись какими-то заросшими насыпями с торчащими из земли трубами вентиляции. Запомнился мне огромный бетонный куб орудийной башни береговой обороны. Она подавляла своей

внушительностью. В голове мелькнула мысль: «Как бы его не увидел английский атташе». Чему-чему, а бдительности нас выучили.

Вот наконец и стенка с привалившимся к ней высоким серым бортом крейсером. Ждут только нас. Булганин с отцом поднимаются на корабль, командир отдает рапорт о готовности к дальнему походу и спрашивает разрешения на отход и тут же спешит на мостик. Улучив момент, я задаю знакомому охраннику мучивший меня всю дорогу вопрос:

— Как англичанин?

— Все в порядке, он у себя в каюте, — улыбается мой собеседник. Мне этого мало:

— А как вы его провезли через территорию базы?

— И провезли, и на борт пронесли, и в постель уложили, — откровенно смеется чекист, — он, наверное, вообще не представляет, на каком свете находится.

Я успокаиваюсь и с восхищением смотрю на улыбающегося детину.

Отца и Булганина поселили с комфортом. Отца — в адмиральской каюте, Булганина — в командирской. Остальные члены делегации выселили из кают практически всех офицеров. Так что у команды в дополнение к хлопотам, связанным с присутствием на борту столь высокопоставленных пассажиров, добавились и бытовые неурядицы.

Крейсер сопровождали два миноносца: «Смотрящий» и «Совершенный». Командовал нашей небольшой эскадрой контр-адмирал Котов. Поход проходил спокойно, только в проливах вдруг началась качка, крейсер лениво переваливался с борта на борт. На отца она не действовала, он устроился у обширного стола командирской кают-компании, перелистывая объемистые справки. Остальные один за другим расползлись по каютам. Правда, вскоре волнение прекратилось.

Делегация на крейсере разделилась на две неравные части. Большинство предавалось вынужденному безделью. Жизнь отца и Булганина заполняли бумаги. К чтению рутинной почты, доставленной вчера самолетом в Калининград, добавились справки о местах, которые предстояло посетить, о людях, с которыми намечались встречи. В них скрупулезно описывалась не только служебная карьера будущего собеседника, но и его привычки, рассказывалось о семье, порой поминались и знакомства.

Особое внимание уделялось речам. В отдельных папках лежали протокольные приветствия в пару страниц и обстоятельные выступления, заранее написанные в Москве. Выступать предстояло Булганину, но отец придирчиво вчитывался в каждое слово, отпечатанное на маленьких, в пол-листа, бумажках. Их размер соответствовал величине кармана пиджака Председателя Совета министров.

Конечно, чтение бумаг не заполняло весь день, оставалось время и для прогулок. От носа до кормы добрая сотня метров устланной деревянными рейками палубы. По утрам матросы выскребали ее до блеска осколками стекла. На прогулках отец времени даром не терял: то он что-то выяснял у Курчатова, то дружески беседовал с Туполевым.

Поход занял несколько дней. На полдороге в проливах надо было еще подзаправиться, чтобы хватило топлива на обратный путь. О возможности пополнения запасов на месте не велось и речи, не столько жалели валюту, сколько опасались. Ведь шли мы не к друзьям, рассчитывали на худшее.

Из книг о морских приключениях все знают, что верным

признаком приближающегося берега служат морские птицы. Чайки не сохранились в моей памяти. В воздухе кружили небольшие самолетики, арендованные местными кинохроникерами. Заход за заходом они опускались все ниже, им хотелось снять кадр поэффектнее, ухватить объективом отца с Булганиным. Наши кинооператоры оказались в более выгодном положении, они действовали прямо на палубе крейсера.

Вокруг крейсера, то неосторожно приближаясь к бортам, то бросаясь в рассыпную, суетились яхты, катера, пароходики. Чем ближе к берегу, тем больше их становилось.

После краткой церемонии встречи делегация погрузилась в поезд. Премьер-министр Антони Иден ожидал нас на вокзале в Лондоне.

Специальный поезд двигался неспешно. Делегация расположилась вокруг большого четырехугольного стола в просторном, как зал, салоне. Вагон очень походил на тот, которым отец пользовался в Москве. Англичане рассказали о программе визита. Отец слушал невнимательно, каждый пункт обговорили и согласовали еще из Москвы. Затем нас пригласили к ланчу. Чужая пища, из чужих рук. Держались настороженно. И не напрасно. На первое подали черепаховый суп. Разве можно такое есть? В чашке с бульоном плавали какие-то коричневые кубики. Туполев разрядил неловкую напряженность, заметив, что, когда ему до войны приходилось посещать Англию, он пробовал такой суп: ничего страшного, даже вкусно. Первую ложку зачерпнул отец, похвалил, за ним рискнули и остальные. Нельзя сказать, что понравилось, но есть можно. Кто-то не преминул вставить: наш борщ лучше.

Наконец прибыли в Лондон. С Иденом отец и Булганин поздоровались, как со старым знакомым. По завершении всех протокольных формальностей, положенных главе правительства, отправились в отель «Кларидж», расположенный в самом центре Лондона.

Отец забеспокоился, почему делегацию селят в гостинице, а не в специальной резиденции, как это принято у нас? Нет ли здесь дискриминации? Как только оставили одних, отец попросил меня позвать Громыко. Андрей Андреевич за свою бытность послом в Лондоне хорошо изучил местные порядки и пояснил, что в Англии нет специальных резиденций, все гости правительства живут в гостиницах, а в нашем отеле высшего класса отведенные отцу и Булганину апартаменты называются королевскими. Отец успокоился.

На следующее утро 19 апреля началась работа. В переговорах я, естественно, не участвовал, но по выражению лиц, репликам и

отца, и Булганина видел, что они довольны. Обе стороны стремились сохранить и развить возникшие в Женеве зачатки взаимопонимания, подчеркивали взаимную благорасположенность.

Так, в день нашего прибытия в Портсмут Московское радио объявило о прекращении деятельности Коминформа, органа, созданного Сталиным в 1947 году для координации действий коммунистических сил. Хозяева по достоинству оценили этот жест. Со своей стороны, они старались не поднимать вопросов, которые могли бы затронуть чувствительные струны у гостей.

Главной темой бесед стали события, происходившие далеко от наших границ. Англичан особенно беспокоили выходящие из-под их контроля события на Ближнем и Среднем Востоке. Суэцкий канал, иракскую нефть и многое другое им совсем не хотелось выпускать из рук.

Еще несколько лет тому назад правительству Великобритании и в голову бы не пришло советоваться с Москвой. Мы в дела арабского мира не ввязывались. Поначалу переворот, совершенный группой молодых офицеров в Египте, события в далеком Йемене не привлекли внимания Москвы. Отец осторожно приглядывался. Не торопился. Да и вообще весь этот мир пирамид, верблюдов, сфинксов представлялся тогда таким далеким…

Отец переменился после встречи с Тито. Югославы по горячим следам установили добрые отношения с новым президентом Египта Гамалем Абдель Насером. Во время визита в Югославию Тито настойчиво советовал отцу приглядеться к молодым офицерам, пришедшим к власти.

Примерно в то же время постучался в наши двери и наследный принц Йемена Эль Бадр. Королевство нуждалось в оружии для борьбы с англичанами. О закупке его в Западной Европе не приходилось и думать, и король решил послать своего сына к коммунистам. Приезд в Советский Союз наследника престола пусть не самого значительного государства вызвал массу толков. Отцу докладывали о каждом шаге высокого гостя. Принца обнадежили: поможем, борьба с колониализмом — святое дело. Вот только как?

Отец всерьез задумался. Раньше мы оружием не торговали. Более того, все, что касалось обороны, держалось под семью замками. Автоматы Калашникова, танки Т-55 не показывали даже союзникам. Да что там союзникам, и в своей-то армии не всякий офицер имел возможность ознакомиться с новинками. А тут продать оружие неизвестно кому! Военные встали на дыбы. Отец настаивал. Он не верил в скорую войну, но свято исповедовал

солидарность с борющимися за свою независимость народами. Мы обязаны помогать. Если не мы, то кто же? И снова вставал проклятый вопрос: как? Отец колебался. Выходить самим на рынок вооружений он счел слишком рискованным. Решил найти посредника. Первой пришла в голову Югославия, Тито, проложивший мостик между нами и арабами. Отец собрался было поговорить с ним, но раздумал. Полным доверием югославы не пользовались, они принимали американскую военную помощь, допустили в свою армию западных советников. Никто не мог гарантировать, что наши секреты не уплывут за океан. Да и не взял бы Тито на себя подобную миссию. Одно дело советовать, другое — перепродавать танки. Он дорожил своим положением неприсоединившейся страны.

Отец остановился на Чехословакии. Высокоразвитая промышленная страна сама производила вооружение. Этому обстоятельству отец придавал особое значение. Он не хотел оставлять следы. С Новотным договорились без проволочек и тут же порекомендовали арабам обратиться к чехам: мы оружием не торгуем, а они продавцы этого товара с большим стажем. Сделка состоялась. Правда, долго удержаться в тени нам не удалось.

Отец любил вспоминать, как он ловко ушел от прощупывания англичанами:

«Ллойд заехал за нами… Мы были вдвоем, и был, конечно, Громыко. Мы поехали. По дороге Ллойд вел себя очень любезно, шутил. Он обращается ко мне и говорит:

— Ко мне прилетела и на ухо прощебетала птичка, что вы продаете вооружение Йемену.

Я говорю:

— Разные птички летают и разное шепчут. Ко мне вот тоже птичка подлетала и пошептала, что вы продаете оружие Египту, вы продаете его Ираку (а тогда в Ираке было самое реакционное правительство), продаете его Ирану. Всем вы продаете оружие, кто только хочет купить его у вас. А если не хочет, так птичка говорит, что вы его навязываете. Так что птички разные бывают.

Он говорит:

— Верно, разные птички бывают: и нам шепчут, и вам шепчут. Я говорю:

— Вот пусть бы птички нашептали, чтобы мы взяли взаимное обязательство никому не продавать оружия. Это было бы выгодно для дела мира.

…Мы таки действительно вели переговоры… и согласились поставить некоторое количество оружия Йемену. Мы были заинтересованы в том, чтобы Йемен стал полностью независимым государством».

«Птичка» не прочирикала собеседникам, что ровно через полгода нашим странам придется столкнуться лоб в лоб именно там, на Среднем Востоке.

Отец считал себя готовым померяться силами. После февральских испытаний Р-5 он получил в руки дубинку, которой можно в случае надобности пригрозить несговорчивому европейскому собеседнику. Не употребить, а именно пригрозить.

Он выработал свою стратегию: предпочитал использовать ядерное оружие за столом, а не применять его на поле боя. А раз так, то какой смысл хранить тайну, тут не вредно и прихвастнуть. В Лондоне он позволял себе проговариваться то за одним обедом, то за другим.

Отец гнул свою линию: наступила эра ракет, сделавших все прежние виды вооружений лишь мишенями. Баланс сил, твердил он, кардинально изменился. Кому нужны все эти бомбардировщики, если одна, пусть несколько ракет могут больше, чем целый воздушный флот. А Советский Союз обладает ракетами в достатке. Его слова заставляли собеседников крепко задуматься.

Я не понимал, в чем дело, переживал: как можно столь небрежно обращаться с секретами. Однажды, оставшись вдвоем с отцом в гостинице, я попытался осторожно сказать ему об этом, но он состроил гримасу и молча ткнул пальцем в потолок. Он не сомневался, что его комната прослушивается.

Отец атаковал непрерывно. Дело доходило до бестактностей. То у одного, то у другого собеседника он вдруг начинал выяснять, знает ли тот, сколько ядерных зарядов потребуется для того, чтобы уничтожить его страну.

К примеру, вот как вспоминает отец то, что произошло в Чекерсе:

«За обедом к нам обратилась с вопросом жена Идена:

— Какие у вас ракеты? Далеко они могут летать? Я говорю:

— Да, далеко. Наши ракеты не только могут доставать ваши Британские острова, но и дальше полетят.

Она прикусила язык. Это было несколько грубовато и могло быть расценено как какая-то угроза. Во всяком случае, мы преследовали и такую цель. Угрожать мы не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, что мы сильная страна…»

С тех пор тема ракет стала доминирующей в дипломатии отца. Он ее эксплуатировал шесть лет, до Карибского кризиса. Этот прием неизменно давал неплохие результаты, хотя обычно отец оперировал ракетами, которые только собирались устанавливать на позиции или вообще только начали испытывать.

Кто сможет проверить, сколько и где стоит ракет? Знакомясь с рассекреченными сегодня оценками тех лет советского ракетного потенциала, поражаешься разнобою цифр. Есть среди них и близкие к действительности. Но это мы знаем сейчас. А тогда политики предпочитали перестраховаться. Тем более что регулярный контроль радарами, установленными на территории Ирана, за полигонными испытаниями подтверждал слова отца — ракеты у него имеются. А вот где они установлены и сколько, оставалось только гадать.

Вечером 20 апреля советскую делегацию ждали к обеду в Королевском морском колледже в Гринвиче. Гости прибыли на крейсере, и английские моряки взяли на себя роль любезных хозяев. Правда, не обошлось без накладок. Командующий флотом лорд Маунтбеттен отказался встречаться с коммунистами. Как доложили отцу, он состоял в родстве с расстрелянной в Свердловске царской семьей. В ответ отец только неопределенно хмыкнул, но я заметил, что это сообщение его задело.

В Гринвиче была устроена торжественная встреча. Адмирал-президент, сопровождаемый молоденькими курсантами в парадной форме, приветствовал гостей. Затем нас провели в зал. Булганину и отцу предназначалось место в президиуме, на сцене, остальных гостей рассадили за столами.

В те дни всеобщее внимание привлекал наш крейсер. К профессиональному интересу, вызванному новшествами в его конструкции, добавилась и некоторая скандальная популярность: накануне у его борта обнаружили подводного пловца. Мелькнув на поверхности, на глазах публики он исчез, и теперь со страниц газет сыпались версии одна фантастичнее другой.

Вскоре начались речи. Первыми выступили хозяева, следом настала очередь гостей. По рангу выступать следовало Булганину, но отец постоянно перехватывал инициативу.

В своих воспоминаниях он оправдывается тем, что Булганин, в силу своей пассивности, передоверял острые дискуссии ему, шепотом просил ответить. Возможно, это и так: в официальных случаях Булганин зачитывал свою речь по бумажке, в незапланированных перепалках он пасовал, отделывался общими фразами, а отец за словом в карман не лез, тут же обрушивал на оппонента острый, порой даже слишком, ответ по существу.

Так или иначе, но подобная практика не укрепила дружбы Председателя Совета министров и секретаря ЦК КПСС, Булганин постоянно ощущал некую ущербность, и это непроходящее чувство раздражало его. Он не всегда мог сдержаться, его раздражение подчас прорывалось в реплике, жесте, взгляде. Но только на мгновение, тут же на лице Николая Александровича

восстанавливалась благожелательная улыбка.

В Гринвиче, когда подошла пора держать ответное слово, Булганин, по словам отца, подтолкнул его:

— Говори ты.

Просить отца дважды не пришлось. Он рвался в бой.

После бурного спора с адмиралом Кузнецовым в прошлом году обсуждение роли надводного и подводного флота в современной войне стало его коньком. Вот и тут отцу не терпелось поделиться с английскими военными моряками своими взглядами на современную стратегию войны на море.

Говорил он увлеченно и долго, все больше входил в раж, и уже казалось, что нет для него более важного вопроса, чем боеспособность Королевского военно-морского флота. Английские моряки слушали отца с вниманием. Ощущалось, что это не просто дань уважения заезжему гостю, а глубокая заинтересованность темой.

Вот что отец вспоминает об этой «лекции».

«Я выступил. Это была вольная встреча и вольное выступление. Я избрал такую тему, чтобы показать нашу страну и ее возможности, пойти, если грубо сказать, в наступление на англичан.

Я поставил перед ними такой вопрос:

— Господа, вы представляете Великобританию. Великобритания — владычица морей, но это все в прошлом. Нужно реально смотреть на вещи. Сейчас изменилось все, изменилась техника, и изменилось положение морского флота. Раньше он был плавающей артиллерией, она наводила страх на врага, прокладывала путь морской пехоте. Сейчас, когда имеются самолеты-ракетоносцы и имеются ракеты, которые можно пускать на цель на большом расстоянии, на расстоянии, недосягаемом для артиллерии кораблей, сложилось другое положение. Поэтому можно сказать, что сейчас линкоры и крейсеры — это плавающие гробы, они устарели.

Вот и мы прибыли на крейсере. Наш крейсер современный, хороший, я слышал оценку ваших специалистов. Они высоко оценили наш крейсер. Но… мы можем его продать. Продать, потому что он устарел и его вооружение устарело. В будущей войне не крейсеры будут решать военные вопросы, и даже не бомбардировочная авиация. Она тоже стареет. Еще не устарела так, как морской флот, но стареет. Выходит на арену как главное оружие на море подводный флот, а в воздухе — ракеты, которые наносят удар по цели на большом расстоянии, а в будущем — на неограниченном расстоянии.

Были вопросы и были ответы. Разговор вращался все время

вокруг этого вопроса. Мы хотели показать падение военных возможностей в отношении воздействия на нас со стороны Британского флота… Это были не агрессивные речи с угрозами, все говорилось со смешком. Они тоже подшучивали, вопросы задавали, иронизировали… Одним словом, беседа была довольно откровенная и непринужденная…»

В Гринвичском морском колледже отец впервые публично объявил об изменении нашей военной доктрины, переходе от массового применения войск на поле боя к ракетно-ядерному противостоянию.

Завершилась встреча, как все подобные мероприятия в Великобритании, тостом за королеву. Поначалу отца коробило: как это его, представителя революционного пролетариата, принуждают пить за коронованную особу. Он ощущал себя не в своей тарелке. Но только в первый раз, от неожиданности. На следующем приеме он с готовностью поднимался со своего места и почтительно следовал церемонии. Только вечером со смешком оправдывался: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

С любопытством ожидал отец реакции на свое выступление. Она не заставила себя ждать.

«Назавтра мы опять встретились с Иденом. Иден, как всегда с улыбочкой, говорит:

— Как наши моряки?… Я отвечаю:

— У вас хорошие моряки, известные всему миру.

— Ну а беседа? — и, улыбаясь так, смотрит на меня.

— О беседе, я вижу, вы уже знаете, раз улыбаетесь.

— Да, — говорит, — знаю. Мне докладывали о ваших высказываниях.

— И как же вы относитесь к ним? Как вы их расцениваете?

— Вы знаете, я с вами согласен. Но я как премьер-министр не могу заговорить об этом со своими военными. У нас-то нет другого вооружения, кроме надводного флота и бомбардировщиков. Это наши основные средства ведения войны. Я не могу, — улыбнулся он, — убивать в них веру в это оружие».

В тот вечер я допустил серьезный прокол. Рядом со мной за столом сидел человек в штатском, представившийся как чиновник Форрин Офис. Он дотошно расспрашивал меня о жизни в России, рассказывал смешные истории об английских традициях. По-русски мой собеседник не говорил, и я с гордостью демонстрировал свои не слишком обширные познания в английском. Уже под занавес он невзначай поинтересовался отношением наших людей к недавним разоблачениям Сталина. О докладе отца мой сосед упомянул вскользь, как о само собой разумеющемся. Совсем упустив из виду, что чиновнику

британской службы знать об этих делах не положено, я пустился в объяснения. Я, конечно, знал, как положено говорить с иностранцами и освещал вопрос «правильно». Объяснил, что все поддерживают основные положения доклада, но, конечно, многое приходится пересматривать, а подобные повороты всегда болезненны.

Мой собеседник сочувственно кивал, поддакивал, задавал новые вопросы.

На следующее утро перед завтраком я рассказал, а если быть психологически точным, доложил о разговоре отцу. Мне очень хотелось не числиться в делегации просто в положении сына, а хоть чем-то приносить пользу. Я считал, реакция англичанина на столь животрепещущую тему его заинтересует.

К моему удивлению он отреагировал неожиданно пасмурно.

— Зря ты вообще на эти темы разговариваешь, — произнес он, не оборачиваясь, вполголоса, его взгляд упирался в дальний угол огромной роскошной гостиной королевского апартамента и сквозь стену уходил еще дальше. Выглядел он расстроено. Я понял, что совершил ошибку, но никак не мог сообразить какую и стал то ли оправдываться, то ли пояснять: я ничего такого и не сказал, только упомянул, что студенты поддерживают решение съезда. Отец еще больше насупился. Я окончательно растерялся.

Помолчав, отец, все так же не оборачиваясь, напомнил, что мы нигде не упоминали о докладе, не признали его достоверности. А вот-де через меня англичане получили подтверждение.

Я был готов сквозь землю провалиться из-за того, как я теперь считал, что дал облапошить себя британской разведке.

— И что же теперь делать? — совершенно потерянно обратился я к отцу за помощью.

Он уже успокоился и направлялся в туалетную комнату за галстуком. Я последовал за ним.

— Ничего не поделаешь, — отец стал успокаивать меня, — на самом деле никакого секрета в докладе нет. Это просто формальность, но на будущее: веди себя осторожнее.

Его указательный палец, в уже ставшем привычным жесте, указывал на потолок. Отец строго придерживался нехитрого правила: не вести в номере никаких разговоров, содержание которых он не считал полезным довести до сведения британских секретных служб. В том, что все его комнаты прослушиваются, отец не сомневался ни на минуту… Здесь он обладал богатым опытом. В Москве КГБ регулярно докладывало о беседах заезжих дипломатов и аккредитованных послов, перехваченных и расшифрованных телеграммах.

Мне припоминаются настойчивые обращения к отцу американского посла Лоулина Томпсона. Он, бывая у нас на даче, не раз затевал разговор о прилегающих к посольству зданиях, ссылаясь на тесноту, предлагал за них любые деньги.

Отец отказывал. Делал он это с неохотой, через силу. Ему не хотелось огорчать гостя. Но согласиться оказывалось еще сложнее.

Посол разочаровано кивал головой: «Я все понимаю, ведь оттуда вы нас подслушиваете?»

Отец молчал. Говорили о чем-то ином.

Впоследствии вопрос об этих домах вставал не раз, но отец держался твердо. Только иногда, вернувшись домой после приема посла, расстроенно бормотал: «Если он понимает, в чем дело, то зачем настаивает?… Ведь неглупый человек…» Отец замолкал… Он понимал, что посол проявляет упорство не по своей воле, таковы инструкции Вашингтона.

Наконец, уже во времена Брежнева, американцы, как мне помнится, добились своего. Леонид Ильич не смог отказать президенту Никсону.

А вот знаменитая история с гербом США, орлом, подаренным пионерами послу Чарльзу Болену 4 июля 1955 года.

Я помню, как генерал Серов с восторгом рассказывал о своей удаче. Орла изготовили его «специалисты», вмонтировали в него миниатюрный микрофон с антеннкой, даже без блока питания. Его приводили в действие, направляя высокочастотный электромагнитный луч из расположенной рядом с посольством гостиницы «Националь». В те годы американское посольство располагалось на Манежной площади напротив Кремля.

Посол повесил подарок в своем кабинете, и довольно долго шли к Серову новости из первых рук. Чрезмерная информированность Кремля обеспокоила американцев. Советские секреты утекали в Лэнгли примерно в тех же количествах, что и американские на Лубянку.

В Американское посольство в Москве нагрянула комиссия. Профессионалы с чуткими детекторами облазили здание от подвала до чердака, проверили все стены и в результате обнаружили незваного гостя.

Серов не унывал. Таковы правила игры: один прячет, другой ищет, кто кого перехитрит.[14]

Вежливые хозяева не могли не заметить моих вынужденных сидений в гостиничном номере и предложили отдельно от делегации съездить в Оксфорд. Я тогда учился в Энергетическом институте, и англичане предположили, что общение со

студентами доставит мне удовольствие.

Мне очень хотелось поехать, но еще больше я боялся даже ненадолго оторваться от своих, остаться один на один с чужим и враждебным миром. Не то чтобы я опасался чего-то конкретного. Нет. Опасность представлялась бесформенной, как туман, вылезающий промозглым вечером из низины. Но от этого становилось еще жутче.

Вечером, перед очередным официальным обедом я, улучив минуту, пошел посоветоваться с отцом. Поначалу он воспринял идею с энтузиазмом:

— Поезжай, посмотришь, как люди живут.

На следующее утро его настроение изменилось.

— Я бы тебе не советовал ехать, — начал он. — Мы в капиталистической стране, хотя и с визитом. Тут всякое бывает. В газетах пишут: людей похищают. Оставайся со всеми, от греха подальше.

Так не состоялась моя поездка в Оксфорд, там мне посчастливилось побывать только в 1989 году. Меня не похитили.

Отец учился быстро. Через три года во время визита в США подобное ему просто не могло прийти в голову.

Визит протекал, к взаимному удовольствию, мирно. Диссонансом прозвучала только неожиданно резкая стычка с лейбористами. О ней в свое время так много писали, что я не стану углубляться в подробности, но и совсем опустить неприятный эпизод не представляется возможным. Уж очень ярко в нем высветились и унаследованная от Сталина непримиримость к социалистам всех оттенков, и собственная мнительность отца. Он ревниво следил за тем, чтобы любые намеки на вмешательство в наши дела, даже просто критика, получали отпор. Он бросался в битву, не опустив забрала и не разбирая дороги. И, сокрушив противника, долго еще «прядал ушами и бил копытом», приглядываясь, не укрылся ли где недобиток. Человек незлобивый, добродушный в обыденной жизни, он вдруг превращался в непримиримого ортодокса. При первом же подозрении в желании затушевать, сгладить противоречия, противостояние двух миров — социализма и капитализма — он обрушивался на «обывателей», это слово вмещало в себя его глубочайшее презрение к людям, лишившимся «классового чутья», способным поддаться нажиму, уступить. Сам он бился до последнего, доказывая преимущества социалистического строя.

Вначале запланированная встреча с лидерами оппозиции, лейбористами, проходившая за длинным столом в одном из помещений парламента, развивалась по намеченному сценарию. Дружелюбной атмосферу в зале не назовешь, но, хотя и

ощущалось некоторое напряжение, ничто не предвещало грозы.

Все началось, когда один из хозяев, по фамилии Браун, обратился к советскому правительству, к Булганину с просьбой посодействовать в деле освобождения из заключения ряда видных социал-демократов, арестованных в сталинские времена в странах Восточной Европы. Его поддержал лидер партии Гейтскелл. Изначально раздражение отца вызвали не сами вопросы Брауна и Гейтскелла, а, как он выражался, «аполитичная позиция, занятая Булганиным».

В те годы отец чисто психологически не мог отреагировать на просьбу положительно: одно дело осудить неоправданные репрессии Сталина против своих собратьев-коммунистов, а совсем другое — брать под защиту «социал-предателей». Ведь именно так трактовалась в нашем мире роль социал-демократии: от меньшевиков, якобы предавших революцию, через немецких социал-демократов, якобы приведших Гитлера к власти, к нашим хозяевам-лейбористам. Только в середине 1950-х не существовало никаких «якобы». Ни для меня, ни для отца. Нам крепко вбили в головы, что хуже социалистов людей не сыскать. В школе учителя объясняли, что куда легче иметь дело с хозяевами-капиталистами, чем с их лакеями из рабочих партий.

Булганин вместо ожидаемого отцом резкого ответа, поколебавшись, принял протянутые ему списки и, невнятно пообещав посмотреть, сунул свернутые четвертушкой листки в карман. Отец закипел, но еще сдерживался. Возможно, его негодование так бы и не выплеснулось наружу, не провозгласи Николай Александрович тост за дружбу и сотрудничество. Сделал он это очень уж по-домашнему, я бы даже сказал, по-семейному. Так, по-своему, он старался загладить возникшую неловкость. Когда Булганин, улыбаясь, потянулся чокнуться рюмкой с Брауном, отец взорвался. Такого он вынести не смог. И много лет спустя, рассказывая об этом столкновении, он начинал нервничать, возбуждался, снова рвался в бой.

В тот вечер отец высказал все. Встреча сорвалась. Правда, на следующий день, не без вмешательства премьер-министра, после взаимных реверансов, приличия были восстановлены, но горький осадок остался на долгие годы. В отличие от Сталина отец совсем не стремился к разрыву с социал-демократами, он готов был сотрудничать с любым течением, выступающим против войны. Но… без вмешательства во внутренние дела, без покушений на идеологию, истинных и мнимых.

Тут раздолье домыслам, толкованиям. Особенно если освященные веками культуры далеки друг от друга, между странами, народами и людьми долгие годы пролегала

непреодолимая преграда. Казалось бы, невелика важность понять?! Но… Европа выросла на демократии римского форума, римского права. Вырвавшись из смутного времени Средневековья, она пошла раскручивать реформы, за революциями следовали конституции. Права человека, обязанности, гарантии и презумпции. Мы, уходящие истоками своей культуры в Византийскую империю, и слова-то эти выучили совсем недавно. Неизменное в веках единовластие князя, сменившееся самодержавием царей, естественно переросло в авторитет вождя. Конституцию мы читали, но в жизни ее не почитали.

Неимоверно трудно в таких условиях понять друг друга. Наш образ мышления кардинально разнится, порой даже элементарные жесты воспринимаются далеко не однозначно. Подобных примеров в моей жизни встречалось великое множество: порой смешных, порой грустных, порой страшных.

Вот один из них, самый простенький.

Это произошло на следующий день после скандала с лейбористами. Отец держался настороже. Не помню, переезжали мы с очередной встречи на прием или с ленча на встречу. На одной из лондонских улиц внимание привлек пожилой человек, он стоял на тротуаре с поднятым к уху кулаком в полузабытом к тому времени приветствии Рот Фронта. Промелькнул и исчез.

Эта сцена забылась бы, как множество других, но судьба распорядилась иначе. Взбудораженный отец воспринял кулак как угрозу и тут же принял вызов. В первый раз он помянул его немедленно по возвращении в Москву, сопроводив гневной отповедью всем, кто посмеет угрожать нам. Этот кулак засел в его голове на всю жизнь. Я пытался исправить ошибку, но тщетно. Из выступления в выступление, из речи в речь кочевал угрожающий нашему процветанию кулак, становился все более зловещим. Он потерял свое физическое воплощение, превратился в грозный политический символ, зажил собственной жизнью в бурных перипетиях столкновения двух систем. Совсем как произнесенные в декабре того же года на приеме в польском посольстве в запальчивости слова: «Мы вас похороним, то есть пролетариат похоронит капитализм, как написал Карл Маркс в Манифесте Коммунистической партии». Теперь поколениям американцев, да и не только американцев, невозможно доказать, что в них не содержалось никакой личной угрозы. Куда там! Западу тоже требовался враг, не абстрактный, а осязаемый, конкретный. И он получил его. Сколько ни объясняешь, что тут аллегория, что отец имел в виду похороны отжившего свое капиталистического строя, замену его несущим благо народам социализмом. Он свято верил, что недалек тот день, когда все, даже американцы, запросятся в

наш рай.

Визит подходил к концу, а делегация не знала, как возвращаться домой. Подводного пловца в черном гидрокостюме, замеченного бдительным вахтенным у борта эсминца «Совершенный», нашли мертвым. Говорили, что без головы. Вскоре газетчики сообщили: в маске и ластах упражнялся в подводном плавании капитан третьего ранга Лионел Крэбб, человек опытный и рисковый.

Что произошло с ним? В мировой прессе, как и в устных историях, циркулировавших в те годы в нашей стране, много судачили о «коварных» или «бравых», в зависимости от симпатий рассказчика, советских матросах, расправившихся с незваным гостем. Рассказывали о неких таинственных люках в днище корабля, через которые высыпались головастиками наши молодцы, скрутили супостата и уволокли в чрево крейсера на допрос. Ну а дальше… сами понимаете. Однако все это очень далеко от истины.

В Лондоне моряки очень беспокоились, не оставил ли незваный гость каких-либо «гостинцев». Гадали, строили предположения — и только. А чего проще: сплавай да посмотри. О результатах осмотра немедленно доложили бы отцу. Не доложили. Легкие гидрокостюмы мы тогда еще не освоили.

Есть иная версия. Изрядная скорость крейсера «Орджоникидзе» возбуждала любопытство специалистов. Говорили, что свои исследования капитан Крэбб начал еще в июне 1953 года, во время первого после войны визита в Великобританию советского крейсера «Свердлов», старшего брата «Орджоникидзе». Тогда все закончилось благополучно. Аппетит приходит во время еды. Английская разведка начала охоту за новым крейсером. В 1955 году в Балтийском море бесследно исчезла принадлежавшая специальным службам Великобритании миниатюрная подводная лодка, попытавшаяся проникнуть к месту базирования корабля. Отцу докладывали об инциденте. И вот теперь история с Крэббом. В разговоре с Антони Иденом отец позволил себе съехидничать: сколько усилий пришлось затратить англичанам, охотясь за чужими секретами, и предложил купить крейсер.

По словам отставного британского контрразведчика Питера Райта, «в первую очередь разведка интересовалась новыми винтами»[15] корабля. Конечно и наши моряки догадывались, что влечет англичан. Не исключено, что, заметив незваного гостя и зная, зачем он пожаловал, адмирал Котов на всякий случай приказал провернуть винты. Если Крэбб находился поблизости от них, то он мог лишиться не только головы. Не знаю, правда,

насколько такая версия оправданна с технической точки зрения.

В своих воспоминаниях отец не сообщает сенсаций. А когда диктовал их, обычно упоминал о мельчайших подробностях. Он пишет: «Крейсер наш стоял в Портсмуте. Мы сказали командиру крейсера, чтобы он получше организовал его охрану. Все делалось, что положено в таких случаях. Вдруг нам докладывают, что какой-то человек появился из-под воды у борта крейсера, а когда наши матросы его заметили, скрылся под воду. Больше его не видели. Мы тогда сказали нашим хозяевам, что наши матросы наблюдали такое явление, и спросили, как его надо понимать? Я не помню, какое было дано объяснение, но мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что пловцы могли прикрепить магнитные мины к нашему крейсеру и это может нам дорого обойтись. Так нам объясняли наши люди, которые занимались военными делами…

Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой правительства — это война. Англичане никогда такого не допустили бы…

В печати много писали об этом случае… Мы точно так и не знаем, кто это был, но что это был разведчик, у нас не было сомнения. Его появление наша разведка объясняла тем, что, возможно, англичан интересовали винты нашего крейсера, формы некоторых деталей корпуса корабля, которые определяли его скорость.

Мы не придавали особого значения этому инциденту, но говорили о том, что в гости нас позвали, а сами шарят по карманам».

Сложилась парадоксальная ситуация. Проблему возвращения домой не раз обсуждали в номере отца. На сей раз он не принимал мер предосторожности. Когда посольские стали иносказательно намекать на возможность минирования крейсера, а в условиях царившего тогда взаимного недоверия такая версия рассматривалась всерьез: взорвется он в открытом море, вдали от берегов, какие можно предъявить претензии к Великобритании, — отец разразился громогласной тирадой. Он говорил об ответственности властей, о том, что подобный акт пиратства означает войну, не преминул напомнить, сколько потребуется ракет, чтобы стереть остров с лица земли. Его речь была решительной и воинственной, а периодически указывающий на потолок палец не позволял слушателям усомниться, для чьих ушей она предназначается.

Тем не менее сам он высказался за возвращение домой на самолете. Ему безумно хотелось опробовать реактивный Ту-104. Однако служба безопасности продолжала стоять насмерть, никто

не желал брать на себя ответственность. К тому же уперся Булганин, на самолете он лететь не желал. В случае аварии на крейсере еще можно спастись, рядом два эсминца, «Совершенный» и «Смотрящий», а в воздухе…

Охрана обратилась к Туполеву с требованием поддержать их. Андрею Николаевичу снова пришлось выворачиваться. Туполев прибегнул к уже апробированному аргументу: в самолете он уверен, но порядок нарушать не дано никому. Отец сдался, решили возвращаться на «Орджоникидзе». Булганин облегченно вздохнул.

Туполев выдержал небольшую паузу и стал сетовать на то, как он устал от морского путешествия, — такие приключения не для его возраста. «Вам нельзя, вы люди посторонние, — улыбнулся он отцу одними глазами, — а я конструктор, мое дело испытывать свои машины. Если я испугаюсь, то кто же тогда решится летать моими самолетами».

Андрей Николаевич попросил разрешения покинуть делегацию и вернуться домой на Ту-104. Возражений не последовало. Я, сославшись на приближающуюся экзаменационную сессию, попросился лететь с ним. Мне, как и отцу, очень хотелось прокатиться на реактивном.

Отец кивнул. Одновременно с радостным предвкушением полета меня кольнула мысль: «…А вдруг?… — но я отогнал ее. — Ведь с нами Туполев…»

Перелет окончился благополучно, трудно передать, какой восторг тогда вызывал рокот реактивных турбин. А отсутствие болтанки, воздушных ям, неизбежно сопровождающих полет на Ил-14 или Ли-2!.. Я ощущал себя в сказке.

Самолет вскоре приняли к эксплуатации, и отец не преминул им воспользоваться при первой же своей поездке по стране. Его восхищение не знало границ.

При очередной встрече с Туполевым отец не сдержался и попытался дознаться, действительно ли тогда в Лондоне он сомневался в своем самолете или все это проделки охраны.

Андрей Николаевич в ответ расхохотался.

— По правде говоря, — начал он немного успокоившись, — за самолет я не беспокоился. Но сам-то угодил в дурацкое положение, с одной стороны, вы давите, сами понимаете, немалым весом, с другой — боязно, человек-то я битый. Вот и пришлось спрятаться за инструкцию.

— Так я и думал, — поддержал его отец, — потому и не стал настаивать, не хотел ставить вас в дурацкое положение.

Они расстались довольные друг другом и особенно самолетом, опередившим Запад, чья маячившая перед носом

спина до крайности раздражала отца. Ему не терпелось обойти соперника, самому возглавить мировую гонку, продемонстрировать преимущества нового строя. Ту-104 был в его глазах первой ласточкой, которая хотя и не делает весны, но вселяет надежду.

Вскоре восторги вокруг Ту-104 сменились унынием. Начались таинственные аварии. Наполненный пассажирами Ту-104, уверенно ревя моторами, поднимался в небо и исчезал. Без предупреждения прерывалась связь, а затем на земле находили обломки самолета.

Первое происшествие списали на несовершенство конструкции. Как водится, назначили государственную комиссию. Зацепок никаких не обнаружилось, ни намека со стороны экипажа, переговоры с землей не отклонялись от будничной рутины, ни следов взрыва, ничего…

В таких случаях начинают плясать от печки, проводят полную ревизию, ищут любую зацепку. И находят… Обнаружили какие-то дефекты и на этот раз. Услышав о них, я подумал, что в лондонском споре правда была на стороне службы безопасности. Недостатки устранили, полеты возобновились. Последовала новая катастрофа. И опять — никаких следов.

Не обошлось и без кивков в адрес западных спецслужб, в трудный момент они всегда «выручают». Однако отец не поддержал сторонников западного следа. В отношении иностранных разведок он иллюзий не питал, но и не переоценивал их возможностей, а главное — намерений. С чего это им вдруг невзлюбился Ту-104?

Оборудовали специальный самолет, начинили его всякими датчиками, самописцами, поставили специальный автопилот, позволяющий не терять управления при маневрах, присущих лишь истребителю. Одна из версий предполагала, что лайнер проваливается в гигантскую воздушную яму, вернее, пропасть, начинает беспорядочно падать и не выравнивается до самой земли. Летающая лаборатория утюжила небо день за днем, месяц за месяцем, и все впустую. Агрегаты работали как часы, на пути не встречалось не то что бездонных провалов, воздушные рытвины и те попадались не часто. Только осенью, а может быть, весной наконец произошло долгожданное «несчастье»: самолет неожиданно вздыбился, неодолимая сила повлекла его куда-то вверх, потом бросила вниз и отпустила. Опытные летчики-испытатели удержали машину, выровняли и поспешили домой, на аэродром, разбираться в записях приборов.

Все оказалось просто. А вернее, неимоверно сложно. Точнее, ученые в очередной раз столкнулись с неизведанным. Реактивные

самолеты летали несравненно быстрее своих поршневых предшественников. Плотный приземный воздух стал для них серьезной преградой — чтобы преодолеть его вязкое сопротивление, приходилось расходовать тонны горючего. Пришлось забираться повыше, в пустоту, в неизвестное, к самой границе атмосферы.

Тут и посыпались неприятности. Началось все с «Кометы», реактивного первенца британских аэролиний, опередившего наш Ту на пару лет. Для полетов на такой высоте самолет пришлось сделать герметичным, надувать его воздухом. Нельзя же заставить пассажиров по примеру пилотов бомбардировщиков и истребителей облачаться в кислородные маски, упаковывать их в специальные скафандры.

Огромный фюзеляж раздувался, как мяч, а по возвращении на землю опадал. И так раз за разом, каждый взлет и посадку. Дюраль не резина, в уголках квадратных иллюминаторов «Кометы» постепенно стали появляться трещинки, чем дальше, тем глубже. И наконец — взрыв на высоте в несколько километров, порой над океаном. Неожиданный, таинственный, необъяснимый… Прошло немало времени, пока доискались до истины, заменили квадратные окошки на круглые, без предательских уголков.

Туполев учел опыт англичан, но попытался забраться еще выше, где воздух еще разряженнее, еще меньше сопротивляется полету. К самой границе со стратосферой, еще совсем недавно доступной лишь исследователям и испытателям. Вот этот тоненький пограничный слой между атмосферой и стратосферой, называемый тропопаузой, и оказался источником всех несчастий. «Чем больше высота, тем меньше плотность воздуха, тяга двигателей уменьшается, а угол атаки (это такой авиационный термин, определяющий устойчивость полета самолета) увеличивается. Достаточно случайного порыва воздуха или небольшого движения штурвала на себя, чтобы угол атаки стал недопустимым, самолет потерял устойчивость», — я процитировал слова участника разбора этого «летного происшествия», заслуженного летчика-испытателя генерала Степана Микояна.[16] Никто тогда не ведал, что весной и осенью, когда природа просыпается от зимней спячки или готовится ко сну, там происходят бурные процессы, вздымаются, подобно взрыву, мощнейшие воздушные потоки. Для них многотонный самолет что сорванный с дерева осенний лист — закрутит, швырнет о землю, не успеешь и пикнуть.

От неприятностей избавились просто — решили летать пониже, где атмосфера поспокойнее.

Вот как далеко увели меня воспоминания о первых полетах нашего Ту-104. Вернемся в Лондон…

При отбытии героем дня стала служба безопасности. С самого начала, с согласовывания системы охраны делегации в Великобритании, наткнулись на взаимонепонимание. Их секретная служба категорически возражала против нашей вооруженной охраны. Так, утверждали они, принято во всем мире, за неприкосновенность гостей ответственность несут хозяева.

Серов настаивал, ссылался на Женеву, куда в прошлом году московские чекисты поехали полностью экипированными. Англичане уперлись: одно дело международное совещание, швейцарцы только предоставили, грубо говоря, помещение для переговоров, другое дело — государственный визит; в Лондоне КГБ делать нечего. Пререкания грозили вылиться в серьезное столкновение. Когда Серов пошел к отцу советоваться, он занял сторону англичан: они порядки знают лучше. По существу, считал отец, в чужой стране наша охрана все равно бессильна, что могут сделать три, пять, пусть даже десять человек? Тем не менее Серов настоял на компромиссе, ограниченное число сотрудников КГБ англичане согласились принять, но без оружия. Иван Александрович махнул рукой и тут же распорядился: «Пистолеты иметь при себе, но так, чтобы никто не унюхал». Взамен привычных «Вальтеров» и «наганов» всех вооружили новенькими «Макаровыми». Они еще только осваивались, числились секретными. Конечно, англичане не были столь наивны, чтобы поверить, что гости приедут налегке, без оружия. Но главного они достигли, все громоздкие вещи остались дома. Сходившие по трапу крейсера советские коллеги выглядели весьма мирно.

Взаимопонимание между службами установилось быстро, но наши с «Макаровым» не расставались: днем в кармане, ночью под головой. До последнего дня обходилось без инцидентов. А тут случился прокол: в суете кто-то позабыл свой «Макаров» под подушкой. Когда гости покинули отведенный советской делегации этаж, горничная пошла убирать номера и наткнулась на забытую «мелочь». Сам факт обнаружения пистолета ее не удивил — и не такое попадалось. Она поспешила вернуть находку хозяину. Накинув на руку с пистолетом салфетку, девушка бросилась вдогонку. На крыльце горничная с облегчением вздохнула: успела. Гости рассаживались по автомобилям. Вот только как найти хозяина пистолета в эдакой суете? Рассеянного жильца в лицо она помнила, но там была такая толкотня. Тогда горничная приняла, по ее мнению, единственно правильное решение. Она отбросила салфетку и, подняв пистолет над

головой, громко крикнула: «Мистеры, вы забыли!!!»

Присутствующие на мгновение оцепенели, но только на мгновение. Хозяин нашелся. Лихорадочно засовывая пропажу в карман, он что-то возбужденно говорил горничной на своем непонятном языке. Только «спасибо» сказал по-английски.

Трудно себе вообразить те идиллические времена, когда посторонний человек мог, размахивая пистолетом, бегать в непосредственной близости от государственных гостей. Сейчас бы незадачливую горничную изрешетили пулями при первой попытке освободить свою находку из-под салфетки. Ни сомневаться, ни разбираться никто не стал бы.

Через восемь лет, в 1964 году, мне пришлось еще раз побывать в Великобритании. На сей раз в составе делегации авиационной промышленности.

К слову, эта поездка оказалась для меня последней. В капиталистические страны на долгие годы мне ход оказался заказан. В октябре 1964 года к власти пришел Брежнев, и клетка захлопнулась. Отныне меня причислили к «неблагонадежным» и, естественно, «невыездным».

Как и в 1956 году, в Лондон мы прилетели весной, в конце апреля. Так же ярко светило солнце. Мы объехали большинство авиастроительных фирм. Побывали и на знаменитом «Роллс-Ройсе». Среди специалистов он более славится авиационными двигателями, чем знаменитыми на весь мир престижными автомобилями. Принимали нас хорошо. Не сказал бы по-дружески, но по-добрососедски. В столице авиадвигателестроения на реке Эвон делегацию поселили в уютном коттедже, гостинице, принадлежащей фирме. В доме оказалась небольшая бильярдная. Мы ее облюбовали под свой клуб. Там по вечерам после ужина собирались, обменивались впечатлениями, предавались воспоминаниям. Иногда подходили к столу, расставляли шары, но настоящей игры не получалось. Здесь собрались специалисты иного профиля. Генеральный конструктор Челомей, сделав пару ударов, мог вдруг увлечься обсуждением тонкостей механики упругих соударений. Ему вторил академик Леонид Иванович Седов. А вот Артем Иванович Микоян, тоже генеральный, к кию вообще не прикасался. Чем больше Микоян отнекивался, тем настойчивее становились попытки вовлечь его в игру. Наконец Артему Ивановичу надоело и он предложил откупиться, рассказать историю, связанную именно с этим бильярдом.

— Я уже играл на этом бильярде, и даже выиграл очень важную партию, — заинтриговал нас Микоян. — Выиграл я ни больше ни меньше — будущее нашей реактивной авиации, а для себя — МиГ-15.

Игроки отложили кии, начало звучало многообещающе. Вокруг кресла в углу, в котором сидел Микоян, образовался тесный кружок слушателей.

Артем Иванович держал паузу, только глаза его поблескивали хитринкой. Все навострили уши.

— Как известно, в конце войны приличных турбореактивных двигателей у нас не было. Велись, конечно, разработки, но до серийного производства предстояло еще пахать и пахать, — пока Микоян рассказывал общеизвестные вещи, не называя фамилий, помнил, что нас наверняка прослушивают.

— Помните, сколько шума наделали немецкие реактивные истребители, принимавшие участие в боевых действиях в последний год войны. Последовала строжайшая команда: срочно сделать такие же!

Слушатели закивали головами, подобные указания не раз получали и они. Руководитель нашей делегации, заместитель председателя Государственного комитета по авиационной технике Кобзарев попытался вставить слово, он о событиях тех лет знал многое, но Микоян удержал его.

— Того, что я рассказываю, даже вы не знаете, Александр Александрович, — мягко произнес он. — У нас тогда еще сохранились вполне приличные отношения с англичанами, и мы быстро договорились. Они обещали продать нам несколько своих новейших двигателей. Мне поручили оформить сделку. Собрался я в Англию. Пока утрясали и увязывали все дела дома, оформляли документы, не только война успела закончиться, но и дружба наша дала трещину. До «холодной войны» дело еще не дошло, но встречали нас кисловато, без прежнего радушия.

В гостинице нам было одиноко. Даже словом не с кем перемолвиться, только по вечерам иногда заходил кто-нибудь из местных на коктейль, демонстрировал гостеприимство, да еще регулярные звонки в посольство. С ними много не наговоришь… — Артем Иванович неопределенно пожал плечами.

— Ходил на фирму регулярно, каждое утро, как на работу. Принимали меня любезно, подолгу обсуждали разные второстепенные детали, но ответа не давали. Как у нас, — улыбнулся Микоян, хитро зыркнув в сторону Кобзарева. — Мой хозяин чувствовал себя очень неудобно. Каждый день он звонил в Лондон, пытался согласовать условия продажи в коридорах власти, но тщетно. Правительство сменилось, на смену консерваторам пришли лейбористы, о прежних обещаниях они не то что не вспоминали, но наступали новые времена, отношения становились все прохладнее. Правда, они еще не настолько ухудшились, чтобы сказать твердое «нет». Сначала англичане

скрывали от меня свои трудности, потом признались.

Я понимал, что все висит на волоске и каждый день ожидания не в нашу пользу. Но что поделаешь? Приходилось ждать. Вот только тактику я свою изменил, при каждой встрече стал подначивать: де, они только говорят, что сами распоряжаются на своей фирме, а по делу, как и мы, шагу не способны ступить без министерства. Англичане хмурились, шутки не принимали. Но, видно, и без внимания мои разговоры не оставались.

Артем Иванович сделал паузу. Никто не пошевелился, ждали развязки.

— Вот как-то вечером ко мне пожаловал, — Микоян назвал фамилию одного из самых главных начальников на «Роллс-Ройсе», но я ее за эти годы запамятовал. — Конечно, разговор крутился вокруг двигателей. Я стал его прижимать, снова корил министерством. Хозяин отшучивался, но чувствовалось, задел я его за живое. А разговаривали мы как раз в этом зальчике. Сидели в уголке в креслах, совсем как сейчас. Наконец он не выдержал, решил отплатить той же монетой: — «Господин Микоян, я готов продемонстрировать вам свою самостоятельность, но и вы должны ответить тем же».

Я молчу, жду продолжения.

И тут мой хозяин предложил пари — партию на бильярде: я выиграю, он немедленно подписывает контракт и отгружает двигатели. Проиграю, значит, не судьба, никаких переговоров, собираем чемоданы, и домой.

Микоян налил себе воды, испытывая нашу выдержку, не спеша осушил стакан.

— Положение мое, сами понимаете, оказалось не из легких, — Артем Иванович почмокал губами. — Я уж не говорю о том, что играть на бильярде практически не умел и не умею, так, изредка гонял шары, не более того. Проиграть мне ничего не стоило. Выиграть — другое дело! Тут оставалось надеяться на чудо. (Артем Иванович для красного словца схитрил, в биллиард он играл отлично, я сам тому свидетель.)

Ставка в игре — два лучших английских мотора «Нин» и «Дервент». Как я в Москве появлюсь без них, мне и думать не хотелось. С другой стороны, уже стало ясно, что правительство вряд ли разрешит продажу, промурыжит и откажет.

Главное, посоветоваться не с кем, спросить инструкций не у кого. До посольства не дозвонишься, игру надо начинать немедленно. К тому же стыдно. Сколько я его допекал разговорами о самостоятельности. И не скажут ничего мне в посольстве…

А тут хоть маленький, но шанс. От слова своего, я чувствовал,

он не отступится.

И я решился. Напустил на себя равнодушный вид:

«Пожалуйста, — говорю, — вот только играю я неважно».

Мне показалось, хозяин на мгновение пожалел о своих словах. Он не сомневался, что я откажусь. Хорошо изучил нашего брата, знал, что без директив мы и шага не сделаем. Но тут делать нечего. Расставили шары, начали игру…

Микоян поднялся со своего места, обошел вокруг.

— Точно, стол тот же самый.

Вернувшись на прежнее место, он поудобнее устроился в кресле.

— Не знаю, что мне помогло: везенье или Бог? А может, он решил мне проиграть, боялся, что в противном случае я у него навсегда останусь? Вернее всего, с перепугу у меня просто какой-то талант проснулся. Забиваю шары один за другим. Последний вон в ту лузу.

Он указал рукой в дальний конец стола.

— Закончили игру. Хозяин выглядел немного расстроенным. Принесли шампанское. Выпили за наше пари. На следующий день подписали контракт. Двигатели я с собой увез. Не доверял никому, — засмеялся вдруг Артем Иванович. — Дома меня все поздравляли, а я никому не сказал, как они мне достались. Вот только сейчас вспомнил. Образцы послали Микулину Александру Александровичу. Через короткое время получили реактивный мотор — первый, советский. Его и поставили на МиГ-15. И остальные микулинские двигатели из него вышли.

Мы слушали эту историю, как сказку. Бывают же в жизни невероятные случаи! От чего только не зависит наше будущее!

Действительно, приобретение Артема Ивановича позволило нашим мотористам перескочить через несколько ступеней. Английские двигатели послужили прототипами для советских разработок. Роллс-ройсовский «Дервент» с тягой в 1 600 кг превратился в советский РД-500, а его немного более мощный собрат «Нин» с тягой в 2 000 кг — в РД-45. Последние цифры означали географическую привязку, один копировали на 500-м заводе, а другой — на 45-м.

Другая ветвь нашего двигателестроения произросла из прививки на немецком подвое. Из юнкерсовского ЮМО-004 получился РД-10, а БМВ-003 послужил прототипом для РД-20.

Охота за образцами началась при Сталине, продолжалась она и после его смерти. Отец не раз вспоминал, как командующий в те годы Группой советских войск в Германии будущий маршал Гречко затеял в Западном Берлине покупку американской ракеты. Настоящей…

Отец отнесся к этой операции скептически, он не считал Гречко хитроумным коммерсантом, подозревал, что ему просто морочат голову. Уж очень долго тянулось дело, все шло хорошо, за исключением мелочи, товара не было. Гречко клялся: продавцы не подведут, люди надежные.

Наконец ракету купили. Генерал просто сиял. Драгоценный груз со всеми предосторожностями доставили в Москву, передали в одно из конструкторских бюро. Сейчас уж не так важно, в какое. Специалистам потребовалось немного времени, чтобы разобраться. Новейшая американская ракета оказалась подделкой, и не очень искусной. Деньги оказались потраченными впустую.

Приехав к отцу на подмосковную дачу, Гречко прятал глаза. Еще бы — так опростоволоситься. Но разноса не последовало. Отец считал, что в таком деле издержки неизбежны, разведки для того и существуют, чтобы надувать друг друга. Да и относился он к Андрею Антоновичу с нескрываемой симпатией. Прощал ему многое. За плечами у них обоих осталась война. Отец впервые встретился с командиром кавалерийской дивизии генерал-майором Гречко в дни отступления. Затем дивизия, корпус, армия под командованием поднимающегося по служебной лестнице долговязого генерала не раз появлялись в расположении фронтов, где отец пребывал в неизменной должности члена Военного совета и неизменном звании генерал-лейтенанта. Для него, как представителя верховной власти в действующей армии, количество звезд на погонах не имело особого значения. Во время операции по форсированию Днепра Гречко уже обошел отца в чине, стал генерал-полковником, заместителем командующего фронтом.

После 1945 года Гречко вновь появился в Киеве, теперь уже в качестве командующего военным округом, одним из наиболее престижных в нашей стране. Здесь они с отцом еще больше сблизились, встречались не только по службе.

Дружеские отношения отца с Гречко сохранились и после того, как судьба их снова развела по разным сторонам. Генерал отправился командовать советскими оккупационными войсками в Германии, а наша семья перебралась в Москву. После смерти Сталина Гречко, теперь уже генерал армии, снова зачастил на отцовскую дачу.

В тот летний день Гречко всеми силами старался сохранить лицо, а отец с интересом наблюдал, как генерал старается вывернуться из неприятного положения. Гречко с комическими подробностями рассказывал, с какими сложностями они заполучали заветную ракету, как хлопотали, чтобы ничего не

случилось по пути в Москву. В его интерпретации неприятная история приобретала забавный оттенок.

— Ладно бы старье продали, не так обидно. А то, черти, нарочно, чтоб посмеяться, какую-то чепуху подсунули, — притворно сокрушался Гречко и повторял: — Бес попутал, Никита Сергеевич. Надули, чтоб их черти взяли.

При этом в глазах у него плясали знакомые мне искорки — генерал понял, что гроза прошла стороной: в его изложении доклад о провале операции превратился в рассказ о смешном приключении.

Отец оставлял без последствий и более дурацкие идеи Гречко. К примеру, уже после возвращения из Германии и назначения на пост командующего сухопутными войсками Гречко у нас на даче во время воскресной прогулки с отцом вдруг начал рассуждать о завоевании Западной Европы.

Естественно, что в каждом уважающем себя Генеральном штабе есть планы войн на все случаи жизни, даже с сегодняшними союзниками. Но одно дело иметь их, другое — докладывать, пусть даже на даче, главе правительства.

Сначала я подумал, что Андрей Антонович шутит. Но нет. Глаза его смотрели серьезно, без обычного лукавства. Мысли свои он излагал точно, без запинки, видно, каждый шаг тщательно обкатали в штабе сухопутных сил.

Я не запомнил, почему он считал целесообразным нанести удар, начать войну. Политический аспект его не особенно волновал, генерал жонглировал танками, самолетами, пушками. Здесь, по его мнению, американцам с нами не совладать.

Отец насупленно слушал разглагольствования гостя. А тот, приняв молчание хозяина за одобрение, ринулся в бой.

По расчетам Гречко, на второй день после начала боевых действий он с ходу намеревался форсировать Рейн. В его тоне звучало ликование, голос прямо-таки раскатывался победными литаврами. Отец изумленно глядел на двухметрового генерала. Подобного фанфаронства он не ожидал даже от Гречко. Тем не менее он молчал, видимо решив проверить, как далеко простирается фантазия у его собеседника.

Гречко заливался соловьем. На пятый или шестой день он овладел Парижем и без задержки двинулся дальше, к Пиренеям, оставив без внимания Великобританию. Горы его тоже не остановили, он перемахнул их с ходу и остановился только на берегу Атлантического океана. Тут генерал замолчал, перевел дух и вопросительно поглядел на отца. Он весь светился восторгом победителя.

Отец все молчал. Так продолжалось, наверное, минуты две.

Затем он снова поднял голову.

— А дальше что? — глухо спросил отец. Гречко продолжал улыбаться.

— А дальше что вы собираетесь делать? — начинал сердиться отец.

— Дальше?… — переспросил генерал и как-то неуверенно произнес: — Дальше… Все…

Он развел руками.

— Что, все? — продолжал напирать отец. — Какие ваши предложения по дальнейшим действиям? Вы же докладываете Председателю Совета министров!

— По дальнейшим — никаких, — отрапортовал генерал.

Отец просто взорвался. Последовал грандиозный разнос. Я отошел в сторону, но и на почтительном расстоянии слышалось каждое слово.

Отец бушевал. Он не понимал, как подобные мысли могли прийти в голову современному генералу, а тем более, как он посмел со своими сумасбродными идеями соваться к главе правительства.

— Вы что, не слыхали об атомном оружии? — восклицал отец. — Какое наступление? Какой Париж? В Наполеоны метите? От вас в первый же день и мокрого места не останется!

Гречко только переминался с ноги на ногу, на лице у него застыло выражение провинившегося школьника.

— Мы исходим из оборонительной концепции. А тут доморощенный агрессор выискался. На вас не распространяются решения Совета обороны? — отец постепенно остывал. — И вообще, следует разобраться, чем вы там занимаетесь в своем штабе. Вам что, совсем делать нечего? — громыхнули последние громовые раскаты.

Гречко мгновенно уловил, что гроза проходит. На лице у него появилась улыбка шкодника, вдруг уловившего, что наказание его миновало.

— Вы что, на самом деле воевать собираетесь? — уже с некоторым любопытством переспросил отец.

— Да нет, — промямлил Гречко.

— Так да или нет? — не унимался отец.

— Нет, — четко отрапортовал Гречко.

— Тогда чтобы я подобных прожектов больше не слышал, — строго сдвинул брови отец и, остывая, добавил: — До Атлантики он, видите ли, дойдет…

Гречко отделался разносом. Другому подобная фантазия стоила бы должности, а не исключено, и звания.

После отставки отца маршал Гречко стал министром обороны

СССР.

С Брежневым у него сложились приятельские отношения. В отличие от отца, тот ни в чем не мог отказать своему другу. Именно во времена Гречко мы наводнили Европу десятками тысяч танков, пушек, самолетов, не говоря уже о ракетах.

Не мерещился ли дряхлеющему военачальнику по ночам шум атлантического прибоя?

Незадолго до 1964 года, когда восхваление отца разрослось безудержно, Гречко решил внести свою лепту. Ему, к тому времени уже ставшему маршалом Советского Союза, пришла идея осчастливить и отца. Об их встрече отец рассказывал не раз. Аргументы у маршала звучали по-солдатски прямолинейно: отец, как его в начале войны произвели в генерал-лейтенанты, так ее и закончил. В нынешние времена ситуация в корне поменялась — он теперь Первый секретарь ЦК, Председатель Совета министров СССР, главнокомандующий Вооруженными силами. Чин же генерал-лейтенанта подобной должности не соответствует. Недосмотр следует поправить.

— Мы, военные, люди своеобразные, — убеждал Гречко отца, — нам не по душе, если команды отдает младший по званию. Вот если вам присвоить звание маршала, все станет на свои места.

Он замолк, ожидая реакции. Она оказалась явно не той, которая ожидалась. Отцу предложение пришлось не по душе, и он пробурчал:

— Не занимайтесь глупостями, маршал. Воевать мы не собираемся, а в мирное время я с вами и в генеральском звании управлюсь. Если же, не дай бог, война, тогда и решать будем. Звание не самое сложное дело.

И эта выдумка Гречко осталась без неприятных последствий. У отца лишь появилась новая тема для шуток. Гречко не забыл о своей идее. К ней он снова вернулся, уже став министром обороны. Новый Верховный главнокомандующий Брежнев предложение благосклонно одобрил.

Несмотря на все накладки, отец с Булганиным остались довольны визитом. Он прошел в духе Женевы, казалось, европейская политика всерьез начала разворачиваться к миру.

В День Победы 9 мая 1956 года газеты опубликовали проект закона о пенсиях. Его давно вынашивал отец, перетряхивая бюджет, выискивал крохи, чтобы хоть немного улучшить поистине нищенскую жизнь стариков. А денег требовалось много и отобрать их у могущественных ведомств стоило большого труда. Оборонные министерства пожирали астрономические суммы.

Источником высвобождения омертвленных средств стал пересмотр нашей военной доктрины. Свои основные надежды отец возлагал на ракеты. Их, правда, можно было пересчитать по пальцам, качество тоже оставляло желать лучшего, да и задачи они решали ограниченные, но отец с оптимизмом смотрел в будущее. Он готовился к грандиозному сокращению вооруженных сил. Чтобы стране распрямиться, необходимо снять груз с ее плеч.

Сокращение вооруженных сил сулило многое. Но главным капиталом отец по-прежнему считал рабочие руки здоровых, работящих молодых людей, способных на многое и в сельском хозяйстве, и в промышленности. А если к этому еще добавить технику! Отец потребовал справку: сколько грузовиков, тракторов, тягочей стоит без дела в арсеналах.

Представленные цифры его просто потрясли. «Раскулачивание» военных стало одной из ближайших задач. А она была не из легких. В те дни продолжала действовать старая установка — все, даже мелочи, в первую очередь примеривались на военный мундир.

Призрак войны отцу приходилось выдавливать из пор государственного организма, вытряхивать из щелей, дело оказалось хлопотным. Его попытки сократить армию, уменьшить производство военной техники воспринимались почти как предательство.

Решение о новом сокращении вооруженных сил к началу мая обросло деталями, превратилось из политической декларации в добротный бюрократический документ. Дело было за окончательным решением. Тут многое, если не все, зависело от визита в Великобританию. Посланцы вернулись с миром.

В кабинете на Старой площади отца ожидали подготовленные в его отсутствие последние варианты. Они показались ему куцыми. Военные жались. Пришлось переделывать самому. Наконец определилась окончательная цифра: миллион двести тысяч человек, даже чуть больше, чем отец называл в январе… Но каких трудов это стоило. Вместе с прошлогодними сокращениями вооруженные силы уменьшились без малого более чем на два миллиона. Правда, истинной численности вооруженных сил тогда не называли.

Объявить о принятом решении собрались 15 мая, в день прибытия в Москву с государственным визитом премьер-министра Французской Республики Ги Молле. Впервые после начала «холодной войны» в Москву пожаловал западный политический деятель такого ранга. Дух Женевы согревал не хуже весеннего солнышка.

Правда, в Женеве приглашение принял премьер-министр

Эдгар Фор, но в те годы французские премьеры удерживались в своем кресле не более нескольких месяцев. На Внуковском аэродроме встречали уже его преемника. Переговоры с Ги Молле прошли успешно. Отец отозвался о нем как о человеке сдержанном, трезвом государственном деятеле.

Главной темой, как и в Великобритании, продолжал оставаться Ближний и Средний Восток. Начавшиеся там революции волновали французов не меньше, чем англичан. С неизбежностью процесса деколонизации в Париже смирились лишь много позже, для отрезвления понадобились кровопролития и в Африке, и в Азии.

Вслед за Антони Иденом Ги Молле пытался склонить советское руководство хотя бы к нейтралитету. Тут коса нашла на камень. Советско-французское заявление лишь констатировало сложившуюся в этом регионе расстановку сил, призывало к благоразумию, решению спорных вопросов не силой оружия, а за столом переговоров.

События в регионе тем временем развивались своим чередом. В середине июня завершилась эвакуация английских войск из Египта. Советские руководители направили полковнику Гамаль Абдель Насеру телеграмму с теплыми поздравлениями по случаю его избрания президентом республики. Из королевства Фарука Египет превратился в республику Насера. В Каир на празднование национального праздника отправилась высокая советская делегация во главе с вновь назначенным министром иностранных дел Дмитрием Трофимовичем Шепиловым, «восходящей звездой» в окружении отца.

Москва готовилась к приезду Иосипа Броз Тито. Его ожидали в начале лета. Этим визитом подводилась черта под многолетней конфронтацией, взаимными оскорблениями и даже попытками убить строптивого партизанского лидера. За месяцы, прошедшие с первой встречи отца с Тито, на югославской земле многое переменилось. Мы признали, что у них строится социалистическое общество.

Правда, академики от марксизма морщились: самоуправление, рабочие советы, отсутствие монополии внешней торговли не укладывались в окостеневшую схему их представлений о праведности. Они писали записки в ЦК, но вступить в открытую схватку с отцом не решались. Он же рассуждал просто: собственность у них — народная, капиталистов — нет, значит, «наши». У ортодоксов имелась мощная поддержка, далеко не все члены Президиума ЦК приветствовали реабилитацию вчерашних «ренегатов». Правда, в открытую спорил с отцом лишь Молотов. Он на дух не принимал

югославский социализм, а руководителей соседнего государства продолжал считать предателями рабочего класса.

Тито относился к Молотову не лучше. Он вообще не хотел иметь с ним дела. И у отца разногласия с Вячеславом Михайловичем разрастались с каждым днем. Особенно обострились отношения после возвращения нашей делегации из Лондона. При обсуждении результатов переговоров Молотов обрушился на отца за то, что он оттеснял Булганина на вторые роли, тем самым, по его мнению, неправомочно принижал статус Председателя Совета министров. Да и вообще, руководителем делегации Президиум ЦК утвердил Булганина, а не Хрущева. Отец немедленно перешел в наступление: он спасал положение, отстаивая наши принципы, тут уж не до оглядок на протокол. Перепалка разгоралась, грозила вылиться в серьезный конфликт, но страсти погасил сам Булганин. Он заявил, что они с отцом договаривались, кто и когда будет говорить. Буря улеглась, но осадок на душе у Булганина остался.

Слухи о столкновениях в Кремле просочились сквозь высокие стены, и «московские осведомленные круги» долго судачили по поводу из ряда вон выходящего происшествия.

А тут еще визит Тито. Отец предложил разделить посты первого заместителя Председателя Совета министров и министра иностранных дел. Министром он предложил Шепилова. Отец высоко его ценил, считал человеком инициативным и ловким, что немаловажно на дипломатическом поприще, с уважением отзывался о его незаурядном уме, умении, в отличие от предшественника, самостоятельно проводить политику, а не только следовать в фарватере указаний и директив. Молотову в самостоятельности мышления отец отказывал напрочь, его главными достоинствами числились непримиримость и упорство. Наверное, высоко бы вознесла судьба Шепилова, не случись промашки в июне 1957 года, не присоединись он в последний момент, когда, казалось, судьба отца окончательно решилась, к могущественному большинству. А так он остался в истории ни там ни сям, человеком с самой длинной фамилией — «примкнувший к ним Шепилов».

Нашим собственным ортодоксам вторили «настоящие» коммунисты, эмигрировавшие после 1947 года из Югославии в Советский Союз. Одни искренне поверили Сталину, другие надеялись в случае вторжения советских войск выловить в мутной воде крупную рыбину, а подобная возможность тогда отнюдь не считалась фантастической. И именно их руки примут власть в Белграде. Что и говорить, инициатива отца грозила не только крахом их честолюбивых планов, но и ставила под сомнение

возможность безбедного существования.

Отец не знал, как от них избавиться, югославские эмигранты стали для него подобно больному зубу. За прошедшие годы эмиграция оформилась, создалась обширная пропагандистская сеть. Радио, вещавшее на Югославию, разоблачало кровавые преступления клики Тито — Ранковича, выходившие в Москве газеты призывали к свержению «фашистского режима». Теперь трудившиеся там сотни боевиков идеологического фронта оказались не у дел. Они не собирались сдаваться, требовали продолжения священной борьбы против титоизма. Отец понимал — пока не ликвидируется этот источник напряженности, отношения с Белградом будет постоянно лихорадить. Но что делать?

Ему пришла в голову мысль помирить эмигрантов с Тито, получить для них индульгенцию и отправить их с миром домой. Что и говорить, затея выглядела фантастичной, но отец в нее поверил и принялся за ее реализацию. Однако сразу столкнулся с трудностями. Эмигранты уезжать не хотели, кто боялся, кто из принципа, а кому просто пришлось по душе безбедное существование в Москве. «Отказников» возглавил генерал Михайлов. Лишь малая толика согласилась с отцом, но на условиях полного прощения и обеспечения безопасности дома. Тито тоже совсем не жаждал получить подобный подарок. Он не сомневался, эти люди до конца своих дней останутся верными исполнителями приказов Москвы.

Но отец надеялся на успех. Уже на следующий день по прибытии гостя в Москву он завел речь о Михайлове и его людях. Тито категорически отказался встречаться с ними, — если они хотят вернуться, это их дело. Дома предателей отдадут под суд. Отец попытался его уговорить, но никакие аргументы не действовали. Тито стоял на своем: они совершили государственное преступление и достойны наказания.

Отец попал в безвыходное положение: останься эти люди в СССР, неприятностей не оберешься. Он продолжал добиваться от Тито гарантий, вновь и вновь уговаривал его встретиться с Михайловым. Все напрасно.

Тогда отец решился на последний шаг. Когда они с Тито направлялись в Киев, он приказал привезти туда делегацию югославских эмигрантов. Он буквально столкнул Тито с ними нос к носу. Отступать оказалось некуда, встреча состоялась. Отец вырвал согласие. Тито сквозь зубы обещал, что те, кто не совершил преступлений против своего народа, преследоваться не будут. Вскоре после визита югославская эмиграция потеряла свой юридический статус в нашей стране. Газеты закрыли,

радиопередачи запретили уже давно, еще до первой поездки отца в Белград, а теперь прекратило существование и землячество. Оставалось или возвращаться домой, или переходить на положение советских граждан. Такую возможность им предоставили. Большинство уехали, правда, с неохотой, знали, что дома встретят не цветами. Так и вышло. После пересечения границы всех изолировали, не арестовали, но лишили права передвижения и долго и придирчиво допрашивали, кое-кого отпускали, а многим пришлось предстать перед судом. Отец попытался вмешаться, но тщетно. Правда, он не проявлял особой настойчивости, не хотел дополнительных осложнений с Тито.

Тем, кто остался на свободе, тоже пришлось несладко. Предателей нигде не жалуют.

Пока же Тито не спеша двигался поездом от западных границ к Москве. На каждой станции его встречали хлебом-солью. Вчерашний «фашист и убийца» возвращался «верным ленинцем».

В гостях югославы пробыли долго, более трех недель. Тогда вообще визиты наносились обстоятельно. Тито неспешно вел переговоры, объездил всю страну. Отцу хотелось продемонстрировать ему наши достижения. Внешне представлялось: отношения не только двух стран, но и двух партий — на это делался особый нажим — становятся почти идиллическими.

Но только внешне. Меня настораживали отдельные реплики отца, хотя он и продолжал очень тепло отзываться о Тито, видел в восстановлении дружбы с Югославией еще одну свою победу. Я чувствовал, что-то его гнетет, тревожит. На мои расспросы отец реагировал необычно вяло, отвечал неохотно. Мало-помалу я уяснил себе: отец все больше приходил к мысли, что Белград претендует на роль некоторого альтернативного по отношению к Москве центра коммунистического движения.

Сталинисты злорадствовали. Кое-где даже стали звучать, пока еще робкие, намеки на оппортунизм отца. По тем временам обвинение грозное. Было от чего приуныть.

Отец пока и сам еще не созрел к восприятию иных, отличных от выработанных на Старой площади, точек зрения. До плюрализма еще предстояло шагать и шагать. Демократия, гласность едва выбрались из подвалов Лубянки и настороженно озирались, как бы не отправили обратно. Тито же подчеркнуто афишировал свою самостоятельность. Его суждения о событиях, происходивших в странах народной демократии, не только не совпадали во многом с нашими, но порой диаметрально расходились. Обе партии сохраняли единство в одном: будущее мира за социализмом. Но за каким? До сего дня мир знал лишь

одну неоспоримую, как говорили, модель — советскую. А тут возникла еще и югославская. Кое-кому она представлялась более привлекательной. Оказавшиеся на перепутье поляки и венгры внимательно приглядывались к опыту еретиков-соседей.

Нарушение единства оставалось самым грозным преступлением мысли. Такой поворот событий отец явно не предвидел. Он пытался откровенно поговорить с Тито. Тот заверял в полной лояльности, но от своего особого пути к социализму отрекаться не намеревался. Это то скрытое, то выплывающее наружу соперничество серьезно влияло на зреющие в Восточной Европе кризисы. Оно не раз подводило наши страны к грани разрыва. Так и останутся в истории Тито и Хрущев друзьями-соперниками.

Одной из острых проблем тех лет стал вопрос о членстве Югославии в Варшавском договоре. Вначале у отца вообще не возникало сомнений: все социалистические страны должны держаться вместе, вместе делить и победы и поражения. Так куда легче отразить врага. Однако, когда он высказал свои соображения Тито, то наткнулся на стену. Отец не стал давить, побоялся перегнуть палку. Он надеялся, что со временем Тито одумается. Пока же сошлись на том, что Югославия не вступит в Варшавский оборонительный договор, но в случае войны выступит на нашей стороне. Осторожность Тито отец воспринимал как естественную реакцию на печальные события недавнего прошлого. Он трезво оценивал: позиция Тито отражает настроения народа. Отец все понимал, но душой принять не мог.

И я не понимал позиции Югославии. В моем сознании мир четко делился на два противостоящих лагеря, выбор казался простым: или с нами, или с ними. На мои вопросы отец не давал четкого ответа, но мне запомнилось одно из его толкований. Он предполагал, что американцы своей помощью, особенно военной, в какой-то мере опутали, подкупили Тито. Теперь он вынужден действовать с оглядкой. Возможно, он и согласился бы с нашими предложениями, но тогда придется порвать с США. Вот Тито и лавирует, пытается наладить дружбу с Советским Союзом и не испортить сложившиеся отношения с Америкой.

Отец всеми силами старался продемонстрировать гостю, где его истинные друзья. Он сопровождал его в поездке по стране, пообещал ознакомить с нашими последними достижениями в военной области. Тем самым отец как бы подчеркивал, что хотя Югославия и не хочет вступать в оборонительный союз, но она все-таки своя. На подмосковном аэродроме в Кубинке Тито и его делегации решили продемонстрировать новые самолеты. До этого их никому не показывали на земле, только в воздухе на

авиационных парадах.

На летном поле выставили всё, чем мы могли похвастать в те годы: 3М (М-4), Ту-16, Ил-28, истребители и даже последнее достижение — стратегический бомбардировщик Ту-95. Я его видел впервые. Красота форм самолета не могла не вызвать восхищения — поджарый фюзеляж на длинных стройных ногах, вращающиеся навстречу друг другу изящные лопасти винтов.

Праздник открылся воздушным парадом. МиГи демонстрировали воздушную акробатику, вертелись каруселью, пролетали над самой землей и затем свечой взмывали в небо. По завершении программы самолеты, не нарушая строя, приземлились тут же на аэродроме. Через несколько минут пилоты представились высокому гостю.

Затем начали обход. Перед каждым самолетом лежали бомбы, снаряды. Подтянутые офицеры давали пояснения. Тито внимательно слушал, задавал вопросы, переводчик ему не требовался. Он присматривался к товару, как купец, явно сравнивал с тем, что ему предлагали американцы. Выбирал. Прикидывал.

Отец неотступно следовал рядом, но в разговор не вмешивался, только улыбался каким-то своим мыслям.

Особенно надолго Тито задержался у Ту-95. Бомбовая нагрузка, дальность полета — все это впечатляло. Но не поражало… И другие страны могли похвастаться подобными достижениями. Дававший пояснения офицер закончил свой доклад, так и не назвав скорость полета. Тито задал вопрос. Офицер замялся, повисла пауза. Тито вопросительно посмотрел на отца: «Если это, конечно, тайна…» — начал Тито. Отец перебил его: «От друзей у нас нет секретов». Он кивнул вытянувшемуся по стойке смирно капитану: «Докладывайте». Тот вобрал в легкие воздух, но не произнес ни слова. Глаза его впились в стоявшего позади отца невысокого, плотного военного, командующего ВВС маршала Жигарева. «Докладывайте», — эхом отозвался он. Только после этого офицер произнес: «Скорость…», но отец перебил его. Он подтолкнул Тито локтем и со смехом произнес: «Дисциплина, я им тут не указ».

Тито в ответ рассмеялся: «И у нас так же. Мы с вами далеко, а командир под боком». Окружающие вежливо зашелестели смешками. Наконец все успокоились. Вспотевший от напряжения капитан смог продолжить рапорт: «Скорость несколько меньше 900 километров в час, — он на секунду снова запнулся, — но больше 850».

Стоявший рядом с Тито югославский министр обороны что-то зашептал на ухо своему шефу. Тито недоверчиво покачал

головой, его не проведешь: у турбовинтовых самолетов скорость не превосходит 650 километров в час.

Офицер молчал. Но тут вмешался отец, недоверие гостя его задело. Призвав в свидетели командующего авиацией, он стал доказывать гостю, что его не обманывают. В ответ на его тираду Тито вежливо кивал головой. Каждый остался при своем мнении.

Вскоре гости покинули нашу страну. Тито и отец распрощались как друзья.

По давней традиции, в день Воздушного флота 18 августа, а вернее в ближайшее к нему воскресенье, в Тушино всегда устраивали грандиозный авиационный праздник. К сожалению, в августе в Москве — то дождь, то солнце. Не раз устроителям приходилось переносить парад на следующий выходной, потом еще на неделю, а порой и вовсе отменять его.

Отец и тут решил все переиначить. День авиации он не тронул, но проведение воздушного парада предложил перенести на июнь. Правда, новый порядок просуществовал недолго. В поисках денег на жилье и другие неотложные нужды отец добрался и до авиационного праздника. Он считал, что расходы на его подготовку, многочисленные тренировочные полеты десятков и сотен самолетов обходятся слишком дорого. Его убеждали, что москвичи привыкли к параду, на Тушинское поле собираются сотни тысяч человек, но отец стоял на своем. «Люди больше обрадуются еще одному жилому кварталу», — парировал он все возражения. В результате в начале 1960-х годов воздушные парады вообще отменили.

В тот, 1956 год, год надежд и духа Женевы, отец предложил пригласить на торжество делегации зарубежных стран, в том числе капиталистических. Позвали в гости и американцев.

Отца поддержали далеко не все. «Конечно, сами высокие гости, — возражали отцу оппоненты, в том числе и министр обороны Жуков, — вряд ли смогут высмотреть секреты, для этого у них не хватит ни знаний, ни навыков, но каждый привезет с собой целую свиту профессиональных и отлично натасканных разведчиков. Они своего не упустят, зафиксируют и разложат по полочкам каждую мелочь. А именно в мелочах и скрыто главное».

С позиций разведки они были, без сомнения, правы. О том же свидетельствуют сами американцы. В Соединенных Штатах в 1988 году в издательстве «Харпер и Роу» вышла книга историка Мишеля Бишлоса «Майский день. Эйзенхауэр, Хрущев и дело У-2». В ней подробно разбирается история эволюции послевоенного воздушного шпионажа США против Советского Союза.

Автор пишет, что генерал Натан Туайнинг, Ле Мэй и девять

других офицеров ВВС из состава делегации США рассматривали свой визит в первую очередь как способ получения информации о реальном состоянии нашей военной авиации.

Президент Эйзенхауэр заглядывал дальше. Он усматривал в приглашении первые шаги к установлению взаимного контроля. В частности, он сказал тогда:

— Если они хотят обмениваться военными делегациями и на самом деле видеть, что в других странах предпринимается в военной области, они должны приглашать наших командиров… Мне очень любопытно узнать, как далеко Советы готовы зайти в своих продвижениях по пути к установлению дружеских отношений.

Отец мыслил очень сходно, но в отличие от президента США, желающего посмотреть, приготовился показать.

— Мы воевать не собираемся. Давайте протянем руку и одновременно продемонстрируем свою силу. Покажем, что мы не просители, а равноправные партнеры, — подчеркивал он.

На воздушном параде в Москве в воскресенье 23 июня, кроме генерала Натана Туайнинга со свитой, присутствовали делегации многих стран, в том числе из всех великих держав: из Китая во главе с генерал-полковником Ло Ялоу, из Великобритании приехал маршал авиации Пайк и другие старшие офицеры Королевских военно-воздушных сил, французскую делегацию возглавлял генерал армии Бани.

Так у нас повелось: к параду в конструкторских бюро спешно готовили новинки, порой перед трибунами представал единственный опытный экземпляр истребителя или бомбардировщика. В том году иностранных специалистов решили удивить не только качеством, но и количеством. Особенно, тяжелых бомбардировщиков. Но их можно было пересчитать по пальцам: десяток 3М (М-4) да три или четыре Ту-95. Негусто. Тогда решили применить хитрость, известную еще с древности.

Степенно проплывавшие над Тушино тройки мясищевских бомбардировщиков, едва исчезнув из глаз, прибавляли газ и, поспешно облетев Москву, вновь появлялись над трибунами. И так раз за разом. Казалось, этот поток никогда не иссякнет. Не знаю, насколько фокус подействовал на американцев, но отец заразительно смеялся, рассказывая вечером об этой проделке.

Пребывание гостей не ограничилось посещением почетной трибуны в Тушино. Они, как и задумывал отец, осмотрели самолеты на земле, а затем разъехались по аэроклубам, авиационным училищам и заводам. Особых секретов им не раскрывали, но русское радушие и гостеприимство демонстрировали в полной мере. 30 июня главнокомандующий

советскими ВВС главный маршал авиации Жигарев в Доме Советской Армии устроил прощальный прием.

Отец сначала не собирался на него, но к вечеру передумал. Очень уж ему хотелось самому убедиться в эффекте, произведенном его затеей. Когда он появился в обширном зале, прием только разгорался, столы ломились от угощений.

В те годы приобщения к мировой цивилизации мы только начинали постигать непростую науку этикета, порой успешно, чаще не очень. В устройстве приемов хозяева не знали удержу, стремились поразить гостей размахом и щедростью, тем более что все оплачивалось не из своего кармана. Иностранцы, отдавая должное напиткам и закускам, посмеивались над русскими. Только после того, как отец заприметил гостей, хозяйственно смахивающих со стола в объемистые сумки целиком тарелки закусок и конфет, он решил прекратить вакханалию. Отец долго жучил протоколистов: на Западе знают счет деньгам, после их приема гости едут домой ужинать, а после нашего — три дня не обедают. Средства, отпускаемые на подобные мероприятия, резко сократили, но предприимчивые чиновники выискивали любые лазейки.

С появлением отца настроение в зале изменилось, присутствующие как бы подтянулись. Отец же вел себя непринужденно, заговаривал то с одними, то с другими, шутил, но от американцев держался на расстоянии.

Когда подошла пора официальных приветствий, он провозгласил тост за президента Эйзенхауэра, за мир и дружбу. Казалось, пора расходиться, но отец все медлил, он ждал удобного момента, ему хотелось поговорить о ракетах. Только они способны поразить заокеанских генералов. Самолетами их не удивишь, хоть целый день кружи в праздничной карусели. Американские самолеты не хуже, а базы их во множестве натыканы сразу за нашим забором. Изменить соотношение сил могли только ракеты. Через полгода, может чуть побольше, предполагалось начать испытания «семерки», но отец не собирался дожидаться первых пусков. Он намеревался ее использовать уже сейчас. Перегнувшись, насколько позволял ему живот, через стол, спросил генерала Туайнинга, не имеет ли тот желания познакомиться с советскими ракетами.

Генерал остолбенел от неожиданности, но, тут же придя в себя, с готовностью кивнул в ответ.

— У нас очень хорошие ракеты, — продолжал отец, — мы их вам покажем, если вы нам покажете свои.

Отец замолчал, ожидая реакции. Но американец не знал, что ответить. Подобного поворота событий в Вашингтоне не

предусматривали.

— Только не сейчас, — не дождавшись реакции, снова заговорил отец. — Пока рановато! Но можно условиться о сроке. И сначала вы покажете нам свои. Не одним же нам раскрывать двери. А пока вы держите свои при себе, а мы останемся при своих. Давайте посоревнуемся.

Отец довольно улыбнулся. Пусть теперь гости поломают голову, поспорят. А там последует и подтверждение его слов, залетает «семерка».

Отец ожидал вопросов, рассчитывал продолжить разговор, но генерал Туайнинг не отозвался. Отец немного обиделся. Невнимание со стороны гостя его задело.

Вернувшись домой, отец посетовал на высокомерие американцев, сказал, что они кичатся своей недосягаемостью.

— Но это не надолго, — улыбнулся он. Оптимист по натуре, отец имел в виду не только королёвскую ракету, но вообще преимущества нашей социалистической системы. — Пройдет немного времени, и мы заговорим на равных.

Через несколько дней он подтвердил свою заявку. Выступая в Москве, сказал, что наша страна обладает возможностью запустить ракету на 8 тысяч километров. Его официальное заявление только усилило желание американцев узнать, что же там скрывается за «железным занавесом».

На следующий день после приема делегации разъехались по домам. Хитрость отца с бомбардировщиками удалась лишь отчасти. Американские специалисты достаточно высоко оценили технические характеристики наших самолетов, но в советском бомбардировочном флоте достойного противника не увидели.

Что же касается возможности взаимного ознакомления в неопределенном будущем с ракетными и авиационными базами, то в США имелись иные планы.

В Вашингтоне считали, что вполне можно обойтись и без приглашения отца. Современнейший, высотный, недоступный ни авиации, ни зенитной артиллерии, ни ракетам ПВО самолет-разведчик У-2 ждал разрешения на первый полет над территорией Советского Союза. Что касается пушек и самолетов, тут спору нет, а вот утверждение американцев в отношении зенитных ракет можно принять только с оговорками. Лавочкинская 25-я, несшая службу на кольце ПВО вокруг Москвы, обладала, как записано в формуляре, «рабочим потолком в 23–24 километра». Работы по ней завершились еще в 1952 году. Вся беда в том, что самолету требовалось буквально напороться на ракету. Перемещать их с места на место пока на удавалось,

старты жестко привязывались к забетонированным в землю площадкам. К тому же самолет еще следовало вовремя обнаружить. В общем: если, если и если…

У-2 стоял в готовности уже не первый месяц. Полет бы давно состоялся, но приглашение делегации США на авиационный праздник сдвинуло планы на июль. Генерал Туайнинг все знал и, возможно, поэтому отнесся к предложению отца несколько высокомерно. Слова отца расценил как хвастовство и именно так донес их до президента Эйзенхауэра. Протянутая отцом рука повисла в пустоте.

Попытки разведать нашу территорию американцы предпринимали постоянно. На эти цели тратились миллиарды, а методы работы не всегда отличались щепетильностью. Они определялись уверенностью, что территория США, защищенная двумя океанами, находится вне досягаемости. Разве что аккредитованный журналист или дипломат с немалыми звездами на упрятанных под цивильным пиджаком погонах выведает какую-нибудь нью-йоркскую или вашингтонскую сплетню.

Американцы просто не сомневались в своем праве быть в курсе наших дел. Все началось сразу после войны с постоянных полетов разведывательных самолетов вдоль наших прибрежных границ. Они страшно раздражали Сталина, но пока ничего противозаконного американские летчики не совершали. Ничего нельзя было поделать — море открыто для всех. ПВО внимательно отслеживала курс американских самолетов. Стоило пересечь невидимую линию границы, как… в очередном ТАСС-ском протесте сообщалось, что после принятия необходимых мер «самолет удалился в сторону моря». Все понимали, что это двусмысленное выражение означает падение обломков в воду. Опасная игра продолжалась не один год. К ней привыкли обе стороны.

В конце 1940-х годов умами американцев овладела новая идея. В те годы исследования атмосферы заметно продвинулись вперед. Ученые выяснили, что на больших высотах ветры дуют устойчиво с запада на восток. Вновь открытый природный феномен тут же решили приспособить к делу. На бумаге все выглядело до смешного просто: стоит где-то в Европе запустить воздушный шар, и он начнет свое путешествие. Пролетев над Советским Союзом, шар опустится в Японии или другом близлежащем районе. Под аэростаты подвесили фотоаппараты, магнитофоны для записи радиосигналов, приборы для взятия проб воздуха и другие столь же хитроумные устройства. Воздушные шары поплыли над нашей страной. Через заданные промежутки времени срабатывали затворы камер, открывались и

закрывались горловины датчиков, переключались диапазоны приемников радиоизлучений. Далеко не все посланцы добирались до места назначения. Прохудившиеся баллоны теряли высоту и приземлялись, одни в тайге, другие в поле. Газеты то и дело объявляли о таинственных находках лесников или трактористов. На их поиски энтузиасты стали отправляться в лес, как по грибы. Часть шаров сбивали самолеты-перехватчики. Но все это — капля в море.

В начале операции Москва реагировала чрезвычайно резко. Что только не предпринималось! Добытую аппаратуру демонстрировали на специальных выставках. Устраивали пресс-конференции. В страны, как-то связанные с запуском шаров, направляли ноты протеста. Апеллировали к проблеме обеспечения безопасности полетов гражданской авиации. Ведь столкновение с увесистым грузом аэростата привело бы к неминуемой гибели самолета и всех в нем находившихся пассажиров. Все впустую.

С течением времени запуски из скандала превратились в рутину. Шары продолжали летать над нашей страной. Мы то протестовали, то замолкали. Американцы запускали их то больше, то меньше. Очередной пик пришелся на начало 1956 года, дни работы XX съезда.

Свою «любознательность» в США оправдывали синдромом Перл-Харбора, реакцией на неожиданное нападение японцев на флот США 7 декабря 1941 года. Можно привести и иные аргументы, давно известно: сила есть, за оправданиями дело не станет.

Отец не придавал особого значения полетам этих баллонов. В его глазах они выглядели дорогостоящим развлечением. Куда занесет ветер дрейфующую гирлянду? Где сработают затворы фотоаппаратов? Что они снимут? Тайгу? Болота? Облака? Или аэродром? Даже фотографии военных объектов в глазах отца значили немного. Подобная информация важна перед войной, когда выбирают цели для удара, а в мирное время?… В близость войны отец не верил.

Однако рассуждения рассуждениями, а нарушения границ больно били по нашему национальному самолюбию.

И по ту сторону океана нервничали. Правда, по другому поводу. Получаемая отрывочная информация никак не оправдывала произведенных затрат. А американская разведка не сомневалась в своем праве «следить через замочную скважину, — повторю любимое выражение отца, — за тем, что происходит в спальне у соседа».

Начиная с 1954 года в США развернулись работы по

созданию высотного самолета-разведчика, недоступного никаким средствам противовоздушной обороны. Конструктор самолетов «Локхид» Келли Джонсон предложил вариант. К работам приступили на свой страх и риск, директор ЦРУ Аллен Даллес нашел предложения заслуживающими внимания и подпитывал изыскания из секретных фондов.

В феврале 1955 года опытный образец самолета был готов. Его окрестили У-2.

Однако использовать разведчика по назначению пока побаивались. Пролет вблизи границ, в крайнем случае, пересечение ее всегда можно объяснить навигационной ошибкой. У-2 предназначался для длительных полетов над чужой территорией, запаса горючего ему хватало на десять часов. Об ошибках в определении своего местонахождения говорить не придется. Война, конечно, из-за подобного инцидента не начнется, но скандал мог разразиться грандиозный.

Возникла идея привязаться к проблеме разоружения. В мае 1955 года стороны согласились, что никакое соглашение, связанное с сокращением вооружения, невозможно без эффективного контроля за его осуществлением. Я уже упоминал, что на этом месте запнулись на долгие годы. Сама мысль о допуске иностранцев на секретные объекты нашим генералам казалась чудовищной.

Даже отец не позволял себе заходить так далеко. Он понимал, что контроль необходим. Но как осуществить его, не нарушая военных тайн?

Более всего отец боялся, что с помощью инспекций американцы удостоверятся, насколько мы слабее, и это может подтолкнуть их к нанесению упреждающего удара. Предложения разбомбить нашу страну, пока она еще не набрала сил, не раз звучали со страниц американской печати, о соответствующих планах Пентагона сообщала разведка. Отец считал, что с инспекциями следует повременить до того времени, когда возможности взаимного разрушения если и не сравняются, то станут взаимно неприемлемыми.

Однако ожидание не входило в планы американцев.

Сотрудник ЦРУ Макс Милликан предложил в качестве одного из методов контроля план «открытого неба». В соответствии с ним обе стороны могли летать над территорией соседа и фотографировать если и не все, что вздумается, то многое из того, о чем сегодня нельзя и подумать. План, казалось, предоставлял равные возможности, оставалось неясным одно, как мы долетим до США и как сможем использовать полученную информацию. Американцы хорошо понимали неадекватность

своего предложения, их устраивали оба варианта ответа: если русские принимали план, президент Дуайт Эйзенхауэр освобождался от необходимости отдавать приказ У-2 нарушить советские границы, если они отказывались, нелегальный перелет границ выглядел более обоснованным.

План «открытого неба» включили в качестве одного из основных предложений в пакет, который президент взял с собой в Женеву в июле 1955 года. Его решили выложить на стол переговоров не в первый день, сначала хотелось получше познакомиться, примериться друг к другу. Отношения складывались благоприятно, политические разногласия уговорились не выносить за двери зала заседаний. Эйзенхауэр предложил в перерывах всей компанией посещать бар, чтобы снять, как он говорил, неприятный осадок.

В четверг 19 июля на дневном заседании, как всегда по бумажке, президент изложил свои предложения. Склонный к компромиссам Булганин не высказал возражений. Из его слов следовало, что американский план обладает «определенными достоинствами» и пригоден «для дальнейшего изучения». Отец едва сдержался. На заседании он ничего не мог поделать, не затевать же при всех спор с собственным премьер-министром.

Отец решил воспользоваться непринужденной обстановкой, установившейся в баре. Во время коктейля он отыскал президента. Они нередко обменивались шутками. Накануне, в среду, Эйзенхауэр представил ему Дэвида Рокфеллера. Отец со смехом облапил его, восхищаясь тем, что миллиардер выглядит как все люди, а одет даже скромнее других присутствующих. И американцы, и русские всласть посмеялись.

Сегодня отец тоже начал с шутки: «Вы, американцы, считаете, что у нас в советском руководстве нет демократии, все повторяют одно и то же. На самом деле мы далеко не всегда согласны друг с другом, бывает, и спорим». Дальше он принял серьезный тон: «Я не могу согласиться со своим другом Булганиным, хотя он и Председатель Совета министров. Ваше предложение — это узаконенный шпионаж. Не столь важно, чем вы руководствовались, но зачем вы пытаетесь нас одурачить? Такой план очень выгоден для вас, американские военно-воздушные силы получат всю необходимую информацию, а мы — ничего».

Эйзенхауэр попытался переубедить отца, но тот остался непреклонен: шпионить у себя дома мы не позволим никому. Создалась щекотливая ситуация: глава делегации признал план заслуживающим внимания, а отец отвергает его. Поэтому, убедившись, что президент понял серьезность высказанных им слов, отец не стал спорить, когда Эйзенхауэр на прощание

попросил «не выкидывать идею за окошко».

Из Женевы отец привез подаренную Эйзенхауэром красочную, выполненную в желтых тонах брошюру, рекламирующую «открытое небо». Дома он дал мне ее проглядеть, сопроводив словами восхищения достижениями современной техники. Действительно, фотографии впечатляли. На сделанном с десятикилометровой высоты снимке сначала проглядывал общий план города, на следующем уже различались дома, затем автомобили. Завершалось все мутноватой фигуркой человека, расположившегося в шезлонге во дворе своего дома с газетой в руках.

Возможности заокеанской фототехники еще более убедили отца, что допускать в наше небо американские самолеты нельзя. До конца года тянули время, а 25 ноября 1955 года Председатель Совета министров Булганин в своем послании президенту США Эйзенхауэру отверг план «открытого неба» как неприемлемый, нарушающий суверенные права Советского Союза.

Если не открывают дверь, можно попытаться пробраться через окно.

Вообще весна 1956 года оказалась богатой на сюрпризы. В день отплытия делегации из Калининграда в Портсмут в Берлине открыли подкоп. Американцы из своей зоны прорыли тоннель к кабелям военной связи советских оккупационных войск и в течение длительного времени подслушивали наши разговоры. Правда, под контролем: КГБ через свою агентуру в Англии знал об этой затее с самого начала. Эта игра продолжалась довольно долго. Но все имеет конец. При очередной проверке кабелей «обнаружили» не зафиксированное на чертежах ответвление. Стали разбираться подробнее, установили место подключения: ближайшая точка к Западному Берлину. Наши планировали захватить американцев с поличным, но в последний момент операция сорвалась. Дежурившие в тоннеле агенты, почуяв неладное, успели убраться восвояси. Группа захвата обнаружила только впопыхах брошенную горячую кофеварку.

Приняв решение о полете У-2 над территорией Советского Союза, президент Эйзенхауэр переводил шпионаж на новый уровень. Отныне эти акции становились заботой не только и не столько ЦРУ и КГБ, созданных для противостояния друг другу, но политического руководства двух стран. Любая ошибка — и сдавшие нервы могли подвести обе страны к опасной грани.

В Вашингтоне, правда, рассчитывали, что никакого скандала, а тем более конфронтации не случится, самолет пролетит над территорией Советского Союза незримым, как призрак. Рассуждали американцы как всегда незатейливо. По их мнению,

русские не были способны совершить прорыв в области радиолокации, максимум, что им удалось за послевоенные годы — несколько усовершенствовать американские и английские радары, поставлявшиеся союзниками во время войны. А они принципиально не позволяли обнаруживать цели на высотах выше пятнадцати километров. Удивительно, но на этом строилась вся концепция использования У-2 в советском воздушном пространстве. Откуда дошла до меня подобная информация? В августе 1995 года меня, как ветерана советской космической разведки, пригласили посетить расположенную в американском штате Массачусетс небольшую и до последнего времени строго засекреченную фирму «Айтек», производившую и производящую фотоаппараты для самолетов и спутников-разведчиков. Там собрали конференцию, посвященную достижениям американцев в этой области, — прошло 40 лет, и давние секреты лишились своего грифа. На конференции я разговорился с одним из зачинателей американской авиа-фоторазведки отставным полковником Диком Легхорном, который, рассказав мне эту историю, посетовал, как опасно недооценивать технические возможности противника.

Из-за склонности к внешним эффектам или по каким-то иным причинам первый полет У-2 американцы приурочили к своему национальному празднику, 180-й годовщине образования Соединенных Штатов Америки. Посол США в Москве Чарльз Болен в принципе знал о проекте, но не подозревал, что первый полет совпадает с моментом, когда Хрущев, как гость посольства на приеме по случаю праздника, поднимет тост за здоровье президента США Дуайта Эйзенхауэра.

Это, конечно, образно говоря: самолет пересек советскую границу рано утром. Отцу о происшедшем доложили немедленно, но он не стал пороть горячку. Мало ли что случается. Надо разобраться, взвесить, а уж тогда действовать. Поэтому он, как и Болен, не подавал на приеме вида, шутил, разговаривал, хотя на сердце скребли кошки.

Дух Женевы, казалось, позволял надеяться на постепенный, отец не питал иллюзий, переход от вооруженного противостояния пусть не к сотрудничеству, но к мирному сосуществованию. Поэтому столь демонстративное нарушение международных правил приличия поразило отца. Он не раз говорил, что бы почувствовал президент США, заслуженный генерал, прослывший человеком чести, Дуайт Эйзенхауэр, если бы мы послали свои самолеты на Вашингтон или Нью-Йорк.

— Это была бы война, — в запале восклицал отец.

В его глазах этот полет — оскорбление национальной

гордости нашего народа, демонстративное нежелание американцев считаться с нашим суверенитетом. Сейчас, казалось, вежливый, улыбчивый Эйзенхауэр продемонстрировал свое истинное отношение к партнеру по переговорам. Отец жаждал отмщения.

Полеты У-2, а особенно первый полет, вызвали не просто шок в советском руководстве. Они оказали заметное влияние на политику последующих лет. У отца они обострили кризис доверия к партнеру, подтвердили, что с империалистами, с Соединенными Штатами договариваться бесполезно, они понимают только силу. Не прошло и недели, как он предложил генералу Туайнингу договориться о совместных инспекциях ракетных и авиационных баз. И на тебе…

Летал ли в тот день У-2 над Москвой, долго оставалось для меня загадкой. Но, если летал, ему пришлось преодолеть кольцо ПВО, вернее, проскочить незамеченным. Иначе выстроенные частоколом вокруг столицы зенитные ракеты конструкции Семена Лавочкина, 25-е, с высотой поражения 24 километра достали бы нарушителя. Что произошло? Прозевали? Или У-2 пробрался между двумя позициями на предельной высоте? Когда я задал вопросы отцу, он, обычно словоохотливый, на этот раз как воды в рот набрал. Только неохотно подтвердил, что самолет действительно летал над нашей территорией, а где — сейчас уточняется. Самолеты-перехватчики достать его не смогли. Отец досадливо крякнул: «Слишком высоко забрался американец, или кто там еще». На самом деле, никто у нас не имел понятия о государственной принадлежности самолета-нарушителя. Но кто, кроме американцев, мог решиться на такое?

Предвосхищая возможное продолжение разговора, отец сказал, что ничего не поделаешь, сил нет дать обидчику по морде, придется потерпеть.

«Надо постараться создать средства ПВО, способные подниматься на такие высоты — а пока…» — он, не закончив фразы, замолк.

Офицеры, ныне ставшие генералами, участники событий тех лет в один голос утверждают: полет над Москвой — выдумка. Нарушитель действительно летел по направлению к столице, уже объявили на кольце ПВО боевую тревогу, расчеты заняли свои места, но он не решился, отвернул. В районе Смоленска его в последний раз попытались достать МиГи-19, эти самолеты воплощали в себе последние наши достижения. Их и сделали-то пока всего несколько штук к недавнему параду. Теперь им предстояло продемонстрировать свои возможности. Но и они ничего не добились, такая высота им оказалась не по крылу.

Нарушитель ушел.

Американцы же говорят, что, используя эффект внезапности, пролетели над Москвой 4 июля 1956 года, другие утверждают, что летали над Москвой, но не в первый раз, а в пятый.

Один из создателей системы радионаведения для установленных вокруг Москвы зенитных ракет Григорий Васильевич Кисунько считает, что нарушителя радиолокаторы вели только в приграничье, а затем потеряли. Куда делся таинственный самолет — оставалось гадать. Только через несколько часов сигнал воздушной цели вновь обнаружился на экране радиолокатора Московского кольца ПВО, но какой-то рваный. Самолет шел на верхней грани видимости. Дежурный капитан доложил о нем по команде, но, пока он связывался с начальством, цель вышла из зоны действия станции обнаружения. Может быть, дежурному бы вообще не поверили, но, согласно инструкции, экран радиолокатора сфотографировали. Проявленный снимок свидетельствовал: нарушитель был, и его «проморгали».

Когда главнокомандующий ПВО страны докладывал отцу о неприятном происшествии, выяснилось, что ракетная система С-25 пока находится не на боевом дежурстве, военные ее приняли в так называемую опытную эксплуатацию. Другими словами, ракеты на стартовых позициях стояли незаправленными, с болванками вместо боевых частей. Американскому пилоту повезло. Так же, как спустя тридцать лет повезло немецкому мальчишке — воздушному хулигану Матиасу Русту, не только долетевшему без помех до Москвы, но и посадившему свой самолетик в самом центре столицы, на Васильевском спуске Красной площади, у подножия храма Василия Блаженного.[17] Если бы не разгильдяйство, если бы на самом деле объявили тревогу на всей Европейской части страны, то с большой долей вероятности полеты У-2 над Советским Союзом завершились бы еще в 1956 году. Если бы…

Отец возмутился, не стал слушать оправданий маршала, объяснений, что опытная эксплуатация вызвана не до конца решенными проблемами помехозащищенности, приказал прекратить межведомственную тяжбу и привести ракеты в готовность к поражению цели. Но цель так и не появилась.

Наверное, Кисунько наконец рассказал правду. В отличие от военных, ему нечего беспокоиться о чести мундира, более того, его локатор цель обнаружил.[18]

Больше американцы над Москвой летать не отваживались, так же как и над Ленинградом, куда во время того злосчастного первого полета У-2 завернул по дороге домой.

Видимо, расшифровав сделанные фотографии, в ЦРУ по достоинству оценили боевые возможности кольца ПВО Москвы и такого же, пока еще строящегося, вокруг Ленинграда и решили не рисковать.

Мне же из всего связанного с тем полетом У-2 больше всего запомнилось, с какой неохотой согласился отец на вручение правительству США ноты протеста. Все его уязвленное самолюбие противилось этому, на его взгляд, унизительному акту. Он считал, что подобное не могло произойти случайно, американцы сейчас хихикают над нашим бессилием. Наша нота только добавит им радости. С другой стороны, он понимал, что сделать вид, что ничего не произошло, тоже невозможно.

Еще не успели высохнуть чернила, ноту даже не вручили послу США, как полет повторился. На следующий день.

Пришлось переписывать протест, дополнять его новыми подробностями. Вручили ноту только 10 июля. В ней, в частности, говорилось: «Согласно точно установленным данным, 4 июля с. г. в 8 часов 18 минут по московскому времени двухмоторный средний бомбардировщик ВВС США появился со стороны американской зоны оккупации Западной Германии, пролетел через территорию Германской Демократической Республики и в 9 часов 35 минут вторгся со стороны Польской Народной Республики в воздушное пространство Советского Союза в районе Гродно. Самолет, нарушивший воздушное пространство Советского Союза, пролетел по маршруту Минск, Вильнюс, Каунас и Калининград, углубившись на территорию СССР до 320 км и пробыв над ней 1 час 32 минуты.

5 июля с. г. в 7 часов 41 минуту по московскому времени двухмоторный средний бомбардировщик ВВС США появился… и в 8 часов 54 минуты вторгся со стороны Польской Народной Республики в воздушное пространство Советского Союза в районе Бреста. Самолет — нарушитель воздушной границы СССР пролетел по маршруту Брест, Минск, Барановичи, Каунас и Калининград, углубившись на территорию Советского Союза на 150 км и пробыв над ней 1 час 20 минут. В тот же день другой двухмоторный бомбардировщик ВВС США вторгся в воздушное пространство СССР и значительно углубился на территорию Советского Союза. 9 июля с. г. имели место новые залеты самолетов США в воздушное пространство СССР…»

Далее следовали серьезные предупреждения. Именно из-за них и портилось настроение у отца. Ему виделись улыбочки на лицах чиновников, читающих эти слова и знающих наверняка, что ничего поделать мы не можем.

Ни слова о Москве и Ленинграде. Признаться еще и в том,

что самолет врага пролетел над обеими столицами?!

12 июля советское правительство подало протест по поводу нарушения суверенитета в Совет Безопасности ООН. Президент Эйзенхауэр обеспокоился возросшей активностью ЦРУ. Создается впечатление, что ему не очень по душе пришлись эти полеты. Тем более, что невидимки-призрака из У-2 не получилось. Он вызвал к себе Даллеса и запретил впредь летать над территорией Советского Союза без его личного разрешения.

Давал свое добро на очередной полет американский президент крайне неохотно, но то и дело уступал давлению. Казалось, ЦРУ не может жить без новых фотографий, сделанных во внутренних областях СССР.

В ноябре 1957 года Эйзенхауэр разрешил очередной полет. В те дни он ничем не отличался от предыдущих и последующих. Значимость он приобретет лишь в будущем. На сей раз в свой первый шпионский рейс отправлялся Фрэнсис Гарри Пауэрс. Представлять его нет необходимости. Маршрут пролегал над советскими аэродромами стратегической авиации, над секретным полигоном в Капустином Яру, а затем, сделав круг над Украиной, ему предстояло вернуться домой. Полет произошел без происшествий, только над Киевом самолет обстреляла зенитная артиллерия, безрезультатно. Снаряды со взрывателями, поставленными на максимальную высоту, рвались далеко внизу.

Об этой канонаде, напомнившей о недавней войне, потом много судачили в Киеве. Постепенно обрастая новыми невероятными подробностями, слухи, как круги на воде, расходились все шире и шире по стране. Когда отцу доложили о происшедшем, он строго запретил открывать бесполезный зенитный огонь.

— Чтобы не позориться и не поднимать панику, — мрачно пояснил он.

Тем временем предпринималось все возможное, чтобы сбить наглеца. Это стало делом чести для отца.

Сразу после конфуза, происшедшего 4 июля 1956 года, отец собрал всех, кто мог что-либо сделать: Микояна, Грушина, Туполева, Сухого, других конструкторов самолетов-истребителей и зенитных ракет. На совещании стоял один вопрос: как бороться с этой напастью. Все эти годы твердили о неприступности наших границ — и на тебе! Летают как хотят, где хотят и когда хотят! Отца волновало в первую очередь, может или не может самолет-нарушитель нести атомную бомбу. Если да, мы оказываемся практически беззащитны. Наличие на борту нарушителя ядерного оружия специалисты отвергли категорически. Туполев пояснил, что, хотя он не видел силуэта самолета и не имеет никаких

данных, за исключением высоты полета, скорости и в какой-то степени продолжительности, можно сделать заключение, что мы столкнулись с конструкцией, сделанной на пределе возможностей. Там идет экономия на граммы, за самый небольшой перевес приходится дорого платить, в первую очередь высотой. Так что говорить о какой-либо значительной полезной нагрузке не приходится. По его мнению, самолет должен напоминать его довоенный моноплан АНТ-25, сделанный специально для установления рекорда беспосадочного полета. Именно на нем в 30-е годы совершили сенсационный перелет через Северный полюс в Америку. Тогда самолету понадобились очень длинные крылья, чтобы держаться в воздухе на манер планера, опираясь на воздух.

В технике все взаимосвязано, чудес не бывает, американец должен смахивать на стрекозу: очень узкий фюзеляж и длинные тонкие крылья. Из полезной нагрузки он максимум сможет поднять фотоаппарат, и то небольшой. Туполев считал, что военные ошиблись и в другом — самолет не двухмоторный, второй двигатель — непростительная роскошь, лишний вес. У него только один мотор, утверждал Андрей Николаевич. Когда мы увидели живой У-2, он оказался один в один схож с портретом, нарисованным гениальным конструктором.

Вся наша система противовоздушной обороны строилась в расчете на серийные бомбардировщики, обладающие околозвуковой скоростью и высотой полета 10–12 километров. Исходя из этого проектировались самолеты-перехватчики и зенитные ракеты. Теперь ориентиры менялись, вернее, к старым добавлялись новые. Конструкторы перехватчиков Артем Иванович Микоян и Павел Осипович Сухой смотрели на поставленную задачу оптимистично, решить ее можно. Правда, потребуется время: три-четыре года напряженной работы. Двигателисты подтвердили их прогнозы — мотор сделаем.

Отца это не устраивало. Терпеть позор четыре года! Он просил подумать, нельзя ли найти какие-нибудь решения побыстрей.

Через несколько недель Микоян пришел с предложением попытаться добраться до цели с помощью акробатического трюка — разогнать самолет елико возможно, а потом ринуться вверх, насколько хватит накопленной энергии. В авиации такой маневр назывался выходом на динамический потолок, ничего особенного. А вот вести бой с его помощью никто и не пытался. Тут требовалось даже не мастерство — везение, в стратосфере истребитель почти неуправляем. В бескрайнем небе должны встретиться две песчинки. Вероятность успеха, ведь попытка

могла быть только одна, оценивалась невысоко.

Энтузиастом головокружительного маневра, боя в пустоте, где крылья уже почти не держат самолет, стал командующий авиацией ПВО маршал Евгений Яковлевич Савицкий. Лихой летчик-истребитель, прославившийся своей дерзостью и храбростью во время войны, сам уверовал в успех фантастической затеи и убеждал в ее осуществимости отца.

Отец ухватился за соломинку. Наметили программу доработки истребителя, лучшие летчики приступили к тренировкам. Несколько раз попытались подпрыгнуть, но результатов не добились… Пилоты У-2, видимо, и не догадывались об акробатических трюках, совершаемых там внизу. Отработанную методу использовали для установления рекордов высоты. Их шумно рекламировали, где-то в душе надеясь испугать наглых американцев.

В тот день на совещании наиболее уверенно держался генеральный конструктор зенитных ракет Грушин. В его конструкторском бюро имелись проработки, позволявшие в короткие сроки создать подвижной ракетный комплект, работающий на такой высоте. Правда, возникало затруднение: чем больше высота полета, тем уже радиус поражения, тем точнее нарушитель должен выйти на охотника. Тут все зависело от везения.

Полет У-2 много навредил, многое испортил и главное, поставил под вопрос надежды на скорые и эффективные переговоры о разоружении, серьезно подорвал зарождавшееся доверие к партнеру. Духу Женевы удалось продержаться всего год. Снова возродилось взаимное недоверие. Ударили «заморозки».

Глава третья
Испытание

После XX съезда КПСС сталинская тема постепенно исчезала из прессы. А еще совсем недавно, 5 марта и 21 декабря, во всех газетах появлялись за академическими подписями подвалы о вожде. Теперь вокруг имени Сталина установилось зловещее молчание, но силы, разбуженные съездом, начали свою работу.

Прорвалось в Грузии. Хотя грузины пострадали от сталинских репрессий не меньше других, доклад отца они восприняли как личное оскорбление. Недовольство выплеснулось на улицы 5 марта. Поводом послужило глухое молчание в день смерти вождя. Первыми отреагировали студенты. Они решили исправить «упущение» властей. Демонстрация с цветами направилась к монументу Сталина в центре Тбилиси. В ответ на панический звонок местных властей отец посоветовал не торопиться, сохранять спокойствие. Он надеялся, что студенты, как он говорил, «побузят и успокоятся». Не успокоились. Демонстрации продолжались и на следующий день. Не встречая сопротивления, они постепенно набирали силу. 8 марта у здания ЦК Грузии собралось уже около десяти тысяч человек. Они потребовали вывесить в городе флаги и портреты Сталина, опубликовать в газетах соответствующие траурной дате статьи. Отец снова решил уступить, но это только подлило масла в огонь. 9 марта толпа возросла до восьмидесяти тысяч человек. Начался митинг. Выступавшие требовали пересмотреть решения съезда, вернуть на пьедестал Сталина, а один из них — Кипиани — пошел еще дальше: предложил реабилитировать Берию и сместить Хрущева. Раздались голоса, призывавшие к выходу Грузии из СССР. Митингу никто не противодействовал.

Часть демонстрантов, разогревшись, направилась к Дому связи, где размещался радиоцентр, чтобы передать свои призывы по радио.

На радиостанцию митингующих не пустили, ее охранял усиленный наряд КГБ. Когда толпа начала бросать камни, пошла на приступ, раздались выстрелы. Семь человек убили, пятнадцать ранили. Штурм прекратился.

Оставшиеся на площади двинулись на железнодорожный вокзал. Там они забросали камнями отправлявшийся в Москву экспресс, разбили стекла в вагонах, выкрикивали: «Русские собаки…»

Когда отцу доложили о происшедшей трагедии, он понял, что

без применения силы не обойтись. В город направили танки, за ними следовала мотопехота и конвойные войска Министерства внутренних дел. При наведении порядка погибло еще два человека, КГБ арестовал тридцать восемь наиболее активных, как писал в своем донесении Серов, зачинщиков беспорядка. Двадцать человек из них судили: кого за хулиганство, кого за участие в массовых беспорядках и за разжигание межнациональной розни. Приговоры звучали не по-сталински мягко. Максимальный срок лишения свободы на 10 лет получил Кипиани.

Естественно, в те дни я ничего этого не знал, до меня доходили лишь отзвуки разыгравшейся трагедии. Когда я пристал к отцу с расспросами, он нехотя подтвердил: «Студенты в Тбилиси устроили волынку, напали на поезд, побили стекла». Вытащив из папки присланные Серовым фотографии, он показал их мне. Запомнились зияющие выбитыми окнами вагоны пришедшего вчера в Москву поезда. Обсуждать происшедшее отец не захотел, сказал лишь, что такие потрясения легко не проходят, надо проявить выдержку и стойкость, не позволить разгуляться страстям. В Грузии, он считал, со временем все придет в норму. В этом он очень рассчитывал на вновь назначенного первого секретаря местного ЦК Василия Павловича Мжаванадзе — вчерашнего генерала-политработника. Отец его хорошо знал по фронту, считал, что он только по фамилии грузин, а потому не заражен национализмом.

Кроме того, решили на один из московских постов, не решающий, но заметный, назначить грузина. Выбор пал на Президиум Верховного Совета, его секретарем вместо Горкина назначили Михаила Порфирьевича Георгадзе, работавшего заместителем Председателя правительства Грузии, правда не сразу, чуть погодя, чтобы не выглядело это как вынужденная уступка.

Доклад отца привел в движение силы не только в Советском Союзе. Но если Запад воспринял доклад лишь как сенсационную новость, то в странах народной демократии слова, сказанные о преступлениях тирана, значили не меньше, чем у нас. Там тоже в свое время прошли грязные процессы по образцу московских 1937-го, в результате которых одни, как, например, Ласло Райк и Рудольф Сланский, погибли, другие, как Владислав Гомулка и Янош Кадар, угодили в тюрьму. На их место пришли палачи, обвинявшие своих недавних товарищей в смертных грехах. В каждой стране перемены происходили по-своему: в одних напряжение разряжалось разоблачительными речами и относительно мирной сменой скомпрометировавших себя

руководителей, в других зрели серьезные кризисы.

Отец внимательно следил за развитием событий. Наибольшую тревогу у него вызывали Польша и Венгрия. После смерти Берута положение в Польше становилось все нестабильнее.

Со Сталиным поляки связывали немало горьких воспоминаний. Это и пакт Риббентропа — Молотова, подписанный в преддверии нападения на Польшу, и могилы Катыни, и разгром Польской коммунистической партии, руководители которой погибли в советских застенках. О Катыни я впервые услышал в те годы.

Меня поразила чудовищность выдвинутых обвинений, и, конечно, я в них не поверил… Однако вскоре убедился в их истинности.

Мне довелось услышать подтверждение столь яростно отвергаемых обвинений из авторитетного источника, от генерала Серова.

При отце он запретной темы не касался, а тут как-то заехал в его отсутствие по какому-то делу.

Катынь волновала в те дни всех. Аджубей, я уж не помню в связи с чем, спросил генерала, как же это они недосмотрели?

Иван Александрович отреагировал на вопрос зло, я бы сказал, даже болезненно. Он стал говорить какие-то колкости в адрес белорусских чекистов, допустивших непростительный, с его точки зрения, прокол.

— С такой малостью справиться не смогли, — в сердцах проговорился Серов, — у меня на Украине их куда больше было. А комар носа не подточил, никто и следа не нашел…

Он осекся и заговорил о чем-то ином. Сколько Алексей Иванович ни пытался вернуть его к страшной теме, генерал отмалчивался.

Услышанное не укладывалось в моей голове. «Значит, это правда…» — стучало в висках.

Отца я расспрашивать не стал, случайно приоткрывшаяся мне тайна показалась настолько страшной, что инстинктивно я боялся к ней прикоснуться.

Вся эта информация, годами находившаяся под запретом, вышла наружу и тяжелым грузом легла на отношения между нашими странами.

В последней декаде марта в Варшаве собрался пленум ЦК, на нем намеревались выбрать новое руководство партии, наметить вехи на будущее.

Отец пишет: «После XX съезда стали набегать тучки в Польше. За Польшей потянулась Венгрия. После смерти Берута я

как уполномоченный Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза ездил в Варшаву, когда там проходил пленум ЦК.

Сам я на этом пленуме не присутствовал, чтобы не обвиняли Советский Союз в том, что он вмешивается во внутренние дела Польской объединенной рабочей партии. Заседания проходили очень бурно, на них члены ЦК выражали недовольство Советским Союзом. Мне об этом рассказывали наиболее близкие люди из состава Центрального комитета ПОРП.[19] Это нам не приносило радости, но мы считали, что проявление демократии — факт положительный. Через некоторое время там наросли события, которые стали нас очень беспокоить.

На пленуме… Первым секретарем Польской объединенной рабочей партии выбрали товарища Охаба». О нем отец отзывался как о честном человеке, но слабом, не способном на кардинальные изменения, политике. А без них, теперь казалось, не обойтись.

Тогда же, 21 марта 1956 года, Председателем Государственного совета стал Александр Завадский, а Председателем Совета министров — Юзеф Циранкевич.

«…С Охабом у нас были очень хорошие личные отношения. Я с уважением к нему относился, и по своим внешним данным он его заслуживал. Это был старый коммунист, прошедший школу польской тюрьмы. Сам, кажется, из рабочих. Поначалу мы считали, что этот человек достоин доверия.

После избрания его Первым секретарем мы с ним беседовали, и в этой беседе я поставил вопрос: "Почему у вас сидит в тюрьме Гомулка?[20] Когда я с Берутом об этом говорил, он на мой вопрос ответил, что и сам не знает, за что он сидит и в каких преступлениях обвиняется. Может быть, вы подумаете о его освобождении?"».

Это говорил отец уже после XX съезда. Но те, кто вчера подписывали ордера на аресты, не спешили с переменами. Охаб надеялся, что удастся обойтись косметическим ремонтом. В этом состояла его главная ошибка. Он то ли просто не дорос до своего кресла, то ли слишком опасался за свою судьбу. Недалекое будущее показало — не без оснований.

«…Охаб начал мне доказывать, что это невозможно. А там сидел не один только Гомулка, сидел и Спыхальский, сидел и Лога-Совинский, сидел, по-моему, и Клишко. Много людей сидело. Это меня беспокоило, и я никак не мог понять, почему они содержатся в тюрьме. Я беседовал почти со всеми членами руководства Польской объединенной рабочей партии, и все они доказывали, что… нельзя их выпускать».

Мне запомнились эти дни: и тревожный отъезд в Варшаву, и сумрачное настроение отца по возвращении. Он не мог понять, как могут держать в тюрьме без вины. Ведь чем позже восторжествует справедливость, тем болезненнее для общества пойдет процесс, а для руководства это может просто обернуться трагедией.

Он всеми силами старался вразумить Охаба. К сожалению, безрезультатно. «…Через какое-то время товарищ Охаб с делегацией поехал в Китай…[21] Когда они возвращались из Китая через Москву, я опять беседовал с товарищем Охабом. К этому времени товарищ Гомулка уже был освобожден из тюрьмы. Освободили его только под давлением обстоятельств. Охаб не управлял процессом, начавшимся в Польше, плелся в хвосте… Я спросил товарища Охаба: не возражает ли он против того, чтобы мы пригласили Гомулку приехать к нам в Советский Союз отдохнуть на берегу Черного моря в Крыму или на Кавказе? Там более благоприятные климатические условия для отдыха, чем в Польше. Он мне сказал что-то невразумительное и уехал в Варшаву. Меня это не успокоило, а даже несколько взволновало».

Отец впервые повстречался с Гомулкой в 1944 году, когда Сталин посылал его в Польшу помочь в восстановлении разрушенного городского хозяйства Варшавы. Гомулка и тогда не ладил с руководством республики, стоял как бы в оппозиции. На отца он произвел благоприятное впечатление. Сейчас отец хотел восстановить старое знакомство. Он понимал, что, выйдя из заключения, Гомулка долго в тени не останется. Охаб справедливо видел в Гомулке конкурента, более сильного, чем он сам, руководителя. Потому-то он и тянул с освобождением, а теперь делал все, чтобы не дать ему наладить отношения с отцом. Встреча их состоялась уже в разгар кризиса, при драматических обстоятельствах.

За Польшей потянулась Венгрия…

Я вновь задумался о том, как же писать о бурных событиях второй половины 1956 года. Сейчас произошла серьезная переоценка. Если тогда говорили о контрреволюции в Венгрии, то сегодня речь идет о народном восстании и утерянных возможностях. Тогда считалось, что мы помогаем народу Венгрии побороть своих врагов, сейчас наше вмешательство в кровавые события в Будапеште именуются подавлением общенародного движения. Имре Надь из главы контрреволюции превратился в народного героя.

Я в своих записках решил оставить все, как было тогда.

Итак, о Венгрии. Борьба за власть, за влияние в партии и стране между Матиасом Ракоши и Имре Надем уходила своими

корнями глубоко в прошлое. Отец честно признавался, что сам не разбирался в истоках их противоречий, а к ярлыкам, приклеиваемым Ракоши Имре Надю, относился скептически.

И тот и другой состояли в партии не один десяток лет, немало поработали в Москве в Коминтерне. Истоки их соперничества лежали где-то там. Они оба пользовались доверием у Сталина, и неизвестно, кто большим.

Отец рассказывал, как Ракоши из последних сил противился давлению Сталина в деле разоблачения «врагов» в Венгрии. Хотя никто не снимает с него ответственности за происходившие беззакония — первое лицо отвечает за все, — но истинным вдохновителем и исполнителем злодеяний отец называл Фаркаша. Он считал его венгерским Берией. Не говорят о близости Ракоши к Сталину и другие эпизоды, пусть мелкие. Великий вождь не мог простить Ракоши опрометчивых слов, характеризующих его времяпровождение как пьянство. Отомстил он ему по-своему, по-сталински, напоив до бесчувствия.

После марта 1953 года события в Венгрии развивались неровно. Сначала возвышение Имре Надя в 1953 году, казалось бы его победа, потом сокрушительное поражение в апреле 1955-го. Тогда пленум ЦК Венгерской партии трудящихся под давлением Ракоши отозвал Имре Надя со всех постов, исключил его из Политбюро и Центрального комитета с типичной для тех лет формулировкой: за расхождение его взглядов с точкой зрения ЦК. В кризисный момент после XX съезда позиции Ракоши пошатнулись. Никто не помнил и не хотел помнить, сопротивлялся он или приветствовал шабаш в борьбе с «врагами». Он отвечал за все.

Власть все больше уходила из рук Ракоши. Заключенные выходили из тюрем. Они рассказывали о леденящих душу издевательствах, пытках, которым подвергались и видные коммунисты, такие как Янош Кадар, и далекие от политики и власти люди.

В Будапеште образовались многочисленные группы и группировки, в основном среди интеллигенции, где обсуждали происходившие события, пытались доискаться до истоков, причин, найти виновных. Объединял всех так называемый «Кружок Петефи». Именем революционного поэта, отдавшего Родине талант и жизнь, назвали свое объединение литераторы и просто интеллигенты венгерской столицы. Авторитет «Кружка Петефи» рос не по дням, а по часам. Самыми популярными стали вопросы: кто виноват? и что делать?

Власти оказались неготовыми к подобному повороту событий. Они рассчитывали на старую методу: держать и не

пущать. Попробовали. 7 июля в своем постановлении ЦК ВПТ осудил деятельность «Кружка Петефи». Раньше подобного решения оказывалось достаточно, сейчас же оно вызвало всеобщее возмущение. Ракоши и его приближенных, виновных в злоупотреблениях, в открытую потребовали к ответу.

Честно говорить о своих грехах вообще трудно, во сто крат труднее, если еще вчера ты считался безгрешным. Собравшийся 18 июля в Будапеште пленум ЦК попытался сохранить лицо. Обсудили вопрос дальнейшей демократизации политической жизни, больше всего разговор крутился вокруг выборов. Признали необходимым голосовать не списком, а индивидуально, по округам. Признали ошибки, допущенные в отношении Народного фронта. Зашла речь и о третьем пятилетнем плане, о просчетах, о том, как его попытаться выполнить. И дальше — главное, ради чего, собственно, и собрались: решили освободить товарища Матиаса Ракоши от всех его постов, правда, не за преступления, об этом молчали. Формулировку выбрали нейтральную — сослались на гипертоническую болезнь и преклонный возраст — шестьдесят пять лет. Лишь глухо помянули ошибки, связанные с культом личности. На этом пленуме присутствовал Микоян. Так же незримо, за кулисами, как отец весной в Польше. Свидетели, в частности работавший в посольстве у Андропова Владимир Крючков, утверждают, что в июле Ракоши в Будапеште отсутствовал и на пленуме, естественно, не был. Еще в июне он, «по настоятельному совету Москвы», попросился в шестимесячный отпуск и уехал «отдыхать и лечиться» в Советский Союз.[22] Как оказалось, навсегда.

Поселиться в Москве Ракоши не позволили, предложили Краснодарский край. «Там климат более благоприятен для вас», — пояснили новоявленному беженцу. Отец же объяснил все иначе: он не хотел встречаться со скомпрометировавшим себя политиком, считал, чем меньше он будет мозолить, тем лучше для всех.

На июньском пленуме избрали новое Политбюро, ввели туда людей, пострадавших от Сталина, Ракоши, Фаркаша. Среди них и недавно выпущенного из тюрьмы Яноша Кадара. В качестве замены Ракоши выбрали Эрне Гере. Он устраивал всех. Установился баланс сил: старики не хотели отдавать ускользающую власть, а вновь пришедшие не набрали силы, чтобы взять ее.

Отец, характеризуя Гере, считал, что «ему больше импонировала теоретическая работа политвоспитания масс и политпросвещения. Он наиболее был подготовлен теоретически и по своему складу, по своему характеру тоже… Герэ возглавил

Центральный комитет… но настало такое бурное время, что Гере уже не мог справиться. Его не признали как руководителя…»

Приход к власти такой слабой фигуры во многом предопределил драматическое развитие дальнейших событий. А пока Первый секретарь ЦК Эрне Гере сделал свой первый в новом качестве доклад пленуму. В нем говорилось о «Кружке Петефи». Он вызывал особое беспокойство. Его рассматривали, и справедливо, как некий центр притяжения, противостоящий ЦК. О «Кружке Петефи» тогда говорили все, одни с надеждой, другие со страхом и злобой. Его появление свидетельствовало о рождении новых сил и новых взаимоотношений. Мысли, высказываемые на собраниях кружка, звучали крамолой. С большим опасением к его деятельности относился наш посол в Будапеште Юрий Владимирович Андропов, вторили ему и в отделах ЦК КПСС.

И отец солидаризировался с ними, но считал, что запретами многого не добьешься: венгерский ЦК должен перехватить инициативу, сам возглавить процесс обновления. Сможет ли это сделать новое руководство, покажет самое ближайшее время. Привлечь людей на свою сторону не удалось. Но и сил для запрещения «Кружка Петефи» недоставало, боялись осложнений.

Пленум решил принять самые жесткие меры против тогдашнего министра обороны Венгрии Михая Фаркаша. О его изощренной жестокости открыто заговорили в последние несколько месяцев. К власти возвращались те, кого он еще совсем недавно собственноручно пытал.

Если Ракоши проводили, то Фаркаша исключили из членов ЦК, предложили Президиуму ВНР лишить его всех должностей и званий. В качестве основного обвинения ему инкриминировали в первую очередь преследование старых коммунистов. Собравшаяся через неделю сессия Народного собрания республики приняла отказ Михая Фаркаша от мандата министра обороны.

Однако на дальнейшее развитие событий эти запоздалые решения практически не повлияли. Одной жертвой откупиться не удалось. Партия оказалась не готовой к диалогу. Более того, она практически солидаризировалась, взяла под свою защиту органы безопасности со всем их кровавым прошлым. Теперь они вместе разделили ответственность за пытки, убийства, беззакония.

Могли ли в Будапеште поступить иначе? Трудно сказать, слишком все оказалось переплетено: органы безопасности, ЦК, правительство. И каждый панически боялся разоблачений.

И сегодня бесчеловечность того периода вызывает содрогание, а тогда еще не высохла живая кровь, стояли друг против друга жертвы и палачи. Вчерашний узник, а сегодня

реабилитированный, мог запросто встретить на улице Будапешта своего тюремщика. Сердца жаждали отмщения.

Многое на июльском пленуме ЦК произошло впервые. Впервые освободили первого секретаря и не обвинили его в том, что он враг народа, не упрятали, как бывало, за решетку.

Впервые люди, выпущенные из тюрем, вчерашние враги народа, вошли в высшее руководство партии. В Москве такое решение восприняли настороженно, как никак люди обижены, что они задумают — непредсказуемо. Вмешиваться опять не стали.

Имре Надь пока на сцене не появлялся, но его рука чувствовалась повсюду.

Все происшедшее вызывало в ЦК КПСС и тревогу, и недоумение. По предложению отца находившемуся в Венгрии Микояну — о его пребывании там объявили официально — посоветовали перебраться в Югославию. В Москве никто не сомневался: Тито если и не направляет события, происходящие в соседней стране, то, безусловно, в курсе всех дел. Надеялись вместе с ним выработать общую линию поведения. Если удастся, конечно…

Отец очень рассчитывал на взаимопонимание с Тито. После недавних встреч, наших извинений, дружеских объятий он считал себя вправе рассчитывать на взаимность. Человеческие отношения с югославскими руководителями у отца складывались неровными — он проникся огромным уважением к Тито, считал его умным руководителем, правда с непривычным для самого отца барством, пристрастием к роскоши. Еще более теплые чувства отец испытывал к Александру Ранковичу — считал его честным и откровенным товарищем. А вот к государственному секретарю по иностранным делам Коче Поповичу он отнесся настороженно.

21 июля после заключительного разговора в ЦК, где Микояна заверили в незыблемости дружбы с нашей страной, он отправился к Тито на адриатический остров Бриони. С Тито договориться не удалось.

Венгры и поляки все чаще обращали свой взор к югославскому опыту. Между столицами сновали делегации. Иногда официальные, а чаще неофициальные, встречались в рабочем порядке. За первопроходцами потянулись румыны. Они не столько надеялись найти за Дунаем ответы на неразрешенные вопросы, сколько тянулись к Тито как к герою, устоявшему против Сталина, против «старшего брата».

Складывающееся положение все больше беспокоило отца. Возникшее после бурных июня и июля затишье не обещало продлиться долго. Он решил сам встретиться с Тито. Для нас,

домашних, это решение оказалось полной неожиданностью, и узнали мы о нем только за пару дней до отъезда. В конце октября в газетах появилось сообщение об отъезде Н. С. Хрущева на отдых в Югославию.

Отец не взял с собой никого из домашних, даже маму. Он сказал, что обстановка в мире не располагает к путешествиям, всякое может случиться. Его слова еще больше вызывали беспокойство. Казалось, беда носится в воздухе.

Каждый день из секретариата отца нам передавали последние новости. На следующий день эти сообщения можно было прочесть во всех газетах. Звучали они успокоительно: встречи, беседы, даже приглашения поохотиться. Разговоры с Тито протекали лучше и желать нечего, взаимопонимание казалось полным: «Наша общая цель — построение коммунистического общества… Мы должны сохранять монолитное единство…» На этом все и заканчивалось…

Желая отблагодарить Тито за гостеприимство и стремясь продолжить политические контакты, отец пригласил его на несколько дней в Крым. По стечению обстоятельств там как раз отдыхали венгерские руководители. В Крым отец с Тито прилетели вместе, как старые друзья. В конце сентября отец и Тито встретились с венграми: Эрне Герэ, Яношем Кадаром и Иштваном Хидашем. Как ни удивительно, они действительно приехали в отпуск и пробыли в Крыму довольно долго. Угрожающего развития в стране они, казалось, не замечали. У отца от встречи осталось неблагоприятное впечатление.

Перед возвращением домой в Москве венгерские руководители посетили Суслова и Микояна. В последнее время именно эта пара от имени Президиума ЦК вплотную занималась их проблемами. Гости заверили, что полностью контролируют положение, тревожиться не о чем.

Сейчас уже многое стерлось в памяти, но отчетливо запечатлелись слова отца о том, что Герэ не понимает всей сложности ситуации, выдает желаемое за действительное, настроен благодушно.

Все это вместе отец считал очень опасным. Свое мнение он открыто высказал венгерским товарищам. К нему присоединился и Тито. Но о чем Тито говорил с венграми наедине, отец не знал.

В последние дни я продолжал выспрашивать его о положении в Будапеште. Подступал октябрь. Ощущение угрозы усиливалось. Чаще отец отмалчивался, видимо, просто не знал, что сказать. Когда же отвечал, его слова не обнадеживали. Он очень беспокоился, что Герэ никак не удастся овладеть ситуацией. Отец не подозревал, что кризис наступит так быстро и будет столь

глубоким, он все надеялся на благополучный исход.

Практически одновременно с Польшей и Венгрией разрастался кризис и в Средиземноморье. Тучи сгущались вокруг вышедшего из повиновения Запада Египта. 15 июля президент Египта Абдель Насер посетил Югославию. У них с Тито сложились особые отношения, оба руководителя демонстрировали свою независимую политику в отношении сильных мира сего.

Пока отец еще не определился до конца в своем отношении к новым египетским руководителям. Их националистические призывы казались ему весьма сомнительными. С другой стороны, отец понимал, что освободительное движение на Востоке только начинается, оно набирает силу. Ему было совсем не безразлично, кто придет к власти, какие режимы установятся вблизи наших границ. Пока там, на Ближнем Востоке, господствовали Великобритания и Франция со своими военными базами. Если их выкурить оттуда, как выражался отец, то обстановка на юге сильно изменится. Если же еще и арабы повернутся к нам лицом, то исчезнет необходимость в столь мощной армии на Кавказе, появятся реальные возможности еще уменьшить расходы на оборону.

Запад начал раскачивать лодку. 21 июля Соединенные Штаты взяли назад свои обещания помочь Египту в возведении Асуанской плотины. На нее возлагалось столько надежд, что угроза краха грандиозного проекта не могла не поставить на колени любое, даже самое строптивое правительство.

Однако еще за месяц до того, во время визита Шепилова в Египет, Насер заручился принципиальным согласием в оказании Советским Союзом экономической помощи. Отец считал, что мы с нашим опытом гидростроительства в состоянии возвести любую плотину. К тому же, по его мнению, ожидаемые дивиденды существенно перевешивали траты: наша помощь не подарок, мы вернем свои деньги с процентами, так поступают все коммерсанты. Политически мы выигрываем неизмеримо плюс продемонстрируем миру совершенство своей строительной науки и техники. Потесним капиталистов. Самое же важное — народы Ближнего и Среднего Востока увидят воочию, где их истинные друзья. Такие рассуждения в то лето я слышал не раз.

27 июля Насер, вернувшись из Югославии, где он через Тито получил дополнительное подтверждение нашей поддержки, на грандиозном митинге в Александрии объявил о шаге, повернувшем историю страны, — национализации Суэцкого канала. Доходы от него отныне предназначались для строительства плотины. И этого мало: в ответ на отказ Запада в

предоставлении кредитов он сообщил об обещании Советского Союза оказать Египту экономическую помощь. Все смешалось. Требовалось, не мешкая, по-новому формировать политику и нам, и им… Запад лихорадочно искал способ сохранить позиции, а Москва не знала, как поддержать неожиданно свалившегося на ее плечи союзника.

Поначалу отец осторожничал. На мой вопрос, почему мы ничего не предпринимаем, не помогаем угнетенным народам в борьбе с империалистами, он ответил, что прямой военной помощи мы им оказывать не можем, нет у нас общей границы, да и нужно еще понять, какова истинная позиция египетского руководства. Возможно, оно просто играет, стремясь выторговать у Запада куш побольше.

Пока же наше правительство решило поддержать египтян морально, опубликовав 10 августа заявление относительно национализации Суэцкого канала. В нем осуждалась агрессивная и колониалистская позиция западных держав. Мы объявили, что освобождающиеся народы могут рассчитывать на Советский Союз. С такими инструкциями Шепилов отбыл на открывающуюся 16 августа в Лондоне представительную международную конференцию по Суэцкому каналу. В ней принимали участие все основные страны, заинтересованные в обеспечении регулярного судоходства по нему. Неделя переговоров закончилась безрезультатно. Теперь уже бывшая, компания Суэцкого канала решила оказать давление на египтян: отозвала всех работавших там лоцманов. Проводить по узкому и сложному фарватеру океанские корабли стало некому, движение замерло.

В августе отец, как обычно, поехал отдохнуть в Крым, на государственную дачу близ Ливадии. Конечно, с семьей. С утра и до вечера, с перерывом на еду, вся жизнь проходила на пляже. Под полотняным грибом навеса на круглом плетеном столике помощники раскладывали неотложные бумаги, рядом стоял белый телефон междугородной правительственной связи, так называемой ВЧ. Прочитав очередной документ, отец нередко снимал трубку и просил соединить его с Москвой. Тогда еще не существовало междугородного автоматического вызова. Обсудив проблему, он тут же принимал решение.

Сюда, на пляж поступала информация с лондонской конференции от Шепилова, сюда же пришло сообщение о приостановке движения судов по Суэцкому каналу. Сначала отец никак не отреагировал на это. Только на следующий день он прочитал в сообщениях ТАСС о возникших у египтян трудностях, и у него родилась мысль командировать в Египет наших специалистов-черноморцев из Одессы.

Отец позвонил в Киев Алексею Илларионовичу Кириченко, который долгое время проработал секретарем Одесского обкома и, по мнению отца, мог оказать квалифицированную консультацию. В те годы отец видел в Кириченко своего преданного сторонника и возлагал на него большие надежды. Алексей Илларионович горячо поддержал идею и выразил готовность хоть завтра отправить всех черноморских лоцманов в Порт-Саид и Суэц. Улыбаясь, отец ответил, что ему еще надо посоветоваться с Москвой, но тем не менее пусть готовятся.

Отец, что называется, загорелся. К осуществлению задумки он приступил немедленно. Связался с министром морского флота. Тот подтвердил возможность командирования наших лоцманов, сказал, что по квалификации они не уступят англичанам и французам, вот только фарватер канала незнаком, но профессионалы такого класса освоят его быстро. Дальше последовали переговоры с Булганиным, с кем-то еще, всех сейчас не вспомнишь. Все высказались за. Решили направить предложение египетскому правительству и в случае положительного ответа, а в нем отец не сомневался, начать операцию.

Наши лоцманы, кроме всего прочего, по мысли отца, не только продемонстрируют умение, выучку и мастерство, но покажут всему миру, что наша страна впредь не намерена замыкаться в своей скорлупе. Советский Союз тем самым делал заявку на активное участие в мировой политике. Правда, с оглядкой.

Лоцманы, как подчеркивал отец, должны ехать как частные лица, поступающие на службу к египетской администрации, управляющей каналом. Мы же, Советское государство, останемся в тени. Нет сомнения, считал отец, все заинтересованные стороны правильно поймут позицию СССР.

Вскоре одесские, николаевские, херсонские моряки отправились в дальний путь. Отец внимательно следил за ними, не раз возвращался в разговорах к этой теме, по-детски радовался, как нам удалось «насолить» империалистам.

Египтяне проявляли стойкость. На них обрушились новые санкции: администрация Суэцкого канала демонстративно с 14 сентября уволила всех своих служащих. С 20 сентября в Лондоне возобновились консультации Даллеса с его английскими и французскими коллегами.

В те дни отец находился в Югославии. Среди прочих «горящих» вопросов Суэцкий кризис занимал у собеседников не последнее место. Тито убеждал отца поддержать Насера. Без сомнения, возможность заиметь дружественно настроенного

партнера вблизи южных границ выглядела заманчиво, но риск быть втянутым в вооруженный конфликт представлялся немалым. Отец, приняв к сведению аргументацию хозяина, своего окончательного мнения на Бриони не высказал.

Для отца дела в Средиземноморье все больше отступали на второй план. В те же дни ситуация в Польше и Венгрии приобретала драматическую окраску.

Первой закачалась Польша. Последний месяц все внимание Охаба поглощала борьба за власть. Он безуспешно отбивался от сторонников набиравшего силу Гомулки. Кризис неотвратимо надвигался.

Скопившиеся за эти годы обиды слились вместе, грозили взрывом. Отец попытался выпустить пар. Он выступил с предложением: с целью облегчения экономического положения Польши отсрочить на четыре-пять лет выплаты СССР по предоставленным ранее кредитам. Это решение далось нелегко, в те дни считали каждую копейку. Однако на заключенное 23 сентября двустороннее соглашение поляки не обратили внимания. Страсти слишком накалились, схватка в Варшаве приближалась к решающему моменту.

После мимолетной встречи с Охабом в сентябре, когда тот так неуклюже даже не ушел, а убежал от обсуждения вопроса о возможности приглашения Гомулки в нашу страну, отец относился к нему с заметным недоверием. От былой сердечности не осталось и следа. Перемена не осталась незамеченной и дома. Каждое сообщение из Варшавы привлекало его особое внимание. До меня доходили лишь отголоски тревожных известий. О подробностях происшедших в те дни событий отец рассказал позже сам, другие факты вдруг всплывали во время дружеских разговоров с Владиславом Гомулкой и Юзефом Циранкевичем во время семейных встреч на отдыхе в Крыму.

Информация о положении в стране поступала к отцу в основном от советского посольства в Варшаве.

К середине октября доклады стали просто пугающими. Вот что пишет отец в своих воспоминаниях: «Мы узнали через своего посла, что в Польше развернулись бурные события, поляки очень поносят Советский Союз и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут люди, настроенные антисоветски».

16 октября в Варшаве состоялось заседание Политбюро ПОРП, посвященное созыву VIII Пленума ЦК ПОРП. Целую бурю в Москве вызвала следующая необычная для официальных сообщений приписка: «В заседании Политбюро принял участие товарищ Владислав Гомулка». Она могла означать только одно —

власть переходит в другие руки. Сама смена первого лица не вызывала у отца негативного отношения, в этом кресле лучше иметь крепкого человека. А вот то, что на сей раз кадровый вопрос не согласован с Москвой и все происходит как бы в тайне, его крайне взволновало.

Масла в огонь добавила «вовремя» присланная посольством информация об опубликовании в газете «Новая культура» — органе Союза писателей Польши — статьи Э. Форгана, в которой он высказывал сомнения, не устарел ли в новых условиях лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь[1]». По тем временам подобная мысль звучала более чем крамольно. Отец пришел в ярость. А тут еще в донесениях посольства о разгуле антисоветских страстей в Варшаве зазвучали просто панические нотки, и отец счел необходимым ударить если и не во все колокола, то достаточно громко 19 октября в газете «Правда» появилась статья под недвусмысленным заголовком «Антисоциалистические выступления на страницах польской печати» — посвященная целиком злосчастному лозунгу.

В тот же день открылся пленум ЦК ПОРП. По информации, поступившей в наше посольство, заседание началось с выступлений, резко критикующих ЦК КПСС, вообще Советский Союз и его политику в отношении Польши. Выступавшие требовали отставки Охаба и предлагали избрать на его место Гомулку. Сообщение исходило от Председателя Государственного совета Польши Александра Завадского. Он просил как можно скорее передать его в Москву, лично товарищу Хрущеву. Отец отреагировал незамедлительно.

«Я позвонил в Варшаву и разговаривал с Охабом. Я спросил, верна ли информация, полученная нами через посольство.

— Да, сейчас идет бурное заседание ЦК, обсуждаются эти вопросы.

В информации, которую мы получили через посольство, говорилось, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм и приход Гомулки к власти происходит в опоре на антисоветские силы.

Я высказал Охабу (а мы по этому вопросу уже обменялись мнениями, тут как раз собрался полный состав членов Президиума ЦК КПСС), что нас очень беспокоит происходящее.

Я говорю.

— Мы хотели бы приехать поговорить с вами Охаб ответил:

— Мы хотим посоветоваться, дайте нам подумать.

Вскоре Охаб позвонил и говорит:

— Мы бы просили вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание Центрального комитета.

Казалось бы, ответ правильный, если относиться к собеседнику с доверием. У нас же в это время доверия к Охабу не было. Конечно, если относиться друг к другу с доверием, то лучше всего нам было бы там не появляться, с тем чтобы не оказывать давления. Но сейчас мы за этим и хотели ехать, чтобы оказать соответствующее давление. Так как у нас возникло недоверие к Охабу, то его отказ в нашей просьбе нас еще больше возбудил, еще больше усилил подозрения, что там идет нарастание антисоветских настроений, которые могут вылиться в какие-то действия, и тогда поправить положение будет уже трудно.

Мы сказали Охабу, что все-таки хотим приехать, и открыто заявили, что Польша для нас имеет большое стратегическое значение. В то время с Германией не был заключен мирный договор, и в Польше располагались наши войска на основании положений, вытекающих из Потсдамского соглашения. Они охраняли коммуникации, проходящие через польскую территорию. Все это мы высказали Охабу и сказали, что приедем в Варшаву.

Обменялись мнениями и составили делегацию. В эту делегацию вошли я, Молотов, Микоян, Каганович и еще кто-то.[23] Мы полетели в Польшу». На календаре было 19 октября 1956 года.

Дома неожиданный отъезд отца в Польшу вызвал настоящий шок. Во-первых, в те годы любая поездка за границу, даже в дружественную социалистическую страну, считалась нерядовым событием. Ее обычно приурочивали к важной дате, объявляли загодя и сопровождали обстоятельной подготовкой.

Тут же из ЦК раздался звонок: «Собирайте вещи, я лечу в Варшаву». И никаких объяснений. Вещи приготовили быстро, за многие годы до автоматизма отработали процесс сборов отца в командировку — специальный чемоданчик стоял в специально отведенном месте, в него полагалось уложить белые рубашки для ежедневной смены, белье, электрическую бритву, тапочки. Вот практически и все. Запасной костюм везли в купленном для этой цели еще в Женеве футляре, чтоб не мялся.

Отец ехал не один, вместе с ним летели Молотов, Каганович и Микоян, или он с ними. Что и говорить, такое сочетание свидетельствовало об одном: случилась беда, и не малая.

Отец заехал домой на минутку. На вопросы отвечать не стал, только буркнул: «Есть там дела» — и ушел к себе на второй этаж переодеваться.

К приготовленному стакану чая с лимоном не притронулся. Спустившись, сразу прошел в прихожую, надел темно-серое

демисезонное пальто, нахлобучил такую же, в тон, шляпу, как-то отчужденно обвел нас взглядом, кивнул на прощание и вышел. Всеми своими мыслями он уже был там, в Варшаве.

В доме наступила тревожная тишина. Через несколько часов звонок из приемной ЦК от помощников: «Долетел благополучно, приступил к работе». И никаких подробностей. Что там такое стряслось? Чем вызван столь поспешный отъезд?

Мы терялись в догадках…

И сборы, и полет — все происходило в спешке, на нервах. Отец потом рассказывал о своих переживаниях: ведь они так и не получили согласия Охаба на прилет в Варшаву, не было разрешения и на перелет польской границы. Отправились по своему разумению, на свой страх и риск. А у страха глаза велики, по сообщениям нашего посольства, не развеянным неприятным разговором с Охабом, не исключался контрреволюционный государственный переворот. Не встретят ли в этом случае незваных гостей, самовольно пересекших границу, самолеты-перехватчики. Отец такое развитие событий считал маловероятным, но, исходя из панической информации, полностью исключить не мог.

К счастью, события развивались далеко не так, как это представлялось из окон посольства. Встречу нельзя было назвать дружеской, но разговор пошел деловой. Однако понадобились выдержка и хладнокровие с обеих сторон, чтобы не допустить… Чего? Того, к чему толкали переданные в Москву панические сообщения. Как дорого они могли стоить…

«Когда мы приземлились, на аэродроме нас встретили Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие товарищи. Встреча была очень холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровавшись, сразу на аэродроме высказал недовольство происходящим:

— Почему все это происходит под антисоветским знаменем?… Чем это вызвано? Мы всегда стояли на позициях освобождения Гомулки — и лично я, и другие товарищи. Когда я беседовал с Охабом, то имел в виду, что Гомулка приедет в Крым, мы с ним поговорим. Он подлечится, а мы тем временем разъясним нашу позицию в деле его освобождения.

Охаб вскипел и говорит:

— Что вы ко мне предъявляете претензии? Я теперь уже не секретарь Центрального комитета. Спрашивайте его.

Он показал на товарища Гомулку. В его словах сквозило неприкрытое недовольство.

Я думаю, что мои слова при встрече по дороге из Китая насторожили Охаба, он мог подумать, что мы хотим его свергнуть

и посадить на его место Гомулку. Мы в душе не были противниками Охаба, но к тому времени он показал себя слабым руководителем, и Гомулка был лучшей заменой. Мы ценили Гомулку».

«С аэродрома мы приехали в Центральный Комитет… Беседа проходила очень бурно… Разговор был грубым, без дипломатии», — через много лет вспоминал отец.

Взаимное недоверие проникло чрезвычайно глубоко: посланцы Москвы подозревали поляков в заговоре, намерении тем или иным способом попытаться покинуть социалистическое содружество. А это автоматически означало переход во враждебный, империалистический проамериканский лагерь. В те суровые годы в бурном приграничье самостоятельно небольшой стране было не выжить. Нарушалось зыбкое равновесие. Ослабление одной стороны автоматически означало усиление противостоящего союза. Правила, которых придерживались в те годы в дипломатии, такого развития событий просто не допускали.

«Мы… требовали объяснений действий, которые, как мы считали, были направлены против Советского Союза. Войском Польским тогда командовал маршал Рокоссовский… Когда мы приехали, то во время обеда получили информацию от Рокоссовского, что войска, подчиненные Министерству внутренних дел, приведены в боевую готовность и стянуты к Варшаве… Эти обстоятельства еще больше возбудили наше недоверие, и даже возникли подозрения, что действия поляков умышленно направлены против Советского Союза. Уже звучали открытые требования выслать Рокоссовского в Советский Союз, так как ему нельзя доверять, он не поляк и проводит антипольскую политику», — продиктовал отец в своих мемуарах.

Надо было решать, но неверный шаг мог очень дорого обойтись. Обстоятельства подталкивали отца, подсказывали простейший выход: решительные действия, применение силы. Он медлил, сопротивлялся, но уверенность, что дело можно решить в рамках консультаций, межпартийных переговоров, постепенно таяла.

Поляки, со своей стороны, не верили нашей так называемой делегации, каждый шаг москвичей вызывал подозрения, казался исполненным зловещего смысла: зачем они вообще сюда прилетели? Зачем постоянно шепчутся с министром национальной обороны? Что они затевают?

Как красная тряпка быка, раздражал поляков маршал Рокоссовский, «рекомендованный» на пост главы военного ведомства еще Сталиным. Они справедливо полагали, что в

решительный момент он выполнит приказы Хрущева, а не Гомулки, послужит России, а не Польше.

— За мной установлена слежка, и я шагу не могу сделать, чтобы это не было известно министру внутренних дел, — жаловался Рокоссовский отцу.

Положительную роль, рассказывал отец, в те дни сыграл Александр Завадский. Отец ему доверял, и он в те неспокойные дни служил связующим звеном между бушующим страстями ЦК ПОРП и мучимыми недобрыми предчувствиями членами высокой советской делегации. После каждого заседания он заезжал к отцу, рассказывал о происшедших событиях, убеждал, что причин для беспокойства об отходе Польши от союза с нашей страной нет и быть не может.

Отцу хотелось ему верить, с чем-то он соглашался, но потом сомнения снова брали верх.

«…Антисоветская волна у нас создала соответствующее настроение. Хотя мы считали, что это накипь, которая накопилась в результате неправильной политики Сталина.

Сложнее была проблема пребывания наших войск в Польше. Правда, это право вытекает из Потсдамского соглашения и, следовательно, освящено авторитетом международного права. Необходимость присутствия наших войск в Польше определялась железнодорожными и шоссейными коммуникациями с нашими войсками в Германии. Мы решили защищать это право.

Я поговорил с Рокоссовским:

— Скажите, Рокоссовский, как поведут себя войска?…»

Это был момент, за которым могло последовать непоправимое. Поэтому особенно ценно проследить, как мы тогда в 1956 году продвигались к грани и как остановились на самом краю.

На вопрос отца маршал Советского Союза и маршал Войска Польского, бывший сталинский узник и герой войны Константин Константинович Рокоссовский ответил: «Польские войска сейчас не все послушают моего приказа, но… есть части, которые выполнят мой приказ.

Я — гражданин Советского Союза и считаю, что надо принять меры против тех антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через Польшу».

Так что у поляков были все основания сомневаться.

Как же развивались события дальше? Отец рассказывал:

«Наши силы в Польше были невелики. С нами в Варшаву приехал Конев, он в то время командовал войсками Варшавского пакта и был нам необходим. Через маршала Конева мы

приказали, чтобы советские войска в Польше были приведены в боевую готовность. Спустя некоторое время мы приказали, чтобы одна танковая дивизия подтянулась к Варшаве. Конев отдал приказ и доложил, что войска снялись и танковая дивизия движется в направлении Варшавы».

Аналогичные распоряжения отдал верным ему войскам маршал Рокоссовский.

Конечно, это не осталось незамеченным поляками. Варшава начала лихорадочные приготовления к обороне, а Гомулке выпала миссия попытаться отвести удар.

«Идет бурное, нервное заседание. Мы спорим с поляками. Вижу, ко мне направляется товарищ Гомулка и очень нервно заявляет:

— Товарищ Хрущев, на Варшаву движется ваша танковая дивизия. Я вас прошу дать приказ остановить движение и не вводить ее в город. Вообще лучше, чтобы она не подходила к Варшаве. Я боюсь, будет совершено непоправимое.

Очень нервно Гомулка и просил, и требовал. Гомулка — экспансивный человек, у него пена на губах появилась. Выражения он употреблял очень резкие.

…Завадский нас информировал, что идет антисоветская агитация среди рабочих Варшавы… Заводы вооружаются… Ситуация сложилась очень тяжелая.

Мы, собственно говоря, оказались пленниками…»

Страшно подумать, что могло произойти, если бы на месте отца оказался человек другого характера, предпочитающий не покидать спокойную Москву, не соваться в гущу событий и принимать решения на основании поступающей по различным каналам информации. А она была однозначной: в Варшаве антисоветские, а следовательно, по логике тех, и не только тех, дней антисоциалистические силы рвутся к власти. Пока не поздно, пора принимать меры.

Кто и когда смог бы отмыть нашу общую совесть еще и от польской крови. К счастью, Бог миловал.

Вот как прозвучали слова, остановившие конфликт:

«Опять слово взял Гомулка, и своим выступлением он меня очень подкупил. Говорил он горячо:

— Товарищ Хрущев, я вас прошу, остановите движение войск. Произойдет непоправимое! Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я, как поляк и коммунист, заявляю, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими… Разве мы не понимаем, что без вас не можем существовать как независимое государство. Все будет в порядке. Не допустите, чтобы ваши войска вошли в Варшаву. Тогда будет трудно

контролировать события.

Был объявлен перерыв. Мы собрались своей делегацией и обсудили вопрос вместе с Рокоссовским. Я проникся доверием к словам Гомулки. Я ему и раньше верил. Несмотря на его вспыльчивость и резкость, в его словах была искренность…

Я говорю:

— Товарищи, я Гомулке верю, верю как коммунисту. Ему трудно. Сразу он этого не сделает, но постепенно, если мы выразим ему свое доверие, отведем наши войска, дадим время, то Гомулка сможет справиться с теми силами, которые сейчас стоят на неверных позициях.

Все согласились, и мы дали Коневу приказ остановить продвижение советских войск к Варшаве. Потом мы объясняли, что эти войска и не двигались к Варшаве, а проводили свой военный маневр и, выполнив его, остановились в том пункте, который был им назначен. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились… Поляки поняли, что мы можем договориться. Ввод наших войск в Варшаву действительно мог быть непоправимым. Это породило бы такие трудности, что трудно себе представить, куда бы мы могли зайти.

Я считаю, что положение спас Гомулка… Остальное было второстепенным. Выдвижение на пост Первого секретаря Гомулки у нас не вызывало возражений.

Наше дальнейшее пребывание в Польше перестало быть необходимым. Мы распрощались и улетели домой».

Домой отец вернулся чрезвычайно усталый, осунувшийся, но в приподнятом, не в пример предотъездному, настроении. В те дни он дома сказал только одно: «Охаба сменил Гомулка, он настоящий коммунист, и дела в Польше, видимо, пойдут на поправку».

Однако не все соглашались с отцом. 20 октября, в тот же день, когда советский «десант» возвратился в Москву, вечером докладывали на Президиуме ЦК. Молотов с Кагановичем обвинили отца в самоуправстве — волюнтаризме, по-нынешнему. Команду на продвижение танков к Варшаве они приняли всей делегацией, «за» высказались Молотов, Микоян, Каганович и Хрущев, а вот остановил танки Хрущев самостоятельно. Отец объяснял, что в тот момент времени на дискуссии не оставалось, приходилось действовать, как на фронте, а там главенствует единоначалие.

Молотов и Каганович стояли на своем: он не только превысил данную ему власть, но и, поверив Гомулке, совершил политическую ошибку. Для них Гомулка, вчерашний арестант,

никакого доверия не заслуживал. По мнению Молотова, следовало довести до конца силовую операцию, ввести войска в Варшаву, привести к власти «своих» людей.

Отец считал, что поступил правильно, ликвидировал кризис и вместе с тем предотвратил кровопролитие. Что же касается до «своих» людей, то отец считал Гомулку честным коммунистом и честным поляком, — этого достаточно, чтобы выстраивать равноправные, дружеские отношения между двумя странами. «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше», — продолжал напирать Молотов. Единственно, на что он соглашался, так это на недолгую отсрочку, а когда все немного успокоится, под видом маневров необходимо захватить Варшаву, свергнуть существующую власть, поставить вместо нее временный Комитет.[24]

Отец спорил до хрипоты, но Молотов не сдвинулся ни на йоту. Каганович ему поддакивал. Разошлись, так ни о чем не договорившись, отложили решение на завтра. Молотов уехал к себе на улицу Грановского, остальные, отец с Булганиным и Маленковым в одной машине и Каганович с Микояном в другой, отправились на Ленинские горы, где располагались правительственные особняки.

Там они разделились. Отец с Маленковым, Булганиным и Кагановичем пошли на вечернюю прогулку. Микоян, сославшись на накопившуюся в поездке усталость, ушел к себе. Он решил принять горячую ванну и лечь спать пораньше.

Прогулка получилась не очень удачной, спор разгорелся с новой силой, когда Каганович стал рассуждать, кого надо поставить в Варшаве вместо Гомулки. Отец с ним категорически не соглашался, считал, что выбора у них нет: или Гомулка, или кровь. Маленков и Булганин не вмешивались, Гомулке они, как и Каганович, не верили, но и вступать в пререкания с Хрущевым желания не испытывали.

В какой-то момент отец решил вытащить из дома Микояна, он тоже летал в Варшаву и, как казалось отцу, должен его поддержать. За ним отправился начальник охраны отца полковник Столяров. Анастас Иванович только вылез из ванны, когда Столяров передал ему через жену, что его очень просят присоединиться к «гуляющим». Микоян догадывался в чем дело, и «гулять» ему очень не хотелось. Но не пойти он просто не мог.

Жена повязала ему теплый шарф, чтобы не простудился после ванны, поворчала, что нет им от Хрущева покоя ни днем ни ночью, и Микоян, в сопровождении Столярова, пошел к калитке в деревянном заборе, отделявшем его резиденцию от нашей.

Эти бытовые эпизоды я почерпнул из книги Серго, младшего

сына Анастаса Ивановича, «Анатомия Карибского кризиса».[25] Дальнейший его рассказ доверия у меня не вызывает. Из его слов следует, что Хрущев не спорил, а придерживался единого мнения с Кагановичем, а Микоян их всех переубедил и один предотвратил катастрофу. Правда, тогда становится неясным, зачем понадобилось отцу вытаскивать его из ванны, если они с Кагановичем пришли к согласию. Причем Серго там не присутствовал, а пересказал слова своей матери, которая тоже рассталась с Микояном на пороге их резиденции.

Я тоже не знаю, как долго продолжалась прогулка, кто и какие приводил аргументы, но результат ее известен — отец, с помощью Микояна или без него, «доломал» Кагановича, а тот, видимо, в свою очередь, уговорил Молотова не настаивать.

Так или иначе, но на следующий день обстановка в Президиуме ЦК переменилась. В самом начале обсуждения польского вопроса отец твердо расставил все точки над «i»: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость».

«Все согласны», — такую ремарку поставил после его слов Малин.[26] «Все» — значит и Молотов с Кагановичем.

Дальше перешли к обсуждению будущего советских советников в польских учреждениях, цен на польский уголь, отзыва советских генералов, служивших в польских вооруженных силах.

Однако Молотов окончательно не смирился. Он не сомневался — за Гомулкой во власть потянутся его «подельники», те, кого при Сталине держали не в ЦК, а в тюрьме. Он посчитал необходимым дать «оценку» событиям в Польше, предложил товарищам Микояну, Кагановичу, Молотову и Шепилову подготовить информацию для встречи с представителями братских партий. Какую «информацию» подготовят Молотов, Каганович вместе с Микояном и Шепиловым, догадаться не трудно — осудят, заклеймят, пригвоздят к позорному столбу:

— Т.т. Хрущев и Булганин высказываются за то, чтобы не писать такую информацию, — констатирует Малин.

— Т.т. Каганович и Молотов настаивают, что оценку положения надо дать. В политике польской партии произошли изменения, — читаем мы в следующем абзаце Малинских записей.

Снова заспорили, с одной стороны Молотов с Кагановичем, с другой — Хрущев с Булганиным. Остальные члены Президиума ЦК не вмешивались, в том числе и Микоян. Сошлись на том, что с оценкой смены власти в Польше следует повременить, дождаться опубликования решений Пленума ПОРП, завершавшегося в этот

день, 21 октября, свою работу».[27]

Итак, крови удалось избежать, избежать благодаря решительности и воле, как отца, так и Гомулки. И у него в Варшаве имелись свои горячие голову, свои «Молотовы с Кагановичами». Один четко указал границы приемлемого для Советского Союза, другой продемонстрировал свое понимание позиции соседа и, что важнее, способность контролировать ситуацию в Польше. С тех октябрьских дней отец и Гомулка стали не только союзниками, но и друзьями. Правда, некоторая дистанция сохранялась: отец звал Гомулку по имени, «Веслав», а Гомулка отца — «товарищ Хрущев».

16 октября газеты опубликовали письмо Имре Надя и постановление Политбюро ЦК Венгерской партии трудящихся о восстановлении в партии И. Надя «в связи с тем, что хотя он и совершил политические ошибки, но они не делали обоснованным его исключение из партии». Постановление об исключении Имре Надя из партии от ноября 1955 года отменялось. Тогда Ракоши взял верх, теперь времена поменялись.

Как я уже упоминал, отец лично ничего не имел против Имре Надя. Еще со сталинских времен ему запомнились яростные стычки между Ракоши и Надем по крестьянскому вопросу. Имре Надь числился в ревизионистах, выступал против поголовной насильственной коллективизации, за предоставление ограниченной свободы крестьянину, склонялся к нэпу. Дело доходило до оскорблений, Ракоши обвинял Имре Надя в измене, но Сталин только посмеивался. Видимо, у него имелись свои расчеты: свара внутри венгерского руководства его устраивала, а в перерожденчество Имре Надя он не верил.

У Сталина имелись основания не причислять Имре Надя к людям, вызывающим опасения, не хотел он отдавать его на расправу вместе с другими не потрафившими ему венгерскими лидерами. Такими, как Ласло Райк, и многими, многими другими. Ведь еще в 1930-е годы Имре Надя, тогда работника Коминтерна, завербовали, в картотеке советских спецслужб он числился «Володей». Правда, Сталин и не встал открыто на защиту Имре Надя, когда за правый уклон в 1949 году его исключили из Политбюро. Но тронуть не дал.

По случаю смерти Сталина Имре Надь произнес прочувственную речь о великом вожде, продолжал его верноподданически цитировать, а после своего исключения из партии, уже в 1955 году, обвинил своих обидчиков в проведении антисталинской политики.

В те годы отец провозгласил невмешательство в происходившие в дружеских странах дела. Конечно, это

невмешательство носило своеобразный характер. Большим шагом вперед считалась отмена утверждения в Москве любого назначения на мало-мальски серьезный пост. Этим достижением отец чрезвычайно гордился. Старался он не влезать и во внутренние свары. Хотя это далеко не всегда удавалось. Терпящая поражение сторона бежала в Москву за помощью, а победители стремились там же закрепить свои успехи.

Конечно, в случае серьезного идеологического отступничества следовал строгий окрик. Нарушать никто не имел права. Шаг влево, а особенно, вправо означал побег. Тут уже не до сантиментов. И все же воз сдвинулся, скрипя, повернулись проржавевшие колеса. Первый шаг — самый трудный, хотя и не самый заметный.

После исключения из партии у Имре Надя появляется достаточно свободного времени, он его отдает литературе. Надь размышляет о том, как неразумная, догматическая, излишне твердая, негибкая политика лидеров отчуждает, отодвигает людей от партии и тем самым наносит неизмеримый вред всему коммунистическому движению. Здесь, конечно, явно прослеживается и элемент личной обиды за происшедшее с ним, но не только.

Он продолжает искать пути облегчения доли крестьян. В этом Имре Надь мне чем-то напоминал отца. Близки они и в том, что оба пытались нащупать экономическую структуру, примиряющую пролетариат и крестьянство, обеспечивающую гармоничное, взаимовыгодное продвижение вперед, а не обирание деревни городом ради индустриализации и ответное удушение города голодом. К примеру, находившийся в опале Имре Надь в 1955 году призывал гуманизировать наше общество, отец писал, что обносить рай колючей проволокой по меньшей мере неразумно.

Коммунист по убеждениям, порядочный человек и реальный политик, Имре Надь приветствовал решение отца первому поехать к Тито с миром, тем самым признавая право на существование различных форм развития социализма.

Можно привести и другие примеры созвучия политики, проводимой отцом, и идей, выдвигавшихся Имре Надем. Очевидно одно — в середине октября, как и раньше, отец не видел в Имре Наде врага.

С другой стороны, Имре Надь представлялся отцу человеком, ориентирующимся на Тито. Это порождало опасения. Югославский путь к социализму выглядел весьма сомнительным. С Югославией ничего не поделаешь, но распространять их опыт, а с ним и влияние Тито на другие страны отцу не хотелось.

Начавшаяся 23 октября студенческая демонстрация в

Будапеште, проходившая под лозунгами, требующими отставки нынешнего венгерского руководства и прихода к власти Имре Надя, оказалась для отца неожиданной. Гром грянул, конечно, не с ясного неба, тучи давно заволокли горизонт, но в Москве не ждали бури. Ситуация оценивалась как напряженная, на заседании Президиума ЦК решили ввести в Будапешт советские войска, расквартированные в Венгрии в соответствии с Потсдамскими соглашениями 1945 года.

Дома отец появился вечером в обычное время. Выглядел он озабоченным, но не мрачным. Как всегда, мы отправились гулять. Отец шел рядом и молчал. На втором круге я нарушил молчание. Меня мучило: как в нашем справедливейшем обществе подобное могло произойти? Почему заранее не приняли меры? Я не вкладывал в слово «справедливость» конкретного содержания. Оно спасало своей всеохватностью. И… что дальше?

Отец с досадой отозвался: «Все это из-за нерешительной политики Гере, пытавшегося угодить всем. Нужен сильный человек, способный взять управление событиями в свои руки. По сообщению из посольства, на пост главы правительства только что назначен, — отец говорил, на венгерский манер, ставя на первое место фамилию, — Надь Имре». По мнению отца, ему, возможно, удастся справиться со стихией. Тем более, его назначения требовали демонстранты. А вот что по прошествии более чем десятилетия записал отец об этом моменте: «К руководству пришел Надь Имре. У нас теплилась надежда, что если придет к руководству Надь Имре, то он сохранит коммунистическое руководство в венгерском народе…»

И хотя 24 октября, одновременно с назначением Имре Надя, Эрне Гере переизбрали на пост Первого секретаря Венгерской партии трудящихся, на него смотрели как на политический труп.

На мой вопрос, не собирается ли отец лететь в Венгрию, он ответил отрицательно.

— Туда отправились Микоян и Суслов, — сказал он, не углубляясь в пояснения, и добавил: — И посол там сильный.

Трудно задним числом гадать, имелась ли еще возможность овладеть ситуацией, не допустить кровопролития, или события уже вышли из-под контроля центральной власти и развивались по своим законам. Здесь сколько людей, столько и мнений. Мне кажется, что в день приезда в Будапешт делегации во главе с М. А. Сусловым и А. И. Микояном такой шанс сохранялся, но Анастас Иванович с Михаилом Андреевичем его упустили. В условиях кризиса они оказались не на своем месте.

Микоян — блистательный переговорщик, способный «уговорить» любого «твердокаменного» партнера, выторговать все

возможное и невозможное и затем еще кое-что в придачу. Но он — человек компромисса, всегда державший в запасе не одну запасную позицию, избегавший резких движений, боявшийся ультиматумов. Он бесконечно тасовал свои «карты», даже тогда, когда время разговоров прошло, и от него требовалось решение. В силу своих качеств Микоян блестяще показал себя в переговорах с американцами, где позиции сторон устоялись, партнеры давно притерлись друг к другу и успех зависит от умения вести торг, от выдержки, если хотите, усидчивости. Из-за тех же качеств он провалил дело в Венгрии, не смог обозначить венгерским руководителям, не важно Гере или Надю, границу, за которой, по словам Гомулки, «следовало непоправимое».

Кандидатура Суслова тоже оказалась неудачной. Михаил Андреевич всю жизнь пекся о сохранении в первозданной чистоте идеологических догм, подобно средневековым схоластам реалии жизни выверял по цитатам из классиков марксизма-ленинизма. Если же не находил у них ответа, он терялся, начинал всплескивать руками, причитать по-бабьи. О возможности противостояния народа своей же «народной» власти классики не писали, и в Венгрии Суслов растерялся.

Все лето эта пара, Микоян с Сусловым, курсировала из Москвы в Будапешт, потом в Белград и снова в Будапешт. Они переговаривались сначала с Ракоши, потом, когда Микоян, по настоянию отца, вынудил его подать в отставку и уехать в Советский Союз, с преемником Ракоши — Эрвином Гере, человеком нерешительным и слабым. Тем временем события набирали обороты, в Венгрии нарастали не только антисталинские, но и антисоветские, антирусские настроения. Тон задавал упоминавшийся выше «Кружок Петефи» — неформальное собрание оппозиционеров-интеллектуалов, назвавшихся именем венгерского поэта-повстанца, погибшего 31 июля 1849 года во время национально-освободительной революции. В тот год венгры восстали, добиваясь освобождения из-под гнета австрийских императоров Габсбургов. На помощь Вене пришел Петербург, Николай I послал в Будапешт свои войска, Габсбурги — Романовы «навели в Будапеште порядок», пролив при этом реки крови. В Советском Союзе Шандора Петефи считали поэтом-революционером, нашим идеологическим союзником. У венгров же гибель Петефи вызывала совсем иные, антирусские ассоциации.

Если бы в Венгрию поехал сам отец, многое могло повернуться иначе. Мне представляется, что он отыскал бы ниточку, за которую следовало дернуть, чтобы остановить сползание к краю. Он бы четко обозначил грань, за которой наше

вооруженное вмешательство неминуемо. Тем самым он предостерег бы Имре Надя и предотвратил кровопролитие. Так, как это было в Польше. Нашел же он общий язык с Гомулкой, нашел бы и с Надем Имре. В такие острые моменты так много зависит от личности. Но прошлого не воротить.

Надежды отца не сбылись. Имре Надь не проявил решительности, не смог овладеть положением. Или не хотел? Думаю, именно не смог. По своей природе человек мягкий и интеллигентный, он старался примирить непримиримое, отвергал саму возможность применения силы. Нельзя не отметить, что и у него не было запаса времени. В отличие от Гомулки, он пришел к власти не в преддверии событий, а на их гребне. Во многом ему приходилось всего лишь констатировать происшедшее.

«…Надь Имре. Этот человек шел за толпой, опирался главным образом на молодых мальчишек… Так докладывали наши люди. Тогда туда ездили Микоян и Суслов, ездили и другие наши работники.

Анастас Иванович Микоян рассказывал:

— Я пришел к Надь Имре. Начали беседу. Вдруг влетает группа молодых мальчиков, гимназисты. Все вооруженные. Докладывают Надь Имре, что они то-то делают, то-то сделали, то-то будут делать. Приходили за оружием и другие. Одним словом, молодое поколение из средних учебных заведений, собственно, служило опорой Надь Имре», — так запомнились отцу события тех дней.

Вероятно, его оценка верна. Ведь именно эти, как говорит отец, молодые люди привели к власти нового премьера, и они рассчитывали, что он последует за ними, а Анастас Иванович не смог переломить ситуацию.

Я много раз задавался вопросом, почему отец по первому зову кинулся в Варшаву, а в Венгрию не поехал? Без сомнения, при той непростой расстановке сил в Президиуме ЦК, сложившейся после XX съезда, отец старался поравнее распределить ответственность за принимаемые решения. С одной стороны, чтобы его не обвинили в выпячивании своей фигуры, с другой — он не желал все грехи взваливать на свои плечи. Старался соблюсти баланс. Но главное, я думаю, он недооценил опасности нарастания событий. Доклады из Будапешта, в отличие от панического призыва посла в Польше, не предвещали столь страшных потрясений. На первых порах казалось, что правительство Имре Надя, наладив тесный контакт с советскими эмиссарами, сможет овладеть положением.

В ночь на 25 октября советская армия наконец вмешалась в

события, но действовала она не в одиночестве, а вместе с венграми. Еще сохранялась возможность направить поток в безопасное русло. Именно в безопасное. О нейтральной Венгрии, стоящей вне пактов, а тем более о Венгрии, уходящей на Запад, в НАТО, в тот период острого противостояния двух лагерей могли говорить только политические авантюристы.

А как происшедшие события подавались советским людям? Газета «Правда» сообщала: «По приказу Совета министров Венгерской Народной Республики венгерская армия, внутренние войска и вооруженные рабочие отряды с помощью советских войск в ночь на 25 октября ликвидировали контрреволюционный путч.

Контрреволюционные силы разбиты! Однако в некоторых местах еще продолжают действовать мелкие вооруженные группы…»

В тот же день Янош Кадар сменил Эрне Герэ на посту Первого секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся.

В своем заявлении премьер Имре Надь успокаивал народ. Он обещал, что после установления порядка будет созвана сессия Государственного собрания, которая рассмотрит программу, «охватывающую важные вопросы, интересующие нацию».

Отец вздохнул с облегчением, но уверенности в том, что все худшее позади, у него не было. Он читал не только газеты. Поэтому в ответ на мою радость по поводу завершения противостояния он только горько усмехнулся и пробурчал, что никому не известно, как там повернутся события. В те дни посольство прислало в Москву альбом с фотографиями: по пустынным будапештским улицам бегут какие-то люди, вооруженные автоматами и винтовками, битое стекло и кирпич на тротуарах, разбитые витрины магазинов. Все настраивало на определенный лад. Отец захватил альбом домой, дал посмотреть всем желающим, но комментировать не стал. И так все ясно.

Остановить сползание к кровопролитию, стабилизировать ситуацию не удалось. События накатывались лавиной, выходили из-под контроля, в том числе из-под контроля Имре Надя. Сегодня трудно сказать, что оказало большее влияние: накаленная обстановка и деструкционное стремление масс, отвергающих старые порядки, стремящихся отомстить за преступления и обиды, или попытки измазанных в крови работников госбезопасности спровоцировать столкновение с советскими войсками, устроить кровавую бойню и под ее прикрытием уйти от ответа.

По крайней мере, закончившееся трагически 25 октября братание на будапештских улицах венгров с советскими

солдатами свидетельствует о последнем. У парламента раздались выстрелы, упали убитые и раненые. Кто стрелял, осталось неизвестным. Говорят, что стрельба велась из окон домов. Отцу доложили: вооруженную акцию совершили контрреволюционеры. Среди венгров распространился слух: это дело рук русских, которые, решив схитрить, усыпили бдительность восставшего народа, а затем показали свое истинное лицо.

На следующий день весь Будапешт вышел на улицы. Симпатии сместились — венгерские военные начали примыкать к демонстрантам, стали образовываться новые органы власти: в городах — революционные комитеты, на заводах, по примеру югославов, — рабочие советы. От вчерашних объятий с советскими солдатами не осталось и следа. Народ потребовал вывода оккупационных войск из города.[28]

Оптимистические сообщения в советской печати о том, что 25 октября в Будапеште обстановка нормализовалась и спокойствие нарушается лишь отдельными вылазками отдельных вооруженных лиц, а 27-го вновь организованное под руководством Имре Надя правительство Венгрии объявило амнистию, в результате которой повстанцы в массовом порядке сдаются властям, не вязались с озабоченным видом отца.

С работы он приходил не поздно, как обычно, но гулял молча, на вопросы отвечал неохотно. Только значительно позже он расскажет о своих колебаниях в те дни.

Он думал не только о происходивших сегодня событиях, бился и не мог найти ответ: почему так случилось. Сначала Польша, за ней Венгрия. Вернее, ответ напрашивался сам собой. Он, казалось, лежал на поверхности: во всем виноват Сталин, нарушение ленинских непререкаемых норм. Вернемся к ним, и все уляжется.

Обстоятельства складывались неблагоприятно: венгерское правительство так и не совладало с обстановкой, события бурно нарастали, а декреты за подписью Имре Надя только фиксировали стихийно происшедшие изменения. В день своего сформирования новое руководство заявило, что по просьбе правительства в борьбе принимают участие советские воинские части, расположенные в Будапеште. На следующий день Имре Надь объявил о прекращении огня, пообещал распустить органы госбезопасности и потребовал вывода советских войск из города.

Отец все еще рассчитывал, что рабочий класс Венгрии сам справится с выступлением, как считалось, «немногочисленных контрреволюционных элементов». Такого же мнения придерживался Микоян. Возобладавшее поначалу мнение о применении силы сменилось откатом. Воинские части вышли из

города, но расположились в полной боевой готовности неподалеку, на военном аэродроме. Туда же перебрались и московские эмиссары. Ночи Микоян и Суслов проводили в расположении войск, а днем выбирались в Будапешт.

Однако вывод армии из Будапешта ни в коей мере не стабилизировал положение, развитие событий только ускорилось.

30 октября, на следующий день после ухода советских танков, подвергся разгрому Будапештский горком партии. На улицах города стали охотиться за сотрудниками госбезопасности.

Разоренные здания с выломанными дверями и выбитыми стеклами, следы пожаров, лежащие на улицах трупы, — все это сфотографировали. Новые снимки немедленно отправили в Москву. Донесения, шифровки, звонки из Будапешта звучали все тревожнее. Из них следовало, что, хотя «ни рабочие, ни крестьяне не участвуют в столкновениях, держат нейтралитет», без вмешательства наших войск перелома не добиться.

Тем временем вокруг Венгрии закручивалась интрига.

Как мы теперь знаем, американцы в венгерские дела вмешиваться не намеревались, слишком опасно, да и по Потсдамскому соглашению Венгрия относилась к советской зоне оккупации. В Организации Объединенных Наций, в столицах европейских государств их второстепенные» дипломаты, по «собственной инициативе», доверительно советовали «не затягивать операцию», подталкивали Советский Союз, естественно, в собственных интересах, к силовому разрешению Венгерского кризиса.

В Париже советник американского посольства Либих «приватно», за обеденным столом, убеждал своего друга «советника по культуре» советского посольства Владимира Ивановича Ерофеева: «Постарайтесь не затягивать вашу операцию. Если вы осуществите ее за несколько дней, мы вмешиваться никак не будем». Ерофеев отмолчался и, естественно, тут же доложил обо всем в Москву. Либих не успокоился, напросился на еще одну встречу, уже перед самой англо-французско-израильской высадкой в зону Суэцкого канала. Во время разговора он почти в открытую дал понять, что руки у Советского Союза в Венгрии развязаны».[29]

Это была хорошо продуманная политика Джона Фостера Даллеса. Американцы выигрывали при любом повороте событий. Если Советы проявят непростительную для великой державы нерешительность, откажутся от применения силы, то Венгрия сама, без каких-либо усилий со стороны, упадет к ним в руки. Людей, шедших на смену Надю, они хорошо знали. Правда, на то, что удастся «откусить» Венгрию от Восточного блока, Джон

Фостер Даллес всерьез не рассчитывал, он достаточно хорошо изучил отца и не сомневался, такой глупости он не допустит. Однако, подстраховываясь, он поручил своим дипломатам намекнуть советским коллегам, что США в Венгрию не полезут, из-за нее мировую войну затевать не намереваются. Либих в Париже четко отслеживал инструкции, полученные из Вашингтона.

Одновременно ЦРУ, Аллен Даллес, через свои радиостанции всячески подстрекали венгров к восстанию. По всем «голосам» вещали: «Американские войска на подходе, стоит вам начать, и вас в беде не оставят…» Дело тут не в несогласованности политики госдепартамента и ЦРУ, напротив, братья Даллесы все согласовали до деталей. Если Венгрия не «откусится», если прольется кровь, то чем больше ее прольется, тем лучше, тем сокрушительнее окажется их пропагандистская победа.

О том, что происходило в те дни в окружении Имре Надя, в Кремле почти ничего не знали. Отец становился все угрюмее, домой стал приходить поздно, а однажды мы его прождали почти до утра. Пришло время решений.

В своих мемуарах отец старательно подчеркивает, что все решения принимались только в результате коллективного обсуждения на Президиуме ЦК. Об этом же свидетельствуют и ныне опубликованные конспективные записи обсуждений, происходивших на заседаниях Президиума ЦК. После сталинского произвола коллективность руководства рассматривалась как панацея от всех бед, символ нового, истинно ленинского подхода к управлению государством. Нет оснований сомневаться, что именно так оно и происходило. Однако всякому коллективному руководству требуются мысли, предложения. И тут, нет сомнений, их генератором стал отец.

Действовать он намеревался в двух направлениях. С одной стороны, спешно подготовили декларацию правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами. В декларации отец попытался подвести черту под гегемонистскими сталинскими устремлениями и заложить основы равноправного сотрудничества. В документе провозглашались пять основных принципов, одни общего порядка, а другие — преследующие решение сиюминутных, венгерских проблем.

Как отзвук дебатов с Гомулкой, первый пункт торжественно подтверждал принцип взаимной выгоды и равноправия партнеров в экономических отношениях. Далее провозглашалось обязательство СССР об отзыве советников, посаженных Сталиным

в дружеских странах во все ключевые точки: экономику, армию, полицию. Они вмешивались во все, без их одобрения не начиналось ни одно мало-мальски серьезное дело. В третьих, выражалась готовность обсудить вопрос о пребывании советских войск на территории дружественных стран.

Здесь я позволю себе остановиться для пояснений. Во все периоды своей деятельности отец оставался последовательным противником пребывания наших войск на чужих территориях. Он считал, что уход нашей армии продемонстрирует преимущество интернациональной социалистической внешней политики перед империалистической захватнической политикой. В плане экономическом отец, стремившийся сэкономить на всем, не хотел мириться с тем, что содержание войск за границей обходилось казне в несколько раз дороже, чем в Союзе.

С появлением атомного оружия он не считал столь важным выдвижение сухопутных соединений на передовые рубежи.

Готовились планы вывода войск из Румынии. На очередь вставала Венгрия. Советский контингент там намеревались существенно сократить. Подумывал отец о значительном уменьшении советских войск в Германии и почти полном выводе наших соединений с территории Польши, за исключением занятых охраной коммуникаций. Намерения отца одобряли далеко не все. Особенно забеспокоились военные. Дело застопорилось в самом начале. Восстание в Венгрии спутало планы отца. Войска не только не ушли, напротив, их количество возросло. Попытки отца вернуться к этой проблеме в последующие годы наталкивались на дружное сопротивление коллег. Аргументом служила одна фраза: «Нельзя забывать происходившее в 1956 году». Правда, из Румынии войска в конце концов вывели, в 1958 году.

И еще один момент. Как-то при очередной встрече с Гомулкой на отдыхе в Крыму отец затронул тему вывода наших войск из Польши. Он считал, что после бурных событий, повлекших продвижение советских танков к Варшаве, поляки с радостью избавятся от советских дивизий. Неожиданно Гомулка не поддержал отца. Он настаивал на присутствии Советской Армии. Отец чрезвычайно удивился, он долго раздумывал, чем вызвана такая позиция польского руководства, и пришел выводу, что превалируют экономические соображения. От пребывания наших войск поляки имеют немалый доход. Так или иначе, но восстание в Венгрии приостановило вывод советских войск из Восточной Европы.

Последние два пункта декларации отвечали на конкретные вопросы в связи с положением в Венгрии. С одной стороны, мы

заявляли, что готовы отвести войска из Будапешта по первому требованию существующего венгерского правительства. Пункт запоздал: наших дивизий в столице уже не было. С другой, Советский Союз соглашался на переговоры с законным правительством Венгрии о выводе советских войск из страны.

К тому времени потерявшее доверие к Имре Надю советское руководство выдвинуло тезис — я не знаю, придумал его отец или кто-то из его коллег, — что существующее правительство Венгрии не получило одобрения Государственного собрания, а поэтому не может считаться законным представителем венгерского народа.

Возникшая двойственность в отношении к Имре Надю: то существующее правительство, то законное, — отражала колебания отца. Он никак не мог решить, должна ли Москва вмешаться или предоставить венграм возможность решать свои вопросы самостоятельно. У нас нет свидетельств о серьезных разногласиях в Президиуме ЦК. Создается впечатление, что отцу предоставили тяжкое право принять окончательное решение.

Душераздирающие фотографии последствий штурма восставшими горкома, начавшееся восстановление буржуазных партий и реорганизация кабинета на коалиционной основе, наконец, освобождение из тюрьмы кардинала Миндсенти, имевшего в Москве крайне отрицательную репутацию, — все это побуждало отца встать на защиту социализма.

По канонам тех лет шаги, предпринятые в Будапеште, означали переход правительства Имре Надя во враждебный лагерь.

Вот как он описывает свои ощущения в момент, когда принимались решения:

«Началась охота за партийным активом и, главным образом, охота за чекистами. Громили партийные комитеты, громили чекистские органы. Вешали, убивали. Вешали за ноги, совершали и прочие издевательства.

В ответ на требования правительства Надь Имре мы все-таки сочли возможным вывести войска из Будапешта… Но наши люди и посол находились в Будапеште. Мы знали, что там делается.

Мы обсудили вопросы в своем руководстве, в Президиуме ЦК и пришли к заключению, что непростительно держать нейтралитет и не оказывать помощи рабочему классу Будапешта в борьбе против контрреволюции. Контрреволюция начала проявляться во многих действиях. Венгерская эмиграция вернулась, главным образом, через Вену. Самолеты прибывали из Вены в Будапешт. Страны НАТО вклинились в этот вопрос, все делали, что в их силах, чтобы разжигать борьбу, начать

гражданскую войну, свергнуть революционное правительство, ликвидировать революционное завоевание, вернуть Венгрию на капиталистические рельсы. Такая цель была у империалистических государств. Это неудивительно. Наша цель — поддерживать прогрессивные движения, помочь народам в переходе от капитализма к социализму, а у врагов социализма цель противоположная — ликвидировать социалистические порядки, отбросить рабочий класс, укрепить капиталистические элементы, капитализм во всех странах.

У нас было принято единодушное решение по этому вопросу, правда, отсутствовали товарищи Микоян и Суслов. Они были в это время в Будапеште.

Мы хотели, чтобы нас правильно поняли, что мы не преследуем никаких эгоистических целей, а только интернациональные, чтобы все страны нас правильно поняли, мы считали необходимым проконсультироваться с ними и в первую очередь с братской Китайской партией».

С этого момента инициатива в руках у отца. Теперь ему предстоит вести все переговоры вплоть до решающего часа. Ответственность за принятие решений и за их последствия тоже на нем.

Китайцы прислали в Москву представительную делегацию, возглавляемую вторым человеком после Мао Цзэдуна — Лю Шаоци. Приехали в Москву и руководители европейских стран народной демократии, кроме венгров и, естественно, югославов. Консультации проводились с 24 октября, но без какого-либо результата, все они, включая Лю Шаоци, заняли выжидательную позицию. Однако к 30 октября требовалось определиться. К тому времени в Москве оставались одни китайцы. 30 октября на заседании Президиума ЦК Лю Шаоци передал мнение Политбюро ЦК Китайской компартии, то есть Мао Цзэдуна: «Советские войска должны оставаться и в Венгрии, и в Будапеште».

Однако отец никак не мог решиться на применение силы. Решили еще раз посоветоваться с китайцами. Встреча происходила в ночь с 30 на 31 октября на бывшей сталинской даче в Волынском. Делегацию КПСС возглавлял отец. В ту ночь он еще не принял для себя окончательного решения, сохранял надежду, что вмешательства советских войск удастся избежать.

О своих колебаниях лучше всего рассказывает сам отец: «Просидели всю ночь. Взвешивали всесторонне «за» и «против» применения вооруженных сил. Попеременно мы занимали разные позиции. То Лю Шаоци говорил: давайте еще выждем, рабочий класс Венгрии окрепнет, поймет, что восстание — контрреволюционное, и справится сам. Мы соглашались с этим.

Когда снова начали обсуждать, возник вопрос: есть опасность, что сейчас рабочему классу уже трудно справиться в Будапеште. Частично его вовлекла контрреволюция, особенно молодежь…

Опять мы начинали обсуждать и приходили к выводу, что надо оказать помощь. Я не помню, сколько раз менялись наши позиции. Каждый раз, когда приходили к общему решению, независимо, надо или не надо применять вооруженные силы, Лю Шаоци консультировался с Мао Цзэдуном… Легко было созвониться по телефону и проконсультироваться. Мао Цзэдун одобрял и ту и другую позиции, которые занимал Лю Шаоци. Кончили мы ночное заседание на том, что вооруженную силу не применять. Я уехал домой».

Дома отец спать не мог. Его мучили сомнения. Перед глазами стояли присланные Андроповым фотографии: люди, повешенные за ноги, валяющиеся на улицах трупы.

«Это был исторический момент, — рассказывает отец, — какое нам принять решение, двинуть войска и раздавить контрреволюцию или же ожидать, когда внутренние силы пробудятся и справятся сами.

Могло случиться и так, что контрреволюция временно одержит верх, и тогда прольется много пролетарской крови. И еще… Если победит контрреволюция и НАТО внедрится в расположение социалистических стран, то есть проникнет на территорию Венгрии, то тяжело будет и Чехословакии, Югославии, Румынии, ну и Советскому Союзу. Граница со страной, которая может войти в НАТО, ничего хорошего не предвещает.

Было над чем призадуматься… Утром 31 октября еще раз собрались обсудить вопрос на Президиуме Центрального комитета. Я изложил, как шло обсуждение с китайской делегацией, как менялись наши позиции и что в конце концов пришли к мнению не применять воинской силы. Тут же я напомнил, какие могут быть последствия, если мы вовремя не подадим руку помощи венгерскому рабочему классу… Мы обсуждали долго. В конце концов решили, что будет непростительно, если мы не окажем помощь…

Вызвали Конева. Он тогда командовал войсками Варшавского пакта. Спросили его: сколько потребуется времени, если ему будет поручено разгромить контрреволюционные силы и навести порядок в Венгрии.

Он подумал и говорит:

— Трое суток, не больше. Мы ему тогда сказали:

— Готовьтесь. Когда начинать, мы вам скажем дополнительно».

В тот же день 31 октября китайская делегация возвращалась домой. Провожали ее на Внуковском аэродроме всем составом Президиума ЦК. Там и сообщили об окончательном решении применить войска. Лю Шаоци не противился. Из его поведения следовало, что Мао Цзэдун не хочет встревать в европейские дела. В этот же день пришло известие о решении венгерского правительства выйти из Организации Варшавского договора и направленном в ООН призыве о защите. Эта информация только придала советскому руководству уверенности. Запрошенные маршалом Коневым на подготовку операции три дня истекли 4 ноября. Отец считал необходимым до начала акции заручиться поддержкой остальных союзных нам социалистических стран. В отличие от Китая, события в Венгрии непосредственно затрагивали их интересы. Несмотря на то что решение о вооруженном вмешательстве фактически уже приняли, от позиции союзников зависело немало.

В то, что необходимо помочь рабочему классу Венгрии отстоять свой социалистический выбор, отец верил свято. Но само вооруженное вмешательство — крайняя мера, на нее требовалось получить от соседей если не одобрение, то согласие. Я сказал бы даже — отцу хотелось очистить совесть. В отличие от Польши, где он скорее блефовал, чем намеревался действовать, здесь выбора не оставалось.

Сегодня мы оцениваем те дни по-иному. Смешивая эпохи, зная ответ, не трудно из будущего оценивать прошлое, еще легче судить, куда сложнее понять… Но это необходимо не только прошлому, но и настоящему. И еще следует помнить: никто не знает, какую оценку по истории нам самим поставят потомки.

Итак, попытаемся понять.

Времени на консультации практически не оставалось. В запасе отец имел полтора, максимум два дня. Проще всего, казалось, собрать совещание в Москве, но этот вариант отец отверг сразу. Разговаривать здесь о вмешательстве наших войск во внутренние дела соседнего государства он считал неэтичным. Предложение собраться в любой другой столице он тоже не принял. Если позиции Чехословакии, Болгарии, Румынии и Албании достаточно легко прогнозировались, то, что ответит Гомулка, предсказать становилось уже труднее.

Еще более неопределенной виделась позиция Югославии. Страна не входила в Организацию Варшавского договора и, главное, в многолетней борьбе Матиаса Ракоши и Имре Надя твердо поддерживала последнего. Отец рассчитывал на одно: резкий поворот нового венгерского правительства вправо, обращение за помощью к НАТО должны поколебать доверие к

нему со стороны Тито.

Если собрать всех вместе, обсуждение грозило затянуться. А в запасе оставалось всего два дня!

Отец решил провести переговоры по частям. Сначала встретиться с Гомулкой и попытаться его уговорить. Если же поляки заупрямятся, то хотя бы нейтрализовать их. В любом случае наши действия не окажутся для поляков неожиданностью, а это уже великое дело.

Для встречи выбрали приграничный военный аэродром на советской территории, в районе Бреста. Времени оставалось в обрез. Дорожили каждой минутой.

Следующая остановка намечалась в Бухаресте. Туда согласились прибыть президент Чехословакии Антонин Новотный и Первый секретарь Болгарской коммунистической партии Тодор Живков. Румынскую сторону представлял Георге Георгиу-Деж. Албанцы отсутствовали. Не знаю, может, о них в суматохе просто забыли.

Из Бухареста, заручившись поддержкой союзников, отец намеревался совершить самый трудный шаг — попытаться склонить на свою сторону Иосипа Броз Тито, отдыхавшего на острове Бриони.

Вылет из Москвы назначили на раннее утро 1 ноября. Обставили его столь же таинственно, как и недавний полет в Варшаву. После обеда позвонил дежурный из приемной ЦК и лаконично передал просьбу отца собрать вещи для командировки. И снова никаких уточнений: ни куда, ни на сколько.

Мы, конечно, догадывались, чем вызван поспешный отъезд. Домой отец вернулся поздно, весь измотанный, нервный. Остаток дня он провел на телефоне, созванивался с союзниками, договаривался о встрече. Это деликатное дело он не считал возможным доверить никому. Благо связь работала безукоризненно.

На собравшемся вечером, втором в этот день, заседании Президиума ЦК утвердили директивы и состав делегации. Возглавлять ее поручили отцу. С ним направлялись Молотов и Маленков. Ну и, конечно, обычная свита.

Отец рассчитывал если не на авторитет, то на упорство Молотова, на его положение старейшего в руководстве нашей партии. И еще, учитывая жесткость позиции Молотова в отношении Варшавы, он хотел, чтобы последний разделил с ним ответственность за предстоящее решение, каким бы оно не оказалось. После встречи с поляками Молотову предстояло вернуться в Москву, проинформировать членов Президиума ЦК о результатах.

Отцу с Маленковым предстояло лететь дальше, в независимости от результатов советско-польских переговоров. Время не позволяло остановиться.

В тот вечер отец был немногословен.

— Улетаю ненадолго, дня на два. Сначала в Брест, а оттуда в Бухарест. Надо посоветоваться с товарищами, — вот все, что он захотел сказать нам. О Югославии он не упомянул.

Где-то под полночь, едва отец начал засыпать, его разбудил резкий звонок «вертушки». Отец встрепенулся и поспешно схватил трубку. В эти тревожные дни ночной звонок мог означать все, что угодно.

Звонил Микоян. Они с Сусловым только что прилетели из Будапешта. Анастас Иванович стал рассказывать о своем видении происходивших там событий. Они становились все более грозными, непредсказуемыми, но Микоян надеялся на разум Имре Надя, считал, что может наступить перелом.

Ничего нового, оправдывавшего столь поздний звонок, Анастас Иванович не сообщал. События в Будапеште развивались, подчиняясь хорошо прогнозируемой внутренней логике. Да и решение уже принято…

Отец собрался поблагодарить Микояна и прекратить затянувшийся разговор. Как бы почувствовав изменение настроения на другом конце провода, Анастас Иванович заторопился. От волнения армянский акцент усилился, он зачастил, проглатывая слова, Микоян втолковывал, что вооруженное вмешательство — огромная ошибка, оно преждевременно. Принятое днем решение Президиума ЦК нужно отменить или, по крайней мере, собраться для повторного обсуждения и выслушать их с Сусловым точку зрения.

— Суслов мне не звонил, — с едва заметной ноткой раздражения перебил Микояна отец. — И мы уже приняли решение…

Микоян стоял на своем.

«Началось», — промелькнуло в голове у отца.

Он приготовился убеждать Гомулку, а начать придется здесь, в Москве, с Микояна. Принятое решение он менять не собирался, время сомнений прошло. Они остались далеко в прошлом, в предыдущей бессонной ночи, принадлежали теперь истории. Пришла пора действовать, и всякое дополнительное обсуждение только затянет время, еще больше накалит обстановку, приведет к новым ненужным жертвам.

Микоян продолжал говорить. Казалось, он боялся остановиться.

— Анастас, мы сейчас ничего не добьемся, время позднее, —

вновь перебил своего собеседника отец, — вчера я ночь не спал, просидел с китайцами, и завтра день предстоит нелегкий. Если хочешь, давай встретимся перед моим отъездом в аэропорт, на свежую голову. А пока ты остынь, подумай.

Микоян неохотно согласился, он подойдет пораньше утром, благо особняки на Ленинских горах, где жили отец и Микоян, располагались рядом. Положив трубку, отец еще долго не мог заснуть, ворочался. Утром он встал затемно, я еще спал. В столовой его ждал обычный завтрак. Он отодвинул тарелку, глотнул чаю с лимоном. Допивать чай не стал. Встал из-за стола и, перейдя в соседнюю комнату, поднял трубку телефона, соединяющего с дежурным начальником охраны. Прозвучала дробь уставного ответа: «Капитан такой-то слушает».

— Хрущев говорит, — голос отца звучал глухо, — передайте Микояну, что я выхожу.

Микоян не заставил себя ждать. Поздоровались они не сухо, но и без обычной теплоты. Время раннее, а тема предстоящего разговора не располагала ни к шуткам, ни к улыбкам.

В дом решили не заходить, пошли по дорожке вдоль забора. Анастас Иванович начал первым, он повторил сказанное по телефону: «Еще не все потеряно, надо выждать, посмотреть, как станут развиваться события, ни в коем случае не пускать в дело войска».

Время истекало. Вдали ухнули ворота, во двор вполз громоздкий ЗИС-110. Пора ехать. А Микоян все говорил:

— Так чего же ты добиваешься, Анастас? — перебил его отец — Там вешают, убивают коммунистов, а мы будем сидеть сложа руки, ожидать, когда американские танки очутятся у наших границ? Мы обязаны помочь венгерским рабочим, нашим братьям по классу. В конце концов, это в наших геостратегических интересах! История не простит нам нерешительности и малодушия.

Микоян молчал:

— К тому же решение принято, — продолжил отец, — мы все обсудили и не нашли другого выхода. Думаешь, мне легче? — отец на мгновение замолчал, тяжело вздохнул и добавил: — Надо действовать, ничего иного не остается.

Отец свернул на дорожку, ведущую к машине, но Анастас Иванович удержал его:

— Если начнется кровопролитие, я не знаю, что с собой сделаю! — почти выкрикнул он.

Отец удивленно посмотрел на Микояна, таким он его еще не видел. Но что он мог ему ответить? Уговаривать бесполезно, да и время вышло. На аэродроме его ожидали Маленков и Молотов.

— Анастас, ты разумный человек. Подумай, оцени, взвесь, и ты поймешь, что принято единственно правильное решение. Даже если прольется кровь, она убережет нас от еще большего кровопролития, — отец пытался успокоить, вразумить своего друга — Подумай, и ты поймешь.

Он не договорил, круто повернулся и решительно направился к машине Анастас Иванович понуро побрел к калитке.

Самому Анастасу Ивановичу помнится, что он лишь «обдумывал отставку из Политбюро (Президиума ЦК). В первый раз — в 1956 году из-за решения применить оружие в Будапеште, когда я уже договорился о мирном выходе из кризиса».[30]

О чем он договорился, что означает «мирный выход из кризиса», Анастас Иванович не пояснил. И без пояснений ясно, мирным оставался единственный «выход из кризиса» — капитуляция.

Отец улетел, а Микоян отправился на заседание Президиума ЦК. Там, в отсутствие отца, он повторил свои аргументы: «Требование вывода советских войск стало всеобщим. Силой сейчас ничего не поможешь. Надо вступить в переговоры, выждать дней десять-пятнадцать, поддержать это правительство. Если положение стабилизируется, тогда дело пойдет к лучшему. Венгрию упускать нельзя».[31]

Говорил Микоян бессвязно и понимания у членов Президиума не нашел. Заседание продолжалось почти весь день, с перерывом на обед и завершилось, как и началось, выступлением Микояна. Теперь Анастас Иванович считал, что «если Венгрия становится базой империализма, тогда нет разговора. Нельзя допускать школярский подход. Есть еще три дня подумать, посоветоваться с товарищами. Тактика: держать с ними контакт».[32]

Об упомянутой в мемуарах договоренности с Имре Надем на Президиуме ЦК не прозвучало ни слова, и уж совсем неясно, когда Анастас Иванович подумывал об отставке? До заседания Президиума ЦК? Во время перерыва на обед? Но уж точно не после своих заключительных слов.

У отца всю дорогу кошки скребли на сердце, но он не усомнился в своей, в их общей правоте. Ни Маленкову, ни Молотову он не стал рассказывать о состоявшемся разговоре. Нет, он не боялся поколебать их решимость, не хотел подводить своего друга, выступившего против коллективного решения Президиума ЦК. Если Микоян захочет, он скажет сам.

В самолете отцу все вспоминались последние отчаянные слова Анастаса Ивановича. «Ничего он не сделает», — успокоил он себя. Микоян ничего и не сделал, он подчинился решению

партии.

Суслов отцу не звонил.

К месту встречи с поляками отец на правах хозяина прилетел первым. Для переговоров выделили красный уголок дислоцировавшегося на аэродроме штаба авиационного полка.

Я возвращаюсь к воспоминаниям отца.

«Прибыли товарищи Гомулка и Циранкевич… Мы изложили свою точку зрения… Они выслушали молча. Мы поставили вопрос:

— Как быть?

Гомулка высказал соображение, что ситуация очень сложная, но все-таки он считает, что не следует применять военную силу. Я спрашиваю:

— А что же нам тогда делать? Сейчас Надь Имре требует вывода советских войск из Венгрии.

— Войска не выводить!

— А что дальше? Идет истребление актива Коммунистической партии Венгрии. Убивают, вешают. Наши войска должны наблюдать?… Надо тщательно взвесить, к чему это приведет!..

— Мы все-таки считаем, что войска выводить не следует, но и пускать их в дело тоже не следует, — продолжал Гомулка. — Надо дать возможность правительству, занимающему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам восстанет и свергнет его.

— А какое потребуется время? — говорю я. — Сколько времени пройдет, пока он окрепнет и сможет восстать? Актив, занимающий правильные позиции, истребляют. Физически уничтожают!

Изложив наши позиции, мы распрощались. Они сейчас же уехали в Варшаву».

К сожалению, в воспоминаниях отца о переговорах остаются за кадром Маленков и Молотов. Молчали они? Или нет? В свое время, когда отец не раз возвращался к этой истории, мне не пришло в голову задать вопрос. Сейчас спросить не у кого.

Как я уже говорил, отец не рассчитывал, что поляки впрямую выскажутся за вооруженное вмешательство. Но они и не выступили против, их возражения не звучали категорично. Более того, отец побаивался, что Гомулка и Циранкевич в какой-то мере могут поддержать требования Имре Надя о выводе советских войск. Занятая поляками позиция приятно удивила его.

Польские руководители в тот же день от имени ЦК ПОРП обратились к венграм с призывом к благоразумию.

В Бухарест прилетели в середине дня. Отца с Маленковым

там уже ждали. Собрались все, как уславливались. Настроение было нервное, тревожное. Соседей Венгрии особенно беспокоили границы. Обычными стали их нарушения. Далеко не все в Венгрии приветствовали происходившее в Будапеште, кто бежал, беспокоясь о собственной судьбе, иные просили помочь оружием.

Собравшиеся высказывались единодушно: «Надо действовать, и немедленно».

Тодор Живков, а за ним Георге Георгиу-Деж предложили свои воинские формирования для участия в готовящейся операции. Отец отклонил их инициативу: советские дивизии справятся сами. Они находятся в Венгрии по праву победителей во Второй мировой войне, на них, по Потсдамскому соглашению, как на оккупационные войска возлагается ответственность за поддержание порядка, их вмешательство имеет юридические основания. Кроме того, не следует забывать: венгры — верные союзники Гитлера — зверствовали на советской территории поболее самих немцев, и Будапешт в конце войны мы не освобождали, а брали приступом. Солдаты получали медали: «За освобождение Софии и Праги, Белграда и Бухареста», но «За взятие Берлина и Будапешта, Вены и Кенигсберга». Это не только наше право, но и обязанность — не допустить враждебные войска на территорию стратегически важного партнера. Принятое решение соответствовало национальным интересам СССР и интернациональным интересам социалистического или, если хотите, Восточно-Европейского альянса. Таковы политические реалии, определявшие правила поведения держав-победительниц, как СССР так и США. Для сравнения вообразите себе реакцию американцев, если бы в Японии 1956 года толпы разъяренных японцев убивали на улицах своих сограждан, лояльных оккупационной власти, требовали пересмотра результатов Второй мировой войны, Сан-Францисского мирного договора, вывода войск США со своей территории. Вообразили? То-то же!

В отличие от напряженной беседы с поляками, обстановка в Бухаресте сложилась непринужденной, дружественной. Отец даже позволил себе пошутить: предлагая участие своих войск, румыны идут по проторенной дорожке. Ведь в 1919 году они принимали активное участие в подавлении венгерского восстания, возглавляемого Белой Куном. За разговорами минул день. В Югославию предстояло лететь ночью. Прогноз погоды по трассе полета давали неутешительный — гроза. Доложили отцу: «Лететь нельзя».

Он пригласил командира экипажа самолета. Через несколько минут в комнату вошел полковник Цыбин. Он по соседству ожидал распоряжений.

Цыбину отец доверял полностью, имел возможность убедиться в его мастерстве.

Войдя в помещение, Цыбин остановился у двери и, сделав попытку подтянуться, насколько это позволяла его грузная фигура, произнес полууставное: «Прошу разрешения…»

Отец улыбнулся:

— Говорят, нет погоды? Запрещают полет?

— Совершенно точно, лететь нельзя, — расплылся в улыбке Цыбин.

— А если надо? — продолжал отец. Цыбин расплылся еще шире.

— Если надо — полетим, Никита Сергеевич, — и, подобравшись, уже строго закончил: — Прикажете готовиться?

— Полетели, — закончил отец.

Цыбин отозвался коротким: «Есть!» — и вышел.

Отец знал, что это не бравада. Просто пилот уверен в себе. Когда Цыбин отвечал «нет», он больше не настаивал, значит, лететь действительно нельзя.

Вот что вспомнил об этом путешествии отец: «Погода была отвратительная. Внизу горы. Ночь. Начался ураган. Вокруг грозовые тучи, молнии сверкают. Я не спал, сидел у окна самолета. Я много летал, всю войну и после войны, но в таком переплете я никогда не был…

Из-за болтанки в самолете Маленков совершенно превратился в труп. Его очень укачивает. Даже при поездке в автомобиле по ровной дороге».

Удачное приземление еще не означало конца путешествия. Теперь предстояло переправиться на остров Бриони. Море разгулялось не на шутку. «Мы пересели в маленький катер. Маленков лег и глаза закрыл. Я уже стал просто беспокоиться, как мы доберемся до острова Бриони, и в каком состоянии будет Маленков. Выбора у нас не было…»

Но конечно не волнение на море, а предстоящий разговор заставлял отца нервничать. За спиной Имре Надя ему постоянно виделась тень Тито. События в Будапеште режиссировали в Белграде. По мере развития кризиса, шаг за шагом доверие к югославам со стороны советских руководителей падало, отношения натягивались, становились нервозными. Притихшие на время разоблачители «клики Тито — Ранковича» подняли головы. «Мы предупреждали», — правда, пока еще вполголоса звучало в коридорах серого здания на Старой площади.

«Я ожидал, что нам придется выдержать более сложную атаку со стороны Тито. Более сложную в сравнении с обсуждением с польскими товарищами», — переживал отец.

Подошли к острову. Причалили. «Нас на пристани ожидал Тито. Тито нас очень радушно принял. Обнялись мы, расцеловались».

Переговоры начались незамедлительно. Ни хозяева, ни гости не обращали внимания на наступившую ночь. Маленков был плох, но старался держаться из последних сил. Мучительные приступы морской болезни практически не позволили ему активно включиться в разговор. Отец в третий раз за день изложил нашу позицию и изготовился к дискуссии. Однако возражений со стороны югославов не последовало.

«Тут мы были неожиданно приятно поражены.

Тито сказал:

— Абсолютно правильно. Надо немедленно пустить в дело войска и оказать Венгрии помощь, разгромить контрреволюцию.

Он начал горячо доказывать необходимость этого мероприятия. Весь наш заряд, который мы готовили, ожидая, что будет сопротивление, остался неиспользованным. Мы думали, что надо будет доказывать, а может сложиться так, что мы уедем не договорившись. Это еще больше осложнило бы наше положение. Вдруг мы получили такую поддержку. Я бы сказал даже, подталкивание на более быстрые и решительные действия».

Видимо, и Тито засомневался в дальнейшем развитии событий. Надежды на сохранение власти в руках нерешительного Имре Надя становились все более иллюзорными. Устранение от власти коммунистов, не говоря уже о большем, никогда не входило в намерения Тито. Тут он придерживался с отцом одинаковых позиций. Борьба вышла за рамки столкновения сторонников и противников Матиаса Ракоши. Вчерашнее заявление венгерского правительства о выходе из Организации Варшавского договора звучало недвусмысленно. К тому же Тито понимал: к нему приехали за поддержкой, имея в кармане готовое решение. Отец, собственно, и не скрывал этого.

В разговорах прошла ночь. Настала пора прощаться. Вылет назначили на утро 2 ноября — предпоследнего дня подготовки операции. Еще в Бухаресте отцу сообщили, что, как и договаривались заранее, Янош Кадар и Ференц Мюнних перешли в расположение наших войск и сейчас для согласования плана действий самолетом направляются в Москву. О скором вмешательстве наших войск они пока не знали.

В Москву прилетели во второй половине дня, ближе к вечеру. Отец, не заезжая домой, направился прямо в Кремль.

За то время, что отец провел вне Москвы, в Будапеште произошли немаловажные события. Правительство снова реорганизовалось, в него вошли люди, открыто противостоявшие

союзу с Москвой. Оформилось непреклонное требование вывода советских войск с территории Венгрии. Тем временем Конев доложил, что войска направляются на исходные рубежи, он приступил к окружению аэродромов, транспортных узлов и других стратегически важных пунктов.

Янош Кадар не находил себе места: он, член правительства, второй день не появляется в столице. Возможно, его уже разыскивают. Но поделать он ничего не мог. На все вопросы сопровождавшие его спортивного вида парни вежливо отвечали: «Ждите». Они и сами не знали, чего ждать и как долго.

2 ноября венгров пригласили в Кремль на заседание Президиума ЦК. Кадар проинформировал членов советского руководства об обстановке в Будапеште, сказал, что «контрреволюционные силы не малы, но если восстановить порядок силой, то пострадает авторитет социалистических стран». Вслед за ним выступил Ференц Мюнних, он держался более определенно: «Путем политической борьбы не удастся справиться с событиями». Еще жестче высказался начальник Генерального штаба венгерской армии Иштван Бата: по его мнению, пришедшее к власти «правительство, сознательно или нет, готовит столкновение венгерских и советских войск. Надо военной диктатурой навести порядок».[33]

Все сказанное подтверждало правильность принятого решения о применении силы.

На следующий день заседание продолжилось, уже с участием отца и Маленкова. Начали с обсуждения кандидатур в новое венгерское руководство. Договорились, что революционное правительство возглавит Янош Кадар, перед своим исчезновением из Будапешта провозгласивший создание новой Венгерской социалистической рабочей партии.

Правда, решение далось не безболезненно: против кандидатуры Кадара выступил Молотов. Он не доверял этому венгру — сидел в тюрьме, а теперь еще вошел в правительство Имре Надя… Молотову больше импонировал Ференц Мюнних, человек проверенный, проведший половину своей жизни в Союзе, и вообще ему не нравилось упоминание в проекте декларации нового венгерского правительства «клики Ракоши — Гере», не нравилось переименование партии. Он считал необходимым оставить старое название: «Венгерская партия трудящихся. Это предохранило бы их от перехода на югославские позиции».

К Молотову присоединился Шепилов: «Они (то есть Кадар со товарищи) внесли в текст слова «Клика Ракоши и Гере». Тем самым мы даем печальные возможности опорочить весь двенадцатилетний период работы Венгерской партии трудящихся

(под руководством Ракоши). Надо ли порочить кадры?»

— Не понимаю Молотова. Вредные мысли вынашивает, — взорвался отец.

— Одернуть надо, чтобы не командовал, — огрызнулся Вячеслав Михайлович. Однако, кроме Шепилова никто на его сторону не стал.[34]

В декларации осталась «Клика Ракоши — Гере».

Не согласился отец с Молотовым и в отношении кандидатуры Ференца Мюнниха. Он хорошо знал Мюнниха еще с 1930 года. Отец возражал именно потому, что знал Мюнниха как человека прямолинейного, а Кадар с первого взгляда понравился отцу: умный, гибкий, умеет говорить. Да и у Ракоши в тюрьме сидел — для отца это звучало совсем иначе, чем для Молотова.

Вечером 2 ноября я поджидал отца с нетерпением. В тот день он возвратился из командировки, но дома еще не появился. Я перестал понимать, что происходит. Казалось, мир покатился в пропасть. По сообщениям газет, в Венгрии началось настоящее побоище: говорилось о бесчинствах контрреволюционных банд, развернувшейся охоте на коммунистов, вынужденных скрываться. С пойманными расправляются прямо на улицах. Из Австрии в Будапешт самолет за самолетом возвращаются бежавшие после войны фашисты, хортисты и бог знает кто еще.

По венгерскому радио объявили: всем бывшим сотрудникам распущенной службы государственной безопасности без промедления сдаться властям, и далее — информация о насилии над коммунистами, снова сопровождаемая в газетах фотодокументами. Сообщалось о прекращении работы предприятий и реорганизации правительства. В него взамен изгнанных коммунистов включили вернувшихся с Запада правых буржуазных деятелей.

«Как можно терпеть такое? — не укладывалось в моей в голове. — Почему мы бездействуем? Это настоящее предательство!» Молчать я не мог, просто не хватало сил. Начал я нейтрально осведомился, как отец съездил и куда. Этого мы пока так и не узнали.

Отец не стал таиться, сказал, что был в Бухаресте, а затем летал к Тито, но о цели вояжа не произнес ни слова.

— А что дальше будет? — с замиранием сердца спросил я.

Отец помолчал, как бы взвешивая, отвечать — не отвечать, и коротко отрезал: «Подожди до послезавтра».

Оставалось гадать, что же произойдет послезавтра?

О доверенной мне тайне я распространяться не стал. Послезавтра что-то должно произойти. И все произошло. В дело вступили военные, события покатились по иным рельсам. Пролилась кровь, много крови. Конев штурмовал Будапешт. Вернее, захватил его. Серьезного сопротивления войска не встретили, все завершилось в течение двух дней, венгры потеряли 2 502 человека убитыми и еще 19 266 ранеными. С советской стороны погибло 720 военнослужащих и 1 540 человек получили ранения. Двести тысяч венгров бежали в соседнюю Австрию. Конев и постоянно находившийся рядом с ним председатель КГБ Серов за эту операцию получили высшие военные ордена. Кажется, Суворова. И не одни они. Всех участников операции приравняли к тем, кто воевал с гитлеровскими фашистами. Впервые… В моих глазах они выглядели героями, спасителями.

Я искренне одобрял вмешательство. Мне представлялось, что правда и справедливость целиком на нашей стороне, наши танки несут Венгрии свободу, мир и процветание, защищают ее от сил зла.

Так считал не один я. Да и рассуждая с позиций исторической объективности, крови не удалось бы избежать, примени Советский Союз силу или нет, и вне зависимости от того, какая из противоборствующих сторон взяла бы верх. Только в одном случае пролились бы реки крови наших сторонников, их в Венгрии насчитывалось немало, и счет пошел бы на многие сотни тысяч, в другом — пострадали наши противники. К

сожалению, развенчание кровавых диктаторов и диктатур в истории никогда еще не обходилось без крови. С разных сторон одни и те же события видятся очень по разному: борцы за свободу для одних, для других — кровавые террористы.

Серов прислал отцу очередной альбом с фотографиями пустынных улиц Будапешта: стены домов выщерблены снарядами и пулями, витрины и окна зияют провалами или забиты досками.

Посольство доносило: в своей массе народ поддерживает проведенную акцию. В восстании, судя по шифровкам Андропова, активно участвовала лишь горстка антикоммунистически настроенной интеллигенции. Ей удалось привлечь на свою сторону учащуюся молодежь. Рабочий класс, особенно за пределами Будапешта, не поддерживал контрреволюционных призывов. В одних местах он держал нейтралитет, в других — изготовился к отпору.

По мнению посольства, не удалось вовлечь в вооруженную борьбу и крестьянство, на призывы выхода из колхозов они не отреагировали. Продолжали спокойно работать.

Следовал вывод: восстание не имело поддержки в народе, его разгром получит положительный отклик среди значительной части населения Венгрии.

Кризис в Польше, а особенно венгерская трагедия оказали огромное влияние на демократические процессы не только в этих странах, но и в Советском Союзе. Я не погрешу против истины, если скажу, что при принятии решений вплоть до 1964 года, дальше я просто не знаю, в головах членов Президиума ЦК КПСС постоянно отдавались громыхающие залпы орудий в Будапеште.

Андропов, проведший все эти дни в городе, Суслов и Микоян, ночевавшие в наших войск на военном аэродроме, и не бывавшие там наши руководители оказались травмированными Венгрией.

Я отчетливо помню резкие интонации возражений отцу, когда он высказывался о целесообразности дальнейшей, пусть очень робкой либерализации нашего общества. Наперебой начались увещевания: «Как можно, Никита Сергеевич? Вспомните, в Венгрии тоже все начиналось с "Кружка Петефи", а кончилось чем? Кровопролитием».

Эти аргументы на отца действовали. Он отступался. И при подготовке пресловутых проработок интеллигенции в начале 60-х годов тоже маячило пугало «Кружка Петефи» и ожидаемых трагических последствий. А отсюда естественное требование: удавить крамолу в колыбели. Давили не без успеха, но и без пользы.

Несколько слов об отношении отца к судьбе Имре Надя, искавшего спасения в югославском посольстве, казавшемся ему

надежным и единственно приемлемым для него, коммуниста, убежищем. Надь не счел возможным, как кардинал Миндсенти, обратиться за помощью к американцам.

Югославы спасли бывшего премьера, но этот шаг до крайности натянул отношения отца с Тито. Отец считал себя обманутым, преданным, а Тито — ведущим двойную игру. «Ведь он поддержал вмешательство, и не просто поддержал, а подталкивал нас», — негодовал отец. Масла в огонь подлило выступление Карделя с осторожным осуждением наших действий. С тех пор отец относился к нему с плохо скрываемым недоверием и неприязнью.

Пребывание Имре Надя в посольстве тяготило Тито. В его планы не входил разрыв только что наладившихся отношений с Москвой. Поэтому он с облегчением воспринял заверения Яноша Кадара: в случае выхода Имре Надя из здания посольства венгерские власти не арестуют его. Именно не арестуют, а не гарантируют безопасность и неприкосновенность. Советская сторона никаких обязательств на себя не брала, а югославы подобных условий не ставили, хотя знали, что в городе распоряжается советский комендант. Отец, не колеблясь, санкционировал арест Имре Надя. Теперь обманутым оказался Тито.

— На свободе в Будапеште Надь Имре представляет слишком серьезную помеху для деятельности Кадара, — пояснил мне отец свою позицию в ответ на очередной вопрос. — Неизбежно вокруг него начнут собираться недовольные, а у нынешнего руководства и без него забот хватает. Пусть поживет в Румынии, пока положение стабилизируется, правительство укрепится, наберет силы. Живет же у нас Ракоши.

О возможности суда, а тем более физического уничтожения Надя речи не заходило.

— Пройдет время, там видно будет, — неопределенно высказался отец.

Прошло время, положение в Венгрии стабилизировалось. По-разному сложились судьбы вышедших на улицы людей. Одних судили, других простили, кого-то застрелили на улицах под горячую руку. Многие бежали за границу, благо в первые дни выезд никто всерьез не контролировал. Кардинал Миндсенти продолжал укрываться в посольстве США. Имре Надь ожидал своей участи, казалось, о нем на время забыли. Но только казалось. Без суда над бывшим главой правительства, вернее, его осуждения у новой власти не сходились концы с концами. Требовалось подтвердить законность захвата власти и хотя бы задним числом признать незаконность, преступность

предшественников — правительства Имре Надя. Кадар обратился к Советскому Союзу, а через его посредство — к Румынии с просьбой выдать Имре Надя.

Отца обескуражила эта просьба. В своем первом телефонном разговоре со своим другом Яношем он попытался его отговорить, ведь венгры взяли на себя обязательство не арестовывать Имре Надя. Но Кадар стоял на своем.

Как политик, отец не мог недооценивать аргументов, приводимых венгерскими руководителями. Да и хорошие отношения с ними перевешивали неизбежную отрицательную реакцию Тито. Все равно отношения с ним натянулись донельзя.

Отец сдался: Имре Надь оказался в венгерской тюрьме. Его давнишний оппонент Матиас Ракоши продолжал жить в Советском Союзе. О возвращении на родину он уже не помышлял.

Вскоре после выдачи Имре Надя венграм, задолго до начала процесса над ним, 5 февраля 1958 года Президиум ЦК (присутствовали Хрущев, Ворошилов, Микоян, Аристов, Кириченко) постановил обратиться к Яношу Кадару с просьбой «проявить твердость и великодушие».[35]

Не подействовало. В июне 1958 года Имре Надя судили. Суд вынес неожиданно жесткий приговор — бывшего Председателя Совета министров решили казнить. После смерти Сталина, если не считать расстрела Берии, это был первый подобный приговор в политическом процессе.

Отец позвонил Кадару, выразил свое сомнение в целесообразности столь тяжелого приговора. Он считал: раз правительство полностью контролирует положение в Венгрии, то Имре Надь не представляет реальной опасности. В крайнем случае, его можно выслать из страны, например обратно в Румынию. Кадар настаивал. С предложением отца помиловать Имре Надя после приговора и выслать из страны он также не мог согласиться.

Отец с тяжелым сердцем опустил трубку. 17 апреля 1958 года Имре Надя расстреляли. Этот акт по справедливости навлек позор не только на голову Яноша Кадара, но и на голову отца.

Когда я расспрашивал отца об этом решении, он задним числом оправдывал, а точнее, объяснял мотивы поведения Яноша Кадара. Он говорил, что живой Имре Надь останется притягательной силой для противников нового правительства. Они будут сплачиваться вокруг него. Казнь Надя, как это ни жестоко, разрубила узел.

В течение всех оставшихся лет призрак Надя стоял между отцом и Тито.

Вернемся в Египет, к Суэцкому кризису. 30 октября радио

сообщило о начале наступления израильских войск на Синайском полуострове. Одни источники утверждали, что атакующие продвинулись на 80 км, другие, что до города Суэц им осталось всего 20 км. Отец так гордился нашей помощью Египту оружием. Его армию вооружили танками, бронетранспортерами, не говоря уже обо всем остальном. И такой разгром в первый же день! Мне было до крайности обидно за египтян и еще больше за наше оружие. Я попытался узнать у отца, что же случилось, но куда там, в Венгрии наступил кризис. Он готовился к приезду китайской делегации.

В Египте объявили всеобщую мобилизацию. Советскому Союзу пока было не до Насера. В роли «миротворцев» выступали Великобритания и Франция. Они направили совместный ультиматум и своему союзнику Израилю, и подвергшемуся нападению Египту с требованием отвести войска с той и другой стороны на 10 км от Суэцкого канала. Одновременно они потребовали согласия Насера на оккупацию, конечно временную, Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. Условия ставились жесткие, сроки еще жестче, на размышление давалось двенадцать часов. А там пеняйте на себя, союзники применят силу. Срок истекал 31 октября в четыре часа тридцать минут по Гринвичу.

Министерству иностранных дел поручили срочно подготовить заявление советского правительства о вооруженной агрессии против Египта. Писали его по накатанной стандартной схеме, клеймили империализм, возлагали всю ответственность за последствия на агрессоров, оставляли за собой свободу действий. Аналитикам из Форин-офис оно позволяло сделать вывод: Москве не до Суэцкого канала, Советский Союз ограничится словами. И появилось заявление с запозданием. Только 1 ноября. Пока рождалось наше заявление, многое изменилось. Насер категорически отверг ультиматум. Заблаговременно сосредоточенные на близлежащих авиационных базах английские и французские самолеты приступили к бомбардировке египетских портов и столицы страны Каира.

Президент Египта полковник Насер направил президенту США Дуайту Эйзенхауэру, Председателю Совета министров СССР Николаю Булганину, премьер-министру Индии Джавахарлару Неру и президенту Индонезии господину Сукарно послания с призывом о помощи. Первым двум — как руководителям великих держав, способных воздействовать на агрессора, двум другим — как лидерам движения неприсоединения.

Эйзенхауэр выступил с развернутым обращением к конфликтующим сторонам, ко всем государствам и народам с изложением своей позиции. Я позволю себе напомнить лишь

основные положения. Американский президент осудил применение силы в решении конфликтов между странами и сказал, что Великобритания и Франция не консультировались с США, принимая решение о вооруженном вмешательстве. Далее он торжественно заявлял, что его страна не примет участия в войне ни на той, ни на другой стороне, но осуждение агрессии Великобритании и Франции ни в коей мере не скажется на узах дружбы, связывающих союзников по Североатлантическому договору. В заключение он провозглашал, что целью политики Соединенных Штатов является локализация вспыхнувших боев и прекращение вооруженного конфликта.

Отец узнал об обращении президента США лишь перед отлетом на встречу с Гомулкой в Брест. Он успел только пробежать текст глазами, времени на внимательное изучение не оставалось. И из беглого ознакомления становилось ясно, что американский президент захватывает инициативу. С одной стороны, он выступает миротворцем, а с другой — кто может сомневаться, что Англия и Франция с их армиями, накопившими опыт боевых действий в недавней войне, и без посторонней помощи справятся с египетскими вооруженными силами, только недавно пересевшими с верблюдов на танки?

Подготовленное нашим МИДом новое заявление конкуренции не выдерживало. Тут требовалось блюдо поперченее, но заниматься еще и этим у отца совершенно не оставалось ни сил, ни времени. Он махнул рукой, свою позицию мы обозначили, а что дальше — посмотрим… Отец вернулся к проблеме Суэца только в ночь со 2 на 3 ноября в беседе с президентом Тито. Они уже обговорили все вопросы, связанные с Венгрией, и отец собрался поспать пару часов перед назначенным на раннее утро отлетом. Тито, видимо нервничая, уговорил его заменить сон беседой.

Средиземноморский конфликт первым затронул отец. Он выразил сомнение: не опасно ли в такое время оставаться Тито на острове. По его словам, над ним сейчас летает слишком много бомбардировщиков, ничего не стоит одному или нескольким из них «по ошибке» сбросить свой груз на резиденцию друга Насера. Разбирайся потом.

Тито уговаривал отца поддержать неокрепшее руководство Египта всеми имеющимися в распоряжении Советского Союза средствами. По его мнению, Венгрия не отвлечет больших сил.

Отец опасался возможности быть втянутым в войну. Об этом он и слышать не хотел. Припугнуть же агрессоров — другое дело, но все зависело от того, как обернется в Венгрии.

Они проговорили до утра, отец ничего не обещал, хотел все

как следует взвесить. Но в голове у него уже начал складываться план: неплохо пригрозить Идену и Ги Молле ракетами, о них он много и подробно рассказывал весной в Лондоне, с упоением жонглировал цифрами: сколько ракетных зарядов потребуется для уничтожения Великобритании и на сколько ракет потянет Франция. Отец прекрасно знал, что у нас не только нет развернутых на позициях ракет с ядерными боеголовками, но их вообще не существует в тех количествах, о которых шла речь. Это, по его мнению, не имело значения. Разведки западных стран, зафиксировавшие запуски Р-5 в Капустином Яру, наверняка подтвердят обоснованность наших заявлений. А сколько их у нас, ни англичане, ни французы не знают. По крайней мере, не должны знать. Можно рискнуть. Кто не рискует, тот не побеждает.

Вторая часть плана нацеливалась дальше. Отец надумал предложить президенту Эйзенхауэру осуществить совместную акцию вооруженных сил США и СССР под эгидой ООН по стабилизации положения в районе Суэцкого канала. Он не сомневался, что, несмотря на любые разногласия, Соединенные Штаты никогда не выступят против своих союзников по НАТО. Вот тогда весь мир, а в первую очередь арабские страны, увидят, кто на деле желает им помочь. Если же произойдет невероятное и президент согласится… Такого, по мнению отца, не могло произойти.

Пока же, простившись с Тито, которого так и не удалось уговорить покинуть уютный остров в Адриатическом море, отец летел в завьюженную Москву. Его снова одолели иные заботы: первым делом следует покончить с делами в Венгрии, а уж затем приниматься за Египет.

Мне казалось, что все потеряно. Прочитав заявление Эйзенхауэра, я пришел к выводу: фигуры расставлены, основные ходы сделаны, игра сыграна. Остается только завершить партию. А это дело техники. Профессионалы один на один быстро объяснят строптивому полковнику Насеру, что к чему.

Я искренне переживал. Ведь освобождение африканских стран от колониальной зависимости мы тогда считали своим кровным делом. Может быть, и не все, но я эти события принимал очень близко к сердцу. И вот теперь — поражение!

С отцом на тему Египта я заговорил лишь 4 ноября, когда прояснилось в Венгрии. Он заметно повеселел, стал приезжать домой не так поздно, опять возобновились наши прогулки. На мой вопрос-восклицание: «Что же с Египтом?!» — отец ответил, что мы приложим все усилия, поможем египтянам.

— Но как? — удивился я. — Ведь у нас нет флота, а имеющиеся корабли заперты в Черном море. Через проливы им не

пройти.

— Зачем прорываться через проливы, напрямую, с Кавказа значительно ближе, — бросил он.

— Но придется идти через Турцию или Иран, — еще больше удивился я.

— Можно попросить их пропустить наши войска, а можно и перелететь. Не станут же они сбивать наши самолеты. Турки и персы несколько раз подумают, прежде чем решатся отказать соседу, — отпарировал отец, — и вообще, я говорю о возможностях. До войны, надеюсь, дело не дойдет.

Раз он так говорил, значит, у него в голове уже сложились какие-то планы. Я задал мучивший меня в последние дни вопрос: «Почему американцы не вмешались своими вооруженными силами в Венгрии?»

— Все произошло так быстро, что они, возможно, просто не успели. К тому же их и не приглашали. Американцам нельзя, конечно, верить на слово, они уважают только силу, но они неофициально заверили нас, что не полезут в венгерские дела вооруженными силами или прямыми поставками вооружения. Они относят Венгрию к сфере наших интересов, — задумчиво произнес отец.

— Конечно, нельзя им верить на слово, — повторил он, — но они не вмешались. Или просто не успели?…

— Если американцы проявили такое понимание, то вправе ли мы теперь вмешиваться в Египте? — настаивал я.

Отец ответил, что формально мы на одной стороне с США. Они тоже выступают за скорейшую ликвидацию конфликта. «На словах. Вот и будем действовать вместе, — отец уже улыбнулся. — Посмотрим, кто только говорит, а кто готов помочь по-настоящему».

5 ноября газеты сообщили о высадке десантов в Египте: Порт-Саиде, Порт-Фуаде, Габане и на аэродроме Эль-Гамалия. Бодряческая информация пресс-службы египетской армии об уничтожении врага никого не вводила в заблуждение.

Одновременно в Москве опубликовали обращение главы советского правительства Николая Александровича Булганина к руководителям стран-агрессоров: Антони Идену, Ги Молле и Бен Гуриону. В отличие от предыдущего заявления, этот документ целиком написал отец. Звучал он резко, предупреждал, что, казалось бы, локальный конфликт может перерасти в третью мировую войну. Советский Союз предлагал в первую очередь США, а также и другим членам ООН использовать совместно вооруженные силы для прекращения кровопролития. Со своей стороны, мы заявляли, что, независимо от решения других стран,

готовы к применению силы.

Отец не любил ультиматумов. Тут нетрудно и ошибиться. На сей раз он демонстрировал жесткость, но главное содержалось в инструкциях советским послам. При передаче обращения адресату им предписали на словах добавить, что шутить в Москве не намерены, ракеты, о которых отец рассказывал Идену, находятся на своих позициях и готовы к делу. Ждать бесконечно мы не станем. Срок для принятия решения определялся, я уж точно не помню, то ли в двадцать четыре, то ли в сорок восемь часов.

Одновременно ушло обращение к президенту США. Мы настойчиво, я бы сказал, назойливо предлагали по примеру Второй мировой войны начать совместные боевые действия против агрессоров. Только теперь — против союзников США. Отец надеялся, что ему удастся загнать Эйзенхауэра в угол. Он ценил его как честного, умного человека и военачальника, но ни во что не ставил как политика.

Не оставил отец без внимания и ООН. Министр иностранных дел Д. Т. Шепилов обратился к Председателю Совета Безопасности Джелалу Абдоху с предложением выдвинуть агрессорам ультиматум, потребовать прекратить военные действия в течение 12 часов. Для наказания агрессора в случае неподчинения Шепилов сообщал о готовности Советского Союза предоставить в распоряжение ООН свои военно-воздушные и военно-морские силы.

Все эти документы родились в голове отца. Под ними лишь расписались министр иностранных дел и Председатель Совета министров. Подпись Шепилова у отца не вызывала особых эмоций, он министр, исполнитель. Да и вообще, они вместе неплохо сработались. А вот то, что под посланиями главам правительств и государств стояла подпись Булганина, у отца вызвало ревность. В мире все обсуждали инициативу Булганина. Это, конечно, мелочь, но она уже не раз давала о себе знать.

Решил отец использовать и способ давления, совсем для нас непривычный, — организовать демонстрации протеста у зданий посольств Великобритании, Франции и Израиля.

В Москве демонстранты скандировали: «Руки прочь от Египта». В районе Суэца продолжались бои.

Отец ожидал ответа на свое послание. Нервничал. Он не исключал, что его угрозы не подействуют. В качестве следующего шага оставалась переброска в район боевых действий воздушно-десантных частей. Лондон и Париж хранили молчание. Позвонил Жуков, сказал, что в Генеральном штабе проработали вариант воздушного десанта. Результаты оказались неутешительными.

Даже если Турция и Иран не воспрепятствуют пролету самолетов, перебросить достаточное количество войск и вооружения, наладить их снабжение при наличном парке самолетов не удастся.

Вместительные самолеты у нас отсутствовали. Ил-12 едва набирал два десятка человек, а о переброске по воздуху тяжелой техники не приходилось и мечтать. В столкновении с экспедиционными войсками союзников, обеспечиваемыми всем необходимым господствующим в Средиземном море англо-французским флотом, мы обречены на поражение.

Отец согласился с Жуковым — если он говорит, то проверять нечего. Они хорошо знали друг друга. За плечами остались почти двадцать лет знакомства. За долгие годы войны они встречались не раз. И под Сталинградом, и на Курской дуге. Жуков там представлял Ставку Верховного Главнокомандования, а отец трудился в должности члена Военного совета фронта.

В командование фронтом, где служил отец, переименованным в Первый Украинский, Жуков вступил, когда в 1944 году под автоматными очередями в случайной засаде погиб генерал Ватутин. Вскоре после освобождения Киева.

В 1945-м Жуков, направлявшийся к месту нового назначения на Первый Белорусский фронт, брать Берлин, накоротке повстречался с отцом в Киеве. Тогда-то, в предвкушении победы, он пообещал на обратном пути в Москву завезти к нему в железной клетке плененного Адольфа Гитлера. Фюрер, когда принимал яд, как будто догадывался о приготовленной ему участи.

После войны обоих ждала опала. Маршал попал на Украину, теперь он командовал Одесским военным округом. Отец же, потерявший пост Первого секретаря ЦК, не раз наезжал туда в качестве Председателя Совета министров республики.

После смерти Сталина Жукова по инициативе отца назначили сначала заместителем военного министра, а затем и министром.

Сейчас они оба, Первый секретарь ЦК и глава военного ведомства, бесплодно ломали голову, как помочь не столь уж далекому, но так трудно достижимому Египту. Воздушный десант отпадал.

Оставалось уповать на обращение, направленное в Лондон, Париж и Тель-Авив. Ожидание становилось нестерпимым.

Что в этот момент действительно происходило в западных столицах, судить не мне. Расскажу, как все виделось глазами отца. Вашингтон, как он и ожидал, оставил без внимания его предложение о совместных военных действиях.

А вот в Лондоне и Париже послание произвело эффект

разорвавшейся бомбы. Ги Молле, как рассказывал отец, подняли с постели. Прочитав официальный текст, а главное, сопровождавший его комментарий с конкретными подсчетами, сколько ядерных зарядов потребуется для уничтожения Франции, премьер-министр, не одеваясь, в пижаме бросился к телефону звонить в Лондон. В британской столице царила такая же нервозная обстановка. Откуда дошли до отца столь интимные подробности, он не рассказывал, но в их достоверности не сомневался. Возможно, это заслуга Кима Филби или других, пока неизвестных нам, советских разведчиков.

Всю ночь продолжались консультации, и так и сяк прикидывали, насколько реальна угроза вмешательства Советского Союза, применения им атомного оружия. После заявления Вашингтона о своем невмешательстве они остались одни. Иден вспоминал рассказы отца о новых советских ракетах, склонялся к мнению о неоправданности риска. Ги Молле позволил себя уговорить. Решение о прекращении огня договорились объявить одновременно в Лондоне и Париже 6 ноября, до истечения срока, установленного Москвой.

В канун праздника, 6 ноября, отец продолжал мерить шагами кабинет. Наконец пытка неизвестностью сменилась облегчением — пришло сообщение о выступлении премьер-министра Великобритании Антони Идена в Палате общин. Он заявил, что задачи, поставленные перед английскими войсками, высадившимися в зоне Суэцкого канала, в основном выполнены, а посему во избежание дальнейшего кровопролития Королевское правительство приняло решение о прекращении огня с ноля часов 7 ноября 1956 года. С аналогичным заявлением выступил премьер Французской Республики Ги Молле.

Эти сообщения стали лучшими подарками отцу к празднику — 39-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Прекращение огня в результате нашего послания произвело на отца сильнейшее впечатление. Он чрезвычайно гордился своей победой. В будущем он еще не раз вернется к апробированной им методе. Еще не раз ему придется прибегать к подобной аргументации во время возникающих одно за другим обострениях вокруг Сирии, Ирана, Иордании и опять Сирии и Ирака. К счастью, все эти кризисы не столь крупного масштаба. Большинство из них остались в памяти только историков-профессионалов.

И еще. Отец убедился, сколь сильное воздействие оказывает одно упоминание о ракетах с атомными зарядами. Из этого последовали сразу два вывода: работу над ракетами следует

всемерно форсировать и совсем необязательно иметь много ракет. Достаточно заявить о них. Подобный блеф сам по себе оказался эффективным средством давления.

Выбранная им тактика, ибо блеф нельзя считать стратегией, требовала тщательного сокрытия количества и мест расположения ракет. Никакого «открытого неба»! Никакой воздушной разведки над нашей территорией! Именно поэтому отца особенно беспокоили пролеты через нашу территорию пока неопознанного высотного разведчика. Последствия Суэца оказывали свое влияние практически все последующие годы, их отзвук можно услышать даже в дипломатической канонаде, раздававшейся в период Карибского кризиса.

Несмотря на заявление о прекращении огня, бои в Порт-Саиде 7 ноября не прекратились, более того, в них приняли участие даже танки. Экспедиционные войска стремились захватить позиции повыгоднее — кто знает, когда наступит час возвращения домой. Стрельба стихла только на следующий день.

Израиль праздновал победу: тут и разгром численно превосходящей египетской армии, и приобретение новых территорий на Синайском полуострове, и огромные трофеи. Они оказались столь велики, что даже советская благовоспитанная пресса не посмела промолчать. Египетская армия потеряла большую часть тяжелого вооружения, поставленного ей из Чехословакии и СССР. В том числе почти все танки и бронетранспортеры. Солдаты их попросту побросали и разбежались.

Американские эксперты оценивали стоимость захваченного израильской армией оружия в пятьдесят миллионов долларов. По тем временам — огромная цифра. Египтяне пытались сделать хорошую мину и в свою очередь, не отрицая потерь, соглашались на тридцать танков Т-34 и пятьдесят бронетранспортеров — неисправных, непригодных к дальнейшей эксплуатации. Так, металлолом.

По Москве пополз слух, что израильтяне после окончания боевых действий обратились к советскому правительству с запросом о заключении соглашения на поставку запасных частей к танкам. А может быть, это и не анекдот: наши отношения в те годы еще окончательно не прервались.

Отец более спокойно, чем я, отнесся к постигшему Насера поражению. Он пояснял, что египтяне только осваивают танки, не знают ни материальной части, ни тактики. Не мудрено, что они поддались панике, бежали при первых ударах хорошо обученной современной израильской армии. В ней служит много офицеров и

солдат, накопивших боевой опыт в рядах союзников во время войны с фашистами.

— Их надо учить. Со временем и они научатся владеть новейшим оружием. Тогда Израилю с ними не справиться, ведь арабов пятьдесят миллионов, — продолжал отец. — Сейчас вновь придется помогать, восполнять потери, ничего не поделаешь.

Отец ошибся: ни длительные тренировки, ни современное вооружение не научили арабов современной войне.

Весь ноябрь и начало декабря отец дожимал англичан и французов, пытался выдавить экспедиционные войска из «тюбика» Суэцкого канала.

Ему пришла в голову идея пригрозить посылкой наших «добровольцев», как это происходило во время войны в Испании с Франко. С египетскими войсками оккупанты не считались, они не представляли угрозы, а вот перспектива появления в районе столкновения третьей силы — обученных советских добровольцев — не могла не заставить задуматься. Соответствующее заявление поручили опубликовать ТАСС.

В заявлении говорилось: если агрессоры не выведут свои войска с захваченных территорий, то компетентные органы Советского Союза не станут препятствовать выезду в Египет добровольцев, желающих помочь дружественному народу в борьбе против колонизаторов.

На мой вопрос, как же это люди доберутся до места назначения, отец довольно легкомысленно ответил: «Морем». Он, видимо, об этом всерьез не задумывался и после минутного размышления добавил: «Там много людей не потребуется, нужны специалисты: летчики, танкисты. А потом еще… Я думаю, вообще до этого дело не дойдет».

В нашей стране заявление ТАСС восприняли серьезно, началась запись желающих проучить зарвавшихся империалистов, помочь братьям арабам. Даже в Энергетическом институте, где я учился, отыскались охотники.

Кризис, исчерпав энергию, выдыхался. 22 декабря, незадолго до Рождества, в самый короткий день в году, пришло сообщение о завершении эвакуации английских и французских войск. Египет, празднуя победу, ликовал. В Лондоне подводили итоги. Сразу после наступления нового 1957 года Антони Иден подал в отставку. На посту главы кабинета его сменил Гарольд Макмиллан.

13 ноября министр национальной обороны Польши маршал Войска Польского Константин Рокоссовский подал в отставку со всех постов. Польское правительство на прощание наградило

военачальника орденом и, не мешкая, отправило в Советский Союз. На его место назначили лишь недавно вышедшего из тюрьмы Мариана Спихальского. Отца не удивил такой поворот событий, но информацию о новом министре обороны Польши он воспринял настороженно. Конечно, Спихальский — человек Гомулки, но, считал отец, длительное заключение вряд ли укрепило дружеские чувства генерала к Советскому Союзу. Как он поведет себя, заполучив в свои руки власть над многотысячной, хорошо вооруженной армией? Сомнения вскоре рассеялись, дружба с Гомулкой лучше всяких донесений разведки свидетельствовала: беспокоиться не о чем.

Как бы в ответ на незваный октябрьский визит Булганина и отца в Варшаву в Москву в ноябре вылетела представительная делегация: Владислав Гомулка, Юзеф Циранкевич и Александр Завадский. Ее встречали с невообразимой помпой и сердечным радушием. Переговоры, продолжавшиеся три дня, завершились к полному удовлетворению гостей. В совместном заявлении торжественно декларировалось, что Советский Союз соглашается погасить долг (и немалый) Польской Народной Республике по состоянию на 1 ноября 1956 года. Одновременно отмечалось, что отныне ликвидируются все скидки на цену силезского угля. Их в свое время установил Сталин, как бы в компенсацию за кровь, пролитую советскими людьми при освобождении Польши от фашистов.

Не обошлось и без накладок. Отношения СССР и Запада тогда напряглись до предела: они нас поливали грязью за «подавление восстания в Венгрии», мы их обливали помоями за «агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта». Ни та, ни другая сторона не стеснялась в подборе выражений, чем хлестче, тем лучше.

17 ноября 1956 года в раззолоченном Георгиевском, самом главном зале Кремля советское правительство давало полякам прощальный прием. Столы ломились от закусок, в торцах каждого из них выстроились шеренги бутылок с коньяком, водкой, грузинскими винами, нарзаном, боржоми. Отец на сей раз приказал кремлевским службам не скупиться. Отношения с Польшей того стоили.

Прием катился по накатанной колее: ели, пили, шутили, отец знакомил Гомулку с советскими знаменитостями: музыкантами, актерами, писателями. Начал его по свойски звать Веслав. Обращение по имени для отца являлось не панибратством, а проявлением высшей степени доверия, обычно, даже к ближайшим коллегам и помощникам он обращался по фамилии, реже по имени и отчеству.

Наступило время обмена заключительными тостами. Все с напряжением ждали, что скажет отец. После поражения мятежа в Венгрии он еще не выступал на публике и, естественно, не мог обойти ни Венгерских событий, ни войну в Египте. Всех интересовало и то, как на его слова отреагируют присутствовавшие в зале западные послы. Их поведением дирижировал посол США Чарльз «Чип» Болен.

По протоколу, на приеме первым выступал Гомулка. Вслед за ним взял слово отец. Он, как полагается, начал с успехов в Народной Польше, отметил укрепление позиций нового польского руководства. Отец говорил монотонно, не отрывая глаз от текста, сегодня он воздерживался от ставших уже привычными импровизаций.

Слова отца о Венгрии прозвучали относительно нейтрально, он вскользь коснулся происшедших там событий и заговорил о «нерушимой польско-советской дружбе». Болен слушал с каменным лицом. Послы Англии, Франции и Израиля то и дело бросали на него быстрые взгляды.

После слов отца: «Разбойничье нападение Англии, Франции и их марионетки Израиля на Египет является отчаянной попыткой колонизаторов возвратить утраченные позиции, запугать силой народы независимых стран. Но теперь уже не те времена, когда можно было захватывать слабые страны»,[36] Болен еле заметно повел головой и, не оглядываясь по сторонам, демонстративно направился к выходу. За ним потянулись послы Англии, Франции, Израиля, других западных стран.

То, что ушли послы стран, названных поименно агрессорами, естественно и соответствовало всем международным правилам, а вот поведение Болена противоречило заявлениям президента США Эйзенхауэра, осудившего агрессию против Египта.

Пока в Георгиевском зале происходили неприятные перемещения, отец заканчивал читать текст. Он краем глаза следил за происходившим. Наконец он провозгласил тост за дружбу, все начали чокаться. Однако настроение и ему, и гостям Болен со своей командой подпортили изрядно.

На следующий день, 18 ноября, Гомулка давал в посольстве Польши ответный прием. Все шло размеренно, по протоколу, но присутствовавшие напряженно ждали заключительных тостов, то и дело поглядывали на стоявшего особняком Болена и кучковавшихся вокруг него послов трех стран — «героев» Суэцкой эпопеи.

Обмен речами начинался с отца, в посольстве он гость. Подойдя к микрофону, отец покопался в боковом кармане пиджака, вытащил оттуда сложенные вдвое маленькие, в

полстранички, белые листочки. Потом из другого кармана достал футляр, вынул из него очки в тонкой золоченой оправе, водрузил их на нос, развернул листочки и обвел взглядом зал. Слушатели прекратили стучать вилками, поставили тарелки и бокалы на столы. Можно начинать.

— Не может быть такого вопроса: «Нужно ли мирное сосуществование различных государств?» — размеренно, без особого выражения читал отец заранее заготовленный текст. — Сосуществование — это признанный факт того, что есть налицо. (Не могу удержаться, эта фраза не делает чести лучшим журналистским перьям страны, собранным в его пресс-группе.) Мы говорим представителям капиталистических стран: если хотите, можете ходить к нам в гости, не хотите, можете не ходить. Нас это особенно не огорчит. Но сосуществовать нам необходимо… Мы, ленинцы, убеждены, что наш общественный строй — социализм — в конечном счете, победит капитализм. Такова логика исторического развития человечества.

— Когда представители буржуазного мира говорят о венгерских событиях, они употребляют различные слова: «о советской агрессии», «о вмешательстве во внутренние дела других стран» и тому подобное, — продолжал отец. — Но когда речь заходит об агрессии колонизаторов против Египта, то это, по их утверждениям, оказывается не война, а всего лишь невинные «полицейские мероприятия» с целью наведения «порядка» в этой стране. Но теперь все видят, что это за «мероприятия» и какие «порядки» там наводятся. Это мероприятия колонизаторов по наведению колониальных порядков в Египте… Теперь не те времена, когда колонизаторы могли навязывать свою волю народам.

Болен и стоявшие рядом послы «стран-колонизаторов» стояли недвижно с непроницаемыми лицами. Покинуть демонстративно зал в этот момент они не могли, отец не назвал ни одной из стран, и их уход означал бы, что они приняли слова отца на свой счет: как говорится, «На воре шапка горит!». Такое в дипломатии недопустимо.

— Поскольку мы живем с капиталистическими государствами на одной планете, нам надо повседневно искать все новые способы развития мирного сосуществования. Мы думаем, что руководители Англии, Франции и Израиля трезво взвесят все обстоятельства и выведут свои войска из Египта. Надо требовать и добиваться немедленного вывода войск агрессоров из Египта. [37]

Болен встрепенулся, страны названы, пора… Он кивнул, окружавшим его послам, выпрямился и твердыми шагами

направился к двери. Его «команда» последовала за ним.

Отец ожидал подобной реакции, но, тем не менее, она его и расстроила, и разозлила. Второй день подряд этот Болен устанавливает здесь свои порядки, а ведь он в «венгерском параграфе» не упомянул США, хотя и мог, они того заслуживали: подстрекали венгров к мятежу, обещали помощь и даже свое военное вмешательство.

На мгновение эмоции возобладали, отец зло бросил в спину Болену: «Не от вас зависит, существуем мы или нет. Если мы вам не нравимся, не принимайте наших приглашений и не приглашайте нас на приемы к себе в посольства. Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним».

Болен его слов не услышал, в этот момент он уже скрылся за дверью. Отец взял себя в руки и продолжил речь, заговорил о дружбе с Польшей, о единстве социалистического лагеря.

Вслед за отцом выступил Гомулка. Но журналисты их больше не слушали. Они получили более, чем даже ожидали. Болен с союзниками не только покинули прием, это уже стало рутиной, но и спровоцировали отца такую сочную фразу вдогонку. «Сочную фразу» на следующий день растиражировали все мировые агентства, а потом ее «препарировали» специалисты «черной пропаганды». Им и выдумывать почти ничего не пришлось. Отец сам подарил им отличную «страшилку» о самом себе. Специалисты только почти незаметно ее подправили, на место абстрактного «капитализма» поставили конкретных «американцев».

Отредактированное пресс-группой выступление отца на следующий день поместили все советские газеты. «Мы вас похороним» в них отсутствовало. И отец, и его помощники из редакционной группы сочли эти слова недопустимо агрессивными, в чем-то вульгарными, и попросту выбросили их из переданного в газеты окончательного текста. Если бы отец предвидел или ему бы подсказали многоопытные газетчики, какие пропагандистские дивиденды можно извлечь из этих трех произнесенных в запале слов: «Мы вас похороним», наверное, они бы что-либо придумали. К примеру, оставили их в тексте, а дальше добавили бы что-то вроде «народы мира все вместе похоронят капитализм и его порождение — империализм». Не знаю, помогло бы такое редактирование? Не зря говорится: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь». Но они и не пытались его поймать, сделали вид, что «неудобные» слова никогда и не произносились. Профессионалам такое не прощают, но отец простил. Никого не уволил и даже никому не выговорил.

Отец не уникален, подобные «ляпы» можно найти

практически у любого мирового политика. В большей части они проходят бесследно, но если за них берутся профессионалы…

Потрясения, даже самые глубокие, не могут длиться бесконечно. Политические бури, всколыхнувшие весь мир, поставившие противостоящие группировки на грань столкновения, постепенно стихали.

В начале 1957 года отец наконец смог вернуться к главным для него проблемам: попытаться стронуть с места глыбу нашей экономики, подтолкнуть, заставить двигаться порезвее колесики и шатуны заржавевшего государственного механизма. Он давно примеривался, как бы перекроить неповоротливую централизованную управляющую структуру, когда за каждой мелочью приходится тащиться в Москву, неделями выбивать, согласовывать, выискивать ведомственных партнеров по всей стране. Помню, в те дни отец всем желающим слушать растолковывал, как для угольных транспортеров, производимых в Донбассе, ленту везут из Владивостока. Так удобнее министерству. Этот сюжет он увидел в киножурнале «Наука и техника», его отец смотрел регулярно, с детским любопытством впитывал новые идеи и нередко после просмотра звонил соответствующему министру. Так произошло и на этот раз. Киноэпизод оказался как соль на рану. Диктор возмущался: куда экономичнее наладить производство ленты тут же, по соседству, в регионе. Но… Москва не позволяет. Отец был солидарен с диктором. Сегодняшние методы управления из центра через множество министерств представлялись ему совершенно не приспособленными к динамично развивающемуся хозяйству. Отец рассуждал просто: чтобы руководить, надо знать, чтобы знать, надо пощупать самому, повариться в котле каждодневных проблем.

Не случайно он считал для себя необходимыми поездки по стране. Через толстый слой лакировки он старался сам разглядеть истинное положение дел. За долгие годы нахождения на самой вершине пирамиды власти отец привык к показухе, как мог, боролся с ней, но сознавал, что искоренить ее ему не по силам. Усвоил он и другое нехитрое правило: показуха приукрашивает действительность, но не в состоянии изменить ее. Требуется только научиться смотреть, делая соответствующую поправку. Тогда кое-что удастся разглядеть. Иногда у него получалось, порой нет.

В том, что из московских кабинетов невозможно хоть как-то представить себе нужды далеких заводов и шахт, разобраться в паутине взаимосвязей в регионах, он не сомневался. И вообще, он

не любил бюрократов. Руководителя он стремился пересадить поближе к производителю, заставить его окунуться в реальную жизнь. Так начиналась эпоха перемещений и пересаживаний. Отцу казалось — решение нашлось, им овладела мысль вернуться к старой, еще ленинской системе совнархозов, региональному управлению, оставив за центром лишь дирижерские функции. В тот год «возвращение к ленинским нормам» только начиналось, словосочетание звучало в диковинку.

Всю зиму отец работал над проектом реформы. Обсуждал с учеными и хозяйственниками, директорами заводов и председателями колхозов, облекал еще вчера расплывчатые мысли в формулировки пунктов постановления.

К концу марта работа закончилась, подготовленный документ решили обсудить на Президиуме ЦК. Не все его члены поддерживали идеи отца.

Представители центральных органов, в первую очередь Госплан и министерства, заняли глухую оборону. Одни просто роптали, другие предрекали развал народного хозяйства, наступление хаоса. На местах относились иначе, там и хозяйственные руководители, и партийная власть стояли за нововведение: они получали в свои руки реальную власть.

Отцу удалось добиться своего: 30 марта газеты опубликовали постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР, представлявшее на всенародное обсуждение развернутые многостраничные тезисы доклада Н.С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В начале мая на очередной сессии Верховного Совета СССР им предстояло обрести статус закона. О том, насколько бурно происходили обсуждения, говорило освобождение накануне сессии Байбакова от обязанностей председателя Госплана СССР. Он выделялся даже среди самых яростных противников нововведений отца. Вскоре Байбаков, которого, несмотря на противоборство, отец высоко ценил как опытного хозяйственника и знающего нефтяника, уехал председателем одного из крупнейших совнархозов. В 1965 году после отставки отца он отпраздновал свою победу, подписал ликвидационные документы и, сдав совнархоз в архив истории, вернулся в Москву, в старое кресло председателя Госплана СССР. О том, что все вернется на круги своя, в 1957 году никто не подозревал. Казалось, отец победил, щупальца московского спрута обрублены намертво. Началась перестройка. Проходила она болезненно. В этой книге я не буду разбирать всю проблему, она требует отдельного исследования и уведет нас далеко в сторону.

Я же остановлюсь только на одном аспекте начавшейся реорганизации: выживании в случае ядерной войны. Тогда такая проблема рассматривалась всерьез.

Отец считал, что делегирование функций управления на места, децентрализация не только благотворно скажутся на работе народного хозяйства в мирное время, но и сделают нас более устойчивыми в случае атомного нападения.

— Если сегодня разрушить Москву, а это сделать нетрудно, — рассуждал отец, — все рухнет. Ведь каждая мелочь решается в центре, за каждым гвоздем едут в столицу. Если же центров управления несколько, то оставшиеся выживут, оправятся, а там на их базе восстановится и вся инфраструктура.

На эту тему отец задумывался давно, с конца 1953-го — начала 1954 года. Тогда речь еще не шла об управлении всем народным хозяйством, его беспокоила уязвимость наших умов, от которых зависел прогресс. Основные научные и конструкторские организации, связанные с обороной, в те годы располагались в Москве и ее окрестностях. Отец надумал их перешерстить, разогнать по стране. Рассредоточение научных центров по всей территории не только повысит выживаемость в ядерной войне, считал отец, но и поспособствует развитию регионов, куда переедут ученые или целые организации. В качестве примера он приводил города Урала, Сибири, Средней Азии, приютившие в начале войны эвакуированные заводы. Из захолустья они в считанные годы превратились в серьезные индустриальные центры.

В первую очередь отца беспокоили ракеты. За ними будущее, считал он, и самолеты, и танки, и артиллерия постепенно сходят со сцены, превращаются в оружие вчерашнего дня. Возможно, преследовал он и иные цели, намеревался разрушить складывающуюся монополию Королева — единственного крупного конструктора баллистических ракет.

Разработать предложения поручили Устинову. Тот, засучив рукава, взялся за дело. Человек инициативный и энергичный, Дмитрий Федорович видел в задании Первого секретаря возможность значительного расширения и укрепления выпестованной им ракетной промышленности.

В начале 1954 года наметки доложили отцу. Предполагалось в дополнение к московскому создать еще два самостоятельных куста: один на юге, на Украине, другой на востоке, на Урале, с перспективой дальнейшего продвижения в Сибирь. Создавались структуры, способные функционировать автономно — от проектирования всех компонентов ракеты до их изготовления. Выбрали города, наметили площадки под строительство научно-

исследовательских институтов, конструкторских бюро, испытательных баз. Для осуществления проекта требовались немалые средства, счет шел на десятки миллиардов рублей и не один год напряженного труда.

Обычно, чтобы выжать из отца дополнительные капиталовложения на военные нужды, Устинову приходилось потрудиться. На сей раз, одобрив представленные проекты, отец не стал требовать иных, урезанных вариантов.

Расставшись с Устиновым, отец позвонил Королеву, пригласил его заехать в удобное время в ЦК посоветоваться по важному вопросу. Королев знал, о чем пойдет речь: подготовка предложений о развитии и рассредоточении ракетной промышленности проходила с его участием. Расширение фронта работ не могло не радовать Сергея Павловича. Однако появились и опасения: любимое дело уходило из рук хозяина, расплывалось, становилось неподконтрольным. Конкуренции Королев не боялся, но и не терпел конкурентов. И теперь его очень заботило, как встанут фигуры на доске. Он не собирался отпускать вожжи. Надо так расставить людей, чтобы потом не жалеть. Эту задачу он считал главной. Именно о кадрах и хотел посоветоваться с ним отец.

Сергей Павлович считал, что для скорейшего создания новых предприятий в качестве материнского ядра следует принять существующие московские организации, а на периферии учредить их филиалы. Послать туда опытных специалистов, с их помощью сократится переходный период, быстрее наладится дело. Вокруг московских корифеев соберутся коллективы, люди подучатся, и работа пойдет. В местных вузах он предлагал открыть специальные факультеты по ракетной технике, чтобы оттуда черпать кадры. Не посылать же молодых специалистов из Москвы, каждому потребуется квартира, и не всякий еще поедет. Он рисовал диспозицию новых КБ и заводов, как главнокомандующий разворачивает свои армии и корпуса перед решительным сражением. Проглядывало в нем что-то от Жукова. И дело не только в небольшом росте, схожей кряжистости фигуры. Главное, наверное, в глазах: в них светилась неодолимая уверенность в себе, решимость и сознание своего предназначения повелевать.

Отец любовался одержимостью Сергея Павловича, но согласился с ним не во всем, возразил против филиалов. Он считал, что вновь создаваемые организации должны стать целиком самостоятельными: и финансово, и тематически.

— Знаю я вас, сбросите туда второстепенную работу, и останутся они на всю жизнь в подсобниках. Мы хотим создать вам

конкурентов, чтобы заснуть не давали, — пошутил отец.

Королев не спорил. Мнение отца разузнал заранее, но на всякий случай решил запустить пробный шар.

Руководителем южного комплекса Устинов рекомендовал Михаила Кузьмича Янгеля, опытного конструктора, прошедшего большую школу в авиации. После войны он проработал некоторое время с Королевым, но они не сработались.

Предложение Устинова возглавить новое дело, уехать из Москвы Михаилу Кузьмичу показалось заманчивым, там он станет сам себе хозяином, сможет работать без помех, вести «свою линию». Руки давно чесались по большому делу. Он согласился без колебаний.

Отец поинтересовался мнением Королева о Янгеле, в первую очередь, как о конструкторе и ученом. Да и человеческие качества играли не последнюю роль. Королев, без сомнения, видел в Янгеле будущего конкурента. По своей натуре человек прямой и не просто честный и справедливый, но и щепетильный, он не счел возможным хитрить, сказал, что считает кандидатуру Янгеля подходящей.

На восточный куст Королев посоветовал Виктора Петровича Макеева, человека молодого, но, по его мнению, подающего надежды. Правда, после окончания института он в основном занимался комсомольской работой. Сначала стал секретарем комсомольской организации конструкторского бюро у Королева, затем перешел инструктором в Центральный комитет Всесоюзного комсомола. Там он курировал далекие от ракет металлургические заводы, угольные шахты. Съездил на Олимпийские игры в Хельсинки, где вел политическую работу среди борцов. В 1954 году Макеев вернулся к Королеву. В глазах отца молодость кандидата не служила препятствием, наоборот, он ее считал существенным преимуществом. Когда все впереди, сил невпроворот — любые дела по плечу, считал отец.

Отец попросил Королева проработать предложение с Устиновым. Если договорятся, то с богом. Королев промолчал. Он уже обсудил кандидатуру с Дмитрием Федоровичем. Тот крепко держал в руках кадровые вопросы и не простил бы Сергею Павловичу самодеятельности.

Летом 1955 года Макеев стал главным конструктором нового ракетного предприятия в Миассе на Южном Урале.

Янгелю выделили крупный завод на Украине. Его оборудование вывезли в счет репарации из Германии. Там на нем делали автомобили, знаменитые БМВ и «Хорхи». Поначалу планировалось подобное производство и у нас. Затем решили, что нужнее трактора. А вот теперь к тракторам добавились ракеты.

Об автомобилях и не вспоминали.

В июле 1954 года Михаил Кузьмич возглавил новое конструкторское бюро, ему же подчинили и завод. Янгелю поручили сопровождение серийного производства Р-5 и одновременно разработку ракет, по нынешней терминологии, средней дальности. Не один отец считал, что Р-5, способная покрыть расстояние в 1 200 км, хороша, но надо бы увеличить дальность полета, чтобы не тащить старты к самим границам, рассредоточить их по большей территории, сделать менее уязвимыми при нападении с воздуха.

Об этом отец говорил с Янгелем, когда принимал его перед назначением главным конструктором. Раньше они не встречались, и отец захотел познакомиться с кандидатом, посмотреть, чем он дышит.

Янгель сказал, что поставленная задача реализуема, у него есть конструкторские задумки. Можно быстро сделать ракету с дальностью около 2 000 км. Он особо подчеркивал необходимость создания оружия, удобного в эксплуатации в строевых частях. Отцу его подход понравился. Собеседник не гнался за рекордами, что толку в уникальном изделии, если работать с ним могут только сами создатели. Будущее показало: Янгель не бросал слов на ветер, его конструкторское бюро впоследствии прославилось технологичностью конструкций, высокими эксплуатационными характеристиками ракет.

Королев делал свои ракеты на выбранных еще немцами для ФАУ-2 традиционных компонентах — жидком кислороде и спирте. Потом спирт заменили на керосин.

Докладывая отцу, Янгель подчеркнул, что работа с жидким кислородом в войсках вызывает немало осложнений. Он считал, что кислородная ракета никогда не превратится в оружие. Войска ее не освоят.

По мнению Янгеля, солдатское оружие должно заправляться чем-то не столь экзотическим. В своих ракетах он собирался использовать азотную кислоту. Она, правда, агрессивна, ядовита, но при соблюдении мер безопасности работать с ней можно.

Первой разработке молодого коллектива присвоили шифр Р-12. Летные испытания намечались на середину 1957 года. Удержать Янгеля в узде Королеву не удалось. Вновь назначенный главный конструктор с первых шагов дал понять, что не потерпит ничьей опеки. В ближайшие годы им предстояло стать жесткими конкурентами.

С Виктором Петровичем Макеевым обстояло иначе. Молодой человек (коллеги главного конструктора шутливо прозвали его пионером), выросший в конструкторском бюро Королева,

естественно, видел в нем своего учителя и наставника. Сергей Павлович пестовал Макеева как мог. Он подарил ему часть своей тематики. Правда, не очень видную — баллистические ракеты малой дальности, до двух-трех сотен километров, так называемые оперативно-тактические. Они только отвлекали Королева от более интересных дел — межконтинентальной ракеты, а главное, от прорыва в космос.

С маленькой ракетой забот не меньше, чем с большой. Непрестижная не означает неважная. Родоначальница этого направления подвижная самоходная установка Р-11, выделенная в приданое молодежному КБ, стала одной из основных ракет этого класса в армии. Многие годы ее модифицировали, улучшали, переделывали, но не снимали с вооружения.

За ней пошли новые комплексы, сначала следующая по проторенному учителем пути Р-13, а потом все более самостоятельные. В том числе Р-17, ставшая известной миру под натовским шифром СКАД. Единственная нашедшая применение советская баллистическая ракета. В войне 1991 года Ирак атаковал ракетами Р-17 Израиль и Саудовскую Аравию. К счастью, не очень успешно.

Но Макеев обрел свое имя не на сухопутье. Славу ему принесли баллистические ракеты для подводных лодок. Вначале подводные корабли находились на положении золушек, их оснащали той же Р-11. Делать специальную флотскую ракету казалось нерациональной тратой усилий. Ни Генеральный штаб, ни Устинов, ни Королев не считали эту ветвь ракетной техники особенно перспективной. К тому же флот предъявлял требования жесткие: там и соленая вода, и качка, и многое другое, о чем на земле и не слыхивали. Сергей Павлович с легким сердцем уступил морское поприще Макееву.

Прошли десятилетия. Из «пионера» Виктор Петрович Макеев превратился в маститого конструктора, стал академиком. В его конструкторском бюро родилось самостоятельное морское, и не только морское, направление в отечественной ракетной технике. Конкуренции своему учителю он при жизни Королева никогда не составлял, выбирал тропки, далекие от сферы интересов Сергея Павловича.

Пока отец готовился к одному из серьезнейших испытаний за всю свою карьеру — созданию совнархозов, Королев заканчивал приготовления к первому старту Р-7. Оба события выпали на май 1957 года. Старт «семерки» не раз откладывался из-за постоянно возникавших неполадок, переползал с одной даты на другую. Наконец установили последний срок. Как-то вечером отец

невзначай сказал мне, что испытание межконтинентальной ракеты назначено ориентировочно на первые числа мая. С того дня я с нетерпением ждал: когда же? Волновался, переживал, надоел отцу расспросами.

Как идут дела, отец и сам не очень представлял. Он считал, что излишнее внимание начальства при подготовке к испытаниям ничего, кроме вреда, не принесет. Звонки сверху нервируют, даже если высокий абонент на том конце провода советует не торопиться. В спешке можно что-то упустить, а в таком деле каждая мелочь становится решающей. Любая промашка, небрежность оборачивается катастрофой. Да и чем он может помочь? Дело за инженерами, за специалистами.

— Если будет надо, Королев позвонит сам, мы так условились, — отбивался от меня отец.

Он понимал мое нетерпение, не сердился. Ему и самому не терпелось поскорее получить радостную весть. Но… Оставалось ждать звонка Королева. Я не выдерживал, снова и снова переспрашивал отца. Вдруг Королев уже звонил, а мне об этом отец не сказал. Может же он забыть.

Нет, он не забыл. Вечером 16 мая отец пришел домой мрачный. Отправились на обычную прогулку, отец, казалось, не замечал меня, молчал, задумавшись. Я не рискнул вмешаться, хотя и понял: что-то случилось. Но что? Наконец отец прервал затянувшееся на несколько кругов молчание:

— Королев звонил, пускали вечером «семерку», — произнес он. — К сожалению, неудачно. Загорелся один из боковых блоков, и она взорвалась в воздухе.

Это известие почему-то представилось мне просто трагическим. Сейчас мое отчаяние кажется немного смешным и чрезмерно наивным: что такое неудачный пуск? Неизбежный эпизод в работе конструктора.

Тогда же я от расстройства, не зная, что и сказать, глупо спросил:

— Что же теперь будет?

Отец удивился. Моих переживаний он не заметил.

— Что будет? — переспросил он. — Разберутся в причинах неудачи, устранят дефекты и пустят следующую. У них ведь не одна ракета. Главное — старт цел. Вот если бы его разрушило, задержка растянулась бы надолго.

Отец замолчал, давая понять, что тема исчерпана, дальше обсуждать нечего.

Через шесть лет после памятного старта «семерки» я впервые приехал в Тюра-Там (Байконур) пускать «Полет-1» — спутник-антиспутник, разработанный в конструкторском бюро Челомея. В

свободный день сержант-сверхсрочник, водитель закрепленной за нами старенькой «Победы», повез меня показывать местные достопримечательности, в том числе и знаменитый королёвский старт, вторую площадку. Там он мне рассказал:

«Посмотреть на первый старт «семерки» наехало множество московских генералов. О том, чтобы разместить их всех в командном бункере, не приходилось и мечтать. Королев распорядился в километре от старта соорудить для гостей деревянную трибуну с дощатым реечным навесом, защищавшим от припекавшего майского солнца. Поодаль отрыли блиндаж-щель. На всякий случай.

На глазах у генералов ракета завиляла в воздухе, четыре боковушки отцепились от центрального материнского тела и огненным фейерверком разлетелись в разные стороны. Одна ушла в сторону монтажно-испытательного корпуса, в нем собирали следующую ракету. Другая, как показалось наблюдателям, летела прямо на них. С неба на их головы падал огненный шар. От такого и закаленным войной генералам стало не по себе. Отталкивая друг друга, они кинулись в блиндаж. В узком проеме дверей возникла пробка, вспыхнула короткая потасовка. К счастью, все закончилось благополучно, ракета пролетела над трибуной и взорвалась в нескольких сотнях метров. Над степью заколыхался грязно-черный дымный гриб. Увидев, что опасность миновала, генералы обрели приличествующую их чинам степенность и, делая вид, что ничего не произошло, потянулись назад под навес. В последующие за аварией дни солдаты собирали там на сувениры оторванные в давке от мундиров блестящие генеральские пуговицы с гербами».

На самом деле первая авария Р-7 прошла более буднично — ракета развалилась на части не на старте, а почти через сто секунд полета. Ее обломки упали далеко в пустыне. Описанный же сержантом фейерверк случился значительно позднее, в 1960 году, тоже весной, 19 апреля, при запуске очередного «лунника». И генералов там не было, максимум пара полковников, к тому времени старты Р-7 стали рутиной. Тем не менее я решил воспроизвести его рассказ без всяких изменений. Ведь именно так рождаются легенды, которые порой становятся историей.

После разбора причин аварии следующий полет назначили на 11 июня. На сей раз все окончилось до старта, во время подготовки загорелось табло отказа двигателя. В магистрали горючего клапан по ошибке поставили наоборот, вверх дном. Испытания отодвинулись еще на месяц.

Отец терпеливо ждал. С первой удачей он связывал многое. Она означала бы, что ракета наконец пошла, учится летать, а

значит, можно начать подготовку к постановке ее на позиции. Пусть впереди еще много работы, с ней специалисты справятся. Главное убедиться, что конструктор в принципе не ошибся, не обманулся сам и не обманул других.

Пока же налицо были только обещания. Конечно, отец верил Королеву, но убежденность изобретателя еще не все. Оставалось ждать.

Майский запуск не остался незамеченным американцами. Радары засекли, что на сей раз ракета взлетела из новой точки. О существовании ракетного полигона в Капустином Яру в США знали практически с самого начала, с 1949 года. Необычный старт зафиксировали много восточнее и значительно южнее.

Американская разведка клещом вцепилась, стремясь узнать все, что возможно, о таинственном объекте. От агентуры многого получить обычно не удается, в лучшем случае — обрывки информации. Вся надежда возлагалась на У-2.

Самолет стартовал с Пешаварского аэродрома в Пакистане и приземлился в Бодо в Норвегии. Точно тот же маршрут попытается повторить в погожий майский день 1960 года Фрэнсис Гарри Пауэрс. В 1957 году все прошло в высшей степени удачно. По фотографиям в ЦРУ даже смогли построить объемную модель полигона со всеми сооружениями. Секрет раскрылся. Я ни разу не слышал ни в тот год, ни позже, ни от отца, ни от его окружения, ни от моих многочисленных друзей-военных о разведывательном полете над Тюра-Тамом.

Не исключено, что его просто проворонили и воздушный разведчик без помех пересек нашу страну «с южных гор до северных морей». Или к нарушениям нашего воздушного пространства просто попривыкли, и подобный полет не вызвал сенсации, а следовательно, и разговоров, которые могли дойти до моих ушей. Нарушителя зафиксировали в журнале происшествий противовоздушной обороны и забыли о нем.

Почему-то о том, откуда производятся запуски ракет, у нас никогда не сообщалось. Держалось под большим секретом. Объяснить причину никто не мог, никого, правда, и не спрашивали. В перечень секретных объектов всегда включали полигоны: стрелковые, танковые, так почему делать исключение для ракетного? Никого это обстоятельство не беспокоило, посетители этих мест к секретам давно привыкли, на несекретную информацию, бумагу без штампа смотрели с некоторым налетом презрительного высокомерия. В конструкторском бюро секретили любую ерунду, часто не от усердия, а для порядка, чтобы документ не потерялся.

До полета человека в космос с полигоном проблем не возникало. А тут потребовалось хоть что-то сказать: наши конкуренты-американцы о месте запуска трубили во всех газетах. Ни Устинов, ни Малиновский на себя ответственность за решение взять не пожелали, обратились к отцу. Он недоумевающе пожал плечами: «Вот и сообщите, что запуск произведен с полигона, как он там у вас называется? Вы же сами докладывали, что американские радары из Ирана и еще откуда-то засекают наши ракеты, ведут их, а по траектории точно вычисляют точку старта». Но такое решение показалось слишком простым. Чтобы запутать противников, нашли на карте Казахстана местечко под названием Байконур, расположенное значительно севернее полигона. С тех пор и пошло гулять по свету наименование космодрома: Байконур. О настоящем его названии в те годы знали только в штабе ракетных войск и в ЦРУ.

Веру отца в будущее ракетной техники не могли поколебать никакие неудачи. Новому оружию (о мирном космосе, точнее, вообще о космосе тогда не задумывались) принадлежит не просто будущее, оно в ближайшее время займет доминирующее положение, потеснит традиционные самолеты и пушки, перевернет подходы стратегов к ведению современной войны. С появлением самонаводящихся и управляемых ракетных систем эффективность авиации становилась сомнительной, считал отец. Не последнюю роль, по крайне мере психологическую, сыграл Суэцкий кризис. Отец на деле убедился, какой вес имеют ракеты, особенно если их вовремя бросить на чашу весов. Никакие бомбардировщики и штурмовики не заставили бы Лондон и Париж действовать столь поспешно.

Я уже не первый раз возвращаюсь к этой теме. Что поделаешь, она неотступно преследовала отца последние годы. Мысли, зародившиеся после просмотра фильма о поражении боевых кораблей «Кометой», развивались, зрели и вот теперь требовали выхода. Отец решил, что он «созрел». В начале 1957 года на одном из заседаний Совета обороны он высказал свои крамольные идеи высшим военачальникам страны. Отец не предлагал закрыть, тут же отменить авиацию: во многих случаях никакая автоматика не заменит человека. Речь шла о выработке нового стратегического подхода. Куда вкладывать ограниченные ресурсы? Где можно получить наибольшую отдачу? Продолжать вслед за американцами вбухивать миллиарды в туполевские и мясищевские бомбардировщики или, оглядевшись, придумать свой, неожиданный для противника маневр? Не гнаться за исчезающим за горизонтом хвостом, а вильнуть в сторону и

неожиданно появиться впереди? Тут требовались и смелость, и мудрость. Ведь предлагалось наезженную дорогу сменить на нехоженую тропу. Отец настаивал. Он предложил уже сейчас принять программу постепенной замены дальней бомбардировочной авиации баллистическими ракетами, сместить центр тяжести противовоздушной обороны от самолетов-перехватчиков к зенитным ракетным комплексам. Принятие новой концепции неизбежно влекло за собой перераспределение капиталовложений, перепрофилирование заводов, переучивание офицеров. Отец понимал всю сложность принимаемого решения, но не решить, оставить все как есть означало подвергнуть страну опасности поражения в случае войны, потратить деньги на никому не нужные, устаревшие «игрушки».

Прошлой зимой, когда они встречались с Королевым, отец задал главному конструктору сакраментальный вопрос: за кем будущее, сможет ли ракета заменить бомбардировщик? Нечего говорить, Сергей Павлович поддержал отца. Но он лицо заинтересованное.

На заседании отец предложил не терять времени, как только мы убедимся, что «семерка» летает, не дожидаясь окончания испытаний, начать строительство боевых стартов. Тем самым мы сэкономим время, выиграем годы, даже если придется кое-что переделывать.

Что и говорить, отец предложил непростое решение. Ошибка могла обойтись стране очень дорого. Ему хотелось тщательно взвесить достоинства и недостатки нового оружия, удостовериться в своей правоте. К сожалению, настоящего разговора не получилось. Да, военачальники поддержали отца, но как-то формально, так что отвечать за неудачу, пусть перед совестью, что еще труднее, предстояло ему одному. Даже Жуков, человек прямой и решительный, не занял однозначной позиции, не определился. Не то чтобы он придерживался противоположной точки зрения и промолчал. Нет. Что Хрущев! Жуков и со Сталиным спорил! Но не лежала его душа ко всем этим штучкам. Конечно, «катюши» хорошо дополняли артиллерию во время войны, но только дополняли. А со своими ФАУ немцы ничего не добились, так, поковыряли Лондон. С другой стороны, позиция отца позволяла получить ответ на вопрос, как поразить цели в США. Жуков проголосовал за, но настоящим сторонником, энтузиастом нового направления в военной технике не сделался. Что же говорить об остальных, прославленных прошедшей войной генералах и маршалах. Военачальники жили старым багажом, над ними тяготели апробированные способы ведения операций. К ним обращался отец со своими идеями создания новой, опирающейся

на ракетную мощь армии. Они его не слышали, вернее, не хотели и не могли услышать.

В 1930-е годы маршал Тухачевский предрекал большое будущее ракетному оружию, динамореактивной артиллерии. Большинство коллег считало его фантазером. После ареста и гибели его идеи использования ракетного оружия признали вредительскими, занимавшиеся разработкой новых конструкций инженеры последовали за маршалом на Лубянку и в Лефортово.

Армия сделала ставку на ствольную артиллерию и, казалось, не ошиблась — она хорошо зарекомендовала себя во время войны.

Аргументация отца, обосновывающая необходимость перехода на новые виды вооружения, не вызвала открытой дискуссии. Не хотели связываться. Дома же, «за рюмкой чая», как любят выражаться военные, какими только эпитетами не награждали отца. И тут поминали Тухачевского, но уже совсем по-иному: для многих он продолжал оставаться если уж не врагом народа, то субъектом подозрительным. Генералы, получившие свои звания и ордена из рук Сталина, несмотря на доклады, съезды, оставались ему верны. Так что с этой стороны поддержки ракетам ожидать не приходилось.

К тому же привычки ломаются нелегко. Ракеты старым воякам казались чем-то потусторонним, непонятным. Даже непривычность внешнего вида нового оружия настраивала их на скептический лад, вызывала реакцию отторжения.

Среди немногих, кто поддержал отца, всерьез выступал за ракетное перевооружение, выделялся маршал артиллерии Неделин. Он хорошо изучил немецкие ФАУ, досконально разбирался в королёвских изделиях. В будущее ракет он верил беззаветно. Его поддерживал начальник Генерального штаба маршал Василий Данилович Соколовский — как считал отец, единственный наш военный теоретик, обладавший даром аналитического мышления.

Сам отец не унывал. За свою жизнь ему приходилось проталкивать не одно новшество, не одну поначалу представлявшуюся сумасшедшей идею. Он знал, как это трудно проходит, сколько требует усилий. Он предложил не принимать сейчас окончательных решений, дело крайне серьезное, подумать, все взвесить и вернуться к вопросу о ракетах позже, на следующем заседании. Он надеялся, что успешные испытания «семерки» многое изменят в умах военных. Но отец, как это с ним не раз случалось, забежал вперед. Потребовались годы, пока высказанные им мысли стали звучать тривиально, как и полагается всякой истине. На этом заседании Совета обороны он

сделал первый шаг. И еще не раз и ему, и нам придется возвращаться к не утихавшему долгие годы спору между ракетчиками и авиаторами, ракетчиками и моряками, ракетчиками и пушкарями. А если посмотреть глубже, то между теми, кто с помощью нацеленных на противоположный континент ракет мечтал сделать войну невозможной, и теми, кто, невзирая ни на что, продолжал считать ее последней инстанцией в отыскании истины, последней ступенью в утверждении своего превосходства, инструментом сильного в подавлении слабого. Из чисто военного спор превращался в политический и даже идеологический.

Пока отец обращался к персонажам уже сыгранной пьесы. Независимо от того что на смену старым высшим командирам, генералам и маршалам постепенно приходили более молодые офицеры, стереотипы мышления менялись крайне медленно.

Совет обороны одобрил инициативу отца, правда с неохотой, сквозь зубы. Устинову и его аппарату поручили подготовить предложения. Теперь предстояло убедиться, что «семерка» летает. Первые неудачи вызвали уныние в одном лагере и ехидные насмешки в другом.

Вопрос о необходимости обновления кадров Министерства обороны поставил Жуков. Заняв пост министра, он провел ревизию командного состава и остался крайне недоволен. Армия катастрофически старела. Генералы, командовавшие фронтами и армиями во время войны, теперь возглавляли военные округа и рода войск вооруженных сил, занимали другие ключевые посты. Возраст большинства из них давно перевалил за пятьдесят. Внимательно изучив личные дела, Жуков пришел к отцу.

— В случае войны мне не нужны командующие фронтами и армиями, рассчитывающие возить за собой лазарет, — со свойственной ему грубоватой прямотой заявил маршал. — Для войны требуются люди, физически и морально сильные и здоровые, которые и ночь могут не поспать, и солдатам пример показать. А эти больше будут думать о теплой перине.

Позже отец не раз подробно пересказывал их беседу, и слова Жукова врезались мне в память. Георгий Константинович положил перед отцом список рекомендуемых им к отставке стариков. На другом листе стояли фамилии молодых генералов, предлагаемых на выдвижение. Надев очки, отец углубился в чтение. Фамилия за фамилией: все хорошо знакомые, со многими пришлось испытать и горечь поражения, и радости побед. Он думал, сколько такое решение вызовет обид, скольким укоротит жизнь. Очень непросто вот так, враз, остановиться на полном

скаку, переключиться на хлопоты о внуках.

По существу, без эмоций, отец соглашался с Жуковым. Он тоже считал, что для дела полезнее, если наверх придет побольше молодых. Еще раз внимательно прочитав бумагу, он не внес никаких поправок в список. Только попросил: «Постарайтесь сделать все как можно тактичнее, аккуратнее, не надо обижать людей». Жуков кивнул головой.

Бумага пошла в работу. Через несколько дней состоялось соответствующее решение Секретариата ЦК. Без него никакое перемещение в армии немыслимо. В округа полетели шифрованные телеграммы сходного содержания: «Вы освобождены от должности командующего округом (или армией) в связи с увольнением в отставку. Предлагаю сдать дела такому-то (чаще всего заместителю, до назначения нового командующего) и прибыть в Москву». И короткая подпись: Жуков. На предупреждение отца Георгий Константинович не обратил внимание, не его стиль — разводить антимонии.

Получившие указание адресаты вели себя по-разному. Одни крякали в сердцах и, высказав все, что они думают, шли упаковывать чемоданы. Другие начинали названивать по всем телефонам — в министерство, Совмин, ЦК, выяснять, жаловаться, добиваться правды.

Наиболее резко повел себя командовавший в те годы Прибалтийским военным округом генерал армии Еременко, человек честолюбивый и эмоциональный.

Культуры и образования ему явно недоставало, не мог он тягаться с интеллигентным Рокоссовским, умницей Соколовским, блестящим Черняховским или рассудительным Малиновским. Особенно коробило окружавших его пресмыкание перед власть имущими. Послания Еременко с фронтов Сталину подчас просто неудобно читать. Неужто эти подобострастные обращения, перемежаемые хвастливыми обещаниями, мог написать боевой генерал, один из победителей в Сталинградской битве? Однако, рассказывал отец, в непростых ситуациях, складывавшихся на фронте, в нем вдруг просыпался другой человек, принимавший смелые, нетривиальные и, главное, верные решения.

Получив указание сдать округ, Еременко и не думал этого делать. Заперев дверь кабинета, он передал через адъютанта, что застрелит любого, кто осмелится ворваться силой. Пистолет и запас патронов он хранил в своем личном сейфе. Об этом знали все. Никто не сомневался, что генерал угрозу выполнит. Своей головой рисковать никому не хотелось. Генералы, собравшись в кабинете начальника штаба, обговаривали, как себя повести. Следовало доложить в Москву, но о чем? О военном путче,

совершенным лично командующим в своем кабинете? Решили подождать.

Еременко из своего добровольного заточения по телефону приказал отправить в Москву шифровку в адрес Хрущева, Булганина и Жукова. Он сообщал, что отказывается выполнять «предательский» приказ Жукова, будет держать оборону до последнего патрона. В конце соглашался сдать округ взамен на назначение заместителем министра обороны. В этой невообразимой мешанине, как в капле воды, отражался противоречивый характер героя Сталинграда.

Получив телеграмму, в Москве растерялись. Не арестовывать же мятежного генерала. Отцу не решились докладывать, Жуков пошел объясняться с ним лично. Внимательно выслушав маршала, отец неожиданно рассмеялся. Узнал взбалмошный характер Еременко, с которым он съел свой пуд соли на Сталинградском фронте. Веселье длилось недолго, следовало что-то предпринять. Обижать генерала он считал несправедливым, но и оставлять без последствий его выходку нельзя. Тут только дай слабинку, взбунтуются все остальные.

— Что же делать? Создавалась патовая ситуация. Свой приказ Жуков не отменит, не тот человек. Да и прав он, — рассказывал о своих переживаниях отец. — А истерическая телеграмма Еременко, вопль отражали общую обиду увольняемых героев прошедшей войны.

— Что же будем делать? — теперь отец обращался к Жукову. — Не приступом же его брать?

Жуков мрачно отмалчивался. По нему, раз генерал не подчиняется приказу, так можно и приступом, и под трибунал. Отец задумался.

Наконец отцу показалось, что он нашел компромиссное решение: не увольнять в отставку особо заслуженных, отличившихся в войне высших военачальников, а найти им почетную нехлопотную должность, соответствующую их званию. Такую, чтобы они работе не мешали, а по возможности еще бы и пользу приносили. Синекуру, другими словами. Дело не новое.

Жуков не возражал и предложил учредить специальную группу генеральных инспекторов при Министерстве обороны. Отец забеспокоился, как бы дров не наломали? Жуков пояснил: существующий институт инспекторов со своим штатом сохранится, они, как и прежде, будут следить за боевым состоянием армии, а генеральным инспекторам можно поручить парадные функции, и им приятно, и в частях воспримут приезд маршала или генерала армии, героя войны как своеобразное поощрение.

Отец согласился. Только добавил: «В качестве благодарности за ратный труд во время войны в виде дополнительного поощрения давайте повысим в звании генералов, переводимых во вновь создаваемую инспекцию. Не всех, а выборочно, в зависимости от прошлых заслуг».

Жуков не спорил, хотя и проворчал, что звания даются не в благодарность, а вследствие возросшего воинского мастерства. Отец не отреагировал и, вызвав секретаря, попросил его соединить с Еременко.

— Еременко у телефона, — доложил секретарь через минуту.

Отец тепло поздоровался с генералом, сделав вид, что ничего не знает о случившемся. Расспросил, как идут дела, поинтересовался здоровьем. Еременко отвечал подробно, до времени не раскрывая свои карты. Человек тертый, он не сомневался, что отцу доложили о скандале. Теперь следовало выждать, что же ему предложат в обмен на покорность.

Наконец отец перешел к делу. Он сказал, что Центральный комитет придает большое значение укреплению боеспособности Советской Армии и хотел бы с большей пользой использовать богатейший опыт, накопленный военачальниками во время войны. А главное — создается генеральная инспекция, куда переводятся наиболее опытные генералы и маршалы. Подчиняться они будут лично министру обороны, ну и, конечно, ЦК. Последние слова Жукову не понравились, он поморщился. Маршал не терпел ничьего вмешательства в свои дела, а к политорганам в армии относился с нескрываемой неприязнью.

В заключение отец сказал, что Центральный комитет намечает его, Еременко, на пост одного из генеральных инспекторов. Еременко в ответ пожаловался, что он получил от Жукова уведомление об отставке. «Это недоразумение», — заверил его отец. Жуков опять поморщился, он не терпел также, когда отменяли его приказания. Практичный Еременко, поняв, что на большее ему рассчитывать нечего, стал благодарить, пообещал оправдать доверие партии. Инцидент разрешился миром. В Министерстве обороны генеральных инспекторов прозвали «райской группой».[38]

В повседневных хлопотах отец и не подозревал, что новый кризис, один из серьезнейших за его карьеру, стоит на пороге.

Меня же занимали свои заботы, я готовился к свадьбе. Ее назначили на первые дни июня, сразу после окончания экзаменационной сессии в институте. С моей будущей женой мы учились в одной группе. После свадьбы нам предстояло уехать, правда, не в путешествие, а на практику на один из

приборостроительных заводов, расположенных в подмосковном Загорске (Сергиевом Посаде).

Эти, казалось бы, не имеющие отношения к теме повествования обстоятельства тесно переплелись в моей памяти с политической схваткой в Президиуме ЦК между отцом и сталинистами, которых впоследствии стали называть «антипартийной группой Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова».

Причины кризиса очевидны: занятая отцом вопреки воле Молотова, Ворошилова, Кагановича позиция в оценке Сталина, затеянный им крутой поворот во внутренних и внешних делах, оттеснение на вторые роли сначала Маленкова, а за ним и Булганина. Опытные политики, оппоненты отца, они не могли не видеть: при таком раскладе дни их политической карьеры сочтены. Объединившись, они решили ударить первыми. Дать бой.

Давно не осталось камня на камне от былого согласия, достигнутого в преддверии ареста Берии. Постепенный поворот от конфронтации и изоляции к мирному сосуществованию, налаживание торговых и иных связей рассматривались оппонентами отца, в первую очередь Молотовым, как измена, пусть не государственная, но идеологическая. Маленков в этих вопросах среди своих единомышленников стоял особняком, он никогда не слыл ортодоксом, кое в чем мог пойти даже и дальше отца. Но только без него.

Не было единства и во внутренней политике. Молотов не соглашался с грандиозным проектом освоения целины. Он считал, что деньги лучше вложить в крестьянское хозяйство здесь, в Европейской части страны. Отец доказывал, что подъем пришедшего в упадок сельского хозяйства Нечерноземья, средней полосы при почти полном отсутствии производства удобрений — дело не только безумно дорогое, но и длительное. Требовалось же немедленно, буквально в год, от силы два, получить хлеб, чтобы ликвидировать очереди, с рассвета выстраивающиеся у булочных даже в относительно благополучной Москве. Быстрый хлеб можно было вырастить, только распахав новые земли.

Еще больше накалило атмосферу в Президиуме ЦК недавнее решение о переходе к совнархозам. Отцу удалось провести свой проект через Верховный Совет, но снятие Байбакова отнюдь не ликвидировало разногласий. И Первухин, и Сабуров, и другие сталинские наркомы вовсе не намеревались легко выпускать из своих рук власть Они охотно присоединились к коалиции противников отца.

Булганина в лагерь своих недоброжелателей толкнул сам

отец. Все последние годы они держались вместе и в момент смерти Сталина, и при подготовке ареста Берии. Перебирая варианты, обдумывая кандидатуры, подходящие для замены Маленкова на посту Председателя Совета министров, отец неслучайно остановился на Булганине. Казалось, он мог доверять последнему во всем. Я уже описывал, как во время визитов в Женеву и Великобританию отец вольно или невольно, в силу своего характера, вытеснял Булганина со сцены, перехватывал инициативу, порой не давал ему рта раскрыть. То же самое продолжалось и в Москве. Сначала Булганин терпел, потом стал обижаться, его недовольство отцом возрастало.

Коллеги по Президиуму ЦК подливали масла в огонь, кто сочувственно, кто язвительно нашептывал:

— Никита тебя ни в грош не ставит!

Наконец Булганин не выдержал, больше с ролью статиста он мириться не желал. Он еще покажет, кто тут первый. Так он и оказался среди противников отца.

20 мая Каганович, Маленков, Молотов, Булганин и Первухин в принципе приходят к согласию, что пришла пора избавиться от отца. Его решили назначить министром сельского хозяйства, Суслова сделать министром культуры, а во главе КГБ вместо Серова, по совместительству, поставить Булганина. Чуть позже к инициативной группе присоединились Ворошилов и Сабуров. Велись осторожные переговоры с Жуковым, но он не ответил ни да ни нет.[39]

Казалось, судьба отца предрешена. На пост Первого секретаря ЦК планировался Молотов, потом родился вариант вообще упразднения Первого, как это сделал Сталин после XIX съезда.

Отец пока ни о чем не догадывался. Подготовка велась в глубокой тайне.

На мою свадьбу отец сверх моих друзей и родственников неожиданно пригласил массу людей. Человек общительный, он не мог удержаться от того, чтобы в разговоре не похвастаться сын женится. После этого ничего не оставалось, как просить собеседника по русскому обычаю почтить торжество своим присутствием.

Среди приглашенных оказались Булганин, Маленков, Ворошилов, Каганович. Были и другие, не знаю, как их назвать — оппозиционеры или представители большинства в Президиуме ЦК. Пригласил отец Жукова и председателя КГБ Серова.

Мама молча подсчитывала все увеличивающееся количество гостей, прикидывала, как рассадить такую ораву. Торжество решили устроить на даче. Там была большая столовая, но и она всех не вмещала. Дополнительный стол поставили на веранде.

Накануне свадьбы отец, вернувшись домой вечером, виновато сообщил, что он пригласил еще Туполева и Антонова:

— Я их сегодня принимал, разговорились, зашла речь о детях. Я и сказал, что сын женится. Пришлось пригласить. Неудобно — немного по-детски, запинаясь, оправдывался он перед мамой. Она только обреченно вздохнула: куда приткнуть еще и этих, словно с неба свалившихся гостей? А отец от греха подальше, крикнув мне: «Пошли погуляем», перед ужином вознамерился пройтись.

В начале июня вечереет поздно. Солнце еще склонялось к горизонту. На даче не приходилось кружить вдоль забора, как в резиденции, можно по широкой аллее уйти в лес. Не дожидаясь моего вопроса, отец сам рассказал о встрече с авиаконструкторами. Начал с Туполева, доложившего об идущем на смену Ту-16 новом бомбардировщике Ту-22, способном летать быстрее звука. Так его называют сейчас, а тогда это была 105-я машина.

Порадовало отца и сообщение о дальнем тяжелом перехватчике Ту-28-80. Сейчас он имеет индекс Ту-128. Но особенно запомнилась весть о рождении нового сверхбольшого и сверхдальнего пассажирского самолета Ту-114. Через пару месяцев ему предстояло подняться в воздух. Так же, как ранее Андрей Николаевич в короткий срок превратил бомбардировщик Ту-16 в пассажирский Ту-104, так и сейчас он переделывал Ту-95 в Ту-114. После триумфа Ту-104 в Великобритании отцу так хотелось новой сенсации. Туполев заверил: «Не подведем».

У Антонова отец выпытывал, когда же наконец наша армия получит столь необходимый транспортно-десантный самолет. После Суэцкого кризиса этот вопрос стоял особенно остро. Западные страны по воздуху легко перебрасывали войска вместе с танками, пушками, автомашинами и всем необходимым. Мы же не могли сделать ничего.

Подготовленный к запуску в серийное производство двухмоторный Ан-8 (его показали на воздушном параде в июне прошлого года) отец забраковал. Он ему показался мал, не годился для перевозки тяжелой техники, да и два мотора не обеспечивали необходимой надежности.

За неимением лучшего их начали производить, но конструктор получил задание сделать самолет, способный поднимать танк и садиться на неподготовленные аэродромы. Антонов доложил, что четырехмоторный транспортный самолет повышенной грузоподъемности Ан-12 начнет полеты через год. Отец хотел бы иметь самолет уже сегодня, но что поделаешь.

Собираясь на встречу с отцом, Антонов подготовил

предложения, как, всего лишь заменив хвост, можно превратить его транспортный самолет в пассажирский. Переделки небольшие, зато, по мнению конструктора, выгоды получатся просто колоссальные: новый лайнер сможет садиться на необорудованные аэродромы. В случае необходимости так же легко совершается обратная операция — пассажирские самолеты переоборудуются в транспортные.

Выглядело очень заманчиво: сегодня возишь пассажиров на Черное море, а пришло время — пришлепал новый хвост и можешь выбрасывать десант. На словах очень просто, но конструктор «забыл» упомянуть, что переоборудование займет не один день и производить его можно только на заводе. Конечно, несравненно проще, чем сделать новый самолет, но в критический момент, когда счет пойдет на часы, в крайнем случае, на дни, запасные хвосты не спасут. Другое дело, если готовишься загодя, сам собираешься напасть. Отец вежливо выслушал Антонова, но остался равнодушным, в те дни его сердце принадлежало Ил-18. Правда, к концу беседы он решил, что конкуренция не повредит, и согласился на проектирование пассажирского варианта самолета. Он получил наименование Ан-10 «Украина».

Постепенно отец все больше увлекался и вскоре превратился в ярого сторонника антоновского самолета. При любом удобном случае отец расхваливал его, употребляя одни превосходные степени, особенно отмечал его неприхотливость в части аэродромов.

Объяснить такой поворот несложно. С развитием гражданской авиации требовалось все больше аэропортов. А это миллиарды и миллиарды рублей. Антонов обещал быстрый и практически бесплатный выход из положения. И отец поверил ему.

Ан-10 получился, мягко говоря, средним. Так всегда бывает, когда одной рукой хватаешься за две цели. Не все ладилось с устойчивостью, аварии случались чаще, чем у других конструкторов. После замены хвоста, превращавшего грузовик Ан-12 в авиалайнер Ан-10, у последнего появилась неприятная особенность: вдруг без всякой видимой причины он начинал рыскать носом из стороны в сторону, качаться. На самолет жаловались. И чем больше жаловались, тем сильнее отец его защищал. Когда заговорили об аварийности, он стал чаще летать на Ан-10. Собираясь в командировку по стране, частенько предлагал: «Давайте полетим на антоновском». Цыбин нехотя соглашался, он предпочитал более надежный Ил-18. Я тоже побаивался Ан-10: при посадке в нем постоянно раздавался

скрежет, удары, самолет, казалось, вот-вот рассыплется.

Отец стоял на своем, всех этих звуков он как бы не замечал, восторгался, когда самолет садился на облегченную, полевую, собранную из стальных щитов полосу. Каждый раз интересовался длиной пробега.

Свадьба, как и полагается, прошла весело. Гости разделились на две компании — молодежь и стариков — и друг другу не мешали. Пили умеренно, отец не любил пьяных. Многое позабылось, высвечиваются отдельные эпизоды. Упомяну о некоторых из них, как-то увязавшихся с последующими событиями.

Жуков все время о чем-то шептался с Серовым. Как только закончились официальные тосты, они вышли в сад и долго гуляли по дорожкам. Можно ли это связать с последующими событиями — не знаю. Возможно, им до того просто не представлялось случая побеседовать в спокойной обстановке.

Маленковы, немного запоздав, пришли запросто, по-соседски. Маленков глядел сумрачно, хотя обычно с лица Георгия Максимилиановича не сходила приветливая улыбка. Вспоминается несообразность, отмеченная моей женой на следующий день, когда она рассматривала свадебные подарки. Одни были побогаче, другие попроще, в зависимости от возможностей дарящего. Одни казенные, другие с душой, в зависимости от отношения к молодоженам.

— А это что? — удивилась жена. Она держала в руках потрепанную замшевую дамскую сумочку темно-зеленого, его еще почему-то называют болотным, цвета.

Я с трудом вспомнил, что мне ее сунула в руки Валерия Алексеевна, жена Маленкова. Они тогда, особенно не задерживаясь с поздравлениями, поспешили дальше, к старикам. В сумочке оказался дешевый будильник со слоником, ими в то время были забиты все магазины. На вид тоже не новый, как будто походя взятый с тумбочки. Я бы не запомнил этого эпизода, подаркам я не придавал особого значения, а тем более не приценивался, что дороже, что дешевле. Меня удивило психологическое несоответствие дара сложившемуся в моем сознании образу этой семьи. Маленковы очень любили делать подарки, часто без всякого повода, и всегда старались выбрать что-либо необычное, запоминающееся. Этим они отличались от большинства наших знакомых. Когда я поступил в институт, то меня одарили чудесной фаберовской готовальней в деревянной полированной коробке. Гляделась она настоящей драгоценностью, и за всю свою жизнь я не рискнул использовать

ее по назначению. Совсем без повода я получил набор увеличительных стекол, тоже очень красивых. А сейчас…

Эти мысли промелькнули, а может быть, даже не промелькнули в тот день, так, задержались в подсознании. Задумался я лишь после и тогда же сделал вывод, что для Маленкова в тот день уже все казалось решенным, фигуры на доске встали по-новому, отцу в предстоящей партии места не отводилось.

Запомнилась мне и размолвка за столом. К тому времени компания старших давно замкнулась в своих интересах, о молодых почти забыли. Пьяных не было, но это не значит, что за столом не пили. Чуть подвыпил Булганин, его соратники только пригубливали, держались настороженно.

Отец пребывал в отличном праздничном настроении, шутил, задирался. Когда Булганин начал очередной тост, он отпустил беззлобную шутку. Булганин среагировал бурно, просто взорвался. Стал кричать, что не позволит затыкать ему рот, помыкать им, скоро это все кончится… Его еле успокоили. Отец уговаривал своего друга: он и в мыслях не держал его обидеть. Неприятную вспышку погасили, чего не бывает на свадьбе.

На следующее утро перед отъездом отца на работу я, как обычно, сопровождал его в прощальной прогулке по саду. Яркое солнце, зеленая трава, пение птиц — ничто не предвещало бури.

Через пару дней началась наша производственная практика, и мы с женой уехали в Загорск.

Началось во вторник, 18 июня. Для заседания Президиума ЦК день необычный. По заведенному распорядку они проходили по четвергам. Видимо, рассчитывали завершить дело к воскресенью.

Подготовку провели солидную, расклад не предвещал никаких неприятностей. С одной стороны, повторю, Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Первухин и Сабуров, семь членов Президиума ЦК, причем старейших. С другой — сам Хрущев, а с ним Суслов, Микоян и новичок Кириченко. Правда, кандидаты в члены Президиума, избранные в последние годы — Жуков, Шепилов, Брежнев, Шверник, Мухитдинов, Фурцева — выступали на стороне отца. Еще один потенциальный сторонник отца, секретарь Ленинградского обкома и кандидат в члены Президиума Козлов отсутствовал. Его не звали, он по уши увяз в организации торжеств по случаю 250-летнего юбилея города. Кандидатов по-серьезному в расчет не принимали, голосовать они не имели права. Пленумы ЦК уже давно не оспаривали решений, принимаемых Президиумом.

Баталия растянулась не на один день. Засиживались до

позднего вечера. Обессилевшие, разъезжались по домам, чтобы поутру схлестнуться снова. Каждый из членов и кандидатов выступал не по одному разу. Может, кому и хотелось отмолчаться, но не представлялось возможности, требовалось сделать выбор. И вот говорили, говорили, говорили… Сторонники отца выступали неровно: одни стояли до последнего, другие под нажимом большинства порой пасовали.

А тем временем в Москву съехались вызванные отцом члены ЦК. Кризис завершился открывшимся в субботу 22 июня в Свердловском зале Кремля пленумом.

Члены ЦК выступали крайне резко. Каждый стремился вылить свой ушат грязи на оппозиционеров. Заседания продолжались целую неделю, до 29 июня.

После практики в первых числах июля я в полном неведении вернулся домой. Пленум уже закончился, но никаких официальных сообщений еще не публиковалось. Отец мне тоже ничего не рассказал. Так что узнал я о происшедшем из газет.

Почему-то мне запомнилось солнечное летнее утро. Только что привезли почту: разноцветные пакеты, скрепленные сургучными печатями, и газеты. Отец расписался на квитанциях фельдсвязи и, сложив бумаги стопкой на круглом плетеном столике, принялся за прессу. Я сел рядом и через плечо углядел на первой странице «Правды» официальное сообщение о состоявшемся пленуме. Глаза привычно скользнули по набранным жирным шрифтом строчкам в конце, там всегда сообщалось о главном, об организационных вопросах: кого избрали, кого убрали. На сей раз перечислявшиеся фамилии заняли целый абзац. Среди исключенных я увидел такие фамилии… Не поверил своим глазам — вожди. К тому же друзья… Совсем недавно все сидели за одним столом на моей свадьбе, и вот на тебе. Когда отец работал, его не отрывали. Такой порядок завели давно, и он свято соблюдался. Сегодня я не мог терпеть, засыпал его вопросами. Он в подробности вдаваться не стал, сказал только, что бывшие его соратники заняли неправильную позицию, вот пленуму и пришлось их поправить.

— Они осознали свою неправоту, и сами проголосовал за свое осуждение, — в голосе отца проскользнула презрительная нотка. — Один Молотов держался до конца.

Единственное, что я узнал от него в то утро: против отца выступили не четверо поименованных в газете членов «антипартийной группы»: Маленков, Молотов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов, но еще некоторые другие члены Президиума ЦК, в том числе Булганин и Ворошилов.

— Мы решили не называть их фамилий, — добавил отец, —

на пленуме они покаялись. Происшедшее послужит им хорошим уроком. Да и для внешнего мира так лучше, — закончил отец и погрузился в свои бумаги.

Постепенно не названные в официальном сообщении противники отца один за другим покидали Президиум. Одни, как Сабуров и Первухин, сразу же, другие задержались чуть подольше.

Июньский пленум расширил состав Президиума ЦК. Членов стало пятнадцать, а кандидатов — девять. Список формировал отец, естественно из своих сторонников… Игнатов вошел в состав Президиума.

Отец чрезвычайно гордился тем, что впервые за последние десятилетия за политическим поражением не последовали репрессии. А такие предложения раздавались.

Он демонстрировал своим противникам реалии XX съезда, против которого они восстали. «Должен царствовать только закон», — повторял отец. К сожалению, осуществить обещание оказалось куда труднее, чем провозгласить. Но тогда казалось, что главные препятствия позади.

Члены «антипартийной группы» обреченно ждали решения своей судьбы. Не выдержал лишь Каганович, он позвонил отцу.

Об этом телефонном разговоре отец вспомнил через несколько лет на XXII съезде партии. Приведу их диалог по стенограмме, хотя, вспоминая рассказы отца, могу сказать: разговаривали они куда проще, без пафоса и напыщенности:

— Товарищ Хрущев! Я тебя знаю много лет. Прошу не допустить, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине… — так в интерпретации отца звучали слова Кагановича.

— Товарищ Каганович! Твои слова еще раз подтверждают, какими методами вы собирались действовать для достижения своих гнусных целей. Вы хотели вернуть страну к порядкам, которые существовали при культе личности, вы хотели учинить расправу над людьми. Вы и других меряете на свою мерку. Но вы ошибаетесь. Мы твердо соблюдаем и будем придерживаться ленинских принципов. Вы получите работу, сможете спокойно жить и работать, если будете честно трудиться, как трудятся все советские люди, — отвечал отец.

Отец чрезвычайно гордился тем, что впервые в российской истории за политическим сражением не последовало репрессий. А такие предложения раздавались. Он демонстрировал своим противникам и сторонникам новые реалии XX съезда, против которых восстали «молотовцы». «Царствовать должен только закон», — повторял отец.

Гордился отец совершено заслуженно. В 1957 году он создал прецедент, поломал многовековую российскую традицию, согласно которой проигравший в борьбе за власть отправляется прямым ходом на эшафот. Так поступал Иван Грозный, так поступали цари до и после него. Только за последние три века стоит припомнить царевича Алексея, казненного Петром, несчастного младенца Иоанна Антоновича, императора Петра III, его сына императора Павла. К проигравшим можно причислить и декабристов, героев и жертв неудавшегося восстания 1825 года, и последнего российского царя Николая II со всем семейством. Все они так или иначе проиграли власть, а вместе с ней и жизнь.

Сталин не только избавлялся от реальных конкурентов вроде Троцкого, но и, следуя примеру Ивана Грозного, казнил без разбора всех, кто только казался ему опасным. Следуя той же традиции, в 1953 году избавились от Берии.

Сын Маленкова Андрей, уже в постсоветские времена, на вопрос журналиста, как бы его отец и другие «молотовцы» поступили с Хрущевым, без колебаний заявил: «Мы бы их всех на Красной площади за яйца повесили». Ответ прозвучал эмоционально, но он отразил настроения старшего Маленкова, не выходившие за рамки общепринятого в России поведения.

А вот отец отважился поступить иначе, и после 1957 года российская история изменила свой курс, изменилась сама власть. Она стала иной, после 1957 года оказалось трудно, а позднее и невозможно, вернуться к сталинским репрессивным канонам.

В 1964 году Брежневу донельзя хотелось физически избавиться от Хрущева, а вместе с ним и от своих страхов, связанных с планируемым переворотом, но у него ничего не вышло. Председатель КГБ Семичастный, судя по его воспоминаниям, попросту отказался, а Брежнев не решился настоять.

После государственного переворота осенью 1993 года Борису Ельцину пришлось смириться с решением Генерального прокурора, освободившего из-под ареста ненавистных ему вице-президента Александра Руцкого и спикера палаты Руслана Хасбулатова.

О более позднем времени я и не говорю. Возврат к старому стал невозможен, и все благодаря прецеденту 1957 года. Прецедент — великая сила!

Оставить своих противников в Москве отец не решился. Когда я поинтересовался судьбой членов «антипартийной группы», он сказал, что им подыскивают работу, но подальше от столицы, здесь они представляют не то чтобы опасность, скорее неудобство.

Каганович слыл энергичным руководителем широкого профиля, никакой конкретной профессией, кроме сапожной, он не владел. Его отправили на Урал директором Соликамского калийного комбината. Должность немалая.

Маленкова, как бывшего министра энергетики, назначили директором крупной Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше.

«Примкнувшего к ним Шепилова» послали преподавать студентам марксистско-ленинское учение на юг, в Среднюю Азию.

Наибольшие трудности возникли с Молотовым. Его решили назначить послом. Почему-то до сих пор столь важная для укрепления взаимопонимания должность используется если не как ссылка, то как способ без помех избавиться от неугодного высокопоставленного чиновника. Выбрали подходящее государство, не из первого десятка, такое, с которым особых дел у нас не предвиделось. Запросили согласие на аккредитацию и получили отказ. Пришлось искать новое место. Опять ничего не получилось: не просто не дали согласия, а попеняли за неуважение — как можно назначить послом человека, который не пользуется доверием правительства?

Министр иностранных дел Громыко пришел к отцу за инструкциями. Отец вначале даже рассмеялся: «Так-таки и отказываются?» Сложившаяся ситуация, казалось, его забавляла. Но он тут же посерьезнел.

— Они правильно рассуждают, — выговорил он то ли себе, то ли Громыко, — следовало предвидеть реакцию. На самом деле обидно получить послом человека, о котором заранее известно, что он не только не пользуется уважением, но и вообще вряд ли сможет связаться с руководством.

Отец сказал, что подумает. Конечно не о том, чтобы оставить Молотова в Москве. Он решил сам поговорить с кем-нибудь из руководителей социалистических стран, попытаться уговорить принять послом Молотова.

Первым делом отец позвонил Новотному в Прагу, отцу казалось, что тот согласится. Недавнее сооружение на холме над Влтавой огромного монумента Сталину свидетельствовало об определенных симпатиях в чехословацком руководстве. Однако Новотный категорически отказал. Пришлось стучать в иные двери. И все без результата. В конце концов отцу с трудом удалось уговорить Цеденбала, в виде личного одолжения. Вскоре пришел агреман на аккредитацию нового советского посла. Так Молотов отправился в Улан-Батор.

В июне 1957 года отец, казалось бы, одержал окончательную победу в Президиуме ЦК, в руководстве у него не осталось ни противников, ни соперников. Казалось бы…

На самом деле в июне 1957 года образовалось совершенно новое соотношение сил. Впервые за многие годы аппарат, а именно из его представителей всегда укомплектовывался Центральный комитет, из статиста превратился в активное действующее лицо, определяющее расстановку сил, в том числе на самом верху, в Президиуме. Без сомнения, и раньше никто, включая Сталина, не мог действовать, не учитывая интересов этой могущественной прослойки. Но тогда сохранялось таинство власти. Сейчас все упростилось. Члены Президиума ЦК, до сего часа окруженные ореолом недостижимости, вдруг спустились в зал, оказались обычными людьми. Их можно поддержать, а можно им и отказать. Так проявился, возможно, один из существеннейших уроков XX съезда. Постепенно матерея, аппарат набирал силу, реальная власть все больше перетекала в среднее звено.

Воистину начиналась эпоха аппарата. Из 1957 года она протянулась к октябрю 64-го и дальше, естественно, вылилась в эпоху расцвета аппаратного правления, которую мы почему-то называем эпохой застоя.

После своего «дебюта» на Ближнем и Среднем Востоке, закончившимся выдворением экспедиционных войск Великобритании и Франции из зоны Суэцкого канала, отец с некоей долей ревности следил за событиями, происходившими в регионе.

Особое отношение у него сложилось к Сирии. По его мнению, режимы в большинстве арабских стран носили ярко выраженный реакционный характер: у власти были либо ставленники колонизаторов, либо местные феодалы. Сирия на их фоне выделялась демократизмом институтов власти, и, что было немаловажным, в стране заметную роль играла легальная коммунистическая партия. Поэтому, когда под флагом борьбы с коммунизмом в соседних Иордании и Турции при участии американцев началось нагнетание антисирийских настроений, отец не мог сохранять нейтралитет. Начался интенсивный и демонстративный обмен визитами, в том числе и военными, переговоры, совещания.

Западным дипломатам отец намекал, что в случае конфликта Советский Союз не останется безучастным. При этом он пояснял, что, в отличие от Суэцкого кризиса, география нам благоприятствует. Турции не следует забывать о своей границе с Советским Союзом. Мы найдем способ помочь друзьям.

На развертывание турецких войск на сирийской границе отец отреагировал решительно. В грузинской газете «Заря Востока»

появилось сообщение о вступлении в командование войсками Закавказского военного округа маршала Рокоссовского. Обычно подобные назначения в нашей прессе не афишировались, а назначение на этот конкретный пост военачальника столь высокого ранга, да еще имеющего за плечами богатый опыт прошлой войны, истолковывалось однозначно. Одновременно войска начали перемещаться в направлении турецкой границы. Намек поняли правильно. Вмешательства не последовало. Отец еще раз утвердился в своей правоте: пригрозив, можно добиться многого. Правда, следует знать меру.

Очередное испытание «семерки» 11 июля снова закончилось неудачей. Теперь подвела система управления. Казалось, несчастьям не счесть конца. Устраняли один дефект, тут же появлялся новый.

Я начал опасаться: вдруг она вообще не полетит? У отца тоже поубавилось оптимизма, но он верил в Королева, рассчитывал, что рано или поздно инженеры разберутся, устранят огрехи и все пойдет.

С полигонов приходили не одни огорчительные вести. Начал испытывать свою Р-12 Янгель. Отец почти по-детски радовался успехам молодого коллектива. Три года назад он благословил их, и теперь они не подвели, выполняют свои обещания. Этим летом отец встречался с Янгелем. Они долго беседовали. Конструктор предложил совершить следующий шаг — увеличить дальность полета ракеты более чем вдвое, до 4,5 тысяч километров, По его словам, новую ракету можно сделать быстро. Отец согласился. Р-14, такой номер получила новая разработка, позволяла еще более рассредоточить стартовые позиции, убрать их в глубь нашей территории. Повышалась секретность, да и бомбардировщикам противника сложнее станет туда добираться. Этому обстоятельству отец придавал особое значение.

В разговоре отец затронул и постоянно волновавшую его тему межконтинентальной ракеты. Янгель отозвался с заинтересованностью, осторожно предложил заняться проработкой. Отец не спешил с ответом, посоветовал сначала все как следует обдумать. К затронутой теме они вернутся в следующий раз. Он опасался, как бы неокрепший коллектив, взявшись за непосильную задачу, не надорвался. Тогда мы останемся и без межконтинентальной и без европейской ракеты. Да и когда такой проект мог осуществиться?… Королев потратил долгие годы на осуществление своей идеи. Теперь жди Янгеля?!

Тем не менее разговор отцу запомнился. А пока оставалось ждать, когда «семерке» удастся преодолеть заветные 7 тысяч

километров от Тюра-Тама до Камчатки.

От отца я узнал, что ему звонил Королев. Он сообщил, что дефекты, вызвавшие аварию при первых пусках, устранены. Следующие испытания намечались на вторую половину августа, ориентировочно на двадцатые числа.

В начале августа мы с женой отправились на подаренной отцом «Победе» в отпуск на Кавказ. Путешествуя вдали от отца, я, естественно, не знал, что происходит на полигоне. В те годы не сообщали ни о запусках ракет, ни о ядерных взрывах. Об этих событиях знали только те, кому можно знать, у нас в стране и не менее доверенные — сотрудники ЦРУ — в США.

Прошло недели три, даже чуть больше. Я с нетерпением ждал встречи с отцом, конечно, не только ради того, чтобы узнать о результатах запуска. Я просто соскучился. Так надолго мы обычно не расставались. Лето подходило к концу, настала пора возвращаться в Москву, в институт. Мне предстояла защита диплома, в марте следующего года выход на работу.

Где-то в районе Туапсе, включив радио 27 августа, я услышал ликующий голос Левитана. Он зачитывал сообщение ТАСС об успешных испытаниях в Советском Союзе межконтинентальной баллистической ракеты. С особым подъемом диктор подчеркнул, что теперь мы способны достичь любой точки земного шара, не прибегая к услугам авиации, уязвимой для современных средств противовоздушной обороны. В том же сообщении говорилось об успешном завершении серии испытаний ядерных и термоядерных зарядов. В заключение от имени правительства высказывалась благодарность всем участникам работ, передавались сердечные поздравления и пожелания новых успехов.

На самом деле ракету пустили 21 августа. Получив подтверждение с боевого поля о том, что головная часть достигла заданного района на Камчатке, Королев тут же соединился по ВЧ с отцом. Не в пример предыдущим, этот разговор одинаково порадовал обоих собеседников. Выслушав поздравления, Сергей Павлович предложил, не мешкая, запустить искусственный спутник Земли. По его словам, американцы почти у цели, ракета у них практически готова, а тут у нас появляется реальная возможность обойти их. Отец был не прочь утереть нос американцам, но опасался, что спутник отвлечет коллектив от главной задачи — испытаний межконтинентальной ракеты. Королев заверил, что одно другому не помешает, следующий пуск боевой ракеты произойдет в сентябре. Запуск спутника они смогут подготовить к началу октября. Отец пожелал ему удачи.

Сразу после сообщения о запуске он позвонил Устинову и попросил форсировать разработку предложений о

разворачивании Р-7 на боевых позициях. Теперь отец не сомневался: надо начинать строить немедленно.

То, что головная часть в первом пуске под действием высокой температуры, возникающей при входе в атмосферу, не долетев до земли, разрушилась, отца не останавливало. Королев знает свое дело и справится с этой незадачей.

Для выяснения причин неудачи с боеголовкой в помощь Королеву Устинов отрядил экспертов, специалистов в разных отраслях, в их числе уже упомянутого мной Григория Васильевича Кисунько — радиотехнического бога, одного из создателей кольца ПВО вокруг Москвы. Теперь он всерьез заинтересовался возможность перехвата боеголовок баллистических ракет, создания системы противоракетной обороны.

Поначалу грешили на телеметрию, считали, что плазма, образовавшаяся при прохождении головной частью атмосферы, не пропускает радиосигналы, но Кисунько такое предположение отверг. Плазма сначала экранирует длинные волны, а затем, по мере разогрева, все более короткие. А тут сигнал телеметрии вырубился сразу на всех частотах. Причину следовало искать в другом. Отгадка отыскалась почти случайно. К тому времени на боеголовке по просьбе противоракетчиков Кисунько начали записывать параметры ее вращения. Королевцы ими не интересовались, а Кисунько, естественно, проявил любопытство. «Оказалось, что боеголовка в первые секунды после отделения от корпуса вращалась странно: то в одну сторону, то в другую, словно приплясывая на торце корпуса ракеты», — написал Кисунько в своей книге «Секретная зона».

— Все дело в том, — рассказывал он Королеву, — что скорость отделения головки от корпуса очень мала и, пока она не отошла на безопасное расстояние, колотится о корпус ракеты то одним боком, то другим. От всех этих ударов головка намяла себе бока, расколотила теплозащитную обмазку и, войдя в атмосферу беззащитной, попросту сгорела.

— Вы об этом кому-нибудь говорили? — спросил Королев.

— Вам первому, и тут же забыл. Конструкторская солидарность, — заверил Кисунько.[40]

Казалось бы, ответ найден. Королев приказал увеличить скорость разделения, но на следующем сентябрьском пуске головка снова ударилась о корпус ракеты и снова сгорела, не достигнув цели.

На июньском Пленуме Жукова, вместе с другими, державшимися отца кандидатами в члены Президиума ЦК:

Козловым, Фурцевой, Шверником, Брежневым, а также просто Секретарями ЦК Беляевым, Аристовым, новичками Игнатовым и Куусиненом, избирают полноправным членом расширенного до пятнадцати человек Президиума ЦК. Тем летом он несколько раз появляется у нас на подмосковной даче. По всем внешним проявлениям отношения между ним и отцом выглядели безоблачными. Они подолгу гуляли по дорожкам парка, что-то обсуждали, смеялись. В конце лета 1957 года они вместе отправились отдыхать в Крым.

Отец с Жуковым оставались в Ялте до конца сентября. Затем они разъехались. Жуков улетел в Москву готовиться к намеченному на самое начало октября официальному визиту в Югославию, а отец отправился в Киев на маневры сухопутных сил.

В Югославию Жуков отправился 4 октября из Севастополя отбыл на крейсере «Куйбышев». Его командир вспоминал через много лет, что маршал пребывал в хорошем настроении, шутил, в разговорах тепло отзывался о Хрущеве, однажды за обедом поднял тост за его здоровье. Визит проходил успешно. Не забывавшие недавней войны югославы подчеркнуто демонстрировали свое уважение человеку, к чьим ногам пал Берлин.

И тут, как гром среди ясного неба, 27 октября, в воскресенье, на последней странице газеты «Правда» в рубрике хроники появилось сообщение, что Президиум Верховного Совета СССР назначил маршала Советского Союза Малиновского Родиона Яковлевича Министром обороны СССР.

Чуть ниже мелким шрифтом была набрана информация об освобождении маршала Советского Союза Жукова Георгия Константиновича от обязанностей Министра Обороны СССР.

И никаких комментариев!

Выходной день вся семья, как обычно проводила на даче, и я попытался расспросить отца. Он только буркнул в ответ, что в силу различных обстоятельств товарищи сочли такое решение своевременным.

Я ничего не понял, но тон и поведение отца ясно демонстрировали: дальнейшие вопросы ни к чему не приведут.

В тот день я случайно оказался свидетелем их, видимо, последнего разговора.

Я входил в дом, когда раздался телефонный звонок. По звуку я определил: кремлевка, и рванулся побыстрее ответить, но тут увидел выходящего из столовой отца. Он направлялся к телефону. Взмах рукой означал: не надо, сам подойду. Замешкавшись с раздеванием, я ненароком подслушал разговор.

— Здравствуй, Георгий, — глухо ответил отец на чье-то приветствие.

Я навострил уши и уже намеренно задержался в прихожей. Так, по имени, отец называл только двух людей: Маленкова и Жукова. Первый в октябре 1957 года звонить не мог, значит, это Жуков. Он спешно вернулся в Москву. После приветствия наступила пауза. Согласно воспоминаниям Жукова, он сказал отцу: «Ты теряешь друга».

— А так, как ты, друзья разве поступают? — недовольно произнес отец.

Опять растянулось молчание. Дольше топтаться в прихожей стало неудобно, могло попасть от отца за подслушивание. Я прошел в столовую. К завтраку постепенно собиралась вся семья. Через несколько минут вернулся отец. Невольно я вскинул голову с немым вопросом.

— Жуков звонил, — сказал отец, ни к кому не обращаясь.[41]

Сейчас, по истечение десятилетий, слова Жукова «Ты теряешь друга» приобретают пророческий смысл. Хотя дружба в политике и между политиками понятие весьма относительное.

3 ноября «Правда», как, впрочем, и все остальные газеты, сообщила, что в октябре, дата не называлась,[42] состоялся Пленум Центрального комитета, который обсудил вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и Военно-морском флоте. Последний абзац гласил: «Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК товарища Жукова Г. К.». Никаких вразумительных комментариев ни тогда, ни впоследствии не было. Не добавило ясности и опубликование в печати постановления пленума. В партийных организациях, особенно в Вооруженных силах, его проработали, единодушно одобрили, подняли на новую ступень партийно-воспитательную работу. Вопросы задавать в те годы еще не привыкли: начальство само знает, о чем можно, а о чем нельзя говорить.

В неполные шестьдесят один год маршала Жукова отправили в отставку. В нашей стране жизнь опального отставника ох как нелегка. Только и остается утешать себя: во времена Сталина обошлись бы с ним несравненно круче. Слабое утешение. Несладко жилось Жукову при Хрущеве, как несладко Хрущеву при Брежневе. Из современной жизни он выпал. О Жукове старались не упоминать, его не приглашали на официальные и не очень официальные мероприятия, толпившихся вокруг него «почитателей» как ветром сдуло, остались только друзья. А настоящих друзей всегда немного. Он жил на даче, жил прошлым и в прошлом.

Тем временем генералы, бывшие во время войны в

подчинении у Жукова, сводили с ним старые счеты. А он теперь не мог их одернуть и даже не мог ответить, — кто решится без высочайшего разрешения опубликовать писания опального маршала!..

К зиме 1964 года Жуков не выдержал и написал Хрущеву письмо. Он искал у отца управу на генералов, еще вчера лебезивших перед ним, а теперь беспардонно охаивающих его в мемуарах, в статьях, в выступлениях на разных собраниях и юбилеях и в свою очередь до небес превозносивших отца.

Чуть более чем через полгода те же генералы начнут хаять отца и превозносить Брежнева. И уже совсем через много лет оставшиеся в живых снова станут славословить Жукова.

По получении письма, отец позвонил Жукову. О чем они говорили и как говорили мы, конечно, не узнаем, но Жуков вскоре, 18 апреля 1964 года, посылает отцу новое письмо. На нем имеются пометки помощника отца Григория Трофимовича Шуйского: «Тов. Хрущеву доложено. 7 мая 1964 г.». И самого отца: «Напомнить. Приму».

После второго письма отец позвонил Жукову.

В книге журналиста Светлишина «Крутые ступени судьбы: жизнь и ратные подвиги маршала Г. К. Жукова» (Хабаровск, 1992. С. 245, 246) со слов Жукова записано: «В конце августа 1964 года на дачу мне позвонил Хрущев. Справившись о моем здоровье и настроении, он затем спросил, чем я занимаюсь? Я ответил, что пишу воспоминания.

— Это очень интересно, — с оживлением заметил Хрущев и добавил: — У тебя есть о чем поведать людям, важно только рассказать всю правду о минувшей войне.

После небольшой паузы он заявил буквально следующее:

— Досадно, но должен со всей откровенностью признать, что в октябре 1957 года по отношению к тебе была допущена большая несправедливость, и в том, что тогда произошло, я тоже виноват. Оговорили тебя, а я поверил. Теперь мне ясно, что эту ошибку надо исправлять. На днях я еду на юг отдыхать. Как только вернусь в Москву, то сразу займусь этим делом и, надеюсь, всё поправим…»

Что на самом деле думал отец, зачем позвонил, что говорил, что хотел поправить, остается гадать. Да и сам разговор дается в интерпретации одной, заинтересованной стороны. Однако факт разговора несомненен.

Телефонный звонок продолжения не получил. По возвращении из отпуска, в октябре 1964 года, отца отставили со всех постов.

Когда отец уже сам оказался на пенсии, и мы занялись

работой над его мемуарами, я несколько раз задавал ему вопрос о причинах увольнения Жукова. Отец рассказывал без особой охоты. Видно было, что эти воспоминания ему удовольствия не доставляют.

Здесь я изложил лишь канву событий, происходивших летом и осенью 1957 года. Подробно перипетии этой непростой истории борьбы за власть и борьбы вокруг власти, июньского кризиса и событий, предопределивших отставку Жукова, я подробно описал в «Реформаторе» — первой книге «Трилогии об отце».

Глава четвертая
Прорыв

Я уже писал, почему 4 октября отец оказался в Киеве. Весь день он провел с военными, поздно вечером в обширном обеденном зале Мариинского дворца собрались московские гости, украинское руководство: Первый секретарь ЦК Украины Кириченко, Председатель Президиума Верховного Совета Коротченко, Председатель Совета министров Кальченко, секретари ЦК. Тут же были приехавшие на маневры секретарь ЦК КПСС Брежнев, занимавшийся оборонными вопросами, и первый заместитель министра обороны, командующий Сухопутными войсками Малиновский. Пили чай. Разговор за столом шел самый обычный. О чем говорят в таких случаях? Об урожае и недостатке капиталовложений, о новых заводах и устаревшем оборудовании. Цель прозрачна: хозяевам хочется «выбить», выпросить, а именитый гость прикидывает, решает, стоит ли пойти навстречу или отказать. Отец хорошо понимал своих собеседников. Совсем недавно он также «выдавливал» ресурсы из центра.

Разговор затянулся. Время приближалось к полуночи, когда в зал вошел помощник и что-то прошептал на ухо отцу. Тот кивнул: «Я сейчас вернусь» — и вышел в соседнюю комнату, где стояли телефоны. Я догадывался, с чем связан звонок, и весь напрягся: «Наверное, запустили. Как там, удача или опять авария? Ведь счет явно не в нашу пользу, из пяти попыток только две закончились благополучно». Отец отсутствовал недолго. Когда через несколько минут он, широко улыбающийся, появился в дверях, у меня отлегло от сердца. Если только что звонил Королев, то пуск явно прошел нормально.

Отец молча прошел на свое место, сел, но не спешил продолжить разговор. Он, не торопясь, обвел присутствующих взглядом, лицо его просто сияло.

— Могу сообщить очень приятную и важную новость, — наконец не выдержал он, — только что звонил Королев (тут он сделал таинственное лицо). Он — конструктор наших ракет. Имейте в виду, его фамилию не надо упоминать, это секрет. Так вот, Королев доложил, что сегодня вечером, только что запущен искусственный спутник Земли.

Отец обвел присутствующих торжествующим взглядом, все вежливо заулыбались, не понимая, что же такое произошло.

Забыв о теме предыдущего разговора, отец переключился на ракеты. Он стал рассказывать о коренном изменении

соотношения сил в мире с появлением баллистической ракеты. Присутствовавшие слушали молча. Но лица их оставались равнодушными, они привыкли внимать отцу, независимо от того, что он говорил. О ракетах киевляне услышали впервые и не очень представляли, что это такое. Но раз отец говорит, дело важное, значит, так оно и есть.

О спутнике отец отозвался как об очень важном и престижном производном от межконтинентальной ракеты достижении. И подчеркнул, что здесь нам удалось обогнать Америку. Как ему хотелось и мечталось на деле продемонстрировать преимущества социализма!

— Американцы на весь мир растрезвонили, что они готовятся запустить спутник Земли. Он всего-то величиной с апельсин, — заводился отец. — Мы молчали, а теперь наш спутник, не малютка, а восемьдесят килограммов, крутится вокруг планеты.

Отец еще некоторое время порассказывал о ракетах и вернулся к прерванному разговору. Снова появился помощник, он сообщил, что сейчас по радио передадут сигналы со спутника. Включили стоявший в углу радиоприемник. Все с любопытством вслушивались в прерывистый писк первого сеанса космической связи.

По возвращении в Москву отец сразу же связался с Королевым, ему очень хотелось расспросить о деталях, узнать, как все происходило.

Кто первым завел разговор о возможности запуска второго спутника к 7 ноября, к годовщине Октябрьской революции, сейчас сказать невозможно. Историки ракетной техники приписывают это отцу, да еще, говорят, сделано это было в приказной форме. Мне подобное представляется весьма проблематичным. Отец понимал, что в технических вопросах он не властен, здесь все зависит от главного конструктора, и даже не от него, а от степени готовности разработки. Приказами можно только лишь породить спешку и в результате навредить делу. Поэтому свои пожелания отец обычно облекал в форму вопросов.

Он мог спросить Сергея Павловича: «А нельзя ли порадовать советских людей еще одним запуском, желательно чтобы к празднику?» Королев немедленно подхватил идею. Через несколько дней он позвонил отцу и сказал, что запуск дело реальное, впервые в истории в космос полетит живое существо — собака. За вторым спутником последуют новые запуски.

Отца его напор насторожил. Он поинтересовался, не повредит ли такой оборот испытаниям боевой ракеты. Пропаганда пропагандой, наука наукой, но оборона прежде всего. Королев заверил: ни в коей мере. Испытания уложатся в год, возможно,

чуть больше. Не соразмерил он свои силы, ошибся или покривил душой, но «семерку» удалось принять на вооружение лишь через три с лишним года, в начале 1960 года.

Работа над вторым спутником велась денно и нощно. Чтобы уложиться в сроки, требовалось свершить почти невозможное, ведь до 7 ноября оставалось меньше месяца. Запустить к «красному» дню второй спутник, продемонстрировать всему миру свое, пусть анонимное первенство Королеву хотелось во сто крат больше, чем кому бы то ни было. Однако все в конструкторском бюро знали, что они работают не щадя себя, выполняя личный приказ Самого, а Главный каждый день докладывает в Кремль о ходе работ. Таким нехитрым приемом пользовался не один Сергей Павлович. Когда я начал работать, наш Главный тоже не раз ссылался на приказы отца, на то, что Никита Сергеевич лично следит, как идут дела. Надо сказать, что подобная тактика приносила успех, люди проникались значимостью своего труда, работали не покладая рук и творили невозможное.

Второй спутник сделали в срок, 3 ноября запустили на орбиту собаку Лайку на спутнике весом 508 кг. Отец был в восторге. Я тоже, хотя и не мог отогнать от себя мысль о том, какая злая судьба уготована симпатичной дворняжке. Я попытался заговорить об этом с отцом, но он, в земной жизни большой любитель животных, только отмахнулся: «Ученые знают, что делают». Памятником собаке-космонавту стали сигареты «Лайка» с симпатичной лохматой улыбающейся мордочкой на пачке.

Королев вошел во вкус и уже сам предложил запустить следующий еще более тяжелый, весом 1327 кг, спутник к Первомаю.

Старт назначили на 27 апреля 1958 года. Закончился он аварийно, спутник потеряли. Имевшийся в запасе второй экземпляр вывели на орбиту только 15 мая.

Отец сделал для себя выводы и, когда начались пилотируемые полеты, стал непреклонен. Любые предложения приурочить запуск космонавта к дате отвергал с порога, запрещал. Аргументировал свою позицию он просто: «Радость успеха может в одночасье обернуться траурным похоронным маршем. Риск, потери в новом деле неизбежны. Поэтому не следует испытывать судьбу». И с улыбкой добавлял: «Поспешишь — людей насмешишь».

Перелистайте календарь: до конца 1964 года пилотируемых запусков к праздникам не делали.

Неприятие отцом трюкачества в воздухе, а затем и в космосе, грозящего людям гибелью, уходит корнями в 1930-е годы.

Произрастает оно из трагедии «Максима Горького». Так назывался наш самый большой самолет конструкции Туполева. Построили его в единственном экземпляре и утверждали, что он не имеет равных в мире.

«Максимом Горьким» гордились по праву, самолет в сознании людей отождествлялся с могуществом страны, неоспоримыми достоинствами социализма. Его демонстрировали по любому подходящему поводу. Первого мая 1935 года придумали катать в московском небе отличников авиационной промышленности. Затея пришлась всем по нраву, катания продолжались и в последующие дни. А для сравнения рядом пустили поликарповский юркий биплан — истребитель И-153. Устроители считали: на его фоне гигант станет глядеться еще грандиознее. Истребитель крутился вокруг «Максима Горького», как оса над банкой меда. До тех пор, пока 19 мая, не рассчитав маневра, летчик не врезался в его крыло. Оба самолета рухнули на землю. Все пассажиры и экипаж погибли.

На отца, работавшего в те годы секретарем Московского комитета партии, трагедия подействовала сокрушительно. Погибли люди… К тому же Сталин обвинил отца и председателя Моссовета Булганина в потворстве опасной затее. Праздничная бравурная музыка сменилась траурным маршем. Отец и Булганин вместе с другими несли урны с тем, что удалось наскрести среди обломков…

Испытания «семерки» продолжались параллельно с запуском спутников. Удачи сменялись каскадами взрывов, падений, отказов. Не моя задача описывать их, получится толстенная книга. А вот один случай я считаю необходимым упомянуть.

В тот день отец пришел домой не то чтобы расстроенным, скорее, сильно обеспокоенным. Произошла кошмарная история. При пуске «семерки» отказал прибор, управляющий дальностью полета. Ракета пролетела над Камчаткой, вышла за пределы нашей территории и устремилась в направлении США. К счастью, соседнего континента она не достигла. Кончилось горючее, последняя ступень вместе с боевой частью упала в Тихий океан. Никто не знал, засекли американцы перелет или нет. Отец взволновался. Ведь так можно спровоцировать войну.

В те дни отец впервые заговорил о том, что желательно установить специальную линию связи с Вашингтоном с целью предупреждения об ошибках и устранения случайной возможности возникновения ядерной войны.

Стремительно возраставший вес советских искусственных спутников Земли породил обошедшую весь мир легенду о каком-то особенном засекреченном советском топливе. На самом деле

обе стороны находились примерно на одном уровне. Американцы несколько опережали нас в автоматике, мы их в двигателях.

В 1950-е годы в обеих странах разрабатывались очень похожие ракеты. В США готовили к испытаниям межконтинентальный «Атлас» на кислороде и керосине. На тех же компонентах летала наша «семерка». Другая американская ракета этого класса, «Титан», использовала окислитель на базе азотной кислоты. Он не требовал сложного криогенного оборудования, как жидкий кислород, но обладал другим недостатком: его пары — настоящие отравляющие вещества. В те годы на это не обращали особого внимания. Азотная кислота, ее ржавого цвета испарения прочно вошли в быт двигателистов. Редко кто из них обходился без профессиональных отметин — ожогов на лице и руках. На кислоте создавались и наши ракеты средней дальности Р-12, Р-14. Аналогичные по дальности полета, а следовательно, и по назначению ракеты за океаном получили название «Юпитер» и «Тор». Они использовали керосин и кислород. Как видите, выбор оказался небогат.

И не могли наши страны очень уж далеко разойтись в ракетной технике. Танцевали мы от одной печки — ФАУ-2 Вернера фон Брауна.

Как же родилась легенда о нашем превосходстве и их отставании? Мы действительно оказались чуть впереди, первыми начали испытания межконтинентальных ракет. Обошли американцев на год-полтора, а в ракетах средней дальности — на несколько месяцев. Причины тому простые — мы очень торопились, а они нет.

Нашей последней надеждой в гонке за паритет стала межконтинентальная баллистическая ракета. За работой над ней пристально следило правительство, ЦК. Сюда в первую очередь выделялись ресурсы. По звонку главного конструктора свершалось, казалось бы, невозможное.

Американцы двигались не торопясь. В их стратегической концепции ракеты всех дальностей только дополняли авиацию. Конечно, у баллистических ракет имелись преимущества, в первую очередь неуязвимость от противовоздушной обороны. Достоинства нового оружия в значительной степени уравновешивались недостатками: меньшей точностью поражения целей, а главное, необходимостью скрупулезной их привязки. Последнее требовало проведения огромного объема геодезических работ. Ведь раньше никто особенно не обращал внимания на километры, сотни метров в определении местоположения таких крупных объектов, как города. Куда они денутся? Когда стали разбираться повнимательней, возникли

проблемы, ранее интересовавшие только академических ученых: никто не знал точного взаимного расположения даже континентов. Поэтому к ошибкам самих ракет добавлялось наше нетвердое знание места, откуда мы стреляли, и весьма приблизительная информация о координатах цели. Другими словами, стреляли в белый свет как в копеечку.

Характерный штрих. Военные не беспокоили руководство по таким «пустякам». Отец, потрясая ракетами, не подозревал, что военные просто не знают, куда стрелять.

Авиация не испытывала подобных затруднений, ошибку всегда мог поправить штурман. Американцы рассчитывали уточнить координаты целей на нашей территории с помощью У-2. Мы о такой возможности и не мечтали. Проблему разрешили только спутники. Они увязали континенты, уточнили цели, большие и маленькие.

Тем не менее отец своего добился. Мы гляделись грозным противником, оставившим пусть не очень далеко, но все же позади самую могущественную страну мира. Отец просто сиял. Воевать он, естественно, не собирался, а пригрозить теперь было чем. Казалось, расстановка сил в мире начала кардинально меняться. Отец намеревался продолжать успешно зарекомендовавшую себя политику ракетного давления, шантажа, если угодно, и в будущем. Он снова и снова вспоминал прошлогодние события в Суэце, феноменальный эффект, произведенный одним упоминанием об Р-5. Сейчас наша мощь не нуждалась в доказательствах. Достаточно поднять голову и увидеть перемещающуюся по небосводу звездочку. Наш спутник. Включить радио и услышать его сигналы.

Сколько ракет стоит на боевом дежурстве — другой вопрос. Кто и как проверит? Главное, что они могут стоять.

Килограммы, тонны, выведенные на орбиту, впечатляли, порождали массу домыслов. Строились сложные умозаключения. Разведчики, рискуя жизнью, старались выведать секрет поразительного успеха. Ответ же лежал на поверхности: отсталость нашей технологии. Особенно не удавались приборы. Они получались громоздкими, тяжелыми. Недостаточная надежность требовала дублирования, троирования. А это снова вес, вес, вес… Не слишком высокая точность попадания требовала повышения мощности взрыва. «Семерка» стала первой советской ракетой, ориентированной на термоядерный заряд. А он весил тогда пять с половиной тонн.

Где тут американцам тягаться с нами! Стартовый вес «семерки» приближался к тремстам тоннам. Предназначенная для выполнения тех же задач американская межконтинентальная

ракета «Атлас» весила втрое меньше. Соответственно и груз она поднимала много меньший.

На ум приходит русская поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Заложенная в «семерку» энергия многие годы позволяла нам держаться в далеком отрыве от конкурентов в космических делах. Только через десятилетие «Сатурн» побьет все мыслимые рекорды, но быстро сойдет с дистанции. А «семерка» продолжает трудиться уже более полувека. Срок немыслимый для летательного аппарата.

Знал ли обо всем этом отец? И да и нет. Он внимательно следил за развитием ракетной техники. Трезво оценивал ее реальные боевые возможности. С другой стороны, бальзамом на его душу ложились рассказы Королева и Глушко о том, как им удалось обогнать Америку.

Шум о превосходстве нашей страны в ракетных делах воспринимался американскими ракетчиками как подарок. Под него без споров и проволочек утверждались ассигнования, одобрялись проекты, о которых вчера не смели и мечтать. Чего стоит одна лунная программа! Если бы не наша «помощь», полет человека на Луну и по сей день, возможно, оставался бы уделом научной фантастики.

Как тут не вспомнить состоявшийся через два года разговор отца с президентом Дуайтом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде.

«Эйзенхауэр поднял следующий вопрос:

— Скажите, господин Хрущев, как вы принимаете решение о финансировании военных проектов?

Раньше, чем я успел что-нибудь сказать, он продолжил:

— Может быть, сначала я расскажу вам, как это происходит у нас.

— Хорошо, как это бывает?

Он улыбнулся, и я улыбнулся ему в ответ. Я догадывался, что он собирается рассказать:

— Обычно дело обстоит так. Наши военачальники приходят ко мне и говорят "Господин президент, нам нужны такие и такие суммы на такие и такие программы. Если мы не получим нужного финансирования, мы отстанем от Советского Союза". Я вынужден им давать. Так они вытаскивают из меня деньги. Они затем требуют еще, и я даю им. А теперь расскажите, как это происходит у вас?

— Точно так же. Люди из Министерства обороны приходят и говорят: "Товарищ Хрущев, посмотрите! Американцы разрабатывают такую-то и такую-то систему. Мы можем разработать такую же, но это будет стоить столько-то денег". Я отвечаю, что денег нет, они все уже распределены. Тогда они

говорят: "Если вы не дадите денег, то в случае войны противник будет иметь преимущество". Разговор продолжается, я сопротивляюсь, как могу, но в конце концов приходится отдавать военным, что они просят. Тогда я ставлю вопрос в правительстве, и мы принимаем решение, рекомендованное военными.

— Да, — сказал он, — я так и думал. Вы знаете, хорошо бы заключить какое-то соглашение, чтобы остановить эти бесполезные, на самом деле пустые траты.

— Это наша мечта! Мы готовы приложить все наши усилия для достижения такого соглашения с вами, чтобы обуздать военные расходы.

Одной из причин моего приезда в Соединенные Штаты был поиск взаимопонимания. Но как мы можем достичь соглашения? На какой основе?

В этом была главная проблема мы не могли договориться тогда, не можем мы договориться и сейчас».

С друзьями отец готов был делиться самыми сокровенными секретами Китайской Народной Республике мы решились передать даже технологию изготовления ядерных зарядов. Для обеспечения доставки[43] их к цели отец пообещал документацию на Р-12. Как только закончатся испытания. Предполагалось, что производство ракет в обеих странах начнется практически одновременно. Пока же им предстояло научиться работать с ракетами. Для этого им передали старенькие королёвские Р-2, послали инженеров-инструкторов.

Отдавали мы китайцам не только Р-12. В Китай ушли образцы самонаводящихся крылатых ракет: катерной П-15 и береговой обороны — «Сопка». Их собирались выпускать на вновь строящихся с нашей помощью заводах. Всего не перечислишь. К сожалению, идиллия вскоре кончилась. История нашего конфликта с Китаем выходит далеко за рамки моих воспоминаний. К тому же закулисная сторона событий мне просто неизвестна. Остановлюсь лишь на отдельных эпизодах.

Распахнув перед друзьями ворота наших арсеналов, отец искренне рассчитывал на взаимность: противник у нас один, империализм Соединенных Штатов Америки. На деле все получилось иначе.

Я описывал баталии, развернувшиеся вокруг Военно-морского флота. В соответствии с принятой новой стратегической концепцией на западных и восточных, северных и южных верфях день и ночь клепались, варились, собирались океанские подводные лодки. На первых порах дизельные. Здесь максимально использовался опыт строительства субмарин последних немецких проектов.

Заканчивались разработки суперсовременных атомных подводных кораблей, классических, вооруженных торпедами, и новых — с баллистическими и крылатыми ракетами.

Подводный флот становился океанским, отрывался от берегов, обеспечивая наше грозное присутствие на всех акваториях планеты. Для управления многочисленными кораблями требовалась связь. О спутниковых системах тогда и не мечтали. Обеспечить устойчивую связь со всеми океанами с собственной территории оказалось крайне затруднительным, требовались многомиллиардные затраты, а денег, как обычно, не хватало.

Проблему долго обсуждали в Главном морском штабе, один за другим отвергались различные варианты. С трудом увязанные предложения вынесли на обсуждение Совета обороны. Первый, более дорогой и менее эффективный вариант предусматривал использование только своей территории. По второму радиопередатчики выносились как можно ближе к побережью. Для южной части Тихого океана предлагался район острова Хайнань в Китае, для Индийского океана — оконечность полуострова Индостан.

Индийский вариант отец отверг с порога. Обращение с такой просьбой к Неру он считал совершенно невозможным: отец опасался, что подобное предложение может подорвать дружеские отношения между нашими странами. Не так много лет прошло после изгнания английских колонизаторов, а тут заявимся мы со своей военной базой.

— Какие у вас интересы в Индийском океане? — допытывался он у главнокомандующего Военно-морским флотом адмирала Горшкова. — С кем там собираетесь воевать?

Горшков не принял бой. Он пояснил, что в предложениях рассмотрен проект глобальной сети связи, ориентирующейся на весь Мировой океан. Планов развертывания крупных подводных сил в Индийском океане нет. Так что с использованием территории Индии можно повременить, а на организации станции на острове Хайнань он настаивал. Там чрезвычайно важный район: военно-морские базы США на Гавайских островах, на острове Мидуэй, не говоря уже о Филиппинах и Тайване. Одновременно предполагалось поставить вопрос о возможности базирования и ремонта лодок в портах Китая в случае возникновения угрожающей обстановки. Это резко сокращало время, затрачиваемое на переходы, позволяло повысить боевую эффективность флота. Свои базы располагались так далеко, что почти треть кораблей постоянно находилась или на пути домой, или из дома. Отец не предвидел затруднений — дружественный,

строящий социализм Китай, без сомнения, пойдет навстречу, тем более что сами китайцы приступили к строительству подводных лодок. Естественно, по нашим чертежам и с нашей помощью. Так что предложение Горшкова выглядело заманчивым для обеих сторон: и радиостанцией, и ремонтными базами смогут пользоваться и китайские моряки. К тому же наше присутствие в портах КНР свяжет руки агрессору. Нападающему придется иметь дело с советскими вооруженными силами. На основе взаимности отец предложил предоставить право военно-морскому флоту Китая в случае необходимости пользоваться нашими базами. Отец попросил подготовить конкретные предложения за его подписью для отправки Мао Цзэдуну.

Китайцы не спешили с согласием. Тогда отец решил встретиться с Мао Цзэду-ном лично. Ему казалось, китайцы чего-то недопоняли, стоит поговорить — все преграды отпадут. С такими намерениями он вместе с маршалом Малиновским в конце июля 1958 года направился в Пекин.

Историки немало писали об этих переговорах. Рассказывает о них и отец в своих воспоминаниях. Я только напомню, что китайцы попытались получить заверения о поддержке силой их попыток овладеть Тайванем. Точнее, прилегающей к берегам Китая акваторией. Отец уклонился. Он считал, что общие усилия должны согласованно направляться на отпор агрессии, а не провоцировать американцев на ненужную конфронтацию. По мнению отца, главной задачей должен стать подъем экономики Китая, повышение жизненного уровня народа.

Освобождение Тайваня он считал важной политически, но совершенно невыполнимой с военной точки зрения задачей. Отец убеждал своих собеседников, что при отсутствии военно-морского флота Китаю не решить тайваньскую проблему силой. Мы ничем не сможем помочь, наш Тихоокеанский флот не в состоянии бороться с 7-м флотом США. Подобная авантюра, считал отец, способна привести к возникновению мировой войны. Поэтому он наотрез отказался от участия в боевых действиях в Тайваньском проливе. Китайцы заявили, что они намерены действовать самостоятельно. Отец заверил: они могут рассчитывать на нашу политическую поддержку.

С радиостанцией и базированием подводных лодок у отца ничего не получилось. От переговоров у него остался неприятный осадок. Почти неприкрытые попытки втянуть нас в вооруженный конфликт с американцами, отказ в нашей просьбе — все это не соответствовало пониманию отца принципов пролетарской солидарности.

В разгоревшемся после визита отца в Пекин конфликте из-за

прибрежных островов СССР всецело держал сторону Китая. Газеты метали громы и молнии, осуждали агрессоров. Но отец решил этим и ограничиться, не было даже намека на возможность нашего вмешательства. Правда, в одном из своих публичных заявлений он пригрозил американцам, что в случае нападения на дружественный Китай мы не останемся в стороне.

Сами китайцы тоже не очень рвались в бой. После громогласных заявлений о вооружении народа они перешли к нескончаемым серьезным предупреждениям о нарушении американскими самолетами и судами их воздушного пространства и недавно установленной двенадцатимильной береговой зоны. Предупреждения скрупулезно подсчитывались и вскоре достигли внушительной цифры, приближались к тысяче.

Во время одного из таких нарушений в конце 1958 года американский пилот потерял подвешенную под истребителем ракету «Сайдуиндер» типа «воздух — воздух». Инцидент не остался незамеченным, о нем сообщили московские газеты со ссылкой на китайские источники. Отец заинтересовался. Послу в Пекине пошло указание попросить друзей передать нам ракету для изучения. Отец обещал, что результатами анализа и снятыми с ракеты чертежами мы поделимся с китайцами.

Прошло время, Пекин молчал. Отец попросил напомнить. Опять ничего. После третьего напоминания китайцы ответили, что они ищут. Отец рассердился, попенял: мы бесплатно передаем друзьям свои знания, чертежи, технологию, делимся всем без утайки, а здесь речь идет не о китайских, об американских секретах.

Увещевания не подействовали.

Зимой 1959 года, видимо в феврале, отец решился на давление. В ответ на затяжки с «Сайдуиндером» отец распорядился попридержать передачу документации на наши военные разработки. Подействовало. Ракета мгновенно нашлась.

Через несколько дней ее уже разглядывали в Москве. При ударе о землю ракета раскололась на две части, следов других поломок не было заметно. К сожалению, отсутствовала важная деталь — чувствительный элемент тепловой головки. У нас к тому времени накопился некоторый опыт по этой части, и специалисты очень интересовались, что придумали за океаном.

Когда ракетой занялись вплотную, обнаружили, что ее уже не раз разбирали и, только заново собрав, передали нам. Собственно, на это и ушло время «поисков». Извлекли ли для себя китайцы пользу — трудно сказать. Они еще мало знали и еще меньше умели. Но упорно пытались разобраться.

Мне рассказывал один из наших моряков, обучавших своих

китайских коллег обращению с П-15, как однажды утром, вернувшись в ангар, он обнаружил оставленную вечером целехонькой ракету, разобранную до винтика. Ночью местные специалисты, не доверяя своим русским наставникам или по какой иной причине, решили до всего докопаться самостоятельно. Разобрать разобрали, а собрать не смогли. Вышел конфуз. Наши сделали вид, что ничего не произошло. Дружба. Двое суток собирали, налаживали ракету, пока она снова заработала. Китайцы ничего не объясняли, вежливо улыбались. И это не единственный случай.

Так и с «Сайдуиндером». Китайцы хотели все постичь сами, не рассчитывая на друзей. Головка самонаведения сохранилась в целости, чувствительный элемент из нее выпасть не мог. Явно китайцы сочли, что он им самим нужнее. Доложили отцу. Он поручил обратиться с новой просьбой. Пекин заверил: передали все. Переговоры тянулись несколько недель, наконец отец рассердился и приказал прекратить бесплодные препирательства.

Инцидент с ракетой сыграл не последнюю роль в процессе пересмотра отцом отношения к Китаю. Он послужил как бы зацепкой.

Именно в те дни я впервые услышал от отца о соглашении, предусматривающем передачу Китаю атомных секретов. Он заволновался, не поторопились ли мы? Через пару дней во время прогулки он снова вернулся к беспокоившей его теме, сказал, что советовался с Министром среднего (атомного) машиностроения Ефимом Павловичем Славским. Тот успокоил: передача технологии еще не начиналась, пока идет подготовка документации.

— Р-12 пусть берут, — задумчиво, как бы на ощупь прикидывал отец, — две тысячи километров, не такая уж и дальность. Он замолчал, возможно, ему пришло в голову, а не повернется ли это оружие против нас?

После паузы отец продолжал. Его беспокоило, что нарушение нами подписанного в 1957 году соглашения китайцы истолкуют как явно недружественный акт.

— Так оно на самом деле и получается, — со вздохом произнес отец и повторил, — Р-12 пусть берут. Остальное тоже. А с атомной бомбой надо еще подумать.

Еще через несколько дней он сказал, что на Президиуме они внимательно обсудили вопрос передачи ядерной технологии и дали распоряжение Славскому заволынить дело.

Теперь настала очередь китайцев слать нам запросы, а нам приходилось их успокаивать, изворачиваться.

Как-то я высказал отцу сомнения в целесообразности

принятого решения. Ведь атомного секрета как такового не существует, китайцы и без нас сделают свою бомбу. Отец не возразил по существу, но заметил, что атомное оружие — страшная сила, не дающая права на малейший риск. Конечно, китайцы сами додумаются до своей бомбы, но потребуется время, и много времени.

— Все меняется быстро, будем надеяться, к тому времени тучки рассеются, — отец всегда был оптимистом, — а если нет, то чем позже они научатся атомным премудростям, тем лучше.

В те дни отец еще сохранял надежды на изменения к лучшему. Но по мере потепления в отношениях с Америкой мороз на Востоке крепчал.

В конце весны китайцам с извинениями сообщили, что из-за технических трудностей мы не сможем выполнить взятые на себя обязательства. В Пекине просто взбесились. Отношения натянулись, в письмах появились резкие нотки, правда, до оскорблений пока не доходило.

Отец скорее расстроился, чем рассердился, ведь соглашение предусматривало наши односторонние обязательства по передаче современных технологий. Ничем подобным китайцы отплатить не могли. Реакция Китая только подтверждала обоснованность возникших сомнений.

— Сколькими секретами мы поделились, — сокрушался отец.

Действительно, мы делились всем без утайки, построили в Китае более тысячи заводов, передали двадцать четыре тысячи технических и научных отчетов, четыреста боевых кораблей и подводных лодок, четыре тысячи самолетов, не говоря уже о другом вооружении. А вместо благодарности получили…

По мнению современных историков, эта передача знаний и технологий — самая крупная во всей мировой истории.[44]

К маю отец созрел окончательно: ни под каким видом атомные секреты передавать нельзя. Президиум ЦК проголосовал за, и 20 июня 1959 года соглашение, предусматривавшее передачу Китаю новейших технических достижений, в первую очередь в военной области, нами было в одностороннем порядке аннулировано.

Китай не получил советской атомной технологии,[45] как, видимо, не получил и Р-12. Решение отца долгие годы рассматривалось как серьезно повлиявшее на ухудшение отношений между двумя странами. А получи китайцы атомную бомбу в 1959 году, они бы улучшились?

Американскую ракету «Сайдуиндер» решили воспроизводить один к одному. К такому выводу пришел отец, ознакомившись с заключением экспертов. Оно свидетельствовало, что

«Сайдуиндер» существенно превосходит наши разработки, в первую очередь, он много легче. Конструкторы сопротивлялись, оспаривали выводы экспертизы. Принятое решение ударяло по их престижу.

Не помогло. Создали конструкторское бюро, передали ему чертежи и станки ракеты, работа началась. Сроки установили жесткие. Больше всего хлопот доставил пресловутый чувствительный элемент головки. Принцип его работы не составлял секрета, а вот при организации производства завод столкнулся с чрезвычайными трудностями. Брак превышал девяносто девять процентов. Бились долго, ничто не помогало. Решили создать компетентную комиссию из ученых, производственников и администраторов. Ей поручили разобраться и найти выход из кризиса. Отец рассуждал просто: «Раз в Америке налажено серийное производство, они могут работать без брака. Что же нам мешает?»

Комиссия заседала долго, скрупулезно исследовала технологию, выслушала десятки предложений и сотни жалоб. Электронщики кивали на машиностроителей — нет необходимого оборудования. Пошли к машиностроителям, те сослались на некачественный металл: из того, что им поставляют, лучшего не сделаешь. Металлурги только развели руками — руда поступает такого качества, что скажите спасибо и за это. Горная промышленность сослалась на низкое качество оборудования для обработки руды, поставляемого машиностроением. Круг замкнулся.

В сталинские времена проблемы, подобные описанной мною, решались по-иному. Однажды, уже после смерти отца, я попал в больницу. Как во всякой больнице, время тянулось медленно. Пустопорожние часы каждый заполнял чем мог. Один из моих соседей по палате оказался как-то связан с химией. Он и рассказал мне эту историю.

События относились к лету 1943 года, шла подготовка к битве на Курской дуге. И тут случилась чрезвычайно неприятная история. У истребителей конструкции Яковлева специальная ткань, которой обтягивали крылья, перкаль, вдруг стала отклеиваться в полете, рваться. Произошло несколько аварий.

О происшедшем доложили Сталину. Он поручил разобраться и принять действенные меры. Создали правительственную комиссию. Среди действующих лиц оказался добрый знакомый рассказчика. Работал он тогда в Сибири, кажется, в Новосибирске директором крупного химического предприятия, выпускавшего в том числе нитрокраску и клеи для авиации.

Герой рассказа только что вернулся из Москвы, перелет

занимал несколько дней, если еще повезет с погодой. Прямо с аэродрома он поехал на завод взглянуть, как шли дела в его отсутствие. Не успел директор переступить порог своей приемной, как взволнованная секретарша сообщила: «Несколько раз звонили от наркома, просили срочно связаться с Москвой».

Москву дали быстро. Нарком приказал директору, главному инженеру и начальнику отдела технического контроля со всей технологической документацией по производству нитрокраски и клея, идущего на Яки, немедленно прибыть в Москву.

Директор ничего не понял: ведь он только что из Москвы, путь не близкий, и дел на заводе невпроворот.

Нарком объяснять не стал — только повторил:

— Вылетай немедленно, здесь все и узнаешь.

Собрали документы и полетели. В столице на аэродроме их уже поджидали. Всех доставили в гостиницу «Москва», разместили в отдельных номерах.

Осмотревшись, директор с удивлением обнаружил, что весь этаж занят его коллегами — директорами, главными инженерами и главными контролерами родственных предприятий со всей страны. Никто не знал причин срочного вызова, но стали догадываться, в чем дело, каждый имел при себе документацию по производству авиационных красок и клеев.

Утром на совещании нарком проинформировал об авариях истребителей, сказал, что создана специальная комиссия, а сейчас они все поедут в Кремль.

В Кремле их проводили в кабинет Молотова, где, кроме хозяина, находились еще Ворошилов и Берия. Молотов не стал рассусоливать: по указанию товарища Сталина необходимо выяснить, почему при изготовлении самолетов применяются негодные краски и клей. В результате в разгар боев истребители не могут подняться в воздух. Началось следствие, допросы. Эксперты кропотливо изучали документацию. Никто ничего не скрывал, ведь дело общее. Конечно, на душе было муторно, чем все кончится?

Следствие завершили быстро. Через пару дней вечером всех собрали и почему-то повезли на Центральный аэродром, — он находился по другую сторону Ленинградского шоссе от Петровского путевого дворца. Уже стемнело. На летном поле всех построили. Ожидали начальство. Наконец появились правительственные «паккарды». Из машин вышли члены комиссии: Молотов, Ворошилов, Берия.

Молотов объявил о результатах следствия. Причиной аварии послужило изменение технологии приготовления нитрокраски на одном из заводов. Мой собеседник назвал Московский

химический завод, в своей книге авиаконструктор Яковлев пишет об Уральском.

Недоставало какого-то компонента, а краска требовалась позарез. Умельцы придумали замену. Попробовали — все нормально, и пустили в дело. Портиться она стала с течением времени под воздействием снега и дождя. Казалось, все ясно — злого умысла не обнаружено. Однако оставить происшедшее без реакции наверху не посчитали возможным.

Вот тут-то и выяснилось, почему выбрали такое необычное место. Провинившихся — директора, главного инженера и главного контролера вызвали из строя. Под конвоем их отвели в сторону к поджидавшему отделению красноармейцев. Дальше все произошло быстро и на удивление буднично. По команде вскинуты винтовки, раздался залп, и расстрелянные рационализаторы упали на землю.

— Все свободны, идите работайте, — услышали они голос Берии.

Потрясенных директоров погрузили в машины и через полчаса доставили в гостиницу. Чтобы забыть и забыться, они зверски напились. На следующий день все разъехались по домам. Больше неприятностей с краской не отмечалось. Технология выдерживалась строго.

Теперь времена поменялись. В истории с «Сайдуиндером» виновных не нашли. Постепенно к фантастическому проценту брака стали привыкать. Он же по мере освоения производства потихоньку стал снижаться. Положение признали удовлетворительным, комиссия сама собой распалась, о ней просто перестали вспоминать.

Советский «Сайдуиндер» прошел испытания, показал хорошие результаты и, получив безликое наименование К-13, поступил на вооружение нашей авиации. Служил он долго. И нам и им.

И даже попал в Индию. Когда Советский Союз в начале 1960-х годов продал индусам лицензию на производство МиГ-19, встал вопрос о его ракетном вооружении. Доморощенные ракеты военные передавать за границу опасались, оберегали тайны. Остановились на К-13. Правда, беспокоило, как обойти закон, ведь конструкция — ворованная. Обошлось без скандала.

Весной очередной участник «антипартийной группы» Булганин сошел со сцены. 1 апреля 1958 года Председателем Совета министров стал отец. Его первым шагом в новом качестве стал призыв ко всем ядерным державам прекратить испытания. Не дожидаясь ответа, отец провозгласил с первого января наступившего года односторонний мораторий.

Его решение громыхнуло как гром при ясном небе. Ни конструкторы, ни даже Устинов со Славским не привлекались к его подготовке. Они узнали о нем в последний момент, чуть ли не из газет. Нечего и говорить, что военные отнеслись к идее моратория более чем прохладно. Наши заряды оставались еще очень несовершенными и тяжеловесными. Возможностей для их улучшения виделось немало.

Я испугался — не отстанем ли мы в гонке, не позволим ли себя обмануть?

Свои вопросы я вывалил отцу. Он рассуждал просто: у нас уже есть атомные и водородные бомбы. Мы испытали термоядерные заряды для ракет. Не за горами окончание испытаний и самих ракет. Пора остановиться. Того, что имеется, достаточно для обеспечения безопасности, а усовершенствованием оружия можно заниматься бесконечно. Это впустую выброшенные деньги. В мире не остается недосягаемых для ракет регионов. Значит, не найдется и желающего начать войну.

Я не сдавался: разве можно доверять им? Пока мы будем бездействовать, за океаном наделают таких зарядов, какие нам и не снились. Мы окажемся в дураках…

Отец меня успокоил, работы продолжаются. Надо дать возможность нашим соперникам пораскинуть мозгами, примериться. Не самоубийцы же они? Ну а если американцы не последуют нашему примеру, мы возобновим испытания. Если же мы придем к соглашению, новые разработки так и останутся на полках. Отцу хотелось в это верить.

Момент он выбрал не случайно. Именно с 1958 года появлялась возможность заморозить арсеналы СССР и США в состоянии если не равенства, то наименьшего неравенства. Мы едва завершили серию своих испытаний, американцы, имевшие фору в пять лет, только изготовились к новым взрывам. Самое подходящее время остановиться, считал отец. Если, конечно, есть на то добрая воля. Мы не догнали американцев, но это не беда, если они не устремятся дальше, увеличивая разрыв. Слово оставалось за нашими соперниками.

К сожалению, призыв отца не нашел отклика. На послания о запрещении испытаний, направленные США, Франции и Великобритании, за всех ответили американцы. 27 апреля на атолле Эниветок в Тихом океане прозвучал термоядерный взрыв.

У отца начался тяжелый и длительный период борьбы на два фронта. С американцами, которых он безуспешно пытался убедить в гибельности продолжения испытаний. И со своими, как военными, так и штатскими оппонентами, утверждавшими, что

односторонний мораторий в случае вооруженного столкновения может послужить причиной поражения. Пока американцы подкрепляли аргументы наших противников моратория непрекращающимися ядерными взрывами.

На стол отца ложились докладные о завершении новых и новых разработок. Заряды становились мощнее и одновременно легче, меньше и дешевле. Задержка оставалась за малым, их требовалось испытать. Отец нервничал. На Запад уходили новые призывы, сопровождавшиеся угрозами прервать мораторий. Призывы оставались без ответа, угрозы не действовали.

Тем временем я заканчивал свой диплом. Пришло время позаботиться о будущем месте работы. Как отличник, я имел право выбора, но на чем остановить свое внимание, не знал. Сохранилась детская привязанность к военно-морскому флоту, хотя с годами романтики и поубавилось. Влекла к себе авиация. А тут еще — ракеты. Не вызывало сомнений одно — моя работа будет связана с обороной. В те годы мирные отрасли представлялись чем-то второстепенным, не заслуживающим внимания.

Своими сомнениями я поделился с отцом. Он внимательно выслушал меня и высказался за ракеты. Я соглашался. Но это в общем… А чем заниматься конкретно?

Решение неожиданно пришло само собой.

Не очень престижный в нашем электротехническом вузе курс теории машин и механизмов читал странный, несколько не от мира сего человек, доцент Ткачев Лев Иванович. Он не придерживался традиционной, устоявшейся программы и вообще рассказывал совсем о другом. Всю свою жизнь он занимался проблемами навигации летательных аппаратов, придумывал, как поточнее их вывести на цель. Ничто другое его не интересовало. О своих идеях он мог рассказывать бесконечно. Человек одержимый, Ткачев опередил свое время и так и не смог прижиться в настоящем, рвался в будущее.

Еще во время войны, в 1943 году, в эвакуации в Саратове, он предложил измерять ускорения летательного аппарата и по ним определять место, где он находится. Принцип сегодня широко известный, наверное, нет самолета, ракеты, космического корабля, подводной лодки и многих других, как их называют в академической науке, самодвижущихся устройств, на которых не стоял бы подобный прибор. В то время особого интереса предложение не вызвало, а один из будущих академиков и корифеев в этой области даже пошутил: «Что же получается, Ткачев, как барон Мюнхгаузен, пытается поднять сам себя за

волосы?»

Шутка понравилась, ее часто повторяли. Когда же инерциальная навигация (такое наименование получила в мире наука, вылупившаяся из идеи Ткачева) кружным путем пришла из-за океана, ее реализацию в нашей стране поручили организации, которую возглавлял шутник.

Лев Иванович тем временем работал над новой идеей. В самом конце войны, в 1945 году, он предложил новую конструкцию гироскопа, в сотни и тысячи раз более точного, чем имелись тогда в мире. Я удержусь от объяснения принципов работы гироскопа, иначе книга начнет превращаться в научно-популярную. Скажу только, что без такого прибора не обходится ни одна система навигации. Не погрешу против истины — точность гироскопа в те годы стала проблемой, определяющей судьбу ракетной техники.

К сожалению, и новое предложение Ткачева не нашло воплощения. Гироскоп повышенной точности, его называли, в силу особенностей конструкции, поплавковым, пришел к нам уже на исходе 1950-х годов тоже из-за океана.

Лев Иванович принадлежал к типу людей, обреченных на неудачу в практических делах. Блестящая идея, опередившая свое время, никак не желала в его руках превращаться в осязаемый продукт. Даже через годы, когда у Ткачева, казалось, появились все возможности: мастерские, лаборатории, цеха, — дальше единичных экземпляров дело не шло. Для успешной организации производства требуется иной талант.

Мне Ткачев уделял особое внимание. Не стану льстить себе, относить его на счет моих способностей. Хотя я относился к тем немногим, кого всерьез заинтересовали его лекции. Льва Ивановича куда больше влекла фамилия. Ему представлялось, что с ее помощью он сможет наконец отыскать выход из тупика.

Общение с Львом Ивановичем принесло в мою жизнь много нового. Он познакомил меня с миром, в который мне вскоре предстояло войти. Ткачев запросто входил в двери научных институтов, разрабатывавших интереснейшие вещи: секретные системы управления огнем артиллерии, ракетами, кораблями. Порой в свои походы он захватывал с собой и меня, в одном НИИ ему за спирт механики изготавливали детали для нового прибора, в другом его приятель, начальник отдела, испытывал уже собранный гироскоп. Нормальная жизнь советского изобретателя.

В начале 1958 года, когда до выпуска оставалась всего пара месяцев, Лев Иванович рассказал мне, что познакомился с очень интересным человеком — главным конструктором ракетного

вооружения подводных лодок. Ткачев предложил съездить к нему. Организация располагалась неподалеку, в одном из подмосковных ситцевых городков, в Реутове.

Я уже говорил, что с раннего детства флот манил меня. От предложения я пришел в восторг, одно меня останавливало: насколько это удобно, ведь я студент, а там… Главный конструктор. Ткачев разубеждал меня: он очень простой и милый человек, с удовольствием примет нас. Тем более они уже обо всем договорились.

Как выглядят ракетные и авиационные конструкторские бюро, я себе представлял, побывал с отцом у Королева и Мясищева. Огромные, во много этажей, застекленные цехи, светлые залы конструкторских бюро. Гладко заасфальтированные дворы и много цветов.

На сей раз мы попали в иной мир. Как только свернули с шоссе, пошли ухабы, колдобины, автомобиль преодолевал их с трудом. Наконец мы у цели. Небольшой трехэтажный цех с пристроенными к одной стене так называемыми бытовками. Рядом еще какое-то помещение, похожее на сарай. Там размещался сборочный цех — святая святых конструкторского бюро. Территорию окружал деревянный забор.

В ворота нас пропустили беспрепятственно, предъявлять документы, выписывать пропуска, как это бывает обычно в подобных организациях, не пришлось. Поднявшись на третий этаж, мы попали в залитый светом большой зал, плотно заставленный столами и кульманами. Людей немного, рабочий день кончился. Слева в стене неприметная дверь, за ней небольшая скромная приемная. Лев Иванович приветливо здоровается с секретарем, осведомляется, здесь ли хозяин.

— Вас ждут, — отвечает она с улыбкой. Зовут ее Зоя Дмитриевна. Она проработает с главным, затем генеральным конструктором до самой его смерти. Впереди еще целая жизнь.

Заходим в кабинет. Он тоже невелик, видно, в конструкторском бюро на счету не то что каждый квадратный метр, каждый квадратный сантиметр. На стене черная доска, рядом на полочке лежат мелки, совсем как в институтской аудитории. На доске какие-то полустертые наброски и формулы, сразу видно, она тут повешена не для мебели. У доски средней величины стол для заседаний, большой сюда не втиснешь. На стенах — красочные плакаты. Они меня очаровали: невиданные подводные лодки с какими-то трубами; из труб вылетают ракеты с маленькими сильно скошенными назад крылышками. Непривычные — сначала и не поймешь, в чем дело.

Увлекшись плакатами, я проглядел хозяина. Только услышав

откуда-то сбоку: «Здравствуйте, как доехали?» — повернулся на голос.

Из-за небольшого полированного стола, освещенного настольной лампой с зеленым абажуром, вставал улыбающийся еще не старый человек с гладко зачесанными назад редкими волосами.

— Познакомьтесь, главный конструктор Владимир Николаевич Челомей, — представил Лев Иванович, он себя в этом кабинете чувствовал как дома.

— Хрущев… Сергей, — запинаясь от смущения, выдавил я.

Мы пожали друг другу руки. Знакомство состоялось. Владимир Николаевич начал расспрашивать меня об институте, поинтересовался темой моего диплома, курсами лекций, увлечениями. Я подробно отвечал, постепенно натянутая настороженность ослабевала. Я чувствовал себя все свободнее. Незаметно разговор свернул к гироскопам. Тут инициативу перехватил Лев Иванович. Все, что он рассказывал, я знал и слушал Ткачева вполуха. Меня интересовали плакаты. Осторожно, краем глаза, чтобы не нарушить приличия, я косился на диковинные рисунки, пытался разобрать сделанные черной тушью надписи.

Хозяин кабинета заметил мое любопытство и достал из стола прозрачный плексигласовый цилиндр на невысокой подставке. Сквозь прозрачные стенки проглядывала та же, что и на плакатах, ракета, только с плотно прижатыми к туловищу крылышками.

Владимир Николаевич жестом заправского фокусника поставил загадочный цилиндр на стол и приступил к рассказу. Начал он с немецких самолетов-снарядов ФАУ-1, с того, как они в конце войны наводили ужас на лондонцев. Далее хозяин подчеркнул преимущество крылатых ракет, тогда их называли «самолеты-снаряды», перед баллистическими. За счет подъемной силы крыла они способны при значительно меньшем весе везти на себе более тяжелый груз. Челомей сделал паузу, и я, воспользовавшись ею, не вытерпел и продемонстрировал свою эрудицию: англичане очень быстро приспособились сбивать ФАУ-1, а баллистическая ракета неуязвима. Владимир Николаевич не стал меня опровергать, наоборот, добавил, что у них есть и еще один очень крупный недостаток — крылья доставляют массу хлопот при транспортировке, размещении на носителях, особенно на подводных лодках. Поэтому крылатые ракеты возят, хранят без крыльев, прикрепляют последние перед самым стартом. Так поступают американцы со своими «Матадорами», состоящими на вооружении сухопутных войск, и «Регулусами», предназначенными для запуска с подводных лодок.

— Американцы смогли втиснуть на лодку лишь два «Регулуса», а для запуска приходится еще повозиться на палубе. А если шторм? Я уж не говорю, что в момент подготовки ракет к старту подводные лодки оказываются абсолютно беззащитными. Наши «Кометы» обладают теми же недостатками, — Владимир Николаевич сделал паузу, рассчитанную на осознание слушателями драматизма сложившейся ситуации. Далее он рассказал, как его мучило столь явное несовершенство конструкции, чисто физически он ощущал ее угловатость, нескладность. Решение пришло неожиданно. Владимир Николаевич поехал в командировку, кажется, в Ленинград. Поселили его в гостинице на последнем этаже, под самой крышей. По воле архитектора над обычным окном помещался еще круглый иллюминатор, как на корабле. Тут ему вдруг привиделась ракета, как птица из дупла, выпархивающая через эту круглую дырку и раскрывающая уже на свободе крылья для полета. Произошло это озарение где-то в 1954 году.

Дальше оставалось придумать конструкцию. Челомей взял в руки прозрачный макет, нажал небольшую кнопку, и у цилиндра спереди и сзади открылись крышки. Он потянул ракетку вперед, она заскользила по направляющим. Из трубы показался нос, потом подрезанные у самого основания крылья, плотно прилегающие к корпусу. Как только задняя кромка высвободилась из плена, они с легким хлопком распахнулись, приглашая к полету.

— Вот и все, — подытожил Челомей. — Правда, никто не верил, что такой трюк возможен. Специалисты, эксперты считали, что ракета не полетит, перевернется. Даже Туполев, к которому я обратился за советом, назвал мою идею цирком.

Поддержали изобретателя моряки, в случае удачи предложение Владимира Николаевича сулило им немалые выгоды. Они добились у начальства разрешения на эксперимент. Здесь, в этом заброшенном, почти бесхозном корпусе создали конструкторское бюро и опытное производство. Практически из ничего, на пустом месте.

— В прошлом году провели первый опытный пуск в Фаустово под Москвой. Полет длился всего несколько секунд, требовалось убедиться самим и доказать сомневающимся, что так называемый цирковой эффект не блеф, а плод точного инженерного расчета. Ракета вылетела из трубы, раскрыла крылья и, чуть покачнувшись, спланировала к опушке леса. Так она научилась летать, — продолжил свое повествование Владимир Николаевич.

Первым его поздравил приехавший посмотреть на диковину Андрей Николаевич Туполев. Он, казалось, искренне радовался,

что его пессимистические пророчества не оправдались.

— Теперь мы на коне, — подвел итог Челомей. — Планы обширные, предстоит вооружать и подводные лодки, и надводные корабли.

Владимир Николаевич широким жестом как бы провел по плакатам. По его словам, на лодках можно размешать столько ракет, сколько требуется, ведь труба-контейнер легко вписывается в конструкцию. Она и хранилище, и пусковая установка. При желании ее можно перезаряжать, загонять в нее ракету, как обычный снаряд в пушку. Еще одно преимущество: в трубе ракету не мочит дождь, не посыпает снег, она надежно укрыта. От флота поступило несколько заказов на ракеты, стреляющие из надводного положения и из-под воды, поражающие цели на берегу и корабли в океане. Под новое оружие уже переделываются старые дизельные лодки, строятся новые атомные гиганты.

Челомей предложил мне на его фирме заняться системами управления ракетами. Только что для этих целей организовали специальную лабораторию.

Я пришел в восторг — это именно то, о чем я мечтал. Не раздумывая, я согласился. Владимир Николаевич несколько умерил мой пыл: «Сначала посоветуйтесь дома».

Едва дождавшись отца, я стал взахлеб рассказывать ему о посещении конструкторского бюро. Я рассчитывал его удивить, но оказалось, он обо всем осведомлен. Челомей был у него на приеме в ЦК, показывал свою удивительную игрушку. Отец загорелся новинкой, просил держать его в курсе дела, при надобности не стесняться, звонить.

От отца я впервые услышал историю моего нового знакомого. Главным конструктором Челомей стал в конце войны, совсем молодым, ему едва исполнилось тридцать лет. Его увлечением, страстью еще со студенческих лет было изучение самых разных колебательных процессов. Особенно притягивали его феномены, не имеющие еще объяснения. Работал Челомей в институте, занимающемся авиационными двигателями. Там ему на пороге войны в голову пришла идея, как с помощью колебаний поднять в воздух летательный аппарат. Комбинация из трубы и перекрывающих ее хитрым образом заслонок получила название пульсирующего воздушно-реактивного двигателя.

Начались бесконечные эксперименты, далеко не всегда удачные. Часто двигатель не желал запускаться, порой его никак не удавалось остановить, нередко он просто взрывался. Но Владимир Николаевич не отчаивался, он верил в свою звезду. В 1944-м экспериментальный стенд все больше стал походить на нечто способное взлететь. Вот только на что поставить двигатель?

Ответ пришел из-за линии фронта. Крылатые ракеты ФАУ-1 начали бомбить Лондон. Приводил их в движение немецкий двойник челомеевского изобретения.

Владимир Николаевич не знал, радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, вот оно, бесспорное подтверждение его прозрения. Но как обидно видеть в чужих руках то, что, казалось, безраздельно принадлежит тебе одному. Дурные предчувствия оправдались. В последующие годы при упоминании о пульсирующем двигателе даже специалисты не сомневались: он пришел к нам от немцев.

ФАУ-1 произвели надлежащее впечатление на московское начальство. Челомею выделили конструкторское бюро, после скончавшегося от рака Николая Николаевича Поликарпова. Так же как и Королева, его срочно отрядили в войска, в Польшу, собирать по крупицам информацию. Вскоре в его руки попадают и невредимые немецкие ракеты. Осмотрев их, Челомей пришел к выводу: по сравнению с ним немцы ушли далеко вперед. Он, так же как и Королев, на ходу перестраивается. Конструкторское бюро работает день и ночь. Немецкий опыт и собственные заделы, слившись воедино, реализуются в появляющихся одна за другой крылатых ракетах наземного базирования, морского, воздушного. Они получают индекс 10Х, а последующая модель, далеко оставившая позади немцев, 16Х.

Отец, со слов Туполева, вспоминал, как маститый конструктор впервые столкнулся со «строптивым мальчишкой». Челомею в наследство от Поликарпова достался на Центральном аэродроме шикарный ангар. У многих он возбуждал зависть.

История произошла вскоре после войны, когда Туполев примеривался к Б-29. Самолет, закончив свою одиссею, осел на Центральном аэродроме. Здесь его предстояло досконально изучить, разобрать по косточкам. В открытом поле этого не сделаешь.

Андрей Николаевич давно завоевал репутацию человека крутого. С ним предпочитали не связываться. Оправдал он ее и на этот раз. Приехав на аэродром, он в который раз облазил самолет, заглянул во все закоулки. Наконец выбрался на землю. Вокруг собрались помощники, представители министерства. Снова возник вопрос, куда спрятать самолет. Он ткнул пальцем в обширный ангар на краю летного поля: «А это что?» Ему пояснили, что помещение принадлежит конструкторскому бюро Челомея.

«Вот тут и разместимся», — отрубил Туполев. Не сходя с места, оформили протокол, утвердили у стоявшего рядом министерского начальника и дали команду закатывать.

Прибежавшему на шум представителю хозяев вручили бумагу: все по закону. Челомею оставалось только смириться. Где ему тягаться с самим Туполевым, да еще действовавшим по заданию Сталина. Так поступил бы любой другой, но только не Владимир Николаевич.

Он вопреки здравому смыслу пошел напролом. Не успели за начальством закрыться ворота аэродрома, как Челомей приказал немедленно выбросить чужака вон. Охрану строго предупредил: без его личного разрешения не пускать никого, какие бы удостоверения не показывали. Поднялся скандал, Туполев накричал на строптивца по телефону. Не подействовало. Увещевания министерских начальников тоже не привели к желаемому результату. По постановлению правительства ангар принадлежит ему, — стоял на своем Челомей, — хотите отобрать, обращайтесь к Сталину. К Сталину обращаться не рискнули, а за Челомеем укрепилась слава человека неуживчивого.

Отцу история пришлась по душе, ему импонировали люди подобного склада.

К сожалению, удачливый период у Челомея закончился скоро. Пульсирующий двигатель, едва родившись, исчерпал свои возможности, скорости больше тысячи километров в час выжать из него оказалось в принципе невозможным. А в те годы все бредили сверхзвуком. Тихоходам отводилось место только в музее. Вот тут-то Владимир Николаевич, что называется, уперся: на другой тип двигателя переходить не желал, доказывал, что резервы его детища далеко не исчерпаны. Конечно, через звук перепрыгнуть он не рассчитывал, но недостаток скорости намеревался компенсировать, прижавшись к земле. Зато какая экономия средств!.. Челомей велел сделать плакат. На одном листе два разреза: турбореактивного двигателя и пульсирующего. Первый состоял из тысяч сложнейших деталей, а второй — труба да заслонка. Проще конструкцию себе трудно и вообразить. Доказательства, приводимые Челомеем, никто всерьез не рассматривал, его упорное сопротивление объясняли несносностью характера.

Беда не приходит одна. У Челомея появились могущественные конкуренты.

Ракетами постепенно начинали интересоваться еще вчера чисто самолетные конструкторские бюро. Первым на неизведанную стезю вступил Семен Алексеевич Лавочкин, он взялся, как я уже упоминал, за разработку зенитных ракет.

За ним к новому делу потянулся Артем Иванович Микоян. Как базу для своей крылатой ракеты он использовал модифицированный реактивный истребитель МиГ-15, в те годы

наш лучший самолет такого класса. Так родилась поразившая воображение отца «Комета» — комплекс, предназначенный для поражения боевых кораблей. Первый вариант ракеты сбрасывали с самолета, затем для обороны побережья сделали модификацию, запускаемую с земли. Назвали ее «Сопкой». Но и Лавочкин, и Микоян, и другие авиаторы умели делать железку, планер, не возникало проблем и с двигателями. Самолетчики и мотористы хорошо «притерлись». Сейчас к этой паре добавлялся третий, возможно, главный партнер — система управления. Все, что мог сделать человек, теперь перекладывалось на плечи приборов.

Задачу предстояло решать практически с нуля.

С нуля и начали. На Ленинградском шоссе приступили к строительству грандиозной фирмы. В ее стенах предстояло собраться лучшим специалистам, всем, кто имел хоть какое-нибудь представление о системах автоматического управления.

Работы велись с размахом. Над ракетными делами шефствовал сам Берия, он знал толк в масштабных проектах. Одновременно с лабораториями и производственными корпусами заложили и внутреннюю тюрьму. Там планировалось разместить немецких ученых. Тех, кого удалось разыскать в Германии. А возможно, не только немецких.

Управлять всем этим огромным разношерстным коллективом — и нашими, и немцами, и учеными, и строителями — поручили «железному» сталинскому директору Еляну. Главным инженером нового конструкторского бюро стал только что закончивший военную академию Сергей Лаврентьевич Берия.

Челомей не входил во вновь образованный альянс. Для Лавочкина Челомей конкуренции не составлял, а с Микояном их дорожки пересеклись. «Иксы» Владимира Николаевича и «Кометы» Артема Ивановича относились к одному классу вооружений, занимали общую «экологическую нишу». Тут борьба развернулась не на жизнь, а на смерть. Все преимущества оказались на стороне Микояна. И дело не только в поддержке двух могущественных фамилий. Вслед за «Кометой» он сулил создание новых сверхзвуковых ракет, как только появятся подходящие турбореактивные двигатели, а Челомей застрял в тупике.

Для развития нового направления конструкторскому бюро Микояна требовались новые площади, новые люди. Заниматься ракетами в ущерб истребителям никому и в голову не могло прийти. Вот тут очень кстати пришлось бывшее поликарповское КБ, новый руководитель которого так неразумно цеплялся за неперспективную тематику. Микоян предложил объединить усилия двух организаций под своим, естественно, руководством.

А заодно и прихлопнуть конкурента. Об этом, конечно, вслух не говорилось. А тут и оказия подоспела. В организации Берии (несмотря ни на что, именно так люди прозвали это КБ) готовилось очередное постановление правительства о дальнейшем развитии работ. Не составило особого труда включить туда пункт о подчинении 51-го завода, так официально называлась организация Челомея, конструкторскому бюро Микояна.

Решение вышло в феврале 1953-го, на нем стояла подпись Сталина. О случившемся Владимир Николаевич узнал, когда все уже свершилось и ему предложили освободить помещение. Он бросился обивать пороги. В гневе и отчаянии попытался дозвониться до Берии. Безрезультатно. Секретарь передал: если Челомей понадобится, они его отыщут сами.

— А как вы меня найдете? — в растерянности спросил Владимир Николаевич.

На том конце провода только хмыкнули. Вскоре не стало и Берии.

Описанный прием поправки своего благосостояния с помощью постановлений правительства за счет соседа, а еще лучше конкурента «с целью консолидации усилий» не являлся ни в те, ни в последующие времена чем-то из ряда вон выходящим. При возможности им с удовольствием пользовался и сам Владимир Николаевич.

Нас, естественно, завораживает магия известных фамилий, тень родителей неизбежно ложится на детей. Ради справедливости хочу отметить, что, упоминая о Серго Берии, я не хотел бросить на него тень, тем более зловещую. Я с ним незнаком, но встречался с людьми, работавшими с ним в те годы и в последующие. Отзывались о нем неизменно положительно, как о хорошем инженере и приличном человеке.

После ареста отца сына не только сняли с работы, но и недолгое время держали под арестом. А затем, освободив из тюрьмы, его отправили работать подальше от Москвы — на Урал. На всякий случай, как сказал мне отец. Такие тогда были правила в жизни. Детей уже не сажали, но еще боялись. Потом Серго Лаврентьевич под фамилией Гегечкори возглавлял одну из оборонных организаций в Киеве. У него хватило характера заново защитить диссертацию. Научной степени его тоже лишили, на всякий случай.

Челомей ушел профессорствовать в МВТУ. Его лекции приходили послушать не только студенты соседних групп, но и преподаватели. Явление для нашего века совсем необычное. Но спокойная жизнь не удовлетворяла Владимира Николаевича, и

тут родилась идея раскрытия крыла в полете. За пульсирующий двигатель Челомей больше не цеплялся, учел ошибки прошлого. Хотя и расставаться со своим первенцем ему было больно. В проект заложили турбореактивный мотор конструкции академика Микулина.

Следовало всерьез браться за чертежи. Но с кем? И где? После упорных хлопот Министерство авиационной промышленности в середине 1954 года согласилось на существование некоей специальной конструкторской группы человек в двадцать. Курам на смех! О серьезном проектировании, не говоря уже об изготовлении опытных образцов, и думать не приходилось.

Владимир Николаевич продолжал стучаться во все двери. Забыв о самолюбии, когда ему указывали на дверь, он возвращался через окно. Только бы зацепиться, получить пусть самый плохонький заводишко, на худой конец — цех, а люди придут, конструкторский костяк, переданный Микояну, снимется по первому сигналу. Они ни на день не теряли связи со своим Главным.

Первым отозвался адмирал Павел Григорьевич Котов, отвечавший за вооружение Военно-морского флота. Но его веса не хватало, он мог помочь, но не мог решить. Министр авиационной промышленности Петр Васильевич Дементьев тоже выступал за, но высовываться по своей инициативе наверх не рисковал.

С большим трудом Челомей пробился к министру обороны маршалу Булганину. Разговора не получилось. Хозяин кабинета слушал его невнимательно, явно скучал. Владимир Николаевич ушел разъяренный. До последних дней одно упоминание фамилии Булганин в присутствии Челомея вызывало у него гневную вспышку, портило ему настроение на весь оставшийся день.

Дошедшие до ушей Владимира Николаевича высказывания отца на маневрах Тихоокеанского флота в 1954 году, его восторг по поводу невиданных ранее возможностей пусть и чужой «Кометы» заставили Челомея обратить свой взор в сторону ЦК.

Добиться встречи с отцом оказалось делом не столь сложным, как с Булганиным. Я уже говорил, что они произвели друг на друга благоприятное впечатление. Правда, окончательного ответа отец не дал, сказал, что ему надо посоветоваться в Президиуме ЦК. Посетитель ушел и обнадеженный, и обескураженный.

Отец поделился своими впечатлениями с Булганиным. Кроме него эта проблема в Президиуме ЦК никого не волновала. Булганин отозвался крайне отрицательно и, на удивление отца, агрессивно. Его помощник генерал Николай Николаевич Алексеев

поддерживал конкурента, отдавал свои симпатии Микояну и соответственно настроил своего патрона. Булганин же всецело полагался на его заключения.

— Пошли его к черту, — посоветовал он отцу. — Сталин его выгнал.

На отца апелляция к Сталину в те годы уже не производила впечатления. Они немного поспорили. Отец убеждал своего друга и в те годы союзника поддержать конструктора. В сорок лет Челомей накопил почти десятилетний опыт самостоятельной работы.

По существу, и Челомей, и его предложения были Булганину в высшей степени безразличны. Он уступил настойчивым увещеваниям отца. В августе 1955 года вышло постановление ЦК и Совета министров СССР об организации в Министерстве авиационной промышленности нового конструкторского бюро № 52 и поручении ему разработки запускаемой с подводных лодок крылатой ракеты, предназначенной для поражения стратегических объектов на территории вероятного противника.

Так что отцу многое было известно о моем новом знакомом. К сообщению о приглашении меня на работу к Челомею он отнесся прохладно, сказал: «Я спрашивал о тебе Калмыкова, он советовал идти к Пилюгину.[46] Собирался позвонить туда. А впрочем, поступай как знаешь. Тебе жить». Я уже решился и не хотел ни к какому Пилюгину.

Хочу сказать, что, несмотря на различные перипетии, выпавшие на мою долю, я не жалею о принятом тогда решении. Десять лет я проработал с Челомеем, с 8 марта 1958 года по июль 1968 года. За эти годы я многому научился. В этом человеке смешалось многое: хорошее и плохое, высокое и низкое. Но главное — он родился личностью и личностью прожил свою жизнь. С годами картина проясняется, мелкие и даже крупные обиды уходят в тень, растворяются в главном содержании человека. О Челомее еще напишут книги. Я же позволю себе остановиться лишь ненадолго, вспомнить некоторые штрихи.

К примеру, не по-современному Владимир Николаевич относился к званию инженера. Для него инженер — это не выпускник высшего учебного заведения, а мастер, познавший суть вещей. «Хороший инженер способен описать летательный аппарат системой из двух дифференциальных линейных уравнений второго порядка, плохому не хватит и десятка страниц», — любил повторять Челомей.

Фраза требует пояснения. Настоящий инженер, глубоко проникая в суть вещей, отбрасывает все неважное, оставляет

только то, без чего невозможно обойтись. Обычный же специалист, боясь упустить главное и не зная, где оно, нагребает в кучу все без разбора. Частности заслоняют основное, исчезает понимание происходящего процесса. Хорошим инженером, конечно, нужно родиться. Но этого мало, требуется еще и школа, и учителя. Владимир Николаевич умел и любил учить.

В момент моего появления в конструкторском бюро Челомей, только что выкарабкавшись на поверхность, повел яростную борьбу за преимущественные права на вооружение Военно-морского флота крылатыми ракетами. Его главными противниками стали Микоян и Бериев, последний более известный как создатель отечественных летающих лодок.

Микоян всерьез с Челомеем не воевал. Он делал истребители, а крылатые ракеты считал продукцией побочной. Не желая портить себе нервы, Артем Иванович после первых столкновений вышел из борьбы. С Бериевым, ракета которого обладала рядом преимуществ: продуманная конструкция, удобство эксплуатации, Челомею пришлось повозиться. Челомей подобным «мелочам» не уделял большого внимания. Но все это не имело значения. Бериевские П-10 были обречены, так же как и американские «Регулусы». Они не умели раскрывать в полете крылья. Челомей победил.

На этом, казалось, можно и успокоиться. Но только не Челомею. Его распирало от новых идей, океан стал ему тесным.

Владимир Николаевич рванулся в космос. И там его идеи опережали время. В космос надо на чем-то добираться: нет проблем — Челомей предлагает создать ни на что не похожие носители. Еще полшага — и готовы проекты новых баллистических межконтинентальных ракет. И снова его мысль возвращалась к морскому оружию. И опять новые идеи.

Он готов был соревноваться с кем угодно: с Янгелем, с Королевым и с самим Вернером фон Брауном. Если Королева хочется назвать интегратором идей: он их собирал, взращивал, пробивал им путь в жизнь, с отеческим вниманием следил за их взрослением, то Челомей — генератор идей. Он их извлекал из себя, как фокусник платки из бездонной шляпы. И тут же делился ими со всеми желающими, что жалеть — у него в запасе новинок без счета, одна оригинальней другой.

Ближе к 1960-м годам Владимир Николаевич по примеру Королева создал из руководителей организаций и ученых, занятых в общих работах, свой Совет главных конструкторов. За этим высокоавторитетным собранием, в котором участвовал не один академик, оставалось право принятия окончательного решения: какое направление одобрить, а какое счесть не

заслуживающим внимания.

На его заседаниях нам, молодежи, отводились задние ряды, без всякого права подавать голос. Именно там я уяснил себе, чем генератор идей отличается от просто академика.

Обычно на Совете выступало большинство его членов. Отмалчиваться считалось неприличным. Собирались в новом просторном кабинете генерального конструктора. Владимир Николаевич теперь назывался так. В торце зала, как в прежнем кабинете, висела доска, лежали мелки, уже цветные, их Челомей особенно любил, и всегда чуть влажная тряпка. Плакаты плакатами, а свежие мысли не предупреждают заранее о своем появлении.

Как правило, выступления звучали серьезно, обоснованно, прочно стояли на фундаменте накопленных знаний и опыта. Говорили не мальчики. Но это до тех пор, пока очередь не доходила до Челомея. Обычно выдержанный (не произнесет лишнего слова, за исключением взбучек за упущения), Владимир Николаевич у доски преображался. Он, кроша мел, писал формулы, стирал, снова писал, импровизировал на ходу. Начавшийся в сегодняшнем дне разговор вдруг срывался с места и уносил всех в будущее. Словно здесь не деловое совещание, а лекция в Политехническом музее.

Одни мысли захватывали аудиторию, другие казались сомнительными, вряд ли реализуемыми при наших возможностях, третьи отдавали авантюризмом, конечно техническим.

Невольно я ловил себя на мысли: все выступали как люди, а наш…

Через несколько лет все оборачивалось иначе. Казавшиеся незыблемыми своей правильностью доклады безнадежно устаревали, а «бредни» Челомея вдруг становились в ряд лучших достижений ракетной мысли. Многое можно перечислить. Сейчас вспоминается ракетоплан. Через два десятилетия замысел Челомея обрел себя в американском «Шаттле», нашем «Буране». Или противоракетный щит «Таран», который сочли нецелесообразным из-за чрезмерной дороговизны. Он отозвался в американской СОИ. Те же лазеры, те же пучки, зеркала.

Родить идею для Челомея оказывалось куда проще, чем выпестовать ее, довести до серии, позаботиться об удобстве эксплуатации. В этом он уступал Королеву, а в последнем оба не могли тягаться с Янгелем.

Покусившись на космос и баллистику, Владимир Николаевич нарушил границы, установленные между могущественными ведомствами. Смельчаку оставалось либо победить, либо

погибнуть. Чтобы понять, вернемся ненадолго в прошлое.

Как рождалась послевоенная ракетная промышленность у нас и в Соединенных Штатах? Начали мы и они с одной отметки.

В Соединенных Штатах ракеты быстро заняли подобающее место в авиационных фирмах. Сначала пристроились скромно в уголке, потом стали завоевывать все новые рубежи. Технологии производства ракет и самолетов по своей сути близки: те же тонкостенные цилиндры. Сделал так — получился фюзеляж, чуть переиначил — вышла ракета. И так во всем: в двигателях, в системе управления, в прочности. Тому, кто умеет делать самолет, ракета по плечу. Задача даже облегчается, не требуется ухищрений с аэродинамикой, отпадает необходимость убирать, зализывать детали. Поставил цилиндр корпуса, сверху конус обтекателя головной части, снизу горшки двигателей — и готово, ни крыльев, ни шасси, ни кабины пилотов.

Авиационные специалисты быстро освоили новую продукцию, не потребовалось переоснащения заводов, затраты, связанные с переходом на производство ракет, оказались сравнимыми с теми, что требуются при замене одного типа самолета на другой.

У нас действовали другие правила. В конце войны и сразу после ее окончания беспилотные летательные аппараты оказались в сфере интересов или, наоборот, незаинтересованности, двух могущественных кланов: авиации и артиллерии.

Тогдашнее руководство авиационной промышленности руками и ногами отпихивалось от «гадкого утенка». Возглавлявший министерскую науку Александр Сергеевич Яковлев, конструктор истребителей ЯК, даже выступил в газете «Правда» с большой статьей, в которой подверг разгрому буржуазную концепцию создания беспилотных автоматических летательных аппаратов. В годы гонений на кибернетику его слова оказались очень созвучными общему фону. Яковлеву вторила резолюция наркома Алексея Ивановича Шахурина: «Ракеты — вне компетенции Наркомата авиационной промышленности, тема относится к Наркомату вооружений».

«Авиаторы» и «пушкари» издавна жили в постоянной борьбе за капиталовложения, за заводы, за или против новых тем и направлений в работе, но главное, за внимание высокого руководства. Организационно они существовали в виде двух наркоматов: авиационной и оборонной промышленности. Начну с авиации. Там заправлял упомянутый выше Шахурин. Он протащил на своих плечах войну, эвакуацию заводов, потери и, наконец, добрался до победы. Тут его карьера закончилась. Сын Сталина Василий, самый молодой советский авиационный генерал, нажаловался отцу: наши самолеты хуже американских.

Он сказал правду. Сталин отреагировал привычно. Шахурина вместе с маршалом авиации Новиковым и другими, причастными к завоеванию победы лицами посадили на Лубянку на «перевоспитание». Начав войну арестом наркома вооружения Ванникова и прославленного авиационного генерала Рычагова, Сталин на той же ноте и закончил.

О том, как создавались во время войны новые самолеты, мы знаем очень немного.[47] В основном из книги Яковлева, где он описывает перипетии своей жизни. Знаем еще, что многие авиаконструкторы, в том числе Туполев, сидели. И кое-что еще. Известно, что всю войну любимец Сталина, конструктор прославленных «яков» цепко держал в своих руках все разработки новых самолетов. Как рассказывали старожилы, сам Шахурин побаивался своего заместителя. О тех годах ходило много слухов. О Яковлеве рассказывали странные истории, сначала шепотом, затем, в период первой оттепели, погромче. О невинно арестованных по представлениям вхожего к Самому всесильного замнаркома рассказывал отцу Туполев. Отец приказал проверить факты. Они подтвердились. Никаких мер по отношению к Яковлеву не предприняли, хотя и раздавались голоса, требовавшие возмездия. Отец лучше других представлял себе, сколько людей вольно или невольно участвовали в сталинской мясорубке. Он был против охоты на доносчиков, охранников и других подручных палачей. За исключением особо зверствовавших. А кто выделит этих «особо»? Отец боялся сведения счетов, мести, не раз повторял, что так легко развязать новую кровавую бойню, из которой мы не сможем выбраться. Проблема сложная. В глобальном плане отец, по всей вероятности, прав, но такого решения никогда не приемлет сын, у которого пепел его сожженного отца стучит в сердце.

Яковлева не тронули, но отец с тех пор относился к нему с плохо скрываемым отвращением. Он оказался единственным из конструкторов такого ранга, ни разу не побывавшим у отца в гостях на даче ни под Москвой, ни в Крыму. Не помню, принимал ли его отец вообще. Яковлев платил отцу той же монетой.

На посту наркома арестованного Шахурина сменил его заместитель Дементьев. Человек, до тонкостей изучивший не только авиационное производство, но и неписанные правила поведения там, в опасной близости от Кремля, где рукой подать и до Лубянки. Особую осторожность он проявлял в вопросах новой техники.

Так как же произошел раздел?

Крылатые и зенитные ракеты отходили к авиации, по всем статьям это тот же самолет. На баллистические же объявился

иной претендент. Энергичному и честолюбивому молодому наркому оборонной промышленности Дмитрию Федоровичу Устинову было мало пушек, прославивших его ведомство в войну.

Какая главная задача артиллерии? Забросить снаряд как можно дальше, зарядив в него как можно более разрушительный заряд. Для этого увеличивают калибры, удлиняют стволы, идут на другие ухищрения. И за все приходится дорого платить, и не только деньгами, — пушки начинают весить десятки и сотни тонн. Перевозить их с места на место становится почти невозможно, уходят недели на установку и сборку орудий, требуются специальные железнодорожные эшелоны для транспортировки и сотни людей обслуги. Устинов понимал, что тяжелая артиллерия приблизилась к пределу своих возможностей. В баллистической ракете он нашел спасение. Она просто во много раз увеличенный артиллерийский снаряд, не нуждающийся в стволе. К тому же вооруженцы уже делали ракеты, прославившиеся в войну «катюши». В результате баллистические ракеты у нас приписали к артиллерии. О технологических тонкостях производства нарком не заикался. Я не знаю, как конкретно принималось решение. А вот за аргументацию я ручаюсь. Все это не раз слышал и от самого Устинова, и от его людей калибром поменьше. Неверный первый шаг повлек за собой фантастические затраты. Практически на пустом месте создавалась параллельно с авиацией новая отрасль промышленности: исследовательские институты, материаловедение, двигателестроение, приборостроение, конструкторские бюро и заводы, заводы, заводы. Счет пошел на десятки и сотни миллиардов рублей. Бывшие мастера-пушкари осваивали незнакомые технологические процессы, учились, ошибались, в муках открывали давно открытое. А за забором в соседнем ведомстве подобные предприятия давно существовали и, в меру сил, успешно работали. Они могли решить и новые задачи, выполнить новые заказы. Наверное, потребовалось бы что-то усилить, кого-то расширить, кого-то перепрофилировать. Но не строить же заново? Но кто станет обращаться к соседям?

Получив «добро», Устинов хватко взялся за дело. В первую очередь требовалось найти кадры. Любимое детище маршала Тухачевского — Ракетный научно-исследовательский институт, где начинались работы в этой области, давно распался. Со специалистами, один за другим оказавшимися врагами народа, вредителями, поступили как подобает. Вернулись единицы. Не сразу среди них выделились двое закоперщиков: Сергей Королев и Валентин Глушко. К началу 60-х годов новая ракетная отрасль практически сформировалась. Вот только заводов, как всегда, не

хватало.

Предложения Челомея по космической и ракетной программе вновь столкнули два ведомства. Разгорелись, казалось, давно угасшие страсти. В тот момент Устинов уже стал зампредом Совета министров, председателем Военно-промышленной комиссии. Там встретили идеи Владимира Николаевича в штыки, его готовы были съесть, и, думаю, съели бы, если бы не отец. Отношения Владимира Николаевича с Устиновым напряглись до крайности. Приходилось действовать в обход, через Оборонный отдел ЦК. А в крайних случаях обращаться напрямую к отцу.

Челомей привнес в ракетную технику современную авиационную технологию: изделия стали легче и одновременно прочнее. Появились так называемые вафельные конструкции. Серийным производством ракет при поддержке отца занялись авиационные заводы. Именно Челомей сделал первую нашу массовую баллистическую межконтинентальную ракету УР-100.

После отставки отца у Владимира Николаевича сохранились наилучшие отношения с Брежневым, но тем не менее звезда его покатилась к закату. Нет, предложений не стало меньше, и энергии не убавилось. Челомей находился в расцвете сил. Просто Устинов при Леониде Ильиче — это совсем не тот человек, каким его знали во времена Сталина или Хрущева. Из деятельного исполнителя он превратился в деспотичного царька, почувствовавшего, что наверху наконец-то исчезла тяжелая рука. Космические и баллистические проекты Челомея один за другим обрекались на гибель. Владимир Николаевич цеплялся за любую возможность. Какое-то время, пользуясь поддержкой нового министра обороны Гречко, он модернизировал свою межконтинентальную ракету УР-100, первым в нашей стране установил на ней разделяющиеся головные части. Но все это больше походило на агонию. Постановления о новых разработках теперь приходилось согласовывать годами, на визы и подписи подчас уходило времени больше, чем на выпуск чертежей. Раньше тот же Устинов решал такие вопросы за неделю. Да и сам выход постановления еще ничего не значил, опытная рука всегда могла «перекрыть кислород», остановить финансирование.

Почти десятилетия пролежала в ожидании разрешения на жизнь орбитальная станция «Алмаз». Тогда, в 1970-е годы, она обогнала конкурентов на десять лет. Затраченные сотни миллионов легли на дно мертвым грузом. Станцию сделали по заказу военных. Она позволяла увидеть на Земле любое подозрительное движение, даже через облака. Для этого ее оборудовали специальным радиолокатором. Но Устинов сказал: «Нет». Задел передали королёвскому бюро, из него потом

родилась первая советская пилотируемая орбитальная станция «Салют». Челомей не сдавался. С помощью министра обороны маршала Гречко ему удалось-таки запустить свой «Алмаз» на орбиту в 1973 году, но под королёвским псевдонимом «Салют». Это были «Салют-2», «Салют-3» и «Салют-5». После смерти Гречко все пошло прахом. Когда Устинов пересел в кресло министра обороны, Челомею грубо приказали ограничиться делами флота. И все… Новоиспеченный маршал Устинов дал команду своим генералам не общаться с Челомеем: к нему не ездить, у себя не принимать.

Когда Челомей доставил очередной усовершенствованный «Алмаз» на полигон и об этом доложили министру обороны, тот в гневе приказал: «Запуск отменить. Станцию уничтожить!»

Начальник полигона не выполнил грозной команды, рука не поднялась. Под свою ответственность он спрятал спутник до лучших времен. Конечно, генерал рисковал: узнай Устинов — не сносить ему погон. Министр не прощал подобного ослушания. Но ему не донесли…

Разумеется, создать полную изоляцию оказалось невозможно. Челомеевский «Протон», УР-500, оставался единственным носителем, способным вывести на орбиту королёвскую орбитальную станцию. Но дальше порога Владимира Николаевича теперь не пускали.

Ни о чем подобном я не подозревал в мое первое рабочее утро 8 марта 1958 года в конструкторском бюро Челомея. В приподнятом настроении я ощущал себя готовым к подвигам, но немного волновался: как она выглядит — эта работа?

Лаборатория автопилотов, куда меня определили, располагалась на втором этаже нашего единственного корпуса, неподалеку от лестницы. Возглавлял ее личный файн-механик главного конструктора Михаил Борисович Корнеев. Так его называл шеф на немецкий лад. Челомей тяготел к немецкой школе механики, ценил ее добротность, склонность к скрупулезным вычислениям и доказательствам.

Михаил Борисович никогда не учился в институте. Отсутствие образования ему компенсировали золотые руки. Он мог привести в надлежащее состояние любой механический прибор, любой фирмы, а самое главное, мастерил разные хитроумные штучки для опытов Челомея. Владимир Николаевич в свободное от конструирования ракет время увлекался различными приложениями теории колебаний. Тогда он занялся повышением устойчивости стержней маятников за счет вибрации их оснований. У Михаила Борисовича на столе стоял

специальный приборчик: ось, соединенная системой рычагов с электромотором, а на оси обыкновенный маятник, как в ходиках. Однако стоило моторчику начать трясти ось вверх-вниз, как маятник сам по себе поворачивался и становился вверх ногами, вернее, вверх грузом. Различных чудес с колебаниями мне предстояло увидеть еще немало.

Заместителем у Корнеева работал кандидат технических наук Валерий Ефимович Самойлов. Таким образом, Главный, видимо, увязывал практику с теорией, руки с головой.

Лаборатория оказалась немногочисленной, кроме меня, числились еще инженеры — Уткин, Петрунько и Заботкин, техник Галя, дочь Михаила Борисовича, и механики. Я запомнил из них Мишу Сахарова, способного заткнуть за пояс самого Михаила Борисовича.

Центр комнаты средних размеров занимали столы, расставленные в два ряда гуськом один за другим. По стенам тянулись длинные верстаки. На них в кажущемся беспорядке лежали и стояли разные металлические коробочки, круглые, квадратные, прямоугольные. Все они соединялись толстыми и тонкими пластинками проводов, запрятанными в грязно-желтые кишки чехлов из хлорвинила. Валерий Ефимович, которому вручил меня Главный, пояснил, что это и есть автопилот АП-70, мозг ракеты, ее система управления. Предназначалась система для ракеты П-5, запускаемой подводной лодкой с поверхности океана по наземным целям. В просторечии — «пятерка», единственное изделие, которым нам предстояло заниматься. Остальные П…, красовавшиеся на плакатах в кабинете шефа на третьем этаже, существовали пока на бумаге.

Место мне выделили у окна, светлое. Самойлов положил на стол длиннющий рулон принципиальных схем и описание автопилота и куда-то исчез. Как мне показалось, с облегчением. Думаю, что появление «блатного» (или как еще мне себя назвать?) подчиненного не доставило ему особой радости. В таких случаях не знаешь, что поручить, как спросить, — сплошные хлопоты.

Надеюсь, чувство неудобства длилось не очень долго. Конечно, до конца изжить его не удается ни той, ни другой стороне. Оно сидит, как гвоздь в ботинке, нежданно-негаданно вдруг вторгаясь в, казалось, прочно установившиеся дружеские отношения. Постоянно я чувствовал себя настороже, моя фамилия определяла, что можно, а что нет, какое предложение приемлемо, куда лучше вообще не соваться. За каждую ошибку приходилось дорого платить, если не сразу, то по истечении времени, во сто крат.

За каждым словом приходилось следить, постоянно

оглядываться. Казалось, чего проще — поспорил на совещании или даже в курилке. Но и тут меня не оставляли сомнения. Почему собеседники согласились со мной? Я их убедил, или они решили не связываться с моей фамилией? И так постоянно…

После отставки отца в октябре 1964 года в этом смысле мне стало даже легче.

Мой первый рабочий день завершился вызовом наверх, к шефу. Владимир Николаевич поинтересовался успехами. Я с гордостью доложил: постигаю схему автопилота, кое-что уже понял. Он не проявил особого интереса. Хотя этой машине еще только предстояло научиться летать, для хозяина кабинета она уже отошла во вчерашний день. Челомей позвал меня совсем по другому поводу.

По вечерам Владимир Николаевич откладывал хлопотные дела главного конструктора. Совещания, звонки, чертежи отставлялись в сторону. Эти часы он посвящал науке. То он приглашал к себе Михаила Борисовича с его хитроумными приборами. То его кабинет заполняли аспиранты — Челомей преподавал в МВТУ, — и просто те, кого он, по ему одному известным признакам, выделял из общей инженерной массы, почитал достойными приобщиться к таинствам теории колебаний. Иногда возникали жаркие дискуссии у доски. Как их назвать: диспуты, семинары? Порой беседы проходили с глазу на глаз. Но чаще Владимир Николаевич читал лекции. Делал он это феноменально. Глубокие знания сочетались с природным артистизмом. Когда он брал в руки мел и подходил к доске, сухие математические уравнения оживали. В те моменты для него в мире не существовало ничего, кроме узора исполнявших замысловатый танец формул. В финале спадала пелена, сбрасывались ненужные наслоения математических значков и слушателям становилось очевидным, как, к примеру, с помощью уравнения Матье бесконечно малые величины вырастают в реальную силу, способную переворачивать маятник, упрочнять стержни или топить в жидкости еще секунду назад рвавшиеся вверх пузыри. Нужно только правильно выбрать, куда и какие вибрации приложить.

В последующие годы фирма разрослась. С ростом корпусов росли и задачи, которые надлежало решать генеральному конструктору. Свободное время выкроить становилось все труднее, собеседования стали более редкими. А потом традиция угасла совсем. Остались только воспоминания о минувшем и горечь сожаления о «старом доме». Наука не ушла совсем из жизни Челомея, но теперь ею приходилось заниматься урывками.

В первый вечер мы говорили вдвоем. Владимир Николаевич

показал мне маятник. С видом заправского фокусника продемонстрировал, как с помощью вибраций он оживает, затем застывает в самых невероятных, казалось, запрещенных законами механики положениях. Я не признался, что уже видел это представление у себя в лаборатории. Не хотел испортить настроение хозяину, любившему театральные эффекты и умевшему их как следует обставить.

К маю завершился период моего обучения в конструкторском бюро, еще не работа, лишь прелюдия к ней. Теперь предстояла тренировка, натаскивание в поле. По мнению Челомея, специалистом не стать, пока не поучаствуешь в испытаниях на полигоне. Первый свой полет в Капустин Яр я совершил вместе с ним.

Действительность мало соответствовала картинам, нарисованным моим воображением, точнее, спроецированным с фотографий американских испытательных баз, которые я видел в иностранных журналах. Летели мы на специальном самолете. Вернее, на обычном, но приписанном не к Аэрофлоту, а к Государственному комитету по авиационной технике. На принадлежащем полигону аэродроме даже неприхотливому Ил-14 сесть не удалось. Посадочная полоса еще не высохла после весенней распутицы. Об этом мы узнали только на подлете. Пришлось срочно решать, куда проситься: в Сталинград или на соседний авиационный полигон. Владимир Николаевич решил садиться у летчиков, так ближе. Из Сталинграда придется добираться поездом, машиной по весенней грязи не проедешь, путешествие займет целый день.

У соседей на авиационном полигоне Владимировка посадочная полоса ровная-ровная, без забоинки, длинная, не видно конца. Оно и понятно: тут выпускали в свет новейшие самолеты — истребители и бомбардировщики. Я просто впился глазами в новинки, выстроившиеся вдоль взлетной полосы. Чуть поодаль громоздились ангары. За их воротами, наверное, скрывалось самое интересное.

Из самолета мы спустились на землю по приставной алюминиевой стремянке. Трапов, в сегодняшнем понимании, в те далекие годы просто не существовало. Чуть поодаль мы увидели два открытых военных газика, рядом — группу людей в форме. От них отделился моложавый, тогда он мне казался в возрасте, подтянутый полковник со звездой Героя на груди. Он представился Челомею: «Начальник штаба полигона». Фамилию я, к сожалению, забыл.

Полковник, как радушный хозяин, предложил осмотреть свое хозяйство, пообедать или просто выпить чаю с дороги. Мне очень

хотелось разглядеть поближе самолеты, но в планы Владимира Николаевича не входила задержка у авиаторов. Он поблагодарил и осведомился, нельзя ли получить автомобиль, чтобы добраться до нашей площадки на ракетном полигоне.

— Машину-то, пожалуйста, — замялся полковник, — только не доехать.

— Как так? — удивился Челомей.

— У нас отличная бетонка, у соседей не хуже, но между ними полтора километра такая грязь, никакой вездеход не одолеет, — пожаловался хозяин и тут же нашелся: — Может, доставить вас на вертолете?

Владимир Николаевич после короткой паузы, что-то ему не понравилось в сделанном предложении, согласился. Я же пришел в восторг, еще ни разу мне не доводилось летать на вертолете.

Полковник отдал соответствующее распоряжение. Пока добирались до вертолетной площадки, начальник штаба рассказывал полигонные новости. Челомей молчал, рассеянно, не в такт, кивая головой. Потом неожиданно спросил: «А часто бьются вертолеты?»

— Случается, — бодро начал полковник, однако, видимо, вспомнив, куда мы направляемся, нашелся, — но не в дребезги, парашютируют на винте.

— И что вы с ними делаете? — продолжал допытываться Владимир Николаевич.

— Ремонтируем своими силами. Пока бригаду от Миля дождешься. И снова летаем.

Тут забеспокоился и я. А полковник как ни в чем ни бывало с очаровательной улыбкой добавил:

— Вот и ваш такой же, только из мастерских.

Он показал на ближайший вертолет. За разговором мы незаметно добрались до места. Мне показалось, что Владимир Николаевич предпочел бы добираться на машине, пусть даже через распутицу. Он хотел что-то сказать, но передумал, открыл дверцу, сполз с высокого переднего сиденья газика и решительно направился к раскрытой дверце вертолета. Короткое прощание, и мы уже в воздухе. Перелет оказался коротким. Приземлились мы не на аэродроме, Челомей решил не терять время на переезды и попросил пилота опуститься на перекрестке дорог, поблизости от предназначенного нам жилья. Тот в ответ только кивнул, вертолет стал снижаться: здесь не Москва, слово Главного весомо. От расположенных у дороги одноэтажных деревянных финских домиков к перекрестку спешили фигурки людей. Нас ожидали. В этих домиках нам предстояло жить. Их совсем немного — десятка полтора, от силы два. Само место носит название «Вторая

площадка». Тут все строго пронумеровано. «Вторая старая» — откуда королёвцы пускают свои машины: «единички», «двойки», «пятерки». «Четвертую новую» оккупировал Янгель. Он со своей Р-12 на полигоне самый важный. На его площадке выросла даже панельная пятиэтажка с водопроводом и канализацией. Роскошная диковина по тем временам. Летом в ней не продохнуть от жары, зимой никакие ухищрения не позволяют в ней согреться. Испытал на собственной шкуре.

Следующая за янгелевской челомеевская площадка называлась 4-а. Эта буковка как бы подчеркивала, что мы здесь пасынки. Даже вдвойне: из чужого авиационного министерства, к тому же еще работаем на дядю, на моряков. Эти премудрости я постиг позднее, а сейчас, после рукопожатий, первый заместитель Михаил Ильич Лифшиц докладывал шефу, как обстоят дела с подготовкой к пуску очередной ракеты. Как всегда в последний момент что-то не ладилось, не хватало нескольких часов, старт предлагалось отложить на сутки.

Челомей недовольно кивнул: на месте разберемся. После обеда поехали на площадку, дорога оказалась неблизкой, километров пятьдесят по такой же, как и у авиаторов, ровной степи.

И вот мы на месте. Бетонка упирается в ворота, висящие на массивных столбах, увенчанных большими черными металлическими шарами с любовно намалеванными на них якорями. Шары-баллоны из-под азота, все что осталось здесь от 10Х. Влево и вправо от ворот тянется жиденький ряд колючей проволоки, отделяющей волю от прямоугольника объекта. Справа от ворот — то ли цех, то ли ангар из красного кирпича. Рядом с ним — финские домики. В таком же только что разместился Челомей. Одно отличие, здесь удобства во дворе. В домиках жили инженеры конструкторского бюро, принимавшие участие в испытаниях. Назывались они — экспедиция. Такое наименование позволяло выплачивать небольшую надбавку к командировочным. Слева поодаль возвышалось циклопическое сооружение — огромное, чем-то напоминающее вглядывающийся в горизонт телескоп на массивной тумбе-подставке.

Это — пусковая установка, в нее уже засунули ракету, предназначенную для запуска. Перед стартом эта штука с помощью мощных гидравлических механизмов и огромных шестерен начинала раскачиваться из стороны в сторону, имитируя океанскую качку. Каждый поворот сопровождался утробным стоном, напоминающим предсмертный крик раненого гигантского животного. Пока же застывшая установка глыбилась за дощатым забором, отделявшим от остальной территории святая святых — стартовую позицию. При запуске ракеты мощный выдох стартовых пороховых ускорителей регулярно сносил забор, и каждый раз его приходилось восстанавливать.

Пуск крылатой ракеты произвели на следующий день под вечер. Поначалу все шло гладко: стартовики, перекрывающие своим рыком рев турбореактивного двигателя и визгливые вздохи мотавшегося, как кукла-неваляшка после щелчка, стенда, выбросили изящную птичку из трубы. Глаз не уловил, как раскрылись крылышки, и, прижимаясь к траве, ракета помчалась вдаль. Скоро она стала почти неразличимой. Только черноватый дымок на горизонте, свидетельствовавший о форсированной работе двигателя, позволял, скорее, угадать, чем проследить траекторию полета. Старт прошел отлично, но праздновать победу оказалось преждевременным. Через пару минут у самого края степи полезло вверх грибообразное облако. Такое, как в кинофильмах о ядерных взрывах, только поменьше. Авария…

При ударе о землю горючее крылатой ракеты, керосин,

вспенивается, взбивается, превращается в туман и от любой искры взрывается, вспыхивает разом, устремляясь к небу черным облаком, разрываемым красными языками пламени. Тут горит все, что может гореть, и то, что обычно не горит. Не составляет исключения и металл. К зрелищу катастрофы невозможно привыкнуть, как ко всякой беде.

Эксперимент завершился, больше Челомею на старте делать было нечего. Он коротко бросил окружающим: «Поехали».

Оставалось ожидать завтрашнего утра, когда привезут из проявочной широкие мутно-прозрачные рулоны фотопленки, испещренной тоненькими штришками, рассказывающие все о поведении каждого органа ракеты — записи телеметрии. С их появлением и начнется настоящая работа: анализ причин аварии.

Я ехал в одной машине с Челомеем. Я бы не сказал, что он выглядел расстроенным, скорее — сосредоточенным. Я же переживал ужасно. Последнее, что зафиксировало мое сознание, — разметанные струей стартовика доски забора и жидкий дымовой столбик на горизонте, все, что осталось от ракеты.

Вскоре Владимир Николаевич уехал в Москву, а я остался набираться опыта, входить, вживаться в непростую жизнь нового для меня коллектива. Мне еще предстояло из сына Хрущева превратиться в человека, занимающего отведенное ему жизнью место в конструкторском бюро.

В Москве я теперь бывал наездами и тем нетерпеливее я ожидал встреч с отцом. Делился с ним полигонными новостями, рассказывал об успехах или постигших нас неудачах.

На полигоне в Тюра-Таме весь год продолжались пуски «семерки». Шли они неровно, успешные полеты перемежались аварийными, но дело близилось к завершению.

29 марта 1958 года головная часть ракеты наконец-то преодолела сопротивление атмосферы и, не разрушившись, достигла Земли. В этот день Р-7 стала оружием. Правда, точность попадания оставляла желать лучшего, ракеты отклонялись от точки прицеливания на целых 50 км и более, но на общем фоне это воспринималось как досадная мелочь.

В начале мая Устинов и Неделин доложили отцу о подготовленном ими плане серийного производства и постановки на боевое дежурство Р-7. Трудности возникли с первого шага, у оборонщиков отсутствовали заводы, способные производить подобную махину. Два года тому назад при посещении конструкторского бюро отец обещал Королеву обдумать возможность передачи необходимых ему авиационных заводов.

Теперь пришла пора решать.

Отец предложил для производства ракет приспособить крупнейший Куйбышевский авиационный завод. До последнего времени он выпускал туполевские бомбардировщики. Что тут началось! Протесты посыпались со всех сторон. Отец не внял увещеваниям Дементьева. Тогда на прием попросился Туполев. И эта беседа не принесла желаемого результата. Отец шутил, уходил от серьезного разговора и только в заключение напомнил, что Андрей Николаевич сам подписал приговор бомбардировщикам, когда честно признал, что самолету через ПВО США не прорваться. Теперь же отыскалось средство, для которого все эти противовоздушные ракеты представляют не большую угрозу, чем средневековые арбалеты. «Придется потесниться», — попытался пошутить отец. Но Туполев не поддержал его. Расставание прошло необычно холодно.

В цеха куйбышевского завода пришли новые хозяева и новые заказчики.

Казалось, отец как никогда близок к поставленной цели. Но только казалось. План развертывания новых дивизий ракетных войск проработали тщательно. Военные геодезисты привязали несколько десятков стартовых площадок в различных районах страны. Составили графики строительства, оснащения, постановки ракет на боевое дежурство. Учли все, кроме… стоимости. Во что все это обойдется, следовало задуматься еще в начале разработки, но тогда задача стояла одна — пролететь восемь тысяч километров, а «за ценой не постоим».

Вечером по возвращении из Кремля отец выглядел озабоченно и, я бы сказал, уныло. Казалось, финиш рядом, стоит протянуть руку и… все обернулось миражем. Ничего нового отец не узнал, просто все собралось вместе, соединилось в цельную картину, и тут высветились огрехи, которые одни не видели, а другие старались не замечать. Огромная ракета требовала циклопического старта. Предстояло вынуть многие тысячи кубометров грунта, уложить фантастические объемы бетона, и все это в недоступных, малонаселенных местах. Именно там, вдали от посторонних глаз, по соображениям секретности, планировалось размещение новых ракет.

Не меньшие трудности ожидались и после окончания строительства. Ракету требовалось постоянно держать «на взводе», готовой стартовать немедленно. На подготовку отводились если не минуты, то считанные часы. Сейчас же, с учетом заправки, на все операции уходили сутки, и не одни. Больше всего хлопот доставлял жидкий кислород, используемый в качестве окислителя.

По условиям, предъявляемым Генеральным штабом, ракету следовало держать постоянно заправленной. Справиться с жидким кислородом, охлаждать его внутри баков — об этом не приходилось и мечтать, он испарялся, через специальные клапаны стравливался наружу. Взамен подкачивались новые тонны, десятки тонн. И так непрерывно, день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

Еще одна немаловажная деталь. Пункты радиоуправления «ложились» на непролазную тайгу, болотистые топи. К ним предстояло проложить сотни, если не тысячи километров дорог, подвести электричество. Дальность полета ракеты определялась прибором, работающим на манер аккумулятора. Назывался он электролитическим интегратором. Заряженный до определенной величины на земле, он по мере ускорения ракеты разряжался и в заданный момент выдавал сигнал: «Приехали». В рабочем состоянии он мог удержаться на ракете совсем недолго, а затем следовало его снимать, перезаряжать, калибровать.

По подсчетам, представленным отцу, каждый старт с обустройством его вспомогательными службами, обходился в полмиллиарда рублей.

Под конец рассказа отец посетовал, что полмиллиарда — это только начало. На самом деле, любая стройка у нас обходится в несколько раз дороже заявленных первоначально затрат. Отец колебался: столько денег выделять нельзя — страна разорится.

— Им бы втянуть нас, а там все без штанов останемся, — грустно пошутил отец. На мой вопрос: «Что же делать?» — он сказал, что пригласил к себе Королева посоветоваться. У отца теплились определенные надежды. Ведь тот же Королев применил в своей Р-11 вместо кислорода азотную кислоту. Может быть, удастся перенести этот опыт и на Р-7.

Здесь отец натолкнулся на глухую стену. Королев настаивал: в «семерке» принято единственно возможное инженерное решение. Он категорически отверг возможность создания межконтинентальной ракеты на кислоте. Все упиралось в двигатель, способный развивать достаточную тягу. «Такой двигатель просто невозможно создать. Кислота — удел таких фитюлек, как Р-11. Можно поднять дальность еще в десять раз. Этого старается достигнуть Янгель на Р-12, но для межконтинентальной ракеты кислота не пройдет. К тому же с кислотой невозможно работать. Она разъест все: соединения, трубопроводы, превратит в труху баки», — подвел Королев безрадостный для отца итог.

Правда, кое в чем Королев обнадежил, пообещав, что выносные пункты радиоуправления они уберут, а вскоре ракетой

можно будет управлять вообще без помощи радио — автономно. Отец ахнул от неожиданности. «Так зачем же мы вбухали такие деньги в строительство нового полигона в Тюра-Таме? Ведь автономную «семерку» можно было бы пускать и из обжитого Капустина Яра», — с укором произнес он. Королев не стал спорить, пояснил, что, когда закладывали новый полигон, он и не помышлял об автономной системе управления. В остальном Королев оставался непреклонным. Отец продолжал допытываться: возможно, существуют иные варианты? Королев сказал, что американцы работают над твердым топливом, специальными порохами. Но нам эту проблему быстро не одолеть, потребуется создание целой отрасли новых химических производств. Придется потратить многие миллиарды, не меньше, чем на оборудование «семерочных» стартов. Да и времени уйдет не один год. Еще неизвестно, что выгоднее.

По его мнению, у правительства не оставалось иного выхода, как раскошелиться и, невзирая на затраты, приступить к реализации планов постановки его Р-7 на боевое дежурство. Отец грустно пошутил: так он страну пустит по миру, империалистам с нами и воевать не придется.

С долей обиды Королев посоветовал, если его слов недостаточно, проконсультироваться у Глушко. В отличие от предыдущих встреч, они разошлись не то чтобы недовольные друг другом, но с чувством неудовлетворенности.

Вечером отец посетовал, что Королев, кажется, больше увлечен рекордами в космосе. Работа на оборону отошла на задний план…

Разговоры разговорами, а принятие решения о постановке ракет на дежурство не допускало отлагательств. Отец перечеркнул представленные грандиозные планы развертывания «семерок», они нам не по карману.

Он не сомневался: как только за океаном осознают нашу реальную возможность нанести ядерный удар по США, в мире создастся качественно иная ситуация. Угроза уничтожения даже нескольких городов заставит Соединенные Штаты задуматься, стоит ли платить такую цену за такое сомнительное удовольствие, как во много крат больше разрушенный Советский Союз. Слова отца пока еще не концепция, только оправдание вынужденного решения. Тем не менее стоит запомнить эту мысль. Отец никогда не поддерживал доктрину достижения стопроцентного ядерного паритета, считал подобное соревнование для нашей страны убийственным.

После всех сокращений и вычеркиваний в планах сохранились только три ракетные базы Р-7, собственно те

объекты, к строительству которых уже приступили. Один дополнительный старт предполагалось построить там же, в Тюра-Та-ме — Байконуре, несколько поодаль от экспериментального. Он, естественно, обходился дешевле всех. Второй куст поместили неподалеку от Архангельска, в районе железнодорожной станции Плесецк. Оборудование двух стартов первой очереди закончили в 1959 году. 30 июля произвели первый учебный запуск, а 15 декабря 1959 года ракеты заступили на боевое дежурство. В 1961 году в строй вступило еще два старта. Они прослужили до середины 1964 года, когда базу решили преобразовать в космодром. Он теперь называется «Звездным». Третий куст привязали на востоке, в районе Красноярска. Там требовалось начать с нуля. Впоследствии мне не удалось отыскать информацию об этом объекте. Скорее всего, его строительство так и не начали.

Нацелили ракеты: одну на Нью-Йорк, другую на Вашингтон, в качестве целей для двух других предполагались Чикаго и Лос-Анджелес. Я не видел карт, на которые наносились цели, но разговоров о первых городах-заложниках на территории Соединенных Штатов в то время в околоракетной среде ходило немало. Отец тоже упоминал о них.

На моей памяти в боевое состояние эти ракеты приводились лишь однажды, в заключительные дни Карибского кризиса.

Отец не забыл совета Королева. Буквально на следующий день он позвонил Глушко. Валентин Петрович уже знал, о чем пойдет разговор, — секретные слухи разносятся еще быстрее несекретных. Поэтому на вопрос отца он без колебаний ответил, что берется спроектировать нужный двигатель на кислоте, а что касается самой ракеты, то он советовал бы поговорить с Янгелем. Тут, собственно, и выбирать не приходилось: Королев или Янгель, Янгель или Королев. К Макееву тогда еще всерьез не относились.

Отец пригласил к себе Янгеля. Сначала поговорили о подходивших к концу испытаниях Р-12. Отцу докладывали об обстоятельствах каждого пуска. Независимо от результата. Главный конструктор по ВЧ звонил с полигона Первому секретарю. Так повелось. В ответ выслушивал порцию поздравлений или слова сочувствия. Отец не распекал за неудачи, считал подобный прием недостойным собеседника и вредным для дела.

Мне не раз приходилось наблюдать, как все происходило. В случае удачи сияющий Челомей спешил на полигонный узел связи — походка легкая, почти крылатая. При аварии он не торопился, предпочитал дождаться первых расшифровок телеметрии, подыскать оправдания. Только тогда Главный

отправлялся к телефону. Перед тем как взять трубку, выдерживал небольшую паузу, как перед прыжком в холодную воду. Затем трубка снята с рычага, быстрое соединение и печальное сообщение:

— Никита Сергеевич, докладывает Челомей. К сожалению…

Думаю, поведение других главных конструкторов отличалось только мелкими деталями.

Так что отец знал все об испытаниях Р-12. Сейчас подводились итоги. Янгель указывал на технологичность конструкции ракеты. По его словам, возможно наладить конвейер, выстреливать готовые ракеты, как сосиски. Отцу сравнение понравилось, он пообещал при первой возможности заехать на завод. Серийного производства ракет он еще не видел.

Затем заговорили о главном. Михаил Кузьмич сказал, что, как он уже докладывал раньше, межконтинентальную ракету на кислоте он построить берется. В качестве горючего вместо керосина он использует более эффективный несимметричный диметилгидразин, окислитель же остается прежним — уже зарекомендовавшая себя азотная кислота. В отличие от жидкого кислорода она не испарялась при нормальной температуре, и ракета не требовала подпитки, могла довольно долго стоять изготовившейся к старту. Есть, конечно, немалые технические трудности, и не только в двигателе. Королев прав — кислота очень токсична и агрессивна. Стоит чуть ошибиться, и она превратит ракету в труху.

Отец обрадовался. После столь категоричного «нет» Королева он приготовился к худшему.

В общем, Янгель считал — задача ему по плечу. Он рассказал отцу, что подобную ракету задумали и американцы.

Договорились встретиться через пару недель.

Предложения Янгеля базировались на солидном фундаменте. Уже несколько лет, практически со дня обретения независимости от Королева, его коллектив занимался проработкой собственной межконтинентальной ракеты. Как пишет в своей замечательной книге «Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны» (М.: Машиностроение, 1997. С. 22) Борис Евсеевич Черток, в самом конце 1956 года Михаилу Кузьмичу даже удалось пробить постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, санкционировавшее, точнее, разрешавшее работы над новой межконтинентальной ракетой. Р-7 тогда еще не взлетела, и отец считал необходимым подстраховаться. После первых успехов Р-7 о предложении Янгеля практически забыли. Дела у его смежников и на заводе шли ни шатко ни валко, далеко не по первому приоритету.

Выпуск постановления отнюдь не открывал разработке зеленую улицу. Таких бумаг плодилось немало, и, как меня, в то время молодого инженера, учил многоопытный директор НИИ-10 Михаил Павлович Петелин, все правительственные директивы выполнить просто физически невозможно. Директору приходится выбирать, что делать, а что отложить в сторону, сообразуясь с обстоятельствами, решать, за неисполнение какого постановления тебя «убьют», за невыполнение чего «жестоко исколотят», а за что лишь пожурят. Янгелевские межконтинентальные дела проходили по последнему разряду, все силы и ресурсы отдавались Королеву.

До сего времени Янгелю, несмотря на все усилия, никак не удавалось выйти из королёвской тени. Теперь такая возможность представилась.

В следующий раз Янгель пришел к отцу вместе с Глушко. Заключение двух конструкторов было единодушным: ракету сделаем, и достаточно быстро. На испытания предполагалось выйти уже в 1960 году.

Разговор с Королевым все не шел у отца из головы. Он специалист, зарекомендовавший себя и «семеркой», и спутниками, утверждал, что кислотную ракету сделать невозможно. Янгель пока делает первые шаги. Возможно, они с Глушко чего-то не учитывают? Или просто чрезмерно самонадеянны? Отец решил еще раз перепроверяться и позвонить Королеву.

Однако Королев опередил отца, он попросился на прием. Разговор складывался непросто. Обычно прямолинейный, Сергей Павлович на сей раз ходил вокруг да около. Он говорил о новой кислородной Р-9, но отец уже знал о его предложениях. Потом речь пошла об испытаниях «семерки», боевых стартах. И здесь повторялось уже известное. Отец начал недоумевать, зачем Королев вообще просился к нему, впустую тратит свое и чужое время?

Но тут Королев решился. Он предложил отцу передать ему заказ на межконтинентальную ракету, работающую на кислоте.

Отец даже задохнулся: «Вот это да!..», однако не произнес ни слова.

Сергей Павлович объяснил, что он не отказывается от своих слов, кислота не идет ни в какое сравнение с кислородом, но раз правительство с ним не согласилось, то он не считает возможным оставаться в стороне. В его конструкторском бюро накоплен больший опыт, чем у Янгеля, поэтому ракету они сделают лучше и раньше.

Отец все еще не мог рта раскрыть. Наконец он немного

пришел в себя.

— Но ведь вы говорили, что подобную ракету сделать невозможно, — как-то неуверенно начал он.

— Не невозможно, — перебил отца Королев, — а она выйдет несравненно хуже кислородной.

— Вот и хорошо, — отец уже оправился от шока. — Вы делайте ракету на кислороде, а Янгель пусть с вами соревнуется. Зачем его обижать?

Отец попытался пошутить, но Королев не поддержал его. Он продолжал настаивать на своем.

Отец начал сердиться. Такого он от Королева не ожидал.

— Мы приняли решение, товарищ Королев, — жестким официальным голосом проговорил отец. — Вам записали кислородный вариант, а Янгелю поручили ракету на кислоте. Отменять его правительство не будет. Посмотрим, кто победит.

Как рассказывал вечером отец, ему показалось, что Королев сейчас его ударит, но он только обжег его взглядом и мрачно потупился. Дальше спорить с Председателем Совета министров он счел бесперспективным.

Попрощались они непривычно холодно, официально. Отец мог простить многое: ошибки, заблуждения, но Королев просто всеми средствами пытался сохранить монополию, «топил» конкурента.

Подобного отец не прощал никому, даже тем людям, к кому он относился с искренней симпатией, как к Сергею Павловичу. Правда, внешне он не проявлял своих чувств. В разговорах с Сергеем Павловичем отец никогда не затрагивал больной темы. А вот когда мы гуляли вдвоем, он нет-нет да и возвращался к той, постепенно уходящей в прошлое истории. Не техника, а этика мучила его: как, зная, во что обойдется стране постановка на дежурство «семерки», Сергей Павлович мог тем не менее настаивать на своем варианте, отвергая напрочь значительно более выгодное для страны предложение Янгеля? В голове, а точнее, в сердце отца такое не укладывалось.

Вскоре стало известно, не миновала новость и ушей отца, что после совместного похода Янгеля и Глушко к отцу между последним и Королевым произошла бурная сцена.

Королева и Глушко связывала давняя, скорее, не дружба, не берусь судить, а общая работа. Начинали они в 1930-е годы — Королёв в Москве, Глушко в Ленинграде. Уже тогда Сергей Павлович ставил на кислород. Валентин Петрович в качестве окислителя выбрал азотную кислоту. Потом под патронажем Тухачевского их группы объединились в Ракетном научно-исследовательском институте. Вместе загремели в места не столь

отдаленные в 1937-м, вместе вышли и вернулись к главному делу своей жизни — один к ракетам, другой — к двигателям для них.

Теперь Королев считал, что Глушко совершил предательство. Он обязан был отказаться.

Глушко в ответ на обвинения вспылил. Он вообще далеко не был убежден, что именно Королеву по праву принадлежит приоритет в советской ракетной технике и космонавтике. Постоянно второе место в послевоенной команде Королева ему давно надоело. Он рвался к независимости. Предложение Янгеля послужило хорошим выходом из создавшегося положения. Тем более он не видел принципиальных препятствий к созданию заказанного двигателя. Наконец, всем становилось ясно, где телега, а где лошадь. Не двигатели вешают на ракету, а они выталкивают ее в космос, на орбиту, на траекторию. Он — не собственность Королева, а Янгель — не последний ракетный конструктор, который обратится к нему за помощью. Придут и другие, и он будет выбирать, кому отдать предпочтение, чьи заказы достойны внимания, а чьими можно пренебречь.

Разговор окончился полным разрывом. Королев назвал Глушко изменником и поклялся никогда не иметь с ним дела. Впредь ни один его двигатель не попадет на королёвские ракеты. Здесь Сергей Павлович переборщил: пока что Глушко и его двигатели оставались незаменимыми, и работать вместе им предстояло еще долго. Но при первой возможности Королев осуществит свою угрозу.

Я испытываю некоторое неудобство, вторгаясь в личные отношения двух выдающихся конструкторов и искренне симпатичных мне людей. Но так же, как пустяковое столкновение у миргородской лужи Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича привело к трагическим последствиям, так и ссора Королева из Житомира с одесситом Глушко оставила заметный след в истории советской ракетной техники и космонавтики.

Вначале столкновению двух титанов не придали серьезного значения: поссорились — помирятся, деваться некуда, работа-то общая. Когда время не залечило раны, отец поручил заняться примирением враждующих сторон Устинову. Но Королев не стал даже слушать Дмитрия Федоровича. Потерпели неудачи попытки Секретарей ЦК Козлова, а позже Брежнева.

Звезда Королева не закатилась, она все ярче разгоралась, но на небосводе ему пришлось потесниться. С конца 1958 — начала 1959 года Янгель завоевывал все более прочные позиции. Он начал вытеснять Королева из военного ракетостроения. Навсегда. Попытки Сергея Павловича вернуть утраченные позиции оказались тщетными. Ни кислородная, несколько похожая на

американский «Атлас» Р-9А, ни твердотопливная РТ так и не получили массового распространения в войсках. Конкуренты оттеснили их на обочину.

А удачливая «семерка» служит верой и правдой, выводит на орбиту спутники, катает космонавтов. Начиная с нее ракетная техника разделилась на космическую и военную.

В том, что ракеты станут стержнем современной войны, отец почти не сомневался. Но уж очень они казались ему уязвимыми, беззащитно торчащие, почти не связанные с землей карандаши и конусы. О том, как защитить ракеты, отец думал постоянно. Эта мысль становилась навязчивой, не давала ему заснуть.

В молодости отец мечтал об инженерной карьере. В конце 1920-х годов с трудом упросил начальство в Киеве отпустить его в Москву учиться в Промышленной академии. Судьба распорядилась иначе, он не успел закончить курс, как о нем вспомнили и направили секретарем Бауманского райкома в Москве. Так и не удалось отцу заняться техникой, но тяга к инженерному творчеству у него сохранилась до последних дней. Он любил общаться с инженерами, загорался их идеями. Порой советовал сам, предлагал, как, по его мнению, можно улучшить конструкцию.

Летом 1958 года отцу показалось, что он придумал, как защитить ракеты от нападения противника. Их следует упрятать под землю. Первым он поделился своей идеей с Королевым. Кажется, это произошло в Крыму. Сергей Павлович отдыхал по соседству с дачей отца в санатории «Нижняя Ореанда».

Отец часто заходил туда в гости. В «Нижней Ореанде» отдыхали министры, секретари обкомов, конструкторы, ученые. Вокруг отца сразу собирался кружок, начиналось обсуждение злободневных проблем. Когда беседа окончательно перерастала в заседание Совета министров, он прерывал дискуссию и, смеясь, извинялся, что оторвал всех от дела, показывая при этом на опустевшие волейбольную и городошную площадки. Помахав на прощание рукой, отец продолжал прогулку.

Отец осторожно изложил свою идею Королеву. Всякого изобретателя, даже если он председатель Совета министров, разбирает неистребимая робость перед авторитетом эксперта. Королев воспринял предложение отца без всякого восторга, но обещал подумать и через несколько дней дать ответ.

Через неделю Сергей Павлович с сожалением проинформировал отца, что его предложение нереализуемо. Одним из возражений Королев выставлял то, что ракета в шахте сгорит в раскаленных газах, вытекающих из сопел двигателей. Отец придерживался иного мнения. В ответ на замечание

Королева он предложил внутрь шахты поместить стальной цилиндр меньшего диаметра, а уж в него ракету. Тогда газы уйдут в зазор между цилиндром и стенкой шахты и ракета останется невредимой.

Королев стоял на своем. Пуск ракеты из шахты невозможен, не следует и пытаться. Кто знает, почему не оценил он идеи. Может быть, снова примеривался к своей «семерке». Действительно, запихнуть под землю такого монстра — задачка не из простых. Отец не сдавался. Он решил посоветоваться с Владимиром Павловичем Барминым, неизменным конструктором стартов всех королёвских, и не только королёвских ракет.

Через несколько дней из Москвы прилетел Бармин. Кроме Королева, отец пригласил еще и Янгеля. Он тоже приехал в отпуск в «Нижнюю Ореанду».

Все собрались за большим столом на веранде второго этажа обширного белокаменного дома, занимаемого отцом. Отец в который раз стал излагать свою идею.

У Бармина придумка отца тоже не вызвала энтузиазма. Он вежливо обещал проработать, посмотреть, посчитать — не отставишь так просто подобного изобретателя. Однако всем своим видом он демонстрировал: дело зряшное. На сей раз Королев молчал. Янгель тоже не произнес ни слова. Он вертел в пальцах незажженную сигарету, видно, ему очень хотелось курить. В присутствии некурящего и не терпящего запах табачного дыма отца он не решался это сделать даже на открытой веранде.

Отец уловил общее настроение, отступил, сказав, что, конечно, он не инженер, не специалист, не ему выносить окончательный приговор. Последнее слово за ними. Бармин еще раз обещал подумать.

Перешли к другим вопросам. Засиделись до темноты. Я внутренне сожалел, что отец вылез перед конструкторами со своими техническими решениями. Не его это дело. Вот и получился конфуз.

Вечером отец пошел проводить гостей. Дошли до поворота, настала пора прощаться. Гости отправились восвояси, а мы с отцом повернули к дому.

— Видно, ничего из моей идеи не выйдет, — с грустью проговорил отец. — Ну что же, им виднее.

Я пожалел его. Хотелось помочь. Но как? Я искренне считал, что полез он не в свое дело.

Отпуск пролетел быстро, отец вернулся в Москву, и мы с ним. Разбирая накопившиеся за месяц научные журналы и информационные бюллетени, я в одном из них наткнулся на

краткое сообщение о предложенном американцами новом методе защиты баллистических ракет от ядерного удара. Рядом помещался небольшой чертежик: вертикальная шахта, в ней цилиндр, а уж в цилиндре ракета. Стрелками показывалось, как горячие газы от двигателей втягиваются в зазор между стенкой шахты и цилиндром, выбрасываются прочь, наверх в воздух, совсем как предлагал отец.

Я отложил листочки в сторону — вечером дома покажу отцу, сделаю ему приятное.

Когда я рассказал ему о своем открытии и показал принесенную картинку, отец обрадовался, как ребенок. Он долго рассматривал чертежик, а потом на прогулке все рассуждал о том, что бывает, и хорошие инженеры ошибаются, не распознают сразу стоящую идею.

По моей раскладке, события лета 1958 года стали последними в серии толчков, порожденных суэцким «взрывом» в октябре — ноябре 1956 года. Последний раз встали друг против друга американские морские пехотинцы, английские стрелки и советские дивизии. Разделяла их на сей раз территория Ирака.

В понимании отца, Ирак оставался вотчиной колониализма, а правительство Нури Сайда — олицетворением продажности и реакционности. Не случайно, направленный против нашей страны военный союз носил название Багдадского пакта.

Неожиданно в ночь с 13 на 14 июля 1958 года в Багдаде произошел военный переворот. Одна из дивизий иракской армии проходила через Багдад. Ее командир Абдель Керим Касем, ворвавшийся в королевский дворец, даже не захватил, просто поднял брошенную Нури Саидом власть.

Первым делом новое правительство денонсировало Багдадский пакт. Тем самым оно, по меркам того времени, автоматически становилось «нашим», «своим». Реакция не заставила себя ждать. Уже на следующий день, 15 июля, американцы высадили своих морских пехотинцев в Иордании. Благо там уже четвертый месяц не прекращались вооруженные столкновения, имелись все основания для вмешательства.

Отца в Москве не было. Накануне переворота, 12 июля, он по приглашению Вальтера Ульбрихта отправился в Берлин на съезд СЕПГ. Я только что вернулся с полигона, и он предложил поехать с ним. С работы меня отпустили без возражений.

По моему пониманию, отец действовал по шаблону предыдущих кризисов в этом регионе. Утром 14 июля перед заседанием помощник доложил ему о случившемся, прочитал представленный МИДом проект заявления советского правительства. Отец изменил текст, вставил абзац, из которого

явно следовало: не на словах, а, если понадобится, силой оружия СССР поддержит антиколониальную революцию.

Узнав о высадке американских пехотинцев, он позвонил в Москву и распорядился начать на границах Турции и Ирана военную демонстрацию, по примеру недавней в пользу Сирии, но более масштабную. Военное вмешательство США и Турции представлялось отцу вполне реальным. Особенно Турции. Отец считал, что ей в этом «спектакле» отводится главная роль. Турецким войскам предстояло произвести первый выстрел, а уж следом им на помощь бросятся американцы и англичане.

Слово «считал» в данном случае не очень подходит, отец знал. Информацию о планируемых за океаном шагах он получал почти из первых рук. Диспозиция войск, предложения о внезапных дипломатических и иных маневрах и прочие важные бумаги, направляемые в Белый дом и на Даунинг-стрит, 10, исправно поступали в Кремль, ложились на стол отца в скромных бумажных серо-голубых папочках донесений разведки. Отец предложил немедленно начать маневры, не только выдвинуть к границам войска местных округов, но и приступить к демонстративной переброске армейских соединений из глубины страны. В первую очередь авиации. Последнее он считал решающим. Стягиваемым в приграничье сухопутным войскам надлежало отбить у Турции и Ирана охоту присоединиться к американцам.

17 июля в советских газетах громогласно объявили о начале учений сухопутных войск и военно-воздушных сил в Закавказье и Туркестане с привлечением кораблей Черноморского флота. В те годы о маневрах в прессе вообще никогда не сообщалось. Одну эту информацию следовало воспринимать как нешуточную угрозу. Чтобы еще более подчеркнуть значимость проводимых мероприятий, отец предложил оповестить, что в Закавказье направляется главнокомандующий Сухопутными войсками первый заместитель министра обороны маршал Гречко, а обеспечивает его левый фланг в Туркестане герой обороны Ленинграда маршал Мерецков.

Армии пришли в движение, по дорогам запылили танки и бронетранспортеры, небо заполонили самолеты.

Отец нервничал: мы завозились со своей бюрократией. Войска следовало двинуть чуть пораньше. Возможно, и англичане задумались бы, стоит ли соваться. Сейчас же в Иордании высадились подразделения британских войск. Давление нарастало с обеих сторон.

Отец вернулся в Москву. Теперь я узнавал о новостях только на вечерних прогулках. На мои расспросы о происходящем в

Ливане и Иордании, направляются ли американские и английские подразделения к границе Ирака или стоят на месте, отец вразумительно ответить не мог. Обстановка, по его мнению, складывалась неоднозначной, в любой момент маятник мог качнуться к войне.

Отец сказал, что созвонился с Живковым, они договорились о совместных действиях. Болгары завтра объявят о начале маневров своей армии. «Чтобы выглядело поубедительнее для турок, — добавил отец, — а без их участия американцы не сунутся в Ирак, мы пошлем в Болгарию свои самолеты. Пусть полетают. Командовать ими назначаем маршала авиации Скрипко. — Отец усмехнулся и добавил: — Американская разведка прекрасно знает, что именно у него под началом дальняя авиация. Пусть призадумается». Соответствующая информация появилась в наших газетах 18 июля. Установилось шаткое равновесие.

Отец в те дни не раз вспоминал в разговорах Суэцкий кризис. Тогда его обращение к заинтересованным правительствам позволило поставить точки над «и». Сейчас он решил повторить этот маневр.

19 июля вслед за повторным заявлением советского правительства (теперь уже по поводу агрессии США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке) он продиктовал послания Дуайту Эйзенхауэру, Гарольду Макмиллану, Шарлю де Голлю и Джавахарлалу Неру с призывом немедленно собраться в любом удобном пункте земного шара для выработки мер с целью пресечения агрессии.

Сам он приготовился лететь куда угодно, но считал, что лететь не придется. «Империалистам невыгодно встречаться, — горячился отец во время очередной прогулки. — Что они могут сказать? Ничего! Они хотят потихоньку задушить Ирак, а мы стараемся им помешать. Не пойдут они на созыв конференции — и не надо! Так они разоблачат себя как агрессоры».

Ответ пришел через три дня. Союзники по НАТО считали встречу нецелесообразной, для разбора подобных конфликтов в ООН существует Совет Безопасности. Пусть он и занимается Ираком. Отец воспринял ответ, я бы сказал, даже с радостью. В тот же день он продиктовал свое новое послание: соглашаясь на рассмотрение вопроса в Совете Безопасности, он оговаривал обязательное участие глав заинтересованных государств и правительств. И тут же называл конкретную дату — 28 июля, через пять дней.

Вечером он удовлетворенно потирал руки. В динамике схватки отец чувствовал себя как рыба в воде. Он снова нетерпеливо ожидал, что теперь придумают его оппоненты? В

том, что они постараются любыми способами оттянуть начало обсуждения, отец не сомневался. Это им выгодно. В завязавшемся противостоянии время играло против иракцев. Начались вооруженные стычки, непрочно державшаяся власть Касема, казалось, заколебалась. Еще чуть-чуть — и она падет без всякого вмешательства войск США и Великобритании.

Отец нажимал, нельзя дать противнику передышки, позволить оглядеться.

В своем ответе Эйзенхауэр посчитал названную отцом дату сбора руководителей государств в Нью-Йорке слишком поспешной. Отец, не медля ни дня, в новом послании просит назвать приемлемую дату. Ответа не последовало, наступило затишье. Вместо открытия 28 июля заседания Совета Безопасности ООН в Нью-Йорке, как предлагал отец, в этот день в Лондоне начинается совещание участников Багдадского пакта. Отец заранее узнал, что вопрос о начале боевых действий на границах Ирака из повестки дня исключен, он решил не менять своих планов. В сопровождении министра обороны маршала Малиновского 31 июля он убывает в Пекин. Пусть гадают, о чем шел разговор у бортика плавательного бассейна в резиденции Мао Цзэдуна. Теперь мы знаем: Ближний и Средний Восток мало интересовали китайцев, а отец проявил осторожность, не пожелал втянуться в зарождающийся конфликт в Тайваньском проливе.

В Пекине отец наконец получил запоздалый ответ из Вашингтона: президент США сообщил, что не сможет прибыть на заседание Совета Безопасности или какую-либо другую встречу, но считает возможным созыв Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу не позднее 12 августа. Аналогичные послания пришли из Великобритании и Франции.

5 августа, вернувшись в Москву, отец дает согласие на встречу в ООН. Он доволен, считает, что кризис миновал, угроза нападения на Ирак снята. Теперь остается «помочь» западным державам выйти из конфликта.

Отец праздновал победу. Настроение у него в те дни было благостным, он позволил себе немного расслабиться. На мой вопрос, что же дальше, отец добродушно пробурчал: пора снять напряжение, он уже распорядился объявить об окончании маневров и возвращении к повседневной работе Гречко и Мерецкова.

7 августа газеты сообщили об окончании учений, а 9-го открылась Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В Нью-Йорк поехал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, а отец отправился в Куйбышев на открытие Волжской ГЭС.

Там он публично на митинге объявил о своей победе. Он считал, что нам удалось заставить агрессоров отказаться от планов нападения на Ирак.

Вопреки ожиданиям отца вопрос о выводе экспедиционных войск из Ливана и Иордании решился оперативно. К концу августа все участники заседания в ООН пришли к общему согласию.

Происшедшие события еще больше укрепили отца в мысли, что в отношениях с империалистами дипломатия становится эффективной, только если она подкреплена реальной силой.

Первое поколение ракет, серьезное оружие, а не просто козырь в дипломатической игре, завершало испытания. Результаты обнадеживали. А вот с боезарядами для них дела обстояли хуже.

Американцы не отреагировали на объявленный отцом мораторий на испытания атомного оружия. Свои испытания они вели успешно и методично. Взрыв следовал за взрывом. И каждый означал, что в арсенале противника прибавление. Мы же топтались на месте. К концу лета отец начал нервничать. Очень немногие последовательно поддерживали отца в его решении об одностороннем прекращении взрывов. В Президиуме ЦК голосов против не раздавалось, а вот генералы и конструкторы ракет брюзжали по углам. Вслух, естественно, никто не высказывался. Не то время.

Хотя мы и первыми взорвали водородную бомбу, конструкция зарядов оставляла желать лучшего. Конечно, разработчики далеко продвинулись вперед по сравнению с 5,5-тонной громадиной термоядерной головной части, планировавшейся на «семерку», но все, что мы имели, относилось в лучшем случае к вчерашнему дню. Завтрашние и даже сегодняшние разработки сулили неуклонно возрастающую мощность взрыва при резком уменьшении веса и размеров. Без испытаний все наработки шли в корзину, ложились на полку.

Давление на отца увеличивалось. Конструкторы порой звонили, а чаще письменно сообщали о результатах законченных работ, приводили сравнительные данные старых и новых изделий, предположительные расчетные параметры аналогичных устройств, испытанных США в Тихом океане. С докладными записками не раз обращался к отцу министр Ефим Павлович Славский. «На какое производство ориентировать заводы — устаревшие или новые конструкции?» — спрашивал он. Изготовление старых зарядов обходилось много дороже. Дмитрий Федорович Устинов доказывал, что миниатюризация головной части приводит к многократному облегчению баллистической

ракеты, и не только ракеты — всего комплекса. Без испытаний, без новых зарядов дальнейшие работы по усовершенствованию ракетной техники теряли смысл.

Старый приятель отца министр обороны Родион Яковлевич Малиновский тоже не отставал, он не писал докладных, только ворчал: «Если мы хотим создать современную армию, мы должны иметь соответствующее вооружение, а его не получить без испытаний».

Я уже говорил, что на сей раз и я не поддерживал отца. Каждый американский взрыв отзывался в моем сознании грозным набатом: мы отстаем. А если война? С такими вопросами я не раз обращался к отцу. Он не отвечал, раздражался.

Сейчас я понимаю, насколько трудно ему приходилось. Его инициативу в Америке проигнорировали, а он так много связывал со своим предложением. Совсем не потому, что считал нас лидерами в атомной гонке. Он достаточно хорошо знал реальное положение дел, знал, насколько американцы впереди. Именно поэтому он и рассчитывал на благоприятную реакцию президента США. И тем горше ему приходилось сознавать, что он ошибся в своих предположениях.

Только сейчас, по прошествии десятилетий, становится очевидным, насколько по-разному тогда воспринимали мир он и остальные. И я, и наши военные, и американцы, в сущности, занимали общую позицию. Все мы исходили из простой посылки: ядерную войну можно попытаться выиграть! Она будет чудовищной, потери будут огромны, но победа окупит все. Для победы требуется современное оружие, конечно ядерное. Тут не обойтись без испытаний.

Отец один противостоял всеобщему натиску. Он не сомневался: победы не добиться, она — мираж. В будущей войне нельзя победить, ее нужно избежать. Для сдерживания агрессора достаточно того, что есть. Возможно, уже тогда в его голове стали возникать ростки того, что мы сегодня называем ядерной достаточностью.

Никто его не понимал. Даже ближайшие соратники считали мораторий дипломатической уловкой. Что же говорить о реакции за океаном, где нас считали коварными азиатами, в каждом слове искали скрытый смысл, в каждом предположении глубоко запрятанную угрозу. На недавней встрече отец попытался обратить в свою веру Мао Цзэдуна. Ничего не вышло. Могу себе представить тот горький осадок, который оставался у отца от этих разговоров.

А газеты продолжали скрупулезно фиксировать американские взрывы. К концу июля их накопилось уже три десятка.

Отец дрогнул. Еще не сдался, но сделал шаг, даже полшага назад. Он решил обратиться к соперникам с еще одним, возможно последним, призывом. Одновременно ушло распоряжение приступить к подготовке к нашим испытаниям. Ее не трудно остановить в случае достижения политического решения, а если нет, то мы сбережем время. Славский и Малиновский восприняли решение отца со вздохом облегчения. Для них не существовало никаких «если». 30 августа отец дал интервью газете «Правда». И вопросы, и ответы он составил сам. Отец предложил начать переговоры о прекращении испытаний ядерного оружия с 31 октября. Он считал, что в условиях одностороннего моратория длительные, возможно многолетние, переговоры окажутся не в нашу пользу, послужат прикрытием для продолжения испытаний нашими оппонентами. Поэтому отец предложил ограничить рамки, заранее оговорить срок их окончания.

Предложение повисло в воздухе.

В 1958 году отец примеривался к коренной реорганизации армии на суше, в воздухе и на море.

Воспринимавшиеся сначала как дорогая игрушка, ракеты быстро превратились в доброе подспорье, проникали во все виды вооруженных сил. Баллистические и крылатые, зенитные и противотанковые, подвешенные под крылья самолетов и установленные на палубах кораблей, они могли с невиданной точностью на немыслимых еще вчера расстояниях поражать любые цели.

Их возможности представлялись отцу безграничными. На фоне ракет авиация с ее проблемами преодоления противовоздушной обороны, полевая артиллерия с ограниченной дальностью и точностью попадания, не говоря уже о зенитной, где эффективность еще ниже, казались безнадежно устаревшими. Почти как кавалерия на рубеже первой и второй мировых войн. Отец прекрасно помнил, как тогда не прислушались к Тухачевскому, ратовавшему за замену лошади мотором. Пошли на поводу у Ворошилова и Буденного и поплатились кровью в 41-м. Повторения подобной трагедии отец не мог допустить. Теперь, когда последнее слово принадлежало ему, он встал во главе тех, кто выступал за ракетно-ядерное перевооружение армии, пересмотр всей военной доктрины. Армия раскололась. Большинство генералов держалось старых позиций. Отец обрел немало противников среди высокопоставленных военных, даже среди своих недавних друзей.

Кое в чем отец переоценил ракеты, не смогли они полностью заменить ни самолеты, ни зенитные пушки. Правда, тут он не

оказался в одиночестве. Американские специалисты, как бы подслушав его, упразднили зенитную артиллерию, возложив решение всех задач противовоздушной обороны на ракеты. Все шло хорошо, пока не появился реальный противник. Грянула война во Вьетнаме, и срочно пришлось выкупать обратно проданные западным немцам зенитные пушки. За низколетящими истребителями-бомбардировщиками зенитные ракеты просто не успевали угнаться.

В начале 1950-х годов отец ощущал себя учеником. Он не представлял себе современного вооружения. Но он хотел научиться, стал посещать одно конструкторское бюро за другим, побеседовал практически со всеми ведущими главными конструкторами.

Поднабравшись знаний, отец обнаружил, что, зная много, не представляет себе цельной картины: что же такое современная армия. И еще одно открытие… Оно просто ужаснуло отца. Он обнаружил, что знает много больше военачальников, которым в случае войны новую технику предстояло пустить в дело.

Чтобы получить доступ к атомному или ракетному оружию, требовалось еще одно, дополнительное разрешение. Получали допуск единицы.

Отец сетовал: даже он, член Президиума ЦК, впервые познакомился с фильмом о боевом применении крылатой ракеты «Комета» лишь благодаря случайной прихоти Сталина. Это произошло в самом начале 1950-х, а вот недавно, уже в 1955 году, он во время посещения Севастополя спросил капитана первого ранга, командира крейсера, как тот собирается воевать с противником, оснащенным подобным оружием. Командир растерялся. Он ничего не ответил, к таким тайнам офицеров просто не подпускали. Отец стал копать глубже. Оказалось, большинство командующих военными округами ракет вообще не видели. О секретарях ЦК республик и обкомов и говорить нечего. В их регионах производилось новейшее оружие, но они не имели к нему допуска. Почти такая же картина наблюдалась и в центральном аппарате Министерства обороны. Отец схватился за голову. Он собрал совещание руководителей Министерства обороны и оборонных отраслей промышленности. Вопрос стоял один: как в сжатые сроки ознакомить армию с современными средствами ведения войны. Обучить обращению с ними и противоборству им.

Ожидать, когда новинки поступят в строевые части, отец считал делом долгим. К тому времени оружие уже начнет устаревать. Знакомиться с последними достижениями следует на подходе, когда к производству только приступают. Начать

решили с головы.

Отец предложил устроить демонстрацию наших успехов в военной области. Показывать новинки решили не на плацу, а в деле: с боевыми стрельбами, пусками ракет. Местом показа определили ракетный полигон в Капустином Яру. Пропустить через эту школу современных военных знаний предполагалось весь генералитет, имеющих отношение к оборонным делам представителей государственной и партийной власти.

Малиновский на подготовку запросил пару месяцев. Назначили срок: июль 1958 года. Команда по инстанциям спускалась вниз, обрастая на каждой ступени все более грозными прилагательными. Наконец приказ достиг полигона, и началась кутерьма. Столь высоких гостей здесь предстояло принимать впервые.

Разделили по тематике испытательные площадки, назначили старших: один — от промышленности, другой — от военных. Неожиданно встал вопрос: кому докладывать? Победили военные. Полковники и капитаны первого ранга зубрили тексты, то и дело бегая на гражданскую половину за консультациями.

Лихорадка трясла не только полигон. Главные конструкторы спешно готовили экспонаты, отправляли эшелоны с оборудованием, ракетами, ядерными зарядами, снарядами, пушками. Чего только не везли. С каждой новинкой следовала бригада специалистов. Такого нашествия полигон не испытывал за всю историю своего существования.

Репетиция следовала за репетицией. Начальник полигона генерал-полковник Вознюк со своим штабом, изображая высоких гостей, в который раз выслушивал доклады. После его ухода в который раз начинали перетаскивать экспонаты, заравнивали незамеченные раньше выбоинки в земле, из пульверизаторов красили зеленой краской катастрофически терявшую свежесть полынь.

Когда над многокилометровой бетонкой, соединяющей железнодорожную станцию и аэродром с разбросанными по степи площадками, вставали облака пыли — полк охраны мел ее вениками, сделанными из той же полыни, — мы знали: прибывает министр обороны или его заместитель.

Не обошлось и без ЧП. Помню, как нашу морскую площадку инспектировал главный маршал артиллерии Неделин. Накануне его визита прошел единственный за лето дождь. Неподалеку от ворот образовалась лужа. ЗИМ маршала, объезжавшего свое хозяйство, остановился как раз около нее. Вышедший из машины Неделин просто уперся в лужу. С его лица медленно сползла улыбка, оно сделалось жестким. Секунду он колебался, а затем

скомандовал, не обращаясь ни к кому конкретно: «Лопату». Окружавшие маршала офицеры заметались, обстановку разрядил начальник охраны площадки капитан Собакин. Он один знал, где хранится инвентарь. Через несколько секунд Собакин подбежал к Неделину. Маршал небрежно взял лопату, секунду примеривался, а затем, не оглядываясь на свиту, подошел к луже и начал ее яростно вычерпывать. Сопровождающие, не шевелясь, наблюдали за происходящим. Спектакль продолжался пару минут. Покончив с лужей, Неделин так же молча отдал лопату Собакину, вернулся к машине и, взгромоздившись на заднее сиденье, коротко бросил водителю: «На аэродром». Осматривать экспонаты он не стал. В тот же день маршал улетел в Москву, а у начальника полигона генерала Вознюка ночью случился инфаркт.

Когда наконец все пришло в надлежащий порядок, поступила команда: мероприятие переносится на начало осени. Экспонаты зачехлили брезентом, штатских распустили по домам.

Показ состоялся 8–9 сентября, военные присвоили ему кодовое наименование «Тополь». Я встречал отца на аэродроме на правах хозяина. Поздоровавшись со всеми, отец поманил меня за собой. В машине мне едва досталось место. Отец сел впереди, а на задние сиденья ЗИСа втиснулись Кириченко, Малиновский, Брежнев, Кириленко. Я примостился на откидном диванчике.

Для размещения отца и других важных начальников в полигонный тупик, поближе к испытательным площадкам, пригнали два салон-вагона. Именно туда сейчас направлялся отец. Я жил на своей площадке. Так что к отцу я ехал в гости.

Предназначенный отцу вагон встретил нас прохладой. Работал кондиционер, по тем временам большая редкость.

Отец не любил отдыхать с дороги. На здоровье он не жаловался. И сейчас, едва умывшись, он прошел в салон, оборудованный для совещания. Там уже собрались все участники: и военные, и гражданские. О плане проведения учений, так официально назывался показ, предстояло доложить Малиновскому. На стенах висели плакаты: схема полигона, таблицы с боевыми характеристиками ракет, самолетов и другого вооружения. В салоне горел свет, все окна закрывали плотные шторы. И это несмотря на то, что подойти к тщательно охраняемому вагону не стоило и пытаться.

После доклада Малиновского заговорили все разом. Присутствующие, особенно штатские, норовили блеснуть знаниями в области ракет. Порой удачно, но чаще невпопад. Наконец мы с отцом остались вдвоем. Отец хотел отдохнуть, а еще требовалось прочитать вечернюю почту. Когда я уже уходил,

он попросил, если можно, отыскать информацию о шахтах, которую я показывал ему в Москве. Я кивнул, она у меня с собой. Предусмотрительно, собираясь в командировку, я бросил бюллетень в чемодан. Зная отца, я не сомневался, что он при первом удобном случае вернется к шахтам.

— Когда его тебе привезти? — поинтересовался я у отца. — Сейчас?

— Завтра, — отозвался он, — захвати его с собой.

На следующий день, когда обходили янгелевскую площадку, отец попросил разыскать меня. В толпе, окружавшей отца, я соблюдал субординацию, держался в задних рядах. Я протиснулся в центр, вокруг отца сохранялся узенький пятачок свободного пространства. Рядом с ним стоял Янгель, он давал пояснения на правах хозяина.

«Принес?» — заговорщицки спросил меня отец. Я протянул ему раскрытую на нужной странице брошюру. Янгель с некоторым недоумением следил за нашими манипуляциями. Отец сложил листки и молча сунул их в карман.

Через некоторое время, когда подошли к Р-12, торчащей над степью, как свеча над праздничным столом, отец, подозвав Бармина, вытащил из кармана бумажки и ткнул пальцем в раскрытую страницу. Видимо, показал рисунок стартующей из шахты американской ракеты. Они начали что-то оживленно обсуждать. К ним присоединился Янгель. Потом подошел Королев. Я не слышал, о чем шла речь, но догадаться не составляло труда. Вечером, когда я снова приехал к отцу в вагон, он в одиночестве пил чай. Как только я вошел, отец с гордостью победителя сообщил: решили строить экспериментальную шахту для Р-12. Янгель на сей раз поддержал его, а под давлением сообщения из США сдался и Бармин.

«Я его постыдил, что он не следит за техническими журналами», — вдруг добавил отец. Я поморщился, последнее он сделал напрасно. Но неприятное ощущение быстро прошло, сменилось чувством удовлетворения. Я искренне радовался за отца, его идея оказалась не бросовой, а главное, нашли способ надежного укрытия ракет. Пусть еще требуется провести испытания.

Вскоре на «Четвертой новой» закипела работа. Отгородили кусок степи, привезли какую-то диковинную машину и стали ковырять землю. Что там делали конкретно, я не видел, кончился показ, и доступ на чужую территорию для меня закрылся. Через год работы завершились, и в сентябре 1959 года Р-12 стартовала из шахты. Все прошло удачно. Я очень жалел, что мне не пришлось посмотреть на феерическое зрелище, в те дни я

находился в Москве. О вулканоподобном огненном смерче, поднимавшемся к небу, и медленно, нехотя выплывающей из него ракете взахлеб рассказывали видавшие виды полигонные старожилы.

Отныне все свои разработки Янгель проводил только в шахтном варианте. На первых порах разрабатывались параллельно две модификации — нормальная и шахтная. Потом осталась только шахтная.

Королеву пришлось пристраиваться за лидером. Р-9 тоже предстояло упрятать под землю.

От проверки принципа до воплощения в жизнь дистанция огромного размера. Не стали исключением из общего правила и шахтные установки. После первого удачного испытания случались и аварии. К счастью, без жертв. Работа завершилась только к середине 1963-го — началу 1964 года. К реальной постановке шахтных комплексов на боевое дежурство приступили уже после отставки отца.

История с шахтами еще больше подняла авторитет Янгеля в глазах отца. Не в ущерб Королеву. Отец до конца своих дней сохранил о нем мнение как о величайшем конструкторе. Размолвки, взаимное несогласие, даже споры он воспринимал как нормальное житейское дело, без них в настоящем деле не обойтись. С другой стороны, он видел: Королев окончательно потерял интерес к делам военным. Рассматривал их как обузу. Вначале такое отношение к оборонным проблемам со стороны нашего главного ракетчика печалило отца. Потом он смирился — космос не менее важен.

Сентябрьский показ удался на славу. Зрителям представили феерическое зрелище. Одна за другой, поднимая высоченные облака пыли, стартовали баллистические ракеты. Открывал парад Королев, начал он с Р-5, за ней последовала «двойка», и последней унеслась в небо «единичка». О «семерке» только рассказывали, тащить сюда такую махину сочли нецелесообразным. Зато на земле выстроили целое семейство геофизических ракет. С их помощью последние годы зондировали верхнюю кромку атмосферы. Отец вежливо выслушивал пояснения ученых, кивал, но не заинтересовался.

Он оживился, только когда подошли к стоявшей поодаль янгелевской Р-12. Она поражала простотой исполнения, отсутствием каких-либо аэродинамических форм. Даже рудиметарные хвостовые стабилизаторы, сохранявшиеся на «пятерке», здесь отсутствовали. Атмосфера ей служила лишь краткой помехой, основное действие разворачивалось в безвоздушном пространстве.

Все пуски закончились удачно. Когда громкоговорители во всеуслышание объявляли о точном поражении цели, называли совершенно секретные метры, а вернее, километры отклонения от точки прицеливания, отец, широко улыбаясь, пожимал руку конструкторам, поздравлял их с успехом. Он просто восторгался увиденным, то и дело наклонялся к сидящим рядом Кириченко и Малиновскому, что-то втолковывал им.

Наша П-5 по плану завершала первый день. Все прошло удачно, выброшенная из трубы стартового контейнера многотонным усилием пороховых ускорителей, она, раскрыв крылья и отбросив уже ненужные стартовики, прижалась к земле и унеслась на восток в направлении цели. Утомленные гости, не дожидаясь результатов, начали расходиться.

Отец отправился к себе. Он устал после суматошного дня. С ним поехали Кириченко и Брежнев, а из военных только Малиновский. Я немного запоздал и едва успел вскочить в машину охраны. Не скрою, я жаждал услышать отзывы о сегодняшней демонстрации. В первую очередь о нашей крылатой ракете, я уже стал патриотом своего конструкторского бюро.

В вагоне отец попросил чай. Пока рассаживались, он вызвал помощника и попросил пригласить, как он выразился, отставших. Вскоре за столом сидели Кириченко, Брежнев, Кириленко, Устинов, маршалы Малиновский и Соколовский, помощник Шуйский. Я пристроился за Шуйским с самого края.

Отец шумно восторгался увиденным. О ракетах он столько слышал, а в действии увидел их впервые. Собранные вместе, они производили сильное впечатление, поражали своей разрушительной силой. Из отдельных фрагментов складывалась цельная картина новой армии, совсем непохожей на ту, к которой отец привык за годы войны.

И хотя предстояло увидеть еще много — стрельбы зенитных ракет, авиационные ракеты и ракеты поля боя, отец уже завелся. Он не сомневался, война, если она начнется, станет войной ракет. Настало время провести ревизию, посмотреть, туда ли мы вкладываем деньги, не расходуем ли их впустую на устаревшее вооружение. Отец считал, что следует сосредоточиться на главном, на ракетах. А остальное поприжать. Подсократить и авиацию, и артиллерию. На все денег все равно не хватает. Если подойти разумно, то можно в короткий срок перевести армию на ракеты и, закрывшись ими, как щитом, заняться мирными делами.

Слушатели упорно молчали. Только позвякивали ложечки в стаканах.

Отец стал конкретизировать свои мысли. Стратегическую

авиацию, он считал, следует свести к минимуму. Новых самолетов не делать, не тратить деньги. Ведь все их задачи решаются баллистическими ракетами. Борьба с авиацией противника тоже, по мнению отца, становилась уделом ракет. С ними не смогут соревноваться ни самолеты-перехватчики, ни зенитные пушки.

Дальнобойную артиллерию с ее неповоротливыми, тяжелыми орудиями, способными без замены стволов производить не более десятка выстрелов, не стоило и рассматривать. И тут ракеты вне конкуренции. Незаменимыми оставались только фронтовые бомбардировщики и истребители-бомбардировщики. С ними ракеты пока соревноваться не могли.

Чем больше говорил отец, тем громче сопел уставившийся в стол Малиновский. По окончанию затянувшегося монолога отцу никто не возразил, но никто его и не поддержал. Отец почувствовал тягостность повисшей над столом тишины и добавил: «Конечно, все нужно обдумать, как следует посчитать, а уж тогда принимать решения».

На том и разошлись.

Когда отец стал проводить свои идеи в жизнь, он натолкнулся на глухое сопротивление. Сплотились еще вчера раздираемые противоречиями авиационники всех рангов: от ученых и конструкторов до генералов и строевых офицеров. Вторили им артиллеристы. Не оставались в стороне и моряки. В чем только не обвиняли отца: и в безграмотности, и в недальновидности, и в преступном разгроме армии, обезоруживании перед лицом врага. Все эти разговоры велись по углам, в открытую с ним не спорили. До поры до времени. Отец знал об этих настроениях, но держался стойко. По его мнению, дай военным волю — они все государство по миру пустят, а в конце концов заявят: «И этого все равно мало».

«Ошибки» отца в части недооценки роли авиации, артиллерии, надводного флота, танков и много другого начали исправлять сразу после 1964 года, после его отстранения от власти. Теперь у нас стало всего вдоволь, появились даже авианосцы.

На полигоне отца практически уговорили возобновить ядерные испытания. На его августовский призыв ответа из Вашингтона и Лондона так и не последовало. Здесь же ему продемонстрировали новые самолеты, ракеты, оставшиеся без главного — без боевых зарядов, без бомб.

Отец сдался. Однако он потребовал провести ограниченное количество взрывов, испытывать только то, без чего невозможно обойтись. И… он хотел дождаться 31 октября. В глубине души у

него теплилась надежда, вдруг Запад одумается. Если ответа не последует, что ж, значит, не судьба.

В ожидании ответа отец сделал следующий шаг. К тому времени число американских взрывов достигло сорока. Чтобы не связывать себя, он выбрал форму заявления ТАСС. Во всем мире знают, что заявления ТАСС писались в Кремле. Соответственно к ним и относились. ТАСС пригрозил: «СССР не может допустить ущерба безопасности своей страны и в случае неполучения ответа вынужден будет возобновить испытания». Он снова ждет реакции. А в ведомствах вовсю развернулась подготовка к испытаниям. Оставалась только санкция верхов.

Наконец американцы завершили свою серию взрывов. К концу октября их накопилось около полусотни. Отец получил послания от президента Соединенных Шатов Америки и премьер-министра Великобритании. В них предлагалось прервать испытания на год, а затем вернуться к обсуждению этого вопроса.

— Они нас за дураков держат, — так кратко комментировал послание отец.

Успокоившись, он пояснил, что, по мнению специалистов, год — оптимальный перерыв между двумя сериями испытаний. Столько времени требуется на обработку замеров, осмысление полученных результатов, доработку конструкций. Таким образом, через год Запад продвинется еще на шаг вперед, а мы останемся на старом месте. Конечно, им выгодно такое решение.

Моя реакция оставалась прежней. Я осторожно заметил, что в ответ на столь очевидный обман нам стоит провести свои испытания и переговоры начать на равных.

Отец только покачал головой.

Вскоре я узнал, что отец наконец решился и эксперименты начнутся через несколько недель. Как-то вечером он сказал, что переоценил готовность американцев к соглашению. Но отец сохранял оптимизм, раньше или позже решение принимать придется. Сейчас мы испытаем только то, без чего невозможно обойтись.

Взрывы прошли удачно. Р-12 получила боеголовку мощностью около одной мегатонны. Колоссальная величина по тем временам. Нас тоже ожидали приятные вести: эквивалент боезаряда П-5 увеличился более чем втрое, с двухсот до шестисот пятидесяти килотонн.

Что испытывали еще, я сказать не могу. Я знал далеко не все. Испытания заняли чуть больше месяца. Затем снова установилась тишина. Взрывов ни мы, ни американцы не производили, но и переговоры об их запрещении шли вяло. Конца этому не предвиделось. Отец нервничал: раз не удается договориться,

значит, там, за океаном, держат камень за пазухой, выжидают удобный момент, готовятся. Атомщики не прекращали ни на день работу и у нас. А раз так, то и испытания не могли не возобновиться. Вот только чьи нервы сдадут первыми?

Осенью 1958 года залихорадило в Германии. Политическая температура то поднималась, то чуть падала. Отец все пытался увязать несовместимое: мирный договор с единой Германией с существованием двух германских государств — капиталистической ФРГ на западе и строящей социализм ГДР на востоке.

И все это в условиях осажденной крепости, которую, стоит только зазеваться, могут атаковать враги. Несмотря на все призывы к миру и дружбе, ощущение угрозы не проходило ни в Кремле, ни в народе. Социалистический лагерь, осажденный лагерь, военный лагерь — вот терминология тех лет. Отсюда, как залог безопасности, — крепкие границы, исключающие проникновение в наше расположение как враждебных сил, так и лазутчиков, стремящихся выведать наши секреты.

Отец добился мирного сосуществования. Новый политический термин знаменовал собой первый шаг — предложение не рассчитывать на войну как на единственное средство решения межгосударственных проблем. И не более.

Мы держали оборону монолитным социалистическим лагерем. С недавних пор в него вступила ГДР, наследница нашей доли, полученной в результате раздела поверженной фашистской Германии. Ни канцлер Западной Германии Аденауэр, ни американские президенты не желали признавать существование Германской Демократической Республики как независимого государства — союзника СССР. В их понимании право на жизнь имела только одна Германия — Западная, их союзник, а на востоке — это так, территория, и управляет ей не правительство, а режим Ульбрихта. Раньше или позже ему придет конец. Отец с этим согласиться не мог и не хотел, он требовал не только констатации равенства СССР и США, но и уважительного, равноправного отношения к нашим союзникам, в том числе к их границам. И тут нашла коса на камень: разделительную линию между двумя Германиями американцы считали демаркационной, пересекая ее, они не возражали против предъявления документов, но только советским пограничникам, восточных немцев они не замечали в упор.

Отец настаивал, предупреждал, что он, как только заключит мирный договор с ГДР, тут же передаст ей контроль над границей. США угрожали в этом случае применить силу.

Наиболее выпукло эти несуразицы проявлялись в Берлине —

там разделительная полоса пролегала по улицам города, через нее свободно курсировали поезда метро и электрички. Перешел на противоположный тротуар, а дальше можно беспрепятственно разгуливать по всей территории ГДР. Раздолье для разведок и политических провокаторов. Так рассуждал отец, и так до отца рассуждал Сталин. Будем объективны, так же думали и на Западе.

Сталин попытался разрешить проблему путем ассимиляции Западного Берлина. Действовал он по-солдатски просто: объявил блокаду. Логики он придерживался гулаговской — оголодают, на брюхе приползут. Не оголодали и не приползли, выручил воздушный мост. Зато отношения с союзниками испортились донельзя. Дело чуть не закончилось войной. Пришлось срочно заключать новое соглашение, оговаривающее правила доступа западных стран в Берлин. Во многом оно для нас оказалось более жестким, чем Потсдамские протоколы. Наученные горьким опытом, западные союзники цеплялись за каждый пункт, за каждую мелочь.

Собственно, отца волновала та же проблема, что и Сталина: на территории социалистического лагеря оказалось инородное включение, если его не получается ассимилировать, то следует хотя бы нейтрализовать.

Цель сохранилась, но методы ее достижения отец избрал иные. Он не собирался грозить голодом, те времена, к счастью, ушли безвозвратно. Отец надеялся соблазнить западноберлинцев бескризисной социалистической экономикой, процветанием.

Ему виделось, как ориентированные на Запад торговые связи одна за другой заменяются устойчивым восточным партнерством. Жизнь становится все лучше, краше, и постепенно Западный Берлин из политического противника превращается если не в союзника, то, по меньшей мере, в благожелательного нейтрала. Впервые отец эти мысли в осторожной форме высказал в начале года в интервью западногерманским журналистам. На них в мире не обратили особого внимания.

Вот как отец воспроизводит в мемуарах ход своих рассуждений: «ГДР не могла согласиться на условие Западной Германии, а Западная Германия, если надо будет выбирать, тоже не согласится создать единую Германию на социалистической основе. Надо было разработать предложения, которые бы закрепили статус-кво. Мы считали: капиталистическая часть Германии и социалистическая часть, каждая признается самостоятельной, что фиксируется. Каждая подписывает мирный договор. Западный Берлин и сейчас существует отдельно, на особом статусе. Было предложено Западному Берлину дать статус вольного города.

Я выдвинул и форсировал разработку вопроса. Переговорил по телефону с товарищем Ульбрихтом. Я ему изложил свои предложения… Товарищ Ульбрихт к ним отнесся скептически, особенно к предложению о вольном городе. Я ответил, что сам считаю это условие очень сложным, возможно, при мирных переговорах оно не будет принято, но другого предложения у нас нет. Мы не можем отказаться от своих завоеваний и на капиталистической основе создать единую Германию. Другая сторона социализма не примет. Надо рассуждать реально… вместе с Западом взвесить сложившиеся условия. Им разумно было бы заключить с нами договор, не создавать антагонистических столкновений, не нарушать мирного сосуществования.

Товарищ Ульбрихт сказал:

— Был прецедент, Данциг был когда-то вольным городом, что из этого вышло?

Я ответил:

— Должно выйти! Много пока не получится. Может быть, мы и не добьемся от наших бывших западных союзников согласия на своих условиях. Но надо искать разумное решение. Мы должны гарантировать независимость Западного Берлина, записать это в договоре, заручиться согласием Объединенных Наций. Западный Берлин станет вольным городом с социально-политическими условиями, зависящими от желания жителей. Должно гарантировать полное невмешательство во внутренние дела вольного города с той и с другой стороны».

Не меньше, чем мирный договор, отца беспокоили перспективы атомного вооружения Западной Германии, установки на ее территории ракет, нацеленных на города Советского Союза. Чем шире круг людей, обладающих возможностью нажать на кнопку, чем ближе расположены атомные базы, тем меньше уверенность в собственной безопасности.

Западный Берлин в этом свете вызывал особые опасения. С его территории можно вести огонь в любом направлении. Атомное оружие оказывалось даже не вблизи границ, а просто на нашей территории.

Одной из инициатив отца в тот период стали переговоры о предотвращении возможности внезапного нападения. С этой целью он предложил запретить полеты самолетов с атомным оружием на борту над территорией других государств и над открытым морем. Чем больше разрыв, чем шире нейтральная полоса между ударными силами, тем выше безопасность обеих сторон. Отец не рассчитывал, что американцы легко пойдут

навстречу. Он не торопился, рассчитывал на будущие всходы.

27 ноября 1958 года советское правительство направило официальные ноты своим бывшим союзникам по антигитлеровский коалиции, а также обеим Германиям, где объявило, что по истечении шести месяцев оно передает все свои права, связанные с взаимоотношениями с Западным Берлином и коммуникациями союзных войск в советской зоне оккупации, правительству ГДР. Западному Берлину предлагается статус вольного и демилитаризованного города. Советское правительство брало на себя обязательство загрузить его промышленность своими заказами, обеспечить сырьем, снабжать население продовольствием.

На Западе ноты восприняли как ультиматум. Собственно, так оно и было. Начался отсчет времени. Наступил так называемый первый Берлинский кризис.

Я считал, что американцы никогда не примут предложенные условия. И что тогда? Отец посмеялся над моими страхами. Сказал, что из-за Берлина никто войны не затеет. С другой стороны, пора определиться, зафиксировать сложившуюся после войны расстановку сил. По его мнению, Западу нечего цепляться за Берлин. Он органически относится к восточной группировке независимо от того, сохранятся в нем капиталистические порядки или возникнет новый социалистический уклад. Сделать выбор он предоставлял жителям города.

Я добивался определенности, что же мы будем делать после 27 мая следующего года, если наши предложении отвергнут, а срок ультиматума истечет? Отец не имел однозначного ответа. Он намеревался действовать по обстоятельствам, в зависимости от реакции своих партнеров. Он надеялся как следует припугнуть их, вырвать согласие сесть за стол переговоров, а там посмотрим.

Отец сказал, что если не назначить конечной даты, то обмен нотами, посланиями, обращениями и заявлениями продлится до бесконечности. Срок побуждает к действию обе стороны, заставит искать компромисс.

— А если он не найдется? — настаивал я.

— Тогда поищем иной выход, всегда что-нибудь отыщется, — с недовольными нотками в голосе ответил отец.

Я остался неудовлетворенным. Его разъяснения меня даже несколько напугали. Если мы не выполним своих обещаний или угроз, — слова заявления можно трактовать по-разному, — то нас перестанут серьезно воспринимать. Если проявим настойчивость, то развитие событий грозило непредсказуемыми последствиями. Я гнал от себя слово «война».

Отец оказался прав. Его ультиматум заставил действовать.

Мир зашевелился. В американском конгрессе раздались требования привести армию в боевую готовность. В Европе началось перемещение воинских частей. В начале января 1959 года в Москве опубликовали проект мирного договора с Германией. Так отец продемонстрировал серьезность своих намерений. Одновременно Соединенным Штатам направили ноту. В ней утверждалось, что Потсдамские соглашения по Берлину носят временный характер. После окончания войны минуло почти полтора десятилетия, в мире сложились новые условия, и мы не можем их игнорировать.

Отец все усиливал давление на Запад. Заставлял гадать, что же произойдет по истечении шести месяцев. Сам он пока не мог ответить на этот вопрос. Вернее, он понимал: если американцы не отступят, не согласятся, отступать придется ему. Не воевать же на самом деле?

Отец предусмотрительно проявлял осторожность. Не только не велись приготовления к возможному столкновению, но на сей раз отец предпочел воздержаться от своего излюбленного трюка — демонстрации силы. Германия не Средний Восток.

А что прибавилось в наших арсеналах? Имелась ли у отца реальная возможность и хотя бы перспектива пригрозить Вашингтону? Нет. К началу 1959 года в ракетно-ядерном пасьянсе изменений не произошло. Да, мы вывели на орбиту три спутника, один тяжелее другого. Да, мы поднапряглись и запустили в сторону Луны зонд с вымпелами на борту. Однако испытаниям боевой «семерки» конца не виделось.

Пуски Р-12 закончились в декабре. Отец получил победные реляции от Янгеля и председателя комиссии генерал-майора Семенова, но до того, как ракета обретет реальную силу оружия, еще предстояло освоить серийное производство и оборудовать старты. В основной расклад Р-12 вообще не вносили особых изменений, их применение ограничивалось Европой. Азиатские границы в те годы не рассматривались как регион для первоочередного размещения ракетного вооружения.

Так что реально в руках отец имел все ту же «пятерку», которой он уже грозил два года назад в дни Суэцкого кризиса.

Что знали в Вашингтоне о наших возможностях? Трудно сказать. Отец считал, что им известно очень немного. Я и сейчас склонен с ним согласиться. Думаю, на Западе сильно преувеличивают осведомленность американцев, достигнутую с помощью полетов У-2. С другой стороны, исходя просто из логических посылок, невозможно предположить, что через год после первого удачного запуска межконтинентальной ракеты развернуты сколько-нибудь значительные силы. Правда, угроза и

одной-единственной боеголовкой заставляла задуматься.

В этот решительный момент оба лидера, отец и президент Дуайт Эйзенхауэр, старались уберечься от ложного шага, действовали с предельной осторожностью.

На предложение военных демонстративно сосредоточить несколько дивизий вокруг Берлина отец ответил категорическим «нет». Это могло спровоцировать американцев. Президент не дал испрашиваемого ЦРУ разрешения на полеты У-2. Такой шаг в момент кризиса он посчитал провокацией, прокладывающей прямой путь к войне.

Отец начинал нервничать. Прошла уже треть назначенного срока, а дело с места не сдвинулось. Он попытался отыскать выход. Его он видел в новой встрече в верхах. Обсуждение на ней берлинской проблемы, даже если и не удастся добиться результатов, позволяло если не отказаться от ультиматума, то отнести на неопределенный срок его окончание.

Он решил передать свое предложение американскому президенту не официально, а сделать его как бы невзначай. Для подобной миссии требовался особый посланец. Он остановил свой выбор на Анастасе Ивановиче Микояне. Если вообще существует возможность договориться, то лучше Микояна кандидатуры не отыскать, считал отец. Немаловажным по тем временам было и то обстоятельство, что Микояну уже приходилось бывать за океаном. «У него там, — шутил отец, — поднакопилось знакомых». Вот этим последним обстоятельством отец и решил воспользоваться. Анастасу Ивановичу на официальное приглашение американского правительства рассчитывать не приходилось. Он отправился в США как гость деловых кругов.

19 января 1959 года президент принял Микояна в Белом доме. Конечно, говорили о Берлине. Конечно, точки зрения не сходились ни в чем, кроме одного — ни в коем случае нельзя довести дело до войны. Микоян предложил встречу на высшем уровне по примеру женевской. Когда заседают, пусть очень умные, министры, они вынуждены строго придерживаться полученных директив. До высших руководителей точка зрения оппонента доходит множество раз переваренная в желудках внешнеполитических ведомств, окрашенная их симпатиями или антипатиями. На встрече в верхах за один день можно пройти путь, который с помощью дипломатов не преодолеть и за год.

Эйзенхауэр отреагировал пессимистически. По его мнению, женевская встреча не принесла результатов. Он не ощущал необходимости непосредственного общения. Если отцу так хочется, пусть соберутся министры. Что же касается Берлина, то

тут вообще разговаривать не о чем. Западные союзники ни на йоту не отойдут от Потсдамских соглашений.

Отца не только разочаровал, но несколько уязвил ответ. Однако он сохранял оптимизм. Рассказы о встречах Микояна в США комментировал с улыбкой, американцы еще сядут за стол переговоров.

Теперь отец рассчитывал на визит в нашу страну премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана. Отношение к угрозе возникновения войны из-за возни вокруг Берлина сильно отличалось по разные стороны океана.

Что грозило США? Разрушение одного, максимум двух городов. Много? Чрезвычайно много! Непостижимо много! Но несравнимо мало с возможной ответной акцией — десятки городов Советского Союза исчезнут с лица Земли.

Европейцам война за Берлин грозила гибелью. Макмиллан помнил подсчеты отца у камина в Чекерсе: для уничтожения его страны достаточно пяти-восьми атомных зарядов. Британские специалисты подтверждали справедливость этих слов. Осенью 1956 года его предшественник не выдержал нажима, сегодня он тоже склонялся к соглашению.

21 февраля 1959 года самолет британского премьер-министра приземлился во Внуково. Подлаживаясь под московскую зиму, Макмиллан надел финскую меховую шапку пирожком, — она у него сохранилась с 1940 года, тогда он почти всерьез собирался воевать на стороне финнов. Шапка выглядела нелепо. Отец удивился, но виду не подал. Он приготовил гостю теплую встречу, стремился проявлением сердечности отблагодарить за прием, оказанный им с Булганиным в апреле 1956 года, да и вообще, зарубежные визитеры еще не примелькались в Кремле. Отец старался наладить неформальные, человеческие контакты, выйти за рамки официального протокола. Он постоянно сопровождал гостя.

В один из дней отец завез Макмиллана на подмосковный конный завод. Там им приготовили истинно русское, эдакое лубочное катание на тройках, запряженных в сани. Отцу самому оно было в новинку. Лошади напоминали ему детство. От развлечения он пришел в восторг, гость сдержанно поблагодарил.

Однако отец просчитался. Эйзенхауэр предупредил Макмиллана перед отъездом в Москву: об уступках по Берлину ему нечего и думать, максимум, на что может согласиться Америка, — совещание министров иностранных дел. В Европе английский премьер-министр тоже находился в политическом вакууме. Де Голль не намеревался поддаваться нажиму, к тому же Франция готовилась стать ядерной державой, уже назначили дату

первого испытания атомной бомбы в Сахаре.

Радушие отца не поколебало позицию Макмиллана.

Отец рассердился. Он сказал, что не сможет поехать с гостем в Киев и Ленинград. Все предыдущие дни отец расписывал прелести киевского гостеприимства, красоты Днепра — и на тебе, отказался, заявив, что занят, должен восстановить выпавшую из зуба пломбу. А тут еще произошла досадная накладка, предстояли выборы в Верховный Совет, не помню уже, союзный или российский, и 24 февраля отец выступал на предвыборном собрании. Текст составили загодя, он ничем не отличался от всех предыдущих речей такого рода, большая часть отводилась нашим достижениям, в конце стандартно обличалась агрессивность НАТО. Если бы не визит, на эти слова никто не обратил бы внимания, но Макмиллана они задели за живое. Он обиделся и даже подумывал о досрочном возвращении домой, но решил не обострять и без того накаленную обстановку. Он дал понять, что при благоприятном развитии событий возможность встречи на высшем уровне не исключена. Сделал это он на свой страх и риск, без согласования с союзниками.

Отец тут же воспользовался предоставленным ему шансом и в свою очередь публично заявил, что в случае прогресса на переговорах министров иностранных дел он не станет связывать принятие окончательного решения по Берлину с наступлением 27 мая. «Главное, сдвинуть дело, а будет это 27 июля или 27 августа, особого значения не имеет», — так он пытался ослабить все туже затягивающуюся петлю ультиматума.

Конечно, он отступил. И отступил на виду у всего мира. На вопрос, проиграл ли отец, ответить труднее. Да, он блефовал, ошибся в своих расчетах. Западному Берлину не суждено было стать вольным городом. Но и войны он не стоил. В конце концов, это только эпизод в большой политике.

Считал ли себя отец победителем? Думаю, что в глубине души нет, но он истово убеждал в победе и себя, и окружающих.

Проводив Макмиллана, отец буквально в тот же день, 4 марта, отправился в ГДР. Он хотел обсудить создавшуюся ситуацию с Вальтером Ульбрихтом, а заодно посетить Лейпцигскую ярмарку. Она его манила уже не первый год. Отец очень любил посещать выставки, в Москве не пропускал ни одной, особенно международной, его тянуло к новинкам, неважно, что это: тепловозы, грузовики, комбайны, ткани или новые сорта пшеницы.

В Лейпциге отца встречал Ульбрихт. Он не отходил от гостя ни на шаг. В качестве гида водил отца по выставочным павильонам, показывал новые строительные машины, станки,

мебель. Отец рассматривал экспонаты с неподдельным удовольствием, изредка просил помощников напомнить ему по возвращении в Москву о той или иной новинке. Главным экспонатом Лейпцигской ярмарки 1959 года, по замыслу Ульбрихта, должен был стать немецкий суперсовременный реактивный пассажирский самолет конструкции Бааде.

Несколько слов о профессоре Бааде. После окончания войны он вместе с еще несколькими сотнями плененных нашими войсками немецких атомщиков, ракетчиков, авиаконструкторов, приборостроителей попал в Советский Союз. Мы, как всегда, опоздали, все сливки сняли американцы, но и нам кое-что досталось — не первосортные специалисты, но люди знающие.

Американцы сразу приспособили немцев к делу. Все знают руководителя лунного проекта «Аполлон» Вернера фон Брауна. А вот что отцом одного из лучших американских ракетных истребителей F 86 «Сэйбр», достойного противника МИШ-15 в Корейской войне, был тоже вывезенный из Германии инженер, в России мало кому известно.

Советские же конструкторы (может быть, за исключением ядерщиков) встретили немецких «гостей» нелюбезно, видели в них не помощников, а опасных конкурентов. А потому постарались при первой же возможности спровадить их подальше. Ракетчиков во главе с Гельмутом Герттрупом Королёв услал на остров Городомля на Селигере, а конструктора самолетов профессора Бааде Туполев отправил на поселение в небольшой городишко на берегу Московского моря. Официально так поступали из соображений секретности, чтобы они не выведывали наши тайны, а по существу и Королев, и Туполев, и Мясищев не знали, как им избавиться от навязанных сверху консультантов-помощников. К тому у них имелись все основания. Они лучше кого бы то ни было знали научный потенциал немцев и откровенно боялись их. Даже «сосланные» с глаз долой, они доставляли немало хлопот своими отчетами и конструкторскими предложениями.

Разработанная группой Герттрупа баллистическая ракета на две головы превосходила первые королёвские проекты. Оно и понятно: Королев только учился, а Герттруп имел за спиной опыт разработки ФАУ-2. Королеву пришлось попотеть, чтобы потопить в бесконечных экспертизах и рассмотрениях немецкие «глупости».

Нечто похожее происходило и с Бааде. Он задумал свой вариант тяжелого «европейского» бомбардировщика, во многом превосходившего и Ту-16, и 3М. Я не знаю деталей, мне запомнилась необычная компоновка двигателей на пилонах под крылом, как у «Боингов», а не по-нашему прижатых к фюзеляжу у

основания крыла.

Туполев с Мясищевым, забыв о конкуренции друг с другом, совместными усилиями замотали проект Бааде.

Все они — и наши, и уставшие от бесконечных препирательств с анонимными оппонентами немцы — вздохнули с облегчением, когда отец договорился с Аденауэром о возвращении военнопленных и интернированных в результате войны на родину. И Королев, и Туполев с легким сердцем подписали заключение о том, что немецкие специалисты ни малейшей ценности для нас не представляют. Большинство «возвращенцев» транзитом через ГДР укатили на Запад, но кое-кто задержался. Осел в Восточной Германии и профессор Бааде. Теперь он решил бомбардировщик переделать в пассажирский самолет. Ульбрихт его активно поддерживал, он мечтал производить в Германии современные реактивные лайнеры и продавать их Советскому Союзу. Не раз он подъезжал с этой идеей к отцу, но безрезультатно. Отец резонно считал, что всю начинку самолета: двигатели, приборы — немцы захотят получать по дешевке у нас. Затем все запакуют в фюзеляж собственного изготовления и втридорога продадут нам же. Затея Ульбрихта отцу представлялась нестоящей: у нас уже имелись свои пассажирские Ту, АНы, Илы. К чему нам еще немецкий Бааде?

Ульбрихт не терял надежды. Он надеялся здесь, на ярмарке, показав свой самолет в полете, уговорить отца. Но произошло несчастье. На подлете к Лейпцигу самолет разбился, а его конструктор, не дожидаясь разбирательства, собрал вещи, усадил в машину семью и от греха подальше укатил за демаркационную линию, на Запад, тем самым похоронив все амбициозные планы Ульбрихта. Отец в душе радовался такому исходу. Не катастрофе, конечно, и не бегству Бааде, а тому, что отпала необходимость спорить с Ульбрихтом и в конце концов отказать ему.

Вечера отводились для бесед. С самого начала Ульбрихт с большим сомнением отнесся к надеждам отца на встречу в верхах. По его мнению, согласие Запада на совещание министров иностранных дел уже большое достижение. Решение германской проблемы займет немало лет, даже десятилетий. Отец настаивал: этого не произойдет вообще, если сидеть сложа руки.

Ульбрихт рассказал отцу, что начатые прошлым летом контакты с социал-демократами упрочились и они просят встречи с Хрущевым. Если отец не возражает, он организует беседу с Председателем партии Олленхауэром. Отец не возражал.

Отправились в Берлин, поехали машиной, путь, по нашим

меркам, недалекий. Отец предпочитал автомобиль поезду, в нем он себя чувствовал вольготнее.

Отец остался доволен встречей с Олленхауэром, которому высказал все свои аргументы в пользу вольного города. Он искренне верил, что единственная преграда — тупое нежелание признать реальность существования восточногерманского государства. Если через него перешагнуть, то процедура транзита, пересечения границ и другие практические вопросы легко решатся. По сути, они вообще не изменятся, просто место советских офицеров займут немецкие чиновники.

Но он не находил понимания, позиция Запада оставалась негативной и монолитной. Не нащупал отец бреши и в беседе с социал-демократами, хотя и отметил их положительную реакцию на успехи социалистического строительства в ГДР. Олленхауэр с порога отмел саму возможность обсуждения подобного предложения.

Выступая в Берлине, отец повторил свою угрозу о заключении сепаратного мирного договора с ГДР, правда, срок он уже не называл. Президент Дуайт Эйзенхауэр отреагировал на следующий же день, заявив, что, если СССР в одностороннем порядке пойдет на соглашение с ГДР по вопросу о статусе Западного Берлина, США, обеспечивая свои права, применят военную силу.

— Будет война, — недвусмысленно предупредил он.

11 марта слова президента США опубликовала газета «Правда». Такая команда пришла от отца из Берлина.

Тем временем в советской прессе упор все больше переносился с заключения мирного договора с ГДР на созыв совещания для обсуждения не только вопросов Берлина, но и проблем разоружения, мирного сосуществования. Отец считал, что изменение акцентов в советской прессе хоть немножко подтолкнет западных партнеров.

12 марта отец вернулся в Москву, а 20-го Макмиллан прибыл в Вашингтон. Беседы с отцом не прошли даром, он убедил Эйзенхауэра согласиться на созыв совещания министров иностранных дел.

Тем самым наметился приемлемый для отца выход из затруднительного положения. Срок истечения ультиматума 27 мая более не обозначал границы между миром и войной. Начавшиеся переговоры отец объявил своей победой.

И тем не менее мир с опасением ожидал наступления объявленной даты. На мой вопрос, что же произойдет после 27-го, отец, смеясь, ответил, что наступит двадцать восьмое. Цель

достигнута, переговоры идут. Тут он хитрил, раньше его слова звучали иначе.

В апреле — мае у отца всплеск дипломатической активности. Он демонстрирует конструктивный подход к намеченным для обсуждения в Женеве вопросам, рассылает предложения о запрещении испытаний ядерного оружия. Правда, в вопросе об инспекциях он по-прежнему тверд — это закамуфлированный шпионаж. Фиксируйте, что сможете, национальными средствами на своей территории. Он очень не хочет, чтобы «инспектора» проведали, что межконтинентальные ракеты у нас пока лишь в проектах, а не на боевых позициях.

Расширяются и личные контакты. Их отец считал важнее любых посланий. Доверие обретается постепенно. Чтобы его завоевать, надо общаться.

4 мая вместе с послом США Томпсоном отец посетил еще не выставку США, а ее строительную площадку в Сокольниках. Шаг беспрецедентный даже для держав, находящихся в самых теплых отношениях. Правда, для этого имелось и весьма далекое от политики объяснение. Отцу очень хотелось взглянуть на американскую стройку: какие там машины, как они работают. Но при других обстоятельствах он бы умерил свою любознательность.

В День Победы у отца гостили американские ветераны войны. В беседе он подчеркивал: главное — наша общность в борьбе с фашизмом, а не нынешнее противостояние в Берлине. И нигде не упоминал об ультиматуме.

Американцы ведут себя более жестко. В апреле поступает информация о заключении соглашения о постановке на боевые позиции на территории Англии новейших баллистических ракет «Тор». Называются предполагаемые цели в нашей стране. Шестьдесят английских «Торов» нацелены на тридцать советских городов. Право нажать пусковую кнопку делят поровну британские и американские офицеры. Одновременно сообщается о возможности размещения таких ракет в Италии, Турции, ФРГ, Греции и других странах НАТО. Так что опасения отца по поводу атомной угрозы со стороны Германии оказались отнюдь не беспочвенны.

Открытие 5 мая 1959 года совещания министров иностранных дел в Женеве отец оценивал как реальный шанс.

Он всей душой ненавидел войну, не рассматривал ее как средство, позволяющее разрешить мировые проблемы. И не только потому, что он понимал невозможность достижения победы в условиях применения ядерного оружия. Отец отрицал войну личностно, по-человечески. Он достаточно нагляделся крови в окопах во время Гражданской войны. Тогда он, как говорится, пощупал ее руками. В Отечественной войне ужасы умножились во сто крат. Пусть не батальонным комиссаром, а генералом, членом Военного совета фронта, он не прошел пешком, а проехал на «виллисе» с Запада на Восток, от границы до Волги и от Волги назад к границе. Пересказать виденное отец и не пытался, до конца дней своих он не мог смотреть фильмы о войне, читать о ней книги.

Отец рассчитывал, что президент США, немало хлебнувший в войну, разделяет его убеждения. В конечном счете они найдут общий язык.

По имевшейся договоренности на совещание в Женеве собирались не только министры иностранных дел великих держав, приглашались представители обеих Германий. К Селвину Ллойду, Кув де Мюрвиллю, Кристиану Гертеру, сменившему на посту Государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса, и Андрею Андреевичу Громыко добавились непосредственно заинтересованные в деле фон Бретано и Лотар Больц.

Уже при открытии конференции возникло первое осложнение: фон Бретано отказался находиться в одном помещении с Больцем. Без сомнения, он имел инструкции от Аденауэра таким образом торпедировать всякую надежду на достижение договоренности еще до начала переговоров. Бретано засел в гостинице, Федеративную Республику представлял чиновник более низкого ранга Греве.

Западные партнеры с первых шагов заняли жесткую позицию. Они предложили объединить Германию, разумеется, в рамках ФРГ или под ее эгидой. Громыко отпарировал: вопрос объединения Германии вообще не стоит в повестке дня, выработка предложений — дело двух Германий. Решение может родиться только на основе их доброй воли. Дело великих держав-победительниц — санкционировать или не санкционировать соглашение, исходя из высших соображений сохранения мира и стабильности в Европе и мире. Началась привычная дипломатическая игра.

Понимая, что идея демилитаризации Западного Берлина не пройдет, отец видоизменил свою позицию — предложил оставить там символические контингенты союзников. Так он надеялся нащупать почву для соглашения. Он рассуждал незамысловато:

если они не собираются на нас нападать, то им ни к чему держать много войск в Берлине. Это, в первую очередь, дорого, все приходится везти из Западной Германии, а капиталисты умеют считать деньги. Если они боятся нас, то стоит там дивизия или взвод, в данном случае не играет роли. У наших войск, расположенных в округе, такое превосходство — все сметут в момент. Отец видел одну причину, заставляющую американцев держать заметное количество войск в Берлине: намерение разместить там стратегические ракеты. Тогда все становилось на свои места. Ракетам необходим обслуживающий персонал, охрана. В этом случае повышенные расходы на содержание войск становятся оправданными.

Не забывал он помянуть и разведку, подрывную деятельность, пропаганду, но, громко протестуя, отец относился ко всему этому букету как к неизбежному злу.

Поэтому категорическое «нет», полученное в ответ на, казалось бы, учитывающие безопасность обеих сторон предложения, не только огорчило, но и насторожило его.

Запад стоял твердо: если СССР не соглашается с сохранением оккупационного статуса в Берлине, они не желают даже рассматривать вопрос о проведении совещания в верхах.

В этот момент совещание министров иностранных дел, едва начавшись, прервалось. Пришло печальное известие: 24 мая умер Джон Фостер Даллес. Как раз накануне срока истечения ультиматума. Главы западных делегаций засобирались в Вашингтон на похороны своего коллеги.

Громыко прислал в Москву телеграмму, запрашивал инструкции. Сам он выражал сомнение в целесообразности направления представителей высокого ранга на похороны ярого нашего врага. Предлагал обойтись присутствием советского посла. Отец просто взорвался. Не знаю, что он говорил в Кремле, но дома, не остыв, продолжал возмущаться, как можно действовать столь формально?

Отец сокрушался: дипломат обязан использовать любые возможности для установления контактов, укрепления связей. Но и это далеко не главное: нетрудно предсказать оценку нашего участия или неучастия в похоронах. В первом случае мы демонстрируем лояльность, а в противном что? Отец считал — глупость.

— Да и вообще, как бы это все выглядело! — кипятился он. — Все поехали в Вашингтон, а наш министр остается гулять по Женеве? Просто курам на смех.

За последним аргументом отца стояли и чисто человеческие чувства: столько лет мы проработали с Даллесом, а теперь не

почтим его память? Да, он враг. Но это его классовая и государственная позиция. Другой он занимать не мог.

Громыко ушла шифровка, предписывающая принять участие в траурной церемонии и выразить самые искренние соболезнования.

Так истек срок ультиматума. 27 мая миновало, и ничто в мире не изменилось. Американские конвои двигались через территорию ГДР, как и раньше, беспрепятственно.

В начале июня 1959 года Вальтер Ульбрихт и Отто Гротеволь прилетели в Москву. Отец решил предпринять еще одну попытку выработать предложения, приемлемые для всех. 10 июня наша сторона обнародовала четыре пункта, в принципе не ущемлявшие права союзников. Отец соглашался подтвердить право пребывания западных войск в Берлине. Они и так там находились и уходить не собирались. При этом он предлагал нашим партнерам по переговорам взять на себя обязательства, облегчающие существование Западного Берлина внутри ГДР, закладывающие основу добрососедства. В совместных с ГДР предложениях предусматривалось прекращение враждебной пропаганды. Правда, не существовало четкого определения враждебной пропаганды. Каждый вкладывал в нее свой смысл. Поэтому на деле мы требовали прекращения вообще всякого вещания.

Два других условия представлялись, на мой взгляд, полегче: прекращение с территории Западного Берлина разведывательной и подрывной деятельности, а также обязательство не размещать там атомное и ракетное оружие.

В ответ прозвучало категоричное «нет». Совещание зашло в тупик. В Женеве объявили перерыв на летние каникулы до 13 июля.

Отец считал: пока ничего не потеряно. Он продолжал демонстрировать лояльность. 24 июня, уже после того, как министры разъехались из Женевы, он тепло принял американского политика и бизнесмена, бывшего посла в Москве Аверелла Гарримана. Не просто принял, а пригласил его на дачу. Правда, не к себе, а на специальную, гостевую. Они вместе провели почти целый день, гуляли, обедали и говорили, говорили. Хозяин поставил себе целью убедить гостя в своем искреннем стремлении к миру, мирному сосуществованию. Устраивающую их экономическую систему пусть выбирают сами народы, в этом они разберутся без переводчиков. Конечно, отец не мог не подчеркнуть свою уверенность в победе социализма.

По московскому телевидению 4 июля в день национального праздника выступил посол США Л. Томпсон. Через три дня отец

принял группу американских губернаторов. Фрол Романович Козлов отправился в поездку по США. За этот год он стал вторым членом Президиума ЦК, посетившим далекую Америку.

Отец считал: дела лучше слов. Надо не обмениваться угрозами по радио и в газетах, а общаться лично. Казалось, его активность начинала приносить плоды.

Позволю себе вернуться немного назад, к первомайскому параду. В тот день по Красной площади проехали два мощных ЗИС-овских грузовика с огромными зелеными цилиндрами: новые советские крылатые ракеты наземного базирования. Спроектировали их в конструкторском бюро под руководством Челомея. К празднику изготовили всего два экземпляра. Они предназначались для испытаний, но в те годы каждому конструктору хотелось блеснуть, пусть и анонимно, показаться на публике. Владимира Николаевича поддержал Гречко. Ему, как главнокомандующему сухопутными войсками, тоже казалось совсем не лишним продемонстрировать что-нибудь новенькое.

Началось все минувшей осенью. На смотре в Капустином Яру Владимир Николаевич показал отцу картинку, демонстрирующую возможность использования крылатой ракеты, стартующей не только из контейнера, установленного на подводных лодках, но и с колес. Идея получила одобрение, работа закипела. В считанные месяцы гигантские трубы-контейнеры взгромоздили на тягачи, отработали особенности запуска и приготовились к летным испытаниям.

В Главном артиллерийском управлении, у наших официальных заказчиков, новинку, получившую условное наименование С-5, встретили без всякого энтузиазма. На нее отреагировали как на чужака. Ведь ракету разработали и собираются выпускать в авиационной промышленности: вот пусть и внедряют ее в военно-воздушные силы, а у нас есть своя баллистическая Р-11.

Некая логика в их словах была. Сделанная Микояном несколько лет тому назад на базе МиГ-15 крылатая ракета ФКР эксплуатировалась в ВВС. Но Челомей считал, что разрывать, разобщать по разным видам вооруженных сил баллистические и крылатые ракеты — непростительная ошибка. Он настойчиво стучался в двери к артиллеристам. К сожалению, в запертые двери. Напрасно Челомей доказывал, увещевал: у его детища в четыре раза больше дальность полета, в несколько раз мощнее заряд, а обращение с керосином, примененном в качестве топлива в С-5, несравненно проще и безопаснее, чем с кислотой в Р-11. «Да и вообще, эти два комплекса не конкурируют, они дополняют

друг друга», — Владимир Николаевич пытался использовать последний аргумент, но и он не действовал.

Ракета существовала только благодаря поддержке отца. Все знали — она делается с его благословения, и отвергнуть новинку с порога, без серьезных оснований не решались. К тому же главнокомандующий артиллерией главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов пусть с некоторыми оговорками, но считал новое оружие полезным для своего рода войск.

Генералы разделились на два противостоящих лагеря: противников и сторонников крылатых ракет. А точнее, большинство высказывались против, за них стояли единицы, на которых поглядывали косо, бурчали: «Конъюнктурщики, выслуживаются…»

Главным аргументом против развития крылатых ракет избрали их уязвимость для огня противовоздушной обороны: баллистическую ракету-де сбить невозможно, а крылатую, летящую с околозвуковой скоростью, уничтожить ничего не стоит. Провели «испытания»: установили несколько батарей счетверенных автоматических зенитных пушек на точно выверенной трассе полета. Момент старта сообщили расчетам по радио, поэтому появление ракеты не оказалось неожиданным, ее встретила стена огня — и, конечно, сбили.

Ликование в одном лагере сопровождалось трауром в другом. Мы понимали, что нас обманули. Но как объяснить это высокому начальству? Ведь результат налицо, а к объяснениям, оправданиям все давно привыкли, их никто не принимал в расчет. Судьба ракеты повисла на волоске. Чтобы выжить, крылатой ракете требовалось прижаться к земле, залетать на предельно малой высоте. Тогда средства ПВО обнаружат ее лишь в последний момент, не успеют изготовиться к бою. Но как этого добиться?

Ко всему прочему добавилась еще одна проблема. В тот период в армии развернулась дискуссия, каким машинам отдать предпочтение: колесным или гусеничным. Обсуждение вскоре переросло в настоящую войну. Гусеничники доказывали, что только они смогут преодолевать бездорожье, колесники возражали: у гусениц запас хода несколько сот километров, во всем мире (кроме нас) танки к полю боя доставляют на колесных платформах. К тому же новые колесные машины по проходимости приближаются к гусеничным, а производство и эксплуатация их несравнимо дешевле.

Установленная на колесной машине С-5 угодила в эпицентр и этого спора.

Маршал Варенцов стоял за колеса: автомобилестроители

продемонстрировали недюжинные способности, последние типы машин продирались через самую страшную грязь и топь. В Генеральном штабе сидели не менее могущественные сторонники гусениц.

В том давнишнем споре короткую победу одержали колеса. Их сторонников поддержал отец. Гусеницы решили использовать только в исключительных случаях. После 1964 года свара возобновилась с новой силой. К обвинениям в адрес «колесников» добавились новые упреки: их поддерживал Хрущев. Всех примирило решение Брежнева: делать и то и другое.

Если «колесная» проблема затронула Челомея лишь косвенно, то осуществление полета на малой высоте над пересеченной местностью стало делом его чести. Владимир Николаевич предложил заставить крылатую ракету смотреть вперед, заранее подстраиваться так, чтобы обогнуть холмы и даже горы. Начались эксперименты. На самолете облетывали один тип прибора, другой, третий. Требовалось найти решение и эффективное, и простое. Наконец удалось. Ракета буквально перетекала через пригорки, а перед крутыми склонами, высокими зданиями делала «горку», облетала их повыше, с тем чтобы, преодолев препятствие, снова припасть к земле.

Теперь последние возражения, казалось, отпали. К тому же новую систему управления намеревались научить распознавать местность, ориентироваться, сравнивая радиолокационную или какую-либо иную картину с картой, самостоятельно наводиться на цель. С точностью, которая в те годы и не снилась. Американцы о подобных системах только начинали задумываться. Сейчас такие системы вооружения называют высокоточными.

Любопытно: одним из аргументов, приводимых в те годы против крылатых ракет, оказался американский опыт. Они тогда снимали с вооружения «Матадор»: громоздкие крылья делали ракету неуклюжей. В Генеральном штабе сочли, что нам негоже отставать. Такая точка зрения продержалась немало лет. До появления в США «Томагавка».

Испытания «семерки» продолжались, но интерес к ней заметно уменьшился. В противостоянии с Америкой ставка теперь делалась на следующее поколение межконтинентальных ракет.

13 мая 1959 года вышли два почти одинаковых постановления правительства: одно о разработке межконтинентальной ракеты Р-16 в конструкторском бюро Михаила Кузьмича Янгеля, а другое — об аналогичной разработке Р-9 в ОКБ Королева. Новое постановление переводило

работы Янгеля в первый разряд, ставило его самого в один ряд, а может быть, и повыше Королева. Различались ракеты не только топливом. В Р-16 Янгель решил использовать так называемую инерциальную, автономную систему управления, приводящую ракету к цели без всякой связи с Землей. У нас на такое еще не замахивались, хотя в США уже накопили немалый опыт в использовании подобных систем.

Королев к приборам, особенно необлетанным, относился с определенной долей скепсиса. В своей «девятке» он сохранил старую, смешанную систему управления. Правда, с одним пунктом радиоуправления, расположенным на старте.

Создалась пикантная ситуация: двигатели для обеих ракет делал Глушко. Его отношения с Королевым испортились донельзя. Сергей Павлович считал, что Глушко отдает предпочтение конкуренту, сердился, нервничал. Глушко выполнил свои обязательства, сделал двигатели для обеих ракет. Летные испытания они начали практически одновременно. Закончили с разрывом в два года. Соревнование выиграл Янгель.

Летом, перед отпуском, отец съездил в Днепропетровск. Как обещал еще зимой, он посетил и янгелевский завод, чтобы проверить, действительно ли там делают ракеты, как сосиски. В первую очередь его интересовала Р-16.

При последней встрече Янгель заверил, что на разработку ее уйдет совсем немного времени. Новая ракета будет базироваться на уже отработанной Р-12 и проектируемой Р-14. Обе они одноступенчатые, а новая ракета станет двухступенчатой, как бы Р-12 взгромоздится на Р-14. После удачного завершения работ по Р-12 отец окончательно уверовал в Янгеля, но хотел своими глазами удостовериться, как идут дела. Завод произвел на отца грандиозное впечатление: километры цехов, огромные инженерные корпуса, конструкторские бюро, гигантские испытательные стенды. Не то что обойти — на машине объехать его оказалось затруднительным.

Сначала отца повели по цехам. Сосиски не сосиски, но многометровые толстенные цилиндры и впрямь лежали плотно в торец друг к другу, переходя из цеха в цех. Между цехами транспортировка изделий проводилась с соблюдением всех требований секретности. Заготовки ракет тщательно укутывались брезентовыми полотнищами, натянутыми на квадратные распорки, скрывающие их стройные формы.

Отец остался очень доволен увиденным. Впервые ему не рассказывали, а показали, как делаются, точнее, скоро будут делаться ракеты. Не единичные экземпляры, а на конвейере, действительно, почти как сосиски. Это сравнение ему

чрезвычайно понравилось. Он своими глазами убедился — тут и не пахнет прожектерством. Дело сдвинулось.

Директора янгелевского завода звали Леонид Васильевич Смирнов. Вскоре он пересядет в кресло заместителя Председателя Совета министров СССР, отвечающего за организацию работы оборонных отраслей промышленности, сменив своего шефа Дмитрия Федоровича Устинова. Очарованный успехами в организации производства ракет, отец назначит последнего председателем Высшего совета народного хозяйства, призванного координировать работу так и норовящих ускользнуть из-под опеки центра совнархозов. Оба они через несколько лет примут активное участие в изгнании отца со всех постов.

После осмотра состоялся митинг. На обширной площади между цехами собралось несколько тысяч человек. Отец говорил прочувствованно, благодарил за проделанную работу, восторгался достигнутыми успехами. Повторяя слова Янгеля, сказал, что убедился, — ракеты они производят на потоке, прямо как сосиски.[48] На следующий день его выступление опубликовали все газеты. Сравнение производства ракет с сосисочным резануло мой слух. На следующий день в разговоре с отцом я посетовал, что он увлекся, восхищение увиденным завело его слишком далеко. Ведь после Р-5 у нас ничего нового на вооружении не появилось. Испытания «семерки» никак не закончатся, а обещания Янгеля — пока только обещания, не производство, а подготовка производства.

Отец рассмеялся в ответ. По его словам, не так важно, сколько ракет у нас есть на самом деле, мы же не собираемся начинать войну. Главное, чтобы американцы поверили в нашу мощь. Тем самым вероятность возникновения войны уменьшится.

— Так что не переживай, — похлопал он меня по спине.

По окончании митинга гости и хозяева направились в конструкторское бюро поговорить о перспективе. В просторном кабинете на столе стоял макет будущей межконтинентальной ракеты. Р-16 напоминала винтовочный патрон старого образца, на массивном основании первой ступени крепилась диаметром поменьше вторая. Завершалась вся конструкция похожим на пулю скругленным носком боевой части. Чистый патрон, только окружье в местах стыковки ступеней не сплошное, а решетчатое, узкий ажурный поясок. По нижней кромке первой ступени шел как бы расклешенный ободок, и больше ничего — ни рулей, ни стабилизаторов.

Внимательно осмотрев макет, отец сел на отведенное ему председательское место в торце стола, приготовился слушать. Рядом с ним расположились Устинов, председатель

Государственного комитета по оборонной промышленности Константин Николаевич Руднев, председатель Государственного комитета по радиоэлектронике Валерий Дмитриевич Калмыков, заведующий оборонным отделом ЦК Иван Дмитриевич Сербин, маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин, секретарь украинского ЦК Николай Викторович Подгорный, чиновники Совета министров, ведавшие делами оборонных отраслей промышленности. Дальше по обеим сторонам стола растянулись главные конструкторы. Им сегодня предстояло докладывать.

Обсуждение началось с рассказа Янгеля о работах над Р-16. Михаил Кузьмич взял в руки лежавшие рядом с ним на столе и ранее не привлекшие моего внимания две небольшие модельки Р-14 и Р-12, поставил их друг на друга, демонстрируя, как из них складывается Р-16. Действительно, внешне оказалось очень похоже, на пухленькой Р-14 уютно примостилась поджарая Р-12. Оставим на совести главного конструктора этот эффектный рекламный прием. Затем он перешел к вопросам проектирования и изготовления Р-14 и закончил организацией серийного производства Р-12. Доклад прозвучал добротно, продуманно, каждый последующий шаг отталкивался от предыдущего. Рассказал Янгель и о своих трудностях: проблемах со снабжением, строительством, всем том, без чего не обходится ни одно подобное совещание. Отец на месте принимал решения. Почти ни в чем не отказывал, министры записывали в блокноты его указания. Такое случалось не часто, как правило, отец жался, неохотно соглашался на выделение дополнительных ресурсов.

Затем пришла очередь пуска ракеты из шахты. Янгель доложил, что строительные работы на полигоне окончены, идет оборудование стартового комплекса. Заявленные сроки, по его мнению, не нарушаются, они проведут пробный запуск в сентябре. Отец просто расцвел. Я давно не видел его в таком приподнятом праздничном настроении.

В своем заключительном слове отец не смог сдержать своих эмоций.

— Это настоящие чудеса — как-то по-детски воскликнул он.

Дальше он заговорил о том, что у ракет в армии нет настоящего хозяина. То, что они включены составной частью в артиллерию, — анахронизм. Отец предложил подумать об организации в Советской армии специальных ракетных войск стратегического назначения. Такая постановка вопроса оказалась неожиданной для всех: и младших, и старших. Вопрос еще нигде не обсуждался. Видимо, идея пришла отцу в голову сейчас, под влиянием увиденного на заводе. Присутствующие сдержанно загудели.

— У американцев по схожести решаемых задач и технического обслуживания материальной части стратегические ракеты относятся к авиации, — не столько возразил, сколько дал справку председатель Государственного комитета по авиационной технике Петр Васильевич Дементьев. Он тут был скорее на правах гостя. Его министерство поставляло лишь отдельные приборы для ракет.

Отец на мгновение задумался, потом возразил: «Нам американский опыт не подходит», — и стал пояснять, что у американцев традиционное преимущество тяжелой стратегической, бомбардировочной авиации. Ее цели — важнейшие объекты на территории противника. У ракет — те же задачи. У них ракеты как бы придаются самолетам, по одним маршрутам полетят бомбардировщики, по другим — ракеты. Здесь объединение командования целесообразно и оправданно, невозможно одну и ту же задачу решать в двух местах.

— Стратегической в американском понимании авиации у нас просто нет, — жестко сказал отец. — Если мы отдадим летчикам ракеты, они их начнут подлаживать под свои привычки, свои структуры. Организация дела неимоверно затянется, а нам времени упускать нельзя. Тут нужны новые люди, энтузиасты, не связанные никакой предысторией.

Отец обвел взглядом собравшихся, задержался на Неделине.

— Давайте поручим товарищу Неделину проработать вопрос. Он влюблен в ракеты, занимается ими буквально с колыбели, прочувствовал всю специфику. Подумайте, товарищ Неделин, — теперь он обращался уже прямо к нему, — спешить не надо, дело серьезное. Обсудите с кем надо, в первую очередь с товарищем Малиновским, и осенью нам доложите. Пока мои слова давайте рассматривать как рабочее предложение.

Неделин с энтузиазмом взялся за организацию нового рода войск. К началу осени основные выкладки легли на стол Малиновскому. Возражений они не вызвали. Никто больше в Министерстве обороны не позарился на эти новомодные хрущевские штучки. Да и спорить с отцом охотников не находилось.

За осень все бумаги оформили, согласовали, завизировали и подписали. 17 декабря 1959 года Ракетные войска стратегического назначения стали реальностью. Первым командующим назначили маршала артиллерии Неделина. Находиться на этой должности ему предстояло чуть меньше года.

Свой путь на отдых отец продолжил успокоенным. Дело сдвинулось, «семерка» теперь надежно подперта.

В Крыму отца ждал не только отдых. Он хотел разобраться с флотом, посмотреть, что изменилось за последние четыре года, прошедшие после его бурной стычки с адмиралом Кузнецовым. В Севастополе назначили демонстрацию последних достижений.

К так называемому малому показу военно-морского вооружения в Севастополе летом 1959 года конструкторское бюро Челомея готовилось особенно тщательно. Впервые не только на глазах начальства, но и вообще впервые нашей крылатой ракете предстояло стартовать с боевой подводной лодки. Пусковые контейнеры установили на палубе одной из дизельных подводных лодок старого образца, атомные пока еще строились.

В назначенный день и час — дело происходило во вторую неделю августа[49] — отец приехал на машине из Ялты. Он сидел на переднем сиденье открытого ЗИСа, посвежевший и загорелый. Сзади разместились Брежнев и Малиновский.

Боевые корабли загодя заняли в море места, предписанные программой. Зрителям предлагалось наблюдать за боевыми упражнениями с борта комфортабельной яхты «Ангара».

Среди темно-серых силуэтов рассыпанных в бухте крейсеров и эсминцев она выделялась легкомысленной белизной бортов и надстроек. Яхта когда-то принадлежала главнокомандующему немецким флотом гросс-адмиралу Деницу и досталась нам после войны в результате дележки между союзниками трофейных кораблей. Ее вместе с несколько меньшей по размерам яхтой бывшего румынского короля Михая, получившей имя «Риони», подновили и поставили неподалеку от Графской пристани в Севастополе дожидаться, не появится ли у Сталина желание прокатиться по Черному морю. Насколько я знаю, подобная прогулка состоялась лишь однажды. Вскоре после войны в конце 40-х годов Сталин решил морем переправиться из Ялты в Сочи. Путешествие оказалось неудачным. В дороге его укачало. Больше яхтами никто не пользовался. Так они, готовые в любую минуту принять гостей, простояли невостребованными у стенки долгие годы, целое десятилетие. Но гости не появлялись, команда впустую драила медяшки, подкрашивала борта, скребла стеклянными осколками деревянный настил палубы.

В тот день яхта вся подобралась к походу, из трубы сочился прозрачный, почти невидимый глазу дымок. Бездымность на море — высшая оценка мастерства машинистов.

Я не стану описывать бесконечные артиллерийские и ракетные стрельбы, атаку подводной лодкой нашей яхты и преследование ее самолетами и вертолетами с воздуха, противолодочными кораблями с поверхности моря. Все выглядело чрезвычайно эффектно. Пуски ракет завершили

насыщенную программу. У нас все прошло удачно. Челомей, сияя, принимал поздравления.

Отец остался доволен изменениями на флоте, происшедшими за последние годы. Ракеты уверенно вытесняли орудийные башни главного калибра с палуб немногочисленных крейсеров и эсминцев. Подводные лодки по силе своего удара многократно превосходили вчерашние линкоры. Отец поздравил главнокомандующего Военно-морским флотом с большими успехами. Расплывшийся в улыбке Горшков не преминул посетовать, что многого он так и не смог показать. В Черном море слишком тесно, негде развернуться подводным лодкам с баллистическими ракетами. Они сосредоточены на Северном и Тихоокеанском флотах.

Отец отшутился: «Не все сразу. Оставьте что-нибудь на будущее. А то нечем будет и похвастать». И тут же, посерьезнев, предложил следующий показ сделать на Севере. Когда? О дате решили договориться позднее.

Перерывы между упражнениями, переходы с позиции на позицию не терялись даром. В кают-компании яхты о своих задумках докладывали конструкторы кораблей, вооружения, плакаты на переборках менялись с калейдоскопической быстротой: подводные лодки, торпеды, противолодочные вертолеты и самолеты. Чего тут только не было!

Подошла очередь Челомея. Он выступал в паре с Павлом Петровичем Пустынцевым, конструктором подводных лодок. Пустынцев в трудные времена поддержал Владимира Николаевича, поверил в его сумасшедшую идею раскрытия крыла в полете и, осыпаемый градом насмешек, взялся за проектирование подводного корабля, оснащаемого новым, пока еще весьма гипотетическим оружием. С тех пор они вместе проработали многие годы, делили неудачи, радовались победам. Сейчас они праздновали успех, первое признание.

Челомей чувствовал себя на коне, он не докладывал, он пел. И действительно, год выдался удачным. Начались испытания новой противокорабельной ракеты П-6. Она запускалась с подводных лодок. Ее система управления по тем временам выглядела фантастично. Пролетев сотни километров и обнаружив соединение кораблей противника, ракета выбирала наиболее лакомую цель и, подкравшись, поражала ее в самое уязвимое место. В недалеком будущем Челомей обещал создать обширное семейство ракет, способных нейтрализовать деятельность авианосных соединений любого, даже самого невероятного противника.

Учения закончились. Отец уехал в Ялту, у него еще было

несколько дней отдыха.

В начале июля у отца почти не оставалось надежд на достижение соглашения на вновь открывающемся 13 июля совещании министров иностранных дел. Стороны продемонстрировали взаимную непримиримость позиций. На конструктивные идеи министры оказались неспособны, а собираться на более высоком уровне западные партнеры явно не желали, выдвигали заранее неприемлемые предварительные условия. Отец загрустил.

По всей видимости, невеселые мысли накануне возобновления женевской встречи донимали и американского президента. И он искал выход. Иначе почему мысль пригласить отца в США для личных переговоров пришла ему накануне 13 июля?

После завершения церемонии открытия первой в истории взаимоотношений двух стран советской выставки в США улетал домой Фрол Романович Козлов. Дуайт Эйзенхауэр поручил представителю Государственного департамента Роберту Мерфи передать через него приглашение отцу. Отец воспринял его с огромным удовлетворением, я бы сказал, с радостью. Он оценивал его как знак окончательного признания нашего социалистического государства. Он стал первым советским руководителем, приглашенным в США с официальным визитом. Вот что рассказывал отец.

«Когда программа пребывания нашей делегации закончилась и она приготовилась к отлету, от президента неожиданно приехал курьер и вручил Козлову пакет с просьбой передать его Хрущеву.

Вернувшись в Москву (был выходной день), Козлов позвонил мне на дачу, сказал:

— У меня есть для вас пакет от президента Соединенных Штатов господина Эйзенхауэра.

Затем он приехал, вручил пакет. Ознакомились. Документ был очень кратко сформулирован, было сделано приглашение Председателю Совета министров от имени президента посетить с дружественным визитом США. Адресовались они персонально ко мне.

Признаюсь, я не поверил. Это было так неожиданно. Мы не подготовлены к этому, наши отношения настолько натянуты, что приглашение с дружеским визитом Председателю Совета министров и секретарю Центрального комитета казалось невероятным. Но все-таки факт был фактом…

Это было неожиданно, но и приятно и интересно. За границей я к этому времени уже бывал, но Америка занимала особое место

в нашем представлении и нашем воображении. Да иначе и быть не могло. Она — самый сильный оппонент из капиталистических стран: лидер капиталистических стран, который задает тон антисоветчины в капиталистическом мире.

Кто в экономической блокаде Советского Союза задает тон? — Соединенные Штаты! Если другие партнеры шли на какие-то экономические контакты… Мы покупали кое-какое оборудование и что-то продавали за границу, главным образом сырье… Америка нас бойкотировала абсолютно. На закупку крабов объявили специальный запрет! Мотивировали это тем, что продукт добывается русскими в море рабским трудом. Дикость, но так они аргументировали в своем «законе». Они отказались покупать у нас даже черную икру и водку…

И вдруг — приглашение! Как это понять? Что это — поворот в политике? Трудно себе представить! Без всякой подготовки — письмо от президента!

Президиум ЦК собрался в Кремле, ознакомился с этим документом, решили: поблагодарить и принять приглашение».

Как политик отец видел те перспективы, которые могут открыться в результате встречи. Не сразу. Пройдет время. Но обязательно откроются. Да и чисто по-человечески отец был очень польщен приглашением.

Теперь до встречи в Вашингтоне в Женеве наступило затишье.

Дальнейший прогресс целиком зависел от результатов переговоров отца и президента Соединенных Штатов Америки. Будущее мира зависело от мудрости двух руководителей, их настроения, тщательности подготовки, спонтанного возникновения взаимных симпатий или антипатий, взвешенности решений и личного самочувствия.

А пока Москва ожидала важного американского гостя. Тоже впервые после войны на открытие американской выставки прибывал вице-президент США Ричард Никсон. Отец придавал выставке США в Сокольниках исключительное значение. И не он один, выставка стала событием. Впервые, я снова повторяю это слово, американцам позволили без посредников обратиться к москвичам. Правда, не без опаски, но отец пренебрег предупреждениями идеологов о возможности проникновения к нам буржуазной заразы.

Мы совершенно не знали друг друга. Ошибались на каждом шагу. Ведь взаимопостижение происходит только в общении, а у нас выпали полтора послевоенных десятилетия.

В качестве примера приведу свою версию рассказа о нашумевшем первом утре американского вице-президента в Москве. Никсон проснулся рано. Перелет через восемь часовых

поясов ни для кого не проходит бесследно, наше утро представлялось американскому организму вчерашним вечером.

Гость выразил желание познакомиться с простыми русскими людьми, не работниками Министерства иностранных дел и сотрудниками спецслужб. Проведшие годы в Москве работники посольства США в Москве порекомендовали съездить на рынок. Это единственное место, где в этой стране допускается частное предпринимательство.

Двинулись туда к открытию, к семи утра. Хозяевам о маршруте сообщили только в момент размещения в машинах. Выбрали почему-то Даниловский рынок. Тогда его торговые ряды, огороженные потемневшим от времени дощатым забором, растягивались под открытым небом почти на километр.

Посещение рынка не предусматривалось официальной программой, никаких предварительных мероприятий там, естественно, не проводилось. Вокруг прогуливавшегося между прилавками Ричарда Никсона суетились лишь несколько советских и американских охранников. Постепенно начали собираться любопытные. На прощание Никсон решил пообщаться с простым русским. Он любил и умел завязывать непринужденные беседы с первым встречным. Выбрав одетого в спецодежду мужчину, гость решительно направился к нему и, протянув руку, представился. Переводчик из посольства тут же перевел. Говорил он с заметным иностранным акцентом, в те годы далеко не лучшая рекомендация.

Русский оказался весовщиком рынка по фамилии Смахтин. Он готовился к приему товара и не помышлял ни о вице-президенте США, ни вообще об Америке. Как и все советские люди, он твердо знал, что с иностранцами лучше дела не иметь, сделать вид, что занят, и отойти. Сейчас такой прием не годился, вокруг сомкнулась плотная толпа, какой-то человек, по всему видно, наш, «оттуда», энергично подталкивал Смахтина к гостю и что-то неразборчиво то ли шептал, то ли шипел. Раз уж не удалось улизнуть, следовало высоко нести честь советского гражданина, показать иностранцам, что у нас есть все, нас ничем не удивишь. Смахтин приготовился дать достойный отпор американцу. Ведь за каждое слово потом придется нести ответ.

Первые вопросы гостя оказались нетрудными: как зовут, чем занимается, есть ли семья? Дальше пошло сложнее, но он достойно ответил, что квартира его устраивает, заработок отличный, жизнью своей он доволен. Стоявший рядом человек, тот, что подталкивал к иностранцу, еле заметно одобрительно кивал головой.

На вопрос, знает ли он об открывающейся американской

выставке и намеревается ли ее посетить, Смахтин не знал, как надо отвечать. Сказать, не знаю, — обидишь высокого гостя, проявишь неуважение: все знают, а он — нет. Сказать, что собрался в Сокольники, — как бы «свои» не заподозрили в преклонении перед Западом, и вообще, чего он там не видел? Ответ вышел компромиссным: о выставке он осведомлен, но идти туда не собирается, не смог достать билета.

Тут взаимопонимание прервалось, две цивилизации разомкнулись. В Америке не существует понятия «достать», а значит, и слова такого нет. Поэтому переводчик перевел «достать» как «купить», а гость сделал вывод, что его собеседник — человек бедный, не может раскошелиться на билет. То, что весовщик на нашем рынке не может быть бедным, выходило за пределы доступного пониманию для заокеанских пришельцев.

Ричард Никсон решил сделать жест, не широкий, в пределах дозволенного американскими приличиями. В кармане у него лежали советские деньги, он слабо ориентировался в разноцветных бумажках. Сколько может стоить билет на выставку? Не долго думая, он вытянул самую большую сероватую банкноту в сто рублей (10 рублей после реформы 1961 года) и протянул ее Смахтину. Переводчик торопливо объяснял, что вице-президент просит принять деньги и приобрести на них билет для посещения выставки.

— При чем тут деньги, если билет не достать? — теперь уже Смахтин не понимал гостя.

Смахтин оценил предлагаемую ему сотню как политическую провокацию. Приняв ее, он станет прислужником американского империализма. Или наймитом, раз взял? Следовало опять дать достойный ответ.

А Ричард Никсон все держал банкноту в протянутой руке. Смахтин твердым жестом отстранил руку вице-президента США и отпарировал, что советские люди в подачках не нуждаются, все, что им нужно, они в состоянии купить на свои, заработанные деньги.

Никсон выслушал перевод, понял, что ошибся, но не понял в чем. Осознал лишь одно — его собеседник, несмотря на замызганный внешний вид, достаточно богат, чтобы самостоятельно купить билет. Он спрятал деньги в карман и направился к выходу. Его не покидало ощущение совершенной ошибки. Продолжать знакомство с жизнью простых людей Москвы, по всей видимости, расхотелось.

Как только отец проснулся, ему вручили отчет о происшедшем эпизоде. Как он выглядел в нашей интерпретации?

В те дни не оставляли без внимания никакую мелочь,

фиксировали каждое слово, оброненное гостем. Так поступали не только мы. Когда отец приехал в США, наблюдение велось не менее пристально. Недавно истек срок давности, и материалы, связанные с визитом Хрущева в США в 1959 году, рассекретили, и теперь с ними может познакомиться любой желающий. Существуют ли аналогичные материалы у нас, не знаю.

Отцу докладывали, что Ричард Никсон в семь часов утра потребовал повезти его на рынок. В нашем понимании, рынок — не место для посещения высокими государственными гостями. Зачем он туда поехал? Не за ранней же картошкой? Для прогулок мог найти маршрут получше. Отец настроился, что все это неспроста, чем-то гость хотел уесть хозяев. После подробного описания хождений по рынку сообщалось, что вице-президент США попытался вручить сто рублей работнику рынка (тут приводились анкетные данные), но тот отказался принять подарок.

Отец ничего не понял. Со смехом прочитал вслух донесение всем нам, собравшимся к завтраку. По мнению отца, Никсон, видимо, считает, что он попал в колониальную страну, и хочет подкупить, задобрить, завоевать авторитет людей, раздавая подачки. Еще он предположил, что именно так действуют в США, скупая голоса во время выборов. Отец перегнул листочек с докладом о происшествии на рынке пополам, так он всегда поступал с информацией, к которой хотел вернуться впоследствии.

— Пусть Сатюков опубликует в «Правде», наши люди посмеются. Как такой человек может занимать пост вице-президента? — в раздумье, с недоумением произнес отец.

И в последующие дни ему не давал покоя загадочный эпизод. Отец недоумевал, как гостю правительства может прийти в голову раздавать деньги на улицах? Репутация гостя в глазах отца оказалась серьезно подмоченной. Отец теперь ожидал любой выходки, держался настороже, готовый дать достойный отпор.

Случай не заставил себя долго ждать. В тот же день произошел прогремевший на весь мир «спор на кухне». Минуло не одно десятилетие, и трудно рассчитывать, что всем памятен тот, пусть и скандальный, эпизод в истории советско-американских отношений.

На выставке хозяином себя ощущал уже Никсон. Он подробно рассказывал отцу о каждом экспонате, настойчиво демонстрировал, какие они, американцы, молодцы, насколько превзошли весь остальной мир. Отца его тон раздражал, и он, где удавалось, давал отпор. Беседа напоминала перебранку двух приятелей, не способных ни в чем сойтись, постоянно

доказывающих свою «самость». Отец постепенно накалялся, аргументов у него набиралось негусто, экспонаты говорили сами за себя. Он искал, к чему бы придраться, как бы разоблачить пропагандистскую сущность всей этой затеи, рекламирующей красочный фасад капиталистической Америки. Никсон заливался соловьем.

В таком настроении они подошли к интерьеру американского дома. Экспонат назывался «типичный американский дом». Весь он был хорош, а кухня — просто мечта домохозяйки. Отец задержался на кухне, почуял, что это то место, где он сможет дать бой. Он зацепился за электрический автомат для выжимания лимонов. Стал доказывать его ненужность. Отец любил, ухватившись за частность, переводить стрелку на общие проблемы. Произошел крупный разговор — каждый доказывал свое, убеждал в преимуществах своей системы, в правоте своего мировоззрения. Из дебатов каждый вышел удовлетворенный собой, тем, какую он задал взбучку оппоненту. Отец решил закрепить свой успех, а заодно продемонстрировать гостю нашу открытость. Он предложил показать дебаты на кухне в обеих странах по телевизору без купюр. Пусть зрители решат сами, кто прав. Никсон не возражал.

Вечером отец с удовольствием следил за перипетиями дневного приключения. Но по-настоящему торжествовал он на следующий день — советский посол в США сообщил, что при демонстрации спора местные телекомпании, приглушив голос отца, заменили его словами комментатора. При первой возможности он попенял Никсону: где же хваленая американская свобода слова? Мы не побоялись довести его аргументы до советских слушателей, а он, вице-президент США, своего слова не сдержал, испугался. Никсон сослался на независимость американского телевидения, отец не стал спорить, только «понимающе» улыбнулся в ответ.

На самом деле дебаты на кухне телевидение не записывало. Все время, пока я писал эту книгу, мне никак не удавалось разрешить внутреннее противоречие: с одной стороны, полное отсутствие документальных свидетельств знаменитой кухонной истории, с другой — абсолютная уверенность в достоверности эпизода с демонстрацией телевизионной записи дискуссии отца с Никсоном в обеих странах. Наконец правильный ответ отыскался. В канун третьего тысячелетия я посетил Сан-Франциско, и там представители фирмы АМПЕКС подарили мне кассету с записью пикировки, довольно дружеской, двух лидеров перед телекамерами их опытной установки. Запись цветного изображения на видеомагнитофон тогда только начиналась, и

американцам очень хотелось продемонстрировать свое достижение отцу. (Кстати, АМПЕКС назван инициалами изобретателя процесса записи на магнитную ленту и основателя фирмы Алексея Михайловича Понятова.) Вот там-то, перед телекамерами, после недолгого препирательства отец и Никсон пожатием рук скрепили договор: все сказанное ими дословно переведут и покажут в обеих странах. Эти два события — кухонные дебаты и демонстрация изобретения фирмы АМПЕКС — наложились в моей памяти одно на другое.

В последующие дни отец постарался сгладить негативные впечатления от вчерашней размолвки. Держался с гостем подчеркнуто доброжелательно. Эмоции не должны брать верх над разумом. Особенно в преддверии столь важных переговоров. Правда, в разговорах со своими он подчеркивал, что в проявленной им задиристости есть своя положительная сторона: «Пусть президент знает, с кем ему предстоит иметь дело».

Теперь связанные с выставкой мероприятия, встречи, беседы наполнялись новым содержанием. Каждый жест рассматривался в свете предстоящей встречи в США. Будущие партнеры приглядывались, примеривались друг к другу.

На выходной отец отвез Никсона на гостевую дачу Ново-Огарево в Усово. С утра предупредил, что обедать домой не вернется, целый день проведет с гостем.

На встрече отец был сама любезность: они гуляли, катались по Москве-реке на катерах. Завидев группки людей на берегу, отец увлекал к ним своего гостя, представлял его и призывал убедиться, что в нашей стране живут свободные люди, а не «рабы коммунизма».

Никсона встречали тепло, жали руки, вспоминали о совместной войне с фашизмом. Такая встреча стала сюрпризом не только для гостей, мы сами еще год назад не могли себе даже представить подобного.

Гостю показали все, что он пожелал, кроме ракетных позиций. Показывать пока было нечего.

Когда американцы предложили свозить Козлова на свой ракетный полигон, мыс Канаверал во Флориде, отец посоветовал ему вежливо отказаться.

— Они это делают для того, чтобы потребовать взаимности. Мы им ничего показать не можем, и ему там нечего делать, — подвел он итог обсуждению шифровки из США, в которой запрашивались инструкции.

Отец оказался прав. Никсон вцепился как клещ, проявлял недипломатическую настойчивость в желании взглянуть на ракеты.

Как-то в разговоре Никсон стал выспрашивать отца, какое мы применяем ракетное топливо. Отец ушел от ответа. Когда он рассказывал об этом случае дома, то даже вспылил: «Не вице-президент, а шпион какой-то. Как он не понимает, что выведыванием подобной информации должны заниматься соответствующие службы, это недостойно государственного деятеля его ранга. Он же не в ЦРУ работает».

Никсону так и не удалось увидеть наше «ракетное чудо». Его только поддразнили сообщением в газетах о запуске накануне его приезда высотных геофизических ракет с собачками на борту.

Переговоров по существу практически не велось. В беседах на даче отец стращал гостя ракетами, а Никсон пытался выторговать уступки в Берлине.

Отпуск, сначала в Крыму, затем на Кавказе, отец провел в подготовке к поездке. Громыко курсировал из Москвы на побережье Черного моря и обратно. Одно за другим собирались совещания. В ведомствах на Лубянской и Смоленской площадях готовили обстоятельные справки и в тщательно засургученных пакетах отправлялись отцу.

Тут же, на пляже, помощники отца, усиленные пишущей братией из центральных газет, готовили болванки речей по случаю прибытия и отъезда, на завтраках и ланчах, перед деловыми людьми и журналистами. Подобная суета сопровождает подготовку любого государственного визита.

Как построить разговор с президентом? Где можно уступить? А где следует проявить твердость? На эти вопросы отцу предстояло ответить самому. О будущих переговорах отец думал постоянно: греясь на пляже и плавая в море на надувной камере, а более всего во время вечерних прогулок по ливадийской Царской тропе, проложенной еще во времена Александра III.

Вернувшись с прогулки, он вызывал стенографисток, и начиналась работа. Так постепенно формировалась позиция отца. Он считал, что прежде всего необходимо дать понять, что мы никому не позволим собой понукать, не дадим сесть себе на шею. С другой стороны, отцу хотелось попытаться найти, исходя из принципа мирного сосуществования, подходы к решению спорных вопросов. Он понимал, как трудно совместить эти два тезиса, но с первых шагов хотел обозначить границы, отступить за которые ему не позволяют наши принципы и государственные интересы. Четкость, проявленная сегодня, облегчит достижение конструктивных решений завтра.

Как бы не выглядеть на переговорах мягкотелыми — об этом заботились и за океаном…

Отец при подготовке к поездке в США снова погрузился в изучение тонкостей протокола, ему опять мерещились намерения унизить нашу страну и его представителя. Он докапывался до каждой мелочи, то и дело запрашивал посольство. Стал придирчив до мнительности.

Он считал, и не без основания, что эти «капиталисты и аристократы» смотрят на него, бывшего рабочего, сверху вниз, снисходительно, только в силу крайней нужды опускаясь до того, чтобы сесть с ним за один стол.

«Договорились о сроках и о процедуре, — вспоминает отец в своих мемуарах. — Мы несколько беспокоились, какая будет церемония встречи, не будет ли какой-нибудь дискриминации. Того, что положено для главы правительства, они могли подчеркнуто не сделать. В какой-то степени они так и поступили… На каком уровне они нас приглашали? На уровне главы правительства или главы государства?

Они подчеркнули нашему послу, что на уровне главы правительства. Это соответствовало моему рангу… Разговор шел о том, что в ответ на мой приезд в Вашингтон Эйзенхауэр потом примет приглашение и приедет к нам. Мы дали указание нашему послу, чтобы, разрабатывая процедуру и церемонию приема делегации СССР, он… предупредил бы, что такая же церемония будет устроена и для Эйзенхауэра.

Правда, если скрупулезно разобраться, то наши претензии были несколько преувеличены. Но мы все-таки хотели это подчеркнуть для того, чтобы исключить всякую дискриминацию. Мы знали, желания у них к этому были, а искушения — еще больше, чем желания…»

В одном из документов упоминались переговоры с президентом Дуайтом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Отец понятия не имел, что такое Кэмп-Дэвид, и очень забеспокоился.

Мне запомнился этот день. Работали, усевшись кружком под полотняными тентами на пляже. Программу пребывания читал прилетевший из Москвы Громыко. Услышав незнакомое название, отец врастяжку повторил его: «К-э-эмп Дэвид?… Что это такое?»

Присутствующие молчали, только Андрей Андреевич неуверенно произнес:

— Лагерь Давида…

— И что это за лагерь? — настаивал отец. Его интересовало все: где это место расположено, почему переговоры должны вестись в каком-то лагере, а не в Вашингтоне, в столице.

Никто из присутствующих ответить не смог. Позвонили в Москву, в МИДе информация о Кэмп-Дэвиде отсутствовала. Пришлось запрашивать Вашингтон.

«Сейчас мне смешно и немножко стыдновато, — признавался задним числом отец, — разобрались, что это загородная резиденция президента… Вот видите, как мы боялись, что нас могут унизить».

Получив разъяснения, отец успокоился, но этот эпизод навсегда засел в его памяти как пример того, насколько мы плохо знаем друг друга. А ведь именно на основе этого знания или незнания принимаются решения, изменяющие судьбы мира.

Лететь в Америку отец хотел только на Ту-114. Другим самолетам по пути приходилось останавливаться для заправки, а этот мог проделать весь путь без посадок.

Самолет еще не закончил всех испытаний. Только в конце мая он совершил свой первый дальний перелет до Хабаровска. После полета в деталях двигателя обнаружили микротрещины.

Отца отговаривали все: коллеги по Президиуму ЦК, Малиновский, его пилот Цыбин, но он стоял на своем. Он не раз возвращался к триумфу Ту-104 в Великобритании. Теперь он рассчитывал на повторение триумфа за океаном. Правда, в тот раз по тем же причинам незавершенности испытаний ему не удалось стать одним из первых пассажиров. Теперь он твердо намеревался взять реванш.

Отец пригласил к себе Туполева и стал допытываться у него, насколько безопасен полет на новом лайнере.

Согласно закону, Туполев обязан был отказать. То есть поступить так же, как и в 1956 году, когда он категорически запретил отцу лететь на Ту-104. До подписания сертификата полеты пассажиров по правилам и нашим, и международным недопустимы. На испытаниях случается всякое. И не только на испытаниях. В проверенной тысячу раз конструкции вдруг вылезают дефекты, влекущие за собой гибель машины, смерть людей. После приема в эксплуатацию за подобные происшествия ответ несут подписавшие акт приемки, а сейчас решать предстояло ему одному.

Но теперь это был другой Туполев, былой, оставшийся от сталинских лагерей страх уже не сковывал его волю. К Туполеву вернулась его легендарная привычка брать всю ответственность на себя, не оглядываться на инстанции, руководствоваться не предписаниями, а своими знаниями, опытом, наконец, своей интуицией. Он дал «добро», гарантировал безопасность перелета.

Прощаясь, Туполев пошутил: «Чтобы вам чувствовать себя спокойно, возьмите в поездку моего сына Алешу». Алексей Туполев, сам авиаконструктор, тогда работал его заместителем. Отец рассмеялся: «Будь по-вашему, в Англию мы ездили вместе с вами, а в Америку полетим с вашим сыном». Так в делегации

стало на одного члена больше. Однако отец не стал первым государственным деятелем, опробовавшим Ту-114. Его опередил Козлов. На Ту-114 он полетел открывать советскую выставку в США. Сам он предпочел бы неудобство промежуточных посадок на испытанном Ил-18, но снова настоял отец. Он внимательно следил, какую реакцию в американской прессе вызовет появление воздушного гиганта, и по-детски радовался — в аэропорту не нашлось трапа подходящей высоты.

— Вот какие мы! Знай наших, — восхищался отец.

Окружающие дружно поддакивали, выискивали свежие, незатертые слова в превосходных степенях.

Никто не пояснил отцу, что такая длинноногость — вынужденная дань безобразию, творящемуся на земле. Конструкторы стремились убрать моторы повыше, подальше от мусора, камней и иной дряни, которой не должно быть на взлетной полосе, но которая всегда там оказывалась. Гигантские пылесосы двигателей всасывали в себя все, что попадалось; если влетит в заборник камень потверже, то не исключено, что вывалится он через сопло вместе с тем, что останется от лопаток турбин. У Ту-114 добавляли высоту еще и гигантские лопасти винтов. Так он стал самым высоким самолетом в мире.

Я тоже не хотел разочаровывать отца. Он так по-детски радовался, что мне стало жаль лишать его этого удовольствия.

Отец сказал, что возьмет меня с собой. После Великобритании мне вторично предстояло попасть «туда». И не просто за границу, а в Америку, страну, по нашим представлениям, фантастическую, вызывавшую все прошедшие годы замирание сердца от любопытства: что это такое? И вот теперь мне предстояло увидеть все своими глазами.

Вылетели мы в семь часов утра 15 сентября. Так диктовал вступивший в свои права дипломатический протокол. Ровно в двенадцать на авиабазе Эндрюс близ Вашингтона нас должен встретить президент США Дуайт Эйзенхауэр, а следом пойдет круговерть расписанных по минутам встреч, приемов, интервью. Отец особо отмечал, что для Ту-114 аэропорт Вашингтона оказался тесноват, его взлетно-посадочной полосы не хватало для приземления нашего гиганта. Вывод делался однозначный — и тут мы их обходим, пусть позавидуют. На этот раз я был полностью солидарен с отцом.

Летели долго, полсуток, ели, спали, снова ели. Отец читал свои бумаги, с удовольствием обменивался телеграммами с премьер-министрами проплывающих внизу государств, а их набиралось изрядно, ведь мы облетели полмира.

В середине салона, там, где крылья крепятся к фюзеляжу, в

специально выгороженном закутке сидели несколько человек, не имеющих отношения ни к делегации, ни к экипажу. В течение всего полета целая команда двигателистов, откомандированных куйбышевским главным конструктором Николаем Дмитриевичем Кузнецовым, с помощью каких-то трубочек, напоминающих фонендоскоп, вслушивались в равномерный гул моторов. Перед ними россыпью зеленых огней светились замысловатые пульты и стенды. У каждой кнопки, каждого тумблера бугрились две лампочки — зеленая и красная. Красные не горели, маленькие кружочки успокаивали своей чернотой. Рядом ободряюще светил зеленый. И тем не менее само присутствие этих людей, их столь непривычная для пассажирского салона аппаратура вселяли тревогу. Магнитом притягивали взгляд их ящики, не появились ли красные точки. Из головы не шли проклятые микротрещины.

Необычный полет через океан на опытном самолете вызвал тревогу не только у пассажиров. Загодя службы безопасности приняли все доступные меры. Договорились с военными моряками, их корабли в случае аварии немедленно придут на помощь. Но где эти корабли в бескрайнем океане? Одна-две подводные лодки, надводный флот держался у своих берегов. КГБ хотел было направить в Атлантический океан специальную экспедицию, расставить крейсеры и эсминцы редкой цепочкой вдоль трассы полета, но, когда пришли к отцу, — без его разрешения на подобную акцию никто не решался, — он категорически запретил. Это впустую выброшенные деньги, считал отец, в случае аварии никого они не найдут, да и искать, наверное, будет некого, а потратим миллионы, да еще позора не оберемся. Всю эту затею американские журналисты не преминут красочно расписать в газетах. Уговорили его на паллиатив, дали указание нашим грузовым судам, следующим через Атлантику, и рыбакам, ведущим там промысел, на случай аварии держать постоянную связь с самолетом. Летчикам в случае вынужденной посадки предписывалось тянуть к ближайшему судну. Отец не возражал, но предупредил: людей от работы не отрывать, маршруты судов не менять.

В действительности рыбаков сорвали с лова, из них вместе с сухогрузами и танкерами все-таки выстроили цепочку от Исландии до Нью-Йорка.

К счастью, тщательно разработанную на бумаге схему опробовать не пришлось.

Встреча в Вашингтоне развеяла опасения отца. Его ожидал красный ковер, толпы встречающих, сонмища журналистов и даже президентский артиллерийский салют в двадцать один залп.

И главное — сам президент США Дуайт Эйзенхауэр приветствовал его у трапа. Я не стану расписывать все приемы и встречи, этому посвящены специальные отчеты. Остановлюсь только на некоторых эпизодах — порой значительных, а порой мелких, но показавшихся мне заслуживающими внимания. На военно-воздушной базе Эндрюс мы расставались с нашим Ту-114. По стране отцу предстояло путешествовать на президентском «Боинге-707». Так договорились заранее, и не без труда. Хозяева держались твердо, советский самолет не должен появляться в небе США. Они до смерти боялись фотоаппаратов, якобы упрятанных в фюзеляжах Ту-114. С их помощью, считали мудрецы из ЦРУ, русские смогут точно привязать цели для своих ракет, даже если они не пролетят впрямую над нужными районами.

Теоретически их правота не вызывает сомнений. Другое дело — практически. Насколько я знаю, подобного оборудования на самолет устанавливать не предполагалось, да и возможности такой не существовало. Самолет-то опытный, а тут предстояло проделать новые дырки в фюзеляже, да еще замаскировать их от цепкого взгляда профессионалов. И не думаю, что отец мог согласиться на такое: если узнают, что Председатель Совета министров занимается шпионажем, не только позора не оберешься, но и все многолетние усилия по наведению мостов пойдут насмарку.

Наши не соглашались с американцами: как они обеспечат безопасность на чужом самолете? А если коварные хозяева решат его взорвать в воздухе? Или придумают еще какую пакость? Переговоры зашли в тупик. Обратились к отцу. Он отрезал: «Не выдумывайте, соглашайтесь. Разве они ненормальные? Кто решится устраивать катастрофу во время визита? — отец на минуту задумался и уже иным тоном добавил: — А впрочем… Но от всего не убережешься. Тогда проще вообще никуда не ездить, дома сидеть, как Сталин, — и снова резко: — Соглашайтесь».

Американцы потребовали, чтобы из Москвы на Ту-114 нас сопровождали их штурманы, вернее, один из США, а другой из Канады, так как маршрут пересекал и ее территорию. В их задачу входило помочь в прокладке маршрута, но главное, приглядеть за советским экипажем, проследить, нет ли на приборной панели каких-то хитрых тумблеров и кнопок. И здесь согласие пришло не сразу. Наши летчики возмутились: «Сами долетим». Они углядели в американском предложении элемент профессионального недоверия. Дипломаты разъясняли: подобная практика не выходит за рамки общепринятого.

Снова обратились к отцу. «Если хотят, пусть летят, — он не раздумывал ни минуты, — заодно полюбуются на наш Ту-114,

убедятся, что наши самолеты не хуже их».

В полете отец демонстрировал доброжелательность. Когда пересекли границу Канады, он пошел к пилотам пожать руку канадскому штурману. Потом все повторилось с американцем. Стороны остались довольны друг другом.

С первых шагов на американской земле отец стал рваться в народ. Одно дело — чопорные дипломаты, министры, банкиры, здесь он чужак, а на улице он рассчитывал найти общий язык с простыми людьми, себя показать и на них посмотреть.

Так происходило не только в Америке. Поступал он так и в Москве, и в других городах нашей страны. Не раз производил подобные эксперименты в зарубежных поездках.

Вот и сейчас, по дороге из аэропорта в резиденцию, он пристально вглядывался в толпы собравшихся встречать его, а может, просто поглазеть на заморскую диковину вашингтонцев. Люди вели себя непривычно индифферентно. Не приветствовали, как это происходило в иных странах, но и не выражали своего неудовольствия. Отец удивился. По приезде в Блейр Хауз, отведенную ему резиденцию напротив Белого дома, стал расспрашивать посольских: что, такая манера поведения здесь принята?

Посол поспешил разоблачить «козни» местной администрации: впереди кортежа по маршруту прошла машина с большим транспарантом, призывающим американцев сохранять выдержку, не проявлять своих эмоций — ни положительных, ни отрицательных.

Хозяева потом извинялись: так они старались предотвратить неприятные инциденты, русских здесь не очень жалуют. Через десятилетия, в 1990 году, тогдашний мэр Сан-Франциско, где отец тоже побывал, мистер Кристофер рассказывал мне, как ему пришлось перед приездом делегации несколько раз выступать с призывами к горожанам проявить лояльность к гостям президента США, не омрачать их пребывание на Западном побережье.

Накануне в Лос-Анджелесе отец просто вышел из себя. Маршрут его следования непредсказуемо менялся, кортеж машин то колесил по окраинам, то вообще сворачивал в сторону от города. Посол доложил, что они следуют совсем не по тем улицам, которые заранее объявили в программе и где их, естественно, ждут люди. Отец набросился на сопровождавшего его Генри Кэбота Лоджа, но тот ничего не мог пояснить, только повторял, что местные власти выбирают путь следования, руководствуясь соображениями безопасности. Отец еле сдержался, только прошипел: «В таком случае лучше вообще никуда не ездить, засесть за стенами гостиницы», но быстро

совладал с собой и, уже улыбаясь, произнес, что он не из трусливых, если мэр Паулсон и Лодж опасаются за свою жизнь, то он может их высадить в безопасном месте. Шутка получилась не очень удачной, повисла в воздухе. Машины, прокрутившись около двух часов по скоростным дорогам, взяли курс на Диснейленд. Отцу говорили, что там собралось особенно много людей. Вдруг на полдороге хозяева снова занервничали. Оказалось, что и в Диснейленд попасть не удастся. Тамошняя толпа настроена враждебно, в проверявшего трассу начальника местной полиции запустили помидором.

— Надеюсь, свежим? — съязвил отец. Он окончательно взъярился и сказал, что поедет один.

Корректный Лодж отпарировал:

— В этом случае правительство штата не может отвечать за безопасность.

Аргумент прозвучал серьезно, и отец сдался. Вечером на приеме он высказал мэру Паулсону все, что думал.

Эпизод с Диснейлендом по неведомым законам человеческой психики высветился ярким пятном, остался практически единственным, что по сей день помнится о днях визита американцам. Легенда повествует, что отцу до смерти хотелось посмотреть на знаменитые аттракционы. А когда его туда не пустили, он до того рассердился, что не смог сдержать своих чувств. Что ж, версия отвечает доброму американскому чувству юмора. Я бы ее принял, если она хотя бы приближалась к действительности. Но отец имел весьма слабое понятие, что это за диснеевская страна и чем она знаменита.

Информацию об инциденте в Лос-Анджелесе президент Эйзенхауэр получил поздно ночью. Несмотря на разницу в часовых поясах (Лос-Анджелес от Вашингтона на три часа), Лодж ежевечерне по телефону докладывал президенту об итогах дня.

На сей раз он не стеснялся в выражениях этот «сукин сын Поулсон» испортил всю обедню, устроил скандал на пустом месте, целый день дразнил, провоцировал Хрущева и, наконец, добился своего тот публично пригрозил прервать визит и прямо отсюда, из Калифорнии, улететь во Владивосток.

Президент и не подозревал, да и никто не подозревал, что Поулсон действовал не по своей инициативе, а выполнял прямое указание его собственного вице-президента.[50] Но это уже совсем другая история, я ее подробно излагаю в «Пенсионере союзного значения» — третьей книге «Трилогии об отце».

Эйзенхауэр расстроился, ссора с отцом, да еще публичная, никак не входила в его планы. Поздно ночью он позвонил мэру Сан-Франциско, уже упомянутому мною Джорджу Кристоферу, и,

посетовав на не в меру ретивого Поулсона, рушащего все внешнеполитические планы Вашингтона, попросил его по возможности выправить положение Кристофер пообещал сделать все возможное.

Он нашел чисто человеческий выход из положения. На вокзале в Сан-Франциско (делегация путешествовала по Калифорнии поездом), немного волнуясь, Кристофер встречал отца Отец вышел из двери вагона на перрон без улыбки, сосредоточенный, мало ли какая неприятность здесь ему уготована Вчера он уже получил впечатляющий урок «американского гостеприимства».

На улыбку протягивавшего ему обе руки Кристофера отец отреагировал кисло Кристофер понял, что выполнять просьбу президента спасти ситуацию будет не так-то просто, и решился на экспромт. Еще не закончив рукопожатие, он стал озираться по сторонам, а потом, наклонившись со своего почти двухметрового роста к отцу, доверительно шепнул «А где же босс?» Отец смотрел на него снизу вверх недоуменно-настороженно «Что еще надумали эти американцы?»

«Мой босс, — Кристофер кивнул на стоящую поблизости женщину с огромным букетом роз, — приготовился к встрече, а ваш босс никак не появится».

Широкой улыбкой Кристофер демонстрировал, что «за пазухой» у него не упрятано ничего, кроме благожелательности Отец тоже заулыбался. Впервые со вчерашнего дня.

«Господин председатель, — Кристофер снова доверительно наклонился к отцу, — мы с вами только притворяемся важными шишками, а сами отлично понимаем, в чьих руках власть».

Отец расплылся в улыбке, он понял, что Кристофер — не Поулсон, и, с удовольствием вступив в игру, тоже заозирался.

Тут в дверях вагона появилась мама. Супруга Кристофера вручила ей букет, о чем-то заговорила. Мама попыталась ответить ей по-английски. Лед окончательно растаял. Дальше шло как по писаному. Кристофер выполнил поручение президента, и, как он мне впоследствии рассказывал, выполнил с охотой, с первой улыбки они с отцом благорасположились друг к другу. Кристофер время от времени посещал Москву, они подолгу беседовали с отцом в Кремле.

В сентябре 1971 года Кристофер в очередной раз приехал в Москву, рассчитывал снова увидеться с отцом, привез сувениры, но опоздал буквально на пару дней 11 сентября отец умер. Из газет Кристофер узнал о постигшем нас горе, неведомыми путями разыскал мой телефон. Мы договорились о встрече на следующий день в его номере в гостинице «Националь».

Последний раз я встретился с 93-летним Джорджем Кристофером в Сан-Франциско, в преддверии празднования наступления третьего тысячелетия. Выглядел он бодро, я бы сказал весело, за ланчем очень подробно, в деталях рассказывал о той памятной встрече с отцом. Именно тогда я узнал о звонке президента Холодная война закончилась, и Кристофер не считал себя обязанным хранить ее тайны.

Маленькая деталь. Едва мы уселись за стол, Кристофер заказал нам обоим по рюмке водки. Я воспринял это как дань моему русскому происхождению. Мы чокнулись за дружбу, ту, что была, и за будущую тоже. Кристофер предложил повторить, я вежливо отказался, посчитав, что он продолжает ублажать мою «русскость». И ошибся.

— Вы как хотите, — сказал хозяин, — а я еще выпью.

И выпил. С удовольствием.

Я еще подивился: все-таки девяносто три года старику.

Через год Кристофера не стало. Его «босс», жена, умерла еще раньше. Жалко, когда уходят такие люди.

В течение всей поездки отец пытался через голову администрации наладить прямой диалог с американцами, чем доставлял обеим сторонам немало хлопот. Отец обижался, подозревал, что между ним и простыми людьми Америки хотят возвести преграду. Порой его опасения имели основания, а иногда он просто не хотел понять, что далеко не все в США готовы ему по-дружески пожать руку. Там же, в Калифорнии, отцу довелось посетить завод компьютеров фирмы IBM в Сан-Хосе. Через тридцать лет Томас Уотсон-младший, в те годы президент компании, рассказал мне: его особенно беспокоило, как бы работавшие на заводе выходцы из Венгрии не устроили гостю «теплый» прием. Пришлось день визита объявить выходным, распустить их по домам. Одновременно ему посоветовали держать себя с отцом поофициальнее и, по возможности, не улыбаться. Мистеру Уотсону не удалось последовать инструкции. «Ваш отец с таким искренним юмором рассказывал разные истории, что удержаться я просто не мог. Губы сами расплылись в улыбке и больше не собрались в предписанную из Вашингтона маску, — вспоминал Том Уотсон и потом добавил: — До встречи с ним я знал только одного человека, который так легко находил нужный тон с любой аудиторией, это был мой отец. Теперь к нему добавился ваш». Из уст Тома Уотсона эти слова прозвучали величайшей похвалой.

Я нашел старую фотографию: с подносами, наполненными нехитрой снедью из кафетерия, бок о бок шествуют низенький,

колобком, отец и худой, долговязым журавлем, Уотсон — оба смеющиеся.

Нужно сказать, в то время не только отец, но и специалисты в нашей стране весьма смутно представляли, что такое IBM. На заводе внимание отца привлекли не компьютеры. Он уделил им приличествующее для воспитанного гостя внимание, не более. Не преминул заметить, что и у нас есть вычислительные машины, не хуже. Хозяин не спорил, только усмехнулся.

Отца потряс кафетерий. В 1959 году в нашей стране еще не додумались до самообслуживания. Отец восхищался полочкой, по которой движется поднос, выставленными на всеобщее обозрение тарелками и блюдцами. Поразили его блестящие пластиковые поверхности столов. Оказались ненужными вечно грязные, в пятнах скатерти.

— Смахнул крошки, протер тряпкой, и все чисто, — восхищался он.

Отец с восторгом прокатил свой поднос вдоль витрин. За ним примерился Громыко. Следом шли остальные члены делегации. Они неуверенно брали подносы, с опаской опускали их на направляющие и потихоньку начинали подталкивать их вперед, каждую секунду ожидая подвоха. Мало кому из них в последние годы доводилось доставлять своими руками пищу от плиты к столу. На то существовали официанты, домработницы, на худой конец, референты.

Неожиданности не заставили себя ждать. В полочке почему-то оставили разрыв, небольшой, в размер подноса. Отец, следуя за Уотсоном, благополучно преодолел его, правда, заметил предательскую преграду в последний момент. За ним перепрыгнул через щель Громыко, а тянущийся за ним министр высшего образования СССР Елютин, зазевавшись, грохнул свой поднос наземь. Происшествие вызвало всеобщее оживление. Отец пошутил, что следует министру потренироваться, совсем его руки отвыкли от работы. Елютин в смущении пытался отряхнуть прилипшую к брюкам капусту.

Вернувшись в Москву, отец потребовал и у нас организовать питание по образцу IBM. Без скатертей, без официантов. Уже одно это нововведение сулило немалую экономию в масштабах страны. Вот только продукты… Их ассортимент пока не мог равняться с американским. Но отец твердо верил: наша возьмет, изобилие не за горами.

Не меньше кафетерия отца поразил супермаркет. Туда мы попали на обратном пути из Сан-Хосе. Трудно сказать, остановился кортеж у его дверей в Стоунтауне, на окраине Сан-Франциско, в соответствии с программой или отец все-таки

проявил «недисциплинированность». В чудом сохранившейся у меня официальной программе визита я такого пункта не обнаружил. И тут отца поразило не столько обилие и разнообразие товаров, к этому за неделю мы уже стали привыкать, сколько отсутствие продавцов. Мы еще не знали слова «самообслуживание», в Союзе все продавалось исключительно из-за прилавков. Вернувшись домой, отец с энтузиазмом стал внедрять и это приметавшееся ему новшество.

Еще одно заокеанское нововведение — автоматические камеры хранения на вокзале. О них в первые дни визита отцу рассказали советские журналисты. Перед посадкой в поезд, которым делегации предстояло проследовать из Вашингтона в Нью-Йорк, отец попросил показать, что это такое. Оказалось очень просто: вместо того чтобы выстаивать очередь в вокзальное багажное отделение с целью сначала сдать кладовщику чемодан, а затем получить его, достаточно отыскать свободную кабинку, они выстроились в зале ожидания наподобие полок в библиотеке, запихнуть в нишу свои вещи, опустить в специальную прорезь монету — и дальше иди гуляй сколько хочешь, вернее за сколько времени ты заплатил. Отец поразился, как это мы до такого не додумались. После визита в США в нашей стране быстро наладили производство багажных ячеек. Теперь уже никто и не припомнит, откуда они к нам пришли.

Из Сан-Франциско отцу предстояло перелететь в Де-Мойн, столицу штата Айова, кукурузную кладовую Соединенных Штатов. Главы государств и правительств этот город обычно не посещают, он лежит в стороне от маршрутов официальных делегаций. Для отца сделали исключение. Здесь жил его давний знакомый, влюбленный в кукурузу миллионер-фермер Росуэлл Гарст. Познакомились они в первые послесталинские годы, не помню точно, в 1954 или 1955-м. Началось все с публикации в айовской газете «Дэ-Мойн реджистер» статьи, призвавшей Советский Союз, вместо того чтобы тратить миллиарды на гонку вооружений, посоревноваться на фермерских и колхозных полях. Победитель докажет преимущество своей социальной системы, мирно высевая в землю кукурузные и пшеничные зерна, а не корежа ее взрывами сверхмощных бомб. Со своей стороны, редактор газеты обещал теплый прием и заверил, что айовцы без утайки поделятся сельскохозяйственными секретами с советскими гостями. Рассчитывал ли редактор, что его послание дойдет до Хрущева, или это был просто журналистский прием, сейчас сказать невозможно. Отец прочитал перевод статьи, опубликованной в американской глубинке, уже на следующий день. Советское посольство, служившие в нем разведчики

выписывали все местные издания, надеясь, и не без оснований, выловить из них крупицы интересующей их информации. Так же поступало и американское посольство в Москве. Правда, не всегда успешно. КГБ прилагал максимум усилий, чтобы не дать им подписаться на местную печать, особенно, на районные газеты, из которых можно было почерпнуть столь ценимые профессионалами подробности.

Отец живо откликнулся на приглашение. Через пару месяцев в Айову отбыла делегация советских ученых во главе с министром сельского хозяйства Владимиром Мацкевичем. По возвращении им предстояло подробно доложить отцу, где кроется секрет американских успехов и как нам обогнать США в производстве продуктов питания.

Американцы встретили Мацкевича и его группу радушно, без устали возили по полям, показывали всё без утайки, снабдили целым ворохом литературы. По возвращении в Москву ученые представили отцу пухлый отчет, при встрече рассказали о невиданных у нас диковинах. Одна из них особенно поразила отца. Хитроумные янки калибруют кукурузные зерна на специальных заводах, высевают в землю только отборные семена, что дает немалую прибавку урожая. Мало того, сеют они не просто кукурузу, а специальные гибридные семена, что еще более повышает урожайность. Правда, рассказывая отцу о гибридах, гости замялись. Эта идея входила в противоречие с утверждениями вновь набиравшего силу и все более поддерживаемого отцом Трофима Лысенко, отдавала «буржуазным идеализмом в биологии», «вейсманизмом-морганизмом». В недавние сталинские времена за подобную «научную ересь» сажали в тюрьму. Теперь дули другие ветры, но докладчик подчеркнул идеологическую невыдержанность гибридизации. Отца мало заинтересовало, противоречат или нет американские гибриды теориям Лысенко. Главное — результат.

Кукуруза, по словам ученых, давала уникальную возможность решить проблему производства мяса в нашей северной заснеженной стране, где выпасать скот на зеленых лугах, в отличие от американского Техаса, Ирландии или Новой Зеландии, можно не десять месяцев, а то и круглый год, а всего три-четыре месяца, по-южнее — до полугода. На остальное время требовалось накопить корм, кормовых единиц, как говорили ученые. Больше всего их содержалось в стеблях, листьях, молодых початках кукурузы, из них получался самый лучший силос, зимняя еда сельскохозяйственной живности. Правда, чтобы вырастить кукурузу, требовалось приложить руки: прорыхлить, прополоть, подкормить. Она требовала внимания весь сезон. Но

другого способа преодолеть постоянную нехватку продуктов отец не видел. Купить мясо было не у кого, торговлю с Западом наглухо перекрывал «железный занавес». Гибридная кукуруза представлялась отцу той магической ниточкой, потянув за которую, удастся разрешить продовольственную проблему, вдоволь накормить народ.

В России до сих пор при упоминании имени отца тут же вспоминают о кукурузе, а следом — и об американском штате Айова.

Гарст, как и отец, терпеть не мог протокола. Ему хотелось обстоятельно показать гостю свои поля, ферму, калибровочный завод, позволяющий из океана кукурузных зерен отбирать на семена лучшие из лучших. А тут сплошные ограничения — туда нельзя, сюда не ступи, стаи журналистов вокруг. Фермер предложил отцу сбежать. Он приедет за ним на своей машине на рассвете. Гарст знал, что отец встает рано. Они, пока вся эта свора спит, смогут обстоятельно осмотреть хозяйство.

Отец на секунду представил себе, какой переполох в обеих странах вызовет исчезновение даже на непродолжительное время Председателя Совета министров СССР. Не скрою, его подмывало включиться в игру, принять предложение, но… Выехал он согласно расписанию в девять утра 23 сентября. На своей ферме Гарст весь день боролся с вездесущими репортерами, отбивался от них кукурузными початками, швырял в них навозом и даже грозил выпустить свирепого быка. Чем больше он распалялся, тем больше доставлял удовольствия своим недругам, в газетах информация расцвечивалась сочными деталями, а о фотографиях нечего и говорить. Они обошли весь мир. Возможно, Гарст и подыгрывал, такую рекламу удается сделать не каждый день. Но это неважно, главное — день прошел удачно и Гарст и отец остались довольны. Отец не раз вспоминал об американском фермере. Приводил его в пример нашим сельскохозяйственникам. Он с сыновьями производил продукции больше, чем наш колхоз.

Накануне, вечером 22 сентября, отец посетил в Де-Мойне мясоперерабатывающий завод. Побывал он и в колбасном цехе, на автоматической линии, набивающей сосиски. Отведав, отец похвалил продукцию, правда, пообещал вскоре превзойти хозяев. К слову помянул, что недавно видел, как на одном из заводов у нас вот так же на потоке выпускают ракеты. Слушатели пропустили шпильку мимо ушей, их сферу интересов ракеты не затрагивали. Только переводчик Госдепартамента мистер Акаловский записал слова отца в свою книжку. В его задачу входило скрупулезно фиксировать все, что говорит отец. Для

домашнего анализа.

Сейчас эти записи рассекречены и с ними можно ознакомиться. Чего там только нет! И рассказ отца, случайно обратившего внимание в бухте Золотой Рог на авианосец, о том, что мы отказываемся от надводного флота, потому что ему не устоять против запускаемых с подводных лодок ракет. И его замечание об уязвимости современных бомбардировщиков. И упоминание о нашем лайнере Ан-10, способном с сотней пассажиров на борту приземлиться на необорудованных аэродромах. И еще многое, многое другое.

В одном из отчетов есть упоминание и обо мне. Акаловский пишет, что в момент посадки на аэродроме Де-Мойна сын премьера снял кинокамерой реактивные истребители, стоявшие неподалеку от взлетной полосы.

Я вспомнил, был такой грех. Всю поездку я соперничал с профессионалами, снимал на восьмимиллиметровую пленку все, что попадалось на глаза. Получился длинный и скучный фильм, но среди московских знакомых он пользовался успехом, дверь во внешний мир только приоткрывалась, любая информация извне вызывала восторг и удивление.

Правда, на истребители, кроме мистера Акаловского, никто внимания не обратил, хотя я показывал фильм и в челомеевском конструкторском бюро, и еще где-то у авиационщиков. Для специалистов они интереса не представляли, стары.

Я привел этот эпизод не с целью кого-нибудь обидеть или тем более не потому, что обиделся сам. Он просто очень точно отражает ту взаимную настороженность, которая сопутствовала каждому нашему шагу, каждому движению. Нас не оставляли без внимания ни на минуту.

В этой связи вспомнился еще такой эпизод. В первой половине 1959 года первую челомеевскую ракету с раскрывающимся крылом П-5 приняли на вооружение. Делалось это тогда постановлением правительства, в котором подробно расписывалось, где и как ее производить, хранить, кому поставлять. В самом конце следовали «пряники»: ордена, медали, премии. Все это, естественно, «секретно», чаще «совершенно секретно», «особой важности». Владимир Николаевич стал Героем Социалистического Труда и лауреатом Ленинской премии. С ним премию получили еще одиннадцать работников конструкторского бюро. Нам выделили одну Ленинскую премию, а бывало, что, расщедрившись, за удачную разработку их отстегивали две-три и более. Тогда количество лауреатов-ракетчиков доходило до сотни.

Секретные премии вручали, естественно, отдельно от всех.

Чтобы не рассекречивать столь важные персоны. Нашим лауреатам довелось получать свои медали в зале заседаний Моссовета. Я тоже попал в число приглашенных. Церемония состоялась где-то в июле или в августе. Листок-приглашение, смахивающий на повестку из военкомата, после получения пропуска я, сложив вчетверо, сунул в нагрудный карман своего единственного черного парадного костюма. И забыл о нем.

В Вашингтоне я зачем-то полез в карман и обнаружил несекретный, но уличающий меня в нарушении порядка документ. Сначала хотел его порвать и выкинуть, но потом не решился, из детективов я знал, что даже сгоревшую бумагу специалисты легко читают. Повертел, повертел я этот листочек в руках и сунул в карман на старое место. И… конечно, в суете снова о нем забыл. Вторично листок-приглашение всплыл в моей памяти в Нью-Йорке. Перед очередным приемом горничная забрала костюм погладить. Получив его обратно, я машинально обшарил карманы. Что-то мне показалось не так. Но что? Карманы, естественно, пусты. Только на следующий день я догадался об источнике своего беспокойства — приглашение исчезло.

Я заволновался, но потом успокоил себя: ничего в нем нет интересного. Ни для кого. Отцу о происшествии я не рассказал, а через пару дней и сам снова забыл о нем. Однако случай в нью-йоркском отеле не остался без последствий. Продолжение последовало следующей зимой. Однажды, придя домой, отец хмуро спросил меня, не болтал ли я в Америке чего лишнего. В частности, не рассказывал ли кому о своей работе?

Я искренне возмутился: как такое можно предположить? Не маленький, и инструктаж по соблюдению секретности проходил.

Отец не углублялся в расспросы. Какое-то время он молчал, а потом с неохотой произнес: «Тут поймали американского агента. На допросе он показал, что одним из заданий ему предписывалось узнать, за какую работу Челомей получил Ленинскую премию и что в его конструкторском бюро делает сын Хрущева Сергей».

Отец снова замолчал, разговор не доставлял ему удовольствия. Видимо, в КГБ не захотели сами задать мне вопросы и решили действовать кружным путем, послав донесение о показаниях шпиона отцу.

Меня как током ударило, вспышкой высветило в голове пропавшее приглашение. Пришлось обо всем рассказать отцу. Он еще больше помрачнел, хотя и не придал особого значения пропавшей бумажке. «Впредь веди себя осторожнее», — пробурчал он и больше к этой теме не возвращался ни в тот день, ни в

последующие. Я, чувствуя за собой вину, его тоже не выспрашивал о судьбе чужого разведчика.

Какую роль сыграла пропавшая из моего кармана бумажка, трудно сказать, но мне происшедшее запомнилось на всю жизнь. Сегодня, когда стало известно, как скрупулезно за нами наблюдали, у меня нет сомнения — приглашение, извлеченное горничной из кармана моего пиджака, попало, как говорится, куда следует.

Да что там карманы. Недавно в американских газетах появились еще более пикантные подробности. Канализационную трубу, выходящую из туалета, которым пользовался отец, в соответствии с планом ЦРУ отсоединили от общего коллектора и завернули в расположенный неподалеку строго секретный бункер. В него имели доступ лишь снабженные специальными пропусками сотрудники американской разведки. Там по утрам они тщательно сортировали попадавшие в их руки отходы жизнедеятельности отца и отправляли в строго секретную лабораторию. Результаты анализов засвидетельствовали: отец здоров. Ну, будет об этом. Всякая служба занимается своим делом. Я привел эти детали, желая показать степень напряженности в наших взаимоотношениях во всем, даже в мелочах.

По возвращении в Вашингтон отец с Громыко, предоставив всем остальным полную свободу, отправились в Кэмп-Дэвид на переговоры.

Эйзенхауэр предложил отцу лететь в Кэмп-Дэвид вертолетом: сверху он сможет полюбоваться городом, многорядными шоссе-хайвэями — ими Эйзенхауэр особенно гордился. Сразу после прихода к власти в 1952 году он протолкнул в Конгрессе многомиллионный проект строительства широченных, даже по американским меркам, дорог, соединяющих Восточное, Атлантическое побережье, с Западным, Тихоокеанским. Мыслил он тогда по-генеральски: в случае высадки советских войск (а где они высадятся, он понятия не имел) такие дороги позволят свободно маневрировать, перебрасывать войска через всю страну. Ширину рассчитывали так, чтобы на шоссе могли садиться самолеты.

Русские не высадились в Америке и, как только теперь начинал понимать президент, не собирались высаживаться, но тысячемильные шоссе построили. Они стали основными транспортными артериями страны. Без них современная процветающая Америка просто не состоялась бы. Эйзенхауэр очень гордился своим детищем и по-человечески, и по-президентски, хотел похвалиться перед своим русским гостем.

Однако отец неожиданно заупрямился, предложение лететь на вертолете ему явно пришлось не по душе. Дело в том, что у нас вертолеты считались крайне ненадежным средством передвижения, а полеты на них — весьма рискованными. Не настолько, чтобы не летать вообще, в военном деле их использовали, но о гражданских перевозках не заикались даже сами вертолетостроители. Отец никогда не трусил, война приучила его к каждодневному риску. Она же приучила его не лезть на рожон.

Предложение Эйзенхауэра застало отца врасплох; к тому же, он не исключал и худшего: поднимут американцы его на вертолете, подстроят аварию и упрячут концы в воду. Отец вежливо попытался объяснить президенту, что он бы предпочел машину. Эйзенхауэр, с жаром расписывая красоты, открывающиеся из иллюминаторов вертолета, никак не понимал, почему отец предпочитает застрять в автомобильной пробке.

Препирались они довольно долго. Президент даже недовольно буркнул, что отец, если уже ему так хочется, может ехать на машине, он же сам воспользуется вертолетом и встретит отца в Кэмп-Дэвиде.

— Так вы тоже собираетесь лететь? — удивленно произнес отец.

— Естественно, я же сказал, что хочу показать вам Вашингтон с воздуха, — Эйзенхауэр удивился не меньше отца.

— Тогда полетели, — решительно заявил отец.[51]

Полет на вертолете отцу понравился, а сам вертолет понравился еще больше, особенно огромные, в добрую половину фюзеляжа, окна. Отец просто влюбился в президентский вертолет и даже спросил хозяина, не может ли он купить в Америке парочку? Президент замялся. Тогда Советскому Союзу ничего не продавали, а тут — вертолет! С другой стороны, никакого особого секрета вертолеты в себе не таили. Их делали повсюду в мире, в Советском Союзе тоже, а добрый жест дорогого стоит. Президент ответил «да». За это «да» Эйзенхауэра потом жестоко критиковали в Конгрессе, но он сдержал слово, подписал разрешение на продажу Советскому Союзу двух вертолетов конструкции Игоря Сикорского. Точно таких, на котором они с отцом летали в Кэмп-Дэвид.

По возвращении в Москву отец собрал вертолетчиков и с пристрастием допросил их: как это так, у американцев даже президент летает на вертолете, там это просто транспорт, а у нас это чуть ли не цирковой, рисковый номер? Министр авиации Дементьев стал рассказывать о сложностях в изготовлении редукторов, балансировки лопастей. Отец его не перебивал, но,

когда тот замолк, спросил: «Можете вы сделать вертолет не хуже американского?»

Министр промолчал. Михаил Леонтьевич Миль, вертолетный корифей, ответил: «Могу».

Милевский МИ-4 один в один походил на вертолет Сикорского, однако МИ-4 — не копия американского. Тогда и копировать было не с чего. Просто добротная конструкторская мысль отбирает из множества конструктивных решений наилучшие, и в результате машины, самолеты, вертолеты, танки или грузовики непрофессионалу кажутся близнецами.

В считаные недели Миль вырезал в фюзеляже своего транспортного МИ-4 «американские» обзорные иллюминаторы, установил мягкие кресла, настелил ковры. 11 ноября, через полтора месяца после возвращения отца из США, два милевских вертолета сели на брусчатку Кремля напротив Царь-колокола.

Отец с некоторым изумлением (ведь можем не хуже американцев!) осмотрел вертолет, посидел в кресле и тут же предложил запустить пассажирские вертолеты в производство. Они станут, считал он, незаменимыми: и на крымских и кавказских курортах, и в Сибири с ее бездорожьем.

Дементьев не возражал, но снова заговорил о редукторах, о лопастях. Отец, не дослушав его, обратился к Милю:

— А как вы, конструктор, считаете: можно на вашем вертолете летать? Не поубиваете людей?

— Можно, не поубиваю, — ответил Миль.

— Вот и хорошо, — отозвался отец, — я улетаю в отпуск на пару недель, в Пицунду. По возвращении из аэропорта в Кремль полечу на вертолете.

— Никита Сергеевич, — вмешался, задохнувшись, стоявший неподалеку Литовченко, начальник охраны отца.

— Знаю, что вы скажете, — перебил его отец. И снова обратился к Милю:

— Довезете?

— Довезу, — Миль не сомневался ни в себе, ни в вертолете.

— Вот и хорошо, — подвел итог отец.

27 ноября отец перелетел на вертолете из Внуково в Кремль. На милевском или, по настоянию охраны, на американском, не могу сказать. Вскоре пассажирские МИ-4 с эмблемой «Аэрофлота» появились в Крыму, а затем стали привычным «средством передвижения». Как в Америке.

Продолжение истории с вертолетами мне рассказал Сергей Сикорский, сын конструктора и сам конструктор. Мы с ним подружились уже в 1990-х годах. Оказывается, с продажей двух вертолетов отцу неприятности у Эйзенхауэра не закончились, они

только начинались. Фирма «Боинг» (они делали двухвинтовые, похожие на летающие вагоны, вертолеты) обвинили президента в протекционизме, в покровительстве Сикорскому. Как это он посмел без всякого конкурса разрешить продать СССР вертолеты Сикорского, оставив фирму «Боинг «за бортом?

Назревал скандал. Эйзенхауэр обратился к отцу с предложением купить еще пару вертолетов, теперь уже у «Боинга». Отец с радостью согласился: наши инженеры их досконально исследуют, многому научатся, лучшее скопируют.

29 декабря 1959 года газеты сообщили о пассажирском вертолете конструкции Александра Сергеевича Яковлева. После появления во время войны в Корее двухвинтовых десантных вертолетов Боинга он тоже сконструировал свой «летающий вагон». Теперь, после получения образцов из США, переделал их в пассажирские.

Но «летающие вагоны» в гражданском варианте не прижились ни у нас, ни в Америке.

Отец провел в США пятнадцать дней. По нынешним представлениям, срок для государственного визита огромный. Сегодня отводится день-другой на переговоры, и партнеры разъезжаются. Время дорого. Тогда, в период знакомства, трудно сказать, что оказывалось в конечном счете важнее: переговоры с президентом или постижение незнакомой страны. Ведь каждая поездка в те дни походила на высадку на неизведанную планету. Наши контакты с миром только начинались.

В последний день визита отцу предстояло выступить по телевидению. Об этом еще в Москве рядили по-разному. У отца долго не могло сложиться к этому однозначного отношения. Ему очень хотелось выступить перед американцами, но это автоматически предопределяло ответное появление в следующем году президента США на советском телевидении. Его особенно боялись. Нет, не того, что все слушатели разом сменят свои симпатии. Об этом особенно не задумывались. Официальные инстанции пришли в ужас от одной возможности вещания нашим рупором пропаганды чуждых идей. Узел разрубил отец, сказавший, что если мы не доверяем своему народу, боимся, что он по первому слову американского президента последует за ним, то мы, то есть руководство, ни гроша не стоим и никому не нужны. Не все согласились с отцом, но спорить не стали.

И вот теперь отец готовился, вернее, волновался в ожидании начала передачи. Не по существу, что сказать американцам, отец знал твердо: он скажет о мире, о сосуществовании и, конечно, о преимуществах социализма, о его скором торжестве повсеместно. Отца волновало, как его покажут на экранах телевизоров, не придумают ли какую-нибудь хитроумную пакость. Он держался настороже и наотрез отказался от услуг гримера. По его представлениям, в гриме содержалась некая доля унижения и даже провокации. Потом станут описывать, как советского премьера подмазывали и подкрашивали. Напрасно его убеждали, что под светом юпитеров его лысина и нос начнут блестеть, покраснеют. Отец держался твердо и победил. Уже после передачи он с гордостью рассказывал, как ему удалось отбить все притязания режиссера.

В студию отец уехал один, а мы в Блейр Хаузе в страшном волнении ожидали, когда же он появится на экране в те годы редкого даже в Штатах цветного телевизора. Но все обошлось. Отец сказал все, что хотел и, попрощавшись на ломаном английском, исчез с экрана. Вот только лицо у него казалось неестественно красного цвета, и при каждом движении предательски поблескивала лысина.

Видимо, в США появления отца перед телезрителями опасались не меньше, чем в Кремле Эйзенхауэра. Как только он ушел из кадра, его сменили сразу три комментатора, начавшие разъяснять, опровергать, уточнять.

Отца подобный прием расстроил, но не рассердил. Мы не в стане друзей, чего тут еще следует ожидать? Смеясь, он посоветовал нашим пропагандистам поучиться у американских и учесть преподанный урок на будущее.

Отец остался доволен увиденным в США. Особенно ему понравились люди — их открытость, непосредственность, дружелюбие.

Говорили о многом, в одних вопросах сближение и не намечалось, в других, почти прийдя к согласию, партнеры, как бы испугавшись, отскакивали на исходные позиции. Обе стороны явно опасались верить друг другу. Вот как вспоминает отец.

«Какой же вопрос был у нас главным? Главный вопрос — договориться о разоружении.

Я видел, что Эйзенхауэра это беспокоит, и серьезно беспокоит. Я чувствовал, что он не рисовался, а действительно хотел договориться о том, чтобы не было войны… В переговорах, а вернее, в разговорах он высказывал:

— Господин Хрущев, я военный человек. Я всю свою жизнь нахожусь на военной службе. Я участвовал в войне, но я очень

боюсь войны. Я бы хотел сделать все, чтобы избежать войны. Прежде всего — договориться с вами, это главное…

Я ответил:

— Господин президент, не было бы большего счастья для меня, если бы мы смогли с вами договориться и исключить возможность войны между нашими странами… Но как договориться?

Этот вопрос очень занимал и Эйзенхауэра, и нашу сторону. Это главный вопрос. Остальные, как говорится, производные: как улучшить наши отношения, развить торговлю, экономические, научные, культурные связи.

Мы знали их позицию, они знали нашу. Я не видел, чтобы что-то изменилось в этом вопросе. Я не надеялся, что можно будет договориться.

И та и другая сторона понимала, что надо исключить войну. Конкретный вопрос — запретить термоядерное оружие.

Американская сторона отстаивала позицию установления международного контроля. Тогда на международный контроль мы никак не могли согласиться. Я подчеркиваю — "тогда".

Поэтому мы хотели договориться о прекращении испытаний ядерного оружия, а это мы считали возможным без международного контроля.

Всякий взрыв фиксируется техническими средствами. Обеспечить контроль можно, не устанавливая этой техники на территории другой страны, с собственной территории или территории своих союзников.

Американцы окружили нас своими военными базами. Они, как говорится, всё просматривали и всё прослушивали, так что этот контроль они уже давно установили. Они добивались посылки контролеров, не обязательно из Соединенных Штатов Америки. Был возможен международный контроль. Мы не могли принять международного контроля.

Уже сейчас, когда я нахожусь на пенсии, я этот вопрос тоже обдумывал. Я считаю, что сейчас такой контроль возможен. Он был бы без ущерба для обороны. Сейчас этот контроль был бы взаимным.

Тогда мы значительно отставали в накоплении ядерного оружия. Мы не имели нужного количества носителей ядерного оружия, ракет. Самолетами-бомбардировщиками мы не доставали территории Соединенных Штатов Америки. Мы были слабее.

Мы могли в пух и прах разнести союзников США в Европе и в Азии, но экономический потенциал США для нас, для нашего оружия находился на недосягаемом расстоянии.

Естественно, мы не могли согласиться, потому что контроль

был бы не в нашу пользу. Они просто получили бы возможность арифметически подсчитать и определить, что мы слабы! Именно сейчас для них было бы наиболее выгодно покончить с нами путем войны. Завтра будет уже поздно…

…В поездку мы взяли конкретные предложения: выделить какие-то пограничные районы в Советском Союзе и в западных странах НАТО, в которых можно было бы проводить взаимную проверку, как вести наблюдения с воздуха, так и, по-моему, наземную. Я сейчас не помню районы, но думаю, мы предложили большие территории у наших западных границ. В первую очередь, на собственной нашей территории и, конечно, на территории ГДР, где стояли наши войска».

Первые переговоры президента Эйзенхауэра и отца с высоты наших знаний и опыта, накопленных за прошедшие годы, выглядят по-детски наивными, по-детски прямолинейными, перенасыщенными идеологией и амбициями. И тем не менее, на мой взгляд, эти первые шаги отличались искренностью с обеих сторон. Оба руководителя хотели добиться мира, оба они знали цену войне. Первые шаги потому и первые, что без них невозможны никакие последующие. Наш путь в новый мир начался тогда, пятьдесят с лишним лет назад.

В сентябре 1959 года, готовясь к переговорам с Эйзенхауэром, отец трезво оценивал возможности достижения соглашений. Он не питал особых иллюзий, а потому не испытал и разочарований. Вот что он писал в статье, опубликованной в сентябре в журнале «Форин афферс»: «Главное — это удерживаться на позициях идеологической борьбы, не пуская в ход оружия, для того, чтобы настоять на своем». Это балансирование на грани между идеологической борьбой и мирным сосуществованием серьезно затрудняло достижение соглашений. Но таковы реалии тех лет.

Президенту проблемы казались проще, чем на самом деле, он надеялся, что откровенный обмен мнениями растопит лед. Он недооценил его толщину, наращенную взаимными усилиями за многие годы.

Вернусь к воспоминаниям отца.

«Когда мы стали перебирать вопросы, интересующие и ту и другую стороны, требующие решения, мы натолкнулись на рогатки. Они мешали нашему сближению, но убрать их мы не могли.

Я сразу почувствовал, что Эйзенхауэр обмяк. У него был вид человека, который побывал в проруби: его измочалило, и с него стекала вода. У меня, видимо, вид был также не лучше, чем у Эйзенхауэра. Впрочем, может быть, лучше, потому что у нас не

было иллюзий. Мы не надеялись первой поездкой снести все преграды на пути нашего экономического сближения… с Соединенными Штатами.

Мы хотели себя показать и посмотреть Соединенные Штаты Америки, хотели продемонстрировать свою непреклонную волю: мы не пойдем ни на какие односторонние уступки, которых домогалась Америка. Поэтому обстановка нас огорчила, мы хотели уладить спорные вопросы, но увидели, что условия не созрели… Пришло время обеда… Обед был не торжественным. Атмосфера за столом была такой, как будто в доме лежал тяжелобольной. Такое чувство господствовало с нашей стороны, а больше всего у президента Соединенных Штатов.

Договоренность могла быть, но надо было пойти на реальные и разумные шаги. Договориться, ничего не уступая, получить нужное соглашение — это значит принудить другую сторону к капитуляции. Никаких реальных возможностей у Соединенных Штатов Америки к тому не было.

Пригласив нас, они проявили инициативу, после долголетней идеологической войны, которую мы вели. Это приглашение не давало им надежды принудить нас к капитуляции. Наоборот! Мы укреплялись на своих позициях, мы были неприступны — стояли, как говорится, как гранит.

Одним словом, пообедали мы… Обед был похоронный, невеселый. Не свадебный. Так… контакты. Ни похороны, ни свадьба. Сели в машину. В Вашингтон я возвращался в одной машине с Эйзенхауэром. Я не помню, каким количеством фраз мы обменялись на всем этом пути, очень мало, очень скупо. Разговор не вязался…»

В твердости позиции преуспели обе стороны. Переговоры прошли жестко, бескомпромиссно и… безрезультатно. Разговоры вне протокола происходили совсем иначе. Независимо от темы, они беседовали с симпатией, с добрым юмором. Говорили о разном: о гольфе и отношениях с военными, о президентских бычках и путях сохранения мира, о ковбойских кинофильмах и будущем Европы. Мне особенно запомнились два разговора. Я их читал в записи переводчиков, в Кэмп-Дэвид меня не взяли. Во время одной из прогулок Эйзенхауэр ненадолго замолчал, задумался о чем-то своем, а потом неожиданно спросил отца: как он управляется со своими военными?

Отец насторожился: не секреты ли президент выведывает? Расспрашивал же его недавно в Москве Никсон, вице-президент, о нашем ракетном топливе. От этих американцев всего можно ожидать.

— У меня самого с военными масса проблем, хоть я и

генерал, — Эйзенхауэр, увидев замешательство отца, взял инициативу в свои руки. — Стоит только принять бюджет, как они стучат в дверь и просят дополнительные ассигнования. Я им объясняю: бюджет утвержден, больше денег взять неоткуда. Они же напирают: Советский Союз разрабатывает то-то и то-то, суют под нос донесения разведки, давят: если не дадите денег, пеняйте на себя, по вашей вине они нас разгромят, демократия погибнет. И я даю, нехотя, но даю.

Эйзенхауэр замолчал и с вопрошающей улыбкой посмотрел на отца.

— У меня то же самое, — тоже улыбаясь, отвечал отец, — мои маршалы постоянно напирают на меня: дай то, дай другое, нужны им и новые бомбардировщики, и новые крейсера, и авианосцы, и новые пушки. Я отбиваюсь, объясняю: бюджет сверстан, выделили вам сколько могли. Нужно еще и людей кормить, хлеб растить, дома строить. Они же продолжают грозить, что иначе вы нас разгромите, оккупируете. И все из-за моей недальновидности, скаредности. Приходится и мне платить.

Отец, в свою очередь, замолчал и с интересом ожидал продолжения. Эйзенхауэр молчал.

— Знаете, господин председатель, — снова заговорил он, — а что если нам заключить личное соглашение, не между странами, а между мной и вами, с тем чтобы обуздать наших и ваших военных?

Отец с удивлением посмотрел на президента. Что он, с ума сошел?

— Конечно, это несерьезно, — очень серьезно продолжил Эйзенхауэр, — но очень хотелось бы…

Отец только сочувственно вздохнул… Разговор иссяк.

В 1961 году, покидая навсегда Белый дом, Дуайт Эйзенхауэр предостережет своих сограждан, что нет ничего опаснее попадания реальной власти, контроля над бюджетом в руки военных и военных промышленников, военно-промышленного комплекса. «Случись такое — беды не оберешься, высосут последние соки, по миру пустят. И все ради "защиты национальных интересов"», — этими словами закончил свою речь американский президент.

В другой вечер, тоже на прогулке, отец предложил Эйзенхауэру обменяться списками шпионов, тайных агентов. На сей раз пришла очередь удивляться президенту.

— Чтобы не платить им дважды, — кратко пояснил отец.

— Вы правы, господин председатель, никогда не знаешь, кто из них агент, а кто двойной агент, — Эйзенхауэр понимающе рассмеялся. — Не знаешь, кого раскрыли и «кормят»

профессионально изготовленными «секретами», а кто просто выдумывает небылицы.

Но и это «соглашение» не реализовалось.

Именно это человеческое общение, общие интересы, а вернее, склонности, озабоченность будущим, передаваемым в руки детей и внуков, а не перебранки по поводу выплаты оставшихся от войны долгов за поставки по ленд-лизу, упорное противостояние по германскому вопросу, на мой взгляд, — главный результат визита, открывавший немалые перспективы в будущем.

Президент ожидал, что отец заговорит о полетах У-2 над советской территорией, начнет протестовать. Но отец говорил о чем угодно, только не об этом. Эйзенхауэр решил, что он смирился с неизбежным. Отец же молчал, потому что не желал доставлять удовольствия хозяевам, демонстрируя свою слабость, упрашивая не в меру любопытных соседей «не подглядывать в его спальню», неспособность наказать обидчика. Когда собьем первый У-2, тогда и поговорим на равных, — считал отец.

— Нахалов следует учить кулаком, — уже дома пояснил он свою позицию. — Наш кулак теперь выглядит весьма внушительно. Пусть только сунутся.

Он ошибся. Резкий протест, возможно, заставил бы президента задуматься.

Но отец промолчал.

Снова возродился, правда ненадолго, дух Женевы, только теперь он назывался духом Кэмп-Дэвида. Эти два старых человека, не решив ни одного конкретного вопроса, продвинулись очень далеко в главном — в сфере человеческого, гуманистического понимания друг друга. Тут возникли первые зародыши доверия. Я не верю в потерянные возможности достижения соглашения в те годы. Объективно наши страны еще не созрели. Даже чисто в военном отношении США нависали над нами своей мощью. Они ощущали свою силу, а мы — свою слабость и, сжав зубы, строили ракеты. Договориться можно только на равных.

Начинать следовало с «образа врага». В этом первая попытка, казалось, удалась. Отец произвел на американцев неплохое впечатление. Со своей стороны, отец поверил стремлению президента США к миру, к добрососедским отношениям. Образ махрового поджигателя войны окончательно рассеялся, остался умный, добрый, немного усталый, много повидавший на своем пути человек.

Из бесед с президентом США отец с сожалением сделал вывод о нереальности своих предложений о вольном городе Западном

Берлине. Следовало искать иное решение, иной путь, ведущий к заключению мирного договора без сдачи позиций в Восточной Германии. Расставался со своей идеей он не без сожаления.

«Борьба за мирный договор с двумя Германиями продолжалась, — рассказывал он. — Когда пришел назначенный нами срок заключения мирного договора, мы поняли, что ничего из этого не получится. Мы хотели создать крепкие основы мирного сосуществования, а дело, возможно, шло даже к военному конфликту. Надо сказать, я не ожидал вооруженного столкновения даже в случае одностороннего подписания мирного договора с Германской Демократической Республикой… Смысла не было в одностороннем подписании мирного договора, если мы не хотели обострения отношений с Западом до крайности. Посоветовавшись, мы отложили подписание мирного договора на неопределенное время».

Берлинский кризис, по моему глубокому убеждению, нельзя считать реальным кризисом. Скорее его можно назвать искусной имитацией кризиса. Ни мы, ни американцы не сделали шагов, способных спровоцировать вспышку, конфликт. Ограничились демонстрацией боевых поз, громогласными заявлениями и осмотрительными угрозами. Но если его все-таки считать кризисом, то первый Берлинский кризис закончился в Кемп-Дэвиде. Там из раздувшейся оболочки сепаратного мирного договора аккуратно выпустили газ, она сжалась, опала. Но отец решил ее не выбрасывать, запасливо припрятал, авось пригодится.

Вопрос о вольном городе теперь реанимировался лишь изредка. Отец шутил дома, а потом громогласно объявил, что проблема Западного Берлина для него ассоциируется с хвостом западного кота, случайно попавшего в его руки. В удобный момент за него всегда можно дернуть.

В ГДР главным источником бед оставался недостаток рабочих рук и уход, бегство квалифицированных специалистов. Остановится поток людей, уходящих через Западный Берлин, пройдет немного времени, положение изменится, жизнь станет богаче, и уже жители ФРГ запросятся в ГДР, объяснял отцу Ульбрихт.

Приземлившись 29 сентября в Москве и едва успев переменить рубашку и выступить в Лужниках с отчетом о знаменательной поездке, отец 30 сентября в сопровождении Суслова отбывает в Пекин на празднование десятилетия образования Китайской Народной Республики. Это его последний визит в «братскую» страну. Последняя отчаянная попытка лично

уладить наши отношения, заштопать все более расползающуюся прореху.

Посмею высказать основанное на личных ощущениях предположение, что теплый прием в США, шумный успех, перспектива потепления в мире настраивали отца на несколько эйфорический лад. Ему казалось, что, поговорив с Мао Цзэдуном в Пекине, он сможет снять противоречия. Его постигло горькое разочарование. Окончательно в Москву отец вернулся 11 октября — воспользовался случаем и на обратном пути завернул во Владивосток взглянуть, как идут дела.

На Внуковском аэродроме во время традиционного прощания с экипажем бессменный пилот отца Николай Иванович Цыбин, взяв под козырек, попросил разрешения обратиться. Отец удивился, между ним и Цыбиным давно установились доверительные и даже дружеские отношения. Откуда такая официальность?

Цыбин доложил: недавно закончено строительство нового аэродрома, предназначенного для дислокации авиационной дивизии особого назначения. Он, как ее командир, приглашал отца в удобное время заехать, как он сказал, полюбоваться на аэродром. Отец, не раздумывая, согласился. Экскурсию наметили на ближайшее воскресенье.

До войны, после нескольких нашумевших аварий, Сталин запретил членам Политбюро без его личного согласия подниматься в воздух. «Там слишком опасно, неразумно подвергать риску столь нужных партии и народу руководителей», — заявил он.

С началом войны время спрессовалось, передвижение на поездах оказалось недостаточно быстрым и не столь безопасным. Запрет на полеты сняли. В распоряжение отца прибыл «Дуглас», ДС-3. Его командир, в то время еще совсем молоденький летчик, лихо козырнул: «Самолет прибыл в ваше распоряжение. Командир экипажа подполковник Цыбин». И уже другим тоном, как бы доверительным, закончил: «Какие будут распоряжения?»

С тех пор они летали вместе, отец и его шеф-пилот. В пургу и грозу, под охраной истребителей над линией фронта и после войны на отдых в Крым. Самолет и экипаж принадлежали к сформированной в 1941 году дивизии, в силу специфики получившей наименование «особого назначения». Место ей определили где-то на стыке Военно-воздушных сил и НКВД. Ближе к НКВД — ибо они подбирали людей, раскрепляли экипажи и самолеты, командовали, куда лететь и лететь ли вообще. А главное, скрупулезно копались в анкетах. За ВВС

оставалось поддержание самолетов в рабочем состоянии. Командиром назначили генерала Грачева. Он же числился личным пилотом Сталина. Правда, как рассказывал отец, Сталин не рисковал подниматься в воздух, предпочитал поезд. По фамилии своего командира дивизия получила кличку «Грачевская».

Базировалась дивизия на печальной памяти Ходынском поле, которое с развитием авиации перекрестили в Центральный аэродром. Сейчас он оказался почти в центре города, его летное поле застроено домами. После победы полетов поубавилось. Именитые пассажиры редко покидали Москву. Многие вновь стали отдавать предпочтение поезду. Пилоты скучали. Основным их занятием стала доставка ежедневной почты уезжавшим на отдых к берегам Крыма или Кавказа членам Политбюро. Тихоходные американские грузовики ДС-3, получившие крещение в воздухе в самом начале 30-х годов, постепенно заменялись более современными и комфортабельными Ил-14.

После смерти Сталина Грачева на посту командира дивизии сменил полковник Цыбин. По этому случаю ему присвоили звание генерал-майора. Ил-14 еще какое-то время уживались на Центральном аэродроме, хотя и им стало тесновато, все ближе к летному полю подступали жилые дома. С появлением новых пассажирских лайнеров Ту-104, Ил-18, Ан-10 и, наконец, гиганта Ту-114 потребовалось удлинить взлетную полосу. В Москве это сделать невозможно. Дивизию решили вывести за пределы Москвы. Новое место расположения ей определили вблизи поселка Шереметьево.

Теперь строительство аэродрома первого класса закончили. В одно из октябрьских воскресений сразу после завтрака, забрав с собой детей, отец поехал на новоселье. Из Москвы сначала выбрались на Ленинградское шоссе, а затем свернули направо. Дальше узенькая асфальтированная дорожка петляла между березнячками и осинниками. Вот и конец пути — перед нами настежь распахнутые зеленые металлические ворота, около них вытянувшийся часовой. Рядом Цыбин и еще какие-то офицеры. От ворот в обе стороны, не видно конца, растянулся добротный бетонный забор. Отец велел остановить машину. Вылез, пожал руку Николаю Ивановичу: «Показывайте свое хозяйство, генерал».

Первым делом осмотрели взлетно-посадочную полосу, предмет особой гордости Цыбина. Она действительно получилась на славу: длинная, ровная, густо уставленная по краям разноцветными огнями. А ширина… Казалось, на ней могут разминуться два самолета.

Поле пустовало, самолеты еще не прилетели, ангары тоже не

успели выстроить, только у въезда растянулось приземистое здание казармы, а чуть поодаль двухэтажный домик со стеклянным круглым фонарем на крыше: штаб, командно-диспетчерский пункт и место расположения летного состава.

Николай Иванович подробно рассказывал о своих планах, показывал, где разместятся инженерные службы, где стоянки. Отец слушал невнимательно, озирался по сторонам. Цыбин закончил свой рассказ словами: «А красота здесь какая!» Он широким жестом обвел уходящие к горизонту горящие золотом листвы на неярком осеннем солнышке березки, перемежающиеся мрачно-зелеными елями. В душе Николай Иванович оставался восторженным романтиком.

Мы вышли за ворота, свернули в лесок. Под ногами шуршали опавшие листья. Отец еще немного помолчал, потом поздравил Цыбина с прекрасным аэродромом. Тот расцвел улыбкой на добродушном широком лице. Однако поздравлениями дело не закончилось. «А не слишком ли шикарно для правительства, члены которого летают раз-два и обчелся?» — вдруг спросил отец.

Почуяв подвох, Цыбин стал оправдываться: аэродром построен в соответствии с нормами, отвечает всем требованиям эксплуатации самолетов любых типов, включая и Ту-114.

Отец хитро посмотрел на собеседника и повторил: «Вот я и говорю, хороший аэродром. И вы подтверждаете, что взлетать и садиться тут можно в любую погоду. И такое богатство должно простаивать, дожидаясь, когда у меня или у кого-нибудь из Президиума ЦК возникнет нужда отправиться с визитом? Не экономно». Цыбин повесил голову. По опыту он знал, что такой разговор отец затеял не зря.

«Мне кажется, будет правильно, — продолжал отец, — если мы этот аэродром отдадим Аэрофлоту. Внуково сейчас забито. Тут можно быстро построить необходимые службы, главное сделали, даже дорогу асфальтированную проложили. Кстати, зачем нам вообще держать в ВВС целую дивизию для обслуживания правительства? Это непозволительная роскошь. Давайте мы ее ликвидируем. Ничего не случится, если начальство станет летать на гражданских самолетах. И вы переходите в гражданскую авиацию».

Так, в результате воскресной экскурсии Военно-воздушные силы сократились на одну дивизию, а гражданская авиация приобрела первоклассный аэродром. Цыбин стал заместителем министра и не сожалел о переходе на гражданку. Вот только летать самолетами Аэрофлота отцу не пришлось. В недрах Гражданского воздушного флота создали специальный отряд для обслуживания правительства. Укомплектовали его военными

летчиками.[52]

Отец не ограничился Шереметьевом. Гражданская авиация требовала новых аэродромов, и отцу казалось, что он нашел самый экономный выход из положения.

Вслед за Шереметьевом военные безвозвратно потеряли базу дальней бомбардировочной авиации в Броварах, что под Киевом. Затем пришла очередь сухумского аэродрома ПВО. Всех не упомнишь. Министр обороны слабо протестовал. Отец только посмеивался: богатые должны поделиться с бедными. Теперь, когда он отправлялся в очередную поездку по стране, прежде такие гостеприимные военные летчики принимали все меры, чтобы его самолет не приземлился в их владениях. Эти «волюнтаристские» действия отца не добавили ему симпатий со стороны генералов.

Произведенный в сентябре первый в нашей стране успешный запуск ракеты Р-12 из шахты отец воспринял как свой личный триумф. Тут же принял специальное решение: впредь не принимать на вооружение баллистические ракеты стратегического назначения в наземном варианте, только шахтные. Оформили его постановлением правительства 30 мая I960 года. Полгода понадобилось на утряску деталей.

Однако первый успешный запуск из спешно пробуренной шахты не означал решения проблемы. Продемонстрировали только принципиальную возможность. Поэтому сразу пришлось идти на исключения. Пока и Р-12, и Р-14, и даже Р-16 ставились на земле. Счет их пошел на десятки, перевалил за сотню.

В середине 1963 года Р-16 наконец ушла под землю. Через год за ней последовали и ракеты средней дальности.

Требование обязательного размещения ракеты в шахте создало дополнительные сложности и для Янгеля, и для Королева. Теперь и ядовитые испарения кислоты, и взрывоопасные пары кислорода скапливались в замкнутом подземном колодце. Обострилась проблема герметизации ракет.

В кислотном варианте задача представлялась сложной, но решаемой. А в кислородном…

Отец продолжал сомневаться, что жидкий кислород удастся укротить, но Королев давил: это ему по плечу. Работа над «девяткой» не прекращалась. И так как двигатели для нее сделал все тот же Глушко, Королева все больше угнетала зависимость от «предателя». Королеву очень хотелось заиметь своего двигателиста, не пристраивающегося к двум мамкам сразу. Судьба свела его с Николаем Дмитриевичем Кузнецовым, создателем турбореактивных двигателей для туполевского

бомбардировщика Ту-95 и его пассажирского аналога Ту-114.

Неизведанная ракетная стезя в те годы влекла многих, в том числе и маститых авиационных двигателистов. Поначалу они заводили у себя опытные группы, отделы, а по мере освоения ракетных двигателей начинали приглядываться, с кем вступить в альянс. В их повороте к ракетам немалую роль сыграло предостережение отца — эра военной авиации идет к закату, пора готовиться к замене самолетов ракетами. Пошли разговоры о закрытии конструкторских бюро, их перепрофилировании.

Отца активно поддерживали ракетчики. Особенно старались Королев и Челомей. Они искренне верили сами, готовы были доказывать кому угодно, что их ракеты смогут справиться с любыми задачами.

Устинов занимал тоже крайне решительные позиции. Янгель вел себя более сдержанно. Возражения военных летчиков и авиационных конструкторов на их фоне не доходили до сознания отца.

Даже Туполев, чей авторитет у отца оставался почти непререкаемым, ничего не мог поделать. Я не могу ничего сказать об официальных встречах, но на даче я был свидетелем подобных разговоров. Они оба любили такие встречи, когда, беседуя как бы ни о чем, без регламента, можно затрагивать любые темы. На сей раз отец отшучивался, уходил от прямого ответа, не желая обижать старика. Андрей Николаевич сам любил и умел пошутить, мастерски превращал в шутку любую серьезную проблему, а потом, как фокусник, возвращал ее обратно уже решенной. Но тут отца ни переубедить, ни перешутить не удалось. Он соглашался, что с самолета можно выбирать цели, вести прицельное бомбометание, оценивать достигнутый успех или промах, исправлять огрехи. Со всем этим он соглашался. Возражал лишь в одном. «Главный наш противник — Соединенные Штаты Америки. Как бомбардировщик сможет поразить цели на их территории?»

Ответ известен: никак. Туполеву вновь пришлось произнести роковое слово. Отец облегченно вздохнул. «Вот видите, — он перешел на серьезный тон, — вы предлагаете затратить на бомбардировщики миллиарды и не решить главной задачи. Денег у нас нет, приходится выбирать, кому заплатить. Естественно, мы выбираем ракеты. А у вас полно дел с пассажирскими самолетами. Предлагайте, мы рассмотрим, скупиться не будем».

Пока дальше разговоров отец не шел, но по всему чувствовалось, что решение не за горами. Авиационные конструкторы чувствовали себя сидящими на пороховой бочке.

В 1959 году ядерные взрывы не производились ни в СССР, ни в США, ни в Великобритании. Страны, входившие в ядерный пул, настороженно следили друг за другом, ни на минуту не прекращая своих исследований, конструирования: если одна из них сорвется, нарушит зыбкое равновесие не подкрепленного никакими договорами моратория, то две остальные смогут возобновить свои испытания немедленно.

Наши испытания, проведенные на исходе 1958 года, не решили всех проблем. Наиболее серьезная из них возникла при поездке отца к Янгелю. Под какой заряд рассчитывать Р-16? Использовать только что испытанную для Р-12 мегатонную боеголовку или ориентироваться на перспективную, в два-три раза мощнее?

Ответа на этот вопрос ждали от отца. Кириченко, Брежнев, Устинов, не говоря уже об администраторах рангом пониже: министрах, председателях государственных комитетов, стояли за новый заряд. Они не сомневались в необходимости проведения испытаний, относились к нашим обязательствам прекратить взрывы не более как к политической уловке, бумажке, не способной противостоять требованиям жизни.

Отец принял соломоново решение — ориентироваться на старую боеголовку, но предусмотреть возможность использования вновь разрабатываемой. Занять более жесткую позицию он просто не мог. Американцы связали себя обязательством всего на год, он вскоре истекал. Французы, не успевшие вступить в ядерный клуб, не обращая внимания на развернувшуюся кампанию, готовили свое первое испытание. Оно чрезвычайно беспокоило отца, ведь под французской маркой смогут проводить свои взрывы и американцы. Как их проконтролируешь?

Но пока он держался твердо. И как бы в поддержку слов отца вскоре после совещания у Янгеля, а точнее, 26 июля Государственный департамент США сделал заявление о продлении своего моратория до конца нынешнего года. Шаг невелик, попросту шажок, ведь дело шло о двух месяцах — с 31 октября срок переместился на 31 декабря. Однако отец воспринял сообщение как добрый знак. В Москве немедленно отреагировали: СССР не возобновит испытания, пока западные страны не начнут своих. США держались до 29 декабря, когда практически одновременно с сообщением о достижении договоренности о встрече на высшем уровне в Париже 16 мая 1960 года президент Эйзенхауэр объявил, что с нового года США считают себя свободными от добровольно принятых обязательств по соблюдению моратория на испытание ядерного оружия. О своем решении, о дате начала взрывов они сообщат

заблаговременно.

Отец расценил этот шаг как уступку президента требованиям военных. Однако сам он не последовал примеру американского президента, хотя и Славский, и Устинов предлагали немедленно приступить к подготовке новой серии взрывов. Поколебать отца им пока не удалось.

Не поколебало его и сообщение о взрыве в феврале 1960 года на полигоне в пустыне Сахара первой французской бомбы.

В это время отец находился в Индии с государственным визитом. Я сопровождал его и присутствовал при получении неприятного известия. Из Москвы предлагали однозначно отреагировать на нарушение нашего одностороннего условия о прекращении испытаний: до первого взрыва, произведенного на Западе. Не в США, а на Западе.

Кириченко и Славский считали, можно без всякого ущерба для нашей политики провести хотя бы ограниченную серию взрывов, закончив ее к открытию совещания в Париже. Тем самым наши позиции станут прочнее, и мы на равных или почти на равных сможем говорить с американцами.

Отец не согласился. Аргументы «москвичей» произвели на него обратное впечатление: как можно не понимать, что после первого же взрыва говорить станет не о чем? В военном отношении, по его мнению, пока ничего не изменилось. Просто Франция удовлетворила свои амбиции, став еще одной ядерной державой. Отец верил в искреннее стремление к миру президента США, надеялся на достижение соглашения. Он решил взрыв в Сахаре «не заметить».

С осени 1958 года Королев предпринимал отчаянные усилия закрепить свой приоритет в освоении космоса, стремился первым достичь Луны. Не считаясь с затратами, смертельной усталостью людей, он пускал одну ракету за другой, атаковал в лоб, так же, как маршал Жуков в мае 1945 года бросал на укрепление Зееловских высот дивизию за дивизией, положил тысячи и тысячи солдат с одной целью — первым войти в Берлин, опередить своего левого «соседа» маршала Конева. Не только по своей манере, но и внешне Королев походил на Жукова — я уже упоминал об этом, — такой же невысокий, крепко сбитый, безжалостно-бескомпромиссный в достижении поставленной цели.

Первые три пуска, 23 сентября, 12 октября и 4 декабря 1958 года, закончились неудачей из-за технической неисправности ракеты. Затем 2 января 1959 года подвела система управления, космический аппарат пролетел мимо Луны. Пуск 18 июня 1959 года — снова авария второй ступени ракеты. К сентябрю

изготовили еще две ракеты.

На этот пуск отец возлагал большие надежды. Он даже изменил своему правилу и попросил Королева приурочить его к началу визита в США. При этом отец предупредил: если есть сомнения — не пускать, нельзя осрамиться в такой момент. Королев заверил: конфуза не произойдет.

Сам же он отнюдь не был уверен в успехе, надеялся на свою счастливую звезду. Пуск очередной лунной ракеты, шестой по счету, назначили на 6 сентября. Несмотря на отчаянные усилия стартовой команды, она так и не взлетела — кто-то в спешке забыл пристыковать один из электрических разъемов. Вторая и третья попытки снова закончились неудачей — в трубопроводах жидкого кислорода замерзла неизвестно как попавшая туда вода. В четвертый раз двигатели запустились, но на режим не вышли. Королев решил больше не испытывать судьбу, ракету заменить на запасную. С ней пришла долгожданная удача. 14 сентября советская ракета с вымпелом на борту врезалась в Луну.

Королев подарил отцу копию шарика, которому предстояло при ударе о Луну разлететься дождем сверкающих пятиугольничков, каждый с гербом нашей страны, датой пуска — сентябрь 1959 года и с четырьмя буквами: «СССР». Такой пятиугольничек, впечатанный в синий бархат подложки, хранится у меня как одна из самых дорогих реликвий.

Отец попросил изготовить копию вымпела. Это неплохой сувенир для президента США. Отцу страстно хотелось продемонстрировать главе самого развитого государства возможности нашей технологии. Он все вспоминал, как лесковский Левша поразил хитроумных мудрецов англичан, подковав их собственную механическую блоху.

Сергей Павлович воспринял идею отца с восторгом. Его вымпел в Белом доме! Сказал, что у них в конструкторском бюро изготовлено несколько таких шариков и он немедленно пришлет в Кремль один из них. Отец напомнил: «Вы только проследите, чтобы коробочку сделали поприличнее».

Королев заверил: краснеть не придется.

Краснеть не пришлось. Прибывший 15 сентября в Вашингтон отец, не скрывая торжествующей улыбки, вручил вымпел Дуайту Эйзенхауэру. Фотографии, запечатлевшие знаменательный момент, обошли весь мир.

Я не знаю, как другие, оставшиеся в тени ракетчики, но Челомей отчаянно завидовал Королеву. Нет, он не желал ему зла, Владимиру Николаевичу страстно хотелось самому сделать что-нибудь такое, о чем заговорил бы весь мир. Мне кажется, в этот момент он ощутил, насколько ему тесно в трубе пускового

контейнера подводной лодки. Именно тогда он решил прорваться в космос. Но пока его задумки оставались не более чем мечтой.

Отцу понравилось дарить вымпелы. Он просил Королева сделать ему их еще и еще. Вручал он их во время своих визитов в разные страны: премьер-министру Индии Неру и президенту Франции де Голлю, президенту Индонезии Сукарно и королю Афганистана Захир-шаху. Вручались они и высоким гостям, посещавшим нашу страну.

4 октября 1959 года, сразу после возвращения отца из Китая, в путь отправился третий лунник. Облетев Луну, он сфотографировал ее невидимую сторону.

Наладилось и с военными вариантами «семерки». Испытания, продолжавшиеся чуть больше двух с половиной лет и сопровождавшиеся горечью катастроф и радостью удач, подходили к концу. Оставалось проверить полет на полную дальность. Сделать это, не выходя за границы страны, не представлялось возможным, даже наших пространств оказывалось недостаточно.

Королев решил воспользоваться американским опытом и предложил пустить ракеты в акваторию Тихого океана. Сначала его идея вызвала бурю протестов: совершенно секретное изделие выпустить на неохраняемую территорию, где его могут захватить вражеские агенты!.. Королев заверил: снабдив головную часть средствами подрыва, мы обеспечим требования секретности. По его мнению, другого решения просто не существовало. Нечего впустую тратить время.

Устинов доложил отцу. Он пошел к нему не один, прихватил с собой министра Руднева и, конечно, Королева.

Когда решили вопрос в принципе, то тут же возникла новая проблема: у себя дома время запуска и точку прицеливания мы держали в строгой тайне. А как поступить в данном случае? Решили проконсультироваться в МИДе. Там ответили однозначно: о всякой возможной угрозе мореплаванию в международных водах необходимо заблаговременно известить заинтересованные страны. Но если объявить, то в обозначенный район соберутся разведчики со всего света.

— Может быть, рискнуть? Не предупреждать? — подсказывали отцу Устинов и Руднев.

Отец выслушал их опасения: анализируя огненный след, американцы смогут определить материалы, из которых изготовлена боевая часть, вычислить ошибку попадания и получить массу не предназначенных для них данных, — и не согласился. Он высказался за опубликование предупреждения в печати. Пуски все равно не скроешь, а нарушение международных

правил вызовет кривотолки, трения. А то, что американцы убедятся в наличии у нас ракеты, способной при надобности долететь и до них, даже хорошо.

— Чего вы боитесь, когда говорите, что их разведчики узнают о точности попадания ракеты? — задал отец вопрос Устинову. — Ведь вы докладывали о высокой точности. Или не так?

Устинов подтвердил: точность попадания отличная.

— Вот пусть они сами убедятся, — продолжал отец и добавил: — А как они узнают, куда вы должны попасть? Ведь в океане кол не забьешь.

Королев пояснил: по результатам нескольких пусков можно вычислить точку прицеливания.

— Вот пусть они и вычисляют, — подвел итог обсуждению отец.

10 января в газетах появилось сообщение о том, что МИД СССР направил по дипломатическим каналам правительствам всех стран заявление ТАСС от 8 января 1960 года о предстоящем в соответствии с планами научно-исследовательских работ пуске ракеты в центральную часть Тихого океана.

Через десять дней в «Правде» появилась информация об успешном завершении испытаний. Сообщалось не о боевых головках, а о мифической последней ступени ракеты, специально приспособленной к прохождению плотных слоев атмосферы и потому благополучно достигшей заданного района.

При очередной встрече Королев рассказал отцу подробности необычных испытаний. Как и ожидалось, незваных зрителей набралось изрядно. Американские суда, принадлежавшие, видимо, ЦРУ, настолько тесно окружили три наших корабля, осуществлявших наблюдение, что пришлось их уговаривать отойти на расстояние, гарантирующее от столкновений. Головки приводнились где следовало, ничего недозволенного в чужие руки не попало. Королев отметил: американцы вели себя корректно, завладеть нашим имуществом не пытались.

— Вот и хорошо, что мы объявили на весь свет. Никто не усомнится в том, что у нас есть чем доставить водородную бомбу в любую точку земного шара, проучить агрессора, — непривычно патетически провозгласил отец.

20 января 1960 года межконтинентальную баллистическую ракету Р-7 официально приняли на вооружение Ракетных войск стратегического назначения.

Теперь отец все свои надежды связывал с ожидаемой встречей в верхах, а еще больше с визитом президента Эйзенхауэра в Советский Союз. Ему готовился особенно теплый прием.

Отец как только мог демонстрировал желание договориться. Конечно, не поступаясь принципами. Со страниц газет исчезли решительные заявления, угрозы, обвинения. Впрочем, не совсем: перепалка по Берлину продолжалась, но без былого задора и злости.

Газета «Правда» начала печатать отрывки из книги еще совсем недавно числившегося в поджигателях войны Аверелла Гарримана. 15 января I960 года сессия Верховного Совета СССР заявила, что она рассматривает разоружение как единственный путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами. Отец предложил провести новое, четвертое по счету сокращение наших вооруженных сил на 1 миллион 200 тысяч человек. Суммарное сокращение за эти годы составляло около 3,5 миллионов человек. В вооруженных силах оставалось 2 миллиона 423 тысячи человек.

Я попытался скрупулезно просуммировать все сокращения вооруженных сил, начиная с 1953 года. Цифры не совпали. Видимо, не все планы выполнялись, что-то корректировалось по ходу дела. Но тенденция сохранялась, армия неуклонно и быстро уменьшалась.

18 января «Правда» сообщила, что визит президента США Дуайта Эйзенхауэра в нашу страну состоится в июне 1960 года, с 10-го по 20-е. В Москве ощущалось приподнятое настроение. Такое, как бывает в доме в ожидании желанного и дорогого гостя. Город прибирали, подмазывали, в общем, готовились.

Насколько трудно у отца выпросить деньги на строительство чего-нибудь, кроме жилья, знали все. О строительстве административных зданий или привилегированных жилых домов для работников аппарата в те годы никто и не заикался. Такое предложение наверняка бы стоило инициатору должности. Если же, воспользовавшись отсутствием отца, кому-то и удавалось протащить подобное решение, то не дай бог стройке попасться ему на глаза. Запрет накладывался незамедлительно. Такая судьба постигла белокаменное, похожее на торт, здание Совета министров РСФСР на набережной Москвы-реки. Увидев появившиеся из земли стены, отец полюбопытствовал, что тут сооружается. Громадина простояла недостроенной до конца 1964 года. После отставки отца стройку оперативно завершили.

Сейчас же, в преддверии визита, отец без споров дал согласие на строительство специальных вилл в разных районах страны для приема высокого гостя. Одна из них расположилась на живописном берегу прославленного сибирского озера Байкал.

Заботило отца и где организовать доверительные беседы с глазу на глаз, на манер кэмп-дэвидских: на его даче в Горках-9

или в гостевой в Ново-Огареве, где принимали Никсона. Он остановился на втором варианте, в Горках-9 не удавалось обеспечить привычные для гостей удобства. Ведь там даже туалет приходился один на всех в конце коридора. Там же размещалась и ванна. По американским меркам, так жили только в трущобах.

Я не могу сказать, что отец рассчитывал разрушить в Москве все рогатки, которые не удалось преодолеть в Вашингтоне и Кэмп-Дэвиде. Тем более, что у Эйзенхауэра заканчивался второй президентский срок, приближались выборы. Отец больше рассчитывал заложить прочный фундамент на будущее. Казалось, мир наконец стронулся с мертвой точки. Выставки в наших странах, взаимные визиты и намеченная новая встреча в верхах, казалось, позволяли надеяться на смягчение международного климата, поворот мира к общению, соглашениям, а по мере возникновения взаимного доверия — к необратимым переменам. Тут очень важно не оступиться, особенно в начале пути, когда нервы на пределе. Один неверный или неверно истолкованный шаг — и все труды пойдут прахом.

Первую половину 1960 года переполнили различные международные контакты, встречи, визиты. Как плотина прорвалась. Отец крутился как белка в колесе.

В начале февраля в Москве он вел переговоры с Джованни Гронки, президентом Итальянской республики. Проходили они тепло, без напряжения. В выходной день отец пригласил гостей к себе на дачу. Гуляли по зимнему подмосковному лесу, играли в снежки. Казалось, заехали на денек добрые знакомые. Серьезные разговоры перемежались пустяками, супруга президента смутила отца неожиданным вопросом, спросила: где он шьет свои костюмы?

Отец не раз читал в переводах из иностранной печати критические замечания о своей одежде, о ней отзывались как о мешковатой, небрежно сшитой. Он никогда не франтил, даже в молодости; шиком тех послереволюционных лет считалось отсутствие внимания к своему внешнему виду. И сейчас он не уделял особого внимания портным, но подобные высказывания задевали его самолюбие. Свои костюмы, как и другие члены Президиума ЦК, он заказывал в специальной пошивочной мастерской, принадлежащей КГБ. Портные там старались как могли, особенно после того, как отец побурчал по поводу оценки результатов их деятельности в иностранной прессе. Из-за всех этих мелких неурядиц вопрос о костюме одновременно задел и смутил его. Он только пробормотал в ответ: «Здесь шьют, в Москве. Есть одна мастерская. А что?»

— Очень хорошо сидит. Я думала, вы заказывали его за

границей. Крой похож на итальянский. Вот я и подумала, не из Италии ли он? У нас очень хорошие портные, — щебетала гостья.

Она еще некоторое время поболтала о костюмах, о портных, о том, какие чудесные мастера в Италии. Отец ее слушал не перебивая. Я про себя посмеивался. Отец не терпел разговоры о тряпках, считал их обывательскими. Мог и оборвать собеседника. Сейчас он сохранял на лице гостеприимную улыбку. Возможно, после прогулки с семьей итальянского президента и пошла гулять по свету байка о том, что отец заказывает себе одежду исключительно у итальянских мастеров.

В феврале — марте отец посетил Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан, Францию. Везде он говорил о мире, о разоружении, о мирном сосуществовании. Особое значение он придавал переговорам с генералом де Голлем. Раньше они практически не встречались.

Отец считал: сложившаяся в мире обстановка позволяла надеяться на успех совещания в верхах. Если, конечно, ничего не случится. А что могло произойти? Хотя трудности в отношениях между странами сохраняются немалые, их с маху не решишь, но не следует бояться начать. Отец с оптимизмом смотрел в будущее.

В конструкторском бюро Челомея весь 1959 год прошел в напряженной работе. Первую крылатую ракету, наконец-то сданную на вооружение, устанавливали на переоборудованные дизельные подводные лодки. Спускали на воду новые, современные, с атомными двигателями.

Успех, в сочетании с поддержкой со стороны отца, подстегнули Челомея; и без того охочий до работы, он не покидал своего кабинета до поздней ночи, не давал разогнуться и другим.

Работа над крылатой ракетой не останавливалась ни на минуту. П-5 поступила на вооружение, но сколько еще предстояло сделать: повысить точность, научить ее стартовать из-под воды, прижать пониже к поверхности моря, чтобы не попала до времени в луч локатора. А если впереди крутые береговые обрывы? Их надо облететь, но не отрываясь от поверхности земли более чем на несколько десятков метров. Новая задача — и ищутся новые решения, перебираются варианты. Наконец, вот он — ответ, догадка, озарение. И снова загадки. И снова поиск ответа.

А как решить проблему поражения надводных кораблей? Их надо найти в океане, обмануть бдительных стражей, рыскающих в радиусе многих сотен миль от оберегаемого авианосца, подобраться к вожделенной добыче. Ракета должна уметь многое — выбрать цель, преодолеть яростную атаку противовоздушных

средств и попасть в самую уязвимую точку. Одно перечисление проблем чего стоит! А их предстояло решать, и решать в кратчайшие сроки.

Челомей слал наверх одно за другим предложения, проекты, записки.

В результате сложилась стройная концепция вооружения подводного, а частично и надводного флота, направленного на борьбу с кораблями и портами противника. Для реализации предложений выпускались постановления правительства, в них определялись задания, сроки: что и когда разработать, испытать, внедрить в производство, передать на вооружение.

В 1959 году, ближе к лету, Челомей «заболел» космосом. На Земле ему стало тесно. Морские проблемы отошли на второй план. Челомея влекла пока неизведанная область управляемого полета в космосе. Он мечтал о подчинении траектории своей воле: маневрах, сближениях, облетах, стыковках и расстыковках. Королев к этому «цирку» всерьез не относился.

Весь 1959 год мы прорабатывали варианты, примеривались к новым задачам.

Начали с полетов к иным планетам. Челомей увлекся плазменными двигателями, раскручивающими космический корабль по спирали вокруг Земли до тех пор, пока он не ложился на траекторию к Марсу или Венере.

А вот другая идея, похожая на корабельную: крылатая ракета выпархивала в космос из контейнера, доставленного сквозь атмосферу носителем, и начинала выделывать замысловатые пируэты: ныряя в стратосферу, опираясь крылышками на остатки воздуха, меняя траекторию, а затем, поддав двигателем, устремлялась снова на орбиту. Она могла выполнять задания по разведке, фотографированию или осуществлять космическое прицельное бомбометание.

Но более всего Челомею хотелось построить космический крылатый пилотируемый корабль. Обязательно высокоманевренный. Эта идея не оставляла его до последних дней жизни. Корабль получил название «ракетоплан». Среди военных предложение Челомея не встретило поддержки. Они считали его плодом разгулявшейся фантазии. Деньги на исследования давали скупо, периодически перекрывая финансирование до нуля. Генеральный штаб все оглядывался на то, что делают за океаном. Там с некоторым запозданием по отношению к Челомею объявили об исследовании возможностей создания крылатого космического самолета, получившего название «Дайна Сор». Иногда создавалось ощущение, что нашими работами руководят не с улицы Фрунзе, а из Пентагона.

Урезали ассигнования на «Дайна Сор» — и тут же нам начинали пенять на бесполезную трату денег. Приходила информация о возобновлении интереса у американских военных к этой проблеме — нам подбавляли кислорода.

Из космических мечтаний родились два конкретных проекта.

Предлагалось в ближайшие годы вывести на доступную в то время невысокую орбиту сфазированную систему спутников, способную принимать, обрабатывать и передавать радиолокационную и иную информацию. В процессе работы они по командам с Земли удерживали свой строй, не забегали вперед и не отставали, а по истечении отведенного им срока жизни самостоятельно уходили на высокую орбиту, на космическую свалку. Такая система позволяла постоянно, без пропусков следить за всей поверхностью Земли, сушей и океанами, предупреждать о катастрофах или передвижении воинских соединений и кораблей противника. Это уж как решит заказчик. На Западе он впоследствии получил название RORSAT, у нас — УС (управляемый спутник).

Другой спутник представлялся еще более экзотичным. О возможности стыковки в космосе, способности двух космических аппаратов отыскать друг друга в те годы спорили до хрипоты. Одни верили, другие нет. Челомей относился к тем, кто не только верил, но решил доказать свою веру на деле.

Новый спутник, впоследствии получивший несекретное наименование «Полет», задумывался как космический непоседа. Он должен был научиться изменять свою орбиту на точно дозированные величины, и не только по высоте, что само по себе достаточно трудно, но и по углу; тут необходимо затратить колоссальные усилия, сравнимые с затратами на вывод аппарата на орбиту. Он самостоятельно, пользуясь только подсказками с Земли, находил своего собрата или врага в космосе, опознавал его и сближался на заданное расстояние. О стыковке пока речи не велось. Потом спутники снова расходились, и каждый действовал по своей программе.

Аппарат мог иметь и военное применение. Если в него вложить бомбу, то, подойдя к чужому спутнику, он мог, как камикадзе, уничтожить и себя, и противника. В те годы задача выглядела весьма актуально, спутник в секретных документах и назывался соответственно — истребитель спутников (ИС). Американцы вовсю расписывали свои планы построения целых систем разведывательных спутников, способных полностью контролировать ранее почти недоступную им территорию Советского Союза. Они собирались фотографировать все, что попадется в длиннофокусный объектив фотоаппарата, записывать

радиоизлучения, регистрировать тепловые аномалии. И еще многое другое.

Челомей поставил перед собой задачу: провести первые запуски через два — два с половиной года. Ну а дальше? Челомей продумывал программу на десятилетия. Отработав задачи сближения, причаливания на «Полете», а затем возвращение крылатого «космоплана» с орбиты на Землю, он собирался объединить их возможности. Реальной становилась задача снятия спутников с орбиты и доставки их на Землю, своих — для ремонта, ну а чужих…

Сегодня подобные маневры в порядке вещей.

Возможность появления над нашей территорией американских спутников-разведчиков обеспокоила отца. Сначала самолеты У-2, а теперь новая напасть, уже из космоса. Правда, пока опасность появления соглядатаев на орбите выглядела абстрактной, отцу не давали спать реальные американские самолеты-разведчики, регулярно залетавшие на нашу территорию. К счастью, последние месяцы они не появлялись. Отец расценивал это затишье как добрый знак со стороны президента США. Так же как отец ныне воздерживался от обычных в прошлые годы резкостей, так и Эйзенхауэр, считал он, не хочет неосторожным движением нарушить зарождающееся доверие в наших отношениях.

К 1960 году многое изменилось в противовоздушной обороне. Не только появились новые грушинские «семидесятипятки»,[53] но и перехватчики конструкции Сухого Т-3** наконец одолели заветную двадцатикилометровую высоту. О новом МиГ-21 нечего и говорить, он забирался еще выше.

Отец постоянно возвращался в разговорах к У-2. Теперь тон его поменялся: нарушитель не уйдет от расплаты. Порой мне казалось, что ему даже хотелось, чтобы обидчик снова прилетел. Тогда удастся отплатить за унижения последних трех лет.

А вот что делать со спутниками-разведчиками? Отец задавал вопросы конструкторам, военным, но без всякого результата. Вопрос относился не столько к технике, сколько к международному праву. Оно еще не сталкивалось с проблемами космических масштабов.

Ведь спутники, в силу законов механики, не могут соблюдать национальные границы, их дом — весь земной шар. Это не требовало пояснений. После королевских запусков такие понятия, как орбита, траектория, период обращения, вошли в лексикон любой домохозяйки. Как определить среди мирных спутников затесавшихся шпионов, ответить не мог никто. Оставалось только подлететь и посмотреть. С поверхности Земли в распознавании

разведывательных спутников не помогали никакие приборы. Как-то в одном из разговоров я предположил, что придется смириться, ничего тут не поделаешь. Отец просто вскипел: как это позволить чужим летать без спроса над нашей страной и «совать нос» куда захотят. Разумом он понимал обоснованность моих предположений, но надеялся, ему хотелось верить, что ученые что-нибудь придумают. Вот тут и мог пригодиться челомеевский маневрирующий космоплан.

В начале апреля отец уехал на отдых в Крым. Позади остались хлопотные международные визиты: он только что вернулся из Франции, а впереди маячила еще более изнурительная встреча в верхах.

Челомей давно просился к отцу на прием, хотел рассказать о своих планах, доложить о последних результатах, а главное — испросить согласия на проникновение в космос. Встреча все откладывалась. На отдыхе выкроить время оказалось проще, и отец пригласил к себе председателя Государственного комитета по авиационной технике Дементьева, председателя Государственного комитета по судостроению Бутому, генерального конструктора Челомея, главнокомандующего Военно-морским флотом Горшкова и нашего главного специалиста по гироскопическим системам Виктора Ивановича Кузнецова.

Кроме проблем, связанных с развитием военно-морского вооружения, отец хотел разобраться с вопросами повышения точности ракет. Она впрямую зависела от гироскопов. Для создания современной гироскопической промышленности, по оценкам специалистов, требовалось несколько миллиардов рублей. Перед принятием окончательных решений отец хотел еще раз посоветоваться. Ведь деньги немалые, и отрывать их придется с кровью.

Узнав, что Челомей летит в Крым, я напросился с ним. К тому времени я вошел в круг ближайших сотрудников Генерального, участвовал в проработке всех новых идей. Так что моя просьба, с учетом того, что он летел к отцу, не выглядела слишком нахальной. Владимир Николаевич не возражал, но окончательное решение, конечно, оставалось за отцом. Я позвонил ему в Крым и получил согласие.

В Крыму нас встретило теплое яркое солнце, цветущие горы и синее море — разительный контраст с заваленной грязным подтаивающим снегом Москвой.

Для начала отец повел всех на прогулку полюбоваться окрестностями и предметом его особой гордости — цветущими на склоне горы у дома вишнями.

Делами занялись после обеда. На свежем воздухе расположиться не осмелились, слишком прохладно, да и ветер усиливался. Удержать бумаги на столе становилось непросто. Устроились на первом этаже в комнате, выходящей на большую веранду, развернутую к морю.

Челомей начал стандартно: рассказал об успехах, подчеркнул, что под П-5 на верфях достраивают новые лодки, первые из них вот-вот выйдут в море; продолжаются испытания ракет с самонаведением, способных поражать корабли противника.

Тут отец оживился, перебил докладчика. Он снова вспомнил «Комету», стал интересоваться, насколько новые ракеты превосходят ее и в чем? Челомей заволновался — из его слов следовало, что «Комета» и в подметки не годится нашим П… Отец улыбнулся: «Всяк кулик свое болото хвалит».

Поговорили об особенностях преодоления противовоздушной обороны. Челомей уверял, что приняты все меры — и технические, и тактические. Ракеты подбираются к противнику, прижавшись к самым гребням волн. Заметить их можно только в последний момент, за считанные секунды. Так что на организацию обороны у противника времени почти не останется. Конечно, какое-то количество нападающих машин собьют, но основная масса прорвется.

После небольшого перерыва приступили ко второй части.

Отец подождал, когда все рассядутся, и первым взял слово. Начал он с достижений Королева в космосе. Нашего волшебника, как он его назвал. Затем перешел к боевым ракетам. «Здесь у Королева дела похуже, сил недостает. Мы вовремя подключили Янгеля», — отец сел на своего конька: он долго рассказывал о предстоящих осенью испытаниях Р-16, о том, что все ракеты необходимо упрятать в шахты. Помянул и то, как специалисты высмеяли его предложение поместить старты под землю и как он оказался прав. Такое случалось не раз. Порой, увлекшись, отец мог вещать часами, следуя только ему одному известной логике, все дальше и дальше уходя в сторону. Сегодня он говорил около получаса и иссяк. И как бы только сейчас заметив Челомея, нервно перебиравшего лежавшие перед ним небольшие листки ватмана, отец вернулся к теме нашего собрания: «Давайте послушаем, что нам новенького предлагает товарищ Челомей. В крылатых ракетах он себя хорошо зарекомендовал, а в космосе он новичок. Но порой свежий глаз замечает то, что старожилам примелькалось». Отец неопределенно взмахнул рукой, приглашая Владимира Николаевича начать рассказ.

На планшетках на смену элегантным птичкам пришли

вытянутые карандашами ракеты, сходящиеся и расходящиеся на фоне космоса траектории и, конечно, спутники.

Челомей начал с главного: период единичных запусков в космос, какими бы мощными ни были ракеты, скоро закончится. Невозможно за один раз доставить на орбиту все необходимое для длительной работы. Будущее, по словам Владимира Николаевича, за сложными управляемыми космическими системами, состоящими из многих компонентов, обитаемых кораблей, автоматических спутников, аппаратов, предназначенных для связи с Землей. Всем им придется работать, взаимодействуя друг с другом, встречаясь и расходясь, передавая грузы и информацию. Одним словом, функционировать как единый слаженный механизм или, точнее, организм.

Челомей подавал отцу картинки одну за другой. Отец внимательно рассматривал их и молча передавал дальше, соседу. Владимир Николаевич рисовал картину огромных орбитальных космических домов-заводов. Они смогут выдавать продукцию, недоступную для земных технологий. Для связи с Землей потребуются специальные большегрузные корабли. «Обязательно крылатые, — подчеркнул он, — крылья помогут, опираясь на атмосферу, донести на орбиту больший груз и совершить при возвращении нужные маневры. Конечно, есть масса технических проблем, первая из них — работа при очень высоких температурах. С нее следует начинать».

Владимир Николаевич вытащил новые планшеты с вариантами компоновок ракетопланов: одни забрасывались в космос мощной ракетой и только на обратном пути в атмосфере раскрывали свои крылышки, другие выглядели совсем как самолеты. Челомей подчеркнул: потребуются годы исследований, чтобы подойти к осуществлению излагаемой идеи, но если не приступить к работе сейчас, мы в будущем потеряем все.

Покончив с мирным космосом, Владимир Николаевич перешел к делам военным. По его мнению, боевые действия в будущем неизбежно переместятся в космос. Кто овладеет околоземным пространством, тот сможет диктовать условия Земле. Если мы не противостоим противнику в космосе, то неизбежно потерпим поражение.

Следующая серия картинок посвящалась боевым действиям в космосе. На одном из планшетов изображалась огромная орбитальная станция, целый город, вся ощетинившаяся круглыми, похожими на блюдца ракетами. Одни сидели в специальных нишах, дожидаясь своего часа, другие неслись к космическим кораблям противника, часть из которых скрывалась в ослепительных вспышках взрывов. Челомей пояснил, что защита

орбитальных станций — задача не из простых, пушку тут не поставишь, отдача при выстреле начнет разворачивать всю конструкцию, придется устанавливать сложнейшую систему стабилизации. Ракетой стрельнуть тоже не так просто, надо отвести в сторону раскаленные газы, вылетающие из двигателей, так, чтобы не прожечь оболочку станции. В полете перехватчик нелегко заставить маневрировать. Там нет атмосферы, от которой можно оттолкнуться. Ставить ракетные двигатели слишком накладно, потребуется огромное количество топлива, а это вес, который на вес золота. «Даже дороже», — добавил Челомей. Он предлагал применить специальный вращающийся снаряд, способный за счет механических сил почти мгновенно изменять направление полета. Владимир Николаевич назвал фамилию изобретателя нового оружия — Нудельман — и начал объяснять принцип его действия.

Забегая вперед скажу, что все получилось наоборот: вращающийся снаряд так и остался на бумаге, зато Нудельман разобрался с отдачей и сделал космическую пушку. Ее испытали на одном из «Салютов», челомеевской космической станции, правда, только после того, как экипаж ее покинул. Все прошло успешно.

Однако вернемся в апрель 1960 года. Покончив с орбитальными станциями, Челомей переключился на рассказ о перехвате спутников с помощью все тех же вращающихся снарядов или специальных дальних космических истребителей. На одной из картинок изображен был похожий на краба барабан с множеством ножек манипуляторов, захватывающих чужой объект и утаскивающий его в люк своей матки-станции.

Отец спросил, как скоро можно сделать систему для борьбы с американскими спутниками-разведчиками. Челомей думал не более минуты. «В шестьдесят втором — шестьдесят третьем году, — ответил он, но тут же предостерег: — Сбить спутник значительно легче, чем распознать, разведчик он или нет. Тем более, что нетрудно замаскировать шпиона под безобидный исследовательский объект».

— Можно ли вообще выявить назначение спутника с Земли, должны ответить радисты, — ушел от прямого ответа Челомей.

Отец настаивал, он добивался однозначного ответа. Челомей неохотно признал, что в ближайшие годы опознать разведчика, доказать его принадлежность к шпионскому ведомству вряд ли удастся.

«В будущем, — жестом фокусника Владимир Николаевич достал новую картинку, — мы сможем проверять чужие спутники на орбите, подозрительные доставлять на Землю для детального

анализа, а потом возвращать их обратно». Челомей показал рисунок, на котором в люк крылатого корабля манипулятор затаскивал ощетинившуюся антеннами и объективами конструкцию. Затем в огненном вихре космоплан спускался к Земле и садился на аэродром.

Отец перебирал картинки, потом положил их на стол и спросил:

— Значит, сегодня, вернее, завтра, если американцы запустят свои космические шпионские спутники, мы ничего поделать не сможем?

Воцарилась тишина. Никто из присутствующих не торопился с ответом.

— Будем работать, — наконец отозвался Челомей.

— Ну хорошо, что там у вас еще? — отец понял бесперспективность дальнейших расспросов.

Челомей перешел к следующей теме. Он считал возможным построение космической системы перехвата баллистических ракет. Космос, по словам Владимира Николаевича, мог служить и базой для размещения средств ответного удара. Расположенные на станциях или просто вращающиеся по орбите атомные заряды, глобальные ракеты, как он их назвал, способны десятилетиями ждать своего часа. Окружив их роями ложных целей, нетрудно сделать неэффективным любое противодействие. В нужный момент по команде они ринутся вниз. Время, отведенное противнику для задействования системы обороны, резко сократится, станет неопределенным направление, откуда наносится удар.

Примерно так рисовал Челомей наше не такое уж далекое будущее. Присутствующие подавленно молчали.

— Пойдет ли развитие космических средств по военному или мирному направлению, зависит от политиков. В любом случае будущее за управляемыми системами. К их созданию нужно начинать готовиться уже сейчас, — заключил Челомей программную часть своего доклада. Он перешел к конкретным задачам.

— Мы предлагаем приступить к осуществлению управляемого космического полета, — сказал Челомей. — Для этого нужно создать унифицированную систему, состоящую из ракеты и серии спутников.

Тут было его наиболее уязвимое место. Почему нельзя спутники выводить существующей ракетой? Скажем, той же «семеркой»? Челомей заготовил ответ: «семерка» для массовых запусков, предполагаемых в его проекте, слишком мощный и дорогой носитель. Нужна сбалансированная система «ракета —

космический корабль». Жизнь подтвердит: требуются носители разных рангов и мощностей, каждый под свои задачи.

Кроме всего прочего, Челомею очень хотелось не зависеть ни от Королева, ни от Янгеля — захотят, выведут на орбиту, захотят, придержат. Он жаждал самостоятельности и непохожести. Ракете-носителю Владимир Николаевич придумал даже другой индекс вместо общепринятого Р — ракета УР, универсальная ракета. Тем самым он как бы подчеркивал ее превосходство над «сестрами», разрабатываемыми конкурентами. Любопытно, что индекс прижился, его в последующие годы получали все челомеевские баллистические ракеты и носители.

Имелась и еще одна причина. Челомей замыслил через космос вторгнуться на «чужую» территорию, сделать баллистическую межконтинентальную ракету получше, чем у соперников. У него руки чесались. В открытую о своих намерениях он пока говорить опасался. Понимал, какой поднимется шум: все, от Устинова до Королева с Янгелем, начнут его топить, топтать, обвинять в растранжиривании средств. Последнего обвинения он опасался больше всего. В комплексе, ему казалось, проскочить окажется легче. Пока разберутся… В отдельной папочке он прихватил с собой компоновки ракеты. Показать их Челомей собирался только в случае благоприятно складывающихся обстоятельств, в зависимости от того, как пойдет разговор.

Отец задал ожидаемый вопрос о ракете.

Челомей уверенно обрисовал необходимость органического сочетания всех компонентов системы, привел свои аргументы против использования «семерки» и, не заикнувшись о баллистическом варианте, перешел к технологии. Он повторил свой главный тезис: в авиации база, культура производства изначально выше. Челомей брался сделать ракету легче и одновременно прочнее за счет применения сварки, сотовых конструкций и других новшеств, разработанных для производства сверхзвуковых самолетов. Двигатель будет работать на новом окислителе — азотном тетраксиде. Он, как и азотная кислота, не требует охлаждения, но значительно эффективнее. О том, что азотный тетраксид чрезвычайно ядовит, Челомей не упомянул. Обеспечение безопасности — его проблема. Горючее предполагалось использовать такое же, как и в Р-16, — несимметричный диметил гидразин.

Дементьев одобрительно кивал, но не вмешивался в разговор. Уж он-то знал, на что способен Устинов! Раньше они были на равных, можно было и помериться силами, а теперь он наверху, зампред!.. В душе Дементьев поддерживал Челомея, но пусть

первый бой он выиграет самостоятельно. В случае удачи он его поддержит всей своей производственной мощью.

В качестве еще одного аргумента Владимир Николаевич приберег ставший в последние месяцы острым вопрос загрузки авиационных заводов, особенно изготавливавших бомбардировщики. Он предлагал загрузить их, начать делать на них его ракету. Эта идея не могла не прийтись по душе отцу. Тут Челомей действовал наверняка. В поддержке Дементьева он тоже не сомневался, министр, естественно, предпочитал запускать в серию на своих заводах свои разработки. И управляться легче, и нет опасности, что только зазеваешься, и заводы «уплывут», потом не вернешь.

Отец заинтересованно разглядывал картинку, что-то прикидывал и наконец спросил: «Нельзя ли носитель использовать как баллистическую ракету?»

Челомей просиял. Он так ждал этого момента, выводил к нему, как опытный рыбак выводит к подсадку здоровенную щуку.

Достав из заветной папки еще один чертеж, он положил его перед отцом:

— Никита Сергеевич, без всяких изменений получается ракета, способная забросить на межконтинентальную дальность заряд в несколько мегатонн. Мы даже название ей дали — УР-200.

— Вот хитрец!.. — обернулся к собеседникам отец. — Хочет потеснить Королева с Янгелем. Что ж, конкуренция вещь хорошая, тем более что межконтинентальную ракету мы получаем как побочный продукт. Пусть попробует.

Отец заговорил о том, что предлагаемая программа представляется ему чрезвычайно важной. Если война выйдет в космос, — аргументы Челомея он счел убедительными, — то мы не должны позволить захватить себя врасплох.

— Придется изыскивать средства, — со вздохом произнес отец.

Челомей ликовал: теперь он найдет управу на Устинова, Хрущев на его стороне. Будущее показало, что радовался он рано.

Обсуждение продолжилось. Отец спросил Дементьева о его отношении к новым идеям.

— Мы всё подробно обсудили с Владимиром Николаевичем, — отозвался Петр Васильевич. — У нас уже подготовлены планы освоения ракеты в производстве. Справимся.

— А как с двигателями? — поинтересовался отец. — Глушко и Янгель с Королевым поделить не могут, а тут еще вы вмешаетесь?

В его голосе прозвучала настороженность. Разрастающийся

конфликт между главными конструкторами начинал беспокоить его не на шутку.

— Мы все решим внутри, силами авиации, — перехватил инициативу Дементьев. — Подключаем сильного воронежского двигателиста Косберга Семена Ариевича. Он берется.

— Ну что ж, это хорошо. Чем меньше монополизма, тем лучше, — отозвался отец. Фамилию Косберга он услышал впервые.

Плодотворный союз Челомея с Косбергом позволит им создать не одну удивительную ракету. В их отношениях будут и размолвки, и скандалы, но судьбы двух конструкторов останутся связанными неразрывно. В конце 60-х годов Семена Ариевича вызовут на срочное совещание в Москву. На зимнем гололеде машину занесет, авария — и через несколько дней Косберга не станет.

В заключение доклада Челомей поднял деликатный вопрос: его конструкторское бюро перегружено. Для решения новых задач хорошо бы в помощь ему подключить занятый не столь актуальной тематикой авиационный коллектив. Владимир Николаевич не указал адреса; в случае согласия пусть последнее слово останется за министром. Отец не возражал. Предложение соответствовало его намерениям ужать авиацию.

— Ну а что скажет председатель комитета? — повернулся он к Дементьеву.

Петра Васильевича вопрос не застал врасплох. Они все уже давно обговорили с Челомеем, взвесили все за и против. Тем не менее Дементьев начал с начала. Микоян, Лавочкин, Сухой — их трогать невозможно, за ними фронтовая авиация, без которой не обойтись. Отец согласно кивнул головой. На Ильюшине и Антонове висят пассажирские самолеты. О Туполеве и говорить нечего.

По мнению министра, оставался один Мясищев. У него в Филях отличный комплекс: современнейшее конструкторское бюро и большой завод. В случае принятия предложения будет не только где проектировать новую ракету, но и тут же можно организовать ее производство.

Сейчас Мясищев заканчивал разработку нового сверхзвукового стратегического бомбардировщика М-50. Если КБ переориентировать на ракеты, с ним придется распрощаться.

Я уже раньше слышал об этом предложении. Мне было безумно жаль красавца М-50. Накануне я даже завел разговор на эту тему с Челомеем, но он только отмахнулся — бомбардировщики отжили свое…

Отец еще раз уточнил: дальность М-50 не выпускала его за

пределы Европы, а высота полета не позволяла перепрыгнуть через рубежи, охраняемые зенитными ракетами. Дементьев подтвердил, только добавил, что на разработку самолета затрачены немалые деньги. Последние слова, казалось, подстегнули отца. Он вцепился взглядом в министра, не спрашивая, а скорее, утверждая:

— А если начнем их производство, то потратим во много раз больше?!

— Так, Никита Сергеевич, — подтвердил Дементьев.

— И не добьемся ничего! — провозгласил отец.

Присутствовавшие промолчали. Отец еще немного подумал и дал согласие на подготовку соответствующего постановления правительства. 9 июля 1961 года на авиационном празднике в Тушино М-50 совершит свой последний полет, поразит зрителей совершенством своих форм, породит массу домыслов за рубежом и отправится на вечную стоянку в авиационный музей.

Недавно я читал в одной статье мнение специалистов: М-50 опередил свое время на десятилетия, только сейчас многие технические решения, примененные в нем, находят свое повторенное воплощение в новых конструкциях.

Правильным ли было прекращение работ над ним? На этот вопрос ответить нелегко. С точки зрения инженера, это преступление: прервалось течение интереснейшей инженерной мысли. С точки зрения государственной? Хорошо иметь на вооружении и ракеты, и самолеты. И не одного типа. Хорошо в одном случае — если позволяет карман. Отец считал, что нам не по карману то и другое. Ракеты лучше решали задачу обеспечения обороноспособности страны.

Человеческую сторону трагедии, лишившей Мясищева любимого дела, созданного им коллектива, я обсуждать не вправе.

Так решили вопрос о присоединении к челомеевскому конструкторскому бюро крупнейшего научно-производственного комплекса. Его роль в решении ракетной и космической мощи страны трудно переоценить. Баллистическая ракета УР-100, тяжелый космический носитель УР-500 «Протон» получили свое крещение в объединении, которое сейчас называется «Салют» и делает международную космическую станцию.

После совещания в Крыму в ракетно-космическом пуле появился третий партнер, конкурировавший сразу с обоими соперниками — с Королевым в космосе, с Янгелем в ракетах.

И аппарат Устинова в Кремле, и аппарат Неделина в Министерстве обороны встретили Челомея в штыки. Стая не принимала чужака, «гадкого утенка». Военные свое отношение

выразили в трех строчках:

«Королев работает на ТАСС,
Янгель — на нас,
А Челомей — на унитаз».

Владимиру Николаевичу потребуется весь его талант, годы упорного труда, чтобы доказать свою состоятельность и завоевать сердца генералов с пушками на погонах. Сделает это он своими ракетами. Военным, в конечном счете, результат оказался важнее ведомственных амбиций. Гражданские чиновники неприятие к чужаку сохранят до конца дней его, для них ведомство останется важнее результата.

Оставался еще один вопрос. Возможно, самый главный. Без точных приборов все проекты Владимира Николаевича, и не только его, не стоили ломаного гроша. Ракета не могла попасть в цель, космическим кораблям не отыскать друг друга в космосе. Но жизнь устроена так, что больше времени уделяется делам понятным или, по крайней мере, представляющимся понятными.

Гироскопы, акселерометры и другая премудрость вызывали уважение, но не возбуждали любопытства.

Виктор Иванович Кузнецов подарил отцу никелированный макет гироскопа, пояснил, в чем суть его работы, как с его помощью ракета находит правильный путь. Из доклада Кузнецова следовал единственный вывод: невозможно получить современные ракеты, не имея современных приборов. Новые заводы необходимо строить. Американцы уже завершили свою программу модернизации приборостроения, а мы всё толчем воду в ступе. Бутома и Дементьев придерживались того же мнения. Отец сдался: придется давать деньги.

Высокоточные приборы, не уступающие американским, в том числе поплавковые гироскопы, о которых нам в институте читал лекции Лев Иванович Ткачев, появятся в СССР через три года.

Возвратившись в Москву, вернее в Реутов, я с головой окунулся в новую тематику. Мы обсчитывали параметры системы управления маневрирующего на траектории спутника Земли, так, чтобы точно привести его в заданный кубик заатмосферного пространства, удержать его от ненужных колебаний, я уже не говорю о переворотах. Все это мы могли рассчитать, нарисовать, но воплотить замыслы в «железе» предстояло «специализированной фирме», обладавшей конструктивными и производственными возможностями. Подыскать достаточно квалифицированных соисполнителей оказалось нелегко.

Всесоюзно известные приборные организации, такие как научно-исследовательский институт № 923 (сейчас — Московский институт электромеханики и автоматики) Евгения Федоровича Антипова, московский НИИ-10 (сейчас «Альтаир») Михаила Павловича Петелина и ленинградский НИИ-49 (сейчас «Гранит-Электрон») Николая Александровича Чарина были по горло загружены нашими же разработками: одни делали системы управления для стрельбы крылатыми ракетами по площадям, другие наводили их на корабли вероятного противника. Втиснуть им дополнительное задание не представлялось ни малейшей возможности, да и мощностей им недоставало, предстояло спроектировать не просто систему управления, но глобальные комплексы слежения за мировым океаном и наведения спутников-перехватчиков на цели, затерявшиеся в околоземном пространстве.

Другие коллективы, способные справиться с задачей, как Пилюгин с Рязанским и иже с ними, нам были абсолютно недоступны, на них наложили лапу баллистики — Королев с Янгелем. Оставались два КБ (конструкторских бюро), уже занимавшиеся проблемами наведения противосамолетных ракет — «бериевское» КБ-1 в Москве и КБ-2 в Ленинграде.

Сначала мы сунулись в Ленинград. Нас вежливо приняли, выслушали, показали лаборатории с производством и дали от ворот поворот: сотрудничать с нами у них не имелось ни возможности — своей работы невпроворот, — ни желания.

С КБ-1 мы уже познакомились раньше, вместе прорабатывали систему дальнего перехвата самолетов крылатой ракетой С-500, обсуждали возможности создания заатмосферной противоракетной обороны. Но дальше разговоров дело не пошло. Челомей вскоре потерял интерес к С-500, а перехват баллистической ракеты в далеком космическом пространстве представлялся тогда чем-то вроде научной фантастики.

И тут нам повезло. На одном из высоких совещаний Владимир Николаевич оказался рядом с Генеральным конструктором КБ-1 Александром Андреевичем Расплетиным. Они разговорились, и Челомей очаровал его перспективами выхода в космос, перед которыми меркли все мыслимые «земные» проекты. Расплетин пригласил Владимира Николаевича в КБ-1, где им фактически предстояло свершить обряд «сватовства».

Нужно сказать, что Расплетиным двигали не только природная любознательность и желание заняться еще не изведанной никем космической навигацией, но и чисто прагматические соображения.

Как я уже писал, КБ-1 создали под сына Берии, Серго. Он

тогда закончил военную академию, в качестве диплома представил проект самонаводящейся противокорабельной ракеты, и теперь ему вместе с собранными со всего Союза лучшими специалистами, плюс немецкими инженерами, у которых он позаимствовал большинство технических решений, предстояло реализовать дипломную работу. Реализовали, естественно, не диплом младшего Берии, а его немецкий прототип на базе микояновского МИГ-15. Так начала рождаться уже упоминавшаяся мною «Комета». Но это так, к слову.

Когда коллектив КБ-1 окреп, его загрузили еще и противосамолетной тематикой, 25-й и 75-й системами, ими занялся сам Расплетин. После Берии он фактически возглавил организацию. Со временем от противосамолетчиков отпочковался Григорий Кисунько, предложивший схему перехвата боеголовки баллистической ракеты.

Так сформировалась базовая триада КБ-1. Будущее противосамолетных и противоракетных систем тревоги не вызывало, а вот «крылатая» тематика беспокоила Расплетина все больше. Разработчики отошли от решения чисто морских задач, сосредоточились на крылатых ракетах, подвешиваемых под стратегическими бомбардировщиками и предназначенных для поражения наземных целей, в первую очередь городов и промышленных объектов. Я уже писал, что военные отдавали предпочтение баллистическим ракетам, а крылатые считали анахронизмом. Вот Александр Андреевич и решил подстраховаться, поручить подразделениям, занятым «крылатой» тематикой, еще и космос.

Итак, мы прибыли в КБ-1. Мы — это сам Челомей и его свита, два заместителя: Семен Борисович Пузрин, занимавшийся перспективой, и Владимир Владимирович Сачков, наш начальник, ответственный за электрооборудование, системы управления, радио— и телеметрические приборы. Дальше следовали начальники рангом помельче: электрик Абдул Жамалетдинов, радист Сергей Новиков и мы, то есть я и Валерий Самойлов, управленцы. В КБ-1 наше первое впечатление: не огромные лабораторные и производственные корпуса, хотя тогда нам такое и не снилось, а охрана. В бюро пропусков сидели не бабушки, а молодые подтянутые парни в полной форме, с кагебешными голубыми фуражками на головах. Документы они проверяли строго, заметив малейшую ошибку или опечатку в пропуске, тут же отправляли назад на переоформление. С последним мы столкнулись позднее, генерального к генеральному пропустили без задержек и формальностей, у ворот нас встречал начальник охраны предприятия.

Общение в кабинете Расплетина длилось недолго, Владимир Николаевич представил своих, Александр Андреевич познакомил нас с будущими смежниками, начальником направления (оно называлось СКБ) Анатолием Ивановичем Савиным и его заместителями: Яковом Ивановичем Павловым, ему предстояло заняться истребителем спутников, Константином Михайловичем Власко-Власовым — будущим руководителем работ по радиолокационному спутнику-разведчику, и многими другими очень интересными людьми. Я их не перечисляю и не представляю, ибо интересны они не широкой публике, а профессионалам. Поговорив около часа и договорившись в общих чертах о сотрудничестве, Челомей откланялся, а Расплетин поручил Савину провести нас по лабораториям, показать производство, в общем, как говорится, представить товар лицом.

Анатолий Иванович произвел на меня приятное впечатление, скромный человек средних лет, немного подобострастный, в чем-то застенчивый. Ему только недавно исполнилось сорок, на фоне его и наших начальников еще молодой человек. На Сачкова с Пузриным он смотрел снизу вверх, как бы пытаясь угадать, что еще может заинтересовать «высоких гостей».

Лаборатории и производство нам понравились, хотя и не поразили, все как у других, только во много раз больше. Это «больше» и позволяло надеяться, что вместе с КБ-1 мы решим те задачи, которые взвалил на свои и наши плечи Челомей. Их грандиозности мы тогда еще не представляли, но ощущали, что предстоит нечто необычное.

Экскурсия по предприятию заняла несколько часов, все изрядно устали и от увиденного, и от бесконечных блужданий по коридорам и лестницам, переходов из корпуса в корпус. Что рассказывал Савин, сейчас я, конечно, не помню, кроме одного — он все время вспоминал, как, работая когда-то над автоматикой атомных зарядов в Средмаше, потерял секретную бумагу, боялся, что арестуют, но бог миловал, он остался на свободе, только из Средмаша его поперли и вот теперь он устроился в КБ-1. К тому времени Савин работал у Расплетина уже несколько лет, но старая история никак не желала испариться из его памяти.

Наш альянс с КБ-1 оказался плодотворным, люди там работали смышленые, грамотные и, главное, симпатичные. На первых порах, во время оформления контура системы (этот этап называется аванпроектом), тон задавали мы, идея наша, а знание, вернее незнание, у нас было на одном уровне. Задачки считали параллельно: мы на своих вычислительных машинах, они — на своих, благо обе организации имели самое совершенное оборудование. Затем делились результатами, обсуждали, спорили

и снова считали.

Постепенно, примерно со второго года работы, центр тяжести все больше перемещался в КБ-1, мы со своим небольшим коллективом уже не могли держаться на равных, да и проблема переросла из задачи стабилизации и наведения спутника в создание распределенной глобальной системы, с радиополями, разбросанными по всей территории страны огромными антеннами слежения и наведения. На этом фоне спутники становились средством доставки, космическими таксистами, а куда и как лететь, определял пассажир — аппаратура КБ-1. Никого такое перераспределение акцентов не обижало, я повторюсь, работали мы с людьми симпатичными, с которыми за прошедшие годы по настоящему сдружились.

Но жизнь есть жизнь. После отставки отца Челомей на какое-то время впал в немилость, и Савин воспользовался моментом, переоформил головную роль с нашего ОКБ на себя. Теперь Челомей из заказчика и руководителя работ превращался в одного из соисполнителей. Владимира Николаевича такая метаморфоза обидела, но он сдержался, содружество двух организаций не нарушилось, работу довели до конца, до сдачи систем на вооружение.

К чему я все это написал? А вот к чему. Недавно мне подарили книгу Михаила Первова «Системы ракетно-космической обороны создавались так». Хорошая книга, интересная, и бумага отличная, мелованная, а вот дочитав до страницы 120, я поразился. Автор, со слов Анатолия Ивановича Савина, рассказывает, что, оказывается, не Челомей придумал запускать спутники-радиолокаторы и спутники-истребители, а он, Анатолий Иванович, его надоумил и вразумил. Я удивился, неужели это тот Савин? Проверил — все верно, наш Савин. Что ж, бывает, человек он уже почтенных лет…

Глава пятая
Гонка

Когда наша компания приехала к отцу в Крым, ему уже доложили о нарушении воздушного пространства неопознанным самолетом. Знали о неприятном событии и гости. Однако достоверная информация отсутствовала, за исключением времени и маршрута полета.

Самолет пересек границу 9 апреля I960 года. Шел он со стороны Пакистана. Засекли его с опозданием, уже в глубине советской территории, в 4 часа 47 минут утра в 250 километрах от афганской границы. Сбить не смогли… Первые перехватчики конструкции Павла Осиповича Сухого Т-3 (СУ-9) поступали в войска, но их направляли на западные и восточные границы, в глубинке о них знали больше понаслышке.

У-2 без помех приблизился к Семипалатинску. Из Перми туда направили дежурный МиГ-19, его пилотировал капитан Владимир Карачевский. Он должен был сесть на аэродроме под Орском, заправиться, а уже затем идти на перехват. Почему-то он полетел один, хотя полагалось летать на задание в паре. Самолет не долетел даже до Орска, при подлете к Свердловску стал падать на лес. Карачевский катапультировался. Но поздно. Высоты не хватило. Пилот разбился.

Отдавая приказ, местное военное начальство знало, что МиГ-19 вообще не мог достичь высоты 20 километров, не то чтобы попытаться сбить У-2. Поэтому приказали спешно готовить к вылету случайно оказавшиеся там же, на пермском аэродроме ПВО, два транзитных Т-3, оснащенных ракетами «воздух — воздух». Истребители перегоняли с завода в приграничье, в Перми они остановились на заправку.

Имелась полная возможность перехватить нарушителя, но не хватало керосина для возвращения домой. На Семипалатинском полигоне имелся свой аэродром, но обыкновенным военным летчикам на нем приземляться не разрешалось, требовался специальный «атомный» допуск. Округ запросил Москву. Глубокой ночью там, естественно, никого, кроме дежурного по ПВО, не нашли.

Дежурный действовал по уставу — разбудил главкома ПВО маршала Сергея Бирюзова, Бирюзов доложил о нарушителе министру обороны маршалу Родиону Малиновскому. Маршал Малиновский позвонил министру среднего машиностроения Ефиму Славскому, только он мог, под свою личную

ответственность, дать разрешение «не допущенным» пилотам на посадку на своем аэродроме. Пока перезванивались, время ушло, в часть разрешение поступило только в 7 часов утра. К тому времени У-2 закончил фотографирование Семипалатинского атомного полигона и направился в сторону озера Балхаш. Там его интересовал ракетный полигон ПВО, расположенный вблизи поселка Сары-Шаган. Т-3 попытались его догнать, но безуспешно. По дороге к Балхашу У-2 завернул на базу стратегических бомбардировщиков, сфотографировал расположенные на ней Ту-95.

На полигоне ПВО гостя не ждали, для него не нашлось ни дежурных, ни просто готовых к пуску противосамолетных ракет. Штатными боевыми средствами ПВО полигоны не защищались. Правда, на одной из площадок заканчивались испытания новых зенитных ракет, способных поразить самолет на большой высоте. На подготовленных к запуску двух «изделиях» на месте взрывчатки стояла аппаратура, фиксирующая величину промаха. За время, предшествующее появлению У-2 над полигоном, установить боевые части не успевали. Их хранилище находилось в ста километрах от стартовых площадок. У испытателей появилась шальная мысль — все-таки стрельнуть по нарушителю, но от нее быстро отказались: вероятность прямого попадания равнялась нулю, а впустую терять драгоценные «изделия», срывать испытания не решились.

Покончив с фотографированием новинок советской противовоздушной техники, У-2 двинулся к баллистикам, полетел к Тюра-Таму. И там тоже оказались не готовыми к встрече. Успешно выполнив все задания, летчик лег на обратный курс, он пролегал через Мары в сторону иранской границы.

Командование ПВО предприняло последнюю отчаянную попытку сбить нарушителя. Технические возможности к тому имелись, расположенный в том районе полк ПВО только что получил новенькие Т-3, правда, без ракет. Местные умельцы нашли выход из положения: на самолет старшего лейтенанта Кудели кое-как закрепили ракеты от МиГ-19 и дали команду на взлет. Проверить способности сработанного в спешке гибрида не представилось возможности. У-2 находился на пределе дальности перехвата, вне зоны действия радиолокационных станций полка. Попросили помощи у соседней дивизии. Но их операторы с Т-3 никогда не работали. В результате цель упустили.

Не повезло и второму летчику, капитану Дорошенко. Он взлетел на авось, без ракет. На переоборудование двух самолетов времени не хватило. С новым самолетом пилот справлялся с трудом. Поднявшись на высоту семнадцати с половиной

километров, он с удивлением для себя увидел американца. Чужой самолет летел выше Дорошенко еще километра на три. Одолеть эти три километра не освоившему Т-3 летчику не удалось. Пришлось ни с чем возвращаться домой. На этом преследование прекратилось, дальше до самой государственной границы перехватывать У-2 было просто нечем.

Наше совещание подошло к концу, когда солнце стало клониться к закату. Гости стали прощаться, я остался на даче с отцом.

Мы проводили посетителей до машины и отправились на прогулку. С полчаса мы ходили молча.

Наконец я спросил:

— Как же ПВО упустило самолет?

— Проспали, — отец употребил более грубое слово.

Никаких подробностей он рассказывать не стал, ему не хотелось говорить о неприятном. Я рассказал о телеметрических ракетах на Балхаше, посетовал, что такой важный и секретный объект теперь полностью раскрыт американцами. Отец поддержал меня: надо на полигонах поставить зенитные ракеты, забазировать самолеты.

Все это раньше следовало делать. «Теперь они своего добились, когда еще сунутся?» — не с сожалением, а скорее, с досадой сказал отец.

Ему так хотелось проучить наглецов, и теперь, когда случай представился, произошел сбой. Снова приходилось глотать горькую пилюлю. Я спросил, собирается ли МИД направить официальный протест? Мне казалось, что раз мы способны сбить нарушителя, то официальную ноту уже нельзя считать свидетельством слабости.

Отец не ответил впрямую, заговорил о том, что вообще не может найти объяснения причинам посылки разведывательного самолета на нашу территорию в такой момент, после успешного визита в США и перед совещанием в Париже. Он не допускал, что подобную акцию мог разрешить президент. Зачем это ему нужно? У президента США нет оснований не доверять ему. Верит же он сам в добрые намерения Эйзенхауэра!

Отец считал, что санкцию на полет, не спросив президента, дал Аллен Даллес. То, что братья Даллесы не очень считались со своим президентом, он допускал. Отец вновь вспомнил злосчастные листочки, которые Джон Даллес подкладывал президенту на совещании в Женеве, а тот зачитывал их, как прилежный школяр, слово в слово.

Отец начал заводиться: «В голову не придет Андрею Андреевичу совать записки своему Председателю Совета

министров». Он перевел дыхание и уже другим, спокойным тоном, произнес, что все это не случайно. Тут дело не в одном неуемном любопытстве разведчиков. Кто-то хочет продемонстрировать миру накануне совещания нашу слабость.

— Громыко подготовил ноту протеста, все как полагается, — продолжал отец, — но мы ее отставили, зачем доставлять радость нашим врагам.

По его мнению, протест не мог сыграть положительной роли. Неизбежные резкие слова не помогут спокойному поиску решений в Париже. Только втянемся в перепалку. С его точки зрения, протест подтолкнет американцев к разговору с позиции силы, а это неизбежно приведет к конфронтации. Куда ни кинь — одни убытки.

Отец считал, что повторения провокации не произойдет. Аллен Даллес не решится скрыть от президента факт уже свершившегося разведывательного полета. Отец не сомневался, что подобная акция не получит одобрения со стороны Эйзенхауэра.

По предложению отца Президиум ЦК решил дипломатических демаршей не предпринимать. Одновременно строго указали министру обороны маршалу Малиновскому. В войска ушла директива усилить внимание, ракетные подразделения противовоздушной обороны привели в боевую готовность, ракеты снарядили боевыми частями, истребителям ПВО установили круглосуточное дежурство на аэродромах. Как обычно, мы готовились после, а не до.

Вокруг этой акции У-2 в апреле и в мае 1960 года остается много неясного.

Говорят, что при полете 9 апреля американцы хотели сфотографировать сооружение старта первой советской межконтинентальной ракеты в Тюра-Таме. Кому угрожал этот единственный старт? Какая необходимость заставляла фотографировать его перед встречей в верхах? Этот вопрос задавал себе и Государственный секретарь Соединенных Штатов Кристиан Гертер: «Я, как все другие в те дни, все время думал о встрече в верхах. Настоящей проблемой было: насколько срочно требовалась информация и какое время года для ее получения предпочтительнее. С технической точки зрения, выбранный период был лучше любого другого. С дипломатической точки зрения, мне казалось, что в связи с намерением президента посетить позже Россию возникнут сложности».

Для полета 1 мая (это был двадцать четвертый шпионский рейд У-2 над советской территорией) выбрали маршрут, уже опробованный в мае 1957 года. Из Пешавара (в Пакистане) У-2

направлялся в Тюра-Там. Отсюда путь лежал к Свердловску, точнее, к Челябинску-40 (комбинат «Маяк»), центру атомной промышленности. По дороге надлежало сфотографировать несколько военных аэродромов. Следующей и главной целью считался Плесецк. Там, по данным ЦРУ, сооружалась стартовая площадка межконтинентальной ракеты. (Напомню: два старта «семерки» в Плесецке заступили на боевое дежурство в декабре 1959 года, еще два предполагалось сдать в следующем, 1961 году).

После Плесецка У-2 предстояло пролететь над Северодвинском, сфотографировать судоверфи, на которых строили атомные подводные лодки. Следующая цель — Североморск, главная база Северного флота. Оттуда уже рукой подать до Норвегии, до аэродрома в Бодо.

Самолет пилотировал опытный пилот Френсис Гарри Пауэрс, ему уже приходилось летать над Советским Союзом. Тогда все закончилось благополучно, он не сомневался, что и сейчас его миссия пройдет успешно.

Никак не могу согласиться, что осмотр этих в общем-то достопримечательных местностей оказался настолько необходим, чтобы поставить под удар совещание в верхах. Конечно, разведка живет своей жизнью, она руководствуется своими, часто недоступными непосвященным, правилами. На основе добытых с риском для жизни данных строятся диаграммы, делаются оценки, и, возможно, кому-то потребовалось еще несколько точек и цифр.

На то, что все это было затеяно неспроста, наводит и день проведения операции — Первомайский праздник. Все как бы настраивалось на одну ноту: уязвить посильнее отца, заставить его сорваться.

Можно, конечно, принять и иную точку зрения: в праздник легче пробраться незамеченным. Верно, если бы это произошло впервые. Невозможно предположить, что растревоженная дерзким нарушением границы противовоздушная оборона так быстро успокоится, снова заснет.

Первомай радовал теплой погодой и ласковым солнцем. После завтрака предстоял поход на Красную площадь, отцу — на трибуну Мавзолея, нам же выписывали пропуска на одну из левых боковых. Так повелось еще со сталинских времен.

Отец спустился вниз в начале девятого мрачный, настроение у него было явно не праздничным. Он молча сел за стол. Зазвенел ложечкой в стакане с чаем. Мы тоже примолкли, как-то угасли. Никто не спросил: «Что случилось?» Если можно — сам скажет. Мало ли что может произойти в обширном государстве, о чем дома знать не положено.

К примеру, до последних лет уже нынешней эпохи гласности я ничего не знал о взрыве ядерных отходов в 1957 году в Челябинске-40. Читал об этом уже после смерти отца в западной литературе и колебался — верить или нет. Казалось, если такое случилось, слухи не могли меня миновать, а не дошли.

Отец торопливо допил чай, он хотел успеть в Кремль пораньше, там уже собрались члены Президиума ЦК.

Значит, случилось что-то серьезное! Но что?

Я пошел проводить отца до машины. За высоким каменным забором резиденции звучали песни, громкоговорители на Воробьевском шоссе работали на полную мощность. Обычно в праздник отец всех подвозил до Кремля, на сей раз нам предстояло добираться самостоятельно.

Уже у ворот отец поделился новостью.

— Опять перелетели. Там же, — зло сказал он.

— Сколько? — поинтересовался я.

— Как прежде — один. Идет на большой высоте. На сей раз его засекли у границы еще на той стороне. Мне Малиновский позвонил на рассвете, часов в шесть, — больше отец и сам ничего не знал. У-2 пересек государственную границу СССР в 5 часов 36 минут утра.

На ночь отец переключал «кремлевку» в спальню. Аппарат стоял у него на тумбочке у изголовья. На всякий случай. Мы подходили к машине.

— Собьют? — спросил я.

— Глупый вопрос, — парировал отец. — Малиновский сказал, что они поднимают авиацию, 75-е привели в боевую готовность. Уверяют, что собьют, если не проворонят. Сам прекрасно знаешь, Т-3 у нас там мало, а на такой высоте у ракет радиус действия невелик. Все зависит от случая: если напорется, если не проворонят, — повторил он слова министра обороны, — если попадут…

— А сейчас он где? — я спешил задать последний вопрос, отец уже приготовился нырнуть в открытую дежурным начальником охраны дверь ЗИЛа.

— В районе Тюра-Тама. От границы взял курс прямо туда, а куда свернет дальше, кто знает? — закончил отец и сел на переднее сиденье лимузина.

Машина тронулась, я, обескураженный, вернулся в дом. О том, чтобы выдать тайну домашним не было и речи. На сердце скребли кошки: «А вдруг не собьют?»

На Красной площади мы появились около половины десятого. Трибуны быстро заполнялись людьми. Здесь из года в год собиралась постоянная публика: генералы, авиационные и иные

оборонные конструкторы, работники Совета министров и Центрального комитета. Я отыскал в толпе заведующего Оборонным отделом ЦК Ивана Дмитриевича Сербина, мы с ним познакомились во время смотра ракетной техники позапрошлым летом в Капустином Яру.

Он сообщил последние сведения: нарушитель беспрепятственно достиг Тюра-Тама, повертелся там, выбирая поудачнее ракурсы для фотографирования, и полетел дальше на север. По всей видимости, он держал курс на Свердловск. Сербин высказал предположение, что в отличие от прошлого раза он, похоже, не намерен возвращаться в Пакистан, а направится прямиком через всю страну в Норвегию или Англию. Тогда он сможет захватить еще Плесецк, Архангельск, Северодвинск, Североморск.

Получалось, что за один полет шпион выведает бездну секретов.

— А почему его в Тюра-Таме не сбили? — поинтересовался я.

Сербин только махнул рукой:

— Вечно у них в ПВО что-нибудь происходит. Теперь пишут объяснения. Праздник…

А случилось следующее. Полигон охраняли три дивизиона 75-х, немного для столь обширной территории. Истребителей там не держали вовсе.

Американскому пилоту повезло. Я же ошибся: ПВО хватило трех недель, чтобы успокоиться. Один из дивизионов перед Первомаем сняли с дежурства, пришла пора «регламента». Естественно, в праздник никто не работал, солдаты сидели в казарме, офицеры разъехались кто куда. Самолет прошел над его позицией и спокойно полетел дальше. Два других дивизиона располагались в дальних углах полигона. Их успели привести в боевую готовность, теперь оставалось уповать только на удачу. Но судьба покровительствовала американцу. Самолет-нарушитель приближался к пределу дальности пуска ракет, его уверенно вели локаторы. Еще несколько секунд. Еще… Но тут самолет отвернул. Больше к батареям Пауэрс не приближался. Путь его пролегал дальше на север.

— Если пойдет на Свердловск, — продолжал Сербин — напорется и на зенитные ракеты, недавно там разместили несколько дивизионов 75-х, или на перехватчики. Туда перебросили МиГи-19 из Перми, но на них надежд мало. К счастью, на свердловском аэродроме оказалась пара Т-3, но без летчиков. Самолеты перегоняли с сибирского завода в часть, в Барановичи, что в Белоруссии, и из-за плохой погоды задержались в столице Урала. Пилотов ищут, но найдут ли?

Праздник. Если разведчик прорвется за Свердловск, то следующая возможность перехватить его представится только в Архангельске, затем — Североморск. Между ними чисто. В Плесецке, правда, стоит дивизион 75-х, но никто не знает, в готовности он или тоже на «регламенте».

— Может уйти, — посетовал я.

— Может, — отозвался Иван Дмитриевич.

— А как мы узнаем? — мне не терпелось.

— Бирюзов у себя на командном пункте. После Свердловска придет, расскажет, — успокоил Сербин.

Ничего себе, успокоил. Мне казалось, они все смирились с тем, что нарушитель уйдет.

На командном пункте ПВО страны, располагавшемся неподалеку от Кремля, во дворе дома Министерства обороны на Фрунзенской набережной, нарушителя вели от самой границы. Пока безрезультатно. Бирюзов сидел за большим столом, перед ним всю стену занимал подсвеченный экран — карта страны. По ней рывками двигался маленький ненавистный самолетик. Его передвигал сидевший с тыльной стороны экрана сержант. Каждые несколько минут ему приносили новые данные о координатах, скорости и высоте полета нарушителя. В паузах между сообщениями сержант управлял иностранным разведчиком по наитию, поэтому порой самолетику приходилось возвращаться. Это означало, что Пауэрс сменил курс.

Рядом с главнокомандующим по левую руку сидел командующий авиацией ПВО маршал авиации Евгений Савицкий, сегодня его позывной звучал зловеще — «Дракон», справа — генерал-полковник Павел Кулешов, ему подчинялись зенитная артиллерия и ракеты. За спиной начальства сгрудились офицеры штаба.

Самолетик, удаляясь от Тюра-Тама, перемещался к северу, забирая чуть к западу, У-2 шел на Свердловск.

Расположенные вокруг Свердловска ракетные дивизионы, изготовившись, ожидали цель, но начать предстояло авиации.

Савицкий пока никак не мог добиться от подчиненных, что там происходит. Сообщали: перелетевшие из Перми МиГи-19 срочно заправляются, а пилотов с Т-3 пока не удалось разыскать.

Наконец доложили: одного из летчиков, капитана Игоря Ментюкова, перехватили в последнюю минуту на автобусной остановке. Бегом понеслись в штаб. Там капитана огорошили: «Москва приказывает немедленно взлетать, самолет противника на подходе. Высота более двадцати километров. Вся надежда на Т-3 и на него, Ментюкова».

Пилот попытался объяснить — самолет не вооружен, и сам он

лететь не готов, пока облачится в скафандр, цель минует город.

Генерал доложил в Москву. Оттуда последовал категоричный приказ Савицкого: взлетать немедленно, в чем одет, противника таранить. Таран на высоте 20 километров, где нечем дышать, а внутреннее давление мгновенно раздувает человека в шар, означал верную смерть.

Но приказы не обсуждаются. К тому же Ментюков не знал, что там, на борту нарушителя: безобидный фотоаппарат или ядерная бомба?

— О жене и матери позаботьтесь, — выдохнул он. Его жена ждала ребенка.

— Не беспокойтесь, все сделаем, — отозвался чей-то голос. Кто говорил, Ментюков не разглядел, он бросился к самолету. Через несколько минут самолет взлетел. У-2 уже вошел в зону перехвата. Теперь его вели и авиаторы, и ракетчики. Правда, последние могли только видеть цель, самолет находился вне зоны поражения.

Ментюков по командам с земли начал наводиться: зашел в хвост, выровнял высоту. Аэродром сообщал дальность до цели — 25 километров.

Летчик включил радиолокационный прицел, на экране замелькали помехи, разглядеть сквозь них цель не приходилось и мечтать.

Перехватчик несся на форсаже со скоростью две тысячи километров в час, когда с земли закричали: «Цель впереди! Смотри! Смотри!»

Разве ее углядишь, когда расстояние сокращалось каждую секунду почти на треть километра, а если и увидишь, то не останется времени повернуть, чтобы с маху врезаться во врага. Задачка почти неразрешимая. Т-3 проскочил над У-2, ни тот, ни другой пилот друг друга не заметили. Думаю, что Ментюков вздохнул с облегчением, керосина на повторную атаку не оставалось.

А тут поступила команда выключить форсаж, самолет, потеряв скорость, нырнул вниз и пошел на посадку.

В 1996 году бывший капитан, а ныне отставной подполковник Ментюков в интервью московской газете «Труд» рассказал, что самолет-нарушитель он якобы видел. В момент атаки У-2 входил в правый разворот, самолет менял курс. Ментюков повернуть вслед за ним не успел и промахнулся. В том же интервью Ментюков утверждает, что задание Савицкого он выполнил, самолет Пауэрса, попав в спутную струю от его истребителя, развалился.

То, что Ментюков видел У-2, можно допустить, ничего невозможного в этом нет. А вот второе — чистой воды вымысел. Пилот летевшего со скоростью две тысячи километров в час истребителя не мог видеть, что творится далеко позади. К тому же до наступления роковой минуты Пауэрсу еще предстояло пролететь несколько десятков километров.

Ракетчики отметили на своих экранах: преследователь исчез, цель снова осталась одна, но пока все еще вне досягаемости. Начальник штаба ракетного дивизиона майор Михаил Воронов считал про себя секунды: «Одна, еще одна, вот сейчас нарушитель войдет в зону открытия огня».

Пауэрс не подозревал, какая вокруг него разыгрывается драма в воздухе и на земле, в Свердловске и в Москве. Отметив заданный на карте ориентир, он повернул на Кыштым. Ему предстояло фотографирование Челябинска-40.

— Цель удаляется, — доложил оператор.

— Цель удаляется, — передал по инстанции майор Воронов.

— Цель удаляется, — доложили в Москве Бирюзову.

Самолет как будто знал, видел, где расположены ракеты, и старательно обходил опасные места. Кулешов подсказал: возможно, разведчик оборудован специальным приемником, реагирующим на сигналы радиолокаторов обнаружения ПВО. Положение складывалось просто катастрофическое. О том, чтобы снова поднять Т-3, не приходилось и мечтать. Савицкий дал команду на взлет четверке МиГ-19. В то, что истребители перехватят нарушителя, Бирюзов не верил, но следовало хоть что-то предпринять.

В этот момент майору Воронову доложили: цель возвращается, через несколько секунд она войдет в зону досягаемости.

По инструкции полагается пускать две ракеты. Сейчас для надежности решили выстрелить тремя.

Расчеты действовали автоматически, как на учениях. Но после нажатия кнопки с направляющих сорвалась только одна ракета. Две другие с места не сдвинулись.

У Воронова похолодело сердце: «Отказ». Казалось, судьба на самом деле берегла Пауэрса. Надо же такому случиться, на пути разворачивающихся за целью ракет в момент пуска оказалась кабина наведения. Автоматически выдался запрет старта. Оставалось уповать на ту единственную, что приближалась к цели. Операторы уже вывели ее в зону.

Наконец в небе вспыхнула огненная точка, через несколько секунд донесся негромкий хлопок взрыва. Произошло это в 8

часов 53 минуты утра по московскому времени.

На экранах радиолокаторов цель исчезла, они покрылись зеленоватыми хлопьями «снега». Так выглядят пассивные помехи, ленты фольги, сбрасываемые с самолета с целью ослепить наблюдателей, или… обломки самого сбитого самолета. Ни Воронов в дивизионе, ни его начальники в полку не поверили в свою удачу. А тут, как назло, офицер наведения старший лейтенант Эдуард Фельдблюм по-уставному четко отрапортовал: «Цель сбросила помехи, совершает противозенитный маневр».

— После пуска ракет цель сбросила помехи, совершает противозенитный маневр, — доложил Воронов на командный пункт в Свердловск. Дальше информация не пошла, до прояснения обстановки от ее передачи в Москву решили воздержаться.

Тем более что на планшете командира полка цель возникла снова, сержант-оператор в Свердловске действовал так же, как и его собрат в Москве, по наитию передвигал отметку по экрану.

В этот момент соседняя батарея капитана Николая Шелудько выпустила свои три ракеты по разваливающемуся самолету.

Как позже докладывали эксперты, пущенная Вороновым ракета не попала в самолет, она взорвалась чуть сзади. Пауэрсу повезло. Самолет тряхнуло, длинные крылья У-2 сложились, потом, оторвавшись и неспешно порхая, полетели к земле. Всего этого летчик, конечно, не видел, перед глазами у него вращалось небо, одно только небо, бескрайнее небо. И еще он ощущал, что от взрыва его кресло двинулось вперед, ноги зажало приборной доской. О катапультировании и уничтожении самолета не приходилось и думать. И снова Пауэрсу повезло. Его спасла одна из ракет капитана Шелудько, настигшая обломки самолета почти у земли на высоте шесть тысяч метров. От нового взрыва ноги летчика освободились, и он неуклюже вывалился за борт. Парашют сработал исправно.

А на земле всё не могли поверить, что цель уничтожена. В Москву докладывали о продолжающихся боевых действиях. Мнимый нарушитель применял помехи, менял высоту, но уйти ему не удавалось. Правда, и сбить его не могли. Он превратился в мираж, призрак. Следующие полчаса в небе творилось бог знает что.

Радиолокаторы ракетчиков обшаривали небо и то находили, то теряли цель. Иногда их оказывалось даже несколько, и никто не задал себе вопрос: «Откуда взялись остальные? Ведь от границы вели только одного». Людей охватила какая-то лихорадка, нервная горячка.

А тем временем, выполняя команду Савицкого, взлетали

МиГи-19. Первым взлетел капитан Борис Айвазян, следом поднялся его ведомый старший лейтенант Сергей Сафронов.

Им предстояло разогнаться и за счет набранной скорости, подпрыгнув до высоты, на которой летел У-2, попытаться сбить нарушителя. Я уже упоминал об этом изобретении Артема Микояна и маршала Савицкого. На все летчику отводились считанные секунды, да и где окажется истребитель, а где цель? Подобный маневр применяли неоднократно и ранее, но цели ни один из пилотов даже не увидел. Однако за неимением лучшего продолжали «подпрыгивать». В небе летчики противника не обнаружили, только где-то вдали Айвазян заметил идущий к земле инверсионный след. С командного пункта передали: «Радиолокаторщики сообщают — цель выпустила помехи и снизилась до высоты двенадцати тысяч метров. Ищите!» Найти нарушителя не удалось. На высоте двенадцать километров Айвазян с Сафроновым оказались в одиночестве. Но ненадолго. Через несколько минут к ним приблизились еще два МиГа, и капитан Айвазян услышал по рации: «Внимание! Цель впереди». Это на него с земли наводили перехватчик. Повезло, что на том самолете оказался капитан Гусев, опытный пилот, и к тому же человек с юмором. Зайдя в хвост Айвазяну, он узнал самолет из своей эскадрильи и, не сообщив ничего на пункт наведения, начал игру. Несколько минут он, скрупулезно выполняя команды, гонялся за Айвазяном. Тому ничего не оставалось делать, как принять участие в воздушном балете. Правда, пилотировал Айвазян с опаской, в его положении «мышки» в любой момент приходилось ожидать очереди по хвосту. Наконец разошлись, пришло время садиться, кончалось горючее.

У ракетчиков первым овладел ситуацией Воронов. Экран локатора посветлел, а с неба посыпались обломки У-2. Какие еще требуются доказательства? Но свердловские генералы настаивали: «Поиск продолжать!» В это время локаторы соседнего дивизиона захватили две цели. Вначале его командир майор Шугаев засомневался: «Почему две? И высота небольшая?» Запросили штаб. Но командующий авиацией ПВО генерал Солодовников отрубил: «В воздухе своих самолетов нет». Еще одна загадка, ведь только что в небе «играли в пятнашки» Айвазян с Гусевым.

Времени на раздумья не оставалось, раз своих в воздухе нет, то чужих следовало немедленно уничтожить. Начали наводить. Первым локаторы захватили самолет Айвазяна, но тут он неожиданно исчез. Решив пофорсить, летчик круто спикировал на аэродром.

На опустевшем экране место ведущего занял ведомый. Ракеты

не промахнулись. В небе раскрылся еще один парашют. Теперь уже наш.

Когда Воронов увидел американский парашют, после пуска первой ракеты времени прошло порядочно. Он автоматически отметил еще несколько взрывов ракет в вышине. Успел подумать: «Палят в белый свет, как в копеечку». И тут же забыл, последние сомнения пропали: нарушителя сбил он, теперь оставалось завершить дело, взять пилота живым. Воронов приказал одному из офицеров, капитану Казанцеву, с группой захвата гнать к месту приземления летчика. Пока собирались, разбирали автоматы, получали патроны, прошли драгоценные минуты. На месте приземления парашютиста не оказалось. У дороги в поле толпились возбужденные крестьяне. Они пояснили: «Шпиона повезли в совхоз».

Встреча двух цивилизаций произошла на удивление мирно и буднично. Это потом газеты расписывали гнев и возмущение советских людей. А на самом деле случилось вот что. Взрыв где-то там, в высоте услышал водитель «москвича», по случаю праздника он ехал с приятелями в соседнее село Поварня. Остановил машину, все-таки интересно, что там наверху происходит. Среди кучевых облаков голубыми пятнами проглядывало чистое голубое небо. Они, было, решили, что это хлопок истребителя, перешедшего за звук, к подобным эффектам здесь уже стали привыкать. И тут заметили в просветах какие-то сверкающие точки, затем среди них разглядели парашют. Через несколько минут приятели помогали летчику встать на ноги, выпутаться из строп Кто перед ними, они не поняли, только подивились снаряжению летчика. Да ведь не каждый день катапультируются сверхзвуковики. Окончательно они растерялись, когда на вопрос: «Как дела?» спасенный ответил невразумительно, явно не по-русски.

— Болгарин? — спросил летчика хозяин машины.

Вся округа знала, что по соседству на аэродроме тренируются летчики из стран Варшавского договора. Парашютист отрицательно замотал головой и зачастил на своем языке. Спасители недоуменно вслушивались, потом один из пассажиров пошустрее, отслуживший флотскую службу, написал на пыльном стекле машины USA. Пауэрс закивал головой. Его похлопали по плечу и жестом указали на переднее сидение «москвича». Везти пленного шпиона, а в этом они уже не сомневались, решили в контору совхоза. Там Пауэрса тоже встретили вполне мирно, помогли снять скафандр, он остался в летной кожаной куртке. Усадили за стол, вот только водки по случаю праздника не предложили. Такую, почти идиллическую, картину застала группа

захвата, направленная майором Вороновым, и подоспевшие вслед за ней местные сотрудники КГБ Пауэрса увезли в Свердловск.[54]

Я долго не мог понять, с чего бы это Пауэрса приняли за болгарина, а не, скажем, за чеха или немца, посчитал это сообщение за выдумку. И ошибся. В октябре 1995 года мне пришлось побывать на авиабазе в Бодо в Норвегии. В тот майский день 1960 года Пауэрс до нее не долетел. Теперь, через 35 лет, в местном авиационном музее устроили конференцию, посвященную холодной войне. Пригласили с докладом и меня как одного если не очевидца, то современника событий мая 1960 года. В Бодо я познакомился с сыном пилота У-2 Фрэнсисом Гарри Пауэрсом-младшим — симпатичным улыбчивым молодым человеком. Смуглый, с черными волнистыми волосами — вылитый болгарин. Когда я рассказал о первой встрече его отца со свердловчанами, он поделился со мной историей своей семьи. Оказывается, Пауэрсы происходят из небольшой народности, живущей в Испании, пришедшей туда с севера Африки. Горы, яркое солнце — все там, как в благодатной Болгарии. Немудрено, что и люди похожи.

МиГ-19 упал за деревней Дегтярка, западнее Свердловска. Парашют Сафронова заметили местные жители. Когда подбежали, летчик уже не дышал, из глубокой раны в боку хлестала кровь.

Сначала маршалу Бирюзову доложили ракетчики: «Самолет-нарушитель сбит». У Сергея Семеновича отлегло от сердца. Тут последовала новая информация, местный командующий истребительной авиации генерал-майор Вовк сообщил из Свердловска «Дракону». «Одного летчика задержали, второго ловим». Бирюзов решил дождаться подтверждения о поимке второго шпиона и потом доложить Хрущеву о происшедшем лично.

Не успел маршал решить, заехать домой переодеться или появиться на Красной площади вот так по-боевому, как снова позвонили по ВЧ из Свердловска. Запинаясь, генерал сообщил, что второго парашютиста нашли, к сожалению, им оказался наш, старший лейтенант Сафронов.

— Как наш? — маршал едва сдержался, чтобы не сорваться на крик. — Сколько самолетов сбили? Вы что, чужого от своего отличить не можете?

— У него не работал ответчик, — соврал генерал.

Потом эту ложь повторяли повсеместно, хотя пилоты свидетельствуют об обратном. Ясность внес Игорь Ментюков ответчики работали, но не в новом, майском, а в старом — апрельском коде. В предпраздничной суете аэродромные службы на самолетах его не сменили Не удивительно, что радары

ракетчиков воспринимали своих как чужих.

— Сколько ракет выпустили? — понемногу стал успокаиваться Бирюзов.

— Одну, три и еще две, — начал неуверенно считать генерал в Свердловске. И совсем уж убитым голосом подытожил — Всего четырнадцать.

— А какой сбили? — не дослушал его маршал.

— Первой, — убитым голосом произнесли на том конце провода.

— Так какого же вы рожна, — дальнейшие несколько минут обычно спокойный Бирюзов пользовался исключительно непечатными выражениями и в сердцах бросил трубку.

Радужное ощущение победы мгновенно улетучилось, в таком виде доклад не предвещал триумфа.

— Узнай, какой самолет они сбили, Т-3 или МиГ, — бросил маршал Савицкому.

Тот вновь связался со Свердловском.

— МиГ-19, — кратко сообщил он после нескольких минут энергичного разговора. — Первым я послал Т-3, приказал таранить, но летчик промазал, прошел выше цели. Тогда подняли МиГ-19, показалось, что цель снизилась.

— Хорошо, — Бирюзов уже не слушал своего заместителя.

В его мозгу отпечаталось перехватчик пролетел над высотным разведчиком. Это само по себе достижение. Но как доложить? И тут в его голове мелькнула спасительная идея. Маршал подозвал к себе заместителей.

— Дело обстояло так, — начал он уверенным, ровным голосом, — Нарушитель только краем мазнул по зоне досягаемости ракет. Мы это предполагали заранее и послали на перехват Т-3. Нет, лучше пару Т-3, — поправился он — Ведь там стояли два самолета. Они уже настигали цель, когда она вошла в зону поражения ракет. На самом пределе. Решили пускать. Перехватчику передали команду на выход из боя, но он в ответ только крикнул: «Атакую». Стартовали две ракеты, как положено. Оба самолета оказались так близко, что с земли их перестали различать, отметки на радиолокаторе слились. Поэтому одна ракета поразила шпиона, а другая погналась за нашим. К сожалению, тоже не промазала Лейтенант, как там его?

— Старший лейтенант Сафронов, — подсказал Савицкий.

— Да, лейтенант, — повторил маршал, — погиб как герой. Все! И никаких других ракет! Расстрелялись! Помехи им, видите ли, глаза застлали.

Маршал оглядел с головы до ног своих заместителей. На их лицах он прочитал согласие Такая версия устраивала всех, в

первую очередь Главнокомандование.

— Ты, — Бирюзов повернулся к Кулешову, — немедленно лети на место. Разберись внимательно, но главное, все должны говорить одинаково. Ясно?

— Есть, — ответил генерал-полковник. Савицкий только кивнул головой.

Эту маршальскую версию и доложили отцу. О том, как на самом деле сбили Пауэрса, все участники событий накрепко и надолго «забыли». Я тоже не знал правды. Заговорили только с наступлением горбачевской гласности, и только отставники рангом пониже. Воронов, Айвазян и некоторые другие. Их рассказы опубликованы в прессе.[55] Мне эта история кажется очень поучительной. Насколько могут быть дезинформированы верхи! А ведь на основе подобных докладов отец, и не только отец, принимал решения, от которых зависели судьбы мира!

Бирюзов пожал руку Кулешову и Савицкому, громко поздравил всех присутствовавших в штабе с победой и твердым шагом направился к машине. Он решил ехать на Красную площадь в полевой форме.

На Красной площади парадные шеренги войск сменились демонстрантами. Отец ждал доклада, но из штаба ПВО всё не звонили. Сам он не хотел зря нервировать людей. Как только собьют, немедленно сообщат, упустят… тоже сообщат.

Появление у кромки трибун деловито шагающего к Мавзолею маршала Бирюзова не осталось незамеченным. Иностранцы недоумевали: что произошло? Осведомленные функционеры сразу сделали правильный вывод: сбили! Полевая форма маршала произвела должное впечатление, ее запомнили все. Бирюзов поднялся на Мавзолей, склонившись к уху отца, прошептал слова победной реляции, выслушал заслуженные поздравления и с достоинством отошел на отведенное военачальникам правое крыло трибуны.

Через несколько минут информация просочилась с Мавзолея вниз и по трибунам пошло гулять сопровождаемое вздохами облегчения и взаимными поздравлениями заветное: «Сбили». Петр Дмитриевич Грушин и Александр Андреевич Расплетин, создатели 75-х, расцвели улыбками и только успевали пожимать тянущиеся к ним руки.

Отец приехал после праздника домой чрезвычайно довольный. Он ощущал себя наконец-то отомстившим давнему обидчику.

От него я узнал, что пилот жив, его пока допрашивают в Свердловске. Он охотно обо всем рассказывает. Отец, смакуя,

воспроизвел рассказ Пауэрса о заверениях американских специалистов в невозможности сбить У-2. Рассказал он и о захваченном разведывательном оборудовании, почти целом. В фотоаппарате пленка сохранилась незасвеченной. Сейчас ее проявляют.

Тут же отец поделился своим планом. Он решил поиграть с американцами в прятки, не сообщать поначалу об уничтожении самолета, подождать, что они начнут выдумывать, а уж затем, разоблачив их, отыграться за все годы унижений.

Он считал, что, как и 9 апреля, инициатива сегодняшнего полета принадлежит не президенту, а самовольничающим военным и ЦРУ. О совещании в верхах отец даже не заикнулся. Я специально спросил его об этом. Отец отреагировал спокойно: разведка разведкой, а дипломатия дипломатией.

Не считал отец целесообразным вносить коррективы и в запланированный на 14 мая визит главкома советских Военно-воздушных сил маршала авиации Вершинина в США. Он его совершал в ответ на давний приезд к нам на воздушный парад генерала Туайнинга.

Отец рассчитывал: когда он докажет, что У-2 нарушил нашу границу, президенту придется извиниться за своих подчиненных. В продуманный отцом сценарий в виде заключительного аккорда входил громкий, открытый на весь мир процесс над американским шпионом Фрэнсисом Гарри Пауэрсом.

Парижский кризис — один из примеров того, как ошибка в прогнозе поведения партнера приводит к неадекватным ответным шагам. Неверно расценили ситуацию обе стороны, если только в Лэнгли с самого начала не существовало плана срыва переговоров. Я никак не могу преодолеть в себе это подозрение.

Наиболее дальновидно повел себя президент Французской республики генерал де Голль. Он поручил своему послу в Москве господину Дежану, у которого установились с отцом почти доверительные отношения, неофициально осведомиться, не изменились ли намерения отца в отношении парижской встречи. Отец заверил: его цель — укрепление мирного сосуществования, он с надеждой смотрит на открывающееся совещание. О том же говорил отец и 5 мая в докладе на Пятой сессии Верховного Совета СССР. И хотя доклад назывался «Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа», отец посвятил значительную часть времени вопросам, связанным с парижским совещанием. Он сказал о своих опасениях, но твердо заявил, что мы идем на совещание в Париже с чистым сердцем и не пожалеем

сил, чтобы достигнуть взаимоприемлемого соглашения.

Правда, отца серьезно задело предупреждение президента Эйзенхауэра, что он не сможет провести в Париже больше недели. Ссылка на запланированный ранее визит в Португалию воспринималась отцом как оскорбительное, унизительное отношение к переговорам с ним. На одну доску ставились переговоры о разоружении, мире в Европе, судьбе Германии и протокольный визит в страну, чья политика вообще не влияет на состояние дел в мире. К этому еще добавлялась существовавшая в нашем обществе неприязнь к фашистскому диктатору Португалии Салазару.

Между тем события, связанные с таинственным исчезновением У-2, пока разворачивались в соответствии с придуманным отцом сценарием. В своем выступлении перед Верховным Советом он сообщил только о факте нарушения нашей границы и сбитии самолета советскими ПВО. Где это произошло — у самой границы или в глубине территории, о судьбе пилота, захваченных разведывательных приборах и прочих подробностях он умолчал. «Пусть там помучаются, — повторял отец, — посмотрим, что сочинит Госдепартамент. Когда они окончательно запутаются во лжи, мы им предъявим живого пилота. А пока молчок». Сенсационную новость депутаты встретили с возмущением. Информация мгновенно распространилась по миру.

Американцам пришлось вступить в игру, сделать ответный ход. В сообщении Госдепартамента, затем развитом и уточненном НАСА, говорилось, что «один из самолетов типа У-2… предназначенных для научно-исследовательских целей и находящихся в эксплуатации с 1956 года для изучения атмосферных условий и порывов ветра на больших высотах, пропал без вести с 9 часов утра 1 мая (по местному времени) после того, как его пилот сообщил, что он испытывает затруднения с кислородом и находится над озером Ван в районе Турции». Дальше следовали технические подробности, детали.

Я никак не могу понять, почему американцы завели речь о Турции, зная, что самолет вылетел из Пешавара и потерялся совсем в другом месте. Или они опасались возникновения затруднений в отношениях с Пакистаном?

Что бы ни служило причиной, их неуклюжая ложь лила воду на мельницу отца. Он выжидал, что последует дальше, просто наслаждался начавшейся игрой. Трудно сказать, как долго отец смог бы сохранять тайну. Думаю, он и сам не имел четкого плана. Но судьба взяла поводья в свои руки. Вскоре после выступления

отца, кажется на следующий день, на одном из приемов встретились дуайен дипломатического корпуса посол Швеции господин Сульман и заместитель министра иностранных дел нашей страны Яков Малик. Задним числом судачили, что Малик позволил себе злоупотребить коньяком, но достоверно никто ничего не знает. Однако повел он себя в высшей степени неосмотрительно. Когда шведский посол как бы невзначай спросил его о судьбе пилота американского разведывательного самолета, Малик простодушно ответил: «Не знаю точно, допрашивают». Через мгновение он спохватился, но слово не воробей. Оставалась надежда, что посол не передаст информацию американцам. Швеция — нейтральная страна. Сульман рассудил иначе. Он поспешил в посольство и тут же набрал номер телефона американского посла.

Через час председатель КГБ Шелепин позвонил отцу и передал содержание разговора двух дипломатов. Отец рассердился и расстроился. Незадачливого чиновника на следующий день вызвали в ЦК, устроили головомойку, выгнали из заместителей министра и даже исключили из партии. Но ненадолго. Через несколько дней его простили.

Молчать о пленении Пауэрса больше не имело смысла, и отец, взяв слово в заключительный день работы сессии Верховного Совета СССР, подробно пересказал американскую версию полета У-2, а затем опроверг ее пункт за пунктом, вдоволь поиздевавшись над неуклюжестью лгунов. Он привел выдержки из допросов Пауэрса, рассказал о маршруте полета, со смаком перечислил все шпионское снаряжение, найденное в обломках самолета. Кульминацией явилась демонстрация проявленных снимков: аэродромов, складов, предприятий. С торжеством отец передал пачку фотографий председательствующему на заседании Лобанову.

Копию снимков отец захватил на дачу. Я их внимательно рассматривал. Качество оказалось отличным: вот истребители, растянувшиеся цепочкой вдоль посадочной полосы, а там керосиновые емкости, штабные здания.

Отец остался доволен, он выиграл первый раунд. А пока распорядился выставить обломки самолета в Парке культуры и отдыха имени Горького, на том самом месте, где во время войны демонстрировалась трофейная немецкая военная техника. Отец стал одним из первых посетителей этой своеобразной выставки. Я поехал с ним. Искореженная груда металла, правда без следов пожара, приборы, шпионская аппаратура впечатляли. Вокруг отца крутились иностранные корреспонденты, сенсация еще только разгоралась. Выйдя из павильона, где размещалась экспозиция,

отец с охотой стал отвечать на вопросы, произнес энергичную речь. Из нее следовало, что отныне так поступят с каждым, кто нарушит наши границы. Американцы должны задуматься, если они не хотят развязать мировую войну.

Посещение выставки состоялась 11 мая под вечер. А двумя днями раньше в очередном, четвертом по счету, заявлении Государственного департамента по вопросу У-2 утверждалось, что президент в принципе санкционировал разведывательные полеты над советской территорией в целях предотвращения неожиданного нападения и оставляет за собой это право и впредь, до того момента, пока СССР не откроет свои границы для проведения инспекции.

Прочитав эти слова, отец просто вскипел. Если авторы ставили себе цель вывести отца из себя, то они добились желаемого результата.

8 тот вечер отец сдержался. У Эйзенхауэра еще оставалась возможность достойно выйти из сложившегося положения.

9 мая, в пятнадцатую годовщину победы над фашистской Германией, в газетах опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении зенитчиков, сбивших Пауэрса. Начальника штаба ракетного дивизиона майора Воронова наградили орденом Красного Знамени. Таких же орденов были удостоены старший лейтенант С. Н. Сафронов и капитан Шелудько Н. И. Другие участники операции получили кто ордена попроще, кто медали. Ни в указе, ни в последующих многочисленных публикациях не упоминалось, что Сергей Сафронов погиб. Вообще оставалось неясным, кто он такой. Остался нерасшифрованным и капитан Шелудько, обстрелявший своими ракетами уже сбитый У-2. А вот о майоре Воронове и его расчете писали почти все газеты.

Май 1960 года стал месяцем драматических перепадов во взаимоотношениях с Соединенными Штатами. Из оттепели, «духа Кэмп-Дэвида», мы вновь окунулись в студеный омут «холодной войны», еще более «холодной», чем до Кэмп-Дэвида.

Почему накануне встречи в верхах в ЦРУ решили снова послать разведчиков пофотографировать советские секретные военные объекты? Вряд ли они не знали, что к 1960 году у советских ПВО появились У-2, легко достигавшие двадцатикилометровой высоты полета, истребители-перехватчики СУ-9 (Т-3) и противосамолетные ракеты С-75. Американский дипломат и разведчик Раймонд Гартофф в 1959 году сопровождал американского вице-президента Никсона во время его визита в

Москву и в последующей поездке по стране. Посетили они и Свердловск. На подлете к городу Гартофф сфотографировал стоявшие на позициях 75-е. По таким снимкам любой специалист легко вычислит высоту поражения цели и дальность полета ракет. Однако все доступные рассекреченные американские документы назойливо убеждают читателей: не знали, проморгали, недоглядели. Можно, конечно, поверить в полную неэффективность американского ЦРУ, но можно и усомниться.

И вообще, зачем затевать накануне столь важной международной встречи столь провокационную миссию? Даже если самолет-разведчик и не удастся сбить, настроение у отца неотвратимо испортится, доверие к президенту Эйзенхауэру как к партнеру рассыплется в прах. В серьезной политике перед серьезными переговорами так не поступают.

Конечно, всем этим событиям уже давно даны объяснения. Мемуаристы из ЦРУ сетуют в них, что потепление во взаимоотношениях двух стран заметно поубавили возможностей для воздушного шпионажа: то и дело президент накладывал вето на очередной разведывательный полет. По мнению разведчиков, запреты серьезно навредили национальной безопасности США. Они знали, что в Плесецке, под Архангельском, строится база аж для четырех межконтинентальных ракет Р-7, но не знали состояния ее готовности на 1960-й год. Они не раз фотографировали советские полигоны в Семипалатинске, Тюра-Таме (Байконуре) и Сары-Шагане на озере Балхаш, атомные закрытые города на Урале, но съемки не возобновлялись ужу более года. В ЦРУ считали такую расхлябанность недопустимой. И они решили поправить дела как раз перед Парижской встречей. Я понимаю профессионалов, специалист подобен флюсу, их создали для сбора информации, и они обязаны ее собирать.

Но политики мыслят иными категориями: если хочешь мира, можно пожертвовать, хотя бы временно, десятком сделанных «через замочную скважину» фотографий.

И тем не менее, самолеты У-2 послали в разведывательные полеты. Сначала в апреле. Тогда один из них облетел Тюра-Там, Семипалатинск, Сары-Шаган, его попытались атаковать СУ-9, но неудачно. Самолет У-2 невредимым вернулся на свою базу. Он сфотографировал не только космические старты и шахты для подземных ядерных испытаний, но и позиции охранявших их ракет ПВО. Ракеты почему-то не задействовали, но их присутствие вокруг секретных объектов не вызывало сомнений. Не в этот, так в следующий раз Советский Союз их обязательно применит. Более того, после первого облета их обязательно приведут в наивысшую готовность.

И тем не менее, выждав пару недель, пилота У-2 Гарри Пауэрса послали с новой, еще более опасной миссией. Маршрут ему проложили через всю страну, с юга на север, вновь над Тюра-Тамом, потом над Свердловском, Плисецком, Северодвинском, Североморском, и оттуда домой, на базу НАТО в Буде, в Норвегии.

Трудно найти более тщательно охраняемые объекты общенационального значения на советской территории. Если мыслить логически (а именно так и мыслят разведчики), охранять их должны самые совершенные средства ПВО и, следовательно, возможность сбить несбиваемый У-2 там наибольшая. Особенно после недавнего, как бы предупредительного полета. «Уж если сейчас его не собьете, то я не знаю, что еще можно для вас сделать», — в моем представлении, именно так рассуждал неизвестный мне чиновник из ЦРУ, планировавший полет. А если опять не собьют, то, все равно, гордость претендующей на «сверхдержавность» страны уязвится в максимальной степени.

Почему я склоняюсь к мысли, что потеря У-2 оказывалась кому-то в США (кому конкретно, я не знаю), на руку?

В каждой находящейся в состоянии конфронтации стране позиции «ястребов» необычайно сильны. И они делают все, чтобы противостояние не сменилось разрядкой, мирным сосуществованием, к которому призывал отец и, по всей видимости, склонялся президент Эйзенхауэр.

Чем встреча в Париже и последующий визит Эйзенхауэра в СССР пугали «ястребов»? О чем отец и американский президент могли там договориться? «Ни о чем», — утверждают американские и пристраивающиеся к ним в кильватер российские историки. Именно эта безысходность якобы и побудила отца взорвать совещание изнутри. Ему просто оказалось не о чем говорить с американцами.

Любопытная позиция, и она требует осмысления.

Скептики не так уж и не правы: о всеобщем разоружении стороны в Париже договориться не могли, — уж очень расплывчатой оставалась вся эта концепция. Не могли они договориться и о Германии. Позиции США и Советского Союза не сближались, каждая из сторон соглашалась на объединение только на своих условиях. К тому же, за каждым шагом президента Эйзенхауэра внимательно следил канцлер Конрад Аденауэр. За отцом так же внимательно наблюдал Вальтер Ульбрихт.

Европейские страны, особенно Франция с Англией, не открыто, а исподтишка противодействовали объединению Германии. О том, что Франция не хотела бы граничить с единой

Германией (статус-кво ее устраивает больше), доверительно сказал отцу на переговорах в Рамбуйе в 1960 году президент Шарль де Голль. О том же, еще раньше, не раз заявлял Уинстон Черчилль, намекали в разговорах с глазу на глаз британские премьер-министры — Антони Иден в 1956 году и Гарольд Макмиллан в 1959-м. Они не хотели вновь обрести могущественного «союзника» в центре континента, ни просоветского, ни проамериканского. Конечно, в официальных документах обе страны обозначали свои позиции иначе, дипломатия не оставляет следов.

Казалось бы, у «ястребов» не было ни малейших оснований для беспокойства.

Не верно! Основания для беспокойства имелись, и немалые.

И президент Эйзенхауэр, и отец сходились в одном: они искренне стремились остановить ядерные испытания. Оба они о войне, о ее ужасах знали не понаслышке. Отец, переживший окружение немцами Киева в 1941, поражение под Харьковом в 1942, прошедший сквозь огонь Сталинграда и Курской битвы в 1943, не хотел и не мог допустить повторения беды. Отец, вопреки военным, уже объявлял об односторонних мораториях. Последний из них в мае 1960 года строго соблюдался Советским Союзом. К сожалению, американцы на его призывы реагировали кисло, а свои давили изо всех сил.

Я не берусь столь же категорически судить о генерале-президенте Дуайте Эйзенхауэре. Но то, что я знаю о нем, свидетельствует: войны он не хотел, понимал, что с ядерной войной шутить не стоит.

К тому же, в ноябре 1960 года в США предстояло избрать нового президента, второй срок Дуайта Эйзенхауэра заканчивался. Завершить его хотелось чем-то исторически значительным. Договор с СССР о запрещении ядерных испытаний просто идеально подходил для этой цели.

Встречи в Кэмп-Дэвиде показали, что оба политика куда легче находят общий язык в приватных беседах, чем за столом переговоров.

На подобной неофициальной встрече в Париже, в перерыве между переговорами оба лидера вполне могли наедине, вдали от любознательных ушей, в принципе договориться, что с испытаниями пора кончать, а формальный договор подписать в следующем месяце, во время визита Эйзенхауэра в Советский Союз в июне 1960 года.

Американские «ястребы» наверняка учитывали «слабинки» своего президента, как и советские военные опасались «опасного миролюбия» своего главнокомандующего. И те и другие

стремились «в интересах безопасности своих стран» не допустить «предательства национальных интересов».

Послать разведывательные самолеты, а еще лучше сбить один из них, чтобы улики оказались неопровержимее, и сопроводить это соответствующими жестко-бескомпромиссными заявлениями Государственного департамента — вот что не могло не сделать своего дела. И сделало.

К изложенной выше реконструкции разворачивавшейся вокруг Парижской встречи четырех держав интриги меня подтолкнули аналогичные «логически обоснованные» умозаключения западных политологов и историков. Они, естественно, искали отгадку на нашей, советской стороне. Появилась версия о возникновении в те дни серьезных расхождений в советском руководстве, давлении на отца справа, предопределившем срыв совещания. В рассекреченных ныне документах, включая конспективные записи происходившего на заседаниях Президиума ЦК, отсутствуют какие-либо следы разговоров на эту тему. Все они свидетельствуют о единогласной поддержке позиции Хрущева. Но политологи с историками — народ упрямый, уж если что-то вошло им в голову… Подобная точка зрения мне представляется в своей основе ошибочной, уводящей нас в сторону.

Конечно, в советском руководстве имелись люди, которые, мягко выражаясь, с прохладцей относились к курсу отца на улучшение отношений с Соединенными Штатами, но они держали свое мнение при себе. В тот период отец полностью определял линию поведения и во внешней, и во внутренней политике.

Объявленное в начале года новое сокращение вооруженных сил, естественно, не вызывало восторга в армии. Заявление отца о необходимости сворачивания традиционных родов войск и переориентации на ракеты поддерживали далеко не все военачальники. Но это не проявлялось в форме протестов, открытых споров или даже просто возражений. Так, глухое ворчание дома по вечерам.

Руководитель Министерства обороны не входил в Президиум ЦК. Он не мог непосредственно влиять на принятие политических решений. К тому же в 1960 году и у Малиновского, и у Гречко, несмотря на разногласия по поводу крылатых и баллистических ракет, а также преимуществ колес и гусениц, сохранялись с отцом не то что хорошие, а, я бы сказал, дружеские отношения.

Что же касается высшего политического эшелона, то достаточно напомнить о пленуме ЦК, состоявшемся в первых

числах мая, накануне открытия сессии Верховного Совета СССР. Он произвел по инициативе отца заметные кадровые изменения в Президиуме. Отец последнее время высказывал недовольство своим протеже Алексеем Илларионовичем Кириченко.

Отец решил заменить его Фролом Романовичем Козловым. Политические взгляды Козлова не отличались радикальностью, но в тот момент он полностью, даже в мелочах, шаг в шаг следовал линии отца. Да и о каких разногласиях в момент избрания могла идти речь? Его кандидатура просто не рассматривалась бы.

В Президиум ЦК избрали еще трех новых членов, безоговорочно поддерживавших отца: Алексея Николаевича Косыгина, его первого заместителя в Совете министров СССР, Николая Викторовича Подгорного из Киева и Дмитрия Степановича Полянского. Перестановки вызывались не политической борьбой, а некомпетентностью, как считал отец, его членов, пришедших в Секретариат ЦК на волне борьбы с «антипартийной группой». Причины и поводы назывались разные, каждый раз свои, но не имевшие ни малейшей связи с предстоящей встречей в Париже.

Борьба у отца происходила не с оппозицией, а с самим собой, между естественным человеческим стремлением улучшить отношения в мире, отодвинуть опасность войны и столь же естественной настороженностью по отношению к империалистам. К тому же он скрупулезно следил, не проявляется ли где неуважение к нашей стране. Отец попытался прояснить обстановку на приеме в чехословацком посольстве по случаю национального праздника 9 мая.

Выступил там отец чрезвычайно миролюбиво, подчеркивая, что, несмотря на инцидент, дверь остается открытой, он готов совместно искать разумный выход из создавшегося положения. Но только разумный, не ущемляющий национального достоинства ни одной из сторон. Дальше отец обращался непосредственно к американцам, президенту США. Он сказал: «Сегодня я еще раз заявляю, что мы хотим жить в мире и дружбе с американским народом… Я уважаю присутствующего здесь посла США и уверен, что он не имеет ничего общего с этим вторжением… Я убедился в высоких моральных качествах этого человека… Я думаю, что он не одобряет этого инцидента ни как человек, ни как представитель своей страны». Большего, кажется, не скажешь. Но отец сказал больше. Он действительно доверял послу Томпсону, искренне верил в его стремление улучшить отношения между двумя странами.

В те дни я ничего не знал и не мог знать о коротком конфиденциальном разговоре отца с послом Томпсоном. Он состоялся тут же, в посольстве. Отец рассчитывал, что обращение через Томпсона к президенту поможет отыскать взаимоприемлемое решение.

Томпсон заверил отца, что он предпримет все возможное. К сожалению, посол опоздал. В Вашингтоне Государственный департамент успел объявить: Эйзенхауэр лично санкционировал полеты.

Но и тут дверь не захлопнулась. Я уже упоминал, что 11 мая на выставке отец не исключил возможности поиска совместного решения. Конечно, положение усугубилось. Но при обоюдном желании еще сохранялась возможность что-нибудь придумать. Тем более что инициативу проявляла сторона, чье национальное достоинство подверглось оскорблению.

Не исключал этого и Эйзенхауэр. В Овальном кабинете президент сказал госсекретарю США Гертеру, что, возможно, имело бы смысл встретиться с Хрущевым в Париже до начала заседаний и попытаться очистить атмосферу.

Эйзенхауэр попросил Гертера попытаться устроить так, чтобы «Хрущев заглянул в резиденцию американского посла в Париже в первый день, скажем, часа в четыре». Гертер возразил ему, сказав, что Хрущев может воспринять это как «признак слабости».

Приглашения отцу не поступило. А он прямо говорил на пресс-конференции 11 мая, что вопрос о визите Эйзенхауэра в нашу страну «утрясет с президентом в Париже. Мы все еще хотим изыскать пути для упрочения отношений с США».

И тем не менее в надежде на встречу с президентом отец отправился в Париж заранее. С ним полетели Громыко и включенный в последний момент в делегацию Малиновский. Отец внимательно отслеживал все, что делали американцы. Когда ему доложили, что с их стороны будет участвовать министр обороны, он тут же откликнулся: «А чем мы хуже?» Коллеги по Президиуму ЦК не возражали.

У меня сохранился в памяти разговор с отцом, состоявшийся перед самым отъездом. Мы гуляли вечером на даче. Отец стал вдруг вспоминать о ферме Эйзенхауэра, сказал, что стоит пригласить президента сюда, показать ему посевы, покататься на лодке по Москве-реке. Никаких намеков на возможность отмены визита.

То же самое можно сказать и об официальной подготовке к встрече в верхах. Справки, заготовки речей, предложения, аккуратно подобранные по папкам, ждали своего часа. Об У-2 в них упоминалось походя, вскользь. Хотя большинство бумаг

писалось под диктовку отца, в предотъездные дни заготовки у него стали вызывать смутное беспокойство, не ложились на душу. Получалось, мы идем на совещание просителями.

До последнего момента отец держал дверь открытой. Именно американцы, считал отец, грубо захлопнули ее, заявив о своем праве продолжать разведывательные полеты над нашей территорией. Что из того, что оно исходило из Государственного департамента? Прошло достаточно времени. Если бы президент захотел, он бы уже давно внес коррективы.

Последние решения отец принял уже в самолете.[56] Он рассказывал: «В полете… ко мне пришло более острое сознание ответственности. В напряжении человек соображает острее.

Я подумал: "Вот мы летим на встречу. Мы уже не раз встречались, и надежд на достижение какой-то договоренности мало. Маячил в моем сознании факт запуска перед самой встречей Соединенными Штатами своего самолета-разведчика У-2. Вопрос: Чего мы ждем? Разве сможет самое сильное в мире государство Соединенные Штаты пойти на соглашение в таких условиях? Вернее — можно ли ждать от такого государства разумного соглашения, если оно перед встречей подложило под нее мину — запустило самолет-разведчик?"

Мне все время сверлила мозг эта мысль. Я все больше и больше убеждался, что мы будем выглядеть несолидно. Нам преподнесли такую пилюлю перед самым совещанием, а мы делаем вид, что ничего не понимаем, идем на это совещание, как будто ничего не произошло. Совещание будет сорвано, и эти державы, безусловно, постараются свалить ответственность на нашу делегацию, на нашу страну. Мы, собственно, потерпевшая сторона, нанесено оскорбление нашему достоинству, а мы идем на это совещание.

У меня созрела мысль, что надо пересмотреть направленность наших документов, особенно первого — декларации, с которой мы должны были выступить при открытии совещания. Я подумал, что надо поставить условия, ультимативные условия Соединенным Штатам Америки: они должны извиниться за нанесенное запуском самолета-разведчика оскорбление нашему государству. Надо потребовать, чтобы президент Соединенных Штатов взял обратно свое заявление, в котором он говорил, что они имеют право на разведывательные полеты над нашей территорией, то есть односторонне разрешают себе летать над территорией других стран, чего над своей страной делать никому не позволяют.

Я продиктовал свои соображения. Андрей Андреевич со своим мидовским штатом засел за обработку документов. Все

нужно было пересмотреть, как говорится, на сто восемьдесят градусов. Мы создали новый документ… но этот документ не рассматривался в руководстве партии и правительства.

Мы быстро получили полное одобрение нашей новой позиции. Таким образом, выехали мы с документами, имевшими одну направленность, а когда приземлились в Париже, их направленность была уже другая. Я считаю, что это было совершенно правильное изменение нашей позиции».

Одновременно решили отменить назначенный на тот же день вылет в Соединенные Штаты делегации советских Военно-воздушных сил во главе с главнокомандующим маршалом Вершининым.

Сделав первый шаг, отец не мог и не хотел остановиться.

«Когда мы приехали в Париж, я подумал: "Ну, хорошо, мы сделаем такое заявление, а президент не извинится и не откажется от полетов. Он уже сделал в Вашингтоне заявление, что они будут продолжать разведывательные полеты. Ну и что же?"».

Изменившаяся позиция отца не могла не повлечь за собой и поворота в отношении визита Эйзенхауэра в Москву, который как бы являлся продолжением совещания в верхах. О визите отец вспомнил не сразу, уже в Париже: «В таких условиях, естественно, он (Эйзенхауэр) к нам приехать не может, а мы не можем его терпеть. Как же мы будет приветствовать его на нашей территории?… Это нетерпимое положение! Это оскорбительно! Это унижает страну!..

У меня возникла мысль, что надо включить в декларацию, которую мы собираемся зачитать на первом заседании, пункт о том, что если не будет извинения, то мы отзываем свое приглашение президенту посетить нашу страну.

Все согласились. Мы быстро и эту дополнительную позицию послали в Москву на согласование. Сейчас же мы получили положительный ответ. Таким образом, у нас уже были подготовлены все документы, а мы были напичканы аргументами взрывного характера. К нам, как говорится, нельзя было притронуться, тут же проскакивала искра…»

Отец не подозревал в те дни и не узнал до конца жизни, что личный самолет президента, на котором тот намеревался путешествовать по нашей стране, превратили в разведчик, нашпигованный специальной аппаратурой. Знай это отец, проскочила бы не искра, разразилась бы настоящая буря с молниями и далеко разносящимся громом.

В Париже отец сделал еще одну попытку встретиться с президентом до начала совещания. В качестве посредника он выбрал Гарольда Макмиллана. После общения в Москве зимой

прошлого года он пришел к заключению, что премьер-министр Великобритании наиболее трезво оценивает обстановку, проявляет неподдельную заинтересованность в результативности предстоящей встречи. Макмиллан принял на себя миссию посредника, но американцы ответили отказом.

Если бы встреча двух мировых лидеров состоялась, то многое в мире могло сложиться совсем иначе.

Когда отец окончательно удостоверился, что Эйзенхауэр не сделает шага навстречу, он переменился. Теперь и отец не собирался договариваться, он решил расплатиться той же монетой. «В первый день, — вспоминает отец, — я зачитал декларацию. Именно зачитал, потому что в таких случаях изложение недопустимо. При вольном изложении могут появиться какие-то лишние слова, не такое построение фразы. Все это будет зафиксировано, и потом уже будет трудно исправить… Появится возможность иного толкования в пользу наших противников. Поэтому я зачитал декларацию и сел.

Произошло какое-то замешательство. Особенно после фразы, в которой было заявлено, что мы отзываем свое приглашение, если не будет извинения со стороны Соединенных Штатов Америки, что президент не может быть нашим гостем после того, что он допустил в отношении нашей страны.

Эйзенхауэр со своей делегацией поднялись, и мы разошлись… Наша декларация сыграла роль бомбы, которая разметала всех… круглый стол, который должен был нас объединить, рассыпался в пух и прах».

Собственно, на этом совещание и закончилось. Отец сжег последние мосты. Лидеры обеих сверхдержав уперлись: один требовал извинений, другой отказывался их принести.

Де Голль и Макмиллан приложили немалые усилия к примирению сторон. В разговоре с отцом де Голль в сердцах заметил, что запущенный 15 мая новый советский спутник за эти дни восемнадцать раз пролетел над Францией. Кто знает, может быть, он тоже ведет фотографирование? Отец энергично открестился, мы такими делами не занимаемся. Слова де Голля солью посыпали его свежие раны, американцы недавно заявили, что намереваются в ближайшее время запустить разведывательные спутники. С их помощью они смогут сфотографировать любой район земного шара. После уничтожения У-2 отцу особенно хотелось воспрепятствовать и этому. Но как?… Недавний разговор с Челомеем не оставлял на то никаких надежд, по крайней мере в ближайшие годы.

…Спасти положение не удалось. Через два дня, после безуспешной попытки открыть совещание, делегации разъехались

по домам. Отец по пути в Москву остановился в Берлине. Затихший было германский вопрос вновь вспухал, грозил разрастись в серьезный кризис.

Дело У-2 оказало серьезное влияние не только на обстановку вокруг Берлина. Рокот моторов У-2 и грохот взрыва советской зенитной ракеты отдадутся и жесткостью позиции отца в Вене в 1961 году, во многом они предопределят тактику его поведения во время постановки советских ракет на Кубе.

В сердце отца зарубки остались навсегда. Обман со стороны его «друга» генерала Эйзенхауэра, с которым они еще недавно, казалось, начали понимать друг друга, гуляя по дорожкам Кэмп-Дэвида, согласились, что на свете нет ничего страшнее войны, поразил отца в самое сердце. Он не простил У-2 ни президенту Эйзенхауэру, ни человеку Эйзенхауэру.

И в будущем, ведя переговоры с новым президентом или принимая американского посла, отец никогда не позволял себе забыть ни на секунду, что перед ним не просто человек, стремящийся выжить на этой земле, а вероломный, непримиримый враг, способный на все. Только после Карибского кризиса он, поверив Джону Кеннеди, немного отойдет.

С Эйзенхауэром отец больше не хотел иметь никакого дела. Но и в усилении напряженности в мире Хрущев-политик не видел никакого резона. Он не собирался возобновлять возню вокруг Германии, рассчитывал договориться с новым президентом США. На митинге в Берлине 20 мая отец сказал, что можно, конечно, в одностороннем порядке подписать мирный договор, но зачем спешить, решение вопроса никуда не уйдет, лучше дать ему созреть. Два германских государства существуют, развиваются. А пока можно подождать шесть-восемь месяцев, а там собраться на новое совещание в верхах. С новым американским президентом.

Через полгода у Эйзенхауэра кончался второй срок пребывания у власти. За место в Белом доме соперничали вице-президент Никсон и почти неизвестный отцу сенатор Джон Кеннеди. Отец теперь просто слышать не мог о республиканском кандидате. Именно в те дни он прозвал его почему-то «лавочником».

Вернувшись в Москву, отец со смешинкой в глазах описывал заваруху, которую он учинил в Париже. Правда, порой глаза его делались настороженными, из карих почти черными. Становилось ясно: отцу на самом деле не до шуток.

Провал в Париже, история с Пауэрсом резко изменили психологический климат в стране. Еще вчера все жили надеждой на перемены, ждали пусть не в ближайшие месяцы, но скорого

заключения соглашений с США, наступления эры пока не дружбы, но хотя бы взаимоуважения. В конце мая все вернулось на круги своя, со страниц газет резче зазвучали призывы к бдительности и готовности дать отпор агрессорам.

В войска спустили приказ: пресекать любые нарушения воздушной границы СССР или наших союзников. Если раньше на открытие огня по нарушителю требовалась санкция верхов, то сейчас индульгенцию выдали заранее.

Если до 1 мая части противовоздушной обороны жили по законам мирного времени, дежурные летчики, правда в боевом облачении, отдыхали в специально оборудованных домиках, то сейчас они поочередно сидели в кабинах перехватчиков в ожидании команды на вылет. Ракетные подразделения ПВО изготовились к бою. Отныне ракеты держали не в хранилищах: оснащенные боевыми зарядами, они ожидали появления непрошеного гостя на стартовых установках.

Естественно, количество инцидентов в воздухе возросло. Уже 24 мая в ГДР в районе Ростока истребители атаковали самолет США, нарушивший правила движения по воздушному коридору. Пилот решил не рисковать и приземлился на указанном ему аэродроме. Обошлось без жертв.

Американцы, а особенно их союзники, на чьей территории располагались авиационные базы, откуда совершались разведывательные полеты, забеспокоились. Прозвучавшая в Париже угроза отца, оставлявшего за собой право в случае появления в небе Советского Союза шпионского самолета ответить ударом по аэродромам, возымела действие. Лишь де Голль, проявляя определенный скептицизм, пробурчал, что «ракеты летают в обе стороны». На территории Франции подобные базы отсутствовали. Ни англичане, ни норвежцы, ни турки, ни пакистанцы не желали испытывать судьбу, своей шкурой проверять серьезность намерений отца.

Отец не хуже де Голля понимал, что ракеты летают в обе стороны, и в его планы не входила проверка этой истины на практике. Он более не верил вообще в реальность войны с Западом. Кто, понимая, что мы способны ответить ударом на удар, мог решиться на такое? Даже если дежурившие на позициях советские межконтинентальные ракеты легко пересчитываются на пальцах одной руки, их достаточно, чтобы уничтожить крупнейшие города по ту сторону океана. Война превратилась в авантюру, одинаково гибельную для обеих сторон. А своих противников отец никак не относил к разряду авантюристов. Именно эта уверенность во взаимное благоразумие позволяла ему сохранять спокойствие в самые напряженные моменты.

Тем временем обстановка в мире продолжала накаляться. 1 июля произошел новый инцидент. Американский разведывательный самолет РБ-47, специально приспособленный для наблюдения за советским приграничьем из нейтральных вод, поднялся с одной из военно-воздушных баз США в Великобритании и взял курс к Кольскому полуострову. В его задачу входило, не пересекая государственной границы, записывать частоты и режимы работы радиолокационных станций, перехватывать радиопереговоры, в общем, собирать все, до чего удастся дотянуться.

Подобные полеты давно превратились в рутину и для американцев, и для наших. Как только у границ появлялся «гость», за ним с нашей стороны неотступно следовали истребители ПВО. Наблюдали, ловили момент, не пересечет ли он запретную линию.

Точно прослеживать линию границы нелегко, да и сама она в море весьма условна: двенадцать миль, отсчитанные от извилистого берегового уреза. Поэтому разведчики когда по ошибке или от усталости пилота, когда в погоне за чем-то особенно любопытным нет-нет и оказывались на нашей территории. Тут на них и набрасывались перехватчики. В зависимости от политической обстановки они получали разные инструкции: в периоды оттепели — демонстрировать без применения оружия, при накале страстей — сбивать. Никто не мог исключить и обратной ошибки. Истребителям тоже случалось вылетать за пределы своей территории. С обеих сторон почти все зависело от мастерства пилотов.

Как РБ-47 занесло в наши территориальные воды у мыса Святой Нос на Кольском полуострове, сказать невозможно. Американцы отрицали и отрицают факт нарушения границы. Так же, как отрицали и 1 мая с У-2.

Так или иначе, но самолет сбили, он затонул в море. Шесть членов экипажа погибли. Двоих выловили из воды и взяли в плен подоспевшие моряки.

Американские корабли долго утюжили спорный район у кромки границы, искали обломки самолета. Ничего не нашли.

Подобные происшествия случались не раз, обычно они сопровождались обменом гневными дипломатическими нотами, затем телами погибших и… мир восстанавливался до следующего раза. После У-2 нарушение выглядело как демонстративный вызов. Все ждали, выполнит ли отец свою угрозу? Откуда летают РБ-47 — ни для кого не составляло секрета. Отец, конечно, не думал всерьез о ракетном ударе по базам. Он прекрасно понимал, что «ракеты могут летать в обе стороны». Но ведь по ту сторону

границы не знали, о чем отец думал, а многим он представлялся человеком непредсказуемым, спонтанных решений.

О происшествии в Баренцевом море Эйзенхауэру сообщили, когда он праздновал на своей ферме в Геттисберге 44-летнюю годовщину супружеской жизни. По словам его сына Джона, президент выглядел, как проткнутый шарик, из которого вышел весь воздух. Единственное, что он произнес: «Неужто Хрущев теперь выполнит свою угрозу, разрушит западные базы?» Оба руководителя оказались в плену взаимных угроз. Не лучше себя чувствовал и Макмиллан.

Ракеты остались на месте, а отец воспользовался инцидентом для разоблачения «агрессивной сущности американского империализма».

Американские генералы получили строгое указание президента: исключить возможные столкновения. Командующий оккупационными войсками в Германии издал официальный приказ, запрещавший своим самолетам ближе чем на пятьдесят километров подлетать к границе ГДР.

Весна и лето 1960 года сопровождались бурями не только в политике. 10 июня умер генеральный конструктор авиационной техники Семен Алексеевич Лавочкин. В этот день не просто ушел из жизни человек, ученый и конструктор. Вместе с Лавочкиным умерла и «Буря» — его лебединая песня, огромная межконтинентальная крылатая ракета. К середине 1960 года «Буря» летала достаточно устойчиво, но ее судьба повисла на волоске.

Королев не признавал крылатые ракеты, «крылатки», как он их презрительно называл. По его мнению, они безнадежно отстали от жизни, застряли во вчерашнем дне. Они только отвлекают силы, на «бесполезное дело тратятся средства, столь необходимые на «главном» направлении. Куда им до неуязвимой для любого противника баллистической ракеты».

В своей правоте Сергей Павлович убеждал и военных, и гражданских. Нужно сказать, не безуспешно. Сторонников в его лагере прибывало. Среди них оказался и министр обороны маршал Малиновский. Правда, отец держался, он считал, что не следует спешить с выводами. Ведь Лавочкин и Челомей говорили обратное.

В конце концов дрогнул и он. Последние два года, начиная с первых запусков «семерки», отец все чаще высказывал сомнения: не тратим ли мы деньги на «Бурю» впустую? Но прельщала высокая точность попадания, и поставить на одного Королева казалось страшноватым. К тому же высота полета «Бури» — более двадцати километров — казалось, гарантировала безопасность.

После уничтожения У-2 об этом аргументе больше никто не вспоминал.

В июне на Президиуме ЦК в очередной раз обсуждали судьбу «Бури». Сергей Павлович пошел к Козлову. Ныне Фрол Романович отвечал за «оборонку», и ему предстояло готовить проект решения. Королев уговорил Козлова, вместе они уговорили отца; защитников у «Бури» не осталось.

На заседание пригласили бывшего заместителя Лавочкина, теперь исполнявшего обязанности генерального Наума Семеновича Чернякова. Возможно, Лавочкину, будь он жив, и удалось бы отстоять свое детище, но у Чернякова шансы равнялись нулю. Председательствовал Козлов, в отсутствие отца он вел заседание. Он зачитал написанный вместе с Королевым проект резолюции. Возражения Чернякова звучали с безнадежностью последнего слова обвиняемого.

Правда, в самый последний момент решили не пускать уже готовые машины под пресс, продолжить их запуски с целью накопления научных данных. На подобной высоте и такой скорости в нашей стране еще никто не летал.

Тридцать основных разработчиков — мозг конструкторского бюро во главе с заместителями Лавочкина Черняковым и Хейфецем — по приглашению Челомея перешли к нему в конструкторское бюро. Владимир Николаевич очень рассчитывал на их опыт. Особенно на аэродинамика Хейфеца, одного из пионеров сверхзвукового полета в нашей стране. Предстояла разработка крылатой орбитальной машины.

Конечно, сегодня легко сокрушаться, насколько задуманная Лавочкиным в начале 50-х годов конструкция напоминает «Шаттл». Разгляди Королев в «Буре» свой «Буран», пригласи к себе лавочкинцев, возможно, вся история космонавтики сложилась бы иначе. Если бы… Как часто нам хочется вернуться назад и начать все сначала.

Королева в те дни волновали иные проблемы. Он готовился к запуску человека в космос. Дополненная третьей ступенью «семерка» могла теперь выводить на орбиту высотой 200 км до 5 тонн полезного груза. Запуском 15 мая 4,5-тонного спутника начался новый этап космической гонки. Королев выкладывался до конца, и здесь он должен стать первым!

Королев понимал, что «семерка» подошла к пределу своих возможностей. Он задумал создать принципиально новый носитель грузоподъемностью в десять раз больше. Подобный монстр не мог иметь никакого военного применения. С отцом на эту тему Королев впервые заговорил еще в 1958 году, вскоре после запуска первого спутника.

30 июня 1958 года выпустили постановление правительства, предусматривавшее разработку тяжелого носителя с ядерными ракетными двигателями. В те годы это поветрие захватило конструкторов и в Советском Союзе, и в Америке. Казалось, ядерные двигатели уже в руках. Но по мере углубления исследований возникали одна проблема за другой.

Назвать ракету Королев решил иначе, вывести ее из ряда «Р». Он мечтал сконструировать прародительницу семейства тяжелых космических носителей. Появился новый индекс Н-1. Сколько Н-1 вынесет на орбиту и, главное, какой вес востребуется на орбите, Королев не имел ни малейшего представления. Назывались цифры от 35 до 150 тонн. К 1960 году многое устоялось. Об атомных двигателях теперь упоминали вскользь, в моду входил жидкий водород.

Королев посчитал, что пришла пора возобновить разговор. Он попросился на прием к отцу. Говорили о совсем другой Н-1, при весе на земле в одну-две тысячи тонн Королев предполагал вывести на орбиту 60–80 тонн груза и обещал приступить к запускам к исходу 1963 года. Если, конечно, КБ получит ресурсы немедленно. Отец поинтересовался, какова будет отдача от затрат? Сергей Павлович заговорил о создании долговременных обитаемых станций, экспедициях к Луне, Марсу, Венере. Пока без деталей, в общем. Отец дал себя уговорить. Правда, средства снова выделили только на предварительные исследования.

С этой поры космический полет человека и затем лунная программа стали практически единственной задачей коллектива королёвского конструкторского бюро и его смежников.

В 1960 году пришла пора очередного смотра военной техники. На показе в 1958 году отец определил периодичность проведения мероприятия: раз в два года. Как и в предыдущий раз, местом проведения смотра выбрали Капустин Яр. Срок — июль месяц.

Полигон поражал своей собранностью, суровостью. На аэродроме, где с войны не видели боевого самолета, рядком стояли перехватчики. Вдоль шоссе, бетонки, как мы ее называли, с интервалом в несколько десятков километров слева и справа расположились батареи зенитных ракет. Точно таких, какими сбили Пауэрса. Боевые позиции выглядели добротно, обустроенно: сами старты окружены валами земли, чуть поодаль отрыты блиндажи. Командование подготовилось во всеоружии встретить непрошеного гостя.

На «своей» площадке я окунулся в привычную атмосферу подготовки машины. Нам предстояло продемонстрировать старт

крылатой ракеты С-5 с автомобиля. Как всегда, не хватало нескольких дней. Что-то не ладилось: то возникали короткие замыкания, то обнаруживался разрыв в электрической цепи. Штатские и офицеры часами елозили по длиннющим простыням монтажных схем, затем, как мухи банку с вареньем, облепляли ракету, отсоединяли разъемы, измеряли что-то приборами и снова бросались к схемам. Обычная морока перед первым пуском.

После второго, третьего старта все встанет на свои места. А пока… Работали не только днем, но и ночами. В короткие перерывы спали, часто тут же в ангаре на чем придется. Челомей нервничал, но не вмешивался, понимая, что большего сделать просто невозможно. Все висело на волоске. Где-то в глубине души теплилась надежда: начальство задержится… На сей раз сроки выдерживались пунктуально.

Мы успели. В последний момент все выстроилось по своим местам, заработало. Ракету изготовили к старту.

Наступил день показа. Как и в прошлый раз, я пристроился к основной группе. Ядро ее составляли: отец, с ним рядом Козлов, Брежнев, Кириленко, Устинов и Малиновский. За ними, соблюдая дистанцию, следовали министры, главкомы, конструкторы. Всех вместе набиралось человек сорок. Я не стану повторяться и описывать запуски ракет, стрельбу из орудий, штурмовку самолетами позиции и другие столь же впечатляющие упражнения. По сути программа не отличалась от прошлого раза. Поменялись типы вооружений, увеличились точность попадания, дальность поражения целей, скорость.

А вот что действительно изменилось, так это отношение армии к новому вооружению. Вернее, даже не отношение, появилась привычка, армия освоилась с ракетами. Из диковинных игрушек, вызывавших определенное опасение, они превратились в штатные средства.

В прошлый раз у пусковых установок суетились в основном одетые в воинские комбинезоны штатские, разработчики, сейчас там верховодили военные.

На полигон прибыли ракетные полки стратегического назначения, несущие боевое дежурство. Солдаты споро управились с Р-5 и Р-12. Только последнюю новинку — Р-14 пускали сами янгелевцы. Главный маршал артиллерии Неделин доложил отцу, что осенью начнутся испытания Р-16. Работы по Р-9 несколько отстали, первые пуски ожидались не раньше середины следующего года. Он попросил разрешения лично возглавить государственную комиссию по испытанию новых ракет.

Отец остался чрезвычайно доволен. Лед тронулся. И хотя в

армии пока не произошло сколько-нибудь заметных структурных изменений, генералы от разговоров о ракетах перешли к конкретным действиям. Если раньше в своих политических маневрах отец манипулировал несуществующими ракетами, то теперь они постепенно становились реальностью.

В отдельном ангаре выставили ядерные заряды. Уже полтора года, практически с прошлого показа, снова действовал мораторий на ядерные испытания. Новых зарядов на вооружение не поступало.

На стендах лежали громоздкие бомбы, тяжеленные боевые части ракет, а рядом демонстрировались изящные, компактные легкие новые разработки. При этом их разрушительная мощь осталась прежней или даже повышалась.

Как и в прошлый раз, устроители экспозиции демонстрировали: дальнейший прогресс в развитии ракет без испытаний зарядов, мягко говоря, затруднителен. Каждый лишний килограмм боевой нагрузки отзывался многократным возрастанием стартового веса.

Отец внимательно, не прерывая, выслушивал аргументы в пользу возобновления экспериментальных взрывов. Он не скрывал, что сравнение произвело на него впечатление.

Когда миновали последний экспонат, в разговор вмешался «атомный» министр Ефим Павлович Славский. Он заговорил о производстве, о технологии и, главное, об экономике. Освоение на заводах новых разработок обещало сократить расходы на многие десятки и даже сотни миллионов. Одновременно он привел цифры, характеризующие достижения США, полученные в результате проведения последней серии взрывов. Цифры выглядели не только впечатляюще, но и устрашающе. Славский напомнил, что американцы объявили о прекращении действия моратория с 1 января 1960 года, они собираются начать взрывы, как только подоспеют заряды следующего поколения. Мы в этом случае неизбежно окажемся уже не на шаг позади, а на два, если не больше. Министр считал — надо испытывать. Если мы хотим опираться на ракетно-ядерную мощь, то ее надо иметь.

Все ждали реакции отца. Он, собираясь с мыслями, немного помолчал и вдруг стал рассказывать о недавней встрече в Париже, о том, что с Эйзенхауэром договориться не удастся и вряд ли стоит пытаться это делать. Отец говорил долго и эмоционально. Здесь, среди своих, он не считал нужным сдерживаться. Надо дождаться смены власти в Белом доме. Возможно, преемник нынешнего президента более трезво отнесется к вопросам войны и мира.

Отец с похвалой отозвался о продемонстрированных

новинках, сказал, что они просто поразили его воображение, но… испытывать их пока не время. Он пояснил: сейчас у нас в активе почти два года моратория, и с ним мы пойдем на встречу с новым президентом США. Тем самым мы продемонстрируем мирные намерения не на словах, а на деле.

Слова отца не убедили большинство присутствующих. И военные, и конструкторы стояли за немедленное начало испытаний. «Чем сильнее мы станем, тем больше прислушаются к нашим словам», — повторил свою мысль Славский.

Отец пообещал подумать, но в главном остался непреклонен — пока не прояснятся дела с новой администрацией США, до следующего года об испытаниях не следует и заикаться. Каждая из сторон осталась при своем мнении.

На исходе дня мы пускали свою С-5. Челомей договорился с главнокомандующим сухопутными войсками маршалом Гречко, рьяным сторонником нашего комплекса, что мы продемонстрируем подвижность комплекса. Поэтому вначале восьмиколесный автомобиль с огромной зеленой трубой на спине, урча, проехал вдоль трибуны, а затем, развернувшись, двинулся по целине на отведенное ему место старта. Пока высокие гости следили за другими номерами программы, мы начали лихорадочно готовиться к пуску. Это был всего второй запуск обновленной ракеты с совершенно новой, еще «сырой» пусковой установки.

Сейчас нам требовалось не только пускать ракету, но и уложиться в тесные рамки согласованного с военными временного норматива. Я видел, как Гречко то и дело поглядывал на беспощадно отсчитывающие минуты часы, установленные перед трибуной. А у нас, как всегда бывает в присутствии начальства, не заладилось: в момент запуска маршевого двигателя дважды отходил бортразъем, массивное сооружение с тысячами контактов, соединяющих пуповиной проводов ракету с землей. Двигатель глушили, бортразъем водворяли на место кувалдой и начинали отсчет времени с нуля.

А на востоке, куда нацелилась ракета, собралась черная грозовая туча. Необычайная редкость в тех местах в середине лета. Раздувшаяся от воды, едва не касаясь земли, она двинулась к нам, отсвечивая молниями. Ракете предстояло проскочить сквозь нее. Такого испытания мы не предполагали. Наконец бортразъем окончательно защелкнулся. Еще несколько минут подготовки — и резко выскочившая из трубы птичка юркнула в подошедшую почти вплотную черную мглу. Через несколько мгновений хлынул ливень. Гости разбежались с трибун кто куда.

На следующий день после обеда отец собрал всех так или иначе причастных к противовоздушной обороне конструкторов, военных, министров. Он хотел посоветоваться, как защитить наше суверенное пространство от угрозы вторжения с воздуха и нарушения государственных границ разведывательными спутниками.

С самолетами разобрались без особого труда: программа проектирования, производства и развертывания ракет «земля — воздух» не вызывала особого беспокойства. За исключением «Дали»… После смерти Лавочкина и ее судьба повисла в воздухе.

Другое дело — космос!.. Тут конструкторы развели руками. Сбить спутник, конечно, можно… Челомей поделился своими задумками. По существу, он повторил то, что рассказывал отцу в Крыму в апреле.

Присутствующие слушали Челомея со снисходительными улыбками на лицах. Кое-кто морщился: он со своими сказками только отнимает дорогое время. Действительно, в те далекие годы картины, рисуемые Челомеем, выглядели фантастическими. Закончил он словами о том, что все предварительные проработки закончены, принципиальные конструктивные схемы выбраны, проект постановления правительства согласован. Вскоре после показа, в том же июне выйдет постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, определяющее конструкторскому бюро Челомея задание по разработке систем маневрирующих космических перехватчиков, фазированных спутников-разведчиков и ракеты-носителя УР-200 для вывода их на орбиту.

В тот день отец продолжал допытываться: возможно, у кого-нибудь появится идея, позволяющая решить задачу дешевле, быстрее, а главное, эффективнее, чем предлагает Челомей. Петр Дмитриевич Грушин предложил сделать ракету, стартующую на перехват с Земли, некое космическое развитие 75-й. Артем Иванович Микоян возразил ему: ракета, запускаемая с высотного перехватчика, получится и легче и надежнее, часть задачи, связанной с преодолением плотного слоя атмосферы, возьмет на себя самолет. После обсуждения решили проработать и эти варианты, сделать прикидочные проекты. Исследования заняли немало времени. До «металла» дело не дошло. Проект отложили, а затем он и совсем потерял актуальность.

Американцы остановились на самолетном варианте и довели его до практической реализации — произвели запуски по реальной мишени-спутнику. Многие годы договор по противоракетной обороне запрещал использовать подобное оружие.

Камнем преткновения в тот день снова стала не проблема

уничтожения космического объекта, а проблема его опознания. Долгое время молчавший отец вмешался в дискуссию. Он рассказал о своем коротком разговоре с де Голлем о нашем космическом корабле. Признал, что опасения французского президента, не собирает ли спутник секретную информацию, можно понять.

— А завтра и мы окажемся в подобном положении. Тоже будем глядеть в небо и гадать? — патетически воскликнул он. — Так что же делать?

Никто не ответил.

— Сегодняшние выступления, — после паузы продолжил отец, — еще раз подтвердили уже известную нам печальную истину. Что ж, придется ждать, надеяться, что кто-нибудь — Челомей, Грушин или Микоян — отыщет ответ. А пока не следует сидеть сложа руки, давайте приготовимся к визитам непрошеных космических американских соглядатаев.

Отец повернулся к Малиновскому:

— Родион Яковлевич, придется вспомнить фронтовой опыт, как мы сооружали ложные аэродромы, ставили фанерные танки и самолеты. Немцы не раз попадались, а летали они над самой землей.

— Подумаем, — согласно кивнул головой Малиновский.

— Вот и хорошо, — отец, казалось, даже обрадовался, — можно понатыкать макеты ракет. Из космоса особенно не разглядишь. Пусть гадают, настоящие они или нет.

Договорились всерьез заняться маскировкой реальных объектов и приступить к сооружению ложных. Через некоторое время приняли даже специальную программу. Начали сооружать деревянные стартовые позиции с резиновыми, надувными, как детские шарики, ракетами. В гаванях военно-морских баз появились гигантские резиновые надувные подводные лодки. Не обошлось и без курьезов. Недавно в музее я увидел американский космический снимок тех лет со сдувшейся и сложившейся пополам нашей фальшивой ракетой. Всякое случается.

К концу 60-х годов эта затея выдохлась. К тому времени выяснилось, что с помощью новых технологий стало возможным различать из космоса, где настоящие позиции, а где ложные. Да и ракет, самолетов, подводных лодок мы наделали предостаточно. Встала обратная проблема: не как заставить американцев поверить, что они у нас есть, а как спрятать их.

Проблема распознавания и уничтожения вражеских шпионов в космосе еще некоторое время продолжала занимать отца. Наконец он окончательно убедился, что в космосе невозможно провести национальные границы, так же как объективно оценить,

какой из спутников угрожает нашей безопасности, а какой просто занимается мирными исследованиями.

К 1 ноября 1963 года — моменту, когда Челомей приступил к своим экспериментам на орбите с истребителем-перехватчиком спутников (ИС), проблему нарушения государственного суверенитета за пределами атмосферы сняли с повестки дня. В 1963 году ООН приняла резолюцию, констатирующую, что в космическое пространство национальные границы не простираются, космос принадлежит всем.

В числе прочих работ июньским (1960 года) постановлением правительства Челомею разрешили построить крылатый аппарат для отработки управляемого полета в атмосфере при возвращении с орбиты. Он получил шифр МП-1, что, без особой скромности, расшифровывалось как маневрирующий, пилотируемый, хотя до пилотов было ох как далеко. К этой работе очень кстати пришлись лавочкинцы. Челомей в новых проектах расставил их на ключевые места. Их опыт, накопленный в одном из лучших конструкторских бюро, оказался просто бесценным. Но для настоящего разворота сил недоставало. Дела пошли на лад только в октябре, когда под начало Челомея перешли мясищевское ОКБ и завод в Филях. Новый коллектив занялся проектированием ракеты УР-200.

Опасения отца относительно космического шпионажа строились не на пустом месте. Американские разведывательные спутники уже не первый год прорывались на орбиту. И отец, и я, и другие, причастные к ракетным делам специалисты следили за запусками с неким мистическим ужасом приговоренного, информация об очередной неудаче вызывала вздох облегчения. Но рано или поздно это не могло не случиться. После предания гласности данных сверхсекретного американского проекта «Корона» (запуски маскировали под исследовательские, и в целях конспирации спутники назвали «Дискавери» — «Первооткрыватели») мир узнал, что успешному запуску 19 августа 1960 года[57] предшествовало двенадцать аварий: то с ракетой, то с фотоаппаратом, то с другим жизненно важным оборудованием. «Но начиная с августа фотографирование территории Советского Союза проводилось с регулярностью и всеобъемлемостью, которой У-2 никогда не мог достичь», — заявили бывшие высокопоставленные сотрудники ЦРУ Раймонд Клайн и Раймонд Гартофф.

С ними мне приходилось встречаться на конференциях, посвященных проблемам Карибского кризиса, — оба весьма симпатичные и благожелательные джентльмены в один голос

утверждают: с помощью космической разведки ЦРУ установило, что межконтинентальных ракет у нас не больше семидесяти пяти. Затем цифра снизилась до пятидесяти. К январю 1961 года шла речь уже о сорока четырех ракетах. Все это свидетельствовало о том, что спутники частично раскрыли дезинформацию отца, будто наша страна буквально утыкана ракетами, но точно определить их количество с помощью космических шпионов им оказалось не по силам. Большинство подсчитанных ЦРУ ракет были, без сомнения, резиновыми, надувными. Так что затея отца оправдала себя. Американцев пока удавалось водить за нос. Конечно, только пока.

Разведывательная космическая программа США с самого начала выглядела весьма внушительно. Она включала в себя исследовательские спутники серии «Дискавери» («Корона»), отрабатывающие режимы фотографирования земной поверхности и привязки отснятых участков к звездным координатам. На основе полученных результатов создавался орбитальный фоторазведчик САМОС (SAMOS). В дополнение к ним испытывался МИДАС (MIDAS), предназначенный для обнаружения запуска баллистических ракет по инфракрасному излучению, исходящему от их огненного следа. Проектировался спутник пассивной радиоразведки, улавливающий радиолокационное излучение, радиопереговоры и многое другое. Существенное внимание уделялось геофизическим спутникам, которые позволяли привязать материки друг относительно друга с точностью до нескольких метров и тем самым неизмеримо повысить эффективность ракетного удара.

Первый удачный запуск американского разведывательного спутника вызвал в Москве настоящий шок. Отец раскипятился, вознамерился писать протест, но, поостыв, вспомнил первые полеты У-2 и отбросил бесполезную затею. Следующий запуск расценивался как неустранимая неприятность. Постепенно к присутствию разведчиков в небе привыкли, как привыкают ко всему в жизни. Просто она в чем-то стала походить на жизнь ящериц в стеклянном террариуме, куда может заглянуть любой желающий.

Отработка американской системы космической разведки шла долго и мучительно. Успешное выведение разведчика на орбиту и даже фотографирование заданного района еще не означали конца неприятностям. Ведь информацию требовалось доставить на Землю. Если передавать ее по радио, то пропадала разрешающая способность, терялись детали, подробности, из-за которых и затевали дорогостоящий проект. Оставалось одно — кассету с пленкой отсылать на Землю для дальнейшей обработки и

изучения. Требовалось попасть строго в заданный район. Вот это долго не получалось, возвращаемые капсулы опускались где угодно, только не там, где их ожидали. В 60-е годы их находили и в нашей стране.

Первый раз это случилось, видимо, зимой 1959 или 1960 года. Сброшенный с очередного спутника «Дискавери» возвращаемый аппарат лесорубы нашли в глухомани под Калинином (сейчас Тверь). Непонятная игрушка их заинтересовала, но никак не удавалось заглянуть внутрь. Долго не думали, разрубили спутник топором на две части. Внутри ничего ценного не обнаружили, провода, горбушки транзисторов. Добычу принесли домой и бросили в сарае. Через некоторое время слухи о странной находке дошли до властей. Вызванные в сельсовет, а оттуда в райотдел КГБ неудачливые добытчики не отпирались: нашли, а что нашли — сами не знают. На следующий день в мешке принесли что осталось, за прошедшие дни мальчишки порастаскали занятные детальки.

Отправили всё в Москву. Затем из КГБ находку передали в Академию наук. Наконец после долгих мытарств бесценный груз попал в конструкторское бюро Королева. Там только ахнули: американский спутник, но в каком виде!..

В калининские леса снарядили экспедицию, обшарили весь лес, но ничего не обнаружили. Только в деревне, по дворам изъяли всякие мелочи — где реле, где обрывки проводов. Полезной информации из этого хлама извлечь не удалось. По всей вероятности, это был «Дискавери», след которого американцы потеряли в 1959 году. Нештатно сошедший с орбиты спутник они почему-то искали в Арктике на острове Шпицберген. Эта история послужила основой для множества детективных книг и кинофильмов. В них знаменитый Джеймс Бонд, другие хитроумные герои и негодяи ради завладения вожделенными американскими космическими секретами проходят через невероятные приключения. В жизни все оказалось много прозаичнее.

Другой американский спутник нашли трактористы на целине. Дело было весной 1961 года, в период сева. Им в руки попал возвращаемый модуль. В те годы мы считали, что он принадлежит другому американскому спутнику-разведчику САМОС (SAMOS).

«Специалисты более высокого класса» топором орудовать не стали, разобрали диковинку по винтикам. Внутри ничего для себя интересного не обнаружили, за исключением миниатюрного аккумулятора, такая вещь в любом хозяйстве пригодится. Основной объем занимали большие катушки с намотанной на них

широкой и тонкой пленкой. Рядом примостился необычного вида фотообъектив и какая-то электроника. Пленка оказалась чрезвычайно прочной. Двое самых здоровых парней, стараясь изо всех сил, не смогли ее разорвать. Такая неподатливость раззадорила тракторную бригаду. Что же она, гадина, не поддается! Принесли находку на полевой стан, зацепили двумя тракторами, дали газ — пленка не выдержала, с треском лопнула. Испытав удовлетворение от капитуляции обидчицы, стали гадать: нельзя ли этой ерунде найти хоть какое-то применение? Применение нашлось. Полевой стан разместился в степи, до самого горизонта ни деревца, ни горушки. Воду для питья и умывания привозили в цистерне, а об остальных удобствах приходилось заботиться самим. Под туалет выкопали яму, а защититься от постороннего взгляда не смогли, досок в хозяйстве не оказалось. Теперь нашли выход: вбили по углам в землю четыре кола и обмотали их пленкой. Сооружение получилось элегантным и современным. Простояло оно, правда, недолго. Приехавшему проверить, как идут дела, директору совхоза новостройка сразу бросилась в глаза.

На вопрос, откуда взяли такой необычный материал, последовал незатейливый ответ: «Нашли в борозде на поле». Директор поругал трактористов за то, что не доложили. Мало ли что в контейнере могло скрываться. Надо было не открывать, а сдать находку куда следует. Но что сделано, то сделано. Директор отбыл восвояси. Вспомнил он о находке только через несколько дней, когда приехал в районный центр по делам сева. Рассказал со смешком о необычном туалете секретарю райкома, а тот немедленно по телефону проинформировал о происшедшем уполномоченного КГБ.

Дело завертелось. Вызванные на место специалисты определили космическое происхождение и контейнера, и пленки. Ее тщательно смотали, еще раз внимательно осмотрели местность в районе находки. Ничего нового не нашли. Собрали все, что еще можно было собрать: и выброшенные остатки пленки, и полуразобранную конструкцию.

Снова результат оказался мизерным — все разломано, половина деталей исчезла. Особенно горевали разведчики, им очень хотелось узнать, что же американцы могут разглядеть с орбиты.

Отцу о происшествии первым рассказал я. Видимо, никому не хотелось докладывать. Отец приказал принять меры: во все Советы, включая самую глубинку, разослали циркуляр, предписывающий сдавать властям любые непонятные находки. Нашедшему, естественно, после изучения, что же это такое, обещалось крупное вознаграждение.

Призыв запоздал. Американцы, видимо, отладили систему спуска с орбиты отснятой пленки. Теперь она приземлялась где следовало. Я больше не слышал о подобных происшествиях…

В 1998 году Лев Головин опубликовал статью, в которой рассказал некоторые детали о найденных американских спутниках. По его словам, первый спутник (он его сам не видел, но читал отчет о его исследовании) представлял собой небольшую шарообразную капсулу диаметром около 300 мм, изготовленную из алюминиевого сплава, полированную и позолоченную снаружи. Внутри капсулы размещалась аппаратура. После тщательного изучения с участием различных специалистов и составления отчета аппарат уничтожили. Особо выдающихся решений, которые нам следовало бы позаимствовать, обнаружено не было, хотя кое-что и можно было перенять.

Не очень ясно, зачем понадобилось уничтожать спутник. Оставим это на совести автора. В статье сообщается, что в калининские леса спутник спустился на парашюте, и нашли его зимой 1959 года. Непонятно, правда, в январе или декабре 1959

года.

Изучением второго спутника автор занимался сам. «Спутник обнаружили сельскохозяйственные рабочие в целинной степи весной 1961 года. Его размеры составляли единицы метров. В корпусе спутника помещалось фотографирующее устройство с объективом диаметром около 300 мм, прикрытым прозрачным люком с оранжевым светофильтром. Кассеты катушечного типа вмещали сотни метров фотопленки шириной несколько более 100 мм (видимо, 4 дюйма). Внутри корпуса грушевидной формы, покрытого в нескольких местах стеклотекстолитом, размещалась инерционная система ориентации, управлявшая довольно мощным электромотором, в свою очередь вращавшим фотоаппарат. Там же находились электронные устройства…

К сожалению, аппарат доставили некомплектным и в сильно разрушенном состоянии: серьезно пострадала оптика, большая часть ее была утеряна, фотопленка смотана с кассет, засвечена, и изображенное на ней проявить не удалось. Часть оборудования расхитили, в частности, не было источников электропитания спутника. Был ли этот аппарат прототипом фоторазведчика, например САМОСа, установить не удалось.

Технологические приемы: сварка алюминиевого сплава, стеклотекстолит — новости собой не представляли, более мелкие детали полезно было позаимствовать. Монтаж оборудования внутри корпуса не отличался особой тщательностью. Впоследствии фоторазведчики были усовершенствованы, в частности, введен капсульный сброс фотопленки после ее частичного использования».[58]

О том, почему спутники оказались в плачевном состоянии, автор не упоминает.

После Парижа отец окончательно разуверился в возможности достижения реальных результатов в переговорах с США, Великобританией и Францией. Но он допускал, что под давлением общественного мнения Запад может пойти навстречу. Но только под давлением…

3 июня отец рассылает главам правительств всех государств мира послание с планом всеобщего и полного разоружения. Это предложение выглядело достаточно утопичным, но оно затрагивало всех. Он предложил обсудить документ на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, открывавшейся 18 сентября.

В эти дни отец впервые всерьез задумывается: не поехать ли ему самому на Генеральную Ассамблею в Нью-Йорк. Он очень рассчитывал, что его примеру последуют главы других государств, в первую очередь азиатских и африканских. В такой обстановке, считал он, западные правительства попадут в

условия, когда они просто не смогут проигнорировать сессию. Тем самым отец как бы брал реванш за Париж, явочным порядком собрав совещание на высшем уровне. Обстоятельства складывались благоприятно. Авторитет США после провала с У-2 и срыва парижского совещания в мире упал. Практически сорвалась из-за протестов и демонстраций поездка Эйзенхауэра в страны Азии: Японию, Южную Корею, на Тайвань.

Но пока отец только примеривался, прикидывал, ожидая реакции на свое послание, готовил новые. Стенографистки и помощники работали не разгибаясь. Не менее важным, чем разоружение, отец считал вопрос деколонизации. Борьбу за свободу в Африке, Азии и Латинской Америке он воспринимал как свое кровное дело.

Кваме Нкрума в Гане, Секу Туре в Гвинее объявили себя приверженцами марксизма. В колониях возрождалась почти забытая призрачная мечта о мировой революции. Ему представлялось: мир зашевелился, еще небольшое усилие — и дело сдвинется. Следует только поддержать, не позволить империалистам затоптать ростки нового социалистического уклада. Однако дело это становилось все хлопотнее. Хотя во многих случаях передача власти происходила в обстановке миролюбивых речей, кое-где разгорались кризисы, грозившие перерасти в мировые.

Затяжная война в Конго, где молодой, горячий и наивный премьер-министр Патрис Лумумба боролся одновременно с бывшими колонизаторами, собственным президентом Касавубу, местными сепаратистами и даже войсками ООН, призванными обеспечить мир и спокойствие, крайне поляризовала международную обстановку. Мы стояли за Лумумбу. Наша поддержка носила, главным образом, моральный характер. Что же касается реальной помощи, то тут возникали непреодолимые трудности. И тем не менее отец пытался сделать все, что возможно. Три советских Ил-18 доставили продовольствие в голодающий Леопольдвилль. К ним присоединился пароход «Лениногорск», отправившийся из Одессы с грузом пшеницы, сахара и сгущенного молока. Вслед за первым судном потянулись и другие. На них находились врачи, в трюмах — вездеходы ГАЗ-67 и, конечно, продовольствие.

Еще два Ил-18, зафрахтованные соседней Ганой, перебрасывали в Конго ганские воинские подразделения. Все это — капля в море. Отец нервничал, приходящие из Конго сообщения не способствовали улучшению настроения. Больше всего раздражало и пугало отца то, что в Конго всеми делами ООН заправляли американцы. Из ста пятидесяти чиновников ООН

в Конго четыре пятых составляли американцы, и ни одного из нашей страны. Для перемещения по территории Конго представители ООН использовали самолеты США. У отца сложилось твердое убеждение: без одобрения Эйзенхауэра Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд не смеет и шагу ступить.

Пресса подливала масла в огонь. Газеты пестрели заголовками: Хрущев терпит в Конго поражение за поражением.

Отец попытался переломить обстановку, зашел с другой стороны. 21 августа он выступил с предложением объединить силы для оказания помощи Конго. Положительного отклика не последовало. Отец все больше нервничал, его угнетало собственное бессилие, раздражало высокомерное пренебрежение Запада.

Именно тогда он задумал выступить с новой инициативой: декларацией ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Здесь же следует искать корни его требования разделить исполнительную власть в ООН между представителями капиталистических, социалистических и развивающихся стран.

9 июля 1960 года, выступая на Всероссийском съезде учителей, отец на весь мир заявил, что мы в ответ на объявление Эйзенхауэром экономической блокады Кубы подаем ей руку помощи. Он предрекал, что расположенная в благодатном климате, освободившаяся от эксплуатации империалистов маленькая страна в считанные годы расцветет, станет витриной новой жизни в Западном полушарии.

Через девять дней отец с демонстративной сердечностью принял Рауля Кастро, брата лидера революции, второго человека на Кубе. Этот день, наверное, можно считать началом установления особых отношений между двумя странами. Все началось с сахара. Объявив блокаду, американцы отказались от его закупок на Кубе. Фиделю Кастро приходилось срочно искать нового покупателя. Отец поначалу не предполагал, что жребий падет на нашу страну. Россия никогда не покупала сахар, всегда доставало своего. После объявления блокады мировые цены на сахар подскочили, и отец надеялся, что кубинцам удастся сбыть свой товар. Он даже посмеивался над американцами, которым теперь придется довольствоваться «пустым» чаем. Однако жизнь распорядилась иначе: соседи Кубы по Карибскому бассейну увеличили посевы сахарного тростника и не оставили американцев без сладкого. Кастро запросил помощи. Пришлось выручать новых друзей. Скрепя сердце отец дал согласие на

временную закупку кубинского сахара. Шло время, новых покупателей не находилось, соглашение продлили. Тем временем цены на сахар упали, нашим друзьям грозили серьезные убытки. По просьбе Кубы Советский Союз установил твердые цены.

Еще год назад советское руководство не могло и предположить, что судьба свяжет Москву и Гавану. О Латинской Америке не только отец, но и «специалисты» в ЦК знали крайне мало. А интересовались еще меньше. Советское посольство на Кубе закрыли еще в 1952 году за ненадобностью.

Поэтому вступление в Гавану 1 января 1959 года партизан Фиделя Кастро, бегство Батисты не привлекли особого внимания отца.

Когда отец попросил подготовить ему справку о Кубе, то оказалось, что дать ему просто нечего. Ни международный отдел ЦК, ни разведка КГБ, ни военная разведка не имели понятия, кто такой Фидель, за что он борется, какие ставит перед собой цели. Отдуваться пришлось заведующему отделом ЦК Пушкину. Отец посоветовал ему обратиться к кубинским коммунистам. Те объяснили: Кастро — представитель крупной буржуазии, к тому же — агент ЦРУ, особой разницы между ним и Батистой нет. Так и доложили отцу.

Правда, в КГБ решили подстраховаться, послали в Гавану «корреспондента ТАСС» Александра Алексеева. Он оказался человеком неглупым и расторопным. Из его сообщений у отца начала вырисовываться несколько иная картина; он стал внимательнее следить за происходящими на острове событиями. Постепенно складывалось мнение, что кубинские коммунисты ошиблись (на самом деле в основе лежали внутренние распри), сам Фидель пока не раскрывал своих симпатий, но его брат открыто назвал себя марксистом. Отец просто пришел в восторг, социалистическая революция произошла под боком у США. Вот еще одно подтверждение марксистской и ленинской правоты. Но до конца отец еще не мог поверить, сомневался. И не он один. Решили проверить. В феврале 1960 года на Кубу собрался Анастас Иванович Микоян.

Накануне отъезда Микоян заехал на дачу к отцу. Мне запомнился такой штришок. Гуляли гурьбой, с Анастасом Ивановичем приехал его сын Серго, из нашего семейства к компании присоединился Аджубей. Алексей Иванович рассказывал о недавней поездке Фиделя Кастро в Вашингтон, на встречу с вице-президентом Никсоном. Достоверно никто ничего не знал, но подобный поворот событий очень обеспокоил отца. Аджубей, ссылаясь на сообщения американской прессы, убеждал присутствующих, что Кастро — американский агент, верить ему

нельзя. А если и не агент, то плясать станет под дудку Белого дома. Отец и верил и не верил. Вернее, не хотел верить.

Я привел этот эпизод в свидетельство того, насколько мало знали в Москве даже наиболее информированные люди.

На самом деле в Вашингтоне Фидель занял жесткую, независимую позицию. По сути дела, сжег за собой мосты.

Анастас Иванович возвратился с Кубы в приподнятом настроении. Он в мельчайших подробностях рассказал о встречах с братьями Кастро, Че Геварой, другими кубинцами. По его мнению, они, безусловно, честные борцы за свободу. Их идеология очень быстро эволюционирует к марксизму. Микоян считал: Кубе надо помогать, но при этом соблюсти все мыслимые предосторожности. Если в Вашингтоне догадаются, куда склоняется Кастро, новый режим, пока он еще не окреп, в два счета прихлопнут.

Отец еще какое-то время продолжал приглядываться к Кастро, но уже как к потенциальному другу и единомышленнику. Он находил все больше подтверждений словам Анастаса Ивановича, восхищался героизмом кубинского народа. Он больше не сомневался, мы — интернационалисты — не можем не помочь Кубе, не позволим задушить революцию.

Сказать легко, как сделать? У США мощный военно-морской флот, да и разделяют их с Кубой девяносто миль морского пролива. А у нас? Флота практически нет, по крайней мере, такого, который, преодолев одиннадцать тысяч километров, способен противостоять грозному противнику. Оставались — экономическая помощь и политическая поддержка.

После встречи отца 3 июня с главой экономической миссии директором Национального института аграрной реформы на Кубе Антонио Нуньесом Хименесом он решил больше не скрывать свои симпатии.

22 августа 1960 года первый советский посол на Кубе М. С. Кудрявцев вручил верительные грамоты президенту Освальдо Дортикосу Торрадо. Тогда же начались поставки советского вооружения на Кубу, сначала через Чехословакию, а вскоре и напрямую.

У отца добавился еще один источник головной боли. Если до сего времени ему не давали покоя границы ГДР, то теперь приходилось думать, как уберечь Кубу от американской агрессии.

Чисто по-человечески отец заочно просто влюбился в Фиделя Кастро. Он мечтал познакомиться с «бородачом», но пока обстоятельства тому не благоприятствовали.

В середине июля отец наконец принял окончательное

решение — он сам во главе делегации Советского Союза поедет в Нью-Йорк на заседание сессии Генеральной Ассамблеи. 10 августа об этом объявили официально. Правда, осторожный Громыко порекомендовал сохранить пространство для маневра: вставить в сообщение фразу лишь о возможном участии отца в работе сессии. Он побаивался, что другие страны не последуют нашему примеру, тогда отцу грозит в ООН если не одиночество, то жиденькое окружение союзников по Организации Варшавского договора.

Теперь у отца появилась отдельная папка, куда складывали поступавшие сообщения о лидерах иностранных государств, решивших отправиться в Нью-Йорк. С каждым днем она заметно прибавляла в объеме. Отец торжествовал — мир откликнулся на его призыв, обсуждать проблему деколонизации и разоружения в Нью-Йорк приедут не только премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и президент Индонезии Сукарно, но и лидеры европейских стран. Даже премьер-министр Японии сделал заявление о своем намерении принять участие в дискуссии. В противостоянии с американским президентом отец ощущал себя победителем. Теперь Эйзенхауэр не сможет проигнорировать столь важное собрание, ему придется откликнуться на инициативу отца, и откликнуться положительно. В вопросе деколонизации он надеялся загнать западных партнеров в угол, пусть они попробуют возражать на глазах у всего мира. Отец рассчитывал, что голосование склонится в его пользу. А вот призыв к всеобщему разоружению отец считал больше пропагандистским ходом. Здесь он не рассчитывал на скорый результат. Он приготовился к долгому пути.

Отец любил называть себя агитатором, верил, что искреннее слово найдет, пусть не сразу, дорогу к сердцу человека. Он считал очень важным то, что на сессии Генеральной Ассамблеи каждому придется высказаться: тут-то народы мира и увидят, кто какой позиции держится и кто чего стоит.

Что же касается реформы исполнительной власти ООН, то у отца даже дома сторонников набиралось немного.

Появление трех генеральных секретарей: от социалистической части мира, от бывших колоний и традиционного, проамериканского, от капиталистических стран — вместо одного подрывало всякую надежду на возможность достижения каких-либо решений.

Осторожного Громыко беспокоила утеря контакта с нашими партнерами, и не только на Западе.

Впрочем, отец и не скрывал своих целей. Он мечтал разрушить автоматическое прозападное большинство при

голосовании. Цели он преследовал понятные, но очень уж неуклюже. Однако здесь отец не воспринимал ничьих советов, он, как говорится, закусил удила. Как только окружающие ощутили, что он намерен твердо стоять на своем, оппонентов как ветром сдуло. Все превратились в его горячих сторонников. Я говорю, конечно, о советской стороне.

В путь отец решил отправиться на теплоходе. Начавшись в калининградском порту, путешествие растягивалось на десять дней, но отец оптимистично полагал: время пойдет на подготовку выступлений, шлифовку материалов, окончательную утряску позиций делегаций. С ним вместе в Нью-Йорк направлялись не только делегации Украины и Белоруссии, но и представители большинства социалистических стран. Только румыны, проигнорировав приглашение отца, решили лететь самолетом.

Ко всему прочему отцу очень хотелось пересечь океан на пароходе. Так, как это делали переселенцы в Америку, о приключениях которых он читал в юности. Другого удобного случая, считал он, в его жизни не представится. Отец все чаще стал поминать свой возраст. Началось с генеральского мундира. Он пошил его в 1958 году к 40-летнему юбилею Советской армии. Вернувшись домой после торжественного заседания, отец как-то не очень уверенно предложил: «Давай сфотографируемся, больше я его, наверное, не надену». Мне стало от его слов не по себе. Я бросился разубеждать отца, но он мягко остановил мои бодряческие словоизвержения, повторив: «Давай сфотографируемся, останется тебе на память». Я пишу эти строки в комнате, где на стене висит фотопортрет: отец в форме генерал-лейтенанта с частоколом орденов на мундире и рядом совсем юный я, его сын.

Теплоход под названием «Балтика» отчалил 9 сентября. В советскую делегацию, кроме отца, входил Андрей Андреевич Громыко и два его заместителя — Зорин и Солдатов. Осенняя погода в Атлантике переменчива. Спокойная гладь океана менялась вздыбленными волнами, начиналась качка. Отец особо гордился своей невосприимчивостью к шторму, шутками встречал позеленевших попутчиков, выползавших из своих кают глотнуть свежего ветерка. Он почти все время проводил на палубе: там он работал, беседовал с коллегами и просто отдыхал.

Начавшееся в Париже противостояние Эйзенхауэра и отца продолжалось. Выглядело это иногда несколько по-мальчишески и могло вызвать улыбку, если бы в руках обоих не сосредоточивалась огромная сила. На сей раз накануне прибытия отца в Нью-Йорк объявили, что советской делегации

воспрещается, не испросив предварительного разрешения в полиции или у иных властей, перемещаться не только по стране, но и по Нью-Йорку за пределами Манхэттена.

Разместили отца в здании Советской миссии при ООН, окнами на людную нью-йоркскую улицу.

Согласно дипломатическому протоколу, главу делегации Советского Союза охраняла нью-йоркская полиция, в том числе мотоциклисты. Они старались досаждать отцу, как только могли, ночью менялись через час, гремели мотоциклами, не давая спать никому в округе. Здесь американцы действовали как бы по рецептам Мао, который во время визита отца в Пекин в июне 1958 года приказал снять противомоскитные сетки с окон в апартаментах, предназначенных для советского гостя, — пусть его заедят комары. Китайские комары кусали нещадно, но отец тогда вида не подал. Не подавал вида он в 1960-м в Манхэттене, на «звуковое сопровождение» старался не реагировать, в войну он научился спать даже под бомбами, иначе не выжить ни в Сталинграде, ни на Курской дуге. Когда раздавалась особо громкая трель, морщился, пытаясь уснуть, переворачивался на другой бок. Но в своих воспоминаниях пожаловался, что «спокойного времени ни разу не было, все время стоял треск, сплошная артиллерийская канонада, как будто рвутся снаряды у меня под окном. Я просыпался и валялся на постели в ожидании, когда вернется сон».

Отца эти булавочные уколы только взбодрили. Он еще более укрепился в мысли, что борьба за реорганизацию структуры ООН, а возможно, и перевод штаб-квартиры этой организации за пределы США — единственный шанс восстановить ее работоспособность и авторитет в мире.

Отец рвался в бой, стремился разоблачить агрессивную сущность США и их президента. Начать он намеревался с самых больных, горящих вопросов. К открытию сессии Генеральной Ассамблеи обстановка в Конго раскалилась донельзя. Все стреляли во всех. Премьер-министр Патрис Лумумба и его сторонники теряли одну позицию за другой, их часы, не вызывало сомнения, сочтены. Силам ООН не удавалось ничего сделать, к тому же трудно было понять, какую из сторон они поддерживают. Отец намеревался на Генеральной Ассамблее резко поставить вопрос о положении в Конго. Обсуждение предстояло не из приятных. США и СССР бросили в Конго свой престиж на разные чаши весов.

Другой, не менее больной вопрос: прием новых членов в ООН. СССР регулярно, из сессии в сессию, предлагал заменить тайваньского представителя на делегата КНР, и столь же

последовательно США проваливали предложение при голосовании. В Белом доме нервничали. Отец мог захватить инициативу, увлечь на свою сторону делегации стран «третьего мира». Эйзенхауэр, по всем правилам военного искусства, решил нанести упреждающий удар. «Балтика» прибывала 19 сентября, подгадывая к открытию сессии, намеченному на 20-е. Никакие силы не могли помочь отцу попасть в Нью-Йорк раньше.

Вот американцы и предложили провести предварительно еще одну, Чрезвычайную сессию с повесткой дня: прием новых членов в ООН и положение в Конго. Открыть ее решили 17 сентября.

Делегации, направляющиеся в ООН не столь экзотическим способом, как отец, могли без труда поменять свои авиабилеты. А пассажиры «Балтики» попали в западню. Им оставалась следить за ходом дискуссии по радио. Правда, отец не унывал, он при любом удобном случае поминал, как одним своим видом перепугал американцев. О Конго и Китае, не очень связывая себя повесткой дня, отец высказался на последующих заседаниях.

Итак, 19 сентября «Балтика» подошла к одному из множества причалов нью-йоркского порта. Лайнер швартовался в отнюдь не фешенебельном месте. Мне сейчас трудно сказать, имелся ли у отца выбор. Он рассказывал, что сам предпочел место швартовки подешевле.

Встреча не походила на прошлогоднюю: ни красной ковровой дорожки, ни трибуны с микрофонами, ни официальных лиц, даже самых незначительных. Хозяева демонстрировали свое неуважение к прибывающему в их страну по своим делам лидеру другой великой державы.

У трапа стояли советские сотрудники ООН, жители нашей колонии. Впереди — дети с букетами цветов, совсем как в каком-нибудь не очень крупном областном центре. И, конечно, толпа репортеров.

Среди встречавших выделялась худощавая подтянутая фигура стального магната Сайруса Итона, основавшего в 1957 году Пагуошское движение против ядерного вооружения (в 1995 году пагуошцам присудят Нобелевскую премию), и хорошего знакомого отца. Его седая голова была непокрыта, шляпу он держал в руке. Этот канадско-американский миллиардер позволял себе иметь самостоятельную точку зрения на отношения между нашими двумя странами и на то, как следует встречать Хрущева.

Недружественные проявления настраивали отца на боевой лад. Он считал, что подобная реакция империалистов свидетельствует о том, что он занимает правильные позиции. Главное, не паниковать, не торопиться. Все постепенно

установится. Нам некуда деваться друг от друга, рано или поздно придется признать реалии и договариваться. Надо иметь терпение.

А пока обычно общительный отец удваивал свою энергию, проповедовал, доказывал, убеждал. Дни отца плотно заполнялись визитами, беседами, и не только с представителями «третьего мира», игнорировать его не смогли себе позволить и европейцы. Но по-настоящему в душу запала ему одна встреча: едва сойдя с теплохода, отец поинтересовался, где живет Фидель Кастро. Доложили: Кастро разместился в захудалой гостиничке, в негритянском Гарлеме. В других отелях его просто отказались принять. Отец вспыхнул и решил немедленно ехать с визитом. Едва успели позвонить кубинцам. Фидель немного растерялся, сказал, что он может приехать сам. Отец и слушать не хотел. Он считал себя просто обязанным продемонстрировать уважение к представителю маленького бесстрашного, свободолюбивого народа.

Отец понимал, что их встречу воспримут как вызов, и постарался обставить ее поэффектнее. Здесь, правда, особых усилий не потребовалось: Гарлем, Хрущев, Кастро. Журналистов набежало великое множество.

Отец и Кастро встретились в холле гостиницы, обнялись, расцеловались. Отец вспоминал: ему показалось, что его обхватил медведь.

Отца захватила искренность Фиделя Кастро, его непреклонная решимость победить или умереть за дело освобождения своего народа. Эта встреча в Нью-Йорке окончательно убедила отца в необходимости помочь Кубе в ее борьбе всеми доступными средствами: и экономическими, и политическими, и военными. Правда, с последним проявляли осторожность: и та, другая, сторона опасалась спровоцировать Соединенные Штаты.

В Нью-Йорке отец искал и находил подтверждение доброго к себе отношения со стороны американцев: кто-то помашет рукой, кто-то улыбнется. Запомнилась ему забота одного из журналистов, постоянно дежуривших под окнами дома, где он жил. Отец скучал, в перерыве между заседаниями и встречами он был заточен в четырех стенах, нельзя прогуляться по улицам, за город выехать запрещено. Единственное развлечение — небольшой балкончик, куда он выходил перекинуться словцом с прессой, развеяться. Вот тут-то он и получил записку, в которой говорилось, что Нью-Йорк не Москва и в нынешней обстановке отец на балконе под нависшими с обеих сторон улицы домами с тысячами окон рискует жизнью. Никто не знает, кто и о чем

думает за их стеклами, а оружие купить — не проблема. Отец был тронут, принял предупреждение во внимание, но на балкон выходить не перестал. Он опасался, как бы его не заподозрили в трусости.

В те дни он посетил в больнице умиравшего от рака американского физика Лео Сцилларда. Как и с Сайрусом Итоном, отца свело со Сциллардом неприятие ядерного оружия, борьба за запрещение его испытаний. Лео Сциллард, по происхождению венгр, участвовал в разработке первой атомной бомбы. После окончания Второй мировой войны он, как и некоторые другие участники проекта, стал противником как бомбы, так и войны. Они встречались с отцом в Москве, между ними возникло взаимопонимание единомышленников, и вот теперь отец сидел у его больничной койки. Сциллард, ослабевший, но по-прежнему эмоциональный, говорил об опасности ядерного вооружения. Отец с ним соглашался и одновременно старался успокоить, перевести разговор в нейтральное русло. Он стал нахваливать грузинскую минеральную воду боржоми: по совету врачей он выпивает в день пару бутылок и чувствует себя бодрее, к тому же вода хорошо промывает почки. Сциллард заинтересовался, и отец пообещал поделиться с ним своими запасами. На следующий день в больницу доставили ящик боржоми, но попробовать чудодейственную воду Сциллард не успел. Через короткое время он скончался. А возможно, американские врачи запретили — кто знает, что и зачем прислал важному и секретному атомщику руководитель враждебной США державы.

После смерти Сцилларда нераспечатанный ящик вместе с другими вещами умершего отдали родственникам. Долгие годы они берегли бутылки с непонятными грузинскими иероглифами в память о дружбе двух таких разных людей — физика Лео Сцилларда и политика Никиты Хрущева. В 1990-е годы двадцатого века семья Сцилларда подарила мне одну из бутылок. Я передал ее в Хрущевский архив, созданный при библиотеке Браунского университета в американском городе Провиденс штата Род Айленд.

На заседаниях Генеральной Ассамблеи отец не терял времени даром, активно участвовал в продолжавшейся две недели дискуссии, выступал с заявлениями, брал слово по процедурным вопросам, заявлял протесты. По его мнению, он вел себя как заправский западный парламентарий. Я не хочу останавливаться на существе вопроса, об этом много написано. Правда, еще больше говорят об истории с ботинком, которым он якобы во время одного из пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи в запале стучал по трибуне и выкрикивал: «Мы вас похороним».

Она стала как бы символом пребывания отца в Нью-Йорке и вообще в США. Затмила собой и Диснейленд, и Кэмп-Дэвид. Казалось, нечего и добавить. Тем более нечего оправдываться, лучше промолчать. Я поначалу хотел так и поступить, подправлять устоявшийся образ — занятие неблагодарное и безнадежное. Потом я передумал. И вот почему. «Не зная броду, не суйся в воду», — советует пословица. Это в обыденной жизни. А в политике незнание образа мышления партнера, привычек и обычаев может завести очень далеко. Но при чем тут ботинок? Постараюсь пояснить. При всей кажущейся, и не только кажущейся эмоциональности отец строго контролировал свои поступки. Иначе не стать политиком.

Сидевшая в нем бунтарская жилка порой проявлялась во время выступлений, когда он говорил без бумажки. Тут, заведя себя, он мог переступить установленные границы. Так бывало. В газетах той поры нет-нет и появлялись разъяснения, что хотел, а что не хотел сказать Председатель Совета министров в своей недавней речи. Порой он использовал подобный прием умышленно, желая проверить реакцию где-нибудь на Западе или Востоке.

А вот в парламентской дискуссии отец ощущал себя новичком, точнее, учеником. Попрактиковаться ему не удалось. Когда отцу стала доступна трибуна Верховного Совета, то главным в выступлении считалось количество упоминаний имени вождя и качество сопровождавших их эпитетов и гипербол.

А что происходит там, в чужих парламентах? Газеты писали такое — дух захватывало. Драки, взаимные оскорбления — норма поведения западного законодателя. Во время визита в Великобританию, когда делегацию водили по парламенту, мы даже получили тому подтверждение. Нам показали: на полу зала заседаний две полоски, разделявшие представителей правящей и оппозиционной партий. Переступать через них запрещалось строжайшим образом. Гид пояснил: расстояние между полосками по закону должно превышать длину шпаги, чтобы гарантировать личную безопасность дискутирующих. Отец тогда пошутил, что подобные правила существовали в пору его молодости и в российской Государственной думе.

Попав на заседание Генеральной Ассамблеи, он поразился: «Я первый раз оказался в подобной организации… Представители буржуазных стран пользовались методами, принятыми в буржуазных парламентах: шумели, стучали о свои пюпитры, подавали реплики. Одним словом, устраивали обструкцию оратору, если его выступление им не нравилось. Мы стали, я говорю о себе, платить тем же — шум поднимали, ногами

стучали, и прочее».

Действительно, заседания Генеральной Ассамблеи в те годы напоминали футбольный матч: свои «болели» за своих, демонстрировали чувства, как могли: шумели, стучали кулаками по пюпитрам, что-то выкрикивали. Особенно бурно проходили заседания, когда выступали два заядлых полемиста — премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан и Председатель Совета Министров СССР Никита Хрущев. Они постоянно перебивали друг друга, требовали предоставить им слово «в порядке ведения». В ООН действует правило, похожее на «замри» в детской игре. Если кому-то не по нраву слова выступающего, то произносится магическое «Point of order» («Нарушение регламента»), «замри» по-нашему, оратора сгоняют с трибуны, и оппоненту предоставляется слово для возражений. Если скрупулезно прочитать правила, то «нарушение регламента» позволяет прервать оратора только в случае технических непорядков: отсутствия перевода, исчезновения звука в наушниках, истечения регламента на выступление, но тогда, первыми англичане с американцами, а вслед за ними и наша делегация пользовалась этим правом по своему усмотрению и в своих интересах, что создавало на заседаниях атмосферу неразберихи. Отец быстро освоился в непривычной обстановке и чувствовал себя на заседаниях Генеральной Ассамблеи как рыба в воде.

Конечно, глупо предполагать будто отец поверил, что в парламентах западных стран решающим аргументом служит дубинка, но своеобразное искаженное мнение о порядках, царящих там, у него сложилось.

Нельзя отбросить и некоторое озорство, этакое «знай наших». Все это спаялось вместе, замешалось на отцовской эмоциональности, и вот он уже дает сто очков вперед самому ярому парламентскому смутьяну, яростно стуча кулаком по пюпитру.

Он и раньше не раз устраивал подобные спектакли. Так, во время прошлогоднего визита в США отец остался очень недоволен приемом, оказанным ему в Лос-Анджелесе. Закончилось все размолвкой, а вернее, резким выступлением на обеде, устроенном вечером мэром города Нортоном Паулсоном. Отец в ответ на упоминание мэром его давнишнего и не очень удачного замечания «мы вас похороним» взорвался: «Я уже говорил в Нью-Йорке, что имел в виду не американцев, а капитализм, экономическую формацию, которая не выдержит соревнования с социализмом. Что же, у вас мэры газет не читают? Думаю, читают, но умышленно подбрасывают мне эту дохлую

кошку, хотят поссорить меня с людьми. Не выйдет». Дальше отец сказал, что он — представитель великой державы — вправе рассчитывать на должное уважение. В противном случае он соберет свои чемоданы и немедленно вернется в Москву.

Отец закончил свою тираду. Зал загудел, гости комментировали бурное выступление русского премьера.

Весь этот спектакль, казалось, произошел спонтанно — взрыв эмоций не очень сдержанного человека. После официального обеда делегация, помощники и сопровождавшие лица собрались в обширной гостиной премьерских апартаментов. Выглядели все растерянными и подавленными. Отец снял пиджак и сел на банкетку. Остальные расположились на диванах и креслах.

Отец внимательно всматривался в лица. Сам он сохранял суровость, но в глубине глаз проскальзывали веселые искорки. Он прервал паузу, сказав, что мы, представители великой державы, не потерпим, чтобы нами помыкали. Затем в течение получаса, не очень стесняясь в выражениях, высказывал свое отношение к тому, как принимают нашу делегацию. Он почти срывался на крик. Казалось, ярость его не знает пределов. Но глаза почему-то лучились озорством. Периодически отец поднимал руку и начинал тыкать пальцем в потолок — мол, мои слова предназначены не вам, а тем, кто прослушивает.

Наконец монолог прекратился.

Прошла минута, другая, присутствующие растерянно молчали. Отец отер пот с лысины — роль потребовала изрядного напряжения — и повернулся к Громыко:

— Товарищ Громыко, идите и немедленно передайте Лоджу[59] все, что я сказал.

Андрей Андреевич встал, откашлялся и направился к двери. На его и без того неулыбчивом лице обозначилась мрачная решимость. Он уже взялся за ручку двери, и тут его жена Лидия Дмитриевна не выдержала.

— Андрюша, ты с ним повежливей!.. — взмолилась она.

Андрей Андреевич никак не отреагировал на ее трагический призыв, дверь за ним беззвучно затворилась.

Я взглянул на отца.

Он прямо-таки ликовал, реакция Лидии Дмитриевны свидетельствовала, что роль удалась.

На следующий день мы приехали в Сан-Франциско. Наших хозяев, казалось, подменили: лица дружелюбны, ни одного обидного слова.

Но вернемся в зал заседаний пленарной сессии Генеральной ассамблеи ООН. Вот что вспоминает отец.

«Впереди нас, такая выпала доля, сидела испанская

делегация. (Делегации в зале рассаживают по алфавиту, Испания, Spain по-английски, там соседствует с СССР — USSR.) Возглавлял ее немолодой уже человек с приличной лысиной, обрамленной седыми волосами. Сам худой, лицо сморщенное, не плоское, а вытянутое вслед за острым носом вперед. Если бы между нашими странами были нормальные отношения, я мог бы сказать, что ничего, весьма приличный человек. Но отношения у нас были — дальше некуда, и он производил на меня соответствующее отталкивающее впечатление. Мы были соответственно настроены.

Я бы к этому добавил несколько слов о встрече с Долорес Ибаррури,[60] которая состоялась перед нашим отъездом. У меня с ней были очень хорошие отношения.

Она меня попросила: "Товарищ Хрущев, хорошо, если бы вы, выступая в ООН, выбрали момент и заклеймили франкистский режим в Испании".

Вот я и обдумывал, как это сделать. Мы сидели чуть выше испанской делегации, я, как говорится, носом клевал в лысину испанского представителя. Я смотрел на него, и мне тут же вспоминался наказ Долорес Ибаррури…

Когда обсуждался вопрос о ликвидации колониализма, я решил воспользоваться репликой, чтобы выполнить данное мне поручение. Я очень остро выступил против Франко, не называя, естественно, его фамилии. Говорил о реакционном, кровавом режиме, использовал и прочие выражения, которыми мы, коммунисты, пользуемся в печати для обличения режима Франко.

Сейчас же с ответной репликой выступил представитель Испании». Отец категорически не принимал слов, произносимых с трибуны, и решил продемонстрировать степень своего возмущения. Эдакий чертик всегда сидел в нем. Он выглянул и подтолкнул отца на мелкое хулиганство. Отец с хитринкой в глазах повел взглядом по сторонам и низко наклонился к самому полу. Сидевший рядом Громыко заинтересованно следил за происходящим. Неподалеку от них сидел еще один молчаливый член советской делегации, звали его Георгий Михайлович Животовский. Тогда, не исключено, он носил иную фамилию. По долгу службы ему полагалось замечать все. Его рассказ я постараюсь передать по возможности дословно:

«Никита Сергеевич продолжал возиться под пюпитром и наконец, раскрасневшийся, выпрямился на кресле. В руке он держал ботинок.

Оглянувшись по сторонам, Хрущев, улыбаясь, стал постукивать подошвой по пюпитру, сначала тихонько. Никто на него не обращал внимания, только Андрей Андреевич, как завороженный, следил за каждым движением.

Постепенно Хрущев наращивал темп, ему требовались зрители. Наконец он добился своего, то один, то другой из делегатов недоуменно поворачивали голову в сторону советских представителей. По залу прокатился шумок. Не понимая, в чем дело, оратор занервничал. Никита Сергеевич уже со всего размаха колотил каблуком».

Как рассказывал Георгий Михайлович, именно в этот момент на лице Громыко проступила гримаса решимости, как перед неотвратимым прыжком в холодную воду. Он наклонился, снял свой ботинок и стал потихоньку постукивать им в такт отцу по крышке своего пюпитра. При этом он ухитрился развернуться таким образом, чтобы отец видел, что он делает, но только он один. Сидящим в зале ритмичные взмахи правой руки советского министра иностранных дел не говорили ни о чем. Казалось, он отряхивает полу своего пиджака. Так никто ничего и не заметил, кроме человека, которому все замечать приходилось в силу служебных обязанностей.

О том, как закончилась стычка, вспоминает сам отец: «Вернулся испанец и занял свое место. Когда он садился, мы перебросились репликами, не понимая языка друг друга, обе стороны выражали свое неудовольствие мимикой.

Вдруг к нам подошел полицейский, здоровый такой верзила, как истукан стал в промежутке, разделяющем нашу и испанскую делегации. Видимо, в его задачу входило в случае чего не допустить до рукопашной. Бывали случаи, когда делегаты схватывались и применяли, так сказать, рукоприкладство».

Отец запамятовал. На самом деле его ботинка, точнее, летней сандалии (отец покидал октябрьскую Москву в осенней обуви, а попав в по-летнему жаркий Нью-Йорк, сменил черные теплые туфли на коричневые летние), удостоился не испанец, а делегат Филиппин.

Так что и Долорес Ибаррури тут не очень при чем. Не внушает доверия и история Животовского, рассказывал он мне все это позже, уже будучи на пенсии, он тогда подрабатывал в Институте электронных управляемых машин, занимался приемом иностранных делегаций. Я же работал там заведующим отделением. Георгий Михайлович любил в обеденный перерыв рассказывать байки, и рассказывал интересно, а вот насколько правдиво, знал только он сам.

Я не присутствовал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, оставался в Москве. Так что собирать информацию мне пришлось по крупицам и спустя много лет после происшествия. Большинство «свидетелей», описывавших и описывающих этот

эпизод, там тоже не присутствовали. Все произошло во время рутинного заседания; журналисты коротали время в баре, телевидение не снимало. Пока до прессы дошло, что в зале заседаний происходит что-то интересное, пока журналисты добежали туда, все закончилось, единственным материальным свидетельством происшедшего стала фотография агентства «Ассошиэйтед Пресс». На ней запечатлен спокойно сидящий на своем месте отец; вот только на пюпитре, как раз перед табличкой «Советский Союз», лежит наделавшая столько шума коричневая сандалия. Мне стоило больших трудов разыскать и приобрести эту уникальную фотографию. Другие, появлявшиеся время от времени, изображения отца с ботинком в руке оказывались фотомонтажами, обычно невысокого качества.

Из многочисленных «свидетельств» мне удалось отобрать только два-три достоверных. Первое: рассказ генерала Николая Захарова, в то время начальника Девятого управления КГБ, обеспечивающего охрану первых лиц государства. По долгу службы он находился при отце неотлучно.

Вот что он вспомнил: «12 октября состоялось самое бурное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, когда обсуждался вопрос, внесенный советской делегацией, о ликвидации колониальной системы. Первым выступил Н. С. Хрущев. После его речи на трибуну поднялся филиппинец, который, помимо прочего, заявил, что советское государство представляет собой "концлагерь".

Слушая синхронный перевод, Хрущев взорвался. Мало того что это было оскорбительно — это было несправедливо! После смерти Сталина, расстрела Берии тысячи невинных были реабилитированы и выпущены из лагерей и тюрем. Заслуга Хрущева в этом была неоспорима.

Сидя сзади, я видел, как Хрущев, посоветовавшись с Громыко, решил просить у председательствующего, представителя Ирландии Болдуэна[61] дать ему слово по порядку ведения, что было предусмотрено процедурой. Никита Сергеевич поднял руку, но Болдуэн то ли впрямь не видел, то ли сделал вид, что не видит поднятой руки. Хрущев встал и снова поднял руку. Не увидеть стоящего с поднятой рукой Никиту Сергеевича было просто нельзя. Но оратор выступал, а глава советской делегации продолжал стоять с поднятой рукой. Казалось, что председательствующий просто игнорирует его.

Тогда Хрущев снял с ноги легкий полуботинок и начал размеренно, словно маятник метронома, стучать по столу.

Только после этого Болдуэн предоставил слово советской делегации. Никита Сергеевич, подойдя к трибуне, перед носом

филиппинца сделал взмах рукой — отойди.

Взбудораженный Хрущев начал свою речь неплохо. "Во-первых, — сказал он, — я протестую против поведения председателя сессии, против его неравноправного отношения к выступающим ораторам. Председатель сессии злоупотребляет своим правом, защищая интересы империалистов. Почему он не остановил филиппинца, когда этот империалистический холуй поносит Советский Союз и страны социалистического лагеря?"

В этот момент синхронный перевод сбился, так как переводчики судорожно искали аналоги русскому слову «холуй». А Хрущев уже продолжал: "Мы здесь собрались не для того, чтобы наводить ложь и клевету друг на друга, а чтобы по-дружески обсудить вопросы разоружения и ликвидации колониализма. Вот я сижу в зале и вижу испанцев. Как только какой-нибудь колонизатор поддерживает политику колониализма, они аплодируют. Почему? Потому, что это колонизаторы. Где палач испанского народа является колонизатором и угнетателем, там порабощенный народ. Есть поговорка: "Ворон ворону глаз не выклюет". И колонизатор колонизатора поддерживает. Но нам надо взять заступ, вырыть глубокую могилу, поглубже закопать колониализм и забить осиновый кол, чтобы это зло никогда не возродилось". После этой гневной тирады испанская делегация вдруг вскочила и, потрясая кулаками, стала угрожать обидчику. Неожиданно меня пронзила мысль: "Испанцы народ горячий, а вдруг они вооружены холодным оружием?" А Хрущеву еще предстояло пройти мимо их делегации, чтобы занять свое место. Я немедленно вскочил и чуть ли не бегом спустился к трибуне, сел и стал ждать, пока Никита Сергеевич закончит говорить.

Сойдя с трибуны, Хрущев пошел на свое место. Я прикрывал его от испанцев, и, как мне кажется, не зря. Только мы с ним приблизились к франкистам, горячие южане вновь вскочили, а глава испанской делегации, не имея возможности дотянуться до Хрущева, набросился на меня. К счастью, без потерь мы заняли свои места».[62]

Вот этот последний эпизод: возвращение на свое место, стычка с главой испанской делегации — и засел в голове отца, полностью вытеснив все остальное. И «здоровенный верзила» — это не американский полицейский, а генерал Захаров, у него рост под два метра.

Но даже после публикации Захарова я продолжал недоумевать почему ботинок? Ведь и до, и после этого отец бурно выражал свои чувства. Телевизионные камеры зафиксировали, как он демонстративно и одновременно истово колотит кулаками по пюпитру, а рядом с ним в таком же запале Громыко и

остальные члены советской делегации стараются перещеголять друг друга.

А тут вдруг ботинок?! Нашелся ответ и на этот вопрос, и пришел он тоже от свидетеля, по долгу службы находившегося в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

Одна из женщин, обслуживавших в тот день зал заседаний (она помогала делегатам отыскивать свои места, при необходимости вызывала их к телефону, передавала записки председателю), рассказала следующее:

«Хрущев появился в зале позже других. Он подходил к руководителям делегаций социалистических стран и обменивался с ними рукопожатиями. За ним, отталкивая друг друга, бежали журналисты. Со всех сторон к нему тянули микрофоны. Вспыхивали блицы, щелкали затворы камер. Когда Хрущеву до своего места оставалось сделать буквально шаг, кто-то из ретивых корреспондентов случайно наступил ему на пятку, башмак слетел. Я быстро подобрала башмак, завернула в салфетку и, когда Хрущев сел на свое место, незаметно подала ему сверток под стол. Как видите, между сиденьем и столом совсем небольшое пространство. И наклониться к полу, чтобы надеть или снять обувь, плотный Хрущев не мог мешал живот. Так он и сидел до поры до времени, вертя под столом свой башмак. Ну а когда его возмутило выступление другого делегата, он в запальчивости стал колотить предметом, который случайно оказался у него в руках. Если бы он тогда держал зонтик или трость, то принялся бы стучать зонтиком или тростью».[63]

Тут Боланд «заметил» призывы Хрущева, дал понять, что предоставит ему слово для ответа. Удовлетворенный Хрущев положил туфлю на пюпитр и только тогда в зал вбежали журналисты. Поэтому никаких телевизионных съемок и просто фотографий этой истории в архивах не оказалось. Выступать Хрущев пошел так, как сидел, в одной туфле. Вот и прояснилось, откуда взялся ботинок. Отец вряд ли попытался снять его с ноги во время заседания в полемическом задоре. Даже в комфортных условиях, дома, чтобы не нагибаться при обувании, он пользовался обувной ложкой, привинченной шурупами к специальной палке, никогда не носил туфли на шнурках.

Так что во всем виноваты журналисты и, если бы они не успокоились слишком рано, не разбежались по буфетам, то смогли бы во всех подробностях зафиксировать эпизод, ставший волей судеб сенсацией века.

Правда, один журналист (имя его Джеймс Ферон, он работал тогда на «Нью-Йорк Таймс») в зале все-таки присутствовал. Он утверждает, что в тот момент никто вообще ни по чему не стучал.

Приведу его слова полностью.

«Я самолично видел Хрущева в тот момент, он не стучал своим ботинком. Он вообще им не стучал. Он сидел на своем месте в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Они в тот день все стучали кулаками по пюпитрам: коммунисты и представители стран третьего мира, потому что выступавший филиппинец в их глазах вел себя как американский лакей.

Хрущев наклонился, снял с ноги летний фестончатый полуботинок, поднял его над головой и стал им ритмично покачивать, затем положил его на пюпитр перед собой. Известна единственная фотография, на ней Хрущев сидит на своем месте, а полуботинок лежит перед ним на пюпитре. Нет фотографий, на которых бы он стучал им по пюпитру, потому что этого просто не было.

Вопрос откуда же взялась легенда, что он стучал по пюпитру?

Ответ: так описало происшествие Ассошиэйтед Пресс и эту информацию напечатала "Нью-Йорк Таймс"».[64]

Вот, собственно, что мне удалось разыскать.[65] В интервью Джеймса Ферона тоже просматриваются неувязки: кулаками стучали и отец, и другие, но позже, возможно, даже и не в тот день. Такие кадры существуют, их часто показывают по телевизору. Далее мистер Ферон утверждает, что отец снял свой полуботинок. Это естественное предположение, где же полуботинку находиться, как не на ноге. Предыдущего эпизода с потерей отцом полуботинка и его водворением на пюпитр, Ферон не видел.

И последний, сакраментальный вопрос: стучал все же отец или не стучал?

Мистер Ферон утверждает, что нет. Это соответствует логике событий: поднятая отцом рука, председательствующий намеренно ее не замечает, отец хватает первый попавшийся под руку предмет (им оказывается полуботинок) и начинает им размахивать. Но генерал Захаров говорит: «Стучал, но не в запале, а размеренно».

Не знаю и, наверное, уже не узнаю. Вряд ли появятся новые свидетельства.

Так я написал в 2003 году.

Однако они появились, и очень неожиданно. Осенью 2005 года российский телевизионный канал НТВ затеял свое расследование «ботиночного» инцидента. Они пригласили меня поучаствовать в распутывании этого дела. Мы встретились в Нью-Йорке в здании ООН. Там меня представили некоему Жану Газаряну, хорошо говорящему по-русски армянину французского происхождения, с 1946 года он работал заведующим канцелярией

в зале заседаний ООН. Что входило в его обязанности, мы не расспрашивали, важно другое — все эти годы он находился в зале, в том числе и в интересующий нас день октября 1960 года. Его рабочий стол светлого дерева, немного похожий на обеденный персон на десять, располагался и располагается, если смотреть из зала, справа от трибуны, внизу, на уровне пола.

Несмотря на возраст, Газарян оказался человеком бодрым, энергичным и с отличной памятью. По его мнению, наиболее соответствовал реальности рассказ служащей ООН. Никита Сергеевич (он называл отца по имени и отчеству), стараясь привлечь к себе внимание председателя, сначала поднял одну руку, затем обе, когда это не помогло, схватил ботинок и начал им размахивать, а потом постучал по крышке пюпитра, как обычно в таких случаях стучат костяшками пальцев. Вот и вся история.

Газарян уточнил еще кое-какие детали: филиппинец назвал «концлагерем» не Советский Союз, а восточно-европейские государства — союзников СССР. Первым отреагировал не отец, а министр иностранных дел Румынии. Он, не обращая внимания на председателя, буквально вскочил на трибуну, оттеснил оратора и гневно парировал, что сегодня обсуждается будущее колоний, а он, представитель Филиппин, оскорбил государства, ставшие членами ООН, когда его островная Филиппинская республика еще жила под протекторатом США. Боланду с трудом удалось утихомирить румына, поэтому когда отец стал демонстрировать желание занять трибуну и, в свою очередь, высказать, что он думает по этому поводу, председатель решил его не замечать.

Имела продолжение и история с «холуем» американского империализма (так отец обозвал филиппинского представителя). Тот запротестовал — это слово «непарламентское» и его нельзя вносить в документы ООН. Они заспорили с Хрущевым, последний попросту задавил филиппинца, и тот согласился заменить «холуя» на «лакея американского империализма». После этого удовлетворенный отец возвратился на место.

«В другой раз, — рассказывал Газарян, — с трибуны согнали уже Хрущева. Что-то в его выступлении не понравилось Макмиллану, тот произнес магическое: "В порядке ведения", председательствующий прервал Хрущева и предоставил слово британскому премьеру. Никита Сергеевич безропотно подчинился, по-мальчишески легко сбежал по ступенькам, однако на свое место не пошел, а демонстративно, но без вызова, уселся рядом со мной спиной к трибуне, которой завладел Макмиллан. Тут Хрущев обнаружил, что я понимаю по-русски, приятно удивился, мы немного поговорили, а когда Макмиллан закончил

свои возражения, Хрущев вернулся на трибуну и продолжил выступление с того места, где его прервали. После этого он облюбовал мой стол и подсаживался ко мне каждый раз, когда его прерывали словами "Point of order"», — закончил рассказ Газарян.

Вот, собственно, и все. По крайней мере на сегодняшний день.

Так или иначе, этот, в общем-то, незначительный инцидент сослужил хорошую службу нашим противникам по холодной войне. Пропагандисты объединили ботинок с предложением отца филиппинцу взять заступ и вместе навечно похоронить колониализм. В переложении знавших свое дело «специалистов» получилась хорошо запоминающаяся страшилка: разъяренный Хрущев молотит ботинком по трибуне Генеральной Ассамблеи ООН и в исступлении орет: «Мы вас похороним!»

Теперь для многих, особенно для американцев, Хрущев — тот, кто стучал ботинком в ООН. Странны превратности судьбы. Бессмысленно сегодня, по прошествии стольких лет, оправдывать, осуждать или даже объяснять. Что произошло, то произошло. Приятное и неприятное приходится принимать таким, как оно есть.

По окончании заседания члены нашей делегации наперебой поздравляли отца.

Отец вспоминал на пенсии, что единственным человеком, неодобрительно отозвавшимся о его поступке в те дни, оказался премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Он считал, что не следовало так поступать, американцы обязательно этим воспользуются. За некорректное поведение советскую делегацию оштрафовали. Мне об этом не раз рассказывали, конечно, уже после отставки отца. Всех интересовала, естественно, сумма. Называли миллион, даже больше. Я попытался докопаться до истины. Достоверные источники из аппарата ООН назвали: десять тысяч. Тоже сумма немалая.

Отец вернулся в Москву 14 октября самолетом. Ощущал он себя победителем, считая, что беспрецедентно высокий уровень представительства государств на заседании Генеральной Ассамблеи, важность поставленных там вопросов компенсировали провал совещания в Париже.

1960 год складывался для Янгеля чрезвычайно удачно. Принесшая признание его конструкторскому бюро Р-12 пошла в войска. Один за другим разворачивались боевые старты на

Украине, в Белоруссии, Прибалтике.

Военные докладывали, что по сравнению с Р-5 она много удобнее в обращении. Конструкторы так расположили люки и лючки, что приборы и агрегаты сами просились в руки, до них не приходилось дотягиваться, проявляя цирковую ловкость и русскую смекалку.

Без недостатков не обходится ни одна конструкция. Они разделяют заказчика и конструктора порой трудно преодолимым барьером. За прошедшие годы военные притерпелись к Королеву. Он не любил замечаний, как правило, встречал в штыки любые претензии, требовал не мешать работать. Порой в сердцах закрывал совещание, выгоняя присутствующих из кабинета. По главному конструктору равнялись и подчиненные. Янгель избрал иной стиль. Претензии, даже самые пустяковые придирки внимательно изучались. И всегда находилось согласованное решение. Малиновский и Неделин не скрывали своего удовлетворения.

В глазах отца, я не говорю уж о Брежневе[66] и Устинове, новая организация постепенно обретала вес, сравнимый с авторитетом королевского конструкторского бюро. Особенно, после успешного пуска Р-14. Ракета, что называется, пошла с ходу, дебютировав в Капустином Яру в июле на глазах многочисленных зрителей.

Теперь пришла очередь Р-16. На полигоне в Тюра-Таме заканчивались последние приготовления к пуску, намеченному на конец октября.

В соревновании с Королевым и Челомеем Янгель вырвался вперед. Королеву для выхода на испытания требовалось еще не менее полугода, а Челомей вообще только приступил к проектированию своей «двухсотки».

Отец поминал Янгеля на каждом углу, ставил его в пример другим конструкторам, даже Королеву. Он по-детски радовался удачному выбору, сделанному несколько лет назад. Новый главный конструктор превзошел все ожидания. До окончательного триумфа оставался последний шаг — пуск межконтинентальной ракеты.

Привыкший за последние годы к первенству Королев люто ревновал соперника. То, что Янгелю удалось первым выйти на испытания, он объяснял приоритетностью работ по кислотному двигателю в КБ Глушко.

По возвращении из Нью-Йорка отец поинтересовался, как идут дела. Неделин доложил: пуск наметили на 23 октября. Как председатель государственной комиссии он намеревался в ближайшие дни лететь на полигон.

23-го никакой информации с полигона не поступало. В конструкторских бюро об очередных пусках, даже у соседей, узнают мгновенно. На сей раз стояла полная тишина. Особых волнений не возникло, видимо, пуск отложили, подобное случалось не раз. Вечером отец подтвердил наши догадки, звонил Неделин, сообщил о возникших неполадках, их устраняют на месте. Отец советовал не торопиться, лишний день погоды не сделает.

На следующий день по нашему конструкторскому бюро поползли слухи об аварии в Тюра-Таме. Никто ничего толком не мог узнать. Даже Челомей. Происшедшее держалось в строжайшей тайне. Просочилась самая малость: старт разрушен, есть жертвы.

Вечером отец приехал домой мрачнее тучи. Выйдя из машины, он пошел по узкой асфальтированной дорожке вдоль высокого каменного забора, окружавшего резиденцию. Я пристроился рядом. Очень хотелось задать вопрос, но насупленное лицо отца удерживало меня. Пусть он начнет сам.

Уже совсем стемнело, фонари отбрасывали на асфальт неяркие круги света. Под ногами шуршали опавшие листья.

Наконец отец прервал тягостное молчание.

— «Шестнадцатая» взорвалась на старте, — глухим голосом выдохнул он. — Люди погибли. Много. Неделина не могут найти. Наверное, тоже…

Отец не договорил и снова замолчал. Я просто похолодел от ужаса. За прошедшие два года я вдоволь насмотрелся аварийных пусков. Привыкнуть к ним невозможно. Грибовидное черное облако, быстро уходящее в высоту, увлекающее своей раскаленной сердцевиной подхваченный с земли мусор, и огромный костер в образовавшейся на месте взрыва воронке. В жарком пламени горит даже металл, вспыхивают стекающие с плавящейся обшивки алюминиевые капли, так похожие на слезы. Пожарные в таких случаях терпеливо ожидают поодаль, их задача — не тушить, а удержать огонь на месте. От этого зрелища меня каждый раз начинал колотить озноб, даже в летнюю жару коченели руки и ноги. В голове вспыхивала на мгновение мысль: «Хорошо, что мы работаем с беспилотными объектами, не приходится за ошибки расплачиваться жизнями. Насколько труднее авиаторам!..»

До сих пор при испытании ракет катастроф с жертвами, да еще многочисленными, в нашей стране не случалось. Бог миловал. При недавней аварии «семерки», происшедшей в момент запуска двигателей, разрушился старт, превратились в искореженные обломки сооружения и конструкции, но никто не

пострадал. Всех людей, не задействованных в непосредственной подготовке пуска, согласно инструкции заблаговременно эвакуировали в безопасное место, а стартовая команда и члены государственной комиссии укрылись в глубоком и надежно забетонированном бункере.

За последнее время аварии вообще стали редкостью, особенно у Янгеля. Что же могло случиться? Я наконец не выдержал и спросил:

— А что с Михаилом Кузьмичом?

— Трудно сказать, там что-то невообразимое творится, — не смог успокоить меня отец. — Разберутся — доложат. Мы решили послать на полигон Брежнева со специалистами. Пока остается ждать. Такое несчастье…

На следующий день отец уточнил: погибло около 80 человек, [67] в том числе и Неделин. От него не осталось даже горстки пепла. Нашли только половину обгоревшего маршальского погона и оплавившиеся ключи от служебного сейфа. Их потом и похоронили в урне на Красной площади в Кремлевской стене. Янгель по случайности остался жив, в момент катастрофы он отошел в курилку.

Что же произошло на полигоне? Как случилась эта чудовищная катастрофа, унесшая десятки жизней? Кто виноват? На последний вопрос ответить труднее всего.

Попробую рассказать, что мне удалось узнать от отца, Брежнева, оставшихся в живых участников тех трагических событий.

Как я уже упоминал, пуск ракеты назначили на 23 октября, в воскресенье. На полигонах в те годы считалось дурным тоном отдыхать в выходные дни. Предстартовая подготовка шла своим чередом. Не обходилось и без привычных на испытаниях неполадок. Решение об их устранении, по докладам специалистов, принимал главный конструктор Янгель и утверждал председатель государственной комиссии Неделин.

Неделин и Янгель знали друг друга очень давно. Особенно они сблизились за последние годы. Ведь практически единственным серьезным оружием нового вида вооруженных сил — Ракетных войск стратегического назначения оставались Р-12. Р-5 устаревали на глазах, а Р-7 ограничивались четырьмя стартами.

Маршал и главный конструктор стали если не друзьями, то добрыми товарищами.

Для испытания Р-16 на 37-й площадке приготовили два старта, чтобы не возникало задержки в случае каких-либо неожиданностей. Под этим словом суеверно скрывалось

ожидание аварии. Для простоты и удобства старты различали как правый и левый.

Подготовка к первому пуску началась ранним утром 21 октября. Работа шла по графику: ракету установили на левый стартовый стол, начали предусмотренные инструкцией проверки. Они продолжались до 23 октября. После их завершения решили приступить к заправке, самой ответственной и опасной операции. Предстояло залить почти полторы сотни тонн горючего и окислителя, не только смертельно ядовитых, но и вспыхивающих при малейшем соприкосновении друг с другом.

По инструкции при заправке на площадке остается минимум людей, остальные обязаны покинуть старт. Одних увозят подальше, другие прячутся под землю. Но и Неделин, и Янгель не сомневались в надежности новой ракеты и пренебрегли инструкцией. Ракета им представлялась своей, родной, где-то даже ручной и домашней.

Нет ничего опасней, когда со сложной техникой начинают держаться запанибрата, теряют чувство дистанции. Техника требует к себе обращения на «Вы» и жестоко мстит за любые вольности. Тогда, в первые годы ракетного бума, многие уверовали, что ракеты более не таят в себе неожиданностей. Все исследовано, изучено, понято — пуски превратились в рутину. Конечно, нельзя исключить неполадки, не без этого, но о них старались не думать. Жизнь, казалось, давала тому подтверждение. Серия неудач с «семерками» отошла в прошлое. Р-12 и Р-14 стартовали одна за другой, подтверждая правильность заложенных инженерных решений. Возникла иллюзия вседозволенности.

Когда у Неделина запросили разрешение приступить к заправке ракеты, он только кивнул головой и потянулся в карман за ручкой. Требовалась его подпись. Топтавшийся рядом начальник стартовой позиции засуетился, поблизости не оказалось ни стола, ни стула. Тогда он подставил свой объемистый дерматиновый секретный портфель с коричневой блямбой пластилиновой печати у замка. Неделин не глядя подписал протокол.

Начальник стартовой позиции не уходил, мялся. Наконец он решился пригласить маршала в бункер. В его обязанности входило следить за соблюдением установленного порядка. Неделин сделал шаг в направлении тяжелой окрашенной зеленой краской металлической двери, скрывавшей круто уходящие вниз узкие ступени, но в последний момент передумал. Он махнул рукой: «Начинайте» — и отошел шагов на десять от ракеты. Его примеру последовали члены комиссии. За ними потянулись

промышленники — представители многочисленных конструкторских бюро и заводов, принимавших участие в создании ракеты.

Тут же присутствовал и начальник полигона Константин Васильевич Герчик. Он знал, что обязан удалить со старта всех посторонних, независимо от их ранга. Но рядом находился маршал, его главнокомандующий. А он всего лишь генерал-майор… Герчик приказал принести из штаба стулья и легкий столик.

Комиссия расположилась под заправляемой ракетой. Вокруг толпилось еще не менее полутора сотни любопытных: больших, средних и совсем мелких начальников. Заправка окончилась без происшествий. Обошлось… Пока… Дальше дело не заладилось. В последний момент, в 6 часов вечера того же 23-го октября в результате не замеченной ранее ошибки в электрической схеме управления двигателем при проверке цепей подрыва пиромембран магистралей окислителя второй ступени вместо ожидаемой команды выдался сигнал на подрыв пиропатронов магистралей горючего первой ступени. Причем если на второй ступени, согласно инструкции, пиропатроны отсоединили от цепи, заменили имитаторами, то на первой ступени их оставили на месте. В результате турбонасосный агрегат первой ступени заполнился смертельно ядовитой агрессивной жидкостью. Кроме того, по неизвестной причине самопроизвольно подорвались пиропатроны отсечных клапанов газогенератора первого блока маршевого двигателя первой ступени. На этом несчастья не закончились. Электрики доложили, что вышел из строя главный программный токораспределитель бортовой кабельной сети. Требовалось устранить неполадки. Инструкция и здравый смысл категорически возбраняют любые эксперименты с электричеством на заправленной ракете. Полагается сливать компоненты, дезактивировать баки и только тогда лезть во внутренности приборов с паяльником. Но это по инструкции… Слив — крайне неприятная и длительная процедура. Испытатели ее ненавидят и любыми путями стараются избежать. Вот и сейчас ведущий по машине предложил в целях экономии времени отступить от правил. Иначе пуск придется ждать неделями. Главный конструктор взял ответственность на себя, разрешил электрикам начать работу. Маршал не возражал. Он молча сидел на табурете под заправленной машиной и наблюдал, как суетятся на многометровой высоте башни обслуживания фигурки механиков.

Время поджимало. Вторая непредвиденная напасть: после заполнения компонентами топлива и окислителя турбонасосный агрегат мог выдержать не более суток. Дальше его полагалось

менять. Кислота безжалостно не только разъедала прокладки, но и растворяла металл. По правилам клапаны открываются перед самым стартом, качать кислоту по артериям трубопроводов предстоит несколько десятков минут. А тут необходимо выдержать многие часы. Следовало торопиться. Спешка добавляла нервозности. Здесь уж до ошибки рукой подать.

Пока все обошлось. Схему перепаяли. Заменили главный программный токораспределитель. Люки закрывали уже глубокой ночью. На своем заседании, происходившем тут же под ракетой, государственная комиссия отложила пуск до следующего дня. Люди измотаны. Решили дать им отдохнуть, выспаться. С утра 24 октября начали с проверок, проведение которых допускается только на незаправленной ракете. Сейчас мерами безопасности пришлось пренебречь. Только отстыковали разъемы у пиропатронов, взрывавших мембраны, открывавшие путь компонентам в двигатель. Встретившись в камере сгорания, компоненты вспыхивают без посторонней помощи.

Снова обошлось. Цепи поджига двигателей проверили, раздались резкие хлопки, похожие на пистолетные выстрелы, — это сработали имитирующие запуск пиропатроны, подвешенные на кронштейнах башни обслуживания. Начальник стартовой позиции вздохнул с облегчением и разрешил вновь соединить разъемы.

Времени оставалось в обрез. По сложившимся за десятилетие испытаний традициям и действующим инструкциям проверки полагается производить строго последовательно, одна за другой, и с разрешения «дирижера» — начальника стартовой команды. Только убедившись, что все соответствует пункту инструкции, он может разрешить сделать следующий шаг. Инструкция — все равно что партитура концерта, лежащая перед дирижером. В ней отмечено, что можно сделать и что делать категорически воспрещается. Любая взятая фальшивая нота означает катастрофу. Каждый исполнитель внимательно следит за ведущим, без его разрешения не делается ни шагу. Тот же, как и дирижер, помахивающий палочкой, казалось, занимается ерундой: нудно читает пункт за пунктом: «Переключатель четыре поставить в положение шесть, — и после доклада, исключающего ошибку: — Переключатель четыре установлен в положение шесть, — двигается дальше: — Открыть вентиль двадцать два». И так пункт за пунктом, с раздражающей непосвященного нудностью.

А попробуйте обойтись без дирижера… Или на ходу переписать партитуру…

Но именно с таким предложением спешил к главному

конструктору ведущий инженер. Время подстегивало. Поэтому, считал он, следует разрешить проводить проверки на различных системах одновременно, параллельно, а не последовательно, как указано в талмуде у начальника стартовой команды. Государственная комиссия дала «добро». Партитуру переписали на ходу, вернее выдрали из нее страницы и перемешали их. Дальше дирижировать приходилось по наитию. Люди облепили ракету, как муравьи. Под ними внизу на стульях сидели ожидавшие доклада о готовности к пуску члены государственной комиссии и их свита. Других дел у них пока не было.

Видимо, столь грубое нарушение правил не оставило равнодушным начальника полигона, но применить власть в отношении маршала он так и не решился. Не исключено, что Герчик предложил Неделину перейти в безопасное место, но, что ему ответил председатель комиссии, мы не знаем. Один из офицеров полигона впоследствии рассказывал, как Герчик совсем не по-генеральски попросил его: «Может быть, хоть ты меня будешь слушаться? Бери своих офицеров и немедленно эвакуируйся с площадки. Вам здесь больше делать нечего». Приказ выполнили. Эти люди остались живы.

А время уходило… И чем меньше оставался запас времени, тем большая суета нарастала на старте. Каждая служба думала только о своем, о «дирижере» почти не вспоминали, оркестр распался. Несчастье стало неотвратимым, но об этом еще не подозревали.

Официальные документы свидетельствуют, что объявили часовую готовность. По ней на поверхности земли у старта не должно было оставаться никого, ни начальников, ни исполнителей. Но существует система задержек, как бы останавливающих время, растягивающих для проведения непредусмотренных регламентом работ секунды в часы. «Часовая задержка минутной готовности» — одна из любимых шуток испытателей. Только этим можно объяснить многолюдье на старте. И еще, конечно, полной потерей управления.

На ракете установлен уже упоминавшийся ранее программный токораспределитель. С момента нажатия кнопки «Старт» он в соответствии с заложенным в него заданием на полет последовательно выдает команды на включение тех или иных систем. В том числе и на включение двигателей, сначала первой ступени, а по истечении срока ее работы и отделения замыкаются новые контакты, начинает работать вторая ступень.

Пока программный токораспределитель не установится по окончании всех проверок в нуль, провода к пиропатронам, поджигающим двигатели, не присоединяют. Иначе катастрофа

неминуема. За этим обязан следить «дирижер».

Первыми завладели пультом управления электрики и управленцы, они проверяли циклограмму полета, «погнали» токораспределитель вперед. Все оказалось исправным, все команды, от запуска двигателей первой ступени до завершающей на отделение головной части, проходили исправно. Здесь их, видимо, что-то отвлекло, или еще по какой причине, но они бросили программник в «хвосте», не вернули его в исходное положение. «Дирижеру» ничего не доложили. Тем временем двигателисты, тоже не спросив «дирижера», подключили свои разъемы к пиропатронам двигателя, задействовали ампульные электрические батареи, подающие электрический сигнал на их подрыв, и изготовились к запуску.

Затем вмешалась третья служба. У телеметристов возникли некие сомнения, мы теперь никогда не узнаем какие. Они потребовали дополнительной проверки, а для этого надо было запустить программу с нуля. Вот тут-то и обнаружилось, что программный токораспределитель не в том положении, в котором ему надлежит быть. Никто в неразберихе не вспомнил о двигателях, их обслуживает иная служба.

Один из немногих оставшихся в живых очевидцев рассказывал мне в те годы, как, направляясь в курилку, он услышал: «Так я гоню программный токораспределитель (на жаргоне просто — ПТР) в нуль?» — и неизвестно чей ответ: «Гони».

Этот момент решил все. Обреченные услышали где-то наверху хлопок пиропатронов и увидели ослепительную вспышку вырвавшегося из сопел двигателя второй ступени пламени. Большего узнать им не пришлось.

Огненная струя мгновенно прожгла баки первой ступени, вниз на головы ничего не успевших понять людей хлынули потоки горючего и окислителя, вместе более ста пятидесяти тонн. Там, где они соприкасались, вспыхивало пламя. Первая ступень развалилась на куски. Сверху, довершая разрушение, обрушилась вторая ступень.

Те, кто находились рядом с Неделиным, непосредственно под ракетой, погибли мгновенно. Те, кто держались в стороне, попытались спастись, рванулись к правому старту в укрытие. Оказалось, этот путь вел к мучительной смерти. К приезду высокого начальства пространство между двумя позициями заровняли гудроном. Он расплавился, люди застревали в нем, как мухи в липкой бумаге. Через несколько мгновений гудрон вспыхнул. От беглецов остались только очертания человеческих фигур на земле.

Те, кто работал на верхних этажах башни обслуживания, рухнули с многометровой высоты в бушующее пламя, но не достигли его. Они вспыхивали в воздухе, ведь температура костра превышала три тысячи градусов.

Бежавших влево от старта остановил высокий забор из колючей проволоки, отделявший сверхсекретный старт от менее секретного ангара, где подготавливали ракету к пуску. В отчаянии люди бросались на колючую проволоку, пытались взобраться по ней и повисали, зажаренные заживо.

Главному конструктору повезло. За несколько минут до катастрофы Янгель отошел в курилку. Единственное, что еще не дозволялось в тот день — это курить под заправленной ракетой.

Янгель только успел прикурить, как вслед за ослепительной вспышкой раздался не взрыв, а оглушительный рокот, со стороны старта пахнуло жаром. В легкие ворвался удушающий, разрывающий их кашлем смрад. В воздухе танцевали коричневые струйки паров кислоты. Михаил Кузьмич застыл, глядя на картину, напоминающую конец света. Так продолжалось несколько секунд. Затем он рванулся к старту.

— Там люди. Я должен… — почти бессвязно выкрикивал он.

Его пытались удержать, схватили за руки. Янгель вырывался. Он почти потерял рассудок. Там остались, корчились, горели в тысячеградусном пламени его друзья, его сотрудники, его заместители Берлин и Концевой. Янгель стремился к ним, туда, в огонь. Не ясно, надеялся ли он спасти гибнущих людей или хотел разделить их участь.

Всего в тот день погибло 57 военных и 17 гражданских.

Совершенно секретное эхо совершенно секретного взрыва прокатилось по всем московским кабинетам, до самых верхов. Для выяснения причин катастрофы назначили государственную комиссию. Напутствуя эмиссаров перед отправкой на полигон, отец предостерегал их от излишнего рвения в поиске виновных, он не жаждал ненужной крови, склонялся к тому, что произошло несчастье и зачем понапрасну искать злой умысел. Он знал: только дай волю — найдут виновных, добьются признаний.

Сколько таких признаний слышал он в 1930-е годы, в войну и после нее. Особенно запомнилось отцу следствие по поводу «вредительского отравления» лошадей на Украине. Случилось это перед самой войной. В западных областях республики начался массовый падеж лошадей. То в одном хозяйстве, то в другом. На лошадей тогда смотрели как на стратегический резерв. Сталин дал указание: «Разобраться». НКВД сработал оперативно, за неделю нашли преступников, профессоров-ветеринаров, которые «подсыпали» в корм скоту яд собственного изготовления.

Обвиняемые немедленно признались, но лошади продолжали дохнуть. Отец, не поверив следствию, занялся дознанием сам. Он приказал изготовить порцию яда по формуле и технологии, выбитым из ученых на допросах. Скормили «яд» лошадям, те даже ухом не повели. Тогда он вызвал обвиняемых к себе. Долго расспрашивал об обстоятельствах дела, но «преступники» стояли на своем: «Травили, просто теперь при изготовлении яда допустили ошибку».

Отец снова не поверил, но дальше упорствовать и для него становилось опасным. Он решил заручиться поддержкой Сталина. С высочайшего согласия создали новые комиссии. Им отец поставил задачу по-иному: найти не виновных, а причину падежа. Нашли. Оказалось: лошади гибнут от грибка, заводившегося в прелом сене, которое им скармливали. Перешли на доброкачественный корм, и во «врагах» надобность отпала.

Комиссию по расследованию причин аварии Р-16 возглавил Брежнев. В нее вошли представители наиглавнейших ведомств: от ЦК КПСС — заведующий отделом оборонной промышленности Иван Дмитриевич Сербин, от Министерства обороны — первый заместитель министра Андрей Антонович Гречко, председатель Государственного комитета по оборонной технике министр Константин Николаевич Руднев.

В Тюра-Там они прилетели, если не ошибаюсь, утром 26 октября. На аэродроме московских эмиссаров встречал заместитель начальника полигона, сам Герчик лежал в госпитале. Он остался жив, но чудовищно обгорел, потерял зрение. Брежнев отказался от отдыха, сразу же направились на площадку. Походили, посмотрели, картина производила удручающее впечатление даже на немало повидавших в войну Гречко и Брежнева. Тут же, не сходя с места, приступили к расследованию. Разбирались тщательно, вызывали военных и гражданских, расспрашивали, кто что видел, листали документы, вчитывались в формуляры, глубокомысленно разглядывали собранные на старте остатки ракеты. Дефектов конструкции, послуживших причиной катастрофы, не обнаружили, не нашли и непосредственного виновника. Правда, Янгель настаивал на признании его вины, но, помня полученные в Москве наставления, Брежнев не спешил с выводами.

По возвращении в Москву Брежнев доложил отцу: случилось непреднамеренное несчастье из-за трагического стечения обстоятельств.[68]

Погибших похоронили. Одних в братской могиле на полигоне, останки других отправили родным в различные города

Советского Союза. Какие там останки, горсти пепла, перемешанные с горелой землей.

На встрече с отцом, происшедшей вскоре после трагедии, Янгель требовал себе наказания, он считал себя единственным виновным. Отец пытался его успокоить, но тщетно. Михаил Кузьмич знал лучше кого бы то ни было: что он не сделал, что разрешил, а что вовремя не запретил.

Чувство вины, чувство ответственности не определяется ни приговором суда, ни постановлением правительства. Оно рождается и умирает вместе с человеком. Эта неразделимая ни с кем боль от непоправимости несчастья, которое он мог не допустить, если бы… и толкало Янгеля в огонь.

Чувство вины не покидало его все оставшиеся годы. Михаил Кузьмич прожил еще немало лет, сделал немало ракет. Умер он в день своего 60-летия прямо на чествовании, в кабинете министра Сергея Александровича Афанасьева. Главные торжества намечались на вечер, в большом зале, а пока собрались свои, самые близкие, поздравить без помпы, накоротке. Янгель расчувствовался, вдруг пожаловался: что-то тянет сердце. Министр предложил прилечь на диване в комнате отдыха, примыкающей к кабинету. Приняв таблетку, Михаил Кузьмич притворил за собой дверь. Больше он ее не открыл. Янгеля нашли на диване мертвым. Сердце не выдержало…

О происшедшем на полигоне решили не сообщать. И не только потому, что до подобной гласности еще не доросли. Отец беспокоился, что взрыв развеет миф о нашем ракетном превосходстве. Спутники, шум на весь мир и вдруг такое…

Но все упиралось в гибель Неделина, остальные могли кануть в Лету безгласно, а вот куда делся маршал, главнокомандующий ракетными войсками, пришлось объяснять. Но безвыходных положений не бывает. Придумали…

В газетах в траурной рамке ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием сообщили о гибели в результате авиационной катастрофы 24 октября главного маршала артиллерии Митрофана Ивановича Неделина.

Оставшихся в живых жертв катастрофы строжайшим образом проинструктировали об обстоятельствах «падения их самолета», сделали соответствующие записи в историях болезни, справках об инвалидности. Трагедия тридцать седьмой площадки ракетного полигона Тюра-Там, он же космодром Байконур, перестала существовать.

Старты восстановили к январю 1961 года. Председателем

государственной комиссии вместо маршала Неделина стал генерал-лейтенант Соколов. Второй, вернее, первый пуск Р-16 назначили на 2 февраля. О происшедшем несчастье напоминали сваленные неподалеку от пускового стола и уже начавшие ржаветь искореженные металлические конструкции, все, что осталось от башни обслуживания. Да свежие заплаты на бетоне, похоронившие черные силуэты сгоревших здесь людей.

На сей раз на стартовой позиции царил образцовый порядок. От былой вольницы не осталось и следа. Праздношатающихся убрали не только от ракеты, но даже со смотровой площадки, от греха подальше. Операции по подготовке к пуску выполнялись четко. Их проведение по утвержденной новым начальником полигона инструкции, кроме обычного ведущего инженера от промышленности, контролировали еще два офицера.

Янгелю снова не повезло. Теперь в полете отказала система управления. Удача пришла с третьей попытки. Все дальнейшие испытания происходили без происшествий.

Практически одновременно со вторым стартом Р-16 в том же феврале 1961 года завершились государственные испытания Р-14. В наземном варианте. С шахтами продолжали возиться, и конца в скором времени не предвиделось.

Главным политическим событием осени 1960 года стало избрание 4 ноября Джона Фицджералда Кеннеди президентом США. Отец сиял от удовольствия. Он в шутку говорил о победе Кеннеди как о своеобразном подарке к празднику годовщины Октябрьской революции, а себя ощущал до некоторой степени участником выборов.

О Кеннеди отзывы поступали благоприятные — и дипломаты, и журналисты, и разведка оценивали его как трезвого и самостоятельного политика. В случае его избрания отец рассчитывал найти с ним общий язык, в первую очередь по германскому вопросу. В общем, отец с лета начал «болеть» за Кеннеди. Помочь он ему, конечно, не мог. Отец прекрасно понимал, что если в США проведают, что он на стороне Кеннеди, то это обойдется кандидату в президенты потерей немалого количества голосов. Но устраниться он тоже не пожелал, решил действовать исподволь, из-за кулис.

Первым делом отец отказался подыгрывать республиканцам. Незадолго до выборов он принимал Генри Кэбота Лоджа, который в качестве вице-президента баллотировался вместе с Никсоном. Никсон решил воспользоваться добрыми отношениями, сложившимися у отца с Лоджем во время поездки по США. Ему очень хотелось еще до дня голосования заполучить американских

парней, находившихся в советских тюрьмах: пилота У-2 Пауэрса и двух оставшихся в живых членов экипажа РБ-47.

О Пауэрсе в те дни отец вообще не хотел слушать: только что закончился судебный процесс, оглашен приговор. О каком возвращении можно говорить? По его словам, о гуманности американцам следовало подумать, когда они посылали самолет в глубь нашей территории. С другой стороны, отец не собирался держать Пауэрса в заключении очень долго.

— Зачем он нам, — заметил как-то он во время прогулки на даче. — Только хлеб даром ест. Пройдет время, и отпустим его.

После молчания неопределенно добавил:

— В обмен…

О полковнике Абеле он не упомянул, о его существовании я вообще не подозревал.

Вопрос о членах экипажа РБ-47, содержавшихся под стражей без суда как нарушители границ, отец тоже собирался решать только с новой администрацией. Конечно, он не знал, кто победит. В случае поражения Кеннеди пилотов вернули бы Никсону. Но после выборов, а не до. Пока же отец и Лодж мило поговорили, вспомнили прошлогоднюю поездку и разошлись. Хочу отметить, что затее с передачей пленных американских летчиков отец придавал очень большое, чуть ли не решающее значение. Не знаю, оказал ли этот шаг какое-то влияние на исход выборов, но он часто возвращался к нему в разговорах. Не преминул он упомянуть об этом эпизоде и во время беседы с глазу на глаз с президентом Кеннеди в Вене в июне 1961 года. По словам отца, собеседник поблагодарил за поддержку в предвыборной борьбе.

Сразу же после церемонии вступления Джона Кеннеди в Белый дом 26 января 1961 года советское правительство возвратило пленных американских летчиков РБ-47. Сообщив об этом событии, газета «Правда» отметила, что президент США отдал приказ, запрещающий американским самолетам нарушать воздушное пространство Советского Союза. Тем самым как бы переворачивалась страница в отношениях между двумя странами. К сожалению, еще не родившееся взаимопонимание подстерегало серьезное испытание. США по решению, принятому еще республиканской администрацией, вовсю готовили вторжение на Кубу.

Просто фатальное невезение!.. Перед каждой встречей, как только появляется надежда договориться, возникает «непредвиденное» осложнение.

Октябрьская катастрофа Р-16 не отразилась ни на планах

запуска человека в космос, ни на программе постановки на дежурство боевых ракет.

А что же мы имели? В 1961 году продолжали разворачиваться вдоль западных границ нашей страны полки и дивизии Р-12. Там уже установили несколько десятков ракет. По мере ввода их в строй Р-5 все дальше уходили в историю. Постановка на боевые позиции Р-14 ожидалась не ранее следующего года. До Соединенных Штатов по-прежнему доставали только «семерки». Если учитывать и экспериментальный старт, их теперь набиралось шесть. Поэтому отец без колебаний принял предложение военных: учитывая положительные результаты проведенных пусков, не дожидаясь окончания испытаний, уже с апреля 1961 года начать разворачивать боевые стартовые позиции Р-16.

После гибели главного маршала артиллерии Неделина по предложению Малиновского главнокомандующим Ракетными войсками назначили маршала Советского Союза Кирилла Семеновича Москаленко. Отец поначалу усомнился, Неделин — ракетчик до мозга костей, разбирался в деле профессионально, а Москаленко видел их только издали. Но фигуры, равноценной Неделину, он в армии не знал и согласился. Москаленко — человек энергичный, научится.

С Москаленко отец столкнулся в первые дни войны — тот тогда командовал противотанковой бригадой. Под Киевом Москаленко попал в окружение, но выбрался. К концу войны он уже командовал армией. Человеком он прослыл непоседливым, въедливым, стремящимся во все вникнуть и безудержно храбрым. Уже командуя армией, сохранял привычку выносить свой наблюдательный пункт к самой передовой. Однажды, когда во время войны отец с Жуковым посетили его «хозяйство», Георгий Константинович, оглядевшись окрест, поинтересовался:

— А немцы где?

— Вон… За тем бугорком, — ответил Москаленко, показав на высотку в полукилометре от них.

Жуков сначала не поверил, а потом пробурчал:

— Ты что, нас немцам сдать хочешь? — И добавил, обращаясь к отцу: — Поехали отсюда.

Мешал Москаленко вспыльчивый, взрывной характер. Но отец решил, что его деятельная натура пойдет на пользу. Он и сам в кабинете не усидит, и другим не позволит.

Новый главнокомандующий энергично взялся за дело. Он объезжал строящиеся ракетные площадки, вникал во все мелочи. Его доклады отцу были обстоятельны и конкретны. В ведении Москаленко находились и космические запуски. 25 марта

стартовал и в тот же день приземлился последний экспериментальный «Восток» с собакой Звездочкой на борту. Месяцем раньше, 12 февраля, той же «семеркой» запустили межпланетный корабль к Венере.

Каждый наш старт больно ранил самолюбие президента Кеннеди. Он не хотел мириться с тем, что Америка оказалась позади. Но, чтобы вернуть лидерство, требовалось свершить нечто необыкновенное, непосильное более никому.

Отца же преследовали иные кошмары, ему не давала покоя постоянно ускользавшая из рук проблема Германии. Заставить западные страны признать ГДР никак не удавалось. А это не только ущемляло ее и наш престиж, но и угрожало безопасности Германской Демократической Республики.

Конечно, пока никому не приходило в голову покуситься на целостность ГДР. Пока там стояли советские войска. Но они не могли оставаться там вечно. Отец считал, что договоренность по германскому вопросу не только стабилизировала бы политическую обстановку в центре Европы, но сэкономила бы немало средств.

В ГДР положение все ухудшалось. Ульбрихт продолжал жаловаться на отсутствие границ, существенную нехватку рабочих рук. Он даже заикнулся о возможности набора рабочей силы из Советского Союза. В ответ отец просто взвился. Он вспомнил, как фашисты угоняли наших людей на работы в Германию. Но это фашисты… Теперь то же предлагал повторить Ульбрихт. Домой отец вернулся, кипя от возмущения.

— Как такое могло прийти ему в голову? — повторял он.

Отец ответил отрицательно, но сама проблема исхода немцев сидела в его голове как ржавый гвоздь. Избавиться от нее отец мог, только найдя решение. Правильное или нет — покажет жизнь, но решение. Его характер не позволял самоустраниться. Он посчитал естественным взять инициативу и ответственность на себя.

Не оставил отец без внимания и рассказ Ульбрихта, как западные немцы, по своему складу люди расчетливые, умеющие считать деньги, не ленятся съездить за продуктами в ГДР, благо граница открыта, а там цены ниже. Сумма потерь от неожиданного и неконтролируемого экспорта набиралась весьма внушительная. Отца это сообщение особенно затронуло: значительная часть продуктов питания поставлялась в ГДР из Советского Союза. Стремительно нараставшие в те годы долги ГДР мы периодически просто прощали, списывали. А они исчислялись миллиардными суммами.

Ульбрихту, а за ним и отцу представлялось: если перекрыть

отток людей и товаров, то положение быстро стабилизируется. В результате жизненный уровень населения ГДР превзойдет западногерманский. Надо только сделать первый шаг, остановить поток… Но как?

Немалые надежды отец возлагал на будущие переговоры с новым американским президентом. Если удастся договориться, мирный договор узаконит существование двух Германий, установит границы. Вопрос же объединения, отодвигаемый в неопределенное будущее, станет предметом переговоров суверенных ГДР и ФРГ.

17 февраля отец возобновил давление на Запад. В ФРГ ушла памятная записка, в который раз обосновывающая необходимость заключения мирного договора. Текст ее в расчете на будущие переговоры звучал весьма миролюбиво. В частности, там указывалось: в мире назревают перемены к лучшему. Явный намек на ожидаемый диалог с новым президентом США. Теперь все зависело от переговоров с Джоном Кеннеди, от того, хватит ли у партнеров мудрости, от того, что возобладает — разум или амбиции.

После поездки в ООН у отца произошел окончательный перелом в отношении к Кубе. Теперь в его глазах она была не просто одной из стран, примерившихся к социализму. Куба представлялась отцу Давидом, противостоящим могущественному Голиафу. Он считал интернациональным долгом нашей страны, своим личным долгом сделать все, чтобы не дать погибнуть кубинской революции. По мнению отца, события, разворачивающиеся вокруг Кубы, на многие годы определят развитие революционного процесса в мире. Отношение к Кубе стало особым, а внимание к происходящим событиям — пристальным. Нельзя скинуть со счетов и личное обаяние Фиделя Кастро. Отец ощущал в нем задор своей революционной молодости.

Однако Куба являлась далеко не единственной точкой, где две сверхдержавы, два мира пытались склонить освобождающиеся от колониальной зависимости страны предпочесть их ценности, присоединиться к Восточному или Западному блоку.

В те дни я не раз допытывался у отца: как мы можем помочь Кубе выстоять? Отец полагал, что оружием. О его поставках достигли договоренности еще во время визита Рауля Кастро. В остальном можно было только уповать на благосклонность судьбы и стойкость кубинского народа. Я его спросил: «Не заключить ли с Кубой договор о взаимной помощи, такой же, как с нашими соседями?» Отец считал подобную затею бесполезной и опасной. Высадятся американцы на Кубе, как кубинцам помочь?

Начать третью мировую войну? Безумие. Да и неизвестно, как поведет себя Кастро в критический момент? Слишком многое скрывалось в тумане… Отец предпочитал не рисковать.

Поставки стрелкового оружия, танков, артиллерии решили ускорить. С авиацией же возникли трудности, у кубинцев недоставало летчиков. Посылать туда наших, как это делалось и в Корее, и в Египте, отец считал неоправданным. И здесь все наталкивалось на расстояние, изолированность острова. Потерпит Кастро поражение, нашим людям останется только сдаться в плен. Решили отправить на Кубу учебно-тренировочные МиГи, пусть сначала кубинцы научатся летать. А пока Фидель Кастро мог распорядиться всего несколькими устаревшими американскими истребителями, главным образом, времен Второй мировой войны.

Обстановка вокруг Кубы накалялась все сильнее, на улицах Гаваны прозвучали первые взрывы, появились первые жертвы. Американские войска стягивались к острову все ближе. 4 апреля кубинцы получили грозное предупреждение. В тот день пограничники в двух милях от берега задержали нарушителя, американское судно под названием «Вестерн Юнион», и попытались доставить его в ближайший порт. Не тут-то было. Самолеты и военные корабли США буквально навалились на катерок береговой охраны, не оставалось сомнений, что вот-вот прогремит роковой выстрел. Властям пришлось отпустить нарушителя.

Отец считал: вторжение — дело ближайших недель или даже дней. Шансов у Кубы — никаких, ее защитникам предстояла героическая гибель. Американцы набили руку на подобных операциях.

9 апреля появилось новое тревожное сообщение: в нью-йоркской гостинице «Рузвельт» собрались на пресс-конференцию кубинские эмигранты и без обиняков объявили о планах вторжения на остров. Действовать они собирались по гватемальскому варианту. Там избранный Президентом в 1951 году Гусман Арбенс (Guzman Arbenz) попытался провести земельную реформу, конфисковал банановые плантации у американской компании «Юнайтед Фрут». В 1954 году ЦРУ навербовало по всему свету гватемальцев — противников Арбенса, вооружило их, натренировало, доставило куда нужно, и президенту страны не осталось ничего другого, как спасаться бегством.

Куба Кубой, но той весной главным событием, ожидаемым с замиранием сердца, стал предстоящий полет человека в космос.

Конечно, только для посвященных, остальным оставалось строить догадки. О фамилии космонавта в те дни не упоминали, ею никто не интересовался, летел просто человек, первый человек.

Я слышал рассказы о том, как Королев якобы показывал отцу фотографии претендентов на полет и он выбрал Гагарина. Это одна из баек, обычно с годами буйно разрастающихся вокруг знаменательных событий.

А вот о дате запуска разговор у них действительно состоялся. Сразу после успешного приземления последнего космического корабля, доставившего с орбиты собаку Звездочку. Королев нервничал, торопился, по всем признакам американцы могли вскоре, официально они называли первую половину мая, ракетой «Редстоун» запустить свой экспериментальный корабль с человеком на борту. Первый полет американцев не шел ни в какое сравнение с программой «Востока», так Королев назвал свой корабль, но Сергей Павлович беспокоился о приоритете.

Американцы двигались осторожными шажками, решили начать с полета по баллистической траектории, так, чтобы только царапнуть заатмосферное неизведанное пространство. Кто знает, что там ожидает человека? Королев исповедовал иные принципы. Он предпочитал брать быка за рога, с первого шага действовал по полной программе. В случае неудачи продолжал атаковать, пока не добьется своего. Сергей Павлович сразу запланировал полет по орбите. Правда, всего на один виток. Он объяснил: выбранная форма космического аппарата — шар — снимает многие проблемы. Главное, отпадает необходимость в управлении при спуске, входе в атмосферу, а ниже, затормозившись, пилот выстрелится катапультой. Дальше они приземлятся на парашютах отдельно — человек и пустой шарик. Королев предпочитал, чтобы человек в управлении кораблем не участвовал. Конечно, если вмешательства пилота не потребуют чрезвычайные обстоятельства. Его осторожность имела под собой достаточно оснований. Никто не знал, что может произойти в невесомости. Тогда всерьез опасались, что из-за резкой смены ощущений «подопытный экземпляр» может сойти с ума. В простенький пульт, установленный в тесной кабине «Востока», заложили разные хитроумные комбинации — только набрав их, щелкая тумблерами, человек мог взять управление на себя. Американцы избрали иную стратегию. У них пилот космического корабля с первого запуска управлял кораблем сам.

Королев подробно доложил отцу о предшествующих полетах. Как и раньше, не все получалось сразу. Особо неудачным оказался эксперимент, когда корабль, изготовившись к возвращению на Землю, развернулся наоборот и тормозные

двигатели забросили его на более высокую орбиту. Находившиеся на борту собачки погибли. Королев утверждал, что предусмотрены меры, не допускающие повторения ошибки. Да и человек — не дворняжка, всегда сможет через иллюминатор убедиться в правильной ориентации корабля. Если, конечно, он вообще сможет оценивать обстановку в космосе.

Королев не сомневался — системы отработаны, ракета надежна, все пройдет отлично.

Отец, улыбнувшись, переспросил его: «Неужто существует стопроцентная гарантия?» Сергей Павлович решительно повторил: «Все возможное сделано, — немного помедлил и добавил: — Конечно, неожиданности в таком деле всегда возможны, но пускать человека надо. Пришла пора».

Королев не хотел откладывать и предложил назначить старт человека в космос на середину апреля. Через несколько дней он позвонил отцу и уточнил, они изготовятся к двенадцатому. Отец согласился — в таком деле последнее слово за главным конструктором. Как все, что касалось ракет и спутников, дата держалась в строжайшей тайне. Однако все догадывались, что событие произойдет вот-вот, со дня на день. Наступило томительное ожидание.

Запуск запуском, а жизнь шла своим чередом. В начале апреля, числа 7-го или 9-го, отец отправился отдыхать. Этой весной он решил поехать в Пицунду, под соснами так хорошо дышится весной. Там он намеревался и поработать, подбить дела, до которых не доходили руки в московской суете. На осень намечался очередной съезд партии, следовало подумать о докладе. В общем, дел на отдых набиралось немало.

О запуске отец особенно не задумывался. От него ничего не зависело, о результатах Королев доложит с полигона.

Я оставался в Москве.

12 апреля 1961 года в Москве было солнечно и тепло. Земля практически очистилась от снега, кое-где желтели пуговки цветов мать-и-мачехи.

Не стану пересказывать события того памятного дня.

Они теперь всем известны до мельчайших подробностей. Может быть, только одно. Как рассказывал позднее помощник отца Владимир Лебедев, Королев позвонил в Пицунду сразу после старта, сообщил, что все идет нормально. В тот день отец работал с пресс-группой над предстоящим докладом съезду. Только условно можно назвать работой эти прошедшие в нервном ожидании полтора часа. Отец то и дело поглядывал на телефон. Когда тот наконец снова зазвонил, отец стремительно схватил трубку и, узнав голос Королева, закричал:

— Скажите одно, он жив?

Выслушав ответ, с облегчением откинулся на спинку легкого плетенного из лозы кресла и начал выспрашивать Сергея Павловича о самочувствии пилота, тогда слова «космонавт» еще не придумали.

Я позвонил отцу вечером, после возвращения с работы.

О том, что Гагарин успешно приземлился в саратовских степях, я уже знал во всех подробностях. Эксперимент завершился, Королев праздновал победу. Я искренне радовался за него. Но не более. Никаких ощущений величия происшедшего.

И отцу я звонил не для того, чтобы поздравить его. По вечерам я звонил ему регулярно. Сегодня главной темой разговора, естественно, стал Гагарин, Королев, запуск… В отличие от меня, отец восторгался. Он рассказал некоторые подробности, связанные с приземлением. Вспомнил Малиновского, который предложил в поощрение отважному пилоту досрочно присвоить очередное звание капитана и звание Героя Советского Союза.

Саму идею отец поддержал, но в шутку посетовал: министр обороны слишком прижимист, не грех раскошелиться. Перейдя на серьезный тон, он предложил перескочить через звание, пусть старший лейтенант сразу станет майором. Малиновский не возражал — майор так майор.

Отец попросил сообщить пилоту об этом немедленно по приземлении.

— Пусть порадуется, — произнес он знакомую мне фразу, выражавшую и его особое удовлетворение.

— На этом фантазия министра исчерпалась, — продолжал отец. — Майор, герой — их у нас так много, а здесь хотелось бы чего-то особенного.

Отец вспомнил, как встречали в пору его молодости челюскинцев, чкаловцев, и сейчас ему захотелось устроить нечто подобное: толпы людей на улицах, дождь листовок с неба, грандиозный митинг.

То, что отец ставил на одну доску челюскинцев и Гагарина, свидетельствовало о том, что как и четыре года назад, при запуске первого спутника, ни отец, ни все мы, его окружающие, не смогли представить реакции в мире на происшедшее. Действительность превзошла все ожидания. Но тогда, в день свершения, мы не догадывались, что присутствуем в первом дне новой эры.

Отец сказал, что он на следующий день вылетит в Москву, — он хотел сам встретить героя. Он считал, что космонавта должно встречать на Внуковском аэродроме все правительство как самого

почетного иностранного гостя. По улицам открытую машину с Гагариным пусть сопровождают мотоциклисты.

По наметкам отца, в первой машине отводилось место только герою дня и его жене. Поднялась целая буря, окружающие наперебой советовали, требовали, чтобы отец занял место рядом с космонавтом. Отец отнекивался, немного играл, но потом позволил себя уговорить.

А затем: кульминация, митинг на Красной площади. На моей памяти подобного не случалось. КГБ еще со сталинских времен панически боялся скопления людей. Демонстрация — другое дело, там колонны идут по отведенным им коридорам, разделенным плотными цепями всевидящих профессионалов. От них не скроется ни малейшее подозрительное движение. А тут неорганизованная толпа!..

Но отец и слушать не хотел возражений. С митинга на Красной площади торжество перемещалось в Георгиевский зал Кремля на грандиозный прием в честь безымянных в те годы людей, воплотивших мечты фантастов в действительность.

Я несколько скептически воспринял энтузиазм отца, его намерение устроить всенародный праздник. Мне казалось, подобная затея не встретит отклика в сердцах людей. О своих сомнениях я не стал говорить вслух. Больше меня волновало здоровье отца. Он так устал за прошедшие месяцы, вырвался отдохнуть на какие-то две недели, а спустя три-четыре дня собирается вернуться. Я стал его отговаривать. Какое там, он слышать ничего не хотел. Отец просто рвался в Москву. Поняв всю тщетность своих усилий, я отступил.

Встречу Гагарина можно сравнить лишь с всенародным ликованием в День Победы 9 Мая 1945 года.

Казенный энтузиазм вычерченных строгим шрифтом лозунгов и транспарантов заменили выписанные от руки на чем попало сердечные приветствия. Залитые солнцем улицы переполнялись ликующими москвичами. Да что улицы! Балконы, крыши, окна, деревья — везде, откуда можно разглядеть героя, — люди, люди, люди.

Появление в небе самолета с Гагариным вызвало такой взрыв энтузиазма, как будто он прилетел на спутнике. Сопровождаемый четверкой истребителей Ил-18 сделал круг над Москвой. Заход на посадку, короткая пробежка, и настала торжественная минута. Из самолета, остановившегося напротив изготовленной за ночь невысокий трибуны, вышел майор Юрий Гагарин и четким строевым шагом направился к поджидавшей его толпе. Его встречали: Президиум ЦК и правительство во главе с отцом, жена и родители, министры, маршалы, послы, размахивавшие

флажками москвичи.

Гагарин наизусть выучил слова заранее написанного для него рапорта, успел потренироваться в торжественном подходе и теперь четко чеканил шаг по длинной красной ковровой дорожке, ведущей от трапа самолета к бессмертию. Дорожка оказалась длинноватой, невысокий майор все шел и никак не мог дойти до конца. На середине пути случилось досадное происшествие: отстегнулась резинка, поддерживающая на ноге форменные высокие офицерские носки. Носок спустился, резинка выскользнула из брюк, торжествующе взлетала вверх при каждом шаге, а затем пребольно шлепала по ноге. Космонавт, не обращая на нее никакого внимания, продолжал торжественный марш.[69]

В конце пути — две ступеньки, ведущие на трибуну, и Гагарин после рапорта попадает в объятия отца.

Королев торопился не зря. Он опередил американцев всего на три недели. Но они стоили вечности. Состоявшийся 5 мая полет американского астронавта Аллана Шепарда, поднявшегося на высоту 115 миль и пролетевшего 300 миль по прямой, не поразил никого.

Отец с ехидцей поздравил Джона Кеннеди с успехом американской технологии. Возможно, именно тогда молодой президент окончательно решил взять реванш, задумал высадить человека на Луну.

Рано утром 17 апреля в день рождения отца, ему исполнилось шестьдесят шесть лет, началась высадка десанта в заливе Кочинос. Вот такой он получил подарок от нового президента США.

Сообщалось, что в операции участвуют исключительно кубинские эмигранты. Курсирующий поблизости флот США получил приказание не вмешиваться. Отец не поверил, считал, что выпущена дипломатическая дымовая завеса, американские войска уже дерутся на острове.

Настроение у него упало, никаких иллюзий он не питал, считал, что Кастро против американцев не устоять. В одном отец не сомневался: окончательная победа, не сейчас, так через годы, все равно за народами, борющимися против колонизаторов за справедливость и свободу. Отец сокрушался, что не успели поставить кубинцам достаточно оружия, главное — самолетов. Они оказались практически беззащитны с воздуха. Как мы в 1941 году…

Отец решил обратиться к президенту США. Он продиктовал письмо, первое в их драматической переписке, посвященной событиям вокруг Кубы.

Приведу письмо полностью.

«Господин Президент,

Я обращаюсь к Вам с этим посланием в тревожный час, чреватый опасностью для мира во всем мире. Против Кубы начата вооруженная агрессия. Ни для кого не секрет, что вторгшиеся в эту страну вооруженные банды подготовлены, снабжены и вооружены в Соединенных Штатах Америки. Самолеты, которые подвергают бомбардировке кубинские города, принадлежат Соединенным Штатам Америки; бомбы, которые они сбрасывают, предоставлены Американским правительством.

Все это вызывает у нас, в Советском Союзе, у Советского правительства, советского народа понятное чувство возмущения. Еще недавно, обмениваясь мнениями через представителей, мы говорили с Вами об обоюдном желании сторон приложить совместные усилия, направленные на улучшение отношений между нашими странами и предотвращение опасности возникновения войны. Ваше заявление несколько дней тому назад о том, что США не примут участия в военных действиях против Кубы, создавало впечатление, что руководящие инстанции Соединенных Штатов отдают себе отчет, какие последствия для всеобщего мира и для самих США может иметь агрессия против Кубы. Как же понимать то, что делается Соединенными Штатами в действительности, когда нападение на Кубу стало теперь фактом?

Сейчас еще не поздно предотвратить непоправимое. Правительство США имеет возможность не допустить, чтобы пламя войны, зажженное интервентами на Кубе, переросло в пожар, справиться с которым будет невозможно. Я обращаюсь к Вам, господин Президент, с настоятельным призывом положить конец агрессии против Республики Кубы. Военная техника и мировая политическая обстановка теперь таковы, что любая так называемая малая война может вызывать цепную реакцию во всех частях земного шара.

Что касается Советского Союза, то не должно быть заблуждения насчет нашей позиции: мы окажем кубинскому народу и его правительству всю необходимую помощь в отражении вооруженного нападения на Кубу. Мы искренне заинтересованы в смягчении международной напряженности, но если другие пойдут на обострение, то мы ответим им полной

мерой. И вообще, едва ли возможно вести дела таким образом, чтобы в одном районе улаживать положение и глушить пожар, а в другом районе разжигать новый пожар.

Надеюсь, что правительство США учтет эти наши соображения, продиктованные единственной заботой, чтобы не допустить таких шагов, которые могут подвести мир к военной катастрофе.

18 апреля 1961 г.

Н.ХРУЩЕВ

Председатель Совета Министров СССР»

Я переживал за Кубу так, как будто напали на нашу собственную страну, не выключал радио, ловил каждую новость, связанную с военными действиями. Несмотря на пессимизм отца, я втайне надеялся: вдруг произойдет чудо, кубинцы выстоят. Отец понимал мое состояние, делился крохами получаемой информации. Он ее черпал главным образом из ТАСС-их докладов, основанных на сообщениях иностранных агентств. Кое-что в своих шифровках добавлял наш посол на Кубе Кудрявцев. Он писал о решимости Кастро сражаться до конца, а в случае поражения уйти в горы, возобновить партизанскую борьбу. Именно в те дни Кастро во всеуслышание объявил о своем социалистическом выборе. Он решил погибнуть или победить коммунистом. Отец поморщился: «Не время, он сжег за собой все мосты. Теперь американцы его не выпустят. На переговоры рассчитывать не приходится». Но, с другой стороны, такая самоотверженность произвела сильное впечатление на отца.

Прошли часы. Прошли сутки. Кастро держался. Более того, он постепенно захватывал инициативу в свои руки. Пришли первые ободряющие сообщения: десант захлебнулся в момент высадки, кубинцы успели подтянуть танки. Учебно-тренировочные МиГи штурмовали позиции агрессоров, потопили две баржи с боеприпасами и средствами связи. Положение десанта становилось критическим. Появилась, пока еще слабая, надежда на победу. Отец заметно повеселел.

Об участии в боях американских регулярных войск никаких сообщений так и не поступило. Боевые корабли США утюжили море поодаль, самолеты с авианосца «Эссекс» крутились в районе высадки. И все.

Отец все еще ожидал сообщения о высадке американских морских пехотинцев, массовой бомбардировке острова. Он считал, — раз президент решился на такую акцию, он не

остановится на половине пути. Но американцы сохраняли нейтралитет. Вечером во время прогулки отец с облегчением произнес: «Не понимаю Кеннеди. Что ему, решительности не хватает?» Продолжать он не стал.

Тем временем сообщения становились все оптимистичнее — высадившаяся бригада кубинских эмигрантов завязла в болотах, надежд на победу у них практически не оставалось. Расчет на восстание на острове не оправдался, весь народ поднялся на борьбу с «освободителями». Кастро, покинув свой штаб в Гаване, сам бросился в гущу боя. Отец к его поступку отнесся неодобрительно, проворчал, что это мальчишество. Но рожденное революционным порывом мальчишество пришлось ему по душе.

Наконец на третий день, 20-го числа, пришла радостная весть. Гаванское радио в 3 часа 15 минут утра сообщило, что наемники разгромлены, народ победил! Бои продолжались 72 часа. Захвачены трофеи, в том числе танки типа «Шерман».

Отец просто расцвел, послал сердечное поздравление своему другу Фиделю. Куба выстояла, вернее, считал отец, получила передышку. В том, что американцы не отступятся, он не сомневался. Особенно сейчас, когда Кастро открыто перешел во враждебный им лагерь. В Вашингтоне учтут ошибки, выберут время и навалятся теперь уже регулярной армией.

Защита Кубы становилась вопросом престижа не только и не столько отца, сколько всего социалистического лагеря. Или мы отстоим своих единомышленников в Западном полушарии, покажем народам Латинской Америки, что на Советский Союз можно положиться, или… все останется по-старому, и суд и расправу будут вершить Соединенные Штаты.

И не только это, от того, удастся ли отстоять Кубу, зависел престиж Советского Союза как великой державы. Если страна претендует на «величие», она тем самым автоматически берет на себя обязательство защищать своих союзников и клиентов, иначе тебя перестанут уважать и свои, и чужие. Особенно свои — потеряв веру, они начнут смотреть в сторону, а то и вовсе переметнутся в противоположный лагерь.

С точки зрения геополитики Куба в 1961 году стала для СССР тем, чем был Западный Берлин для США: бесполезный клочок земли, глубоко вклинившийся во враждебную территорию. Но если его не защитить, то потеряешь лицо, а вслед за лицом можно растерять и союзников, и все остальное. Вот почему ради Берлина американские президенты шли на риск ядерной войны. Теперь отец по воле Кастро оказался в таком же положении.

Его неотступно преследовала мысль: «Как помочь Кубе? Что делать?» Сразу после победы в заливе Кочинос увеличились

поставки вооружения. И не устаревшего, как в недавнем прошлом, а самого современного. Но оно не решало проблемы.

Надежды на возможность договориться с Кеннеди после вторжения на остров стали весьма иллюзорны. Требовалось отыскать неординарное решение. Но какое?

Глава шестая
Кризис

Предложив отложить совещание в верхах на несколько месяцев, отец не скрывал, что разговаривать намерен только с новым президентом США. Для полновесного совещания четырех держав условия так и не сложились. Его успех или неуспех зависели от договоренности между США и СССР: ни гордый де Голль, ни осторожный Макмиллан не хотели вторично выступать в качестве зрителей при взаимной пикировке руководителей двух сверхдержав. И отец, и Джон Кеннеди придерживались мнения, что разумно им предварительно встретиться, познакомиться, попытаться нащупать почву для соглашения и в случае положительного результата подготавливать четырехстороннюю встречу.

Отца мучило топтание на месте в переговорах о разоружении и запрещении ядерных испытаний. Пришло время определяться. Без опробования боеголовок межконтинентальные ракеты: янгелевские Р-16, королёвская «девятка», челомеевская «двухсотка» — теряли значительную часть своих возможностей.

Мир мог качнуться как в сторону разоружения, так и в сторону качественного изменения вооруженных сил, перехода к ракетному противостоянию, равновесия взаимного уничтожения. Заявления отца, что в наши намерения война не входит, что мы силой примера будем доказывать преимущества нашей социальной системы, на веру не принимались.

Отсутствие договоренности о разоружении делало возобновление испытаний реальностью.

Другим больным вопросом оставалась Германия.

Возможные темы для обсуждения не ограничивались этими двумя, но именно от них зависело продвижение в любом направлении: везде собеседники наталкивались или на разоружение, или на германскую проблему. О целесообразности диалога думали в обеих странах, но инициативу взял на себя президент Кеннеди. Вскоре после вступления в должность он предложил отцу встретиться на нейтральной территории. Задумались о месте проведения совещания. Женеву и Париж отвергли, там представители четырех держав уже заседали или пытались это сделать. Американцы предложили Вену. Отцу казался предпочтительнее Хельсинки, но он не стал настаивать.

Отец направился в Вену 27 мая поездом, со многими остановками. В пути он рассчитывал еще раз обдумать свою

линию поведения и немножко отдохнуть. На два дня остановились в Киеве. Отец воспользовался случаем и съездил в Канев поклониться могиле Тараса Григорьевича Шевченко. На денек задержался в Братиславе и в канун намеченной даты, 2 июня, прибыл в Вену.

Встречи проходили интенсивно, один день в посольстве США, следующий — в советском.

На весь стиль ведения переговоров серьезный отпечаток наложила эмоциональность подхода с обеих сторон. Джон Кеннеди очень боялся, как бы его не сочли слабаком, и стремился продемонстрировать свою силу, не прочь был поиграть мускулами.

В подобных обстоятельствах отец никогда не оставался в долгу. Защищаясь, он немедленно переходил в наступление. Поэтому в некоторые моменты дискуссия напоминала выступления на митинге, где каждая из сторон рьяно убеждала другую в преимуществе своего образа жизни, демонстрировала непреклонность и решительность. Стиль, явно не подходящий для такого случая.

Отец доказывал президенту, что пройдет немного времени и Советский Союз оставит далеко позади США, капиталисты будут умолять пустить их в социализм. Ему казалось, еще одно последнее усилие, и наша экономика, экономика других социалистических стран пойдет круто вверх, а к 1980 году мы догоним и перегоним Соединенные Штаты Америки по всем экономическим показателям.

В Вене отцу не удалось убедить президента Кеннеди в своей правоте, но он вынес из встречи впечатление, что Кеннеди — серьезный партнер. Он, естественно, преследует свои цели, но реально оценивает обстановку, а главное, самостоятельно принимает решения. Для отца способность и желание высшего руководителя страны самому влезать в сложные перипетии внешней политики были величайшей похвалой и признанием. Никогда отец не считал Кеннеди слабым президентом. Такое мнение, распространившееся в США, уводит нас в сторону от понимания взаимоотношений, складывавшихся между двумя лидерами. В Вене отец увидел перед собой зрелого политика, с которым можно иметь дело. Можно иметь дело, но нельзя позволять наступать себе на ноги. Отец не собирался отступать от своих принципов ни на йоту. Разговор должен вестись на равных. Как рассказал мне в 1990 году помощник отца Олег Трояновский, после первого дня переговоров, в ответ на вопрос, как ему показался новый американский президент, отец ответил: «Этот молодой человек считает, что, имея за спиной мощь США, он

может приструнить нас, заставить плясать под свою дудку. Ничего не выйдет. Ему придется осознать, что мы не меньшая сила, чем США, и говорить следует на равных».

В опубликованных в 1997 году мемуарах «Через годы и расстояния» тот же Олег Александрович напишет, что после первой встречи у Хрущева сложилось впечатление, что «это очень неопытный, может быть, даже незрелый человек. По сравнению с ним Эйзенхауэр — это глубоко мыслящий деятель, с широкими взглядами на действительность».

Какое из этих двух мнений больше соответствует действительности? Оба, потому что они воспроизводят слова, сказанные отцом в разное время и при различных обстоятельствах.

Виктор Михайлович Суходрев, переводчик отца на переговорах в Вене, приводит вообще уничижительную характеристику, данную Хрущевым Кеннеди. Он якобы сказал тогда: «Если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ». Суходрев с ним не согласился.[70]

Такие зарисовки, как мгновенная фотография, выхватывают из множества выражений лица или высказываний одно и запечатляют его навеки. Кеннеди в тот день отцу явно не понравился, особенно, как считал Трояновский, своими общими рассуждениями на идеологические темы. Отцу пришлось отвечать, спор изначально не имел перспективы, но настроение обоим участникам переговоров подпортил изрядно. Вот отец по свежим следам и разрядился на своих.

«Молодой человек» — так назвал он президента Джона Кеннеди и на одном из совещаний в Москве, где повторил свою тираду о наконец-то достигнутом равенстве между СССР и США, равенстве в способности уничтожить друг друга.

На этом совещании присутствовал тогда мало кому известный дипломат по фамилии Шевченко. Впоследствии ему предстояло стать заместителем генерального секретаря ООН, прославиться бегством к американцам, которым он и поведал сенсационную новость: «Хрущев считал Кеннеди слабаком».

Что ж, не будем слишком строги к Шевченко, перебежчикам так хочется подыграть новым хозяевам и подчеркнуть свою значимость. Шевченко это удалось. По миру до сих пор гуляет его версия отношения отца к Джону Кеннеди, легко объясняющая все последующие кризисы. И тем не менее Шевченко не прав. Вернее, он честно рассказал то, что слышал, но слышал он немного. Позволю себе повторить отец считал Джона Кеннеди достойным противником, но ни на минуту не допускал, что может позволить смотреть на себя сверху вниз.

Меня в Вену не взяли, поэтому я не могу рассказать о собственных впечатлениях, основываюсь на многочисленных рассказах отца об этой запомнившейся ему встрече.

А вот что пишет другой непосредственный свидетель, один из ближайших сотрудников президента Пьер Сэлинджер «Несмотря на неудачу в поиске решений большинства проблем, разделяющих Восток и Запад, оба руководителя покинули Вену с увеличившимся уважением и расположением друг к другу Хрущев позже как-то сказал мне при встрече "Мне понравился ваш молодой президент Он хорошо представляет предмет, о котором говорит" Джон Фицджеральд Кеннеди нашел русского лидера "жестким, но не безрассудным Его слова тверды, но его действия осторожны" Их взаимное уважение получило свое выражение позднее в знаменитом обмене персональными посланиями, в котором я служил одним из курьеров»[71]

К чему я цитирую эти противоречивые и порой взаимоисключающие оценки американского президента Джона Кеннеди? В чем их значимость? Ведь со временем мнение о собеседнике может измениться даже на диаметрально противоположное, а сиюминутные высказывания, особенно в своем кругу, позволю себе повториться, часто более отражают настроение и даже самочувствие говорящего, а не его взвешенное отношение к партнеру.

Здесь мне придется забежать на год вперед. Все дело в американской мифологии Карибского кризиса.

Вот ее основные контуры недалекий советский лидер Хрущев на переговорах в Вене счел американского президента Джона Кеннеди слабаком, которым можно манипулировать, решил изменить в свою пользу баланс ядерных сил. Поэтому-то он и установил ракеты на Кубе. Но не на того нарвался, президент Кеннеди пригрозил ему «железным американским кулаком», Хрущев струсил, капитулировал, убрал ракеты с острова, и за это его сняли с работы, отправили в отставку. Многократно апробированный голливудский сценарий о супермене, в первой части во всем уступающем превосходящему его отрицательному персонажу, а затем вдруг преображающемся. Ну а дальше все понятно. Если нет — сходите в ближайший кинотеатр.

Чтобы свести концы с концами, годится любая зацепка, важно любое свидетельство. Они подменяют геополитическую логику, согласно которой ни один реалистично мыслящий политик в мире не может даже предположить возможность заставить американского президента, не важно как его зовут — Кеннеди, Эйзенхауэр, Трумэн или Клинтон, — плясать под свою дудку. Тут дело не в личности, просто он президент сверхдержавы, и этим

все сказано. Если помнить эти азбучные истины, отпадет необходимость в коллекционировании слов и фраз, произнесенных в тех или иных обстоятельствах по поводу и без оного. Но пока хватит, к Карибскому кризису мы еще вернемся.

За два дня переговоров в Вене договориться удалось только по Лаосу. Разговор о мирном сосуществовании и разоружении не принес ничего нового. В отличие от предыдущих встреч, с президентом Эйзенхауэром, отец не привез в Вену конкретных предложений, не собирался он идти и на уступки. В 1959 году в Кэмп-Дэвиде он настроился согласиться в качестве первого шага на частичный контроль с воздуха взаимно согласованных приграничных районов.

В 1961 году многое изменилось. Возникшее было у отца желание поверить в честность и миролюбие Белого дома испарилось без следа.

«Сначала У-2, а совсем недавно — Куба! О каком доверии может идти речь?» — так теперь считал отец.

Тем не менее, когда президент Кеннеди предложил объединить усилия для полетов на Луну, 25 мая он направил конгрессу послание на эту тему, и теперь всерьез опасался, что Советский Союз, вступив в лунную гонку, может опередить США. Отец сначала согласился. Правда, в самом общем виде. На следующий день во время встречи в советском посольстве он отверг заманчивую идею, — в ракетных делах оборона так тесно связана с космосом, что разделить их невозможно. О том, чтобы поделиться военными секретами, не могло быть и речи. Условия не созрели. Мы еще слабы, ракет у нас мало, а Кеннеди пришел в Белый дом, эксплуатируя идею советского ракетного преимущества. Вот пусть он и пребывает в заблуждении. Стране требовалось несколько лет, чтобы окрепнуть настолько, что будет не стыдно показать, чем мы на самом деле обладаем.

Когда отец рассказал мне об идее совместной высадки на Луне, я поддержал его: как можно о таком даже подумать? Челомей придерживался иной точки зрения. По его словам, сотрудничество принесло бы большую пользу нам, чем им.

Кеннеди привез в Вену предложение исключить войну как метод разрешения возникающих в мире конфликтов. Отец приветствовал выдвинутую оппонентом идею, тем более что американский президент в качестве аргумента привел расчеты ядерного потенциала двух наших держав. Из них следовало, что США обладают запасом ядерного оружия, способным не единожды уничтожить нашу страну. У СССР, по его словам, хватало средств лишь на частичное уничтожение Соединенных Штатов. Откуда американцы почерпнули свои данные, остается

на совести ЦРУ, наши носители, способные доставить ядерные заряды на американский континент, в то время все еще можно было пересчитать с помощью пальцев на руке. В одном они были правы: и такого количества потенциальных термоядерных взрывов достаточно, чтобы посчитать потери неприемлемыми для любой страны.

Сейчас цифры опубликованы. В 1961 году американцы располагали двадцатью четырьмя тысячами ста семидесятью тремя ядерными боеприпасами всех видов против наших двух тысяч четырехсот семидесяти одного. Судите сами, много это или достаточно…

Отец с восторгом воспринял рассуждения президента: впервые США признавали паритетность ядерной мощи двух держав. Что же касалось многократного превосходства США, то он свел все к мрачной шутке: «Мы-де, в отличие от американцев, люди не кровожадные, это они намереваются бить по мертвым, а нам и одного раза достаточно». Этот тезис он потом повторял неоднократно.

Принятие предложения Кеннеди могло сдвинуть прочно увязшие в трясине согласований и возражений переговоры по разоружению, но отец углядел в нем крамолу. И очень серьезную. Американский президент считал необходимым зафиксировать сложившееся на тот год состояние в мире, другими словами, признать господство Западного альянса, НАТО, во всем мире, за исключением «резервации», уступаемой Советскому Союзу. Отец не считал возможным принять на себя обязательства не помогать угнетенным народам в борьбе за независимость. Бурное начало 1960-х годов — кровь в Алжире, бои в Конго, начинающаяся война против колонизаторов в Анголе, столкновения в Лаосе и, наконец, недавняя высадка десанта на Кубе — этот перечень можно было бы продолжить. Пролетарская солидарность не допускала равнодушия, наше место было с восставшими. Мир социализма противостоял миру капитала, свобода противостояла рабству.

Отец категорически отверг, как он считал, провокационное предложение, прочитал Джону Кеннеди целую лекцию об освободительных войнах и их положительной роли в развитии человеческой цивилизации.

Попытка найти взаимоприемлемое решение провалилась.

Еще более драматично происходили переговоры по Германии.

Отец считал себя обязанным найти решение проблемы признания двух Германий, оформления государственного статуса ГДР. В Вене он предпринял последнюю попытку реализовать идею подписания мирного договора с ФРГ и ГДР, с выделением

Западного Берлина в самостоятельный вольный город.

Этот вопрос оказался самым болезненным, тут Кеннеди был менее всего готов идти на соглашение с отцом. Общественное мнение США требовало стойкости вплоть до применения силы.

В надежде на то, что оппонент дрогнет, отец решил довести нажим до предела. Правда, ни тогда, ни в последующие месяцы он и не помышлял о возможности применить силу. По его словам, не требовалось ни особых усилий, ни большого ума для оккупации Западного Берлина. Силы союзников там были ограничены. Но потом… Последствия легко предсказывались — война. Она же ни при каких условиях не входила в планы отца.

Вот что он вспоминает о заключительном дне переговоров: «Мы расстались в состоянии нагнетания напряженности, я предупредил президента, что если мы не встретим понимания со стороны правительства Соединенных Штатов в вопросе заключения мирного договора, то будем в одностороннем порядке решать этот вопрос, подпишем договор с Германской Демократической Республикой, и тогда изменятся правовые нормы доступа западных держав в Западный Берлин. Я нагнетал обстановку с тем, чтобы поставить американцев в безвыходное положение и вынудить их признать разумность наших предложений. Иначе произойдет конфликт. Но президент был не готов под нажимом пойти на соглашение. Мои призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в воздухе. Мы остались на старых позициях», то есть Соединенные Штаты продолжали отказывать Советскому Союзу в признании его равенства себе на мировой арене, а его союзнику ГДР — в обретении государственного статуса, аналогичного западно-германскому.

Формально же все по-прежнему упиралось в дилемму, кому предъявлять документы: советским или восточно-германским пограничникам.

Пьер Сэлинджер вспоминает, насколько драматично происходил последний разговор двух лидеров. В ответ на заявление президента, что они будут отстаивать коммуникации с помощью вооруженной силы, отец бросил:

— Это ваши проблемы. Президент ответил:

— Это вы, а не я, форсируете изменения в регионе. Хрущев пожал плечами. Его решение было окончательным.

— Эта зима, кажется, будет холодной, — были последние слова Джона Кеннеди. Отец понимал, что иного шанса ему не представится, и наращивал давление.

Уже после отъезда Кеннеди, который торопился на заранее запланированную встречу с Гарольдом Макмилланом в Лондоне, он встретился с Государственным секретарем Австрийского

правительства Бруно Крайским. Они были хорошо знакомы со времен заключения государственного договора. Между ними еще тогда установились доверительные отношения.

Крайский играл заметную роль в западной социал-демократии, поддерживал тесные отношения с Вилли Брандтом. Отец рассчитывал через него подействовать на западных немцев.

В своих мемуарах он продиктовал: «Я, признаться, Крайскому повторил то, что говорил Кеннеди. Я надеялся, что если так же остро изложу нашу позицию, то это станет известным не только президенту США, но и Брандту. А от Брандта кое-что зависело, он был тогда бургомистром Западного Берлина. Я думал, что они, возможно, посчитаются с неотступностью наших намерений, не решатся доводить температуру до кипения и, в конце концов, согласятся на разумные условия, с тем чтобы найти решение и прийти к соглашению».

И далее:

«Мы и после встречи предпринимали шаги. Не столько на практике, сколько рекламировали, что намереваемся осуществить наши предложения и подписать мирный договор. Действовали мы довольно энергично, оказывали нажим через печать, во время бесед и встреч. Одним словом, пустили в ход все доступные нам средства, чтобы создать впечатление у наших противников, что если они не поступят разумно и не согласятся с нами, то мы сделаем так, как говорили президенту США».

Кеннеди был готов к силовому противостоянию. Любой его шаг по Берлину навстречу отцу был бы расценен и в Бонне, и в Вашингтоне как проявление слабости, капитуляции перед лицом Советского Союза. Такого президент себе позволить не мог.

По словам отца, расставались они с президентом в мрачном настроении. Отец говорил, что по выражению лица Джона Кеннеди было видно, что он чрезвычайно огорчен отсутствием конкретных договоренностей, тем, что переговоры зашли в тупик.

Отец был настроен более философски, но и его, естественно, не радовал подобный исход. Он говорил по этому поводу:

«Я хотел бы, чтобы мы расставались при другом настроении, но я помочь ничем не мог, потому что политика неумолима. Наше классовое положение не дало возможности прийти к соглашению… А это опять нас отбрасывало к обострению и продолжению «холодной» войны. За это мы должны были платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Одним словом, эта политика была нам уже известна, она обременяет бюджет и понижает экономический потенциал… жизненный уровень наших народов».

Не имело особого значения, кто выглядел мрачнее: и отец, и

президент понимали, происходит что-то не то, но идеологическая установка с обеих сторон предусматривала, в конечном счете, победу над противником… или собеседником. Не знаю, как звучит правильно.

Переговоры в Вене не дали результата. А это означало продолжение ядерной гонки. В ноябре 1961 года американцы начнут размещение баллистических ракет средней дальности «Юпитер» в Италии и Турции.

Министерство обороны, конструкторы ракет, самолетов и других видов вооружений продолжали одолевать отца просьбами о возобновлении взрывов. Отцу не хотелось терять накопленный за два с половиной года моратория моральный и политический багаж, но теперь и он склонялся к тому, что другого выхода просто не существует.

Отца беспокоило, что мы проводим еще слишком много взрывов в центре своей территории, в Семипалатинске. Как ни оберегайся, а ветер разносит зараженные радиацией облака по всей округе. Средмашу поручили проработать варианты подземных испытаний. К тому же склонялись и американцы. Они предлагали вообще ограничиться подземными испытаниями. Наши специалисты-атомщики отнеслись к этой идее с недоверием, докладывали отцу, что крайне затруднится проверка эффективности взрыва. Сейчас на полигоне строят сооружения, устанавливают технику и смотрят, что с ней произошло. С переходом под землю придется довериться расчетам.

Министр Ефим Павлович Славский особенно скептически относился к возможности испытания под землей мощных зарядов. В те годы каждый разработчик старался удивить соседа, а главное — начальство все возрастающим эквивалентом взрывной силы своего изделия. От трех мегатонн перешли к пяти, затем к десяти, от них — к пятнадцати, а сейчас говорили о двадцати, пятидесяти и даже ста мегатоннах. О возможности боевого использования подобных монстров слова произносились скороговоркой, глухо, но сами цифры впечатляли. Не избежал их влияния и отец. Он не уставал восхищаться достижениями конструкторов. Конечно, о подземных испытаниях таких фантастических зарядов не шло и речи.

Американцы не гнались за рекордами. Они остановились на мощности около двадцати мегатонн и стали резко снижать как вес заряда, так и его эквивалент. Люди рациональные, они подсчитали, что больше напакостишь, усеяв землю сравнительно слабыми взрывами (в несколько сот килотонн), чем гигантским, подобным вулканическому извержению, но единичным, быстро теряющим с увеличением расстояния от эпицентра разрушающую

силу ударом. Кстати, их заряды очень хорошо укладывались в концепцию подземных испытаний.

Немаловажным аргументом со стороны Министерства среднего машиностроения служило и возрастание стоимости испытаний: на каждый взрыв придется рыть специальную шахту. А ведь зарядов за эти годы наделали десятки.

Тогда отец попросил перенести максимально возможное количество взрывов из Семипалатинска на Новоземельский полигон. Работать там, конечно, несравненно сложнее — Крайний Север, но все-таки подальше от населенных районов.

Напомню, что Новоземельский ядерный полигон ведет свою историю с 21 сентября 1955 года, в тот день там прошло первое подводное атомное испытание. За время его существования там произвели 132 взрыва: 83 воздушных, 42 подземных, 3 подводных, 3 надводных, 1 надземный, общей мощностью 240 мегатонн.

Славскому отец поручил еще раз тщательно проработать технические аспекты проведения подземных испытаний. Экспериментальную шахту на Семипалатинском полигоне как раз заканчивали, первый подземный взрыв можно было произвести уже в этом, 1961 году. Как и в случае с подземными стартовыми позициями ракет, отец посоветовал связаться с угольщиками. Их опыт, по его мнению, мог оказаться полезным.

Хотя отец внутренне созрел, решился на возобновление взрывов, он хотел еще раз проверить себя и назначил на 10 июля в Овальном зале Кремля широкое совещание с привлечением специалистов: ученых, конструкторов, испытателей, военных.

Большинство участников поддержали идею возобновления испытаний, считали, что мы и так потеряли слишком много времени, позволили американцам оторваться, получить преимущество.

Отец рассказал, что против выступил один Сахаров.

О расхождениях с Сахаровым отец очень сожалел. Андрей Дмитриевич не первый раз выступал против испытаний. Его записки отцу о вреде взрывов, их пагубном влиянии на все живое сыграли немаловажную роль при принятии решения об объявлении моратория. Сахаров возражал против проведения серии испытаний в 1958 году. И вот теперь он, предваряя обсуждение на совещании, направил Хрущеву новую записку, где отмечал, что возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому витку гонки вооружений…

Отец с сожалением признался, что не сдержался и резко ответил Сахарову.

«Неужто я обо всем этом не знаю, — выговаривался в сердцах отец на следующий вечер, — но ведь американцы о разоружении и слышать не хотят. Он говорит о гуманизме, а я должен думать о безопасности страны. Начнись война, скольких людей ждет смерть, если мы не сумеем дать достойный отпор».

Отец считал, что его положение тяжелее и сложнее, чем Сахарова, ведь именно ему приходится принимать окончательное решение. И он принял его в пользу возобновления взрывов.

Началась подготовка к испытаниям. Официальное объявление об их возобновлении планировалось сделать в конце августа.

Аналогичная дилемма встала и перед американским президентом, и он мучился сомнениями — начинать, не начинать, и на него давили военные, и он, в конце концов, дал команду готовить взрывы.

В июле отец высвободил «окошко» и отправился в Крым. Как обычно, отдыхал он всей семьей, с детьми и внуками. Засобирался в «Нижнюю Ореанду» и Челомей. Он хотел рассказать отцу о своих новых проектах, а возможно, просто опасался конкурентов. В санаторий, примыкающий к даче отца, уже приехал Королев, а следом за ним Туполев.

Челомей в то лето грезил новым оружием — глобальной ракетой (ГР-1), способной преодолеть зарождающуюся противоракетную оборону. Впервые он упомянул о ней на встрече с отцом в апреле 1960 года.

Теперь фантазия превратилась в конкретную инженерную идею. Челомею не терпелось доложить отцу и с его благословения приступить к проектированию. С помощью «двухсотки» он предлагал запускать на орбиту ядерный заряд — спутник, который неожиданно, после выдачи по команде с Земли тормозного импульса, по известной только нападающей стороне траектории сваливался бы на голову противника. Военные поддерживали этот проект.

В самом замысле глобальной ракеты оставалось много неясного. Если она запускается меньше, чем на виток, то все понятно — та же боеголовка, но обрушивающаяся на противника с тыла. Челомей же предлагал использовать годами вращающиеся над Землей долго живущие бомбы-спутники. А если войны не будет? Уводить их на еще более высокие орбиты и оставлять в качестве сувениров для потомков? А если американцы надумают сбивать их или, того хуже, спроектируют космические корабли, способные снимать спутники с орбиты? Не такая уж дикая мысль. Тогда, чтобы их защитить, надо выводить на орбиту боевые

станции, начиненные снарядами. На многие вопросы еще предстояло найти ответ.

Отец долго расспрашивал Владимира Николаевича. Они обстоятельно беседовали под полотняным грибком на берегу моря. Кто мог подумать, что здесь обсуждается возможность переноса ядерной войны в космос. Тогда в этом никто не видел ничего противоестественного, просто делался еще один логический шаг в гонке вооружений.

Отец дал добро на начало работ. Велись они в состоянии особой, даже по тем временам, секретности. А как же иначе? Мы делали неизвестное миру оружие, способное изменить расстановку сил на планете. Все получалось, как и было задумано. Настало время изготовления опытных образцов. А там проведение испытаний и…

В середине августа 1962 года отец совершил не объяснимый для меня в те годы поступок. Он рассказал о нашем проекте… американским журналистам. Еще раньше он упомянул о глобальной ракете в одном из выступлений.

Мне подобное легкомыслие представлялось совершенно недопустимым, почти преступным. Улучив удобный момент, я вывалил свои претензии отцу. Поначалу он, хитро улыбаясь, попытался отмолчаться, но я назойливо возвращался к волнующей меня теме. В конце концов он сдался.

— Неужели ты не понимаешь, что никто не позволит вам запускать такую штуку на орбиту? Это не просто очень опасно, это сродни сумасшествию, — назидательно проворчал отец.

Я растеряно выдавил из себя:

— Так зачем?…

— Пусть в Вашингтоне поломают голову, — улыбнулся отец. — Одна мысль о висящем над головой ядерном заряде охладит их пыл. Так что работаете вы не впустую.

Я ничего не ответил, чувствовал себя уязвленным, обманутым.

Разработка глобальной ракеты закончилась бумагой, комплектом чертежей. К ее изготовлению мы так и не приступили. Идея, однако, оказалась живучей. Вслед за Челомеем глобальной ракетой увлеклись и Королев с Янгелем. В апреле 1962 года работы всех трех ОКБ оформили постановление Правительства. Королеву «посчастливилось» больше, чем нам, в 1964–1965 годах он сделал несколько полноразмерных макетов ГР-1 (и Королев, и Челомей использовали одну и ту же аббревиатуру), но дальше разработка не пошла. Эти макеты потом регулярно провозили во время парадов по Красной площади. Как свидетельствуют архивы, американцы заглотнули

наживку отца, потратили большие деньги, пытаясь создать оборону от несуществовавших глобальных ракет.[72]

Янгель довел дело до логического завершения, создал летающий образец. В 1968 году его глобальную ракету Р-36-0 приняли на вооружение и развернули ее серийное производство. Но и Брежнев, который к тому времени сменил отца в Кремле, вывести ядерные заряды на боевое дежурство на орбиту в космос не посмел.

Другим пляжным собеседником отца был Королев. В тот год темой их разговоров вновь стала новая тяжелая ракета, способная потягаться с американцами в гонке за Луну. Сейчас, после «нет», сказанного президенту Кеннеди, следовало определиться. Отец не собирался отступаться от нашего неоспоримого превосходства в космических исследованиях, но и прикидывал, во что все это обойдется.

В необходимости соревнования, кто первым высадится на Луну, Королев не сомневался. Правда, предварительные проработки свидетельствовали, что на орбиту придется вывести около 75 тонн. Цифра по тем временам казалась непостижимо огромной — целый вагон. Отец поинтересовался, какая же ракета способна вытянуть подобную махину. Королев ответил, что он рассчитывает уложиться в стартовый вес 2200–2500 тонн.

«Почти десять "семерок"…» — неопределенно протянул отец.

Формально очередная версия Н-1 была уже включена в новое постановление правительства, вышедшее незадолго до встречи, 13 мая 1961 года. Правда, звучало постановление для Королева не очень обнадеживающе: «О пересмотре планов по космическим объектам в направлении задач оборонного значения». Энтузиаста по натуре, отца тем не менее беспокоило повальное увлечение космосом, тогда как нужной для обороны страны межконтинентальной ракеты все еще не было. Вот он и решил этим постановлением охладить горячие головы.

Королев понимал, что в постановление-то он попал, но без поддержки отца ему не обойтись. Сегодня — одно постановление правительства, а завтра может выйти новое.

Отец позволил себя уговорить. Он столько поставил на наши ракетные достижения, что отказываться от дальнейшего продвижения вперед представлялось просто неразумным. К тому же, отец был таким же мечтателем, как и Королев. В этом они походили друг на друга. Отцу донельзя хотелось стать современником первого человека, ступившего на иную планету. Особенно советского. Столько увлекательного открывалось впереди: космос, Луна, коммунизм. Дух захватывало, на какие

высоты советская власть вознесла русского человека!

Встречей на пляже Королев остался доволен: отец, хотя и с оговорками, на его стороне.

Сговорились, что Королев продолжит работы и, когда прикидочные расчеты будут готовы, доложит на Совете обороны. Тогда, ориентировочно зимой будущего года, и примут окончательное решение.

На прощание Королев, суеверно постучав по деревянной крышке пляжного столика, напомнил, что космический полет Титова намечен на начало августа.

Неожиданно для меня отец не приказал — попросил осуществить запуск не позднее десятого. Обычно он в такие дела старался не вмешиваться. На сей раз он изменил своему правилу.

Королев с готовностью согласился.

— Давайте назначим на седьмое, — улыбаясь, произнес он.

— Ну, вот и договорились, — отозвался отец.

Он пообещал, что встречу Титову устроят такую же, как Гагарину. Пусть только возвращается невредимым.

Только потом я догадался, почему первая декада августа была для отца предпочтительнее второй. В голове у отца запуск Титова увязывался с установлением границы в Берлине, но тогда это была тайна за семью печатями.

Не могу не вспомнить и о разговорах с Туполевым. Если Челомей и Королев, сколь бы дружескими и располагающими ни казались встречи, тем не менее докладывали Председателю Совета Министров СССР, то тут уже беседовали два человека, прожившие большую жизнь и знающие цену и ей, и себе, и собеседнику.

Положение прославленного туполевского конструкторского бюро в те годы стало нелегким. Отец не считал больше необходимым расходовать миллиарды на создание тяжелой бомбардировочной авиации. Для противостояния с США, по его мнению, достаточно и ракет. Работы над последними двумя самолетами: сверхзвуковым бомбардировщиком Ту-22 и дальним тяжелым перехватчиком-ракетоносцем Ту-28-80 — подходили к концу. Новых военных заказов не предвиделось.

Конечно, оставались пассажирские самолеты. Прогремевший на весь мир Ту-104 вывел в свет целое семейство Ту. Но до сих пор считалось, что пассажирская авиация — это только протока, чуть отвернувшая от основного русла авиации военной. Так было. И так, считал Андрей Николаевич, будет на его веку.

В ракетную технику ход ему оказался заказан. Устинов бдительно охранял крепко запертую дверь. Следовало искать

иное приложение сил. На сей раз Туполев пришел с предложением построить самолет с атомными двигателями, способный без посадки не раз облететь земной шар.

В те годы увлечение атомной энергией стало повальным. В качестве двигательных установок атомный реактор, представлялось, не имел соперников. Вовсю проектировались и строились атомные подводные лодки. Атомный ледокол «Ленин» потрясал воображение бывалых полярных капитанов.

И вот теперь — самолет!

За реактивный двигатель для атомного самолета брался Николай Дмитриевич Кузнецов, давний соратник Андрея Николаевича по работам над Ту-95 и Ту-114. Вместе они сделали предварительный проект, и сейчас представился случай доложить о проработках начальству.

Командование Военно-воздушных сил новую идею не поддерживало, считало самолет опасным для экипажа и аэродромных служб, с одной стороны, и не сулящим особых преимуществ в воздухе — с другой. Но Туполеву и Кузнецову не впервые приходилось проталкивать свои новинки в обход генералов. Отец выслушал рассказ о новом самолете, не перебивая. Такое поведение свидетельствовало, что излагаемый предмет не вызывает особого интереса. Туполев об этом знал, но отступать не собирался.

Отец вспомнил о своем давнем разговоре с Андреем Николаевичем — о невозможности создания бомбардировщика, способного эффективно действовать против США, и задал те же вопросы: «Сможет ли он преодолеть систему ПВО, развернутую на Североамериканском континенте? Какова ожидаемая скорость и высота полета нового самолета?»

Туполев ответил, что чудес ожидать не приходится. За неограниченную дальность необходимо платить, ядерные силовые установки тяжелы сами по себе, требуют дополнительной защиты. Поэтому скорость получается околозвуковой, а высота полета стандартной — десять-двенадцать километров.

Отец покачал головой:

— Вы же еще когда говорили, что с такими параметрами соваться в США незачем, собьют без труда.

— Мое дело придумать техническое решение, а уж вам решать, покупать его или нет, — не то немного обиделся, не то просто грустно пошутил Туполев.

Им обоим уже стало абсолютно ясно, что предложение не проходит. Однако отцу не хотелось расстраивать гостя. Он поинтересовался, нет ли возможности сделать дальний

пассажирский самолет с атомными моторами. Андрей Николаевич только махнул рукой: абсолютно исключено — на эффективную защиту пассажиров от излучения потребуются такие веса, что самолет вообще не сможет взлететь. К тому еще добавлялась проблема заражения аэродромов при взлете и посадке.

Правда, атомный проект не забросили. Какое-то время работы продолжались. Сделали специальную летающую лабораторию — самолет со смешанной силовой установкой, оснащенной ядерной турбиной. Однако постепенно усилия сошли на нет, оправдались самые пессимистические прогнозы: эксплуатировать подобный самолет, даже при легкомысленном отношении к радиации, которое существовало в те годы, не представлялось возможным. В США тогда тоже начались проработки атомного бомбардировщика, и с теми же результатами.

При очередной встрече отец, окончательно потерявший интерес к атомному бомбардировщику, посоветовал Андрею Николаевичу переключиться на пассажирские лайнеры, особенно его привлекала возможность создания сверхзвукового пассажирского самолета. С той поры Ту-144 стал главной задачей ОКБ, на реализацию которой ушли многие годы напряженного труда и многие миллиарды рублей.

Мне не хотелось бы своим рассказом создать впечатление, что отец занимался рассмотрением столь важных дел, определяющих обороноспособность страны, походя, сидя в шезлонге на берегу моря или гуляя по тропинкам подмосковного леса.

Просто мне не приходилось присутствовать при его встречах с конструкторами, военными, учеными в кремлевском кабинете. О тех беседах до меня доходили лишь отзвуки, пересказы участников, реакция отца на удачные или, как он считал, бросовые предложения. О некоторых событиях я вообще ничего не знал.

Я подробно описываю факты, которым мне довелось стать свидетелем, а местом их действия, естественно, чаще всего оказывался наш дом.

О Германии отец думал неотступно.

Возможность одностороннего заключения мирного договора он больше всерьез не рассматривал. Здесь ничего не стоило перегнуть палку. Конечно, без обострения отношений с США, считал отец, не обойтись, но он не намеревался выходить за рамки дозволенного Потсдамскими соглашениями.

После долгих колебаний отец пришел к выводу, что

единственный выход: «закрыть все входы и выходы, закупорить все лазейки».[73] Решение оформилось во время отпуска, к тому времени отец перебрался из Крыма в Пицунду. Он считал, я повторю, что если захлопнется дверь, ведущая на Запад, люди перестанут метаться, начнут работать, экономика двинется в гору, и недалек тот час, когда уже западные немцы начнут проситься в ГДР. Тогда уже ничто не сможет помешать подписать мирный договор с двумя германскими государствами.

Пока же вырисовывался первый шаг: приостановить отток людей, овладеть положением. Как это сделать? Наиболее сложно разъединиться в Берлине, ведь сектора, позволю себе повториться, порой разделяются условной линией, проходящей по проезжей части улиц. Один тротуар в одном секторе, другой — в другом. Перешел улицу — и ты уже за границей. Когда проводили разграничительные линии, никто не думал, что может зайти речь о границе, о пограничниках, пропусках, визах. Пока эти линии оставались только на бумаге, теперь отец искал способ их материализации.

Отец попросил нашего посла в ГДР Первухина прислать ему подробную карту Берлина с нанесенной на ней демаркационной линией.

«Разграничения на карте были сделаны неточно, — вспоминает отец, — нельзя было судить о возможности установления твердой границы с контрольно-пропускными пунктами. Я решил, что это сделано из-за недостаточной квалификации людей, размечавших карту. Да это вполне понятно, они не специалисты.

Я снова позвонил послу и попросил: "Товарищ Первухин, в карте, которую вы мне прислали, трудно разобраться. Она не позволяет судить о возможности установления границ. Пригласите командующего нашими войсками (тогда там командовал Якубовский) и передайте мою просьбу сделать в его штабе карту Берлина с нанесением границы и замечаниями о возможности установления контроля над ней. После этого доложите товарищу Ульбрихту. Пусть он посмотрит и скажет, согласен ли он обсудить эти вопросы".

Прислали новую карту. По телефону посол сообщил, что Ульбрихт полностью согласен. Он передал, что это правильно, что это оздоровит сложившуюся ситуацию, что это единственная возможность стать хозяевами положения.

Я посмотрел, там было показано, где могут быть установлены контрольные ворота, и пришел к выводу, что границу установить в Берлине возможно. Правда, с большими трудностями».

Отец решился. Ему казалось, что установление пограничного

контроля не должно вызвать излишне яростной реакции наших бывших союзников. Ведь их право беспрепятственного передвижения между зонами оккупации сохранялось. В этом было существенное отличие от предыдущих предложений и угроз, связанных с заключением мирного договора и передачей контрольных функций правительству ГДР.

Пропуска и другие пограничные формальности устанавливались только для немцев, а о них в Потсдамском соглашении не говорилось ни слова.

Он понимал, что существует определенный риск. Наиболее опасен первый момент физического установления контроля над границей: проведение разграничительной линии, установка шлагбаумов в местах проезда. Внезапный шок может повлечь за собой не до конца продуманные поступки. Тем не менее он посчитал риск оправданным. Об установлении непроницаемой бетонной стены и речи не было. Это чисто немецкое изобретение.

Получив согласие и поддержку Ульбрихта, отец решил, что пора действовать. Он вызвал в Крым Громыко и его заместителя Семенова, ведавшего германскими делами. Требовалось тщательно просчитать все возможные дипломатические шаги. В результате выработали план действий, получивших впоследствии в мире название второго Берлинского кризиса.

Все готовилось в строгой тайне. На возведение сооружений отводилось минимум времени. Работы следовало окончить раньше, чем на той стороне решат, что же им предпринять. Легче помешать проведению работ, чем ломать уже сделанное.

«Мы не хотели, чтобы на границе стояли наши войска, — продиктовал отец в своих воспоминаниях, — это функции самих немцев… Западные немцы тоже сами охраняли свои границы.

За немцами у границы должна была стоять цепочка советских войск в полном вооружении. Пусть Запад видит, что хотя немцы стоят жиденькой цепочкой и разорвать ее не представляет больших усилий, но тогда вступят советские войска.

На контрольных пунктах… где должны были проезжать представители западных держав, у шлагбаума должен стоять наш офицер и пропускать их без задержек, как и раньше».

С таким планом отец в последние дни июля возвратился в Москву. На специально собравшемся Президиуме ЦК он изложил свои соображения. На сей раз в зале было минимум посторонних лиц, информация не должна была просочиться через плотно закрытые двери.

Обсуждения по существу не произошло, выступавшие поддерживали предложенный план, полагаясь на авторитет отца. «Товарищи согласились, что это единственная возможность

создать стабильное положение в ГДР», — отмечал он.

Отец не хотел действовать в одиночку. Риску подвергались все участники Варшавского договора, и он решил обсудить намеченный шаг с союзниками. На 4–5 августа назначили заседание Консультативного комитета стран — участниц Организации Варшавского Договора. Накануне, 1 августа, отец уточнил последние детали с Вальтером Ульбрихтом, они проговорили более двух часов. В целях обеспечения секретности собрались в Москве тайно. Нигде в печати не проскользнуло ни строчки. Не просочилась информация и на Запад. В заседании участвовали только первые секретари центральных партийных комитетов и главы правительств. Вся свита осталась дома.

В те дни я еще не подозревал, что что-то вообще затевается, поэтому вернусь к записям отца.

«Мы изложили эти вопросы и высказали свою точку зрения. Все представители социалистических стран с восторгом согласились и выразили уверенность, что мы успешно проведем мероприятия и этого «ежа», грубо выражаясь, западные страны проглотят».

Публично отец продолжал бомбардировать Запад различными предложениями. 1 июля ГДР выдвинула так называемый немецкий план мира. Он не был столь уж плох и неприемлем: совместная комиссия представителей парламентов и правительств обеих Германий должна была разработать предложения по заключению мирного договора. Вот только, как больной зуб, торчал там вольный город — Западный Берлин. Однако правительство ФРГ отвергло саму идею совместного обсуждения. На их картах ГДР отсутствовала.

8 июля на торжественном собрании выпускников военных академий в Кремле отец предложил созвать конференцию на высшем уровне для обсуждения проблемы мирного договора с Германией. Дальше наступил перерыв. Никаких инициатив, полное затишье. В ГДР спешно заготавливали столбы, немцы получали с советских армейских складов и подтягивали к границе тонны колючей проволоки, сваривали металлические заграждения. Подобную деятельность долго в тайне удержать было невозможно, но исполнители сами не знали, для чего все это нужно. Поползли самые невероятные слухи.

Тем временем тон дипломатических документов изменился, он стал резче и бескомпромисснее.

25 июля раскатами грома прогремело заявление президента Кеннеди. Он предупредил, что любые шаги, связанные с выполнением угрозы отца заключить мирный договор с ГДР, натолкнутся на решительное сопротивление Соединенных

Штатов. В выступлении по телевидению Кеннеди объявил о готовности воевать за Западный Берлин. Свои слова президент подкрепил решительными действиями, объявил о призыве на действительную службу 250 тысяч резервистов и о приведении стратегической авиации в пятнадцатиминутную готовность.

3 августа в Москве опубликовали меморандум правительства СССР, направленный правительству ФРГ, о мирном договоре с Германией. Одновременно ноты аналогичного содержания ушли в столицы держав-победительниц. Лейтмотивом меморандума служило утверждение, что ныне не существует ни единой Германии, ни общегерманского правительства. Раскол страны произошел по социальному признаку, и его необходимо признать. Это объективная реальность.

7 августа в космос полетел Герман Титов. Отец, как и обещал Королеву, к этому дню вернулся в Москву. Вечером в телевизионном обращении к стране он дал решительный ответ президенту США.

Отвергая обвинения в угрозах с его стороны, отец повторил известные тезисы о вольном городе и коммуникациях. Он заявил, что ни о какой блокаде Западного Берлина нет и речи. Тем не менее он заявил об увеличении расходов на оборону, прекращении сокращения вооруженных сил, а также о возможности в будущем дополнительного призыва запасников и подтягивания некоторых дивизий из глубины страны к западным границам.

Я смотрел выступление по телевизору дома. По спине забегали мурашки, складывалось впечатление, что дело заваривается круто, клонится к войне. Мне очень хотелось узнать, что же конкретно предпринимается, что означает воинственность отца. Дома он держался куда менее воинственно, чем перед телекамерами.

По поводу заявления об увеличении расходов на оборону отец объяснил мне, что это просто реакция на соответствующее заявление Кеннеди, реально нам оно не нужно, никаких дополнительных затрат осуществлять не предполагается.

«Людей призывать, отрывать от дела мы тоже не будем, — продолжал он, — а с сокращением армии придется повременить. Ведь американцы расшевелились не на шутку».

Отца беспокоило, насколько крепки нервы у американского президента, не сорвется ли он?

Пока шла перепалка, подготовка к перекрытию границы практически завершилась. В Берлине ожидали команды из Москвы. Якубовский доложил отцу по телефону и испросил согласия на начало операции в ночь с 12 на 13 августа.

Отец пошутил, что 13-е — несчастливое число, но тут же добавил: пусть оно будет несчастливым для наших противников.

Наступил самый тяжелый момент. Как поведут себя американцы? Отец рассчитывал на благоразумие, ведь все работы должны проводиться на территории ГДР.

Сгрудившись на своей стороне улиц, американцы наблюдали, как вдоль редкой цепочки немецких солдат, выстроившихся по условной линии, разделяющей сектора города, рабочие долбят асфальт, ставят столбы, натягивают колючую проволоку — и никаких попыток вмешаться.

Услышав об этом, отец вздохнул с облегчением — обошлось. Если они не бросились сразу, то, поразмыслив, тем более не полезут в драку.

Отец считал, что, установив контроль на своих границах, ГДР получила даже больше, чем могла рассчитывать при заключении мирного договора.

Но пока мир держался на ниточке. Из Германии вслед за сообщением о необычной стройке на границах в Берлине в Вашингтон поступило предложение командования американских войск направить бульдозеры и снести хлипкие заграждения. Технически эта акция не составляла труда. Политические же последствия предвидеть было невозможно.

Кеннеди охладил горячие головы. По словам Пьера Сэлинджера, он считал что «режим Ульбрихта, по всей вероятности, обладает законным правом закрыть свои границы, и никто не может вообразить, что мы должны начать из-за этого войну». Он вообще считал стену скорее благом, чем злом: с одной стороны, она привносила стабильность, физически разделяла Восток и Запад, с другой — обещала в будущем несомненные пропагандистские дивиденты, и немалые. Надо только все обставить соответствующим образом. Так что еще неизвестно, кто в данном случае выиграл: Хрущев или он, Ульбрихт или Аденауэр. Открыто Кеннеди эти мысли тогда не высказывал, возмущался на публику, грозил принятием решительных мер.

Каждый день приносил новые сообщения. Первым делом американцы решили проверить отношение к представителям оккупационных войск. С утра 13 августа несколько джипов с офицерами и солдатами направились в Восточный Берлин. Их пропустили беспрепятственно. Только от самой границы каждому на хвост сели две «Волги», набитые сотрудниками государственной безопасности ГДР, и не отпускали их ни на шаг. Джипы покрутились по городу, дел у них никаких не было, и столь же беспрепятственно вернулись восвояси.

Однако война, война угроз и жестов развернулась

нешуточная. Вслед за нотой протеста, обвиняющей в нарушении Потсдамских соглашений, президент Кеннеди продемонстрировал свою решительность. В Западный Берлин срочно вылетел вице-президент Линдон Джонсон, он заявил, что «жизнь, будущее, священная честь» народа Соединенных Штатов возлагаются на алтарь защиты жителей города. Через границу ГДР из Западной Германии в Берлин двинулось подкрепление, около полутора тысяч пехотинцев в полном вооружении. О поступившем нашему командованию уведомлении о предстоящем прохождении американских войск немедленно доложили отцу. Якубовский ждал указаний. Малиновский предложил не пускать американцев.

Отец скомандовал однозначно: пропустить, создать все условия для беспрепятственного прохождения, держаться подчеркнуто вежливо.

Тем не менее он с напряжением следил за донесениями о следовании конвоя. Всякое может произойти, один случайный выстрел и… Его нервозность передавалась и мне. Гуляли мы в тот вечер молча. Как раз подходили к воротам, когда выскочивший из помещения охраны дежурный заспешил к отцу. Сердце упало: какую новость он несет? Обычно во время отдыха отца старались не беспокоить. Отец настороженно остановился. Дежурный доложил, что звонит Малиновский, просит взять трубку. Отец вошел в дом, я остался ожидать его на улице. Чего я только не передумал. Несколько минут отсутствия отца показалась часами. Наконец входная дверь отворилась, отец показался на пороге. Он улыбался. Тревога оказалась напрасной.

«Все спокойно, американцы движутся согласно согласованной процедуре», — откликнулся он на мой немой вопрос.

Все прошло без инцидентов, но отец спокойно вздохнул только после того, как колонна грузовиков и бронетранспортеров втянулась через один из тринадцати объявленных контрольно-пропускных пунктов на территорию Западного Берлина. Там вновь прибывших приветствовал Линдон Джонсон.

По подсчетам тех дней, в результате закрытия границы правительство ГДР экономило более трех с половиной миллиардов марок в год. Отцу докладывали, что резко разрядилась ситуация с продовольствием, с бюджета ГДР был снят пресс западноберлинских покупателей, исчезли возникавшие в последнее время очереди.

Казалось, лекарство найдено, больной начинает выздоравливать, но окончательный ответ могло дать только будущее.

Отец решил продемонстрировать миру свое спокойствие. В середине августа он уехал догуливать отпуск в Пицунду.

Жизнь на юге текла по знакомому руслу — купание в море и бумаги, короткие прогулки и новые бумаги, ну и, конечно, приемы зарубежных гостей. Они представлялись отцу особенно важными, через них он демонстрировал, что операция закончена, приглашал Кеннеди к возобновлению диалога.

25 августа отец принял американского журналиста Дрю Пирсона. Его просьбу об интервью он посчитал за отличную возможность объяснить миру причину недавних событий, донести до Запада свою точку зрения. Опубликованным 28 августа и разошедшимся по всему свету текстом интервью он остался доволен.

В Берлине не обошлось без накладок. Немцев, которые работали на предприятиях и стройках Западного Берлина, организованно трудоустроили на аналогичные места в Восточном секторе. Предусмотрели, казалось, все: квалификацию, оплату и даже время, затрачиваемое на дорогу. Однако совершенно упустили из виду различие в производительности труда. Вышколенные на западных предприятиях педантичные немецкие рабочие с первого дня на новом месте стали выполнять по две-три нормы. Они просто не представляли себе, что можно работать иначе. Никакие увещевания коллег, призывы перестать заниматься провокациями, начать работать как все, а то администрация увеличит нормы и снизит расценки, не действовали.

Восточноберлинцы прибегли к решительным мерам — вновь прибывших порой просто избивали. Об этих инцидентах отцу рассказал Ульбрихт. Отец только грустно улыбнулся в ответ. Такие сообщения не радовали. Вскоре все вошло в норму, новички усвоили социалистические порядки.

Тем временем приготовления к ядерным взрывам подошли к завершению. 31 августа громыхнуло заявление правительства о возобновлении в Советском Союзе испытаний. Отец относился к тем немногим из причастных к этому делу, кто принимал решение с тяжелым сердцем.

В заявлении в качестве одного из аргументов выдвигалась напряженность вокруг Берлина, необходимость в связи с этим укрепления наших оборонных возможностей.

На следующий же день взорвали термоядерную боеголовку, предназначенную для Р-16.

Судя по оперативности, у американцев тоже все было на мази. На работы, связанные с подготовкой их первого испытания, ушло менее двух недель: 12 сентября произошел подземный взрыв в Неваде. Гонка вооружений заложила еще один крутой

вираж.

1 сентября в Берлин прибыл только что вернувшийся с орбиты Герман Титов. Отец считал, что этот визит несколько разрядит обстановку.

В те дни вокруг Германии сплелись воедино показная непреклонность обеих сторон с глубочайшей осторожностью, взвешенностью реальных шагов. Отец считал, что опасности столкновения более не существует. При этом он продолжал публично угрожать заключением сепаратного мирного договора с ГДР. 10 сентября на митинге в Волжске он заявил, что подпишет договор еще в этом году. Однако, принимая за три дня до этого американского журналиста, парижского корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Сайруса Сульцбергера, он просил доверительно передать президенту: решение вопроса может происходить только мирным путем.

Отец с большим уважением относился к Сульцбергеру, считал его не просто журналистом, но и талантливым политиком с аналитическим складом ума. Всегда с большим вниманием вчитывался в его обзоры, регулярно поставляемые ему в сводках ТАСС. Не являлась для него секретом и близость Сульцбергера к Кеннеди. Вот отец и решил воспользоваться не совсем обычным способом связи.

Своим специальным представителем в Западном Берлине президент демонстративно назначил бывшего командующего американскими оккупационными войсками генерала Люциуса Клея. Он занимал этот пост во время учиненной Сталиным блокады Берлина в 1940-е годы. Этой акцией подчеркивалась готовность идти на самые жесткие меры вплоть до применения оружия. Отец тут же предложил послать в Германию маршала Ивана Степановича Конева, назначив его номинальным командующим советскими войсками в регионе. Конев вместе с Жуковым брал Берлин в 1945 году, совершил бросок на Прагу. Так что истолкование его назначения могло быть одним — отец готов ко всему.

Инструкции же вновь назначенному командующему были даны совсем иные. В беседе с Коневым отец советовал ему попытаться возобновить дружбу со своим американским коллегой (Конев и Клей когда-то поддерживали добрые отношения), не уклоняться от контактов и встреч.

Постепенно с обеих сторон наметилось потепление. Когда в начале сентября два американских истребителя Ф-84 нарушили воздушное пространство ГДР, их не сбили, хотя такая возможность имелась. Исполнялась команда Москвы не совершать действий, способных обострить напряженность.

Успокаивались и за океаном. В речи в ООН, произнесенной президентом Кеннеди 22 сентября, он, отмечая неизменную непреклонность США по вопросу о Германии, сказал: «Абсурдно предполагать, что мы развяжем войну только для того, чтобы предотвратить подписание Советским Союзом и Восточной Германией так называемого мирного договора…

Опасный кризис в Берлине возник из-за угрозы жизненным интересам западных держав и свободе Западного Берлина. Мы не можем игнорировать эту угрозу… но мы верим, что мирное решение возможно…»

Отец по достоинству оценил сделанный шаг. В качестве ответного жеста доброй воли «Правда» перепечатала из газеты «Нью-Йорк пост» статью Джеймса Уэслера о президенте США Кеннеди. Лейтмотивом статьи являлись два тезиса: у президента нет иллюзии в отношении ядерной войны, а поэтому он ищет пути для достижения почетного мира, хотя, как и всякий человек, не застрахован от ошибок.

Я позволю себе немного задержаться и расскажу, как возникла необычная манера двух руководителей великих держав переписываться через, казалось бы, случайных лиц.

В Вене в беседе один на один оба посетовали, что официальная переписка через внешнеполитические ведомства — Министерство иностранных дел у нас и аппарат Государственного секретаря у них — очень медлительна и тяжеловесна. К тому же Кеннеди не очень полагался на Государственный департамент: тамошние чиновники нередко тормозили его внешнеполитические инициативы, навязывали собственную точку зрения. Президент предложил установить частный неофициальный канал связи в обход всех формальностей. Со своей стороны в качестве курьера он выбрал Пьера Сэлинджера, пресс-секретаря Белого дома. Отец выдвинул Михаила Аверкиевича Харламова, заведующего отделом печати МИД СССР. Правда, один постоянно находился в Вашингтоне, а другой жил в Москве. Поэтому в качестве посредника выбрали доверенное лицо — полковника Георгия Большакова. Он постоянно находился в Соединенных Штатах и совмещал три функции: журналиста, отличного переводчика и резидента советской военной разведки (ГРУ). Его кандидатура устраивала и отца, и Кеннеди, — оба не сомневались, что при такой разносторонности Большаков сумеет справиться со своими непростыми и крайне ответственными новыми обязанностями.

В сентябре пришло время пустить новый канал в дело. Ожидалось уже упомянутое мною первое выступление президента США в ООН. Его содержание очень беспокоило отца. Куда

повернут США: к войне или к поиску выхода из тупика?

В Нью-Йорк Кеннеди отправился в сопровождении Сэлинджера. Как только тот поднялся в свой номер в гостинице в Манхэттене, раздался телефонный звонок. Звонил Большаков. Казалось, он был осведомлен о каждом шаге пресс-секретаря Белого дома. Он очень просил встретиться с Харламовым, который прибыл в ООН вместе с Громыко и привез важное секретное послание, предназначенное только для ушей президента. Сэлинджер догадался, что связь заработала, и назначил встречу на 7.30 вечера в своем номере. Он предупредил Большакова, что ему с Харламовым нельзя появляться в холле отеля, где рыщет целая свора журналистов. Один из агентов секретной службы будет ожидать гостей у служебного входа и проводит их по назначению.

Едва обменявшись рукопожатиями, гости приступили к изложению цели своего визита. Первым делом Харламов поинтересовался реакцией Кеннеди на доверительную информацию, переданную через Сульцбергера. Сэлинджер ответил, что ничего не знает об этом.

Прошло около двух недель после приема отцом Сульцбергера. Отсутствие реакции из-за океана на его слова заставляли предположить, что они не достигли адресата. Отец торопился, его предложения Кеннеди должен узнать до выступления в ООН.

Харламов начал, торопливо глотая слова, излагать заученный им текст. Речь шла о слишком важных делах, чтобы допускать импровизацию. Большаков едва успевал переводить. Сэлинджер предложил не торопиться. Время есть. Президент сейчас на спектакле в бродвейском театре, потом будет ужинать с друзьями, так что в запасе несколько часов.

В сообщении отец отмечал, что наращивание американских вооруженных сил в Германии и ответное усиление советских формирований представляют реальную угрозу миру. Он предлагал вернуться к рассмотрению американских предложений по Берлину на будущей встрече. Пока же, по его словам, следовало воздержаться от нагнетания обстановки, а особенно не связывать стороны ультимативными требованиями. От них недалеко и до столкновения, ведь никогда нельзя знать точно, до какой черты противник готов уступать.

Отец предлагал не откладывать встречу надолго, так как все время присутствует угроза вооруженного столкновения в самом Берлине. Харламов особо подчеркнул, что Хрущева очень беспокоит, чтобы выступление в ООН не было бы столь воинственно и ультимативно, как телевизионное обращение 25

августа. Дальнейшая эскалация конфронтации может привести к непрогнозируемым трагическим последствиям.

Президент позвал к себе пресс-секретаря около часа ночи. Он не получал никаких известий от Сульцбергера. Видимо, тот счел предложенный отцом способ общения двух руководителей чересчур экзотическим.

Президент заставил Сэлинджера по нескольку раз повторять основные положения послания. Затем он долго стоял у окна, раздумывая. Наконец принял решение. «Послание можно трактовать лишь в том смысле, — произнес Кеннеди, — что, раз Хрущев готов выслушать нашу точку зрения по Германии, он не собирается заключать мирного договора с Ульбрихтом, по крайней мере в этом году. И это неплохая новость».

Несмотря на поздний час (половина второго ночи), президент разбудил государственного секретаря Дина Раска и не менее получаса обсуждал новость по телефону. Затем он продиктовал Сэлинджеру ответ, который тот должен был зачитать Харламову на следующее утро.

Кеннеди очень внимательно отнесся к предложению отца устроить встречу по Берлину, но связал этот вопрос с событиями, происходящими в Лаосе и Вьетнаме. Он закончил тем, что США займут выжидательную позицию, будут пристально следить за развитием событий.

Дух послания можно было назвать даже сердечным. Президент отметил, что намерение отца пересмотреть свою позицию по Германии вселяет надежду. Он высказал предположение, что это приведет к общему ослаблению напряженности.

Пьер Сэлинджер отмечает, к своему удовольствию, что тем не менее после получения письма от отца Кеннеди не поправил ни слова в своей речи перед ООН.

Но это не столь важно. Выступление президента отвечало предложениям отца. Тем более обнадеживало то, что такое решение Кеннеди принял раньше, самостоятельно. Значит, их намерения не раздувать конфликт совпадали в главном.

Утром Харламов скрупулезно записал пункт за пунктом переводимое Большаковым со слов Сэлинджера послание президента США Хрущеву. Оно ушло в Москву немедленно.

Так началось неформальное общение, в которое, кроме Большакова и Харламова с одной стороны, и Сэлинджера — с другой, оказались втянутыми и другие совершенно неожиданные люди, в своем большинстве совмещающие две профессии — журналистику и разведку. Общение прервалось со смертью президента Кеннеди, с его преемником отец предпочел

обмениваться официальными посланиями.

Наступил октябрь. Семнадцатого числа открылся XXII съезд партии. Затихшая было полемика вокруг имени Сталина, его ошибок и преступлений неожиданно вспыхнула с новой силой. Вначале отец не намеревался опять поднимать этот вопрос. Коллеги по Президиуму убеждали его, что сказанного на XX съезде достаточно, виновные названы, ошибки исправлены, незачем ворошить прошлое. Однако отец не выдержал. Отступив от заранее написанного обязательного текста доклада, он занялся новыми разоблачениями. Речь зашла не только о самом Сталине, но и его окружении, входивших во время XX съезда в Президиум ЦК Молотове, Маленкове, Кагановиче, Ворошилове и Булганине.

Как только из уст докладчика прозвучали резкие слова, осуждавшие сталинизм, записавшиеся в прения бросилась переделывать свои речи. В заготовленных текстах не было ни слова о Сталине, не упоминались имена его подручных. Большинству ораторов все эти вынужденные разоблачения Сталина пришлись совсем не по душе, но они не смели нарушить негласную традицию «нерушимого единомыслия». Все старались перещеголять друг друга, потрафить отцу. На свет вытаскивались все новые преступления, обнажались кровь и грязь. Теперь этого уже нельзя было скрыть, вновь упрятать подальше. Произнесенные с высокой трибуны слова становились достоянием истории. Накалившаяся обстановка требовала действия. Съезд принял постановление об удалении забальзамированного тела Сталина из Мавзолея. Правда, далеко его не унесли, 1 ноября ночью похоронили тут же, у Кремлевской стены, среди наиболее почитаемых его жертв и сообщников.

Маршал Конев тоже присутствовал на съезде. Казалось, берлинская стена могла воспрепятствовать его прибытию в Москву, но к середине октября ничто не предвещало осложнений. Конев позвонил отцу и, спросив разрешения покинуть на время Берлин, отправился в столицу. Отец сказал, что вообще следует подумать о его возвращении к служебным обязанностям, не век же ему сидеть в Германии и караулить стену. На съезде Конев с неодобрением выслушивал хулу в адрес своего недавнего Верховного главнокомандующего. Он принадлежал к молчаливому большинству, не поддерживающему начавшиеся разоблачения преступлений прошлых лет.

Тем временем в Берлине становилось тревожно. Инициативу проявил генерал Клей.

На 28 октября американцы наметили акцию по уничтожению заграждений у пропускного пункта, перегораживающего

центральную берлинскую улицу Фридрихштрассе. Они называли его «чек пойнт Чарли». Для ее проведения выделялись немалые силы: несколько джипов с пехотинцами, разбавленными жаждущими зафиксировать факты журналистами. Приданные им бульдозеры должны были снести рогатки, шлагбаумы и выросшие по бокам от проезда ряды колючей проволоки. Прикрывали операцию десяток танков.

Генерал Клей не предполагал, что начнется стрельба. Немецкие пограничники не рискнут открыть огонь по солдатам армии-победительницы.

Советское командование заблаговременно узнало и о точном времени начала операции, и о задействованных в ней силах. Возможность подготовиться, продумать ответные действия позволила предотвратить весьма вероятное несчастье.

Генерал Якубовский обо всем доложил в Москву министру обороны. Малиновский позвонил вечером отцу домой.

На сей раз информация звучала крайне тревожно: никто не мог исключить, что американский командующий решится ввести в прорыв более крупные силы. О подобных намерениях не сообщалось, но и маршал, и отец, исходя из своего опыта, не доверяли на сто процентов донесениям агентуры.

Что это? Пришел час испытаний? Отцу необходимо было принять единственно правильное решение. Первым делом он усомнился, что подобные действия санкционировал президент. И почему они надумали действовать сейчас, спустя более чем два месяца после установления границы? Только что Кеннеди произнес в ООН весьма обнадеживающую речь.

Отец рассчитывал на продолжение контактов — и вдруг это сообщение о бульдозерах и танках… Ему показалось, что здесь, в обход президента, вмешались какие-то иные силы.

Теперь малейшая ошибка могла дорого обойтись обеим сторонам. Отец предположил, что на свой страх и риск, не имея за спиной поддержки Белого дома, Клей не пойдет на вооруженное столкновение.

Писать американскому президенту времени не оставалось, да и отец считал такое обращение унизительным проявлением слабости. Директива, определяющая порядок и последовательность действий наших войск в случае провокации, ушла в штаб Группы советских войск в Германии. Теперь оставалось ждать. Теплилась надежда, что вообще сообщение ложное, подброшенное агенту с целью выяснить нашу реакцию. Такое нередко случается.

Нет, донесение оказалось точным. Все началось в соответствии с разработанным в штабе генерала Клея планом.

Рано утром к контрольно-пропускному пункту направилась необычная процессия. Впереди следовали три джипа с военными и штатскими, за ними грохотали мощные танки-бульдозеры. Замыкали шествие десять боевых танков с закрытыми люками и расчехленными орудиями.

Не будь все известно заранее, могла возникнуть паника, не исключено, что на ней и строился весь расчет. Он не оправдался. С советской стороны в действие вступил план, составленный в штабе генерала Якубовского в соответствии с директивами, полученными из Москвы. Предусматривалось скрытное размещение в переулках, примыкающих к пропускному пункту, батальона пехоты и танкового полка. Им удалось занять исходные позиции незаметно от американцев.

Джипы беспрепятственно проскочили контрольный пункт. Как только последний автомобиль миновал шлагбаум, прилегающие переулки огласились ревом танковых моторов. И без того грозный рык, отражаясь от стен домов, многократно усиливался. Создавалось впечатление, что тут не танковый полк, а сползлась по меньшей мере целая армия.[74]

Пропустив американские джипы, советские танки не спеша стали выползать из переулков и разворачиваться навстречу бульдозерам. Сидящие в джипах пассажиры отмечали в каждом переулке шевелящиеся громады танков и копошащуюся за ними пехоту. За джипами вплотную следовала машина немецкой полиции. Наблюдатели заметили, как сидящий на переднем сидении офицер что-то выкрикивает в микрофон — видно, информирует свое командование о неожиданном сюрпризе.

Бульдозеры остановились на своей территории, не достигнув разграничительной линии. Советские танки тут же, как предусматривал сценарий, остановились на своей половине улицы. Стволы их орудий, казалось, упирались в башни бульдозеров.

Джипы заметались в тылу у советских танков, затем, развернувшись, так же беспрепятственно, без предъявления документов вернулись домой. Танки, советские и американские, остались на своих местах, только замолкли двигатели, отчего на улице показалось оглушительно тихо.

На этом оба сценария исчерпали себя. В свои права вступала импровизация.

Мы не знаем, связывался ли Клей с Вашингтоном. Наверное, связывался. Якубовский же регулярно докладывал обстановку в Москву Коневу, а тот немедленно пересказывал полученную информацию отцу. Ее нельзя назвать разнообразной.

Первое сообщение: «Стоят» — вызвало радость.

Вторично, через час: «Стоят» — удовлетворение.

Через два часа последовало снова: «Стоят» — и удовлетворение сменилось недоумением.

Короткий октябрьский день угас, на улицах ощутимо похолодало, конец октября не располагает к ночевке в неотапливаемых железных коробках. Первыми не выдержали американцы: открылись плотно задраенные люки, и танкисты посыпались на мостовую. Разминаясь, хлопая себя по ляжкам, бегая друг за другом, они выгоняли из себя пробравшую до костей зябкость.

Наши не заставили себя долго ждать. Вскоре на улице образовались две группки совсем не враждебных друг другу почти мальчишек, разделенных еле различимой пикой шлагбаума. Так продолжалось почти двое суток. Ситуация становилась все более дурацкой.

Кеннеди лихорадочно искал выход из западни, в которую он угодил по милости Люциуса Клея. Танки необходимо было убрать, но при этом хотелось еще и сохранить лицо. Президент решил обратиться за помощью к отцу, использовав для связи недавно опробованный канал, проложенный в обход Госдепартамента. В устном послании, переданном по цепочке братом президента Робертом Большакову, Кеннеди выразил обеспокоенность, как бы ситуация не вышла из-под контроля (имелось в виду его контроля, он, видимо, всерьез опасался самоуправства Клея), и попросил Хрущева помочь ему разрядить напряженную атмосферу, сделать первый шаг. После раскрытия архивов эта суперсекретная информация стала доступна историкам.[75]

Отец отреагировал благосклонно, им с американским президентом предстояло улаживать в будущем еще не одну проблему. Отец предложил такое решение. Два генерала в Берлине как бы играют в гляделки, кто первым моргнет. Так они могут просидеть очень долго, демонстрируя свою непреклонность. Надо сделать первый шаг, моргнуть, и напряжение благополучно разрядится.

Дали команду советским танкам и сопровождающей их пехоте убраться обратно в переулки и там, выключив моторы, затаиться.

Вскоре, после того как наступила тишина, замыкающий процессию американский танк развернулся и пополз в тыл. За ним вся колонна, замыкаемая бульдозерами.

Противостоянием у Бранденбургских ворот закончился второй Берлинский кризис.

Вот что пишет отец в своих воспоминаниях:

«Через каналы мы получили мнение Запада: давайте считать, что этот спор закончен, пусть остается так, как есть. Затем это стало повторяться в печати.

Таким образом, мы получили признание де-факто установления границ и передачи функций их охраны Германской Демократической Республике. Это не являлось более поводом для обострения наших отношений».

В соответствии с планами испытания ядерного оружия на Новой Земле в эти октябрьские дни собирались произвести фантастический по своей мощности ядерный взрыв, испытать 50-мегатонный заряд. Было подготовлено три таких монстра: в 30 мегатонн, 50 и 100. Выбрали средний. Эхо взрыва должно было докатиться до Северной Европы грозным, но относительно безопасным рыком. Подобных зарядов мир еще не знал, наш оказался первым и единственным. Средмашевцы чрезвычайно гордились своими достижениями, и отцу очень хотелось продемонстрировать нашу мощь.

Славский докладывал, что подготовка на Новой Земле идет полным ходом. По всем расчетам, последствия взрыва не скажутся на нашем побережье, не затронут наших северных соседей, хотя и не останутся неощутимыми. Отец согласился: пусть почувствуют и своим союзникам по НАТО расскажут.

Подтвердили срок — октябрь, 30-го.

Наконец испытание состоялось. Вернувшись с вечернего заседания съезда (эти два события совпали неслучайно), отец с гордостью рассказал о том, что результаты даже превысили ожидаемый эффект. Вместо расчетных пятидесяти, получилось пятьдесят семь мегатонн. Отец был в восторге. Вот только носителя под такой тяжелый заряд не существовало.

На фоне Новоземельского взрыва подземное ядерное испытание, проведенное 11 октября на Семипалатинском полигоне, прошло почти незамеченным, но с него началась новая эра. Вскоре и у нас все взрывы уйдут под землю.

Сразу после возведения заграждений на границе в Западном Берлине возникла паника. Многим казалось, что дни самостоятельного существования города сочтены. Местные деловые люди начали сворачивать свою активность, продавать предприятия.

Отец с удовлетворением воспринимал происходящее. Считал, что это только приблизит неизбежное обращение западноберлинского магистрата за помощью к правительству ГДР. Его надежды не оправдались. Постепенно положение стабилизировалось, началось, пусть медленное, перемещение капиталов в обратном направлении.

Американцы отозвали Клея. Уехал в Москву Конев.

В 1963 году «чек пойнт Чарли» вновь замелькал на страницах

газет.

17 января приехавший в Берлин на 6-й съезд Социалистической Единой партии отец не преминул посетить «чек пойнт Чарли». Будучи человеком любознательным, он хотел своими глазами увидеть место «танкового» противостояния, заглянуть в переулки, где советские танкисты поджидали в засаде американцев. Окружавшей его толпе он объяснял, что силой захватить Западный Берлин никто не собирался и не собирается. Американцы волнуются напрасно.

Летом туда же, на «чек пойнт Чарли», как бы с «ответным визитом», приехал президент Кеннеди. Он не мог допустить, чтобы последнее слово осталось за отцом. 26 июня власти Западного Берлина организовали на границе секторов грандиозный митинг. Именно там Кеннеди произнес свои ставшие знаменитыми слова: «Я — берлинец» («Ich bin Berliner»), — и, проигнорировав миролюбивый жест отца, пообещал, что США не остановятся ни перед чем, даже перед атомной войной, чтобы защитить мир от советской угрозы.

В июне 2003 года и я побывал на «чек пойнт Чарли». Там теперь немцы организовали музей. На выставленных на стендах фотографиях мирно соседствуют Президент Кеннеди и Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев. Оба они теперь стали историей.

По расчетам отца, после установления суверенитета народного правительства над территорией экономика ГДР должна была рвануть вверх, резко подняться жизненный уровень. С горечью он отмечал, что поставленной цели достичь не удалось.

Он с возмущением рассказывал, как Ульбрихт предложил поднять цену на рыболовные суда, строящиеся для Советского Союза. Отец сравнил, сколько мы платим ГДР и сколько ФРГ за идентичные товары. Оказалось, в ФРГ и ГДР цены установлены одинаковые, но в ФРГ обеспечивают рентабельное производство, а ГДР работает себе в убыток. Отец сетовал на то, что в таких условиях, с таким хозяйствованием далеко вперед не продвинешься.

На фоне громкого скандала вокруг Берлина почти незамеченными остались скромные газетные сообщения о пусках 13 и 17 сентября 1961 года советских ракет-носителей в акваторию Тихого океана. Заканчивались испытания межконтинентальной баллистической ракеты Р-16. Начатое полгода тому назад строительство наземных стартовых позиций не останавливалось ни на минуту. Правда, служба им предстояла

недолгая, пока не подоспеют шахты. Испытаниям королёвской Р-9 пока не виделось конца.

В начале февраля 1962 года отец отправился отдохнуть в Пицунду. Там было чуть теплее, чем в Крыму, а главное, к построенным в последние годы правительственным дачам добавился бассейн с морской водой, невиданная по тем временам роскошь. Отец рассчитывал не только восстановить силы, но заодно провести ревизию ракетных дел. За последние годы приняли не одно постановление правительства. Часть из них устарела, часть не выполнялась. Некоторые дублировали друг друга, приводя к нерациональной трате огромных средств. Отец задумал провести расширенное заседание Совета обороны, послушать военных, министров, конструкторов, не спеша разобраться, посоветоваться и принять ракетную программу на ближайшие годы.

Под обсуждение запланировали несколько дней. В Москве отец никак не мог выкроить время: отвлекали повседневные дела, приемы, встречи — все без исключения «чрезвычайной» важности. Вот он и решил собрать всех во время отпуска.

Заседание отец решил провести в спортивном зале; на шведские стенки, считал он, удобно развесить плакаты, а рассядутся все за легкие дачные столики.

Генеральных и главных конструкторов сопровождали по два представителя от каждой «фирмы». Челомей решил взять с собой меня. Из дома мы каждый вечер связывались по телефону с отцом, и я при первой возможности сообщил ему, что собираюсь в гости. Отец не возражал, даже обрадовался, видно, один он там заскучал. Отец пошутил, что напишет заявление Челомею с просьбой разрешить мне задержаться потом еще на пару дней.

Прилетели мы накануне назначенного дня.

Следующее утро началось по-деловому. Первым в тщательно охраняемом физкультурном зале появился секретарь Совета обороны генерал-лейтенант Семен Павлович Иванов. Он придирчиво огляделся. Неодобрительно покачивая головой, потрогал хлипкие столы и плетеные стулья. Затем занялся проблемой записи выступлений на магнитофон. Генерал привез с собой миниатюрный магнитофончик, обеспечивающий многочасовую запись на специальную проволоку — последнее достижение разведчиков из Генерального штаба. Ему помогал приехавший с ним полковник, подавал голос то с одного, то с другого места. Задача оказалась непосильной, здесь слишком громко, там еле слышное бормотание совершенно терялось в помехах. Наконец генерал сдался и приказал полковнику неотлучно находиться подле него, записывать выступления в

специальную секретную тетрадь, прошитую суровыми нитками.

Тем временем стали собираться участники заседания. Одна за другой подкатывали к даче черные «Чайки» и «Волги». Их собрали для высоких гостей со всего побережья.

Тут и плотный Малиновский, приехавший в одной машине с возвышающимся каланчой главнокомандующим войсками Варшавского договора Гречко, и сурово-собранный главком противовоздушной обороны Бирюзов рядом с расплывшимся в улыбке начальником Генерального штаба Захаровым, еще два главкома: переливающийся как ртуть, сухонький Москаленко и черным шариком упакованный в форменный флотский мундир Горшков. Они оба докладчики: Горшков — сегодня, Москаленко — завтра.

За ними следуют маршалы, сопровождаемые толпящимися поодаль генералами. В глаза ударяют бриллиантовые лучики от звезд, висящих под горлом, зал золотится погонами, расшитыми звездами и звездочками различных фасонов, пестрит многоэтажными орденскими колодками.

Заходят запечатанные в строгие темные костюмы министры и конструкторы, сопровождающие лица, нагруженные объемистыми «трубами» плакатов.

Все ждут отца. Он появляется около десяти, за несколько минут до назначенного срока. За ним проходят в дверь Козлов, Косыгин, Микоян, Устинов и еще кто-то. Всех не упомнишь. Отец в отличие от москвичей одет не по протоколу, в костюмные серые брюки и спортивную зеленую курточку, тем самым как бы подчеркивая, что он здесь на отдыхе.

Рассаживаемся. Двери плотно прикрываются. К большой карте с нанесенной на нее стратегической схемой действий военно-морского флота в случае ядерного конфликта подходит адмирал флота Горшков.

За последние годы подводные лодки превратились в главную ударную силу флота. Они группируются у побережья США как на востоке, так и на западе. Их предназначение — нанести удар баллистическими ракетами по городам противника.

У выходов из американских портов лодки, вооруженные крылатыми ракетами, поджидают авианосцы. Они караулят не только у побережья, но и в открытом океане, способные поразить врага на расстоянии в сотни километров.

Основная задача наших моряков — не допустить американцев к своим берегам. Если же им все-таки удастся прорваться, то береговая оборона способна потопить любой корабль на огромных расстояниях, тут и самолеты, вооруженные ракетами, и ракетные катера, и, наконец, крылатые ракеты, рассыпанные вдоль

побережья.

Отец доволен. Время не потеряно даром. Флот стал качественно другим, легче, подвижнее, а главное, сильнее и дешевле. На последнее отец напирает с особой настойчивостью.

Он снова вспоминает о своем споре с Кузнецовым. Следует долгий рассказ, описывающий все перипетии его борьбы с крейсерами и авианосцами. Горшков только успевает поддакивать.

Наконец отец замолк. Следующее слово — Макееву. Он рассказал, как с подводных лодок поражаются баллистическими ракетами наземные цели.

В те годы нашему подводному флоту, вооруженному баллистическими ракетами, не отводилась в стратегических планах столь значительная роль, как в американской доктрине подводным лодкам с «Поларисами» на борту. По одежке протягивают ножки. У нас не существовало ракет, сравнимых с «Поларисами». Дальность полета была почти вполовину меньше. В отличие от американских, в наших лодках размещалось не шестнадцать, а только две или три ракеты. Вышедшие из Р-11 морские ракеты все еще продолжали заправляться кислотой. А что такое кислота в замкнутом герметичном объеме дежурящей в глубине океана подводной лодки, я не берусь описать.

После Макеева докладывал Челомей. Он рассказал о разрабатываемых им крылатых ракетах. Его конструкторское бюро вырвалось вперед. Подобное оружие в военно-морском флоте США и других стран появится еще не скоро.

Только крылатых ракет, запускаемых с подводных лодок, выстроилась целая шеренга. Одни, стартуя в просторах океана, незаметно, на предельно малой высоте, едва не задевая верхушки волн, подбирались к портам и военно-морским базам, чтобы там в, казалось бы, неприступной крепости поразить противника. Другие предполагалось использовать в открытом море против авианосных соединений. Информацию об их местонахождении подводники получат с нового разрабатываемого в коллективе Челомея спутника УС, оснащенного сверхмощным радаром. Правда, точность целеуказания пока оставляет желать лучшего, но это поправимо. Имея лишь приблизительное представление о противнике, его местонахождении и составе, ракеты, собранные в залп, сами выбирали цель пожирнее и наваливались на нее всей стаей.

Те, что стартовали с поверхности океана, обладали большей дальностью, их носители — всплывшие подводные лодки — держались в безопасном удалении. Другие, имевшие несколько меньшую дальность, выпрыгивали из-под воды, оставляя

подводную лодку на спасительной глубине.

Затем пошла речь и о крылатых ракетах, предназначенных для вооружения надводных кораблей, крейсеров и эскадренных миноносцев. Их главный калибр, как по мановению волшебной палочки, удлинял дальность эффективного поражения в десятки раз. О точности я уже не говорю, — цель поражалась с первого раза, на худой конец — со второго.

Не осталась без внимания и береговая оборона. Пересаженные на грузовики крылатые ракеты способны были здесь, в Черном море, топить чужие корабли у самой Турции. Челомей неопределенно махнул рукой в сторону ближайшего окна, видимо, там, по его мнению, располагались недружественные берега.

— Но это вторично, — закончил Владимир Николаевич. — Главным остаются подводные лодки. Когда наши планы реализуются, советский флот сможет противостоять в открытом океане флоту США и без дорогостоящих авианосцев.

Отец не остается равнодушным. Он снова вспоминает Кузнецова: если бы тогда его послушались, то потратили бы впустую прорву денег. А теперь удалось решить, казалось бы, неразрешимую задачу: построить флот, способный соперничать с американским, и сэкономить многие миллиарды. В ответ зал одобрительно гудит. Горшков сияет.

Воспользовавшись паузой, Челомей попросил у отца разрешения доложить и о предложениях конструкторского бюро в области космических систем и ракет-носителей. Рассмотрение этого вопроса планировалось на следующий день, но он совсем разболелся, просквозило в самолете, завтра может оказаться в постели.

Отец обратился к присутствующим:

— Пойдем навстречу?

Над столом прошелестело снисходительно-одобрительное бормотание. После недолгой заминки с заменой плакатов Владимир Николаевич приступил к завтрашнему докладу. Он немного проигрывал, так как присутствующие не прослушали предваряющего выступления главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения, но имелись и преимущества — он выступал первым, его предложения воспринимались свежее, рельефнее.

Челомей рассказал о ходе работ над космическими системами, «двухсоткой». Я уже упоминал об этих проектах и не буду повторяться. Дела шли вполне прилично, через год-полтора намечались первые пуски.

Затем Владимир Николаевич представил свою новую идею —

баллистическую боевую головку, способную попасть в точку. Он считал, что если обеспечить точное целеуказание, то для уничтожения надводных кораблей противника вместо дорогостоящих стай подводных лодок, каждую минуту рискующих быть потопленными, можно использовать модификацию УР-200. Он и название придумал: управляемая баллистическая головка, сокращенно УБ. В космосе за счет управляющих реактивных импульсов, а когда воздух станет поплотнее — аэродинамического качества, — переваливаясь с боку на бок, она должна была с высокой точностью выйти на цель. УБ явилась как бы логическим завершением линии крьшатых ракет береговой обороны, поражающих противника в океане со все большего расстояния. Теперь уже цели не удастся укрыться не только на противоположном краю Черного моря, но и в далях Тихого океана. Это было первое на моей памяти упоминание о возможности создания боеголовки индивидуального наведения и в более сложном, чем принято сейчас, исполнении.

Предложение военные восприняли настороженно. Первым задал вопрос адмирал Горшков. Его интересовало, к какому роду войск отойдут подобные противокорабельные системы со стартовыми позициями, расположенными в глубине сухопутной территории — военно-морскому флоту или ракетным войскам? Отец ответил за Челомея, сказав, что, по его мнению, это флотская задача.

— Но сегодня заказчиком УР-200 являются ракетные войска, нам трудно влиять на ход разработки, — гнул свое Горшков.

Договорились вернуться к вопросу о разделении сфер влияния позднее, когда реальнее вырисуются технические возможности нового оружия. Пока же предложение одобрили и поручили начать предварительную проработку. Соответствующее постановление правительства не заставило себя ждать, оно вышло через месяц, в марте.

Адмирал Горшков не зря задавал свой вопрос. Не получив ответа на Совете обороны, он не посчитал новый проект до конца своим. Разработка оказалась без хозяина. Ракетные войска пока не жаловали Челомея. А тут такая экзотика. У них было достаточно своих «серьезных» задач стратегического назначения. Пусть авианосцами занимается военно-морской флот. Челомей метался между главнокомандующими, председателями государственных комитетов, министрами, ходил к Козлову. Его вежливо выслушивали, Козлов обещал разобраться и помочь, но ракета так никому и не пришлась ко двору. Держалась она только на поддержке отца. После 1964 года не стало последней опоры, а

технические трудности становились все серьезнее. При первой возможности проект прикрыли.

После того как придет информация о работах в США над головными частями баллистических ракет индивидуального наведения, УБ возродится, но уже в новом качестве, для стрельбы по наземным целям. С заказчиком проблем не возникло, реализация этой задачи возлагалась на ракетные войска стратегического назначения. Технически все тоже упрощалось, отпадал самый сложный этап наведения на корабль в атмосфере, все маневры завершались сразу после отделения от носителя.

Покончив с рассказом об УБ, Челомей перешел к предложениям по созданию тяжелого носителя.

В качестве ближайшей задачи Владимир Николаевич выбрал спутники-станции. Он предлагал вывести на орбиту тяжелую автоматическую станцию, способную вести наблюдение как за земными, так и за космическими объектами. По мере освоения собирались постепенно заселять ее людьми, усложнять решаемые задачи. Назвали станцию «Алмазом».

Ее проект обретал жизнь только в случае доставки в космос куда более весомых грузов, чем могла вывести на орбиту Р-7. На представленном Совету обороны плакате предлагался проект космического носителя, способного выносить на орбиту полезный груз массой двенадцать тонн. О том, что в ракету закладывается потенциальная возможность почти удвоить нагрузку, Челомей пока умалчивал.

Ракета называлась УР-500. Стартовый вес носителя впечатлял — почти семьсот тонн. На отдельных плакатах представлялись военные аспекты ее применения. УР-500 предлагалось использовать как баллистическую с недавно испытанным зарядом в тридцать мегатонн.

О предложениях Челомея Устинов впервые услышал на Совете. Владимир Николаевич держал их в тайне даже от Дементьева. Дмитрий Федорович сидел мрачнее тучи. Более того, он выступил против. Не то чтобы вообще против, он считал, что неразумно распыщять средства, следует создать мощный кулак и долбить им в одну точку. Под «кулаком», естественно, понимался Королев. Зная прижимистость отца, он рассчитывал на его поддержку. И, наверное, получил бы ее, если бы не история с Р-7 и Р-16. Отец не согласился с Устиновым. По его мнению, здоровая конкуренция шла на пользу дела.

— Где бы мы оказались, если бы послушали Королева и не сделали в боевых ракетах ставку на Янгеля? Королев нас упорно тянул в свою сторону. Он — конструктор, у него свои убеждения, мы же должны мыслить шире. К тому же задачи, поставленные

перед Королевым, и то, что предлагается сегодня, не одно и то же, — примерно так говорил отец.

Его поддержал Малиновский. Присутствующие выразили свое отношение одобрительным гулом. Устинов уступил, но не сдался.

После недолгого обсуждения, приняли решение: «пятисотку» делать, товарищам Устинову и Дементьеву оформить необходимые документы. С апреля эта работа приобрела официальный статус. Отношения Челомея и Устинова еще более обострились.

Следующим утром собрались в том же зале. Первым выступал Москаленко. Он сообщил о постановке ускоренными темпами стратегических ракет на боевые позиции. Пока все они оборудуются в наземном варианте. В докладе особо подчеркивалось, что с этого года начинают поступать в войска межконтинентальные ракеты Р-16.

Доклад был долгим и обстоятельным. Я его, естественно, весь не запомнил. Хочу остановиться только на двух моментах.

Москаленко сказал, что сегодняшняя Р-16 не во всем удовлетворяет требованиям современной войны. В первую очередь, из-за времени приведения ее в боевую готовность. Операция за операцией — в результате на подготовку уходило около четверти суток. О каком ответном ударе в случае ракетного нападения можно говорить!

Для сравнения маршал привел данные по устанавливаемой в США межконтинентальной ракете «Минитмен», визави Р-16. Там для осуществления запуска требовалось всего несколько минут.

— Пока мы будем ее вывозить да устанавливать, ни от кого и мокрого места не останется, — патетически воскликнул Москаленко.

Другим серьезным недостатком Р-16 была ее нестойкость к заполняющим баки агрессивным компонентам. Если команда на старт задерживалась, то ракета могла простоять в готовности лишь несколько суток. Затем следовало слить топливо и окислитель и отправить изделие обратно на завод на переборку.

— Твердотопливные «Минитмены», по заявлению американских экспертов, — гнул свое Москаленко, — могут находиться в постоянной готовности годами.

Получалось, что Р-16 — ракета не ответного, а первого удара. Ее можно успешно применять, если заранее знаешь, куда и когда собираешься запустить. Обещание, данное отцу, Янгель выполнить не смог. Ракета получилась несравненно дешевле «семерки», но полностью с кислотой совладать не удалось.

Москаленко заметил, что все претензии они внимательно обсудили с главным конструктором и у того есть предложения по

их устранению. Об этом Янгель расскажет в своем докладе.

Дальше главнокомандующий остановился на ситуации, складывающейся вокруг альтернативы Р-16 — королёвской Р-9. Чтобы выдержать конкуренцию, Королев предпринял героические усилия. За счет снижения температуры кислорода и использования глубокого вакуума в системе теплоизоляции его подземных хранилищ, из которых по тревоге должна заправляться ракета, потери от испарения уменьшились в пятьсот раз. Уменьшились, но не прекратились. Если старт почему-то задерживался, то заправленную ракету требовалось постоянно подпитывать кислородом. В закупоренных шахтах перенасыщенная кислородом атмосфера становилась серьезным источником неприятностей.

В следующем, 1963 году 24 октября, зловеще день в день совпав с аварией 1960 года янгелевской Р-16, произошел пожар в экспериментальной шахте Р-9. Причиной послужила небрежность в обращении с электричеством в насыщенной кислородом атмосфере. Солдат выворачивал лампочку, проскочила искра. В обычных условиях ничего страшного, а тут удар, вспыхнуло все, даже то, что, казалось, не должно гореть. С трудом удалось локализовать пламя, задраив бронированные люки. Шесть человек, находившихся в воспламенившемся отсеке, погибли. Неприятности этим не ограничивались. Почти при каждом пуске в ракете обнаруживались неполадки.

Выводов Москаленко не сделал. Положив указку, он вернулся на свое место.

После небольшого перерыва выступали конструкторы. Первым слово получил Королев. Начал он с рассказа о боевых ракетах. В отличие от артистичной велеречивости Челомея и скрупулезной обстоятельности Янгеля, Королев говорил сжато, рублеными фразами. Его тон не допускал и сомнения в правоте высказываемых им мыслей. Королев не сомневался — будущее за кислородом. Неудачи с «девяткой» он считал временными. Она еще свое слово скажет.

Покончив с обязаловкой, Королев перешел к тому, что его интересовало по-настоящему. Он подошел к плакатам, на которых в разных проекциях изображалась его мечта — космический носитель Н-1. Королев вкратце остановился на итогах выполнения постановления 1961 года. Вес ракеты составлял 2,5 тысячи тонн, на орбиту забрасывалось примерно 75 тонн. По мнению Королева, этого достаточно, чтобы высадить человека на Луну и возвратиться назад. Однако окончательные цифры должны были определиться по завершении эскизного проекта.

Мне вспомнилась встреча Королева с отцом в Крыму. Там он предварительно уже «обкатал» свои идеи.

Рассматривалось два варианта оснащения ракеты двигателями: приближенный к возможностям сегодняшнего дня и перспективный. В стране не имелось опыта создания мощных ракетных двигателей тягой в сотни тонн. Поэтому предполагалось на первом этапе расположить на первой ступени двадцать четыре стопятидесятитонника. Обширное днище ракеты буквально ощетинилось соплами.

В будущем их предполагалось заменить на шестисоттонники, такие же, какие американцы предусматривали для своего лунного носителя «Сатурна». Все это на первой ступени должно было работать на кислороде и керосине. Для последующих ступеней предлагались «экзотические» двигатели на кислороде и водороде.

Рассказывая о кооперации, Королев отметил, что, в отличие от предыдущих разработок, двигатели для Н-1 он хочет поручить делать не ракетчику Глушко, а авиационнику Николаю Дмитриевичу Кузнецову. Договоренность уже достигнута. Отец встрепенулся — конструкторское бюро Кузнецова не имело опыта в разработке подобных конструкций. Он попросил пояснить. Королев ответил, что Глушко отказывается делать нужные двигатели, к тому же он перегружен янгелевскими заказами. Сейчас к нему подсоединяется еще и Челомей.

Вытащили к столу примостившегося в задних рядах Глушко. Он объяснил свой отказ по-иному: создание мощных двигателей на не требующем низкой температуры окислителе — азотном тетраксиде — более перспективно. При соединении его с топливом происходит самопроизвольное возгорание, конструкция двигателя упрощается, повышается надежность. С тем, что компоненты более ядовиты, ничего не поделаешь. Приходится мириться.

— Если рванет такая махина, то ничего не останется ни в том, ни в другом варианте, — мрачно пошутил Глушко.

Королев начал яростно возражать. Возникла перепалка. Два увенчанных лаврами конструктора набросились друг на друга, как петухи.

Молчавший все это время отец наконец прекратил скандал, поручил Устинову тщательно разобраться и подготовить предложения. Он не возражал против участия в работе Кузнецова, просто считал, что на таком собрании до истины не докопаться.

Нашлось для Н-1 и военное применение. Она единственная могла доставить к цели стомегатонный ядерный заряд. Королев коснулся этого аспекта вскользь. Серьезного обсуждения не возникло. Уж слишком невероятной оказывалась разрушительная

сила этого творения рук человеческих. Даже военные не могли подыскать для него подходящей цели.

О том, в какие миллиарды обойдется вся эта затея, разработчики имели весьма смутное представление. Поручение подсчитать необходимые затраты получили Устинов с Королевым.

Совет обороны одобрил начало проработки новой Н-1, пока ограничившись эскизным проектированием. На его этапе предстояло принять технические решения, завязать корабль и носитель, выработать задания соисполнителям — от разработчиков микроэлектроники до строителей стартовой позиции, увязать производственную кооперацию, обеспечивающую слаженную работу многих сотен коллективов, десятков тысяч человек. Все это в виде требующих неукоснительного выполнения заданий включалось приложениями в постановление правительства.

В случае с Н-1 выпустили не одно постановление, а целую серию, в 1962 году, в 1963, в начале 1964 года. Очень уж сложной оказалась задача, то требовалось привлечь к работе дополнительных соисполнителей, то в связи с «непредвиденными» задержками перенести на более поздний срок начало испытаний. Только 3 августа 1964 года отец подпишет пухлый документ, в котором, казалось бы, до последнего гвоздя распишут, что, кому и когда следует сделать для успешной высадки человека на Луну. Челомею тоже удастся втиснуться в это постановление, но дальше «дверей» его не пустят. С помощью УР-500 он должен будет запустить космонавта в облет вокруг Луны. Но это все в будущем.

Королев торжествовал. Лунный проект в принципе одобрен! Не за горами очередной триумф! О том, что первым может стать американец, в тот день в Пицунде никто не помышлял.

Один Челомей был настроен скептически. На втором заседании он не присутствовал, болел. Вечером я заехал к нему с отчетом. Владимир Николаевич чувствовал себя лучше. Он полулежал на диване и с удовольствием штудировал технический журнал на немецком языке. Страницы были сплошь испещрены математическими формулами. Я рассказал ему о докладе Королева. Владимир Николаевич задумался.

— Думаю, что Н-1 не полетит, — только и произнес он.

Я поразился, Королев докладывал так убедительно. Не может же он ошибаться в главном. Челомей не стал вдаваться в подробности, сказал только, что синхронизировать работу двадцати четырех двигателей — задача неподъемная, а там еще

интерференция истекающих из сопел на сверхзвуковой скорости газов…

— Сам черт ногу сломит, — подвел итог Челомей.

Я промолчал, слишком разнились наши весовые категории. Но не мог и согласиться с ним: Королев же тоже не мальчик, знает, что делает.

Я несколько забежал вперед…

После Королева на заседании выступил Янгель.

За короткий перерыв сменили плакаты. На стене растянулся целый частокол ракет: одноступенчатые, двухступенчатые, завершала ряд трехступенчатая громадина Р-56. Внизу плаката среди характеристик выделялся стартовый вес — 1 400 тонн. Михаил Кузьмич тоже не желал отставать от соперников.

Чуть сутуловатый Янгель начал доклад обстоятельно, с выявленных в процессе боевой эксплуатации недостатков, необходимости проведения изменений и доработок серийных ракет, облегчающих в частях обращение со сложной техникой. Казалось, выступает не главный конструктор, для которого принятые на вооружение ракеты остались во вчерашнем дне, а рачительный командир дивизии. За такую заботу Михаилу Кузьмичу в войсках платили неизменной любовью и уважением.

Пройдясь по ракетам средней дальности, Янгель подробно остановился на Р-16. По его словам, ракета полностью готова к боевой эксплуатация и в течение этого года удастся развернуть десять-пятнадцать сдвоенных стартов. Строительные работы подходят к концу, все теперь в руках монтажников. Саму же ракету завод освоит в серийном изготовлении без задержек. Необходимые предварительные мероприятия проведены.

Отец не удержался, перебил его.

— А как обстоят дела с приведением в боевую готовность?

Янгель просил чуть-чуть повременить, именно к изложению этой стороны вопроса он и переходит.

— Все ракеты, поставляемые ныне в армию, — он подчеркнул, что говорит только о своих разработках Р-12, Р-14 и Р-16, — делались в соответствии с военной доктриной и, главное, техническими возможностями 1950-х годов. То, что было хорошо в 1957 и даже в 1959 году, ни в какие ворота не лезет сейчас. Р-16 — последняя из ракет того поколения.

Какой была концепция использования ракетного оружия в те годы? Ракеты предполагалось хранить в специальных ангарах. Только решившись на запуск, их устанавливали на старте и по мере готовности запускали.

Теперь же американцы на своих «Минитменах» объявили постоянную готовность к пуску. На подготовку отводятся

считанные минуты. Ракеты изо дня в день стоят на стартовых столах в течение всего срока службы. Никаких ангаров, никаких установщиков, трейлеров, волокущих их по тревоге. Технология боевого старта изменилась полностью и идеологически, и технически.

К тому же повсеместным и жестким требованием стала установка ракет в шахтах для защиты их от возможного нападения, ракетного или воздушного.

Отец оживился и подал реплику, подтверждающую высказанную точку зрения. Он не упускал случая вспомнить, что у нас инициатором этого дела, опередив маститых конструкторов, стал он.

Добиться нужного эффекта частными изменениями не удается: ракеты первого поколения нельзя долго держать заправленными. На их подготовку к старту уходит значительное время, хотя бы потому, что все операции делаются вручную.

Здесь Янгель сделал паузу и, еще больше ссутулившись, обратился, казалось, к одному отцу.

— Мы не смогли выполнить взятого на себя обязательства, Никита Сергеевич, Р-16 придется хранить сухими. Иначе ничего не получится, — оправдывался Янгель, — при сегодняшней технологии ракета способна простоять заправленной всего несколько недель, а дальше неизбежна замена. Проблему ответного удара мы стараемся решить за счет ускорения заправки. Другого выхода нет. Мы обязуемся уложиться в минимальное время.

Отец мрачно смотрел перед собой. Он спросил, насколько сократилось время подготовки по сравнению с «семеркой». Янгель, повеселев, стал сыпать цифрами, экономия получалась немалой, вместо суток — часы, даже десятки минут.

Отец удовлетворенно кивнул головой. Все-таки шаг вперед. Он попросил подумать, что еще можно предпринять, чтобы сократить время, постараться догнать американцев. Янгель пообещал сделать все возможное. Он облегченно вздохнул, обошлось без неприятных объяснений.

На будущее Янгель предлагал определить необходимый минимум изменений на действующих ракетах, обеспечивающий их постановку в шахты, и больше не тратить на них силы. В таком виде они послужат, пока не появятся новые, современные изделия.

Отец снова одобрительно кивнул, заметив, что, пока с шахтами не прояснилось, надо продолжать установку ракет в наземном варианте. Присутствующие одобрительно загудели.

Янгель перешел к следующему плакату. Для поражений

целей в Европе он считал возможным пока сохранить Р-12 и Р-14, а все силы сосредоточить на межконтинентальных ракетах, отвечающих современным требованиям.

Он предлагал за полтора года разработать и начать испытания новой ракеты Р-36, впитавшей в себя все последние достижения в этой области. Предполагалось обеспечить автоматическую предстартовую подготовку, включая заправку, создание рассредоточенных подземных стартов, управляемых с единого командного пункта и, естественно, более высокую точность попадания в цель. Р-36 можно было бы сравнить с американской ракетой «Титан-2», они поднимали примерно одинаковый термоядерный заряд с эквивалентом за 10 мегатонн.

Р-36 получилась крупноватой для массовой ракеты. Как и у «Титана», целями Р-36 стали особо важные укрепленные объекты.

На вопрос отца о том, как долго новая ракета сможет выдержать состояние повышенной готовности к запуску, Янгель ничего утешительного сказать не мог. Опыт Р-16 предостерегал его от опрометчивых обещаний. С агрессивностью компонентов сладить пока не удалось.

Отец не унимался: «Если американцы смогли найти решение, то почему мы топчемся позади?» Янгель пояснил, что там «Минитмены» и «Поларисы» оснащают двигателями на специальных медленно горящих порохах. Такое нашей химической промышленности недоступно. Приходится искать свои, ни на что не похожие конструктивные решения.

Так разошлись пути развития ракетной техники в Советском Союзе и США. Каждый отныне молился своему богу.

Рассказом о Р-36 Янгель покончил с программой баллистических ракет и перешел к космическому разделу.

Не только Челомею не давали спокойно спать успехи Королева, его всемирное признание, пусть в качестве анонимного главного конструктора. Янгель считал, что у него достаточно прав на то, чтобы потеснить коллегу в космическом пространстве. Конечно, таких уникальных возможностей, которые обеспечивались «семеркой», у него пока не было, но для многих применений рекордный вес на орбите оказался непозволительной роскошью. Нарастив еще по ступени на Р-12 и Р-14, он смог забрасывать в космос небольшие грузы. Новые спутники имели различное назначение: исследовательские, гражданские — для трансляции телевизионных передач, предсказания погоды или установления связи на сверхдальние расстояния, а также военные: разведывательные, связные, навигационные.

Военные проекты держались в большом секрете. Более того, их как бы вообще не существовало. Но спутник на орбите не

скроешь. Нашли простой выход из положения, всех подстригли под одну гребенку: спутники, выводимые янгелевскими ракетами, и не только янгелевскими, назвали «Космосами».

«Космосом-1» должен был стать спутник, никакого отношения ни к Янгелю, ни к исследованию окружающего Землю пространства не имевший. В кругах, допущенных до всяческих секретов, он носил совсем другое название — «Зенит» и предназначался для фотографической разведки. Так же, как и его американские собратья «САМОС» и «Дискавери». Вот только по сравнению с ними он порядком запоздал. У Сергея Павловича, а только он мог вернуть груз с орбиты на Землю, в те месяцы голова болела о другом. Нельзя сказать, что вообще ничего не делалось. На многочисленных заседаниях военные вместе с королёвцами обсуждали требования к космическому фотографу, согласовали и утвердили техническое задание, установили жесткие сроки его разработки и испытаний. Для возвращения отснятой фотопленки в «Зените» решили использовать все тот же «Восток». Конечно, сделанный под космонавта возвращаемый аппарат для решения новой задачи оказывался великоват и дороговат, но Королеву было не до того.

В душе Королева никакая разведка не могла соперничать с запуском в космос первого человека, а две такие работы одновременно не проталкивались ни в конструкторском бюро, ни на производстве.

На бумаге, в постановлениях и решениях, работа по «Зениту» определялась важнейшей, но каждый главный конструктор знает, с чем можно, а с чем нельзя потянуть. Отец тоже не торопил, не сомневаясь в технической мощи Америки, он не стремился узнать, где и сколько стоит стратегических бомбардировщиков, как обстоят дела с разворачиванием на стартовых позициях новых баллистических ракет. Повлиять на все это он не мог, а любопытство его не мучило. Так что работа велась не как приоритетная. Каждый раз случалось что-то очень важное, из-за чего дела по «Зениту» очередной раз откладывались. Сначала все были заняты Гагариным. Потом подоспел полет Титова. До «Зенита» руки снова не доходили.

Запускали первый «Зенит» под занавес 1961 года, 11 декабря, но «семерка» забарахлила, и спутник на орбиту не вышел. А раз не вышел, то о нем и не сообщали. Так что «Космосом-1» «Зениту» стать не посчастливилось.

Накануне февральского совещания Янгель на зависть Челомею запустил с полигона Капустин Яр свой первый спутник «Космос-1». Он имел чисто мирную начинку, но, памятуя о

предстоящих военных запусках, решили никакой информации о назначении спутника не публиковать: только то, что невозможно скрыть — параметры орбиты. Дальше следовало успокоительное: «все бортовые системы функционируют нормально». Никаких поломок, никаких отказов, даже если вращающаяся вокруг Земли груда металла не откликалась ни на один сигнал. Неудач не должно было быть — и их «не было».

«Космосом-2» тоже стал янгелевский аппарат. Его запустили 6 апреля из Капустина Яра. За ним последовал «Космос-3», стартовавший 24-го.

Но все мы, причастные, с нетерпением ожидали 26 апреля. На этот день назначили вторую попытку запуска «Зенита». На сей раз все прошло удачно: разведчик сделал свое дело, отлетал предусмотренные заданием четыре дня, отснял заказанные Генеральным штабом районы. На следующий после посадки день пленку привезли отцу. На снимках сквозь крупные серые пятна «зерна» проглядывали беловатые крестики самолетов на аэродромах, кубики заводских цехов, складов и еще многое другое. Серьезной информации спутник не принес. И не только из-за того, что запуск был первым, экспериментальным. Какие-то объекты надежно скрывали облака, какие-то укрылись в темноте ночи, куда-то не позволял заглянуть угол наклона орбиты.

Военные вздыхали: вот если бы, как американцы, пускать по полярной орбите. Но для этого требовалось организовать новый полигон, затратить новые миллиарды. Обращение к отцу не дало результата, на «подглядывание в замочную скважину» он деньги жалел. Соответствующего решения удалось добиться лишь после отставки отца, в 1964 году.

За «Космосом-4» последовали другие: янгелевские — с углом наклона орбиты в 19 градусов и «Зениты» покруче — под 56 градусов. Так что те, для кого это представляло интерес, их легко различали.

Космическая разведка никогда не вдохновляла Королева. При первой возможности он постарался спихнуть ее в свой новый куйбышевский филиал, созданный при серийном заводе, делавшем Р-7.

Однако вернемся в Пицунду.

Пока же Михаил Кузьмич пошел ва-банк. Вслед за Челомеем и Королевым он предложил в сотрудничестве с Глушко сделать космический носитель Р-56, способный доставить на орбиту тонн тридцать, в перспективе — пятьдесят, и по своим параметрам схожий с первоначальным вариантом Н-1.

Как и всё в этой организации, проект проработали

обстоятельно, всё просчитали с разумным запасом. Предлагалась и соответствующая космическая начинка — тяжелая орбитальная станция. Янгель предусмотрел и боевой заряд в пятьдесят мегатонн.

Достанься ему жребий выступить первым, я думаю, его предложение встретило бы поддержку. Но сейчас…

Отец постарался подсластить пилюлю, сказав, обращаясь к Янгелю, что его конструкторское бюро — ведущее и в обеспечении нашей обороноспособности, а это важнее любых космических запусков. Поэтому, считал отец, не следует отвлекать силы от решения основной задачи. И все же Янгелю удалось протащить свой носитель, пользуясь благоволением чиновников из Военно-промышленной комиссии, пристегнуть его к постановлению по Р-36, подписанному в апреле 1962 года. Работы шли ни шатко ни валко, серьезная кооперация отсутствовала, смежники, помня, что происходило в Пицунде, от заданий Михаила Кузьмича отлынивали. И не зря, в июне 1964 года все работы по Р-56 окончательно прикрыли.

Затем приглашенных отпустили. Совет обороны приступил к рассмотрению своих, чисто военных вопросов.

Отцу представлялось, что с возведением заграждений и установлением контроля на границе проблема ГДР хоть как-то разрешилась.

Теперь его внимание было сосредоточено на Кубе. Обстановка там складывалась все более угрожающая.

Американские газеты пестрели угрозами в адрес Фиделя Кастро и его правительства. По секретным каналам поступала информация о принятии президентом Кеннеди обширного плана «Мангуст», направленного на дестабилизацию положения на Кубе. План включал в себя саботаж в экономике страны, взрывы в портах и на нефтехранилищах, поджоги посевов сахарного тростника. Не останавливались его авторы и перед более решительными мерами — убийством лидеров страны, в первую очередь самого Фиделя.

На Кубе со дня на день ожидали нового вторжения уже не просто эмигрантов, а регулярной армии США. Об этом предупредил отца во время их прошлогодней встречи в сентябре президент Кубы Освальдо Дортикос Торрадо, о том же докладывала и советская разведка.

Отец считал приготовления американцев делом весьма серьезным, опасения обоснованными. Он нервничал. Возможное поражение Кастро рассматривал как свое. Как сигнал, что Советский Союз не способен на лидерство.

Но как помочь? Требовался какой-то нетривиальный, неожиданный ход. Давящая на плечи ответственность пригибала к земле. Но, назвался груздем — полезай в кузов. Если страна намеревается получить признание как великая держава, она неотвратимо должна принять на себя ответственность за безопасность союзников. Иначе… Иначе кто ее воспримет как мирового лидера. Если не мирового, на это Советский Союз не тянул, — догнать США по потреблению масла и молока на душу населения и то никак не удавалось, то хотя бы лидера социалистической дольки земного шара. Все это отец прекрасно понимал. Груз провозглашенного им самим лидерства порой казался нестерпимым.

Его мысли раз за разом возвращались к Берлину, к тому, как решительно, ни минуты не сомневаясь, американский президент встал на его защиту, не колеблясь, поставил на кон безопасность своей страны. «Теперь пришел наш черед», — мелькнуло в голове отца. Следовало придумать что-то не менее эффективное. Такое, чтобы отбить у американцев всякую охоту покушаться на Кубу. Но что?…

Уж больно далеко находилась Куба. Одно за другим предложения о возможных, в случае агрессии, способах оказания помощи запутывались в тысячах километров не обозначенных в океане троп и дорожек. Все они пролегали мимо государств, на поддержку которых рассчитывать не приходилось. Даже самолетом туда добраться было практически невозможно. Только Ту-114 да его старший брат Ту-95 могли пролететь маршрут без промежуточных посадок.

Было о чем задуматься. Но отец не собирался отступать. Молодую кубинскую революцию, только что отпраздновавшую свое трехлетие, он не мыслил оставить на произвол судьбы.

11 апреля 1962 года кубинский вопрос обсуждали на Президиуме ЦК, докладывал Министр обороны СССР маршал Малиновский. За последнее время Куба существенно укрепила вооруженные силы, они получили двенадцать сверхзвуковых истребителей МИГ-19, более тридцати МИГ-15, тридцать тяжелых танков ИС-2М, девяносто пять Т-34-85, пятьдесят самоходных орудий САУ-100, другую артиллерию: зенитную, противотанковую, пушки, гаубицы, минометы, не говоря уже о стрелковом вооружении. Сегодня кубинцы сильнее большинства стран Латинской Америки, но по сравнению с Соединенными Штатами… Выводы Малиновского прозвучали пессимистически. Договорились дополнительно отправить на остров катера с противокорабельными ракетами П-15, дивизион крылатых ракет береговой обороны «Сопка», десяток самолетов-торпедоносцев

ИЛ-28, четыре зенитно-ракетных дивизиона, вооруженных ста восемьюдесятью 75-ми ракетами, теми, которыми сбили Пауэрса. Все это могло задержать вторжение, но не предотвратить его, нанести серьезный урон американцам, но не разгромить их.

14 мая отец отправился с давно запланированным визитом в дружественную Болгарию. И там Куба не шла у него из головы.

«Надо было что-то сделать, чтобы обезопасить Кубу. Но как?

Заявлениями, которые мы можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень действует… Подобные действия порой приносят даже вред… Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что ты болтун…

Надо было предпринять что-то реальное. Меня очень занимала эта проблема».

В поисках решения отец думал на волнующую его тему непрестанно, днем и ночью, даже во сне. Обычно, в менее ответственных случаях, он охотно втягивал в свои раздумья других, делился сомнениями. Сейчас все держал внутри. Внешне отец, как всегда, был сама активность: выступал, интересовался успехами болгарских друзей, много говорил с Живковым. Но вдруг замолкал, и оставалось только догадываться, как далеко ушли его мысли. Возникшую паузу никто не решался нарушить, почтительно ждали «возвращения гостя». Беседа возобновлялась на прерванном месте.

По расписанию 17 мая предусматривался кратковременный отдых на берегу Черного моря в Варне. Протокольных обязанностей поубавилось, и отец кружил, петлял по дорожкам отведенной нашей делегации резиденции, то выходя к морю, то углубляясь в обширный парк.

Обычно он любил гулять в компании, сзывая всю делегацию, что-то рассказывал, кого-то выспрашивал. К этому сопровождавшие его лица давно привыкли.

Сейчас он проводил свободное время один, члены делегации разбрелись по разным углам, не желая беспокоить премьера.

Там на дорожках парка и родилась идея. Еще не проект, только идея, как можно попытаться спасти Кубу.

«Ездил я по Болгарии, а неотвязно сверлила мой мозг мысль: что будет с Кубой? Кубу мы потеряем? — именно с этой, кубинской темы начал отец диктовать свои воспоминания четыре года спустя после описываемых событий. — Все это решить не так просто. Очень сложно найти вот это что-то, что можно противопоставить Америке.

Я как Председатель Совета Министров СССР и секретарь ЦК должен был это решить так, чтобы не вползти в войну. Ума-то особого не требуется, чтобы начать войну. Дураки легко

начинают войну, а потом и умные не знают, что делать.

Существовала и другая трудность: просто поддаться запугиванию со стороны США и перейти на словесную дуэль. В условиях классовой борьбы она мало что стоит. Тогда США объявили политику скалывания, то есть отрыва страны за страной от социалистического лагеря. Они нацелились их отрывать и подчинять своему влиянию, а так как капиталистическая идеология сейчас уже не особо привлекательна для большинства народов, то здесь они больше всего рассчитывали на силу, на военную силу.

Америка окружила Советский Союз своими базами, она расположила вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего. Мы допускали, что, возможно, они есть и в других странах.

Я подумал: а что если мы, конечно договорившись с правительством Кубы, тоже поставим ракеты с атомными зарядами. Думалось, что это может удержать США от военных действий. Если бы так сложилось, то получилось бы неплохо: как формулировал Запад — равновесие страха.

Если мы все сделаем тайно, то, когда американцы узнают, ракеты уже будут стоять на месте готовыми к бою. Перед тем как принять решение ликвидировать их военными средствами, США должны будут призадуматься. Эти средства могут быть уничтожены Америкой, но не все. Достаточно четверти, одной десятой того, что будет поставлено…

Я ходил, думал, и все это созревало во мне. Я никому свои мысли не высказал, это было мое личное мнение, мои душевные страдания…»

Да, отец отдавал себе отчет в том, что США сделают все возможное, чтобы не допустить открытой, заранее объявленной и закрепленной договором, постановки ракет на Кубе. Выигрывает тот, кто лучше спрячет, обманет. Угрызений совести после происшествия с У-2 и лжи президента США у отца не возникало. Президент Эйзенхауэр преподал в этом деле ему наглядный урок. Долг платежом красен. К тому же обман совершался во благо, с целью защиты слабого от сильного, жертвы от агрессора.

Отец просчитался в другом. Он не раз повторял, что американцы окружили нас своими военными базами, угрожают из-за всех границ и мы имеем право на ответные действия. Но мы-то привыкли к этому окружению, как итальянцы привыкли жить на склонах Везувия и Этны, а жители островов Атлантического и Тихого океанов к регулярным набегам ураганов и тайфунов.

У американцев же ракеты под боком не могли не вызвать

шока, крушения иллюзии абсолютной безопасности, замешенной на имперских традициях права вершить свой суд в прилегающих регионах. Последнее, правда, в те годы относилось к обеим сверхдержавам.

К этому необходимо добавить положения доктрины Монро, не допускавшей чьего бы то ни было вооруженного присутствия в Западном полушарии. Если все это суммировать, то нетрудно вычислить реакцию на появление наших ракет. Дело было не только и не столько в правительстве и президенте, главным действующим лицом становилась разъяренная толпа. Тут и аргументы, и разум оказываются бессильными.

В воскресенье 20 мая по дороге в Москву отец поделился своими мыслями с Громыко, входившим в состав делегации. Андрей Андреевич выслушал сообщение как обычно молча, пожевал губами и только после всех этих действий, свидетельствовавших о глубоком раздумье, поддержал. Он считал, что правительство США не пойдет на риск войны, повод для нее так же, как и в случае недавнего установления границы в Берлине, недостаточен. К сожалению, министр иностранных дел тоже не придал должного значения специфическому отношению американцев к окружающему их региону. А уж Громыко обязан был это знать. Не один год он провел в США, казалось, прочувствовал все нюансы национального характера.

Некоторые авторы утверждают, что до разговора с Громыко Хрущев в Варне обсуждал постановку ракет на Кубе с сопровождавшим его в поездке министром обороны СССР маршалом Малиновским, они все решили вдвоем, а уже затем отец проинформировал высшее руководство страны. Эту байку запустил в оборот бывший работник ЦК, долгие годы выдававший себя за спичрайтера отца, Федор Бурлацкий. Якобы он сам все видел своими глазами, слышал своими ушами.

Историки ему поверили и теперь воспроизводят рассказ Бурлацкого без какой-либо проверки. Если бы они взглянули на состав делегации (его тогда опубликовали в газетах), то увидели бы, что Малиновский в Болгарию не ездил, Хрущева сопровождали: Секретарь ЦК КПСС Борис Пономарев, Министр иностранных дел Андрей Громыко, Первый секретарь ЦК Компартии Литвы Антанас Снечкус, Первый секретарь Киевского обкома партии Петр Шелест, Первый секретарь ЦК Комсомола Сергей Павлов, Первый секретарь Ленинградского Горкома партии Георгий Попов, Секретарь Московского горкома партии Ольга Колчина, Председатель общества советско-болгарской дружбы академик Андрей Туполев, посол СССР в Болгарии Григорий Денисов — и никакого Малиновского. Родион

Яковлевич в числе других проводил делегацию во Внуковском аэропорту и уехал в Министерство обороны. 18–19 мая он участвует в траурной церемонии в Доме Советской Армии в Москве, а затем на Новодевичьем кладбище хоронит адмирала Арсения Головко. Такая вот история.

Как обычно после возвращения отца из поездки, Президиум ЦК собрался в тот же день. Это получилось само собой, ведь все его члены считали своим долгом поехать для встречи на аэродром, а оттуда они гурьбой направились в Кремль. Отец в таких случаях обычно начинал с впечатлений о встречах в далеких или близких странах, осведомлялся о событиях, происшедших дома.

В этот раз, едва поздоровавшись, отец сообщил, что у него есть важные предложения, которые он хотел бы изложить своим коллегам. О чем пойдет речь, в аэропорту он посчитал говорить неудобным.

Вот как он рассказывал впоследствии об этой встрече.

«Товарищи слушали. Я сразу, как закончил изложение, сказал:

— Давайте сейчас не решать. Я только что высказал вам свои соображения, и вы не подготовлены для решения. Вы должны обдумать всё, и я еще подумаю. Через неделю соберемся и еще раз обсудим. Мы должны всё очень хорошо взвесить. Я считаю своим долгом предупредить, что эта акция влечет за собой много неизвестного и непредвиденного. Мы, конечно, хотим все сделать, чтобы обезопасить Кубу, чтобы Кубу не раздавили, но мы можем втянуться в войну. Это тоже надо иметь в виду.

…Нам надо сделать так, чтобы свою страну сохранить, не допустить войны и не допустить, чтобы Куба была разгромлена войсками США. Нужно сделать Кубу факелом, сделать ее притягательным магнитом для всех обездоленных народов Латинской Америки, которые ведут борьбу против эксплуатации американских монополий. Подогревающий огонь социализма, исходящий с Кубы, будет ускорять процесс борьбы за независимость.

Все разошлись».

Не через неделю, а на следующий день, в понедельник 21 мая, Президиум ЦК собирается уже не на импровизированное, а на официальное заседание в Кремле.

Его члены и приглашенные — Громыко, Малиновский и главнокомандующий ракетными войсками маршал Бирюзов — заслушивают отчет советской делегации о поездке в Болгарию, а затем обсуждают предложение отца. Решают послать на Кубу официальную делегацию, поручив ей поговорить с Кастро,

определиться на месте с возможностью размещения ракет на острове. К делегации и ее составу я еще вернусь.

Таким образом, в тот день приняли принципиальное решение о возможности отправки ракет с ядерными боеголовками на Кубу и договорились сделать это тайно. «Это будет наступательная политика, — подчеркнул отец и после некоторого размышления добавил — Ракеты сохранить под нашим командованием».[76]

Но отец еще до конца не убедил в первую очередь самого себя На четверг 24 мая он назначает совместное заседание Президиума ЦК и Совета обороны.

Кроме свидетельства отца и более чем скупых официальных документов, не находится иных серьезных источников, повествующих о деталях разворачивающихся в те дни событий. Меня особенно интересовало не было ли споров, возражений. Вокруг принятия решения о постановке ракет на Кубе за последние годы накопилось немало спекуляций, домыслов. Однако все, кто имели к этому отношение, присутствовали на различных совещаниях, были близки к «верхам», в том числе Громыко, посол СССР на Кубе Алексеев, в один голос утверждали, что оппозиции высказанному отцом предложению не было.

Слухи о каких-то мифических дебатах, столкновениях поползли позднее, уже после освобождения отца от должности в 1964 году. Кое-кто стал спешно менять точку зрения.

Итак, 24 мая собрался Совет обороны с участием всех без исключения членов Президиума ЦК. К нему военные сделали первые прикидки, подсчитали, во что обойдется установка наших ракет на Кубе.

Я снова возвращаюсь к рассказу отца.

«Прошла неделя. (На самом деле четыре дня, если отсчитывать от воскресенья.) Я опять поставил этот вопрос. Спрашиваю:

— Ну как, товарищи, думали?

— Да, думали.

— Ну и как?

Первым взял слово товарищ Куусинен. Он сказал:

— Товарищ Хрущев, я думал. Если вы вносите такое предложение и считаете, что нужно принять такое решение, я вам верю и голосую вместе с вами. Давайте.

Так. Мне было, с одной стороны, лестно, а с другой — слишком тяжело. Его ответ всю ответственность возлагал на меня. Я очень уважал товарища Куусинена, знал его честность и искренность, поэтому воспринял его слова по-хорошему».

В тот период члены Президиума ЦК в основном полагались на отца, ему принадлежало решающее слово при принятии

решений. Здесь дело даже не в личности. Все определяла структура централизованной власти. Всё и все зависели от первого лица. Даже члены Президиума ЦК старались не высовываться, если всерьез не задевались их жизненные интересы. Не обязательно личные, возможно, и тех областей деятельности, где тот или иной член Президиума считал себя хозяином. В таком случае могла возникнуть перепалка, пусть не очень жесткое, но столкновение.

Куба же ни чьих интересов не затрагивала. На фоне всеобщего благодушия-единодушия выделялся Микоян. Он по любому вопросу имел свою точку зрения. С отцом он всегда держался на равных. Стаж пребывания на вершине пирамиды власти у него был значительно больше.

Микоян поделился своими сомнениями.

«Товарищ Микоян выступил с оговорками. В таких вопросах без оговорок нельзя. Его мнение сводилось к тому, что мы решаемся на опасный шаг. Это я и сам сказал. Я даже сформулировал грубее. Этот шаг на грани авантюры. Авантюризм заключался в том, что мы, желая спасти Кубу, сами могли ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну. Этого надо всеми силами избегать, а сознательно вызывать такую войну — действительно авантюризм.

Я — против войны. Но если жить только под давлением, что всякая наша акция в защиту себя или иных друзей может вызвать ракетно-ядерную войну, — это парализовать себя страхом. В таком случае война будет наверняка. Сразу враг почувствует, что ты боишься. Или же ты без войны будешь уступать свои позиции и дашь врагу возможность реализовать его цели, и ты своей боязнью и уступчивостью так разохотишь врага, что он потеряет всякую осторожность и не будет чувствовать той грани, за которой война неизбежна.

Такая проблема стояла и сейчас стоит…

…Мы приняли решение о том, что целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на территории Кубы и тем самым поставить США перед фактом: если они решатся вторгнуться на территорию Кубы, то Куба будет иметь возможность нанести сокрушительный ответный удар… Это будет удерживать власть имущих от вторжения на Кубу.

К такому выводу все мы пришли после двукратного обсуждения моего предложения. Я сам предлагал не форсировать решение, дать ему выкристаллизоваться в сознании каждого, чтобы каждый принимал его сознательно, понимая его последствия, понимая, что оно может привести нас к войне с США. Решение было принято единодушно».

В записях присутствовавшего на заседании заведующего Общим отделом ЦК Владимира Малина итог обсуждения суммирован в двух фразах: «Согласиться с предложением тов. Хрущева Н. С. по вопросам Кубы. Принять план».

По заведенному порядку оформлением решений занималось заинтересованное ведомство, на сей раз это был Совет обороны и его секретарь генерал Семен Павлович Иванов.[77] Он отвечал за подготовку установки ракет на Кубе. Операция с целью дезориентации противника получила наименование «Анадырь». Перепечатанный начисто документ предстояло провезти «по кругу». Один за другим члены Президиума ставили своей рукой «за» и расписывались. Существовала возможность высказать и противоположное мнение — проголосовать против, но только теоретическая. Я подобного случая не припоминаю. Все шло гладко: за, за, за. Один Микоян вернул документ с одной лишь росписью, Иванов попытался поправить, подсказал, что требуется резолюция, но хозяин кабинета в ответ только махнул рукой. Жест означал, что аудиенция окончена. Кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК высказывать свое мнение не полагалось, их подписи свидетельствовали лишь об ознакомлении с текстом. Так они поступили и на сей раз.

Закончив «операцию», Иванов позвонил отцу, доложил, что все в порядке. Затем, помявшись, добавил: «Вот только Анастас Иванович не поставил «за», забыл, наверное».

Отец насторожился и переспросил: «Один? Или еще кого память подвела?» — «Никак нет, все в порядке, — отрапортовал генерал. — Правда, кандидаты в члены Президиума и секретари не наложили резолюцию, но это и не требуется», — уточнил он.

— Съездите-ка к Микояну еще раз. Я ему позвоню, — распорядился отец, — а заодно пусть проголосуют кандидаты и секретари ЦК. Дело важное, нечего им по кустам отсиживаться.

Повторный объезд не занял много времени, сомневающихся больше не оставалось.

Об истории с ракетами я узнал вскоре после этого памятного заседания. Мы с отцом поехали на дачу и, не заходя в дом, отправились на берег Москвы-реки полюбоваться налившейся весенним соком природой. Отец не был из тех людей, которым свойственно замыкаться в себе. Ему требовалось поделиться захватившей его идеей с окружающими, выслушать слова поддержки или, на худой конец, возражения. На этот раз он решил поделиться со мной.

Сначала мы шли молча. Отец наслаждался, впитывая в себя теплый аромат майского вечера. Затем он вдруг заговорил о Кубе, об опасности вторжения и вдруг огорошил меня новостью:

«Только что принято решение о секретной постановке на острове наших баллистических ракет с ядерными зарядами». В первый момент я поразился. До этого мы не рисковали вывозить ядерное оружие за пределы своей территории. Исключение составляло небольшое количество тактических атомных зарядов для «Луны» и «пятерок». Ими оснащались наши части, стоявшие в Германии.

А тут стратегические мегатонные боеголовки. У меня просто дух перехватило. Потом проросли сомнения: а если их захватят американцы? Как можно выпускать столь грозное, а главное, секретное оружие из своих рук? Сегодня там Кастро, а завтра?

Отец с охотой стал делиться со мной своим планом. Как только на острове появятся ракеты, нападение на Кубу станет для американцев столь же опасным, как и атака самого Советского Союза. Передавать ракетно-ядерное оружие кубинцам он не намеревался. Отец считал, что ракетами должны распоряжаться только регулярные части Советской армии, подчиняющиеся Москве.

Постепенно я проникся энтузиазмом. Наконец-то американцы сами очутятся в положении, в котором они держали нашу страну последние годы. Да и подспорье в формировании ответного удара может оказаться заметным. Запланированное на этот год к постановке на боевое дежурство количество Р-16 казалось весьма скромным. Отец не разделил моих восторгов. Он считал, что затраты сил и материальных ресурсов, связанные с постановкой ракет на Кубе, не оправдают временного выигрыша в глобальном противостоянии. Он рассуждал просто. Сколько можно поставить ракет на острове? От силы несколько десятков. Не утыкаешь же ими всю Кубу, как ежа иголками. Ракеты надо обслуживать, а главное, защищать от возможных неожиданностей. И все это под боком у США, за три моря от нас. Конечно, по мнению отца, установка ракет имела определенное стратегическое значение, но основная цель — защита кубинской революции. Он твердо придерживался мнения, что вся операция целесообразна лишь с точки зрения предотвращения новой высадки на остров. На мой вопрос, сколько стартов предполагается оборудовать, отец ответил, что военные подсчитывают свои возможности.

С тех пор наши беседы о постановке ракет на Кубе стали регулярными. Я дожидался, когда мы оставались вдвоем, надо было блюсти секретность, и выпытывал последние новости. Никто, кроме меня, в семье не был посвящен в тайну. Кое-что доходило до меня и минуя отца, из других источников. По службе я общался со многими высокопоставленными военными. Стоило мне намекнуть о своей осведомленности, как языки развязывались, начиналось бурное обсуждение. Большинство

моих собеседников поддерживали план. Возражений я не слышал, возможно, несогласные с отцом не хотели со мной связываться, но скорее всего их просто не было.

Исходя из наличных ресурсов предполагалось установить на острове не менее полусотни ракет. Цифра все время менялась. Часть ракет выделялась в счет поставок армии, но большинство снималось с боевых позиций. Операцию решили проводить не откладывая, и дожидаться, когда заводы выполнят заказ, времени не оставалось. Тем самым ослаблялся кулак, нацеленный на Европу. В конце концов сошлись на двадцати четырех стартовых позициях Р-12, которые предполагалось укомплектовать тридцатью шестью ракетами, и шестнадцати стартах Р-14 с двадцатью четырьми ракетами. Всего пять полков, 60 ракет. Все ракеты снаряжались боезарядами мощностью в одну мегатонну. Новыми, только что испытанными двухмегатонными боеголовками повышенной эффективности решили не рисковать. К тому же выпуск их только начинался.

Аппетит постепенно разгорался. Раздавалось все большее число голосов в пользу увеличения количества Р-14. Но их пока просто неоткуда было взять. Отец сказал, что в будущем условились постепенно заменять Р-12 на Р-14. Его особенно беспокоила проблема, как замаскировать ракеты от неизбежного воздушного наблюдения и фотографирования. Ведь над Кубой то и дело летали самолеты-разведчики США.

Кубинцы не подозревали о планах отца. Пришло время поделиться замыслом с Фиделем Кастро, принять решение и приступить к проведению операции. Или… отложить ее, если кубинцам придется не по нраву размещение на их острове ракетно-ядерного оружия. На «или» отец не рассчитывал, он был убежден, что в Гаване с одобрением воспримут его предложение, направленное на обеспечение их безопасности. Ради них наша страна шла на риск.

В понедельник 28 мая советская делегация на самолете Ту-114 вылетела на Кубу, но не по кратчайшему северному маршруту, пролегавшему вдоль побережья Канады и США, а через Африку, с посадкой в столице дружественной нам республики Гвинея Конакри. Миссию удалось сохранить в тайне.

Главой определили Шарафа Рашидова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. Ему поручили вести политические переговоры. Почему-то считалось, что с освобождающимися народами, с их руководителями лучше найдут язык представители наших окраинных республик.

Военную часть делегации, имевшую свои собственные инструкции, представлял маршал Сергей Семенович Бирюзов,

сменивший в апреле Москаленко в командовании ракетными войсками. Отец его знал еще со Сталинграда. Там он командовал штабом в армии Малиновского. Бирюзов слыл человеком обстоятельным, сдержанным, слов на ветер не бросал. Прибавила ему авторитета и история с Пауэрсом. Конечно, сбил У-2 не маршал, но, по мнению отца, организовать систему обороны так, чтобы противник не прошел, — заслуга высшего командования. В те годы Бирюзов относился к военачальникам, пользующимся наибольшим уважением и доверием отца.

По заведенному в таких случаях правилу, военных закамуфлировали, переодели в гражданское, выдали паспорта на другие фамилии. Маршала Бирюзова перекрестили в инженера Петрова. В помощь себе он взял двух генералов — Ушакова и Агеева. В их задачу входило провести рекогносцировку на местности, а главное, найти способ замаскировать ракеты, укрыть их от любопытных взглядов не только с воздуха, но и с земли. Летевшие на Кубу посланцы не имели при себе никаких документов, связанных с операцией, — мало ли что может случиться. Ввиду особой секретности им запретили сноситься с Москвой по обсуждаемым вопросам по радио, даже шифром.

Еще один член делегации — Александр Иванович Алексеев, расторопный журналист из КГБ, который в силу своих профессиональных обязанностей и благодаря личным качествам оказался первым советским человеком, побывавшим на Кубе после победы революции. В глазах отца, и не только его, он давно прослыл наиболее компетентным человеком в вопросах взаимоотношений с Кубой.

1 октября 1959 года он прибыл в Гавану в качестве корреспондента ТАСС и тут же развил кипучую деятельность. Уже 12 октября Алексеев повстречался с Че Геварой, 15-го — с Фиделем Кастро. В феврале 1960 года он организовал советскую торгово-промышленную выставку. Обо всем увиденном Алексеев, помимо скупых корреспонденции ТАСС, направлял обстоятельные служебные донесения в Москву. Они-то в значительной степени и сформировали в голове отца образ кубинских руководителей-революционеров, с которыми у Алексеева сложились дружеские отношения. Некоторые шероховатости возникли после установления дипломатических отношений. Источником их стал вновь назначенный Чрезвычайный и Полномочный посол Сергей Михайлович Кудрявцев. Он повел себя как предписано протоколом, держался официально, соблюдал дистанцию. Общий язык с кубинскими руководителями не нашел.

Братья Кастро, Че Гевара по-прежнему со своими проблемами обращались к Алексееву, переквалифицировавшемуся к тому

времени из журналиста в советника советского посольства в Гаване. Его шифровки ложились прямо на стол отца, рядом с донесениями посла. Они шли по каналам КГБ. Им отводилась папка иного цвета. Отец все больше отдавал предпочтение Алексееву, отмечал его хватку, аналитический ум. Главное, он обеспечивал надежную связь с руководством республики.

В посольстве возникло двоевластие. Официальные бумаги, чинно следовавшие через посла, нередко оставлялись Фиделем без внимания. Он знал — важное сообщение придет через Алексеева. Так же действовала связь и в обратном направлении.

Кудрявцев сам определил свою судьбу. В начале апреля отец рассказал, что наш посол на Кубе потребовал для себя вооруженную охрану. Операция «Мангуст» набирала силу, в Гаване становилось неспокойно — то прогремит взрыв, то раздастся пулеметная очередь. Отец возмущался: «Что скажут кубинцы? Они борются, сражаются с врагами, а посол социалистической державы отсиживается, забаррикадировавшись в здании посольства!»

Тут он припомнил все: и пассивность, и неспособность установить прямые контакты с Фиделем Кастро, и бюрократизм. Не мешкая, Президиум ЦК принял решение произвести перестановку кадров в соответствии со сложившейся обстановкой — Алексеева назначить послом, а Кудрявцева переместить в более безопасное место, отозвать в Москву.

По телеграмме Громыко Алексеев в мае прибыл в Москву. Отец хотел с ним посоветоваться о положении на Кубе, еще раз побеседовать перед ответственным назначением. Попал же Алексеев в самую гущу событий. Как специалист по Кубе и лицо, пользующееся абсолютным доверием отца, он с головой окунулся в обсуждение перипетий, связанных с планируемой постановкой ракет.

На первой встрече с отцом он высказал сомнения: вряд ли Фидель Кастро согласится с выдвигаемым предложением. Он собирается защищать революцию всем народом, опирающимся на собственные силы и поддержку общественного мнения стран Латинской Америки. Ему придется не по нраву замена высокого покровительства одной великой державы покровительством другой.

Отец стал горячо доказывать, аргументировать свою позицию, потом вдруг остановился, как бы осознав, что перед ним не Фидель, и примирительно заметил, что мы в этом случае окажем Кубе помощь любыми другими средствами. Правда, сомнительно, чтобы они остановили агрессора.

По словам Алексеева, он, сопровождая столь высокую

делегацию, чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Ведь смены «караула» в советском посольстве пока не произошло. Официально Кудрявцева отзовут, а его назначат только через две недели, 12 июня. Но эта неловкость оказалась проходящей. Соблюдать формальности не требовалось, они же с братьями Кастро друзья. Без сомнения, Кастро понимал, что столь высокие гости пожаловали не случайно. Завеса таинственности вокруг визита, шифротелеграмма отца с просьбой принять его представителей по специальному вопросу только разжигала любопытство.

Алексеев разыскал Рауля Кастро по телефону и, ничего не объясняя по существу, попросил его как можно скорее организовать встречу делегации с братом.

В тот же вечер Фидель и Рауль Кастро приняли эмиссаров отца. Первым взял слово Рашидов. Он пересказал хозяевам смысл предложений Хрущева. Затем военные аспекты проблемы пояснил маршал Бирюзов. Фидель задумался. Молчал он не более минуты. Глядя в глаза Рашидову сквозь столь непривычные для нас, знающих его по митинговому жару, очки, твердо произнес, что идея представляется ему особенно интересной, потому что служит интересам мирового социализма и угнетенных народов в их противоборстве с обнаглевшим американским империализмом, который повсюду в мире пытается диктовать свою волю.

Опасения Алексеева не сбылись.

На следующий день подвели итоги. На сей раз встреча носила официальный характер. С кубинской стороны присутствовали основные политические руководители страны и командование вооруженными силами: Фидель и Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Освальдо Дортикос и Рамиро Вальдес.

Обсуждать, собственно, оказалось нечего. Советское предложение принималось без оговорок. Уточнению подлежали лишь детали. О них предстояло договариваться в Москве. Своим полномочным представителем на этих переговорах кубинцы выделили Рауля Кастро.

Рашидов торопился в Москву, отец ждал информацию о результатах переговоров. Однако оставалось еще одно дело, не менее важное, — Бирюзову предстояло взглянуть на предполагаемые места постановки ракет, прикинуть, какие существуют возможности скрыть операцию от профессионалов из ЦРУ.

На серьезную рекогносцировку на местности Рашидов времени маршалу не дал. Удалось лишь прокатиться по окрестностям. Места в основном оказались открытые, кое-где

собирались в группки незнакомые деревья. Особенно поразили маршала кокосовые пальмы, раньше виденные только на картинках. Их устремленные вверх голые стволы показались ему похожими на установленные на стартовых столах баллистические ракеты.

Пока в Гаване разговаривали, в Москве готовились действовать. Малиновский представил развернутые предложения Министерства обороны по установке ракет на Кубе. 4 июня 1962 года Президиум ЦК постановил их принять, в принципе утвердил план операции под кодовым названием «Анадырь». Его выбрали с целью дезинформации: река Анадырь протекает на Чукотке, вот пусть те, до кого может дойти эта информация, думают, что речь идет об установке ракет где-то по соседству с Аляской.

Тогда же Малиновский предложил руководство операцией возложить на генерала армии Плиева. Выбор для меня навсегда остался загадкой. Кавалерист старой школы, в седле еще с первой мировой и Гражданской войн, к концу Отечественной он дослужился до командира кавалерийского корпуса. Что у него общего с ракетами? Да и не только с ракетами, а вообще с современной войной? В ответ на мое недоумение отец сказал, что Плиев — кандидатура Малиновского, сам отец его знает, но не очень близко, встречался во время войны. Генерал как генерал, не хуже других, министр знает свои кадры.

Чем подробнее прорабатывался план, тем яснее вырисовывалась грандиозность масштабов. Казалось бы, что стоит поставить пять, ну шесть десятков ракет? Но на ракетный «скелет» с каждым днем нарастало столько «мяса», что в результате центр тяжести операции стал смещаться в общевойсковом направлении.

Рассуждали в Генеральном штабе просто. Раз ракеты находятся в наших руках, то, естественно, мы должны обеспечить их сохранность. Отец рассказал, что сначала предполагалось ограничиться небольшим контингентом пехоты, но оказалось, что это не решение вопроса. Если случится нападение, то придется столкнуться с хорошо вооруженными американскими регулярными воинскими частями. Противостоять им сможет сила не меньшая и не хуже вооруженная. Тут охранным батальоном не обойдешься, нужна артиллерия, нужны танки. Шаг за шагом на шестьдесят ракет наросло более пятидесяти тысяч войск, около четырех дивизий полного состава. А уж если быть совсем точным, то, согласно реестру, составленному Генеральным штабом, предполагалось отправить на Кубу 50 874 человека.

Если нападение произойдет, то оно, безусловно, начнется с воздуха. Системы противовоздушной обороны на острове практически не существовало. Значит, надо ее создать. Снова, как и в апреле, речь зашла о зенитных ракетах. Решили поставить 114 пусковых установок 75-х с соответствующим боезапасом, другими словами, две дивизии. Оружие было сложным, к тому же строго секретным. Отец посчитал, что и оно должно остаться в наших руках. Скорострельные зенитные пушки, способные поражать цели на небольших высотах, поступали в распоряжение кубинской армии. В обращении с ними они имели опыт.

Систему противовоздушной обороны завершали новейшие сверхзвуковые истребители МиГ-21. Их тогда в наших частях было раз, два и обчелся, но Куба обладала высшим приоритетом.

Чтобы сделать остров неприступным, оставалось организовать оборону побережья. Для создания береговой

обороны предложили на направлениях, опасных с точки зрения высадки десанта, установить «Сопки», запускаемые с грузовиков самонаводящиеся крылатые ракеты, модификацию столь полюбившейся отцу «Кометы». Она к тому времени изрядно устарела, но ничего лучшего моряки не имели. Зазоры между ракетными батареями с моря предстояло прикрывать быстроходным катерам «Комар», вооруженным самонаводящимися ракетами П-15.

С воздуха побережье предполагалось патрулировать бомбардировщиками Ил-28. В зависимости от поставленных задач они могли нести бомбы, включая и атомные, или же им под брюхо подвешивали торпеды. Об «Илах», как и «Сопках» с катерами, тоже говорили на апрельском совещании, но ничего конкретного пока предпринять не успели.

Все эти решения по организации обороны Кубы формировались постепенно, по мере выявления все новых и новых задач. Пирог нарезали по кускам.

К тому времени, когда в Генеральном штабе закончили первые прикидки, вернулись из Гаваны посланцы отца. 10 июня Рашидов докладывал на совместном заседании Президиума ЦК и Совета обороны. Постановили приступить к реализации операции, решение оперативных вопросов возложили на Косыгина и Устинова. Координацию отец оставил за собой.

После заседания он один на один долго беседовал с Рашидовым и Бирюзовым, выспрашивал их о реакции Кастро. Здесь все обстояло нормально. Отец вцепился в Бирюзова с расспросами о возможности скрытого размещения техники, ведь операция все расширяла свои масштабы. Главное, как укрыть ракеты?

Бирюзов мялся, по сути дела, эту часть задания он не выполнил, наконец выдавил из себя, что, по мнению специалистов, к которому он присоединяется, ракеты удачно маскируются под кокосовые пальмы. Он сам видел их на Кубе — такой же прямой ствол, только вот на боеголовку придется взгромоздить шапку из листьев.

До сих пор не пойму, как отец поверил такому примитивному объяснению. Когда он рассказал о ракетах-пальмах, мне все это показалось не очень серьезным. Я поделился с отцом своими сомнениями, но он не стал меня слушать, отпарировал, что там работали профессионалы, они разбираются в деле лучше нас. Возражений у меня не нашлось. Почему-то вспомнились нередкие посадки нашего служебного самолета на заводском аэродроме в Воронеже. После однообразия жизни на полигоне тянущиеся к небу на фоне летного поля заводские трубы не раз

подсознательно воспринимались как изготовившиеся к запуску ракеты. Я себя успокаивал. Тут труба, там пальма, может, и сойдет. Но от ощущения халтуры я так и не смог избавиться.

Об обслуживающей ракетные старты специфической технике: установщиках, трейлерах, заправщиках — отец не вспомнил. А ведь по ней можно однозначно вычислить стартовую позицию, даже в отсутствие ракет. Раз они здесь, то и ракета спрятана поблизости.

Узким местом оказалась проблема транспорта. За короткое время требовалось перевезти прорву груза, а судов, тем более специально оборудованных, у нас почти не было.

Отец вызвал к себе министра морского флота. Тот доложил, что для выполнения задания придется сломать весь сверстанный заранее годовой план перевозок, свободные мощности, естественно, взять неоткуда. Потребуется валюта для фрахта судов других стран, без этого не обойтись.

Отец дал добро, в Министерство финансов пошло указание не скупиться.

Черноморские и балтийские порты затрясла лихорадка. Отменялись рейсы, переадресовывались грузы. Доставку обычных грузов на Кубу и по другим адресам поручили иностранцам. Ничего иного просто не оставалось.

Наши советские сухогрузы, пассажирские лайнеры, танкеры — все, что оказалось под рукой, переоборудовалось для перевозки вооружения, личного состава, топлива. Со многими проблемами приходилось сталкиваться впервые — никогда еще не транспортировали через океан ракеты, термоядерные заряды, высокоактивное и токсичное ракетное горючее и окислитель. Мало того что все это необходимо было доставить в целости и сохранности, но еще надо было и обеспечить секретность.

С ракетами дело утряслось довольно быстро. Они хорошо размещались на сухогрузах последней модели типа «Полтава». Обширные люки позволяли загружать ракеты в трюмы, где они раскреплялись на случай качки. На палубе для маскировки решили разместить сельскохозяйственную технику: сеялки, культиваторы, комбайны. У американцев, облетающих наши корабли в открытом океане, не должно было возникать ни малейших сомнений в характере перевозимых грузов.

Страсти разгорелись вокруг ядерных зарядов. Само их наличие на судах, которые можно остановить, захватить, интернировать, противоречило принятым в стране требованиям обеспечения секретности и сохранности. Даже внутри страны боеголовки перевозили в специальных, закамуфлированных под пассажирские, вагонах в сопровождении многочисленной охраны.

Что может произойти в открытом океане у чужих берегов, не хотелось и думать. Доложили отцу. Он предложил транспортировать их на подводных лодках. Идея была заманчивой, но оказалась трудноосуществимой. Там не только не представлялось возможным создать необходимые условия хранения, но экипажу просто негде было укрыться от излучения.

После долгих обсуждений решили остановиться на надводных судах, а осуществление операции отложить на самый конец, когда ракеты уже прибудут на место. Считалось, что доставка ядерных зарядов под занавес обеспечит большую безопасность, ведь если вторжение произойдет до приведения ракет в готовность, то в руки американцев могут попасть наши атомные секреты.

Малиновский доложил, что, по расчетам его служб, подготовка к постановке ракет займет около четырех месяцев. Если начать перевозки в июле-августе, то раньше октября-ноября не управиться. Отца эти сроки устраивали, с опубликованием сообщения о размещении ракет на Кубе он не собирался спешить. Пусть пройдут выборы в США. В межпартийной борьбе за места в сенате и палате представителей, по его мнению, могли взять верх горячие головы. Когда все поутихнет, в ноябре, он собирался по личным каналам прозондировать настроение президента, подготовить его, а уж потом ударить в колокола. Так родился срок завершения операции: конец октября — начало ноября.

На 17–25 июня у отца была запланирована поездка в Бухарест. Следом за ней ожидали прилета в Москву Рауля Кастро. 2 июля на Внуковском аэродроме его встречали Микоян и Малиновский. Едва пришедшего в себя после перелета через восемь часовых поясов министра вооруженных сил Кубы на следующий день повезли к отцу.

Начавшиеся 3 июля в официальном кабинете переговоры продолжались в непринужденной обстановке на даче. Вместе с Раулем туда приехали Рашидов и Алексеев.

Речь шла о подготовке официального соглашения. Естественно, совершенно секретного. В переговорах, кроме Рашидова и Алексеева, принимали участие министр обороны СССР Малиновский, маршал Бирюзов и еще два или три генерала. Переводил Алексеев. По соображениям безопасности к делу стремились привлекать как можно меньше людей. Заключительная встреча Рауля Кастро с отцом состоялась 8 июля. Секретности проводимой операции отец придавал особое значение. Принимались все мыслимые меры, обеспечивающие сохранность информации. Дело доходило до того, что многие

материалы писались от руки. Все в единственном экземпляре. Решение о допуске к планируемой операции принимал лично Малиновский.

Тем временем в самом сердце Министерства обороны — Главном разведывательном управлении Генерального штаба — обосновался один из самых значительных за хрущевские годы шпионов полковник Олег Владимирович Пеньковский. Он работал одновременно на английскую и американскую разведки. Пеньковский сыграл заметную роль в Карибском кризисе. Он знал достаточно много. В течение всего срока своей недолгой службы в чине полковника британской армии с окладом две тысячи фунтов стерлингов в месяц плюс специальные премии за особо важные сообщения он в первую очередь нацеливался на сбор информация о ракетах и космосе.

Возможности перед ним открывались немалые. Будучи высокопоставленным сотрудником советской военной разведки, он в чине полковника работал в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генерального штаба и одновременно в Государственном комитете при Совете Министров СССР по координации научно-исследовательских работ специализировался на получении зарубежной технологической информации, связанной с разработкой и производством высокоточных приборов наведения ракет: гироскопов и акселерометров.

Официально Пеньковский в комитете занимался внешними связями, организовывал поездки делегаций за рубеж, принимал иностранных гостей. За ним утвердилась слава человека, умеющего работать, способного отыскать ответ на, казалось бы, неразрешимые вопросы. Он стремился всеми силами укрепить завоеванную репутацию, в чем ему активно помогали с той стороны.

Получив задание ГРУ о сборе информации в области гироскопии, Пеньковский попросил британскую разведку организовать турне советских специалистов по соответствующим предприятиям. Это должно было поднять его авторитет не только в Генеральном штабе, но и в высшем руководстве страны. До того времени наших людей на пушечный выстрел не подпускали к подобным заводам. Вопрос англичане решили не сразу. Начались консультации. Запросили фирмы. Инженеры только посмеялись: от посмотреть до сделать — огромная дистанция. Секретов тут особых нет, необходимы деньги, много денег, и немало времени.

Согласие на визит наших прибористов получили от «независимых» от британского правительства фирм. Советскую делегацию водили по цехам, показывали лаборатории, дарили

проспекты. Домой вернулись в восторге, но когда стали разбираться глубже, выяснилось, что нового ничего не узнали. Поохали, поахали и пришли к заключению, что мы и так всё знали. Справедливости ради хочу отметить, что когда потратили выделенные правительством миллиарды на гироскопы и акселерометры, на новых заводах их стали производить не хуже заграничных.

Поездка получила большой резонанс. О ней доложили отцу. С одной стороны, начальник ГРУ генерал Серов подчеркнул высокий профессионализм своего сотрудника, организовавшего посещение. С другой — председатель ГК по НИР Руднев, ранее руководивший ракетной программой и только недавно пересевший в новое кресло, поделился неоценимой информацией, полученной в его ведомстве.

Пеньковский стал героем дня. О проникновении в святая святых британской военной промышленности рассказывали легенды. И ранее вхожий во все двери, Пеньковский стал своим человеком среди ракетчиков. Он нередко бывал в конструкторских бюро, не раз ездил на полигон в Тюра-Там — Байконур. «Для того чтобы добывать информацию, нужно хорошо представлять предмет, иначе неизбежно обманут, подсунут туфту», — объяснял он свою любознательность.

Такое серьезное отношение к делу вызывало уважение. Человеку из «организации», не стесняясь, рассказывали такое, что не всегда доверяли своим.

Не меньшими возможностями располагал Пеньковский и в армии. Кроме всего прочего, он находился в близких отношениях с главнокомандующим Ракетными войсками и артиллерией Советской армии главным маршалом артиллерии Варенцовым, порекомендовавшим его когда-то своему старому приятелю начальнику ГРУ генералу армии Серову.

…Здесь требуется некоторое пояснение. Испокон века в русской, затем Красной и, наконец, в Советской армии существовал начальник, а впоследствии главнокомандующий артиллерией. В описываемые мною годы ракеты заставили потесниться традиционные «стволы» и в названии командования добавились слова «ракетных войск». К ним относились ракеты поля боя, так называемые оперативно-тактические. Стратегические ракеты, как межконтинентальные, так и средней дальности, проходили совсем по иному департаменту, ими командовал в то время маршал Бирюзов.

Для получения Пеньковским сведений о нашем ракетном потенциале это разделение функций существенного значения не имело. В закрытом кругу лиц, допущенных ко всем секретам,

информация циркулировала свободно. Да и от Варенцова ему удавалось узнать немало.

С Варенцовым Пеньковского связывал фронт. Он, тогда молодой лейтенант, служил адъютантом у командующего артиллерией фронта в победных 1944–1945 годах. Мои друзья-артиллеристы даже рассказывали байку, что Сергей Сергеевич обязан своему адъютанту жизнью, — тот, рискуя собой, вытащил его из-под танка, то ли немецкого, то ли нашего. Я в это не очень верил, скорее всего молву породила сильная хромота маршала, последствие фронтового ранения. Но как бы там ни было, а фронтовая дружба особого сорта. Варенцов не выпускал из вида своего бывшего адъютанта и в послевоенные годы, и тот платил патрону «преданностью».

Встречались они нередко, и тому находилось немало поводов. Приятель Пеньковского Иван Владимирович Купин женился на одной из дочерей Варенцова, а сам Олег Владимирович породнился с Дмитрием Афанасьевичем Гапановичем, членом военного совета Московского военного округа. Так что поводы находились всегда: то день рождения, то попросту заезжал на дачу помочь по хозяйству немолодому уже маршалу.

Ну уж о Купине и говорить нечего. Какие между друзьями-офицерами секреты? Тесть тоже не считал нужным скрываться от зятя, порой так хотелось выговориться.

Что знал Пеньковский конкретно, что и когда он передал американцам, сейчас сказать трудно. Нет сомнения в одном, он регулярно информировал ЦРУ о советском ракетном потенциале. Во время командировок в Париж и Лондон его селили в специально оборудованном номере гостиницы, несколько на отшибе от советской делегации. Конечно не очень далеко, чтобы не вызвать подозрений. В смежной с его номером комнате, оборудованной современнейшими средствами связи, собирались представители разведок стран, участвующих в эксплуатации агента. Когда жизнь замирала, предварительно накачанный лекарствами, чтобы не потерять бодрости, Пеньковский ночи напролет отвечал на многочисленные вопросы.

Отец напрасно рассчитывал, что его рассуждения о невероятной советской мощи продолжают вводить Белый дом в заблуждение. Американцы точно знали, что мы только приступили к постановке Р-16 на дежурство.

Информация, полученная как от Пеньковского, так и из других источников, позволила ЦРУ подсчитать соотношение ракетно-ядерных сил на 1962 год — 18:1 в пользу США. Эти цифры привел бывший министр обороны США Роберт Макнамара в январе 1989 года на московской встрече экспертов,

посвященной изучению проблем Карибского кризиса. Советские специалисты его не опровергли, не имели полномочий. На самом деле, преимущество американцев выражалось соотношением 8,3:1, двадцать семь тысяч шестьсот девять ядерных зарядов у них и три тысячи триста двадцать два — у нас.

Квинтэссенцией сведений, полученных от Пеньковского, было то, что советская ракетная программа развивается совсем не так успешно, как предполагалось на Западе, что Советский Союз не имеет достаточного количества межконтинентальных ракет, а пока располагает в основном ракетами средней дальности. Передал он американцам их технические характеристики и даже инструкции по эксплуатации. Вооруженный этой информацией Кеннеди смог противостоять советскому давлению, когда американцы обнаружили сооружаемые стартовые позиции ракет средней дальности на Кубе.

Взглянем на проблему с другой стороны. Какую, чисто технически, Пеньковский имел возможность передать информацию о решении разместить ракеты на Кубе?

Эти пять месяцев, с 20 мая, когда отец возвратился из Болгарии, до 22 октября, дня своего ареста, Пеньковский находился под неусыпным наблюдением сотрудников КГБ. Все его встречи, мимолетные контакты тщательно фиксировались.

Дело в том, что в течение длительного времени контрразведка знала, что из Генерального штаба на Запад уплывает совершенно секретная информация. В частности, из США «вернулась» запись одного совершенно секретного совещания в штабе Группы советских войск в Германии. Проверили списки участников. Как и полагается в детективе, в круг подозреваемых попало значительное число лиц, но по мере «просеивания» их становилось все меньше и меньше, и, наконец, предстояло сделать выбор всего из нескольких человек. Один из них — Пеньковский. За каждым из офицеров установили наблюдение. Сначала у Пеньковского проявились подозрительные связи, потом подозрения перешли в уверенность. Но для этого понадобилось время.

Позволю себе небольшое отступление. О совещании в Берлине отец рассказал мне после ареста Пеньковского. Собрал его Жуков, присутствовало несколько сот старших офицеров.

Когда я начал писать книгу, то усомнился в своей памяти. Жукова отрешили от должности в 1957 году, а согласно имеющимся сведениям, британская разведка завербовала Пеньковского в 1961 году. Не сходилось. Я решил Жукова не упоминать.

После публикации материалов Президиума ЦК в 2003 году обнаружилось подтверждение того, что я помнил о рассказе отца. В протоколе № 128 от 7 декабря 1957 года записано: «Вернуться к вопросу об источниках утечки информации о выступлении т. Жукова в Берлине».[78]

Но как же увязать 1957-й и 1961 года воедино?

Возможно, мы знаем не всю правду и Пеньковского завербовали не в 1961 году, а много раньше? Не исключено. Разведки редко говорят публике правду.

Однако есть и другое объяснение, на мой взгляд более реалистичное. Да, Жуков выступал в Берлине в 1957 году, и Пеньковский там тоже присутствовал, но еще просто офицером, а не шпионом, и к утечке информации отношения не имел. Кто-то что-то разболтал, кто-то подслушал болтовню, и теперь ищи ветра в поле. Пока искали, перепроверяли сотни людей, Пеньковский успел продаться англичанам, попасть под подозрение и, наконец, сесть в тюрьму. В жизни и не такое случается. Так это или иначе произошло, не знаю, но то, что все началось с выступления Жукова в Берлине, сомнений не вызывает.

Однако вернемся к событиям 1962 года.

Вот перечень встреч Пеньковского с его зарубежными коллегами, взятый из информации, фигурировавшей на судебном процессе. Начнем с конца мая. Можно отбросить состоявшуюся 31 мая на приеме в посольстве Великобритании встречу с курировавшей связь агента Анной Чизхолм. Пеньковский не мог тогда еще ничего знать.

2 июля и в последующие дни он находился в постоянном контакте с прибывшим из Великобритании коммерсантом Гревиллом Винном. Тут не возникло никаких трудностей, англичанин приехал по торговым делам, и переговоры с ним входили в служебные обязанности Пеньковского. В те дни, да и после ареста Винна, никто не догадывался, что он не коммерсант и не пешка-связник, а один из опытных британских разведчиков, опекун Пеньковского с той стороны.

Только через годы мы узнали, что Пеньковский и Винн условились: в случае провала постараться убедить следователей, что Винн только связник. О том, что допрашивавшие Пеньковского поверили ему, он должен был дать знак при встрече: провести особым образом по волосам или что-то вроде того. Следователи поверили. Обвиняемые обменялись соответствующими жестами. Винн остался в материалах суда мелкой сошкой.

К началу тех встреч информация о таинственной возне вокруг Кубы могла дойти до ушей Пеньковского, хотя до приезда Рауля Кастро она оставалась доступной лишь немногим. Но ведь Варенцов имел высший воинский чин маршала.

В конце августа Пеньковский просто не мог не знать о проводимой операции. Перемещались войска, десятками отходили в неизвестном направлении корабли. Кому придет в голову информацию, известную сотням людей, держать в секрете от одного из высших офицеров, к тому же доверенного лица самого начальника ГРУ.

А именно в конце августа, как зафиксировано в донесении службы наблюдения, Пеньковский, оформив должным образом разрешение, пошел в гости к сотруднику американского посольства Хорбели, где была назначена встреча с представителем ЦРУ Карлсоном. Там они имели возможность поговорить. Кроме того, Пеньковский передал Карлсону семь экспонированных микрофотопленок и данные о какой-то советской ракете. В этом подсудимый признался на суде. О чем он умолчал? Наверняка о многом.

После августовской встречи Пеньковского с представителями ЦРУ и МИ-6 у КГБ не осталось сомнений, что иностранный агент именно он. Контрразведка буквально повисла у него на хвосте. 5 сентября во время приема в американском посольстве предполагалась новая встреча с Карлсоном. Никаких разговоров, только мимолетная передача микрофотопленок в посольском туалете. Операция сорвалась, там торчал один из русских гостей. Ему было плохо, видно, «хватил лишнего».

Пришлось действовать по запасному варианту, предусматривающему перенос встречи на квартиру английского торгового советника Сениора, где очень кстати устраивался прием. И там им не удалось уединиться ни на минуту. Подвыпившие русские «друзья» не упускали из вида ни Пеньковского, ни Карлсона. Повторная неудача окончательно убедила Пеньковского, что дело идет к провалу. Он потребовал срочной эвакуации. На этот случай имелся неплохой сценарий. Винн на нескольких грузовиках начал путешествие с передвижной выставкой товаров своей фирмы из Венгрии в Советский Союз, с остановкой в Москве и далее в Хельсинки. Под днищем одного из трейлеров оборудовали тайник, где Пеньковский с относительным комфортом мог продержаться от Москвы до границы Финляндии. Однако операция и тут сорвалась.

В те июльские дни отец не знал ничего. Наши ракетные секреты казались упрятанными надежно. В середине июля проект соглашения о постановке ракет на Кубе, завизированный двумя

министрами обороны: от Советского Союза маршалом Малиновским и от республики Куба майором Раулем Кастро — представили в верха. Отец одобрил текст. Иначе и быть не могло, ведь Малиновский по каждому казавшемуся ему мало-мальски важным пункту звонил отцу советоваться. Договор предусматривал, что ракеты всех видов: баллистические, фронтовые, зенитные, береговой обороны — остаются в подчинении советского командования.

Теперь следовало заручиться согласием Фиделя. 17 июля Рауль Кастро с проектом документа улетел домой.

На июль 1962 года на Северном флоте назначили грандиозные показательные учения. Туда собирался отец и все высшее руководство страны. Наше конструкторское бюро оказалось в центре внимания. Практически все крылатые ракеты флота вышли из стен челомеевского КБ. Лихорадочная подготовка шла по всему побережью от Мурманска до Архангельска. В конце июня меня послали в Североморск. Там готовились к боевым стрельбам.

Жили мы на плавучей базе подводных лодок, огромном сером корабле, служившем частично общежитием, частично ремонтной мастерской, частично складом. С моряками мы быстро нашли общий язык, подружились. Как-то за вечерним чаем в кают-компании командир сообщил офицерам, что после учений база отправляется в дальний многомесячный поход. О его цели и пункте назначения он пока говорить был не вправе, а может, и сам не знал. Все последующие дни заполнились обсуждением, догадками, предположениями. Фантазия разыгралась. Только обстоятельный боцман хранил таинственное молчание. Меня он посчитал человеком доверенным и как-то поделился, что получено легкое, тропическое обмундирование. Вывод он делал однозначный: база пойдет на Кубу.

При встрече, рассказывая отцу о днях, проведенных в Североморске, я не упустил и этот эпизод. Отец улыбнулся: «Никакой секрет не удержишь. В штабах запрещено упоминать Кубу, а боцман все знает!»

К этому времени оборону острова решили подкрепить еще и подводными лодками. Заодно решались наши собственные проблемы, осложнявшие дежурство лодок у берегов США. С появлением возможности базироваться на Кубе до боевых позиций становилось рукой подать.

О том, как на этот шаг отреагируют американцы, особенно не задумывались. Считалось, что если все благополучно пройдет с

ракетами, то на базу подводных лодок никто не обратит особого внимания. Стоят же американские корабли в Шотландии, Италии, Греции и в других европейских портах.

В июле началась грандиозная операция по переброске на Кубу, по сути дела, нескольких советских дивизий. Весь месяц комплектовался личный состав: кто переодевался в гражданскую одежду, кто получал форму кубинских революционных вооруженных сил. На Кубе не должны были появляться советские военнослужащие. Солдаты и офицеры камуфлировались в технических специалистов, туристов и не знаю в кого еще. Войска и технику незаметно подтягивали к портам погрузки. Основной поток пришелся на черноморские порты: Феодосию, Николаев, Поти. На закрытой от посторонних глаз Севастопольской военно-морской базе грузилась сводная ракетная дивизия стратегического назначения генерала И. Стаценко. Ее собрали из наиболее подготовленных, набравшихся опыта учебно-боевых пусков полков. Один из полков этой дивизии год назад, в июне 1961 года, из района Воркуты с полевой стартовой позиции «обстрелял» ядерными зарядами Новоземельский полигон. Выпустили две ракеты: одну с атомным, другую с термоядерным зарядами. Мощность взрыва соответствовала расчетам. Теперь им предстояло показать себя на Кубе. Для сохранения секретности решили избежать приема на борт турецких лоцманов, обычно сопровождающих суда через проливы Босфор и Дарданеллы. Для них заготовили подарки — бакшиш. Его вручали прямо в лоцманском катере, в ответ делалась соответствующая отметка в судовом журнале, и стороны расставались довольные друг другом.

Не меньшую роль, чем Черноморское, играло и Балтийское пароходство. Порты там располагалась даже более удобно, удавалось легче рассредоточиться, одни грузились в Калининграде, точнее, в Балтийске, другие — в Лиепае, третьи — в Кронштадте.

Правда, идти судам предстояло на виду у всей Европы — датскими проливами, Северным морем, а затем Ла-Маншем. Тут от любопытных глаз не уберечься, следить станут за каждым шагом. Но это не имело особого значения — при современной технике в открытом океане тоже не скроешься.

Меньший поток грузов, ручеек по сравнению с первыми двумя потоками, потек и с севера из Мурманского порта и Североморской военно-морской базы. Отсюда уходили наиболее деликатные грузы — ядерные боеголовки для ракет, атомные бомбы для бомбардировщиков.

Подведомственные маршалу Варенцову ракетно-

артиллерийские части грузились на западе. В их состав входили реактивные установки ближнего боя «Луна», пока без ядерного снаряжения. Специальные боеголовки, как я только что упоминал, транспортировались отдельно.

Массовый выход судов из советских портов начался 12 июля, в тот день в дальний рейс отправился сухогруз «Хабаровск», за ним последовала «Мария Ульянова». Соблюдались все мыслимые предосторожности: погрузка производилась по ночам на специально выделенных причалах. Посторонние туда не допускались. Куда на самом деле направляются корабли, не говорили никому. Умышленно распускались самые невероятные слухи, капитанам указывались фальшивые пункты назначения, выдавались карты совсем других районов океана. В некоторых случаях при погрузке личный состав даже экипировали теплой одеждой, тоже в целях дезинформации. Размещались солдаты в трюмах, там наспех оборудовали койки, гамаки. Люки снаружи для пущей секретности опечатали, а на палубу разрешили выходить только в открытом море, в темноте. На судах, перевозивших личный состав, все палубы уставили сельхозмашинами. Казалось, весь Минсельхоз двинулся на Кубу.

Чтобы информация не просочилась до времени, оставшихся на берегу участников операции по завершении погрузки отправляли в длительные командировки на полигоны, в дальние гарнизоны. Там им предстояло коротать время до осени, до ноября. Местные командиры недоумевали — что это за напасть, откуда взялось такое количество комиссий, проверяющих и просто непрошеных консультантов и помощников. Расспросы не помогали, прошедшие строгий инструктаж гости загадочно молчали.

Солдаты и офицеры, спрессованные в трюмах отплывающих кораблей, тоже до последней минуты оставались в неведении. По замыслу Верховного командования, правду было дано узнать только в океане. Капитанам вручались запечатанные сургучными печатями пакеты. Вскрыть их надлежало одним — выйдя в Северное море, другим — после того как минуют Гибралтар.

Однако шила в мешке не утаишь. Несмотря на принятые меры, вся Одесса знала, что секретно снаряжаются корабли на Кубу. Об этом говорили на Привозе, судачили припортовые торговки. Не удержался секрет и среди сдержанных прибалтов. Но там старались особенно не распространяться — если им надо на Кубу, то пусть идут на Кубу.

В датских проливах возникла толчея. Такая же картина наблюдалась в Босфоре и Дарданеллах. Никогда такое количество советских транспортов не устремлялось из Черного и Балтийского

морей. Сначала феномен вызвал лишь недоумение, потом оно переросло в удивление, и, наконец, родилось подозрение. Забеспокоилась западногерманская разведка — ни один из кораблей не заходил в европейские порты.

Установили наблюдение. Проследив маршруты судов, обнаружили, что все они, пройдя в Северное море, разворачиваются в Атлантику, кто через Ла-Манш, кто окольными путями в обход Британских островов. Так же вели себя и суда, покидавшие Черное море. И их влекли далекие берега. Прямо как угрей Саргассово море.

Дело стало совсем подозрительным. Агентура подтвердила опасения: в советских портах загрузка кораблей происходит в обстановке чрезвычайной секретности и они отбывают в неизвестном направлении. О необычной миграции советского торгового флота в сторону Западного полушария немцы сочли необходимым предупредить своих американских союзников. Информация в адрес ЦРУ ушла в середине сентября. Американцы и сами не сидели сложа руки. Их авиационная разведка облетала корабли в открытом океане, но ничего подозрительного обнаружить не удалось, на фотографиях запечатлелись только мирные грузы.

Попросили союзников попытаться придраться к чему-нибудь и провести досмотр. Но и тут ничего не вышло, капитаны не давали повода для принятия решительных мер, поверхностный осмотр подтверждал — на борту сельскохозяйственные машины, именно то, что указано в судовых документах. Дотошные цэрэушники произвели подсчет. Оказалось: в июле того года на Кубу пришло тридцать судов под советским флагом против пятнадцати в прошлом. Дальше — больше, в августе их уже стало пятьдесят пять, против двенадцати в том же месяце 1961 года, в сентябре — шестьдесят шесть, а только за первую половину октября насчитывали их около сорока. По нашим данным, в июле десять кораблей, доставивших военные грузы, отшвартовались в кубинских портах, первой 26 июля пришла «Мария Ульянова». Всего же в операции принимали участие восемьдесят пять кораблей, совершивших за два с половиной месяца двести сорок три рейса.

Так что ЦРУ ошиблось не намного.

Кубинцы ощутили силу. На митинге, состоявшемся по случаю празднования годовщины штурма казарм Монкада, Фидель выступил с многочасовой эмоциональной речью. В ней он пригрозил США, что любое нападение на Кубу будет означать начало новой мировой войны, сослался на поддержку и помощь,

оказываемую социалистическими странами и особенно Советским Союзом. Он проболтался, любой намек в те дни таил в себе опасность.

Алексеев, назначенный послом СССР на Кубу 12 июня, смог выбраться туда лишь 13 августа. Сначала на него навалились переговоры с Раулем Кастро. Затем оказалось, что без него не может обойтись никто: ни Центральный комитет, ни Министерство обороны, ни КГБ, — всем требовалась информация о Кубе, советы, справки.

Прибыв в Гавану, Алексеев передал Фиделю привезенный с собой еще один вариант текста соглашения о размещении ракет. Он несколько отличался от того, который парафировал в Москве Рауль. Изменения не затрагивали интересов Кубы, они только усиливали ее способность противостоять нападению за счет поставки дополнительных современных видов вооружения. Фидель оставил документ у себя. Вскоре возникли новые изменения. В результате потребовался еще один тур согласования.

Американцы не оставались в бездействии. Директор ЦРУ Джон Маккоун 10 августа предупредил президента Кеннеди о возможности появления советских ракет средней дальности на Кубе. С того момента Куба оказалась под микроскопом. Фиксировалось каждое изменение, каждый шаг. В августе отметили появление в районе порта Мариэль двенадцати советских ракетных катеров. Информация оказалась точной. В то же время зафиксировали и появление на острове зенитных ракет.

Но главного, баллистических ракет, обнаружить не удалось. Их еще на Кубе просто не было.

Директора ЦРУ Джона Маккоуна мучили мрачные предчувствия. С чего это вдруг на Кубу доставляются современнейшие средства противовоздушной и береговой обороны? Логика подсказывала: следом должны последовать главные силы, очень возможно, баллистические ракеты. Ведь именно в такой последовательности сами американцы оборудовали позиции «Торов» в Великобритании и «Юпитеров» в Турции и Италии.

Маккоун 22 августа поделился своими подозрениями с президентом. Но на прямой вопрос Джона Кеннеди о наличии ракет ему пришлось ответить отрицательно. Их пока никто не видел. На пресс-конференции в тот же день президент Кеннеди сказал, что ему ничего не известно о высадке войск государств Варшавского договора на Кубе. Однако сообщения о таинственных событиях, происходящих на острове, возбудили у

него подозрения, и на следующий день он дал Совету национальной безопасности указание № 181 продумать возможную реакцию на возросшую активность «советского блока на Кубе». Было поручено изучить потенциальные военные, политические и психологические последствия размещения на Кубе ракет, способных достичь территории США, проработать военные альтернативные акции, позволяющие США уничтожить эти ракеты.

В своих рассуждениях Кеннеди исходил из глобальной стратегии, оценивал возможную инициативу отца только в свете стремления сократить разрыв в ракетно-ядерном потенциале. О том, что у Хрущева могут иметься иные, не менее мощные побудительные причины к такому шагу, ему и в голову не приходило. Кеннеди совершил ошибку в оценке нашей позиции. То, что подобные рискованные действия могут совершаться лишь для защиты от агрессии маленького народа, расположенного от Советского Союза за океаном и тремя морями, он просто не мог себе представить.

На Кубе обстановка тем временем накалялась. Операция «Мангуст» набирала силу. По всем признакам представлялось, что вторжение не за горами.

В ночь с 24 на 25 августа два неопознанных суденышка под покровом темноты подобрались к Гаване и открыли по расположенным на набережной жилым домам и отелям огонь из двадцатимиллиметровой пушки. Особого вреда подобная мухобойка принести не могла, но сам факт настораживал, просто так никто палить в соседа не станет.

Сенатор Кейпхарт призвал Кеннеди отдать приказ о вторжении на Кубу.

Президент на пресс-конференции успокаивал: «Было бы ошибкой вторгнуться на Кубу, — говорил он. — Действия подобного рода, которые могли бы явиться следствием весьма непродуманного предложения, могут привести к очень серьезным последствиям для многих людей».

Слова президента США опубликовали в Советском Союзе, но особого доверия у отца не вызвали. Разведка докладывала, что петля вокруг Кубы затягивается, американцы не успокоятся, следует ожидать решительных действий. Вот только где и когда? Отец нервничал, боялся опоздать. Он считал, что, не разрубив кубинский узел, невозможно ни сдвинуться с мертвой точки в переговорах о разоружении, ни вообще рассчитывать на ослабление напряженности в мире.

Отец, не стремившийся к обострению и без того не идеальных отношений с США, сейчас, в разгар операции, избегал любых

действий, способных спровоцировать непредвиденные осложнения в любом регионе. Пожар мог вспыхнуть от малейшей искры. Поэтому, когда 31 августа американский разведчик У-2 пролетел над Сахалином, не предпринималось попыток сбить его. Сегодня трудно сказать, имелась ли такая техническая возможность. Ведь он пребывал в нашем воздушном пространстве всего девять минут.

Советское правительство ограничилось нотой протеста и удовлетворилось стандартным объяснением: из-за сильного ветра пилот сбился с курса.

Ядерные испытания, нарушение моратория, контроль и инспекции, полное и всеобщее разоружение занимали в переписке правительств двух держав и на страницах газет значительно больше места, чем Куба.

Возобновление испытаний Советским Союзом, а за ним и США сдвинуло глыбу с места, и она, постепенно разгоняясь, покатилась под гору. Если ее вовремя не придержать, то она грозила снести, расплющить любую преграду, вставшую на ее пути. Становилось все более очевидным, что зыбкие односторонние обещания, моратории не приведут к решению проблемы — необходим договор, и как можно скорее.

Отцу очень хотелось остановить испытания одним махом, заморозить развитие этой технологии, не дать возможности даже мечтать об обходных маневрах. Он продолжал скептически смотреть на предложение США загнать испытания под землю. Это позволяло продолжать гонку, но более дорогими средствами.

Пока мы только приступили к очередной серии испытаний. Она предусматривала несколько десятков взрывов, включая сверхмощные многомегатонные. Правда, в целесообразности последних отец засомневался, слишком трудно предвидеть их последствия. Эхо от прошлогоднего пятидесятисемимегатонного взрыва на Новой Земле обошло всю планету, вызвало бурю протестов, особенно в Скандинавии.

Американцы устойчиво сохраняли качественное преимущество, в их интересах было как можно раньше приостановить наши испытания.

Мы, наоборот, спешили набрать очки к моменту возобновления диалога. Догнать соперников не представлялось возможным, тут у отца иллюзий не оставалось, но он стремился получить все, что могла дать наша технология.

О возможности контроля тогда у нас всерьез не задумывались, его продолжали воспринимать как узаконенную разведку, позволяющую США удостовериться в своем

многократном превосходстве. По мнению отца, такой контроль не отдалял бы нас от войны, а подталкивал к ней. Пока же американцы, примериваясь к ядерному удару по СССР, могли только догадываться, с каким ответом им придется столкнуться. В расчетах они исходили из собственных возможностей, вольно или невольно преувеличивали потенциал противника.

Убедившись в нашей слабости, они могли не удержаться от соблазна разделаться с Советским Союзом, пока он не набрал силу. По мнению отца, контроль станет эффективным только в условиях разоружения, когда возможности сторон сравняются.

25 февраля 1962 года президент Кеннеди призвал Советский Союз прекратить испытания.

В своем ответе 7 марта отец согласился только на встречу трех министров иностранных дел: США, СССР и Великобритании. До ее начала оставалось меньше недели, ни о какой серьезной подготовке, выработке новых позиций и думать не приходилось. В Женеву министры съезжались, лишь слегка освежив многократно использованные документы. Громыко привез с собой проект договора о полном и всеобщем разоружении под эффективным международным контролем. В возможность его принятия не верил никто, включая самого автора.

В ответ американцы предъявили ультиматум: или мы принимаем условия контроля, или они в последней декаде апреля приступят к испытаниям в атмосфере на островах Тихого океана. Бескомпромиссный тон послания свидетельствовал об одном — испытания начнутся.

Они возобновились 26 апреля. Все свидетельствовало о тщательной подготовке. Взрыв следовал за взрывом с перерывом в два-три дня. За полтора месяца к 10 июня их насчитали семнадцать.

17 июня их количество возросло до двадцати.

Гвоздем этой серии стали высотные взрывы. В прошедшие годы ядерные бомбы взрывали над землей и под землей, на поверхности океана и под водой. Теперь пришла очередь космоса.

О возможности взрывов за пределами атмосферы поговаривали уже давно. Сейчас американцы оправдывались необходимостью поиска способов борьбы с глобальными ракетами, которыми пригрозил отец. Правда, глобальных ракет еще никто не запускал, оставалось только догадываться, что они собой представляют. Взрыв в космосе, по предположениям специалистов, преследовал цель нарушить радиосвязь, ослепить радиолокаторы, лишить противника и себя возможности передавать команды вращающимся на орбите боевым устройствам, и не только им.

19 июля отец прибыл в Мурманск. До начала запланированных учений Военно-морского флота он хотел посетить рыбаков, осмотреть город, поинтересоваться жизнью северян. Встреча прошла пышно. К тому времени уже выработался определенный ритуал, который в значительной степени превращал деловую поездку в торжественное шествие. Отец морщился, но не находил в себе сил стукнуть кулаком по столу.

Пока в Мурманске говорились торжественные речи, в Североморске срочно заканчивались приготовления. Боевые корабли занимали предписанные позиции.

Моряки намеревались показать всё, чего они достигли за семь лет, истекшие с момента объявления подводного флота основной ударной силой.

Встречал отца новый командующий Северным флотом адмирал Касатонов, по случайному стечению обстоятельств он же демонстрировал достижения моряков и в 1959 году в Севастополе.

Расписание показа за прошедшие годы успело обрести свои традиции — сначала демонстрация образцов оружия на земле, а затем показ его возможностей в деле.

Чего только не было в хранилищах флотского арсенала, приспособленных временно под выставочные залы.

В одном размещались баллистические ракеты, от первой со скромной дальностью стрельбы в 150 километров до современной, стартующей из-под воды на сотни миль. Тут царил Виктор Петрович Макеев.

В соседнем ангаре-хранилище, где были собраны крылатые ракеты, первенствовал Челомей. Его ракеты, стреляющие по берегу и предназначенные для поражения кораблей, устанавливались на подводных лодках и крейсерах, на береговых батареях. Последнее время он примеривался и к катерам.

Рядом пристроились микояновские «Кометы», березняковские П-15. И тем и другим вскоре предстояло освоить акватории, прилегающие к Кубе.

Дальше шли торпеды, глубинные бомбы и множество других орудий, приспособленных для уничтожения людей. Во всех, точнее, почти во всех предусматривалась возможность оснащения ядерным зарядом. Практически каждый докладчик (тексты сообщений были не однажды прорепетированы и утверждены главнокомандующим), по заведенной традиции, сравнивал степень разрушительного воздействия «своего» вида вооружения со старым зарядом и новой, предполагаемой к испытаниям ядерной боевой частью. Решение о проведении еще одной серии

взрывов завизировали все, оставалась только подпись отца. Он ее поставил без обсуждений. Документ вечером ушел в Москву, а 22 июля решение советского правительства опубликовали все газеты. Американцы проводили свои испытания в ответ на советские. Мы — в ответ на американские.

Здесь, на Севере, отец впервые своими глазами увидел атомные подводные лодки. Самые первые, вооруженные торпедами и только начавшие осваивать еще совсем недавно практически недоступные рубежи у берегов США. Пришли на флот и первые ракетные подводные корабли. Правда, пока не такие, как предмет нашей зависти американский «Патрик Генри». Против их шестнадцати «Поларисов» Макееву удалось втиснуть в рубку всего три ракеты. Но это только начало. На стапелях уже закладывались корабли по образцу заморских, и дальность стрельбы Макеев обещал увеличить.

В конце первого дня предстояла особо приятная процедура. Экипаж атомной подводной лодки, совершившей первый в истории нашего флота дальний поход подо льдами Северного океана без всплытия на поверхность, принимал правительственные награды. Командующему флотилией подводных лодок контр-адмиралу Александру Ивановичу Петелину и герою дня командиру атомной подводной лодки проекта 627 «Ленинский комсомол», капитану второго ранга Льву Михайловичу Жильцову отец вручил звезды Героев Советского Союза.

Утром 21 июля под звуки оркестра отец, Козлов, Брежнев, Кириленко, Устинов в сопровождении министра обороны маршала Малиновского и главнокомандующего Военно-морским флотом адмирала флота Горшкова поднялись на борт флагмана Северного флота крейсера «Адмирал Ушаков». Выждав, когда закончится церемония торжественной встречи, за ними гуськом последовали остальные участники показа, как штатские, так и военные. Обширная палуба крейсера заполнилась разноликой толпой, и он стал чем-то напоминать круизный теплоход. Вот только погода стояла по-северному суровая. Несмотря на июль, воздух по-осеннему бодрил. Когда же солнце пряталось за тучу, было откровенно холодно. Военные запахнулись в шинели, штатские, кто попредусмотрительнее, натянули демисезонные пальто. Более легкомысленным пассажирам, понадеявшимся на календарь, выделили из флотских запасов бушлаты.

Прошло восемь лет после тихоокеанского похода отца на крейсере «Михаил Калинин». Флот разительно переменился. Не было ни атак торпедных катеров, подбирающихся к самому борту флагмана под прикрытием дымовой завесы, ни беглого огня

отгоняющих их эсминцев.

Демонстрировалась иная война, предстояло поразить противника, расположенного где-то необозримо далеко за горизонтом. После выхода в открытое море вдоль борта крейсера прошла и погрузилась одна из первых советских атомных подводных лодок. Поодаль, слева по курсу крейсера, готовилась к стрельбе подводная лодка с тремя баллистическими ракетами на борту. Ей предстояло продемонстрировать последнее достижение — подводный старт баллистической ракеты. Присутствовавшие сгрудились на борту крейсера: одни с равнодушием зрителей, другие — в напряжении сопереживания.

Наконец, совсем не там, куда все вглядывались, а значительно правее по курсу, из-под воды выскочила кажущаяся на расстоянии миниатюрной ракета. Вначале она чуть накренилась, все замерли. Тут взревел двигатель, ракета выровнялась, и через несколько десятков секунд в вышине виднелась только яркая звездочка.

Виктор Петрович Макеев принимал поздравления. Еще недавно казавшийся фантастикой старт из-под воды обрел реальность. Подводные лодки стали на самом деле подводными.

…Я не стану описывать многочисленные торпеды с обычными и ядерными зарядами, средства борьбы с подводными лодками, вертолеты и самолеты. День прошел насыщенно, одна учебная атака сменяла другую.

Так в хлопотах учений, постепенно огибая Кольский полуостров, крейсер продвигался к горлу Белого моря. Попутно он ненадолго заходил на рассыпанные по побережью военно-морские базы и стоянки. Их посещение гостями входило в план показа.

Наступила очередь крылатых ракет. На полном ходу стал обходить флагманский крейсер его младший собрат эскадренный миноносец «Грозный». На носу и на корме вместо традиционных пушек возвышались громоздкие четырехтрубные сооружения, отдаленно напоминающие торпедные аппараты. Только глядели они не в воду, а вверх, в небо.

«Грозный» представлял серию новых ударных кораблей, на которых традиционную артиллерию главного калибра заменили челомеевские крылатые ракеты П-35, способные поражать корабли противника на немыслимой раньше дальности в 250 километров.

«Грозный» сбавил ход, дал догнать себя тяжеловесному флагману. Трубы плавно развернулись поперек борта, в безлюдье открылись выпуклые крышки пусковых контейнеров. Послышался негромкий пронзительный свист, начал раскручиваться двигатель

ракеты. Его быстро сменил уверенный рев. Казалось, звук приблизился к пределу восприятия. Но нет! Стократ усиленный грохот пороховых ускорителей вытолкнул изящную ракету из трубы. Незаметно для глаз хлопнули раскрывшиеся в момент крылышки. Через несколько секунд все кончилось, ракета унеслась за горизонт. Торжествующий голос диктора разнес по палубе: «Цель поражена».

Отец поздравил Владимира Николаевича. Тот решил воспользоваться благоприятной обстановкой. Дело в том, что первоначально планировалась большая серия подобных кораблей. Но… поменялась точка зрения, крейсера и эсминцы «вышли из моды». Вместо запланированных десятков кораблей решили достроить уже заложенные на верфях четыре головных и этим ограничиться.

Обращаясь к одному отцу, Челомей стал расписывать достоинства ракеты, указывая на то, что с ее появлением надводный флот качественно изменился. Увеличилась дальность стрельбы, промахи стали исключением. Новые эсминцы представляют собой грозную силу, и нерационально ее искусственно ограничивать.

Ракета отцу понравилась. Тем не менее он не спешил согласиться с доводами генерального конструктора.

— А на подводную лодку эту ракету разве нельзя поставить? — задал он вопрос.

По тону я понял, что решение будет не в пользу эсминцев.

Челомей ответил, что там к оружию предъявляются специфические требования, подобные изделия существуют, их продемонстрируют в действии примерно через час.

Отец удовлетворенно кивнул.

— А как ваш «Грозный» защищен с воздуха? Его, что, невозможно потопить? — поинтересовался отец.

Теперь уже всем присутствующим стало ясно, куда он клонит. Челомей сообщил, что на эсминце установлены зенитные ракеты и зенитные пушки-автоматы, но, конечно, абсолютной неуязвимости они не гарантируют.

— Не будем зря расходовать деньги, — подвел итог отец, — для нас такие надводные корабли недопустимая роскошь. Давайте, как и решили, держаться подводных лодок.

Отец сел на своего конька, стал долго и подробно обосновывать преимущества для нашей сухопутной державы подводного флота над надводным. Эти споры уже давно отгремели. Присутствующие наизусть знали все аргументы, но перебить отца никто не осмеливался. Наконец отец иссяк и отрезал:

— Ограничимся четырьмя эсминцами, по одному на каждый из четырех флотов.

В одном отец пошел навстречу морякам: согласился повысить ранг боевых кораблей, перевести их из эсминцев в крейсера, тому соответствовала мощь их вооружений. Одновременно увеличивались и оклады офицеров, количество звездочек на их погонах. Крейсер — не эсминец.

Тем временем подошла очередь следующего старта. Челомей пригласил отца к борту крейсера, через считанные минуты подводная лодка произведет пуск крылатой ракеты «Аметист» из-под воды. Такого не умели даже американцы. Все прошло гладко. Почти не нарушив поверхности моря, из глубины выскочила похожая на баклана короткокрылая ракета и с утробным рокотом унеслась вдаль.

К вечеру 22 июля крейсер пришвартовался у причала Архангельского порта. На следующий день, после беседы в обкоме, отец продолжил знакомство с новым вооружением. Речь шла о перспективе. Крылатые баллистические ракеты разных назначений и конструкций в виде рисунков моделей заполнили столы и специально сделанные к торжественному случаю стенды, размещенные в помещениях штаба одной из военно-морских частей.

Отдельный раздел был посвящен военному использованию космоса: разведка, навигация, связь. Тогда это выглядело экзотическими новинками.

У макета челомеевского спутника УС, оснащенного мощным радаром для наблюдения за кораблями в океанских просторах, вышла заминка. В силу специфики его использования на борту требовалась необычно большая электрическая мощность. Солнечные батареи не тянули. Решили установить портативный ядерный реактор. До той поры подобные устройства Земли не покидали.

Особо всех беспокоила проблема безопасности, после окончания срока службы спутнику предстояло сгореть в атмосфере. Специалисты утверждали, что ничего трагичного произойти не может, но Челомей не хотел рисковать. Отработавший свое реактор он решил отделять от остальной конструкции и с помощью пороховика уводить на высокую орбиту. Там на космической свалке ему предстояло болтаться, пока наши потомки не придумают, что же им делать с неприятным наследством.

Решение устроило всех. Однако оказалось, что успокаиваться преждевременно. Склонная к отказам аппаратура сыграла злую шутку. Через много лет после описываемых событий, во время

испытаний одной из модификаций спутника команда не прошла, реактор не отделился. Не сработал и запасной аварийный канал, а вскоре спутник вообще перестал отзываться на истерические запросы с Земли. В Москве возникла паника, совещания следовали непрерывной чередой — одни искали виновных, другие выколачивали из разработчиков бумагу, гарантирующую безопасность. Как будто она могла кого-нибудь прикрыть. Особую нервозность вызвала необходимость оповестить мир о происшедшем, специалисты не могли предсказать, где упадет непрошенный гость и что повлечет за собой его падение.

Главный конструктор реактора Бондарюк хранил молчание. В конце концов под давлением из ЦК он написал в заключении, что ядерный взрыв исключается, а другие последствия он предсказать не берется. В самом конце документа стыдливо признался, что если не разрушится защита, то не исключен тепловой взрыв мизерной мощности, не более пяти килотонн. Дальше говорилось, что его вероятность исчезающе мала.

В ЦК схватились за голову, потребовали убрать приписку, но Главный стоял на своем: вы просили заключение, я написал обо всех теоретических возможностях. А публиковать или умолчать — решайте сами. Решили умолчать.

Потекли дни настороженного ожидания. С каждым оборотом спутник приближался к Земле, вот-вот он зацепится за атмосферу и рухнет вниз. Теплилась надежда, что произойдет все над океаном, обломки скроются под водой. Не повезло. Спутник развалился над Канадой, остатки конструкции дождем рассыпались по тундре. К счастью, обошлось, взрыва не произошло. Никто не пострадал.

Но это все было впереди. Пока страсти разгорелись вокруг типа реактора, он должен сочетать надежность с минимальным весом.

Академик Александров стоял за тепловой — он надежнее, член-корреспондент Лейпунский считал аргументы Александрова смехотворными, по его мнению, ставить на спутник необходимо реактор на быстрых нейтронах. Ни у себя в министерстве, ни у заказчика они договориться не смогли.

Многоопытный Александров в качестве арбитра выбрал отца. В конце доклада офицера-стендиста, когда отец уже собрался идти дальше, он вмешался и стал излагать преимущества теплового варианта. Отец в легком недоумении слушал, но академика не прервал. К нему он относился с огромным уважением как к родоначальнику атомных кораблей — подводных и надводных.

Говорил Александров сбивчиво, то и дело скатывался на

понятные только специалисту технические подробности.

— Товарищ Александров, вы хотите, чтобы я за вас решал, какой реактор ставить? А вы за что деньги получаете? — сказал отец с благодушной улыбкой. — Вы мне лишнего не рассказывайте. Сами выбирайте, сами и отвечайте, а меня к себе в компанию не тащите.

Отец, потянувшись, похлопал рослого академика чуть пониже плеча, куда удалось достать, и увлек его к макету следующего спутника.

В музеях и на выставках ноги всегда устают быстрее. Обходя экспонаты, отец изрядно утомился. Сначала он не подавал виду, бодрился, но в конце концов не выдержал. О построении системы глобальной разведки докладывал один из идеологов стратегии флота в космический век капитан первого ранга Константин Константинович Франтц. Отец внимательно слушал, в этом зале экспонат оказался последним. Когда сообщение окончилось, он не двинулся дальше, а, оглянувшись по сторонам, то ли спросил, то ли попросил:

— Стула у вас не найдется?

Кто-то притащил из соседней комнаты стул и поставил перед отцом. Он собрался было уже сесть, но глянул на толпящуюся сзади свиту, на вытянувшихся перед экспонатами специалистов и усовестился. Как бы очерчивая круг, отец повел рукой:

— Всем, всем.

И совсем по-домашнему добавил:

— Давайте посидим, отдохнем. Совсем ноги не держат.

Принесли стулья, обычная в таких случаях сумятица быстро улеглась. В комнате повисло молчание. Никто не считал себя вправе нарушить тишину в присутствии отца.

Немного отдышавшись, отец взял инициативу на себя.

— Понаделали вы множество всяких необыкновенных вещей, — произнес он, поочередно перебрасывая взгляд с одного лица на другое, — просто чудо. Вот только дай бог, чтобы не пришлось все это применить.

Отец замолчал, задумавшись. Потом встрепенулся и стал рассказывать о своей встрече с Кеннеди в Вене в прошлом году.

У отца было несколько таких рассказов о событиях, произведших на него особо сильное впечатление, врезавшихся навсегда ему в память.

К ним относились обстоятельства, предшествовавшие окружению наших войск под Харьковом весной 1942 года. Отец там был членом Военного совета фронта.

Тогда в эйфории от победы в Московской битве в декабре 1941 года Сталин приказал наступать на всех фронтах: на

ленинградском направлении, в Центре и на Юге в сторону Харькова. Ничего путного из этого не получилось, прорывавшаяся к Ленинграду Вторая ударная армия завязла в болотах, немцы ее окружили, раздробили на части и уничтожили, а командовавшего ею генерала Власова пленили. В Центре попытки прорвать оборону противника обернулись большой и практически напрасной кровью. «Первая наступательная Харьковская операция — Бурвенково-Лозовская проводилась в январе 1942 года и потерпела фиаско. О втором наступлении, в марте мало кто помнит. 12 мая 1942 года началась третья наступательная операция», — пишет Константин Быков в подробном историческом исследовании «Харьковский котел. 1942».

Юго-Западному фронту противостояли основные силы немцев, изготовившись к броску на Волгу и Кавказ. Ставка концентрацию войск противника проворонила, Сталин считал, что Гитлер ударит на Москву, и требовал идти вперед, загонял войска, в расставленную немцами ловушку. Они рассчитывали заманить нас в узкий коридор, а затем ударами с флангов взять в клещи. Так и получилось. Штаб фронта разгадал замысел противника слишком поздно, но все же попытался спасти положение, выскользнуть из западни, но ставка приказывала наступать.

Безысходность, чувство собственного бессилия, невозможность повлиять на стремительное движение раскручивавшейся пружины событий запечатлелись в голове отца в мельчайших подробностях. Он раз за разом возвращался к телефонным звонкам Сталину, не желавшему выслушать ни его, ни маршала Тимошенко. Они умоляли разрешить остановить ставшее гибельным наступление войск, отвести войска из-под нависшего удара на исходные рубежи. Наверное, они бы не успели, но хотя бы попытаться… Немцы начали окружение советских армий на следующее утро. Чувство вины за загубленные жизни осталось в сердце отца навсегда.

Постоянно возвращался отец к теме смерти Сталина. Никто в те дни не ведал, по какому пути дальше пойдет страна. Как сложатся судьбы стоявших вокруг умирающего тирана членов узкого круга. Одно не вызывало сомнений — без борьбы не обойтись.

История ареста Берии служила еще одной постоянной темой.

Теперь добавилась новая глава — встреча с президентом Кеннеди в Вене.

Рассказ отца в Архангельске не отложился у меня в памяти, стерся массой похожих, слышанных в других местах. О его содержании мне недавно напомнил приставленный в те дни к

макету одного из разведывательных спутников ведущий конструктор из нашего конструкторского бюро Марк Бендетович Гуревич.

Человек в высшей степени тонкий и внимательный, он запомнил не только слова, но и интонации и настроение рассказчика. Свои рассуждения отец начал с оценки подхода различных мировых лидеров к проблемам войны и мира. У каждого из них: Эйзенхауэра и де Голля, Идена и Ги Молле, Насера и Мао Цзэдуна — были свои позиции, свои особенности, но, по мнению отца, все они вышли из «холодной войны» и теперь не могли отрешиться от закостенелых стереотипов. «Чтобы поверить в реальность жизни без войны, нужно на мир взглянуть в другой плоскости, по-новому, — вещал отец. — Это очень трудно».

Отец на минуту замолчал. Снова повисла тишина. Он продолжал: «Тем приятнее мне было разговаривать с новым президентом США. Кеннеди смотрит на мир по-иному, он, чувствуется, на самом деле хочет найти выход из тупика». Тут же отец добавил, что Джон Кеннеди многого не понимает, одного — из-за недостатка политического опыта, другого — из-за узости классового мышления. Первое легко исправится, опыт дело наживное, со вторым придется считаться, ничего не поделаешь. В качестве примера он привел позицию президента США, выступившего в Вене против освободительных войн порабощенных народов.

— Ничего не поделаешь, он представитель своего класса, — снова уже с улыбкой произнес отец. — Не это основное. Главное, он искренне хочет мира. С ним можно работать, он цепко держит американскую политику в своих руках.

Снова по комнате разлилась пауза.

О чем задумался отец? Где он был? Кто знает? Как бы очнувшись, он неожиданно вполголоса произнес:

— Кеннеди — человек, рожденный для президентства. Все у него есть: и культура, и умение вести переговоры, и твердое понимание своих целей, и трезвая оценка намерений оппонента.

Он еще немного помолчал и закончил неожиданно:

— Вот только для американцев он слишком хорош. Они от него избавятся…

Отец не ожидал реакции, казалось, он вообще не замечал слушателей. Прошло еще несколько мгновений, он решительно встал, отдых закончился. За ним, гремя стульями, стали подниматься остальные.

— Пошли дальше. Что вы нам еще приготовили? — совсем другим тоном обратился отец к Горшкову. Вся группа двинулась

дальше.

На следующий день отец возвратился в Москву.

Еще через день, 25 июля, он принимал с прощальным визитом посла США Ллуэлина Томпсона. Отец сожалел, что посол покидает Москву. Он привык к нему, уважал за ум, проницательность, выдержку, а больше всего — за стремление вникнуть в суть происходящего в нашей стране, найти взаимоприемлемые для наших стран решения. Немаловажными стали и чисто человеческие симпатии, не только сам посол, но и его приветливая, доброжелательная жена Джейн вызывали искреннее расположение отца.

С другой стороны, отец не скрывал удовлетворения от нового назначения Томпсона. При президенте Кеннеди ему предстояло заняться русскими вопросами. Рядом с президентом будет постоянно находиться человек, знающий о нашей жизни не понаслышке, а поварившийся в московской «кухне», знакомый практически со всем и со всеми.

Отец заранее предупредил маму, что пригласит посла с семьей на дачу пообедать на прощание. Подобного знака исключительного внимания не удостаивались даже представители дружественных держав.

Атмосфера на даче сложилась непринужденная, почти семейная. Две дочери посла, как это делают все дети во всех странах, подарили дедушке свои рисунки. Джейн Томпсон тоже преподнесла отцу прощальный подарок. Мило улыбаясь, на своем не очень правильном русском языке она сказала, что долго раздумывала, что бы подарить не для собрания пыли на полке. Тут она вытащила из своей сумки небольшую коробочку и достала оттуда грубовато сделанную толстостенную большую стеклянную рюмку. На лице отца проступило откровенное недоумение. Он пригляделся: рюмка выглядела необычно: казалась почти полной.

Джейн Томпсон насладилась произведенным эффектом. Продолжая улыбаться, стала пояснять: на такой должности, как у отца, часто приходится бывать на приемах. В России, где такая масса тостов, это тяжелая для здоровья работа. Она не раз наблюдала, как заставляют пить до дна. С этой рюмкой отец сможет не переживать за столом, она всегда полна, и ее без опаски можно опорожнять раз за разом.

— Она внутри из стекла, — пояснила миссис Томпсон, — создается полное впечатление полной, а на самом деле там чуть-чуть.

Вплотную сблизив указательный и большой пальцы левой

руки, она показала сколько.

Отцу подарок пришелся по душе. За обедом он пользовался только им, и впоследствии, появившись на каком-либо приеме, не раз со словами: «Я из своей» — вытаскивал из кармана заветный сосуд. Отец искренне потешался всеобщим замешательством, а потом с удовольствием делился своим секретом.

Сохранил он эту экзотическую посудину до конца своих дней. В отставке, после заболевания поджелудочной железы, он вообще перестал употреблять спиртное, по большим праздникам отец выставлял перед собой подарок, наливал туда на два миллиметра коньяка. Над белым стеклом, заполняющим рюмку, коньяк растекался меленьким коричневым озерцом. И отец обязательно рассказывал о том, кто преподнес ему эту игрушку. После его смерти она затерялась, как и многие другие памятные мне вещи.

За столом серьезных разговоров не велось. Отец вспоминал свой визит в США, говорил о гостеприимстве и открытости американского народа, тепло отозвался о встрече с президентом Кеннеди в Вене. Правда, он не преминул посетовать, что его собеседник не понимает неизбежности изменений в мире, стремится его «законсервировать», а это еще никому не удавалось.

Немного поговорили о назначении, ожидающем посла. После обеда отец с Томпсоном пошли пройтись, а мама с Джейн остались на веранде, у них завязался свой разговор.

Прощание было теплым, я бы даже сказал, дружеским. Отец пошутил, что президент сделал хороший выбор. Посол вежливо поблагодарил за гостеприимство.

Джейн Томпсон оказалась среди тех, кто в 1971 году прислал соболезнование по поводу смерти моего отца.

В начале августа отец собрался в отпуск в Крым. Туда же обещал прибыть и король Афганистана Мохаммед Захир. Обычно король отдыхал в Италии или на Лазурном берегу, но глава правительства соседнего государства так настойчиво расхваливал прелести Черного моря и крымских пляжей, что игнорировать приглашение становилось просто неудобным.

Приезд короля отец расценивал как свою личную победу. Упрочение дружеских связей с королевством давно стало стратегической целью. Сложная граница в горах требовала спокойствия. Ее укрепление, содержание там войск обошлись бы стране в миллиарды рублей. Первую попытку установления взаимопонимания с королем отец предпринял еще в конце 1954 года, когда они с Булганиным остановились в Кабуле по дороге домой из Индии. Король принял их с подобающими почестями,

но на сближение не шел, побаивался коммунистов. Отец рассказывал, как он отверг все, даже самые нейтральные предложения об оказании помощи, в частности, в строительстве хлебозавода и госпиталя. Другие страны принимали подношения с благодарностью, здесь же за благодарностью последовал вежливый отказ.

Потребовались годы дипломатической настойчивости, чтобы король поверил в наше дружеское расположение, искренность намерений, перестал опасаться подвоха и даже нападения с севера.

К1962 году отношения с Афганистаном я бы назвал дружественными. Король доверял нам настолько, что согласился на прокладку дороги от границы, разделяющей наши две страны, до Кабула. Не возразил он и на осторожный зондаж возможности строительства ответвления от трассы к иранской границе. Если основная ветвь служила исключительно торговым целям, снабжению города товарами, поступающими из Советского Союза, то возможность выхода к иранской границе обеспечивала маневр в случае возникновения военного конфликта. Строительство дороги отец считал высшим проявлением межгосударственного доверия, ведь она легко могла превратиться из торгового пути в стратегическое средство сообщения.

В то лето отец приложил немалые силы, стремясь убедить соседей в нашем миролюбии. Все свободное время он проводил с королем. Они поднимались в горы в Крымский заповедник полюбоваться на оленей. Объехали все южное побережье. Встречались почти ежедневно. Вместе купались, нередко обедали в семейном кругу. Король к отцу на дачу приезжал с наследником, женщины оставались дома.

Казалось, все шло удачно. О южной границе можно не беспокоиться.

В Женеве наконец удалось достигнуть согласия. Отец отступился, он понял, что уговорить США пойти на полное прекращение взрывов не удастся. По его мнению, дело тут не в контроле. Для такого решения мир еще не созрел. Невозможно разом остановиться на полном ходу.

На пресс-конференции в Белом доме 30 августа президент Кеннеди заявил, что он готов прекратить с 1 января 1963 года все испытания ядерного оружия, кроме подземных. Конечно, на основе взаимности со стороны Советского Союза.

Наш представитель на переговорах в Женеве Василий Васильевич Кузнецов 3 сентября получил директиву согласиться на запрещение испытаний в трех средах.

Одновременно последовало указание Ефиму Павловичу Славскому подготовиться к работе в новых условиях. Зарываться под землю.

В оставшиеся до наступления Нового года дни обе стороны стремились перещеголять друг друга, ведь больше подобной возможности не представится. Взрывы на Новой Земле, в Семипалатинске и на тихоокеанских островах гремели, не затихая.

Единственным человеком, взволнованным решением о проведении новой серии испытаний, оказался Андрей Дмитриевич Сахаров. Он снова обивал пороги, предупреждал, требовал, но воспринимали его протесты как блажь, причуды теоретика — все они, мол, немного не от мира сего.

После прошлогодней июльской стычки с отцом в Овальном зале Кремля Сахаров понимал: испытания не остановить. Сейчас он беспокоился по конкретному поводу. Очередной взрыв на Новой Земле ему представлялся нецелесообразным. В своем мнении он оказался одинок, остальные специалисты высказывались за.

Отчаявшись, Сахаров решил дозвониться до отца. Это оказалось нелегко, он в те дни, нигде не задерживаясь надолго, объезжал республики Средней Азии. С 26 по 30 сентября маршрут пролегал по Туркмении: Ашхабад, Мары, Небит-Даг.

Сахарову удалось поймать отца в Ашхабаде. Когда помощник доложил, кто звонит, и осведомился, что ответить, отец догадался, о чем пойдет речь. Ему вспомнился прошлогодний спор, оставивший неприятный осадок на душе. Как и большинство нормальных людей, отец не любил неприятных разговоров и по возможности старался их избегать. В данном случае объяснение представлялось ему бессмысленным. Правительство, взвесив все обстоятельства, приняло решение. Ученые высказались за взрыв, один Сахаров — опять против.

Появилось мимолетное желание не брать трубку, помощник придумает благовидный предлог. Но отец отогнал эту трусливую мысль, после той размолвки его отказ от разговора приобретет особый смысл. С Сахаровым так поступать нельзя, его необходимо выслушать, а если он не прав, то разъяснить, убедить, поспорить, в конце концов.

Я, конечно, не могу воспроизвести разговор, так как отец находился в Ашхабаде, а я в Москве. У меня сохранились лишь воспоминания о его рассказе. Он не воспринял доводов Сахарова, они показались ему наивными.

Сахаров, со своей стороны, тоже не понимал отца: как можно сиюминутные выгоды, военные или политические, возвышать над

судьбой всего человечества?

Отец убеждал Сахарова, что он преувеличивает опасность взрыва, все его коллеги, не меньшие профессионалы, чем он, гарантируют успех и разумную безопасность. Спор зашел в тупик, и отец решил схитрить. Он предложил Сахарову изложить свои доводы Козлову, пусть разберется. Он ему даст поручение. Разговор закончился, оставив неудовлетворенными обоих собеседников.

Отец тут же попросил соединить его со Славским. Тот еще раз подтвердил: испытывать надо, все проверено и перепроверено. Сахаров просто паникует.

Славский предложил приблизить время взрыва. Когда все произойдет, спорить окажется не о чем. Отец согласился.

Когда Сахаров достучался в Москве по указанным адресам, действительно, предмета спора больше не существовало, он испарился вместе с металлической вышкой.

Отец не отмахнулся от своих разногласий с Сахаровым. Он не согласился с ним, но и не записал его в стан своих противников. Он верил в свою политическую правоту и прощал «наивное заблуждение» ученому. Каждый остался при своем мнении. О столкновениях с Сахаровым отец не раз рассказывал в те далекие годы, когда находился у власти. И в отставке, когда оба они попали в разряд диссидентов, отец не переменил свои оценки событий прошедших лет.

Я не думаю, что Сахаров и отец могли прийти к общему решению, они по-разному оценивали одни и те же события. В одном они сходились: и тот и другой, каждый по-своему, искренне пытались нащупать путь, избавляющий человечество от гибели, ведущий к справедливости и лучшей жизни.

По установившемуся обычаю, по результатам испытаний, против которых так протестовал Сахаров, составили обширные списки к награждению. Чиновники не включили в них фамилию Сахарова. О его острых столкновениях с отцом знали все.

Отец возмутился.

— С такими людьми, как Сахаров, надо разговаривать, убеждать их, а не бороться, — повторил он запомнившиеся мне слова.

Сахарову вручили третью Звезду Героя социалистического труда.

Вскоре после разговора отца с Сахаровым по телефону и испытания мощной боеголовки Славский вновь заговорил о взрыве стомегатонного заряда. Отец на сей раз отозвался однозначно отрицательно: на земле нет места, где это можно сделать безнаказанно. Сверхмощный заряд сохранился только как

средство давления в политических спорах.

Когда посол Томпсон прибыл в США, ничто не предвещало нового всплеска напряженности. В Советском Союзе опубликовали долгожданный указ об увольнении в запас части военнослужащих.

Не прекращалась глухая возня вокруг Берлина, затихнувшая было на время. Она всколыхнулась в связи с годовщиной установления разграничительной линии, теперь обретавшей все более фундаментальное материальное воплощение в виде стены из железобетонных блоков.

Советское правительство продолжало по старинке давить на Запад, угрожая сепаратным мирным договором с ГДР. Время от времени призывы в подтверждение серьезности слов сопровождались демонстративными акциями. В августе СССР объявил об упразднении комендатуры советских войск в Берлине. 28 августа советское правительство уведомило Генерального секретаря ООН о своем намерении в ближайшее время подписать мирный договор с ГДР. Правда, дата заключения соглашения предусмотрительно не указывалась.

На мой вопрос, не помешает ли Берлин задуманному на Кубе, отец только загадочно улыбнулся и ничего не ответил. Но, честно говоря, перипетии вокруг вольного города и все сопутствующие им проблемы к тому времени изрядно надоели и не воспринимались мною слишком серьезно.

Как выяснилось позднее, берлинский всплеск задумывался отцом как отвлекающий маневр, уж больно пристально Вашингтон стал приглядываться к Кубе. Его хитрость сработала. Американцы по уже опробованным приватным каналам обратились с просьбой не обострять ситуацию в Европе до конца выборов. Отец с готовностью согласился.

Одним словом, мир жил привычной жизнью.

Поток судов, тянущихся на Кубу, нарастал с каждым днем. Зафрахтованные нами грузовозы под иностранными флагами привычно заходили в Гавану и другие крупные порты. Они везли продовольствие, оборудование, топливо и другие обычные грузы. Корабли под советским флагом на подходе к берегам Кубы старались затеряться, раствориться в ночи. К многолюдным причалам они не швартовались, заходили на специальные стоянки, которые оборудовали на отдаленных причалах, подальше от людских глаз, в одиннадцати специально отобранных кубинских портах: Касильда, Мариель, Кабаянья, Байо-Онда, Сьенфуэгос, Сантьяго-де-Куба и других. Проникнуть к ним с суши оказывалось непросто, все подходы охранялись не говорившими по-испански вооруженными людьми в штатской

одежде. Разгрузка велась ночами, тоже иностранцами в штатском.

Чего только ни привозили на этих судах. Из трюмов через специальные ворота в бортах выползали хобастые танки, грузовики причудливых форм, бронетранспортеры. Ими сноровисто управляли все те же штатские.

Особое внимание привлекали многоколесные «сороконожки» с полукруглыми ложементами на спине. Специалисты сразу узнавали в них пусковые установки «Лун», тактических ракет поля боя. Сами ракеты в длинных покрашенных грязно-зеленой краской ящиках выгружались поблизости. К прибытию ядерных боезарядов готовились особо.

«Луны» предназначались для обороны стартовых позиций баллистических ракет. В их задачу входил разгром возможного десанта с применением обычной взрывчатки. Установка специальных головок могла производиться только в самом крайнем случае, или если американцы первыми пойдут на применение ядерного оружия. Так-то оно так. На бумаге приказы всегда выглядят гладко. Да только в пылу боя командир знает одну команду: «Стоять до последнего», а уж как ее выполнить, решать чаще всего приходится самому.

Но об этом пока не думали. «Луны» уползали в отмеченные крестиками на карте места своей дислокации. Краны сгружали множество ящиков различных размеров и конфигураций. Их немедленно отвозили на близрасположенные временные склады. Оттуда колонны ЗИЛов, ГАЗов и МАЗов муравьиными цепочками растекались по всему острову.

В условных пунктах на побережье из ящиков извлекались самолетики, схожие с уже знакомыми на острове МиГами, но без кабин. Одни устанавливались на катапульты, увозились на побережье и там маскировались. И вот уже ракетные батареи береговой обороны готовились к отражению нападения с моря. Другие уходили в глубь острова. Если «Луны» стреляли на пару десятков километров, то фронтовые крылатые ракеты, так называлась эта модификация беспилотных МиГов, могли поразить цель на расстоянии почти в 180 км, вплоть до побережья Флориды. Боевые части, как и у «Лун», комплектовались в двух вариантах, обычном и специальном — ядерном.

В кубинские порты по ночам приходили необычные катера. Там, где на корме должны были располагаться торпедные аппараты, у них горбились какие-то сараюшки, походившие на курятники. Катера швартовались подальше от любопытных глаз. Только особо посвященные знали, что в этих домиках скрыты миниатюрные крылатые ракеты, способные с расстояния в несколько десятков километров пустить ко дну вооруженный

самыми мощными пушками военный корабль. При этом сами катера оставались недосягаемыми для артиллерии противника. Если повезет, не перехватят с воздуха, то такой катер вполне мог потягаться и с авианосцем. Кубинцам особенно нравились эти суденышки, как бы уравнивающие их в силах с могучим соседом.

Особое значение придавалось защите от воздушного нападения. Если американцы решатся на этот шаг, то в первую очередь они обрушат на ракеты бомбовый удар. По всему периметру Кубы, особенно часто со стороны, развернутой к Соединенным Штатам, устанавливались батареи зенитных ракет.

Молодые, одетые в легкие спортивные рубахи и синие штаны, белотелые, не успевшие еще загореть на тропическом солнце ребята сноровисто отрывали капониры, когда с помощью экскаваторов «Беларусь», а чаще привычно, по-нашему, лопатами. Туда загонялись пусковые установки и, согласно уставу, накрывались маскировочными сетями.

Как и находящиеся на подходе баллистические ракеты, зенитные комплексы обслуживались только советскими военнослужащими и подчинялись только советскому командованию.

Ракеты ставили по побережью частоколом в один ряд. Только в западной оконечности острова, напротив Гуантанамо, пришлось поставить позиции эшелонированно, американская база рассматривалась как наиболее вероятный источник нападения.

Зенитные пушки передавались в распоряжение кубинской армии. Им предстояло оборонять остров от низколетящих самолетов, в первую очередь устаревших, таких как Б-26. Невозможно было, нарушив воздушное пространство республики, не наткнуться на ощетинившуюся в небо стволами зенитную батарею. Советские инструкторы с ног сбились, объезжая пункт за пунктом, приводя оружие в боевое состояние и обучая кубинцев обращению с ним.

Сухопутную оборону дополняли и укрепляли самолеты. По всей длине острова, примерно на равных расстояниях друг от друга вытянулись пять военно-воздушных баз, а точнее, просто аэродромов. Три тяготеющие к центру острова прикрывали от возможного воздушного нападения Гавану и, главное, стартовые позиции баллистических ракет, неуязвимых в полете, но абсолютно беззащитных на земле.

Здесь собирали доставленные в ящиках сверхзвуковые истребители МиГ-21. Главным их назначением был перехват нападающих самолетов противника, но за короткое время они могли превратиться во фронтовые бомбардировщики.

На двух крайних аэродромах, в западной и восточной

оконечностях острова, разместились Ил-28. Выбираться за пределы зоны действия своей противовоздушной обороны они не намеревались, опасаясь стать легкой добычей истребителей противника. Облетая побережье, они могли эффективно нести патрульную службу, а при надобности атаковать обнаруженный десант.

Эти средства предназначались для обеспечения неприкосновенности баллистических ракет. Набиралось их немало: восемьдесят фронтовых крылатых ракет, почти полторы сотни «семьдесят пятых», тридцать четыре «Сопки». К ним добавлялись девять «Лун». Все перечисленные ракеты могли нести ядерное оружие. Арсенал дополняли сорок МиГ-21 и сорок два Ил-28. Двенадцать катеров проекта 183 «Комар», каждый с двумя самонаводящимися ракетами П-15 на борту, могли оказать серьезное сопротивление любому десанту.

Баллистические ракеты. На них сосредоточились все помыслы, ради них проводилась вся эта грандиозная операция. Именно в места их будущего расположения: в Сан-Кристобаль и Гуанахай на восточной оконечности Кубы и ближе к центру острова в Сагуа-ла-Гранде и Ремедьос направлялся основной поток грузов. К прибытию ракет требовалось серьезно подготовиться, разместить войска, а их набралось немало, оборудовать позиции, сделать все, что охватывается емким словосочетанием «организация обороны». Тут сосредоточились танки, артиллерия, обозначились рубежи пехотных соединений. В случае столкновения ракеты ни в коем случае не должны были попасть в руки противника.

Приготовления производились в тесном взаимодействии с кубинцами. Фидель Кастро интересовался малейшими подробностями операции. Все неизбежные в большом деле шероховатости уничтожались в зародыше.

Нити управления собирались в штабе советского командования на Кубе, в руках генерала Плиева. Он выглядел помолодевшим, вспомнившим былые годы, боевые операции. Сейчас, как и тогда, везде надо было поспеть, все проверить, доглядеть. Почти каждый вечер, а порой и несколько раз на дню он связывался с Фиделем, информировал об обстановке. Отец был просто в восторге от Плиева.

Американцы не проявляли особой активности, не чинили препятствий нашим передвижениям. Отец относил это на счет мастерства маскировки, но только отчасти. Он не исключал, что американцы решили не придавать особого значения проводимым операциям по укреплению обороноспособности Кубы.

Отец все больше проникался уверенностью в благополучном

завершении предприятия. Несколько раз он, нахваливая Плиева, повторял, что по результатам его деятельности тот заслуживает присвоения звания маршала Советского Союза. Он с наслаждением осуществил бы свое намерение немедленно, но решил все-таки дождаться последнего шага.

Я снова задал ему вопрос о том, как же намереваются укрыть от глаз американцев следы пребывания ракет. На сей раз отец от меня просто отмахнулся.

В Вашингтоне Маккоун пытался найти подтверждение своим опасениям, хотел удостовериться в присутствии баллистических ракет на Кубе или… получить опровержение. С этой целью над Кубой 29 августа долго летал очередной У-2, в том числе над Сан-Кристобалем, где советские саперы уже начали подготовку к сооружению первых стартов Р-12. Однако проявленные фотопленки не внесли ясности. Никаких следов баллистических ракет обнаружить не удалось. Зато на фотографиях разных районов острова то тут, то там выявлялись 75-е. Их старты росли как грибы после дождя. Удалось сделать и новое открытие. На побережье Кубы, развернутом в сторону Флориды, начали сооружаться позиции противокорабельных крылатых ракет. На острове явно что-то происходило. Но что?

Трудно сказать, какие сообщения поступали в ЦРУ от несомненно присутствовавшей на острове агентуры. То, что сейчас рассекречено, говорит о фрагментарности донесений. В них сообщалось о перевозимых грузовиками таинственных «серебристых цистернах, с двумя предохранительными клапанами» (я и сейчас не представляю, что это такое), о масштабных земляных работах, об обустройстве позиций зенитных ракет. Какая-то информация содержалась и в обычных письмах, отправляемых кубинцами своим родственникам, эмигрировавшим в Соединенные Штаты. По Кубе ползли упорные слухи о поступлении из СССР «странного советского вооружения».

Однако пока американская администрация не придавала особого значения тревожной информации. Видимо, Кеннеди не мог себе представить, что Советский Союз осмелится сунуться со своими ракетами в Западное полушарие. А возможно, он и не считал их такой уж угрозой безопасности своей страны.

Как бы то ни было, 5 сентября в ответ на вопросы журналистов президент США сказал, что не располагает какими-либо данными о наличии на Кубе ракет «земля — земля» или другого наступательного вооружения.

Этому заявлению предшествовала встреча брата президента Роберта Кеннеди с советским послом Анатолием Добрыниным. Я уже упоминал, что для обмена особо срочными и деликатными

посланиями во время Берлинского кризиса отец и Кеннеди использовали своих доверенных лиц: Михаила Харламова и Пьера Сэлинджера.

Новым каналом, предназначенным для общения в обход бюрократии Государственного департамента, которой президент, по словам отца, не особенно доверял, два лидера избрали неофициальные встречи Роберта Кеннеди и советского посла Добрынина. В случае необходимости он обращался прямо к отцу, минуя промежуточные инстанции.

Роберт Кеннеди выразил озабоченность возрастающей советской военной активностью на Кубе. Посол с легкой душой ответил, что ему об этом ничего не известно. Его не посвящали во вступивший в заключительную фазу план. Добрынин передал Роберту Кеннеди заверения отца, что на Кубе не устанавливается никакого наступательного вооружения, в частности ракет «земля — земля».

В результате перепалки с президентом Эйзенхауэром по поводу У-2 отец усвоил, что обман в арсенале американской политики в порядке вещей, и теперь решил воспользоваться преподанным ему уроком.

Кеннеди удовлетворился разъяснением, полученным из Москвы. Отец тоже не проявлял особой обеспокоенности, все шло по плану. Он в конце августа отправился в Крым, а оттуда в Пицунду, догуливать прерванный встречей очередных космонавтов, Андриана Николаева и Павла Поповича, отпуск. Его отъезд из Москвы совпал с пресс-конференцией Кеннеди в Вашингтоне. Казалось, оба руководителя уговорились сохранять спокойствие.

К тому же новый полет У-2 5 сентября не принес особых сенсаций. Он проконтролировал районы Сагуа-ла-Гранде, где по сообщениям агентуры началось какое-то строительство, но ничего подозрительного не обнаружил. Правда, удалось сфотографировать первые МиГ-21, но эта информация не относилась к разряду неожиданной. Кубинцы уже давно летали на МиГ-15, МиГ-17. Затем появились МиГ-19. Теперь пришла очередь МиГ-21.

Тем временем Че Гевара, прилетевший 26 августа в Москву с поправленным Фиделем Кастро текстом секретного договора о размещении ракет на Кубе, вел переговоры с Малиновским. 30 августа он встретился с отцом в Крыму. Кубинцы привезли предложение Кастро немедленно объявить о постановке ракет. Тем самым, по их мнению, не только поднимался престиж соглашения, но Куба как бы вырастала в глазах мирового

сообщества. Кто посмеет помешать заключению договора между двумя суверенными государствами?

Отец только улыбнулся в ответ. В его глазах идея Кастро выглядела, по меньшей мере, наивно. Он стал объяснять Че, что право правом, а сила силой. И она сейчас у Соединенных Штатов. Вот когда ракеты займут позиции, тогда Куба сможет говорить со своим соседом на равных. Не раньше.

Если американцы узнают о наших намерениях, то они найдут тысячу способов помешать их реализация. У своих берегов они господствуют безраздельно. Что толку ссылаться на международное право, суверенитет…

Подписание договора отложили на конец года, на ноябрь. Пока же решили руководствоваться парафированным Малиновским и Че Геварой проектом.

На практическую реализацию плана отсутствие формальных подписей никак не влияло, отец и Фидель Кастро верили друг другу на слово.

Осуществить церемонию подписания соглашения предполагали на Кубе. Отцу очень хотелось посетить остров. Не столько в пику американцам, хотя и это желание присутствовало, сколько не терпелось ему своими глазами увидеть, что делается в первой стране Западного полушария, выбравшей социализм. От ее успехов или провалов зависело многое, ведь по Кубе станут равняться и остальные народы Латинской Америки. На нее они будут оглядываться, выбирая дорогу в будущее. По мнению отца, не все шло как надо. Кастро, увлеченный революционной борьбой, не уделял должного внимания развитию народного хозяйства. Это его сильно беспокоило. Он намеревался оглядеться сам, а потом начистоту поговорить с Фиделем.

Но это в будущем. Сначала следовало покончить с установкой ракет. До ноября еще предстояло дожить. Че Гевара дружески распрощался с отцом и отбыл домой в Гавану.

Несмотря на успокоительные официальные заявления, волнение в США нарастало. Одновременно усиливалась и агрессивность в отношении Кубы.

6 сентября к Добрынину пришел Теодор Соренсен, специальный помощник президента США. Он жаждал допытаться, что же все-таки происходит на Кубе? С чем связана такая активность? Посол об этом знал не больше Соренсена и заверил его, что в соответствии с давно заключенным долговременным соглашением ведутся рутинные работы по укреплению обороноспособности кубинской армии. Он особенно подчеркивал, что советская военная помощь имеет исключительно оборонительную направленность и Куба никак не может угрожать

своему столь могущественному соседу. В подтверждение своих слов Добрынин передал послание отца, в котором тот заверял, что Советский Союз воздержится от любых действий, «способных усложнить международную обстановку перед выборами в конгресс США».

Несмотря на успокаивающие заявления отца, Кеннеди решил сделать предостерегающий жест и 7 сентября запросил у конгресса одобрения на призыв 15 тысяч резервистов. На случай проведения боевых операций они вряд ли могли пригодиться, но это была апробированная на Берлине демонстрация серьезности намерений администрации.

В Советском Союзе отреагировали немедленно. Текст заявления ТАСС под заголовком «Покончить с политикой провокаций», составленный в МИДе, отправили отцу в Пицунду. Без его одобрения такой документ обнародовать не могли. Бумага путешествовала несколько дней, заявление передали по радио только вечером 11-го, в газетах оно появилось утром 12 сентября. Наравне с утверждениями, что советские корабли везут на Кубу мирные грузы, вспоминалось, что США окружили СССР своими военными базами и наша страна имеет полное право на проведение мероприятий, укрепляющих ее обороноспособность. В заключение обращалось внимание на сохранение ненормального положения вокруг Западного Берлина.

Напряженность вокруг Кубы продолжала нагнетаться. У отца создавалось впечатление, что в США готовится общественное мнение в связи с возможной высадкой на остров.

По истечении десятилетий в Москве на встрече, посвященной урокам Карибского кризиса, бывший министр обороны Роберт Макнамара сказал, что у администрации США не имелось намерений высаживаться на Кубе, но, по его мнению, мероприятия, проводимые в отношении Кубы в тот период, давали другой стороне все основания предполагать, что такой план существует и близок к своей реализации.

— Я бы на вашем месте сделал бы именно такой вывод, — повторил Макнамара.

Участники дискуссии попытались дознаться, существовал ли после провала экспедиции в заливе Кочинос план высадки американских войск на Кубу. Бывший министр обороны США ушел от прямого ответа. Он сказал, что хороший штаб должен иметь планы на все случаи жизни, и пошутил, что у него существовала даже стратегическая разработка на случай войны с Францией.

Наступал решительный момент. Со дня на день ожидались на Кубе ракеты. Точной даты я, естественно, не знал. Нервы напряглись до предела, не дай бог сорвется!

В момент прибытия ракет, где-то в середине сентября, охрана в местах выгрузки утроилась. Казалось, муха не пролетит. Но… шила в мешке не утаишь, тридцатиметровые деревянные ящики, длиннющие трейлеры неизбежно привлекали внимание. Вывод напрашивался сам собой.

Но и в середине сентября ЦРУ обнаружить ракеты не удалось. Как часто бывает в таких случаях, все висело на ниточке, но удержалось.

Агентура ЦРУ на Кубе докладывала: «Видели советские ракеты. Совсем близко. Почти трогали…» К примеру, глубокой ночью 12 сентября один из шпионов заметил, как из района Гаванского порта (на самом деле порта Касильда) в Сан-Кристобаль направлялся длинный советский трейлер с грузом, тщательно укутанным в брезент. Он предположил, что ракеты доставлены советским судном «Омск», прибывшим на остров 8 сентября. Сверившись с полученным из центра описанием Р-12, агент не сомневался — она! Об Р-12 в ЦРУ знали всё, постарался Пеньковский. Информация агента достигла Лэнгли 21 сентября. Агент был абсолютно прав, «Омск» доставил на Кубу первые шесть ракет.

Другой агент сообщал: в порт Мариель прибыло советское судно «Полтава». Он видел, как с борта сгружали баллистические ракеты, по всем признакам снова Р-12. 15–17 сентября как минимум восемь узких длинных трейлеров отправились все в том же направлении, в Сан-Кристобаль. И он не ошибся, на «Полтаве» прибыли еще восемь ракет.

И таких более или менее достоверных сообщений, если верить рассекреченным официальным американским документам, набиралось немало. Но кто всерьез полагается на донесения агентурной разведки? Ее сообщения, как правило, учитывают в последнюю очередь. И только через годы, когда известны ответы на все вопросы, историки начинают строить предположения, почему то или иное сообщение, поступившее загодя или в последнюю минуту, в Кремле, Белом доме или на Даунинг-стрит не приняли во внимание?

Отец, вспоминая войну, да и не только войну, говорил, что такие сообщения принимались во внимание только как подтверждающие сложившуюся точку зрения, уточняющие отдельные детали. Да и то с трудом. Всегда в голове шевелилось сомнение: не подброшена ли информация умышленно, не перевербовали ли агента, не ошибается ли он?

И на сей раз в ЦРУ сочли, что у страха глаза велики и агенты приняли за баллистические ракеты куда меньшие по размерам «семьдесят пятые».

Правда, успокоение не пришло. Информацию следовало проверить. Вот здесь бы пригодились снимки с У-2, но возникло новое осложнение: 9 сентября над Китаем той же советской «семьдесят пятой» сбили высотного американского разведчика. Полеты над Кубой стали небезопасны. На следующий день на совещании в Белом доме у Макджорджа Банди отменили очередной полет У-2, а на будущее решили действовать осторожнее. Теперь У-2 не утюжили небо над Кубой как придется, а пересекали вытянувшийся с запада на восток остров так, чтобы пребывание в воздушном пространстве Кубы оказалось минимальным. К тому же западную оконечность острова, там, где зенитная оборона казалась наиболее мощной, вообще решили оставить в покое, наблюдение вести издали, не приближаясь к границе территориальных вод. А оттуда многого не увидишь.

Тем временем операция по установке ракет разворачивалась по плану. Началось обустройство площадок, сами ракеты временно укрыли под маскировочными сетями. Казалось, все предусмотрено. Но разве возможно предусмотреть все?

Что произойдет раньше? Ракеты усядутся на свои места, или вся затея раскроется противником?

Москва еще раз напомнила: «Внимательно смотреть за маскировкой». «Следить за маскировкой», — продублировал приказ Плиев.

Я с нетерпением ждал возвращения отца из Пицунды.

Отец приехал с Черноморского побережья в середине сентября. С аэродрома он сразу направился в Кремль, не потому что в тот день там требовалось его срочное присутствие, так последнее время он поступал регулярно, экономил время.

Домой прибыли только вещи. Мы встретились вечером и едва остались вдвоем, как я набросился на него с вопросами. В отличие от меня отец сохранял спокойствие. Он считал, что все идет по плану, беспокоиться не о чем. Конечно, американцы подозревают, ищут, но ничего не находят. Пик напряженности возникнет в ноябре, когда обнародуется присутствие ракет. Но и тут, по словам отца, «они пошумят, пошумят и согласятся».

Его слова ложились уверенно, но у меня ощущение обеспокоенности не проходило. От военных моряков я узнал, что для обеспечения операции по пути следования наших судов, а особенно на подступах к Кубе, разворачиваются подводные лодки. Корабли не останутся беззащитными. Мне эта акция показалась

бессмысленной. Что реально смогут предпринять подводники?

В Москве отец не задержался надолго. Разобравшись с текущими делами, он полетел в Среднюю Азию ознакомиться на месте с ходом уборки хлопка.

Американцы продолжали недоумевать: что же все-таки везут на Кубу? Давление продолжало усиливаться по всем линиям. 20 сентября сенат принял резолюцию, призывающую к обороне Западного полушария от агрессии, исходящей от Кубы, ниспровержению режима Кастро, если таковое потребуется. Голосование прошло единодушно. За высказались 86 человек, против — один.

На следующий день, выступая в ООН, Громыко предупредил, что любое нападение на Кубу будет автоматически означать войну с Советским Союзом.

Тем не менее палата представителей поддержала 384 голосами резолюцию, принятую сенатом. Против голосовало всего семь человек. Обстановка в США накалялась все больше. Если в прошлом году речь шла о далеком Берлине, то сегодня американцам начинало казаться, что русские танки вот-вот появятся на улицах их городов.

То, что среди судов, идущих на Кубу, значительный процент составляют зафрахтованные нами иностранные корабли, в том числе и принадлежащие союзникам США, ни для кого не составляло секрета. Поначалу на это не обращали особого внимания. Однако, когда грузовой поток вырос во много раз, для ЦРУ стало очевидным, что морской флот Советского Союза один просто не может справиться с поставленной задачей. Американцы стали расценивать участие судов других стран в снабжении Кубы как враждебную им акцию. Они понимали правильно — наши везут оружие, а иностранцы — все остальное.

Продолжались лихорадочные поиски ответа на главный вопрос: что же перевозится через океан? Главное: ракеты это или не ракеты? Если не ракеты, то что? Каким образом Советский Союз рассчитывает защищать Кубу при абсолютном контроле США над коммуникациями?

В представленной президенту 19 сентября совместной оценке разведывательной информации «Военные сооружения на Кубе» отмечалось, что советская политическая доктрина никогда не предусматривала размещение ядерных сил на иностранных территориях. В связи с этим и учитывая риск, связанный с осуществлением подобной акции, разведчики считали установку ракет на Кубе маловероятной.

Тогда что везут?

Самолеты ВМФ США получили приказ удвоить внимание, на

минимальной высоте облетать все суда, следующие на Кубу. Однако и таким образом ничего узнать не удалось. Их действия не являлись неожиданностью. Подобную возможность обсуждали в Москве еще летом. Отец тогда особо предупредил: ничего, что может выдать план, на палубах не размещать, независимо от возможностей маскировки. Кто знает, какими приборами оснащаются американские самолеты? Правда, не обошлось и без исключений. Ракетные катера и Ил-28 никак не пролезали в трюмы. После длительных обсуждений в Генеральном штабе их решили разместить на палубе в огромных обшитых изнутри железными листами деревянных контейнерах. Но все эти ухищрения не помогли, в ЦРУ быстро расшифровали, что в сфотографированных 28 сентября ящиках, загромождавших палубу теплохода «Касимов», скрываются именно Ил-28.

Отмененный под горячую руку полет У-2, назначенный на 10 сентября, состоялся через неделю. Потом его повторили 26-го. Ничего особенного снова не обнаружили. В первом случае фотографированию помешали густые облака, а во втором на снимках проявились уже знакомые зенитные ракеты, ракетные катера. К ним стали привыкать.

Тем не менее американцы решили применить санкции. Они потребовали от союзников не предоставлять свои суда для перевозки грузов на Кубу.

Вот в такой донельзя накаленной обстановке отправлялись в дальний путь ядерные заряды.

Отец считал: если американцы проведают о характере груза, то не исключена возможность захвата корабля. Не обязательно своими руками. Неизвестное судно, неизвестные пираты, а там протестуй, ищи, пиши сколько хочешь. Ракеты же превратятся в бесполезные игрушки, тщательно подготовленная операция на завершающем этапе пойдет насмарку.

Перед тем как дать добро, снова и снова проигрывали все варианты и в главном морском штабе, и в штабе Ракетных войск стратегического назначения, и в Генеральном штабе. Главнокомандующие ракетными войсками маршал Бирюзов и Военно-морским флотом адмирал флота Горшков вместе с министром Славским, учеными-атомщиками еще раз по косточкам перебрали все возможные варианты. Доложили министру обороны маршалу Малиновскому, но ответственности за окончательное решение на себя не взяли.

Как и месяц назад, снова возникло предложение о транспортировке зарядов подводными лодками. Уж очень эта идея выглядела заманчиво. Таким образом гарантировались сохранность и секретность доставки. Однако ученые повторяли

свои сомнения.

Да и сколько зарядов можно поместить на один корабль? Два? Три? А нужно их доставить — более двухсот. Требовался целый флот.

Оставался единственный, надводный вариант, со всей неопределенностью, риском, ответственностью.[79]

Доложили отцу.

Отец еще раз посоветовался со Славским и распорядился: «Не мудрить, не выдумывать, заряды транспортировать специально оборудованными судами». Судов предполагалось выделить несколько, но только часть с «грузом». Они ничем не должны были отличаться от тех, которые уже примелькались американцам. Сколько и какие — держалось в секрете. Я не знал тогда, на каких же на самом деле был «груз», а какие использовались для отвода глаз. Сейчас эта информация рассекречена. Ядерные заряды грузились на «Индигирку», «Лену» и «Александровск».

Отправлять ядерные заряды без всякой охраны долго не решались. Горшков предложил послать с каждым транспортом две-три подводные лодки. В случае нападения они смогут защитить «груз», а уж если ситуация станет безвыходной, снимут команду и потопят боеголовки вместе с кораблем. Отец поначалу согласился, но после некоторого раздумья отверг план как авантюристический. По его мнению, там, у берегов США, ни одна, ни три подводные лодки не смогут помешать американцам. Их самих потопят и дело с концом. А вот навести флот США на нужный адрес, выделить корабль в массе других они помогут.

Отец высказался против какого-либо сопровождения. Он еще раз подчеркнул: главное наше оружие — маскировка, корабли должны стать неприметными, раствориться в общем потоке.

На том и порешили.

Для кораблей с боезарядами установили срок прибытия на Кубу — конец сентября — октябрь, когда работы по установке ракет приблизятся к завершению, а для боеголовок оборудуют специальные хранилища. И на боевых позициях ядерным зарядам требовались тепличные условия. На ракеты они устанавливались в последний момент перед стартом. Минует тревога — и боеголовки тут же демонтируются и вновь погружаются в спячку в своей берлоге. Первой 17 сентября в опасное путешествие отправилась «Индигирка», на ее борту находился основной арсенал — девяносто девять ядерных боеприпасов: сорок пять боеголовок для Р-12, тридцать шесть боезарядов для фронтовых крылатых ракет (ФКР), шесть атомных бомб и двенадцать атомных «Лунных» боеголовок.

В аппарате Генерального штаба сохранился документ, свидетельствующий, что ровно в 10 утра 17 сентября 1962 года его начальник маршал Советского Союза Матвей Захаров доложил Хрущеву: «Груз ушел по назначению». Оставалось ожидать условного сигнала о прибытии. Радиопереговоры в процессе перехода запретили, неосторожное слово, а тем паче шифровки могли провалить всю операцию. Осуществлялась только необходимая для обеспечения плавания диспетчерская связь.

Одновременно с «Индигиркой» отправился в поход транспорт «Бердянск». Обоим кораблям приказали держаться в пределах видимости. В случае нападения американцев на «Индигирку» капитан «Бердянска» должен был предупредить Москву.

26 сентября отец улетел в Ашхабад, а 1 октября газеты напечатали заявление Революционного правительства Кубы: «Кубинский народ не сломить!». Снова, как и в апреле 1961 года, кубинцы приготовились драться до последнего, а затем уйти в горы продолжать партизанскую войну.

По случайному совпадению в тот же день Макнамара собрал Объединенный комитет начальников штабов. На повестке дня стоял один вопрос: возможные варианты действий в отношении Кубы. Разговор вертелся вокруг непрерывающегося третий месяц потока советских судов, везущих что-то на Кубу. Напрашивалось решение прервать его, тогда проблема иссякнет сама по себе, без снабжения долго не протянешь. Командующий Атлантическим флотом США адмирал Деннисон получил распоряжение произвести приготовления, обеспечивающие, в случае необходимости, установление морской блокады острова.

Тем временем на Кубе под Сан-Кристобалем, и не только там, продолжалось строительство первых ракетных позиций. Бетонировались площадки под стартовые столы, собирались конструкции ракетохранилищ, отрывался бункер для боеголовок. В этом хранилище их предполагалось держать по боевой готовности перед стартом. Стационарно атомные заряды размещались в хорошо замаскированных и оборудованных по всем правилам бункерах: один недалеко от городка Бечукан, там хранились боеголовки для Р-12, другой, у населенного пункта Манагуа, предназначался для тактических ядерных зарядов. Американцы их много раз фотографировали с воздуха, но дешифровщики из ЦРУ ничего подозрительного на снимках не обнаружили, квалифицировали сооружения как обычные склады.

Все делалось под покровом строжайшей тайны, район оцепили советские войска, от наблюдения сверху стройплощадки,

как и ракеты, накрыли маскировочными сетями.

Но за всем не уследишь. На ракетных позициях порядок соблюдался, но не так строго, как у атомщиков. Хорошо просматривавшиеся с воздуха накатанные колеи вдруг исчезали, уходили в никуда и через сотню метров выныривали из ниоткуда. Не всегда удавалось доглядеть и за всем множеством машин: бульдозеров, бетоноукладчиков, транспортеров, установщиков. Они перемещались с места на место, то и дело обнаруживались брошенные без присмотра на открытом месте то тягач, то приметная транспортная тележка. К счастью, над Кубой висели грозовые тучи, погода установилась нелетная.

4 октября «Индигирка» с первой партией ядерных зарядов прибыла на Кубу. «Лена» находилась на полдороге. Последний ядерный грузовоз «Александровск» покинул Североморск 5 октября.

8 тот же день отец направил президенту Кеннеди свои сердечные поздравления по случаю успешного завершения космического полета астронавта У. Ширры на корабле «Сигма-7», приводнившегося 3 октября в Тихом океане.

Сам он продолжал поездку по Средней Азии, 5 октября посетил центр узбекской цветной металлургии Алмалык.

Громыко, участвовавший в Нью-Йорке в работе очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 6 октября встретился с государственным секретарем США Дином Раском. Говорили обо всем, в том числе и о Кубе, но основное внимание уделили проблеме запрещения ядерных испытаний и Берлину. В подтверждение твердой позиции, занятой государственным секретарем, американские войска, расположенные в Западном Берлине, начали на глазах у многочисленных зрителей отрабатывать, а вернее, демонстрировать технику уличных боев. Одновременно в Вашингтоне сенат одобрил резолюцию, в которой говорилось, что США «любыми необходимыми средствами, включая оружие», будут противиться «всякому нарушению их прав» как в Берлине, так и на коммуникациях, ведущих к нему.

Полеты высотных разведчиков над Кубой, совершенные 5 и 7 октября, ничего нового не дали. Зенитных ракет стало больше, но к ним уже привыкли. Тем более что вели они себя мирно, фотографированию не препятствовали.

9 октября президент Кеннеди санкционировал проведение очередных разведывательных полетов У-2. Однако густая облачность над островом пока делала фотографирование

бессмысленным. Вылет со дня на день откладывался.

Страхи нарастали все сильнее. 10 октября сенатор Китинг снова выступил с утверждениями, что на Кубе сооружаются военные базы, оснащаемые баллистическими ракетами средней дальности. Он обвинил правительство США в бездеятельности.

Отец вернулся в Москву 10-го.

Генерал Плиев докладывал, что к концу месяца три полка Р-12 встанут на дежурство. Работы выполняются согласно графику с соблюдением всех мер, обеспечивающих секретность.

Назначенный Москвой срок завершения работ — 20–31 октября — Плиев выдерживал. За исключением Р-14, которые предполагалось развернуть лишь к Новому году, пока они вообще еще на Кубу не прибыли.

По утвержденному плану на Кубе сооружалось двадцать четыре стартовых комплекса. Предполагалось, что в случае обнаружения какой-то из площадок или по каким-то иным соображениям ракеты можно быстро перебросить на запасные позиции. Так обеспечивался маневр. Не исключалась и возможность сооружения ложных позиций, но пока до них руки не доходили.

В будущем, если все обойдется, Генеральный штаб планировал заполнить все места. Только не за счет оголения Европы, снятия ракет с боевых позиций внутри страны. Укомплектование свободных стартов предполагалось осуществлять постепенно, в плановом порядке, с заводов.

Но это в будущем. Пока никаких решений не принималось, о своих наметках Малиновский отцу не докладывал. Упомянул как-то раз в разговоре, но отец только хмыкнул: «Не лезь поперед батьки в пекло».

Во время прогулки на Ленинских горах отец как-то буднично, почти между прочим, сказал, что он еще раз прикинул и решил сообщить неприятную новость президенту США примерно 20 ноября, после октябрьских праздников у нас и когда уляжется выборная лихорадка у них.

Он уже начал обдумывать аргументы своего сугубо секретного и личного послания. Очень важно было убедить Кеннеди, что мы преследуем исключительно оборонительные цели, стремимся уберечь неокрепшую республику от нападения. Главное — удержать его от необдуманного, продиктованного эмоциями, а не разумом, первого шага, склонить к диалогу. Отец предвидел, что разговор окажется не из легких, но в возможность вооруженного столкновения из-за Кубы ему не верилось. Снова и снова примерял по себе: живем мы с американскими ракетами, поживут и они с нашими. В конце концов, судьбы стран решают

не ракеты на военных базах, а воля политиков в столицах. Но… разговор предстоял тяжелый.

С замиранием сердца я ждал развязки.

Тем временем события развивались по своему сценарию.

Утром 14 октября синоптики предсказали над Кубой хорошую погоду. Майор Ричард Хейсер поднял свой У-2, ему предстояло сфотографировать подозрительные объекты, расположенные западнее Гаваны. Полет приходился на воскресенье. Это представлялось особенно удобным, меньше шансов нарваться на зенитную ракету. Полеты даже на такой большой высоте стали очень опасны.

По странному стечению обстоятельств в момент, когда У-2 взял курс на Кубу, помощник президента по национальной безопасности Макджордж Банди в своем выступлении по телевидению в программе АВС «Проблемы и решения», отвечая сенатору Китингу, заявил, что правительство не располагает какими-либо серьезными доказательствами наличия советского наступательного вооружения на Кубе.

Утром 15 октября проявленные снимки поступили на расшифровку в Национальный центр фоторазведки. Большинство кадров на многометровой пленке не вызвали интереса: поля, пляжи, сахарный тростник, примелькавшиеся позиции советских зенитных ракет, несмотря на пролет иностранного разведчика, так и не приведенных в боевую готовность.

В районе Сан-Кристобаля расшифровщики обнаружили расхождение со снимками, сделанными с того же самолета 29 августа. Внимание привлек обширный район, закрытый от постороннего глаза маскировочными тентами.

Можно, конечно, спорить, насколько баллистическая ракета похожа или не похожа на пальму. Но в реальной жизни предположение Бирюзова проверить не удалось. На фотографиях, сделанных У-2, фигурировали не ракеты в юбочках пальмовых листьев, а брошенные без всякого прикрытия с воздуха установщики, заправщики, трейлеры. Если бы их убрали в предусмотренные уставом для маскировки боевой техники аппарели, то, возможно, кризис начался бы на пару недель позже. Но присущую нам расхлябанность, надежду на авось не способны победить самые строгие распоряжения и приказы.

Секрет раскрылся. Под тентами, без сомнения, располагались сами ракеты, ожидавшие момента установки на стартовые столы, а возможно, там же прятались и пусковые устройства. Это уже было не столь важно.

О присутствии на Кубе советских ракет американцы узнали на месяц раньше назначенного отцом срока и не от него. Самый

жестокий за последнее десятилетие кризис начался.

В Москве еще ни о чем не подозревали. Вашингтон же охватила лихорадка.

В половине девятого вечера того же злосчастного 15 октября заместитель директора ЦРУ Раймонд Клайн позвонил домой Макджорджу Банди и намекнул, что он нашел то, что искал. Телефон не имел шифрующих устройств, и говорить в открытую о секретных делах по нему не рекомендовалось. Банди решил не беспокоить президента до утра. Макнамара дожидался информации в своем кабинете в Пентагоне. Расшифрованные фотографии ему показали в полночь; какие-то точки, еле заметные полоски, крючочки, все выглядело весьма безобидно. Однако специалисты утверждали, что это и есть строящаяся ракетная база. Не доверять им он не имел никаких оснований.

Следующим утром, в 8.45 Банди сообщил недобрую новость президенту. Кеннеди был поражен. Несмотря на упорные слухи, он верил неоднократным заверениям, передававшимся ему советским послом в Вашингтоне, министром иностранных дел и многими другими, менее информированными, но не менее доверенными лицами, что советского наступательного оружия на Кубе нет.

Тут пошла некая словесная игра в прятки. Отец считал, что баллистические ракеты с ядерными зарядами устанавливаются на Кубе для защиты ее территории от агрессии, а не для нападения на кого бы то ни было. Поэтому это оружие не наступательное, а оборонительное. Правда, он не считал зазорным ввести противника в заблуждение, утверждая впрямую, что ракет «земля — земля» на острове не устанавливают.

Обман глубоко уязвил Кеннеди. Среди многочисленных версий, которыми обросли события тех двух недель, существует и утверждающая, что не будь заверений отца, гарантирующих отсутствие баллистических ракет на Кубе, президент не сделал бы в сентябре столь категоричных публичных заявлений о своей нетерпимости к их присутствию, вел бы себя более осмотрительно, не анонсировал бы далеко идущие угрозы применения силы. Люди, в те годы близкие к Кеннеди, говорили в 1989 году на упоминавшейся мною встрече в Москве, что категоричность его предшествующих заявлений связала президенту руки. Что ж, им виднее. Лично я в подобную трактовку возможного развития событий не верю.

Выслушав сообщение Банди, Кеннеди созвал на 11.45 в Белый дом своих ближайших советников. Как только Банди ушел, он позвонил своему брату Роберту и попросил срочно приехать к нему.

— У нас крупные неприятности, — сказал президент.[80]

Роберт поспешил в Белый дом, брата он застал в рабочем кабинете. Новость потрясла их обоих. Роберт перебирал в памяти недавние встречи с послом СССР Добрыниным. Как он мог поверить заверениям, что никаких наступательных вооружений на Кубе нет и не будет? И еще убедить в этом президента.

В 11.45 собрались приглашенные. Эксперты ЦРУ развернули на столе огромные очень четкие фотографии и стали рассказывать. Вслед за их пояснениями снимок как бы начал проявляться вторично, проступали детали: трейлеры, расчищенная под строительство площадка, ведущие к ней разъезженные дороги.

Встал вопрос: что делать? Оставить без реакции? Ведь одно суверенное государство ведет сооружение военной базы на территории другого суверенного государства. Предложение отбросили с порога.

В том, что любыми средствами необходимо заставить Советский Союз и Кубу прекратить свою деятельность, присутствующие не сомневались. Соединенные Штаты обязаны продемонстрировать волю и решительность. Но как?

Договорились собраться во второй половине дня в расширенном составе. Пригласили военных, дипломатов. Помощники президента присутствовали почти в полном составе. Особые надежды возлагались на вновь назначенного эксперта по русским делам Ллуэлина Томпсона. Он один имел опыт общения с советским руководством, мог предсказать какую линию поведения выберут в Москве.

Мнения разделились. Представители комитета начальников штабов высказались за немедленную атаку с воздуха и последующую высадку десанта.

Роберт Макнамара считал, что последствия столь решительного шага предугадать невозможно, но, несомненно, они окажутся ужасными. Он предлагал в качестве первого шага установить морскую блокаду Кубы. По его мнению, сделать последний шаг никогда не поздно.

Его поддержал Роберт Кеннеди.

Президента особенно беспокоили ответные меры, которые может предпринять Советский Союз. Не будут же в Москве спокойно взирать, как обрушиваются на головы их солдат напалм и бомбы? Как отреагируют на унизительный обыск судов? Американцы ожидали ответных действий в центре Европы. Больным местом оставался Берлин. Его нетрудно захватить или в ответ на более мягкий вариант установить свою блокаду.

В тот день ни к какому решению не пришли. В это время в

Москве отец принял нового посла США Фоя Колера. Как сообщили газеты, встреча прошла в атмосфере откровенности и взаимопонимания. Колер показался отцу более сухим и формальным по сравнению с Томпсоном, каких-то личных симпатий при первом знакомстве не возникло. Вечером отец сказал, что, возможно, еще не раз придется пожалеть о переменах в американском посольстве. Нельзя сказать, что он настроился пессимистично, он тут же добавил: притрется, пообвыкнется, необходимо время. При встрече вопрос о Кубе не поднимался: ни отец, ни посол не подозревали о сенсационном разоблачении.

К 1962 году переписка отца с Кеннеди по неофициальным каналам приобрела устойчивый характер. Раз или два в месяц они обменивались посланиями. В середине октября подошло время отправки очередного письма. Среди других вопросов отец еще раз обращался к проблеме постановки наших вооружений на Кубу и подчеркивал их сугубо оборонительную направленность. 17 октября Георгий Большаков позвонил в Министерство юстиции и, соединившись с Робертом Кеннеди, попросил о встрече. Свидание состоялось в тот же день. В отличие от предыдущих оно было кратким. Брат президента не поинтересовался новостями из Москвы, сухо поблагодарив, пообещал немедленно довести письмо до сведения адресата.

Плиев докладывал, что работы по размещению ракет производятся в соответствии с планом. О пролете самолета У-2 над островом он отцу не доносил, видимо, не счел это событие достойным внимания. Действовал строгий приказ о соблюдении маскировки, а к У-2 здесь привыкли. Об изменениях, которые появились на острове со времени предыдущего разведывательного полета, никто не задумался. Не приходило в голову и самим полетать над стройкой, полюбопытствовать.

В Москве царило спокойствие.

Вашингтон лихорадило совещаниями. На свежих фотографиях все более явственно проступали контуры стартовых площадок, то ли для шестнадцати ракет, то ли для тридцати двух, если пусковые столы спаренные. При таких темпах до приведения их в боевую готовность оставались считанные дни.

Заседание у президента США в четверг 18 октября началось с доклада ЦРУ. Эксперты сообщили, что обнаруженные ракеты составляют не менее половины стратегического потенциала Советского Союза. По их оценкам, основанным, по моему мнению, главным образом на информации Пеньковского, в Советском Союзе находилось в готовности около пятидесяти межконтинентальных ракет. Эту цифру подтвердил Макнамара в

Москве в 1989 году.

На самом деле, к октябрю 1962 года было оборудовано всего около двух десятков стартов Р-16, к ним добавлялись шесть стартов «семерок». Вот и все. О том, что мы сможем, как это не раз делалось раньше, опираться в своей политике на мифическое превосходство в этом виде вооружений, не приходилось и мечтать. Об этом знали в Вашингтоне, но не догадывались в Москве. Осведомлены американцы были и о том, что приведение наших ракет в боеготовность занимает значительное время. Тут тоже постарался Пеньковский.

Даже для обремененных ответственностью государственных деятелей количество мегатонн на каждой ракете, число ракет в шахтах подчас выглядит несколько абстрактно, академично. О реальном использовании грозного оружия до того времени всерьез не задумывались. Считалось, что достаточно им пригрозить. В четверг все изменилось: цели, ответный удар, радиусы поражения, миллионы погибших стали для президента Кеннеди совершенно конкретными. Такова цена, которую, возможно, придется заплатить за уничтожение ракет на Кубе.

Отец считал подобную цену безрассудной. Кеннеди оценивал ее как недопустимо высокую, но честь США он ценил выше. Ракеты требовалось убрать с Кубы любой ценой. Желательно, чтобы она оказалась приемлемой. Но какой? В случае обмена ядерными ударами с Советским Союзом эксперты оценивали потери США в 80 миллионов американцев.

Военные требовали атаки. Члены Объединенного комитета начальников штабов демонстрировали единодушие в этом вопросе. Лишь вооруженное вмешательство, немедленный бомбовый удар могли покончить не только с советскими ракетами, но и с Кастро. Особенно усердствовал генерал Куртис Лемей, начальник штаба воздушных сил. Ему не терпелось продемонстрировать возможности своих бомбардировщиков и штурмовиков.

Президенту пришлась не по душе их решительность. Кеннеди спросил Лемея, как, по его мнению, поведут себя русские? Не задумываясь, генерал отрубил: «Никак! Не посмеют». Президент усомнился: «После всех своих заявлений они не могут сидеть сложа руки и смотреть на то, как мы овладеваем их ракетами и убиваем при том немало русских. Если они ничего не предпримут на Кубе, то в Берлине — непременно».

Макнамара доложил Кеннеди, что войска смогут атаковать на рассвете 23-го, в следующий вторник. Воинские части и авиация подтягиваются к Флориде.

По диспозиции генерала Лемея только на первой стадии

предусматривалось совершить более пятисот самолетовылетов, разбомбить и забросать ракетами не только стартовые позиции, но и аэродромы, порты, артиллерийские базы и другие важные, с точки зрения противодействия десанту, цели.

Макнамара, изложив фактологическую сторону подготовки вооруженной акции, высказался против нее. Он стоял за блокаду, предоставляющую и президенту, и его оппонентам большую свободу выбора. Роберт Кеннеди поддержал министра обороны. Так и в тот день не удалось прийти к согласованному решению.

По иронии судьбы на этот день была назначена встреча с Громыко.

После беседы с президентом советского министра иностранных дел ожидал обед у государственного секретаря Соединенных Штатов Америки.

Громыко знал все подробности, связанные с установкой ракет на Кубе, но не подозревал, что об этом знают и в Вашингтоне. Ситуация складывалась пикантная. Андрей Андреевич начал беседу с выражения недоумения по поводу поднятой в американской печати шумихи вокруг оказываемой республике Куба советской помощи. Говорил он размеренно, без поспешности, вкладывая в каждое слово вес, приличествующий его рангу министра иностранных дел великой державы.

Он утверждал, что главная наша цель — помощь Кубе в развитии сельского хозяйства. Для этого производится поставка машин для обработки земли, строится рыболовецкий порт. Это соответствовало действительности. Что же касается военной помощи, то она носит исключительно оборонительный характер. И тут он тоже не отклонялся от истины. Все зависело от смысла, вкладываемого в слово «оборона».

Громыко передал президенту заверения отца: ни Советский Союз, ни тем более Куба не помышляют о нападении на Соединенные Штаты. На Кубе никаких приготовлений к тому не осуществляется и никакого наступательного вооружения туда не поставляется.

Позволю себе маленькое отступление. Оба лидера запутались в терминологии. Ядерные ракеты с мегатонными зарядами не могут быть ни наступательными, ни оборонительными. Или их можно числить и теми, и другими. Это совершенно безразлично, так как они — уничтожительные. После их применения оба термина — наступление и оборона — теряют всякий смысл…

О ракетах Громыко не упомянул. Кеннеди, еще не остывший от спора о том, каким способом расправиться с советскими ракетами, даже задохнулся от негодования. Но… сдержал себя. Впрямую о ракетах он решил не спрашивать. Чем дольше

Советский Союз будет оставаться в неведении, тем больше времени останется Соединенным Штатам для оценки ситуации и принятия решения.

Слово «ракета» сделалось как бы запретным в лексиконе обоих собеседников. Речь шла только об оборонительном и наступательном оружии.

Андрея Андреевича Громыко впоследствии не раз спрашивали, почему он не сказал президенту о ракетах. Он изворачивался, ссылался на то, что Кеннеди его не спрашивал. Ответ же простой: такой инструкции он не имел, время открыть карты не пришло. Оба играли втемную.

Президент отметил, что поставки вооружения ближайшему соседу США не могут не вызывать у него тревоги, и зачитал выдержки из своего заявления от 4 сентября, где он предупреждал, что размещение наступательного оружия на Кубе повлечет за собой самые серьезные последствия.

Интересно привести выдержки из еще совсем недавно совершенно секретной шифротелеграммы Громыко. В ней говорилось, что «…Кеннеди и Раек оба подчеркивали, что США не собираются нападать на Кубу, но начавшийся в июле массовый завоз оружия вызывает у них опасения. Кеннеди зачитал цитату со своей пресс-конференции, где он утверждал, что верит СССР и наступательного оружия на Кубе нет. Кеннеди, когда говорил о Кубе, то формулировал мысли подчеркнуто медленно, явно взвешивая каждое слово. Раек во время нашей беседы сидел абсолютно молча и красный как рак».

На обеде у Дина Раска речь, естественно, тоже шла о Кубе. Нервы у государственного секретаря оказались послабее, чем у президента. Отец вспоминал: «Мне потом докладывал товарищ Громыко: "Беседа была любезной, но Раек настаивал: военные дают нам данные, доказывающие, что вы ставите ракеты. Вы учтите, мы не можем перенести этого. Складывается такое положение, мимо которого президент не может пройти. Создается опасная ситуация. Было бы лучше, если бы вы ушли с Кубы.

Это было не предупреждение, а скорее просьба не обострять ситуацию.

Потом был обед. За обедом Дин Раек изрядно выпил и продолжал ходить вокруг этой темы. Он допускал выражения, что они на все пойдут, ни перед чем не остановятся, что у них нет другого выхода, а поэтому он просит нас соответственно оценить ситуацию, принять меры со своей стороны, чтобы не допустить рокового столкновения. Оно может произойти, если окажется, что на Кубе действительно установлены ракеты, в чем они убеждены"».

Проговорился ли государственный секретарь или хотел предупредить своего коллегу, сейчас трудно сказать. Разговор за обедом был вольным, с советской стороны никто его не протоколировал. Остались лишь составленные по горячим следам донесения Громыко в Москву.

Отец не придал особого значения словам Дина Раска, не заподозрил, что тайна раскрыта. В те дни все кто во что горазд высказывали самые фантастические предположения по поводу советского оружия на Кубе.

«Ну, это обычная перепалка, — так через четыре года оценит отец давний разговор. — Тот и другой знают, о чем говорят, но каждый отстаивает свою точку зрения, и каждый желает морального и юридического оправдания своим действиям.

У нас юридических и моральных оснований было больше, чем у Дина Раска. Сомнений не было. В это время американские ракеты с ядерными зарядами уже давно стояли в Турции и Италии.

Раек понимал это, но видел разницу в одном, хотя и не говорил прямо, но намекал:

— Вы уже привыкли жить в окружении наших ракет, а мы впервые с этим столкнулись. Поэтому и получили такой шок. Мы не можем выйти из этого шока.

Все это Громыко доложил правительству, но мы продолжали завершать транспортировку и установку вооружения. Мы продолжали делать свое дело».

В отсутствие президента и государственного секретаря группа советников продолжала обсуждение. По словам Роберта Кеннеди, мнения колебались от немедленной вооруженной атаки до ничегонеделания, выжидания и снова откатывались к атаке. К вечеру точки зрения поляризовались, большинство высказалось против вооруженной акции, за блокаду.

Поехали докладывать президенту. Было уже поздно, примерно четверть десятого, неурочное время для заседаний. Вереница правительственных лимузинов могла вызвать любопытство у снующих вокруг Белого дома журналистов. Соблюдая конспирацию, все набились в автомобиль министра юстиции — впереди сам хозяин с водителем, с ним Роберт Макнамара и Максуэл Тейлор. На заднее сиденье утрамбовались оставшиеся шесть членов группы.

На докладе у президента, казалось, согласованная концепция опять рассыпалась, мнения стали меняться, неотразимые аргументы вдруг переставали казаться убедительными.

Не случайно… Неверная рекомендация могла качнуть мир к гибели. Не зря Роберт Кеннеди с грустью заметил: «Теперь я знаю,

что чувствовал Тодзио,[81] готовясь к нападению на Перл-Харбор».

Требовалось еще учесть и реакцию союзников. Накануне в ответ на предупреждение США о возможности нападения вооруженных судов, принадлежащих кубинским эмигрантам, на торговые корабли, следующие на Кубу, английское адмиралтейство заявило, что военно-морской флот Ее Величества будет защищать английские торговые суда, перевозящие грузы.

Президент колебался, он никак не мог принять решение… Советники отправились восвояси продолжать выработку предложений. Сам он намеревался следующим утром отправиться в Кливленд, где намечались предвыборные выступления. Не появись Кеннеди на митинге, мог возникнуть скандал, к событиям, происходящим вокруг Белого дома, привлеклось бы нежелательное внимание. Из Кливленда президент собирался перелететь на Западное побережье. Казалось, он хотел уйти от необходимости сиюминутного ответа, стремился дать выговориться, выпустить пар в свое отсутствие.

Вся пятница 19 октября прошла в спорах. Члены группы то сближались во мнениях, то взрывались непримиримыми противоречиями. Роберт Кеннеди, пытавшийся собрать их воедино, то и дело бегал к телефону, звонил брату.

Наконец назначили последний срок: в воскресенье президенту надлежит выступить перед нацией и сообщить о своем решении. Кеннеди понял, что пора возвращаться…

Пока шли споры, главнокомандующий Атлантическим флотом реализовывал полученную от министра обороны команду подготовиться к морской блокаде Кубы. Начались перемещения боевых кораблей, они стягивались к острову. Отец забеспокоился, не запоздали ли мы. Вдруг это преддверие так давно ожидаемого вторжения. С ракетами он активность на море не связывал. При чем здесь флот? Реакция в этом случае была бы совсем иной, публичной и резкой.

А вот на повторение усиленного варианта высадки на Плайя Хирон все походило чрезвычайно. Только под американским руководством и с участием морской пехоты США. Предпринять что-либо в ответ отец не мог. Оставалось ожидать развития событий и выражать свое отношение, — пользуюсь его словами, — протестами через печать.

Великобританию продолжала волновать судьба торговых судов в Карибском регионе. Соединенным Штатам сделали предупреждение: в случае, если они не в состоянии обеспечить безопасность судоходства, отряд кораблей королевских ВМФ, базирующихся в этой акватории, будет усилен до размеров, позволяющих обезопасить корабли от нападения «пиратов».

В субботу 20 октября группа советников, невыспавшаяся и неотдохнувшая, снова собралась в Государственном департаменте. И снова не удавалось прийти к согласованному решению.

Роберт Кеннеди, Макнамара, помощники президента упрочились на позиции блокады. В этом случае, по их мнению, хотя бы удается просчитать возможное развитие событий на пару шагов вперед.

Джон Кеннеди пообещал выехать немедленно. Пьер Сэлинджер объявил, что из-за легкой простуды Кеннеди прерывает свою поездку и возвращается в Вашингтон.

Пока президент находился в дороге, началась подготовка обеих акций. Макнамара позвонил в Министерство обороны и приказал привести в готовность к нанесению удара 4-ю эскадрилью тактической авиации. Одновременно Роберт Кеннеди, Макнамара и Дин Раек попытались составить текст правительственного заявления об установлении карантина, препятствующего поступлению наступательного вооружения на Кубу.

Джон Кеннеди вернулся в Белый дом днем 20 октября, без двадцати два. Пока он приводил себя в порядок, Роберт ввел его в курс дела. В 2.30 началось совещание. На нем присутствовали все члены Совета национальной безопасности и много привлеченных лиц. Круг посвященных расширялся. В соблюдении строгой секретности виделось все меньше и меньше смысла. Принятому сегодня решению завтра предстояло стать достоянием всего мира.

Рассматривались обе точки зрения. О блокаде говорил Макнамара, об атаке — военные. Страсти разгорелись с новой силой, кое-кто из комитета начальников штабов стал настаивать на использовании при подавлении ракетных установок ядерного оружия.

Эдлай Стивенсон, не принимавший участия в предыдущих дебатах, предложил дипломатическое решение вопроса: США убирают свои «Юпитеры» из Италии и Турции, а также эвакуируют базу из Гуантанамо; Советский Союз вывозит ракеты с Кубы. Со стороны военных последовал взрыв негодования, они сочли его идею не отвечающей духу нации. Кеннеди тоже посчитал такой шаг преждевременным, хотя сам уже не раз высказывался ранее о целесообразности ликвидации мозолящих глаза ракетных баз в Европе.

Совещание продолжалось два с половиной часа. В 5.10 президент, выслушав взаимоисключающие предложения, прервал его, сказав, что он должен подумать и вечером сообщит о своем решении. Они остались вдвоем с братом.

20 октября первый полк ракетной дивизии был приведен в боевую готовность, мог запустить свои баллистические ракеты по целям на территории США.

В тот день в Кремле жизнь шла по заранее намеченному на неделю плану. 20 октября отец принял поэта и главного редактора журнала «Новый мир» Александра Трифоновича Твардовского. Отец любил Твардовского-поэта. Его стихи, особенно «Теркин», своей крестьянской напевностью будили воспоминания детства, уводили далеко-далеко на Курщину, в родную Калиновку. Встреча прошла на дружеской ноте «Меня встретили с такой благосклонностью, как никогда раньше», — рассказывал впоследствии поэт.

Говорили о разном, о Сталине, об аресте Берии. Отец с похвалой отозвался о гражданском звучании стихотворения Евтушенко «Наследники Сталина» и посетовал, что не все члены Президиума ЦК с одобрением отнеслись к «Ивану Денисовичу» Александра Солженицына.

Но я вспомнил о встрече поэта с отцом по иной причине. В самом конце разговора Твардовский вдруг неожиданно попросил: «Нельзя ли отложить мою поездку в Америку. Я хочу кончить поэму, так сказать, на своем приусадебном участке поработать».

Его пригласил в США Кеннеди, планировалась встреча поэта с президентом, и освободить от высокой миссии Твардовского мог только отец.

Он не возражал: «Конечно. Конечно. Сейчас отношения с Америкой плохие. А вот весной поезжайте, они вас отлично примут».[82]

Отец имел в виду грядущие бури в ноябре и не подозревал, что шторм уже начался. Его фраза интересна и тем, что он не прогнозировал серьезную и длительную размолвку, к весне все должно успокоиться.

На другой стороне земного шара оптимизма и уверенности было куда меньше Братья Кеннеди никак не могли решить вторжение или блокада, блокада или вторжение. Наконец Джон Кеннеди высказался за блокаду. Но полной уверенности президент не ощущал. Он надумал еще раз проверить себя, в воскресное утро возобновилось обсуждение. В половине двенадцатого собрались в узком кругу. Кроме Джона и Роберта Кеннеди присутствовали Роберт Макнамара и Максуэл Тэйлор. Командующий тактической авиацией генерал Уолтер С. Суиней доложил свой план. Как и следовало ожидать, полной гарантии уничтожения ракетных стартов он не давал. Неожиданно ожившая установка могла выплюнуть мегатонный заряд по Нью-

Йорку или Вашингтону.[83] Президент утвердился в правильности занятой им позиции.

Выступление перед страной перенесли на понедельник на 7 часов вечера. Требовался резерв времени не только на подготовку текста, но и на введение в курс дела партийных лидеров конгресса и хотя бы самых влиятельных союзников премьер-министра Великобритании Макмиллана и президента Франции де Голля.

Новость уже становилось почти невозможно удержать в тайне. Первые признаки утечки появились утром в понедельник «Вашингтон пост» опубликовала статью о необычной активности в Белом доме. По мнению автора, речь шла о Кубе, но он не исключал и Берлин.

Это сообщение не осталось незамеченным, на него сослались советские газеты. Получив доклад Громыко о беседе с президентом и описание драматического разговора с Дином Раском, отец еще больше обеспокоился.

Особенно сильные опасения отцу внушали продолжающиеся передвижения военных кораблей в Карибском море. Там сосредоточились огромные силы. В Белом доме шли непрерывные совещания. Явно что-то произошло. Но что?.

На таком расстоянии отец не мог вмешаться, события развивались, подчиняясь своей внутренней логике. Ему оставалось только наблюдать, где можно — подправлять, ожидая решительного момента, когда придется скомандовать «Вперед!» или «Стоп!».

На все мои вопросы он отвечал кратко:

— Надо ждать.

Беспокоило отца и то, как суда с ядерными боеголовками проберутся среди наводнивших все подступы к Кубе американских боевых кораблей. Он опасался провокаций. Ведь не зря американцы предупредили о возможности пиратских акций со стороны кубинских эмигрантов. И тут оставалось только ждать и надеяться на везение, уповать на неприкосновенность государственного флага великой державы.

В понедельник пресс-службе Белого дома лишь с большим трудом удавалось держать газеты в узде. В некоторых случаях потребовалось личное вмешательство президента. Вечернее выступление должно было поставить все точки над «и».

Утром президент подписал директиву № 196, учреждавшую при нем и под его председательством Исполнительный комитет Совета национальной безопасности по оперативному руководству

страной в кризисной ситуации. Членами комитета стали участники группы, заседавшей со вторника. Теперь она обрела официальный статус.

Ровно в полдень в понедельник пресс-секретарь Белого дома Пьер Сэлинджер официально объявил, что в 7 часов вечера президент Кеннеди выступит с важным заявлением, которое будет транслироваться всеми радио— и телевизионными станциями страны.

В тот момент в Москве уже было восемь часов вечера. О столь тревожном событии отцу сообщили домой незамедлительно. Мы как раз гуляли после ужина, когда отца позвали к телефону. Не раздеваясь, он зашел в гостиную, я ожидал его в прихожей. Разговор состоялся короткий, из его отрывочных вопросов и ответов ничего не понять. Только по тону ощущалось, что произошла неприятность.

Положив трубку, отец снова вышел во двор. Я ждал, захочет он сказать, в чем дело, или новость не для моих ушей. Отцу, казалось, было не до меня, он переваривал полученную информацию. Наконец, как бы вернувшись издалека, он рассеянно произнес: «В Вашингтоне объявили о важном выступлении президента сегодня вечером. Наверное, они обнаружили наши ракеты. Предположить больше нечего. В Берлине — тихо. Если бы собрались высаживать десант на Кубе, то молчали бы».

Я встрепенулся вопросом: «Что же будет?»

Отец усмехнулся: «Если бы я знал. Ракеты еще толком не задействованы. Они беззащитны, все можно разгромить с воздуха одним махом».

Я застыл от ужаса.

Отец, скорее обращаясь к самому себе, чем ко мне, произнес, что воздушное нападение маловероятно, о нем тоже не стали бы оповещать заранее. Он несколько повеселел — видимо, Кеннеди хочет уладить дело дипломатическим путем.

— Завтра утром узнаешь, — как бы подвел он итог.

Потом, предвидя готовые сорваться у меня с языка новые вопросы, попросил:

— Ты не мешай. Мне нужно подумать.

Гуляли мы долго, каждый погруженный в свои мысли. Отец, видимо, пытался поставить себя на место американского президента, вычислить его вероятные шаги. Наконец прервал кружение по двору и направился к дому. Не задерживаясь в прихожей и не раздеваясь, он прошел в комнату, где стояли телефоны, снял трубку вертушки и набрал номер.

— Обзвоните членов Президиума ЦК и попросите через час

собраться в Кремле, — коротко проговорил отец.

Выслушав ответ, он добавил:

— О чем пойдет речь? Я сообщу на месте. И еще… — Отец запнулся. — Пригласите Малиновского и Кузнецова из МИДа, заместителя Громыко.

Андрей Андреевич в тот день в Москву еще не возвратился. Разговор закончился. Отец снял трубку соседнего аппарата и коротко приказал: «Вызовите машину».

Затем он обернулся и, заметив меня, пояснил: «Надо посоветоваться. Ты меня не жди, вернусь поздно».

Мы снова вышли во двор. До прихода машины отец больше не проронил ни слова.

Утром, уходя на работу, я отметил: на вешалке пальто отца отсутствовало. Видимо, домой он так и не возвращался. Или уехал пораньше. И то и другое означало, что события поворачиваются круто.

В Москве наступала ночь, а в Вашингтоне шлифовали обращение президента, доводили до нужного звучания фразы, завершали консультации с послами стран НАТО и членами конгресса. Последние пришли в ярость, они жаждали крови. Блокада им представлялась крайне слабой мерой, на их устах было одно слово — вторжение.

Даже такой осторожный и умный, по оценке отца, политик, как Уильям Фул-брайт, советовал развязать военные действия. На президента давили со всех сторон, но он твердо стоял на своем.

Одновременно с дипломатической активностью в США начались и военные приготовления. На юго-восток из глубинных штатов перебрасывались войска. Из Техаса в штат Джорджия двинулась бронетанковая дивизия. Пять других дивизий, поднятые по тревоге, готовились к переброске во Флориду.

Межконтинентальные ракеты привели в боевую готовность, бомбардировщики получили приказ барражировать в воздухе с полной боевой нагрузкой. Как только один из них приземлялся для заправки, в воздух поднимался следующий, завертелась ядерная карусель.

Боевые корабли выходили на исходные позиции для установления блокады. Зону перехвата следующих на Кубу судов установили на расстоянии восьмисот миль от острова.

Новый американский посол в Москве получил указание за час до начала выступления вручить переданное ему шифром из Вашингтона письмо президента Кеннеди отцу и текст предстоящего выступления. Этим положили начало ежедневному обмену письмами в период кризиса.

Фой Колер попытался выполнить инструкцию, но, как пишет Роберт Кеннеди, «не смог встретиться ни с одним сколько-нибудь высокопоставленным официальным лицом». Это и не удивительно, в Вашингтоне упустили из виду, что шесть часов вечера у них соответствует двум часам ночи в Москве. Дежурный по Министерству иностранных дел вежливо посоветовал послу дождаться утра. Посол поручил советнику посольства Дэвису продолжать настаивать. Содержание послания не располагало к благодушию, к утру могло оказаться уже поздно. В конце концов Дэвису удалось добиться результата, письмо у него приняли.

Такие накладки в те дни случались не раз. Мне рассказывали, что в целях соблюдения секретности наши подводные лодки, направленные в район Кубы, получили команду выходить на связь с Москвой глубокой ночью, от двенадцати до двух часов. В это время больше шансов, что сонные вахтенные проглядят вынужденную подвсплыть к самой поверхности субмарину. Однако время-то указали московское, а там у берегов Кубы — разгар дня. Исправились только на следующий день, получив донесение, что передачу пришлось вести на виду у всей американской эскадры.

Одновременно с предполагаемым визитом Колера в МИД СССР к государственному секретарю США Дину Раску пригласили посла Советского Союза Анатолия Добрынина. Ему вручили текст предстоящего выступления президента и изложили позицию американского руководства.

Размещение ракет держалось в большом секрете. Многолетняя практика показывала, что утечка информации, вольно или невольно, чаще всего происходит через посольства. Поэтому о предстоящей операции Громыко, посоветовавшись с отцом, посла не информировал. Для Добрынина новость прозвучала как гром среди ясного неба. По свидетельству дежуривших у дверей Государственного департамента репортеров, из кабинета государственного секретаря он вышел с посеревшим лицом.

В 7 часов вечера в понедельник 22 октября вся Америка прильнула к телевизорам и радиоприемникам.

Можно по-разному относиться к оценкам, данным президентом. Можно поверить или усомниться в том, что Куба,

даже с помощью могущественного Советского Союза, угрожала жизни Западного полушария. Все зависит от точки зрения. В своих заметках не хочу вступать в полемику задним числом. Сказанные Кеннеди слова принадлежат истории.

Для меня более интересно отношение слушателей. Реакцию американцев можно сравнить разве что с реакцией на нападение японцев на Перл-Харбор: шок, сменившийся требованиями немедленного отмщения. Точка зрения комитета начальников штабов получила мощную поддержку. Страна зашлась в пароксизме страха, почему-то считалось, что как только ракеты станут боеспособными, ими выстрелят по американским городам. Никто не задался вопросом, чем ракеты, установленные на Кубе, опаснее их межконтинентальных сестер, разбросанных по территории Советского Союза. И теми и другими управляют из одной точки, из Кремля. Но в том-то и дело, что в условиях психологического шока испуганная масса людей руководствуется не логикой, а эмоциями. Никого не интересовало, что подлетное время межконтинентальных и кубинских ракет разнится всего в несколько десятков минут, что и те и другие, в зависимости от точки зрения, одинаково опасны или одинаково безопасны, как и то, что речь идет об ином, суверенном государстве. Америка объединилась в едином антикубинском и антисоветском порыве. Американцы, казалось, готовы были все погибнуть, но выдворить советские ракеты с соседнего острова.

Президент объявил «строжайший карантин с целью помешать доставке на Кубу всякого рода наступательного оружия. Всем судам, какой бы национальности они ни были и откуда бы они ни плыли, на борту которых обнаружат наступательное оружие, будет предписано остановиться и повернуть обратно. В случае необходимости блокаду распространят на другие грузы и корабли. Однако в настоящий момент, — продолжал Джон Кеннеди, — мы не намерены лишать кубинцев предметов первой необходимости, как это пытались сделать Советы во время блокады Берлина в 1948 году.

…Я приказал нашим вооруженным силам быть готовыми ко всякой случайности.

…Мы требуем сегодня срочного созыва Совета Безопасности, с тем чтобы были приняты меры против угрозы миру со стороны Советского Союза».

Немедленно после выступления президента вооруженные силы США перешли из боевой готовности № 5 в боевую готовность № 3, обеспечивающую возможность начать боевые операции немедленно. Обычно строго секретный приказ главнокомандующего на сей раз передали в заморские гарнизоны

по радио открытым текстом. Президент его адресовал не столько командирам военных баз и авиакрыльев, сколько отцу. Кремлю.

Ночью на базу Гуантанамо самолетами началась переброска трех дополнительных батальонов морской пехоты. Обратными рейсами оттуда вывозили семьи военнослужащих. Все это передавалось по телевидению, американскому народу демонстрировалась решительность намерений президента.

Однако не обо всем сообщали по телевидению. Дотошный Макнамара подсчитал, во что обойдется вторжение. Для этого потребуется четверть миллиона солдат, не считая дополнительных 90 тысяч морских пехотинцев и десантников первого броска. Потери оценивались примерно в десять процентов от задействованного личного состава, то есть от 25 до 35 тысяч человек.

Чтобы подавить сопротивление кубинцев и обеспечить нормальную высадку, необходимо будет произвести две тысячи самолетовылетов.

Комитет начальников штабов считал обязательным придать десанту средства усиления — тактические ядерные ракеты «Онест Джон». Президент дал согласие, оговорив, что на оснащение их атомными боеголовками нужно испросить у него специальное разрешение.

В 11 вечера в Пентагоне получили известие, что первые пятнадцать «Юпитеров» на базе в Турции приведены в готовность к запуску.

По странному стечению обстоятельств в тот день арестовали Олега Пеньковского. Со времени его последнего донесения в Вашингтон прошло два месяца. Стиснутый плотным кольцом контрразведки, он физически не мог передать новую информацию. Ему в те дни было ни до Кубы, ни до ракет, ни до Хрущева или Кеннеди. Стало ясно, что Винн не успевает, контрразведчики дышали буквально в затылок. Пеньковский запаниковал. Он набрал условленный номер телефона, оставалось послать последнее прости своим новым друзьям? Хозяевам? Работодателям? Сигнал обговорили заранее, в самом начале сотрудничества. Подобную инструкцию имеет каждый агент, и каждый надеется, что ею не придется воспользоваться. Пришлось…

Но произнес Пеньковский не условную фразу, свидетельствующую о собственном провале, а совсем иную, тоже обговоренную заранее. Она означала, что Советский Союз наносит немедленный ядерный удар по Соединенным Штатам. Что это — ошибка? Или отчаянная попытка покончить с собой и

со всей мировой цивилизацией одним разом?

На наше счастье, запал не сработал, принявшие сигнал Пеньковского разведчики из ЦРУ отнесли его к разряду ошибок, сбоев, искажений, неизбежно появляющихся в каналах связи. Президенту о паническом предупреждении даже не докладывали.

Порог своего кремлевского кабинета отец переступил около десяти часов вечера. Возможно, впервые после смерти Сталина ему пришлось приехать на работу в столь поздний час. Зал заседаний еще не наполнился, плотные двойные двери то и дело приоткрывались, один за другим входили приглашенные. Лица у всех выражали недоумение, смешанное с тревогой. Чем вызвано необычное как по времени, так и по срочности совещание, никто не сомневался. Но что конкретно произошло? Собравшихся давила, вжимала в стулья повисшая в комнате зловещая неопределенность.

Когда все собрались, отец повторил уже переставшее быть секретом сообщение о предстоящем выступлении американского президента.

— Речь, видимо, пойдет о наших ракетах на Кубе, — продолжал он. Отец оглядел присутствующих, его взгляд остановился на Малиновском.

— Проморгали, — с досадой произнес он.

Грузный маршал начал подниматься из-за стола, готовя слова оправдания, но отец только махнул рукой: «Что уж говорить. Сидите».

Ему предоставили слово первому. Родион Яковлевич полагал, что паниковать нечего, «США не могут так сразу, молниеносно, без подготовки предпринять вторжение… Даже если они объявят о нем, понадобится не менее суток… Не думаю, что следует приводить ракеты в часовую готовность».

Напомню, по часовой готовности янгелевские Р-12, Р-14 и Р-16 заправлялись агрессивными, разъедавшими металл компонентами и, если не нажать кнопку, через несколько дней становились небоеспособными, для восстановления подлежали отправке на завод. Вот маршал и беспокоился: если сейчас не проявить выдержку, то через неделю или две окажешься безоружным.

После Малиновского генерал Семен Иванов доложил «о положении дел с доставкой военного имущества на Кубу»: где находятся корабли, что везут, а что еще не успели погрузить. Из его слов следовало, что полки Р-12 укомплектованы так же, как и военная группировка, предназначенная для отражения возможного вторжения американцев. Р-14 находятся в пути, но

сегодня их присутствие или отсутствие на Кубе ничего не меняет.

Отец согласился с военными. На ракетах договорились провести все проверки до заправки и этим пока ограничиться. Затем отец начал рассуждать вслух: «Войны мы не хотели и не хотим, наша цель — припугнуть США, удержать их от нападения на Кубу. Если они нападут, мы ответим. Может развязаться большая война, что трагично и для нас, и для них, и для всего остального человечества».

Тут он стал перебирать возможные варианты действий: «Объявить по радио о соглашении с Кубой о постановке ракет?»

Никто не возразил, но и не поддержал его.

«Есть два сценария на ближайшие часы, — продолжил отец. — Один — они начнут действовать против Кубы, другой — объявят блокаду острова и пока этим ограничатся».

Решили «в случае американского десанта отражать его всеми имеющимися средствами, включая тактическое ядерное оружие. Стратегические ракеты держать в резерве, применить их только с санкций Москвы».

Чтобы не терять времени даром, обсудили проект политического заявления в связи с обстановкой вокруг Кубы. Отец считал необходимым и важным предупредить свой народ и весь мир, «чтобы американцы не застигли врасплох», утвердили указания представителю в Совете безопасности ООН Зорину и проект резолюции Совета, который ему вменялось внести. Совместно составили письмо Кастро.[84]

Далее советоваться оказалось не о чем, разговор не клеился. Оставалось ждать новостей. Время тянулось нестерпимо медленно.

Около половины третьего ночи, за полчаса до назначенного срока, сидевшего в углу зала за маленьким столиком Олега Александровича Трояновского, помощника отца по международным делам, вызвали к телефону. Из Вашингтона звонил Добрынин. Олег Александрович еще разговаривал с Вашингтоном, когда позвонили из МИДа, из приемной Громыко, и сообщили, что советник-посланник США в Москве Ричард Дэвис только что передал срочное письмо отцу. Трояновский попросил зачитать текст. Дежурный читал не спеша, стараясь не упустить ни слова. Ничего нового к сообщению Добрынина послание не добавило, это было все то же предстоящее выступление Кеннеди по американскому телевидению. Отсутствовал Трояновский долго, казалось, целую вечность. Наконец он вернулся, держа в руках кипу торопливо исписанных листов.

— Что там? Читайте, — натянуто улыбнулся отец.

Трояновский, запинаясь, то и дело останавливаясь, чтобы

свериться со своими записями, зачитал ныне известное всем заявление президента Кеннеди. У присутствующих в зале оно вызвало чувство облегчения: не война. За эти часы томительного ожидания, когда в голову лезли самые мрачные предположения, блокада представлялась чем-то вроде избавления. Конечно, только в первые минуты. По словам Трояновского, отец воспринял сообщение спокойно. Некоторое недоумение у присутствующих вызвал термин «карантин». Ни Кузнецов, ни Малиновский не смогли объяснить, что же он означает на деле. Не вызывало сомнения одно — нам угрожают.

К этому времени из МИДа доставили оригинал американского письма. Отец попросил Трояновского зачитать его, возможно, в телефонных перезвонах затерялись какие-либо важные детали. Когда помощник замолчал, отец, окинув взглядом присутствующих, предложил безотлагательно опубликовать наше ответное заявление, продемонстрировав решимость на силу ответить силой, предупредить, что у нас ядерный кулак не слабее американского.

Здесь снова приходится вспомнить о Пеньковском. По его информации, переданной в США, наш кулак оказывался много слабее. Правда, тут действует иная математика: двух десятков ракет, имеющихся у нас в наличии, хватило бы, чтобы разрушить десяток американских городов. Посчитает ли американский президент такую плату за устранение ракет с Кубы приемлемой?

Отец продиктовал текст ответного письма Кеннеди, по ходу дела внося изменения в обговоренное ранее заявление Советского правительства. Помощники отправились приводить его, что называется, в божеский вид. Присутствующие возобновили обсуждение. Собственно обсуждать оказалось особенно нечего, — подтвердили команду военным на повышение боевой готовности, договорились о телеграмме Кастро, подтвердили директиву Зорину, уточнили еще кое-какие детали (я к ним вернусь по мере повествования).

До рассвета еще оставалось время. Чтобы не терять его даром, заслушали информацию Секретаря ЦК Демичева о поездке в Германскую Демократическую Республику и переговорах с Вальтером Ульбрихтом.[85] На этом все мыслимые темы исчерпались. Отец предложил прерваться, собраться завтра утром в 10 часов. Настала пора расходиться, но отец медлил, что-то его еще беспокоило.

— Давайте задержимся здесь до утра, — наконец проговорил он, — иностранные корреспонденты и разведчики наверняка крутятся поблизости от Кремля. Не стоит демонстрировать свою нервозность, пусть думают, что мы спокойно спим в своих

постелях.

Возражений не последовало. Отец ушел в свой кабинет, там ему уже готовили постель в комнате отдыха, на диване. Заместители председателя Совета министров оказались в привилегированном положении, их кабинеты располагались по соседству. Остальным пришлось коротать ночь на стульях в зале заседаний.

Вокруг ночного заседания в Кремле за последующие годы накопилось немало легенд. Рассказывали их в основном люди, там не присутствовавшие. Я не хочу тратить время на пересказ, да и рекламировать, мягко говоря, фантазеров не моя задача. Упомяну только об одном из них, тогдашнем Председателе КГБ Владимире Семичастном. На ночное заседание в Кремль его, в отличие от Малиновского, Кузнецова и даже генерала Иванова, не позвали, и он чувствовал себя уязвленным. Через много лет он «вспомнил», что Хрущев якобы «запаниковал, на заседании Президиума ЦК в ночь с 22-го на 23-е октября с совершенно серьезным лицом трагически произнес: "Все. Дело Ленина проиграно!"».[86]

Его слова не заслуживали бы комментариев, если бы их не начали цитировать в серьезных исторических книжках. Семичастный — не свидетель, повторяю: в ту ночь в Кремле он отсутствовал, а судя по приведенным выше цитатам из документов, обстановка на заседании Президиума никак не походила на панику. И что, собственно, погибло? Для такого пессимистического заявления вообще не имелось никаких оснований, никто не предполагал, что появление наших ракет на Кубе американцы воспримут спокойно, не начнут скандалить. Они и начали, а члены Президиума ЦК решали, что противопоставить им в ответ. И никакой трагедии. И ничего не проиграно. Речь шла о том, как выиграть, а не проиграть.

К тому же, чисто психологически отец не мог произнести подобных слов. Что-то очень похожее прозвучало из уст Сталина, который, осознав масштабы катастрофы в июне 1941 года, впал в депрессию, сказал: «Все погибло, дело Ленина мы просрали», уехал на дачу и бросил страну на произвол судьбы, не появлялся на людях целую неделю.

Отца там не было, он воевал на фронте. Об этом после войны ему рассказали по отдельности Берия и Микоян. Первый — уснастив смачными деталями, второй — осторожно, с оглядкой.

Отец многократно и при различных обстоятельствах пересказывал эту историю, возмущался: по его мнению, ответственный лидер так поступать не имел права — а потому он мог сказать что угодно, только не повторить сталинскую фразу.

Семичастный безусловно был наслышан об этой истории, и то ли у него в мозгу перепуталось, то ли он переврал все умышленно.

Теперь давайте вернемся в Кремль.

Утром все выглядели помятыми, невыспавшимися. Помощники зачитали отредактированные тексты ответа Кеннеди и постановления Совета министров. Текст постановления остался практически неизмененным. А вот письмо Кеннеди, внося поправку за поправкой, отец фактически начал передиктовывать заново. То и дело вставляли замечания и другие участники совещания. Решил внести свою лепту и Василий Васильевич Кузнецов. Смысл его предложений сводился к тому, что в ответ на американский нажим на Кубе нам следует ответить тем же в Берлине. Кузнецов почти не сомневался в одобрении отца, но тот отреагировал неожиданно резко.

— Попридержите подобные советы при себе, — грубо отрезал он. — Мы из одной авантюры не знаем, как выбраться, а вы нас в другую втягиваете.

Отец явно не желал нагнетать напряженность.

Василий Васильевич обиделся, естественно про себя, но обиду свою затаил. Только после 1964 года, когда обстановка переменилась, он «по секрету» рассказал своему мидовскому приятелю Георгию Корниенко, что Хрущев, вместо того чтобы поддержать его инициативу, «наклал в штаны». Оба они, скрытые, а затем открытые сталинисты, отца не любили и не упускали случая пройтись по нему к месту и не к месту. Хлесткое выражение стало кочевать из книги в книгу, авторы привязывали его по своему усмотрению к тем обстоятельствам, которые представлялись им более подходящими.

Я не знаю, насколько в тот момент, когда разгорался кризис вокруг Кубы, к месту было «дергать американского кота за берлинский хвост». Мне кажется, что это не проявление трусости, а нормальная осторожность, если хотите — государственная мудрость. Впрочем, после драки, когда все прояснилось, храбрецами становятся многие.

Наконец с письмом покончили. Время уже подходило к обеду. Ответ президенту США договорились переслать через посольство. Заявление же правительства и командования войск Варшавского договора отправили на радио. В 4 часа дня его зачитал Юрий Левитан.

«В Совете министров Союза Советских Социалистических Республик. В связи с провокационными действиями правительства США и агрессивными намерениями американских вооруженных сил 23 октября 1962 года в Кремле советское правительство заслушало министра обороны СССР маршала

Советского Союза товарища Малиновского Р. Я. о проведенных мероприятиях по повышению боевой готовности в Вооруженных силах и дало министру обороны необходимые указания, в том числе до особого распоряжения:

1. Задержать увольнение в запас из Советской армии старших возрастов в ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

Следом передавалась аналогичная информация, касающаяся войск Варшавского договора:

«В штабе Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора маршал Советского Союза Гречко А. А. 23 октября 1962 года созвал представителей армий-участниц и дал указание по проведению ряда мер по повышению боевой готовности войск, входящих в состав Объединенных вооруженных сил».

Приказ о приведении в боевую готовность стратегических ракет отозвался неожиданным звонком Королева отцу. На следующий день, 24-го октября, Королев намеревался запустить свой первый беспилотный зонд к Марсу. Подготовку к полету практически закончили, ракету установили на старте, когда из Генерального штаба пришла команда без промедления заменить космический носитель на боевую ракету.

Королев бросился к телефону, дозвонился до Малиновского. Тот посочувствовал, но ответил, что ничем помочь не может, он выполняет решение правительства. Тогда Сергей Павлович попросил соединить его с отцом. О подготовке запуска к Марсу отец, естественно, знал. Он успокоил Королева: «Не волнуйтесь, работайте. Военные перестарались. Запуск на Марс важнее, чем еще одна баллистическая ракета на боевом дежурстве. Я распоряжусь».

Первым откликнулся на возникший вокруг Кубы кризис английский философ Бертран Рассел. В тот же вечер, а вернее в ту же ночь он послал обоим руководителям призыв не совершать никаких действий, способных подтолкнуть мир к ядерной катастрофе. Следом за ним отреагировал Фидель Кастро. Поздно ночью Куба потребовала немедленного созыва Совета Безопасности.

О разразившемся кризисе я услышал по радио на работе. Из сообщения не удалось понять, что же на самом деле произошло. Я

со страхом и нетерпением ждал вечера.

С приездом отца все должно было проясниться, встать на свои места. Он заскочил домой ненадолго. С порога сообщил, что собирается в театр. Я про себя ахнул: какой театр? Но вслух произнес обычное: «Мы с тобой?»

Отец любил театр: больше — оперу, меньше — балет. Жаловал он и драму, особенно классику: Островского, Толстого, Чехова. С удовольствием посещал он и концерты. Как правило, ходили мы в театр всей семьей. Исключение составляли официальные посещения с иностранными гостями. Тогда появление в правительственной ложе чад и домочадцев, конечно, исключалось. На сей раз дело обстояло именно так, в Москве гостила румынская делегация во главе с Георгие Георгиу-Дежем. В соответствии с рутиной официальных визитов предусматривалось посещение Большого театра. Остановились на «Борисе Годунове» с участием американских исполнителей. Ни отец, ни тем более чиновники Министерства иностранных дел не подозревали, что во вторник будет не до театра…

Однако отец решил не менять своих планов. Он считал свое появление в театре даже полезным, весь мир увидит, что угрозы американского президента не поколебали спокойствия в Кремле. Да и обидчивость румын давно стала притчей во языцех.

И то, что в спектакле поют американцы, он считал, тоже пришлось кстати — мы не хотим ни с кем ссориться. И этот знак не останется без внимания. Чтобы усилить впечатление, отец предложил «проветриться» и некоторым другим членам Президиума ЦК.

До отъезда оставалось минут сорок, и мы пошли пройтись вокруг дома. Выглядел отец усталым, но тем не менее, едва мы вышли во двор, я набросился на него с вопросами. На самом деле он мог рассказать не слишком много: американцы проведали о наших ракетах, но что они знают и насколько их сведения точны, судить пока трудно.

В первый день у отца еще теплилась надежда, что информация, полученная Белым домом, неточна, основана на слухах. К вечеру он отбросил сомнения: не стали бы они действовать столь решительно, не имея неопровержимых доказательств. Приходилось на ходу подстраиваться под новую обстановку.

Меня удивило: оказывается, не существовало заранее продуманного плана действий на случай преждевременного обнаружения наших ракет. Теперь приходилось импровизировать.

Несмотря ни на что, отец считал, что строительство следует продолжать. Ускоренными темпами приводить ракеты в

готовность. Тем самым американцы через несколько дней окажутся в положении, предусмотренном нашим первоначальным планом. Им поневоле придется задуматься. Конечно, в условиях разрастающегося скандала труднее принимать взвешенные решения, но отец надеялся, что президент все же смирится с неприятным соседством.

Соответствующая директива ушла на Кубу. Там оставалось не так много работы. Буквально днями все старты должны были принять Р-12.

Одновременно Плиеву приказали доложить, как американцы смогли углядеть, что делается на острове. Ответ пришел нескоро. Там, на месте, собирались с мыслями, примеривались, как поаккуратнее объяснить очередной недогляд. Задним числом проверяли маскировку, упрятывали технику, которая до этого, вопреки всем инструкциям, день и ночь стояла под открытым небом.

Прогулка наша подошла к концу. Так и не удалось мне добиться успокоительной ясности…

Посещение театра нашло свое отражение в очередном донесении американского посла в Госдепартамент.

С отцом в ложе сидели Козлов, Косыгин, Микоян, Брежнев. Подбор «театралов» оказался не случаен. Отец демонстрировал: в Кремле не осталось никого, все тут. После окончания спектакля артистов, советских и американских, пригласили в бывшую царскую ложу, ныне отведенную для официальных посещений главами иностранных государств. Отец поблагодарил за доставленное удовольствие. Всем налили шампанское, выпили за мир во всем мире, за чистые голоса и чистое небо над головой.

Когда отец собирался в театр, в Вашингтоне начинал разгораться хлопотливый день. В 10 часов утра 23 октября открылось первое официальное заседание вновь учрежденного при президенте США Исполнительного комитета. Председательствовал Джон Кеннеди.

Впоследствии некоторые сугубо академические историки сравнивали заседание американского Исполкома с советским Президиумом ЦК, и не в пользу первого. По их мнению, многочисленность Исполкома, включение в его состав людей, не имевших касательства к принятию решений, но зато умевших поговорить, позволяло всесторонне обсудить проблему, проявить нюансы, тогда как в Кремле, кроме членов Президиума ЦК, на заседаниях регулярно присутствовали только министры обороны и иностранных дел, а специалисты из Генерального штаба и других ведомств приглашались лишь по мере необходимости. В этом, по мнению критиков, таилась опасность просчетов.

Что ж, каждый имеет право высказать мнение. Вот только сторонники «всестороннего обсуждения» — люди, привыкшие к конференциям и симпозиумам, где если и принимается решение, то никто не требует его исполнения или вообще не обращает на него внимание. Тут чем больше участников и мнений, тем лучше, особено с точки зрения последующих публикаций.

В условиях управления боем, разрешения кризиса, просто руководства заводом или компанией обстановка складывается иная: есть первое лицо, ответственное за принятие решения, группа доверенных лиц, его штаб и, по необходимости, приглашенные эксперты. Время на обсуждение отводится ограниченное, таковы условия кризисного управления — тут необходима краткость, ясность, точность и, главное, ответственность.

Отец и Кеннеди находились в одинаковом положении, решение оставалось за ними. И тому и другому требовалось отделить зерна от плевел. Но в условиях разнобоя и противоречивости мнений, высказывавшихся на Исполкоме, Кеннеди приходилось труднее, времени он затрачивал больше. А от времени в условиях кризиса зависит многое, если не все. Так что с точки зрения эффективности командный штаб по управлению кризисом в Кремле представляется мне эффективнее аморфного белодомовского Исполкома.

Другое дело, что над Кеннеди довлели еще и предстоявшие через пару недель, в ноябре, выборы в Конгресс, и, набирая Исполком, он думал в первую очередь о них, о том, что ответственность следует размазать по всему политическому спектру, даже в ущерб оперативности и эффективности.

Слава богу, что оба лидера с задачей справились.

Итак, утро 24 октября, Белый дом, заседание Исполнительного комитета при Президенте США Джоне Кеннеди.

Американцы теперь наблюдали за стартовыми позициями ежедневно. Директор ЦРУ Джон Маккоун в докладе об изменениях, происшедших на Кубе за истекшие сутки, отметил, что на острове сохраняется спокойствие, на ракетные базы не допускается никто, только советский персонал. Удивление присутствующих вызвало его сообщение о спешном камуфляже ракетных установок. Почему только сейчас?

В ЦРУ не нашли удовлетворительного объяснения. Отец тоже не получил от Плиева вразумительного ответа. Я больше не слышал от него восторженных отзывов о генерале Плиеве. О присвоении ему звания маршала он и не заикался.

Когда Маккоун показывал фотографии кубинских военных объектов, снятые накануне, Джон Кеннеди с удивлением отметил,

что боевые самолеты на аэродромах вытянулись в ровные цепочки, как бы специально облегчая задачу на случай возможной атаки. Он пошутил, что это проявление склонности военных к порядку, к строю и предположил, что на аэродромах Флориды, по всей вероятности, можно наблюдать аналогичную картину. Генерал Тейлор срочно послал самолет проверить американские аэродромы с воздуха. Президент оказался прав: и там самолеты крыло к крылу выстраивались в четкие геометрические узоры.

Вечером того же дня, после консультации с представителями членов Организации американских государств, приняли решение о введении с 10 часов утра 24 октября морской блокады.

Неопределенность с блокадой беспокоила отца более всего. В заявлении Кеннеди провозглашалось лишь установление карантина. Когда же они решатся на практические действия? Для отца это казалось чрезвычайно важным, к Кубе подходили последние тридцать судов.

Отец считал, что мы, как великая держава, не можем подчиняться диктату США, они не имеют права досматривать наши суда в открытом океане. Всем капитанам пошли указания следовать своим курсом, командам, подаваемым с американских кораблей, не подчиняться, ход не стопорить. Малейшая ошибка теперь могла привести к непоправимому.

Все переговоры наших судовых радистов с материком американцы скрупулезно регистрировали, и открытые, и закрытые. Вечером 23-го они отметили необычайное количество шифрованных посланий. В ЦРУ так и не смогли расшифровать их, не узнали тогда, не знают и сейчас, какие команды получили капитаны из центра. Исполком лишь фиксировал, что корабли курса не изменили. Пока их не задерживали. Американские эсминцы лишь разворачивали орудия, молчаливо отслеживая проходящие мимо под советским флагом сухогрузы, танкеры, реже пассажирские теплоходы. На них все — от капитана до матроса — находились в страшном напряжении. Только когда заградительная цепочка оставалась за кормой, следовал вздох облегчения. Пронесло. Часть судов с военными грузами, в том числе и «ядерный» «Александровск» буквально в последний момент проскользнули через зону карантина. От греха подальше «Александровск» вместо указанного в судовых документах Мариеля поспешил в ближайший порт Исабелль. В эфир передали шифрованный сигнал, безобидное послание на берег, содержащее с таким напряжением ожидаемое в Москве условное слово. Как бы оно ни звучало, смысл был один: «проскочили».

Немедленно доложили отцу. Он немного успокоился.

Появилась даже некоторая надежда, что американцы только угрожают, а задержать суда в открытом море не посмеют.

Как бы там ни было, но заявления американцев о возможном досмотре советских кораблей все больше занимало мысли отца. Именно здесь он видел наибольшую опасность столкновения. Отец просто начинал кипеть, когда представлял себе, как чужие матросы снуют по палубам, открывают двери кают, суют свой нос в судовые документы.

Он рассматривал подобные действия как пиратство и еще днем продиктовал возмущенное письмо президенту Кеннеди. Свое первое письмо после начала кризиса. Там он отмечал: «Я хочу по-дружески предупредить, что меры, объявленные в Вашем заявлении, представляют серьезную угрозу миру и безопасности народов. Соединенные Штаты открыто и грубо нарушают международные нормы свободы судоходства в открытом море, совершают агрессию как в отношении Кубы, так и Советского Союза».

Дальше отец, не уточняя, что конкретно размещается на Кубе, снова заверял: «Мы подтверждаем, что вооружение, находящееся ныне на Кубе… предназначено исключительно для оборонительных целей, служит защите Кубинской республики от возможного нападения агрессора».

Терминологическая игра продолжалась…

В тот же день и Советский Союз потребовал созыва Совета Безопасности «в связи с нарушением Устава ООН и угрозой миру, вызванными действиями Соединенных Штатов». Теперь у У Тана лежали требования трех сторон о созыве Совета Безопасности для обсуждения одного и того же вопроса, с очень похожими взаимными обвинениями.

Когда вечером 23 октября я спросил отца о главном: «А вдруг война?» — он ответил: «Одно дело угрожать ядерным оружием, совсем другое пустить его в ход». По его словам, объявление повышенной боевой готовности в Советской армии — лишь политический ответ на действия американцев.

Тем не менее межконтинентальные ракеты, как их мало ни было, стояли в готовности к заправке и пуску. На аэродромах летчики сменялись в самолетах, им предписывалось взлететь немедленно по получению команды. В сухопутных войсках вскрывались склады, частям выдавались боеприпасы.

Стоило только поднести спичку…

И отец, и Кеннеди отдавали себе отчет не только в своей личной ответственности, но и в том, насколько важно сейчас сохранить управление событиями в своих руках, не выпустить вожжи.

Вечером 23 октября в шесть часов в Белом доме снова собрался Исполком, чтобы обсудить практическую сторону введения блокады.

В Москве уже наступила ночь. Отец давно спал.

Президент предостерег от необдуманных действий, способных привести к гибели судов и экипажей. Он допускал, что капитаны советских судов, подчиняясь приказу Москвы, могут проигнорировать предупреждения американцев и тогда встанет вопрос: кто кого? Если корабли не остановятся, придется или пропустить их, или… открыть огонь. В последнем случае Кеннеди настаивал: «Стрелять только по винтам и только после его личной команды. Никакой самодеятельности».

Джон Кеннеди попытался разъяснить свою позицию отцу. В ответе на полученное утром послание он писал, что США не намерены открывать огонь по советским кораблям, но все может произойти, если они проигнорируют правила установленной блокады.

Свое содействие в улаживании конфликта предложил У Тан. Обе стороны на словах приняли его предложение о посредничестве, но каждая со своими оговорками. Джон Кеннеди согласился вступить в контакты с целью выяснения возможностей для ведения переговоров. Отец согласился с идеей У Тана приостановить развитие событий и в ответ на снятие блокады обещал прекратить военные поставки на Кубу. Здесь пока не намечалось возможностей достижения соглашений, но всякий диалог лучше столкновения.

Заседание Исполкома закончилось поздно. К окончательному решению, как, по какому признаку задерживать или пропускать советские суда, так и не пришли.

Положение еще больше осложнилось: в Саргассовом море на расстоянии двухсуточного перехода от кубинских берегов занимали боевые позиции советские подводные лодки.

Мой знакомый боцман с базы подводных лодок в Североморске оказался прав. Правда, сама плавучая база оставалась пока дома.

Еще 25 сентября в Кремле решили от посылки надводных боевых кораблей на Кубу воздержаться. Их поход только насторожил бы американцев. Ограничились подводными лодками. 1 октября на Кубу отправились четыре дизельные торпедные подводные лодки. Ими командовали капитаны второго ранга Архипов, Дубивко, Кетов и Шумнов. На каждой лодке шесть торпедных аппаратов, запас в восемнадцать торпед, одна из них — атомная.

До места добирались с трудом, пришлось преодолеть три противолодочных рубежа: у мыса Нордкап, потом в районе Исландии и последний, самый тяжелый, протянувшийся между Азорскими островами и Ньюфаундлендом. К цели пришли три подводные лодки, одной из-за поломки пришлось с полпути повернуть назад.

Теперь они приготовились ко всему. Как через много лет вспоминал Рюрик Кетов, командир одной из подводных лодок, начальник штаба Северного флота адмирал Рассоха на прощание напутствовал их: «Применять спецоружие (ядерные торпеды. — *С. Х.)* в следующих случаях: первый, если вас будут бомбить и поразят, второй, если заставят всплыть и обстреляют на поверхности, третий — по приказу из Москвы».

Когда все разошлись, президент попросил брата встретиться с Добрыниным.

Роберт поспешил к телефону. Свидание состоялось в посольстве в половине десятого вечера. Разговор получился нелегким. Со времени их последней беседы, казалось, мир перевернулся. В прошлый раз посол убеждал брата президента в невозможности даже представить себе наличие наших ракет на Кубе.

Теперь переполненный обидой Кеннеди кипел от возмущения, перечисляя успокоительные заявления ТАСС, письма отца, заверения Громыко.

— Президент вам поверил и оказался обманутым, — звучало главной темой обращения к Добрынину.

Все это снова напомнило мне историю с У-2, только стороны как бы поменялись местами, с одним существенным отличием: в мае 1961 года отец ограничился громогласными заявлениями, сейчас американский президент изготовился к решительным действиям.

Добрынин не успел получить новых инструкций из Москвы и продолжал отрицать очевидное. По его словам, никаких ракет на Кубе не существовало.

Наконец эмоции исчерпались, и Кеннеди задал вопрос, ради которого он пришел: «Будут ли советские суда продолжать рейсы на Кубу, несмотря на объявление блокады?»

Добрынин подтвердил: «Никаких изменений в инструкциях». «Но это может закончиться войной», — как-то обреченно произнес Роберт Кеннеди. Добрынин в ответ только пожал плечами. В заключение условились сделать подобные встречи регулярными, но проводить их глубокой ночью, чтобы не привлекать внимание любопытствующих журналистов. Разговор исчерпал себя.

Попрощавшись, Роберт поспешил в Белый дом. Посол начал готовить шифровку в Москву.

Дело это было непростым. В те дни информация из Советского посольства попадала в Кремль кружным путем. Спустя много лет Добрынин с юмором рассказывал, как все происходило. Написание донесения, формулирование предложений, от которых могла зависеть судьба обеих стран, шифровка — представлялись не самым трудным делом. Главное наступало потом. Так как связь с Москвой у посольства отсутствовала, оно заключило договор на передачу своих сообщений с телеграфной компанией Вестерн Юнион. Это, кстати, облегчало деятельность ЦРУ, не требовалось заниматься радиоперехватом, копии зашифрованных посланий поступали в Лэнгли раньше, чем в Москву.

Отправка телеграммы начиналась со звонка в местное бюро компании, вызова их представителя. После лихорадочной, часто ночной работы наступала пора томительного ожидания посыльного. Наконец он появлялся. Обычно приезжал беззаботный улыбающийся негр, передвигающийся на велосипеде. Послание от президента к Председателю Совета министров или отчет о беседе в Министерстве юстиции ложились в его объемистую сумку рядом с телеграммами, извещающими о свадьбе, рождении наследника и похоронах дедушки. Расписавшись в книге, посыльный двигался дальше по своему маршруту.

Дойдя до этого момента, Добрынин как бы невзначай бросил:

— Если бумаги оказывались уж очень важными и срочными, вслед за велосипедистом отряжался служащий посольства пошустрее. В его задачу входило следить, чтобы наше письмо вместе с почтальоном не застряло в какой-нибудь придорожной пивной. Правда, случаев таких не отмечалось, но мы неизменно держались начеку.

В Белом доме президент с нетерпением ждал вестей. Блокада, точнее, ее практическая реализация на сегодня стала для Джона Кеннеди главным. Комитету начальников штабов, главнокомандующему Атлантическим флотом, единодушно поддержанным прессой, все казалось ясным: останавливать каждого пересекающего линию дозора для обыска, строптивых расстреливать в упор. К счастью, не им, а президенту предстояло принять окончательные решения, проскочить между Сциллой и Харибдой — не перейти грани, за которой маячила война, и не проявить слабости. В Вашингтоне к завершению катился вечер 23-го, а в Москве уже просыпалось утро 24-го. И у отца не было вопроса важнее и сложнее. Над ним, так же как над президентом, нависло грозное слово «блокада». Вчера вечером после

обсуждения на Президиуме ЦК он отдал распоряжение двигаться вперед, невзирая ни на что. Флаг великой державы не должен склониться перед произволом янки в открытом океане. Они опираются на силу, но и мы не из слабых. Решение приняли, но спокойствие не приходило. Перед отцом стояла та же дилемма: как, не поступившись достоинством великой державы, удержаться от рокового шага, не совершить рокового просчета, не перейти грани.

Грань эта весьма призрачна, почти невидима.

Визит Роберта Кеннеди к послу Добрынину не принес облегчения. Когда он вернулся в Белый дом, то застал брата в компании английского посла Дэвида Ормсби-Гора. Они тихо беседовали у камина. Речь шла, конечно, о Кубе, о блокаде, о Хрущеве. Ормсби-Гор был старым другом президента, одним из немногих, кому он безоговорочно доверял. Президент позвал его, чтобы выслушать мнение «со стороны». Его советники за эти дни попритерлись, острота восприятия притупилась.

Роберт, не стесняясь посла, подробно рассказал о беседе с Добрыниным. Ситуация прояснилась, но не облегчилась. Чтобы не ошибиться, необходимо узнать, что думают в Москве. Без этого игра пойдет вслепую, каждую минуту можно сделать неверный шаг.

Джон Кеннеди предложил устроить немедленную встречу с отцом. Разговор один на один должен снять недоговоренности.

Такая же мысль пришла в голову и отцу. В своем ответе Бертрану Расселу он писал, что выход из создавшегося кризиса можно отыскать в безотлагательной встрече на высшем уровне. Отец немного хитрил. Организация встречи требовала времени, в самом лучшем случае нескольких дней. За этот срок ракеты приведут в боевую готовность и разговор пойдет на равных. Этих нескольких дней так не хватало отцу. Пока Куба, по существу, находилась на положении заложницы у Соединенных Штатов.

Возможно, Кеннеди подумал о том же. А быть может, по другим причинам, но идею о встрече с отцом, пришедшую ему в голову, после недолгого раздумья он сам и отбросил.

Решение о блокаде вступало в силу в 10 часов утра 24 октября. В Москве в этот момент пробьет 6 часов вечера. На оценку обстановки и принятие решения отводилось очень мало времени, наступал жесткий цейтнот. Советские суда находились в непосредственной близости от выстроившихся в заградительный заслон американских боевых кораблей. В условиях спешки вероятность ошибочного, недостаточно взвешенного решения возрастала.

Рассудительный Ормсби-Гор посоветовал Кеннеди дать

Москве больше времени на раздумья. Сделать это можно, передвинув линию блокады ближе к Кубе.

Президент принял совет и, тут же позвонив Макнамаре, приказал передвинуть к утру рубеж перехвата на триста миль. Теперь он располагался в пятистах милях от острова. На том в Вашингтоне бурный вторник и закончился.

На самом деле, новое решение мало что изменило по существу. Советские суда шли сплошным потоком, и некоторые из них только недавно миновали восьмисотмильный рубеж и теперь находились на подходе к пятисотмильному. Об этом в Белом доме не подумали. Запас времени, предоставленный Москве, не увеличился.

Сейчас участников той грандиозней эпопеи остается все меньше, Каждое свидетельство — на вес золота. Мне удалось связаться с Иваном Федоровичем Сепелевым, в 1962 году командовавшим теплоходом «Волголес». Вооружение на Кубу он возил дважды. В августе «Волголес», как и подобает судну с таким названием, разгружал пиломатериалы, доставленные в английский порт Гулль из Архангельска. Там его настигла шифровка из Москвы, предписывающая побыстрее разделаться с досками и полным ходом следовать в Калининград. Капитана насторожила необычная приписка: «Семьи экипажа в порт захода судна не вызывать».

В Калининграде в трюмы «Волголеса» загрузили массивные бетонные плиты. Сепелев недоумевал: «Стоило ли из-за этих «чушек» пороть горячку?» Только позже выяснилось, что плитам предстояло послужить опорными площадками на стартовых позициях баллистических ракет.

Из Калининграда судно переместилось в соседний Балтийск, базу Военно-морского флота. «Купцов» туда, как правило, не пускали. На сей раз сделали исключение, на «Волголес» предстояло погрузить совершенно секретные МиГ-21. Истребительный полк прибыл своим ходом прямо из Москвы. В те дни он оказался единственным подразделением советских Военно-воздушных сил, освоившим новые самолеты. Громоздкие ящики заполонили все трюмы. Часть из них пришлось распределить на палубе.

Потеснив экипаж, в кубриках разместились три десятка военных пилотов, переодетых в гражданскую одежду. Ни летчики, ни моряки, включая капитана, не имели представления, куда им предстоит направиться. Секретный пакет Сепелеву надлежало вскрыть лишь на выходе из Балтики, на траверзе Скагена. Там он узнал, что следовать им предстоит в кубинский порт Исабелль. Плавание прошло спокойно. Выгрузка тоже. 11 сентября

«Волголес» лег на обратный курс, его уже ожидали в Балтийске.

Второй поход на Кубу оказался более нервным. В трюмы погрузили огромные ящики, на палубу закатили военные грузовики с тщательно зачехленными кузовами. Что скрыто внутри, на сей раз капитану не сказали. Только на подходе к острову, когда «Волголес» окружили американские эсминцы, сопровождавший груз немногословный, мрачного вида человек сквозь зубы предупредил, что следует приготовиться ко всему, груз — необычный. Сепелев так и не понял, что же он вез: то ли ядерные заряды, то ли ракеты. Зато не вызывало сомнений, что означает «быть готовым ко всему». Инструкция, полученная из Москвы, предписывала: в случае захвата судна иностранными пиратами, так именовались военные корабли США, «Волголес» вместе с грузом затопить.

К счастью, до крайности не дошло. В воскресенье 21 октября команда вздохнула с облегчением, корабль встал на рейд Гаванского порта. А там о нем, казалось, забыли. Никто не торопился с разгрузкой. Моряки томились неизвестностью. С внешним миром их связывало только радио, а принимаемые передачи не вселяли оптимизма: сначала Кеннеди объявил о блокаде, затем прозвучал призыв Кастро: «Родина или смерть[1]» Москва молчала.

Так тянулось почти две недели. Только 3 ноября ящики и грузовики поспешно переправили на берег, а Сепелев получил команду идти в порт Мариель и становиться под погрузку ракет. Теперь их предстояло везти в обратном направлении.

Сейчас мы знаем, на «Волголесе» ядерных зарядов не было. Видимо, он входил в число судов прикрытия, и вся эта таинственность предназначалась для чужих ушей и глаз, если они вдруг окажутся поблизости.

Сегодня достоверно известно, что на Кубу до введения карантина доставили 42 баллистические ракеты из 60 и все ядерные боевые заряды. Около 100 одно-мегатонных боеголовок для баллистических ракет, 80 четырнадцатикилотонных боезарядов для фронтовых крылатых ракет, 8 двенадцатикилотонных атомных бомб, 12 двухкилотонных боеголовок для «Лун» и еще, как говорят, четыре морских мины. [87] Последние 24 ядерные боевые части для Р-14 и 44 атомных боезаряда для фронтовых крылатых ракет доставил замыкающий из тройки ядерных транспортов — «Александровск».

Огромные контейнеры выгружались с соблюдением всех мер предосторожности. Органы безопасности допускали к работам только самых надежных, самых проверенных. Возможно, что именно эти особые меры и породили новые разговоры: на остров

доставлено «нечто». К счастью или к несчастью, до Вашингтона слухи не добрались, ЦРУ осталось в неведении. Я говорю «к несчастью», потому что, будь в Белом доме уверены, что боевые заряды на острове, члены Исполкома наверняка повели бы себя еще более осмотрительно.

Если верить рассекреченным цифрам, то основной ядерный груз пришелся на долю «Индигирки» и «Александровска», а «Лене» не досталось почти или даже совсем ничего. Возможно, она играла роль подсадной утки, отвлекала на себя внимание американцев. Не исключено, что «специальный» груз между кораблями распределялся и несколько иначе.

Доставленные «Александровском» ядерные боезаряды для Р-14 решили не разгружать, и он простоял все эти дни в порту Исабелль. По завершении кризиса не привлекший ничьего внимания корабль со своим грузом вернулся домой в Североморск.

На фоне всей этой нервотрепки неудача с пуском зонда на Марс осталась незамеченной. Правда, не для всех. В своей книге о Королеве американский историк Джеймс Хартфорд написал, что взрыв, разнесший на мелкие куски советскую ракету и космический корабль, американская система раннего предупреждения чуть было не восприняла как начавшуюся ракетную атаку. У страха глаза велики. Правда, замешательство продолжалось несколько мгновений, обломки падали беспорядочно и никак не на территорию США. Хартфорд несколько приукрасил картину, никакого взрыва не было. Три ступени ракеты отработали нормально, вывели космический корабль на земную орбиту, а вот четвертая, доразгонная межпланетная ступень не запустилась, корабль так и остался спутником Земли.

В Советском Союзе ни отцу, ни военным не пришло в голову, что пуск космической ракеты в предельно напряженной обстановке тех дней американцы могут истолковать по-своему. Не приходило подобное в голову и самим американцам. Произведенный в те дни с флоридского полигона рутинный пуск баллистической ракеты тоже чуть было не посчитали за ракетную атаку Восточного побережья США. Ошибка прояснилась только после того, как радары показали: траектория ракеты уходит в безлюдные просторы Атлантического океана.

Утром из сообщений американского радио в Москве стало известно, что карантин вступает в силу сегодня, 24 октября в 18 часов. Следом пришла шифровка от Добрынина. Он подчеркивал, что брат президента чрезвычайно обеспокоен возможными

последствиями контакта наших судов с карантинным барьером. Последствия могу стать непредсказуемыми.

В целесообразности принятого вечером решения идти напролом отец засомневался еще ночью. Оно диктовалось не разумом, а сердцем. Утреннее известие поколебало его еще больше. Риск столкновения с американскими кораблями представлялся абсолютно неоправданным. Сейчас он аргументировал изменение решения тем, что все необходимое на Кубу завезено. За исключением Р-14.

На утреннем заседании Президиума ЦК отец предложил дать судам, везущим оружие, команду остановиться. Кому предстояло дожидаться снятия блокады, болтаясь в море, а кому целесообразнее вернуться домой, предстояло решить министрам обороны и морского флота.

Поскольку в заявлении президента США речь шла только о наступательном вооружении, то судам с мирными грузами предписали продолжать движение, отвечать на запросы американцев, но на борт их не допускать ни под каким видом. Там наша суверенная территория, освященная нашим флагом.

Военные особенно беспокоились о танкерах. Без лишнего бронетранспортера или танка можно обойтись, их уже навезли достаточно, а без горючего не поднимутся в воздух самолеты, не сдвинутся с места боевые машины. Ракеты тоже требовали заправки.

Отец колебался: с одной стороны, груз танкеров предназначен для снабжения войск, а с другой — это не очевидно. Толкование могло быть любым, в зависимости от настроения американской стороны. Выбора отцу не предоставлялось — без горючего вся операция обрекалась на провал. Наконец решили: танкерам следовать своим курсом. Условия те же: американцам не противодействовать, их любопытство удовлетворять, но на борт не пускать.

Пока обсуждали, готовили шифровку, отменяющую вчерашнюю директиву, день стал клониться к концу. Отец нервничал, в 6 часов может произойти первое столкновение — во исполнение вчерашней директивы, требовавшей прорываться любыми средствами.

Наконец доложили, что шифровка отправлена. Отец с облегчением вздохнул. Решение далось нелегко, кто-то обязательно обвинит его в уступке империалистам, в недостатке твердости, но это «перемелется». Страшнее, если начнется стрельба, тогда ситуацию в руках не удержишь, события выйдут из-под контроля. Отец с нетерпением ожидал сообщений из Атлантики. Как себя поведут американцы?

Моряки получили указание немедленно докладывать обо всех подозрительных маневрах противной стороны. Теперь оставалось ожидать шести часов вечера.

Отец, как и Роберт Кеннеди, не хотел давать пищу для досужих домыслов. Он предложил перенести заседание к нему в резиденцию.

— Журналисты дежурят на Красной площади, считают сколько окон вечерами светится в Кремле. Давайте не будем доставлять им удовольствия, — невесело пошутил он.

В доме № 40 на Ленинских горах под заседание оккупировали обширную столовую. Обычно настежь распахнутые двери тщательно прикрыли. Разговор едва теплился. Наконец в соседней со столовой гостиной раздался резкий звонок телефона правительственной связи. Отец поспешил поднять трубку.

Все это время я сидел в своей комнате, читал. Вернее, пытался читать, все мои мысли крутились вокруг происходящего в расположенной напротив моей двери столовой. То и дело я ловил себя на том, что вслушиваюсь в невнятно звучащие там голоса. Однако разобрать, о чем говорили, не представлялось возможным.

Зато разговор отца по телефону я слышал отчетливо. Из его слов я понял, что столкновения не произошло.

Вскоре гости стали прощаться. После их отъезда мы с отцом отправились на прогулку. Отец выглядел усталым, шагал по асфальтированной дорожке молча, и я не стал одолевать его расспросами.

Отец нервничал. Нервничали и американцы. Утром президент Кеннеди прежде всего справился о поведении советских судов. В океане ничего не изменилось, как будто не было его обращения к народу, решения Организации американских государств, прокламации об установлении блокады. Корабли как ни в чем не бывало следовали своим курсом, с каждым часом приближаясь к линии, отделяющей сегодняшний мир от завтрашнего.

Ничего не оставалось, как принять высказанные во вчерашнем письме из Москвы слова отца о непризнании им законности пиратских актов, нарушающих общепринятые правила свободы судоходства в открытом море. Подходило время решения: или осуществить перехват или… пропустить, признать свое собственное заявление, решение президента США несостоятельным.

Отступление к пятисотмильному рубежу ничего не дало. Соприкосновению сторон суждено было произойти не позднее

полудня. Потом уточнили — первое советское судно пересечет линию блокады между половиной одиннадцатого и одиннадцатью.

Через четверть века Роберт Макнамара вспоминал, как президент поручил ему еще раз связаться с командующим флотом. Джон Кеннеди засомневался, правильно ли адмирал понял его последнее распоряжение: «Огонь открывать только по винтам и только с санкции президента». Ошибка могла обойтись чрезвычайно дорого.

Макнамара немедленно позвонил в штаб Атлантического флота. Адмирал Джордж Андерсон находился там последние дни неотлучно. Вопрос министра обороны о том, что он предпримет в случае неподчинения советских судов, его, казалось, несколько удивил. Он четко и твердо ответил, что намерен действовать по уставу: сначала предупредительный выстрел впереди по курсу, а если это не подействует, то придется перейти к стрельбе на поражение.

Макнамара просто ахнул! Подозрения президента оказались пророческими. Адмирал только что объяснил ему, как он собирается развязать третью мировую войну!

— Огонь открывать только после получения подтверждения из Белого дома, — взяв себя в руки, приказал Макнамара.

— Вы что же, решили отменить военно-морской устав? — с некоторой долей издевки переспросил Андерсон.

— Таков приказ президента, — отрезал Макнамара.

Ссылка на главнокомандующего возымела свое действие, командующий флотом недовольно отреагировал кратким: «Есть, сэр».

А если бы Кеннеди не пришло в голову перепроверить, как его решения интерпретировали в штабах?

Между тем советские суда невозмутимо продолжали движение вперед, к четко обозначенной застывшими в ряд военными кораблями США линии, Пересечение которой заставит принять решения в Белом доме и Кремле. Какие? Этого пока не знал Кеннеди, не знал и отец.

В смертельной гонке определились два лидера «Юрий Гагарин» и «Комилес». Что вез «Комилес», я не знаю, а груз «Гагарина» известен: заправщики и установщики для одного из полков ракетной дивизии, а так же штаб полка во главе с его начальником. Судну, названному в честь человека, впервые прорвавшегося в космос, теперь предстояло первому преодолеть совсем иной рубеж. Или не преодолеть…

«Наступил тот момент, к которому мы готовились, хотя и надеялись, что он никогда не наступит. Сознание опасности и беспокойства тучей нависли над всеми нами. Особенно это чувствовал президент», — так охарактеризовал состояние, царившее в то утро в Белом доме Роберт Кеннеди.

Вскоре положение еще более усугубилось. С крейсера, которому поручили первый перехват, передали, что оба советских судна сошлись и следуют скула в скулу, а между ними прослушиваются винты подводной лодки.

Макнамара доложил президенту, что на подмогу крейсеру срочно вышел авианосец «Эссекс», вылетели противолодочные вертолеты. Согласно действующей инструкции, с «Эссекса» гидролокаторами потребуют от лодки всплыть, а если она не подчинится, начнут ее бомбить глубинными бомбами со слабыми зарядами, неспособными причинить вред ее корпусу, но создающими невыносимый грохот. В других условиях это средство всегда приносило успех. Преследуемая лодка всплывала, и ее капитан, поднявшись в рубку, получал возможность выразить свое мнение о происшедшем. Но тогда обе стороны знали, что идет игра. А сейчас? Какие инструкции у командира лодки? Вряд ли ему приказано подчиняться командам, подаваемым с американского авианосца.

Только слова очевидца могут позволить хотя бы приблизительно обрисовать, что творилось тогда в Белом доме. Снова Роберт Кеннеди.

«Кругом стоял гул голосов, но я ничего не различал, пока не раздался голос президента: "Нельзя ли как-нибудь избежать столкновения с подводной лодкой?"

— Нет! — ответил Макнамара. — Это слишком опасно для наших кораблей. Другого выхода нет…

Решительный момент наступил».

И дальше:

«Я думаю, эти несколько минут были самым большим испытанием для президента. Стоит ли мир на грани уничтожения? По нашей ли вине? Из-за оплошности? Может быть, мы что-то упустили, чего-то недоделали? Или сделали не так? Ладонью одной руки он прикрывал рот, пальцы другой сжимались и разжимались. Лицо его вытянулось, и взгляд словно посеревших глаз был грустно напряженным. В течение нескольких мгновений казалось, что никого другого здесь нет и что он больше не президент…

Президент Кеннеди развязал ход событий, но он больше не властен над ними. Ему остается только ждать!»

Можно себе представить ощущения капитанов двух

небольших сухогрузов и командира обреченной в глубине подводной лодки, над которыми нависала стовосьмидесятикорабельная громада Атлантического флота США.

До линии блокады оставались считанные мили, когда корабельные радисты «Гагарина» и «Комилеса» сообщили капитанам о приеме срочного шифрованного сообщения из Москвы. Побежали за шифровальщиком, он тут был человеком новым, пришел только на один рейс. Ни до, ни после, ни «Гагарин», ни «Комилес» не связывали свою судьбу с государственными секретами. Время тянулось медленно, казалось, он возится со своими кодами целую вечность. Американские корабли приближались со стремительной быстротой, донельзя хотелось замедлить ход, но команда, полученная из Москвы, предписывала игнорировать все это скопище силы. Наконец, гремя по стальному трапу подкованными башмаками, на мостик влетел шифровальщик. Лицо его было бледно, в руке белела бумажка расшифрованного приказа.

— Вот, — только и смог выдохнуть он. Шифрограмма содержала всего несколько строк. Капитан, вернее, капитаны всех советских судов, приближающихся к линии карантина, не прочитав, а только уловив суть сообщения, схватились за ручки машинного телеграфа. Звонок известил, что команда «стоп» в машинном отделении принята.

Капитан «Комилеса» Эдуард Александрович Загальный (мне случайно удалось узнать его фамилию) теперь уже внимательно прочитал директиву. Ему предписывалось, не вступая в контакт с американским заграждением и не пересекая линию карантина, перейти на безопасное расстояние, лечь в дрейф и ожидать дальнейших распоряжений.

Последовали новые короткие команды, и оба корабля — «Гагарин» и «Комилес», как привязанные друг к другу, описав плавный полукруг, направились в противоположную сторону. Подводная лодка последовала за ними.

С «Эссекса» полетело донесение в штаб: «Русские отступили!»

Решение, принятое в Москве, достигло своих адресатов в самый последний момент. Сколько оставалось до столкновения: час, тридцать минут? Или меньше? К счастью, сегодня нам остается только гадать. Почему к счастью? Потому что мы остались живы и можем гадать.

Когда это произошло? Есть одна точная отметка времени, она сделана в Белом доме Робертом Кеннеди.

«10 часов 25 минут. Курьер принес записку от директора ЦРУ Маккоуна: "Господин президент, мы получили предварительное

сообщение о том, что некоторые советские корабли остановились в открытом море…"

…1.32… "Донесение точное, господин президент. Шесть кораблей, держащих курс на Кубу, почти достигнув блокадного рубежа, внезапно остановились или повернули назад. Уполномоченный военно-морской разведки находится на пути сюда с подробным донесением".

— Итак, не будет ни задержания, ни досмотра, — произнес президент».

В первом раунде одержало верх благоразумие, обе стороны получили передышку.

Командованию Атлантического флота полетело срочное распоряжение: ничего не предпринимать, дать советским судам спокойно развернуться и уйти.

Волнение в Белом доме несколько улеглось, но вскоре оказалось, что повернули назад всего шесть кораблей. Остальные, главным образом танкеры, продолжали свой путь.

Исполкому вновь предстояло решать… Первым к концу дня достигал заветного рубежа танкер «Бухарест», следовавший под советским флагом. Решительно настроенные члены Исполкома, воодушевленные, как им казалось, только что одержанной победой, требовали продемонстрировать твердость и задержать судно, несмотря на то что в перечне грузов, объявленных во вчерашней декларации, никакие виды подозрительного горючего не значились. Успех начал кружить некоторым головы. Их более трезвомыслящие коллеги считали, что не следует нагнетать напряженность.

Президент занял промежуточную позицию. Этот танкер, как и все последующие, после ритуала опознания беспрепятственно пропустили сквозь строй, но за ним неотступно до самой гавани следовал американский эсминец.

В своих воспоминаниях отец с уважением отметил, что, несмотря на резкую, агрессивную кампанию в печати, развязанную против нашей страны, руководство США проявило трезвость в оценке ситуации, не нарушило неприкосновенности нашего флага.

Изложенную выше драматическую историю несостоявшегося перехвата советских судов впервые описал Роберт Кеннеди в своих воспоминаниях «13 дней», написанных в преддверии президентских выборов 1968 года. Тогда он считался наиболее вероятным претендентом на Белый дом. Теодор Сорренсен, бывший помощник президента Джона Кеннеди, теперь ставший советником его брата, отредактировал книгу так, чтобы она

служила интересам избирательной кампании, продемонстрировала силу и решительность кандидата в президенты. Сорренсен рассказал об этом в 1989 году на московской встрече советских и американских историков, изучавших Карибский кризис, и посоветовал относиться к воспоминаниям Роберта Кеннеди с осторожностью. Однако к тому времени они стали классикой, их цитировали и повторяли все, кто писал о событиях октября 1962 года. Мое описание перехвата «Гагарина» и «Комилеса» тоже позаимствовано из книги «13 дней». Оно в целом соответствует действительности, но в несколько приукрашенном виде. Давайте попробуем на основе современного знания отделить факты от домыслов.

Никакой подводной лодки между «Гагариным» и «Комилес» не было. Все три в тот момент плутали в Саргассовом море. Так что или акустики с авианосца «Эссекс» намудрили, или Сорренсен тут приложил руку.

В протокольных записях заседания Президиума ЦК в ночь с 22 на 23 октября есть четыре строки из выступления Хрущева, относящиеся к следующим на Кубу судам. Первое: «Корабли, которые идут в Средиземном море, вернуть в Черное море. Вооружение и воинские соединения с пути вернуть», и чуть дальше: «Дать команду на возвращение кораблей, тех, которые еще не дошли. Все соглашаются, что это правильно».[88] С другой стороны, в принятом на том же заседании послании Кеннеди (я его процитировал выше) говорится обратное. Как объяснить это противоречие? Скорее, его просто не существовало, одно дело фразы, произнесенные отцом в процессе обсуждения, а другое — окончательный документ. Последний отражает позицию, занятую советским руководством, а все остальное — это только мнения.

Теперь факты. 24 октября в 2.30 ночи по восточно-американскому времени Агентство национальной безопасности США, специализирующееся на перехвате радиосообщений, зафиксировало радиограмму, переданную из Одессы. Расшифровать ее не удалось, но, получив ее, согласно докладу разведки американского военно-морского флота, шесть судов «или остановились, или изменили курс».

Если учесть восемь часов разницы во временных поясах между Москвой и Вашингтоном, то в 2.30 ночи на Восточном побережье США в Москве было 10.30 утра. Примерно тогда собрался Президиум ЦК и, вероятно, принял окончательное решение о приостановке движения. Указание носило пометку «Срочно», и передали его без задержки.

Так что приведенный мною пересказ из книжки Роберта Кеннеди — выдумка, а вот доклад отцу по телефону в шесть

вечера по Москве, десять утра на линии американской блокады, что в районе Кубы все спокойно — чистая правда. Там ничего не происходило. Согласно американским разведданным, в момент описанного в книге «перехвата» «Гагарин» не дошел до линии карантина 500 миль, а «Комилес» — все 800.

В истории Карибского кризиса прочно утвердились две версии: одна — кинематографически напряженная, другая — рутинно документальная. Я привел обе, но первая мне нравится больше.

Из всех судов, следовавших на Кубу, одно привлекало особое внимание американцев — сухогруз «Полтава», вышедший, как они считали, из Одессы, а на самом деле — из Севастополя.

ЦРУ имело информацию от своей агентуры, что на «Полтаве» находятся боеголовки для ракет. Американская разведка фиксировала каждый шаг подозрительного судна, она даже знала, что в судовых документах «Полтавы» пунктом назначения первоначально значился Алжир.

Сейчас, когда многие тайны раскрылись, можно с уверенностью сказать, — «Полтава», так же как и четыре других, не привлекших столь пристального внимания американцев сухогруза — «Альметьевск», «Николаев», «Дубна» и «Дивно-горек», везли Р-14 и сопутствующее им оборудование.

За «Полтавой» американцы следили не отрываясь. Скрупулезно зафиксировали, что она вместо Алжира направилась к Гибралтарскому проливу и вышла в Атлантический океан. После не прошедшей незамеченной встречи в океане с тремя советскими подводными лодками, по сведениям ЦРУ, принадлежавшими Северному флоту, подозрения усилились, превратились почти в уверенность.

Дальше путь лежал к берегам Кубы. «Полтава», «Альметьевск», «Николаев», «Дубна» и «Дивногорск» оказались среди тех судов, которые получили 24 октября команду повернуть домой.

Строительство на Кубе продвигалось споро. Донесения от Плиева дышали оптимизмом. Отец продолжал держаться твердой позиции — главное, выиграть время, закончить работы по установке ракет. Поэтому очень кстати пришлось полученное 24 октября послание исполняющего обязанности генерального секретаря ООН У Тана, предложившего, прекратив на несколько недель перевозку вооружения на Кубу и сняв на этот срок блокаду, попытаться найти взаимоприемлемое решение. Отец ухватился за эту идею и снова предложил совещание в верхах.

Кеннеди с порога отверг всякую возможность диалога. Пока

ракеты находятся на Кубе.

Так же он ответил и Бертрану Расселу. Старый философ считал принятые США меры излишне жесткими, а их бескомпромиссную позицию опасной. Он призывал к поиску путей примирения. Кеннеди написал в своем послании: «Мне кажется, вы бы лучше обратили ваше внимание на взломщика, а не на тех, кто поймал его с поличным».

Здесь президент перегнул палку, речь шла всего лишь о неугодном ему госте, заглянувшем к соседу.

Отец использовал любые возможности донести свое понимание событий до оппонента. В ту беспокойную среду он принял американского бизнесмена Уильяма Нокса. Отца интересовали не его деловые предложения, он хотел через него еще раз разъяснить президенту Кеннеди свою позицию.

Отец обращал особое внимание на то, что и баллистические, и зенитные ракеты находятся под строгим контролем Москвы. На ракетных базах нет ни одного кубинца. Отец сказал Ноксу, что времена изменились, исключительное положение США ушло в прошлое и теперь им придется привыкать к соседству советских ракет на Кубе, как мы научились жить, имея под боком в Турции американские «Юпитеры».

В отношении блокады он продемонстрировал жесткую позицию: никаких унижающих достоинство великой державы компромиссов. Если совершат нападение на советские торговые суда, именно так он квалифицировал их остановку и досмотр, то мы примем ответные меры и, если не останется другого выхода, потопим агрессора.

Слова отца в Вашингтоне учли. Ни одно советское судно пока не подверглось задержанию. Государственный департамент запросил посла США в Анкаре Раймонда Хейра о возможной реакции турецкого правительства на демонтаж «Юпитеров». Аналогичное послание ушло в штаб-квартиру НАТО.

Благодаря сдержанности обоих лидеров, критическая среда закончилась благополучно. Несмотря на воинственные заявления, де-факто выработались взаимоприемлемые на ближайшие день-два, условия соблюдения блокады: мы не совались с запретными грузами, они пропускали остальные наши суда беспрепятственно. Равновесие установилось очень шаткое.

Разведывательные самолеты над Кубой летали теперь ежедневно. Не только У-2, но и дважды в день, утром и вечером, восемь низколетящих разведчиков. Фиксировались мельчайшие детали. Экспонированная фотопленка исчислялась десятками тысяч метров. Например, 24 октября она составила более 40 км в длину. Конечно, обработать ее всю не представлялось

возможным, в первую очередь изучались фотографии знакомых районов.

В среду данные разведки засвидетельствовали значительное продвижение работ. Плиев держал свое обещание отцу. Строящиеся объекты проявлялись один за другим. Там, где вчера еще только намечались неясные контуры, сегодня отчетливо просматривались почти готовые сооружения: стартовые площадки, хранилища для ракет, бункеры. Специалисты дали заключение, что до полной боевой готовности ждать осталось недолго — несколько дней, не более недели.

Они ошибались. Первый полк еще пять дней тому назад изготовился к запуску баллистических ракет Р-12 с ядерными зарядами. 25 октября к нему добавится второй полк и еще один дивизион третьего полка.

Тревога в Белом доме нарастала. В войска ушел приказ о повышении степени готовности стратегической авиации до второй. Впервые в послевоенной истории. Выше было уже некуда. Следующая ступень — начало боевых действий. Примечательно, что решение принял не президент Кеннеди, а командующий стратегической авиацией. Он же дал указание передать приказ по радио не шифром, как положено, а открытым текстом, так, чтобы команда стала известна в Советском Союзе, чуть ли не раньше, чем дойдет до собственных авиационных подразделений. Кеннеди узнал обо всем задним числом, он выговорил генералам за самоуправство, но отменять их распоряжение не стал. Решение не свидетельствовало о намерении сделать еще один шаг, приближающий к ядерной атаке, — они сделали очередной предупреждающий жест, который должны были оценить в Москве. Расчет оказался верным. Но об этом чуть позже.

После бурной среды, 25 октября в четверг, казалось, наступила разрядка. По обе стороны океана как бы сказали: «Уф-ф-ф». Конечно, это только казалось. Дело пока с места не сдвинулось. Но уж и то благо, что четверг не стал для американцев днем действий. Становилось все более очевидным, что в лоб задачу не решить, нужно искать обходные пути, не обойтись без компромиссов. В среду, как только страсти вокруг установления блокады, перехвата или не перехвата «Бухареста» поутихли, Джон Кеннеди решил ответить на последнее письмо отца. Это была его первая акция в четверг. Письмо ушло без четверти два ночи.

В своем послании президент перечислил все события последнего времени, напомнил о сентябрьском заявлении и неприемлемости для США установки наступательного оружия на Кубе. Он выражал искреннюю обиду на то, что его обманули. Он поверил заверениям посланцев отца и «стал обуздывать тех, кто настаивал тогда на принятии срочных мер». В результате теперь они оказались правы. Между строк звучало, что это подорвало престиж президента. Кеннеди призывал приложить усилия к поиску взаимоприемлемого выхода из тупика. Дух послания не был воинственным, но из него становилось ясным, что без удаления ракет соглашения не достигнуть.

Отец получил письмо в четверг еще до полудня. Искренность интонаций его тронула. Краткость и жесткость формулировок не позволила усомниться в твердости и решимости президента. От отца теперь зависело очень многое, вернее, все: ему предстояло найти единственно верное решение.

На собравшемся после обеда заседании Президиума ЦК отец впервые заговорил о возможности вывода ракет. Конечно, при условии, если американский президент обязуется гарантировать неприкосновенность Кубы не только со стороны США, но и поручится за своих латиноамериканских союзников, не говоря уже о кубинских эмигрантах. В Кремле никто не сомневался, что без команды Вашингтона они не то что пальцем не двинут, рта не осмелятся раскрыть.

Но это отцу казалось недостаточным. Наши недоброжелатели постараются позлословить: еще бы, США цыкнули на СССР, и он забрал свои ракеты. А уж гарантии — дело десятое.

Отец предложил в ответное письмо президенту США включить еще одно условие — баш на баш, кубинские ракеты ставились против «Юпитеров», расположенных в Турции и Италии. О «Торах», размещенных в Великобритании, решили не поминать, не пережимать.

Члены Президиума согласились с новым подходом отца так же единодушно, как и пять месяцев назад с отправкой наших ракет на Кубу.[89]

Громыко поехал в МИД выполнять поручение. Ответ решили рассмотреть на следующий день с утра. В этом случае послание попадало в Вашингтон тем же утром, разница в восемь часов позволяла выиграть целый рабочий день. Работа велась в обеих столицах как бы по скользящему графику. Заставлял поспешить и доклад КГБ о перехвате команды о приведении в готовность «два», переданной штабом стратегической авиации. На указание о том, что она не кодировалась, отец отреагировал однозначно: «Пугают». Но пугать пугают, а отмахнуться от недвусмысленного предупреждения представлялось крайне легкомысленным.

Теперь отцу предстояло вычислить, что это такое? Блеф? Или честное предупреждение? «Иду на вы»?

Он сам не чурался блефа, и поэтому особенно ясно ощущал, что в нечеловеческом напряжении, когда такие силы пришли в движение, даже простая угроза порой, помимо воли автора, может неожиданно превратиться в неотвратимую реальность. Ведь команда ушла не в воздух! Она задействовала тысячи людей, сотни самолетов и ракет. Сегодня их число не составляет секрета: к первому удару по целям на территории Советского Союза в тот день задействовали сто шестьдесят три межконтинентальные ракеты, около двухсот ракет средней дальности на базах в Великобритании, Италии, Турции и тысячу двести самолетов, несших на себе две тысячи восемьсот пятьдесят восемь ядерных боеголовок и бомб. Еще одно кодированное слово — и вся эта армада устремится на нас.

Решение, которое ему предстояло принять, давило своей ответственностью, но отец не поддался панике. Он решил выждать. Пока Громыко занимается письмом, обстановка прояснится. Вот только в какую сторону? Но утро вечера мудренее.

С такими невеселыми думами отец вернулся из Кремля домой.

Дома его поджидал я. Как обычно, мы пошли подышать свежим воздухом. Конечно, он мне не стал пересказывать все свои сомнения, но, как бы то ни было, в тот вечер я впервые услышал от отца, что ракеты, по всей вероятности, придется вывезти. Конечно, при условии соответствующих обещаний США и международных гарантий о ненападении на Кубу не только самих Соединенных Штатов, но и их союзников, а также расположившихся в соседних странах эмигрантов. О Турции и

Италии отец не произнес ни слова.

Я был шокирован, еле сдержал возмущение. Отступление в моем сознании увязывалось с национальным унижением. Отец в ответ на мои слова терпеливо разъяснял, что на президента оказывают давление со всех сторон: военные, пресса, конгрессмены. Все требуют начала военных действий. Такого нажима Кеннеди может не выдержать. А что тогда делать? Они нападут на нас на Кубе, а мы на них в Берлине? Глупо, и ничего не даст. Стоит только начать стрелять, потом не остановишься.

Я никак не мог понять, как отец решался поверить слову президента США? Чувствовалось, что у него просто нет иного выхода. До этого отец придерживался твердой позиции: верить на слово империалистам, особенно американским, нельзя, обманут. И тут же ссылался на свой опыт общения с Эйзенхауэром, историю с У-2. Теперь он смягчился, готов был удовлетвориться заверениями на бумаге. Нарушить их, он считал, президент не решится.

Он убеждал не меня. Отец уговаривал себя, мучительно пересматривая принципы, которым он следовал последние годы. Вот-вот предстояло родиться чему-то новому. Он уже почти согласился. Но хотел, чтобы его попросили, пусть предложения исходят не от нас, а от американцев. Такую идею им следовало подбросить.

Отец ощущал себя в западне. В случае нападения на наши ракеты на Кубе у него не имелось в запасе варианта ответных действий, такую атаку требовалось во что бы то ни стало предотвратить. О ядерном ударе по США он не задумывался ни на минуту, атомная бомба хороша для газетных публикаций. Акцию в Берлине отец считал неоправданно опасной, она могла помимо желания привести к большой войне. Войну же как способ решения споров он исключал. Больше отвечать оказалось нечем и негде. А раз на применение силы невозможно ответить тем же, то такую возможность нужно во что бы то ни стало предотвратить.

Вернувшись с прогулки в дом, отец выпил свой чай с лимоном, лениво перелистал газету, клеймившую позором американских морских пиратов, и тяжело поднялся по лестнице на второй этаж в спальню. Я тоже пошел к себе. На душе скребли кошки, но страха неизбежности столкновения не ощущалось. Я не сомневался, что отец найдет выход из положения.

Поутру 26 октября в пятницу в кремлевском кабинете отца ожидала неприятная новость. Информация пришла еще вчера, поздно вечером, но пока ее принимали, носили по многочисленным кабинетам на Лубянской площади, до утра осталось совсем немного. Будить отца никто не решился, и

донесение «источника» положили в привычную серо-голубую папку с другими донесениями того же ведомства.

Прочитав первые строки, отец понял: вот оно, подтверждение, что вчерашнее объявление боевой готовности в стратегической авиации не блеф. Или, вернее, скорее всего не блеф.

Произошло следующее. Один из сотрудников нашего посольства, профессиональный разведчик, накануне, в четверг, как обычно направился в вашингтонский международный пресс-клуб потолкаться, попытаться выудить новости. В тот день в клубе толпились журналисты, во всех углах обсуждали одну тему — советские ракеты на Кубе. Строились предположения, что предпримет Белый дом? Ударит или не ударит? А если ударит, то когда?

Нашему сотруднику повезло. Он сразу напал на след. Корреспондент «Нью-Йорк Геральд Трибюн» Роджерс шумно прощался с друзьями, сегодня он вылетает во Флориду освещать высадку американской морской пехоты на Кубе. Военные действия начнутся на следующий день. Хорошо знакомый с Роджерсом, наш сотрудник, улучив момент, оттащил его от компании за отдельный столик. Тот повторил: «Да, дело на мази, завтра начинаем». Говорил он убедительно, да и получаемая раньше от него информация всегда подтверждалась. А тут он приводил подробности, что-то рассказывал о десантных баржах, самолетах с подвешенными под фюзеляж бомбами. Все они только ожидали завтрашней команды: «Впе-ред!».

Покрутившись еще немного по пресс-клубу, наш разведчик поспешил к себе, следовало не мешкая передать тревожную информацию в центр, в Москву.

Сейчас трудно гадать, что это: не очень качественная информация или тщательно взвешенная в подкрепление вчерашней команде стратегической авиации дезинформация? Второе более вероятно, Белый дом, Лэнгли предпринимали всё, что бы размягчить позицию Кремля, сделать ее поуступчивее.

Не склонный верить донесениям агентурной разведки отец на сей раз заколебался. Сбросить такое со счетов… Отец решил отнестись к донесению разведки из Вашингтона со всей серьезностью.

Перелистал остальные бумаги, в них ничего важного не обнаружилось. Важного по меркам той «черной» пятницы, когда предстояло или отвернуть от пропасти, или свалиться в нее всем вместе, правым и виноватым, ведавшим и неведавшим.

Как и уговаривались, к десяти в его кабинет стали заходить члены Президиума ЦК, пришли и два неизменных участника бдений этой недели Малиновский и Громыко. Все рассаживались

вдоль длинного покрытого зеленым «кремлевским» тонким сукном стола заседаний. В папке у министра иностранных дел лежал отпечатанный на специальной бумаге проект ответа Председателя Совета министров СССР президенту США. Андрей Андреевич подошел к стоявшему чуть поодаль письменному столу, за которым сидел отец. Хотел показать ему заготовку, но хозяин кабинета жестом остановил его. «Сейчас все вместе послушаем», — проговорил отец.

Через несколько минут Громыко начал зачитывать послание. Обычно отец не давал оратору покоя, вносил поправки, дополнения, которые тут же записывала сидящая у стены немолодая, черноволосая, похожая на цыганку стенографистка Президиума ЦК. На этот раз он не вмешивался, только, когда Громыко заговорил о ракетных базах США в Турции и Италии, поднял голову, глянул на выступавшего. Громыко закончил, откашлялся в нерешительности, подождал несколько секунд и сел.

Присутствующие молчали, необычная реакция отца, вернее, ее отсутствие их озадачило.

Отец покопался в бумажных папках, рассыпанных по столешнице, наконец нашел нужную серо-голубую и вытащил из нее сцепленные скрепкой пару страниц.

— Нас предупреждают, что война может начаться уже сегодня, — начал отец. Голос у него звучал непривычно глухо. — Конечно, возможно, информацию подбросили, но риск слишком велик. В Америке происходит настоящий шабаш, военные рвутся в бой. Поэтому я предлагаю не ввязываться сейчас в спор об американских ракетах в Европе, никому они не мешают. Надо сосредоточиться на главном: если США, их президент обяжется не нападать на Кубу, мы, как это ни неприятно, заберем свои ракеты. Иначе становится слишком опасно.

Участники совещания не возражали. Громыко загудел: «Правильно». Отец предложил сочинить новый ответ немедленно, тут же всем вместе, время не ждет. И так после получения послания из Вашингтона прошло более суток.

— Надежда Петровна, — обратился отец к стенографистке.

— Я готова, Никита Сергеевич, — откликнулась женщина.

Отец встал, начал диктовать. Он говорил об ответственности за судьбы мира, жизнь людей, лежащей на плечах президента США и его, Председателя Совета министров СССР. Дальше он перешел к обсуждению того, какое оружие можно считать наступательным, а какое оборонительным, призвал к благоразумию и спокойствию. В конце он предлагал соглашение: мы выводим ракеты, а вы гарантируете безопасность Кубы.

Письмо получилось, в отличие от послания президента Кеннеди, длинным, как и многие выступления отца, не везде последовательным и отчасти путаным. Однако главное не вызывало сомнений: автор ищет способ выхода из кризиса, искренне стремится к миру.

Решили, что Надежда Петровна сейчас расшифрует свои закорючки, помощники отца вместе с дипломатами «причешут» текст. Так что окончательно рассмотреть и подписать его удастся после обеда, часа в два-три. Надежда Петровна вышла из комнаты. Место у стены заняла ее напарница. В Вашингтоне еще спали.

Собственно, никаких иных вопросов, кроме письма, в повестке дня не предусматривалось. Отец предложил послушать военных, Малиновского, — его волновало, какие разрушения могут нанести американцы нашей стране и что мы можем им противопоставить. Конечно, все это уже не раз обговаривалось, но сейчас война из призрака превратилась в реальную угрозу. Малиновский угрюмо оглядел всех присутствующих и ответил, что материалы, карты, схемы можно подготовить к завтрашнему утру. В остальном же вооруженные силы приведены в боевую готовность, противник их врасплох не застанет. Отец согласился: завтра так завтра. Все равно за оставшиеся часы ничего радикально изменить не удастся. Главное сейчас, думать не о войне, а о том, как ее предотвратить.

На этом утреннее совещание Президиума ЦК закончилось. Отец задержал направлявшегося к дверям Громыко. Ему пришла мысль продублировать свое письмо, упредить его. Пока расшифруют, пригладят, уберут шероховатости, передадут, примут, доложат, пройдет уйма времени. А никому не известно, сколько еще вообще отмерено миру. Вот отец и хотел прибегнуть к уже испытанному методу, передать через доверенное лицо не послание — намек.

Дальше я пересказываю общепринятую и свою собственную версии этого эпизода Карибского кризиса.

Громыко поддержал идею отца. Тот тут же снял трубку и набрал номер телефона председателя КГБ. Трубку поднял Семичастный, этот телефон на секретарей никогда не переключался. Отец вкратце объяснил задачу Семичастный ответил, что такой человек, конечно, найдется, он без промедления отдаст все необходимые распоряжения. В Вашингтон ушло указание прозондировать американцев.

В Вашингтоне уже упоминавшийся некто Фомин (Феклисов) получил по недипломатическим каналам указание встретиться с кем-нибудь известным своими связями в верхах и выяснить его

мнение по некоторым вопросам. Выбор Фомина пал на журналиста Джона Скэйли, вхожего в верха Государственного департамента и, что более важно, близкого к клану Кеннеди.

Такова общепринятая версия, отдающая КГБ пальму первенства в разрешении кризиса. Мне она не очень по душе. Почему какой-то, пусть и очень удачливый, агент предпочтительнее официального письма? Не похоже все это на отца. Скорее всего, не звонил он Семичастному.

Впоследствии Владимир Ефимович признался, что за время кризиса он с Хрущевым вообще не встречался ни разу,[90] и разведка КГБ, в отличие от Главного разведывательного управления Генштаба, в его разрешении практически не принимала участия.

Инициатива отца не означала приостановки работ на Кубе, там все шло своим чередом. Отец считал, если американцы заподозрят, что мы даем слабину, проявляем нерешительность, то с ними не совладать. Плиев в своих донесениях был краток: монтаж стартов производится в соответствии с планом. Американские аэрофотосъемки подтверждали его слова, сооружение ракетных стартов продвигалось в чрезвычайно быстром темпе.

С первого дня отец информировал Кастро обо всех предпринимаемых им шагах, сообщал о реакции Вашингтона. Казалось, было от чего занервничать, но, по словам Алексеева, Фидель сохранял завидное хладнокровие. Он занимал жесткую позицию, считал, что если проявить твердость, то американцы не отважатся на осуществление своих угроз. Посол соглашался с ним, считал, что Кастро прекрасно изучил психологию американцев.

Отец придерживался иной точки зрения. Он относил решительность Кастро за счет переоценки им «веса» устанавливаемых ракет. Наконец-то Куба в глазах своего лидера, казалось, если и не сравняется по силе с ненавистным северным соседом, то хотя бы сможет поспорить с ним.

В те дни остров выглядел как осажденная крепость Побережье, сплошь изрытое окопами и ходами сообщения, ощетинилось стволами орудий. Ждали десанта, не сегодня так завтра Кастро объезжал позиции, подбадривал бойцов. Призыв «Родина или смерть!» стал лейтмотивом его выступлений.

Если в среду 24 октября в Белом доме впервые прозвучали слова о возможном обмене кубинских ракет на турецкие, то в четверг подобные предложения посыпались как из рога изобилия. Аналогия напрашивалась сама собой. Известный политический обозреватель Уолт Липман посвятил этому вопросу большую

статью. Австрийский министр иностранных дел Бруно Крайский выдвинул туже идею.

На вечернем заседании Исполкома в Белом доме предложение возникло снова. Однако его обсуждение решили отложить до получения ответа из Европы.

Он не заставил себя ждать. Первым откликнулся посол США при штаб-квартире НАТО Томас Фиклеттер. Позицию Турции он охарактеризовал предельно четко: «Юпитеры» рассматриваются «как символ решимости союзников использовать атомное оружие в случае нападения русских как с использованием обычного, так и ядерного вооружения, поэтому турки крайне заинтересованы в присутствии ракет на их территории».

Ну прямо один в один аргументация отца в пользу постановки ракет на Кубе.

Пятница 26 октября принесла новые волнения не только отцу. Краткая передышка, если только можно употребить подобное слово, закончилась. Утром Исполком особо озаботился проблемой блокады. Она действовала уже третий день, шеренга кораблей Атлантического флота перегородила океан, а никого еще не задержали. Редкие корабли, явно следующие на Кубу, пересекали запретную линию беспрепятственно.

Президент продолжал противиться досмотру судов под советским флагом. «Если нет абсолютной уверенности в наличии у них на борту ракет или другого оружия, могущего быть отнесенного к наступательному, то лучше не дразнить гусей», — считал он.

В четверг к вечеру, казалось, появилась возможность продемонстрировать решимость. К рубежу подходил пассажирский теплоход «Фолкер Фройндшафт» под флагом ГДР. И тут президент не захотел связываться. Если дело примет дурной оборот, то стрельбу по безоружному пассажирскому судну будет невозможно оправдать.

Наконец отыскали компромиссное решение. Командованию Атлантического флота пошло указание перехватить первое же непассажирское судно, следующее не под советским флагом. Ранним утром 26 октября под эту категорию подпал зафрахтованный Советским Союзом шведский грузовоз «Коллангатта». И его решили пропустить, не хотелось Белому дому вызывать неудовольствие правительства традиционно нейтрального европейского королевства. Решили выбрать кого-либо попроще, побезответнее.

Жребий пал на грузовоз «Марукла», принадлежащий Панамской компании, зарегистрированный в Ливане и зафрахтованный Советским Союзом для доставки груза из Риги в

Гавану. Ни у кого не вызывало сомнения, что на нем нет оружия и конфликта не возникнет. Всю ночь «Маруклу» преследовали два эсминца — «Джон Пирс» и «Джозеф П. Кеннеди». Последний командование флотом выбрало, видимо, чтобы доставить удовольствие президенту.

Как только в пятницу в 6.50 утра судно пересекло запретную линию, ему приказали застопорить машины. С эсминцев спустили вооруженные катера с абордажной командой. Обошлось без инцидентов, оружия на борту не обнаружили, в его трюмах лежали рулоны газетной бумаги, стояли мешки с серой и ящики с запасными частями для тракторов. «Марукле» разрешили следовать дальше своим курсом.

В Белом доме считали, что перехват «наглядно покажет Хрущеву, что мы переходим к усилению блокады». При этом как бы демонстрировалась сдержанность, советские суда пока оставались неприкосновенными.

К тому моменту, как весть о задержании «Маруклы» достигла Москвы, письмо президенту США уже находилось на пути в Вашингтон.

Донесение ЦРУ в пятницу 26-го свидетельствовало, что на советских ракетных базах сделан еще один шаг к завершению работ. Невзирая на блокаду, переписку, угрозы и приглашения к компромиссу, строители продолжали укладывать бетон, монтажники собирали конструкции, электрики прокладывали кабели. Час за часом, день за днем.

Президент приказал увеличить число разведывательных полетов с двух в день до двенадцати. Фактически теперь изменение обстановки фиксировалось каждый час. Началась подготовка к ночному фотографированию. Однако все это позволяло только фиксировать, но не влиять на ситуацию. Военные усилили давление, печать обвинила президента в нерешительности. Кеннеди постепенно сдавал позиции. Все громче в Исполкоме звучали голоса, ратующие за военное решение проблемы.

Утром в пятницу президент Кеннеди дал указание Государственному департаменту приступить к разработке первоочередных мер по созданию новых органов власти на Кубе после ее оккупации американской армией. Комитет начальников штабов начал практическую подготовку вторжения. Войска подтягивались к местам погрузки, гражданским судам было предписано покинуть опасный район. Ракетные установки «Онест Джон» полностью подготовили к действию. Оставалось только подстыковать ядерные боевые части.

На Кубе к встрече десанта изготовились советские «Луны» и

фронтовые крылатые ракеты. Оставалась невыполненной последняя операция по установке атомных боеголовок. Сделать это было можно только с согласия Москвы. Если с Москвой сохранится связь. В противном случае вся ответственность ложилась на плечи Плиева.

Приготовления к высадке не остались незамеченными. Поступающие в течение пятницы в Москву донесения разведки сводились к одному — вторжение неминуемо.

В воздухе все ощутимее пахло порохом. МИД и КГБ обратились с просьбой дать разрешение на предупреждение зарубежных представительств, в первую очередь в США, о чрезвычайной ситуации. Это означало подготовку на случай возникновения войны. Согласно инструкции, секретные документы надлежало подготовить к уничтожению немедленно, а шифры — по специальному приказу. Отец санкционировал тревожное послание. Он считал, что от этого вреда не будет. Возможно даже, что подобная суета пойдет на пользу. Ее зафиксирует американская контрразведка. Хотя, если решение об атаке принято, это уже ни на что не повлияет.

После обеда Президиум ЦК собрался снова. Ожидали текст письма к Кеннеди. Как всегда, не хватало последней минуты, допечатывали, считывали. Наконец все готово. Послание получилось сумбурным, это почувствовал и отец, он внес некоторые изменения своей рукой. Времени ни на коренную переделку, ни даже на повторную перепечатку, он считал, не оставалось.

Взявшись за авторучку, отец еще раз поднял голову: «Все согласны?» Члены коллективного руководства дружно закивали головами. Отец размашисто подписал и, протягивая письмо помощнику полуприказал-полупопросил Громыко:

— Пожалуйста, отправьте без задержки.

— Конечно, Никита Сергеевич, — громыхнул бас Громыко. Да его слов и не требовалось. Какие тут задержки?

Но на деле все получилось иначе. Опасения отца оказались не напрасными. В соответствии с педантичными записями американских дипломатов, письмо Председателя Совета министров СССР в посольстве США в Москве получили в 16.43. Его туда доставили фельдсвязью прямо из Кремля. На все процедуры, предшествующие отправке, включая перевод, ушло еще чуть более двух часов, и в семь вечера послание, как и все иные правительственные и дипломатические документы, шифровки и депеши, отправились на Московский международный телеграф. В Вашингтоне наступило 11 часов утра, заседание

Исполкома только разгоралось.

Что произошло на телеграфе, я не знаю. Но сообщение не прошло. Просто хоть плачь. О задержке даже доложили отцу. Но что он мог сделать? Только посоветовал не дергать людей, а то от обилия начальства они вообще растеряются. Длинное послание проталкивалось частями…

В пятницу в Вашингтоне решение об атаке так и не приняли. На утреннем заседании Исполкома Макнамара представил заключение экспертов: нужно приготовиться к серьезным потерям. Маккоун предупредил, что вторжение окажется много опаснее, чем присутствующие могут себе представить. Генерал Тейлор не видел иного выхода. Его поддерживали начальники штабов. Президент сомневался: «Не нужно закрывать глаза на то, что если вторжение состоится, то, прежде чем ценой кровавых боев мы доберемся до стартовых установок, ракеты будут нацелены против нас. Более того, мы должны быть готовы к тому, что, как только начнутся военные действия, ракеты будут пущены в ход».

Возникал парадокс: ради обеспечения безопасности своего народа президент обрекал его на гибель.

В 2 часа того же 26 октября произошла еще одна трагедия, правда, в накале страстей тех дней она рассматривалась как рядовая неприятность: направляясь к Кубе для очередного разведывательного полета над Мексиканским заливом, разбился высотный самолет У-2. Его пилот Джо Найд погиб. Никто не подозревал ни кубинцев, ни русских в злом умысле, просто очередная катастрофа. В Карибском кризисе не эта авария открыла счет смертям — тремя днями раньше, во вторник, в спешке перемещений, свойственной подготовке любой крупномасштабной военной операции, на американской базе Гуантанамо при посадке разбился транспортный самолет КС-135. Семь человек погибли.

Пятница, 26 октября. В Москве наступил вечер. На душе у отца скребли кошки. Вроде он сделал все, что в человеческих силах, чтобы предотвратить взрыв, но беспокойство не проходило. Но это внутри, внешне отец вида не подавал, в перерыве между заседаниями Президиума ЦК принял в Кремле министра недр Индии К. Д. Малавия, заместителя министра иностранных дел Ирана Махмуда Форуги, а вечером так и вовсе отправился в Зал имени П. И. Чайковского на концерт кубинского оркестра «Бокукос». Напрасно в тот вечер я поджидал его с очередной порцией вопросов. Позвонил секретарь и передал, что Никита Сергеевич останется ночевать в Кремле.

«Неужели все так серьезно?» — мелькнуло у меня в голове. До этого звонка внутренняя убежденность, что все обойдется, отец найдет решение, подавляла страх. Сейчас он выплеснулся наружу. Но я не стал ни с кем из домашних делиться своими переживаниями. Что они могли изменить? Зачем зря волновать мать, сестер?

Мама позвонила отцу. Он ответил, что ночью могут прийти срочные сообщения, все равно придется подниматься, ехать на работу, вот он и решил остаться там. Ответ успокоил маму, но не меня.

В своих воспоминаниях отец пишет, что он не допускал возможности возникновения войны из-за Кубы, только одна ночь выдалась воистину тревожной, заставила его остаться в совминовском кабинете. Он не говорит, какая именно ночь, это произошло с пятницы на субботу.

Когда в тот вечер отец, готовый к самым неприятным известиям, мерил шагами свой кабинет, Джон Скэйли встретился за ланчем со своим давним знакомым советским дипломатом Александром Фоминым.

За столом Фомин поинтересовался, не может ли Скэйли узнать, как бы отнеслись «шишки» в госдепе к возможности разрешения кризиса на следующих условиях: СССР демонтирует и вывезет с Кубы домой так называемое наступательное вооружение; США смогут удостовериться в этих действиях; Соединенные Штаты и их союзники примут на себя торжественное обязательство никогда и ни под каким видом не вторгаться на Кубу; Советский Союз обяжется не поставлять Кубе в будущем никаких наступательных вооружений.

По мнению Фомина, лучше, если бы с такими предложениями выступил представитель США в ООН Эдлай Стивенсон, а советский посол Зорин его поддержит.

Скэйли ничего не записывал. У профессионалов такое не принято. Своего мнения он тоже не выразил. Они уговорились встретиться вечером, в половине восьмого. К тому времени Скэйли узнает, что думают по поводу инициативы мистера Фомина в Государственном департаменте.

Это продолжение официальной версии. С ней не согласен Александр Фомин, главное действующее лицо. В своих воспоминаниях «Признание разведчика» Александр Феклисов[91] (так на самом деле зовут Фомина) утверждает, что никаких заданий Центра он, резидент разведки КГБ в США, в тот день не получал, а рутинно пригласил всезнайку Джона Скэйли в пятницу 26-го на ланч в надежде выудить у него что-нибудь любопытное.

Скэйли, человек дисциплинированный, доложил о полученном приглашении Дину Раску, а тот — президенту. Фомина в Вашингтоне хорошо знали и «ценили». Это он стоял во главе советского «атомного» шпионажа в США после Второй мировой войны. Кеннеди потребовал через Фомина надавить на русских, побудить их вывести ракеты с Кубы. Конечно, Фомин — невелика птица, но в те горячие дни использовались все ресурсы.

Во время ланча, по словам Феклисова, Скэйли начал нажимать на него, стал угрожать: «Если Москва не уберет ракеты, Пентагон в 48 часов разнесет на Кубе все в клочья, не останется там ни ракет, ни самого Кастро». Возмущенный Фомин (Феклисов) решил в свою очередь пугнуть Скэйли, как он утверждает, без указания Центра, на свой страх и риск.

— А ты не боишься, Джон, что в ответ лавина советских танков и самолетов-штурмовиков не оставит камня на камне от Западного Берлина? — ехидно полюбопытствовал он.

— Ты думаешь, это возможно? — забеспокоился Скэйли.

— А почему бы и нет? У вас военное преимущество здесь, а у нас там, — парировал, не моргнув глазом, Фомин.

На этом полемика закончилась, партнеры молча допили кофе и разошлись: Фомин на доклад к послу Добрынину, а Скэйли — в Белый дом.

Неподалеку проходил еще один ланч. Как рассказывал через 27 лет Георгий Маркович Корниенко, известный советский дипломат, заместитель министра иностранных дел, а в те годы один из сотрудников посольства СССР в США, им в Вашингтоне переданная Роджерсом информация о высадке десанта на Кубе 26 октября показалась то ли подозрительной, то ли просто по инструкции требовалось перепроверять такие серьезные предупреждения. Так ли, иначе ли, но Корниенко поручили попытаться пригласить Роджерса на ланч. Позвонил ему утром, корреспондент оказался на месте и охотно откликнулся на приглашение. Значит, он никуда не улетел и либо вторжение состоится без представителя «Нью-Йорк Геральд Трибюн», либо, что более вероятно, оно отложено, за сегодня-завтра можно еще попытаться что-то сделать.

Роджерс не делал секрета из своей миссии, пока она откладывалась на неопределенный, но весьма короткий срок, возможно на несколько дней. Он не употреблял слово «вторжение», но подчеркивал, что президент хочет убедиться в отсутствии иного решения. Белому дому требовался даже не предлог, а внутренняя уверенность в своей правоте. Одновременно у мира не должно возникнуть сомнения, что мирного выхода из кризиса просто не было.

Корниенко вздохнул с облегчением, значит, еще не война. Он поспешил закончить разговор, следовало не мешкая передать информацию в Москву. На прощание Роджерс подчеркнул, что, по его личному мнению, существует возможность решить вопрос мирно, только не следует затягивать переговоры.

Когда Корниенко вернулся в посольство, в Москве уже наступила ночь.

Послание отца президенту США все еще прорывалось через контакты телетайпов московского телеграфа в Лондон, а в Лондоне становилось в очередь с другими, помеченными «Срочно», посланиями. В порядке поступления их передавали дальше по трансатлантическому подводному кабелю. Отец тем временем ворочался на диване в кремлевском кабинете, сквозь полудрему прислушиваясь к телефонам: не разорвут ли они тишину вестью о беде. Телефон не звонил, и секретарь, привычно бодрствовавший в приемной, не беспокоил сон премьера.

Утро 27 октября отец начал по-обычному, без суеты и спешки. Принял душ, побрился. Позавтракав, принялся за бумаги. Рабочий день еще не наступил, телефоны молчали. Отец буквально впился в сообщения о турецких ракетах, полученные за ночь. Казалось, ими вчера занимались все, и в Америке, и в Европе. Здесь и статья Липмана, и предложения Крайского, и донесения разведки об обсуждении этого вопроса на высшем уровне в Вашингтоне, о консультациях с турками и НАТО. Отец позже говорил мне, что некто из лиц, близких к американским верхам, впрямую намекнул, что в случае поступления из Москвы подобного предложения его встретят благосклонно.

Внимательно прочитав почту, отец немного даже расстроился. Видимо, вчера сдали нервы и он поторопился отправить президенту письмо, исключив из него всяческое упоминание о турецких и итальянских ракетах. Вести из Вашингтона он воспринял как добрый знак, предложение эквивалентного обмена.

По прошествии десятилетий невозможно получить подтверждение, рассматривался ли альтернативный обмен, проводился ли на самом деле такой зондаж с американской стороны. Сегодня все американские участники событий занимают общую позицию — подобные предложения не обсуждались. Я позволю себе усомниться. Уж больно много велось в эти дни разговоров вокруг пресловутых «Юпитеров» и в Исполкоме, и помимо него. Недавно рассекречены магнитофонные записи обсуждений на Исполкоме. Там можно найти свидетельства в пользу обмена. К примеру, тогдашний вице-президент Линдон

Джонсон в одном из разговоров, поддерживая предложение отца о выводе ракет с Кубы, посчитал это выгодной сделкой и напомнил, что они «боялись, что он (Хрущев) никогда не предложит этого (обмен кубинских ракет на турецкие), а захочет поторговаться по Берлину». Заместитель госсекретаря Джордж Болл вторил ему: «Мы думали, что если нам удастся выторговать это (вывод ракет. — *С. Х.)* в обмен на Турцию, то мы совершили бы нетрудную и очень выгодную сделку».[92]

Однако при желании в тех же стенограммах можно отыскать и прямо противоположные высказывания. Но… прямых доказательств подготовки американцами таких предложений нет и, по-видимому, не будет.

Однако я немного забежал вперед. В Вашингтоне еще только наступал вечер. Фомин готовился к повторной встрече со Скэйли. Он с нетерпением ожидал звонка «с той стороны».

26 октября 1962 года после шести часов вечера по вашингтонскому времени в Белом доме начали получать так называемое первое письмо отца. Приносили по частям, по мере того как телеграфный аппарат выдавал очередную порцию. Ожидать, когда наконец поступит весь текст, не хватало терпения. Возбуждавшее длительное время жгучий интерес историков, это, справедливо названное ключевым, письмо сейчас опубликовано. Я уже говорил, что оно получилось длинным, перегруженным эмоциями и отступлениями. Я решил его не приводить полностью. Но не могу удержаться от воспроизведения отрывков, приведенных в книге Роберта Кеннеди «13 дней». Они не только свидетельствуют о ходе рассуждений отца, но и оказались заслуживающими особого внимания в Вашингтоне.

«Мы не должны, — писал отец, — поддаваться искушению "мелких страстей" или «вещей» преходящих. Мы должны помнить, что если вправду разразится война, то остановить ее будет не в нашей власти. Такова логика войны. Я участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается только после того, как прокатится по городам и селам, сея всюду смерть и разрушения.

Соединенным Штатам нечего опасаться ракет. Они никогда не будут использованы для нападения на них и находятся на Кубе только в целях обороны. В этом отношении вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если нападем на Вас, то Вы ответите тем же. Но тогда это обернется и против Вас, и, я думаю, вы тоже это понимаете. Из этого следует, что мы люди нормальные и правильно понимаем и оцениваем положение. Как же мы можем допустить те несуразные действия, которые Вы нам приписываете? Только сумасшедшие могут так поступить или самоубийцы, желающие и сами

погибнуть, и весь мир перед тем уничтожить.

…Мы хотим совсем другого… не разрушить Вашу страну… а, несмотря на различие идеологий, соревноваться мирно, невоенными средствами… Нет смысла перехватывать советские суда на пути на Кубу, потому что они оружия не перевозят, оружие уже на Кубе…

…Если Президент Соединенных Штатов обещает не принимать участие в нападение на Кубу и снять блокаду, вопрос об удалении ракет и разрушении установок встанет в совершенно новом виде. Вооружение ведет только к катастрофам. Если оно накопляется, то вредит экономике, если же им пользоваться, то оно уничтожает людей с обеих сторон. Следовательно, только сумасшедший может полагать, что вооружение — главная основа существования общества. Нет, оно есть только растрата человеческой энергии и — более того — ведет к уничтожению самого человека. Если народы не проявят мудрости, они, в конечном итоге, столкнутся, как слепые кроты, и начнется взаимное уничтожение.

Вот мое предложение: никакого больше, как Вы называете, наступательного оружия на Кубе, а то, которое уже там, мы заберем и уничтожим. Вы же в ответ обязуетесь снять блокаду, не вторгаться на Кубу. Не предпринимайте пиратских действий против советских кораблей.

Если Вы не потеряли самообладания и имеете разумное представление о том, к чему это может привести, тогда, господин Президент, мы с Вами не должны тянуть за концы каната, на котором Вы завязали узел войны, потому что чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел и придет время, когда узел придется разрубить, а что это означает, не мне Вам объяснять, потому что Вы сами прекрасно понимаете, какими страшными средствами обладают наши страны. Следовательно, если не в наших намерениях стягивать узел и тем самым обрекать мир на катастрофу ядерной войны, то давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но и примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы».

Вот такая большая цитата. Она отражает не только логику, но и эмоциональный настрой отца в день, когда он почувствовал, что война выползает из бумажных ворохов угроз и становится реальностью.

В Белом доме раз за разом перечитывали письмо. Пытались отыскать скрытый смысл, разгадать истинные намерения отца. Обсуждение затянулось до утра. У президента вновь появилась надежда, что военного вмешательства, возможно, удастся избежать. Однако начальники штабов считали иначе и с каждым

часом становились все решительнее.

О том, что Скэйли настойчиво просит принять его для передачи не терпящей отлагательства информации из Москвы, Дину Раску передали в начале седьмого, когда только приступили к чтению письма отца. Такая активность Кремля свидетельствовала, что там обеспокоились не на шутку. Покидая заседание Исполкома, Раек смог перекинуться лишь несколькими словами с президентом и получил от него четкие инструкции. То, что Скэйли передаст Фомину, по сути дела, являлось предварительным ответом на полученное письмо.

Скэйли поразился спокойной реакции государственного секретаря на его сенсационное сообщение. Тем не менее Раек побоялся взять на себя ответственность за окончательное решение. Посадив его в свой лимузин, он повез журналиста к заднему крыльцу Белого дома. На подходе к дверям Овального кабинета их, как назло, засек Пьер Сэлинджер. Он чуть ни с кулаками набросился на Скэйли — только журналистов сегодня не хватало на заседании Исполкома. Но Раек что-то тихо шепнул ему на ухо и, раскрыв дверь, произнес, обращаясь к Скэйли: «Нам сюда».

Скэйли уже не удивлялся, обнаружив, что за дверью его ожидает президент Соединенных Штатов Америки. Он повторил Кеннеди свой рассказ. Президент поручил Скэйли передать советскому представителю, что «на высшем уровне правительства Соединенных Штатов» усматривают в его предложениях реальную основу для переговоров и что представители США и СССР в ООН «могут начать обсуждение изложенных проблем как с У Таном, так и между собой».[93]

На прощание Кеннеди предупредил: ни в коем случае не упоминать его имени, говорить только о правительстве. Ему очень не хотелось, чтобы в Кремле почувствовали, насколько напряглась обстановка в Белом доме.

Фомин и Скэйли встретились, как и условливались, вечером, в 7.35. Скэйли передал ответ слово в слово. Внимательно выслушав, Фомин пообещал немедленно проинформировать Кремль.

Это снова версия, принятая в официальной историографии Карибского кризиса.

На самом деле Скэйли пришел в Белый дом не с предложениями Кремля об урегулировании кризиса, а пересказал президенту страшилку Фомина. Не зря в американской историографии Карибского кризиса так акцентируется Берлинский аспект.

Там, видимо, не на шутку взволновались, потому что около четырех часов Скэйли уже позвонил Фомину в посольство и попросил о новой встрече. Время ее известно точно: 7.35 вечера. [94]

Пришел же на нее Скэйли не с ответом Белого дома, а с четко сформулированным предложением Кеннеди: СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН; США снимают блокаду с Кубы; США публично берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу.

Фомин поинтересовался, кто же это поручил ему предложить такое.

— Высочайшая власть, — напыщенно произнес Скэйли.

— А какая-такая «высочайшая власть»? — гнул свое Фомин.

— Джон Фитцджеральд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки, — отчеканил Скэйли.

Фомин заверил собеседника, что немедленно передаст все в Москву.

Не правда ли, звучит куда убедительнее, чем официальная история? Однако когда в 1989 году на московской конференции, посвященной Карибскому кризису, Феклисов рассказал, как было, американские историки и политики, в том числе Теодор Сорренсен и сам Скэйли, подняли его на смех, объявили, что он от старости все перезабыл и к его словам нельзя относиться серьезно. Их возражения прозвучали так убедительно, что присутствующие (кроме Феклисова, конечно), и я в том числе, им поверили. В результате в первых изданиях своей книги я воспроизвел «официальную» версию.

Прозрение пришло после просмотра американского фильма, посвященного Карибскому кризису, — «13 дней». Его режиссер, человек творческий, видимо, почувствовал фальшь предложенной фабулы и потребовал дополнительных обоснований. Пришлось придумывать фронтовое знакомство отца и Фомина, хотя на самом деле они отродясь не встречались.

Окончательно все стало ясно, когда я сопоставил по времени события пятницы 26 октября.

Скэйли и Фомин встретились за ланчем в 13.30. Значит, Скэйли попал в Белый дом к Кеннеди часа в три, получил инструкции и в четыре позвонил Фомину.

Письмо отца, в котором он предлагал вывод ракет в обмен на гарантии ненападения на Кубу (но без контроля со стороны ООН) получили в посольстве США в Москве в 16.43, то есть в 8.43 утра по вашингтонскому времени. А потом начались задержки на телеграфе и первые страницы письма отца попали в руки братьев Кеннеди только в 6 вечера по вашингтонскому времени. Скэйли

уже ушел на вторую встречу с Фоминым, да и из первых страниц послания нельзя было уяснить, что же предлагает отец.

Когда же дочитали письмо до конца, то в Белом доме поняли, что поторопились: несравненно выгоднее «снизойти» до согласия на предложение отца, чем самим выступить инициаторами сделки, да еще в условиях предвыборной горячки. На том и порешили.

Скэйли приказали все прежнее забыть и держаться новой версии: Фомин пришел с компромиссом, он инициировал размен. В результате на стене ресторана «Оксидентал» появилась памятная табличка с многозначительной надписью: «В напряженный период Карибского кризиса в октябре 1962 года за этим столом состоялась беседа таинственного русского "мистера Х" с корреспондентом телевизионной компании ABC Джоном Скэйли. На основе этой встречи угроза ядерной войны была предотвращена». Неплохая реклама ресторану и участникам переговоров, неплохая и дезинформация.

Решение переставить местами Скэйли и Фомина, вложить в уста последнего предложение о выводе советских ракет с Кубы в обмен на обещание не вторгаться на остров, в сочетании со столь популярной в США идеей, что после поражения десанта в Заливе Свиней и встречи в Вене отец посчитал Кеннеди слабаком, что и подтолкнуло его послать ракеты на Кубу, и с американской же концепцией, утверждающей, что постановка ракет на Кубе — заявка на изменение стратегического баланса, стало ключевым в американской мифологии Карибского кризиса: США победили, выиграли противостояние, показали Хрущеву «кузькину мать», заставили его отступить, забрать страшные ракеты домой, а обещание не нападать… Согласно тому же мифу, они и не собирались высаживать свои войска на Кубу. Американские историки выстроили свою версию, она абсолютно патриотична: мы одержали верх! А вот почему российские историки, и самые матерые, к примеру, автор книги «Адская игра» академик Александр Фурсенко, придерживаются американского мифа, не понимаю. Если же поставить все с головы на ноги: ракеты завезли на Кубу, чтобы предотвратить американскую агрессию против Кубы, Белый дом пошел на попятный, отменил планы высадки своих вооруженных сил на остров (они, по последним американским данным, имели место быть), дали официальные гарантии ненападения на Кубу, а в ответ отец вывел ракеты с Кубы, как выполнившие свою миссию. Согласитесь, здесь победителем уже становится Советский Союз.

Я категорически против терминов «победитель — побежденный»: в Карибском кризисе победила государственная

мудрость и зрелость обоих лидеров, Кеннеди и отца. Я использую их условно, чтобы пояснить логику американского исторического мифотворчества.

Утверждение, что доставка советских ракет на Кубу происходила с целью сокращения разрыва с США в ядерных стратегических вооружениях, вообще не выдерживает никакой критики. Я уже писал об этом. К тому же, размещение ракетно-ядерных сил вблизи территории потенциального противника изначально нерационально. Ракеты несравненно труднее оборонять и много легче уничтожить в Турции или на Кубе, чем в Сибири или в штате Айдахо. Свидетельство тому — уверенность американских военных в успехе хирургических ударов с воздуха по ракетным базам на Кубе и отсутствие подобных планов в отношении советской базы межконтинентальных ракет в Плесецке, в районе Архангельска. А ведь последняя представляла большую опасность для США.

В октябре 1962 года в США началась постановка на дежурство межконтинентальных Минитмен-1, в СССР с весны того же года вовсю размещали межконтинентальные Р-16. Стратегическая необходимость в ракетах средней дальности на чужих территориях отпала. Поэтому американцы и вывели свои ракеты не только из Турции, но и из Италии и Англии, последние в момент кризиса вообще не упоминались.

Как это порой случается даже с очень важными бумагами, переданные Фомину предложения Кеннеди о размене ракет на обязательство не вторгаться на Кубу пали жертвой бюрократических интриг.

Когда Фомин вернулся в посольство после встречи со Скэйли, у Добрынина шло совещание. Фомин написал текст телеграммы в Москву с изложением полученных предложений и передал его на подпись послу. Время уже близилось к ночи. Судя по воспоминаниям Фомина, Добрынин более трех часов ничего ему не отвечал, а затем вернул ему телеграмму неподписанной — его-де никто не уполномочивал вести подобные переговоры.

Фомин решил действовать по своим каналам и отослал сообщение за своей подписью начальнику разведки КГБ генералу Сахаровскому. А это резко снизило ее значимость. Шифровки за подписью посла рассыпались членам Президиума ЦК, а вот докладывать ли и как докладывать отцу о донесениях разведки, решало начальство КГБ. Бумаге требовалось одобрение начальника разведки, затем виза председателя КГБ Семичастного, и только после этого она ложилась в серо-голубую бумажную папочку и отсылалась главе правительства.

В данном случае Сахаровский принял иное решение. На следующий день в 9.30 утра, или 17.30 по Москве, в субботу, Фомин получил от него указание продублировать вчерашнее сообщение за подписью посла. Видимо, у него что-то не вытанцовывалось. Подписал или нет новую (старую) телеграмму Добрынин, неизвестно, в своей книге Феклисов опускает этот эпизод. Скорее всего нет. Корниенко, в то время первый заместитель посла, категорически утверждает, что они отказались передавать в Москву его отсебятину, и никакой роли Фомин в разрешении кризиса не сыграл. Пока резидент пререкался с послом, время ушло, переданное Скэйли предложение безнадежно устарело. В документах, обсуждавшихся на воскресном заседании Президиума ЦК, письмо резидента разведки КГБ в Вашингтоне не значится, никогда не упоминал о нем и помощник отца по иностранным делам Олег Александрович Трояновский. А уж его такие документы в те дни миновать не могли. Скорее всего ни отец, ни Трояновский предложений Кеннеди, переданных через Фомина, так и не увидели.

В тот субботний день 26 октября произошла еще одна важная встреча. В обширной официальной историографии Карибского кризиса, накопившейся в США, упоминания о ней практически отсутствуют. Оно и понятно: свидетелей с американской стороны не осталось, оба брата Кеннеди погибли, а советский участник ночных переговоров посол Анатолий Добрынин лишь в январе 1989 года позволил себе нарушить обет молчания.

По его словам, не только Дин Раек таинственно покидал заседание Исполкома той ночью. Президент боялся ошибиться, попросил брата поговорить с послом. Роберт позвонил Добрынину и они договорились, что он приедет в советское посольство, желательно, не привлекая внимания. К тому времени письмо отца в Белом доме еще не прочитали и, возможно, Роберт повторил Добрынину все то же предложение: ненападение на Кубу в обмен на вывод ракет. Однако этим разговор не ограничился.

Добрынин, конечно, читал многочисленные сообщения в прессе о турецких ракетах, не таким уж секретом остались и переговоры Вашингтона с союзниками. Он в разговоре о возможных условиях вывода наших ракет только намекнул, сослался на «одно сопредельное Советскому Союзу государство».

Роберт Кеннеди отреагировал неожиданно. Он не стал отвечать, только попросил разрешения позвонить из соседней комнаты, без свидетелей, по телефону. Посол привык к подобным

звонкам. Разговор не занял много времени. Вернувшись, Роберт Кеннеди передал слова своего собеседника: «Президент сказал, что мы готовы рассмотреть вопрос о Турции. Положительно».

О подобном ответе посол и не мечтал…

В таком раскладе телеграмма Фомина-Феклисова в Москву портила Добрынину его собственную игру. Вот он ее и не подписал.

На Кубе дела шли своим чередом. В ночь с 26 на 27 октября генерал Плиев приказал перебросить ядерные боезаряды из расположенного в 500 километрах хранилища поближе к местам расположения ракетных полков.

А пока, утром 27 октября в Кремле отец снова и снова перечитывал последние сообщения.

«Если американцы так настойчиво предлагают торг, то почему бы не воспользоваться», — все навязчивей стучало у него в голове. Но опыт подсказывал: сделанного не воротить. А если воротить?

Отец позвонил в МИД. Несмотря на раннее утро, Громыко взял трубку сам, он приезжал на работу загодя.

Отец осведомился, вручили ли адресату вчерашнее письмо и когда? Андрей Андреевич замялся: «В посольство США оно попало без задержек, а вот потом… — он подыскивал нужное слово, опасаясь вызвать гнев патрона, — технические неполадки на телеграфе не позволили, возникли непредвиденные трудности, на передачу ушло много часов».

Громыко замолчал. Но премьер не рассердился, казалось, эта неприятная информация пришлась ему по душе. Отец никак не отреагировал, завел разговор о турецких ракетах. Мнение министра иностранных дел как всегда совпадало с точкой зрения Председателя Совета министров.

На вопрос, пойдут ли американцы на вывод своих ракет, Громыко ответил уклончиво: если бы не вчерашнее письмо, то весьма вероятно, а так сомнительно, но с другой стороны…

Разговор закончился.

Отец решил попробовать сменить коней на переправе, вернуться к старому варианту письма, тому, которое готовили еще в четверг. Конечно, его потребуется переписать, ведь два дня прошло. Когда счет ведется на минуты, это огромный срок. Свои претензии отец решил умерить наполовину, исключив вслед за британскими и итальянские ракеты. Теперь получалось совсем логично: база в Турции шла за базу на Кубе. Казалось, на такие предложения Белый дом согласится, не зря же они делали столько намеков.

В торге Москвы с Вашингтоном значимость турецких ракет — не военная, а пропагандистская, в общем балансе разрушительного американского потенциала они составляли лишь небольшую толику, но кубино-турецкий размен хорошо работал на публику: мы вам — вы нам.

Снова позвонив Громыко, отец попросил подготовить новое письмо, вернее, подновить старое. В ответ Андрей Андреевич выразил недоумение: как быть с доставкой. Пока послание закончит свое путешествие по проводам, там, в Белом доме, успеют ответить на вчерашнее послание.

Отцу пришла в голову, как тогда казалось, спасительная идея: новое письмо следует передать по радио, другими словами — опубликовать, так оно мгновенно достигнет ушей Кеннеди, опередит вчерашнее послание, отправленное по дипломатическим каналам. Отец все больше воодушевлялся своей придумкой. Ему казалось, что публично протянутую руку там, за океаном примут с готовностью, а сделанное на весь мир заявление облегчит разговор и с турками, и с НАТО.

Громыко отца полностью поддержал. Проект нового послания он обещал подготовить часам к двум-трем. Примерно на то же время намечался и доклад военных, отец считал, одно другому не помешает.

Заседание Президиума ЦК решили начать сразу после обеда.

Тем временем пришло сообщение от Добрынина о согласии Белого дома на размен ракет в Турции на ракеты на Кубе. Оно еще больше укрепило отца в его правоте. О чем еще можно спорить, если президент впрямую дал добро. Приписка в телеграмме Добрынина о беседе Корниенко с Роджерсом успокаивала. Вчерашнее сообщение оказалось ложным. Но Пентагон не обязан информировать журналистов о своих планах. Так что отсутствие Роджерса во Флориде еще ни о чем не говорило.

До обеда отец занимался с помощниками, читал почту. Телеграммы, поступавшие со всех концов Земли, обсасывали одну тему — Кубу.

Плиев сообщил, что до окончания работ на ракетных базах остались буквально считанные часы. Сообщение не доставило отцу того удовлетворения, которое он испытал бы еще две недели тому назад. Сейчас оно не имело особого значения. Он позвонил Малиновскому и попросил еще раз повторить указание: ракетным подразделениям на Кубе не подчиняться ничьим приказам, кроме его личных распоряжений. Ничьим… Отец нервничал и старался перестраховаться. Особо это касалось ядерных боевых частей, их хранение и перемещение отец приказал держать под особым

контролем. В шифровке, направленной в тот день Малиновским Плиеву, министр обороны запретил «применение ядерного оружия всеми видами ракет и авиацией».

Сообщения разведки из США тревожили: продолжается сосредоточение войск и кораблей десанта. Солдатам раздали боевые патроны. Ходят упорные слухи, что высадка начнется в ближайшие дни или часы.

Слишком многое оставалось неопределенным.

В отличие от шифрограмм из США, сообщения Алексеева с Кубы звучали оптимистично: Кастро полон энергии и уверен в победе.

Наступило тягостное ожидание. Отец из угла в угол мерил шагами свой кремлевский кабинет. Порой останавливался у окна, но вряд ли он видел, что происходит за ним.

Он прервал хождение и уже третий раз за утро позвонил Громыко, попросил связаться с нашим послом в Турции, пусть прощупает мнение правительства о возможном выводе американских «Юпитеров» в обмен на гарантии безопасности, представленные Советским Союзом.

Громыко пообещал связаться с Анкарой немедленно.

Перед заседанием отец распорядился вызвать, как он говорил, гонцов, чтобы как только письмо окончательно отшлифуется, его без промедления доставить на радио и в нашу единственную вечернюю всесоюзную газету «Известия».

За обедом в кремлевской столовой собрались практически все участники предстоящего разговора. На сей раз ели молча, без обычных для совместной трапезы шуток, и даже без обсуждения неотложных дел. Куба отодвинула все на второй план. А заговорить о кризисе язык не поворачивался. Пока нового ничего нет, а старое ворошить — только рану бередить.

Сегодняшнее совещание перенесли из кабинета в зал заседаний, чтобы хватило мест приглашенным. В зале собрались и слушатели, и докладчики. Громыко с письмом запаздывал. Отец зашел последним. Неслышно отворилась и, пропустив его грузную фигуру, так же беззвучно захлопнулась массивная дубовая дверь. Этот проход, позволяющий, минуя приемную, пройти из кабинета Председателя Совета министров в зал заседаний, проделал еще Сталин. Заседание началось с доклада военных.

Гонцы — Харламов и Стуруа из «Известий» — изнывали в приемной, время тянулось страшно медленно. Что происходит там, за плотно закрытыми двойными дверями? Какая судьба ожидает всех нас? Несколько раз в приемную выскакивали озабоченные помощники то с бумагами, то позвонить по

телефону и передать неотложные поручения.

В короткие мгновения, пока двери вновь не захлопывались, долетали леденящие душу обрывки слов. Малиновский докладывал о возможных целях американской авиации и ракет на нашей территории, предполагаемом количестве жертв и, конечно, чем мы им ответим. Наш ответ выглядел не очень убедительно, размазывался далеко отстоящими друг от друга кружочками по висевшей на стене карте США. В Европе заштрихованные окружности теснились плотнее, кое-где сливались в сплошное поле. Но решалось дело не в Европе.

Отец слушал Малиновского вполуха. Решение следовало искать не в военных планах, а в дипломатии. Поэтому, когда появился Громыко, он предложил прервать доклад маршала и послушать, что скажет министр иностранных дел.

Громыко медленно читал текст. Отцу он показался слишком бюрократическим, сухим. Он начал вносить изменения, по сути передиктовал его заново. Постановили «вручить послание послу США в Москве и одновременно в 17.00 передать его по московскому радио».[95]

Через сорок минут гонцы получили копии так называемого второго письма Хрущева Кеннеди, с пылу с жару, с внесенными от руки поправками.

Вскоре московское радио, прервав запланированную трансляцию, начало передавать послание. В «Известиях» срочно переверстывали первую полосу, к приему правительственного материала приготовились заранее, но никто не знал объема письма. Вот и приходилось подгонять, резать по живому.

Одновременно с посланием президенту США отец отправил умиротворяющий ответ на обращение У Тана. В нем он соглашался с предложением исполняющего обязанности генерального секретаря приостановить поставки вооружения на Кубу, не нагнетать напряженность. В письме отмечалось, что советское правительство осуждает отказ США внять голосу разума и снять блокаду. Тем не менее советским судам приказано во избежание провокаций покинуть район, в котором присутствуют американские военные корабли.

Кеннеди оказался более оперативным. Его послание в ООН ушло еще накануне. Он соглашался с и. о. генерального секретаря и заверял: «Наше правительство примет и уважит Ваше предложение, наши корабли в Карибском море сделают все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами в ближайшие дни для уменьшения до минимума риска какого-нибудь нежелательного инцидента».

В пятницу Исполком так и не пришел ни к какому решению.

Обсуждение письма отца (первого) решили продолжить утром в субботу 27 октября.

Однако с утра все пошло наперекосяк. На Белый дом обрушилась лавина информации о непредвиденных происшествиях. В других условиях каждого из них могло хватить для отдельного небольшого кризиса.

Рано утром директор ФБР Эдгар Гувер позвонил Роберту Кеннеди и сообщил, что, по его сведениям, советские дипломаты в Нью-Йорке всю ночь не спали, судя по всему, они готовили к уничтожению секретные документы. Подобные действия не допускали двойного толкования — противная сторона считает: война на пороге.

На одной из встреч, посвященных проблемам Карибского кризиса, Георгий Корниенко сказал следующее: «Слухи о том, что в посольстве жгли документы, неверны. Ничего подобного не происходило, но, естественно, мы приготовились ко всяким неожиданностям».

Роберт Кеннеди пишет, что по дороге в Белый дом он недоумевал: как сопоставить эти действия с письмом отца, в котором предлагается путь урегулирования конфликта. Или послание — просто камуфляж?

Обе стороны подозревали друг друга, не верили друг другу и одновременно, рассчитывая друг на друга, надеялись на благополучный исход, на чудо в последний момент.

Утреннее заседание Исполкома началось в Белом доме, как обычно, в 10 часов. Первым выступил Макнамара. Его сообщение не оставляло особых надежд: русские, занятые постройкой баз, работают днем и ночью. Он мог прохронометрировать работу по часам, с интервалом, с которым низколетящие разведчики с ревом проносились над строящимися объектами.

Их бесцеремонность просто выводила из себя Фиделя Кастро. «В конце концов, Куба — суверенное государство и не позволит унижать янки свое достоинство», — эмоционально реагировал он на призывы выполнявшего директиву Москвы Алексеева сохранять выдержку и спокойствие.

Пока полеты совершались два раза в день, Кастро еще терпел. Но со вчерашнего дня стало твориться что-то невообразимое. Самолеты янки чувствовали себя как дома, как во времена Батисты. Уязвленное самолюбие Кастро требовало отмщения. Он твердил одно: аргументы разума на северного соседа не подействуют, там признают только силу.

Поздно вечером 26 октября главнокомандующий майор Фидель Кастро Рус отдал приказ кубинской зенитной артиллерии открывать огонь и сбивать нарушителей. Распоряжение довели и

до советского полковника Воронкова, командовавшего зенитными ракетами.

Он находился в подчинении у Плиева, и оба они не имели права действовать без санкции Москвы. Несколькими часами раньше Плиев послал шифровку Малиновскому. В ней он запрашивал разрешение применить имеющиеся в его распоряжении средства ПВО в случае «удара американских стратегических авиационных соединений». Другими словами, если начнется авиационная подготовка высадки десанта.

Получив сообщение, Малиновский поспешил к отцу. В результате где-то утром 27 октября из Москвы в Гавану полетел ответ, предоставлявший Плиеву право в случае массированного воздушного нападения открывать огонь. Массированного…

Зенитные ракеты формально еще не заступили на дежурство: на стартовых позициях заканчивались монтаж, проверка электроники, настраивались локаторы. Оставался последний шаг, полшага, и американцы не останутся безнаказанными.

Ретранслированное Плиевым распоряжение Москвы и приказ Кастро полковник Воронков получил практически одновременно. Московская депеша ему не понравилась, опять эти ограничения, а вот приказ Кастро полковник воспринял с энтузиазмом. Он дал команду удвоить усилия. К ракетам подсоединили боевые части, установили их на пусковые установки. Теперь дело оставалось за прибористами и, конечно, за приказом открыть огонь.

Макнамара продолжил доклад. Он сообщил, что в дополнение к ракетам советские специалисты в авральном порядке собирают и приводят в боевую готовность бомбардировщики Ил-28.

Каждая сторона истолковывала действия и оценивала намерения противника по-своему. Выводы порой делались взаимоисключающие. Неверная оценка намерений противостоящей стороны приводила к новой ступени эскалации и к новым ошибкам.

Доклад Макнамары в 11 часов прервало срочное сообщение: в девять утра по вашингтонскому времени по радио передали новое письмо из Москвы. На прием и перевод ушло два часа, и только сейчас его текст на английском языке представили на рассмотрение Исполкома. Эти два письма, именуемые историографами конфликта первым и вторым посланиями Хрущева, вызывают огромное количество толков и спекуляций. Я попытался рассказать об истории их появления, а теперь хочу, несмотря на значительный объем, привести полный текст второго послания.

«Уважаемый господин Президент,

Я с большим удовлетворением ознакомился с Вашим ответом господину У Тану о том, чтобы принять меры, с тем чтобы исключить соприкосновение наших судов и тем самым избежать непоправимых роковых последствий. Этот разумный шаг с Вашей стороны укрепляет меня в том, что Вы проявляете заботу о сохранении мира, что я отмечаю с удовлетворением.

Я уже говорил, что наш народ, наше правительство и я лично, как Председатель Совета Министров, только и заботимся о том, чтобы развивалась наша страна и занимала бы достойное место среди всех народов мира в экономическом соревновании, в развитии культуры, искусства, повышения благосостояния народов. Это самое благородное и необходимое поприще для соревнования, и как победитель, так и побежденный в этом случае получат только благо, потому что это — мир и увеличение средств, которыми живет и наслаждается человек.

Вы в своем заявлении высказались за то, что главная цель не только в том, чтобы договориться и принять меры для предотвращения соприкосновения наших судов и, следовательно, углубления кризиса, который может от такого соприкосновения высечь огонь военного конфликта, после чего уже всякие переговоры будут излишни, так как другие силы, другие законы начнут действовать законы войны. Я согласен с Вами, что это только первый шаг. Главное — это надо нормализовать и стабилизировать положение мира между государствами, между народами.

Ваша озабоченность о безопасности Соединенных Штатов мне понятна, господин Президент, потому что это первая обязанность президента. Но эти же вопросы и нас волнуют, эти же обязанности лежат и на мне как Председателе Совета Министров СССР. Вас обеспокоило то, что мы помогли Кубе оружием с целью укрепить ее обороноспособность, потому что не может Куба, какое бы оружие она ни имела, равняться с Вами, так как величины эти разные, тем более при современных средствах истребления.

Наша цель была и есть — помочь Кубе, и никто не может оспаривать гуманности наших побуждений, направленных на то, чтобы Куба могла мирно жить и развиваться так, как хочет ее народ. Вы хотите

обезопасить свою страну, и это понятно. Но этого же хочет и Куба. Все страны хотят себя обезопасить. Но как же нам, Советскому Союзу, нашему правительству, оценивать ваши действия, которые выражаются в том, что вы окружили военными базами Советский Союз, окружили военными базами наших союзников, расположили военные базы буквально вокруг нашей страны, разместили там свое ракетное вооружение? Это не является секретом. Американские ответственные деятели демонстративно об этом заявляют. Ваши ракеты расположены в Англии, расположены в Италии и нацелены против нас. Ваши ракеты расположены в Турции.

Вас беспокоит Куба. Вы говорите, что беспокоит она потому, что находится на расстоянии от берегов Соединенных Штатов 90 миль по морю. Но ведь Турция рядом с нами, наши часовые прохаживаются и поглядывают один на другого. Вы что же считаете, что вы имеете право требовать безопасности для своей страны и удаления того оружия, которое вы называете наступательным, а за нами этого права не признаете? Вы ведь расположили ракетное разрушительное оружие, которое вы называете наступательным, буквально под боком у нас. Как же согласуется тогда признание наших равных в военном отношении возможностей с подобными неравными отношениями между нашими великими государствами? Это никак невозможно согласовать.

Это хорошо, господин Президент, что Вы согласились с тем, чтобы наши представители встретились и начали переговоры, видимо, при посредстве и.о. генерального секретаря ООН господина У Тана. Следовательно, он в какой-то степени берет на себя роль посредника, и мы считаем, что он может справиться с этой ответственной миссией, если, конечно, каждая сторона, которая втянута в конфликт, проявит добрую волю.

Я думаю, что можно было бы быстро завершить конфликт и нормализовать положение, и тогда люди вздохнули бы полной грудью, считая, что государственные деятели, которые облечены ответственностью, обладают трезвым умом и сознанием своей ответственности, умением решать сложные вопросы и не доводить дело до военной катастрофы.

Поэтому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что Соединенные Штаты, со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность Советского государства, вывезут аналогичные средства из Турции. Давайте договоримся, какой нужен срок для вас и для нас, чтобы это осуществить.

И после этого доверенные лица Совета Безопасности ООН могли бы проконтролировать на месте выполнение взятых обязательств. Разумеется, от правительства Кубы и от правительства Турции необходимо разрешение этим уполномоченным приехать в их страны и проверить выполнение этого обязательства, которое каждый берет на себя. Видимо, было бы лучше, если эти уполномоченные пользовались доверием и Совета Безопасности, и нашим, и вашим — Соединенных Штатов и Советского Союза, а также Турции и Кубы. Я думаю, что, видимо, не встретит трудностей подобрать таких людей, пользующихся доверием и уважением всех заинтересованных сторон.

Мы, взяв на себя это обязательство, с тем чтобы дать удовлетворение и надежду народам Кубы и Турции и усилить их уверенность в своей безопасности, сделаем в рамках Совета Безопасности заявление о том, что Советское правительство дает торжественное обещание уважать неприкосновенность границ и суверенитет Турции, не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы совершить агрессию против Турции как с территории Советского Союза, так и с территории соседних с Турцией государств.

Такое же заявление в рамках Совета Безопасности дает правительство США в отношении Кубы. Оно заявит, что Соединенные Штаты будут уважать неприкосновенность границ Кубы, ее суверенитет, обязуются не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться сами и не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для вторжения на Кубу, а также будут удерживать тех, кто задумал бы осуществить

агрессию против Кубы как с территории США, так и с территории других соседних с Кубой государств.

Конечно, для этого нам надо было бы договориться с вами и дать какой-то срок. Давайте договоримся дать какое-то время, но не затягивать, — недели 2–3, не больше месяца.

Находящиеся на Кубе средства, о которых Вы говорите и которые, как Вы заявляете, Вас беспокоят, находятся в руках советских офицеров. Поэтому какое-либо случайное использование их во вред Соединенным Штатам исключено. Эти средства расположены на Кубе по просьбе кубинского правительства и только в целях обороны. Поэтому если не будет вторжения на Кубу или же нападения на Советский Союз или других наших союзников, то, конечно, эти средства никому не угрожают и не будут угрожать. Ведь они не преследуют цели нападения.

Если Вы согласны, господин Президент, с моим предложением, тогда мы послали бы наших представителей в Нью-Йорк в ООН и дали им исчерпывающие инструкции, с тем чтобы быстрее договориться. Если Вы тоже выделите своих людей и дадите им соответствующие инструкции, тогда этот вопрос можно будет быстро решить.

Почему я хотел бы этого? Потому что весь мир сейчас волнуется и ждет от нас разумных действий. Самой большой радостью для всех народов было бы объявление о нашем соглашении, о ликвидации в корне возникшего конфликта. Я придаю этому соглашению большое значение, поскольку оно могло бы послужить хорошим началом и, в частности, облегчить достижение соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия.

Вопрос об испытаниях можно было бы решить параллельно, не связывая одно с другим, потому что это разные вопросы. Но важно договориться по обоим вопросам, с тем чтобы сделать людям хороший подарок, обрадовать их вестью также и о том, что достигнуто соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия и, таким образом, больше не будет заражаться атмосфера. А наши и Ваши позиции в этом вопросе очень близки.

Все это, возможно, послужило бы хорошим толчком к отысканию взаимоприемлемых соглашений и по другим спорным вопросам, по которым у нас с Вами идет

обмен мнениями. Эти вопросы пока не решены, но они ждут своего неотложного решения, которое расчистило бы международную атмосферу. Мы готовы к этому.

Вот мои предложения, господин Президент.

С уважением к Вам

Н. Хрущев

Если вчера подобное письмо, возможно, было бы воспринято с энтузиазмом, то сегодня оно вызвало разочарование и недоумение.

Второе послание на одну и ту же тему, с теми же, но более жесткими предложениями повергло Исполком в замешательство. Они и раньше так и не смогли отыскать согласованный ответ, а сейчас добавились турецкие ракеты. К тому же никто из присутствующих, кроме президента, не знал о вчерашней встрече Роберта Кеннеди с советским послом. Братья понимали, что в изменении позиции отца решающую роль, видимо, сыграл вчерашний звонок Роберта из здания Советского посольства в Белый дом. Но они не предполагали, что отец вот так бухнет во все колокола. Одно дело — конфиденциальная переписка, тут можно себе позволить откровенность, назвать вещи своими именами, и совсем другое — обращение ко всему свету. Теперь в игру вступало общественное мнение, пресса, невозможно было сбросить со счетов и ответ из штаб-квартиры НАТО, телеграмму из Турции.

К тому же после публичного требования со стороны Советского Союза согласие президента многие расценили бы как проявление слабости, как капитуляцию, а это не могло не повлиять на исход выборов.

Джон Кеннеди не захотел упоминать в Исполкоме о своих вчерашних контактах с советским послом. Он предпочел выждать, послушать других, а уж затем принять решение. Сегодня он начинал как бы с чистого листа.

Отец совершил ошибку. Но в Кремле, привыкшем к послушной домашней прессе, дающей лишь те оценки событиям, которые уже сформулированы здесь или на Старой площади, поддерживающей то, что надо поддерживать, просто не могли представить себе иной мир, где президент не волен без оглядки принимать решения, не может не учитывать колеблющихся симпатий избирателей. Наша страна только вступала на путь демократии.

Отец поторопился, и теперь игра перешла в новую фазу. Тайные переговоры двух правительств становились достоянием всех, секретные послания превращались в развороты на газетных

полосах.

И дело теперь не сводилось к реальной военной значимости турецких ракет, их весу в общем балансе стратегических сил. Начинали действовать правила политической игры.

Кеннеди не дорожил «Юпитерами», стоявшими в Турции. «Минитмены», первые девять штук которых заступали на дежурство с 30 октября, и «Поларисы» решали практически все задачи поражения целей на территории Советского Союза. Однако убирать «Юпитеры» из Европы под нажимом Кеннеди не хотел. Он считал это унижением достоинства великой державы.

В последних письмах, как и в предыдущих документах, мы продолжали как бы стыдиться короткого слова «ракета», вместо него употреблялась витиеватая фраза: «Оружие, которое вы считаете наступательным». Это не было ни капризом, ни ошибкой — тем самым отец подчеркивал, ракеты на Кубе служат исключительно оборонительным целям. Однако подобное словоблудие мало-помалу загоняло его в угол. Стремление не называть вещи своими именами, привычка к двусмысленным выражениям в данном случае развязывала руки американцам. Мы сами перестали понимать, что еще обсуждается кроме ракет. Наши противники могли в любой момент отнести к разряду наступательного любое вооружение, поставленное на Кубу.

Если Кеннеди понимал причины, побудившие отца отправить новое письмо, то остальные члены Исполкома недоумевали: что за эти часы произошло в Кремле? Кто-то обратил внимание на разницу стиля первого и второго посланий. Тут же оформилась точка зрения: последнее письмо написано не отцом; обороты речи, построение фраз, сам дух — все отдавало казенщиной. По крайней мере, такое заключение сделали в Белом доме. Домыслов возникло не счесть: наиболее прямолинейно мыслящие отстаивали версию о расколе в советском руководстве, победе жесткой линии, вызвавшей появление еще одного письма, дезавуирующего предыдущее.

Исполком растерялся. Собравшиеся не знали, что предпринять, как отвечать. Одно было ясно, тянуть невозможно, необходимо найти выход немедленно. Ни о каких двух-трех неделях, упоминаемых в письме, в Белом доме не хотели и слышать. Столько времени для решения кубинской проблемы президенту просто не отводилось.

Появилась новая болевая точка — Турция. Высадка на Кубе, следовало из духа письма, автоматически означала нападение на Турцию со стороны Советского Союза и его союзников. А это неизбежно вело к войне в Европе.

На самом деле отец не намеревался ни при каких условиях

открывать военные действия против Турции. Единственная война, которую отец был готов вести, это была война нервов.

В самый разгар обсуждения Макнамару позвали к телефону. Из штаба стратегического авиационного командования докладывали, что поднявшийся с аэродрома на Аляске У-2 заблудился и с десяти часов пятнадцати минут находится над советской территорией на Чукотке.

Вот как развивались события. Поняв, что он заблудился, пилот запросил о помощи, его навигационная система практически вышла из строя. На выручку полетела пара истребителей Ф-102. Теперь над территорией Советского Союза летало уже три нарушителя. Американские радары засекли взлет советских истребителей, они шли на перехват. Все решали секунды: или Ф-102 успеют вывести тихоходный разведчик за пределы советской территории, или придется садиться на советский аэродром. Такое решение не сулило особых неприятностей, всякий может заблудиться. Если бы не скандальная слава У-2… К тому же всеми инструкциями ему, с его сверхсекретной начинкой, попадаться в чужие руки, садиться на чужие аэродромы категорически запрещалось. Значит, воздушный бой! На грех дежурившие в тот день Ф-102 несли под своими крыльями ракеты «воздух — воздух» с ядерными зарядами. Какое решение примет пилот в горячке схватки?

К счастью, беда прошла стороной — советские перехватчики замешкались. Ф-102 и У-2 в последний момент пересекли линию границы. Американские пилоты видели, как истребители резко развернулись и с переворотом ушли назад, к Чукотке. Часы в этот момент показывали 11 часов утра.

То, что все закончилось благополучно, в Москве и Вашингтоне осознали лишь позже. В то мгновение, как свидетельствуют очевидцы, Макнамара побледнел, и, обращаясь к президенту, истерически выкрикнул: «Это война с Советским Союзом». Кеннеди сохранил выдержку, он только хмыкнул и произнес свою ставшую широко известной фразу: «Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело».

К счастью, пронесло. Но ненадолго. Примерно через час пришло новое, теперь уже воистину трагическое известие: над Кубой сбит У-2, его пилот майор Рудольф Андерсон погиб. Сообщение повергло участников совещания в шок. У многих мелькнула мысль: «Началось?!»

Ни у кого в Белом доме не возникло сомнений: это продуманный шаг, в только что переданном по радио письме недвусмысленно утверждалось, что все ракетные средства на Кубе

находятся в руках советских офицеров, подчиняющихся только Москве. И время атаки выбрано не случайно: в момент, когда президент Кеннеди получил послание Кремля.

Наиболее горячие и решительные члены Исполкома снова потребовали разбомбить расположенные на Кубе зенитные ракетные батареи. Теперь, после гибели американского пилота, их поддержало большинство. Даже умеренные сторонники блокады высказались за атаку. На короткое время заколебался и Кеннеди. Однако государственная мудрость взяла верх над чувствами. «Меня беспокоит не первый шаг, — удерживал наиболее ретивых президент, — а эскалация с каждой стороны, ведущая к четвертому шагу и к пятому, а до шестого она не доведет, потому что некому будет сделать его. Мы должны помнить, что пускаемся в рискованное предприятие».

Всплеск агрессивности испугал президента. Возникала опасность выхода ситуации из-под контроля.

Кеннеди не отдал распоряжения уничтожить советские зенитные ракеты. Он предложил вопрос обсудить позже, когда накопится побольше информации.

Беспокойство главнокомандующего отразилось в строгом приказе, направленном в Турцию: «Снять с ракет взрыватели». Они могли быть возвращены на место только по личному указанию президента США. Кеннеди не намеревался выпускать вожжи из рук.

Полет У-2 майора Андерсона в тот день ничем не выделялся из предыдущих: фотографирование советских ракетных установок превратилось в рутинное занятие, не сулящее особо интересных новостей и не вызывающее опасений. Еще один полет, еще несколько миль фотопленки, расчерченной аккуратными прямоугольниками снимков.

Однако на земле сегодня все происходило совсем иначе, чем вчера. Фидель Кастро энергично и однозначно приказал своим зенитчикам: «Сбивать нарушителей без предупреждения». Советский командующий ПВО одобрил такой решительный подход к делу. Последние работы на базах закончились, командиры зенитных ракетных батарей доложили о боевой готовности. Как и Кастро, советские генералы воспринимали безнаказанные полеты американцев над Кубой как личный вызов. К тому же уничтожение первого воздушного пирата над островом не останется не замеченным в Москве. Это, конечно, не история с Пауэрсом, но и не рядовое событие.

Когда командиру дивизии ракет ПВО полковнику Воронкову доложили об американском разведчике, часы показывали 9.12

утра по кубинскому времени, 10.12 в Вашингтоне, 18.12 по Москве. Радиолокационная станция дальнего предупреждения и наведения только вступила в строй, ее еще обкатывали, одновременно обучая кубинцев. Раньше или позже зенитные ракеты перейдут под их управление. Как только уляжется шум, поднятый вокруг баллистических ракет.

Когда на экране появилась отметка от У-2 майора Андерсона, операторы сначала засомневались, думали, ошибка или помеха. Надо же! Практически первое включение — и сразу цель. Замешательство длилось недолго, светлое пятнышко держалось устойчиво, запрыгали на табло цифры: азимут, высота, дальность, скорость. Сомнений больше не оставалось — обнаружен высотный разведчик.

Доложили по команде и получили приказ: «Сопровождать цель, подготовить ракеты к запуску. Без команды не стрелять».

Тем временем майор Андерсон начал фотографировать позиции 75-х в районе кубинского городка Эсмеральда. Затем он, пролетев над Камагуэем, направился к Гуантанамо, к взявшим в кольцо американскую военную базу установкам фронтовых крылатых ракет с приготовленными к установке на них атомными зарядами. Маневры, фотографирование, перелеты заняли около часа.

Пока У-2 облетал заданные программой районы, полковник Воронков разыскивал начальство. В штабе Плиева не оказалось, о нарушителе доложил его заместителю генералу Степану Гречко, координировавшему противовоздушную оборону острова. Генерал, в свою очередь, бросился искать Плиева, тот как в воду канул. В штабе оказался лишь еще один заместитель командующего генерал Леонид Гарбуз. Гарбуз тоже не знал, где Плиев. Сказал, что поехал в войска, а вот куда? Гречко приказал не выпускать нарушителя из вида.

— Что делать? — обратился он к Гарбузу.

Тот только пожал плечами. Оба генерала понимали: с Москвой не связаться, еще несколько минут — и уйдет разведчик.

— Будем сбивать? — переиначил свой вопрос Гречко.

Гарбуз медлил с ответом. С одной стороны, нельзя упускать американца с ценнейшей информацией, к тому же приказ Кастро… С другой стороны, они подчиняются только Москве. Гарбуз знал, что за последние дни Плиев не раз обращался к Малиновскому с просьбой разрешить сбивать американских разведчиков, но разрешение действовать он получил только в случае массированной атаки. Одинокий У-2 на массированную атаку никак не тянул.

В этот момент снова позвонил Воронков: «Цель уходит.

Остается две минуты».

— Будем сбивать! — уже не спрашивал, утверждал Гречко. В глазах его засветилась решимость. Гарбуз кивнул: «Семь бед — один ответ».

В 10.16 по кубинскому времени две предусмотренные наставлениями «семьдесят пятых» сорвались с направляющих и, отбросив стартовики, устремились в ясное голубое небо. Через несколько десятков секунд над головой вспух небольшой белый комочек.

Оператор отозвался уставным: «Цель поражена». На его экране погасла отметка самолета.

О победе тут же доложили Воронкову, он передал радостное сообщение дальше в штаб, Гречко.

Царившее в штабе советских войск на Кубе настроение только с большой натяжкой можно было назвать праздничным, скорее, там была растерянность. Предстоял доклад в Москву. А как «наверху» отнесутся к «самодеятельности»?

Появившийся наконец Плиев буркнул Гречко: «Вы командовали, вы и докладывайте», теперь генерал мучительно сочинял донесение.

О случившемся первыми доложили Кастро кубинские зенитчики. Они наблюдали разворачивающуюся драму от начала до конца. Он пришел в неописуемый восторг. Попросив связать его по телефону с Плиевым, Фидель поздравил советского командующего с умелыми и решительными действиями его подчиненных. Плиев пробормотал слова благодарности. Старый, опытный Плиев нервничал, все произошло без санкции центра. В таком деле никогда не знаешь, похвалят или выругают. В глубине души он рассчитывал на похвалу.

Получив шифровку, министр обороны маршал Малиновский немедленно позвонил Хрущеву, испросив разрешение на прием. Именно ему надлежало доложить о случившемся. Малиновский понимал, что похвалы не будет…

Где-то в глубине души отцу доставило удовлетворение то, что еще один, принесший столько унижений нашей стране У-2 рухнул, натолкнувшись на советскую ракету. Но это чувство мгновенно прошло, сменившись глубоким беспокойством. Как истолкуют в Белом доме этот шаг? Они вот-вот должны получить письмо, где утверждается, что подобное невозможно без его личной санкции.

В этот момент, такого не было ни до, ни после, отец ощутил, что ситуация выходит из-под его контроля. Сегодня один генерал решил запустить зенитную ракету, потому что ему показалось это целесообразным, а завтра другой также, не испросив санкции Москвы, нажмет кнопку баллистической?

Как впоследствии говорил отец, именно в тот момент он нутром ощутил, что ракеты надо выводить, до беды недалеко. Настоящей беды.

Отец хмуро спросил у Малиновского: «Советовался ли с кем-нибудь генерал, спрашивал ли разрешение на пуск?» Малиновский ответил, что у него не оставалось времени и он решил действовать в соответствии с приказом Фиделя Кастро, отданным противовоздушным силам Кубы.

Отец взорвался: «В чьей армии служит генерал — советской или кубинской? Если в советской, то почему он позволяет себе подчиняться чужому главнокомандующему?»

Бушевал он недолго. Дело было не в генералах Гречко или

Плиеве. Требовалось устранить саму возможность возникновения смертельно опасных столкновений. На расстоянии в одиннадцать тысяч километров задача представлялась непростой. Одной команды, даже самой строгой, может оказаться недостаточно. Какие решения примет Плиев в случае высадки американского десанта и удара с воздуха по ракетным базам?

В случае вторжения связь с Москвой станет проблематичной. Судьба человечества сосредоточится в руках генералов. Не дай бог, они проявят решительность. А что еще от них можно ожидать? Их дело воевать. Этому их учили.

Такие или примерно такие мысли промелькнули в голове у отца. Малиновский ожидал, переминаясь с ноги на ногу.

«Еще что?» — поднял голову отец.

Малиновский продолжал: «Зафиксировано еще одно нарушение воздушного пространства, на сей раз нашего. У-2 пересек границу Советского Союза. Почему-то это произошло на Чукотке. Что он там искал? Над нашей территорией он летал почти сорок пять минут. Подняли перехватчики, но они его не догнали, сеть аэродромов очень редкая».

Отец, казалось, даже обрадовался. В другое время министру обороны пришлось бы выслушать не один упрек.

«Самолет, нарушивший нашу границу, — сказал отец, — скорее всего заблудился. Нечего ему делать на Чукотке».

Правда, он допускал, что это могла быть и провокация со стороны американских генералов.

«Возможно, — продолжал сомневаться он, — они хотят проверить, не концентрируем ли мы там свои войска против них? Ведь Чукотка самое близкое место к Америке, но не такие в Вашингтоне дураки, чтобы считать Берингов пролив лучшим местом для переправы».

Отец склонялся, что это ошибка. Хорошо, что не сбили.

Отец приказал Малиновскому дать указание ПВО страны впредь, до особого указания, не перехватывать разведывательные самолеты-нарушители без специальной санкции главнокомандующего. «Особенно, — он подчеркнул, — это касается наших войск на Кубе. Здесь они вряд ли сунутся. Передайте вашему генералу, что он подчиняется только нам, только Москве. Даже если Кастро лично приедет к нему, он должен проявить вежливость, но не более».

«Только Москве, — повторил отец на прощание, — никакой самодеятельности. И так все висит на волоске».

Малиновский не стал отчитывать генералов. На их месте он поступил бы так же. В решительный момент командир обязан проявлять самостоятельность, на то он и командир.

Шифровка на Кубу содержала чуть больше десятка слов: «Мы считаем, что вы поторопились сбить разведывательный самолет У-2 в то время, как наметилось уже соглашение мирным путем отвратить нападение на Кубу». И все. Только подпись: «Директор». В целях конспирации фамилию министра обороны в переписке, даже секретной, употреблять запрещалось. Так повелось с войны.

Плиев, получив ответ, пожевал губами и, соединившись с Воронковым, кратко приказал: «Никакой самодеятельности. Пусть американцы летают, сколько им вздумается. Следить, но огня не открывать».

Затем он вызвал Гречко и Гарбуза и молча показал им телеграмму. Комментарии не требовались.

Когда за Малиновским закрылась дверь, отец посмотрел на часы, время приближалось к 10 часам вечера. Заканчивалась суббота. Эту ночь он намеревался провести дома. Отец немного стыдился, что вчера он запаниковал, остался ночевать в Кремле. Сам потерял выдержку и других взбудоражил.

Сейчас, считал он, нет оснований для неожиданностей. В Вашингтоне уже получили его новое послание. Теперь их черед думать, просчитывать варианты, готовить ответ. Да и день там в разгаре. Ему же завтра потребуется свежая голова, нужно выспаться, а какой сон на диване.

Отец позвонил Козлову и попросил предупредить членов Президиума, что завтра он предлагает собраться не в Кремле, а в Ново-Огареве. Совещание назначили на десять утра, все-таки выходной.

Но отец не торопился уезжать из Кремля. Он попросил вызвать стенографистку, инцидент с У-2 беспокоил его все больше, нельзя, чтобы такое повторилось. Кто знает, как себя поведут американцы? Да и негоже, если Кастро получит отказ от Плиева. Нужно объясниться. Отец решил сделать заготовку письма в Гавану. Завтра с утра они смогут его обсудить. Так удастся сэкономить время.

«…Мы хотели Вам порекомендовать сейчас, в такой кризисный переломный момент, не поддаваться чувству, проявить выдержку, — диктовал отец. — Нужно сказать, мы понимаем ваше чувство возмущения агрессивными действиями США и нарушениями элементарных норм международного права, — отец все больше распалялся. Как бы спохватившись, он сделал паузу. — Но сейчас действует не столько право, сколько безрассудство милитаристов из Пентагона, — продолжал он совсем другим тоном. — Сейчас, когда намечается соглашение,

Пентагон ищет случая, чтобы сорвать это соглашение. Вот он и организует провокационные полеты самолетов. Вчера Вы сбили один из них… — Отец запнулся, замолчал. — Вчера вы сбили один из них, — повторил он и продолжил: — в то время как вы их не сбивали раньше, когда они летали над вашей территорией. Такой шаг будет использован агрессорами в своих целях. Поэтому мы хотели бы по-дружески посоветовать вам: проявите терпение, выдержку и еще раз выдержку».

Продиктовав еще несколько фраз, отец отпустил стенографистку. Сегодня он был необычно краток.

Выходя из кабинета, он предупредил секретаря: «Если что, звоните на квартиру в любое время».

Дома отец появился около одиннадцати. От ужина он отказался, попросил только чаю с лимоном. Пока пил, сказал, что с утра будет занят. «Соберемся за городом, — уточнил отец, — так что поезжайте на дачу, а я, если ничего не случится, потом тоже приеду туда».

На дачу так на дачу. С отцом мы не спорили. Утром после завтрака он отправился на совещание, а мы все поехали за город. На душе скребли кошки, какая тут дача, но ничего не поделаешь.

Вернемся теперь в Вашингтон, к прерванному сообщением об инциденте над Кубой заседанию Исполкома. Кеннеди предложил поручить Государственному департаменту подготовить к вечерней встрече проект ответа на послание отца. Затем от имени Объединенного комитета начальников штабов выступил генерал Тейлор. Из его слов следовало, что события прошедших дней свидетельствуют о правоте военных, если бы сразу применили силу, то и вопроса бы уже не существовало. Комитет начальников штабов единодушно считал, «что еще не поздно исправить ошибку, разбомбить стартовые позиции, пока они не все задействованы. Войска в боевой готовности, ждут приказа». По его предложению воздушную атаку следовало провести в понедельник и сразу начать высадку десанта. В случае необходимости предусмотреть применение тактического ядерного оружия.

Президент сопротивлялся, но сдерживать военных ему становилось все труднее. Газеты, телевидение переполнились призывами к решительным действиям, толпа жаждала проучить «красных». Давление нарастало, и члены Исполкома все больше колебались. Подготовка к боевым действиям продолжалась. В район сосредоточения десанта на Западном побережье перебрасывалась пятая бригада морской пехоты.

Очередное заседание Исполкома назначили на 4 часа дня.

Пока же президент не находил ответа на стержневой вопрос почему сбит У-2? Если это эскалация, то должны последовать новые шаги. Однако после единственного выстрела наступила тишина.

А если недоразумение? Тогда необходимо искать мирное решение. Все сводилось к одному что думают в Москве?

Однако впрямую спросить о причинах уничтожения У-2, нарушившего воздушное пространство суверенного государства, было некого.

Почти некого Президент попросил брата встретиться с Георгием Большаковым. Напомню, Большаков, полковник военной разведки, работавший в Вашингтоне журналистом, служил курьером в переписке Хрущева с братьями Кеннеди. За прошедшие месяцы он и Роберт Кеннеди прониклись взаимным доверием и даже подружились. Роберт договорился с Большаковым, что подъедет к его дому, и они поговорят в машине. Роберт Кеннеди показался Большакову расстроенным Георгий Никитич, естественно, не знал, что происходит в Кремле, но постарался, как мог, успокоить своего собеседника, правда, без особого успеха. Роберт продолжал нервничать и в заключение разговора попросил срочно передать Хрущеву: «Президент, объявив блокаду Кубы, стал пленником своих собственных действий, и ему теперь очень трудно, почти невозможно, сдерживать военных. Он просит ускорить позитивный ответ из Москвы».[96] Большаков пообещал незамедлительно передать информацию по назначению.

Между тем полеты американских самолетов над Кубой Исполком не отменил. В соответствии с графиком на разведку в 3 часа дня вылетела шестерка F 8U-IP. Пилоты уже знали о печальном происшествии, такие новости в авиации всех стран распространяются быстро. Сомнений не оставалось, их, как и У-2, встретят огнем. Поэтому летчики жались к земле, пытались прикрыться любым бугорком. Спасти их могли только внезапность и скорость — пронесся с ревом над головами защитников и был таков. Маршрут — обычный, над Сан-Кристобалем и Сагуа-ла-Гранде, задача та же — фотографирование строящихся ракетных позиций.

Двум пилотам повезло, их самолеты забарахлили еще на подходе к острову, пришлось возвращаться. Четверых оставшихся кубинцы встретили огнем зенитных пушек. Сбить никого не удалось, но по возвращении на аэродром техники насчитали в крыльях не одну пробоину от тридцатисемимиллиметровых снарядов.

Доложили Кеннеди. По всему выходило, что сбили У-2 не случайно. Конфликт разгорался. Сторонники немедленной атаки позиций средств ПВО получили еще один аргумент в свою пользу. Решение оставалось за Исполкомом. До заседания оставалось около получаса.

Дин Раек никак не мог понять, почему во второе письмо отца вклинились турецкие ракеты, и решил докопаться до истины. Он попросил. Скэйли встретиться с Фоминым и попытаться прояснить обстановку. Ни Раек, ни Фомин, ни Скэйли не знали о состоявшемся накануне разговоре в советском посольстве. Встреча произошла в 4 15 дня. Скэйли давил на Фомина, кричал, обвинял его в двойной игре. В конце концов он пригрозил: «Теперь вторжение на Кубу дело нескольких часов». Фомин оправдывался, ссылался на плохую связь, заверял, что недоразумение вот-вот рассеется, посол с минуты на минуту ожидает сообщение из Москвы. Правда, какое, он не сказал, и говорить ему было нечего. Последнее послание только что передали по радио и по дипломатическим каналам, теперь в Вашингтон добирался подписанный отцом уже известный всему миру текст.

На том и расстались. Скэйли, не мешкая, отпечатал краткий отчет и передал его Дину Раску. Встретиться им не удалось, началось заседание Исполкома Фомин тоже не терял времени. В своей шифровке в Москву он предупреждал: обстановка вновь раскалилась. Высадка десанта может начаться в ближайшее время, возможно, завтра. Далее он транслировал вопрос Скэйли: каким образом возник вопрос о «Юпитерах» в Турции?

В Москве время перевалило за полночь, наступило воскресенье.

Когда в 4 часа в Белом доме вновь собрался Исполком, президент открыл заседание словами: «Завтра, в воскресенье, атаки не будет». Он хотел еще раз попытаться нащупать почву для мирного исхода. Государственный департамент доложил проект ответа Москве. В нем приводились возражения против требований отца о выводе американских ракет из Турции.

Мнения разделились. Президент внутренне склонялся принять второе письмо отца. Ведь он сам санкционировал обмен Р-12 на «Юпитеры». Однако его поддержал только Роберт. Остальные члены Исполкома, ничего не знавшие о достигнутой накануне договоренности с Добрыниным, хором возражали. Для такого решения требовалось получить согласие НАТО, уговорить Турцию. Пока в Европе отреагировали отрицательно. Джон Кеннеди попал в ловушку: с одной стороны, он дал согласие Москве, с другой — он не хотел ссориться с НАТО.

Когда казалось, что выход отыскать не удается, с сумасшедшей идеей выступил Роберт Кеннеди. По его мнению, в ответе президента не следует спорить с оппонентом, надо добиваться положительного решения. Пусть даже без учета каких-то важных деталей. Зачем упоминать о ракетах в Турции? В первом письме о них не говорится ни слова. Поэтому лучше ответить на него, а там видно будет. Его поддержали Тед Соренсен и еще кое-кто из присутствующих.

Президент считал такую постановку вопроса нереалистичной: как это советский премьер согласится отбросить свое собственное послание, к тому же переданное московским радио по всему свету? Тут вмешался бывший посол в Москве Томпсон. Он считал опасения, связанные с несговорчивостью Хрущева, неосновательными. Томпсон достаточно хорошо изучил отца: по его мнению, такое резкое изменение позиции от первого письма ко второму свидетельствовало о наносном, поверхностном характере вновь возникшего требования обмена ракет. Оно навеяно конъюнктурой, и прагматичный политик, а именно так характеризовал бывший посол отца, цепляться за него не станет. Если, конечно, сочтет сложившуюся обстановку достаточно серьезной.

Томпсон считал, что отец принял кардинальное решение в момент написания первого письма, а затем что-то толкнуло его на ужесточение позиции. Посол не понимал, что, но вычислил все верно. Только Кеннеди знали, что подтолкнуло отца.

Президент поверил Томпсону и предложил брату вместе с Соренсеном написать новый вариант ответа.

Пока же Исполком занялся обсуждением планов на завтрашний день. Основной вопрос: как поступить с разведывательными полетами? О том, чтобы прекратить или приостановить их, никто не заикался, но и подвергать летчиков угрозе присутствующие не считали возможным. Снова зашла речь об уничтожении одним ударом зенитных ракетных установок. Тем самым расчищалось небо не только для разведывательных полетов, но и для будущего вторжения.

Мнения разделились… Решающее слово осталось за президентом. Атаку на батареи отложили. Одновременно отменили и воскресный утренний полет У-2. Опыт свидетельствовал, что высота перестала служить защитой и он превратился в идеальную мишень для ракет. Юркие низколетящие разведчики имели больше шансов выжить, проскочить мимо артиллерийских позиций. Ракеты на малых высотах неэффективны.

Члены Исполкома знали, что зенитные ракеты находятся под советским командованием, а пушки принадлежат кубинской армии, но не делали между ними различия. В Вашингтоне не сомневались, что Кастро слепо повинуется командам из Москвы. В случае повторной атаки разведывательных самолетов должно было последовать немедленное уничтожение зенитных установок.

Совершилась роковая ошибка. После строгого указания отца полеты У-2 стали безопасными, чего нельзя сказать о низколетящих самолетах. У кубинских зенитчиков продолжал действовать приказ уничтожать любой чужой самолет, появившийся над островом.

Первый вылет в воскресенье 28 октября назначили на десять утра.

Тем временем родился второй вариант ответа отцу. Он звучал куда солиднее первого: никаких вопросов, никаких споров. По всем пунктам президент соглашался. Правда, с некоторыми оговорками. Президент сам окончательно отредактировал письмо. Оно получилось недлинным. Через полчаса принесли набело отпечатанный экземпляр. Джон Кеннеди подписал его и передал Дину Раску: можно отправлять. В 8.05 вечера вашингтонского времени, в 4.05 утра по Москве, послание получили в посольстве США в Москве. Посол Колер даже не пытался дозвониться до МИДа. На то имелись свои причины. По примеру отца, Кеннеди, не мешкая, передал письмо прессе. Так что остаться не замеченным в Москве оно не могло.

Официально текст послания получили в Министерстве иностранных дел только в половине одиннадцатого утра в воскресенье.

Президент писал:

> Дорогой господин Председатель!
>
> Я с большим вниманием прочел Ваше письмо от 26-го октября и приветствую Ваше желание искать пути быстрого разрешения кризиса. Однако первое, что для этого требуется, — прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и демонтаж всех установок с наступательным вооружением, — в рамках договоренности в ООН. Предполагая, что эти меры будут проведены безотлагательно, я дал инструкции моим представителям в Нью-Йорке, которые позволят им выработать к концу текущей недели — совместно с и.о. Генерального секретаря и с Вашими представителями — соглашение об окончательном урегулировании

кубинского вопроса соответственно предложениям, в общих чертах выраженным в Вашем письме от 26-го октября. Эти предложения, если я их правильно понял, кажутся вполне приемлемыми и сводятся к следующему:

1. Вы согласны удалить с Кубы наступательное вооружение под соответствующим наблюдением и контролем ООН и обязуетесь с должной гарантией не доставлять этих наступательных средств на Кубу впредь.

2. Как только этот вопрос будет улажен — через посредство ООН, для обеспечения проведения обязательств в жизнь, — мы, со своей стороны, согласны: а) немедленно снять установленную в настоящее время блокаду; б) обязаться не совершать вторжения на Кубу. Я уверен, что к этому примкнут и другие страны Западного полушария.

Если Вы дадите сходные инструкции Вашему представителю, не будет оснований не заключить такое соглашение и не огласить его в ближайшие дни. Разрядка напряженности во всем мире, которая последует за ним, позволит нам приложить все усилия к достижению договоренности более общего порядка, о "других вооружениях", согласно предложению, выраженному в Вашем втором, опубликованном письме.

Я хочу повторить еще раз, что Соединенные Штаты весьма заинтересованы в разрядке напряженности и прекращении гонки вооружений. И если Ваше письмо означает, что Вы готовы приступить к переговорам об ослаблении напряженности между странами НАТО и странами Варшавского договора, то мы вполне готовы рассмотреть, совместно с нашими союзниками, всякое полезное предложение.

Но первое условие — разрешите мне подчеркнуть — это прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и принятие мер к демонтажу их при условии эффективной международной гарантии. Продление этой угрозы или продление дискуссии относительно Кубы с тем, чтобы связать ее с общими вопросами европейской или мировой безопасности, несомненно, вызовет только обострение Кубинского кризиса и угрозу мира во всем мире. Поэтому я надеюсь, что мы сможем быстро прийти к соглашению, основываясь на предпосылках, изложенных в настоящем письме и в Вашем письме от 26-го октября.

Джон Ф. Кеннеди.

Отправив письмо, Джон Кеннеди объявил перерыв до 9 вечера. Они остались вдвоем с братом. В связи с новым поворотом событий интерес к встрече Скэйли с Фоминым угас, турецкие ракеты перестали определять злобу дня. К тому же не было уверенности, придадут ли субботнему контакту в Вашингтоне разведчиков должное значение в Москве. Ощущают ли там в полной мере, насколько здесь горячо?

Президент нервничал. Если не последует положительной реакции из Москвы, сторонники вторжения могут взять верх. К тому же необходимо, чтобы в Кремле узнали о жесткой реакции Белого дома на уничтожение У-2. Молчание по этому поводу может быть расценено как слабость. Ошибка в оценке намерений противной стороны могла обойтись очень дорого. Еще одного шанса выжить могло просто не представиться.

Президент попросил брата срочно встретиться с советским послом и откровенно рассказать ему об обстановке в Белом доме. Пришло время сообща искать выход из тупика.

Трудно сказать, о чем еще думал тогда президент? Какие политические шаги он держал в запасе? И держал ли?

Большинство свидетелей и историков сходится на том, что субботний шанс действительно был последним. В случае отказа Москвы удалить ракеты, в понедельник, самое позднее во вторник, должно было последовать вторжение. И тогда отцу оставалось или проглотить эту пилюлю, или… Я не знаю, какое могло быть это «или».

Судя по свидетельствам ближайших помощников президента Кеннеди, его нельзя обвинить в безрассудности. И в субботу высадка десанта на Кубе не представлялась ему единственным решением. Он говорил о необходимости попробовать предпринять дипломатические шаги в понедельник и даже во вторник.

Об этом говорили на московской встрече в 1989 году Тед Соренсен, Роберт Макнамара и Макджордж Банди. Какие это могли быть инициативы, сейчас остается только гадать.

В те дни пресса США переполнялась сообщениями о советских ракетах на Кубе, пестрела фотографиями строящихся стартовых площадок. Американцы были объяты страхом. Казалось, пришел конец света.

Советские газеты слово «ракеты» вообще не упоминали. В Кремле считали, что не следует волновать народ. Мало кто догадывался, что на самом деле скрывается за заголовками

политических статей в «Правде» и «Известиях»: «Народы мира отвергают агрессивную политику США», «Советская позиция — оплот мира», «Куба на страже!». Конечно, ползли по городу глухие слухи, но реальной опасности не представлял никто, за исключением нескольких человек за высокими стенами Кремля.

Вернемся в Вашингтон. В четверть восьмого вечера Роберт Кеннеди позвонил Анатолию Добрынину и пригласил его к себе в Министерство юстиции. Послу не требовалось ничего объяснять. Он ответил, что будет через полчаса.

Встреча произошла в 19.45.

О ней есть два свидетельства: отца, со слов Добрынина, и Роберта Кеннеди. Оба сделаны по свежим следам. Описания происходивших событий не отличаются по существу, но сильно разнятся в эмоциональной окраске.

Мне хочется привести их оба. Начну с отца. В своих рассказах он не всегда скрупулезен в описании конкретных деталей, но красочно воспроизводит свои ощущения.

«Кульминация наступила, когда посол в США Добрынин сообщил нам, что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента — Роберт Кеннеди. Он описывал его внешний вид: Роберт Кеннеди выглядел очень уставшим, по его глазам было видно, что он не спал ночью. Он сам потом сказал об этом. Роберт Кеннеди сказал Добрынину, что он шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену, — он сидит с президентом в Белом доме, и они бьются над вопросом с нашими ракетами.

Он сказал:

— У нас напряжение очень сильное. Опасность войны велика. Я прошу передать вашему правительству и Хрущеву, чтобы они это учли. Президент готовит обращение через закрытые каналы, и он очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения.

Он прямо говорил, что положение очень угрожающее. Поэтому президент сам писал это послание. Роберт Кеннеди сказал, что президент сам не знает, как выйти из положения. Военные оказывают на него сильное давление, настаивают на военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень тяжелое положение.

Он сказал:

— Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту очень трудно. Даже если он не хочет, не желает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите решить эту задачу.

Я сейчас не имею документов, а описываю все исключительно

по памяти, хотя в памяти суть выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню. Потому что за эту акцию от начала и до конца в первую голову отвечаю я. Я был ее инициатор, и я формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом».

Дальше отец упоминает о турецких ракетах: «Кеннеди просил передать, что в силу престижных соображений и из-за союзнических обязательств в НАТО он не может односторонне объявить об их демонтаже, но сделает это в ближайшее время».

Роберт Кеннеди рассказывает о встрече несколько более подробно и с оглядкой на своих будущих избирателей.

«Мы встретились у меня в кабинете в 19.45.

Прежде всего я сказал ему (Добрынину): нам известно, что постройка баз продолжается и что в последние дни она идет в ускоренном темпе. Несколько часов назад по нашим разведывательным самолетам над Кубой был открыт огонь. Один из них сбит. Пилот этого самолета убит. Для нас все это означает коренной поворот в событиях.

Президент Кеннеди не хочет военного столкновения. Он сделал все, чтобы избежать конфликта с Кубой и Советским Союзом, но теперь они сами принуждают нас к действию. Двуличие Советского Союза заставляет нас производить разведывательные полеты над Кубой, и если кубинцы или Советы станут обстреливать наши самолеты, то самолетам придется отстреливаться. Это неизбежно поведет к дальнейшим инцидентам и к эскалации конфликта, что весьма и весьма опасно.

Добрынин ответил, что кубинцы возмущены тем, что мы нарушаем их воздушное пространство. Я возразил, что, не будь этого, мы бы до сих пор верили заверениям Хрущева о том, что на Кубе не расположено ракет. Как бы то ни было, дело гораздо серьезнее, чем нарушение воздушного пространства Кубы. Оно касается народов обеих наших стран, в сущности — народов всего мира.

Советский Союз тайно соорудил на Кубе ракетные базы, провозглашая в то же время — и публично, и частным образом, — что этого никогда не будет. Нам необходимо получить обещание, не позже завтрашнего дня, что базы эти будут ликвидированы. Я не предъявляю ультиматума, я просто констатирую факт. Советы должны понять, что если эти базы не снесут, то снесем их мы. Президент Кеннеди питает глубокое уважение к родине посла и к мужеству русского народа. Возможно, что Советский Союз сочтет необходимым прибегнуть к ответным мерам, но, пока суд да дело, будут убитые — не только американцы, но и русские.

Добрынин спросил, что предлагают Соединенные Штаты, и я

сообщил ему о письме. Он поднял вопрос об удалении наших ракет из Турции. Я заявил, что мы не пойдем ни на уступки, ни на компромисс под угрозой или давлением, да и решение, в конечном счете, принадлежит НАТО. Впрочем, прибавил я, президент Кеннеди давно уже хотел забрать наши ракеты из Турции и Италии. Он отдал соответствующие распоряжения несколько месяцев назад, и мы считаем, что вскоре после окончания кризиса эти ракеты будут удалены.

— Президент Кеннеди, — сказал я, — желает установить миролюбивые отношения между нашими странами. Он желает разрешить все проблемы, разделяющие нас в Европе и Юго-Восточной Азии. Он также желает продвинуть вопрос о контроле ядерных вооружений. Но все это станет возможным только после окончания кризиса. Время истекает. Остается всего лишь несколько часов. Мы должны получить ответ от Советского Союза безотлагательно. Мы должны получить его, — сказал я, — на следующий же день.

Я вернулся в Белый дом. Президент смотрел на положение безо всякого оптимизма, как, впрочем, и я сам. Он отдал распоряжение о призыве двадцати четырех эскадрилий военно-транспортных самолетов из резервного состава военно-воздушного флота. Они были нужны для вторжения. Он все еще не терял надежды, но она сводилась теперь к тому, что в ближайшие часы Хрущев, возможно, пересмотрит свои намерения. Это было только надеждой, не верой, не ожиданием. Ожидалось же вооруженное столкновение в ближайшие дни — во вторник, может быть, завтра…»

Наверное, в каждом из воспоминаний есть солидная доля приукрашивания задним числом. Когда уже ничто не угрожает, хочется поимпозантнее предстать перед историей. Правда, как я упоминал, в преддверии президентских выборов Теодор Сорренсен почистил рукопись воспоминаний Роберта Кеннеди. Но факты совпадают. Когда делалась история, им, всем четверым, Джону Кеннеди, отцу и их представителям было не до внешних эффектов.

Сейчас мы можем сравнить воспоминания политиков с текстом отправленной Добрыниным в Москву шифровки, описывавшей его встречу с братом Президента США:

Совершенно секретно
Экз. № 1

Сегодня вечером Роберт Кеннеди попросил о встрече. Мы говорили вдвоем.

«Кубинский кризис, — начал Кеннеди, — быстро развивается в худшую сторону. Мы получили информацию, что невооруженный американский самолет, который вел разведку в воздушном пространстве Кубы, сбит. Военные требуют ответить на огонь огнем. Американское правительство могут вынудить пойти на такой шаг».

В ответ советский посол сказал, что США не имеют права нарушать воздушное пространство суверенного государства. Кеннеди возразил, что у них есть соответствующее решение Организации Американских Государств, но «он не был расположен к спору».

«Сейчас все эти различия в толковании международного права не так важны, — главное время, которое уходит. Я хочу разъяснить, насколько тревожна нынешняя ситуация. Президент хочет, чтобы Н. С. Хрущев понял его позицию. Обстановка крайне опасна и грозит военным столкновением, — подчеркнул Роберт Кеннеди. — На президента давят со всех сторон, требуют на сбитие нашего самолета ответить огнем. Но если начнется стрельба, то последует цепная реакция, которую будет очень трудно остановить.

То же самое относится к ракетным базам на Кубе. Если мы разбомбим их, погибнут ваши люди, советское правительство отреагирует аналогичным образом где-то в Европе. Начнется большая война, в которой погибнут миллионы американцев и русских. Мы хотим избежать такого развития событий, и, я уверен, в Москве хотят того же. Однако время уходит и риск увеличивается».

Тут Роберт Кеннеди сказал, что среди американских генералов есть много безрассудных голов, и не только среди генералов, у которых руки чешутся начать войну. «Ситуация может выйти из-под контроля, и последствия окажутся необратимыми», — закончил свою мысль Роберт Кеннеди.

«Президент считает хорошей основой предложения, изложенные в письме Н. С. Хрущева от 26 октября: советское правительство останавливает все работы на ракетных базах на Кубе и позволит международным наблюдателям проконтролировать невозможность использования этого оружия. В ответ правительство США снимает морскую блокаду, дает заверения, что ни они сами, ни другие страны Западного полушария не вторгнутся на Кубу».

Дальше посол спросил о турецких ракетах.

«Президент не видит здесь никаких неразрешимых трудностей, я уже говорил вам об этом ранее», — заявил Кеннеди.

Дальше Кеннеди заговорил (я сократил его слова) о трудностях — это общественное мнение плюс необходимость убедить союзников по НАТО, и особенно турок.

«Я думаю, что для ликвидации базы в Турции, — сказал Кеннеди, — потребуется 4–5 месяцев. Мы можем продолжить обсуждение деталей по закрытым каналам, но президент не в состоянии сейчас говорить о турецких ракетах открыто. Вопрос очень чувствительный и секретный, о его позиции, кроме их двоих, в Вашингтоне осведомлены только 2–3 человека».

Кеннеди попросил передать содержание разговора в Москву, как можно быстрее, им желательно, «если возможно, получить уже завтра, в воскресенье, ясный ответ о принципиальном согласии. Нет времени для дискуссий, на разрешение кризиса остается очень мало времени».

Кеннеди подчеркнул, что он изложил просьбу, а не ультиматум, сказал, «что президент надеется на понимание со стороны советского руководства». Перед уходом Роберт Кеннеди дал послу номер своего прямого телефона в Белом доме и сказал, что по возвращении немедленно все доложит президенту, с которым он практически не расстается все это время.

Добрынин описывает обстановку встречи: «Роберт Кеннеди выглядел очень расстроенным, во всяком случае я его таким никогда ранее не видел. Дважды он пытался возвратиться к теме обмана Президента со стороны Хрущева, но не заострял этого вопрса. Он не пытался вступать в полемику, как это обычно делал ранее, и настойчиво повторял: "Сейчас самое важное — время. Мы не должны упустить этот шанс"».

Подпись: Добрынин. 27 октября 1962 года.

Я позволил себе сократить длинноты, к тому же этот текст — обратный переводу с английского, все это могло отразиться на стиле, но не на содержании телеграммы.

Теперь мы знаем об этом важном разговоре министра Юстиции США Роберта Кеннеди с советским послом Анатолием Добрыниным не практически все, а все без какого-то исключения.

К исходу 27 октября последний дивизион третьего полка баллистических ракет Р-12 приведен в боевую готовность, полностью закончена проверка ядерного боезапаса ракет, — доложили Малиновскому Плиев и командир ракетной дивизии генерал-майор Стаценко.

Очередной разведывательный полет на низкой высоте над ракетными позициями американцы назначили на 10 утра в воскресенье.

На даче в Ново-Огареве участники воскресного совещания собрались загодя. Ждали отца. Он прибыл ровно в 10.

Такие заседания в выходной отец устраивал не первый раз. Правда, он и не злоупотреблял. Обычно они посвящались обсуждению какой-нибудь крупной реформы, подготовке к съезду или подобному по значимости мероприятию, когда требовалось все обговорить не торопясь, не отрываясь на сиюминутные доклады и звонки. Перед началом работы обычно шутили, иногда шли прогуляться.

Сейчас все происходило по-иному. Отец сухо, без привычной улыбки поздоровался с присутствующими и бросил стоявшему чуть поодаль помощнику: «Что нового?»

— Пришло письмо от Кеннеди, его еще ночью передали по американскому радио, — ответил тот. — Есть информация от посла в Вашингтоне и кое-что еще, — помощник замялся, конечно вокруг все свои, но докладывать здесь на ходу о сообщениях разведки он поостерегся.

— Пошли, там разберемся, — отец широким жестом указал на дверь в двухэтажный особняк, где сегодня предстояло работать. Он прошел первым, за ним потянулись остальные.

Заседание проходило в обширном обеденном зале, предназначенном для приема высокопоставленных гостей. Сейчас белая скатерть длинного стола покрылась пятнами разноцветных папок: красных, розовых, зеленых, серо-голубых. Каждый из участников совещания захватил с собой доставленную рано утром фельдъегерем почту.

Когда все расселись, отец предложил начать с письма президента США.

Читать его решили вслух, хотя перед каждым лежала аккуратно отпечатанная и растиражированная в ТАССе копия. Помощник отца по международным делам Олег Александрович Трояновский приступил к чтению, в зале установилась гробовая тишина, только монотонный, без интонаций голос долбил в одну точку.

Не прошло и пяти минут, как в бесшумно раскрывшуюся дверь прошмыгнул дежурный и что-то зашептал на ухо Громыко.

Андрей Андреевич почтительно кашлянул. Помощник замолчал, споткнувшись на середине фразы, головы всех присутствующих повернулись к министру иностранных дел.

Громыко кашлянул еще раз и вполголоса произнес:

— Звонили из МИДа, американский посол просится на прием. Он вопросительно смотрел на отца.

— Вам не надо зря терять время, — отозвался на немой вопрос отец, — наверняка он принес послание, которое мы читаем. Пусть примет ваш заместитель и, если что-нибудь важное, позвонит.

Громыко заспешил к телефону, а помощник, вернувшись к началу фразы, продолжил чтение. Оно заняло около получаса. Наконец помощник произнес: «Подпись: Джон Кеннеди, — и с некоторым недоумением добавил: — На сей раз никаких «искренне», или "искренне Ваш", как он подписывался раньше».

Наступила пауза, отец сосредоточенно молчал, вдумываясь в только что услышанный текст, казалось, он старается представить, восстановить ход мыслей американского президента, вжиться в его роль. Никто не смел ему помешать, участники совещания уткнулись в лежащие перед ними бумаги.

Наконец отец очнулся, обвел взглядом присутствующих и осведомился, какие есть мнения. Однако никто не спешил высказаться первым. Молчание становилось тягостным, его прервал Трояновский: «Есть еще донесение посла Добрынина о беседе с Робертом Кеннеди. Очень любопытно».

— Читайте, — распорядился отец.

Трояновский достал тоненькие, прозрачные, похожие на папиросные, листочки с надпечатанными вверху красной краской предостережениями от снятия копий, и продолжил свою декламацию. Отец буквально впился в Трояновского глазами, вслушивался в каждое слово, несколько раз просил повторить привлекшие его особое внимание пассажи.

О содержании разговора, состоявшегося в Министерстве юстиции, я уже рассказывал.

Когда отец впоследствии пересказывал, в каком виде Роберт Кеннеди предстал перед Добрыниным, он с усмешкой добавлял: «И мы выглядели не лучше».

Президент взывает о помощи — так воспринял отец беседу Роберта Кеннеди с нашим послом. Тон разговора свидетельствовал о том, что промедление смерти подобно. Видимо, температура в вашингтонском котле дошла до опасной точки, грозил взрыв.

— Что еще? — теперь уже отец обращался к Трояновскому. Олег Александрович раскрыл серо-голубую папочку.

Донесения агентуры из разных частей земного шара свидетельствовали о росте напряженности, с американского континента шла наиболее тревожная информация: подразделения морской пехоты, авиация, сухопутные войска приведены в боевую готовность, ждут только команды на начало штурма.

Собственно, особого секрета уже и не существовало, о предстоящем не сегодня, так завтра десанте трубили все американские газеты.

— Все, — закрыл папку помощник.

— Так какие же есть мнения? — повторил свой вопрос отец.

Снова никто не отозвался. Да отец уже и не очень нуждался в советах. Картина складывалась ясная. Нужно, пока не началась война, принимать предложение Кеннеди, удовлетвориться его гарантиями о ненападении на Кубу и убирать ракеты. Иначе он может не устоять, а если прорвет плотину, тут костей не соберешь. Президент не рискнул, просто не смог рассказать своему окружению о данном им обещании. А это дурной знак. Все свидетельствовало о том, что он держится из последних сил. Тут уже не до торговли. И нечего цепляться за турецкие ракеты. Они погоды не делают. От торга придется отказаться. Жаль… Но жизнь дороже престижа.

Конечно, отцу хотелось бы получить более торжественно оформленные заверения американского президента о неприкосновенности границ Кубы. Например, в виде письменного соглашения или решения в рамках ООН. Именно на подобную процедуру он отводил две-три недели, о которых упоминал в своем последнем письме в Белый дом. Но, видно, там крепко припекло. Примерно так считал отец.

Говорил он, наверное, около часа. Постоянно возвращался к тезису, что слову Кеннеди следует верить, а просидит он в Белом доме долго, еще не менее шести лет. За это время такое можно сделать, горы своротить. Куба станет неприступной, богатой, счастливой.

А турецкие ракеты? Бог с ними. Да и уберет их Кеннеди рано или поздно. В последней беседе Роберт подтвердил это нашему послу, только просил не давить.

Отец прервался, оглядел присутствующих. Члены Президиума ЦК с привычным единодушием поддержали своего Первого секретаря. Он продолжил свой монолог.

Пока отец убеждал присутствующих, а главным образом, себя, Трояновский выскользнул из комнаты. Через приоткрывшуюся неширокой щелью дверь его жестами вызвал дежурный. Звонил из МИДа помощник Громыко Суслов, пришла новая информация. Прижав плечом телефонную трубку к уху,

Олег Александрович торопливо записывал новости. О них следовало доложить немедленно, не ожидая пока фельдсвязь доставит сами документы.

Когда Трояновский вернулся в зал, все головы как по команде обернулись к нему: что там еще стряслось? Кто рискнет вызывать помощника Председателя Совета министров с такого совещания по пустякам? Закончив мысль, отец прервал свое выступление и как бы подтолкнул Трояновского: «Говорите».

Помощник стал докладывать: «Американский посол вручил послание президента Кеннеди, то самое, ничего нового». Это сообщение вызвало некоторое облегчение, в тот день добрых вестей не ждали.

Однако следующее сообщение вселяло беспокойство: из Вашингтона передавали, что по городу ползут слухи, будто бы в 5 часов дня ожидается новое важное выступление президента. О чем? Ничего не известно. Но не требовалось особой догадливости: в черный понедельник 22 октября он объявил о блокаде, теперь, в воскресенье 28-го на очереди следующий шаг — вторжение. Тут и гадать нечего. Сбывались вчерашние предостережения Роберта Кеннеди. Президента сломали, он не выдержал.

— В 5 часов по какому времени? — переспросил отец.

В ответ Трояновский только пожал плечами. На помощь ему пришел постоянный участник совещаний последних дней секретарь Совета обороны генерал Семен Павлович Иванов. Его почти одновременно с Трояновским вызывали к телефону, и сейчас он дожидался своей очереди, чтобы доложить об информации, добытой военной разведкой. Донесения ее агентуры подтверждали сообщение о предстоящем выступлении Кеннеди в 5 часов.

— Время московское, — отчеканил генерал. Никто не знает, действительно ли в донесении существовало подобное уточнение или Иванов принял грех на душу, посчитав, что лучше поторопиться, чем опоздать. Слова генерала развеяли последние сомнения — до катастрофы оставались считаные часы.

Иванов сел на свое место в углу комнаты.

У страха глаза велики! Американские телевизионщики объявили о повторе в воскресенье выступления президента от 22 октября, то есть недельной давности. Почему оно в сообщении из вашингтонской резидентуры вдруг превратилось в новое обращение главы государства к нации остается только гадать. После внесенной Ивановым «ясности» снова заговорил отец.

По его мнению, наше согласие на вывод ракет необходимо передать немедленно, как и предыдущее, сразу по радио, чтобы

оно не опоздало. После публичного выступления Кеннеди перед нацией назад не повернуть.

Отец собрался тут же, не мешкая, начать диктовать письма. Стенографистки, сидевшие за маленьким столиком у стены, приготовились.

Однако Трояновский еще не покончил с новостями.

— Никита Сергеевич, пришло еще очень тревожное послание от Кастро, — как всегда Олег Александрович говорил тихим размеренным голосом, не позволяя себе понестись вскачь за стремительно убегающими событиями. — Сам текст письма еще в МИДе, но я записал основные идеи.

— Говорите, — проявил нетерпение отец.

— Кастро считает, а, по его мнению, источник информации у него надежный, что война начнется в ближайшие часы, — поглядывая в блокнот, докладывал Трояновский. — Точное время они назвать затрудняются, возможно, через 24 часа, но не более чем через 72. По мнению кубинского руководства, народ готов к отражению империалистической агрессии, они скорее умрут, чем сдадутся.

Олег Александрович перевел дух и продолжал:

— По мнению Кастро, перед лицом неизбежного столкновения с США нельзя допустить, чтобы империалисты нанесли удар, — он снова глянул в блокнот и повторил: — Первыми нанесли ядерный удар…

— Что?!

— Так мне передали, — внешне невозмутимо отозвался Трояновский.

— Что же, он предлагает нам начать атомную войну? Запустить ракеты с Кубы? — чуть спокойнее проговорил отец.

— Видимо, так, — подтвердил помощник. — Скоро привезут текст, тогда легче будет разобраться, что на самом деле имеет в виду Кастро.

— Это безумие, — не успокаивался отец. — Мы же поставили там ракеты, чтобы предотвратить нападение на остров, сохранить Кубу, защитить социализм, а он не только сам собирается погибнуть, но и нас тащит за собой.

— Ракеты на Кубе не приведены в боевую готовность. Ядерные головные части отстыкованы и хранятся отдельно. Чтобы подготовить ракету к старту, потребуется несколько часов, — внес свою лепту хранивший все это время молчание Малиновский.

— Это я и сам знаю, — отмахнулся отец. — Дело не в реализуемости его предложения, а в том, как вообще такая мысль могла прийти в голову?

Если до этого момента какие-то сомнения в своевременности,

правильности решения о выводе ракет еще могли закрасться в голову отца, то сейчас они полностью отпали: «Выводить, и как можно быстрее. Пока не поздно. Пока не случилось беды».

Участники совещания недоуменно поглядывали друг на друга: вот так, без особых затей предлагалось развязать третью мировую войну. Становилось очевидным, что события выходят из-под контроля. Вчера без разрешения сбили самолет, а сегодня готовится ядерная атака.

С общего одобрения отец приказал по военным каналам связи срочно передать приказ Плиеву: «К ракетам никого не подпускать, ничьих приказов о запуске не исполнять, боеголовки ни в коем случае не подстыковывать». На душе у него стало немного спокойнее. Плиев человек надежный и дисциплинированный, самоуправства не допустит. Но это пока не начались бои…

Малиновский вышел в соседний кабинет отдать необходимые распоряжения.

Годы стирают остроту восприятия. События многолетней давности начинают видеться по-иному, тем более что ответ нам теперь известен. Но и через четверть века, рассказывая о происходивших в тот день событиях, Олег Александрович не мог говорить спокойно. По его словам, послание Кастро произвело на него шоковое впечатление апокалиптичностью своего звучания.

Что же происходило на Кубе? Обстановка с каждым днем становилась напряженнее. Кастро не лукавил, говоря о готовности умереть вместе с большинством своих сограждан. Его не оставляла мысль: «Когда начнется?»

Думал он не только о маленькой Кубе, у них с янки свои счеты, но на карту поставлена и судьба пришедшего на помощь Советского Союза, а вместе с ним и всего социалистического лагеря. Из-за Кубы может рухнуть все! Эта мысль не давала Кастро покоя. Если американцы начнут, а они начнут, в этом он теперь не сомневался, то удары обрушатся не только на подготовившихся к обороне кубинцев, но и на советские полки, батареи, эскадрильи. В том, что они не уступят кубинцам в решимости стоять до последнего, Кастро убедился во время посещения подразделений Советской Армии.

Но удар здесь неизбежно отзовется там, за океаном. В Берлине ли, Турции, большого значения не имеет. Разгорится большая война, а в ней не обойтись без ядерного оружия. Вот тогда все решат часы, минуты, секунды — кто ударит первым, тот и победит. О соотношении ядерных зарядов восемь к одному не в нашу пользу Кастро и не догадывался. И вообще, он, никогда не видевший, что такое взрыв атомной бомбы, не очень конкретно

представлял себе, о чем идет речь, не отдавал себе отчета в последствиях не только для проигравших, но и для победителей.

Кастро казалось, если Советский Союз ударит первым, то империалистам придет конец, придет конец высокомерным северным соседям, унижавшим все эти десятилетия своих латиноамериканских собратьев, а вместе с ними и всем угнетателям. Наступит эра свободы, процветания, благоденствия.

Ради светлого будущего Кастро без колебаний решался на жертву — Куба погибнет, но социализм победит. Возможно, ради этого, ради этой минуты он без колебаний согласился на размещение на острове чужих ракет, иностранных военных формирований. «Родина или смерть! Мы победим!» — стало смыслом его существования. Именно поэтому Кастро сохранял невозмутимое спокойствие перед лицом нависающей опасности. Алексеев догадывался о его жертвенной решимости, но не отдавал себе отчета, как далеко она простиралась.

Именно поэтому Кастро с крайним неодобрением и даже подозрительностью относился к появившимся в последние дни и часы идеям обменять американские ракеты в Турции на советские на Кубе. Опять, как и в начале века, янки устраивают торг за спиной кубинцев, пытаются разменять святую идею на какие-то ракеты!

О решении принести Кубу в жертву требовалось поскорее сообщить в Москву. Пусть они там в своих планах учтут, что Куба готова погибнуть ради торжества…

Все последние дни мысли Кастро кружились вокруг этой идеи великой жертвы. Но сообщение в Москву не складывалось, он никак не мог отыскать нужные слова, скромные, не выпячивающие героизм, а веские и доходчивые. А время поджимало. 26 октября Кастро получил доверительную информацию от президента Бразилии Гуларта, что вторжение произойдет в течение 48 часов. Сомневаться не приходилось. США не могли не проинформировать о высадке десанта членов Организации американских государств, организации, в которую совсем недавно входила и Куба. Решительный час настал!

Так что же конкретно происходило в Гаване? Сохранились документы тех дней. Начальник архивного управления МИД СССР Ковалев в январе 1991 года на международной конференции, посвященной этим проблемам, рассказал о содержании еще недавно секретных донесений посла Алексеева. Присутствовавший там сам посол Алексеев время от времени комментировал и дополнял свои шифровки.

Кастро, как и Сталин, часто путал день с ночью, выбиваясь сам из установленного природой ритма сна и бодрствования и

ломая привычные стереотипы у всех, кто с ним соприкасался. Это в обычные дни, а тогда, в октябрьской круговерти он вообще перестал отличать свет от тьмы.

«27 октября в два часа ночи (время, естественно, кубинское) мне позвонил Дортикос, — докладывал в одной из своих шифровок в Москву советский посол, — и сообщил, что ко мне в посольство выехал Фидель Кастро. Он хочет обсудить последние события».

Спал ли Алексеев, в шифровке не сообщается, но встретил он своего друга Фиделя с обычным радушием. Кастро выглядел крайне взволнованным. Он сказал, что время решений пришло, он должен продиктовать письмо Хрущеву. До высадки американского десанта остаются считаные часы.

Нервничая, Кастро начал диктовать приехавшему с ним секретарю. Алексеев знал испанский язык (не раз переводил ответственные беседы), но не в совершенстве. Сегодня он едва улавливал смысл. Кастро путался, сердился, бросал фразу на середине и начинал все сначала.

Улучив момент, Алексеев покинул Кастро и передал в Москву короткую шифровку. В ней он сообщал, что Фидель находится в советском посольстве и готовит личное письмо Н. С. Хрущеву. В МИДе это сообщение получили в 14.40 в субботу и стали ждать сам текст послания. Наступил вечер, ночь, Гавана на связь не выходила.

Тем временем Фидель мучился над письмом. Нужные слова никак не находились, получалось коряво, плоско, без души, без сердца.

Алексеев давно уже понял, что именно силится и не может выразить Фидель. Но это оказалось столь ужасным, что не укладывалось в нормальное человеческое восприятие. Наконец посол пересилил себя. «Вы хотите сказать, что мы должны первыми нанести атомный удар?» — спросил он своего друга и замер, в глубине души надеясь на бурю протестов, на худой конец, просто на отрицательный кивок головой. Кастро остановился, потом, как бы взвешивая каждое слово, непривычно медленно проговорил: «Нет… Я не хочу сказать это впрямую. Нет. Но обстановка складывается так — они или мы? Чтобы не испытать самим первый удар, надо, в случае неизбежности нападения, стереть их с лица земли».

Алексеев подавленно молчал. О подобной возможности не хотелось и думать. Казалось, наступал конец света.

Так и не дождавшись ответа, Кастро вернулся к попыткам выразить свои чувства на бумаге. Только к 7 утра, он, как ему казалось, добился успеха или… отчаявшись, решил больше не

испытывать судьбу. Письмо получилось, на мой взгляд, чем-то похожим на завещание или скорее, прощание.

Шифровки из Гаваны добирались до Москвы еще неспешнее, чем из Вашингтона. Оно и понятно: сначала текст шифровали по старинке, как в прошлом веке, вручную, потом муки с телеграфом и, наконец, такая же расшифровка. Еще счастье, если автор предпочитал краткость. Так что ничего необычного не было в том, то попавший в руки посольского шифровальщика текст в 7 утра местного гаванского времени вышел из шифровальной комнаты в МИДе в Москве только в 1.10, в ночь на воскресенье.

Об этом письме так много говорят, что я не могу не привести его полностью.

Дорогой товарищ Хрущев!

Анализируя создавшуюся обстановку и имеющуюся в нашем распоряжении информацию, можно сказать, что почти неминуема агрессия в ближайшие 24–72 часа. Возможны 2 варианта этой агрессии:

1. Наиболее вероятной является атака с воздуха по определенным объектам, имея целью только их разрушение.

2. Менее вероятным, хотя и возможным, является прямое вторжение в страну. Думаю, что осуществление этого варианта потребует большого количества сил, и это может сдержать агрессора, и, кроме того, такая агрессия была бы встречена мировым общественным мнением с негодованием.

Можете быть уверены в том, что мы твердо и решительно будем сопротивляться, какой бы ни была агрессия.

Моральный дух кубинского народа исключительно высокий, и он героически встретит агрессора.

Теперь я хотел бы в нескольких словах выразить мое сугубо личное мнение по поводу происходящих событий.

Если произойдет агрессия по второму варианту и империалисты нападут на Кубу с целью ее оккупации, то опасность, таящаяся в такой агрессивной политике, будет настолько велика для всего человечества, что Советский Союз после этого ни при каких обстоятельствах не должен будет допустить создания таких условий, чтобы империалисты первыми нанесли по СССР атомный удар.

Я говорю это, так как думаю, что агрессивность империалистов приобретает крайнюю опасность.

Если они осуществят нападение на Кубу — это варварский, незаконный и аморальный акт, то в этих условиях момент был бы подходящим, чтобы, используя законное право на самооборону, подумать о ликвидации навсегда подобной опасности. Как бы ни было тяжело и ужасно это решение, но другого выхода, по моему мнению, нет. Это мое мнение вызвано развитием той агрессивной политики, когда империалисты, невзирая ни на общественное мнение, ни на какие принципы и право, блокируют моря, нарушают воздушное пространство и готовят нападение, и, с другой стороны, срывают всякую возможность переговоров, несмотря на то что им известна серьезность последствий.

Вы были и остаетесь неутомимым защитником мира, и я понимаю, насколько горьки эти часы, когда плоды Ваших сверхчеловеческих усилий в борьбе за мир подвергаются серьезной угрозе.

Однако до последней минуты мы будем надеяться на то, что мир будет сохранен, и мы сделаем для этого все возможное, что будет в наших силах, но в то же время мы реально оцениваем обстановку и полны решимости встретить любое испытание.

Выражаю еще раз бесконечную благодарность и признательность всего нашего народа советскому народу, который был так по-братски щедр по отношению к нам. Выражаем также восхищение и глубокую благодарность лично Вам и желаем успехов в Вашем огромном и ответственном деле.

С братским приветом.

Фидель Кастро.

Сейчас удел историков оценить, правильно ли истолковал отец смысл письма или чего-то недопонял. К тому же следует иметь в виду, что в памяти отца намертво засели произнесенные Трояновским еще до получения текста послания слова о ядерном ударе. Именно они звучали в ушах отца и в тот день, и 30 октября, когда он писал подробное ответное письмо Кастро, и через полгода в мае, когда они встретились в Москве, и через пятилетие, когда он приступил к работе над своими мемуарами. Запомнилось главное — упреждающий удар. История столь же капризна, как и люди ее творящие. Мы уже видели, как в эпизоде с турецкими ракетами действовавшие лица уже на следующий день после кризиса начали настойчиво подгонять задачку под иной ответ.

Теперь давайте вернемся в Ново-Огарево, где собравшиеся вокруг обеденного стола немолодые и весьма ответственные мужчины решали судьбу своей страны, Соединенных Штатов Америки и всего остального мира.

— Выводить, и как можно скорее, — повторил отец, обращаясь одновременно ко всем присутствующим и как бы ни к кому.

Затем, спохватившись, он обернулся к министру иностранных дел:

— Товарищ Громыко, мы не имеем права рисковать. Если президент объявит о вторжении, пути назад у него не будет. Надо предупредить Кеннеди, что мы хотим помочь ему, — отец запнулся на слове «помочь», помолчал и твердо повторил: — Да, помочь, сейчас мы делаем общее дело, спасаем мир от толкающих нас к войне. Пошлите указание Добрынину в Вашингтон, пусть он встретится с Робертом Кеннеди и посоветует дождаться нашего ответа на вчерашнее письмо президента. Подчеркните, что ответ — положительный.

— Будет исполнено, Никита Сергеевич, — вставая из-за стола, глухим басом произнес Громыко.

Добрынин получил шифровку в 3 часа дня московского времени, в Вашингтоне разгоралось утро.[97] Прочитав указание Громыко, посол немедленно позвонил Роберту Кеннеди. Они встретились буквально через несколько минут. А тем временем совещание в Ново-Огареве продолжалось. Отец прервал тягостное молчание, буднично бросив к стенографистке: «Давайте начинать, Надежда Петровна».

Отец начал диктовать. Листки складывались в пачку, она росла на глазах, отец увлекся, письмо становилось длинноватым. Он, видимо, почувствовал это, стал комкать в поисках завершающих фраз: «Мы сейчас должны быть очень осторожны и не делать таких шагов, которые не принесут пользы обороне государств, вовлеченных в конфликт, а лишь могут вызвать раздражение и даже явиться провокацией для рокового шага. Поэтому мы должны проявить трезвость, разумность и воздержаться от таких шагов».

Переход показался удачным, еще два абзаца, и отец, обведя глазами своих коллег, молча сидевших за длинным столом, проговорил «Кажется, все». Как и Кеннеди в своем послании, о турецких ракетах отец даже не упомянул. Как будто их и вообще не существовало. Пока.

Помощник приготовился прочесть то, что получилось. В руках он держал только первые страницы, конец послания спешно допечатывался в соседней комнате. Отец поинтересовался, как

дела на радио. Там уже ожидали, диктора вызвали, осталось только получить текст.

— Ну а гонцы? Вчерашние? Небось заждались? — улыбнулся отец. К нему возвращалась обычная манера шутить.

— Стуруа из «Известий» здесь, — доложил Трояновский. — А Харламов не приехал, его не нашли Выходной Отправим с фельдсвязью.

Тут, как гласит молва, проявил инициативу присутствовавший на обсуждении и промолчавший весь день секретарь ЦК КПСС по идеологии Леонид Ильичев, с путешествия которого я начал свою книгу. Он вызвался сам доставить пакет в радиостудию. Отец кивнул. Его, собственно, не очень волновало, кто повезет послание, главное, чтобы доставили вовремя.

Окончательная шлифовка текста послания прошла быстро. Помощник читал вслух. Отец то и дело перебивал его, заменял слова, вставлял целые фразы. Изредка вмешивались и другие члены Президиума ЦК. Все поправки фиксировала стенографистка. Еще одна перепечатка, последние уже совсем небольшие исправления, и окончательный вариант готов.

Отец кивнул: можно отправлять, и тут же осекся. Он вспомнил о Кастро. Колебался он не более минуты. «Отправлять, и немедленно», — повторил отец.

Потом, через полгода отец объяснял еще не остывшему Кастро, что сообщение с Кубы о предстоящей высадке десанта через несколько часов он, по сути, рассматривал как согласование позиции Кремля, времени на формальности не оставалось. Все это так. Обстановка требовала принятия решения немедленно. И — не совсем так. Предложение Кастро нанести превентивный удар по США поразило отца. Только в этот момент он по-настоящему оценил, насколько они по-разному смотрят на мир, оценивают судьбы и жизни людей. Если Кастро упрется, а такая возможность представлялась реальной, то переговоры с Вашингтоном заблокируются. Время может быть упущено безвозвратно.

Отец решил поставить Гавану перед свершившимся фактом. Если мир не погибнет, то отношения с Кастро рано или поздно наладятся.

На мой взгляд, время подтвердило его правоту.

И по сей день кубинцы продолжают обижаться на то, что их не вовлекли в переговоры, считают вот такую мгновенную реакцию отца ошибкой. По их мнению, следовало настаивать на переговорах. Или… погибнуть. Сейчас, зная ответ, конечно, легко проявлять твердость, а тогда, когда от неверного шага зависело так много, если не всё… Отец решил перестраховаться.

Цековская «Чайка» и известинская «Волга» везли гонцов с доброй вестью. Вестью о торжестве разума и жизни.

Отец окончательно повеселел. Он предложил перекусить всем вместе в ожидании начала радиопередачи.

— Обед есть? — приоткрывая дверь, крикнул он в коридор.

Как из-под земли вырос начальник охраны: «Есть, Никита Сергеевич. Вот только на стол не накрыто». Он провел взглядом по столу, вокруг которого продолжали сидеть участники совещания. Присутствующие зашевелились, загалдели, атмосфера как-то разом поменялась. Так бывает после грозы с ветром, когда вдруг выглядывает солнце.

Отец предложил, пока хозяйничают официанты, пройтись. Все гурьбой потянулись в парк.

В то утро мы, домашние, ничего этого не знали. Приехали на дачу. От места, где заседал Президиум ЦК, нас отделяли 10 минут езды на машине, но в тот день они растягивались в вечность.

Что там делается? Почему так долго? А вдруг?…

Звонить не разрешалось. Да и что мог ответить дежурный?

Я бесцельно слонялся по дому. Мама сидела у телевизора, вот только что она видела на его экране?

Я все-таки не выдержал, позвонил в приемную отцовского кабинета в ЦК. Ответ секретаря не принес ясности: «Заседают. Не здесь. Когда закончат, неизвестно».

Вот и все. И снова томительное ожидание. Подошло время обеда. Ждать или не ждать? По выходным отец всегда обедал дома. Мама забеспокоилась, я вызвался позвонить туда, где шло совещание. Появился повод, вдруг что-нибудь прояснится. Ничего успокаивающего я не услышал. Литовченко, начальник охраны, сообщил, что конца пока не видно, по всей вероятности, они поедят здесь, в перерыве.

Я не удержался, спросил: «Что нового?» — хотя знал заранее ответ. — «Ничего», — услышал я в трубке. Разговор окончился.

Обедали мы без отца.

Еще до обеда я включил радио. Не передавали ничего тревожного, ничего важного. Ноя не выключал его, старался все время оставаться в пределах слышимости. Другого источника информации у нас не было. Так продолжалось до середины дня. Где-то около четырех часов раздались позывные Москвы. Еще с войны они предваряли важнейшие сообщения правительства. Секунды растягивались донельзя. Наконец прозвучало привычное: «Говорит Москва», и Левитан начал читать письмо отца президенту Соединенных Штатов Америки Джону Фицджеральду Кеннеди.

«Уважаемый господин Президент.

Получил Ваше послание от 27-го октября сего года. Выражаю свое удовлетворение и признательность за проявленное Вами чувство меры и понимание ответственности, которая сейчас лежит на Вас за сохранение мира во всем мире».

Чуть заметно дрожавший в первых словах голос знаменитого диктора набрал свою привычную густоту.

Я слушал, не отрываясь. Судя по первым фразам, это не война.

«Я отношусь с большим пониманием к Вашей тревоге и тревоге народов Соединенных Штатов Америки в связи с тем, что оружие, которое Вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И Вы, и мы понимаем, что это за оружие».

Стальная левитановская интонация подчеркнула словечко «что», и оно вдруг разрослось и стало воистину грозным.

«Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного для дела мира конфликта, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже оружия, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз».

— Ну, вот и все, — мелькнуло в голове, — отступили!

Я понимал, что дело могло кончиться войной, но война выглядела для меня тогда абстрактно вычерченной картой со стрелами ударов и кругами радиусов поражений. Вывод же ракет представлялся конкретным позорным отступлением, сдачей позиций.

Дальше я слушал не очень внимательно, главное уже сказано. Речь шла о миролюбии наших намерений, попустительстве со стороны США, нападениях кубинских эмигрантов на Гавану, постоянной угрозе агрессии.

Вот снова, кажется, что-то важное. Я прислушался:

«Мы поставили туда средства обороны, которые Вы называете средствами наступления. Поставили их для того, чтобы не было совершено нападение против Кубы, чтобы не было допущено необдуманных акций.

Я с уважением и доверием отношусь к Вашему заявлению, изложенному в Вашем послании 27-го октября 1962 года, что не будет вторжения, причем не только со стороны Соединенных

Штатов, но и со стороны других стран Западного полушария, как сказано в том же Вашем послании. Тогда и мотивы, побудившие нас к оказанию помощи такого характера Кубе, отпадают».

Последние слова подчеркивали, что отец добился поставленной перед собой цели. Если американцы не обманут, то высадки на Кубе не будет никогда. Эта часть сообщения разумом воспринималась как победа, но обида в глубине души не проходила.

В те годы не один я мыслил прямолинейными понятиями победы или поражения, мы или они. Только сегодня по-настоящему можно оценить мужество и мудрость Джона Кеннеди и отца, вставших над расхожими понятиями своего времени.

Роберт Кеннеди вспоминал, как один из начальников штабов в то воскресенье, не отдавая себе отчета о последствиях, в сердцах предложил, несмотря на согласие Советского Союза вывести ракеты, все-таки осуществить вторжение. У него уже все приготовлено, и так хотелось проучить и русских, и кубинцев.

Дальше речь в послании пошла о необходимости уменьшения напряженности в наш перегруженный оружием и противоречиями век, о нарушениях нашего воздушного пространства У-2 на Сахалине и на Чукотке, об участии ООН в окончательном урегулировании конфликта.

Наконец звучит последняя фраза:

«…Советское правительство направило в Нью-Йорк первого заместителя министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецова для оказания содействия господину У Тану в его благородных усилиях, направленных к ликвидации сложившегося опасного положения. С уважением к Вам Н. Хрущев».

Закончив читать, диктор, казалось, с облегчением сделал вздох и уже иным тоном произнес:

— Мы передавали послание Председателя Совета министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева президенту Соединенных Штатов Америки Джону Кеннеди.

Заиграла официально-торжественная музыка. Недавние переживания в связи с необходимостью вывода ракет сменились облегчением. Только сейчас я стал по-настоящему осознавать, какое великое дело свершилось, практически в последний момент удалось избежать катастрофы.

О событиях, происходивших там, на гостевой даче, тихим осенним утром и сменившим его днем, я узнал на следующей неделе. Не сразу. Отец рассказывал то об одном эпизоде, то о другом.

Обед завершился быстро, по-деловому. Отец попросил убрать посуду, заседание продолжалось. Гонцы еще не добрались до мест

назначения, отец предупредил начальника охраны: «Когда начнут, включите радио».

После обеда на передний план выплыл вопрос о стрельбе кубинцев по американским воздушным разведчикам. Именно здесь, считал отец, могут возникнуть новые непредсказуемые неприятности. Кто знает, что произойдет в Соединенных Штатах, с их неуправляемой прессой, имеющей такое влияние на правительство, если собьют еще один самолет.

Он кратко рассказал коллегам о своих вчерашних наметках письма Фиделю Кастро. Теперь их оставалось развить, дополнить сообщением о принятом сегодня решении и, не мешкая, отправлять в Гавану. И так на Кубе обо всем узнают не от нашего посла, не из послания Председателя Совета министров, а нежданно, по радио.

На обстоятельное письмо ни сил, ни времени не оставалось, его отложили на потом, когда обстановка хоть немного разрядится.

Отец попросил помощника прочитать надиктованные им вчера заметки. Что ж, звучали они убедительно, по крайней мере для присутствующих. Добавили несколько фраз в начало: о послании Кеннеди, о том, что президент обязался не вторгаться на Кубу своими вооруженными силами и удержит от подобных действий своих союзников, призвали Кастро к выдержке. В завершение заверили в неизменной поддержке со стороны нашей страны, нашего народа. Следующие на очереди: указания Павлову, другими словами генералу армии Плиеву, и информация о принятых решениях Генеральному Секретарю ООН У Тану. Их написание отец тоже не передоверил никому другому. [98]

Теперь, кажется, все, а тут и время подошло. Осторожно постучав в дверь, вошел Литовченко и молча включил стоявший в углу радиоприемник минского производства.

Через несколько мгновений просторная комната как бы вся заполнилась знакомым голосом: «Внимание! Говорит Москва! Передаем важное сообщение».

Часы показывали 4 часа. Юрий Левитан, чеканя слова и фразы, читал послание Председателя Совета министров СССР президенту США. Отец вслушивался в звучащий из радиоприемника голос, как будто это не он продиктовал текст всего несколько часов тому назад. В некоторых местах он, как бы соглашаясь, кивал головой. Он проверял себя, хотел удостовериться, не ошибся ли. Нет, другого выхода в такой обстановке просто не существовало.

В комнате стояла тишина. Присутствующие, казалось, перестали даже дышать.

Наконец чтение закончилось. Отец встал со стула, зашевелились и все остальные.

— Ане пойти ли нам в театр? — вдруг предложил отец, — Покажем всему миру, что опасаться больше нечего.

Принесли газету. Трояновский прочитал программу вечерних спектаклей, особо выделив, что сегодня заключительный день гастролей болгарских артистов.

— Вот и хорошо, — непонятно чему обрадовался отец. — Пойдем на болгар.

На том и порешили. Время приближалось к шести, отец едва успевал заехать на дачу переодеть рубашку.

Литовченко позвонил, передал просьбу отца приготовиться, отец заберет нас в город, завезет в резиденцию, а сами они пойдут в театр. Всем Президиумом ЦК.

На следующий день в газетах появилось сообщение о посещении отцом и другими товарищами в Кремлевском театре спектакля «У подножия Витоши», которым завершались гастроли в Советском Союзе Софийского национального театра имени Ивана Вазова.

На Кубе в момент начала трансляции послания отца к Кеннеди было 8 часов утра.

На послание Кастро с предупреждением о грядущей высадке Алексеев в тот день и ночь так и не дождался ответа из Москвы. Заснул он под утро. Казалось, прошло всего несколько минут, когда его разбудил телефонный звонок. Президент Освальдо Дортикос просил, точнее, требовал разъяснений: московское радио передает, что Советский Союз согласился на вывод своих

ракет с Кубы. То, что звонил не сам Фидель, а Дортикос, уже само по себе говорило о многом. Посол не смог ничего ответить президенту. По его словам, он «почувствовал себя самым несчастным человеком на земле, представив к тому же и реакцию Фиделя».

Реакция действительно оказалась вулканической. Разъяренный Фидель уехал в войска: что бы ни думала и ни решала Москва, вооруженные силы Кубы способны и без посторонней помощи отразить агрессию. Четыре дня он уклонялся от встречи с советским послом. Алексеев просто не мог отыскать Фиделя Кастро, тот общался с ним исключительно через Освальдо Дортикоса. «Как с прокаженным…» — почему-то подумалось Алексееву.

Шифровка из Москвы пришла в посольство только в середине дня. Она ничего не разъясняла. По своей сути, только констатировала факт отправки письма Кеннеди. Основное место отводилось призывам, уговорам оставить в покое американские самолеты. Алексеев считал, что Кастро отвергнет призыв Москвы, сочтет подобное предложение оскорбительным.

Но он ошибался. В тот же день вечером ему доставили ответ Фиделя на послание отца. То, что ни Фидель, ни кто-либо еще из его близкого окружения даже не позвонил, не требовало разъяснений, но письмо выдерживалось в спокойных тонах.

Кастро писал: «Раньше нарушения воздушного пространства осуществлялись тайно, без юридических оснований. Вчера же правительство США попыталось юридически обосновать право на нарушение нашего воздушного пространства в любой час дня и ночи. Принять это мы не можем, так как это означало бы отказаться от наших суверенных прерогатив. Однако мы согласны избегать инцидентов именно сейчас, поскольку они могут нанести большой ущерб переговорам, и в связи с этим мы дадим кубинским батареям инструкцию не открывать огня, но только на время, пока ведутся переговоры, и без изменения нашего решения, опубликованного вчера в прессе, защищать наше воздушное пространство.

В то же время следует учитывать опасность того, что в существующей напряженной обстановке инциденты могут возникнуть случайно».

Кастро в принципе, с порога отверг любые разговоры о возможности проведения инспекции на территории Кубы. Здесь хозяин — кубинский народ, и он не позволит распоряжаться ни Вашингтону, ни Москве.

Что же касается главного, то письмо начиналось ссылкой на сделанное Фиделем в тот день обширное заявление. В противовес

советскому посланию президенту США Кастро выдвинул свои пять принципов урегулирования кризиса:

1. Прекращение экономической блокады и всех мер экономического давления, которые США проводят против Кубы в разных частях света;
2. Прекращение всех видов подрывной деятельности, в том числе заброски на остров шпионов и диверсантов с оружием;
3. Прекращение пиратских полетов над Кубой с военных баз США;
4. Прекращение нарушений воздушного и морского пространства республики кораблями и самолетами США;
5. Уход американцев с военной базы Гуантанамо и возвращение оккупированной ими территории Кубы.

Отец был бы рад пристегнуть эти, с его точки зрения справедливые, требования к повестке дня назначенных в ООН переговоров, но изменить что-либо после воскресного послания уже было не в его силах.

Президент Кеннеди решил не собирать Исполком в воскресное утро 28 октября. Он хотел дождаться новостей из Москвы. В зависимости от этого предстояло принять решения.

Ожидание прервал звонок Роберта. Он сообщил, что посол СССР Анатолий Добрынин запросил о безотлагательной встрече. И снова томительное ожидание.

Встреча Роберта Кеннеди и Анатолия Добрынина не заняла много времени, реакция Москвы не вызывала сомнений — гроза миновала. Роберт поблагодарил посла, заверив, что до получения текста письма они ничего предпринимать не намереваются. Сейчас же он срочно должен проинформировать президента. После краткого разговора старший брат остался в Белом доме дожидаться послания отца, а Роберт впервые за эти сумасшедшие тридцать дней повез своих малолетних дочерей в манеж, смотреть лошадей. Он им давно обещал. Еще час тому назад ему казалось, что такой возможности могло и не представиться.

Когда американцы начали записывать передаваемое по московскому радио послание Москвы Президенту Соединенных Штатов Америки, часы в Вашингтоне показывали 9 часов утра.

Как рассказал на московской встрече 1989 года Роберт Макнамара, его первым решением, еще до консультации с президентом, стала отмена утреннего разведывательного полета над Кубой. О приказе Кастро сбивать самолеты он, естественно, не знал, но его предусмотрительность уберегла всех от беды.

Дин Раек разыскал Роберта Кеннеди в манеже. Министр юстиции выслушал новость на редкость спокойно. Госсекретарь

не знал, что для его собеседника это сообщение вообще не было новостью. Отправив детей домой, Роберт Кеннеди вернулся к брату.

Я не могу сказать, о чем они говорили. Это, наверное, и не так важно, главное — мир выжил, начиналось выздоровление.

Самое подходящее слово, характеризующее настроение в Белом доме в воскресный день, — облегчение. Так же ощущали себя в те минуты и в Кремле. Точнее, в Ново-Огареве.

Джон Кеннеди решил пренебречь дипломатической процедурой, ответное письмо отцу ушло раньше, чем он получил официальный текст послания из Москвы. И тоже по радио. В обеих столицах, казалось, хотели поскорее подвести черту, избавиться от смертельного ужаса последних двух недель. Позволю себе привести полный текст ответа:

> Уважаемый господин Председатель!
>
> Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио, хотя не получил официального текста, так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения Кубинского кризиса.
>
> Я думаю, что Вы и я при той огромной ответственности, которую мы несем за поддержание мира, сознавали, что события приближались к такому положению — когда они могли выйти из-под контроля. Поэтому я приветствую Ваше послание и считаю его важным вкладом в дело обеспечения мира.
>
> Похвальные усилия и.о. генерального секретаря У Тана значительно облегчили Вашу и мою задачу. Я рассматриваю свое письмо Вам от 27 октября и Ваш сегодняшний ответ как твердые обязательства обоих наших правительств, которые следует быстро осуществить. Я надеюсь, что можно будет через Организацию Объединенных Наций немедленно принять необходимые меры, как говорится в Вашем послании, с тем чтобы Соединенные Штаты, в свою очередь, были в состоянии отменить осуществляемые сейчас меры карантина. Я уже отдал распоряжение о том, чтобы доложить о всех этих вопросах Организации американских государств, члены которой глубоко заинтересованы в подлинном мире в районе Карибского моря.
>
> В своем письме Вы упоминаете о нарушении Ваших

границ американским самолетом в районе Чукотского полуострова. Мне стало известно, что этот самолет, не имевший ни вооружения, ни аппаратуры для фотографирования, брал пробы воздуха в связи с Вашими ядерными испытаниями. Его курс пролегал прямо с военно-воздушной базы Эйлсон на Аляску. При повороте на юг летчик допустил серьезную навигационную ошибку, в результате которой он оказался над советской территорией. Он немедленно запросил по открытому радио срочную навигационную помощь, и его кратчайшим путем направили на его исходную базу. Я сожалею об этом инциденте и позабочусь о том, чтобы были приняты все меры предосторожности для предотвращения его повторения.

Господин Председатель! Перед обеими нашими странами стоят важные задачи, которые предстоит завершить, и я знаю, что как Ваш народ, так и народ Соединенных Штатов не желают ничего лучшего, как продолжать выполнение этих задач, не опасаясь войны. Современная наука и техника дали нам возможность сделать труд таким плодотворным, что всего лишь несколько десятилетий назад об этом нельзя было даже мечтать.

Я согласен с Вами, что мы должны срочно заняться проблемой разоружения в ее всемирном аспекте, а также критических районов. Может быть, теперь, когда мы отходим от опасности, мы сможем сообща добиться реального прогресса в этой жизненно важной области. Думаю, что нам следует предоставить приоритет вопросам, связанным с распространением ядерного оружия на Земле и в космическом пространстве, а также энергичным попыткам добиться запрещения ядерных испытаний. Но нам следует также приложить больше сил, чтобы попытаться выяснить возможность достижения договоренности о более широких мерах по разоружению и их быстрому осуществлению. Правительство Соединенных Штатов будет готово — в конструктивном духе — обсудить эти вопросы в Женеве или где-либо в другом месте.

Дж. Ф. Кеннеди.

Этим письмом завершился период гласности в переписке отца с президентом Соединенных Штатов Америки. Постепенно отношения возвращались в нормальное русло, письма опять

пошли по дипломатическим и не совсем дипломатическим каналам, шифрованные или упрятанные в чемоданы эмиссаров, путешествующих с паспортами, позволяющими избежать любопытных глаз при пересечении границ.

Ночью, после театра, мысли отца вновь возвратились к турецким ракетам. Если Кеннеди стремился откреститься от данного в запале кризиса обещания, то отец очень хотел получить на сей счет письменные гарантии. Нет, он не то чтобы не верил президенту. Наоборот, отец проникся к нему расположением, доверием в значительно большей степени, чем позволяли позиции наших стран, расположившихся по разные стороны линии фронта. Отец теперь сам стремился к тем «особым» отношениям между двумя лидерами, которые рассчитывал построить Кеннеди, отправляясь два года назад на встречу в Вене. К тому же обязательства Белого дома о выводе ракет очень пригодились бы для внешнего употребления, для того чтобы утереть нос тем, кто неизбежно начнет вопить об отступлении под нажимом империалистических сил.

Отец решил написать Кеннеди личное конфиденциальное письмо. В понедельник, в первый день после пика кризиса, посол Добрынин передал послание Роберту Кеннеди. Тот проглядел врученные ему бумаги, пожал плечами, воздерживаясь от комментариев. Послание резко отличалось от предыдущих, отец нажимал на взаимное доверие и, что уж совсем необычно, многократно возвращался к теме возникновения отныне особых отношений между ним и президентом США.

Из сообщений Добрынина, Большакова, Фомина и других, неизвестных нам источников отец сделал правильный вывод: в вопросе о турецких ракетах братья Кеннеди в конфиденциальных разговорах с ним пошли значительно дальше, чем позволяли себе обсуждать в Исполкоме в Белом доме. Теперь отец стремился закрепить возникшее доверие, развить успех.

Основное место в письме отводилось проблеме вывода ракет из Турции. У Добрынина сложилось впечатление, что отец перебарщивает, идет напролом, но он смолчал. Опасения посла вскоре оправдались. На следующий день у него состоялась новая встреча с Робертом Кеннеди. Тот вернул письмо. По словам Роберта, президент уже начал действовать, он выполнит свои обещания, но об официальных соглашениях лучше не заводить разговора. Это только осложнит дело.

Отец не обиделся. Он все понял: президент Кеннеди не хочет оставлять в истории следов, боится, что его могут обвинить в потворствовании коммунистам. С этим ничего не поделаешь. Возврат письма — тактический шаг, главное, они, президент и

отец, понимают устремления друг друга, могут доверять друг другу. Появились первые реальные ростки доверия. Но впереди еще лежал нелегкий и тернистый путь.

Белый дом сдержал слово, 29 октября Макнамара отдал распоряжение о ликвидации турецких баз к 1 апреля 1963 года.

Основным источником беспокойства отца теперь становилась сама Куба. Парадокс: все затевалось, чтобы защитить кубинцев от американской агрессии, и вот, когда кризис начал разрешаться, и дело сдвинулось, Кастро смертельно обиделся. На что? На то, что ему не удалось сразиться с американцами. Он настроился погибнуть героем, и такой финал… Теперь в Москве ломали голову, как уладить отношения со строптивцем.

Алексеев стремился лично переговорить с Кастро, убедить его в правоте Москвы. К каким только ухищрениям в эти послекризисные дни не прибегал посол. Он по многу раз в день названивал Освальдо Дортикосу, приезжал без предупреждения, надеясь застать у него Кастро. Но все тщетно.

Донесения Алексеева из Гаваны становились все нервознее. Казалось, от былой дружбы Фиделя с советским послом не осталось и следа. Отец чувствовал себя уязвленным до глубины души.

Особой заботой отца стало наметившееся сближение Кубы с Китаем. После объявления о выводе ракет «революционность» Кастро, его экстремизм усиленно подогревали из Пекина.

Фидель не желал воспринимать аргументов отца. Вывод ракет он оценивал однозначно: отступление, малодушие, капитуляция. Китайцы проклинали отца за сдачу позиций «бумажному тигру», пресса в США шумно праздновала победу над «красными». На этом фоне аргументы отца казались Фиделю неубедительными.

Мы несли немалый моральный ущерб. Наши акции на Кубе не только не поднялись, но резко упали. Кастро считал отца предателем.

В Москве во весь рост кубинская проблема встала в понедельник 29-го. Алексеев в своем донесении в красках описывал бурную реакцию Фиделя, сетовал на изоляцию, в которой он оказался. Требовалось что-то срочно предпринять. Отец предложил послать на Кубу Микояна, он уже побывал там, наладил неплохие отношения с Кастро. Главное, отец считал, что «нет для такого случая у нас лучшего дипломата, чем Микоян».

Члены Президиума ЦК поддержали отца, окончательное решение оставалось за самим Анастасом Ивановичем. В те дни ему было совсем не до Кубы. Его жена, Ашхен Лазаревна

Туманян, с которой они прожили более сорока лет, воспитали пятерых сыновей, лежала при смерти в кремлевской больнице. Врачи признали положение безнадежным, печальный исход мог наступить в ближайшие дни.

Анастас Иванович колебался. Не только понятные человеческие чувства, привязанность, но и чисто армянский культ семьи требовали в этот скорбный момент его присутствия дома. С другой стороны, для революционера, а он оставался им всю свою жизнь, не существовало ничего выше дела, служения партии, народу, отечеству. Сегодня ради этого требовалось лететь на Кубу.

В зале заседаний Президиума ЦК в Кремле повисла тишина. Микоян молчал. Затянувшаяся пауза давила, собравшиеся сидели, уткнувшись в лежащие перед ними бумаги.

Первым не выдержал отец. Он подтолкнул Микояна, сказав, что Ашхен Лазаревне уже не поможешь, а на Кубе без него придется очень тяжко.

Повидавший за свою долгую жизнь немало смертей родных и близких, друзей и просто хороших людей, отец относился к этапу завершения земного бытия без сентиментальностей, как к естественному и неизбежному. Жизнь есть жизнь, и смерть — ее атрибут, тут нет трагедии, одно вытекает из другого. В те годы я никак не мог согласиться с ним, мне смерть представлялась гигантской катастрофой, сравнимой разве что с гибелью мира. Эту тему мы с отцом никогда не обсуждали. Только в последние годы жизни отец порой заговаривал о неизбежной кончине. Я с суеверным отчаянием уговаривал его и не думать о подобном, мне казалось, что разговор о смерти может накликать беду. Отец усмехался, не спорил, без сопротивления позволял мне сменить тему. Не изменился он и в свои последние дни. Уходя из жизни, отец оставался спокоен, думал об остающихся тут, на земле, не цеплялся за лекарства, не стремился во что бы то ни стало продлить свои дни.

— Анастас, — продолжал отец, — в случае худшего исхода мы обо всем позаботимся. Можешь не беспокоиться.

Отлет назначили на следующий день, 31 октября. Путь пролегал через Нью-Йорк. Там Микоян должен был встретиться с представителями США при ООН Эдлаем Стивенсон и Джоном Макклоем. Им президент Кеннеди поручил ведение переговоров, связанных с выработкой процедуры демонтажа и вывоза ракет. Пока они имели дело с Кузнецовым, но его веса явно недоставало.

С собой Микоян взял младшего сына Серго, историка по профессии. Сын помогал ему с бумагами, исполнял при отце роль

секретаря. От Серго мне и стали известны некоторые перипетии этого непростого путешествия.

Накануне отъезда Микояна отец послал Кастро большое письмо, первое после памятного воскресенья. В нем он попытался убедить своего далекого и несговорчивого собеседника в правильности сделанного выбора, в его благотворности для всего мира и для Кубы.

Письмо опубликовано, я приведу из него небольшие цитаты.

«Мы считали, — писал отец, — что надо использовать все возможности, чтобы отстоять Кубу, закрепить независимость, суверенитет Кубы, сорвать военную агрессию и исключить мировую термоядерную войну на данном этапе.

И мы этого достигли.

Здесь мы, конечно, пошли на уступки, на компромисс, действовали по принципу уступка за уступку. США тоже сделали уступку, дали перед всем миром обязательство не нападать на Кубу.

…У Вас и после демонтажа ракетных установок будет могучее оружие для отражения врага как на земле, в воздухе, так и на море, на подступах к острову».

Как бы почувствовав, что Кастро не убедят его аргументы, отец на следующий день пишет уже не письмо, а многостраничное послание, где разбирает, анализирует подходы, позиции сторон, истоки решений, делает заключения и рекомендации.

«…Цель… заключалась в том, чтобы революционная Куба имела на своей территории средства, которые удерживали бы агрессора от вторжения… и этого мы добились, — повторял отец. — Наши ракеты, которые были расположены на Кубе, конечно, играли бы роль в общей стратегии. Но только подсобную роль, потому что такое количество ракет, которое мы поставили на Кубу, не имело решающего значения, да и не могло иметь такого значения. Нельзя главные силы располагать под боком у противника, и к тому же в таких географических условиях, которые делают трудным сохранение в тайне мест расположения самых современных видов оружия, а следовательно, и вообще использование этого оружия…»

Отца беспокоило и то, что на Кубе под ружьем находится практически все взрослое население: «Враг сейчас поставил задачу, — и уже прямо говорит о ней, — удушить голодом Кубу и сделать так, чтобы помощь Кубе истощала Советский Союз. Вот их задача. Поэтому важно, видимо, чтобы люди не сейчас, а через какое-то время, не затягивая, приступили к работе на фабриках и заводах, на плантациях. Ведь людей надо кормить.

…И советский народ напрягает сейчас все силы, чтобы поднять экономический потенциал, сделать его выше всех капиталистических стран, обеспечить самый высокий жизненный уровень в мире. Это и будет наглядным доказательством правоты учения марксизма — ленинизма. Другого мерила нет».[99]

И так строчка за строчкой, страница за страницей. Но Кастро письма не убеждали. К тому же американцы не давали кубинцам внять призывам отца к спокойствию: над островом по несколько раз в день на бреющем полете пролетали их самолеты. По ним не стреляли, и воздушные разведчики вели себя все развязнее. Кастро едва сдерживался, но команды открывать огонь не давал.

Американские военные вели себя все агрессивнее, я бы сказал, нахальнее не только по отношению к кубинцам.

Буквально через день после умиротворяющего обмена письмами, в воскресенье, командование Атлантическим флотом США решило разделаться с советскими подводными лодками, который день не дававшими ему покоя. Благо президент перестал следить за каждым шагом адмиралов.

Начиная с 30 октября эсминцы США не отставали от наших лодок ни на шаг. Они стремились заставить подводные лодки всплыть в их присутствии, продемонстрировав как бы свое поражение. С эсминцев методично сбрасывали маленькие глубинные бомбочки. Взрываясь, они не причиняли вреда кораблю, но нестерпимо били по ушам подводников. И так час за часом, сутки, двое. Дизельные лодки, а такие в то время превалировали на флоте, конечно, не могли выиграть состязания, рано или поздно нужно было всплывать или дать бой… На поверхности они появлялись под улюлюканье столпившихся на палубе преследователя матросов. Один из участников событий тех дней, сам попавший в такую передрягу, рассказывал мне, как, при виде беснующихся на эсминце янки, ему нестерпимо захотелось всадить им торпеду под ватерлинию. Ту, заветную, атомную. Возненавидел он американцев на всю жизнь. Но разрешавший использовать оружие приказ адмирала Рассохи отменили одновременно с указанием кораблям, груженным оружием, повернуть назад. Теперь действовала новая, не менее строгая директива Москвы: на провокации не поддаваться. И не поддавались… Сжав зубы.

Обо всем это ни отец, ни Кеннеди не знали. «Всегда найдется сукин сын…» — лучше не скажешь.

Самолеты, подводные лодки — это еще полбеды. Но американцы рвались на остров, требовали, чтобы их допустили на Кубу. Как победителей! Переговоры грозили забуксовать, не

начавшись. Камнем преткновения стала инспекция, проверка на месте выполнения нами принятых на себя обязательств. С самого начала отец подчеркивал, что доступ представителей иностранных государств на территорию Кубы возможен по согласованию с ее правительством.

Американцы отказывались вести диалог с Фиделем Кастро. Они его демонстративно игнорировали. Кастро, в свою очередь, категорически отказывался допустить чужих инспекторов на свою территорию. «Мы не нарушили никакого права, не совершили никакой агрессии против кого бы то ни было. Поэтому инспекция является еще одной попыткой унизить нашу страну. Мы ее не принимаем», — так кубинский лидер объяснил свою позицию в выступлении по гаванскому телевидению.

Не шел он на передачу функций контроля и представителям ООН. С таким трудом достигнутое соглашение грозило рассыпаться прахом.

Нелегкую миссию переговоров с Кастро взял на себя У Тан. Он приземлился в гаванском аэропорту в день прибытия Микояна в Нью-Йорк. С советскими представителями все проблемы уладились без волокиты. Правда, и тут не обошлось без курьезов. В Министерстве обороны решили соблюсти тайну, почему-то не показывать У Тану Плиева. Вместо него задействовали Стеценко, тоже генерала. Он командовал на Кубе дивизией баллистических ракет. Стеценко заверил Генерального секретаря, что все 42 баллистические ракеты среднего радиуса действия (столько насчитала американская воздушная разведка) в ближайшие несколько дней будут демонтированы и отправлены в морские порты для погрузки на советские суда.

А вот кубинцы уперлись. У Тан понял, что его инспекторов на остров не допустят ни под каким видом. Приходилось искать обходные пути.

По словам отца, в Москве полгода спустя Кастро признался ему, что погорячился, теперь он соглашался, что присутствие ооновских чиновников не унизило бы национального достоинства Кубы. Но это теперь. А тогда в ответ на все увещевания следовало твердое: «Нет!»

Договариваться требовалось не мешкая. Правда, война уже не стояла у порога, но растянувшиеся цепочки американских кораблей блокадного и противолодочного дозора с места не сдвинулись. Восточное побережье США было по-прежнему забито войсками десанта. В Советском Союзе, так же как и в США, на стартовых позициях дымились окутанные кислородными облаками готовые к пуску королёвские Р-7, янгелевские Р-16, Р-14 и Р-12 ожидали команды «на заправку и старт».

Нью-Йорк встретил Микояна неприветливо. Так принимают представителя враждебной державы. Переговоры с первого часа пошли непросто. Американцы вели себя все настырнее, в их требованиях все явственнее звучал металл бескомпромиссности.

До консультации с Кастро, согласования точек зрения и подходов что-либо решать и даже предлагать Микоян считал преждевременным. Анастас Иванович преследовал цель выяснить точку зрения оппонента, напитаться информацией. Американцы же настойчиво требовали почти ультимативно согласия на свои день ото дня ужесточающиеся претензии.

Переговоры Микояна в Нью-Йорке, естественно, шли вокруг того, как удостовериться, что все советские ракеты отправлены домой, а старты разрушены. Ответ на этот вопрос Анастасу Ивановичу предстояло искать на Кубе.

В день его отъезда на остров Стивенсон и Макклой приехали в гостиницу попрощаться. Встретились внизу в холле.

Когда казалось, что все обговорено, хозяева вдруг выступили с новыми требованиями. Макклой зачитал целый список подлежащего к выводу с Кубы «наступательного оружия». В него входили бомбардировщики Ил-28, ракетные катера, ракеты «воздух — земля», «корабль — земля», «земля — земля», а также механическое и электронное оборудование, обеспечивающее их применение, авиационные бомбы.

В тот день нам приходилось расплачиваться за нежелание называть вещи своими именами. Ведь в своих письмах отец ни разу не назвал ракеты ракетами, а только оружием, которое противная сторона считает наступательным. Теперь терминологические увертки оборачивались против нас, американцы заявляли, что и это вооружение они всегда классифицировали как наступательное… А уж что вы, то есть мы, имели в виду, то это ваше дело: советское правительство согласилось вывести с Кубы наступательное оружие.

Когда и почему в высших эшелонах власти в США стали менять позицию, сейчас сказать трудно. Мне кажется, почувствовав слабину, просто решили урвать побольше. Прощупывание началось даже несколько раньше. Накануне, во время переговоров, Макклой первый раз закинул удочку, завел речь о выводе с Кубы зенитных ракетных комплексов. Микоян удивился: «Какое же это наступательное оружие?» Ответа на его вопрос не нашли, и вопрос о «семьдесят пятых» больше не поднимался.

Откуда вообще возник этот перечень? О бомбардировщиках Ил-28 упоминалось еще в выступлении президента в «черный» понедельник, и Роберт Кеннеди в своей книге приводит

разговоры о них в Исполкоме. Об остальном до приезда Микояна не произносилось ни слова.

В январе 1991 года я спросил Раймонда Гартоффа, человека, в те годы причастного к составлению перечня, чем они руководствовались? Ответ оказался на редкость незамысловатым: в документ включили все известные виды вооружения, которые можно формально отнести к наступательным. Именно поэтому устаревшие бомбардировщики, а не новейшие МиГи-21 стали предметом торга.

По моим догадкам, составили список в последнюю ночь, вот и пришлось совать его Микояну в холле гостиницы. Анастас Иванович наотрез отказался обсуждать новорожденную идею, сказав, что он уполномочен обсуждать отраженные в документах предложения, там же речь шла только о баллистических ракетах.

Сухо попрощавшись с Макклоем и Стивенсоном, Микоян отправился на аэродром. Но события только набирали обороты. Американцы спешили хоть как-то легализовать свои требования. В здании аэропорта Анастаса Ивановича отыскал запыхавшийся представитель Государственного департамента и попытался вручить ему пакет с неким посланием, видимо содержащим только что отвергнутые претензии. Микоян поразился: вручать серьезные документы вот так, на ходу, в последний момент… Это противоречит дипломатическим нормам. Протянутый ему пакет он отстранил рукой и, не оборачиваясь, направился к трапу самолета.

В тот же день послание вручили Кузнецову. Вокруг Ил-28 и катеров развернулись не меньшие дебаты, чем вокруг инспекции.

В своих воспоминаниях Алексеев пишет, что, возражая против допуска американцев в места демонтажа ракет, Фидель говорил о «неизбежности возникновения все новых требований об уступках и уже в первых беседах предсказал, с чем выступят американцы: 1. Вывод бомбардировщиков Ил-28, хотя эти устаревшие самолеты не угрожают безопасности США; 2. Вывод быстроходных торпедных[100] катеров типа «Комар»; 3. Вывод нашего воинского контингента; 4. Включение в состав кубинского правительства изгнанных революцией и окопавшихся в Майами буржуазных политиков.

Нам казалось, что Фидель слишком преувеличивает опасность».

Известие о новых претензиях Вашингтона пришло в Москву на следующий день. Доложили отцу. На него поползновения американцев не произвели особого впечатления. Он ощущал себя

обманутым, но не особенно пострадавшим. Как человек, у которого потребовали бумажник, но без денег. Деньги пришлось отдать раньше.

Позиция отца звучала незамысловато: главным средством защиты Кубы от высадки десанта служили ракеты. Мы достигли договоренности и теперь убираем их. Основной гарантией от агрессии становится слово президента Кеннеди.

Ил-28 и катера в операции играли вспомогательную роль. Все, что они могли, — задержать высадку. Затем их и привезли. Раз высадки десанта не будет, то останутся они или нет, существенной роли не играет. Он не считал устаревшие самолеты и катера наступательным оружием, тем более способным угрожать США.

Тем не менее спор возник немалый. В переписке между Москвой и Вашингтоном вновь возникли угрожающие нотки. Американцы даже намекали на возможность атаки аэродромов, где собирали Ил-28. Отец попал между двух огней: ему очень не хотелось еще больше обижать Кастро, а с другой стороны, ради устаревших бомбардировщиков не стоило дразнить американцев, расшатывать восстанавливающиеся контакты, доверие.

Президент Кеннеди усиливал давление. Отец не считал, что он действительно готов реализовать свои угрозы, нарушить слово и напасть на Кубу. Нет. Отец сохранял спокойствие, но снова именно ему требовалось искать выход.

Я спросил того же Раймонда Гартоффа, почему разгорелся такой сыр-бор вокруг Ил-28? С военной точки зрения самолеты не представляли реальной силы.

Мой собеседник согласился, угрозу бомбардировки никто в Пентагоне всерьез не рассматривал. Ими двигали соображения престижа, кроме того, они опасались, что Кастро воспользуется реактивными бомбардировщиками как инструментом расширения своего влияния в Латинской Америке, экспорта революции. Они хорошо изучили характер своих соседей, логику их поступков. Они знали, что можно ожидать от Кастро так же, как Кастро легко прогнозировал их собственное поведение.

Отец попытался поторговаться, предложил обмен бомбардировщиков на вывод американских войск из Гуантанамо. По его мнению, стратегическое значение этой военно-морской базы в современных условиях стало не большим, чем Ил-28. Трудно сказать, насколько всерьез он рассчитывал добиться успеха. Когда я его спросил об этом, он только усмехнулся: «Конечно, база американцам не нужна, но она очень удобна для давления на кубинцев». Где-то в глубине души отец, возможно, рассчитывал на новые отношения с Кеннеди, но просчитался.

Главной его целью при постановке вопроса о Гуантанамо являлась демонстративная поддержка пяти пунктов Кастро. Даже если ничего не получится…

Белый дом не собирался идти на уступки. Гуантанамо действительно потеряла свою роль, но не в глазах общественности, которая расценила бы ее эвакуацию как серьезную уступку президента. Отцу пришлось отказаться от своей идеи. Переговоры тянулись весь ноябрь.

В результате многодневной нервотрепки вопрос о ракетных катерах отпал.

После шока, вызванного известием о выводе ракет, Фидель впервые встретился с советским послом 1 ноября. На следующий день предстоял прилет Микояна. В тот же день Кастро в телевизионном выступлении публично выразил благодарность нашей стране за поддержку в тяжелый час. «Нужно особенно напомнить о том, что во все трудные моменты, — говорил Фидель, — когда мы встречались с американской агрессией… мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему и об этом должны всегда говорить во весь голос.

Советские люди, которых мы видим здесь… сделали для нас очень много. Кроме того, советские военные специалисты, которые были готовы умереть вместе с нами, очень много сделали в обучении и подготовке наших вооруженных сил».

Выдержки из выступления Кастро опубликовали в советских газетах. Отец расценил его как добрый знак: кубинский лидер начал осознавать, кто его истинные друзья, рисковавшие из-за народа, населяющего далекий остров, не только своим благополучием, но и жизнями.

Тем не менее 2 ноября Микояна в Гаване ожидал более чем прохладный прием. Выдерживался обусловленный протоколом ритуал встречи, говорились правильные и хорошие слова, но между хозяевами и гостем как бы выросла холодная прозрачная стена. Микоян расстроился. Во имя неприкосновенности Кубы мы пошли на конфликт с США, в результате мир оказался на грани ядерного уничтожения. Теперь нам демонстрируют свою неприязнь с обеих сторон: и американцы, и Фидель.

На первой встрече, состоявшейся в особняке кубинского правительства, где поселили Анастаса Ивановича, ощущение дискомфорта только усилилось. Казалось, Фидель Кастро с трудом сдерживает себя, чтобы не наговорить резкостей. Микоян как-то сник.

Вечером Анастас Иванович пригласил к себе Плиева и других генералов. Начался демонтаж стартовых позиций, предстояла

эвакуация, и, хотя всем этим руководили из Москвы из Министерства обороны, Микоян хотел узнать подробности. Иначе как вести переговоры?

Следующий день начался столь же хмуро. На квартире Фиделя собрались к 9 утра. Состав более чем узкий: с советской стороны, кроме Микояна, переводчик и Алексеев. Фидель вообще появился в одиночестве. Так, он считал, легче высказаться начистоту. Микоян понимал, как складывается обстановка, и приготовился, отстаивая точку зрения Москвы, не дать кораблю напороться на рифы.

Разговор пошел туго. Потом Кастро разговорился, но легче от этого не стало. «Кубинский народ не понимает, как можно совершать сделки, решать судьбу нации за ее спиной, даже не посоветовавшись с ним», — твердил Фидель.

Анастас Иванович повторял изложенные в письме доводы: на консультации времени не оставалось, и, главное, цель достигнута. Куба спасена. Но Кастро его не слушал, и не хотел слушать: с Кубой не посчитались, никто не имеет права распоряжаться ее судьбой! Кастро просто разъярился. Микоян стоял на своем. Он не позволял вывести себя из равновесия, монотонно повторял свои доводы.

Настаивая на командировании Анастаса Ивановича, отец на заседании Президиума ЦК подчеркивал именно это его достоинство — способность противопоставить буре эмоций свое непробиваемое спокойствие. Но чего это стоило Микояну, человеку остро переживающему, да еще с южным темпераментом. И все-таки верх брала сила воли, выдержка.

Разговор продолжался более часа, когда Алексеева позвали к телефону. Звонили из посольства. Шифровальщик принял телеграмму отца, адресованную Микояну. В ней сообщалось о смерти Ашхен Лазаревны.[101]

О факте получения срочного послания посол на ухо сказал Микояну. О содержании он умолчал.

Анастас Иванович обо всем догадался, этой горькой вести он ждал и вчера, и позавчера, и в день отлета из Москвы… Он попросил посла съездить в посольство, привезти телеграмму. Здание посольства было неподалеку, на машине можно обернуться за пять минут. Алексееву не хотелось в такой момент оставлять Микояна один на один с Кастро. Но и не ехать невозможно. Никому другому он не решался довериться.

Из соседней комнаты через секретаря Фиделя Кастро Алексеев передал ему записку, где, сообщив о случившемся несчастье, просил сделать перерыв в деловой беседе.

Через полчаса посол вручил телеграмму Микояну. Отец

посылал свои соболезнования, а принятие решения о возвращении в Москву на похороны оставлял на усмотрение Анастаса Ивановича. Переговоры прервались. Запал у Фиделя прошел. Гости, извинившись, уехали. В особняке Анастас Иванович попросил оставить его одного…

Неопределенность продолжалась около часа. Дверь в комнату Микояна оставалась плотно закрытой. Алексеев с переводчиками и немногочисленными сопровождающими лицами вполголоса переговаривались в зале. Наконец появился Микоян. Лицо у него посерело, осунулось. Его и без того некрупная фигура как бы еще больше усохла.

— Я остаюсь, — хрипловато проговорил Анастас Иванович, — там я уже ничем не смогу помочь, а здесь…

Он на минуту замолчал.

— Серго полетит в Москву. Отправьте его ближайшим самолетом, — попросил он посла и повторил: — Здесь я нужнее.

О смерти Ашхен Лазаревны сообщили в газете «Правда». Отец поручил помощнику проследить за подготовкой печальной церемонии, хотя в этом не было особой необходимости. В хозяйственном управлении Совета министров знали, что надо делать.

Ни в зал прощания, ни на кладбище сам отец не поехал. Он не переносил похоронный ритуал. Микоян ни словом, ни намеком не упрекнул своего друга, но не простил ему этого до конца своих дней.

Переговоры на Кубе возобновились на следующий день. Случившееся несчастье, жертвенное решение Микояна остаться смягчили напряженность, заготовленные Фиделем упреки так и остались невысказанными.

Тем не менее договоренность достигалась с огромным трудом. Американские представители проявляли жесткость, вызывавшую острую реакцию кубинцев. Все усугублялось тем, что о прямых переговорах не было и речи, все предложения, аргументы и, в конце концов, пункты соглашения путешествовали по сложному маршруту: из Нью-Йорка, где Кузнецов состоял в контакте с Макклоем и Стивенсоном, в Москву, оттуда в Гавану к Микояну для обсуждения с Фиделем и таким же кружным путем назад.

В Москве о каждом шаге обязательно докладывали отцу. Куба отнимала у отца массу времени, требовала к себе неослабного внимания, но постепенно ее проблемы теснили новые, не менее важные вопросы.

В ноябре на первое место выходила подготовка к пленуму ЦК.

Отец возлагал на него особые надежды. Намечалось изменить структуру партийного руководства, разделить обкомы по производственному принципу: на промышленные и сельскохозяйственные. По мысли отца, нововведение обещало сделать руководство народным хозяйством более квалифицированным. В Москве предполагалось учредить специальные бюро ЦК КПСС, координирующие действия народнохозяйственных комплексов, в первую очередь промышленность и сельское хозяйство.

Теперь задумка превращалась в реальность.

К 10 ноября напряженность вокруг Кубы существенно спала. Последним камнем преткновения оставалась инспекция. Проблема все больше из технической превращалась в чисто политическую. Ведь любое изменение на уже бывших ракетных позициях скрупулезно фиксировали У-2. Их полетам над Кубой никто не препятствовал. Они отснимали пленки милю за милей. Фотоснимки свидетельствовали, что демонтаж стартов идет полным ходом: что разбирают, что режут сваркой, а бетонные фундаменты просто взрывают. Таить мы ничего не собирались. Отец строго приказал: никаких хитростей, уходим навсегда.

Наконец, сразу после ноябрьских праздников, Министерство обороны США официально объявило, что «все находившиеся на Кубе баллистические ракеты средней и промежуточной дальности действия, о которых было известно, демонтированы».

На окончательную эвакуацию ракет понадобилось всего четыре дня и восемь судов. Операция началась 5 ноября. Первым загрузился «Дивногорск», за ним «Братск», «Иван Ползунов», «Лабинск», «Михаил Аносов» и «Волголес». А замыкали «Игорь Курчатов» и «Ленинский Комсомол», отплывшие из порта Касильда 9-го.

Американцам оставалось убедиться, что все ракеты покинули остров. У-2 здесь оказывались бессильными.

Кубинцы продолжали упорствовать. Они так и не допустили на свою территорию не только американцев, но и кого бы то ни было еще, даже под эгидой ООН, даже в порты, на борт советских судов. Кастро твердо изложил Микояну свою позицию: «Вы можете соглашаться с США, идти им на уступки, вам, великой державе, легче. Мы страна маленькая и не позволим унижать себя, тем более что с нашей стороны никакие международные нормы не нарушались».

В конце концов договорились с американцами пересчитать ракеты во время их транспортировки на судах. И здесь Фидель остался непреклонен: «Делайте что угодно, но за пределами

территориальных вод Кубы. В наших границах — никаких инспекций». Решили организовать встречи транспортов с досматривающими американскими боевыми кораблями в открытом океане. На борт наших судов, суверенную территорию Советского Союза, отец допускать чужих контролеров отказался. Снова нашли компромисс.

Ракеты закрепили на палубе открыто. Американцы, подойдя борт к борту, могли их рассматривать, фотографировать, только руками не трогать. 11 ноября заместитель министра обороны Росуэлл Гилпатрик заявил, что они таким образом насчитали 42 ракеты, столько, сколько, по предположениям ЦРУ, находилось на Кубе. Но тень сомнения осталась: Соединенные Штаты не могут без проведения инспекции на месте «быть уверены, что 42 — это число всех ракет, завезенных на Кубу». Опять инспекция. Американцы напрасно сомневались, ракет действительно было 42. Шесть из них — учебные, они вообще не могли взлететь.

Стратегические ядерные боеголовки возвращались так же, как и прибыли: без шума, без инспекций. Американская разведка так и не выведала, находились ли они на острове.

Тактическое ядерное оружие пока оставили на Кубе, с одной стороны, не хотели привлекать к нему дополнительное внимание, с другой — так, на всякий случай.

Вслед за ракетами потянулись домой суда с наземным оборудованием. Солдаты на корабли грузились налегке. Все, с чем они прибыли на Кубу: танки, орудия, бронетранспортеры, не говоря уже об автоматах и пулеметах и даже сшитых в нашей стране десятках тысяч комплектов кубинской военной формы, в которую в целях конспирации облачались наши военнослужащие, оставалось на острове.

Однако на Кубе осталась не только амуниция. Одной из советских моторизованных бригад предстояло на долгие годы задержаться на острове. В случае высадки вражеских сил ей вменялось, «показав флаг», в первые же часы вступить в бой. Конечно, три тысячи человек, даже хорошо обученных и отлично вооруженных, погоды не делали, но одно присутствие советского регулярного воинского формирования сразу превращало семейное выяснение внутриамериканских отношений, к чему в мире давно привыкли, в конфликт мирового значения.

В Белом доме не возражали, но, как и в случае с турецкими ракетами, категорически отказались от любых публичных заявлений, даже самых осторожных. Просто закрыли глаза. Американской разведке предписали не замечать чего не следует…

После вывода ракет свет клином снова сошелся на Ил-28.

Кеннеди давил, настаивал, угрожал. Горячие головы в Исполкоме вновь предлагали атаковать аэродромы. А уж печать, та просто неистовствовала.

Корабли Атлантического флота США, выстроившись в цепь, продолжали держать блокаду. Американские самолеты все так же утюжили остров на малой высоте. По несколько раз в день. Под аккомпанемент рева моторов Кастро становился все упорнее, о выводе Ил-28 не хотел даже слышать. И вообще отношения натягивались все больше. Даже Анастас Иванович сдерживался с трудом. Однако внешне он сохранял невозмутимость и приветливость.

Тем не менее дело чуть не дошло до настоящего разрыва. В самый разгар спора об Ил-28 Кастро как бы мельком проинформировал своих собеседников, что завтра встреча не состоится, он уезжает на несколько дней по неотложным делам: надо посетить сельскохозяйственные районы. Фидель посоветовал и гостям посетить животноводческие хозяйства. Его слова звучали неприкрытым издевательством. Микоян пытался возразить, но тщетно. На следующий день Анастас Иванович, сжав зубы, поехал осматривать молочное стадо. Еще через день в канцелярии премьер-министра вежливо ответили, что Кастро пока не возвращался. Не вернулся он и на третий день.

Микоян нервничал. О том, чтобы вспылить, прервать переговоры, он не думал, привык доводить начатое дело до конца. Но как? Собеседник исчез.

И четвертый день прошел в вынужденном безделье. Тогда Анастас Иванович решился на крайнюю меру. Вечером он гостил у своего старого знакомого, руководителя аграрной реформы Хименеса. Поговорили об урожае, о животноводстве. На прощание Анастас Иванович сказал, что скоро, может быть через пару дней, уезжает. Миссия его, по всей видимости, заканчивается. Хозяин удивился и забеспокоился. Он слышал, что переговоры еще далеки от завершения.

Анастас Иванович посетовал, что вот уже который день ему не удается встретиться с Кастро. Этому существует единственное объяснение: он не тот человек, с которым кубинское руководство считает возможным вести переговоры. Жаль, но ничего не поделаешь. Вот он и надумал возвращаться в Москву, а на его место пришлют другого, более подходящего.

На следующий день «неожиданно» появился Кастро. Он, оказывается, уже закончил инспекцию сельского хозяйства. Начавшийся с обсуждения урожайности бобов и молочности коров разговор затем быстро переметнулся на главную тему.

Кастро огорошил Микояна, сказав, что он послал У Тану

письмо по вопросу инспекции. Вернее, о том, что об инспекции на территории Кубы не следует и мечтать. Бесполезно. Микоян слушал, ничего нового. Все это уже давно навязло в зубах. Он только посетовал, что не показали ему послание перед отправкой, лучше, если обе страны станут действовать согласованно.

Кастро отпарировал: ничего нового он не предложил, правда, предупредил ООН и США, что его мораторий на действия ПВО против американской авиации прекращается. Отныне любой нарушитель воздушного пространства Кубы понесет заслуженное наказание. В боевую готовность приведена зенитная артиллерия, истребители барражируют на малой высоте на излюбленных трассах американских разведчиков.

Микоян чуть не подпрыгнул: «Это вызовет новый виток эскалации напряженности». Кастро отреагировал кратко: «Куба не позволит нарушать свой суверенитет. Хватит. Надоело».

Приказ вступал в силу cil часов утра 18 ноября. Об этом объявило радио Гаваны.

Кеннеди проявил благоразумие. Низколетящие разведчики над Кубой больше не появлялись, теперь вся тяжесть легла на крылья У-2.

16 ноября Президиум ЦК обсуждал сложившуюся ситуацию, искал выход из нового кубинского тупика. «Позиция Кастро неразумна и криклива, — с раздражением говорил отец. — Это нам наука. Мы сейчас подошли к развязке: или они будут сотрудничать, или мы уводим своих людей с Кубы» (последнюю остававшуюся там бригаду).

В таком духе составили новые директивы Микояну для переговоров с Кастро. Одновременно дали указание советскому послу в Вашингтоне устно, чтобы пока не оставлять следов, сообщить американцам о согласии на вывод Ил-28.

То ли угроза возымела действие, то ли Микояну удалось убедить Фиделя согласиться на возвращение Ил-28 в Советский Союз, но 19 ноября Кастро сообщил У Тану: он не возражает, СССР может забрать свои Ил-28, если пожелает. Но тут же вновь предупредил: никакой инспекции и никаких полетов над территорией Кубы он не потерпит.

Последние препятствия снялись, и 20 ноября 1962 года президент США Джон Кеннеди объявил о прекращении блокады: «Председатель Совета министров Хрущев сообщил мне сегодня, что все бомбардировщики Ил-28, находящиеся на Кубе, будут вывезены оттуда в тридцатидневный срок. Он так же выразил согласие на то, чтобы отгрузка этих самолетов происходила под нашим наблюдением и чтобы численность их проверялась. Принимая во внимание, что эта мера сильно способствует

ослаблению опасности, угрожавшей нашему континенту четыре недели назад, я сегодня проинструктировал министра обороны снять установленный нами морской карантин.

…Данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, указывают на то, что демонтаж всех ракетных сооружений, о существовании которых нам известно, закончен. Ракеты и дополнительное оборудование погружены на советские корабли. Инспекция этих отплывающих кораблей, произведенная нами в море, подтвердила, что все ракеты, число которых было указано Советским правительством и которое точно соответствовало нашим собственным сведениям, с Кубы теперь удалены. Кроме того, советское правительство сообщило, что с Кубы удалено также все термоядерное оружие и что больше оно на Кубу доставляться не будет.

Итог последних недель — несомненно, положительный, и можно надеяться, что положение будет продолжать улучшаться…»

В тот же день, 20 ноября, генерал Плиев получил от «Директора» приказ: «Ракеты «Луна» и ФКР с обычными боевыми частями остаются на Кубе, 6 атомных бомб, 12 специальных боеголовок для «Лун» и 80 для ФКР отправить в Советский Союз на транспорте "Аткарск"».

22 ноября в советских газетах появилось краткое правительственное сообщение: «В связи с распоряжением президента США Джона Кеннеди об отмене карантина (блокады) в отношении Республики Куба… отменить состояние полной боевой готовности в частях и соединениях Советской армии».

Аналогичный приказ отдал маршал Гречко подчиненным ему войскам стран Варшавского договора.

До сих пор помню состояние чисто физического облегчения, которое довелось испытать тогда.

Карибский кризис завершился одновременно с началом работы пленума ЦК, открывшегося 19 ноября. В тот день отец сделал большой доклад о неотложных мерах по совершенствованию структуры управления экономикой.

По странному стечению обстоятельств именно в день отмены боевой готовности, 22 ноября, пленум ЦК принял уже упоминавшиеся решения о реорганизации структуры партийного аппарата, разделении партийных комитетов по производственному принципу.

Их руководители усмотрели в нем покушение на свою власть. В аппарате повсеместно нарастал глухой ропот…

Внешний кризис сменялся внутренним, не столь заметным, но более опасным.

В послеоктябрьские дни, недели, месяцы слева и справа твердили о поражении, отступлении отца, капитуляции его перед империализмом. Наиболее сильными такие настроения оказались в Китае и в США. Правда, сам президент США думал иначе. Роберт Кеннеди свидетельствует: «Он не сделал ни одного заявления с целью приписать себе или своей администрации заслуг в этом деле. Он предписал членам Исполнительного комитета и правительства не давать никаких интервью, не делать никаких заявлений, провозглашающих победу… Если исход кризиса и был чьим-то триумфом, то не триумфом того или иного правительства или народа, а триумфом грядущих поколений».

Отец считал, что, получив обещание не вторгаться на Кубу, он добился поставленной цели: «Правительства капиталистических стран всё оценивают в долларах. Так если рассмотреть в долларах, то это очень выгодная операция. Мы понесли затраты только на транспортировку военной техники и нескольких тысяч наших солдат. Вот стоимость гарантий независимости Кубы. Мы не пролили крови ни своей, ни чужой. Мы не допустили войны. Мы не допустили разрушений, отравления атмосферы. Я горжусь этим».

Карибский кризис преодолели, о чем можно было договориться, стороны договорились. Проблемы, разрешить которые время не пришло, остались в наследство будущим поколениям.

Не возьмусь судить о президенте Кеннеди. Но для отца эти тринадцать дней в октябре значили очень много. Завершалась эпоха. Эпоха американского превосходства в мире. Силе теперь противостояла равная сила. Любой кризис мог привести к взаимной гибели.

Если смотреть на события тех лет сквозь призму прошедших десятилетий, то в результате Карибского кризиса отец получил то, чего он добивался все эти годы: американцы де-юре признали Советский Союз равным себе по разрушительной мощи. В мировой табели о рангах Советский Союз переместился на первую строку, из восточноевропейско-североазиатской страны превратился в одну из двух сверхдержав. И это при том, что США сохраняли ядерное преимущество в соотношении 8,3:1. Но все изменилось за эти тринадцать дней, американцы нутром ощутили дыхание смерти, и их больше не интересовало, кто кого сколько раз может уничтожить. Они хотели жить.

История любит парадоксы. Признание американцами наступившего паритета — в первую очередь заслуга

американской прессы. Две недели нагнетания страха, ожидание наступления с минуты на минуту атомного апокалипсиса, драматические подробности, расписывающие смертельную мощь «кубинских» ракет, навсегда врезались в историческую память американской нации.

Возможность и целесообразность нанесения по Советскому Союзу превентивного ядерного удара, за это периодически ратовали наиболее ретивые американские генералы, в первую очередь командующий стратегической авиацией США Лациус Ле Мэй, более не рассматривались никогда.

Тот самый Ле Мэй, который совсем недавно, в 1950-е годы, не раз засылал груженные атомными бомбами Б-47 на территорию Советского Союза. Операция называлась «Дразнить медведя» и преследовала, по словам ее авторов, чисто тренировочные цели. Самолеты пролетали над Северным полюсом и затем вторгались в наше воздушное пространство над Сибирью. Ле Мэй знал, что там нет не только средств ПВО, но и радиолокаторов оповещения. Так что нежелательных встреч не предвиделось. В душе же он хотел оказаться неправым, пусть «красные» собьют один из его бомбардировщиков, и тогда он обрушит на них всю свою ядерную мощь, сотрет с лица земли ненавистных «комми».

Теперь подобные мечтания отошли в прошлое, с Советским Союзом приходилось разговаривать на равных.

Кубинскому апогею конфронтации должно было прийти на смену мирное противостояние сторон, сохранение статус-кво. Еще не признаваясь самому себе, отец внутренне сделал шаг навстречу предложению Джона Кеннеди, сделанному в Вене.

После Карибского кризиса несколько успокоилось и в Берлине. Оба руководителя повели себя осмотрительнее, мудрее.

В столкновении они познали друг друга, прониклись взаимным уважением. Вот какими словами вспоминал отец о президенте Кеннеди: «…конечно, с оговоркой, насколько можно ручаться за человека других политических взглядов, я верю Кеннеди и как человеку, и как президенту… Из всех президентов, которых я знал, Кеннеди — человек с наиболее высоким интеллектом. Он — умница и резко выделяется на фоне своих предшественников. Я никогда не встречал Рузвельта. Может быть, Рузвельт его превосходил.

В моей памяти сохраняются лучшие воспоминания о президенте. Он проявил трезвость ума, не дал запугать себя, но не дал и опьянить себя мощью США. Он не пошел ва-банк. Не требовалось большого ума, чтобы развязать войну, он проявил мудрость, государственную мудрость, не побоялся осуждения правых и выиграл мир».

А вот какими словами рассказывает Роберт Кеннеди о впечатлениях американского президента об отце: «С самого начала президент Кеннеди считал советского премьера человеком рассудительным и умным… Он уважал Хрущева за то, что тот правильно оценил интересы собственной страны и интересы всего человечества».

Несмотря на разницу стилей, слова подобрались очень схожие.

Проведя на Кубе без малого месяц, сделав все, что было в его силах, Микоян собрался домой. Переговоры завершились компромиссом. Именно ради него и направляли «мастера». Хотя он и не убедил Фиделя Кастро по всем пунктам, но пламя, грозившее пожаром, удалось сбить. Остались чадящие дымом угли. Одни загаснут сами, а над иными придется еще потрудиться.

Выступив 25 ноября на прощание по гаванскому телевидению, Микоян отправился в Нью-Йорк. Его прибытие в США совпало с заявлением министра обороны Роберта Макнамары о том, что все вооруженные силы возвратились на места своего базирования.

29 ноября Анастас Иванович в Вашингтоне встретился с Джоном Кеннеди. Это была первая встреча члена советского правительства с американским президентом после кризиса. К сожалению, я не знаю подробностей состоявшейся беседы.

1 декабря Микоян возвратился в заснеженную Москву, третьего он отчитывался на Президиуме ЦК. Выступили, кроме самого Микояна, Хрущев, Косыгин и приглашенные Громыко с Малиновским. Одобрили «проведенную Микояном в трудных условиях работу в интересах нашей страны и Кубы».

Подводя общий итог операции «Анадырь», сошлись на том, что «линию считать правильной, Кубу удалось сохранить», но главное, как подчеркнул отец: «Мы теперь участники мирового клуба. Набрали большую силу».

Поведение Кастро, обозначившийся в последние дни его крен в сторону ультрареволюционной риторики китайцев отца насторожили, по его мнению: «Кубинцы ненадежные союзники. Мы должны помогать Кубе, строго относиться к своим обязательствам, но от договора о взаимопомощи с ними пока воздержаться, ограничиться, да и то через какое-то время, декларацией».

«Кеннеди, думаю, сдержит слово. — Отец перешел к характеристике общей обстановки в мире после кризиса. — Что же касается китайского руководства, то (несмотря на все их обвинения нас в трусости и капитуляции перед американским

империализмом, попытки склонить Кастро на свою сторону) — мосты не сжигать».[102]

На мой взгляд, история Карибского кризиса осталась бы неполной без рассказа о первом визите в нашу страну Фиделя Кастро, его встречах с отцом. За «душу» Кастро между СССР и Китаем велась настоящая борьба. Кастро колебался. Отец переживал. Он вложил душу в этого бородача и теперь относился к нему почти как к сыну.

О возможности приезда Кастро в СССР впервые я услышал зимой 1963 года. Слухи то разрастались, становились почти реальными, то сходили на нет. Наконец в начале весны отец сообщил, что окончательно договорились о визите, обстановка вокруг Кубы успокаивается, Кастро может безбоязненно покинуть остров. Решено, что прилетит он на нашем Ту-114 к Первомаю. Отцу хотелось показать гостю праздник, да и погода потеплеет.

В последних числах апреля под покровом секретности Ту-114 вылетел из Москвы в Гавану за Кастро. И «профессионалы», и отец придерживались мнения, что нельзя исключить возможность «случайной» атаки самолета с Фиделем над океаном. Как известно, в ходе проведения операции «Мангуст» не раз ставилась задача его физического устранения. Поэтому о визите Фиделя Кастро решили объявить, когда он окажется вне опасности, приземлится в Мурманске.

В Москве приготовили торжественную встречу с митингом на Красной площади. Как космонавту. Людей туда загонять не пришлось. Отгремел митинг, отмаршировал первомайский парад, отшагала демонстрация. Кастро, казалось, был покорен искренностью дружеских чувств. 2 мая отец привез его к нам на дачу. С порога на Фиделе повисли внуки. Мой сын Никита, ему тогда еще не исполнилось трех лет, завладев гостем, потащил его на поляну слушать, как жужжат первые весенние шмели.

В тот день отец не вел разговоров о делах. Серьезным переговорам предстояло начаться на следующий день. Отец запланировал увезти Кастро из Москвы и там в узком кругу постараться убедить его. Удалось это не сразу, пришлось потрудиться.

Фидель провел в Советском Союзе 35 дней, и не менее половины этого срока — с отцом. Он объехал почти всю страну, побывал в Волгограде и Ташкенте, Братске и Киеве, Тбилиси и Сухуми. У отца с Фиделем установились доверительные отношения.

Отец доказывал Кастро: президент США сдержит свое слово. Кубе гарантировано шесть лет мирного развития, столько, по

убеждению отца, отводилось Кеннеди сидеть в Белом доме. Шесть лет! Почти вечность! За эти годы Куба, с ее благодатным климатом в сочетании с преимуществами социалистической экономики, достигнет небывалых успехов, превратится в богатое процветающее государство. За ней потянется вся Латинская Америка. Пришедшие на смену Кеннеди новые президенты США не решатся на агрессию. Куба им станет не по зубам. Чтобы добиться этого, требуется только одно — приложить руки.

Кастро, с подачи Че Гевары, завел разговор об индустриализации, строительстве на Кубе металлургического комбината. Так учили классики марксизма, так ему насоветовали в Пекине.

«Вы знаете во сколько вам обойдется тонна чугуна? Где вы возьмете коксующийся уголь? В Советском Союзе? Начинать любой проект следует с подсчета будущей прибыли. На какую прибыль вы рассчитываете? Все должно быть экономически обосновано, на субъективных основах строить народное хозяйство невозможно. Я не хочу стать врагом Че Гевары, но его прожектерство не выдерживает критики»,[103] — убеждал отец Кастро и, как ему казалось, убедил. Вопрос о строительстве металлургического гиганта кубинцы больше не поднимали, а Че Гевара продолжал считать, что настоящие революционеры сидят в Пекине, а не в Москве.

Отец не был бы самим собой, если бы тут же не стал конструировать, что на самом деле следует предпринять немедленно. С первого дня он убеждал Кастро в необходимости механизировать сбор сахарного тростника. Отец просто мечтал о выпуске сельскохозяйственных машин для уборки сахарного тростника. Проект комбайна по его заданию в одном из наших институтов разработали. Появится комбайн, не придется гнуть спину, рубить стебли мачете, труд превратится в радость. Кастро согласно кивал головой.

Другим коньком отца стало рыболовство. Он не мог понять, почему на Кубе не было своего рыболовного флота. Океан-то рядом, а они всю жизнь возили рыбу из Соединенных Штатов. На Кубе с нашей помощью уже строился рыболовный порт. Тот, который американцы упорно именовали военно-морским. На его базе, считал отец, можно создать целую отрасль хозяйства, способную прокормить не только кубинцев, но и соседей.

Отец рисовал своему гостю тучные стада коров, пасущихся на вечнозеленых лугах, заливающих кубинцев молоком, заваливающих отбивными котлетами.

Кастро внимательно вслушивался в то, что говорит отец. Соглашался. Мотал на ус.

Лишь раз Фидель вспылил. В тот день вместе с отцом и маршалом Малиновским они поехали из Сухуми на озеро Рица. Отец хотел порадовать гостя красотами Кавказских гор. Сам он очень любил этот край. Впервые попав на Кавказ в 1920-е годы, он прошел весь путь до озера пешком по тропе. Тогда шоссе не существовало и в помине. Никогда ранее не виданные горы покорили его на всю жизнь. Сейчас в комфортабельном ЗИЛе дорога не заняла и часа. Погуляли по берегу озера, съели шашлыки, сфотографировались. Трудно сказать, кому поездка доставила большее удовольствие: любующемуся красотами гостю или дарящему ему очарование окружающей природы хозяину.

Природа природой, пейзажи пейзажами, а разговор, как и в предыдущие дни, скатился к войне, десанту, американцам, кризису.

Вот тут-то отец и обидел Фиделя, сказав, что при вторжении на остров регулярных войск США они не выстояли бы и достигнутая с Кеннеди договоренность спасла жизнь кубинской революции.

Кастро взорвался:

— Им нас не сломить никогда.

Отец настаивал, призвал на помощь Малиновского, спросил, сколько, по его мнению, могла бы удержаться организованная оборона острова.

Малиновский задумался, что-то про себя прикидывая, просчитывая.

— Двое суток, — произнес он твердо.

Кастро, горячась, стал доказывать, что в горах они непобедимы. Кстати, здесь с ним оказался солидарен директор ЦРУ Джон Маккоун. На одном из заседаний Исполкома он пессимистически заметил: «…чертовски трудно будет вытравить их из гор, это доказал с очевидностью опыт войны в Корее».

Отец поначалу возражал. Убеждал Кастро, что партизанская война — это подполье, а он говорил о контроле над островом. Потом решил прекратить спор, не обижать гостя. Каждый остался при своем мнении.

На обратном пути произошел забавный случай. На дороге дорогих гостей поджидало местное абхазское начальство. Остановились. Оказалось, рядом село долгожителей, столы накрыты, хозяева обидятся, если столь почтенные люди не заедут к ним, пусть ненадолго.

Отец всегда с опаской относился к подобным «случайным» мероприятиям, особенно здесь, на Кавказе. Местное гостеприимство и более здорового и молодого человека могло в два счета уложить на обе лопатки. Но тут ему хотелось доставить

удовольствие Кастро, удивить его превосходящим любую фантазию хлебосольством. Особенно после недавней размолвки.

Описывать стол я не берусь, это не всегда удавалось и профессионалам. Фидель пришел в восторг, пробовал блюда одно за другим. Отец воздерживался. Последние годы, садясь за стол, он первым делом вспоминал о своих камнях в почках и только потом примеривался к блюдам.

К столу подали молодое вино. Гостям поднесли по здоровенному рогу. Кастро заулыбался, воспринимая все как шутку, разве можно столько выпить за один раз. Ему объяснили, что можно и нужно. Он бросился за защитой к отцу, но тот, смеясь, выставил перед собой руки — здесь я не властен, тут царство тамады.

Пришлось подчиниться. Под гул одобрения Фидель осушил рог. За подвиг он тут же получил сосуд в подарок.

Подошла очередь отца. Он-то надеялся, что его пощадят, попробовал отговориться возрастом. Не тут-то было. К нему подвели старика, как отец потом рассказывал, годящегося ему в отцы. Решительным движением тот отобрал у отца рог и, не отрываясь, выпил.

Через минуту сосуд снова полным вернулся к отцу. Отступать было некуда…

Окружающие довольно загалдели, а отец тихо шепнул Кастро: «Теперь быстро в машину, и домой».

Весь следующий день гость вспоминал о забавном приключении. От размолвки не осталось и следа. Так что отец посчитал свою жертву оправданной.

Когда вернулись в Москву, отец предложил Кастро посмотреть боевую межконтинентальную ракету Р-16, познакомиться с ее расчетом. Этим ему оказывали высочайшее доверие. Не то что иностранцев, и наших-то на боевые позиции не пускали. Только особо доверенных.

Фидель пришел в восторг. Поехали они на машинах. От Москвы расстояние было не очень велико. На месте гостей ожидали Малиновский и Бирюзов.

Командир ракетной дивизии показал стартовую позицию, хранилища, командный пункт. Кастро все это уже знал по Кубе. Не удивительно, ведь главный конструктор и тех и этих ракет один, инженерный почерк остается неизменным.

В заключение провели учение. Выбрали самый зрелищный этап подготовки ракеты к старту — установку ее на стартовый стол. Расчет действовал слаженно, ракета выкатилась из ангара на установщике, он развернулся на пристартовом пятачке, сдал назад, стал задирать нос к небу. В считанные минуты операция

закончилась — ракета встала вертикально.

Кастро поблагодарил командира. Потом обернулся к отцу и, хитро улыбаясь, спросил, настоящая ли ракета или это только макет. Стоявший рядом Малиновский заверил, что она самая что ни на есть боевая. В прошлом октябре стояла в полной готовности к пуску. Вот только, куда она нацелена, он сказать не может, этого секрета Генеральный штаб не доверяет никому. Известно только одно — цель расположена на территории США.

Кастро вдруг спросил, не повредит ли ракете, если он оставит на ее корпусе свой автограф. Если, не дай бог, придется ее применить, пусть американские империалисты знают, что это привет от Кубы.

Отец кивнул, Кастро подали мелок, и он размашисто расписался на корпусе.

Затем сфотографировались, но так, чтобы ни ракеты, ни старта не было видно. Взоры гостей и хозяев внимательно устремлены в никуда. На груди Фиделя Кастро Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

Отец и Кастро расстались друзьями.

Кастро приезжал в нашу страну еще не раз. В январе 1964 года его принимал отец, в последующие годы его преемники. Но такой встречи не могло повториться.

В тот год страна приветствовала не просто лидера дружественной державы, а Героя.

Глава седьмая
Исход

Странно порой выстраиваются события. Только что миновал Карибский кризис, а Москву уже будоражили иные проблемы. В ноябре 1962 года в одиннадцатом номере журнала «Новый мир» появилась повесть никому тогда не известного автора Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

На меня она произвела ошеломляющее впечатление: одно дело знать, другое — почувствовать. В докладе на XX съезде отец объявил о преступлениях Сталина. Цифры и фамилии погибших звучали сухо, абстрактно, за ними не проглядывали конкретные судьбы. Что такое цифры? Подставишь нолик — станет в десять раз больше. Чего больше? Пудов урожая? Или людей, вповалку закопанных во рвах?

«Иван Денисович» высветил весь ужас нечеловеческой жизни, нечеловеческой судьбы. Он предвещал иной кризис. Начиналась борьба не с отдельными проявлениями, недостатками и извращениями, а с системой, порождающей все эти ужасы. Он ознаменовал начало нового, третьего, если считать от XX и XXII съездов партии, раунда борьбы с наследством и наследниками безжалостной сталинской тирании.

Повесть, без сомнения, не имела ни малейшего шанса пробиться. Даже такая безобидная вещь, как «Синяя тетрадь» Казакевича, о хрестоматийном периоде пребывания Ленина в Разливе, не смогла сдвинуться с места из-за одного имени Зиновьева. Уже много лет не упоминалось нигде, что в шалаше Ильич жил не один, а с напарником. Суслов встал насмерть. Только вмешательство отца не позволило рукописи остаться на полке. Он посмеивался, вспоминая, как Суслов протестовал против публикации — не мог позволить автору устами Ленина назвать Зиновьева товарищем.

— А как же ему было его звать? Ведь они скрывались вместе, — прекратил бесплодные пререкания отец. «Синяя тетрадь», минуя цензуру, пошла в печать.

Сейчас дело обстояло посложнее. Автор замахивался на большее. Александр Трифонович Твардовский, главный редактор «Нового мира», еще летом передал рукопись помощнику отца Владимиру Семеновичу Лебедеву. В число многих его обязанностей входил и надзор за литературой. На счастье, он оказался человеком совестливым, чувствующим, тонким.

«Иван Денисович» стал не первым, но одним из самых

сложных его протеже. Лебедев пообещал Твардовскому улучить момент, доложить отцу. В положительной реакции он не сомневался, нужно только все правильно рассчитать. Помощники, по возможности, избегают докладывать «провальные» вещи. Каждая неудача — это удар и по их репутации.

Подходящий момент выдался только в сентябре, когда отец отправился в Пицунду догуливать прерванный полетом космонавтов Николаева и Поповича отпуск.

В один из вечеров на вопрос: «Ну, что там у вас еще?» — Лебедев ответил, что Твардовский принес повесть молодого автора, прошедшего сталинские лагеря, просит совета. Лебедев объяснил, что Александр Трифонович в превосходной степени характеризует литературные достоинства произведения, но тема очень сложная, необходима политическая оценка.

— Ну что ж, давайте почитаем, — благодушно отозвался отец.

Лебедев начал читать вслух. Отец любил такие слушания, они позволяли расслабиться, дать отдых натруженным на сотнях и тысячах машинописных страниц глазам. В случае чего, если повествование оказывалось нудным, он позволял себе и вздремнуть. На этот раз отец слушал со все возрастающим вниманием.

Владимир Семенович рассказывал, что у отца не возникло ни малейших сомнений. Он считал, что нужно рассказать правду о лагерях, печатать повесть необходимо. Возможно, и он впервые ощутил, что же происходило в те страшные годы на самом деле.

После XXII съезда партии, выноса тела Сталина из Мавзолея отец настроился решительно. Тем не менее давать окончательное заключение в одиночку он не захотел. Свое отношение надлежало высказать коллективному руководству.

Повесть срочно размножили по количеству членов и кандидатов в члены Президиума ЦК. Пришлепнули на первую страницу красные печати, запрещающие все: снимать копии, выносить, передавать, но обязывающие вернуть материал по истечении надобности в Общий отдел ЦК.

Коллеги уже знали, что отец прочитал рукопись и она ему понравилась. Поэтому даже если у кого и возникали сомнения, их держали при себе, ведь спорить предстояло не с никому не известным Солженицыным инее Твардовским, а с Первым секретарем ЦК. Через несколько дней книга получила единодушное одобрение, ее признали полезной.

Повесть вышла в свет, опережая естественные сроки: в сентябре дали «добро», а в ноябре ее уже читали подписчики. Главный редактор торопился…

С началом работ над тяжелыми носителями и космическими системами Королеву и Челомею становилось все теснее в своих конструкторских бюро. Требовались новые силы, вливание свежей крови.

В военной области отец окончательно сделал ставку на ракеты. Заказы на новые самолеты и пушки сокращались. Создававшиеся десятилетиями коллективы оставались без работы.

В подмосковном Калининграде расположилось конструкторское бюро Василия Гавриловича Грабина. Там делали пушки. Королева после войны приютили по соседству на артиллерийском заводике. Серьезную организацию под ракеты жертвовать пожалели. Теперь на месте бывшего заводишки вырос промышленный гигант, поглотивший все прилегающие пространства. Дальше расти стало некуда: с одной стороны цеха вклинивались в городские кварталы, с другой — вплотную прижались к железной дороге.

Там, за «железкой», и размещался Грабин. О нем ходили легенды, правда только в своих, засекреченных кругах, широкая публика, особенно молодые, его практически не знала. Грабин вытащил на себе здоровенную часть военного бремени: из ста сорока тысяч полевых орудий, прошедших с нашей стороны через фронт, сто двадцать тысяч были изготовлены по проектам Грабина. Теперь он «устарел». Настал час сходить со сцены.

На грабинское наследство нацелились сразу два претендента — Королев и Челомей. Челомей сделал заявку первым, но Королева безоговорочно поддерживал Устинов.

Тяжба длилась около полугода. Челомей не отступался. Его сторону принял заведующий Оборонным отделом ЦК Сербин. Дело грозило вылезти на Президиум ЦК. Устинов не хотел рисковать. Оставалось нейтрализовать Челомея. Он нашел решение за счет авиации. Вызвав к себе Владимира Николаевича, Устинов предложил ему «проглотить» фирму Лавочкина. Два года без главного конструктора она хирела, постепенно теряла тематику. Челомей с радостью согласился. О таком подарке можно было только мечтать: организация с огромной авиационной, а теперь уже и ракетной культурой. Разве могут с ней сравниться пушкари, пусть лучшие в стране.

Сделка состоялась.

Василия Гавриловича Грабина, генерал-половника, Героя Социалистического Труда и четырежды лауреата Сталинских премий, отправили доживать заведующим кафедрой в Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. А у Королева

и у Челомея появлялась необходимая дополнительная техническая и научная база.

После завершения противостояния вокруг Кубы мир постепенно приходил в себя. Проблемы, казалось, вчера утерявшие былую актуальность, вновь выходили на передний план. Все как и прежде. Так и не так. Обе стороны как бы повзрослели и помудрели.

Выступая 12 декабря 1962 года на очередной сессии Верховного Совета СССР с докладом о современном международном положении и внешней политике Советского Союза, отец снова вернулся к проблеме Германии.

Он, как и прежде, заявлял, что если Запад откажется, мы подпишем сепаратный мирный договор с ГДР. Однако тональность его речи изменилась. Не отказываясь от мирного договора, отец сказал, что спешить с ним не следует, мы можем подождать, пока созреют условия.

Свою мысль отец развил через месяц, выступая 16 января 1963 года на VI съезде Социалистической единой партии Германии в Берлине. Пригрозив противникам стомегатонной бомбой, которую, по его словам, и бросать-то в Европе не на кого — она накроет и чужих, и своих, — отец объяснил, почему не имеет смысла форсировать подписание мирного договора.

В подтверждение он привел истинный или придуманный им самим (уж больно он подходил к теме) разговор двух журналистов, советского и американского:

«…Американский журналист спросил советского:

— Ну, вы 13 августа как будто получили все, что хотели получить при заключении германского мирного договора?

Советский журналист возразил:

— Нет, мирный договор не подписан и, следовательно, дело обстоит не совсем так.

Тогда американец сказал:

— Верно, мирный договор еще не подписан, но цель, которую вы преследовали, настаивая на его заключении, почти полностью вами достигнута. Вы закрыли границу, закрыли доступ Западу в Германскую Демократическую Республику. Таким образом, еще не подписав мирного договора, вы получили то, к чему стремились и что хотели получить при заключении этого договора.

— И добившись того, чего хотели, — продолжал американский журналист, — вы к тому же получили возможность давить на больную мозоль Запада, которой являются пути доступа в Западный Берлин, пролегающие через территорию Германской

Демократической Республики. Пока нет сколько-нибудь твердых международных обязательств, регулирующих доступ, он, в общем, зависит от правительства ГДР, и они всегда могут, если захотят, усилить или ослабить нажим.

Здесь не все точно, однако американский журналист в какой-то степени подходит к истине. Наш союзник и друг Германская Демократическая Республика получила то, что необходимо для каждого суверенного государства — право контролировать свои границы и принимать меры против тех, кто попытался бы ослабить социалистический строй Германской Демократической Республики. Это большое завоевание всех стран социализма — участников Варшавского договора. И теперь, если брать вопрос под углом зрения самых непосредственных интересов социалистических стран, проблема заключения германского мирного договора действительно стоит не так, как до принятия защитных мер на границе Германской Демократической Республики с Западным Берлином.

… Германский мирный договор не принесет прибылей одним и убытков другим».

Так наметился компромисс. Джон Кеннеди обещал не вторгаться на Кубу, отец фактически прекратил нажим в Берлине.

Установление контроля на границах ГДР, стена, по его мнению, стабилизировали положение. С заключением мирного договора следовало повременить. Собирался ли отец давить на больную мозоль Запада? Думаю, что это время ушло в прошлое.

На одиннадцатое февраля отец назначил очередное посвященное целиком ракетам заседание Совета обороны. Он хотел проверить, как мы продвинулись после прошлогоднего сбора в Пицунде. Вопросов накопилось немало.

Что беспокоило отца? Р-36 значительно превосходила по своим возможностям не только старшую сестру Р-16, но и все, что у нас создавалось ранее. Однако становилось все очевиднее: проблему создания ядерного щита она не решает. Ракета получалась большая, тяжелая. Вслед за ней распухали шахта, вспомогательные помещения. Таких стартов можно было построить единицы, от силы десятки, а Генеральный штаб требовал обеспечения поражения сотен целей. Иначе безопасность страны не гарантировалась.

За последние два года техника заметно продвинулась вперед. Прогресс в ядерных испытаниях позволил резко уменьшить вес боевых частей. Создание новых гироскопов обещало существенно повысить точность попадания. Это, в свою очередь, позволяло отказаться от многомегатонных термоядерных зарядов. Все

вместе создавало новые возможности для конструкторов.

По предложению отца заседание Совета обороны решили устроить в бывшем мясищевском конструкторском бюро в Филях, преобразованном теперь в одну из площадок Челомея. Его позже так и окрестили: совет в Филях.

Отец хотел не только выслушать доклады, но и своими глазами взглянуть на производство.

Остановлюсь на главном — решении о создании массовой межконтинентальной ракеты, не уступающей по своим параметрам американскому «Минитмену».

Докладывали Янгель и Челомей. Только что оба закончили эскизные проработки. На суд представили расчеты, компоновки и макеты. Требовалось выбрать лучший вариант. Задача не из простых, ракеты чрезвычайно походили одна на другую. Так не раз случалось в технике. Один и тот же уровень знаний, общая технология. Поневоле конструкторам приходят схожие мысли. Внешне изделия получаются почти близнецами, разнятся заключенными внутри оболочки «изюминками».

У каждого из проектов имелись сторонники, свои болельщики как среди военных, так и среди чиновников различного ранга вплоть до самого верха — Совета министров и Центрального комитета.

Первым докладывал Янгель.

Ракета Р-37 получалась изящной. Она могла поражать точечные цели и значительно более длительное время находиться на стартовой позиции в заправленном состоянии. Как и во всех предыдущих разработках, здесь использовались высокотемпературные компоненты топлива и окислителя, основанные на соединениях азота. Но сейчас Янгель, казалось, нашел решение, как укротить все разъедающую кислоту. Сообщение прозвучало убедительно. Вот только потянет ли его КБ сразу два таких трудоемких и важных проекта, от которых зависит безопасность страны, — Р-36 и Р-37?[104] Разумно ли складывать все яйца в одну корзину? Но это уже забота Правительства, а не Главного конструктора.

Ответив на многочисленные вопросы, Янгель сел.

Следующим выступал Челомей. Главная задача, которую он стремился решить в новой разработке, названной УР-100, — долговременная автономность ракеты и полная автоматизация ее запуска. Пока не решены эти проблемы, массовая постановка межконтинентальных ракет на дежурство останется утопией. Если сохранить принятые на сегодня технические решения, то для обслуживания ракет потребуются все технические и людские ресурсы страны. Он привел пример. При предстартовой

подготовке оператор должен произвести множество измерений. Подсчитано, что для соединения планируемого Генеральным штабом количества стартов с их командными пунктами не хватит годовой кабельной продукции Советского Союза. Даже если забрать все до последнего проводочка.

Отец с удивлением посмотрел на Челомея. Однако вопреки своей привычке перебивать докладчиков репликами он на этот раз промолчал.

— Еще сложнее дело обстоит с несением боевой службы, — продолжал Владимир Николаевич. — Дело не только в обеспечении практически мгновенного запуска. Это очевидно. Каждый лишний год ресурса ракеты сэкономит государству огромные средства. Пока ракета стоит, она, как говорится, есть не просит. Как только истечет отведенный ей срок, начнутся огромные траты: регламентные работы, ремонт и, наконец, замена. Расходы выливаются во многие миллиарды.

Отец слушал внимательно. Такой хозяйский, государственный подход ему явно пришелся по душе. Он то и дело кивал головой, как бы подбадривая выступающего.

— Что определяет предельный срок службы ракеты? — спрашивал Челомей и тут же отвечал: — В первую очередь агрессивность компонентов.

Он не стал углубляться в проблему, а лишь отметил, что за океаном постоянную готовность и длительность хранения обеспечивают за счет применения твердотопливных ракет. У нас попытки создания твердотопливных межконтинентальных ракет в ближайшие годы обречены на неудачу. Это нужно признать и с этим нельзя не считаться. По его мнению, следует сосредоточить усилия там, где мы сильны, а не там, где слабы.

— За последние годы накопился большой опыт работы с азотными соединениями, — перешел Челомей к главному. — Несмотря на все отрицательные стороны, мы научились с ними работать и, проявив некоторую инженерную смекалку, сможем их себе подчинить. Пусть американцы занимаются порохами, мы сделаем ставку на кислоту.

Специальная обработка внутренности баков, система особо стойких трубопроводов, хитрые мембраны — все это, собранное в многоступенчатую схему, обеспечивало ракете многие годы (до десяти лет) безопасного хранения и мгновенную инициацию в заданный момент.

— Наша ракета, — продолжал Челомей, — чем-то похожа на запаянную ампулу, до срока ее содержимое полностью изолировано от внешнего мира, а в самый последний момент, по команде «старт» прорвутся мембраны, компоненты устремятся в

двигатели. В результате принятых мер, несмотря на столь грозное содержимое, в период дежурства она столь же безопасна, как и твердотопливная.

Челомей замолк. Судя по реакции большинства членов Совета обороны, Челомей выигрывал.

И отец ему явно симпатизировал. Дементьев победно улыбался, Устинов мрачно уставился перед собой. За докладом последовали нескончаемые вопросы. Челомей отвечал уверенно, четко. Чувствовалось, что ракету он выстрадал.

Первая часть заседания закончилась. Присутствующие разбились на группки и под руководством специально выделенных экскурсоводов отправились осматривать приготовленную к заседанию экспозицию. На пороге цеха, в котором разместили выставку, отец вдруг вспомнил, как несколько лет тому назад здесь, может быть, именно в этом цехе, он осматривал мясищевский 3М (М-4), силился получить положительный ответ на вопрос о возможности дотянуться до Америки.

Тогда Западное полушарие, прикрытое просторами океанов, оставалось недостижимым. Теперь все переменилось.

Программу показа построили, следуя этапам производства УР-200. В опорных точках стояли стенды, демонстрирующие конструктивные находки, новые технологические приемы. Челомей, давая пояснения, горячился, доказывал, насколько благотворно сказывалось перенесение высокой авиационной культуры на производство ракет. «Двухсотка» получалась легче, проще в производстве, чем ее сестры.

Отец, не перебивая, слушал генерального конструктора, когда ему протягивали особо выдающуюся деталь, щупал ее, разглядывал.

В сборочном цехе на ложементах серебрилась готовая ракета. Правда, это пока макет, головные летные образцы находились чуть поодаль, на линейке сборки. По случаю визита высокого начальства работы приостановили, но все свидетельствовало: как только уйдут экскурсанты, длинные сигары облепят механики, электрики, гидравлики.

Отец поздравил Челомея с первыми успехами на новом поприще, шутливо пожелал ни пуха ни пера. И не услышав в ответ традиционного «к черту», ехидно заметил: «Удачи не будет». Челомей только неопределенно повел плечами. Как и все авиационники, в душе он оставался немного суеверным.

Отец заговорил о том, как быстро и далеко за последние годы продвинулась техника. Он не мог остановиться, ракеты стали его коньком. Присутствующие внимательно слушали, многие уже не в

первый раз.

Наконец отец остановился, мгновение помолчал и, обращаясь к хозяину, проговорил:

— Пошли дальше.

В залах КБ выстроилось множество экспонатов.

Внимание отца привлек раздел морской космической разведки. Моряки заказали специализированные спутники, способные поставлять разнообразную информацию: УС — обшаривающий радиолокатором акватории океанов милю за милей, УСП — перехватывающий радиосигналы кораблей, не только расшифровывающий их содержание, но и определяющий точку, откуда они пришли. Внимательно выслушав рассказ, отец сказал какие-то одобрительные слова Горшкову и завертел головой, отыскивая кого-то в толпе. Не нашел и обратился к попавшемуся на глаза работнику конструкторского бюро:

— Разыщите вон там, — отец показал рукой в соседний зал, где хозяйничали сухопутные войска, — длинного маршала и ведите его сюда.

Через несколько минут в зал вошел, широко улыбаясь, командующий войсками Варшавского договора маршал Гречко. Отец не был настроен шутить. Он ткнул сначала пальцем в макет спутника радиолокационной разведки и наведения на цель подводных лодок, вооруженных крылатыми ракетами, потом в живот Гречко.

— У тебя ничего нет, — грозно насупился отец на Гречко и, обернувшись к Горшкову, закончил фразу улыбкой: — А у него все есть. Почему?

Гречко молчал. Он уже не улыбался, стоял, склонив голову, с видом провинившегося школьника. По выражению его глаз было видно, что выговор он всерьез не принимает.

— Потому что не работаете, ленитесь, — так и не дождался ответа отец. — Берите пример с моряков.

Гречко охотно закивал головой, всем своим видом демонстрируя готовность брать пример с кого угодно.

— Ну пошли, посмотрим, что у тебя выставлено, — теперь отец уже обращался к Гречко.

В соседнем зале громоздились образцы ядерного и обычного оружия поля боя. Гречко подвел отца к макету усовершенствованной «Луны», тактической ракетной установки. Рядом на стене висел плакат, изображавший длинножерлую пушку. Присутствующие догадывались, о чем пойдет речь. Гречко давно «пробивал» ядерное вооружение армейских соединений на корпусном и даже дивизионном уровне.

Сейчас он привел последние американские данные: в

дополнение к тактическим ракетам «Онест Джон» они обильно оснащали свои сухопутные войска дальнобойными пушками, способными стрелять ядерными снарядами. Подразделения пехоты получали в свое распоряжение атомные мины и фугасы. Поговаривали чуть ли не о переносном ядерном снаряде, пускаемом с плеча, как фаустпатрон.

У нас же, по словам Гречко, дела обстояли катастрофически. Кроме «Луны», практически не на что и рассчитывать. Гречко стал горячиться, убеждать отца, что без тактического ядерного оружия армия не сможет противостоять вероятному противнику. Без массового применения на поле боя тактических атомных зарядов, совсем маленьких, — он сближал ладони своих длинных рук, демонстрируя их миниатюрность, — с эквивалентом одна-две килотонны, выиграть современное сражение невозможно.

На сей раз глаза его не смеялись, речь шла о серьезном деле, а не о всяких там космических штучках. В них Гречко не особенно верил — игрушки. Набычившись, он напирал на отца, нависая над ним с высоты своего почти двухметрового роста. Отец отступил назад, он не любил обращаться к собеседнику, высоко задирая голову.

— Да отойди ты на два шага, — отцу надоело пятиться. Обстановка несколько разрядилась.

— И не уговаривай меня, нет у меня денег, — продолжал отец, — на все не напасешься.

Он явно не хотел вступать в пререкания, все давно было говорено-переговорено. Отец не жаловал тактическое ядерное оружие. Ядерное оружие было для него не инструментом войны, а аргументом в политических битвах, средством давления, устрашения, пусть даже шантажа. Но применять его?!

Целям отца отвечали стомегатонные заряды, для которых Европа тесна. Мегатонные боеголовки ракет различной дальности, нацеленные на столицы вероятных противников, эффективно остужали горячие головы.

Вся эта «мелочь» казалась отцу очень опасной своей приземленностью, снижающей порог страха. «Кому в этом случае принимать решение о начале ядерной войны — главе государства или дивизионному командиру?» — задавал он риторический вопрос. Риторический потому, что переступать это право и эту ответственность отец не считал возможным никому. К тому же стоило подобное «удовольствие» чрезвычайно дорого. «Атомный» министр Славский докладывал, что заряд для атомной пушки с эквивалентом в полторы килотонны обходится не дешевле мегатонной боеголовки межконтинентальной ракеты. Если всерьез заняться оснащением сухопутных войск атомным

оружием, то счет пойдет даже не на тысячи, а на десятки тысяч.

Отец держался твердо: «Нет!»

Правда, сделали две опытных дальнобойных пушки, способных забрасывать ядерный боеприпас километров на тридцать. Их возили регулярно два раза в год на парады на Красной площади. На показах они стреляли с ужасающим грохотом. Но дальше дело не пошло. Предложения о серийном производстве отец отвергал с порога. Поколебать его не удалось ни маршалам, ни Устинову. Так эти два монстра и существовали парой.

С «Луной» обстояло полегче. Ее выпускали серийно, в основном с обычным зарядом. Атомных боеголовок производилось немного.

О минах и фугасах отец и слушать не хотел. Ссылки на американцев на отца не действовали. Он давно привык к угрозам в случае невыделения средств оказаться в хвосте. Он придерживался своей точки зрения: если протратишься на все эти «игрушки», то уж точно проиграешь. Американцы, если им нравится, пусть бросают деньги на ветер. По мнению отца, если начнется ядерная война, то будет не до поля боя.

Когда отца отправили в отставку, с Брежневым Гречко договорился без труда. Леонид Ильич «вошел в положение». Одних атомных пушек произвели более семи тысяч, счет тактических и ядерных боезарядов также пошел на тысячи, потом перевалил четырехнулевую отметку и покатился дальше…

После обеда снова собрались в конференц-зале. Предстояло обсуждение и принятие решений.

Начали с ракет. Кому отдать предпочтение? За обедом отец перемолвился на эту тему с Козловым и Брежневым. Ему приглянулись предложения Челомея, и ракетные КБ с государственных позиций загружались рационально: тяжелую Р-36 — Янгелю, а легкую УР-100 пусть проектирует его конкурент, — но он хотел подтверждения. К тому же отец не забывал, что там работаю я, и мое присутствие создавало для него определенные осложнения. Всегда могут кивнуть: «Знаем, чем вызвана такая благосклонность». В те дни на эту тему ходило немало сплетен, а в последующие годы языки и вовсе развязались. Нашлись ретивые чиновники, с удовольствием списавшие свои просчеты на «понятное пристрастие» отца к «одной известной фирме». Мне ни оправдывать отца, ни оправдываться самому некорректно, да и бессмысленно.

Козлов и Брежнев поддержали отца.

На заседании отец высказался за Челомея. Янгель выглядел просто убитым. Устинов расстроился. Желая поддержать Михаила

Кузьмича, отец стал говорить добрые слова о его больших заслугах, о важности работы над 36-й ракетой, о государственных интересах, требующих рассредоточения усилий. Слова не утешали, а только бередили рану.

С этого заседания Совета обороны началась история создания советской ракетной мощи. Вышедшее через месяц 30 марта 1963 года постановление правительства задало сроки и оговорило конкретные параметры первой советской массовой межконтинентальной ракеты.

Ее первый пуск произведут всего через два года, 19 апреля 1965 года. 24 ноября 1966 года первые полки межконтинентальных баллистических ракет 8К84 (так в армии называли УР-100) в шахтном исполнении заступили на боевое дежурство.

21 июля 1967 года все мыслимые испытания завершились, и военные подписали акт об официальном приеме ракеты на вооружение.

Дальше зашла речь о кадровых перемещениях. Отец задумал продвинуть вверх Устинова, поручив ему координацию деятельности совнархозов в масштабах страны. Предполагалось создать новый орган — Высший совет народного хозяйства и председателем его в ранге первого заместителя председателя Совета министров СССР сделать Устинова. На его место отец предложил назначить недавнего директора янгелевского завода, а ныне председателя Госкомитета по оборонной технике Леонида Васильевича Смирнова. Во время своего посещения два года назад отец отметил ухоженность предприятия и деловитость его директора. Да и в ракетах он специалист, и министр хороший.

В последние годы отец предпочитал выдвигать на самый верх людей производства. К сожалению, без особого успеха. Новички быстро осваивались и становились кондовее стариков.

Казалось, заседание подходило к концу. Основной вопрос о новой ракете разрешился, оставались мелочи. Однако бывает, когда, казалось бы, пустяк взбухает, увлекает собравшихся в дискуссию, разрастается в проблему.

Разговор начал Малиновский. До этого он насупленно молчал. В течение всего заседания едва ли произнес несколько слов.

По его мнению, дела в армии с личным составом обстояли неладно. В середине 1960-х годов приходят служить дети, рожденные в годы войны. А какая тогда была рождаемость?! Мужики все на фронте. Сейчас призывать некого, подразделения не добирают численности личного состава. Особенно вредными министр считал различные льготы, позволявшие получить

отсрочку, а то и вовсе уклониться от призыва.

К Малиновскому присоединился Гречко. Основное зло ему виделось в освобождении студентов от военной службы. Он доказывал: студент, пройдя армию, станет настоящим мужчиной, служба пойдет только на пользу. Гречко выступил также и против военных кафедр, выпускающих из высших учебных заведений офицеров запаса. Не нравились они ему своей штатскостью, неумением командовать, незнанием воинской службы. Кафедры надлежало закрыть и увеличить набор в военные училища.

Гречко спешил высказать наболевшее, срывался порой на скороговорку. Другая ошибка, за которую, по его мнению, сейчас приходится расплачиваться, это сокращение сроков службы в армии с трех лет до двух, а на флоте — с четырех до трех. Это было непростительное решение: техника все усложняется, обучение занимает все большее время. Солдат и послужить не успевает, как подходит пора демобилизации. Получается не армия, а двухгодичные курсы. Он предлагал восстановить старый порядок и, более того, в родах войск, оснащаемых особо сложной техникой, продлить службу до четырех лет, а возможно, и больше.

Гречко закончил. В зале установилось напряженное молчание. Сидевшие за столом маршалы впились взглядами в отца. Чувствовалось, что вопрос не нов и в нем они едины. Только никак не удается убедить главнокомандующего. Отец молчал. Лицо его, еще совсем недавно такое улыбающееся, помрачнело. Маленькие карие глазки так и буравили то Гречко, то Малиновского. Гречко поежился, попытался пошутить, но отец не принял игривого тона, и тот сник.

Отец собрался с мыслями, встал. Говорил он сначала медленно, выдерживая между словами длинные паузы, как бы примериваясь.

Он начал с риторического вопроса: кто кому служит — армия народу или народ армии? Сроки службы, по его словам, сократили не случайно, а после долгих обсуждений. Народному хозяйству требуются рабочие руки, их не хватает везде, куда ни глянь, а тем временем молодые люди, служа в армии, только потребляют и ничего не производят.

— Вы когда-нибудь задумывались, сколько полезных вещей произведут вернувшиеся из армии на год раньше военнослужащие? — он вонзил взгляд в Гречко.

Тот заерзал, не зная, что ответить, но отец и не ждал ответа.

Отец сказал, что, конечно, за три года можно изучить военное дело лучше, чем за два, а за пять еще лучше. Тут он припомнил, что при Николае I служили 25 лет — вот это, наверное, и есть тот идеал, к которому стремится маршал?

Гречко с притворным ужасом отрицательно замотал головой.

Отец заговорил о том, что надо думать в первую очередь об укреплении экономики страны. Если она будет здоровой, то никакие империалисты нам не страшны. Конечно, пока без армии не обойтись, но нужно подходить ко всему разумно, отыскать такое соотношение, когда и хозяйству причиняется меньший ущерб и оборона не страдает.

Отец не возражал: со сложной техникой могут управиться только хорошо обученные специалисты, но тут и пяти лет может не хватить. По его мнению, нужно искать новые пути, а не ломиться в давно закрытую дверь.

— Думать надо, примериваться по-новому, — впервые улыбнулся он. Гречко заулыбался в ответ. Малиновский продолжал мрачно глядеть в пол.

Остальные военачальники ерзали на своих стульях, явно не удовлетворенные.

— Что же касается студентов, — продолжал отец, — то вы просто не понимаете. Иначе и не поднимали бы столь глупый вопрос. Это же надо придумать, мы тратим миллиарды на подготовку необходимейших специалистов, а вы их хвать и ать-два!

Отец даже вспотел от возмущения. Он сказал, что нужно принять решение о военных кафедрах, если они неудовлетворительно работают, выпускают брак, но призывать студентов — это вредительство. Мы живем интересами народа, интересами государства, ему нужны грамотные инженеры, агрономы и другие специалисты, делающие нашу жизнь краше. Их труд и обязана охранять армия. Гречко же, по словам отца, старается все перевернуть с ног на голову: если всех призвать в армию, то защищать будет некого и армия окажется не нужна.

— Нам необходимы специалисты, и мы их будем готовить в институтах. Армейские же проблемы следует решать не за счет народа, — закончил отец и, подумав, добавил: — Тут есть о чем подумать. Но студентов призывать — это, в государственном раскладе, недопустимое расточительство, просто транжирство. Как вы не понимаете?

Вопрос со студентами отпал. Правда, на время — ни Малиновский, ни Гречко не считали себя побежденными. Они еще и еще раз поднимали его перед отцом. Каждый раз безуспешно.

Отец продолжал как бы размышлять вслух. Последнее время его все больше занимала проблема: какой должна стать армия в будущем. О разоружении пока приходилось только мечтать. Как сделать так, чтобы она, обеспечивая нашу безопасность, не висела гирей на шее у народа. Он считал, что пришло время подойти к

проблеме обеспечения обороноспособности по-новому. Мы сейчас мыслим категориями Второй мировой войны: танками, самолетами, бронетранспортерами, количеством орудий на километр фронта. Все это напоминает предвоенную ситуацию, когда во главу угла ставились прославленные, но безнадежно устаревшие кавалеристы с шашкой и пулемет на тачанке. Слишком поздно мы поняли, что эти времена безвозвратно ушли. За науку пришлось заплатить большой кровью. Сейчас ракеты, атомные заряды сделали весь наш предыдущий военный опыт устаревшим.

Настало время, когда выигрывает не тот, кто рассчитывает победить в войне, а тот, кому удастся ее предотвратить. Дальше отец стал говорить совершенно непривычные вещи, мне они показались не только крамольными, но и невероятными. Отец считал, что структура армии требует коренной ломки. Ракеты, изменив соотношение сил, резко сдвинули все понятия.

— Возьмем, к примеру, танки, — развивал он свою мысль, — во время прошлой войны они служили ядром наступления и стержнем в обороне. Они были неуязвимы для стрелкового оружия и поддавались только пушке, а из нее еще попробуй попасть. Неизвестно, кто первый изловчится: артиллеристы накроют танк, или танкисты подавят батареи? Борьба шла на равных. В конце войны все поменялось, немцы своими фаустпатронами жгли танки, оставаясь практически неуязвимыми. Просто наше преимущество в те месяцы было настолько велико, что мы не ощутили этих изменений. А ведь с фаустпатронами требовалось подобраться вплотную. Сегодня противотанковая ракета уничтожает бронированные машины на пределе дальности их собственного огня, за несколько километров. Танки, самоходные орудия, бронетранспортеры становятся просто ловушками для экипажей. А мы бездумно даем новые и новые заказы. Тратим миллиарды.

Самолеты тоже практически потеряли былое значение. Зенитные ракеты резко сокращают их боевые возможности. Если раньше стрельба с земли в воздух не приносила ощутимых результатов, то теперь достаточно одной, ну двух ракет. И тут следует пересматривать устоявшиеся взгляды.

Отдельно отец остановился на боевых вертолетах. В то время шло много споров об их потенциальных боевых возможностях: внедрятся ли они в качестве боевых машин в армию, или их удел — транспорт, перевозка раненых?

Отец принадлежал к скептикам. По его мнению, соревнование с зенитными ракетами вертолеты проиграют. При их неповоротливости им уготована гибель.

Пройдясь по частностям, отец перешел к главному.

— Основой обороны сегодня являются стратегические ракеты. Межконтинентальные, промежуточной и средней дальности. Они держат под ударом, под страхом смерти всю территорию противника, как бы далеко он ни находился, как бы ни защищался. Даже если когда-то научатся сбивать ракеты, все равно какая-то их часть прорвется, а нескольких боеголовок вполне достаточно, чтобы отвадить любого агрессора.

Отец глянул в направлении маршала Захарова, начальника Генерального штаба, и с ехидцей заметил: «Вы планируете сотни целей, а и десятка ракет с термоядерными зарядами достаточно, чтобы сделать саму мысль о войне бессмысленной». По его мнению, ни один политик не помыслит о войне под угрозой неотвратимого возмездия.

Если же ракеты с ядерными зарядами делают войну между великими державами бессмысленной, то, как рачительный хозяин, он не видел смысла тратиться на гигантскую армию. «Мы держава социалистическая, не колонизаторы, завоевывать никого не собираемся», — на этом он стоял твердо.

Отец увлекся, он уже не спорил, а как бы вглядывался в будущее.

— Если ракеты способны нас защитить, то зачем нам держать такую армию? — повторил он.

Присутствующие молчали, вопрос маршалам явно не понравился.

— Мы можем использовать средства, которые сегодня тратим на оборону, — продолжал отец, — с большей пользой.

Он заговорил о жилье, об удобрениях, урожаях, но, как бы опомнившись, вернулся к теме.

По его мнению, необходимо пересмотреть всю структуру вооруженных сил — оставить очень небольшую, но очень квалифицированную армию. Слово «профессиональная» тогда не произносилось, его как бы и не знали. И я не стану им пользоваться, чтобы ненароком не перепрыгнуть из 1960-х годов в XXI век. Ядро этой армии — ракетные войска стратегического назначения, они сдержат возможных агрессоров. Вокруг них расположится небольшая, очень мобильная группировка, ее цель — защитить пусковые установки, обезопасить их от неожиданностей. В таком варианте находящиеся в постоянной боевой готовности вооруженные силы можно было бы ограничить миллионом, даже полумиллионом человек.

Остальная армия, по мысли отца, должна строиться на региональной милиционной основе. Ее бойцы могли бы жить по домам, заниматься полезным трудом, но какое-то время тратить

на военную подготовку. Под ружье они становились бы только при возникновении реальной опасности для государства.

Отец замолчал.

В зале установилось напряженное молчание, поддержки у отца не было, возразить никто не решался.

— В таком случае и проблемы со студентами не будет, — улыбнулся отец, — и увеличивать срок службы не придется. Если человек живет дома, работает, то военной подготовкой можно его занимать столько лет, сколько понадобится.

И, как бы спохватившись, добавил:

— Конечно, не в ущерб работе.

Отец сказал, что все это пока мысли вслух, надо как следует подумать, а главное, осуществить задуманное удастся только после того, как у нас появится достаточное количество ракет.

Военные оживились.

— Кстати о ракетах, — отец повернулся к Устинову, — надо задуматься о будущем. Не бесконечное же количество их нам требуется. Несколько сотен. А дальше? Заводы встанут? Это не по-хозяйски. Прикиньте, товарищ Устинов, чем полезным для людей их можно загрузить.

Устинов кивал головой, записывал в блокнот. Теперь ему предстояло глядеть на дела с иной колокольни.

— Вот у товарища Янгеля, — продолжил свою мысль отец, — огромный завод. Там производят, кроме ракет, еще и тракторы. Но нам так много тракторов не нужно, а завтра и с ракетами может произойти затоваривание. Может быть, им освоить еще и судостроение? В хороших речных судах у нас большая потребность.

Это заявление прозвучало как гром с ясного неба. Янгель с удивлением и некоторым испугом посмотрел на отца, попытался что-то сказать, по всей вероятности, возразить, но передумал и остался сидеть недвижимо.

Вмешался Козлов, сказав, что все следует очень внимательно взвесить.

Отец не возражал, кивнул: «Это дело будущего, пока давайте делать хорошие ракеты».

Рассуждения отца о рациональной структуре вооруженных сил прозвучали неожиданно только для меня и других непосвященных. На самом деле он повторил мысли, изложенные им еще в конце 1959 года в записке в Президиум ЦК,[105] рассмотренные и одобренные на Пленуме ЦК. На реорганизацию армии отец тогда отводил шесть-семь лет. К 1963 году большая половина этого срока истекла, и он решил напомнить присутствующим об обязательном к исполнению решении,

которого никто не отменял и отменять, как он считал, не собирался.

Выступление отца завершило заседание. Попрощавшись с присутствующими, он поехал в ЦК, там еще оставались на сегодня какие-то дела. С ним уехал и Козлов.

Брежнев долго и прочувственно тряс руку Челомею, поздравляя его с заслуженным успехом. Устинов, сухим кивком попрощавшись с присутствующими, отбыл к себе в Кремль.

Козлов все больше набирал силу. Сменив Кириченко на посту второго секретаря ЦК в мае I960 года, он постепенно пускал корни, подбирал под себя отделы ЦК, обкомы.

Замена второго секретаря не таила под собой политической подоплеки. Я уже писал об этом. Да и Кириченко с Игнатовым никто не решится поставить «левее» Козлова. Как показала история, все собранные отцом новые члены Президиума ЦК занимали примерно одинаковую позицию. Да иначе и быть не могло. Все они вышли из шинели Сталина. Все они выросли в сталинских стойлах, каждый из них прошел сталинскую школу власти, ни один из них не мог утверждать, что за ним не числится грехов, которые после XXII съезда не хотелось вспоминать.

С большим или меньшим рвением они «разоблачали преступления» Сталина, поминали невинные жертвы, не в силу внутренней потребности, а отдавая дань обстоятельствам, необходимости следовать след в след за Первым.

В самом же аппарате за эти годы мало что изменилось. Да и не могло измениться. Люди пересаживались из кресла в кресло, иногда низвергались в пропасть, и на их место возносились такие же выученики эпохи. Справиться с ними одному человеку оказалось не под силу. Отцу то казалось, что с очередной реорганизацией все встало на свои места, наконец кресла заняли достойные люди, то он жаловался своему старому другу Алексею Владимировичу Снегову,[106] что «идя по коридору, чувствует спиной, как его расстреливают взглядами». Однако поделать он ничего не смог.

Смена 4 мая 1960 года ключевых лиц в Секретариате ЦК произошла не только в результате «борьбы под одеялом», как саркастически называл аппаратные игры сэр Уинстон Черчилль, но явилась очередной попыткой отца подобрать помощников поквалифицированнее. Сделать это оказалось нелегко. На микроскопической по площади вершине пирамиды власти умещается мизерное число претендентов. Выбирать, собственно, оказывалось не из кого: пять, десять, от силы двадцать человек.

Неотесанный Кириченко ушел в тень. Козлов в те годы

представлялся более, нет, не интеллигентным, а умелым, лучше приспосабливающимся к обстановке. Он не только приспосабливался, но и намеревался управиться с ней. Если Кириченко во всем слепо следовал отцу, то у Козлова постепенно стал вырабатываться свой курс, он шел, чуть отступив от отца вправо. Но это никак не относится к 1960-му году. И даже к 1962-му. В период Карибского кризиса он не занимал особой позиции, вместе со всеми твердо стоял «за».

В начале 1963-го что-то начало меняться, почти неуловимо. Фрол Романович стал держаться по отношению к отцу чуть-чуть независимее. С точки зрения взаимоотношений в любом нормальном руководстве, тут нет ничего особенного. Но в Москве тех лет все пристально следили за нюансами. Возможно, для других симптомы стали заметны несколько раньше, ведь перемены в отношениях в окружении лидера распространяются сначала вниз.

Зрела какая-нибудь оппозиция отцу в 1962–1963 годах? Мне трудно сказать. Недовольство отцом существовало всегда. Но одно дело недовольство и сопровождающие его анекдоты, а совсем другое, когда в аморфной среде начинает выкристаллизовываться ядро. Лично я сомневаюсь.[107]

Отцу Козлов импонировал. Решение многих конкретных вопросов он брал на себя, контролировал их исполнение, был собран и четок, не нуждался в мелочной опеке. То, что он порой возражал, спорил, скорее вызывало уважение у отца, чем раздражало.

Без спора, без борьбы мнений работать становится не только скучнее, но и труднее. Особенно для такого характера, которым обладал отец. Бесконечные согласные кивки, смиренно опущенные вниз или восторженно пожирающие тебя глаза надоедают и настораживают.

В прошедшие годы в Президиуме ЦК один Микоян не во всем соглашался с отцом. Теперь к нему прибавился Козлов. Отцу их позиция, порой отличная от его собственной, в глубине души даже нравилась, позволяла еще раз проверить себя. Тем более что его положению они ни в коем случае не угрожали. Между собой Микоян с Козловым не ладили, по большинству вопросов придерживались несовпадающих точек зрения. Микоян слыл опытным, осторожным политиком. Козлов — администратор, практик, пусть грубоватый, но хорошо знающий жизнь, умеющий, где надо, нажать, прикрикнуть. В области политики Козлов отражал взгляды правых.

Запомнился мне один разговор отца с Козловым.

11 мая 1963 года вынесли смертный приговор полковнику

Олегу Пеньковскому.

В скандал оказались втянутыми два крупных военачальника, оба так или иначе связанные с отцом: главнокомандующий ракетными войсками и артиллерией главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов и начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал-армии Иван Александрович Серов, в недавнем прошлом председатель КГБ.

Варенцов рекомендовал Пеньковского на службу в ГРУ. Он же периодически делился с ним некоторыми служебными новостями. Естественно, секретными. В иной ситуации ничего особо предосудительного в этом не было, оба они служили в армии на высоких должностях.

Серову вменяли в вину не только то, что он не разглядел в Пеньковском потенциального предателя, но и особое расположение к нему. Больше всего то, что жена и дочь Серова вместе с Пеньковским незадолго до его ареста оказались в Великобритании. Правда, женщины поехали туристами, тогда впервые чуть-чуть приоткрылись двери на Запад. Начались первые круизные рейсы теплоходов вокруг Европы, стало возможным посетить некоторые заморские страны. Претендентов на поездку отбирали строже, чем в разведку. У семьи генерала проблем не возникло, но посещение капиталистической страны вызывало определенную робость. Серов, вспомнив, что его подчиненный собирается в командировку в Лондон, попросил Пеньковского приглядеть за женой и дочерью, помочь им в случае надобности. Полковник с радостью исполнил поручение, показал достопримечательности, сводил своих подопечных в магазин. Теперь же все рисовалось в ином свете, генерала и полковника кто-то пытался выставить почти соучастниками.

Отец не был склонен применять к провинившимся маршалу и генералу серьезные меры. Он считал, что они и так наказаны происшедшим, а у Пеньковского на лбу не написано, что он завербовался к англичанам и американцам. Он предполагал ограничиться административными взысканиями.

Козлов считал иначе, он настроился чрезвычайно решительно. Истинные причины его поведения остаются загадкой. Он не мог смириться с тем, что Серов и Варенцов не разглядели предателя? Сомнительно… Он порой глядел сквозь пальцы и на куда более явные грешки, да и сам не относился к разряду святых. Тогда что? Стремился одним ударом выбить из игры преданных отцу военачальников? Зачем? Можно, конечно, дать волю фантазии. Но никакими фактами я не располагаю.

В конце февраля — начале марта Козлов по своей инициативе

позвонил отцу на дачу и попросил о встрече. Отец с охотой согласился. Через четверть часа Фрол Романович приехал к нам, его дача располагалась неподалеку. Отец встретил Козлова приветливо, предложил прогуляться. До появления гостя мы гуляли вдвоем, и я остался в компании.

Козлов, то и дело искоса поглядывая на меня, стал убеждать отца в том, что Пеньковский скомпрометировал и Варенцова, и Серова. Он не просто служил в их ведомствах, но втерся в дом. Ходил в гости к Варенцову, оказывал услуги семье Серова. Тогда я услышал о злосчастных лондонских магазинах. Козлов возводил все это чуть ли не в ранг государственного преступления. Отец угрюмо молчал. Не очень уверенно пытался возразить, но Козлов настойчиво гнул свое.

При окончании разговора я не присутствовал, отец попросил оставить их наедине. Примерно через час Козлов уехал к себе. Обедать его отец не пригласил. Мы продолжили прерванную неожиданным визитом прогулку. Отец хмурился, даже по сторонам не глядел, шел, уставившись себе под ноги. Молчали мы минут десять. Наконец отец заговорил. Он сказал, что, по словам Козлова, все, он не назвал фамилий, настаивают на строгой ответственности Варенцова и Серова.

— Возможно, они и правы, — проговорил отец с сомнением, — жаль, особенно Варенцова.

— И что же? — спросил я.

— Разжалуем в генерал-майоры и отправим в отставку, — с досадой закончил отец.

Все свидетельствовало, что отец против воли поддался Козлову.

12 марта Президиум Верховного Совета СССР «за потерю бдительности и недостойное поведение» лишил Варенцова звания Героя Советского Союза и разжаловал из маршалов в генерал-майоры. Разжаловали в генерал-майоры и Серова.

Можно ли и это происшествие квалифицировать как начало формирования оппозиции отцу? Сейчас уже не определишь. Следов не осталось. Свидетелей почти не осталось.

Отец продолжал относиться к Козлову с полным доверием. Более того, он видел в нем своего преемника и не скрывал этого.

Однако его планам не суждено было реализоваться. 11 апреля Козлова разбил инсульт. Пост второго секретаря ЦК оказался вакантным. После долгих раздумий и колебаний отец поздней осенью 1963 года остановился на Брежневе. Временно, пока не подыщется более подходящая кандидатура. Не подыскалась. 21 июня 1963 года на Пленуме Леонида Ильича изберут Секретарем ЦК по совместительству, сохранив за ним

пост Председателя Президиума Верховного Совета — номинального главы государства. В июле 1964 года Брежнева освободят от всех других обязанностей, с тем чтобы он полностью сосредоточился на работе в ЦК.

Решение о разработке «сотки», по мнению отца, наконец-то ставило все точки над «i». Страна получала надежный щит. Легкие, постоянно готовые к запуску УР-100 и мощные Р-36 с многомегатонными боевыми головками уравнивали нас в силе ответного удара с США. Отныне страна могла чувствовать себя спокойно.

А вот в космосе дела обстояли не блестяще. Отца беспокоила лунная программа. А тут еще и разгоревшаяся свара между Королевым и Глушко. Не помогали ни душеспасительные разговоры в ЦК, ни призывы к государственной и партийной совести. Отец решил вмешаться сам.

В первой половине июня он сказал, что позвал на выходной на дачу Сергея Павловича и Валентина Петровича. Отец надеялся, что он достучится если не до их сердец, то до разума. Как же может быть иначе? Перед грандиозной общей задачей покорения Луны не могут не отступить любые дрязги и неприязнь.

— Они имеют все, — возмущался отец. — Правительство, советский народ в ущерб своему благосостоянию удовлетворяют любые их капризы. Только бы работали. А они надумали сводить личные счеты. Какое мальчишество!

Отец никак не мог себе представить, как личные взаимоотношения можно поставить выше общего дела. Отец главную вину возлагал на Королева, расценил ссору как каприз Сергея Павловича, проявление его ревности и амбициозности. В Глушко он видел жертву.

В тот период Глушко и Королева разделяли не только былые обиды: они разошлись в главном — в технике. В оценке технических возможностей как своих, так и, особенно, соседа. Королев по-прежнему настаивал на оснащении своей Н-1 кислородно-керосинными двигателями с единой камерой сгорания и тягой в шестьсот тонн каждый. Глушко тоже не изменил свое мнение, считал такую задачу неподъемной, сомневался в возможности ее технической реализации в ближайшие годы. Для создания подобных гигантов требовалось разработать новые технологии, построить новые стенды, и все это без уверенности в конечном успехе. Мало ли за что взялись американцы.

По мнению Глушко, ставку надо делать на развитие отработанных, хорошо себя зарекомендовавших двигателей,

работающих на кислоте.

Гости приехали с утра. Отец сразу увлек их на луг показывать посевы. Серьезный разговор предполагался после прогулки.

Сергей Павлович пребывал в хорошем настроении. Пока спускались по дорожке, ведущей от дома к лугу, где тянулись огороды, они о чем-то шутили с отцом. Глушко же мрачно и, мне показалось, как-то подавленно молчал.

Королев неожиданно вспомнил о своей молодости, стал рассказывать, как их вместе с Глушко арестовали и они сидели в Бутырской тюрьме.

— В башне, где в свое время держали Пугачева, — запомнились мне слова Сергея Павловича.

Глушко молчал. Только кивал головой, как бы в подтверждение истинности слов Королева.

Оказывается, Королев затеял рассказ о своем заключении не случайно. Он вдруг замолчал и как-то всем телом повернулся к отцу:

— А вы, Никита Сергеевич, верите, что нас обвинили понапрасну?

Отец внимательно, без улыбки посмотрел ему в глаза и столь же серьезно ответил:

— У меня нет никаких сомнений.

— Спасибо, — с облегчением вырвалось у Сергея Павловича.

Даже для таких сильных людей сталинская «школа» не прошла без следа.

Сделав ритуальный круг по лугу от опушки леса к берегу Москвы-реки, мы вернулись к дому. Пришло время приступить к делу. Расположились в столовой. Королев сел рядом с отцом, так удобнее показывать картинки, Глушко устроился напротив, а я, стараясь не мешать, пристроился чуть поодаль, сбоку.

Первым делом Королев доложил, а вернее, просто рассказал о своих ближайших планах: очередном сдвоенном запуске в космос, на сей раз мужчины и женщины. Отец, естественно, знал о намерениях Сергея Павловича, не были они секретом и для меня. Этими пусками Королев решил закончить серию «Востоков». Из них больше ничего не выжать. Гагарин доказал принципиальную возможность полета по орбите, способность человека не погибнуть в невесомости, в условиях космического облучения и других, возможно нам пока неизвестных, факторов. Титов, несмотря на болезненную реакцию, подтвердил, что ничего не произойдет, если полет будет многочасовым.

Теперь — женщина.

На вопрос отца, что нового это даст космонавтике, Королев ответил уклончиво, сослался на особенности женского организма,

заговорил о будущих городах в космосе, где предстоит создавать семьи в непривычных условиях. Начинать готовиться пора уже сейчас.

Отец выслушал его скептически, но не возразил.

Королев перешел к новой теме, кратко рассказал, что у него уже готовится новый корабль, трехместный. Дальнейшая программа полетов ориентируется на него. Тем самым он снова уходит в отрыв от американцев: те пока летали на одноместных. Наше преимущество получало весомое подтверждение.

Отец удовлетворенно хмыкнул.

Королев перешел к лунной программе. Он не сомневался в своей победе.

Не так давно Челомей ездил к Королеву, что называется, с дружеским визитом, и немного на поклон. Прихватил он с собой на разговор и представителей разных служб. Я представлял системы управления.

Дело в том, что работы по «двухсотке» затягивались. Баллистическая ракета ни в чем не походила на привычные нам «крылатки». Заставить полететь изгибающуюся по всем направлениям, залитую под завязку булькающей жидкостью сигару оказалось непросто. Планы срывались. Дата первого запуска постоянно откладывалась. Стало ясно, что испытать ракету заранее, до готовности спутников, не удастся. Получалась накладка: готовность носителя и маневрирующего спутника стягивалась к одной дате, концу года. Рисковать спутником было неразумно. Челомей принял непростое для его самолюбия решение попроситься к Сергею Павловичу на «семерку». Речь шла только о начальном этапе испытаний.

В конструкторском бюро Королева нас приняли по высшему разряду. Первым признаком этого явился проход без пропусков и предъявления документов. Правда, встреча проходила не на основной территории, а в некоторой промежуточной зоне, где в небольшом зданьице располагался кабинет Королева. С Челомеем они встретились, как друзья после многолетней разлуки — долго и тепло жали руки. Только и сыпалось: Сережа, Володя.

При все более нарастающем деловом соперничестве личные отношения между ними сохранялись добрыми. Это немало, с учетом сложности характеров.

С делами порешили быстро. Королев вызвал кого-то из своих и поручил посадить Володиного «седока» на свою «лошадку».

Немного поговорили об Н-1. Вдаваться в подробности хозяин не захотел, многое в проекте еще оставалось неясным, да и сидел перед ним потенциальный конкурент. Королев не сомневался: раз

Челомей взялся за тяжелые носители, то на «пятисотке» он не задержится. Не тот характер.

После встречи между нашими до тех пор не пересекавшимися организациями завязалось не то чтобы сотрудничество — тут более подходит слово «взаимоотношения».

Знакомство высветило, насколько разнились подходы двух конструкторов, двух школ к созданию, казалось бы, таких похожих изделий. Челомей двигался вперед осторожно, с каждым шагом, с каждым этапом усложняя программу. Сначала отработка на стенде, затем простейшие подлеты, и только когда накопится опыт — полномасштабные пуски. Так всегда работали в авиации.

Королев действовал по-иному. Вот как рассказывал о своей первой встрече с Сергеем Павловичем Марк Бендетович Гуревич, наш ведущий конструктор, возглавлявший работы по разведывательному спутнику:

«После достижения принципиальной договоренности Владимир Николаевич послал меня к Сергею Павловичу подписать тщательно подготовленное и завизированное всеми службами с нашей и их стороны решение о запуске нашего первенца на «семерке». Королев не заставил ожидать в приемной, принял очень быстро. Вел он себя благожелательно, но в каждом его слове звучал оттенок "покровительства".

Попросив меня сесть у стола, Королев и сам уселся напротив. Он стал подробно расспрашивать, что за спутник, кто заказчик, какова цель испытаний.

Его поразило, что предполагается всего пара запусков на «семерке», а сам спутник пока представляет собой далеко не то, что должно получиться по завершении программы. Мы планировали испытать только работу системы стабилизации и ориентации.

Откинувшись в кресле, Королев с любопытством спросил:

— А ты сам откуда? Из авиации?

Получив утвердительный ответ, как бы успокоился и поучающе произнес:

— Оно и видно! Что это вы с Володей за этапы затеяли. Дождись, когда тебя смежники закомплектуют, сделай целиком пяток объектов и пускай по полной программе. В нашем деле иначе нельзя. Ты думаешь, я бы согласился повторить фотографирование обратной стороны Луны? — почему-то спросил Королев».

Гуревич промолчал. Он был уже человеком немолодым, за плечами имел опыт сдачи не одной машины, прошел школу у Лавочкина, с самого начала разработки был ведущим конструктором по «Буре», испытал горечь аварий, пройдя сквозь

них, научил ракету летать. Когда «Бурю» закрыли, Марк Бендетович вместе с Черняковым перешел к Челомею и возглавил на новом месте одну из важнейших и сложнейших разработок. То, что говорил сейчас Королев, противоречило всему тому, что он познал за свою жизнь, всему тому, чему он научился. Согласиться с главным конструктором Марк Бендетович, естественно, не мог, но и спорить не хотел, а потому мучительно придумывал, что сказать в ответ. Но Сергей Павлович не ждал ответа, он назидательно произнес: «Ракетная техника — не авиация» — и, вспомнив, что его ждут дела, потребовал: «Где твои бумажки?»

Решение он подписал без замечаний.

Естественно, по возвращении домой весь разговор Гуревич подробно донес до Челомея. Владимир Николаевич не удивился, только посетовал: «С Н-1 они еще хлебнут горя».

Возвращаюсь к прерванной неожиданно вклинившимся отступлением беседе Королева с отцом. Сергей Павлович как раз переходил к главному, к Н-1.

Для отца Королев приготовил так называемый генеральский набор: не чертежи, а картинки, понятные и неспециалисту, без особых деталей, отражающие только замысел, поражающий воображение дилетанта.

Здесь и в самом деле было от чего прийти в восторг. На первом планшете, который выложил на стол Сергей Павлович, тянулась к небу почти стометровая новая ракета, с изящно расклешенной юбкой первой ступени, чем-то смахивающая на ферзя из строгого кабинетного шахматного набора. Ей готовилась завидная судьба первой в мире донести человека до Луны.

Королев стал рассказывать. Отец внимательно слушал, его глаза впились в картинку.

— Стартовый вес ракеты около трех тысяч тонн, точнее, две тысячи восемьсот, ступеней — три. Первая работает на кислороде и керосине, последующие — на кислороде и водороде.

При этих словах Глушко недовольно скривился, но не произнес ни слова.

— Но это если двигателисты не подведут, — зыркнул на него Королев. — На всякий случай мы готовим и запасный вариант, используем уже имеющиеся у нас в заделе двигатели. Летные испытания начинаем в 1965-м, не позднее 1966 года. Пока оставалось в силе доложенное в Пицунде техническое решение об установке двадцати четырех, а возможно, — после короткой заминки добавил Королев, — и тридцати стопятидесятитонников конструкции Кузнецова.

— По мере уточнения параметров межпланетного корабля вес

его прибавляется, так что на орбиту придется выводить не 75 тонн, а побольше. Для этого необходимо увеличить тягу ракеты, добавить двигателей, — не отрываясь от планшета и не прекращая говорить, Королев снова исподлобья глянул на Глушко.

Отец сделал вид, что не заметил.

При первой возможности, — Королев об этом докладывал и раньше, — стопятидесятитонники предполагается заменить на двигатели с тягой в шестьсот тонн. Сразу этого сделать нельзя, сроки не выдерживаются, получение сверхмощной тяги требует длительной конструкторской и стендовой отработки. К тому же подобных циклопических стендов в Союзе не существует, их строительство — отдельная проблема.

По словам Сергея Павловича, во множестве двигателей первой ступени была и своя привлекательность, выход из строя одного из них не приведет к катастрофе, специальная система отключит симметричный ему двигатель на противоположной стороне, чтобы не случилось перекоса, а оставшиеся сделают свое дело. На такой случай закладывается определенный избыток тяги.

Отец поинтересовался: зачем вообще заниматься шестисоттонниками, если есть более простое решение. Королев, не вдаваясь в подробности, ответил, что он не останавливается на всех технических проблемах, их немало. Работа над мощными двигателями необходима. Отец не стал углубляться, надо так надо.

Королев припас еще один аргумент в пользу шестисоттонника. Он достал из планшета очередной плакат с колоссальной, иного слова не подберешь, ракетой.

— Это наше будущее, дальняя перспектива, — пояснил Сергей Павлович, — с ее помощью можно послать человека на Марс. Тут без двигателей повышенной тяги не обойтись, ведь стартовый вес по сравнению с Н-1 возрастет во много раз.

Королев предлагал стопятидесятитонники делать у Кузнецова, но с привлечением Глушко, а мощные двигатели целиком поручить конструкторскому бюро Глушко.

Валентин Петрович сделал рукой какой-то неопределенный жест, как бы протестуя.

— Что вы скажете, товарищ Глушко? — обратился к нему отец.

Валентин Петрович попытался уйти от прямого ответа. Он сказал, что задача сама по себе интересна, но он сейчас перегружен, на нем висят и Янгель, и Челомей. Затем Глушко повторил уже не раз высказывавшуюся им точку зрения, что

способность тяжелых компонентов самовозгораться при взаимном соприкосновении создает более устойчивый процесс горения, а с кислородом и керосином дело обстоит значительно сложнее. Успешной работы однокамерного двигателя большой тяги он гарантировать не берется. Он выразил удивление той легкостью, с какой Королев подходит к столь сложной технической проблеме. Что же касается водорода, то тут вообще темный лес, надо осваивать такие низкие температуры… Непонятно, как и подступиться. Всем своим видом Глушко демонстрировал, насколько ему не хочется участвовать в этом проекте.

Отец не отреагировал на тираду Глушко, лишь кивнул Королеву: можно продолжать. Сергей Павлович достал следующий лист. Речь пошла об этапах полета к Луне. Предполагалось, что в выведенном на орбиту Земли межпланетном космическом корабле разместятся два человека. На троих, как это предусматривалось в американском проекте, Н-1 просто не тянула.

Дальнейший полет строился так же, как и в проекте «Аполлон». Другое решение трудно себе представить, законы механики едины для всех.

Однако с орбиты Луны на ее поверхность советскому космонавту предстояло опуститься в одиночестве, его напарник должен был оставаться в орбитальном модуле. Если на Луне с космонавтом что-нибудь случится, на помощь ему рассчитывать не приходилось. Королев аргументировал решение просто: если там пыли с пятиэтажный дом, то, провалившись в нее, ни вдвоем, ни впятером не выкарабкаться, а если поверхность твердая и лунный блок прилунится без аварии, то и в одиночку не страшно. Его слова звучали убедительно, но становилось очень неуютно. Стоило представить себя в одиночестве в чужом мире за сотни тысяч километров от Земли. А вдруг космонавт упадет? В громоздком скафандре можно и не подняться. Так и останешься лежать на спине, суча руками и ногами, как неуклюжий жук, перевернутый прутиком шалуна.

Как и в случае с автоматическими лунными станциями, предусматривался сначала облет Луны, а уж следом посадка.

Отец пришел в хорошее настроение. Нынешний доклад звучал несравненно конкретнее предыдущих, прослеживались этапы, задачи каждого из них четко очерчивались. Проглядывалась реальная возможность снова оставить позади американцев. Идеи Королева все больше увлекали отца. Но земные заботы не отпускали. Он поинтересовался, сколько будет стоить весь проект. На сей раз у Королева на отдельном листе приводились расчеты. По его прикидкам, осуществление проекта

потребует несколько миллиардов рублей, сколько, я сейчас не помню, да это и не так важно. Подсчитать истинные расходы Королев просто не мог. Каждое ведомство оплачивало работы по-своему, где завышая, где занижая истинные затраты, в зависимости от своей, ведомственной выгоды. Максимум, что мог сделать Сергей Павлович, это просуммировать собственные потребности и потребности своих ближайших соисполнителей. Но и от этой цифры отец поежился.

К слову, сколько Советский Союз потратил на лунную программу, неизвестно и поныне. Преемники Королева считают, что к моменту прекращения работ в январе 1973 года затраты составили 3,6 миллиарда рублей. Что включено в эти 3,6 миллиарда, а что осталось за бортом, столь же неясно сейчас, как это было в 1963 году. Интуитивно представляется, что если бы можно было скрупулезно учесть все расходы, то цифра бы возросла в четыре-пять раз. Американский полет на Луну с высадкой и благополучным возвращением обошелся налогоплательщикам в двадцать один миллиард долларов.

Тем временем Королев продолжил свой рассказ.

На стол лег следующий лист из, казалось, бездонного планшета. На нем демонстрировалась компоновка ракеты. В разрезе она напоминала детскую пирамиду — убывающие по диаметру шарики нанизывались на стержень трубопроводов.

Я поразился. Сергей Павлович отказался от классической схемы, в которой внешняя оболочка ракеты служит одновременно и баком для горючего или окислителя. Тем самым экономятся драгоценные килограммы, которых всегда так не хватает. Здесь же шары баков повторно одевались в конус внешней обшивки. Королев стал пояснять: необычное решение принято не случайно — это результат глубокой проработки. Модульно-шаровая компоновка позволяет по желанию наращивать ракету, подставляя, под нее еще одну ступень, или урезать ее, каждый следующий снизу вверх блок ракеты без переделок можно использовать самостоятельно.

Огромные диаметры ступеней — еще одно больное место всех мощных носителей. Хочешь не хочешь, а размеры ракеты во многом зависели от тесных рамок транспортных ограничений.

Сергей Павлович задумал проводить сборку ракеты на месте. На стартовой позиции он намеревался построить сборочный цех, вернее, завод. Там на стапелях предполагалось варить мегалитровые шаровые баки различных диаметров, собирать носитель воедино. Как ни вертись, получалось настоящее производство, требующее не только тысяч и тысяч квадратных метров, но и тысяч людей, рабочих и инженеров высокой

квалификации. Всех их предстояло разместить в Приаральской пустыне. Значит, придется строить жилье, оборудовать быт.

Отец бросил неопределенно:

— Подумайте, готовьте предложения. На Президиуме ЦК мы еще посоветуемся и решим.

Челомей считал затею создания завода-старта по меньшей мере несерьезной, а инженерное решение, влекущее за собой подобные технологические трудности, вежливо говоря, неизящным. Это было его любимое словечко.

— А если ракета взорвется на старте? — патетически восклицал он. — Все разлетится. Как можно до такого додуматься?

Он как бы накликал беду: при втором пуске Н-1, едва оторвавшись от земли, грузно осела и вдребезги разнесла все окружающие сооружения. Несчастье произошло через восемь лет после того памятного разговора на даче.

Отец остался доволен рассказом Королева. Многое еще предстояло решить, но прогресс был налицо.

Подошло время обедать, на противоположном конце стола уже расставляли столовые приборы.

Разговор, ради которого отец пригласил ученых, так и не начался. В воздухе висело напряжение: гости гадали, когда он приступит, а отцу очень не хотелось омрачать встречу. Отведенная ему роль наставника, отчитывающего нерадивых воспитанников, резко контрастировала в его душе с глубоким уважением и симпатией, испытываемыми к обоим конструкторам.

Обед давал повод оттянуть неизбежное объяснение, и отец ухватился за эту возможность. Он с улыбкой позвал гостей к столу, сопроводив свое приглашение словами: «Дела от нас не уйдут, не будем портить аппетита».

Королев и Глушко восприняли отсрочку с явным облегчением.

Обед прошел по-деловому, без тостов. Выпили по маленькой, грамм на пятнадцать, рюмочке коньяка, и отец сказал:

— Нам еще работать.

Когда вышли из-за стола, отец, проговорив: «Нам тут надо пошептаться», отозвал Королева и Глушко в соседнюю комнату и плотно закрыл дверь. Я прошел в гостиную.

Отсутствовали они минут сорок. О чем там шла речь, я узнал только после отъезда гостей.

Первым из комнаты вышел отец и, направляясь через гостиную к лестнице на второй этаж, не очень любезно полуизвинился: он покинет собравшихся, необходимо посмотреть

срочные документы.

Королев и Глушко следовали за отцом, отстав на два или три шага. Выглядели оба понуро. Королев что-то втолковывал Глушко. Когда они поравнялись со мной, я услышал свистящий шепот:

— Змея ты подколодная…

Глушко ничего не ответил и отвернулся.

Отец поднялся на второй этаж. Обычно он не позволял себе такого невнимания к гостям. Никаких сверхсрочных пакетов не поступало. О них бы доложил начальник охраны, а он в доме не появлялся. Просто отцу хотелось остыть от неприятного разговора. Вот он и придумал неотложное дело.

Обстановку разрядил Валентин Петрович. Он произнес в пространство, не обращаясь ни к кому конкретно, что ему хочется подышать воздухом и он пройдется по лесу. Глушко вышел на веранду.

Королев постоял еще несколько мгновений и направился ко мне. Сев рядом на диван, Сергей Павлович долго молчал. Его молчание давило на меня, я заерзал, снова ощутил себя не в своей тарелке. Он вдруг произнес:

— Володя совершает большую ошибку. Из этого цирка в космосе ничего не получится.

Он говорил о Челомее. Что такое «цирк в космосе», я не понял. Молчал, ожидая разъяснений.

— Перехват в космосе… Все эти погони незнамо за кем, фазированные системы. Сборка кораблей на орбите хороша для фантастических романов, в жизни же надо оставаться реалистами. Разве мыслимо там, — он ткнул пальцем куда-то вверх, — найти двум пылинкам друг друга? В далеком будущем, возможно, а сейчас это пустая фантазия. Выброшенные деньги, — произнес он. — Для этого нужны другие системы управления, другие приборы. Пока же межпланетные корабли придется собирать на Земле.

Он на мгновение задумался и повторил:

— На Земле…

Тут нужно кое-что пояснить. В те годы романтического стремления к дальним мирам и у нас, и у американцев вполне серьезно обсуждались технические возможности полета пилотируемого корабля к Марсу. Сооружение получалось тяжелым, громоздким, и большинство специалистов сходились на том, что собирать его придется из частей, доставляемых ракетами на орбиту Земли. Челомей слыл первым приверженцем космической сборки.

Сергей Павлович, как выяснилось, придерживался

противоположной точки зрения.

— Володя ошибается, — продолжил прерванную мысль Сергей Павлович, — встреча на орбите — удел следующих поколений. Чтобы там ни обещали наши управленцы… А поэтому ваша «пятисотка», брауновский «Сатурн», все эти ракеты с навесными боковыми баками — тупик. Деньги улетучатся, а вы уткнетесь в стену… «Сатурн» приблизился к ней вплотную. Он подошел к пределу по прочности. Три тысячи тонн! Ну еще тысяча, две, от силы — три и… конец! Оболочка не выдержит, ракета сложится в гармошку.

— Все будем собирать на Земле, — вернулся он к исходной мысли, — и, не мудрствуя лукаво, забрасывать в космос. Тогда не придется заниматься бесконечными поисками запропастившихся блоков, сборкой их в совершенно непригодных для работы условиях. Я уже не говорю об испытаниях. А если что откажет?

Наступила пауза.

— Нам придется в ближайшие годы, — начал было Королев и снова замолчал: казалось, он что-то прикидывает. — Не нам, а вам, — поправился он, — решать проблемы вывода на орбиту сотен и даже тысяч тонн. Тут потребуются совсем иные ракеты. От старой схемы придется отказываться, она себя исчерпала. Поэтому в Н-1 мы предложили совсем иной, новый принцип — корабельный.

В разговоре с отцом Королев настолько не углублялся. Почему он решил вдруг выговориться передо мной, человеком молодым и не годящимся в судьи? Скорее всего ему хотелось отвлечься от недавнего неприятного разговора.

— Конструкция становится модульной, — повторил он, — тут мы немного проигрываем на шаровых баках. Зато предложенная форма позволяет преодолеть ограничения по прочности и строить космические ракеты практически неограниченных размеров. Браун остановится, а мы пойдем дальше.

— Единственно правильное: собирать ракеты на месте, как морские корабли. Остальные варианты не имеют будущего. Особенно традиционные. Для сегодняшней Н-1 они еще проходят, а в будущем носители вообще станет невозможным транспортировать, не поможет никакой корабль, баржа, а тем более самолет. Ведь речь пойдет о многих сотнях тонн и диаметрах во многие десятки метров.

Я слушал как зачарованный. Сергей Павлович заразил меня своим энтузиазмом, грандиозностью замысла. С таким полетом фантазии я не сталкивался даже при разговорах с Челомеем, а он любил и умел мечтать.

Точнее, это была не фантазия, а план действий. В тоне

Королева не было ни тени сомнения. Его слова, казалось, опирались на прочный фундамент.

— Да, корабли… — интонация голоса Сергея Павловича приобрела незнакомый, почти сентиментальный оттенок, — их строят на стапелях и отправляют в плавание. Так будем поступать и мы: варить баки, собирать ракету прямо на старте, там же испытывать и запускать. Иначе не получится. Сегодняшнюю Н-1 еще можно с трудом передвинуть с места на место, следующая будет в семь тысяч тонн. А там двенадцать, за ней восемнадцать тысяч тонн.

— Представляешь, ракета размером с крейсер, восемнадцать тысяч тонн, — Сергей Павлович, казалось, ее ощущал, видел возвышающуюся на стапеле-старте громаду, — а вы собираетесь играть в жмурки в космосе.

Что и говорить, проект захватывал, но я не мог согласиться с Сергеем Павловичем, что встреча на орбите — это химера. Тут он ошибался. Я попытался объясниться, рассказать о полученных нами результатах. Мне стало обидно за столь пренебрежительный отзыв о специалистах по системам управления.

Королев выговорился и потерял ко мне интерес.

Откуда-то сверху явственно доносился звук неспешных шагов. Видимо, отец спускался по лестнице. Он заглянул в комнату.

— Вот вы где, — проговорил отец так, будто разыскивал нас по всему дому. На лице его светилась улыбка, он явно не намеревался продолжать неприятные объяснения.

— Пошли попросим чаю, — обратился отец к Королеву и, спохватившись, добавил: — А где Глушко?

— Вышел погулять, — поспешил я внести ясность.

— Найди его и приведи на веранду пить чай. И сам приходи, — распорядился отец, увлекая Королева за собой.

Валентина Петровича я нашел в лесу. Он сидел на лавочке и наслаждался тишиной. Я окликнул его, и мы поспешили к столу.

Чаепитие прошло мирно. Ничто не нарушало благолепия тихого теплого летнего вечера.

Больше отец их мирить не пытался.

Я рассказал Челомею о сомнениях, высказанных Королевым. Вдруг он прав, мы что-то недоучитываем. Челомей считал, что именно мы на правильном пути.

Что же до стапельной идеи Королева, то он просто пришел в ужас. Собирать этаких монстров в полигонных условиях, по его мнению, чистое безумие. Сегодня, благодаря возможности отработки на стендах отдельных модулей, сделанных в заводских условиях, еще удается как-то уложиться в приемлемые сроки испытаний. Ухватиться же за нужную ниточку, когда все

завяжется в единый клубок, станет несравненно сложнее, отработка из-за все новых, не повторяющихся в своем разнообразии отказов безнадежно затянется. Все это будет гораздо сложнее, чем стыковка в космосе, где не две пылинки, бесцельно тычась, ищут друг друга, а точнейший наземный комплекс ведет космические аппараты.

Челомей соглашался с Королевым: традиционная конструкция с одним центральным и несколькими навесными баками приближается к пределу прочности. Но это — полторы сотни тонн на орбите. Из таких «кирпичиков» можно построить любой дом, только каждому модулю необходимо придать свою функцию и снабдить его разумным минимумом стыковочных узлов.

Наращивая стартовый вес, Королев, по мнению Челомея, попадал в замкнутый круг. Конструкцию ракеты неизбежно придется делать все прочнее, отнимая все больше веса у полезной нагрузки. В результате ракета полнеет, а космический корабль худеет. Нетрудно подсчитать, когда увеличение стартового веса не только не приведет к увеличению полезной нагрузки, а, наоборот, вызовет ее уменьшение.

Я остановился на этих технических деталях, потому что вокруг именно этого противоречия завязался тугой узел.

Наверху, в первую очередь Устинов и Брежнев, поддержат Королева. Н-1 победит…

Сейчас мы знаем, что в королёвском КБ активно прорабатывали проблему сборки на орбите. В одном из вариантов даже предполагалось лунный корабль выводить в космос по частям, сводить и состыковывать модули, а потом уже лететь дальше. Пытался ли Сергей Павлович ввести меня в заблуждение? Нет, конечно, я ничего не решал — так, мелкая сошка. Скорее всего он говорил, что думал, а то, что в отделах его конструкторского бюро рассматривались и другие варианты, это нормально. Надо проверить все возможности, с тем чтобы одни отвергнуть, а другим дать путевку в жизнь. Со своими он не позволял себе откровенничать, какой смысл расхолаживать коллектив? Люди обязаны верить в то, что делают, даже если им поручено разрабатывать «тупиковый» вариант. Со мной же он позволил себе расслабиться, сказал, что думал.

Переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия вступили в заключительную фазу. Казалось, обе стороны наиспытывались вдоволь, убедились в пагубности этого дела, решились остановиться. После завершения двух наших серий

взрывов в атмосфере и американских экспериментов с ядерным оружием в космосе все амбиции были удовлетворены, военные обеспечены всем необходимым на годы вперед, но в последний момент каждый раз что-то мешало, уже согласованная договоренность готова была рассыпаться.

К новому, 1963 году пришли с оптимизмом: подписания соглашения ожидали со дня на день.

В своем интервью газете «Дейли Экспресс», опубликованном 1 января, отец продемонстрировал готовность прекратить испытания.

Последний шаг давался с трудом.

Камней преткновения оказалось больше, чем предполагали. Выделялись своими размерами два. Отец снова попытался вернуться к своей старой идее о полном запрещении испытаний. Он убеждал Кеннеди, что у противостоящих сторон оружия вполне достаточно, пора остановиться. И тут же спотыкался об инспекции и контроль. Взрыв в атмосфере спрятать, по общему мнению, невозможно, а вокруг подземных возникали бесконечные споры.

Наши ученые, проведя эксперименты, утверждали, что, не выходя за государственные границы, можно зафиксировать подземный атомный взрыв, а ученые США боялись ошибиться, настаивали на выезде на места. Известно, насколько болезненно в те годы воспринималась у нас подобная инициатива.

Отцу до боли не хотелось лезть под землю. Я уже говорил, он считал подземные испытания слишком дорогим, разорительным для страны удовольствием. Поэтому он решил еще раз попробовать отыскать компромисс. Американцы настаивали на инспекциях. Воспользовавшись доверенными каналами связи, Кеннеди дал понять отцу, что его устроят и два-три посещения подозрительных мест в год. Отец скрепя сердце выдавил из себя согласие, 9 января 1963 года в своем письме к Кеннеди принимал его идею о двух-трех инспекциях в год. Но Пентагон и ядерное ведомство, министерство энергетики, настаивали на десятках посещений, да еще в любых точках, выбранных ими на карте Советского Союза. Они уговорили президента, и он поменял свое мнение, принял их сторону. Тем не менее он сохранял надежду на договоренность. Одновременно со своим ответом отцу Кеннеди громогласно объявил о моратории на проведение подземных взрывов на время переговоров. Отец посчитал американскую позицию неприемлемой, посетовал: «Протяни им палец, они всю руку отхватят».

Мораторий не продержался и двух недель. Президент заявил, что в связи с несговорчивостью Москвы он вынужден возобновить

взрывы. Вынужден…

Отец с горечью жаловался на позицию США в апреле в интервью итальянской газете «Джорно». В конце концов он смирился. Подземным испытаниям суждено было продолжаться долгие годы. Так же как и обсуждению контроля за ними, включая инспекции.

Другое осложнение возникло из-за вновь появившихся ядерных держав — Великобритании и Франции. Отец опасался, что его обманут, американцы начнут взрывать свои заряды, перекрасив их в английские или французские цвета. Мы начнем отставать, и, как в прошлые годы, встанет проблема возобновления собственных испытаний. Наконец и здесь договорились. Великобритания приняла условия договора, а на Францию махнули рукой. Уде Голля давно не ладилось с Вашингтоном и Лондоном, и отец надеялся, что на французские полигоны американцы не получат доступа.

Дальше дело пошло живее. С апреля возобновились интенсивные переговоры. Утрясали детали, закругляли острые углы. Наконец обе стороны потянули воз в одном направлении.

23 апреля отец принял вместе американского посла Ф. Колера и английского посла сэра Х. Тревельяна. Втроем они обсудили основные положения договора. Следом в Москву прилетел Уильям Аверелл Гарриман. Хотя главной темой переговоров было подтверждение венских договоренностей по Лаосу, не миновали в разговоре и запрещения испытаний.

Отец соглашался идти вперед. Президент Кеннеди шел навстречу. 12 июня «Правда» опубликовала отчет о выступлении президента США в Американском университете в Вашингтоне. Кеннеди заявил: «Нас разделяет пропасть… Нам надо сосуществовать…» — и дальше он заговорил о мирном сосуществовании государств с разными экономическими системами, о бессмысленных тратах на производство гор оружия, о разрушительности ядерных зарядов, о необходимости приложить все усилия для обеспечения лучшей жизни людей на земле сейчас и в будущем. Если отвлечься от идеологических штампов, то Кеннеди говорил языком Хрущева. После этого выступления отец начал повторять, что Кеннеди защищает свой строй, а Хрущев — свой, но в одном они сходятся: в непреклонном стремлении предотвратить войну, обеспечить мир на Земле.

Далее Кеннеди снова по-хрущевски сказал, что обе стороны должны принимать мир таким, какой нам достался, не выискивать расхождения, а стремиться к взаимопониманию, избегать конфронтации, не загонять противника в угол, где ему придется выбирать между позором капитуляции или ядерной войной.

В заключение Кеннеди обнадежил мир, подтвердив отказ США от дальнейших взрывов в атмосфере, проинформировал собравшихся, что он, Хрущев и Макмиллан наконец договорились о встрече своих представителей в Москве для достижения соглашения об испытаниях. Так устами американского президента важнейшую новость донесли до советских людей.

Наступил решительный момент. 13 июля в Москву прибыли Гарриман и представитель правительства Великобритании лорд Хейлшем. Им предстояло утрясти с Громыко последние детали. Договорились, что подписание договора состоится в Москве.

Отец был чрезвычайно доволен. Я бы даже позволил себе сказать, счастлив. У меня где-то внутри гнездились сомнения: не обманули ли нас? Не оторвутся ли американцы вперед, воспользовавшись богатым опытом подземных испытаний? Отец отшучивался. Он повторял слова, сказанные в Вене: если мы уже сейчас можем уничтожить США, то стоит ли тратить силы, чтобы иметь возможность сделать это многократно.

Наконец 4 августа в Москве министр иностранных дел Громыко, министр иностранных дел лорд Хьюм и государственный секретарь Раек подписали соглашение между СССР, Великобританией и США об отказе от испытаний ядерного оружия в трех средах: в атмосфере, под водой и в космическом пространстве.

Отец присутствовал при подписании соглашения вместе с Генеральным секретарем ООН У Таном.

Одновременно договорились об установлении прямой связи между Москвой и Вашингтоном — горячей линии на случай возникновения непредвиденных ситуаций. Другими словами, СССР и США арендовали у компании «Вестерн Юнион» пару проводов в ее трансатлантическом кабеле, установили в подвалах Кремля и Белого дома телетайпы. Теперь появлялась возможность выяснить истинные намерения сторон, не прибегая к посредникам, будь то послы, разведчики или журналисты, отпадала необходимость выстаивать в Лондоне в долгой очереди срочных сообщений, ожидающих доступа к телеграфной линии.

На следующий день отец улетел в отпуск в Пицунду. Я остался в Москве.

Отец пригласил Дина Раска отобедать с ним там, на

побережье Черного моря, а заодно немного отдохнуть. Встреча прошла непринужденно, почти по-дружески. Впервые со времени прощания с послом Ллуэлином Томпсоном отец так тепло принимал американского гостя. Он как бы предлагал поставить крест на старом, открыть новую страницу в наших отношениях.

Я убежден, что заключение соглашения об ограничении испытаний — это один из уроков, вынесенных высшими руководителями из Карибского кризиса. Никогда и нигде не проявляется так чувство ответственности, как на грани, вынуждающей принимать окончательные решения, а не только говорить о них. После кризиса многое представилось в ином свете, верх взяло опасение: как бы не опоздать!

Проникнувшись определенным доверием к словам американского президента, отец прилаживался к длительному сотрудничеству с Джоном Кеннеди. Он считал, что раз им удалось договориться, не пострадав и не уронив достоинства своих стран, выйти из столь серьезного испытания, как Карибский кризис, то окажутся по плечу и другие проблемы, требующие совместного решения.

Отец не идеализировал президента США, не рассчитывал, что он, представитель иной идеологии, может стать его искренним другом. Нет, речь шла о поисках путей выживания на этой планете, раз уж судьба определила нам жить по соседству, о том, что он называл мирным сосуществованием. Слова, произнесенные Кеннеди в Американском университете, подтверждали его надежды. Отец все чаще возвращался к своим нехитрым подсчетам, основанным на убежденности, что Кеннеди переизберут на второй срок. Следовательно, впереди еще шесть лет. Для динамичного мира срок немалый.

Пока же завязывался новый узел. Американцы все глубже втягивались в войну во Вьетнаме.

Карибский урок не распространялся на Юго-Восточную Азию; семнадцатая параллель располагалась достаточно далеко и от США, и от СССР.

Отец внимательно следил за развитием событий, но не спешил вмешаться, опасался, что китайцы приложат все усилия, чтобы столкнуть нас там лоб в лоб с американцами. Уж не знаю, переоценивал ли он влияние Китая на Вьетнам, но в данном случае лучше переоценить, чем недооценить.

Отец не торопился и с военной помощью. Начиная наступление на юг, вьетнамцы не спрашивали нашего совета, действовали на свой страх и риск.

Осенью 1963 года отец несколько раз возвращался к своему разговору с Кеннеди в Вене о возможности объединения усилий в

лунном проекте. Тогда он отверг предложение президента о сотрудничестве, опасаясь за военные секреты, и ограничился соглашением о совместной деятельности в области мирного космоса. Это была скорее декларация об обмене информацией, чем серьезная программа работ.

По мере постановки на боевое дежурство все большего количества межконтинентальных ракет взгляды отца трансформировались. Возможность раскрытия перед американскими учеными некоторых наших секретов переставала казаться ужасной. Раньше отца особенно беспокоило, что за океаном узнают, что межконтинентальных ракет у нас раз, два и обчелся. К тому же уровень их боеготовности не шел ни в какое сравнение с возможностями противной стороны. Такая информация, по мнению отца, могла толкнуть горячие головы на превентивные действия. Пока не поздно…

К 1963 году возможность нанесения ответного ядерного удара по территории США по сравнению с 1961 годом изменилась кардинально. Р-16 одна за другой устанавливались на боевых позициях. В сентябре успешно начались летные испытания янгелевской Р-36. Перспективная ракетная программа приобрела законченный вид. Если там узнают, что Советский Союз обладает массовыми межконтинентальными ядерными носителями, вреда не будет. То, что УР-100 только начали проектировать, отца не смущало, — пройдет не так уж много времени, и они появятся на боевых стартах.

Встреча с Королевым и Глушко заставила отца еще раз задуматься о лунной программе. Уж больно дорого Сергей Павлович запросил за свою Н-1. Впервые слова отца, точнее, мысли вслух о возможности заключения соглашения с США об осуществлении лунной программы я услышал где-то во второй половине сентября. Толчком к этому, видимо, послужило состоявшееся 20 сентября выступление американского президента на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в котором он снова предложил нам лететь на Луну вместе. Отец еще ни с кем не делился своими идеями, но я знал по опыту: раз они возникли, то пробьют себе дорогу. Последний раз отец вернулся к этой теме в ноябре, где-то за неделю до трагической смерти Кеннеди. Он сказал, что советский посол Анатолий Добрынин встречался с президентом США, и среди вороха иных проблем Кеннеди упомянул и лунную программу, просил передать в Москву, что его предложение объединить лунные программы наших стран серьезно, и он хотел бы в ближайшем будущем обсудить его в деталях.[108] «Надо подумать, — в задумчивости проговорил отец и добавил: — Очень заманчиво, мы сэкономим кучу денег, не

говоря уже обо всем другом». О чем другом, отец не уточнил. Не могу сказать, чтобы эта информация меня обрадовала. Мне казалось, что раскрытие наших секретов противнику чрезвычайно опасно. Сегодня их гнетет миф о нашем превосходстве: мощные носители, таинственное горючее, фантастически точные приборы и кто знает что еще. Но мы-то знаем, что ничего этого нет, наши ракеты, возможно, не хуже, но уж никак не лучше стартующих с мыса Канаверал. В 1957 году, до какой-то степени в 1961-м еще можно было говорить об исключительной грузоподъемности «семерки». Сегодня все это ушло в прошлое, а УР-500 и Н-1 здорово уступают «Сатурну». Я не мог не высказать свои опасения отцу. Он согласился с моими доводами, но выводы у него оказались противоположными. Отец повернул их в подтверждение своей точки зрения: если мы не в состоянии сохранить первенство, то тем более имеет смысл объединить усилия.

Мои страхи насчет военных секретов он не отбрасывал, но считал их преувеличенными. Отец снова повторил признание Кеннеди нашей способности уничтожить Соединенные Штаты. Он только чуть перефразировал свой ответ: «Используем ли мы более или менее совершенные ракеты, не имеет никакого значения. Если там убедятся, что подобное в принципе возможно, все остальные соображения отойдут на второй план. Кеннеди — разумный политик, война так же не входит в его планы, как и в наши. Будем договариваться, решать дело миром. Через шесть лет, когда ему придется уступить свое кресло в Белом доме, мы насытимся «сотками». Так что, даже если их политика претерпит коренные изменения, наша страна все равно окажется американцам не по зубам».

Отец замолчал, разговор иссяк.

О покушении на Джона Кеннеди отец узнал вечером 23 ноября. Накануне он вернулся из Киева, где готовился к очередному Пленуму ЦК и одновременно позволил себе немного отдохнуть. Трудно сейчас припомнить час, но уже совсем стемнело, что неудивительно в конце ноября. Мы поужинали, отец дочитывал вечернюю почту и собирался к себе на второй этаж, когда в гостиной раздался звонок телефона правительственной связи.

Вечерние звонки в резиденцию давно стали редкостью. Отец считал, что делами нужно заниматься на работе, а дома отдыхать. Конечно, если можно назвать отдыхом ежевечернее корпение над грудами бумаг, захваченных из Кремля. Тревожили отца лишь в исключительных случаях.

— Добрый вечер, товарищ Громыко, — проговорил отец в ответ на первую фразу невидимого собеседника. — В чем дело? Что случилось?

Отец долго слушал, лицо его стало сосредоточенным, потом расстроенным.

— Вы позвоните послу, уточните. Возможно, это какая-то ошибка, — сдавленным голосом проговорил он, — потом немедленно перезвоните мне.

Отец положил трубку и, отойдя на середину комнаты, остановился как бы в нерешительности: возвращаться к столу или подождать здесь. Он переминался с ноги на ногу, на лице его застыло горькое выражение.

Я не выдержал, — уж очень необычным показалось поведение отца, — и спросил, в чем дело. Впрочем, не очень рассчитывая на ответ. В таких случаях спрашивать не полагалось.

Неожиданно отец с охотой откликнулся. Вопрос перебил череду невеселых дум. Он сказал, что американцы передали по радио, кто-то стрелял в Джона Кеннеди. Он сейчас в поездке по стране. Дальше — неясно: то ли ранили, то ли убили… Сообщения противоречивые. Да если и вправду совершено покушение, то журналисты вряд ли имеют исчерпывающую информацию.

— Я попросил Громыко уточнить у посла, — повторил отец уже слышанную мною фразу. — Конечно, и у него вряд ли есть точная информация…

После паузы отец как-то отрешенно произнес:

— Если президент жив…

И, не закончив, запнулся. Что он хотел сказать?

Услышав слова отца, мама и моя сестра Лена, читавшие в столовой, бросили свои дела и присоединились к нам. Повисло тягостное молчание. Посередине комнаты стоял небольшой полированный круглый столик и три кресла. Отец кружил вокруг них. Я сел на стул у телефона. Мама с Леной разместились на диванчике у стены.

Телефон молчал. Отец не выдержал. Разыскал по справочнику телефон Громыко и набрал номер. Секретарь ответил, что Андрей Андреевич дома. Отец, назвавшись, попросил, чтобы Громыко перезвонил к нему на квартиру. Через минуту раздался звонок.

Отец с легким неудовольствием осведомился:

— Почему так долго нет известий?

— Заказали Вашингтон, никак не соединяют, — стал оправдываться Андрей Андреевич.

— Какой Вашингтон? — удивился отец.

— Посла, как вы велели, — ответил Громыко.

— Я говорил об американском после, о Колере, — начал раздражаться отец, — если случилось несчастье, его проинформируют в первую очередь. Позвоните ему и сразу, сразу соединитесь со мной.

Отец положил трубку и как-то полуулыбнулся.

— Вот непонятливый. Стал звонить в Вашингтон, в наше посольство, а не к американцам, — пояснил он. — Сейчас перезвонит.

Отец возобновил свое кружение. На сей раз ожидание не затянулось. Андрей Андреевич сообщил, что в президента Кеннеди стреляли в Далласе — столице Техаса. Президент скончался…

Не вешая трубку, отец выдержал паузу, что-то обдумывая, потом заговорил о соболезновании, о нашем участии в траурной церемонии. Громыко ответил, что представлять государство может посол, но мог бы в Вашингтон полететь и он. Он сказал, что, с одной стороны, Кеннеди — глава империалистического государства и нам особо скорбеть о нем не пристало, но, с другой стороны, появление советского министра расценят положительно. Громыко сослался на прецедент — свою поездку на похороны Джона Фостера Даллеса.

Отец все уже успел обдумать. Он считал, что ранг министра в данном случае недостаточен. Президента должен хоронить президент, но так как Брежнев в Америке фигура малоизвестная, то, по его мнению, лучше всего поручить печальную миссию Микояну. Громыко тут же согласился. В заключение договорились, что Андрей Андреевич узнает, когда отец сможет выразить свои соболезнования в посольстве США. Отец сказал, что, кроме официальной протокольной телеграммы новому президенту Джонсону, он хочет послать соболезнование вдове Кеннеди Жаклин.

Немного подумав, добавил:

— И от Нины Петровны отдельно. Они встречались в Вене.

Такое произошло впервые. Мама сопровождала отца в поездках, к этому постепенно привыкли, но на этом ее участие в государственных делах ограничивалось. Своим жестом отец хотел, как мог, подчеркнуть неформальность, искренность своего сопереживания.

На следующий день в сопровождении Громыко отец посетил посла США Колера, расписался в книге. На имя Джонсона ушло послание, в котором он отмечал: «Я сохраню память о личных встречах с Президентом Джоном Ф. Кеннеди как деятелем широких взглядов, реально оценивавшим обстановку и стремившимся найти пути решения международных проблем,

ныне разделяющих мир, посредством переговоров».

Жаклин Кеннеди отец написал: «У всех, знавших его, он вызывал большое уважение, и встречи с ним навсегда останутся в моей памяти».

24-го Микоян прибыл в Вашингтон.

Еще через день президент США Джонсон сделал заявление, подтверждающее жесткую позицию его страны в отношении Вьетнама.

А еще через несколько дней во время вечерней прогулки отец вдруг вспомнил о своих лунных идеях. С горечью он произнес, что вопрос отпал сам по себе. Он доверял Кеннеди, рассчитывал на взаимопонимание. Был готов к рискованным по тем временам контактам не с администрацией США, а с личностью. Теперь личности не стало…

Немного подумав, он добавил, что с Джонсоном все пойдет иначе.

Шести лет, на которые рассчитывал отец, у президента Кеннеди в запасе не оказалось. Не было их и у отца.

Меня в те дни одолели свои заботы. На конец октября — начало ноября наметили запуск ИС (истребитель спутников), первого нашего, челомеевского, спутника. Он представлялся его создателям невиданным достижением. В отличие от всех предыдущих подобных аппаратов, и королёвских, и янгелевских, как я уже рассказывал, спутнику предстояло научиться менять орбиту, перемещаться вверх, вниз, влево, вправо, искать себе подобных, создавать ассоциации, прообраз будущих космических поселений, или уничтожать себе подобных.

Первый пуск произвели на «семерке» 1 ноября 1963 года. Штатный носитель УР-200, как мы и ожидали, запаздывал. Его дебют состоялся через два дня, 3 ноября, естественно, без полезной нагрузки.

Новый спутник получил несекретное наименование — «Полет», тем самым Владимир Николаевич провозглашал свою собственную линию космических аппаратов. Однако название не привилось, вскоре все челомеевские пуски ИС пошли под безликой маркой «Космос» с многозначными номерами.

Американцы, внимательно следившие за каждым нашим космическим экспериментом, в отношении полета сделали заключение, что его назначение скорее военное, чем мирное. Невиданная до сего времени маневренность «Полета» позволяла ему разыскать и сблизиться с любым орбитальным аппаратом, своим или чужим. Поэтому в США сделали вывод, что он может быть использован в качестве космического перехватчика.

С советской стороны опровержения не последовало.

Немалыми успехами мог похвастать и Янгель. Наконец-то завершились испытания ракетных шахт. Теперь не только Р-16, опередившая сестер на полгода, но с декабря 1963 года Р-12 и Р-14 получили прописку под землей. Со следующего года планировалось строительство только защищенных стартов.

Новый 1964 год, последний год своей активной политической деятельности, отец начал с мирной инициативы. Он призвал главы государств и правительств к решению всех спорных территориальных вопросов мирными средствами. Такие призывы появлялись и раньше, но сейчас речь шла о конкретных, грозящих вспыхнуть войной точках: Германии, Вьетнаме, Корее и Тайване. Этот призыв я отношу еще к одному из уроков Карибского кризиса: время угроз миновало.

Казалось, всё просчитали с Кубой: договор двух суверенных государств, не отличающийся от многих подобных, заключенных с другими державами, а чем обернулось…

Наступал новый период мировой истории. Период, когда война переставала служить инструментом политики. Происходившую метаморфозу не все восприняли одновременно, одним дано было это осознать раньше, другим — позже. Отец один их первых решительно вложил меч в ножны.

Между тем в первые месяцы 1964 года завязался узелок кризиса, который отцу, оказалось, не суждено было пережить. На сей раз события разворачивались не где-то вдали, а здесь, дома, в Москве. От отца решили избавиться.

Прошедшее десятилетие он посвятил попыткам наладить, запустить механизм экономики. На решение именно этой задачи нацелены были многочисленные, переходящие одна в другую реорганизации, упразднение одних ведомств и возникновение на их руинах других, борьба за сокращение разбухшего бюрократического аппарата, лишение его реальных и мнимых привилегий. Вначале казалось, что дело сдвинулось с места, но вскоре все снова стало тормозиться, реформы то и дело застревали, натыкаясь на непреодолимые преграды. Окрики, поездки по стране, стремление вникнуть в тонкости не улучшали ситуацию.

Отец пытался разобраться, в чем дело. Он нервничал, горячился, ссорился, искал виновных… и не находил. Глубинно, неосознанно он начинал понимать, что дело не в частностях — не работает сама система. Отец обращался к югославской практике и не находил ответа. Искал рецепты у профессора Евсея Либермана и других экономистов неортодоксального толка. Он, прагматик,

вплотную подходил к пониманию необходимости введения рынка, называя его материальной заинтересованностью, но, как человек, выросший в условиях непримиримой борьбы с любыми проявлениями свободы в экономике, долго не мог решиться произнести крамольное слово.

Наконец, он пришел к заключению, что настала пора переворачивать страницу. Его соратники считали иначе, они отдавали предпочтение «сталинской управленческой вертикали», шаг назад им казался предпочтительнее шага вперед, но это отдельная история, и рассказываю я ее в «Реформаторе», первой книге трилогии об отце.

XX съезд, разоблачив преступления Сталина, осудив репрессии, обрек на гибель централизованную систему руководства. Не стало страха, на котором она держалась все эти годы. Но ничто не пришло ей взамен. Это осознавалось постепенно, не вдруг, но, по мере осознания, верха все ощутимее теряли возможность диктовать свою волю. Еще вчера послушный аппарат переставал выполнять, просто игнорировал неугодные ему указания отца. Страх смерти исчез, а все иные рычаги власти находились в руках самого аппарата.

«Старик» своей непоседливостью надоел всем.

Ближайшие соратники (а большинство из них были лет на десять моложе отца) нетерпеливо ожидали, когда они сами доберутся до рычагов власти, избавятся от опеки, поучений, выговоров. Становилось невтерпеж, так и подмывало поторопить события.

Аппарат жаждал спокойствия и стабильности. Все эти пересадки, перетряски сидели в печенках. Хотелось пожить в свое удовольствие, забыв страхи сталинской поры, расслабиться от постоянного напряженного ожидания реорганизаций. Наверху требовался свой, надежный человек. И чем скорее, тем лучше.

Армия роптала на проведенные сокращения, в результате которых не только вернулись домой солдаты, но и остались без работы офицеры. Теперь им приходилось срочно менять профессию, начинать в зрелом возрасте жизнь сначала.

А тут пошли разговоры о полной реорганизации, не сокращении, а коренном изменении структуры вооруженных сил. Генералитет жаждал нового главнокомандующего, понимающего их чаяния, защищающего их интересы.

Интеллигенция тоже потеряла веру в отца. Он ухитрился поссориться со многими еще вчерашними своими сторонниками. Учил художников рисовать, поэтов писать стихи, режиссеров ставить спектакли и снимать кинофильмы. Даже музыкантов не миновала чаша сия. Сегодня мы можем попытаться определить

меру ответственности, отыскать истинных вдохновителей этого шабаша, но тогда на виду оставался он один. Казалось, уйдет отец, и можно будет вздохнуть спокойно. Избавления всегда ждут с нетерпением.

Убежденный в экономических преимуществах крупных механизированных сельскохозяйственных производств (нескладное слово наиболее полно отвечает сути), отец, не дожидаясь результатов, энергично принялся за сокращение малоэффективных подворий и приусадебных участков. Они, казалось ему, связывают руки крестьянам, становятся обузой на фоне грядущего изобилия. Крестьяне считали иначе и проклинали еще совсем недавно столь популярные преобразования. От грядущих наверху перемен они ждали только облегчения.

В переполненной портретами отца стране каждый шаг связывался с его именем, назойливые славословия навязли в зубах.

Анализ причин, истоков ошибок и поражений — удел истории. Обществу же предстояло сделать следующий шаг. Только куда? Вперед? В неизведанное? Зачем?

Те, кто принимали решения, крепко держали вожжи в своих руках, так же как и аппарат, жаждали не бури — покоя, не процветания — достатка. Конечно, для народа, но если пока не получается, то для лучшей, избранной его части. Пора преобразований прошла, наступала эпоха тяжеловесной стабильности. Выбор сделали. Шагнули назад. Так проявляла себя историческая закономерность.

Наверху столковались довольно быстро. Оказалось, две группы противников отца двигались навстречу друг другу. С одной стороны «копали» московские украинцы, пришедшие в столицу вслед за отцом, его «сторонники» с периферии. Естественным лидером у них стал Брежнев, в руках второго секретаря ЦК сосредоточены все нити связи с обкомами, республиками, армией, КГБ. Примыкали к нему Подгорный и Полянский. Они не так давно угнездились в ЦК и Совмине, но чувствовали себя уверенно.

Другую группу вел Шелепин, лидер молодых. Комсомольцев, как их называли. Его люди внедрились повсюду, в аппарат, КГБ, армию. Пополнение аппарата шло из комсомола, точнее, из его Центрального комитета.

Встретившись, объединились. Молодым пришлось потесниться, уступить лидерство Брежневу. Без него шансы на успех резко понижались.

Подошло 70-летие отца. 17 апреля 1964 года славословия лились патокой, сосед стремился перещеголять соседа. Отец, выслушав все заверения в преданности, призывы к многолетней и плодотворной работе, на одном из очередных заседаний Президиума ЦК сказал, что намеревается отойти от активной работы. Все в один голос завозражали: без него жизнь просто остановится. Отец настаивал, упомянул уже в публичном выступлении о своем желании уступить место молодым. Намерение у него было серьезным, но даты своей отставки он так и не назвал. В разговоре со мной как-то раз упомянул о желании дотянуть до XXIII съезда КПСС, а там уже решить окончательно. Неопределенность не устраивала ни Брежнева, ни Шелепина. Трудно решиться на первый шаг, теперь останавливаться на полдороге не имело смысла.

Сразу после пышных юбилейных торжеств развернулась невидимая и опасная подготовка к смене власти. Доверенные люди разъезжали по ближним и дальним регионам, как бы ненароком заводили с первыми секретарями обкомов разговор о «старике», осторожно прощупывали, каждую минуту готовые отступить в тень, превратить все в шутку. Необходимости в этом практически не возникало, раньше или позже общий язык находился. И вот уже в списке членов Центрального комитета, хранящемся в сейфе у Брежнева, против очередной фамилии возникал крестик. Минусов он почти не ставил, с заведомо ненадежными предпочитали не говорить. В решительный момент их собирались блокировать, а если понадобится — изолировать.

В отличие от Козлова, Брежнев с отцом не спорил. Наоборот, он стал чрезмерно предупредительным. Его публичные восхваления Хрущева переходили всякие границы. Остальные члены Президиума ЦК вторили, стараясь перещеголять друг друга. Отец кисло морщился, но не останавливал славословий. Как их остановить, если любое возражение вызывает новый словесный поток, теперь уже по поводу его скромности.

После приторных восхвалений Брежнев вызывал к себе председателя КГБ Семичастного и вел с ним долгие доверительные беседы. Он все никак не решался назначить дату. Страх парализовал его волю. Ему мечталось, чтобы все свершилось само собой, сделалось чужими руками. Самым простым выходом Брежневу представлялось физическое устранение отца. Естественно, с помощью КГБ. Какие только варианты не обсуждались в этих беседах. Брежнев хватался то за одно, то за другое.

Сначала он предложил отравить отца. Такая смерть казалась ему наиболее естественной. Однако председатель КГБ проявил

осторожность. Семичастному чисто по-человечески претило убийство. Кроме того, он принадлежал к другой группировке. Брежнев представлялся «комсомольцам» только лишь переходной фигурой, ступенькой. Зачем давать ему такой козырь в руки?

Семичастный отказался, сославшись на невыполнимость предложения. Женщина, которая обслуживает отца, убеждал он Брежнева, предана ему, работает с ним еще со Сталинграда, с войны. Подкупить ее, как советовал Леонид Ильич, невозможно. К тому же логика преступления требовала устранения убийцы, а затем убийцы убийцы. И так без конца.

— Так очередь дойдет и до меня, — улыбнулся Семичастный, — а потом и до вас, — кивнул он Брежневу.

Леонид Ильич снял свое предложение. Только затем, чтобы выдвинуть новое. Преступление его притягивало магнитом. Следующая идея: устроить авиационную катастрофу в момент возвращения отца после государственного визита в Египет. В том самолете летел и я. И здесь Семичастному удалось отговориться. От участия в массовом убийстве пассажиров и экипажа самолета он отказался наотрез.

Фантазия у Брежнева оказалась богатой, он заменил авиационную катастрофу автомобильной. По его мнению, наиболее удобным местом мог оказаться Ленинград, куда отец собирался в начале июня на краткую встречу с Тито. И тут ничего не вышло, Семичастный проявил твердость.

Последняя идея родилась уже просто от отчаяния. Леонид Ильич вознамерился арестовать отца в окрестностях Москвы, когда тот в первых числах июля поездом возвращался домой после поездки по скандинавским странам. Снова поражение, он не смог ответить на вопрос: «А что дальше? Что последует за арестом?»

Отец благополучно вернулся в Москву. Кто знает, не припомнил ли Брежнев свои неудачи, когда впоследствии решался на замену Семичастного Андроповым?

Предпринимались ли попытки предупредить отца? По прошествии стольких лет ответить на этот вопрос все труднее. Свидетелей становится все меньше. Иные же не заинтересованы в истине. Одно ясно: желающих отыскалось немного. Отец оказался в изоляции.

Что мне удалось узнать? Летом 1964 года моей сестре Раде позвонила какая-то женщина. Фамилии ее она не запомнила. Эта женщина настойчиво добивалась встречи с сестрой, заявляя, что обладает важными сведениями. Рада от встречи всячески уклонялась, и тогда, отчаявшись, женщина сказала по телефону, что ей известна квартира, где собираются заговорщики и

обсуждают планы устранения Хрущева.

— А почему вы обращаетесь ко мне? Такими делами занимается КГБ. Вот туда и звоните, — ответила Рада.

— Как я могу туда звонить, если председатель КГБ Семичастный сам участвует в этих собраниях! Именно об этом я и хотела с вами поговорить. Это настоящий заговор.

Информация показалась Раде несерьезной. Она не захотела тратить время на неприятную встречу и ответила, что, к сожалению, ничего сделать не может, она лицо частное, а это дело государственных органов. Она попросила больше ей не звонить.

С аналогичными предупреждениями обращался к ней и Валентин Васильевич Пивоваров, бывший управляющий делами ЦК. По поводу его звонка Рада даже советовалась со старым другом нашей семьи профессором Александром Михайловичем Марковым, в то время возглавлявшим Четвертое главное управление Минздрава. Он порекомендовал не придавать этой информации значения, сочтя ее за плод повышенной мнительности Пивоварова. Рада воспользовалась авторитетным мнением и выбросила этот случай из головы.

Еще любопытное сообщение. Вот что я узнал от старого известинца Мэлора Стуруа. У каждого поколения есть своя главная тема. Нас, «шестидесятников», влекут годы «оттепели». И на сей раз, слово за слово, разговор перешел к Хрущеву.

В 1964 году брат Мэлора, Дэви, работал секретарем ЦК Компартии Грузии. Летом, видимо в преддверии июльской сессии Верховного Совета, он приехал в Москву. Прямо с аэродрома поспешил на квартиру к брату. Мэлор давно не видел его таким обеспокоенным.

— Произошла неприятная и непонятная история, — едва поздоровавшись, начал Дэви, — затевается какая-то возня вокруг Никиты Сергеевича…

Он рассказал, что перед отъездом из Тбилиси имел встречу с Мжаванадзе, Первым секретарем ЦК КП Грузии, и тот намекнул ему: с Хрущевым пора кончать. Конечно не в открытую, но тренированное ухо безошибочно улавливает нюансы.

Теперь Дэви просил у брата совета: предупредить Никиту Сергеевича? Или промолчать? Ситуация складывалась непростой — грузину одинаково противны и предательство, и донос. А тут еще кто знает, каких ожидать последствий.

Мэлор предложил свести Дэви с Аджубеем. Его кабинет в «Известиях» доступен Стуруа в любой момент. Но… решение брат пусть примет сам. В этой семье хорошо знали, что может произойти, если Мжаванадзе, а особенно тем, кто стоит над ним,

станет известно, кто разоблачил заговорщиков. Дэви колебался не более нескольких секунд и коротко бросил: «Пошли». Через полчаса они входили в кабинет главного редактора второй по значимости газеты в стране.

Дэви коротко рассказал о своем подозрительном разговоре с Мжаванадзе. Аджубей кисло заметил, что грузины вообще не любят Хрущева.

По отношению к Мжаванадзе подобное замечание звучало по меньшей мере странно. Василий Павлович до последних лет грузином числился лишь по фамилии. В 1953 году после смерти Сталина и ареста Берии отец оказался перед дилеммой: кого послать в беспокойную республику. Требовался человек надежный, проверенный. Вот тут он и вспомнил о служившем на Украине генерале Мжаванадзе. Он хорошо знал Василия Павловича по войне. Так генерал превратился в секретаря ЦК. Теперь Мжаванадзе превратился в одного из активных противников отца. Видимо, сработали старые украинские связи.

Дэви Стуруа возразил: он говорит не о Грузии, все нити ведут в Москву. Дело затевается серьезное. Но Алексей Иванович не стал слушать, только бросил непонятную фразу: им с Шелепиным обо всем давно известно.

Братья Стуруа покинули кабинет обескураженными. Что известно? Кому известно? При чем тут Шелепин, если речь идет о Хрущеве?

Обсуждать столь опасную тему они больше ни с кем не решились. Алексей Иванович не обмолвился отцу о происшедшем разговоре ни словом.

Возникали ли у самого отца какие-нибудь подозрения? До последнего момента я считал, что нет. Однако теперь я стал сомневаться. Приведу один эпизод. 29 июля 1964 года отец посетил конструкторское бюро Челомея. Приурочили визит к вручению организации ордена за достижения в области ракетного вооружения флота.

Как водится, к приезду гостя собрали выставку.

Челомей славился пристрастием к инженерным новинкам, порой полезным для нашего дела, а порой просто любопытным, свидетельствующим о возможностях человеческого разума. На сей раз его очаровала волоконная оптика. Интересовала она Владимира Николаевича и чисто утилитарно. Начиналась работа над космическими станциями. Стекловолокно позволяло транспортировать изображение не по прямой, ломая компоновку, а «обтекая» острые углы. Новой инженерной идее посвятили отдельный стенд. Стеклокабель причудливо извивался, а на

экране застыла отчетливая картинка, принимаемая его противоположным концом, прилаженным к детскому эпидиаскопу. Изображение выбрали приличествующее случаю — фотографию Спасской башни Московского Кремля.

Отец, сам любитель технических новинок, остановился завороженный. И так и эдак он прилаживался к экрану. Перемещал передатчик, изображение послушно сдвигалось. Наконец он насытился. Прощаясь с инженером, демонстрировавшим ему все эти чудеса, отец вдруг, усмехаясь, проговорил:

— Закажу и себе такую штуку. Мне кое за кем надо бы подглядеть из-за угла.

Он пошел дальше, оставив присутствующих в недоумении. Стоящий рядом с отцом и ловивший каждое слово Брежнев побледнел.

Тогда слова отца воспринимались как шутка. Сейчас в них невольно ищется скрытый смысл.

Обстановка для тайной деятельности Брежнева создалась на редкость благоприятной. Отец отсутствовал почти непрерывно, в Москве бывал лишь наездами.

За первую половину года он посетил Венгрию, съездил в Египет, совершил многократно откладывавшуюся поездку по скандинавским странам. Окружавшие в один голос твердили, что он просто не имеет права отказаться от приглашений, каждый визит представлялся чрезвычайно важным. Одни были искренни, другие стремились отправить отца подальше из Москвы, все равно куда: в Каир, Целиноград или Прагу.

12 июня 1964 года наша страна и ГДР заключили договор о взаимной помощи и сотрудничестве. В самом факте подписания соглашения ничего необычного не было. Подобные договоренности уже давно существовали между дружественными нам странами и Советским Союзом. Они служили как бы гарантией их неприкосновенности, декларировали, что нападение на наших друзей в Москве воспримут как войну против Советского Союза.

Тем не менее договор с ГДР уникален: он подводил итог многолетней тяжбе из-за Западного Берлина. 12 июня подвели черту под Берлинским кризисом, текст соглашения четко фиксировал статус-кво. К примеру, в статье шесть говорилось, что «Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают Западный Берлин как самостоятельную политическую единицу».

Снималась и главная угроза: передача контроля над

коммуникациями под юрисдикцию ГДР, статья девятая договора исключала возможность любых зацепок, утверждая: «Договор не затрагивает Потсдамские соглашения».

Берлинская эпопея на этом не закончилась, но ее продолжение относится совсем к другому периоду истории. В 1964 году никто не был в состоянии заглянуть в год 1989-й.

Вернувшийся в середине мая из поездки в Сайгон Роберт Макнамара заметил, что туда «может оказаться необходимым послать дополнительный персонал из США». У берегов Вьетнама патрулировали боевые корабли Тихоокеанского флота США, на близлежащих аэродромах теснились американские самолеты. Преобладали бомбардировщики. Оружия скапливалось все больше, недоставало последнего толчка, чтобы пустить его в дело.

Неизбежное произошло 2 августа. Американский эсминец «Мэрдок», патрулировавший в Тонкинском заливе, подвергся нападению трех вьетнамских катеров. Или не подвергся, а они только привиделись ночью, в шторм, когда нервы напряжены до предела. Сейчас эту загадку не разгадать. Мнения экспертов расходятся, надежные свидетельства отсутствуют.

Да это и не имеет особого значения. Главное, что эсминец открыл огонь, отбиваясь от реальных или мнимых врагов. Как раз тот случай, о котором говорят, что если бы его не было, то стоило его выдумать. Всё и все изготовились к атаке Северного Вьетнама. Оставалось только скомандовать. Президент Джонсон 5 августа обратился с посланием к конгрессу и почти одновременно отдал приказ к действиям. Первыми ринулись в бой тяжелые бомбардировщики. Началась война.

То, чего почти чудом удалось избежать два года тому назад в Карибском бассейне, прорвалось в Юго-Восточной Азии. В Белом доме полагали, что победа не за горами, но оправдалось мрачное пророчество Джона Маккоуна о том, что «их будет чертовски трудно выкурить». Действительно, обороняющего свой дом победить нелегко. Будь то на Кубе, во Вьетнаме или в Афганистане. Или где бы то ни было.

Отец в те дни объезжал целинные земли. После прошлогодней засухи хороший урожай был необходим как воздух. Он своими глазами хотел удостовериться, чего можно ожидать. Докладам отец не особенно доверял: сулящие вначале горы зерна, к концу года они часто полнились то обложными дождями, то ранними снегами.

Выступая в Целинограде, отец откликнулся на происшедшее во Вьетнаме гневной отповедью.

Едва он вернулся в Москву, я бросился к нему. Мне казалось,

Советский Союз немедленно, всеми своими силами должен прийти на помощь Вьетнаму. Сильный обижает слабого! Отец охладил мой пыл, он совсем не был уверен в необходимости ввязываться в драку, опасался, что мы можем, сами того не желая, втянуться в войну с Америкой. Стоит только начать. Эту мысль, на разные лады, он повторял постоянно.

По его мнению, вьетнамское руководство в ту пору находилось под сильным китайским влиянием, и он не исключал возможности совершения намеренных действий, направленных к тому, чтобы столкнуть нас с США. Отец сказал, что оставить Хо Ши Мина без поддержки нельзя. Мы поможем Вьетнаму, пошлем им и вооружение, и другие грузы. Но… путь далек, никто не знает, как поведут себя китайцы, дорога во Вьетнам проходит через их территорию. О возможности широкого использования транспортных судов он не помышлял. В условиях господства на море американцы в силах установить морскую блокаду, как они попробовали сделать это в Карибском море. Осторожность и еще раз осторожность — такую позицию занял отец.

На осень 1964 года Министерство обороны намечало два крупных мероприятия: очередные учения-демонстрации руководству достижений в области современных вооружений. Сначала на Кубинском танкодроме вблизи Москвы предполагалось продемонстрировать средства ведения боя — танки, артиллерию, вертолеты. Затем намеревались отправиться на Байконур, посмотреть в действии межконтинентальные ракеты и космические средства. Отец еще ни разу не посещал космодром.

Как и раньше, приноравливались к расписанию отца. Оно оказалось невероятно плотным. Даже летом в отпуск ему уйти не удалось, пришлось отложить отдых на осень.

Вскоре после возвращения отца из Скандинавии в начале июля открылась сессия Верховного Совета. На ней отец делал доклад «О мерах по выполнению Программы КПСС в области повышения благосостояния народа». Речь шла, в частности, об установлении пенсий колхозникам. Тем самым они переставали числиться людьми второго сорта. Государство, впервые за все годы советской власти, признавало их равноправие.

Предлагалось также повысить заработную плату учителям, врачам и другим работникам непромышленной сферы. Все эти крохи отец выискивал, экономя на всем в течение последнего полугодия. С трудом удалось свести концы с концами. Средства отыскали, и он с законной гордостью докладывал о результатах.

Сразу после сессии отец отправлялся в Варшаву на празднование Дня возрождения Польши. Затем, после краткого

пребывания в Москве, длительная поездка по целине. 27 августа он уже в Праге на праздновании 20-летия Словацкого восстания.

Показ новых вооружений с трудом удалось втиснуть в середину сентября, 14-го — в Подмосковье, а следом вылет на два дня, 24–25 сентября, на Байконур.

Наше конструкторское бюро демонстрировало две новые машины: под Москвой — крылатую ракету, отслеживающую в полете рельеф местности модификацию С-5, в Казахстане — межконтинентальную ракету УР-200. Обе разработки подошли к завершению, оставались заключительные пуски, и дальше решение о приеме на вооружение или…

Для демонстрации начальству боевых возможностей крылатой ракеты Челомей придумал простейший прибор. На катушку намотали длинную бумажную ленту с нанесенными на нее возвышенностями, впадинами, пиками гор, ущельями. Начинаешь вертеть ручку, и в специальном окошке проплывают горы и долины, а над ними висит птичка-ракета, которая то поднимается повыше, то опускается к самой земле.

Наступил долгожданный день. Погода стояла прохладная. Вдали на опушке леса золотились осенней листвой березки. Неяркое солнце то и дело закрывалось бродившими по небу тучами. Маршал Гречко, отвечавший за операцию, больше всего беспокоился, как бы не пошел дождь. Но туча отступала, опять выглядывало солнышко, и маршал расплывался в улыбке.

Наконец появился отец. Машины остановились у штаба, и сразу набежала толпа. Она перекатывалась, пульсировала, только в центре, вокруг отца, как в оке циклона, сохранялось свободное пространство, небольшой кружок, удерживаемый охраной. В нем, кроме отца, стояли Брежнев, Кириленко, Устинов, Малиновский и еще кто-то. Передвигаясь от экспоната к экспонату, толпа постепенно приближалась к нашему стенду.

Брежнев сопровождал отца неотступно, не отходил от него ни на шаг, ловил каждое слово, каждый жест. Готов был предупредить любое желание раньше, чем оно возникнет. Его преданность выглядела столь бесхитростно, что где-то трогала душу.

Челомей намеревался сам доложить о новой ракете, но не повезло, его в толпе затолкали. Спас положение Семен Абрамович Альперович, ведущий по демонстрируемой машине, фактически хозяин ракеты от самого ее рождения. Он накануне прилетел с испытаний, худой, загорелый. Поискав последний раз глазами генерального конструктора, он решительно завертел ручку «шарманки», поясняя по ходу дела, как за складками местности ракета, прижавшаяся к земле, остается необнаруженной и

неуязвимой для средств противодействия противника. Ведущий увлекся, властно отстранил рукой чем-то мешавшего его рассказу Малиновского. Тот покорно отодвинулся.

Наконец сквозь толпу пробился раскрасневшийся Челомей, за ним поспешал председатель Государственного комитета по авиационной технике Дементьев, наш министр. Владимир Николаевич перехватил инициативу и вознамерился начать рассказ сначала. Отец остановил его, сказав, что товарищ все очень толково объяснил, ракета интересная и он желает ее создателям дальнейших успехов. Он пожал руку Альперовичу, Челомею и зачем-то Дементьеву. Вся свита двинулась дальше.

Владимир Николаевич остался с нами, он все выспрашивал, чем интересовался отец, как он реагировал, что говорили окружающие. Вокруг крылатой ракеты продолжалась возня. Артиллеристы никак не хотели принимать в свою семью «самолет». Так они презрительно окрестили новое оружие.

Тем временем основная группа подходила к зенитным средствам. Челомей прекратил расспросы и снова бросился вдогонку. Противосамолетная ракета, стреляющая с плеча, на манер базуки, отцу чрезвычайно понравилась. А вот зенитный автомат «Шилка» не вызвал положительной реакции. Я с ним не мог согласиться. Установка выглядела чрезвычайно изящной: из башенки крепко сбитого гусеничного танка упирались в небо счетверенные стволики орудий. Одним нажатием кнопки с легким жужжанием разворачивались две радиолокационные антенны. Считанные секунды, и установка готова к делу. Она притягивала взгляд инженерной завершенностью конструкции. Ничего лишнего. Все на месте. Отец похвалил конструкторов, но тут же добавил, что время ствольной артиллерии ушло в прошлое. С ракетами ей тягаться не по силам. Обернувшись к Малиновскому, он не приказал — посоветовал еще раз как следует подумать, где найдется, если вообще найдется, место для «Шилки».

— Деньги нужно экономить, — строго закончил отец. Малиновский кивнул: «Будет выполнено».

Следующим объектом, привлекшим внимание, была система «Град», преемница катюш. Особенно эффектной она показалась в действии, когда один за другим с надсадным завыванием вылетали из стальных сот реактивные снаряды и, прочертив огненную стрелку в небе, исчезали с глаз. И так без конца. Труб было много, плотно упакованных в прямоугольный короб, установленный на шасси грузовика. Через несколько секунд где-то вдали начали так же нескончаемо рваться снаряды.

— Не дай бог попасть под такой огонь, — заметил отец,

пожимая руки конструкторам.

Они сдержанно улыбались, косясь на свою установку. Среди рядов черных пустых отверстий предательски желтели хвосты несработавших снарядов. Отец сделал вид, что не заметил.

Дальше рядами стояли пушки, минометы и другие нарезные и гладкоствольные «чудеса». К каждому прилагался набор разнообразных снарядов и мин: бронебойных, бетонобойных, фугасных, осколочных, шрапнельных и специального назначения, то есть химических. За ними вытянулись стенды с пулеметами, автоматами, гранатометами и разными другими приспособлениями для уничтожения людей. Отец выслушал пояснения молча, не перебивая и не задавая вопросов. Он уже начал уставать.

Затем подошла очередь вертолетов. Я уже упоминал, что в те годы возможность их боевого применения вызывала горячие споры. Непривычно смотрелись высовывающиеся из вертолетного брюха и торчащие на консолях пулеметы, усеянные отверстиями барабаны пусковых установок для неуправляемых ракет. По мнению докладывавших офицеров, за этим нарождающимся видом оружия — будущее, вертолет становится незаменимым средством поддержки пехоты и в наступлении, и в обороне. Отец не согласился с профессионалами, он повторил свою точку зрения: уж очень эти неповоротливые машины уязвимы для ракет. Особенно теперь, когда ракеты перекочевывают с прицепов автомобилей в руки пехотинцев. Военные нестройным хором возражали. Отец не стал спорить, он предложил еще раз все как следует взвесить, подумать и вернуться к вопросу о военных вертолетах позже. Несколько раздраженно он выговорил Гречко, который особенно рьяно отстаивал вертолеты: ему-де хочется и то, и это, а о том, кому за все придется платить, маршал не задумывается. У него, то есть у отца, лишних денег нет, всего он закупить не может, от чего-то поневоле придется отказываться. Поэтому задача состоит не в том, чтобы указать, что нравится, а в том, чтобы выбрать то, без чего никак нельзя обойтись.

Так в разговорах, осмотрах, стрельбе, вспыхивающих и быстро гаснувших спорах день перевалил на вторую половину. Малиновский пригласил перекусить. Обедали тут же, на поле, столы накрыли в больших брезентовых палатках. Отец задал деловой тон, предложив не рассиживаться и — никакого алкоголя, впереди еще много работы.

Началась вторая половина рабочего дня и от, казалось, нескончаемого ряда танков и самоходных орудий у меня просто разбежались глаза. Раньше я с танками близко не сталкивался. Жил понятиями Т-34, КВ и ИС-3. А здесь чего только не было!

Башни, которые специальной системой удерживались неподвижными при езде по любым ухабам. Пушки: одни — нарезные с длиннющими дулами, другие — гладкоствольные, но зато снаряды — с миниатюрными, элегантными крылышками оперения. У меня шевельнулось ревнивое чувство — не только у нас крылья раскрываются в полете. Приборы ночного видения, инфракрасные прицелы стали уже обычными. На каждом танке обязательно несколько противотанковых ракет.

Отец рассматривал представленные машины внимательно. Я бы сказал, придирчиво. Из вопросов сразу стало ясно главное: его беспокоит уязвимость танка. Выдержит ли он огонь противника? Не превратится ли в неуклюжую мишень? Конструкторы демонстрировали броню: двухслойную, трехслойную, пассивную защиту, активную защиту. Отец внимательно слушал, потом задавал один и тот же вопрос: «А если попадет противотанковый реактивный снаряд, выдержит?» Конструкторы начинали переминаться с ноги на ногу, ёжиться и многословно пояснять со всевозможными «если». Если попадет в лоб под определенным углом, то да. Если сработает активная защита. Если… Если… Если… Отец морщился…

Потом танки стреляли, поражая цель с предельных дистанций. Они выглядели просто великолепно. Но особый восторг у отца вызвали противотанковые управляемые, одни по проводам, другие по радио, миниатюрные ракеты. Создавалось впечатление, что у танков нет защиты от них.

Демонстрация закончилась. Обменяться впечатлениями по свежим следам собрались в штабном домике.

Отец начал с танков. Первым делом выразил свое восхищение достижениями.

— Разве можно сравнить эти танки с теми, которые были в войну, даже самыми лучшими. Вот бы нам их тогда… — вырвалось у отца.

Собравшиеся одобрительно загудели, но отец резко сменил тональность. Он повторил свои слова, сказанные на Совете обороны весной 1963 года: мы следуем опыту Второй мировой войны, критически не анализируем его… Отец сделал паузу, оглядел присутствующих. В зале висело напряженное молчание. Он продолжил, заговорил о том, что мы вообще по-другому должны взглянуть на армию, на ее задачи, на цели, которые ставим перед собой.

— Мы кого-нибудь собираемся завоевывать? — отец просто пробуравил взглядом сидевшего рядом с ним Малиновского и сам себе ответил: — Нет! Тогда для чего нам нужно все это оружие, которое мы сегодня увидели?

Отец отдал должное конструкторам, сказав, что их труды, безусловно, заслуживают похвалы, но они делают то, что им заказывают.

— А заказывают вот они, — отец ткнул пальцем в толпящихся маршалов. — Они определяют, что нам нужно, а что нет. Создается впечатление, что им нужно все.

Отец перешел к характеристике современной войны. Он давно раздумывал на эту тему, еще в 1959 году написал записку в Президиум ЦК, выступал в прошлом году на Совете обороны в Филях. То, что тогда выглядело наметками, переросло в убежденность: война между нашими двумя странами, СССР и США, невозможна. Ядерное оружие делает ее бессмысленной: победителя не будет. А без применения атомных боезарядов, отец считал, в войне не обойтись. Даже если в начале схватки против этого настроятся обе стороны, все равно к концу у терпящего поражение возникнет непреодолимое желание изменить течение событий в свою пользу, в конце концов, просто отомстить, и он схватится за водородную бомбу.

Отец продолжал. По его мнению, если мы исключаем возможность обычной войны между СССР и США, Варшавским договором и НАТО, то зачем нам вся эта прорва вооружения? Все очень хорошо, очень современно, но стоит огромных денег. Лишних денег в стране нет. Поэтому нужно очень серьезно подумать, какая же нам требуется армия, а затем решить, чем ее вооружать.

— А то вы всех без штанов оставите, — шуткой попробовал разрядить обстановку отец и дружески толкнул Малиновского кулаком в бок.

Шутка не имела успеха. Малиновский кисло, вымученно улыбнулся. Собравшиеся молчали. Многие помнили выступление отца на Совете обороны. Его возвращение к этой теме сулило новую реорганизацию, сокращение армии. Генералы такого не одобряли — сильное государство славно своей армией.

Они не ошиблись. Отец стал говорить о компактной высокопрофессиональной армии, территориальной милиции, высвобождении рабочих рук, столь необходимых в народном хозяйстве.

Отец подчеркнул: речь идет не только о том, какое оружие покупать, но и сколько. Ведь вооружение быстро устаревает, в первую очередь морально. Зачем нам тысячи танков, тысячи самолетов, если под дверью не топчется война. Это отнятые у людей, у народа и выброшенные на ветер деньги.

Нет, он не считал, что надо разоружаться — это заманчивая, но пока неосуществимая мечта. Армия должна обладать самым

современным вооружением, но в разумных количествах. Не более того. Так же рачительно необходимо подходить и к типажу. Разные конструкции танков, пушек, близкие по своим боевым качествам, при серийном производстве на заводах обернутся многомиллионными затратами, которых можно избежать, выбрав один лучший танк, одну лучшую пушку.

— А вы за народный счет хотите прослыть добренькими, не желаете портить отношения с разработчиками, принимаете все, что они дают, — бросил отец упрек в зал.

В ответ раздался глухой ропот. Отец еще немного поговорил о бережливости, о том, что армия существует для защиты народа, а не народ для армии. Наконец он замолк. Других выступающих не предполагалось.

Отец поблагодарил присутствующих за проделанную работу.

Гремя стульями, все стали подниматься с мест, но не двигались к дверям. Сначала пропустили отца, за ним вышли маршалы. Я поспешил следом. Когда я подошел к отцу, они с Малиновским о чем-то тихо разговаривали. Маршал как-то обреченно выслушивал то, что говорил отец.

С точки зрения военных, показ не удался, вернее, имел обратный эффект. Малиновский хотел, похвастаившись достижениями, получить добро на закупку нового вооружения. Вышло все наоборот. Предстояли новые обсуждения с совершенно неизвестным исходом. Точнее, о результате нетрудно догадаться: Верховный главнокомандующий настроился развалить армию. Только так маршал воспринимал переход к какой-то мифической территориальной милиции.

В тот момент ни отец, ни Малиновский не знали, что от главнокомандующего уже ничего не зависит, его предложения никого не интересуют, его команды никто не собирается исполнять. До «конца» оставался ровно месяц.

Домой ехали молча. Отец сел впереди. Сзади, кроме меня и неизменного начальника охраны, в машине разместились Брежнев и Кириленко.

Через десять дней отец улетел в Тюра-Там. Я остался Москве. Заболел.

О происходивших на космодроме событиях я знаю не очень много. Рассказ отца растворился в последовавших за его возвращением бурных событиях. Однако на некоторых, подчас мелких, эпизодах я бы хотел остановиться.

Мой коллега Владимир Абрамович Поляченко, ведущий конструктор по истребителю спутников, в ангаре на челомеевской площадке представлял посетителям свое детище. Он отметил, что «Хрущев после целого дня на жаре выглядел замечательно:

загорелый, крепкий», а вот Брежнев казался «рассеянным, мысли его были заняты чем-то иным».[109] Оно и понятно, отец, в отличие от Брежнева, еще ни о чем не догадывался.

Брежнев и на Байконуре не отходил от отца ни на шаг. Ему, наверное, казалось, что тем самым он как бы отводит подозрения. Как грустный анекдот выглядит рассказ о шляпе отца. В приаральской степи постоянно, во все времена года дуют пронзительные ветры; различаются они только направлением и тем, какую беду приносят: стужу или изнуряющую жару. В сентябре, в виде редкого исключения, они несли приятную прохладу.

Выставку расположили частично в ангарах, частично на открытом воздухе, раздел от раздела отгораживали условные стенки из плакатов. Когда подошли к разведывательным спутникам, предательский порыв ветра сорвал с головы отца шляпу и покатил ее по дорожке в степь. Отец только дернулся, протянул вслед убегающей шляпе руку, но куда там…

Первым, прытью, которой никто не предполагал у шестидесятилетнего секретаря ЦК, за шляпой бросился Брежнев. Он обогнал многочисленных куда более молодых охранников, догнал шляпу. Она уворачивалась, не давалась в руки, но он схватил ее, внимательно осмотрел, стряхнул рукавом налипшую пыль и с восторженной преданностью возвратил отцу.

Именно это выражение преданности врезалось в память свидетелей, заставило выделить незначительный эпизод из массы других житейских происшествий.

Упоминавшийся выше Володя Поляченко поправляет меня, пишет, что стенд челомеевских разведывательных спутников располагался в ангаре, и Хрущев там шляпу не терял. Он там был и видел все своими глазами. Я же наслушался чьих-то баек и повторил их в этой книге. Действительно, я пересказал происшествие со шляпой с чужих слов, но все произошло не 24 сентября на площадке Челомея, а утром 25-го, когда осматривали королевское хозяйство. Наверное, эти разночтения не стоили бы упоминания, но они попали в книгу Поляченко, и я счел необходимым внести ясность.

Было нечто символичное в том, что последнюю свою поездку в качестве Председателя Совета министров отец совершил на космодром. Под занавес он смог полюбоваться трудами рук своих. Там его познакомили с экипажем нового космического корабля — трехместного, как и обещал Королев, — Комаровым, Феоктистовым и Егоровым. Они собирались вскоре стартовать. Отец пожелал успешного полета и мягкой посадки. Он еще успеет провести с ними традиционный телефонный разговор, но

встречать их на Красной площади будут другие.

Отцу показали легендарный старт, откуда отправился в космическое путешествие Гагарин, строящийся старт «сотки». Ей предстояло учиться летать сразу из шахты. Наблюдал он пуски Р-36 и «двухсотки».

О них состоялся большой разговор. Требовалось выбрать, какой из них открыть дорогу в серию. До конца испытаний еще предстояло пройти нелегкий путь, но уже не оставалось сомнений, что обе ракеты залетают.

По свидетельству Поляченко, командующий ракетными войсками стратегического назначения маршал Николай Крылов «четко, по-военному, на цифрах показывал преимущества УР-200 и УР-100 перед другими ракетами: в экономике, в численности личного состава. Особенно впечатляла УР-100, для ее обслуживания требовалось в 20 раз меньше людей, чем для янгелевских ракет»,[110] почти все проверки производились автоматически.

Крылов болел за Челомея, но у них обоих имелись могущественные противники, в первую очередь первый заместитель главы правительства, тогда еще отца, Устинов и министр, председатель Комитета по оборонной технике Смирнов. Они приводили свои аргументы, тоже несомненно весомые.

На вооружение решили ставить Р-36. Я не знаю почему, ракеты казались практически одинаковыми. Думаю, что отец испытывал некоторое неудобство перед Янгелем, — в Пицунде «зарубили» его тяжелый носитель, в Филях отдали предпочтение челомеевскои «сотке». По возвращении отца домой я пытался выяснить мотивы неблагоприятного для нас решения. Он не захотел обсуждать, ограничился кратким: «Мы решение приняли, у Янгеля ракета получилась лучше».

В последующие дни мне стало не до «двухсотки».

Вместе с Р-36 и «двухсоткой» обсуждалась и судьба королевской Р-9А. Она безнадежно отстала от своей соперницы Р-16.

Никто не мог решить, что с ней делать. Смирнов с Устиновым стояли за прием Р-9А на вооружение. Малиновский дипломатично держал нейтралитет. Ничего нового она не привносила, только лишние хлопоты: разнобой в компонентах, здесь — кислород — керосин, там — азотистые соединения, новая конструкция, новые тренажеры. Не говоря уже о старой, так и нерешенной проблеме долговременного хранения жидкого кислорода. Но… очень не хотелось ни обижать Королева, ни ссориться с Устиновым.

Решать предоставили отцу. Он высказался против. Запрет

просуществовал недолго. После его отставки неблагоприятное решение пересмотрели, и в мае 1965 года Р-9А приняли на вооружение. Погоды она не сделала, ее время, не настав, прошло.

В 1964 году перед поездкой на полигон Челомей решил предпринять попытку приобщиться к участию в лунной гонке. Собственно проработки начались еще в 1962 году, но знали о них очень немногие, в отделе перспективных проектов прорисовывались и обсчитывались многочисленные, порой абсолютно фантастические замыслы Генерального конструктора. Теперь Челомей решил обнародовать свои предложения, художники подготовили плакаты-заявки с общим видом и параметрами новой ракеты. Вытаскивать их или попридержать, Владимир Николаевич собирался определить по ситуации на месте, на Байконуре.

Мне казалось, что выдвигать еще одну лунную программу — чистое безумие, и одну-то вытянуть не удается. Челомей утверждал, что Н-1 — авантюра, по крайней мере техническая. Даже если ракета залетает, то как можно всерьез надеяться высадиться на Луне, имея на орбите Земли всего семьдесят пять тонн. С такой массой полет к Луне становится проблематичным, не говоря уж о необходимых запасах. Ни у одного конструктора никогда еще не получалась машина, точно уложенная в заявленный вес. Да и высаживаться в одиночестве на чужой планете, в громоздком скафандре… Свою ракету Челомей назвал УР-700. Владимир Николаевич собирался ее делать, используя, как и на «пятисотке», в качестве горючего и окислителя высококипящие компоненты — несимметричный диметилгидразин и азотный тетраксид. Это предопределяло проигрыш в стартовом весе по сравнению с «Сатурном» и Н-1. Но он, по мнению Владимира Николаевича, с лихвой компенсировался сохранением в двигателях отработанных технических решений. В этом его полностью поддерживал Глушко. К тому же сохранялась преемственность в неизбежном в будущем переходе со стопятидесятитонников «пятисотки» на шестисоттонники «семисотки».

К утверждениям Валентина Петровича, что вообще проблематично создание двигателя большой тяги на кислороде и керосине, Челомей относился скептически. Весь спор он относил к разряду не столько технических, сколько амбициозных. Однако в том, что, начав без должного задела работу над новым двигателем на кислороде — керосине, Глушко не имеет шансов опередить американцев, Челомей не сомневался. Работа сложная, неизведанная, подбираться к решению нужно постепенно, шаг за

шагом. От большого скачка жди беды.

Дополнительные тонны и килограммы конструкции ракеты требовались Владимиру Николаевичу и для обеспечения беспрепятственной транспортировки циклопической ракеты на полигон. Первую ступень УР-700 Челомей решил сделать секционной, по известной в ракетном деле пакетной схеме. Конструкция легко разъединялась и отвечала всем существующим транспортным стандартам.

Несмотря на то что новая ракета порядком раздалась вширь и изрядно подросла, отдаленное сходство «пятисотки» и УР-700 сохранилось. Весила эта «малышка» в полтора раза больше, чем Н-1, четыре с половиной тысячи тонн. Казалось бы, много, но зато все опиралось на прочный фундамент накопленного опыта. Неожиданности при летных испытаниях сводились к минимуму.

На околоземную орбиту УР-700 выводила 150 тонн. Космонавтов планировалось двое, но корабль должен был не разделяться на орбите Луны, а целиком садиться на планету. Владимир Николаевич предпочел не рисковать. При нашей электронике расстыковаться расстыкуешься, а потом что-нибудь откажет…

С новым предложением Челомей решил выступить у стенда «пятисотки». Психологическую задачу он рассчитал верно. Ракета впечатляла. Состояние работ на старте вселяло уверенность, что срок первого пуска УР-500 — середина следующего года — вполне реален.

Сначала Владимир Николаевич рассказал об УР-500 и ее возможностях. При испытаниях такой громадины Челомей считал неразумным забрасывать в космос одну за другой бесполезные болванки. Для первых четырех ракет, выделенных под испытания, он, совместно с физиками Московского университета, придумал взгромоздить на УР-500 регистрирующий космическое излучение двенадцатитонный спутник «Протон», этакий слоеный пирог из фотопленок и свинцовых экранов. Стоил он сравнительно недорого и был несложен в изготовлении. Так что потерять его не жалко, а в случае удачи ученые надеялись с его помощью обнаружить неуловимые кварки — полумифические элементарные частицы. Первые пуски прошли успешно; правда, кварки не нашли.

От этого спутника и пошло нынешнее название мощного носителя — «Протон», исправно доставляющего на орбиту обитаемые станции, транспортные корабли и всевозможные спутники гражданского и военного назначения. Послужил «Протон» и при создании международной орбитальной станции. Но тогда это все было в будущем.

Отец слушал Челомея не перебивая. Покончив с УР-500, Владимир Николаевич перешел к планам на ближайшее будущее. Со стоящего на столе макета ракеты он снял головную часть и на ее место водрузил еще одну ступень. Полезная нагрузка, выводимая в космос трехступенчатой ракетой, удваивалась. На вопрос отца: «Почему сразу не сделать ракету трехступенчатой?» — он ответил, что, усложняя задачу постепенно, по шагам, получаешь больше шансов решить ее в отведенные сроки. Такая рачительность понравилась отцу, и он поинтересовался: «Каким может стать очередной шаг?»

Челомей жестом фокусника развернул приготовленные плакаты с «семисоткой». Они явились сюрпризом для всех: даже для Дементьева, не говоря уже о Смирнове и Устинове. Владимир Николаевич рассчитывал на эффект внезапности. Отец выслушал доклад внимательно, доводы Челомея ему понравились. Но деньги?!

Договорились, что Владимир Николаевич проработает технические предложения, все как следует просчитает, прорисует, а тогда можно будет вернуться к обсуждению. Смирнов получил указание подготовить соответствующее решение Совета министров. Подписал его уже преемник отца Алексей Николаевич Косыгин.

Челомей праздновал победу. По его мнению, за время подготовки материалов — на это уйдет год-полтора — окончательно выявится инженерная несостоятельность Н-1. На мой вопрос, как он надеется выиграть соревнования у Вернера фон Брауна, работающего над своим «Сатурном» уже третий год, он ответил легкомысленно: «Там видно будет». В тот момент Челомея волновал не Браун, а Королев. Для Королева на ближайший год основным соперником стал Челомей.

Я не знаю в подробностях, что происходило у королёвского стенда. Инициатива Челомея с УР-700 никак не поколебала положения Н-1. Работа зашла далеко, авторитет главного конструктора у отца оставался непререкаемым. За Королева горой стояли Смирнов и Устинов, поддерживал его и Брежнев.

Доклад Королева получил одобрение. Смирнову предстояло подготовить мероприятия, обеспечивающие завершение работ в срок.

Вот, собственно, и все, что мне известно о последней встрече отца с ракетными конструкторами.

После его отставки ни упорный Королев, ни обстоятельный Янгель, ни обходительный Челомей ни разу не позвонили ему, не поздравили с праздником. Отец не обижался: у них много других дел, им не до пенсионера. А может, и обижался, но не подавал

вида. В отставке он любил обсуждать многие темы, но были и такие, которые никогда не затрагивались. К запретной области принадлежали и его личные обиды, разочарования в людях.

В Москве я встретил отца ошеломляющей новостью. Пока отец находился на полигоне, на квартиру позвонил по «вертушке» Галюков, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова, и сообщил, что его шеф разъезжает по стране, вербует противников отца. Его освобождение от должности — вопрос ближайшего будущего. Галюков намеревался все рассказать отцу, но так как того не оказалось дома, ему пришлось удовлетвориться разговором со мной.

Он мне рассказал такое, что в моей голове просто мир перевернулся. Брежнев, Подгорный, Полянский, Шелепин, Семичастный уже почти год тайно подготавливали отстранение отца от власти. По словам Галюкова, акция намечена на октябрь, до открытия очередного пленума ЦК, где отец намеревался в числе других вопросов обсудить наметки к проекту новой конституции. В нее по настоянию отца внесли немало «крамольных» пунктов. К тому же отец не скрывал своих намерений на пленуме расширить, омолодить Президиум ЦК.

Времени оставалось в обрез. Наступила последняя декада сентября.

1964 год вообще выдался каким-то зловещим. Один за другим уходили из жизни лидеры, к чьим именам мы привыкли с детства. Казалось, завершается целая историческая эпоха.

Летом, как обычно, направлялся на отдых в Крым Морис Торез. На сей раз он предпочел самолету неспешное путешествие по Средиземному и Черному морям. 11 июля Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез умер на борту теплохода «Литва». Глава итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти отдыхал в Крыму. На детском празднике в Артеке он, почетный гость, встал, приветствуя собравшихся поднятой рукой, и рухнул на землю. Тяжелейший инсульт. Через несколько дней, 21 августа, он скончался. Ровно через месяц, 21 сентября, умер Председатель Совета министров ГДР Отто Гротеволь. Прямо наваждение какое-то.

Со смертью Тореза и Тольятти переставала действовать их договоренность с отцом о том, что он в своей борьбе со сталинизмом не будет касаться открытых процессов. Они оба пусть и не присутствовали там лично, но своим именем, своей совестью подтвердили законность совершенных казней. Предстать теперь в обличье лжецов, покрывавших убийцу… Они уговорили отца. По мнению Тореза и Тольятти, дезавуирование открытых

процессов могло привести к краху коммунистического движения на Западе. Пусть Бухарин, Рыков, Пятаков, Зиновьев и множество других «во имя торжества правого дела» останутся убийцами, заговорщиками, отравителями. Так надо…

С руководителями двух крупнейших коммунистических партий Европы он не мог не считаться. Но оставить все так, без движения, отец не считал возможным, он хотел знать правду.

Назначили специальную комиссию, которая последние два года раскапывала архивы, сличала документы, искала и находила доказательства. Работа шла с неимоверными трудностями. В получении истины, казалось, заинтересован один отец, остальные старались помешать — где тайно, где явно. Тем не менее дело двигалось. К середине 1964 года накопилось несколько томов документов. Отец говорил — пять. Собранные факты свидетельствовали однозначно: обвиняемые невиновны, открытые процессы фальсифицированы. Казалось, теперь можно опубликовать материалы, реабилитировать невиновных. Но время ушло. Эпоха кончалась! Уже кончилась! Просто мы этого тогда еще не ощущали.

Когда я рассказал отцу о полученной от Галюкова разоблачительной информации, он и поверил, и не поверил. Не мне, не Галюкову, а тому, что такое вообще может статься.

— Брежнев, Шелепин, Подгорный, такие разные люди… — Отец на мгновение задумался и закончил: — Невероятно!

Мне самому очень хотелось, чтобы предупреждение оказалось пустышкой. Брежнева я знал двадцать лет, с детства, чуть меньше — Подгорного и Шелепина. Теперь былые друзья превращались во врагов. Однако я считал своим долгом все рассказать отцу, ему одному предстояло оценить информацию и предпринять необходимые в таких случаях шаги.

Отец попросил меня сохранить все в тайне. Предупреждение казалось излишним. Кому я мог рассказать о таком?… Но сам он повел себя странно, нелогично и необъяснимо. Как бы стремясь избавиться от наваждения, он на следующий день после нашего разговора рассказал обо всем Подгорному и Микояну.

Ладно Микоян, о нем Галюков не упоминал, но Подгорный… Его имя не однажды фигурировало в рассказах о деятельности Игнатова, который советовался с Подгорным, впрямую получал от него указания.

По словам отца, Микоян промолчал, а Подгорный энергично опроверг подозрения, просто высмеял его. Чего добивался отец? Он хотел услышать признание? Иной раз он совершал наивные поступки, но не в такой ситуации…

Видно, отцу очень не хотелось, чтобы информация

подтвердилась. Опровержение из уст Подгорного… Он ему, конечно, не поверил, но с другой стороны, столько лет он тянул его, сначала на Украине, потом в Москву и в Москве. Предательство друзей всегда ошеломляет.

Отец решил не менять свои планы. В этом году он не отдыхал летом и, разделавшись с неотложными делами, намеревался поехать в Пицунду.

С Галюковым он попросил разобраться Микояна. Анастас Иванович поговорит с ним и прилетит в Пицунду, там они все обсудят. Сам отец встретиться с информатором и выслушать его не пожелал.

Хотя я немного обиделся на пренебрежение к моему предупреждению, но и успокоился. В минуту опасности так себя не ведут. В этом году мой отпуск тоже оставался неиспользованным. Я попросился поехать с отцом, мне очень не хотелось отпускать его одного. Отец с охотой согласился: сведу я Галюкова с Микояном и могу ехать вслед за ним.

В последние сентябрьские дни отец отдавался делам, будто не существовало никакого предупреждения. Перед тем как покинуть Москву, 30 сентября он встретился с президентом Индонезии Сукарно, прибывшим в нашу страну с официальным визитом.

На следующий день отец приземлился в Симферополе. В Крыму отца встречал Петр Ефимович Шелест, другие руководители Украины. Шелест все знал, первый разговор с ним Брежнев провел еще в марте. Через много лет в своих воспоминаниях Шелест отмечал, что отец показался ему как бы подавленным, менее уверенным, чем обычно. Возможно, это ему показалось.

В Крыму отец задерживаться не стал. Пожаловался Шелесту, что там угрюмо, холодно, и уехал в Пицунду. Отдых начался приемом 3 октября группы японских парламентариев во главе с господином Айитира Фудзияма. На следующий день отец встретился с парламентариями Пакистана.

Вскоре приехал Микоян. Что он рассказал отцу о своей беседе с Галюковым? Ни тот ни другой мне об этом не говорили.

Вместе они встретились с секретарем Краснодарского крайкома Воробьевым, он заехал их проведать и зачем-то привез в подарок отцу индюков. Воробьев фигурировал в рассказе Галюкова как одно из главных действующих лиц. Возможно, его прислали проверить, чем занимается отец. Никто не знает, что доложил Подгорному Воробьев. Он провел с отцом и Микояном целый день, вместе обедали. Переговорили обо всем. Отец

подробно интересовался, как идут дела в крае, каковы результаты уборки. Все как обычно. Только в конце встречи отец поинтересовался, как бы невзначай, что за разговоры с ним, Воробьевым, вел летом Игнатов.

И, не дожидаясь ответа, добавил: «Говорят, снять меня собираетесь».

Поведение отца Москве, видимо, представлялось загадочным. Он ничего не предпринимал. На всякий случай заговорщики оповестили о намечаемых планах Малиновского. Вдруг отец надумает обратиться к нему. Малиновский, выслушав информацию, задал несколько малозначащих вопросов и согласился, что «старику» пора на покой.

В начале октября Брежнев находился в Берлине, он возглавлял советскую делегацию на праздновании 15-летия ГДР. В ЦК заправлял Подгорный. В кресле Председателя Совета министров сидел Полянский. Все нити сходились к ним в руки.

С приближением решительного момента Брежнев чувствовал себя все неувереннее. Больше всего он боялся, что отец узнает…

И самое страшное произошло: отец узнал. Неприятную новость Брежневу сообщили в Берлине.

Брежнев запаниковал. От страха он чуть не потерял рассудок. Как вспоминает Николай Григорьевич Егорычев, в то время первый секретарь Московского комитета КПСС, человек осведомленный, в какой-то момент Брежнев вдруг отказался возвращаться в Москву, страх перед отцом парализовал его волю. Пришлось потрудиться, чтобы его уговорить. Свой испуг он компенсировал в речи, произнесенной в Берлине по случаю торжественной даты. Такого панегирика в адрес отца мне еще не приходилось читать.

Когда я приехал в Пицунду в воскресенье одиннадцатого октября, то застал идиллическую, безмятежную обстановку.

На мой осторожный вопрос: «Что происходит?» — отец рассказал о своей беседе с Воробьевым. Отметив, что тот все отрицал, заметил, что Галюков, наверное, ошибся или страдает излишней подозрительностью.

Я спросил, что мне делать с записью беседы Микояна с Галюковым. Мне казалось, что отец должен заинтересоваться, хотя бы прочитать ее. Отнюдь нет, он не выразил ни малейшего желания. Только бросил небрежно: «Отдай вечером Анастасу».

Анастас Иванович тоже пребывал в спокойствии. Правда, мои, переписанные в целях конспирации от руки печатными буквами, листки просмотрел внимательно. На заключительной странице углядел, что я не воспроизвел его замечание о том, что ЦК верит и не сомневается в честности Брежнева, Подгорного, Шелепина и

других товарищей. Мне фраза показалась напыщенной, и я ее опустил. Оказывается, эти слова несли в себе важную смысловую нагрузку.

Затем Микоян попросил меня расписаться на последнем листе: запись не должна оставаться анонимной. Спрятал он мои листки в надежном месте, в гардеробе под стопкой нижнего белья.

В последние годы получила хождение версия, что Микоян с самого начала сотрудничал с заговорщиками, «как надо» провел беседу с Галюковым, развеял подозрения отца, до последнего момента неотступно следил за ним.

Эта теория логична и подтверждается фактами, но, на мой взгляд, никак не соответствует сущности Микояна. Скорее всего, Анастас Иванович с первого момента тщательно расчитывал каждый свой шаг, чтобы, как это случалось не раз в прошлом, выиграть при любом повороте событий. Так он вел себя в июне 1953 года, когда арестовывали Берию, такую же стратегию он избрал в июне 1957 года во время столкновения отца с Молотовым и другими сталинистами, так он решил действовать в октябре 1964 года.

12 октября запустили космонавтов. Точно в срок, как и обещал Королев. Если на Байконуре все произошло без сбоев, то здесь, в Пицунде обычный ритуал нарушился. Как правило, о таком радостном событии отца информировали немедленно. Первым — Устинов как заместитель председателя Совета министров, отвечающий за военно-промышленные вопросы. Следом звонил Королев, а чаще отец соединялся с ним сам, спешил поздравить.

Занявший в прошлом году место Устинова Смирнов 12 октября не торопился. Вернее, он вообще не позвонил отцу. Пришлось его разыскивать. В ответ на вопрос отца о запуске Смирнов сказал, что все прошло нормально, космонавты на орбите. Он просто не успел позвонить. Отец рассердился, кольнуло ли ему в сердце предчувствие, или он просто вспылил, но окончание разговора получилось резким. Отец раздраженно поинтересовался, как выполняются поручения, полученные Смирновым на Байконуре? По возвращении из отпуска пообещал разобраться. Разбираться ему не пришлось… Положив трубку, отец, казалось, забыл о размолвке. По крайней мере, он никак не выразил своего отношения. Я же его не спрашивал. Вопросы потеряли смысл.

После обеда во время телефонного разговора с космонавтами отец лучился благодушием. Он позвал Микояна, они вместе

пожелали успешного полета, обещали радушный прием на Земле, торжественную встречу на Красной площади в Москве. Космонавты, в свою очередь, уставно подтвердили готовность выполнить любое задание правительства.

Торжественная встреча состоялась, но с задержкой, 19 октября, когда с отцом покончили.

Космонавты все эти дни недоумевали, почему их держат на полигоне? Было же просто не до них. В Москве командир экипажа полковник Комаров, рапортуя уже другому премьеру, снова пообещал с честью выполнить любое задание правительства. Тогда и появилась присказка: «Готовы выполнить любое задание любого правительства». Первый анекдот послехрущевской эпохи.

Но это — потом. В тот же вечер в Пицунде, едва успели телевизионщики собрать свои кабели — они снимали репортаж об историческом разговоре с космическим кораблем, — как раздался звонок из Москвы. Кто звонил? Сегодня существует два мнения. В моих записях, сделанных вскоре после событий, да и в памяти твердо держится — Суслов.

Все остальные свидетели утверждают — Брежнев. Можно предположить, что память очевидцев услужливо произвела подмену: первенство Брежнева в последующие годы обязывало его в тот день взять трубку. Я бы не сомневался в своей правоте, но меня настораживают слова Семичастного. В интервью, воспроизведенном в фильме «Переворот (версия)», он утверждает, что Брежнев струсил и его силой волокли к телефону. Такая деталь запоминается, и ее трудно придумать. Так что возможно, звонил и Брежнев. На самом деле, кто держал трубку в Москве, не имеет ни малейшего значения.

Москва настойчиво просила отца прервать отпуск и прибыть в столицу, возникли неотложные вопросы в области сельского хозяйства. Отец сопротивлялся: откуда такая спешка, можно во всем разобраться и после отпуска, время терпит. Москва упорно настаивала.

Кто-то должен был уступить. Уступил отец, он согласился вылететь на следующее утро. Положив трубку и выйдя в парк, он сказал присутствовавшему при телефонном разговоре Микояну:

— Никаких проблем с сельским хозяйством у них нет. Видимо, Сергей оказался прав в своих предупреждениях.

Продолжения беседы я не слышал, отец хотел поговорить с Микояном наедине.

Итак, поверил ли отец сообщению Галюкова с самого начала, или прозрение пришло только сейчас?

Я думаю, скорее поверил с самого начала.

Возможно, не до конца. Сомневался. Хотелось ошибиться. Ведь все они не только соратники, но и старые друзья. С отцом связаны их первые назначения, вместе они работали до войны, прошли войну, вернулись к мирному труду. Он их привел с Украины в Москву, видел в них твердую опору, людей, которым можно довериться.

И тут такое!.. Но это политика…

Полянский вспоминает свой разговор с отцом по телефону. Отец позвонил исполняющему обязанности председателя Совета министров по какому-то сиюминутному делу. В заключение разговора, прощаясь, он задал, казалось бы, нейтральный вопрос, спросил:

— Ну, как вы там без меня?

— Все нормально, — ответил Полянский, — ждем вас.

— Так уж и ждете? — с грустной иронией переспросил отец.

Полянский уловил необычность интонации и немедленно доложил о подозрительном разговоре Брежневу и Подгорному.

Так почему же отец даже не предпринял всесторонней проверки информации Галюкова? Беседу с Микояном нельзя рассматривать как серьезный шаг. В 1957 году в аналогичной ситуации он оперативно привлек на свою сторону армию и госбезопасность. Галюков сообщил, что Семичастный на стороне противника. Ну а Малиновский? Отец имел все основания на него рассчитывать. Когда в 1943 году после самоубийства члена Военного совета его армии Ларина Сталин уже занес топор над головой Малиновского, отцу с большим трудом удалось отвести удар. Малиновский об этом знал.

Однако отец даже не позвонил ему…

Он уехал, освобождая поле боя, предоставляя своим противникам свободу действий. Он просто не хотел сопротивляться. Почему?

Отец устал. Безмерно устал морально и физически. У него не было ни сил, ни желания вступать в борьбу за власть. Он отчетливо ощущал, что ноша с каждым днем становится все тяжелее, а сил все меньше. Задуманные перемены не давали ожидаемых результатов. Государственная машина буксовала. Аппарат же валил на отца новые и новые проблемы, без него не обходилось ни одно конкретное решение: где и что строить, сколько чего производить, где и как пахать и сеять. Не оставалось времени подумать, не то что отдохнуть.

Я уже упоминал, что отец после своего семидесятилетия всерьез заговорил об отставке.

— Пусть теперь поработают молодые, — повторял он.

В такой ситуации отцу приходилось выбирать между никому

не известным бывшим охранником и своими много раз проверенными сотоварищами.

Допустим, он бы поверил, отбросил все сомнения и решил вступить в борьбу. Обстановка в 1964 году коренным образом отличалась от 1957 года. Тогда он сражался с открытыми сталинистами, речь шла о том, по какому пути двигаться дальше: сталинскому или развернуться к общечеловеческому? От исхода битвы зависела судьба страны. Отец принял бой и победил.

Теперь же? В Президиуме ЦК сидят его соратники, люди, которых он отбирал все эти семь лет. Старался оставить лучших, самых способных, преданных делу. Нет, он не считал этих людей идеальными, но и найти более подходящих не удавалось. Вместе с ним они делали одно дело, хуже или лучше, но одно и вместе. Именно их он намеревался оставить «на хозяйстве», уходя на покой. Им предстояло продолжить начатое Лениным дело. Они… Сейчас их обвиняют в том, что они в нетерпении решили поторопить естественный ход событий, получить сегодня то, что и так предназначалось им завтра.

И вот теперь необходимо сражаться с ними. Со своими.

А если бы отец смог победить?

Вопрос риторический. В 1964 году это было невозможно. Его не поддерживали ни аппарат, ни армия, ни КГБ — реальные участники спектакля, ни народ, ему отводилось место в зрительном зале, отгороженном от сцены глубокой «оркестровой ямой». Время отца прошло. Но он-то об этом не знал.

Наверное, отец задумывался о победе, не мог не рассчитывать на нее. Так что же ожидало его в случае победы?

Логика борьбы диктует совершенно определенные шаги. Победив, придется устранить с политической арены побежденных противников. Я не говорю как. Сталин предпочитал убийство. В цивилизованном мире поражение означает отставку, переход в оппозицию. Только не сохранение у власти. Итак, отец должен был отстранить от дел своих ближайших соратников, тех, кого он подбирал последние годы, кому рассчитывал передать власть.

А дальше?

Дальше пришлось бы искать новых, все там же, на вершине пирамиды. Он попытался выдергивать людей с более низких уровней, но положительного результата опыт не дал ни в случае с министром Воловченко, ни со Смирновым.[111] Итак, оставалось снова искать там, где он уже отобрал, по его мнению, лучших.

Взбудоражить народ и после всего этого уйти в отставку, оставив страну на этих, на новых? Неизбежно возникала мысль: «А будут ли они лучше старых, подобранных тоже им самим? Стоит ли игра свеч?» Видимо, отец посчитал, что лучше

предоставить решение судьбе, и не стал вмешиваться в естественное течение событий.

При таком предположении все сходится. Отъезд в Пицунду — единственный логически объяснимый шаг. И оставленный без последствий разговор Микояна с Галюковым… И встреча с Воробьевым… И разговор с Полянским, которому он издали погрозил пальчиком…

Он не хотел действовать. Если Галюков ошибся — тем лучше, не придется возводить напраслину на друзей. Если нет, то пусть будет как будет. Он готов уйти в любой момент…

Я никогда не говорил на эту тему с отцом. Слишком болезненными для него оставались воспоминания об этих октябрьским днях. Все семь последних отведенных ему лет. Но сам я много думал о событиях тех дней и недель, сопоставлял. Снова и снова возвращался к разговорам в Москве и в Пицунде. Другого объяснения я не нахожу. Возможно, кто-то думает иначе. Его право. Нам остаются только домыслы, догадки, логические построения. Правда ушла вместе с отцом.

Перед отлетом в Москву утром 13 октября отец принял французского министра Гастона Палевского. Они обсудили вопросы, связанные с развитием ядерных и космических исследований, перспективы контроля и сотрудничества в этой области. Прием длился недолго, отец выглядел рассеянным. Он догадывался, что весь этот разговор — пустая трата времени, ни ему, ни министру встреча уже ничего не дает.

Палевский этого не знал.

До аэродрома отца и Микояна сопроводил командующий Закавказским военным округом. На всякий случай. На Внуковском аэродроме в Москве их встретил председатель КГБ Семичастный. Он сообщил отцу: «Все собрались в Кремле, ждут вас».

Два дня заседал Президиум ЦК. Отцу довелось выслушать немало горьких слов, резких и во многом несправедливых обвинений. Он решил не сопротивляться. После первого бурного дня поздно вечером, вернее, ночью он позвонил Микояну и сказал, что подает в отставку со всех постов, подчинится требованиям большинства. Телефон, без сомнения, прослушивался, и уже через несколько минут Семичастный сообщил радостную весть Брежневу.

Так что второй день прошел без волнений, один за другим вставали члены Президиума, кандидаты, секретари ЦК, клеймили прошлое и присягали в верности будущему. Отец сидел, понуро

опустив голову. О чем он думал? Еще вчера они возносили его до небес…

В кратком перерыве между заседанием Президиума ЦК и пленумом он зашел в свой кремлевский кабинет, в последний раз. Попросил секретаря пригласить Трояновского, единственного своего помощника, проходившего по штатам Совета министров. Остальные сидели в ЦК, именно там сосредоточивались реальная власть, управление идеологией, сельским хозяйством, промышленностью.

Вот только международным делам сделали исключение, отец считал, что иностранцам привычнее общаться с Председателем Совета министров, чем с партийным секретарем.

Отец прохаживался вдоль длинного стола для заседаний, остановился на мгновение у окна, оглядел кремлевскую площадь и снова возобновил свое хождение.

Дверь бесшумно приотворилась, в нее просунулась голова Трояновского.

— Можно, Никита Сергеевич? — вполголоса спросил он.

Олег Александрович понимал, что позвали его для прощания, но в глубине души шевелилась надежда: «А вдруг шеф припас очередную неожиданность, и на пленуме…»

Со словами: «Заходите…» отец направился навстречу. Встретились они на половине пути, посередине большого кабинета, так обычно отец встречал именитых иностранных гостей. Он оглядел Трояновского с ног до головы, как будто они не виделись очень давно, и глубоко вздохнул. Трояновский молчал. Первым начинать разговор он считал неудобным, да и как к нему приступиться? Какие выбрать слова?

— Вот так, — наконец глухо проговорил отец. — Вы уже все знаете?

Трояновский кивнул головой и уже было открыл рот, чтобы произнести слова сочувствия, но отец опередил его.

— Моя политическая карьера окончена. Жаль, что так получилось, но ничего не поделаешь, — голос его приобрел знакомое уверенное звучание. — Теперь главное — с достоинством пройти через все это…

Отец замолк, как бы прислушиваясь к своим словам, взвешивая их.

— Может быть, на пленуме настроение поменяется, — Трояновский не верил тому, что говорил, но ему очень хотелось поддержать отца в эту трудную минуту. — В пятьдесят седьмом…

Отец не дал ему окончить, как бы протестуя, поднял руку. Олег Александрович замолчал.

— Нет. Все кончено, — тихо проговорил отец и после паузы

добавил: — Учил меня когда-то Каганович, что с секретарями обкомов нужно встречаться почаще, не реже, чем пару раз в неделю. А я пренебрег, перепоручил…

Трояновский понял, что утешения бессмысленны, отец все уже решил, смирился с судьбой. Отставка шефа могла круто повернуть и его судьбу, особенно если они «крепко» поговорили.

— А разошлись вы по-доброму? — решился задать он «свой» вопрос. Отец задумался, как бы прикидывая.

— Да, можно сказать, что по-доброму, — грустно усмехнувшись проговорил он и уже совсем другим, деловым тоном добавил: — Вам, наверное, следует вернуться в МИД.

Казалось, в нем проснулся былой Хрущев, он решал, приказывал. Но только на мгновение.

— Да что это я?… — оборвал он сам себя. — Теперь от меня уже ничего не зависит. Спасибо вам за все, Олег Александрович, наверное, больше нам увидеться не доведется. Жаль, что нет остальных, передайте… — Отец запнулся. — И слова не подберешь, — немного растеряно произнес он. — Столько лет вместе…

— Все передам, — Трояновский пришел на помощь отцу.

— Спасибо, — облегченно отозвался отец, помощник принял груз на свои плечи. — Что ж, давайте прощаться.

Они обнялись, но не поцеловались. Отец не любил сантиментов. Как он и предполагал, ему не довелось свидеться со своими помощниками, а мне об этой сцене Олег Александрович рассказал более чем четверть века спустя.

Пленум ЦК заседал недолго.

Докладывал на пленуме Михаил Андреевич Суслов. За последние годы он поднаторел на подобных выступлениях, был главным обвинителем на пленуме ЦК, посвященном «антипартийной группе» Молотова, Маленкова, Кагановича, произносил обвинительную речь на пленуме, когда снимали маршала Жукова, и вот теперь — отец.

Без прений и обсуждений по докладу Суслова вынесли решение: «Удовлетворить просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.».

В те дни я наивно полагал, что последуют протесты, по крайней мере, люди проявят сочувствие к отцу. Насколько мы

бываем слепы в своих заблуждениях, особенно наверху… Никто об отце не горевал. Известие о его отставке встретили с облегчением, с надеждой на перемены…

Они вскоре наступили, но не те, которых ждали. Общество двинулось вспять.

Эпилог

Итак, в 1964-м те, кто ставил на реформы, на перемены, потерпели поражение. Я это не связываю с отставкой отца, он должен был уйти, — все упиралось в тех, кто пришел ему на смену.

Я не собираюсь анализировать наступивший период. Он интересен и сложен в своем развитии. Слово «застой», которое мы с легкостью ввели в свой обиход, ничего не объясняет. Общество не стояло, оно развивалось. Сменилась цель, и социальная эволюция пошла в ином направлении, в тупиковом. Но пока не достигнут конец, не наткнувшись на стену, нелегко представить себе, что такое тупик.

Надежда отца на то, что его преемники продолжат реформирование страны, не сбылись. Бывшие соратники, еще вчера так единодушно поддерживавшие все его инициативы, теперь все больше сдавали назад, становилось все очевиднее, что им по душе старые, дохрущевские порядки. Но открыто свернуть назад они не решались, чего-то боялись, действовали исподтишка. Максимум, на что они осмелились — это обвинить отца в волюнтаризме и субъективизме. Как будто человек, принимающий самые простые решения, я уже не говорю о решениях, от которых зависит судьба страны, может не быть волюнтаристом. Тогда он превратится в соглашателя, постоянно мечущегося в поиске консенсуса, не только упускающего нити управления страной, но и перестающего понимать, куда он ведет и куда заведет доверившихся ему людей. Ну а субъективизм? Человек — не машина. Тем более человек, отстаивающий свою позицию. Он обязан иметь собственное мнение, а оно всегда субъективно.

Но это к слову. Дальше расплывчатых обвинений критика отца не пошла. А вот все его новации, эксперименты, особенно в области структуры управления страной, самые ненавистные чиновникам, немедленно свернули. Все возвращалось на старые рельсы: восстановили единые обкомы, вернулись к министерствам, захлебнулась экономическая реформа. Заговорили о реабилитации, восстановлении «доброго имени» Сталина. Тщеславному Брежневу очень хотелось ощутить себя сидящим в кресле «гениального вождя всех времен и народов», а не просто числиться новым хозяином кабинета, который занимал ранее неугомонный «кукурузник» Хрущев. Но для этого следовало отмыть Сталина. Операцию намеревались приурочить к 50-летию

Советской власти, к осени 1967 года.

Отец болезненно переживал происходившее в стране, но молчал даже с нами, с близкими, а во время воскресных прогулок говорил только о прошлом. Если же кто-либо из незадачливых гостей пытался навести его на обсуждение современности, отец решительно обрывал: «Я теперь пенсионер, мое дело — вчерашнее, а о сегодняшнем следует говорить с теми, кто решает, а не болтает». После такого отпора любопытствующий гость сникал и разговор вновь скатывался к войне, Сталинграду, Курской битве, смерти Сталина…

К Сталину отец возвращался постоянно, он, казалось, был отравлен Сталиным, старался вытравить его из себя и не мог. Пытался осознать, понять, что же произошло со страной, с ее лидерами, с ним самим? Как удалось тирану не только подчинить себе страну, но заставить ее жителей обожествить себя? Искал и не находил ответа.

Известие о грядущей реабилитации Сталина просто ошеломило отца. Такое не могло ему привидеться даже в кошмарном сне. Как можно оправдать содеянное: концлагеря, казни, издевательства над людьми? Отец решил, что молчать он не имеет права, он должен рассказать о тех временах, предупредить… Даже если шанс, что его предупреждение дойдет до людей, ничтожен. Так он начал диктовать свои воспоминания. Воспоминания, которые стали стержнем оставшихся лет его жизни. Воспоминания, которые постепенно от разоблачения Сталина и сталинизма перерастали в размышления о судьбах страны, о реформах, о будущем. Заговор против Хрущева, детальное описание его отстранения от власти, последующая жизнь отца и его смерть — всему этому посвящена последняя книга «Трилогии об отце» — «Пенсионер союзного значения».

Для полноты картины хочу завершить рассказ о некоторых проектах, которые октябрь 1964 года перерубил по-живому.

В каких бы грехах ни обвиняли отца, начатую им работу над межконтинентальными баллистическими ракетами продолжали реализовывать без изменений. Принятые в предшествующие годы постановления никто не пересматривал. Правда, несколько изменилось отношение: открытость отца сменилась бюрократической строгостью его преемников.

«Двухсотку» закрыли. Оставалось несколько подготовленных к старту ракет, их разрешили дострелять. Первый «утешительный» старт пришелся на конец октября. Ракета преодолела дистанцию успешно, попала, как говорится, точно в «кол». В таких случаях раньше всегда следовали звонок по ВЧ в

Москву, победная реляция отцу и порция поздравлений от него.

Челомей нервничал: как-то у него сложатся дела с новыми руководителями, не припомнят ли ему симпатии Хрущева. О возможном повороте в его судьбе тогда судачили в открытую, одни с опасливым сочувствием, другие с нескрываемым злорадством.

Звонить Брежневу Владимир Николаевич не решился. Они были приятелями с Устиновым, и Челомей опасался «дурного влияния». Он решил доложить Косыгину. Челомей рассуждал просто: Председателю Совета министров в первую голову интересно знать, как обстоят дела с обороноспособностью страны. Владимир Николаевич в душе лелеял надежду, если, конечно, разговор сложится, попросить премьера заступиться за «двухсотку».

Соединили быстро, секретарь только осведомился, кто спрашивает. В ответ на приветствие Косыгин сухо спросил: «В чем дело?» Владимир Николаевич стал докладывать: «Произведен пуск межконтинентальной ракеты УР-200, отклонения от точки прицеливания минимальные». Он назвал цифры, которые я, конечно, не помню, они сохранились только в служебном формуляре машины, хранящемся вечно.

Косыгин слушал, не перебивая, но и никак не реагируя: ни вопроса, ни поздравлений.

Наконец Челомей замолк. Повисла пауза. Убедившись, что продолжения не будет, Косыгин переспросил:

— Чего же вы хотите? Владимир Николаевич растерялся.

— Доложить хотел, — начал он неуверенно. Продолжить ему не удалось.

— У вас что, министра нет? — добил его Косыгин.

— Есть… Дементьев, — совсем смутившись, ответил Челомей.

— В следующий раз звоните ему и докладывайте. Это его, а не моя обязанность заниматься ракетными пусками. Если возникнет необходимость, он меня проинформирует. Всего хорошего, — Косыгин положил трубку.

Челомей еще какое-то время вслушивался в потрескивающую далекими разрядами тишину.

Летом 1963 года, когда «сотка» еще только начиналась, Челомея захватила новая идея — сделать на ее базе непробиваемый щит, прикрывающий нашу страну от баллистических ракет. Здесь он снова вторгся в чужую епархию. Противоракетами занимался Григорий Кисунько вместе с Петром Грушиным. Это они в марте 1961 года перехватили боеголовку янгелевской Р-12. Это о них летом того же года отец с гордостью

заявил, что советские ученые попадают в муху в космосе. Но одно дело эксперимент, а другое — прикрытие основных городов страны, да так, чтобы ни одна чужая «муха» не пролетела. Единственный прорвавшийся к цели термоядерный заряд делал все усилия по созданию противоракетной обороны бессмысленными. У Кисунько система получилась сложной, очень дорогой и к тому же способной перехватить одну, максимум несколько целей. А речь шла о сотнях, если не о тысячах атакующих боеголовок.

В начале 1963 года отец встречался с Кисунько, расспрашивал его о возможностях упрощения системы при одновременном обеспечении отражения массированного нападения. Кисунько пообещал подумать, принялся за переделку своей системы, но удовлетворительного ответа на поставленный вопрос найти не смог. Перехват боеголовок в относительной близости к обороняемому объекту в принципе не позволял решить задачу полноценной противоракетной обороны. Кроме всего прочего, ядерные боеголовки противоракет, оборонявших, к примеру, Москву, не только уничтожали врага, но и грозили гибелью 30–40 % москвичей. От ударной волны, от радиации. По мнению разработчиков, это была плата за сохранение жизни оставшихся 60–70 % жителей столицы.

В данном случае требовалось не улучшать систему, а поменять концепцию. Челомей, естественно, знал обо всех этих перипетиях, и его озарило: перехват надо вынести далеко в космос. По сути дела, его предложение очень походило на появившуюся много позднее стратегическую оборонную инициативу (СОИ). По тому времени картина рисовалась совершенно фантастическая: спутники засекали ракеты противника, стоило им только оторваться от Земли, затем в дело вступали радары дальнего обнаружения, установленные на нашей территории. По их команде в небо взмывали на перехват тысячи специально оборудованных «соток». Они встречали чужие ракеты в далеком космосе, перехват на пересекающихся курсах длился доли секунды. За яркой вспышкой ядерного взрыва следовала струя мягкого рентгеновского излучения, разогревающего и буквально сдирающего с боеголовки ее тепловую защиту, образовавшиеся при взрыве нейтроны проникали в самую сердцевину вражеского боезаряда, спекали его начинку в бесполезную болванку. С теми боеголовками, которым посчастливилось прорваться через первый заслон, у границы атмосферы разделывались маневренные ракеты-перехватчики, разработанные Кисунько и Грушиным.

Критики упрекали Челомея в прожектерстве, говорили, что

УР-100 не перехватчик, ей не хватает маневренности. Челомей в ответ только усмехался: о какой маневренности идет речь, если встреча с целью произойдет в далеком космосе, на высоте более тысячи километров. Камнем преткновения становилась не маневренность, а точность определения местоположения цели.

В те годы, годы рождения лазера, Челомею очень хотелось использовать и его потенциальные возможности. Именно лазер разрешит проблемы современной противоракетной обороны, утверждал Владимир Николаевич под снисходительные ухмылки коллег.

Отец горячо поддержал Челомея. Ему казалось, что наконец-то появилась надежда, отыскался ключ к созданию действенной противоракетной обороны.

Выпустили постановление правительства о проведении предварительной проработки идеи. Создали Совет главных конструкторов. К работе над своей идеей Владимир Николаевич привлек создателя радаров дальнего обнаружения Александра Минца, конструктора ядерных зарядов Забабахина, противоракетчиков Кисунько и Грушина, последних, правда, под большим нажимом, и многих других. Абсолютное противооружие почему-то окрестили «Тараном».

Работа закипела. Считали, рисовали, чертили, отбрасывали вариант за вариантом. Наконец схема вчерне определилась. Настала пора принимать решение то следующем шаге. И тут Челомей вспомнил об экономике. Прикинули, сколько придется заплатить за безопасность. Даже если не учитывать все затраты на создание циклопических радаров, станций наведения противоракет, то на уничтожение в космосе одной цели приходились две выпущенные с Земли УР-100, то есть на каждую атакующую межконтинентальную баллистическую ракету две примерно такой же стоимости. А если учесть возможность установки на одну чужую ракету нескольких боеголовок, вероятность выброса ложных целей, то затраты на оборону росли во много раз быстрее, чем расходы нападавшей стороны. Реализация «Тарана» грозила стране разорением. Идею пришлось похоронить.

В июле 1967 года на самом верху подписали постановление об установке УР-100 в шахты. Именно с этого момента начался отсчет времени в достижении паритета. Его цена поднялась. Во времена отца Генеральный штаб оценивал потребности необходимой обороны в сотни боезарядов, теперь меньше чем о тысяче никто не хотел и разговаривать. И это только на первое время. Аппетит возрастал. Американцы достигли своего

«потолка» в тридцать две тысячи сто девяносто три ядерных взрывных устройства всех видов в 1966 году и на этом остановились. Советский Союз продолжал гонку, в 1982 году догнал США, а к 1986 году превзошел их значительно: советский ядерный арсенал составил сорок шесть тысяч единиц против американских двадцати трех тысяч четырехсот десяти.[112] С этих вершин просто смешными представляются те два десятка Р-16 времен Карибского кризиса, которых оказалось достаточно, чтобы разумный человек счел возможный ущерб от них неприемлемым для цивилизованного государства. Одновременно с «соткой» приняли на вооружение Р-36. Дальше они так и шли дуэтом.

Вскоре навалилась новая проблема: американцы придумали разделяющиеся головки. Мы не могли позволить себе отстать. Объявили конкурс. Главными претендентами снова выступили Янгель и Челомей. Обе новые ракеты удались. Янгель и Челомей постарались.

Гречко, ставший к тому моменту министром обороны, никак не мог решить, кому отдать предпочтение. Янгеля тянул Устинов, а сам Гречко «болел» за Челомея. Он пошел советоваться к Брежневу. Тот принял соломоново решение: на вооружение приняли обе ракеты. Правда, пришлось заплатить в два раза дороже: все предстояло сделать в двух вариантах: не только ракеты, но и старты-шахты, обслуживающие системы, запасные части. Когда я об этом рассказал отцу, он только крякнул и попросил переменить тему, о таком безобразии он не хотел и слушать.

Сейчас «сотка» отслужила свое. В начале 1980-х годов меня призвали на военные сборы. Известно, что офицеров запаса обычно знакомят с «бородатой» техникой. Мы изучали «сотку». Мне стало чрезвычайно приятно, когда офицер, наш лектор, назвал ее лучшей советской ракетой. Значит, тогда на Совете в Филях отец не ошибся.

Шестнадцатого июля 1965 года пускали первую «пятисотку». Все прошло удачно. Челомей научился делать ракеты не хуже, а то и лучше «пушкарей». «Протон», лениво кувыркаясь, кружил вокруг Земли, ловил кварки. Мыслями же Владимира Николаевича в тот год завладела «семисотка».

Указание отца о проработке еще одного лунного проекта никто не отменил.

Правда, конкуренты — Королев и Челомей — вступили в борьбу не на равных. Челомею разрешалось просмотреть вариант тяжелого носителя и представить свои соображения на суд специалистов и начальства. Королев же ушел далеко вперед. Работа над лунной ракетой велась уже четыре года. По крайней

мере два с половиной, если отбросить ранний сорокатонный вариант.

Неожиданно возникший конкурент Челомей с первых шагов очень беспокоил Сергея Павловича. Прихлопнуть его оказалось нелегко. Ведь они находились в разных ведомствах: Королев — в Государственном комитете по оборонной технике, а Челомей — в авиационном, под защитой своего министра Дементьева. Правда разнобой сохранялся недолго. В 1965 году восстановили в правах министерства. К старым добавились новые, в том числе и ракетное — Министерство общего машиностроения. Министром назначили Сергея Александровича Афанасьева, опытного хозяйственника, правда ничего не смыслившего в ракетах.

Как вспоминает бывший заместитель Смирнова Г. Н. Пашков, специалисты королёвского ОКБ написали докладную записку министру С. А. Афанасьеву, в которой с целью консолидации усилий и недопущения распыления сил и средств предлагали закрыть, задушить в зародыше пока еще не оформившуюся челомеевскую идею. Челомей очень нервничал, он ничего не мог противопоставить, кроме убежденности, что только его вариант единственно реализуем в наших условиях. Но как доказать свою правоту? За спиной у Королева стоял не только Устинов, но и первый спутник, и Гагарин.

А время шло.

Владимир Николаевич за год скомпоновал «семисотку», в общих чертах «сбил» кооперацию. Последнее давалось особенно трудно, многие из смежников тянули с согласием, оглядываясь на начальство. Челомей не всем теперь представлялся желанным партнером. На счастье, крепко держался Глушко. Он твердо обещал сделать новые двигатели и, не дожидаясь официального решения, приступил к эскизным проработкам.

Челомей уповал на максимальное использование в УР-700 апробированных решений, готовых узлов и приборов. Новое допускалось только там, где испытанные решения просто не проходили. Иначе, по его мнению, ракету, способную достичь Луны, раньше американцев не отработать.

Противостояние Челомея и Королева достигло апогея. Чтобы разрядить обстановку, прибегли к апробированному бюрократическому приему: 25 августа 1965 года председатель Военно-промышленной комиссии Совета министров СССР Леонид Смирнов назначил экспертную комиссию. Кроме чиновников и представителей Академии наук, в нее входили и работники обоих конструкторских бюро. Возглавили комиссию новый ракетный министр Сергей Александрович Афанасьев и президент Академии наук Мстислав Всеволодович Келдыш, теоретик космонавтики,

так тогда многозначительно и анонимно писали о нем в газетах.

Первый визит комиссия нанесла Челомею.

Перед приездом гостей в конструкторском бюро не спали несколько ночей, рисовали, исправляли нарисованное, снова рисовали. Владимир Николаевич, характер которого никогда не был легким, окончательно издергался сам и издергал окружающих.

Наконец комиссия прибыла. У дверей внизу выстроились ведущие специалисты ОКБ, занятые в лунном проекте. Министр пожал каждому руку. Затем гости на лифте поднялись на шестой этаж, «свои» догоняли их по лестнице пешком. Разбирательство началось с утра и продолжалось не один день. Наконец экспертиза завершилась. Выводов не делали, предстояло посещение ОКБ Королева. Прощаясь, министр вновь обошел выстроившихся, как на плацу, инженеров. При каждом рукопожатии он произносил: «Работайте… Работайте… Работайте…», это воспринималось как добрый знак. Значит, закрывать не намерены. Настроение на фирме поднялось.

Королев плакаты не жаловал — для него они были так, бумажки, ими начальство не впечатлишь. Сергей Павлович любил макеты, они доходчивее, их можно пощупать, открыть крышку, заглянуть в хитросплетение проводов и россыпь непонятных деталей.

Комиссию приняли солидно. Показали задел. В отличие от челомеевского конструкторского бюро, тут уже многое пошло в производство.

Министр несколько растерялся. Слушая Челомея, он проникся его аргументами, его правотой. Казалось, ракету нужно делать именно так, как говорит Владимир Николаевич.

Здесь отстаивалась противоположная точка зрения, и не менее убедительно. Афанасьев не знал, куда склониться. Уезжая от Королева, он также пожал всем руки. Теперь он растеряно произносил: «Думайте… Думайте… Думайте…»

Для принятия окончательного решения все материалы надлежало отослать в министерство, в адрес комиссии. В истории лунной программы она получила название «комиссия Келдыша».

В тот вечер, когда Челомей подписывал свои технические предложения, я по какому-то делу зашел к нему. Настроение у Владимира Николаевича было смурное.

Челомей отложил подписанные им папки на край походившего на крыло самолета дубового письменного стола. Немного помолчал, прикоснулся к папкам рукой, как бы прощаясь.

— Не буду я с ними бороться, — с каким-то надрывом

произнес Владимир Николаевич, — нет у меня сил.

Последние слова прозвучали совершенно неожиданно. Челомею только недавно перевалило за шестьдесят, выглядел он отменно, лишь волосы чуть поредели и стали совсем седыми.

Технические предложения ушли в министерство. Начались заседания комиссии. Челомей туда почти не ездил, посылал своих заместителей, чаще других Аркадия Ионовича Эйдиса. Возможно, ему не хотелось присутствовать на собственных похоронах, результат уже ни у кого не вызывал сомнений. Пока же заседание собиралось за заседанием. Эксперты обсуждали, спорили и соглашались продолжить работу при следующей встрече. Техники и ученые склонялись к поддержке Челомея, политики твердо стояли за Королева. Об этом противостоянии «техников» и «политиков» очень интересно читать в материалах комиссии.

Наконец комиссия закончила работу, одобрила проект Н-1, дала согласие на запуск лунного корабля, обеспечивающего высадку на поверхность одного космонавта. К тому времени, как и предсказывал Челомей, вес лунного блока увеличился. Едва укладывались в 95 тонн. Пришлось поднимать стартовый вес ракеты. Это, в свою очередь, вызвало добавку еще шести двигателей. По сути дела, переделке подлежала вся первая ступень.

Челомей вновь предрекал, что и 95 тонн не хватит. Придется снова переделывать. По свидетельству Юрия Александровича Мозжорина, доктора технических наук, директора головного в отрасли института ЦНИИМаш,[113] непосредственного участника всей лунной эпопеи, «понадобилось еще чуть-чуть… И здесь выход был найден: заправка переохлажденным кислородом и керосином позволяла взять на борт больше топлива».[114] Выбирали последние крохи.

На основании заключения экспертов, 25 октября 1965 года вышло новое постановление правительства. Королев полностью выбил Челомея из седла. У Владимира Николаевича забрали даже облет Луны. Челомей воспринял свое поражение стоически.

Насладиться плодами победы Королеву было не суждено. В январе 1966 года во время операции прямой кишки он умер прямо на операционном столе. Врачи собирались удалить полип, а, как рассказывают очевидцы, натолкнулись на рак. Известие о смерти Сергея Павловича как обухом по голове ударило. О какой конкуренции можно думать, когда так глупо и так рано погиб такой человек!.. На Челомее в те дни просто лица не было.

Постановление правительства теперь предстояло выполнять без Королева. Даже при королевской энергии записанные в нем сроки представлялись невыполнимыми начать летные испытания

планировали через полгода, высадку экспедиции на Луну — в третьем квартале 1968 года. Спешили обогнать американцев.

На все это накладывались еще чисто личностные проблемы.

Новый главный конструктор Василий Павлович Мишин, бывший главный баллистик фирмы, слыл человеком мягким, не умел в нужном кабинете по-королевски стукнуть кулаком по столу. Да и авторитет у него был не тот. К тому же времена менялись. Становились легендами воспоминания о том, как на утряску графиков работ, прилагавшихся к постановлению правительства, Устинов отводил неделю. Теперь согласование документов отнимало многие месяцы, а то растягивалось и на годы. Помнится случай, когда, получив последнюю подпись на проекте графика создания орбитальной станции, ведущий изделие конструктор ОКБ Челомея Владимир Абрамович Поляченко, перебирая замусоленные листки, доложил Генеральному, что первую уже сняли: ее поставили так давно, что сроки исполнения работ истекли.

Уповали на чудо. Строили свои расчеты на том, что у американцев что-нибудь сорвется, начнутся неудачи, затянется время. А мы тут как тут.

Во втором полугодии 1967 года министр решил возобновить работы по «семисотке». Он поручил Челомею подготовить проект постановления, предписывающего в течение года закончить эскизный проект ракеты УР-700 и лунного корабля ЛК-700 для двух космонавтов Владимир Николаевич взялся за работу без особого энтузиазма. Нет, он не отказывался Челомей просто не верил, что удастся хоть что-нибудь сделать. Время упущено, до американской высадки на Луну остается чуть больше полутора лет.

К тому времени дела с Н-1, казалось, сдвинулись с мертвой точки. На начало следующего, 1969 года планировался первый запуск. Необходимость в резервном варианте вроде бы отпала.

Сколько надежд возлагалось на этот сырой, неотработанный пуск. Пропустив этап стендовых испытаний, решили сразу лететь. Вдруг повезет?! В ракетном деле чаще не везет, чем везет, а вдруг — никогда.

Пристыковали лунный корабль и возвращаемый аппарат. Если все же корабль выйдет на орбиту, то удастся провести испытания и следующего этапа. Естественно, в автоматическом режиме.

Пускали 21 февраля 1969 года. На семидесятой секунде в хвостовом отсеке возник пожар, что-то случилось с двигателями. Как пишут в отчетах, полет прекратился. Старт уцелел. Приступили к сборке второй ракеты.

Во втором пуске (он состоялся почти через полгода после первого, 3 июля 1969 года) все свершилось в одно мгновение. После команды «отрыв пяточного контакта» прошло несколько секунд, ракета едва поднялась, как в одном из двигателей разрушился кислородный насос. Система КОРД[115] замешкалась, запуталась и отключила разом все тридцать движков. Н-1 тяжело осела и рухнула на старт, вспыхнул пожар. Я не берусь описывать, как горят почти три тысячи тонн керосина и кислорода, соединившись воедино. Не видел! А воображения не хватает. Старт разрушился полностью.

Лунная гонка завершилась 20 июля 1969 года Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин высадились на поверхность планеты, Майкл Коллинз ждал их на орбите.

Казалось, вот тут бы и остановиться. Все равно проиграли. Зачем тратить лишние деньги? Но об этом не хотели и слушать. Н-1 продолжала агонизировать.

Американцы с завидной регулярностью совершали рейсы на Луну. Мы все пытались оторваться от Земли. На восстановление стартового комплекса ушло два года.

Третий запуск Н-1 назначили на 27 июля 1971 года. На этот раз весь полет уложился в десять секунд. Из-за неучтенного газодинамического момента ракета нештатно завращалась вокруг продольной оси. Сработал ограничитель поворота и…

Прошло еще полтора года. В четвертый раз вывезли ракету на старт. Еще никто не знал, что в последний.

Испытания назначили на 23 ноября. Старт прошел нормально, ракета, как говорится, ушла. Это уже считалось достижением, не придется восстанавливать «Землю». Полет длился сто семь секунд, первая ступень не доработала всего десять секунд, когда вся махина начала колебаться и в конце концов разрушилась…

Нетрудно представить ощущение космонавта, собирающегося стартовать на Н-1, если он знает, что предыдущие полеты закончились аварией. Да и вообще, не было никакой уверенности, что пятый полет пройдет нормально. Оставалась надежда, такая же призрачная, как в первом, втором, третьем и четвертом пусках.

Иного выхода из положения, кроме закрытия Н-1, в то время у Устинова не оставалось. Он вместе с Королевым стоял у истоков этого проекта, каждый неудачный пуск больно бил по его престижу. Как человек опытный, он понимал, что неудачи могут продолжаться долго, а в конце пути не ждет ничего, кроме повторения уже сделанных американскими астронавтами открытий.

«Почему были закрыты проекты Н-1 и Л-3?[116] — задается

вопросом директор ЦНИИМаш Мозжорин и сам себе отвечает: — Во-первых, после четырех аварийный пусков стало ясно: для осуществления безопасности высадки человека на Луну требуется пройти долгий и тщательный путь отработки ракеты-носителя и всех элементов экспедиционного комплекса. Затраты оценивались суммой более десяти миллиардов рублей…».[117]

Кандидат технических наук Владимир Васильевич Вахниченко в той же газете высказывается еще более пессимистично: «После первой аварии… главный конструктор В. П. Мишин еще надеялся на чудо… Аварийные пуски продолжались, а чудо не происходило… Исчерпав "кредит доверия" после четырех аварийных пусков Н-1, наш лунный проект был закрыт».

Наверное, автор не совсем прав. Академик Мишин не просто надеялся на чудо, а пытался устранить замеченные недостатки, но совладать со столь сложной машиной не смог.

Иначе объясняет неудачу с Н-1 сотрудник ОКБ имени С. П. Королева доктор технических наук Георгий Степанович Ветров. Он считает, что «одна из причин, помешавших осуществлению столь грандиозного проекта, — распыление сил и средств… интересы дела требовали кооперации трех ОКБ — С. П. Королева, М. К Янгеля, В. Н. Челомея, чего настойчиво добивался Сергей Павлович Королев».[118]

Другими словами, всю нашу ракетную промышленность следовало подчинить интересам одного проекта. АУР-100? А Р-36? Слава богу, такого не случилось.

Как это принято у нас, объявили, что наша концепция освоения космоса не предусматривала высадки человека на Луну. Мы туда просто не собирались.

Сейчас на космодроме Байконур об Н-1 напоминают сделанная из обшивки ракеты крыша над автостоянкой, беседки из половинок циклопических баков в сквере да повисшая над танцплощадкой ажурная переборка с большими круглыми отверстиями. И еще неизбывное чувство тоски у тысяч и тысяч инженеров всех калибров, отдавших свои жизни машине, которой, оказалось, не суждено было взлететь. Так печально завершилась судьба Н-1.

Споры о том, кто был прав среди Великих Конструкторов, кто не очень прав или совсем не прав, продолжаются и по сию пору. К сожалению, взаимные обвинения не утихают, а порой просто выходят за рамки приличий, и мне, участнику событий тех лет, пусть и незначительному, тоже не устоять в стороне, хочется прояснить хотя бы самое очевидное.

Королев, Янгель, Челомей или Челомей, Янгель, Королев: троица великих Основоположников ракетных и космических свершений нашей страны. В моем понимании, они равновелики, хотя по своей внутренней сущности абсолютно различны.

Сергей Павлович Королев — непревзойденный организатор, собравший в кулак казалось бы несобираемое: вечно ссорившихся между собой амбициозных главных конструкторов. Не заставивший, а убедивший их в необходимости работать сообща, одной командой.

Менеджер в лучшем смысле этого слова, Королев откапывал, где только мог, перспективные предложения, заботливо взращивал их, доводил до ума. Не будучи генератором идей, Королев собирал вокруг себя людей мыслящих, отбирал и возвышал всех способных принести крупинки своих идей в корзину его свершений. Достаточно напомнить о ракетном пакете Михаила Тихонравова, из которого выросла знаменитая «семерка». Только благодаря пониманию Королевым своего предназначения «собирателя» у него в КБ оказалось больше, чем во всех остальных конструкторских бюро, академиков, докторов и кандидатов наук «по совокупности инженерного вклада», не утруждавших себя формальной защитой диссертаций. Не будучи сам ученым, он не ощущал их конкурентами, а научную степень рассматривал лишь как поощрение, дополнение к ордену или премии.

Авторы, стремящиеся изобразить Королева «великим ученым», оказывают ему медвежью услугу, ибо невозможно доказать недоказуемое, говорить же о Королеве-менеджере они стесняются. Им почему-то кажется, что талант менеджера — это нечто не очень достойное, хотя, по делу, гениальный менеджер никак не уступает гениальному изобретателю.

Королев-менеджер добился того, что «генераторам идей» и не снилось: создал новую отрасль промышленности, новое направление в науке: ракетно-космическое.

Королев в чем-то сродни Жукову. По словам его ближайшего друга и соратника академика Бориса Викторовича Раушенбаха: «Королев обладал редкостным свойством объединять огромные массы людей, ставить перед ними задачу, вместе с ними идти напролом, а где надо — в обходной маневр. Он обладал и еще одним удивительным свойством — при недостатке информации все-таки принимать верное решение.

Власть Королева над человеческими душами была велика, и рядом с ним каждый ощущал себя причастным к ходу истории.

Такое дело, каким руководил он, можно было вести только с характером Королева — характером полководца».[119]

Как и всякий гений, в своей менеджерской вотчине Королев конкурентов не терпел. Михаила Кузьмича Янгеля, в начале пути начальника «королевского» научного института (Королев там всего лишь заведовал отделом), Королев быстро подмял под себя, сначала сжевал, а потом и вовсе «сослал» на серийный завод в Днепропетровск, осваивать в производстве его, королевские, ракеты.

Но не на того нарвался. Янгель, сам управляющий от Бога, не сдался и вне досягаемости Королева создал свое конструкторское бюро, стал проектировать свои ракеты, вырос в достойного конкурента Королева, а затем и перерос его. Перерос потому, что, в отличие от Королева, всем своим весом вынуждавшего заводских технологов подстраивать производство под «его» чертежи, военных — приспосабливаться к «его» ракетам, Янгель постоянно настраивался на потребителя, на технологов и эксплуатационников, разрабатывал свои ракеты под них и для них. Именно за это Янгеля вполне заслуженно любили и на заводах, и в боевых частях. Он стал выдающимся конструктором, технологом и эксплуатационником в одном лице. Такое сочетание инженерных достоинств гарантирует успех любому техническому проекту, будь то ракета, автомобиль, компьютер или кухонный комбайн.

Владимир Николаевич Челомей и по повадкам, и по сути отличался и от Королева, и от Янгеля. Он в первую очередь ученый, его влекло неизведанное, новое, а уж как его фантазии воплотятся в железо, пусть думают конструкторы с технологами. От эксплуатационников он, по возможности, старался отмахнуться, их претензии казались ему докукой, мешающей заниматься «делом», как и финансово-организационные хлопоты. Его дело — думать, творить, а «они» обязаны обеспечить ему все условия.

И он творил, как в области теории колебаний, столь важной в ракетостроении, где все непрерывно трясется, вибрирует, резонирует, так и в поиске новых, казалось бы немыслимых, конструкций.

Я уже рассказал о многих из них. Напомню лишь о «выстреле» крылатой ракетой из контейнера, ставшем основой современного мирового ракетостроения. Все в мире теперь стартуют из контейнеров. Все раскрывают крылья не до, а после старта. Или «ампулизация» межконтинентальной ракеты УР-100, открывшей эру неприхотливого, истинно солдатского стратегического вооружения. Эти новации Челомея с годами стали такими же тривиальными, как колесо, как Архимедов рычаг, как вилка за столом… Их тоже кто-то когда-то изобрел. И

их изобретателям тоже, как и Челомею, когда-то объясняли «разумные» соотечественники, что глупо катить то, что можно тащить, или насаживать на острие кусок мяса, который проще схватить рукой.

На испытаниях все трое тоже вели себя по-разному. В случае аварии ракеты поиск причин — самая интересная и важная составляющая в создании новой конструкции. Королев и даже Янгель отдавали приказ аналитикам: разобраться и доложить.

Челомей же, вместе со своими инженерами, сам садился за расшифровки записей телеметрии. Нередко именно он через день, два, неделю, зайдя в общую комнату, сообщал: «Я знаю, что произошло». Свои догадки Владимир Николаевич неизменно сопровождал исписанными от руки страницами формул и расчетов.

Я не берусь судить, кто из великой троицы заслуживает первого места. Все трое и никто в отдельности. Все трое создали нашу космическую славу, каждый по-своему, борясь друг с другом и одновременно дополняя друг друга.

Да, они боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. Каждый из них делал все для того, чтобы избавиться от конкурентов и конкуренции, единолично утвердиться и на земле, и в космосе. Такое поведение естественно. Конкуренция стимулирует и мысль, и бойцовские качества. В тот или иной период времени то один, то другой вырывался вперед и тут же стремился, воспользовавшись моментом, подмять под себя конкурентов. Потом конкурент брал реванш, и все начиналось сызнова.

Стало модным изображать наших прославленных конструкторов противостоящими власти одиночками. Это не так. Очень важно не забывать, что конструкторы, в том числе Королев, Янгель, Челомей, — не кабинетные ученые, а создатели реальных конструкций, заказываемых правительством для конкретного применения. Уже в силу этого они были обязаны постоянно взаимодействовать и с властями, и с военачальниками. Они всегда оставались частью «системы», ибо без системы, без заказчика они оказались бы, как оторванный от Земли Антей, лишенными всего: и ресурсов, и потребителей.

Естественно, порой то один, то другой входил в противоречие и с самой «системой», и с отдельными ее частями, боролся с ее отдельными представителями. Особенно когда «система» отдавала предпочтение конкуренту. Без борьбы ничего никогда не достигнешь. Выигрывал только тот из них, кому удавалось привлечь «систему» на свою сторону.

Так что нам, моему поколению, несказанно повезло, что мы жили и работали с Челомеем, Янгелем, Королевым и многими другими, кого я не назвал.

Еще одна «скользкая» тема. В последнее время то и дело слышится, что Челомей добился успехов, государственной поддержки только благодаря тому, что мне довелось у него работать. Будь это правдой, мне оставалось бы только гордиться. Помочь реализоваться гению — что может быть почетнее? К сожалению, все это досужие вымыслы. Я уже не говорю об абсурдности самого утверждения, что гением, создателем невиданных ранее ракет, спутников, космических станций можно стать по протекции, по блату. По блату можно только растранжирить неправедно полученные ресурсы.

И тем не менее, слухи живучи, их распускают и в чем-то не очень преуспевшие конкуренты Челомея, и просто охочие до «жареных» сенсаций посторонние. К сожалению, со временем сплетни обретают статус исторического факта. Поэтому попытаюсь объяснить.

Начну с якобы перекоса капиталовложений в пользу Челомея. Казалось бы, тут и доказывать нечего. Сравнив конструкторские бюро всей троицы: Королева, Янгеля, Челомея, легко увидеть, что они соразмерны. Очень различны по своему внутреннему содержанию, что отражает сущность каждого из них, но соразмерны. Таким образом отец, правительство сохраняли баланс, не позволяли ни одному из них пересилить конкурента.

О первом знакомстве отца с Челомеем я рассказывал. Оно произошло, когда я еще учился в институте и вообще не подозревал о существовании такого очень засекреченного ракетного конструктора.

В чем же дело?

Бывшим конкурентам таким не очень достойным способом хочется бросить тень на достижения Челомея и оправдать свои провалы. Однако в технике содеянное говорит само за себя.

Бывшие политики, ищущие любые оправдания своему участию в заговоре против отца, тоже разыгрывают «челомеевскую» карту. Один из таких «воспоминателей» — бывший московский партийный секретарь Николай Егорычев. К ракетным делам он касательства никакого не имел, но теперь охотно о них рассуждает. В его интерпретации оказывается, что отец создавал челомеевскую фирму исключительно под меня. Глупость несусветная. Хотя бы потому, что в ОКБ-52 у Челомея я дослужился до должности заместителя начальника отделения конструкторского бюро, с маленькой буквы, по терминологии Авиапрома. Запутавшись в созвучии с ОКБ (Особое

конструкторское бюро), «специалист» Егорычев возводит меня в ранг заместителя Челомея и на этом строит свои домыслы. Но Челомей был Генеральным конструктором ОКБ-52, а я — заместитель начальника КБ-4 в ОКБ-52. Между мною и Челомеем выстраивались: начальник КБ-4 Валерий Ефимович Самойлов, заместитель Главного конструктора (это такой титул) по оборудованию Владимир Владимирович Скачков, заместитель Генерального конструктора Аркадий Ионович Эйдис. А уже там, в вышине, над Эйдисом сидел сам Челомей. Сидел, кстати, даже в другом здании, в главном. Наше КБ располагалось в отдельном лабораторном корпусе, объединившем управленцев, радистов и электриков.

Финансировать только ради меня организацию, где я, управленец, а не ракетчик, даже теоретически не мог подняться выше не очень высокой должности заместителя по оборудованию, лишено какого-либо смысла. Захоти отец, он мог бы создать под меня конструкторское бюро или исследовательский институт, как Берия организовал КБ-1 под своего сына Серго или Устинов — лазерный НИИ для своего Коли, или вспомним, наконец, ОКБ Артема Ивановича Микояна.

В отношении Артема Ивановича счет особый, какова бы ни была история организации его КБ, но славу конструктора великолепных МИГов он завоевал сам. Теперь даже не скажешь, кто из братьев более славен старший, Анастас Иванович — политик, или младший, Артем Иванович — конструктор.

Отец ничего подобного под меня и не собирался создавать. Я работал у Челомея потому, что мне, не отцу, было интересно там работать, а отец патронировал Челомею не больше, но и не меньше, чем Королеву или Янгелю. И по тем же чисто деловым соображениям.

Посмотрим теперь под другим углом.

Влияло ли само мое присутствие на отношение чиновников к ОКБ Челомея? Без сомнения, да. Многие дела в связи с этим решались легче, и даже неразрешимые проблемы рано или поздно разрешались. Но главное, я служил как бы щитом, оберегавшим Челомея от ненависти его главного врага, Председателя Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР, заместителя главы правительства, всесильного Дмитрия Федоровича Устинова.

Сказать, что Устинов не любил Челомея — значит не сказать ничего, он его ненавидел. За что конкретно Устинов ненавидел Челомея, не знает никто, а может быть, этого не знал и сам Устинов. Но ненавидел он Челомея люто.

Кое-кто, в основном люди далекие и от ракет, и от того

времени, объясняет, что сталинист Устинов на самом деле ненавидел не Челомея, а отца. Через отца он ненавидел меня. А уж от меня ненависть отсвечивала на Челомея Занятная, почти фрейдистская история. Не знаю, что чувствовал сталинист Устинов, — тогда каждый второй чиновник мог считаться сталинистом, — но зампред Совета министров Устинов до поры до времени относился к Председателю, к отцу, вполне лояльно.

Гуляет еще одна, совсем уж несостоятельная версия причины устиновской ненависти к Челомею. Согласно ей, зарвавшийся Челомей как-то продержал Устинова более часа в своей приемной и тем самым вызвал ответную реакцию. В такое могут поверить лишь абсолютно несведущие в бюрократическом этикете люди. Не только заместитель главы правительства Устинов, но и министр, заместитель министра, начальник главка никогда не спрашивали у секретаря разрешения войти в кабинет Генерального конструктора, не важно, Челомея, Туполева или Королева. Максимум на ходу бросят «У себя?» — и тут же откроют дверь.

Челомей, как и все остальные. Генеральные и Главные, согласно этикету, встречал гостей устиновского ранга у порога не кабинета, а здания. Однажды он замешкался, и главнокомандующий ПВО страны маршал Владимир Александрович Судец оказался у парадного подъезда ОКБ первым. Не обнаружив Челомея, маршал развернулся и укатил восвояси Челомей с большим трудом и только через год заполучил его обратно.

Или другой вариант (его приводит в своей книге Поляченко), что якобы Устинов 11 февраля 1963 года опоздал на Совет обороны в Филях, и ему преградили дорогу бдительные охранники из Девятого управления КГБ.[120]

Это предположение столь же нелепо, как и предыдущее Удостоверение Устинова, Заместителя Председателя Совета министров СССР не только открывало перед ним все двери, включая беспрепятственный, в любое время, доступ к самому Хрущеву, но офицеру КГБ при виде его предписывалось только одно — взять под козырек.

Ненависть Устинова к Челомею не лежит на поверхности, она коренится где-то глубоко, возможно в подсознании. У меня есть собственное, бюрократическое и, тем самым, логическое объяснение. Челомей для Устинова чужак, представитель «враждебной» ему структуры — авиационной промышленности. Я уже писал, как министр-пушкарь Устинов после войны взял под свое крыло отвергнутую авиаторами ракетную технику, выпестовал ее в своем министерстве, запустил

межконтинентальную ракету, потом спутник, затем человека в космос. И тут, в апогее славы, как чертик из шкатулки, выскакивает Челомей и заявляет, что он, авиатор, может делать ракеты лучше пушкарей. Устинов, обладавший тонким инженерным чутьем, понимал, что Челомей прав и тем самым очень опасен. Если его не придушить в зародыше, он действительно сделает ракеты лучше Королева и Янгеля. Самое простое и бюрократически логичное решение — не допустить Челомея ни к баллистике, ни к космосу, пусть клепает свои самолетики, крылатые ракеты для моряков.

В таком раскладе я Устинову портил всю игру, сидел в челомеевском ОКБ занозой, которую никак не выковыряешь. Никаких постановлений правительства я в частном порядке, через отца, не проталкивал. Мне подобное в голову не приходило, да и отец бы не позволил. «Семейственности» в делах он не терпел. Все шло своим порядком, через министерство, Военно-промышленную комиссию, Оборонный отдел ЦК. Другое дело, что на прогулках я рассказывал отцу о своих делах, когда-то о школьных, потом об институтских, а теперь о ракетных: чем занят на работе, что у нас придумали новенького. «Принять меры» против Челомея Устинову было затруднительно: начнешь его «приводить в чувство», и все через меня тут же выйдет наружу. Это бессилие, невозможность раздавить чужака постоянно раздражали Устинова, ярили его.

Со временем раздражение переросло у Устинова в манию. Но это уже из области психиатрии.

Устинов не раз осторожно пытался убрать меня от Челомея, дважды походя предлагал мне организовать свою «фирму». Я отказался. Собственных требующих выхода идей у меня не возникало. Честолюбием я тоже страдал в меру. Работа у Челомея меня более чем устраивала. Так Устинову и не удалось спровадить меня от Челомея.

Сразу после отставки отца Устинов организовал массированное наступление на Челомея, вплоть до прокурорской проверки расходов на строительство дачи. Казалось, Челомею пришел конец, но Устинову снова не повезло. За Челомея горой встал министр обороны, сначала маршал Малиновский, а после его смерти — сменивший его Гречко. Челомей тогда заканчивал разработку боевой межконтинентальной ракеты УР-100, «сотки». Малиновский с Гречко понимали: позволят они Устинову «съесть» Челомея и останутся с носом. Маршалы пошли к Брежневу и Челомея отстояли. Он продолжал работать, а ненависть к нему Устинова становилась уже чисто патологической. Развязка наступила, когда после смерти маршала Гречко Устинов пересел

в кресло министра обороны. Он немедленно, под угрозой увольнения из армии запретил своим генералам-баллистикам из Ракетных войск не то что иметь дело с Челомеем — просто появляться в его ОКБ в Реутове.

Однако Устинов не покусился на флотскую тематику, крылатые ракеты. Отношения Челомея с адмиралами его не беспокоили. Крылатые ракеты, самолетики, как он их называл, Устинов своими не ощущал. Здесь он терпел Челомея, тем более что без его «самолетиков» флот остался бы безоружным. Но только терпел. Через силу.

Челомей умер в декабре 1984 года, всего на несколько дней раньше Устинова. Когда прикованному к постели, еле дышащему «дяде Диме» сообщили о смерти Владимира Николаевича, он улыбнулся и еле слышно прошептал: «Хорошо».

Порой бюрократические страсти оказываются сродни шекспировским.

И еще один, уж совсем деликатный аспект — мои награды. Кстати, я их получал и после вынужденного ухода от Челомея. Мне придется разочаровать недоброжелателей отца, он к награждениям касательства, даже косвенного, не имел. Свои медали и ордена я получал за сдачу на вооружение тех или иных ракет, вкупе со многими сотнями моих коллег. Последний раз меня включили в списки более чем шести тысяч награжденных за ракетное перевооружение флота. Звание Героя Социалистического Труда получила тогда не одна сотня ракетчиков, приборостроителей, кораблестроителей, атомщиков. Согласно действовавшим правилам, награждали не только главных, но по всей служебной иерархии, сверху вниз, вплоть до рабочих. Каждой организации выделялось определенное количество «знаков» (так в обиходе называют награды) различного достоинства, а уж там сами решали, кого включить в список. Представления шли бюрократическим чередом: из ОКБ в Министерство, из Министерства в Оборонный отдел ЦК, из ЦК в Президиум Верховного Совета. Визы отца на проектах Указа не требовалось, и ему об их прохождении вообще не докладывали.

О награждении отец узнал задним числом, когда Брежнев уже вручил нам всем в Кремле звезды Героев. Отец дома поздравил меня, даже выпил по этому случаю рюмку коньяку. Однако при очередной встрече с Челомеем в моем присутствии он резко выговорил ему за мою звезду, сказал, что тем самым его поставили в неудобное положение. И Владимир Николаевич, и я пережили несколько неприятных минут.

Обсуждать, заслуженно или незаслуженно меня наградили,

достоин или недостоин я, бессмысленно. Всякий раз, когда выделенных организации «знаков» на всех не хватает, субъективно находятся обиженные, считающие себя более достойными. Такова жизнь. Не скрою, своими наградами я гордился и горжусь. У меня набрался целый «иконостас». Ордена и медали я не надеваю, повесил их в рамочке под стеклом на стену, показываю гостям.

Идеи отца о коренной реорганизации армии в последующие годы не поминались ни словом. Их даже не критиковали. Срочно наращивались мощности по выпуску самолетов, восстанавливалась авиация. На верфях возобновили строительство военных надводных кораблей: крейсеров, эсминцев. Подобрались и к авианосцам. Флоту становилось тесно в прибрежных морях, и он, по примеру заокеанских партнеров, устремился к иным берегам. Сначала в Средиземное море, а затем дальше. Во сколько миллиардов нам обошлась демонстрация флага, на который никто ни разу всерьез не обратил внимания, теперь не скажет никто. В миллиарды? Десятки миллиардов? Сотни?

Танки стали считать десятками тысяч. Самолеты тоже. Ракеты — тысячами. О боеголовках я уже писал. Их хватит на всех нас… Один умный человек, которому по долгу службы приходилось заниматься планированием вооружений, как-то с горечью заметил: «Мы вооружаем армию так, как будто собираемся завтра воевать». И действительно, какой здравомыслящий человек может вообразить, зачем производится такое огромное количество вооружения, если его не намереваются вскоре пустить в ход. Подобное противоречило всякой логике. В том-то и штука, что не всякой. Искаженная логика вышедших из-под контроля ведомств способна и не на такое.

Август 1989 — февраль 2010

notes

Примечания

1

Партийные чистки, о которых пишет мама, после революции проводились регулярно. К правящей партии старались примазаться все, кто видел в этом возможность упрочения своего положения, материального благосостояния: карьеристы, воры, иные проходимцы. Партия судорожно пыталась очиститься, но, как это происходит после каждой революции, место вычищенных немедленно занимали еще более прожженные негодяи. Прошедший через чистку как бы подтверждал свою честность, и мама гордилась тем, что успешно преодолела эти испытания.

И еще одно. Сразу после революции вычищенные из партии, как правило, репрессиям не подвергались, в отличие от сталинских чисток 30-х годов. *(Здесь и далее примечания автора.)*

2

На этой даче, проходившей в реестре КГБ под № 9, которую на самом деле построили не Вячеславу Молотову, а его предшественнику на посту председателя Совета народных комиссаров Алексею Ивановичу Рыкову, с 1958 года жил и отец. В тот год он стал Председателем Совета министров. Затем ее обитателем был Николай Иванович Рыжков, предпоследний глава правительства Советского Союза. Затем дачу переименовали из просто 9-й в Горки-9, и она стала загородной резиденцией президента Бориса Ельцина.

3

Сенин Иван Семенович, 1903 —? тогда заместитель Председателя Совета министров Украины. Кальченко Никифор Трофимович, 1906–1989, тогда министр совхозов Украины. Гречуха Михаил Сергеевич, 1902–1976, тогда Председатель Президиума Верховного Совета Украины. Гречко Андрей Антонович, 1903–1976, тогда генерал-полковник, командующий войсками Киевского военного округа.

4

В ставших доступными архивных материалах нет упоминания о поездке Берии в ГДР (в соответствии с ними туда ездил его заместитель Серго Гоглидзе), но я решил оставить все так, как мне запомнилось.

5

Станислав Пестов в своей книге «Бомба: три ада XX века» (М.: Терра, 2001, т. 2, с. 100–197) утверждает, что Сахаров ничего сам не изобрел, а воспользовался идеями, опубликованными в американских научных журналах, и секретными отчетами, выкраденными у американцев нашей разведкой. Не знаю, я специально не занимался проблемой водородной бомбы, но отец тогда считал, что Сахаров — первопроходец. Так ему докладывали.

6

Если скрупулезно придерживаться фактов, то первой в Германию в сентябре 1944 года вылетела группа в составе Н. А. Пилюгина, А. Я. Березняка, Б. Е. Чертока, Л. А. Воскресенского, В. П. Мишина, М. К. Тихонравова и Ю. А. Победоносцева.

7

Я умышленно сохраняю терминологию тех лет. Чтобы мы ни думали о своей истории, как бы ни оценивали действия своих отцов, изменить прошлое невозможно, а перекрашивать его под настоящее бессмысленно. Не нужно бояться того, что сегодня мы думаем иначе, что многое не сбылось и не могло сбыться. Пусть ошибки минувших дней послужат нам уроками, и мы их никогда не повторим. Это главное. Поэтому прошу извинения у читателя, я везде в тексте своей книги оставлю без комментариев аргументацию тех лет.

8

В своей книге я еще не раз процитирую воспоминания отца, которые он диктовал в 1967–1971 годах. Волей судьбы я стал редактором и хранителем надиктованных материалов. Когда писалась эта книга, полный текст мемуаров отца еще не увидел света в России. Я цитирую отца по рукописи, что не позволяет сделать сноски, отсылающие читателя к соответствующей публикации.

Военные архивы России. 1993, №.1. С. 272–274. Это был первый и единственный вышедший экземпляр журнала.

10

Заявление Советского правительства, газета «Правда», 15 мая 1956 года, Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 августа 1955 г.

Военные архивы России. 1993. № 1. С. 194, 283–288, 305–307.

Такого же мнения придерживается историк Р. Пихоя *(Пихоя Р.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. Москва: изд-во РАГС, 1998. С. 138–153).

Мощность боевого заряда Р-5 составляла 70 килотонн ТНТ.

14

Я читал в разных книжках, что орла получил в подарок не Болен, а один из его предшественников сразу после войны. Можно верить или не верить Серову, как и авторам этих рассказов, но и в 1955 году миниатюрный микрофон с радиопередатчиком был на грани технических возможностей, а за десять или даже пять лет до того орла, чтобы он вместил в себя громоздкую ламповую электронику, пришлось бы делать величиной если не со шкаф, так с тумбу письменного стола.

15

Об этом Райт написал в изданной в Австралии книге «Ловец шпионов». В Австралию он переселился от греха подальше, когда решил писать воспоминания. И не напрасно: за эти откровения Лондон объявил его преступником.

16

Микоян Степан. Воспоминания военного летчика-испытателя. М.: Эксмо, Яуза, 2006. С. 279–280.

17

28 мая 1987 г. в день праздника пограничников СССР молодой немецкий авантюрист Матиас Руст на легком спортивном самолете «Сесна» нарушил государственную границу СССР, преодолел расстояние в полторы тысячи километров от побережья Балтийского моря до Москвы и приземлился в центе города у стен Кремля. Этот полет вызвал большой скандал, повлек за собой увольнение и отставку министра обороны СССР маршала Соколова и главнокомандующего ПВО страны маршала Колдунова.

18

Г В Кисунько. Секретная зона. М.: Современник, 1996. С. 379–381.

19

По всей вероятности, имеется в виду Александр Завадский.

20

На самом деле Гомулку освободили из-под домашнего ареста где-то между сентябрем 1954 года и апрелем 1955-го, но это держалось в секрете даже от Хрущева. О том, что Гомулка на свободе, Охаб объявил только в апреле 1956 года, уже после разговора с Хрущевым.

21

На съезд Коммунистической партии Китая 15–27 сентября 1956 года.

22

Крючков В. А. КГБ СССР. Личное дело. М.: Олимп; АСТ, 1996. С. 46.

23

В состав делегации входили члены Президиума ЦК Хрущев, Молотов, Микоян и Каганович, маршал Конев и др. (См. *Р Пихоя.* История власти. 1945–1991. изд— во РАГС, 1998. С. 158).

24

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 173–174.

25

Серго Микоян. Анатомия Карибского кризиса. М.: Академия, 2006. С. 494.

26

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 175.

27

Там же.

28

Венгрия, как и Германия и Австрия, принадлежала к коалиции государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне.

29

Ерофеев В. И. Дипломат: Книга воспоминаний. М.: Зебра Е, 2005. С. 228–229.

Микоян А. И. «Так было» С. 598.

31

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 193 — 194

32

Там же. С. 195.

33

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 194–199.

34

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 201–202.

35

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 293.

36

Цитирую по газете «Известия», 18 ноября 1956.

37

Цитирую по газете «Известия», 20 ноября 1956.

38

Группу генеральных инспекторов создали только в 1958 году, много времени ушло на утверждение Положения, структуры, а затем и отбор кандидатов. Желающих стать Генеральными инспекторами среди заслуженных генералов оказалось очень много. Маршала А. И. Еременко зачислили туда одним из первых, в том же 1958 году.

39

Р Пихоя Советский Союз История власти 1945–1991 гг Москва изд во РАГС, 1998 С 172 — 183

Кисунько Г. В. Секретная зона. М.: Современник, 1996.

41

Я помнил, что разговор произошел в воскресенье на даче, но почему-то считал, что они говорили неделей позже. Так я написал в предыдущих изданиях «Рождения сверхдержавы». В установлении точных дат память — плохой помощник. Теперь, по архивным источникам, я уточнил дату разговора, — он состоялся 27 октября.

42

Пленум ЦК работал 28–29 октября 1958 года.

43

В литературе, посвященной освоению ракетной техники в Китае, упоминается передача Китаю в 1957 году документации и двух образцов королевской Р 2, и ни слова о янгелевских Р 12 Однако я не ошибаюсь, Р 2 в конце 1950 х годов не рассматривалась как боевое оружие, а в моих разговорах с отцом речь шла об оружии Документация на Р 2 ушла в Китай в 1957 году, а в моей памяти история с Р 12 соотносится с 1958 м и позднейшими годами Как это следует из дальнейшего рассказа, речь шла о намерении передать документацию на Р 12, которое, возможно, так и не реализовалось и не нашло отражения в опубликованных историками документах Возможно, архивные свидетельства появятся в будущем.

Gill Bates and Tacho Kim. China 's Arms Acquisitions from abrod: A Quest Superb and Secret Weapons. Oxford University Press, 1995. Pp. 21–22.

45

Академик Ю. Б. Харитон, разработчик ядерного оружия, почему-то обиделся на эту мою фразу. По его мнению «она не отражает действительности, ряд полезных сведений Китаю успели передать» *(Харитон Ю Б.* Советская военная мощь. М.: Военный парад, 1999. С. 134). По-моему, одно не противоречит другому, я говорил о документации. К тому же, в атомных разработках я не участвовал и написал о том, что слышал от отца. Видимо, так ему докладывал тогда Славский.

46

Валерий Дмитриевич Калмыков — в то время председатель Госкомитета по радиоэлектронике. Пилюгин Николай Алексеевич — главный конструктор систем управления для баллистических ракет.

Эти слова написаны в 1991 году. Теперь мы знаем много, очень много, но я решил ничего из написанного ранее не менять.

Точности ради отмечу: отец говорил, что «ракеты производят на потоке, как колбасу на автоматической линии». Его сравнение стало популярным на Западе, а у нас о нем в брежневские времена забыли, все, связанное с отцом, попало под запрет. Позднее английское слово «sausage» («колбаса») перевели на русский как «сосиски». «Сосиски» прижились, они звучат даже лучше, понятнее, чем «колбаса».

49

В предыдущих изданиях я по памяти называл середину июля, но теперь, после детального анализа летнего графика отца, единственно возможный отрезок времени укладывается между 7 и 15 августа 1959 года.

50

Peter Carlson A Blow Top New York Public Affairs 2009 P 116

51

На самом деле, судя по программе визита, отец еще в первый день полетал с Эйзенхауэром на вертолете над Вашингтоном, но в памяти оба полета слились в один, и я решил следовать его рассказу.

52

На самом деле посещение отцом будущего Шереметьево состоялось не в октябре 1959 года, а годом-двумя ранее. Перелистывая в архиве старые газеты, я натолкнулся на сообщение об открытии 11 августа 1959 года нового аэропорта Шереметьево первым полетом ТУ-104А из Ленинграда. Свой рассказ я записал по памяти, она сохранила обстоятельства визита, а вот с датой получилась неувязка. Однако я решил оставить все, как было.

53

Система 75 — ракета ПВО «земля — воздух», разработанная в конструкторских бюро академиков Петра Дмитриевича Грушина и Александра Андреевича Расплетина. ~~ | Высотный истребитель-перехватчик, разработанный в конструкторском бюро Павла Осиповича Сухого, сейчас известен под индексом СУ-9.

Существуют варианты описания пленения Пауэрса, отличающиеся деталями. В том числе официальный, в котором местные жители ведут себя «правильно», не привечают, а разоружают шпиона и передают его в руки подоспевших вовремя сотрудников КГБ Мне приведенный выше рассказ показался более правдоподобным.

«Новое время», № 3, январь, 1991, С. 38–40. 2. Корреспонденция полковника А. Докучаева в «Красной звезде», за май 1990. 3 В статье «В тот памятный Первомай». «Правда», 30 апреля, 1990. 4. Интервью Игоря Ментюкова корреспонденту газеты «Труд» Николаю Кулику, октябрь, 1996. 5 Статья А. Докучаева «Ночной звонок Хрущеву Кто и как сбил Пауэрса» в «Красной звезде», 16 ноября, 1996. Все они достоверны в той степени, в какой достоверны воспоминания очевидцев по прошествии десятков лет.

56

Помощник отца по международным делам Олег Трояновский утверждает, что решение приняли перед самым отлетом, под крылом самолета, в момент прощания на Внуковском аэродроме. Как только самолет оторвался от земли, отец позвал помощников к себе в хвостовой салон, объявил о решении, и они вместе начали переписывать заготовки его выступлений. По существу, если отбросить технические детали, обе версии совпадают. Олег Трояновский также вспоминает, что еще 1 мая, в день сбития Пауэрса, отец позвонил ему и поручил собрать пресс-группу для подготовки выступления о нарушении наших границ иностранным самолетом. В разговоре отец заметил, что происшедший инцидент может сорвать парижскую встречу. Другими словами, он не исключал такой возможности, но в те дни был еще далек от определения окончательной позиции. В своем рассказе я опираюсь на воспоминания отца.

57

Если быть скрупулезно точным, то первым разведывательным спутником в истории человечества стал не «Дискавери», а запущенный 22 июня 1960 года аппарат для исследования галактических радиоизлучений GRAB (Galactic Radiation and Background). Наряду с научной аппаратурой на борт установили прибор ELINT (Electronic Intellegence) для записи сигналов радиолокаторов советских ПВО. Спутник проработал несколько месяцев.

58

Лев Головин. Американские пришельцы из космоса в СССР // НГ — Наука, приложение к «Независимой газете» от 7 октября 1998 г

59

Генри Кэбот Лодж, бывший представитель США в ООН, сопровождал Хрущева от имени президента в поездке по стране.

60

Руководительница испанских коммунистов в 1930-е годы, участница гражданской войны в Испании против мятежного генерала Франсиско Франко, потом жила в Москве в эмиграции.

61

На самом деле его звали Фредерик Генри Боланд, 1904–1985, ирландский дипломат, Председатель Генеральной Ассамблеи ООН в 1960–1963 годах.

Захаров Н. Как Хрущев Америку покорял // Аргументы и факты. 2000. № 52.

Зенькович Н. А. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М. Олма-пресс, 2000. С. 284.

64

Интервью журналиста «Нью-Йорк Таймс» Доры Грин с Джеймсом Фероном // The New York Times Sunday, Late Edition Final, 5 октября 1997, Westchester Weekly desk, Section 13 WC, p. 3, Column 1. Копирайт Нью-Йорк Таймс. 1997.

Поисками свидетельств ставшего знаменитым инцидента с полуботинком занимался не только я, но и несколько крупных западных телекомпаний, в том числе Эн-би-си и «Исторический канал». Начинали с оптимизмом, всем казалось, что они «это» видели, а раскопать удалось только то, что приведено выше.

До избрания на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнев в ЦК отвечал за деятельность оборонной промышленности, в первую очередь за программу ракетного перевооружения. На новом посту он, не имея формальных обязательств, сохранил за собой определенные функции куратора престижного направления.

Погибло 74 человека, ранено 49.

В 1995 году заключение комиссии опубликовали. Прочитав его, я с удовлетворением убедился, что ее выводы один в один совпадают с приведенным выше рассказом, основывавшемся на показаниях выживших свидетелей катастрофы.

69

В некоторых книгах пишут не о резинке, а о развязавшихся шнурках, но я ясно видел резинку. Что это такое, сейчас забыли, а тогда, до изобретения эластичных носков, она — неизменный атрибут формы, туго охватывала икры, свисающий с нее замочек удерживал носок натянутым на ногу. Резинка нередко расстегивалась, и вся эта конструкция повисала на спустившимся вниз носке, мешала идти и доставляла массу других неудобств.

Суходрев В. М. Язык мой — друг мой. М.: АСТ, 1999. С. 139.

71

Пьер Сэлинджер. С Кеннеди. Нью-Йорк. Даблдей энд компани, 1966. С. 182.

72

Ассошиэйтед Пресс. Советы морочили миру голову, показывая на парадах несуществующие ракеты. 18 ноября 1998.

73

Современная историография «холодной войны», основывающаяся на документах, пришла к выводу, что инициатива размежевания исходила не от отца, а от немцев. Вальтер Ульбрихт в течение последних лет всеми силами проталкивал эту идею. 28–29 марта 1961 года, выступая на заседании Политического консультативного комитета стран Организации Варшавского Договора, он заявил, что перед ГДР стоит задача «обезопасить себя от экономических подрывных мер из Западной Германии», что экономику страны можно привести в порядок, только если закрыть секторную границу. Отец тогда, рассчитывая на встречу с Кеннеди, Ульбрихта не поддержал. Теперь все поменялось. В моем рассказе речь идет о завершающем этапе, когда отец дозрел и озаботился деталями проведения операции.

74

В предыдущих изданиях этой книги я, со слов очевидцев, писал, что для устрашения противника в переулках, где расположились танки, установили микрофоны, а на крыши близлежащих домов затащили мощные динамики. Сейчас эта версия представляется мне малоправдоподобной. Танки безо всяких микрофонов и динамиков рычали на всю округу. Ну а как же «свидетели»? Пусть эта история останется на их совести.

Раймонд Гартофф. Берлин 1961 года, уточненная информация // Внешняя политика, осень 1991 г. № 84, Вашингтон.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М. Росспэн., 2003. С. 556.

77

В архиве Министерства обороны сохранилась сделанная рукой С. П. Иванова запись о заседании.

«24 мая 1962 г. Вопрос о помощи Кубе обсуждался на Президиуме ЦК КПСС. С соображениями выступил Н. С. Хрущев. Выступили: тт. Ф. Р. Козлов, Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Т. И. Воронов, Д. С. Полянский, О. В. Куусинен. Все остальные члены Президиума и выступившие согласились и одобрили решение.

…Решение — мероприятие «Анадырь» одобрить целиком и единогласно. Документ хранить в М. О. По получении согласия Ф. Кастро его утвердить» (Архив Генерального штаба ВС РФ).

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 285.

Военные рассматривали и возможность переброски ядерных боезарядов самолетами, но быстро от него отказались. До Кубы без многочисленных промежуточных посадок долетал только пассажирский Ту-114. Для подобных целей он явно не годился.

Естественно, я не присутствовал не только на совещаниях в Вашингтоне и Гаване, но и в Кремле. Отец со мной делился отдельными мыслями, фактами, что-то я наблюдал своими глазами. Для связности изложения я решил воспользоваться свидетельствами участников событий с другой стороны.

81

Тодзио Хидеки, 1884–1948, японский государственный деятель. В момент начала войны с США в декабре 1941 года — Премьер-министр и военный министр. В 1948 году казнен как военный преступник.

В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. // «Знамя». 1990. № 6.

Michael R. Bischloss. Crises Years. 1991. P. 461

84

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 617–618.

Там же. С. 618–619.

Семичастный В. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 279.

87

Цифры мощности зарядов впервые привели Александр Фурсенко и Тимоти Нафтали в книге «Адская игра. Секретная история Кубинского кризиса. 1958–1964» (М.: Гея-Итерум, 1999). Мне тогда казалось и сейчас кажется, что авторы почему-то ее занизили, кроме Р-12 и Р-14, в десять раз. Насколько я помню, старые атомные заряды для фронтовых крылатых ракет имели мощность 56 килотонн, после испытаний 1961 года она возросла до 140 килотонн. Старые бомбы имели мощность взрыва 80 килотонн, новые — 120. Заряды для «Луны» не модернизировали, их мощность полностью устраивала военных. В предыдущих изданиях книги я представлял мощность зарядов ориентируясь на свою память, но сейчас сдался. Фурсенко взял свои цифры из документов, и мы обязаны им верить, хотя сомнения у меня сохранились.

88

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 618–619.

89

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 620–622.

Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М. Наука, 2006 С. 344, 415–416.

91

Феклисов Александр Семенович, полковник КГБ, Герой России. Действовал в США под именем Александр Фомин. Написал книгу «Признание разведчика» (М.: Олма-пресс, 1999).

October 27,1962: Transcript of the Meetings of the Excomm // International Security, Winter 1987/1988. V. 12. N 3. P. 76.

Michael R. Bischloss. Crisis Years, 1991. P. 521

Ibid. P. 522.

95

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 622–623.

Большаков Г Н Горячая линия // Новое время 1989 № *4* — 6

97

В воскресенье 28 октября США перешли на зимнее время и разница во времени Вашингтона с Москвой стала 7 часов. В те годы в Советском Союзе не практиковали переход на зимнее и летнее время.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 624–625.

Вестник МИД СССР. 1990. № 24.

Здесь Алексеев допустил ошибку: не торпедных, а ракетных.

101

В воспоминаниях А. И. Алексеева допущена неточность, он говорит, что переговоры еще не начались, однако запись беседы А. И. Микояна и Кастро, хранящаяся в архиве МИД СССР, позволяет уточнить хронологию.

102

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 663.

103

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: Росспэн, 2003. С. 720–726.

Так написано в документах того времени. Впоследствии в литературе ее почему-то стали именовать Р-38.

105

Записка Н. С. Хрущева о военной реформе. 8 декабря 1959 года // Исторический архив. 1998. № 3. С. 60–69.

106

А. В. Снегов, в 1920 — 1930-е годы активный функционер Коммунистической партии. В течение ряда лет работал на Украине вместе с отцом. В 1930-е годы был арестован и вышел из тюрьмы после смерти Сталина. Принимал активное участие в реабилитации жертв сталинских репрессий.

107

О борьбе за власть я подробно рассказываю в первой книге трилогии, «Реформатор».

108

В своих воспоминаниях Добрынин пишет, что во время последней встречи с американским президентом 26 августа 1963 года они обсуждали возможность сотрудничества в мирном использовании космоса (*Анатолий Добрынин.* Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 93).

109

Поляченко В. А. На море и в космосе. СПб.: Морсар АВ., 2008. С. 97, 99.

Там же. С. 98.

111

Я уже упоминал, как директора янгелевского завода Смирнова назначили председателем Госкомитета по оборонной технике, а затем зампредом Совета министров СССР. Так же и директора белорусского совхоза Воловченко после его удачного выступления на совещании назначили министром сельского хозяйства. Отец надеялся, что он сможет вытянуть отрасль. Воловченко этого сделать не смог.

112

Ядерный справочник NPDC за ноябрь-декабрь 1997 года. Опубликовано в книге: Советская военная мощь. М.: Военный парад, 1999. С. 167.

113

Центральный научно-исследовательский институт машиностроения.

Ю. Мозжорин и др. А дело было так: Трудная судьба проекта Н-1 // Красная Звезда. 13 января 1990.

115

Координация отключения ракетных двигателей. В случае поломки одного из двигателей 1-й ступени она должна была отключить его визави, чтобы не возникло перекоса силы, способной перевернуть ракету. Оставшиеся 28 двигателей обеспечивали продолжение по лета.

Л-3 — лунный модуль.

Ю. Мозжорин и др. А дело было так.

Г. Ветров // Красная звезда. 13 января 1990.

119

Раушенбах Б. Праздные мысли. М.: Аграф, 2003. С. 17, 20.

Поляченко В. А. На море и в космосе. СПб. Морсар АВ, 2008 С. 86.